UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00257869 8

Presented to
The Library
of the
University of Toronto
by
Mrs. Raymond Daniell

БИБЛІОТЕКА

ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. А. ВЕНГЕРОВА

ШЕКСПИРЪ

Т. III.

Е. ЛАНСЕРЕ. 1900.

ИЗДАНІЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1903.

SEEN BY
PRESERVATION
SERVICES

640294
14.8.56

PR
2785
V4
t.3

LIBRARY
MAY 3 1968
UNIVERSITY OF TORONTO

КАКЪ ВАМЪ ЭТО ПОНРАВИТСЯ

КОМЕДІЯ ВЪ V ДѢЙ
СТВІЯХЪ ПЕРЕ
ВОДЪ П. И. ВЕЙН
БЕРГА СЪ ПРЕ
ДИСЛОВІЕМЪ
Е. В. АНИЧ
КОВА

Книжная рамка эпохи Возрожденія (Работы знаменитаго нѣмецкаго художника Альбрехта Дюрера, (Albrecht Dürer, Нюрнбергъ, 1523). Русскую надпись сдѣлалъ В. А. Табуринъ.

SEEN BY
PRESERVATION
SERVICES
DATE.....

ФРАНЦУЗСКІЙ ГЕРЦОГЪ XV ВѢКА.
(Старинный портретъ герцога Луи де Бурбонн, † 1410; Версальская историческая галлерея).

Какъ Вамъ это понравится.

(As you like it).

О, что за свѣтъ, въ которомъ красота
Душевная тому отравой служитъ,
Кто ею надѣленъ!

Такъ сѣтуетъ въ „Какъ вамъ это понравится“ вѣрный слуга Адамъ. Это восклицаніе выражаетъ основную мысль и старинной поэмы, найденной въ бумагахъ Чосера: „Гамелинъ“. Подобно Орландо въ комедіи Шекспира, и герой поэмы „Гамелинъ“, по смерти отца своего Джона-де-Бонди, такого же всѣми уважаемаго, отважнаго и богатаго рыцаря, какъ Роландъ-де-Буа, остается на попеченіи брата еще совсѣмъ ребенкомъ. Сыновей у Джона-де-Бонди было также трое. Онъ раздѣлилъ свое состояніе между ними поровну, но старшій сынъ, такой же коварный, какъ и Оливеръ, разорилъ имѣнія Гамелина, а его самого сталъ держать при себѣ, какъ прислужника. Благородство и смѣлость Джона-де-Бонди, однако, были живы въ мальчикѣ. Ему казалась нестерпимой его жизнь. Столкновеніе съ старшимъ братомъ стало неизбѣжно. И въ этой ссорѣ сразу обнаружилось, что корыстолюбивому старшему брату со всѣми его людьми не совладать съ Гамелиномъ. Пришлось итти на примиреніе, пообѣщать возвратить захваченное имущество. Это первая побѣда молодого удальца. Скоро ему предстоитъ прославиться и публично. Онъ побѣждаетъ въ единоборствѣ знаменитаго силача, только что сразившаго двухъ молодцовъ. Свидѣтели его подвига съ восторгомъ привѣтствуютъ наслѣдника доблестей Джона-де-Бонди. Съ цѣлымъ полчищемъ цѣнителей его силы и отваги возвращается Гамелинъ съ ристалища въ замокъ брата. Но ворота заперты; братъ не хочетъ его

болѣе принять. Гамелинъ принужденъ ворваться силой и, напугавши людей брата своей суровой расправой съ привратникомъ, своевольно, захватомъ, какъ у побѣжденнаго врага, расточить погреба на угощеніе своихъ гостей. Это третій его подвигъ. Но онъ обойдется уже недешево. Хитростью старшему брату удается связать Гамелина и приковать въ залѣ замка къ столбу. Если бы не забота о немъ стараго Адама, ключника, преданнаго Гамелину совершенно такъ же, какъ онъ былъ преданъ и его отцу, молодому витязю пришлось бы умереть съ голоду. Адамъ даже тайно расковываетъ цѣпи Гамелина и только проситъ его сдѣлать видъ, что онъ еще прикованъ, пока не прибудутъ въ замокъ на пиръ аббатъ и прочіе монахи монастыря; они разсудятъ его съ братомъ и, разумѣется, заступятся за невинно-гонимаго. Предположеніямъ ключника не было, однако, суждено осуществиться: аббатъ, келарь и другіе монахи слушаютъ навѣты старшаго брата и только подсмѣиваются надъ Гамелиномъ. Тогда наступаетъ ему время уже въ четвертый разъ показать свою удаль и отомстить лукавымъ монахамъ. Но тутъ онъ вступаетъ уже въ борьбу со всѣмъ испорченнымъ и своекорыстнымъ обществомъ. На сторонѣ брата теперь оказывается уже и шерифъ, съ цѣлымъ войскомъ пришедшій схватить Гамелина въ наказаніе за избіеніе монаховъ. Гамелину остается тогда лишь одно: уйти въ лѣсъ и зажить, какъ живутъ подобные ему смѣльчаки, пострадавшіе отъ несправедливости законныхъ властей.

Разсказъ о Гамелинѣ заканчивается не раскаяніемъ старшаго брата, какъ въ комедіи Шекспира, и вовсе не великодушіемъ по отношенію къ нему младшаго. Напротивъ, Гамелинъ своимъ удальствомъ одерживаетъ въ концѣ концовъ полную побѣду надъ всѣми притѣснителями и мститъ имъ безъ пощады и снисхожденія. Пока онъ жилъ въ лѣсу среди изгнанниковъ и былъ избранъ ихъ королемъ, его братъ сталъ шерифомъ и воспользовался своей властью, чтобы объявить Гамелина внѣ закона; узнавъ объ этой новой и вящшей несправедливости, Гамелинъ рѣшилъ опять оказать сопротивленіе, но тутъ сила и отвага не могли болѣе помочь; теперь онъ посаженъ въ тюрьму властями. Спасенье на этотъ разъ приходитъ отъ другого брата; онъ взялъ Гамелина на поруки до верховнаго суда, когда рѣшится его участь. Гамелинъ пользуется этимъ, чтобы вновь уйти въ лѣсъ. Онъ приходитъ на судьбище однако во-время, потому что поручившійся за него братъ долженъ погибнуть въ случаѣ его неявки, но онъ приводитъ съ собою своихъ лѣсныхъ удальцевъ и производитъ жестокій самосудъ надъ братомъ, шерифомъ и самимъ верховнымъ судьей. Это преступленіе уже осталось безнаказаннымъ. Зло было вырвано съ корнемъ. Король, къ которому послѣ своей своевольной расправы явился Гамелинъ, любилъ его второго брата. Онъ оцѣнилъ и прямоту самого Гамелина и даже назначилъ его верховнымъ судьей.

Отъ разсказа о Гамелинѣ вѣетъ задорнымъ духомъ временъ Уатта Тайлора. Гамелинъ напоминаетъ Робинъ Гуда своимъ стремленіемъ установить подъ зеленой кровлей свободнаго лѣса свою собственную справедливость, недопускающую угнетенія слабыхъ и судейскаго лицепріятства.

Въ основу „Какъ вамъ это понравится“ легла Лоджевская передѣлка „Гамелина“: „Розалинда или золотое наслѣдіе Юфуэса“, гдѣ вся вторая половина разсказа съ момента бѣгства Гамелина совершенно измѣнена и иначе задумана. Шекспиръ придалъ драматическую форму повѣсти Лоджа, очень мало измѣнивъ ее и слѣдуя почти шагъ за шагомъ за ея текстомъ. Даже самое названіе комедіи Шекспира заимствовано изъ одной фразы посвященія „Розалинды“ лорду Гундсону и господамъ читателямъ.

„Розалинда“ Лоджа написана, какъ это показываетъ и самое заглавіе, въ духѣ такъ называемаго юфуизма. Лоджъ ученикъ Лилли. Онъ не заботится о правдоподобіи, объ исторической правдѣ, о географіи; онъ уснащаетъ свой стиль антитезами, сравненьями, цитатами изъ классиковъ и французскихъ поэтовъ; и это даже тогда, когда онъ изображаетъ разговоры пастуховъ. Но дѣло не только въ манерѣ изложенія; Лоджъ заботился не объ однихъ витіеватыхъ отступленіяхъ, поэтическихъ прикрасахъ и отборности выраженій. Какъ отзывается Жюссеранъ о Лилли, Лоджъ также „водитъ насъ по всевозможнымъ цвѣтущимъ дорожкамъ, но какъ бы ни была причудлива внѣшняя форма его повѣсти, онъ неизбѣжно и безъ всякой оговорки ведетъ насъ къ проповѣди“. Сообразно этимъ особымъ пріемамъ творчества, мятежный духъ удальства и отпора съ оружіемъ въ рукахъ общественной неурядицѣ исчезъ изъ разсказа о Гамелинѣ. Средневѣковую точку зрѣнія замѣнили изнѣженная артистичность и ученый педантизмъ Возрожденія. Лѣсъ, куда бѣжитъ мо-

лодой скиталецъ, уже не притонъ лихихъ изгнанниковъ. Это условный романтическій Арденскій лѣсъ, гдѣ рядомъ съ ужасными львами пасутъ свои мірныя стада слащавые пастушки. Они устраиваютъ между собою поэтическія состязанія, какъ въ эклогахъ Виргилія, изливаютъ въ сонетахъ свою пламенную любовь къ пастушкамъ, вырѣзываютъ на деревьяхъ любовные стихи. Повѣсть Лоджа должна была тѣшить чисто женскій вкусъ. Героемъ оказался уже не суровый борецъ за свои права. Героиня—Розалинда, дочь также изгнаннаго узурпаторомъ изъ своихъ владѣній герцога. Лоджъ называетъ его Торисмондомъ. Розадеръ, какъ зовется здѣсь Гамелинъ-Орландо, лишь достойный ея возлюбленный. Его подвиги ведутъ прежде всего къ тому, чтобы воспламенить сердце Розалинды. Въ кокетливой игрѣ съ этой дѣвушкой, столь же остроумной и живой, какъ и у Шекспира, и также одѣтой пажемъ, проходитъ все время его изгнанничества. Нравственно-наставительное направленіе сказывается здѣсь въ томъ, что вражду и ненависть старшаго брата побѣждаетъ великодушіе младшаго. Да и до этой странной сцены со львомъ Саладинъ, Оливеръ повѣсти Лоджа, въ вычурномъ монологѣ склоняется уже къ раскаянію за свою жестокость и своекорыстіе. Къ тому же власти вовсе не на его сторонѣ. Узурпаторъ, Торисмондъ, соотвѣтствующій Фридриху у Шекспира, пользуется столкновеніемъ двухъ братьевъ, чтобы объявить внѣ закона Саладина. Общественная струя поэмы „Гамелинъ“ такимъ образомъ исчезла. Ее замѣнило примиряющее съ жизнью и проникнутое вѣрой въ добро настроеніе. Лоджу принадлежитъ введеніе въ разсказъ сценъ дружбы и любви рядомъ со сценами борьбы и насилія, такъ причудливо переплетающихся въ „Какъ вамъ это понравится“.

Столь важный для хронологіи шекспировскихъ пьесъ трактатъ Мереса „Palladis Tamia“ (1598) не упоминаетъ этой комедіи. Въ каталогахъ книгопродавцевъ она названа подъ 4-ымъ августа 1600 г. Въ этомъ году всего вѣроятнѣе она и возникла.

Шекспиръ сохранилъ морализирующій тонъ Лоджа. Онъ также смотритъ на несправедливость и насиліе, какъ на нѣчто случайное и вполнѣ поправимое. Зло не присуще человѣческой природѣ. Впечатлѣніе отъ дружбы Целіи и Розалинды, отъ преданности Адама, отъ благородства Орландо и раскаянія Оливера усиливается еще прекраснодушіемъ изгнаннаго герцога, доходящаго до заявленія, что „сладостны послѣдствія несчастій“. И если въ повѣсти Лоджа собравшіяся въ Арденскомъ лѣсу жертвы насилія Торисмонда-Фридриха идутъ на него съ мечами въ рукахъ, и читатель, закрываетъ книгу увѣренный въ неизбѣжности его гибели, у Шекспира Фридрихъ родной братъ герцога и онъ самъ отказывается отъ власти подъ вліяніемъ бесѣды съ какимъ-то старцемъ.

Однако и усиливая еще болѣе свѣтлый взглядъ на жизнь, Шекспиръ оттѣнилъ и понялъ несравненно глубже Лоджа самыя несправедливости и насилія. Вниманіе не скользитъ по нимъ въ „Какъ вамъ это понравится“ такъ легко, какъ въ „Розалиндѣ“. Настроеніе самого герцога, восхваляющаго жизнь, далекую отъ придворнаго блеска и почестей, хорошо понялъ Амьенъ, когда онъ говоритъ ему:

Жестокіе удары
Своей судьбы вы на такой спокойный
И сладостный языкъ способны быстро
Переводить.

Удары судьбы такимъ образомъ все-таки чувствуются. Прекраснодушіе герцога сплетено съ грустной ироніей надъ своимъ положеніемъ. Введенный въ разсказъ Шекспиромъ добрый шутъ Точстонъ (Оселокъ) на своемъ шутовскомъ языкѣ говоритъ въ сущности то же, что и герцогъ, когда онъ отвѣчаетъ на вопросъ пастуха Корина, какъ ему нравится сельская жизнь: „Какъ жизнь воздержанная, она, видите ли, вполнѣ соотвѣтствуетъ моимъ наклонностямъ, но какъ жизнь лишенная изобилія, она совершенно противорѣчитъ моему желудку“. Къ словамъ шута не надо относиться съ пренебреженіемъ. Въ нихъ то и выражается горькая правда. Философъ Жакъ, также введенный въ дѣйствіе уже самимъ Шекспиромъ, не даромъ послѣ знакомства съ этимъ Точстономъ приходитъ къ заключенію, что только въ пестрой курткѣ шута можно высказать людямъ всю истину. Жака, о которомъ сложилось мнѣніе „сѣвшее глубоко“, что онъ уменъ, оттого такъ тянетъ дурачиться. И эта затѣя его осуществится. Пройдя черезъ притворное безуміе Гамлета, она поведетъ къ созданію всеобщаго любимца — преданнаго злосчастному Лиру шута-моралиста.

Самъ Арденскій лѣсъ вовсе не изображенъ въ „Какъ вамъ это понравится“ тѣмъ благодатнымъ затишьемъ пастушеской жизни, въ которомъ развивается нравственно-

наставительный замыселъ повѣсти Лоджа. Шекспиръ не видитъ въ немъ обители для размышленій; непосредственная мудрость не изгоняетъ здѣсь всецѣло изъ сердца человѣка все злое и порочное, что вкрадывается въ него среди соблазновъ и заблужденій свѣта. Когда Жакъ задумывается надъ невинными слезами раненаго оленя, онъ ясно видитъ, что охота, это единственное утѣшеніе лѣсныхъ скитальцевъ, есть тоже несправедливость, тоже вопіющее насиліе. Нужды нѣтъ, что любимымъ героямъ Шекспира, Орландо и Розалиндѣ, убаюканнымъ на живописномъ лонѣ лѣса своимъ счастьемъ, такъ чужда и почти ненавистна меланхолія Жака. Она, конечно, не можетъ сжиться съ звуками нѣжности и примиренія, раздавшимися въ ихъ душѣ. Болѣе внимательно слушающій безнадежную философію Жака зритель невольно остановится мыслью надъ возможностью и менѣе благопріятнаго исхода горестей и невзгодъ. Ведя все дѣйствіе къ благопріятному исходу, Шекспиръ не хотѣлъ замолчать зло жизни. Не далѣе какъ черезъ годъ, когда изъ подъ его пера начнетъ выходить цѣлый сонмъ трагическихъ фигуръ, тяготѣющее надъ міромъ зло заполонитъ его воображеніе.

Въ отношеніи къ вереницѣ тѣхъ несправедливостей, которыя загнали дѣйствующихъ лицъ „Какъ вамъ это понравится“ въ лѣсныя дебри, эта комедія стоитъ такимъ образомъ гораздо ближе къ старинной поэмѣ о Гамелинѣ, чѣмъ къ юфуистической повѣсти Лоджа. Но зналъ ли Шекспиръ эту поэму? Одна небольшая подробность его комедіи совпадаетъ съ соотвѣтственной сценой „Гамелина“. Отецъ сраженныхъ въ единоборствѣ силачемъ Карломъ молодцевъ у Лоджа предается стоическимъ размышленіямъ и не выказываетъ ни малѣйшаго огорченія по поводу гибели своихъ сыновей. У Шекспира, напротивъ, какъ и въ поэмѣ „Гамелинъ“, онъ горько жалуется на постигшее его горе. Тутъ, конечно, можетъ быть и совпаденіе. Шекспиръ быть можетъ отступилъ здѣсь отъ текста Лоджа ради простого правдоподобія. Однако, если извѣстный шекспирологъ Хельзъ показалъ такъ убѣдительно, что великій драматургъ читалъ Чосера, то трудно предположить, чтобы ему осталась незнакома поэма о „Гамелинѣ“: она входила въ Кентерберійскіе разсказы и считалась созданіемъ ихъ творца.

Воспользоваться такими эпизодами поэмы о Гамелинѣ, которыхъ нѣтъ у Лоджа, Шекспиру во всякомъ случаѣ не представлялось никакой возможности. Комедія не могла вмѣстить даже всѣхъ тѣхъ эпизодовъ, которые вошли въ „Розалинду“ Лоджа. Къ періоду полной зрѣлости его таланта, какъ драматурга, Шекспиру все болѣе удается достигнуть единства дѣйствія. И это даже несмотря на то, что оно подчасъ становится еще разнообразнѣе, еще осложненнѣе. Дѣйствіе все болѣе сосредоточивается на катастрофѣ. Въ перипетіяхъ Гамелина—Розадера—Орландо катастрофу составляетъ гибель старшаго брата въ поэмѣ и раскаяніе его у Лоджа и Шекспира. Сообразно этому въ „Какъ вамъ это понравится“ самая борьба Орланда и Оливера изображена лишь на скоро въ первомъ дѣйствіи. Шекспиръ могъ отмѣтить только самые главные ея моменты. Такъ онъ совершенно выпустилъ находящіяся и у Лоджа сцены угощенія младшимъ братомъ цѣнителя его удальства, а старшимъ братомъ аббата монастыря. Надо было какъ можно скорѣе перенести дѣйствіе въ Арденскій лѣсъ. Но и тутъ событій было слишкомъ много и ихъ нельзя было всѣ сохранить цѣликомъ. У Лоджа напримѣръ Оливеръ вмѣстѣ съ братомъ спасаетъ Алинду—Целію отъ разбойниковъ, хотѣвшихъ схватить ее и отвести къ отцу въ надеждѣ на вознагражденіе. Въ „Какъ вамъ это понравится“ эпизодъ этотъ пропущенъ.

Путемъ подобныхъ сокращеній, сложное и запутанное содержаніе комедіи Шекспиръ расположилъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени. Опредѣлить его мало-мальски точно, разумѣется, нѣтъ возможности. Совершенно очевидно однако, что первое дѣйствіе обнимаетъ событія трехъ, четырехъ дней. Силачъ Карлъ приходитъ къ Оливеру въ то самое время, когда у него происходитъ ссора съ братомъ. Единоборство произойдетъ, по его словамъ, на слѣдующій день. Между первымъ явленіемъ перваго акта и вторымъ явленіемъ, когда изображается побѣда Орландо, проходитъ такимъ образомъ ночь. Объявленіе Фридрихомъ Розалиндѣ приговора объ ея изгнаніи и рѣшеніе двоюродныхъ сестеръ бѣжать вмѣстѣ могло имѣть мѣсто либо тотчасъ послѣ единоборства, либо нѣсколькими днями позже. Труднѣе опредѣлить время дѣйствія второго акта. Наступаетъ онъ несомнѣнно не сразу послѣ перваго. Розалинда и Целія успѣли уже пробраться

до Арденскаго лѣса, а путь ихъ, судя по ихъ усталости, былъ дологъ. Между третьимъ явленіемъ того же акта и шестымъ и седьмымъ явленіями столько же времени приблизительно нужно и Орландо, чтобы прибыть вмѣстѣ съ Адамомъ въ тотъ же лѣсъ. Но съ этого момента, т. е. съ перваго явленія третьяго акта, развитіе дѣйствія начинаетъ уже ускоряться. Счастливая развязка близится уже безъ малѣйшей проволочки. Между вторымъ и третьимъ дѣйствіями вѣроятно опять прошло нѣсколько дней, пока Орландо успѣлъ столько разъ вырѣзать на деревьяхъ имя Розалинды и излить свою любовную тоску въ столькихъ стихахъ; нѣсколько дней понадобилось и Точстону, чтобы составить себѣ ясное представленіе о жизни въ лѣсу; но событія самаго третьяго акта занимаютъ лишь одинъ день. Уже утромъ слѣдующаго дня начинается четвертый актъ. Въ первой же встрѣчѣ съ Орландо въ четвертомъ явленіи третьяго дѣйствія, Розалинда назначаетъ ему прійти на слѣдующій день. До разговора ихъ въ четвертомъ актѣ прошла стало быть одна только ночь. На этотъ разъ свиданіе назначается уже черезъ часъ. Тутъ Орландо спасаетъ брата отъ львицы, и Оливеръ приноситъ, можетъ быть, только съ нѣсколькими часами опозданія его окровавленный платокъ Розалиндѣ, чтобы объяснить, почему Орландо не явился въ условленное время. Пятый актъ изображаетъ событія слѣдующихъ двухъ дней.

При такой стремительности дѣйствія о его большомъ правдоподобіи нечего было и думать. Шекспиръ о немъ и не задумывался. Только пастухи у него немного менѣе литературны, чѣмъ у Лоджа; они не поютъ эклогъ и не морализируютъ на тему о прелестяхъ жизни далекой отъ свѣтской суеты. Возлюбленный Фебэ не сочиняетъ также стиховъ по французски, лишь сама Фебэ оказывается не только грамотной, но и одаренной поэтическимъ талантомъ. Все остальное такъ же невѣроятно и неожиданно, какъ и у Лоджа. Но вниманіе и не успѣваетъ анализировать событій. Сами дѣйствующія лица, очерченныя такъ метко и живо, заслоняютъ собою сюжетъ. Заслоняетъ его и широко задуманная философская сторона пьесы. Дѣло не въ сюжетѣ. Молодцоватый, прямой и честный Орландо, прекраснодушный герцогъ, меланхоликъ Жакъ, преданный и вдумчивый Точстонъ и наконецъ сами Целія и Розалинда, они всѣ глубоко правдивы и вовсе не условны.

Менѣе очерченными остались Оливеръ и узурпаторъ Фридрихъ. Ихъ раскаяніе слишкомъ поспѣшно и мало обосновано. Если справедливо предположеніе Ольдисъ Райта, что комедія „Какъ вамъ это понравится“ написана на скорую руку, то иначе и быть не могло. Позднѣе Шекспиръ однако еще разъ задумается надъ психологіей раскаянія. Когда герцогъ, скрывающійся отъ преслѣдованій брата - узурпатора, станетъ кудесникомъ Просперо въ „Бурѣ“, исправленіе заблужденій человѣческой природы путемъ великодушія будетъ изображено Шекспиромъ уже не въ двухъ - трехъ словахъ. Оно окажется въ самомъ центрѣ драматическаго замысла. Тогда и честный приближенный Фридриха ле-Бо, предупреждающій Орландо о грозящей ему при дворѣ опасности, станетъ ученикомъ Монтэня—Гонзало.

Розалинда и Целія заставляютъ вспомнить о Беатриче и Геро въ „Много шуму изъ ничего“. Но развитіе ихъ характеровъ слегка сгладилось. Геро, превратившись въ Целію, раньше чѣмъ стать Офеліей, Дездемоной и Имогеной, позаимствовала не мало задора у своей подруги. Въ ней оказалось гораздо больше жизненной энергіи и остроумія, чѣмъ раньше. Съ другой стороны и Розалинда въ этой комедіи далеко не та странная и сильная душою дѣвушка, какую мы видѣли въ Беатриче. Превратившись вновь въ Розалинду, какъ она называлась и въ „Безплодныхъ усиліяхъ любви“, она стала податливѣе и мягче. Конечно и прежде она могла бы воскликнуть словами Марло изъ „Геро и Леандра“, которыя приводитъ Фебэ:

Къ кому любовь не приходила сразу!

но она раньше не поддавалась охватившему ее чувству; она боролась съ нимъ и обманывала самое себя. Розалинда теперь стала непосредственнѣе. Узнавъ, что Орландо здѣсь въ лѣсу, что онъ любитъ ее и вырѣзываетъ на деревьяхъ ея имя, она въ отчаяніи, что ей вздумалось разыграть роль мужчины. Если она не открывается сразу Орландо, дразнитъ его, играетъ его любовью къ ней, то наединѣ съ Целіей она признается съ полной искренностью въ своемъ чувствѣ.

Евг. Аничковъ.

ФРАНЦУЗСКІЕ РЫЦАРИ И ГЕРЦОГИ XIV—XV ВѢКОВЪ.

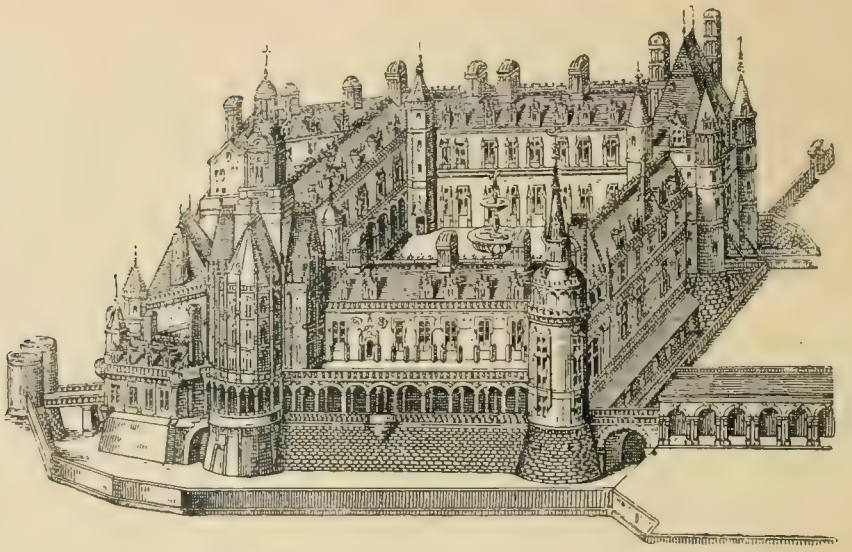
(Портреты въ Версальской Исторической галлереѣ: а) слѣва — Баяра, † 1524; кисти извѣстнаго Фрагонара, Fragonard, 1780—1850; б) посрединѣ - маршала Бурико, † 1421, кисти извѣстнаго художника Пико, F. E. Picot, 1786—1868; в) маршала Бовоара † 1453, кисти Анри Шеффера—1798—1862).

Дѣйствующія лица:

Герцогъ, живущій въ изгнаніи.
Фридрихъ, его братъ, завладѣвшій его государствомъ.
Амiенъ } вельможи, послѣдовавшіе за изгнаннымъ
Жакъ } герцогомъ.
Ле-Бо, приближенный Фридриха.
Карлъ, борецъ Фридриха.
Оливеръ }
Жакъ } сыновья Роланда де-Буа.
Орландо }
Адамъ, служитель Оливера.
Деннисъ, служитель Оливера.
Оселокъ, (Точстонъ) шутъ.
Оливеръ Мартекстъ (Путаница), священникъ.
Коринъ }
Сильвій } пастухи.
Вилльямъ, поселянинъ, влюбленный въ Одри.
Гименей.
Розалинда, дочь изгнаннаго герцога.
Целія, дочь Фридриха.
Фебэ, пастушка.
Одри, поселянка.

Свита обоихъ герцоговъ: пажи, охотники и др.

Дѣйствіе происходитъ сначала вблизи дома Оливера, потомъ—частью при дворѣ Фридриха, частью въ Арденскомъ лѣсу.



ФРАНЦУЗСКІЙ ЗАМОКЪ XIV—XV ВѢКОВЪ.
(*Старинный рисунокъ, воспроизведенный въ «Allgemeine Kunstgeschichte» Куна).*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Небольшой садъ подлѣ дома Оливера.

Входятъ Орландо *и* Адамъ.

Орландо. Сколько мнѣ помнится, Адамъ, дѣло это произошло такъ: по завѣщанію онъ отказалъ мнѣ всего какую-нибудь несчастную тысячу кронъ и, какъ ты говоришь, передъ смертью заклиналъ моего брата, своимъ благословеніемъ, дать мнѣ хорошее воспитаніе. Тутъ-то и начались мои страданья. Брата моего Жака онъ посылаетъ въ школу, и молва разноситъ о его успѣхахъ золотые слухи. Меня же онъ воспитываетъ по мужицки дома, или, говоря точнѣе, держитъ дома и не даетъ никакого воспитанія. Дѣйствительно, можно ли назвать воспитаніемъ для человѣка моего рода обстановку, которая ничѣмъ не разнится отъ обстановки бычачьяго стойла? Да онъ лучше воспитываетъ своихъ лошадей: не говоря уже о томъ, что имъ дается отличная пища, ихъ еще обучаютъ ѣздѣ, и для этого нанимаются конюхи, получающіе большое жалованье. А если я, его братъ, и пріобрѣтаю что-нибудь подъ его опекой, такъ развѣ ростъ; въ этомъ отношеніи, скотина, гуляющая на его навозныхъ кучахъ, обязана ему столько же, сколько и я. Сверхъ этого ничтожества, которымъ онъ такъ щедро награждаетъ меня, ему, повидимому, хочется своимъ обращеніемъ со мною лишить меня тѣхъ немногихъ даровъ, которыми надѣлила меня природа: онъ заставляетъ меня ѣсть съ лакеями, не позволяетъ занять мѣсто брата и, на сколько это ему возможно, мало по малу разрушаетъ мое дворянское достоинство даваемымъ мнѣ воспитаніемъ. Это-то и огорчаетъ меня, Адамъ, и духъ моего отца, который, какъ мнѣ кажется, живетъ во мнѣ, начинаетъ возмущаться противъ этого рабства. Я не хочу больше сносить его, хотя покамѣстъ не знаю что придумать, чтобы выйти изъ этого положенія.

Входитъ Оливеръ.

Адамъ. Вотъ мой господинъ и вашъ братъ.

Орландо. Отойди въ сторону, Адамъ, и ты услышишь, какъ онъ напустится на меня.

Оливеръ. Ты здѣсь что дѣлаешь?

Орландо. Ничего. Я ничего не умѣю дѣлать; не научили.

Оливеръ. Такъ ты что-нибудь портишь здѣсь?

Орландо. Да, я помогаю вамъ портить праздностью то, что сотворилъ Богъ — вашего бѣднаго и недостойнаго брата.

Оливеръ. Работайте-ка получше — и чортъ съ вами!

Орландо. Неужели я долженъ пасти вашихъ свиней и ѣсть съ ними жолуди? Вѣдь я не расточилъ никакого наслѣдства блуднаго сына, чтобы быть обязаннымъ жить въ такой нищетѣ.

Оливеръ. Вы не знаете, вѣрно, гдѣ вы?

Орландо. О, очень хорошо знаю: здѣсь, въ вашемъ саду.

Оливеръ. Знаешь ли ты, передъ кѣмъ стоишь?

Орландо. Да, знаю лучше, чѣмъ тотъ, передъ которымъ я стою, знаетъ меня. Я знаю, что вы мой старшій братъ, и вамъ бы слѣдовало точно также знать меня, если бы вы не забыли благороднаго закона родства. Услужливый обычай народовъ даетъ вамъ предпочтеніе передо мною, потому что вы перворожденный; но этотъ же самый обычай не отымаетъ у меня моей крови, хотя бы даже двадцать братьевъ стояло между мной и вами. Во мнѣ столько же отцовскаго, сколько и въ васъ, хотя — сознаюсь въ этомъ — вы, какъ явившійся на свѣтъ раньше, можете скорѣе пріобрѣсть уваженіе, на которое нашъ отецъ имѣлъ право.

Оливеръ. И ты смѣешь, мальчишка...

Орландо (*бросаясь на него*). Потише, потише, старшій братецъ! вы еще слишкомъ молоды для этого!

Оливеръ. Такъ ты хочешь поднять на меня руку, негодяй!

Орландо. Я не негодяй. Я самый младшій сынъ Роланда де-Буа. Онъ былъ мой отецъ, и трижды негодяй тотъ, кто говоритъ, что такой отецъ произвелъ на свѣтъ негодяя. Не будь ты мой братъ, я не отвелъ бы этой руки отъ твоего горла прежде, чѣмъ другая рука не вырвала бы твой языкъ за такія слова. Ты надругался надъ самимъ собою.

Адамъ. Любезные господа, успокойтесь. Памятью вашего отца умоляю, не ссорьтесь.

Оливеръ. Пусти меня, говорятъ тебѣ.

Орландо. Нѣтъ, не пущу, пока самъ не захочу этого. Вы выслушаете меня. Мой отецъ, въ своемъ завѣщаніи, поручилъ вамъ дать мнѣ хорошее воспитаніе — а вы воспитали меня какъ мужика, вы скрывали, отдаляли отъ меня всѣ качества дворянина. Но духъ моего отца все болѣе и болѣе крѣпнетъ во мнѣ, и я не хочу дольше сносить это положеніе. Поэтому откройте мнѣ доступъ ко всѣмъ занятіямъ, приличнымъ дворянину, или отдайте мнѣ скудную часть, завѣщанную мнѣ отцомъ; съ нею я пойду искать счастья.

Оливеръ. Что же ты станешь дѣлать? Нищенствовать, когда истратишь эти деньги? Однако, довольно; ступайте отсюда — я не желаю, чтобъ вы долѣе надоѣдали мнѣ. Вы получите часть того, что желаете. Прошу васъ оставить меня.

Орландо. Я не стану требовать отъ васъ больше того, что нужно для моей пользы.

Оливеръ (*Адаму*). Ступай съ нимъ, старый песъ!

Адамъ. Старый песъ! Такъ вотъ моя награда! Впрочемъ, вы правы: я потерялъ всѣ зубы на службѣ вамъ. Упокой Господи душу моего стараго господина! Онъ не сказалъ бы такого слова!

(*Адамъ и Орландо уходятъ*).

Оливеръ. А, такъ вотъ что! Ты хочешь перерости меня. Я вылечу тебя отъ этой болѣзни, а тысячи кронъ все-таки не дамъ. Эй, Деннисъ!

Входитъ Деннисъ.

Деннисъ. Вы изволили звать?

Оливеръ. Кажется, что Карлъ, борецъ герцога, пріѣхалъ сюда, чтобъ поговорить со мною?

Деннисъ. Точно такъ, съ вашего позволенья; онъ здѣсь у дверей и проситъ разрѣшенья войти.

Оливеръ. Зови его. (*Деннисъ уходитъ*). Это будетъ хорошее средство; а состязаніе въ борьбѣ назначено на завтра.

Входитъ Карлъ.

Карлъ. Добраго утра вашей милости!

Оливеръ. Добрый monsieur Карлъ, какія новѣйшія новости при новомъ дворѣ?

Карлъ. Никакихъ новостей при дворѣ, кромѣ старыхъ новостей: т. е. старый герцогъ изгнанъ своимъ младшимъ братомъ, новымъ герцогомъ; трое или четверо преданныхъ вельможъ отправились съ нимъ въ добровольное изгнаніе. Ихъ земли и доходы обогащаютъ новаго герцога, вслѣдствіе чего онъ и не препятствуетъ имъ странствовать.

Оливеръ. Не можете ли сказать мнѣ, изгнана ли Розалинда, дочь герцога, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ?

Карлъ. О, нѣтъ! Дочь новаго герцога, ея кузина, такъ любитъ ее—потому что онѣ воспитывались вмѣстѣ съ колыбели—что послѣдовала бы за нею въ изгнаніе, или умерла, если бы ихъ разлучили. Розалинда живетъ при дворѣ, и дядя любитъ ее не меньше, чѣмъ свою родную дочь; а онѣ обѣ любятъ одна другую такъ, какъ никогда не любили другъ друга двѣ женщины.

Оливеръ. Гдѣ поселится старый герцогъ?

Карлъ. Говорятъ, что онъ уже въ Арденскомъ лѣсу, вмѣстѣ съ нѣсколькими веселыми товарищами, и что тамъ они живутъ, какъ Робинъ Гудъ англійскій. Говорятъ, что съ каждымъ днемъ къ нему прибываетъ много молодыхъ дворянъ и что они проводятъ время безмятежно, живя такъ, какъ жили когда то въ золотомъ вѣкѣ.

Оливеръ. Скажите, вы завтра будете бороться въ присутствіи новаго герцога?

Карлъ. Непремѣнно, и я пришелъ сообщить вамъ нѣчто. Мнѣ тайно дали знать, что вашъ младшій братъ, Орландо, намѣренъ завтра, переодѣтый, попытаться выйти противъ меня. Между тѣмъ, завтра я буду бороться для того, чтобы поддержать свою репутацію, и поэтому тотъ, кто уйдетъ изъ моихъ рукъ безъ нѣсколькихъ переломанныхъ членовъ, отдѣлается очень счастливо. Вашъ братъ очень молодъ и слабъ, и ради васъ мнѣ было бы крайне непріятно уложить его, а для спасенія своей чести я долженъ буду это сдѣлать, когда онъ придетъ. Вотъ оттого-то, изъ любви къ вамъ, я пришелъ увѣдомить васъ о предстоящемъ, чтобы вы могли или отклонить его отъ этого намѣренія, или приготовиться какъ слѣдуетъ перенести несчастіе, которому онъ подвергаетъ себя; онъ самъ ищетъ его и это сдѣлается совершенно вопреки моему желанію.

Оливеръ. Карлъ, благодарю тебя за любовь ко мнѣ—и ты увидишь, что я отблагодарю тебя самымъ дружескимъ образомъ. Я самъ узналъ о намѣреніи моего брата и старался разными путями отклонить его отъ этого; но онъ непоколебимъ. Знаешь ли, Карлъ—это упрямѣйшій мальчикъ во Франціи, полный честолюбія и завистливый соперникъ всякаго человѣка съ достоинствами; онъ тайно и гнусно злоумышляетъ противъ меня, своего родного брата. Поэтому дѣйствуй по своему усмотрѣнію. Если ты свернешь ему шею, не больше буду огорченъ, чѣмъ если бы ты сломалъ ему палецъ. И я совѣтую тебѣ, для твоей пользы, смотрѣть въ оба, потому что если ты нанесешь ему только легкій вредъ или если онъ не одержитъ полной побѣды надъ тобою—онъ начнетъ дѣйствовать противъ тебя ядомъ, поймаетъ тебя въ какую нибудь мошенническую ловушку и не выпуститъ до тѣхъ поръ, пока не лишитъ жизни какимъ нибудь косвеннымъ или другимъ способомъ. Да, увѣряю тебя—говорю это почти со слезами—нѣтъ въ настоящее время на свѣтѣ человѣка, который былъ бы такъ гнусенъ душою, не смотря на свои юные годы. А вѣдь я еще говорю о немъ, какъ братъ; но начни я разбирать его передъ тобою во всей подробности, мнѣ пришлось бы краснѣть и плакать, а тебѣ блѣднѣть и изумляться.

Карлъ. Я очень радъ, что пришелъ сюда къ вамъ. Если онъ появится завтра—я съ нимъ раздѣлаюсь какъ слѣдуетъ. Если послѣ этого онъ будетъ въ состояніи сдѣлать хоть одинъ шагъ безъ поддержки — я никогда больше не стану бороться на призъ. Затѣмъ, Богъ да сохранитъ вашу милость!

Оливеръ. Прощай, добрый Карлъ! (*Карлъ уходитъ*). Теперь я подстрекну этого молодчика и надѣюсь, что увижу его конецъ, потому что моя душа, самъ не знаю почему, ненавидитъ его больше всего на свѣтѣ. А между тѣмъ, онъ кротокъ, ученъ, хотя ничему не учился, полонъ благородства, любимъ всѣми сословіями до безумія и дѣйствительно такъ пришелся по сердцу всѣмъ, и особенно моимъ людямъ, которые знаютъ его лучше, чѣмъ кто бы то ни было, что черезъ это они меня ставятъ почти ни во что. Но это продлится не долго. Этотъ атлетъ уладитъ все дѣло. Теперь мнѣ остается только поджечь мальчишку, и я сейчасъ же примусь за это. (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Лужайка передъ домомъ герцога.

Входятъ Розалинда *и* Целія.

Целія. Розалинда, милая кузина, прошу тебя—будь весела.

Розалинда. Милая Целія, я и то кажусь веселою сверхъ силы, а ты хочешь, чтобъ я была еще веселѣе? Если ты не можешь научить меня, какъ забыть изгнаннаго отца, то нельзя требовать, чтобы я могла предаваться особому веселью.

Целія. Изъ этого я вижу, что ты не такою полною любовью любишь меня какъ я люблю тебя. Еслибъ мой дядя, твой изгнанный отецъ, изгналъ твоего дядю, моего отца, но при этомъ ты осталась бы неразлучно со мною, я пріучила бы мою любовь смотрѣть на твоего отца, какъ на моего. Точно такъ же поступила бы и ты, если бы твоя привязанность ко мнѣ была такъже искренна и испытана, какъ моя къ тебѣ.

Розалинда. Хорошо, я забуду свое положеніе и стану радоваться твоему.

Целія. Ты знаешь, что у моего отца нѣтъ дѣтей, кромѣ меня, да, по всей вѣроятности, и не будетъ; нѣтъ сомнѣнія, что послѣ его смерти ты будешь его наслѣдницей, потому что все то, что онъ взялъ у твоего отца силою, я отдамъ тебѣ по любви. Клянусь честью, отдамъ—и пусть я обращусь въ чудовище, если нарушу эту клятву. Развеселись же, моя милая Роза, моя дорогая Роза!

Розалинда. Да, съ этой минуты, кузина, я буду весела, и стану выдумывать забавы. Какъ ты думаешь, напримѣръ, о томъ, чтобы влюбиться ради забавы?

Целія. Отлично! пожалуйста сдѣлай изъ любви забаву, но не влюбляйся ни въ кого серьезно, да и шутку доводи только до той степени, чтобы имѣть возможность выйти изъ нея съ честью, сохранивъ ненарушимымъ румянецъ невинности.

Розалинда. Чѣмъ же мы станемъ забавляться?

Целія. Сядемъ и насмѣшками сгонимъ почтенную матушку-фортуну съ ея колеса, для того, чтобы впередъ она раздавала свои дары поровну.

Розалинда. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ мы могли сдѣлать это, потому что ея благодѣянія распредѣлены крайне неправильно; особенно ошибается добрая слѣпая женщина при раздачѣ своихъ даровъ женщинамъ.

Целія. Это правда: тѣ, которыхъ она дѣлаетъ красивыми, рѣдко получаютъ отъ нея добродѣтель, а тѣ, которыхъ она дѣлаетъ добродѣтельными, выходятъ изъ ея рукъ очень некрасивыми.

Розалинда. Нѣтъ, говоря это, ты уже переходишь изъ области фортуны въ область природы: фортуна-владычица свѣтскихъ даровъ, но не очертаній, производимыхъ природою.

Входитъ Оселокъ.

Целія. Будто? Развѣ, когда природа производитъ красивое созданье, фортуна не можетъ бросить его въ огонь?—Если природа дала намъ остроуміе для того, чтобы насмѣхаться надъ фортуной, то развѣ фортуна не прислала сюда этого шута, чтобы прекратить нашъ разговоръ?

Розалинда. Дѣйствительно, фортуна слишкомъ жестоко обращается съ природой, подрѣзывая натуральной глупостью натуральный умъ.

Целія. Можетъ быть, это сдѣлала не фортуна, а природа, которая, замѣтивъ, что наши натуральные умы слишкомъ тупы для того, чтобы разсуждать о такихъ богиняхъ, послала сюда этого дурачка въ видѣ оселка для насъ, потому что всегда тупость дурака служитъ оселкомъ для умнаго. Ну, умный человѣкъ, куда направляешься ты?

Оселокъ. Сударыня, васъ требуетъ къ себѣ вашъ отецъ.

Целія. А тебя сдѣлали посланникомъ?

Оселокъ. Нѣтъ, клянусь честью, но мнѣ приказали сходить за вами.

Розалинда. Гдѣ ты выучился этой клятвѣ, шутъ?

Оселокъ. У одного рыцаря, который клялся своей честью, что пирожки были хороши и клялся своей честью, что горчица никуда не годилась. Я же утверждаю, что пирожки никуда не годились, а горчица была хороша. Тѣмъ не менѣе рыцарь не давалъ ложной клятвы.

Целія. Какъ докажешь ты это съ твоимъ большимъ запасомъ учености?

Розалинда. Да, да, сними-ка намордникъ съ твоей мудрости.

Оселокъ. Ну, выступите обѣ впередъ, погладьте свои подбородки и поклянитесь вашими бородами, что я плутъ.

Целія. Клянемся нашими бородами, если-бы онѣ у насъ были, что ты плутъ.

Оселокъ. Клянусь моимъ плутовствомъ, если-бы оно у меня было, я былъ-бы плутъ. Но когда вы клянетесь тѣмъ, чего нѣтъ, то не даете ложной клятвы; точно также не клялся ложно рыцарь, когда клялся своею честью, ибо ея у него не было, или, если онъ и имѣлъ ее, то уничтожилъ клятвами задолго до того, какъ увидѣлъ эти пирожки и эту горчицу.

Целія. На кого ты это намекаешь, скажи пожалуйста?

Оселокъ. На человѣка, котораго любилъ старый Фридрихъ, вашъ отецъ.

Целія. Любовь моего отца достаточна для того, чтобы этого человѣка уважали. Довольно; не говори больше о немъ. На этихъ дняхъ тебя высѣкутъ за злословіе.

Оселокъ. Тѣмъ хуже, что дураки не имѣютъ права говорить умно о глупостяхъ, которыя дѣлаютъ умные люди.

Целія. Честное слово, ты говоришь правду: съ тѣхъ поръ какъ ту капельку ума, которую имѣютъ дураки, заставили молчать, та капелька глупости, которую имѣютъ умные люди, торжественно выставляетъ себя на показъ. Сюда идетъ Ле-Бо.

Входитъ Ле-Бо.

Розалинда. Съ полнымъ ртомъ новостей.

Целія. Которыми онъ обсыпетъ насъ, какъ голуби, когда они кормятъ своихъ птенцовъ.

Розалинда. Значитъ, мы будемъ напичканы новостями.

Целія. Тѣмъ лучше — мы отъ этого только выиграемъ. Bonjour, monsieur Ле-Бо! Что новаго?

Ле-Бо. Прекрасная принцесса, вы упустили одно отличное увеселеніе.

Целія. Увеселеніе? Какого цвѣта?

Ле-Бо. Какого цвѣта? Какъ прикажете мнѣ отвѣчать на это?

Розалинда. Какъ подскажутъ вамъ умъ и случай.

Оселокъ. Или какъ велитъ рокъ.

Целія. Хорошо сказано: фраза точно изъ камня высѣчена.

Оселокъ. О, если мое остроуміе когда-нибудь истощится...

Розалинда. Тогда ты потеряешь свой прежній запахъ.

Ле-Бо. Вы смущаете меня, сударыни. Мнѣ хотѣлось разсказать вамъ о хорошей борьбѣ, которую вамъ не удалось видѣть.

Розалинда. Ну, что-жъ — разскажите, какъ происходила эта борьба?

Ле-Бо. Я разскажу вамъ начало, и если вашимъ свѣтлостямъ будетъ угодно, вы можете увидѣть конецъ, потому что самое-то лучшее еще осталось сдѣлать, и дѣлать его придутъ сюда, на это самое мѣсто, гдѣ вы находитесь.

Целія. Хорошо, послушаемъ это начало, которое уже умерло и похоронено.

Ле-Бо. Вотъ идетъ старикъ съ тремя своими сыновьями...

Целія. Я могла бы придѣлать это начало къ какой-нибудь старой сказкѣ.

Ле-Бо. Тремя прекрасными молодыми людьми, отличнаго роста и красоты...

Розалинда. Съ такими записочками на шеѣ: „Да, будетъ изъ сихъ записокъ вѣдомо всѣмъ и каждому...“

Ле-Бо. Старшій изъ троихъ боролся съ Карломъ, борцомъ герцога, и этотъ Карлъ опрокинулъ его въ одно мгновеніе и сломалъ ему три ребра, такъ что нѣтъ почти надежды спасти его; точно такъ же онъ поступилъ со вторымъ, и точно также съ третьимъ. Тамъ лежатъ они; бѣдный старикъ, ихъ отецъ, такъ горестно стонетъ надъ ними, что всѣ зрители сочувствуютъ ему слезами.

Розалинда. Ахъ, Боже мой!

Оселокъ. Какое же это, сударь, увеселеніе, упущенное принцессами?

Ле-Бо. Какъ какое? Да то, о которомъ я разсказываю.

Оселокъ. Видно, люди съ каждымъ днемъ становятся умнѣе! Въ первый разъ въ жизни я слышу, что переламываніе реберъ составляетъ увеселеніе для женщинъ.

Целія. Я тоже—увѣряю тебя.

Розалинда. Но развѣ остался еще кто-нибудь, желающій слышать въ своихъ ребрахъ эту музыку переламыванія? Есть еще охотники до разбитыхъ реберъ? Такъ намъ прійдется присутствовать при этой борьбѣ, кузенъ?

Ле-Бо. Прійдется, если вы останетесь здѣсь, потому что именно это мѣсто назначено для борьбы, и она сейчасъ начнется.

Целія. Да, дѣйствительно, они идутъ. Что-жъ, останемся и посмотримъ.

Трубы. Входятъ герцогъ Фридрихъ, Вельможи, Орландо, Карлъ *и свита.*

Фридрихъ. Начинайте. Такъ какъ этотъ юноша не слушаетъ никакихъ увѣщаній, пусть рискуетъ на свой собственный страхъ.

Розалинда. Это онъ?

Ле-Бо. Точно такъ.

Целія. Увы, онъ слишкомъ молодъ; но въ лицѣ его побѣдоносное выраженіе.

Фридрихъ. И вы здѣсь, дочь и племянница? Вы прокрались сюда, чтобъ посмотрѣть на борьбу?

Розалинда. Точно такъ, государь, если вы намъ позволите.

Фридрихъ. Могу вамъ сказать, что это зрѣлище доставитъ вамъ мало удовольствія: силы этихъ людей неравны. Изъ состраданія къ молодости человѣка, вызвавшаго на бой, я хотѣлъ отговорить его, но онъ ничего не слушаетъ. Поговорите-ка вы съ нимъ; попытайтесь, не уговорите ли вы его?

Целія. Добрый Ле-Бо, позовите его сюда.

Фридрихъ. Да, позовите; я отойду въ сторону.

Ле-Бо. Господинъ состязатель, принцессы зовутъ васъ.

ОРЛАНДО ГОТОВИТСЯ КЪ БОРЬБѢ СЪ КАРЛОМЪ.

Картина известнаго англійскаго живописца Мэклиза (Daniel Maclise, 1811 - 1870).

Орландо. Почтительнѣйше исполняю ихъ приказаніе.

Розалинда. Молодой человѣкъ, вы вызвали на бой Карла, борца?

Орландо. Нѣтъ, прекрасная принцесса, онъ вызвалъ всѣхъ желающихъ. Я только пришелъ, какъ другіе, помѣряться съ нимъ силою моей молодости.

Целія. Молодой человѣкъ, вашъ духъ слишкомъ смѣлъ для вашихъ лѣтъ. Вы видѣли страшныя доказательства силы этого человѣка. Еслибъ вы взглянули на себя своими собственными глазами, или изслѣдовали себя собственнымъ разсудкомъ, сознаніе вашей опасности посовѣтовало бы вамъ рѣшиться на болѣе подходящее вашимъ силамъ дѣло. Мы просимъ васъ, ради васъ самихъ, подумать о вашей безопасности и отступиться отъ этой попытки.

Розалинда. Да, послушайте насъ, молодой человѣкъ; ваша репутація не пострадаетъ отъ этого; мы попросимъ герцога, чтобы борьба не продолжалась болѣе.

Орландо. Умоляю васъ—не наказывать меня неблагопріятнымъ мнѣніемъ; при этомъ признаю самъ себя очень виноватымъ, что отказываю хотя въ чемъ-нибудь такимъ прекраснымъ дамамъ. Пусть только ваши прекрасные глаза и добрыя желанія сопровождаютъ меня на этомъ поединкѣ. Если я буду побитъ — срамомъ покроется здѣсь только тотъ, кто никогда не пользовался почетомъ; если убьютъ меня — умретъ только тотъ, кто желалъ смерти. Я не причиню никакого огорченія моимъ друзьямъ, потому что у меня нѣтъ друзей, которые стали бы оплакивать меня; я не сдѣлаю никакого вреда свѣту, потому что въ немъ я ничего не имѣю. Въ свѣтѣ я занимаю только одно мѣсто, которое будетъ гораздо лучше наполнено, когда я очищу его.

Розалинда. Мнѣ хотѣлось бы придать вамъ ту маленькую силу, которой я владѣю.

Целія. А я хотѣла бы дополнить ея силу своею.

Розалинда. Ступайте же! Молю небо, чтобъ я ошиблась относительно васъ.

Целія. Да будутъ съ вами желанья вашего сердца!

Карлъ. Ну, ну гдѣ же этотъ юный молодецъ, такъ сильно желающій улечься рядомъ съ своей матерью—землею?

Орландо. Онъ готовъ; но желаніе его имѣетъ болѣе скромный характеръ.

Фридрихъ. Вы остановитесь послѣ перваго паденія.

Карлъ. Ручаюсь вашей свѣтлости, что вамъ, такъ усердно отклонявшимъ его отъ перваго паденія, не прійдется побуждать его ко второму.

Орландо. Вѣдь вы разсчитываете посмѣяться надо мною послѣ борьбы — такъ вамъ не слѣдовало бы смѣяться до нея. Однако, приступайте къ дѣлу.

Розалинда. Геркулесъ да поможетъ тебѣ, молодой человѣкъ!

Целія. Мнѣ хотѣлось бы быть теперь невидимкой, чтобъ схватить этого силача за ногу.

(Карлъ и Орландо борятся).

Розалинда. О, превосходный юноша!

Целія. Будь у меня въ глазахъ громовыя стрѣлы, я знаю, кто лежалъ бы на землѣ.

(Карлъ падаетъ. Радостные клики).

Фридрихъ. Довольно, довольно!

Орландо. Умоляю вашу свѣтлость позволить продолжать; я еще не разошелся.

Фридрихъ. Каково тебѣ, Карлъ?

Ле-Бо. Онъ не въ состояніи говорить, государь.

Фридрихъ. Унесите его отсюда *(Карла уносятъ)*. Какъ твое имя, молодой человѣкъ?

Орландо. Орландо, государь; я младшій сынъ Роланда де-Буа.

Фридрихъ.

Желалъ бы я, чтобъ ты былъ сынъ другого
Кого нибудь; свѣтъ твоего отца
Всегда считалъ почтеннымъ человѣкомъ,
Но я всегда врага въ немъ видѣлъ. Мнѣ
Поступокъ твой понравился бъ сильнѣе,
Происходи ты изъ другой семьи.
Но все-таки ты юноша храбрѣйшій;
Жаль одного—что не другой отецъ
Былъ названъ мнѣ тобою. До свиданья!

(Герцогъ, Ле-Бо и свита уходятъ).

Целія.

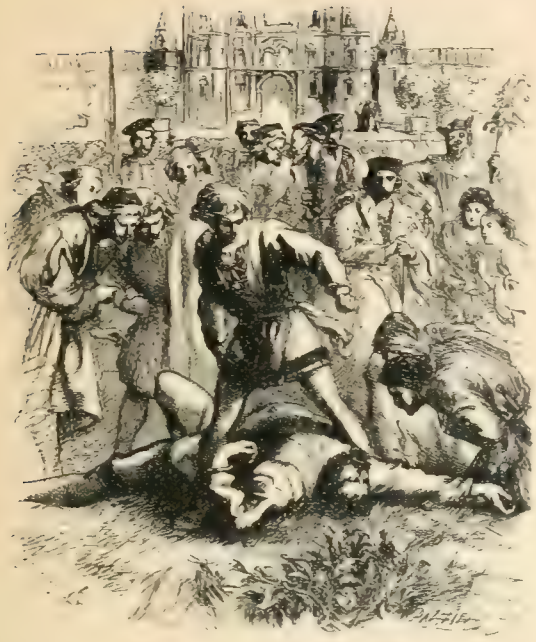
Кузиночка, будь я моимъ отцомъ,
Неужли бы я такъ же поступила,
Какъ онъ теперь?

Орландо.

Я болѣе горжусь
Тѣмъ, что я сынъ Роланда—самый младшій
Изъ сыновей его—и этотъ титулъ
Не отдалъ бы, хотя бъ въ замѣнъ его
Наслѣдникомъ усыновленнымъ Фридрихъ
Назвалъ меня.

Розалинда.

Роланда мой отецъ
Любилъ, какъ жизнь свою, и всѣ на свѣтѣ



ОРЛАНДО ПОБѢЖДАЕТЪ КАРЛА.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Такую же любовь къ нему питали.
Знай прежде я, что это сынъ его,
Слезами бы я просьбы замѣнила,
Чтобъ страшно такъ собою рисковать
Не дать ему.

Целія.

Любезная кузина,
Пойдемъ съ тобой его благодарить
И ободрять; завистливый и грубый
Тонъ моего отца на сердце мнѣ
Легъ тяжело. Мессэръ, вы отличились
Блистательно. Коли въ любви держать
Умѣете вы обѣщанья такъ же,
Какъ превзошли всѣ обѣщанья здѣсь,
То счастлива подруга ваша будетъ.

Розалинда.

(*отдавая ему цѣпь съ своей шеи*).

Вотъ эту вещь на память обо мнѣ
Прошу носить—о женщинѣ, фортуной
Отверженной, которая дала бъ
И больше вамъ, будь средства побогаче
У ней въ рукахъ!—Что жъ, Целія, идемъ?

Целія.

Идемъ сейчасъ. Прощайте, славный витязь!
(*Целія и Розалинда хотятъ идти*).

Орландо.

Ужели я не въ силахъ имъ сказать:
„Благодарю“? Прекраснѣйшія свойства
Моей души повержены во прахъ,
А то, что здѣсь нетронутымъ осталось—
Безжизненный обрубокъ.

Розалинда (*останавливаясь*).

Онъ зоветъ,
Кузина, насъ; я съ счастіемъ лишилась
И гордости; хочу спросить, чего
Желаетъ онъ? Мессэръ, мнѣ показалось—
Вы звали насъ. Мессэръ дрались вы славно
И побѣдить съумѣли не однихъ
Своихъ враговъ...

Целія.

Я жду тебя, кузина.

Розалинда.

Иду, иду. Прощайте-же...
(*Розалинда и Целія уходятъ*).

Орландо.

Какимъ
Волненьемъ мой языкъ такъ сильно скованъ?
Съ ней говорить не могъ я, а она
Настойчиво на это вызывала.

Входитъ Ле-Бо.

Орландо.

Несчастнѣйшій Орландо, ты сраженъ!
Коли не Карлъ, такъ нѣчто послабѣе
Побѣду одержало надъ тобой!

Ле-Бо.

Добрѣйшій мой, совѣтую по дружбѣ,
Изъ этихъ мѣстъ отправиться. Хотя
Вы здѣсь себѣ снискали одобренье
Высокое, и общую любовь,
И похвалы правдивыя, однако
Нашъ герцогъ такъ настроенъ, что на вашъ
Поступокъ онъ совсѣмъ иначе смотритъ.
Онъ прихотливъ, капризенъ; вамъ, мессэръ,
Приличнѣе понять его характеръ
Дѣйствительный, чѣмъ мнѣ о томъ сказать.

Орландо.

Благодарю, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прошу васъ,
Скажите мнѣ: изъ этихъ двухъ дѣвицъ,
Что на борьбу смотрѣли здѣсь—какая
Дочь герцога?

Ле-Бо.

Да ни одна изъ нихъ,
Коли судить по качествамъ душевнымъ;
На дѣлѣ же, дѣйствительно, вотъ та,

Что меньше ростомъ—дочь его; другая—
Дочь герцога-изгнанника; ее
Здѣсь дядя задержалъ какъ компаньонку
Для дочери своей, и ихъ любовь
Взаимная нѣжнѣй природной связи
Родныхъ сестеръ. Но я вамъ сообщу,
Что съ нѣкоторыхъ поръ сердитъ нашъ
герцогъ
На милую племянницу свою,
И этому одна причина только—
Что весь народъ питаетъ къ ней любовь
За качества душевныя, и жалость
Къ ней чувствуетъ изъ-за ея отца
Добрѣйшаго. Я жизнью поручиться
Готовъ, что гнѣвъ его противъ нея
Внезапно разразится. До свиданья!
Впослѣдствіи, въ другомъ и лучшемъ свѣтѣ,
Чѣмъ этотъ свѣтъ, я попрошу у васъ
Поболѣе и дружбы и знакомства.

Орландо.

Я крайне вамъ обязанъ навсегда.
Прощайте. (*Ле-Бо уходитъ*).
Ну, теперь, какъ видно, долженъ
Я изъ огня да въ полымя итти:
Отъ герцога-тирана прямо къ брату-
Тирану. Розалинда, ангелъ мой! (*Уходитъ*)

СЦЕНА III.

Комната во дворцѣ.

Входятъ Целія *и* Розалинда.

Целія. Ну, кузина, ну, Розалинда!... Купидонъ да сжалится надъ нами!—Неужели ни одного слова?

Розалинда. Ни одного, чтобъ бросить собакѣ.

Целія. Нѣтъ, твои слова слишкомъ драгоцѣнны для того, чтобъ ихъ бросать собакамъ; брось часть ихъ мнѣ. Ну, затрави меня доводами разсудка.

Розалинда. Если бы я это сдѣлала, обѣ кузины пропали бы; одну изувѣчилъ бы разсудокъ, а другая сошла бы съ ума отъ неимѣнья разсудка. (*Вздыхаетъ*).

Целія. И это все изъ-за твоего отца?

Розалинда. Нѣтъ, кое что изъ-за дитяти моего отца. О, какъ наполненъ терніями этотъ будничный свѣтъ!

Целія. Это только волчецы, кузина, брошенные на тебя въ разгарѣ праздничнаго веселья. Когда мы ходимъ не по проложеннымъ тропинкамъ, они цѣпляются за наше платье.

Розалинда. Съ платья я всегда могу ихъ сбросить; но тутъ шипы засѣли въ моемъ сердцѣ.

Целія. Вырви ихъ.

Розалинда. Я попыталась бы, если бъ знала, что это легко сдѣлать.

Целія. Ну, полно, полно; борись съ своими чувствами.

Розалинда. Ахъ, они приняли сторону лучшаго борца, чѣмъ я.

Целія. Желаю тебѣ успѣха. Въ свое время ты попытаешься потягаться съ этимъ борцомъ, рискуя даже пораженіемъ. Однако, шутки въ сторону и поговоримъ серьезно. Неужели правда, что такъ внезапно ты ощутила такую сильную привязанность къ младшему сыну старика Роланда?

Розалинда. Герцогъ, отецъ мой, горячо любилъ его отца.

Целія. Такъ развѣ изъ этого слѣдуетъ, что ты должна горячо любить его сына? По такой логикѣ, мнѣ бы слѣдовало ненавидѣть его, потому что мой отецъ сильно ненавидѣлъ его отца—а между тѣмъ я не ненавижу Орландо.

Розалинда. Да, не ненавидь его ради меня.

Целія. Изъ за чего мнѣ ненавидѣть его? Развѣ онъ не выказалъ себя съ отличной стороны?

Розалинда. Вотъ потому-то не мѣшай мнѣ любить его, а ты люби его оттого, что я люблю его. Смотри, сюда идетъ герцогъ.

Целія. Глаза его пылаютъ гнѣвомъ.

Входитъ герцогъ Фридрихъ *со свитой.*

Фридрихъ (*Розалиндѣ*).

Сударыня, подумайте сейчасъ-же
О вашей безопасности и дворъ
Оставьте нашъ немедленно.

Розалинда.

Я, дядя?

Фридрихъ.

Да, ты, племянница. Чрезъ десять дней
Коль ближе чѣмъ на двадцать миль ты будешь
Отъ нашего владѣнья—смерть тебѣ!

Розалинда.

Униженно прошу я вашу свѣтлость
Позволить мнѣ съ собою унести
Познаніе вины моей. Коль знаю
Отчетливо я самое себя,
И сознаю свои желанья ясно,
И бодрствую, и не сошла съ ума,
Въ чемъ я вполнѣ убѣждена—то, дядя

Мой дорогой, ручаюсь смѣло вамъ,
Что никогда, ничѣмъ, ни даже мыслью,
Не вышедшей на свѣтъ изъ мозга—я
Еще не оскорбила вашу свѣтлость.

ФРИДРИХЪ.

Такъ говорятъ измѣнники всегда.
Когда бъ слова ихъ душу очищали,
Невинностью равнялись бы они
Съ святынею. Довольствуйся одною
Причиною: не вѣрю я тебѣ.

РОЗАЛИНДА.

Однако же такое недовѣрье
Измѣнницей не дѣлаетъ меня.
Скажите мнѣ, на чемъ улики ваши
Основаны?

ФРИДРИХЪ.

Ты—твоего отца
Родная дочь, и этого довольно.

РОЗАЛИНДА.

Но ею же была я и тогда,
Когда его землей вы завладѣли;
Но ею же была я и тогда,
Когда его изгнали вы. Измѣна
Вѣдь не идетъ въ наслѣдство, государь;
А если бы насъ ею надѣлили
Пріятели—такъ мнѣ что до того?
Измѣнникомъ вѣдь не былъ мой родитель.
Поэтому, мой добрый государь,
Не будьте такъ ко мнѣ несправедливы,
Чтобъ въ бѣдности моей измѣну видѣть.

ЦЕЛІЯ.

Позвольте мнѣ сказать вамъ, государь
Мой дорогой...

ФРИДРИХЪ.

Да, Целія, оставилъ
Ее я здѣсь изъ-за тебя одной.
Иначе бы съ отцомъ своимъ бродила
Она теперь.

ЦЕЛІЯ.

Ее оставить здѣсь
Въ то время я не умоляла. Сами
Вы этого хотѣли, сами вы
Ее тогда жалѣли. Я въ то время
Еще была на столько молода,
Что не могла цѣнить ее. Теперь же
Узнала я ее вполнѣ. Когда
Измѣнница она—я тоже, значитъ,
Измѣнница: вѣдь вмѣстѣ спали мы,
Вставали мы въ одно и то же время,
Учились мы, играли, ѣли вмѣстѣ,
И всюду, гдѣ мы появлялись съ ней,

РОЗАЛИНДА ОТДАЕТЪ ОРЛАНДО ЦѢПЬ СО СВОЕЙ ШЕИ.

Картина нѣмецкаго художника Шверера (Friedrich Schwörer, 1833—1891).

Какъ лебеди Юноны—появлялись
Четою неразлучною всегда.

ФРИДРИХЪ.

Нѣтъ, для тебя она хитра чрезъ мѣру;
Терпѣніе ея, молчанье даже
И кроткій нравъ народу говорятъ,
И жалость къ ней онъ чувствуетъ. Ты дура!
Вѣдь у тебя она воруетъ имя,
И будешь ты и болѣе блистать,
И болѣе плѣнительной казаться,
Когда она уйдетъ отъ насъ. Итакъ,
Не раскрывай ты губъ. Твердъ, непреложенъ
Тотъ приговоръ, который произнесъ
Надъ нею я: она идетъ въ изгнанье.

ЦЕЛІЯ.

Такъ приговоръ такой же, государь,
И надо мной произнесите: розно
Съ ней жить во мнѣ нѣтъ силы.

ФРИДРИХЪ.

Ты глупа!
Племянница, готовьтесь же къ отъѣзду.
Коль долѣе назначеннаго срока

Промедлите—порукой честь моя
И словъ моихъ величье—вы умрете.

(Уходитъ со свитой).

Целія.

О, бѣдная сестра моя! Куда
Ты двинешься? Желаешь помѣняться
Отцами?—я готова своего
Тебѣ отдать. Прошу тебя, кузина,
Не будь грустнѣй меня.

Розалинда.

Причинъ грустить
Я болѣе имѣю.

Целія.

Нѣтъ, неправда.
Утѣшься же. Не знаешь развѣ ты,
Что герцогомъ отправлена въ изгнанье
Я, дочь его?

Розалинда.

Тебя онъ не изгналъ.

Целія.

Нѣтъ? Не изгналъ? У Розалинды, значитъ,
Нѣтъ той любви, которая должна
Ей разъяснить, что ты и я—одно.
Насъ разлучить? Намъ, милая, разстаться?
Нѣтъ! пусть себѣ отыщетъ мой отецъ
Наслѣдницу другую. Ну, давай же,
Придумаемъ, какъ убѣжать, куда
Отправиться, что унести съ собою...
Кинь мысль о томъ, чтобъ на себя одну
Взвалить свою невзгоду, чтобъ страданья
Свои нести безъ помощи моей:
Да, что бы ты ни говорила—небомъ,
Отъ нашихъ слезъ ужъ поблѣднѣвшимъ, я
Клянусь пойти повсюду за тобою.

Розалинда.

Ну, хорошо; куда же мы пойдемъ?

Целія.

На поиски за дядей.

Розалинда.

Ахъ, опасно
Намъ, дѣвушкамъ, въ такой далекій путь
Отправиться! Вѣдь красота сильнѣе
Чѣмъ золото влечетъ къ себѣ воровъ.

Целія.

Я наряжусь въ костюмъ простой и бѣдный
И сажею запачкаю лицо;
Ты сдѣлаешь, какъ я—и мы спокойно
Пройдемъ свой путь, ни разу никого
Не подстрекнувъ напасть на насъ.

Розалинда.

Не лучше-ль
Мнѣ, такъ какъ я довольно высока,
Одѣться съ ногъ до головы мужчиной,
Красивый мечъ привѣсивши къ бедру
И въ руки взявъ охотничую пику?
Тогда—хотя бъ въ душѣ моей лежалъ
Весь страхъ, какой таится въ женскомъ сердцѣ
У насъ, повѣрь, такой же будетъ видъ
Воинственный и гордый, какъ у многихъ
Трусливѣйшихъ мужчинъ, въ которыхъ страхъ
Скрывается подъ внѣшностью притворной.

Целія.

Какъ звать тебя прикажешь мнѣ, когда
Мужчиною ты будешь?

Розалинда.

Не желаю
Я имени скромнѣй, чѣмъ у пажа
Юпитера; такъ будешь Ганимедомъ
Ты звать меня—смотри, не позабудь.
Какое же себѣ возьмешь ты имя?

Целія.

Согласное со жребіемъ моимъ:
Не Целія я больше—Аліена.

Розалинда.

Какъ думаешь, не попытаться ль намъ,
Украсть шута придворнаго отсюда?
Онъ былъ бы намъ поддержкою въ пути—
Не правда ли?

Целія.

О, онъ пойдетъ за мною
На край земли; завербовать его
Мнѣ предоставь. Идемъ же собирать
Брильянты всѣ и всѣ богатства наши;
Удобную минуту изберемъ
И лучшій путь, чтобъ скрыться отъ погони,
Которую пошлютъ во слѣдъ за мной.
Идемъ, и пусть сердца намъ радость наполняетъ:
Насъ не изгнаніе—свобода ожидаетъ.

РОЗАЛИНДА ОТДАЕТЪ ОРЛАНДО ЦѢПЬ СО СВОЕЙ ШЕИ.
Картина англійскаго живописца конца XVIII в. Джона Доунмэна (John Downman).
(Большая Бойделевская галлерея).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Арденскій лѣсъ.

Входятъ старый герцогъ, Аміенъ *и другіе вельможи, въ платьѣ охотниковъ.*

ГЕРЦОГЪ.

Ну, что, мои товарищи и братья
Въ изгнаніи—не стала ль эта жизнь.
Благодаря привычкѣ старой, слаще
Раскрашеннаго блеска? Этотъ лѣсъ
Не менѣе ль опасностями полонъ.
Чѣмъ лживый дворъ? Здѣсь кару лишь одну
Адамову мы чувствуемъ—различье
Межъ временами года. Но когда
Зубъ ледяной и завыванье вѣтра
Сердитаго зимою тѣло мнѣ
Грызутъ и бьютъ, и наконецъ заставятъ
Отъ холода дрожать меня—тогда
Съ улыбкою я говорю: „вотъ это
Совсѣмъ не лесть; вотъ это вкругъ меня—
Совѣтники, которые отлично
Даютъ понять мнѣ, что такое я“.
Да, сладостны послѣдствія несчастья;
Какъ мерзостный и ядовитый змѣй,
Оно хранитъ неоцѣнимый камень
Подъ черепомъ. И эта наша жизнь,
Свободная отъ суеты и шума,
Находитъ голоса въ лѣсныхъ деревьяхъ
И книги въ ручейкахъ, и поученья
Въ громадныхъ камняхъ, и добро во всемъ.

АМІЕНЪ.

Да, я смѣнить жизнь эту на другую
Не захотѣлъ бы. Ваша свѣтлость тѣмъ
Счастливы, что жестокіе удары
Своей судьбы вы на такой спокойный
И сладостный языкъ способны быстро
Переводить.

ГЕРЦОГЪ.

А не пойти ль теперь
За дичью намъ? Хоть тяжело мнѣ, право,

Что этихъ глупыхъ, пестрыхъ бѣдняковъ,
Туземныхъ горожанъ пустыни этой,
Въ ихъ ссбственныхъ владѣньяхъ здѣшнихъ мы
Колючими стрѣлами настигаемъ
И ранимъ въ кровь ихъ круглые бока.

1-й вельможа.

Вотъ этимъ-то и огорченъ ужасно
Нашъ меланхоликъ Жакъ; клянется онъ,
Что въ этомъ отношеньи, ваша свѣтлость,
Вы болѣе не правы, чѣмъ вашъ братъ,
Изгнавшій васъ. Сегодня съ Аміеномъ
Мы спрятались нарочно близъ него,
Когда лежалъ въ растяжку онъ подъ дубомъ,
Котораго разросшіеся корни
Вошли въ ручей, журчащій въ этомъ лѣсѣ.
Туда пришелъ страдать бѣднякъ-олень,
Пораненый охотничьей стрѣлою;
И, вѣрьте мнѣ, свѣтлѣйшій герцогъ, такъ
Несчастное животное стонало,
Что кожаный покровъ его костей
Растягивался страшно, точно лопнуть
Готовъ былъ онъ; и жалобно текли
Вдоль мордочки его невинной слезы
Большущія и круглыя, одна
Во слѣдъ другой: такъ волосатый дурень
У самаго ручья на берегу
Стоялъ, его слезами наполняя,
А между тѣмъ глазъ не спускалъ съ него
Меланхоличный Жакъ.

Герцогъ.

Но что жъ такое
Жакъ говорилъ? Картину эту онъ
Не сдѣлалъ ли нравоученій темой?

1-й вельможа.

О, да, и тѣ нравоученья онъ
Высказывалъ во множествѣ сравненій.
Такъ, напримѣръ, при видѣ столькихъ слезъ,
Терявшихся въ ручьѣ безъ всякой пользы,
Онъ говорилъ: „бѣднякъ, подобно людямъ,
Ты дѣлаешь духовную теперь,
Тому свое богатство отдавая,
Кто безъ того достаточно богатъ".
И вслѣдъ за тѣмъ, при мысли, что оленя
Оставили лохматые друзья,
Что онъ одинъ, безпомощный, скитался—
Жакъ говорилъ: „да, это такъ всегда:
Товарищей несчастье прогоняетъ".
Вдругъ нѣсколько оленей передъ нимъ
Промчалися и веселы, и сыты,
И ни одинъ привѣта не послалъ
Несчастному. „Ну, да, бѣгите мимо—
Воскликнулъ Жакъ—бѣгите поскорѣй
Вы, сытые, зажиточные люди!
Таковъ ужъ свѣтъ! Ну, стоитъ ли смотрѣть
На жалкаго, несчастнаго банкрота!"
Такъ онъ пронзалъ упреками насквозь
Бытъ городской, и сельскій, и придворный,
И даже жизнь, которую ведемъ
Мы съ вами здѣсь; онъ клялся, что мы просто
Разбойники, тираны, хуже ихъ,
И это оттого, что мы пугаемъ
И даже бьемъ животныхъ въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ ихъ сама природа поселила.

Герцогъ.

И въ этомъ настроеньи вы его
Оставили?

2-й вельможа.

Такъ точно, ваша свѣтлость,—
Оставили въ раздумьѣ и въ слезахъ
Надъ раненымъ оленемъ.

Герцогъ.

Поведите
Меня туда. Люблю я подходить
Къ нему, когда онъ мрачно такъ настроенъ:
Тутъ множество глубокихъ мыслей въ немъ.

2-й вельможа.

Пожалуйте, я васъ сведу сейчасъ же.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Комната во дворцѣ.

Входятъ герцогъ Фридрихъ, вельможи *и* слуги.

Фридрихъ.

Возможно ли, чтобы никто изъ васъ
Не видѣлъ ихъ? Нѣтъ, это невозможно.
Сообщниковъ онѣ себѣ нашли
Въ какихъ-нибудь бездѣльникахъ придворныхъ.

1-й вельможа.

Насколько мнѣ извѣстно, такъ никто
Не видѣлъ ихъ. Въ присутствіи прислужницъ
Она легла въ постель, но рано утромъ
Прислужницы нашли уже постель
Лишенною сокровища.

2-й вельможа.

И съ ними
Исчезъ и шутъ, который часто такъ
Васъ заставлялъ смѣяться, ваша свѣтлость.

ЖАКЪ НАБЛЮДАЕТЪ ЗА РАНЕНЫМЪ ОЛЕНЕМЪ (Дѣйствіе II, сц. 1)
Картина извѣстнаго англійскаго пейзажиста Вильяма Годжеса, (W. Hodges, 1744—1797). (Бойделевская галерея).

Гесперія, прислужница принцессы,
Созналась мнѣ, что слышала она
Украдкою, какъ ваша дочь съ кузиной
Восторженно хвалили красоту
И доблести того борца, который
На дняхъ побилъ здѣсь Карла-силача.
И думаетъ Гесперія, что гдѣ бы
Ни скрылися онѣ, тотъ молодецъ
Навѣрно ихъ сопровождаетъ.

ФРИДРИХЪ.

Къ брату
Его послать сейчасъ же и привесть
Мнѣ этого молодчика, а если
Его тамъ нѣтъ, такъ пусть самъ братъ прійдетъ:
Ужъ онъ его отыщетъ мнѣ. Скорѣе
Исполните приказъ мой, а межъ тѣмъ
Безъ устали ищите, узнавайте,
Гдѣ намъ поймать безумныхъ бѣглецовъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Передъ домомъ Оливера.

ОРЛАНДО *и* АДАМЪ *встрѣчаются.*

ОРЛАНДО.

Кто здѣсь?

АДАМЪ.

Какъ! молодой мой господинъ! О, добрый,
О, дорогой мой господинъ! портретъ
Роланда престарѣлаго! Скажите,
Зачѣмъ вы здѣсь? Зачѣмъ у васъ душа
Прекрасная? Зачѣмъ васъ люди любятъ?
Зачѣмъ вы сильны, храбры, хороши?
И, наконецъ, зачѣмъ неосторожность
Имѣли вы нанесть такой ударъ
Могучему борцу при этомъ принцѣ
Причудливомъ? Опередила здѣсь
Васъ черезъ-чуръ поспѣшно ваша слава.
Есть родъ людей—извѣстно это вамъ—
Которые въ своихъ душевныхъ свойствахъ
Себѣ враговъ находятъ; изъ такихъ
Людей и вы. Достоинства всѣ ваши,
Мой господинъ, по отношенью къ вамъ—
Измѣнники чистѣйшіе, святые.
О, что за свѣтъ, въ которомъ красота
Душевная тому отравой служитъ,
Кто ею надѣленъ!

ОРЛАНДО.

Да что же тутъ
Случилося?

АДАМЪ.

О, юноша несчастный!
Не проходите въ этотъ домъ; живетъ
Подъ крышею его всѣхъ качествъ вашихъ
Заклятый врагъ, вашъ братъ—нѣтъ, нѣтъ, не братъ!
Сынъ... нѣтъ, не сынъ! я не хочу сознаться,
Что это сынъ того, кого назвать
Его отцомъ хотѣлъ я. Онъ провѣдалъ
О вашемъ торжествѣ, и нынче въ ночь
Рѣшился сжечь ту комнату, что служитъ
Вамъ спальнею, и съ нею васъ самихъ.
Коль этотъ планъ разрушится—онъ хочетъ
Употребить другія средства, лишь бы
Васъ погубить; намѣренья его
Подслушалъ я. Домъ этотъ не жилище,
А бойня. О, бѣгите въ страхѣ прочь!

ОРЛАНДО.

Куда жъ идти, Адамъ?

АДАМЪ.

Куда хотите,
Но только здѣсь не оставайтесь.

ОРЛАНДО.

Что жъ?
Желаешь ты, чтобъ сталъ я подаяньемъ
Свой хлѣбъ сбирать, иль воровской доходъ
Пріобрѣтать безумной, гнусной шпагой
На столбовой дорогѣ? Только такъ
Мнѣ поступить осталось бы—другого
Исхода я не знаю; но рѣшиться
Я не хочу на это, будь что будетъ.
Скорѣе я готовъ себя обречь
Жестокости и лютой злобѣ брата.

АДАМЪ.

Нѣтъ, этого не дѣлайте. Пятьсотъ
Червонцевъ я имѣю; эту сумму
Ничтожную собралъ на службѣ я
У вашего отца. Ее съ той цѣлью
Я приберегъ, чтобъ мнѣ она была
Заботливой сидѣлкою въ то время,
Когда придутъ въ недѣйствіе мои
Одряхнувшіе члены, и съ презрѣньемъ
Жизнь старика забросятъ люди въ уголъ.
Возьмите ихъ; моею же опорой
Пусть будетъ тотъ, кто вранамъ кормъ даетъ
И воробьямъ питанье посылаетъ!
Вотъ золото; я все вамъ отдаю.
Позвольте мнѣ слугой остаться вашимъ;
Я старъ на видъ, но крѣпокъ я и бодръ,
Затѣмъ что кровь я въ юности ни разу
Напитками горячими не портилъ
И никогда безстыдно не искалъ
Средствъ ослаблять и разрушать всѣ силы.
Вотъ почему и старчество мое—
Здоровая зима; она морозна,

Но дѣйствуетъ живительно. Итакъ,
Позвольте мнѣ послѣдовать за вами;
Какъ молодой, я буду вамъ служить
Во всѣхъ дѣлахъ и затрудненьяхъ вашихъ.

Орландо.

О, добрый мой старикъ! Какъ хорошо
Является въ тебѣ все постоянство
Тѣхъ прежнихъ лѣтъ, когда не изъ корысти
Слуга служилъ, а по одной любви!
Не созданъ ты по нашей новой модѣ,
Когда никто не хочетъ даромъ трудъ
Свой отдавать, и только что награда
Получится, усердіе тотчасъ
Кончается въ принявшемъ воздаянье.
Ты не таковъ. Но, бѣдный мой старикъ,
Ты дереву гнилому посвящаешь
Свои труды, заботливость свою;
За это все оно принесть не можетъ
Тебѣ цвѣтка простого. Но пусть будетъ
По твоему; мы вмѣстѣ въ путь пойдемъ
И прежде чѣмъ все то, что собрано тобою,
Успѣемъ мы прожить, пошлется намъ судьбою
Пріятный для души и скромный жребій.

Адамъ.

Да,
Идемъ, мой господинъ; и буду я всегда,
До часа смертнаго, ненарушимо честно
Сопровождать тебя. Я, какъ тебѣ извѣстно,
Отъ юношескихъ лѣтъ живу здѣсь, а теперь
Подъ восемьдесятъ мнѣ; но больше въ эту дверь
Я не хочу входить; въ семнадцать лѣтъ безпечно
Всякъ ищетъ счастія, въ мои жъ года конечно,
Поздненько ужъ за нимъ бѣжать. Но все равно,
Я буду награжденъ вполнѣ, коль суждено
Мнѣ встрѣтить съ чистою душой свою кончину
И знать, что заплатилъ мой долгъ я господину.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Арденскій лѣсъ.

Входятъ Розалинда, *въ мужскомъ платьѣ*, Целія, *одѣтая пастушкою, и* Оселокъ.

Розалинда. О, Юпитеръ! какъ утомился духъ.

Оселокъ. Я бы о своихъ душевныхъ силахъ не заботился, не устань мои ноги.

Розалинда. А я бы готова опозорить мое мужское платье и расплакаться, какъ женщина, но должна поддерживать болѣе слабый сосудъ, потому что камзолъ и штаны обязаны подавать примѣръ бодрости юбкѣ. Итакъ, мужайся, добрая Аліена!

Целія. Пожалуйста, перенеси мое изнеможеніе; я не могу итти дальше.

Оселокъ. Что касается до меня, то я готовъ скорѣе перенести ваше изнеможеніе, чѣмъ понести васъ самихъ. Впрочемъ, еслибъ и пришлось понести васъ, тяжесть была бы не велика: вѣдь, я полагаю, у васъ въ кошелькѣ ни гроша.

Розалинда. Итакъ, вотъ Арденскій лѣсъ.

Оселокъ. Да, вотъ я и въ Арденскомъ лѣсу — и все-таки такой же дуракъ, какъ прежде, если не больше. Дома мнѣ было лучше; но путешественники должны быть всѣмъ довольны.

Розалинда. Да, будь всѣмъ доволенъ, добрый Оселокъ. Но смотри, кто идетъ сюда: молодой человѣкъ и старикъ, занятые серьезнымъ разговоромъ.

Входятъ Коринъ *и* Сильвій.

Коринъ.

Да, это путь къ тому, чтобъ вѣчно ты
Въ ея душѣ встрѣчалъ презрѣнье.

Сильвій.

Если бъ
Ты зналъ, Коринъ, какъ я люблю ее!

Коринъ.

Понять могу отчасти, потому что
И самъ любилъ когда-то.

Сильвій.

Нѣтъ, Коринъ,
Ты, какъ старикъ, понять меня не можешь.
Хотя бъ и былъ ты въ юности страстнѣйшимъ
Любовникомъ, какой когда нибудь
Въ полночный часъ вздыхалъ въ своей постели.
Но если бы и правда, что твоя
Любовь была съ моей любовью схожа—
Хоть убѣжденъ я твердо, что никто
Такъ не любилъ, какъ я—то сколько сдѣлалъ
Въ жару ея ты глупостей смѣшныхъ?

Коринъ.

Да тысячу, которыя забыты
Теперь ужъ мной.

Сильвій.

О, значитъ, никогда
Ты не любилъ такъ сильно. Если помнить
Не можешь ты малѣйшихъ сумасбродствъ,
Въ которыя любовь тебя ввергала
Ты не любилъ.
И если ты ни разу не сидѣлъ,
Какъ я теперь, слухъ чуждый утомляя
Хваленьями возлюбленной своей—
Ты не любилъ.
И если ты не оставлялъ внезапно
Товарищей, какъ оставляю я
Тебя теперь, влекомый силой страсти—
Ты не любилъ. О, Фебэ, Фебэ, Фебэ!

(Уходитъ).

Розалинда.

Увы! пастухъ несчастный! Между тѣмъ
Какъ я твои разсматривала раны,
По горестной случайности свои
Увидѣла я тоже предъ собою.

Оселокъ. А я свои. Я помню, что когда я былъ влюбленъ, то раздробилъ свою шпагу о камень, объявивъ ей, что сдѣлалъ это для того, чтобъ отучить ее ходить по ночамъ къ Жанетѣ. И я помню, какъ я цѣловалъ ея скалку и вымя коровы, которое выдоили ея хорошенькія растрескавшіяся руки. И я помню, какъ я однажды ласкалъ и миловалъ гороховый стручекъ вмѣсто нея, и вынувъ оттуда двѣ горошины, отдалъ ихъ ей и сказалъ съ горючими слезами: „Носите ихъ ради меня“. Нашъ братъ, истинный влюбленный, подверженъ страшнымъ прихотямъ; но какъ все въ натурѣ смертно, такъ всякая влюбленная натура заражена смертельнымъ безумiемъ.

Розалинда. Ты говоришь умно, самъ не замѣчая этого.

Оселокъ. Да я и не обращу вниманія на мой умъ до тѣхъ поръ, пока не зацѣплюсь за него и не переломаю себѣ ноги.

Розалинда.

О, Зевсъ! огонь, которымъ полонъ этотъ
пастушокъ,
Такъ схожъ съ моимъ: онъ также постоянъ и глубокъ

Оселокъ.

Да и съ моимъ; но только мой какъ будто
Сталъ потухать.

Целія.

Прошу изъ васъ двоихъ
Кого-нибудь, подите и спросите,
Не можетъ ли вотъ этотъ человѣкъ
Намъ дать поѣсть за деньги; я не въ силахъ
Ужъ на ногахъ держаться.

Оселокъ.

Эй, паяцъ!

Розалинда.

Молчи, дуракъ! Тебѣ родня онъ, что-ли?

Коринъ.

Кто тамъ зоветъ?

Оселокъ.

Тѣ, кто почище васъ.

Коринъ.

Не будь они такими, было-бъ жалко
На нихъ смотрѣть.

Розалинда *(Оселку)*.

Ну, замолчи же, неучъ
(Корину). Здорово, другъ.

Коринъ.

И вы здоровы будьте,
Мой господинъ хорошенькій, и ваши
Товарищи.

Розалинда.

Прошу тебя, пастухъ,
Коль золотомъ иль лаской подкрѣпленье
Купить себѣ въ пустынѣ этой можно,
Сведи ты насъ куда-нибудь, гдѣ мы
Могли бъ найти себѣ пріютъ и пищу.
Вотъ дѣвушка, измученная страшно
Дорогою и жаждущая здѣсь
Поотдохнуть.

Коринъ.

Мой господинъ прекрасный,
Мнѣ жаль ея, и больше для нея,
Чѣмъ для себя, хотѣлъ бы я богаче
Быть, чтобы ей хоть чѣмъ нибудь помочь.
Но я пастухъ другого человѣка
И не стригу пасомыхъ мной овецъ.
Мой господинъ суровъ и грубъ; онъ мало
Заботится о томъ, чтобъ въ небо путь
Открыть себѣ гостепріимствомъ теплымъ.
Да сверхъ того, его стада, и домъ,
И пастбища теперь пошли въ продажу,
А такъ какъ онъ въ отсутствіи—у насъ
Нѣтъ ничего такого, чѣмъ я могъ бы
Васъ накормить. Но все-таки прошу
Пожаловать и посмотрѣть; душою
Я радъ гостямъ.

Розалинда.

А кто же покупщикъ
Его луговъ и стадъ?

КОРИНЪ.

Тотъ молодой
Пастухъ, что здѣсь недавно былъ со мною;
Да онъ теперь едва-едва глядитъ
На всякую покупку.

РОЗАЛИНДА.

Если только
Ты не сочтешь безчестнымъ, то купи,
Пожалуйста, стада, луга и мызу,
А мы за все заплатимъ.

ЦЕЛІЯ.

Сверхъ того,
Дадимъ тебѣ мы жалованья больше.
Понравилось мнѣ это мѣсто; здѣсь
Я съ радостью готова поселиться.

КОРИНЪ.

Сомнѣнья нѣтъ, что можно это все
Купить. Пойдемъ со мною; если только
Жизнь здѣшняя, и почва, и доходъ
Прійдутся вамъ по вкусу, я охотно
Со всею вѣрностью начну служить у васъ,
И вашимъ золотомъ все закрѣплю сейчасъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Тамъ же.

Входятъ АМІЕНЪ, ЖАКЪ *и другіе*.

АМІЕНЪ (*поетъ*).

Кто подъ зеленою листвою
Желаетъ отдыхать со мною,
И хору птичьихъ голосовъ
Кто вторить весело готовъ—
Пусть прійдетъ, пусть прійдетъ, пусть прійдетъ!
Здѣсь, на лонѣ природы,
Онъ враговъ не найдетъ,
Кромѣ зимней, суровой погоды!

ЖАКЪ. Еще, еще, прошу тебя, еще.

АМІЕНЪ. Эти пѣсни нагонятъ на васъ меланхолію, monsieur Жакъ.

ЖАКЪ. Спасибо имъ за это. Еще, прошу тебя, еще. Я могу высасывать меланхолію изъ пѣсни, какъ ласточка высасываетъ яйца. Еще, прошу тебя, еще!

АМІЕНЪ. Я охрипъ; притомъ же я знаю, что не могу понравиться вамъ.

ЖАКЪ. Я и не требую, чтобъ вы мнѣ нравились: я желаю, чтобъ вы пѣли. Ну, дальше, слѣдующій стансъ. Вѣдь вы ихъ называете стансами?

АМІЕНЪ. Какъ вамъ будетъ угодно, monsieur Жакъ.

ЖАКЪ. Называйся они какъ хотятъ, мнѣ все равно; вѣдь они ничего не должны мнѣ. Что жъ, будете пѣть?

АМІЕНЪ. Пожалуй—скорѣе, чтобы исполнить ваше желаніе, чѣмъ для собственнаго удовольствія.

ЖАКЪ. Ну, если я когда-нибудь поблагодарю кого-нибудь, такъ этотъ кто-нибудь будете вы. Но то, что люди называютъ комплиментомъ, похоже на гримасы, которыя строятъ другъ другу двѣ обезьяны, а когда человѣкъ благодаритъ меня отъ души, мнѣ кажется, что я подалъ ему грошъ и что онъ благодаритъ меня какъ нищій. Ну, пойте; а вы, не желающіе пѣть, придержите языки.

АМІЕНЪ. Хорошо, я окончу начатую пѣсню. А вы, господа, покамѣстъ накрывайте на столъ; герцогъ намѣренъ пить подъ этимъ деревомъ. (*Жаку*). Онъ сегодня цѣлый день искалъ васъ.

ЖАКЪ. А я цѣлый день избѣгалъ его. Онъ слишкомъ большой спорщикъ. У меня въ головѣ столько же мыслей, сколько и у него, но я за это благодарю небо и не кичусь этимъ. Ну, начинай щебетать.

АМІЕНЪ (*поетъ, всѣ ему вторятъ*).

Кто честолюбья избѣгаетъ,
Подъ солнцемъ жить предпочитаетъ,
И кто, умѣренность любя,
Самъ ищетъ пищу для себя,
Пусть прійдетъ, пусть прійдетъ, пусть прійдетъ!
Здѣсь, на лонѣ природы,
Онъ враговъ не найдетъ,
Кромѣ зимней, суровой погоды.

ЖАКЪ. Я вамъ скажу на этотъ мотивъ стихи, которые я сочинилъ вчера на зло моей стихотворной изобрѣтательности.

АМІЕНЪ. А я спою ихъ.

ЖАКЪ. Вотъ эти стихи:

Коль человѣку вдругъ случится
Въ осла внезапно превратиться,
Богатство бросить и покой
Для дикой прихоти пустой,
Ducdame, ducdame, ducdame!
Здѣсь тотчасъ же онъ встрѣтитъ
Дурней, равныхъ себѣ.
Если только на зовъ мой отвѣтитъ!

АМІЕНЪ. Что значитъ ducdame?

ЖАКЪ. Это греческое заклинаніе, которымъ глупцовъ зазывали въ заколдован-

ный кругъ. Я пойду уснуть, если буду въ состояніи; а если не смогу уснуть, то буду сыпать ругательства на всѣхъ перворожденныхъ Египта.

Амієнъ. А я пойду искать герцога; его обѣдъ готовъ. *(Уходятъ въ разныя стороны).*

СЦЕНА VI.

Тамъ же.

Входятъ Орландо *и* Адамъ.

Адамъ. Дорогой мой господинъ, я не могу идти дальше. О, я умираю отъ голода! Здѣсь я лягу и сниму мѣрку для моей могилы. Прощайте, добрый мой господинъ.

Орландо. Какъ—уже, Адамъ? Только у тебя и хватило мужества? Поживи немного, поддержи себя немного, развеселись немного. Если въ этомъ суровомъ лѣсу живетъ какой-нибудь дикій звѣрь, то или онъ съѣстъ меня, или я принесу его тебѣ въ пищу. Ты ближе къ смерти по воображенію, чѣмъ по силамъ. Ободрись изъ любви ко мнѣ; не подпускай еще нѣсколько времени смерть къ своему тѣлу. Я сейчасъ же вернусь къ тебѣ, и если не принесу тебѣ чего-нибудь поѣсть, то дамъ тебѣ позволеніе умереть. Но если ты умрешь прежде, чѣмъ я возвращусь — значитъ, ты издѣваешься надъ моими стараніями. Ну, вотъ и хорошо: ты повеселѣлъ, и я скоро буду опять здѣсь. Но ты лежишь на холодномъ воздухѣ; дай-ка я снесу тебя въ какой-нибудь пріютъ, и если въ этой пустынѣ есть живое существо, ты не умрешь отъ недостатка пищи. Бодрѣе, добрый Адамъ! (*Уходятъ*).

СЦЕНА VII.

Лѣсъ.

Накрытый столъ. Входятъ старый герцогъ, Амієнъ, вельможи *и прислуга.*

Герцогъ.

Онъ въ звѣря превратился вѣроятно:
Подъ образомъ людскимъ нигдѣ нельзя
Его найти.

1-й вельможа.

Онъ только что отсюда
Ушелъ домой; онъ пѣсню слушалъ здѣсь
И веселъ былъ.

Герцогъ.

Ну, если музыкантомъ
Да станетъ онъ—онъ, диссонансовъ всѣхъ
Смѣшеніе—то дисгармонью скоро
Увидимъ мы во всѣхъ небесныхъ сферахъ.
Я васъ прошу пойти за нимъ; сказать,
Что мнѣ бы съ нимъ поговорить хотѣлось.

Входитъ Жакъ.

1-й вельможа.

Онъ отъ труда меня избавилъ тѣмъ,
Что самъ пришелъ.

Герцогъ.

Что жъ это значитъ, сударь?
Возможно ли такую жизнь вести,
Чтобъ бѣдные друзья васъ умоляли
Не бѣгать ихъ? Но что я вижу? радость
У васъ въ лицѣ!

Жакъ.

Шутъ, шутъ! Я встрѣтилъ здѣсь
Въ лѣсу шута—шута въ ливреѣ пестрой.
О, жалкій міръ! Да, это вѣрно такъ,
Какъ то, что я живу посредствомъ пищи—
Шутъ встрѣченъ мной. Лежалъ онъ на землѣ
И грѣлъ себя на солнышкѣ, и тутъ же
Сударыню-фортуну онъ честилъ
Хорошими, разумными словами,
А между тѣмъ онъ просто пестрый шутъ.
„Здорово, шутъ!“ сказалъ я. „Нѣтъ ужъ, сударь“,
Онъ отвѣчалъ, „не называйте вы
Меня шутомъ, пока богатства небо
Мнѣ не пошлетъ“. Затѣмъ полѣзъ въ карманъ
И, вытащивъ часы, безцвѣтнымъ взглядомъ
На нихъ взглянулъ и мудро произнесъ:
„Десятый часъ!“ и вслѣдъ за тѣмъ прибавилъ:
„Здѣсь видимъ мы, какъ двигается міръ:
„Всего лишь часъ назадъ, былъ часъ девятый,
„А часъ пройдетъ—одиннадцать пробьетъ;
„И такъ-то вотъ мы съ каждымъ часомъ зрѣемъ,
„И такъ-то вотъ гніемъ мы каждый часъ—
„И тутъ конецъ всей сказочкѣ“. Чуть только
Услышалъ я, что этотъ пестрый шутъ
О времени такъ разсуждаетъ—печень
Моя сейчасъ запѣла пѣтухомъ
Отъ радости, что водятся такіе
Мыслители среди шутовъ, и я
Часъ цѣлый по его часамъ смѣялся.
О, славный шутъ! о, превосходный шутъ!
Нѣтъ ничего прекраснѣй пестрой куртки.

Герцогъ.

Кто этотъ шутъ?

Жакъ.

О, превосходный шутъ!
Онъ при дворѣ служилъ и утверждаетъ,
Что женщина, коль молода она
И хороша, имѣетъ даръ объ этомъ
Сейчасъ узнать. И у него въ мозгу,
Который сухъ, какъ сухаря остатокъ,
Не съѣденный въ дорогѣ—клѣти есть
Престранныя; ихъ множествомъ замѣтокъ
Онъ начинилъ и тѣ замѣтки въ ходъ
Отрывками пускаетъ. О, когда бы
Мнѣ стать шутомъ! Я въ куртκѣ пестрой
Свое все честолюбье заключаю.

Герцогъ.

И ты ее получишь.

Жакъ.

Мнѣ къ лицу
Она одна—но только съ уговоромъ,
Чтобъ вырвали изъ здравой головы
Вы мнѣніе, въ ней сѣвшее глубоко,
Что я уменъ. Свободу вы должны
Мнѣ дать во всемъ, чтобъ я, какъ вольный вѣтеръ,
Могъ дуть на все, на что я захочу,
Какъ всѣ шуты; и тѣ, кого я буду
Сильнѣй колоть, должны и хохотать
Сильнѣй другихъ. Какая же причина,
Мессэръ, тому? Причина такъ пряма,
Какъ въ сельскій храмъ ведущая дорожка:
Тотъ человѣкъ, котораго сразитъ
Шутъ остротой—нелѣпо поступаетъ,
Когда ударъ, какъ онъ жестокъ ни будь,
Не съ полнымъ равнодушьемъ переноситъ;
Иначе все, что глупо въ мудрецѣ,
Отъ шутовскихъ ударовъ обнажится.
Попробуйте напялить на меня
Костюмъ шута, позвольте мнѣ свободно
Все говорить, и я ручаюсь вамъ,
Что вычищу совсѣмъ желудокъ грязный
Испорченнаго міра, лишь бы онъ
Съ терпѣніемъ глоталъ мое лѣкарство.

Герцогъ.

Фи, знаю я, что сталъ бы дѣлать ты.

Жакъ.

Да ничего дурного, безъ сомнѣнья.

Герцогъ.

Карая грѣхъ, ты этимъ бы свершалъ
Страшнѣйшій грѣхъ: вѣдь самъ ты былъ распутнымъ,
И чувственность была въ тебѣ сильна,

ОРЛАНДО: Бодрѣе, добрый Адамъ!
(Дѣйств. II, сц. 6).

Картина извѣстнаго англійскаго живописца Роб. Смирка (Rob. Smirke, R. A., 1752—1845). Малая Бойделевская галлерея).

Какъ похоть звѣрская; итакъ всѣ язвы,
Недуги всѣ, которые схватилъ
Ты, шляяся вездѣ, распространилъ бы
Ты по свѣту.

Жакъ.

Какъ, развѣ человѣкъ,
Тщеславіе бранящій, этимъ самымъ
И личности отдѣльныя бранитъ?
Тщеславіе обширно вѣдь, какъ море,
И волны такъ вздымаетъ высоко,
Что наконецъ не можетъ удержаться—
И падаетъ. Когда я говорю,
Что многія изъ нашихъ горожанокъ
Несмѣтныя сокровища несутъ
На недостойномъ тѣлѣ—развѣ этимъ
На личность я указываю? Гдѣ
Та женщина, которая мнѣ скажетъ,
Что именно о ней я говорилъ,
Когда ея сосѣдка съ нею схожа?
Скажите жъ мнѣ, понять мнѣ дайте, чѣмъ
Языкъ мой могъ обидѣть человѣка?
Коли я въ цѣль попалъ, такъ оскорбилъ

Онъ самъ себя; коли онъ чистъ душою,
То мой укоръ по воздуху летитъ,
Какъ дикій гусь, въ которомъ не имѣетъ
Никто нужды. Но кто идетъ сюда?

Входитъ Орландо *съ обнаженнымъ мечемъ.*

Орландо.

Остановитесь! Больше ѣсть не смѣйте!

Жакъ.

Да я еще совсѣмъ не начиналъ.

Орландо.

И не начнешь, пока нужда не будетъ
Насыщена.

Жакъ.

Что это за пѣтухъ?

Герцогъ.

Что придало тебѣ такую дерзость?
Отчаянье? иль просто оттого,
Что вѣжливость ты грубо презираешь,
Являешься ты неучемъ такимъ?

Орландо.

Вы съ самаго начала въ цѣль попали:
Колючій шипъ отчаянной нужды
Сорвалъ съ меня пріятную личину
Приличія; но уроженецъ я
Не дикихъ странъ и вѣжливость знакома
Мнѣ хорошо. И все-таки теперь
Я говорю: остановитесь! Первый,
Кто тронетъ лишь одинъ изъ сихъ плодовъ,
Не давши мнѣ сперва себя насытить
И тѣхъ, о комъ забочусь—будетъ мертвъ.

Жакъ.

Коли нельзя васъ убѣдить разсудкомъ,
Такъ я умру.

Герцогъ.

Чего хотите вы?
Склонить могли бъ вы насъ къ гостепріимству
Не силою, а кротостью.

Орландо.

Совсѣмъ
Я изнемогъ отъ голода; скорѣе
Мнѣ дайте ѣсть.

Герцогъ.

Садитесь подлѣ насъ,
И кушайте, и будьте нашимъ гостемъ.

Орландо.

Какъ вашъ языкъ привѣтливъ! О, прошу
Простить меня; я думалъ, въ этомъ мѣстѣ
Все дикое, и только потому
Я рѣзкій тонъ приказа взялъ. Но кто бы
Вы ни были, вы, въ глубинѣ лѣсовъ,
Подъ сѣнію деревъ меланхоличныхъ,
Живущіе безпечно—если вы
Когда-нибудь дни лучшіе знавали,
И жили тамъ, гдѣ колокольный звонъ
Сзываетъ въ храмъ, и за столомъ сидѣли
Честныхъ людей, и плакали порой,
И вѣдали, что значитъ милосердье
Оказывать и получать самимъ—
Любезностью сердечной накажите
Меня теперь. Надежды этой полный,
Краснѣю я и мечъ кладу въ ножны.

Герцогъ.

Да, правда, мы дни лучшіе знавали,
И жили тамъ, гдѣ колокольный звонъ
Сзываетъ въ храмъ, и за столомъ сидѣли
Честныхъ людей, и слезы лили мы,
Рожденныя священнымъ состраданьемъ—
И потому гостепріимно васъ
Здѣсь просимъ сѣсть и всѣмъ распоряжаться,
Чѣмъ можемъ мы въ нуждѣ вамъ пособить.

Орландо.

Помедлите трапезою немного:
Какъ лань, пойду я за птенцомъ своимъ,
Чтобъ накормить его. То бѣдный старецъ,
Усталые шаги свои за мной
Направившій изъ преданности чистой.
Пока онъ силъ не подкрѣпитъ своихъ,
Ослабленныхъ вліяньемъ двухъ недуговъ—
И старости, и голода—куска
Малѣйшаго не трону я.

Герцогъ.

Идите
Сейчасъ за нимъ; мы кушать не начнемъ,
Покамѣстъ вы сюда не возвратитесь.

Орландо.

Благодарю, и да спасетъ васъ Богъ
За вашъ пріемъ вполнѣ великодушный!

(Уходитъ).

Герцогъ.

Вотъ видишь, мы несчастны не одни:
На міровой, необозримой сценѣ
Являются картины во сто разъ
Ужаснѣе, чѣмъ на подмосткахъ этихъ,
Гдѣ мы съ тобой играемъ.

Жакъ.

Міръ—театръ;
Въ немъ женщины, мужчины, всѣ—актеры;

СЕМЬ ВОЗРАСТОВЪ

« КАКЪ ВАМЪ ЭТО ПОНРАВИТСЯ »

РОБЕРТЪ СМИРКЪ

SEVEN AGES

«AS YOU LIKE IT »

ROBERT SMIRKE R.A.

У каждаго есть входъ и выходъ свой,
И человѣкъ одинъ и тотъ же роли
Различныя играетъ въ пьесѣ, гдѣ
Семь дѣйствій есть. Сначала онъ ребенокъ,
Пищащій и ревущій на рукахъ
У нянюшки; затѣмъ — плаксивый школьникъ,
Съ блистающимъ, какъ утро дня, лицомъ
И съ сумочкой ползущій неохотно,
Улиткою въ училище; затѣмъ
Любовникъ онъ, вздыхающій какъ печка
Балладой жалостною въ честь бровей
Возлюбленной своей; затѣмъ онъ воинъ,
Обросшій бородой, какъ леопардъ,
Наполненный ругательствами, честью
Ревниво дорожащій, задорный.
За мыльнымъ славы пузыремъ готовый
Влѣзть въ самое орудія жерло.
Затѣмъ уже онъ судія, съ почтеннымъ
Животикомъ, въ которомъ каплуна
Отличнаго запряталъ, съ строгимъ взоромъ,
Съ остриженной красиво бородой,
Исполненный мудрѣйшихъ изрѣченій
И аксіомъ новѣйшихъ—роль свою
Играетъ онъ. Въ шестомъ изъ этихъ дѣйствій
Является онъ тощимъ паяцомъ,
Съ очками на носу и съ сумкой съ боку;
Штаны его, что юношей еще
Себѣ онъ сшилъ, отлично сохранились,
Но широки безмѣрно для его
Изсохшихъ ногъ; а мужественный голосъ,
Смѣнившійся ребяческимъ дискантомъ,
Свистъ издаетъ пронзительно-фальшивый.
Послѣдній актъ, кончающій собой
Столь полную и сложную исторью,
Есть новое младенчество—пора
Беззубая, безглазая, безъ вкуса,
Безъ памяти малѣйшей, безъ всего.

Входитъ Орландо, *несущій* Адама.

Герцогъ.

Привѣтъ мой вамъ. Кладите жъ вашу ношу
Почтенную и дайте ей поѣсть.

Орландо.

Благодарю васъ за него душевно.

Адамъ.

И хорошо вы дѣлаете. Я
Благодарить самъ за себя не въ силахъ.

Герцогъ.

Привѣтъ мой вамъ! За столъ же поскорѣй!
Не стану я мѣшать трапезѣ вашей
Разспросами о вашихъ приключеньяхъ.
Пусть музыка сыграетъ что-нибудь,
А вы, кузенъ мой добрый, спойте пѣсню.

Амiенъ (*поетъ*).

Разносись, зимній вѣтеръ, и вой!
Ты безвреднѣе злобы людской,
И еще никого и ни разу
Не поранилъ такъ сильно твой зубъ,
Потому что хоть дикъ ты и грубъ,
Но невидимъ тѣлесному глазу.
Гей, го-го! Станемъ пѣть подъ зеленой листвой!
Дружба часто фальшива, любовь — сонъ пустой!
Гей, го-го! подъ зеленой листвой—
Наша жизнь краше всякой другой!

Ледените насъ, зимніе дни!
Не такъ сильно кусаютъ они
Какъ забытое доброе дѣло;
И хоть страшны они для морей,
Но терзаетъ гораздо больнѣй
Другъ забывчивый душу и тѣло.
Гей, го-го! Станемъ пѣть подъ зеленой листвой!
Дружба часто фальшива, любовь — сонъ пустой!
Гей, го-го! подъ зеленой листвой—
Наша жизнь краше всякой другой!

Герцогъ

(*который въ это время тихо разговариваль съ Орландо*).

Да, если вы на самомъ дѣлѣ сынъ
Почтеннаго Роланда, какъ шепнули
Вы мнѣ теперь и какъ удостовѣрилъ
Меня мой глазъ, который на лицѣ
У васъ нашелъ живой и очень вѣрный
Его портретъ—привѣтствую васъ здѣсь
Отъ всей души! Я герцогъ, другъ Роланда.
Теперь пойдемъ ко мнѣ въ пещеру; тамъ
Вы дальше мнѣ о вашихъ приключеньяхъ
Разскажете. (*Адаму*). Старикъ почтенный, ты
Пріятенъ мнѣ какъ господинъ твой. Люди,
Сведите подъ руки его. (*Къ Орландо*) А вы
Подайте руку мнѣ, и дома обо всемъ,
Что вы перенесли, разскажете. Идемъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Комната во дворцѣ.

Входятъ ГЕРЦОГЪ ФРИДРИХЪ, ВЕЛЬМОЖИ *и* ОЛИВЕРЪ.

ФРИДРИХЪ.

Такъ вы его не видѣли съ тѣхъ поръ?
Мессэръ, мессэръ, я не могу повѣрить:
Не заключай моя душа въ себѣ
Такъ много доброты—предмета мщенья
Не сталъ бы я отыскивать далеко,
Когда ты здѣсь. Но берегись! твой братъ,
Гдѣ бъ ни былъ онъ, а долженъ быть отысканъ.
Ищи его со свѣчкой; черезъ годъ
Доставь его сюда живымъ иль мертвымъ,
Иль болѣе не возвращайся жить
Въ моей странѣ. Твои помѣстья, вещи,
Которыя своими ты зовешь,
Достойныя секвестра, будутъ въ нашемъ
Владѣніи, пока твой братъ съ тебя
Не сниметъ самъ всего, въ чемъ обвиненье
Мы взводимъ на тебя.

ОЛИВЕРЪ.

О, еслибъ вы,
Свѣтлѣйшій принцъ, мои всѣ чувства знали!
Я никогда вѣдь брата не любилъ.

ФРИДРИХЪ.

Тѣмъ болѣе ты негодяй! *(Вельможамъ).* Сейчасъ же
Прогнать его отсюда; наложить
Чиновникамъ особымъ на помѣстья
И домъ его секвестръ—и это все
Съ возможною поспѣшностью исполнить.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Лѣсъ.

Входитъ ОРЛАНДО *и привѣшиваетъ къ дереву бумагу.*

ОРЛАНДО.

Виси ты здѣсь, мой стихъ, какъ знакъ любви моей,
А ты, въ тройномъ вѣнцѣ царица тихой ночи,
Впери изъ горнихъ сферъ свои святыя очи
Въ то имя, что царитъ во мнѣ надъ жизнью всей.
О, Розалинда, другъ! деревья эти всѣ
Бумагой служатъ мнѣ; на ихъ корѣ впишу я
Все то, что думаю, что чувствую: хочу я,
Чтобъ каждый видѣлъ здѣсь хвалу твоей красѣ.
Иди же, Орландо, спѣши!
На деревѣ каждомъ пиши
Ее, дорогую, любимую,
Словами едва выразимую.

(Уходитъ).

Входятъ КОРИНЪ *и* ОСЕЛОКЪ.

КОРИНЪ. Ну, какъ вамъ нравится, почтеннѣйшій Оселокъ, эта пастушеская жизнь?

ОСЕЛОКЪ. Сказать тебѣ правду, пастухъ, разсматриваемая сама по себѣ, она хорошая жизнь; но разсматриваемая какъ жизнь пастушеская, она ровно ничего не стоитъ. По своей уединенности она мнѣ очень нравится, но по своей отчужденности она мнѣ кажется самою паскудною жизнью. Какъ жизнь сельская, она мнѣ очень по сердцу; но принимая во вниманіе, что она проходитъ вдали отъ двора, я нахожу ее очень скучною. Какъ жизнь воздержная, она, видите ли, вполнѣ соотвѣтствуетъ моимъ наклонностямъ, но какъ жизнь, лишенная изобилія, она совершенно противорѣчитъ моему желудку. Пастухъ, ты знаешь какой-нибудь толкъ въ философіи?

КОРИНЪ. Знаю лишь на столько, чтобъ понимать, что чѣмъ сильнѣе человѣкъ нездоровъ, тѣмъ онъ больнѣе; что тотъ, у кого нѣтъ денегъ, средствъ и достатка, не имѣетъ трехъ хорошихъ друзей; что дождь мочитъ, а огонь сожигаетъ; что отъ жирныхъ пастбищъ овцы жирѣютъ; что важнѣйшая причина ночи есть отсутствіе солнца; что тотъ, кто не получилъ ума ни отъ природы, ни искуственными средствами — или можетъ жаловаться на дурное воспитаніе, или родился отъ очень глупыхъ родителей.

ОСЕЛОКЪ. Это совершенно натуральная философія. Пастухъ, ты былъ когда-нибудь при дворѣ?

КОРИНЪ. Нѣтъ, не былъ.

ОСЕЛОКЪ. Ну, такъ ты будешь ввержень въ геенну огненную.

СЕМЬ ВОЗРАСТОВЪ (Дѣйствіе II, сц. 7).

Картина извѣстнаго англійскаго живописца Мэдрея (The seven Ages, by W. Mulready, R. A., 1786 - 1863).

Коринъ. Надѣюсь, что не буду.

Оселокъ. Непремѣнно будешь и сгоришь, какъ дурно испеченное яйцо—только съ одной стороны.

Коринъ. За то, что я не былъ при дворѣ? Почему же это?

Оселокъ. Потому, что если ты никогда не былъ при дворѣ, то никогда не видѣлъ хорошихъ манеръ; а если ты никогда не видѣлъ хорошихъ манеръ, то твои манеры должны быть дурны; а что дурно, то грѣхъ; а за грѣхъ идутъ въ адъ. Ты въ опасномъ положеніи, пастухъ.

Коринъ. Нисколько, Оселокъ. Тѣ манеры, которыя считаются хорошими при дворѣ, смѣшны въ деревнѣ, точно такъ же, какъ манеры деревенскія очень смѣшны при дворѣ. Вы сказали мнѣ, что при дворѣ люди при встрѣчѣ не кланяются другъ другу, а посылаютъ другъ другу воздушные поцѣлуи, цѣлуя кончики своихъ пальцевъ; это обыкновеніе было бы весьма нечистоплотно, еслибъ придворные были пастухами.

Оселокъ. Доказательство, скорѣе доказательство!

Коринъ. Доказательство вотъ: мы постоянно трогаемъ нашихъ овецъ, а вы знаете, что ихъ шерсть жирная.

Оселокъ. А развѣ руки нашихъ придворныхъ не потѣютъ? И развѣ жиръ овцы не такъ здоровъ, какъ потъ человѣка? Слабо, слабо! Давай лучшее доказательство. Ну?

Коринъ. Сверхъ того, наши руки жостки.

Оселокъ. Тѣмъ скорѣе ихъ осязали бы ваши губы. Опять слабо. Давай лучшее доказательство. Ну?

Коринъ. И часто, когда мы лѣчимъ нашихъ овецъ, то намазываемъ ихъ дегтемъ. Такъ вы хотите, чтобъ мы цѣловали деготь? А руки придворныхъ надушены цибетомъ.

Оселокъ. О, глупѣйшій человѣкъ! Ты—изъѣденный червями кусокъ въ сравненіи съ хорошимъ кускомъ мяса! Ей-ей, такъ! Поучайся у мудраго и разсуди: цибетъ болѣе низкаго происхожденія, чѣмъ деготь; онъ—нечистое испражненіе тибетской кошки. Жду лучшаго доказательства, пастухъ.

Коринъ. Вы слишкомъ придворно-умны для меня; уступаю вамъ.

Оселокъ. Такъ ты хочешь итти въ адъ? Да поможетъ тебѣ Богъ, глупый ты человѣкъ! Да просвѣтитъ тебя Богъ!—ты очень простъ.

Коринъ. Сударь, я простой поденщикъ; я зарабатываю то, что съѣдаю, пріобрѣтаю то, что ношу, ни къ кому не имѣю ненависти, не завидую ни чьему счастью, радуюсь благополучію другихъ людей, мирюсь со своимъ бѣдственнымъ положеніемъ, и заключаю все мое самолюбіе въ томъ, чтобъ видѣть, какъ мои овцы пасутся, а ягнята сосутъ.

Оселокъ. Тутъ ты опять грѣшишь глупостью: собирать въ одно мѣсто овецъ и барановъ и стараться зарабатывать хлѣбъ оплодотвореніемъ животныхъ, служить сводникомъ барану и, вопреки всѣмъ брачнымъ правиламъ, отдавать двѣнадцатимѣсячную овцу хромоногому, старому, рогатому барану. Если ты не пойдешь за это въ адъ—значитъ, самъ чортъ не желаетъ имѣть у себя пастуховъ; иначе—не знаю, какъ ты можешь увернуться.

Коринъ. Вотъ идетъ Ганимедъ, молодой братъ моей новой хозяйки.

Входитъ Розалинда, *читая бумагу.*

Розалинда (*читаетъ*).

«Нѣтъ среди обѣихъ Индій
Камня краше Розалинды;
«Вѣтеръ по свѣту разноситъ
«Быстро славу Розалинды;
«Блескъ прекраснѣйшихъ портретовъ
Меркнетъ передъ Розалиндой.
«Позабудьте всѣхъ красавицъ,
«Кромѣ милой Розалинды!»

Оселокъ. Я вамъ буду риѳмовать такимъ образомъ восемь лѣтъ сряду, исключая часы обѣдовъ, ужиновъ и сна. Эти стихи—точь въ точь рысь торговки масломъ, когда она спѣшитъ на рынокъ.

Розалинда. Убирайся, шутъ!

Оселокъ. Вотъ образчикъ:

Коль олень груститъ по лани,
Пусть идетъ онъ къ Розалиндѣ;
«Какъ самца желаетъ кошка,
«Такъ мужчину Розалинда;
«Платью зимнему подкладка
«Такъ нужна, какъ Розалиндѣ;
Кто идетъ на жатву, долженъ
Тамъ работать съ Розалиндой;
Плодъ сладчайшій съ кислой коркой—
Плодъ такой же Розалинда;
Розу ищущій, находитъ
«И шипы и Розалинду».

Вотъ собственно фальшивый галопъ стиховъ. Что вамъ за охота заражать себя этими риѳмами.

Розалинда. Молчи, глупый шутъ. Я нашла ихъ на деревѣ.

Оселокъ. Скверные плоды приноситъ это дерево.

Розалинда. Я привью къ нему сначала

тебя, а потомъ кизилъ: тогда это дерево принесетъ самый ранній плодъ во всей странѣ, потому что ты сгніешь прежде чѣмъ созрѣешь до половины, а въ этомъ и состоитъ главное достоинство кизиля.

Оселокъ. Вы проговорили, но умно или нѣтъ—это пусть рѣшитъ лѣсъ.

Входитъ Целія, *читая бумагу.*

Розалинда. Тише! Вотъ идетъ моя сестра; она что-то читаетъ. Отойдите въ сторону.

Целія (*читаетъ*).

«Ужели этотъ лѣсъ пустыннымъ
«Остаться долженъ оттого,
«Что въ немъ никто не обитаетъ?
«Нѣтъ, я къ деревьямъ всѣмъ его
«Привѣшу языки, и будутъ
«Они рядъ истинъ возвѣщать:
«Что жизнь людская очень скоро
«Кончаетъ по свѣту блуждать;
«Что эта жизнь, обыкновенно,
Простого локтя не длинѣй;
«Что очень часто нарушались
Слова и клятвы двухъ друзей.
«Но въ заключенье каждой фразы
«И на прекраснѣйшихъ вѣтвяхъ
«Я буду имя Розалинды
Писать, чтобъ каждый въ сихъ мѣстахъ
Узналъ, что небо захотѣло
Ее всѣмъ лучшимъ надѣлить
«И отдало приказъ природѣ
«Въ одномъ лицѣ соединить
«Земныя прелести. Природа
«Приказъ исполнила и ей
«Тотчасъ дала лицо Елены—
«Безъ сердца, полнаго затѣй—
«Всю величавость Клеопатры,
Весь Аталанты блескъ ума,
«Духъ строго-дѣвственный, которымъ
Была Лукреція полна.
«Такъ клиръ небесный Розалинду
«Создалъ изъ разныхъ свойствъ людей;
Сердца, глаза и лица многихъ
«Соединились чудно въ ней.
«Рѣшило небо ей все это получить,
«А мнѣ—ея рабомъ до самой смерти жить».

Розалинда. О, милосердый Юпитеръ! Какою скучною проповѣдью любви вы утомили вашихъ прихожанъ, ни разу не сказавъ: „Потерпите, добрые люди!“

Целія. Какъ? вы здѣсь, друзья? Пастухъ, отойди немного. (*Оселку*). Ты ступай съ нимъ.

Оселокъ. Идемъ, пастухъ; отступимъ съ почетомъ—если безъ обоза и поклажи, то, по крайней мѣрѣ, съ сумкой и кулькомъ. (*Уходитъ съ Корниомъ*).

ОРЛАНДО ВѢШАЕТЪ НА ДЕРЕВО СТИХИ ВЪ ЧЕСТЬ РОЗАЛИНДЫ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Целія. Ты слышала эти стихи?

Розалинда. О, да я слышала ихъ, и еще прибавку къ нимъ, потому что нѣкоторые изъ этихъ стиховъ имѣли больше стопъ, чѣмъ можетъ быть у стиховъ.

Целія. Это все равно; стопы могли поддержать стихи.

Розалинда. Да, но самыя стопы хромали, не имѣли силы поддержать себя, и потому заставили хромать стихи.

Целія. Но могла ли ты безъ удивленія услышать, что твое имя виситъ и вырѣзано на здѣшнихъ деревьяхъ?

Розалинда. Когда ты пришла сюда, то уже семь дней изъ девяти было проведено мною въ изумленіи, потому что—посмотри, что я нашла на одномъ пальмовомъ деревѣ. Меня не воспѣвали такъ сильно со времени Пиѳагора, когда я была ирландскою мышью; а вѣдь это было такъ давно, что я едва помню.

Целія. Догадываешься ты, кто сдѣлалъ это?

Розалинда. Человѣкъ?

Целія. Да, и на шеѣ у него цѣпь, которую ты когда-то носила. Ты измѣняешься въ лицѣ?

Розалинда. Но кто же это, скажи пожалуйста?

Целія. О, Господи, Господи! Трудно друзьямъ встрѣтиться послѣ разлуки—но и горы могутъ сдвигаться съ своихъ мѣстъ вслѣдствіе землетрясенія и встрѣчаются одна съ другой.

Розалинда. Да скажешь ли ты, кто онъ?

Целія. Возможно ли?

Розалинда. Умоляю тебя съ самою неотступною настоятельностью сказать мнѣ, кто онъ.

Целія. О, удивительно, удивительно, удивительнѣйшимъ образомъ удивительно! И опять-таки удивительно, и выше всякаго описанія удивительно!

Розалинда. Это изъ рукъ вонъ! Неужели ты думаешь, что если я одѣта въ мужское платье, то и мой характеръ влѣзъ въ камзолъ и панталоны? Каждая новая минута отсрочки для меня то же, что путешествіе къ Южному океану. Прошу тебя, скажи мнѣ скорѣе, кто онъ; торопись. Я желала бы, чтобъ ты была заикой; тогда это скрытое имя вырвалось бы, можетъ быть, изъ твоихъ губъ, какъ вино вырывается изъ бутылки съ узкимъ горломъ: или разомъ, или ни капли. Прошу тебя, откупори свой ротъ, чтобы я могла выпить твой секретъ.

Целія. Значитъ, ты можешь вмѣстить мужчину въ своей утробѣ.

Розалинда. Созданъ ли онъ по образу и подобію Божію? Какого онъ рода человѣкъ? достойна ли его голова шляпы, достоинъ ли его подбородокъ бороды?

Целія. Ну, бородка у него небольшая.

Розалинда. Богъ пошлетъ ему большую, если онъ не будетъ неблагодарнымъ. Я согласна ожидать, пока у него выростетъ борода, если только ты перестанешь задерживать описаніе его подбородка.

Целія. Это—молодой Орландо, который въ одно и то же мгновеніе сразилъ борца и твое сердце.

Розалинда. Къ чорту эти шутки! Говори серьезно и какъ честная дѣвушка.

Целія. Увѣряю тебя, кузина, это онъ.

Розалинда. Орландо?

Целія. Орландо.

Розалинда. Вотъ горе-то! Что жъ я теперь стану дѣлать съ моимъ камзоломъ и панталонами? Что онъ дѣлалъ, когда ты увидѣла его? Что онъ сказалъ? Какъ онъ выглядѣлъ? Какъ былъ одѣтъ? Зачѣмъ онъ здѣсь? Спрашивалъ ли онъ обо мнѣ? Гдѣ онъ живетъ? Какъ онъ разстался съ тобой? Когда ты опять увидишься съ нимъ? Отвѣчай мнѣ на все это однимъ словомъ.

Целія. Добудь мнѣ прежде ротъ Гаргантуа—потому что слово, котораго ты требуешь, слишкомъ велико для какого бы то ни было рта нашего времени. Отвѣтить *да* и *нѣтъ* на всѣ твои вопросы заняло бы больше времени, чѣмъ отвѣтъ на всѣ вопросы катехизиса.

Розалинда. Но знаетъ ли онъ, что я въ этомъ лѣсу и въ мужскомъ платьѣ? Такъ ли онъ свѣжъ лицомъ, какъ въ день поединка?

Целія. Разрѣшать задачи влюбленнаго такъ же легко, какъ считать атомы. Но вкуси мое открытіе и пережуй его повнимательнѣй. Я нашла Орландо подъ деревомъ, гдѣ онъ лежалъ, какъ упавшій жолудь.

Розалинда. Это дерево можно назвать деревомъ Юпитера, если съ него падаютъ такіе плоды.

Целія. Потрудитесь выслушать меня, добрая барыня.

Розалинда. Продолжай.

Целія. Онъ лежалъ подъ этимъ деревомъ, растянувшись, какъ раненый рыцарь.

Розалинда. Какъ ни печально такое зрѣлище, оно должно было быть очень красиво.

Целія. Пожалуйста крикни своему языку „стой!“—онъ дѣлаетъ очень несвоевременные прыжки. Одѣтъ онъ былъ охотникомъ.

Розалинда. О, скверное предзнаменованіе! Онъ пришелъ сюда для того, чтобы убить мое сердце.

Целія. Я хотѣла бы спѣть мою пѣсню безъ посторонняго акомпанимента. Ты сбиваешь меня съ тона.

Розалинда. Развѣ ты не знаешь, что я женщина? Когда у меня есть мысль, я должна ее высказать. Продолжай, милая.

Целія. Ты сбиваешь меня. Тише! Не онъ ли идетъ сюда?

Входятъ Орландо *и* Жакъ.

Розалинда. Это онъ. Спрячемся и станемъ наблюдать за нимъ.

Жакъ. Благодарю васъ за компанію; но сказать правду, мнѣ точно такъ же было бы пріятно остаться одному.

Орландо. И мнѣ тоже. Но, ради приличія, я также благодарю васъ за компанію.

Жакъ. Да хранитъ васъ Богъ! Будемъ встрѣчаться какъ можно рѣже.

Орландо. Я желаю, чтобъ мы были какъ можно меньше знакомы.

Жакъ. Пожалуйста, не портите деревьевъ вырѣзываньемъ на ихъ корѣ любовныхъ пѣсенъ.

Орландо. Пожалуйста, не портите моихъ стиховъ, читая ихъ такъ дурно.

Жакъ. Вашу возлюбленную зовутъ Розалиндою?

Орландо. Да.

Жакъ. Мнѣ не нравится это имя.

Орландо. Вамъ не думали нравиться, когда ее крестили.

Жакъ. Какого она роста?

Орландо. Такого высокаго, какъ мое сердце.

Жакъ. Вы полны прекрасныхъ отвѣтовъ. Не были ли вы знакомы съ женами золотыхъ дѣлъ мастеровъ и не вычитали ли вы всѣхъ этихъ вещей на кольцахъ?

Орландо. Нѣтъ; но я отвѣчаю вамъ, какъ тѣ фигуры на обояхъ, у которыхъ вы позаимствовали ваши вопросы.

Жакъ. У васъ быстрый умъ; я полагаю, что онъ сдѣланъ изъ пятокъ Аталанты. Не хотите ли сѣсть подлѣ меня, и мы станемъ вдвоемъ ругать нашу госпожу—вселенную и всѣ наши бѣдствія.

Орландо. Я не буду бранить никого въ мірѣ, кромѣ себя, за которымъ знаю много недостатковъ.

Жакъ. Самый худшій недостатокъ вашъ въ томъ, что вы влюблены.

Орландо. Это недостатокъ, котораго я не промѣняю на вашу лучшую добродѣтель. Вы надоѣли мнѣ.

Жакъ. Увѣряю васъ, что я искалъ шута, когда встрѣтилъ васъ.

Орландо. Шутъ утонулъ въ ручьѣ: посмотрите въ воду—и вы увидите шута.

Жакъ. Я увижу тамъ свою собственную особу.

Орландо. Которую я считаю или шутомъ или нулемъ.

Жакъ. Я не хочу дольше оставаться съ вами. Прощайте, добрый синьоръ Любовь.

Орландо. Очень радъ, что вы уходите. Прощайте, добрѣйшій monsieur Меланхоликъ. (*Жакъ уходитъ.*)

Розалинда (*Целіи*). Я поговорю съ нимъ какъ нахальный лакей и въ этомъ видѣ подурачу его. Эй, охотникъ, послушай!

Орландо. Слышу очень хорошо; что вамъ надо?

Розалинда. Скажите пожалуйста, который часъ?

Орландо. Вамъ бы слѣдовало спросить, какое время дня, потому что въ лѣсу нѣтъ часовъ.

Розалинда. Значитъ, въ лѣсу нѣтъ ни одного настоящаго влюбленнаго; иначе, ежеминутные вздохи и ежечасные стоны указывали бы медленный ходъ времени такъ же хорошо, какъ часы.

Орландо. Отчего же не быстрый ходъ времени? Это выраженіе было бы, кажется, не менѣе вѣрно?

Розалинда. Совсѣмъ нѣтъ. Время идетъ различнымъ шагомъ съ различными лицами. Я вамъ могу сказать, съ кѣмъ оно подвигается тихимъ шагомъ, съ кѣмъ бѣжитъ рысью, съ кѣмъ галопируетъ и съ кѣмъ стоитъ на мѣстѣ.

Орландо. Ну, скажите пожалуйста, съ кѣмъ оно бѣжитъ рысью?

Розалинда. Да бѣжитъ оно неспокойной рысью съ молодою дѣвушкою въ промежутокъ между подписаніемъ брачнаго контракта и днемъ свадьбы. Будь этотъ промежутокъ хоть семидневный, рысь времени такъ неспокойна, что для ѣдущаго онъ кажется семилѣтнимъ.

Орландо. А съ кѣмъ время идетъ шагомъ?

Розалинда. Съ попомъ, который не знаетъ по латыни, и съ богачомъ, у котораго нѣтъ подагры: первый спитъ безмятежно, потому что не можетъ заниматься, а второй живетъ весело, потому что не испытываетъ никакихъ страданій; первому не знакома ноша сухой и изнуряющей науки, второй не знаетъ бремени печальной и тяжелой нищеты. Вотъ съ кѣмъ время идетъ шагомъ.

Орландо. Съ кѣмъ же оно галопируетъ?

Розалинда. Съ воромъ, котораго ведутъ на висѣлицу, потому что какъ бы тихо ни подвигался онъ, ему все кажется, что онъ пріѣдетъ слишкомъ скоро.

Орландо. Съ кѣмъ оно стоитъ на мѣстѣ?

Розалинда. Съ законовѣдами во время судейскихъ каникулъ—потому что отъ закрытія судовъ до открытія они спятъ и, слѣдовательно, не замѣчаютъ движенья времени.

Орландо. Гдѣ ты живешь, красивый юноша?

Розалинда. Живу съ этою пастушкой, моей сестрой, здѣсь на опушкѣ лѣса, какъ бахрома на краю юбки.

Орландо. Ты здѣшній уроженецъ?

Розалинда. Да, какъ кроликъ, который живетъ тамъ, гдѣ онъ родился.

Орландо. Въ твоей рѣчи есть нѣчто

утонченное, чего ты не могъ пріобрѣсти въ такой уединенной мѣстности.

Розалинда. Это мнѣ говорили многіе, но, право, я выучился говорить у моего старика-дяди, набожнаго человѣка, который въ молодости жилъ въ городѣ и очень хорошо зналъ свѣтское обхожденіе, потому что былъ влюбленъ. Я наслышался отъ него всяческихъ проповѣдей противъ любви и благодарю Бога, что я не женщина; иначе во мнѣ были бы всѣ тѣ безумія, въ которыхъ дядя обвинялъ весь женскій полъ.

Орландо. Не можешь ли припомнить какой-нибудь изъ тѣхъ главныхъ пороковъ, которые онъ взваливалъ на женщинъ?

Розалинда. Главнаго не было ни одного; они всѣ были похожи другъ на друга какъ гроши; каждый порокъ казался чудовищнымъ до тѣхъ поръ пока другой, такой же, не присоединялся къ нему.

Орландо. Пожалуйста, укажи на какіе-нибудь изъ нихъ.

Розалинда. Нѣтъ, я буду давать мое лѣкарство только тѣмъ, которые больны. Здѣсь въ лѣсу есть человѣкъ, который портитъ наши молодыя деревья, вырѣзывая на ихъ корѣ слово „Розалинда“, развѣшиваетъ оды на кустахъ сирени и элегіи на терновыхъ кустахъ, и всѣ эти произведенія обоготворяютъ имя Розалинды. Еслибъ я встрѣтилъ этого разнощика нѣжныхъ чувствъ, я далъ бы ему нѣсколько хорошихъ совѣтовъ, потому что, какъ кажется, онъ боленъ ежедневною лихорадкой любви.

Орландо. Я тотъ, котораго трясетъ эта лихорадка. Прошу же тебя сказать мнѣ твое лѣкарство.

Розалинда. Въ васъ нѣтъ ни одного изъ признаковъ, о которыхъ говорилъ мой дядя; онъ училъ меня, какъ узнавать влюбленнаго человѣка, и я увѣренъ, что вы не сидите плѣнникомъ въ этой клѣткѣ.

Орландо. Какіе же это признаки?

Розалинда. Исхудалыя щеки, которыхъ у васъ нѣтъ; синева подъ глазами, которой у васъ нѣтъ; молчаливость, которой у васъ нѣтъ; нерасчесанная борода, которой у васъ нѣтъ; но это послѣднее я вамъ прощаю, потому что, правду сказать, бородою вы не богаче, чѣмъ какой-нибудь младшій братъ доходами. Потомъ ваши чулки должны бы быть безъ подвязокъ, ваша шапка безъ завязокъ, ваши рукава безъ пуговицъ, ваши башмаки безъ застежекъ и вообще все въ васъ должно было бы обличать неряшливое отчаяніе. Но въ васъ ничего этого нѣтъ; вы скорѣе одѣты щегольски и похожи на человѣка, который влюбленъ въ самого себя, а не въ кого-нибудь другого.

Орландо. Прекрасный юноша, мнѣ хотѣлось бы убѣдить тебя, что я влюбленъ.

Розалинда. Убѣдить меня! Вы могли бы скорѣе убѣдить ту, которую вы любите, а она, ручаюсь вамъ, болѣе способна повѣрить вамъ, чѣмъ сознаться, что повѣрила; это одинъ изъ пунктовъ, въ которыхъ женщины постоянно обвиняютъ во лжи свою совѣсть. Но, кромѣ шутокъ, вы въ самомъ дѣлѣ тотъ самый, который развѣшиваетъ на деревьяхъ стихи, до такой степени прославляющіе Розалинду?

Орландо. Клянусь тебѣ, юноша, бѣлою рукою Розалинды, я тотъ самый, тотъ самый несчастный.

Розалинда. Но такъ ли сильно вы влюблены, какъ свидѣтельствуютъ ваши стихи?

Орландо. Ни стихи, ни умъ человѣческій не могутъ выразить силу моей любви.

Розалинда. Любовь — чистое безуміе и, вѣрьте мнѣ, не меньше настоящаго сумасшествія, достойна темной кельи и плети. Если же ея не подвергаютъ такому наказанію, такъ это потому, что болѣзнь эта слишкомъ обыкновенна и сами бичевальщики больны ею. Но я могу вылѣчить васъ совѣтомъ.

Орландо. Развѣ вы уже вылѣчили кого-нибудь такимъ образомъ?

Розалинда. Да, вылѣчилъ одного человѣка, и вотъ какъ. Онъ долженъ былъ вообразить себѣ, что я его возлюбленная, и я заставлялъ его каждый день ухаживать за мною. Я же, разыгрывая роль прихотливой дѣвушки, былъ задумчивъ, женственъ, измѣнчивъ, капризенъ, гордъ, причудливъ, сердитъ, вѣтренъ, непостояненъ, то плакалъ, то улыбался, выказывалъ нѣкоторые признаки всѣхъ страстей и не ощущалъ ни одной страсти, и вообще велъ себя какъ большинство мальчиковъ и женщинъ въ этихъ обстоятельствахъ. То я любилъ его, то ненавидѣлъ; то ласкалъ его, то прогонялъ; то плакалъ о немъ, то плевалъ на него. Такимъ образомъ я заставилъ моего вздыхателя перейти отъ безумія любви къ состоянію совершеннаго безумія, и, кинувъ навсегда шумный потокъ жизни, онъ удалился въ совершенно монашеское уединеніе. Такъ я и вылѣчилъ его, и берусь этимъ же способомъ вымыть ваше сердце такъ, что оно сравнится чистотою съ здоровою печенью овцы, и что въ

немъ не останется ни одного пятнышка любви.

Орландо. Я не хочу вылѣчиться, юноша.

Розалинда. Я бы вылѣчилъ васъ, если-бы вы захотѣли называть меня Розалиндой и, приходя каждый день въ мою хижину, ухаживать за мной.

Орландо. Хорошо, я буду дѣлать это, клянусь искренностью моей любви; скажи мнѣ, гдѣ твоя хижина?

Розалинда. Пойдемте со мною, я покажу вамъ ее, а по дорогѣ вы разскажете мнѣ, въ какой части лѣса вы живете. Что же, идете?

Орландо. Съ большимъ удовольствіемъ, добрый юноша.

Розалинда. Нѣтъ, вы должны называть меня Розалиндой.—Сестрица, ты идешь съ нами? *(Уходятъ).*

СЦЕНА III.

Лѣсъ.

Входятъ Оселокъ *и* Одри; Жакъ *слѣдитъ за ними издали.*

Оселокъ. Иди скорѣе, добрая Одри. Я соберу твоихъ козъ, Одри. Ну, что жъ, Одри? Все ли я тебѣ по сердцу? Все ли тебѣ нравятся мои простыя черты?

Одри. Ваши черты? Господи помилуй насъ! Что это за черты такія?

Оселокъ. Я съ тобою и съ твоими козами въ этихъ мѣстахъ похожъ на самаго прихотливаго поэта, честнаго Овидія въ то время, когда онъ былъ у готѳовъ.

Жакъ *(въ сторону)*. О, ученость,—она здѣсь болѣе не на своемъ мѣстѣ, чѣмъ если бы Юпитеръ очутился подъ соломенной крышей!

Оселокъ. Когда стихи человѣка остаются не понятыми, когда его умъ не встрѣчаетъ поддержки въ рано-развитомъ ребенкѣ — понятливости, то это поражаетъ человѣка сильнѣе, чѣмъ большой счетъ, поданный въ маленькой комнатѣ. Право, я былъ бы радъ, если бы боги сдѣлали тебя поэтичною.

Одри. Я не знаю, что значитъ поэтичная; значитъ ли это—честная на дѣлѣ и на словахъ? Правдивая ли это вещь?

Оселокъ. Нѣтъ, потому-что самая правдивая поэзія — вымыселъ, а влюбленные всѣ преданы поэзіи и можно сказать, что то, въ чемъ они клянутся какъ поэты, они вымышляютъ какъ любовники.

ОСЕЛОКЪ БЕСѢДУЕТЪ СЪ КОРИНОМЪ.
(Дѣйств. III, сц. 2).

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Одри. И послѣ этого вы хотѣли бы, чтобъ боги создали меня поэтичною?

Оселокъ. Конечно, хотѣлъ бы, потому что ты клялась мнѣ, что ты честна—значитъ, еслибъ ты была поэтомъ, я бы имѣлъ нѣкоторую надежду, что ты вымышляешь.

Одри. Такъ вы не хотѣли бы, чтобъ я была честна?

Оселокъ. Нѣтъ, хотѣлъ бы только въ томъ случаѣ, еслибы бы ты была гадка лицомъ, потому что честность, соединенная съ красотою, то же что медовая подливка къ сахару.

Жакъ *(въ сторону)*. Глубокомысленный шутъ!

Одри. Ну, а такъ какъ я не хороша, то прошу боговъ сдѣлать меня честною.

Оселокъ. Положимъ; но давать честность грязному уроду все равно, что подносить хорошее кушанье на грязномъ блюдѣ.

Одри. Я не грязная, несмотря на то, что, благодаря богамъ, безобразна.

Оселокъ. Хорошо, да благословенны будутъ боги за твое безобразіе! Грязнота еще успѣетъ прійти. Какъ бы то ни было,

я хочу жениться на тебѣ, и съ этою цѣлью былъ уже у Оливера Путаницы, священника ближайшаго селенія, который обѣщалъ мнѣ прійти въ это мѣсто лѣса и соединить насъ.

Жакъ *(въ сторону)*. Я бы съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на эту сходку.

Одри. Ну, да сохранятъ васъ боги въ радости!

Оселокъ. Аминь. Человѣкъ боязливый остановился бы въ этомъ предпріятіи, потому что здѣсь нѣтъ иного храма, кромѣ лѣса, нѣтъ иныхъ свидѣтелей, какъ рогатые звѣри. Но что жъ такое? Смѣлѣе! Рога—вещь ненавистная, но неизбѣжная. Говорятъ, что многіе люди не знаютъ, гдѣ конецъ ихъ богатствамъ—это правда; у многихъ людей хорошіе рога, и они не знаютъ, гдѣ конецъ этихъ роговъ. Притомъ, это приданое, приносимое ихъ женами, а не вещь, пріобрѣтаемая ими самими. Рога? Да, рога... Что жъ, ими надѣлены только бѣдные люди? Нѣтъ, нѣтъ, у благороднѣйшаго оленя они такъ же высоки, какъ у самаго жалкаго. Значитъ, холостой человѣкъ благословенъ богами? Нѣтъ. Точно такъ же, какъ окруженный высокими стѣнами городъ величественнѣе простого селенья—чело женатаго человѣка почтеннѣе, чѣмъ обнаженная голова холостяка, и на сколько способность защищаться лучше безсилія, на столько имѣть рога полезнѣе, чѣмъ не имѣть ихъ. Вотъ идетъ патеръ Оливеръ.

Входитъ Оливеръ Мартекстъ.

Оселокъ. Господинъ Оливеръ Путаница, милости просимъ. Какъ вамъ будетъ угодно повѣнчать насъ: подъ этимъ деревомъ, или прикажете отправиться съ вами въ вашу часовню?

Мартекстъ. Здѣсь нѣтъ никого, кто бы вручилъ вамъ вашу жену?

Оселокъ. Я не хочу принять ее ни изъ чьихъ постороннихъ рукъ.

Мартекстъ. Но это необходимо, или бракъ не будетъ законный.

Жакъ *(подходя)*. Совершайте, совершайте обрядъ; я принимаю на себя эту обязанность.

Оселокъ. Добрый вечеръ, любезнѣйшій господинъ *Какъ васъ зовутъ?* Какъ ваше здоровье? Мнѣ очень пріятно васъ видѣть. Да наградитъ васъ Богъ за эту послѣднюю бесѣду. Я очень радъ васъ встрѣтить. Зачѣмъ вы держите эту вещь *(указывая на шляпу Жака)* въ рукахъ? Пожалуйста, накройтесь.

Жакъ. Такъ ты хочешь жениться, пестрый шутъ?

Оселокъ. Какъ быкъ имѣетъ свое ярмо, лошадь—свой мундштукъ и соколъ—свои бубенчики, такъ человѣкъ имѣетъ свои желанья; и какъ голуби цѣлуются, такъ супруги милуются.

Жакъ. И неужели вы, человѣкъ съ такимъ образованіемъ, хотите повѣнчаться подъ кустомъ, точно нищій? Пойдите въ церковь и пригласите хорошаго священника, который можетъ объяснить вамъ, что такое бракъ. А этотъ господинъ соединитъ васъ такъ, какъ соединяютъ двѣ доски, послѣ чего одна половинка начнетъ разсыхаться и, какъ зеленое древо, кракъ, кракъ...

Оселокъ *(въ сторону)*. Мнѣ сдается, что этотъ повѣнчалъ бы меня лучше, чѣмъ всякій другой, потому что, какъ кажется, онъ не способенъ повѣнчать меня хорошо; а коли я буду не хорошо повѣнчанъ, то это послужитъ для меня впослѣдствіи оправдательнымъ поводомъ кинуть мою жену.

Жакъ. Пойдемъ со мной—и слушайся моихъ совѣтовъ.

Оселокъ. Пойдемъ, милая Одри. Мы должны или повѣнчаться, или жить въ незаконномъ бракѣ. Прощайте, добрѣйшій патеръ Оливеръ. Нѣтъ... *(Напѣваетъ)*.

О, милый Оливеръ,
О, славный Оливеръ,
Не оставляй меня ты за собою,
Но... убирайся, братъ;
Ступай же, говорятъ...
Я не хочу быть вѣнчаннымъ тобою.

(Уходитъ съ Жакомъ и Одри).

Мартекстъ. Все равно. Ни одинъ изъ этихъ причудливыхъ плутовъ никогда не поколеблетъ моего призванья. *(Уходитъ)*.

СЦЕНА IV.

Предъ хижиной.

Входятъ Розалинда *и* Целія.

Розалинда. Замолчи; я хочу плакать.

Целія. Плачь, пожалуй, но соблаговоли сообразить, что слезы неприличны мужчинѣ.

Розалинда. Но развѣ я не имѣю основанія плакать?

Целія. Имѣешь такое основаніе, какого только можно желать. Поэтому—плачь.

Розалинда. Даже волосы его измѣннического цвѣта.

Целія. Они немного темнѣе, чѣмъ у Іуды: но поцѣлуи его—родныя дѣти поцѣлуевъ Іуды.

Розалинда. Сказать правду, цвѣтъ его волосъ очень хорошъ.

Целія. Превосходный цвѣтъ. Каштановые всегда самые красивые.

Розалинда. А поцѣлуи его такъ полны святости, какъ прикосновеніе освященнаго хлѣба.

Целія. Онъ купилъ пару губъ у Діаны; монахиня, принадлежащая къ братству зимы, не цѣлуетъ болѣе свято, чѣмъ онъ; въ этихъ губахъ лежитъ весь ледъ цѣломудрія.

Розалинда. Но отчего онъ поклялся, что прійдетъ сегодня утромъ, и не пришелъ?

Целія. Да, конечно, въ немъ нѣтъ ни капли честности.

Розалинда. Ты думаешь?

Целія. Да; я думаю, что онъ не карманный воръ и не конокрадъ, но что касается его честности въ любви, то въ этомъ отношеніи я считаю его такимъ же пустымъ, какъ опрокинутый стаканъ или выѣденный червями орѣхъ.

Розалинда. Онъ не честенъ въ любви?

Целія. Да, не честенъ, если только онъ влюбленъ; но я не думаю, чтобъ онъ былъ влюбленъ.

Розалинда. Однако ты слышала, какъ онъ громко клялся въ любви.

Целія. Что *было*, то не *есть*. Притомъ же, клятва влюбленнаго такъ же ненадежна, какъ слово кабатчика; и тотъ и другой ручаются въ вѣрности фальшивыхъ счетовъ. Онъ сопровождаетъ здѣсь въ лѣсу герцога, твоего отца.

Розалинда. Я встрѣтила герцога вчера и долго разговаривала съ нимъ. Онъ спрашивалъ меня, изъ какого я семейства; я отвѣчала, что изъ такого же хорошаго, какъ его родъ; на это онъ засмѣялся и разстался со мною. Но съ какой стати мы разговариваемъ объ отцахъ, когда на свѣтѣ есть такой человѣкъ, какъ Орландо?

Целія. О, онъ отличный человѣкъ! Пишетъ отличные стихи, говоритъ отличныя слова, произноситъ отличныя клятвы и отлично ломаетъ ихъ прямо на сердцѣ своей возлюбленной, какъ жалкій боецъ, который на турнирѣ пришпориваетъ свою лошадь только съ одной стороны и ломаетъ свое копье. Но все, на чемъ ѣздитъ молодость и чѣмъ управляетъ безразсудство—отлично. Кто идетъ сюда?

Входитъ Коринъ.

Коринъ.

Сударыня и сударь, вы не разъ
Справлялися о пастухѣ, который
Любовію томился и со мной
Сидѣлъ при васъ на травкѣ, прославляя
Надменную пастушку, что была
Возлюбленной его.

Целія.

Ну да, такъ что же
Случилось съ нимъ?

Коринъ.

Коли угодно вамъ
Взглянуть теперь на сцену, натурально
Разыгранную блѣдностью любви
И краскою надменности и гнѣва,
Пожалуйте за мной; недалеко
Я васъ сведу, коль это вамъ угодно.

Розалинда.

О, да, пойдемъ скорѣй туда; влюбленныхъ видъ
Поддерживаетъ тѣхъ, кто страстью самъ горитъ.
Веди же насъ туда, и я вамъ обѣщаю,
Что въ пьесѣ ихъ я самъ большую роль сыграю.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Другая часть лѣса.

Входятъ Сильвій *и* Фебэ.

Сильвій.

О, милая, не отвергай меня,
Не отвергай! Скажи, что ты не любишь
Меня совсѣмъ. но съ злобой этихъ словъ
Не говори. Вѣдь и палачъ публичный,
Въ комъ сердце зачерствѣло отъ привычки
Къ картинамъ смерти, никогда топоръ
На шею наклоненную не спуститъ,
Не попросивъ прощенья. Такъ ужели
Ты хочешь быть суровѣй человѣка,
Живущаго лишь кровію людской?

Входятъ Розалинда, Целія *и* Коринъ.

Фебэ.

Я не хочу быть палачомъ твоимъ;
Я отъ тебя бѣгу, чтобъ не заставить
Тебя страдать. Ты говоришь, что я
Ношу въ глазахъ убійство. Это мило,
Да и весьма правдоподобно: дать

Названіе убійцъ, тирановъ лютыхъ
Глазамъ—нѣжнѣйшей и слабѣйшей вещи,
Которая пугливо дверь свою
Для атомовъ малѣйшихъ закрываетъ!
Отъ всей души я на тебя взгляну
Съ суровостью, и если могутъ ранить
Мои глаза, то пусть они тебя
Убьютъ. Ну, что жъ? представься пораженнымъ;
Ну, падай же безъ чувствъ. Не можешь? Фи!
Стыдись, стыдись такъ лгать, давая имя
Убійцъ моимъ глазамъ. Ну, покажи,
Гдѣ рана та, которую глазами
Я нанесла тебѣ? Коли себя
Ты маленькой булавкою царапнешь—
Царапина останется видна;
Коль къ тростнику рукою прислонишься—
Знакъ на рукѣ на нѣсколько минутъ
Останется. Но ни малѣйшей раны
Мои глаза тебѣ не нанесли,
И я вполнѣ увѣрена, что силы
Боль причинить нѣтъ ни въ какихъ глазахъ.

Сильвій.

О, милая, въ тотъ день—а онъ, быть можетъ,
Ужъ недалекъ—когда на чьихъ-нибудь
Цвѣтущихъ свѣжестью щекахъ ты встрѣтишь
Всю мощь любви—въ тотъ день узнаешь ты
Невидимыя раны, что наноситъ
Стрѣла любви.

Фебэ.

Ну, а до той поры
Не подходи ко мнѣ; когда же этотъ
Наступитъ день, ты осыпай меня
Насмѣшками и будь безъ состраданья,
Какъ буду я безжалостна къ тебѣ
До той поры.

Розалинда *(подходя)*.

А почему же это?
Какая мать васъ родила, что вы
Поносите и мучите несчастныхъ?
Хотя бъ и не были вы красотой
Надѣлены—а говоря по правдѣ,
По-моему, на столько лишь собой
Вы хороши, на сколько это нужно,
Чтобъ безъ свѣчи укладываться спать—
Такъ развѣ въ ней могли бъ имѣть вы поводъ
Къ надменности и жесткости. Ну, что жъ?
Что на меня вы смотрите? Повѣрьте
Въ моихъ глазахъ ничѣмъ не лучше вы,
Чѣмъ дюжинный товаръ природы. Жизнью
Моей клянусь—мнѣ кажется, она
Мои глаза взять тоже въ плѣнъ желаетъ!
Ну, нѣтъ, моя надменная мамзель,
Вамъ это не удастся, не надѣйтесь!
Не вашимъ волосамъ, какъ черный шолкъ,
И не бровямъ чернильнымъ, и не бѣлымъ,
Какъ молоко, щекамъ, и не глазамъ
Гагатовымъ—не имъ благоговѣнье
Къ вамъ поселить въ душѣ моей. А ты,
Глупецъ-пастухъ, къ чему ты неотступно
Слѣдишь за ней, какъ вѣтеръ южныхъ странъ,
Наполненный дождями и туманомъ?
Вѣдь, какъ мужчина, ты въ сто тысячъ разъ
Красивѣе ея. Такіе дурни,
Какъ ты, пастухъ, и населяютъ міръ
Уродами-дѣтьми. Ей льститъ, конечно,
Не зеркало ея, а ты. Она,
Благодаря тебѣ, себя считаетъ
Красивѣе, чѣмъ можно по лицу
Ея судить. Но, милая, старайтесь
Узнать себя; колѣни преклонить
Вамъ слѣдуетъ, поститься и отъ сердца
Благодарить Творца за то, что любитъ
Васъ честный человѣкъ; я на-ушко,
По-дружески вамъ говорю: продайтесь,
Коль случай есть; не всякій купитъ васъ.
Любите же его, не отвергайте
Его руки, молите, чтобы васъ
Онъ пощадилъ. Несносно безобразье
Когда къ нему прибавится еще
Нахальство чванное. Бери жъ скорѣе
Ее, пастухъ,—ну, а затѣмъ, прощай!

Фебэ.

Прошу тебя, о, юноша прекрасный,
Брани меня хоть цѣлый годъ. Твои
Упреки мнѣ милѣй его признаній.

Розалинда. Онъ влюбился въ ея безобразіе, а она вотъ влюбляется въ мой гнѣвъ. (*Сильвію*). Если такъ—каждый разъ, какъ она будетъ отвѣчать тебѣ суровыми взглядами, я буду надѣлять ее сердитыми словами. (*Фебэ*). Что вы такъ смотрите на меня?

Фебэ. Смотрю не съ дурнымъ чувствомъ

Розалинда.

Пожалуйста, въ меня вы не влюбитесь:
Я лживѣе, чѣмъ клятва, что дана
Подъ пьяный часъ; притомъ же, я нисколько
Васъ не люблю. Коли хотите знать,
Гдѣ я живу, такъ это недалеко:
Въ тѣни оливъ.—Идемъ, сестра.—Пастухъ,
Будь съ нею крутъ. Идемъ, сестра. Пастушка,
Будь ласковѣе съ нимъ и не гордись.
Хотя бъ тебя и цѣлый міръ могъ видѣть,

Ты никого бъ не ослѣпила такъ,
Какъ этого вздыхателя.—Идемъ же
Къ своимъ стадамъ.

(*Уходитъ съ Целіей и Коріномъ*).

ФЕБЭ.

Теперь, пастухъ умершій,
Я поняла всю силу словъ твоихъ:
„Тотъ не любилъ, кто не влюбился сразу".

СИЛЬВІЙ.

Прекрасная!

ФЕБЭ.

А! что ты говоришь?

СИЛЬВІЙ.

О, пожалѣй меня, мой ангелъ Фебэ!

ФЕБЭ.

Да, я тебя жалѣю, милый Сильвій.

СИЛЬВІЙ.

Гдѣ жалость есть, тамъ помощь быть должна.
Коли къ моей любовной мукѣ жалость
Ты чувствуешь, дай мнѣ свою любовь,
И этимъ истребишь ты разомъ жалость
Въ своей душѣ и скорбь въ моей.

ФЕБЭ.

Даю
Тебѣ любовь; надѣюсь, поступаю
По-дружески.

СИЛЬВІЙ.

Хочу тобой владѣть.

ФЕБЭ.

Ну, это ужъ любостяжанье. Сильвій,
Была пора, когда ты ненавистенъ
Былъ для меня... Хоть и теперь тебя
Я не люблю, но такъ какъ ты умѣешь
Такъ говорить прекрасно о любви,
То я твое сообщество, которымъ
До этихъ поръ ты такъ меня сердилъ,
Сносить не прочь, и даже не отвергну
Твоихъ услугъ; но только ужъ не жди
Другихъ наградъ, какъ собственную радость,
Что можешь ты служить мнѣ.

СИЛЬВІЙ.

Такъ чиста
И такъ свята любовь моя, такъ бѣденъ
Я благами, что будутъ для меня
Сокровищемъ и нѣсколько колосьевъ,
Подобранныхъ за тѣмъ, кто жатву всю
Беретъ себѣ. Роняй свою улыбку
По временамъ—я буду ею жить.

ОСЕЛОКЪ, ОДРИ и СЛѢДЯЩІЙ ЗА НИМИ ЖАКЪ. (Дѣйств. III, сц. 3).

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ФЕБЭ.

Скажи, знакомъ ты съ юношей, который
Здѣсь только-что со мною говорилъ?

СИЛЬВІЙ.

Нѣтъ, не совсѣмъ, но часто съ нимъ встрѣчался.
Онъ именно тотъ самый, что скупилъ
У стараго крестьянина стада и домикъ.

ФЕБЭ.

Изъ-за того, что я о немъ справляюсь,
Не думай ты, что я его люблю;
Онъ просто злой мальчишка; но отлично
Онъ говоритъ. Да, впрочемъ, мнѣ до словъ
Что за нужда? Но вѣдь слова такъ милы,
Когда тому, кто слушаетъ ихъ, тотъ,
Кто говоритъ, пріятенъ. Онъ собою
Хорошъ... хотя не слишкомъ; но онъ гордъ—
Убѣждена я въ томъ; однако, гордость
Ему къ лицу; когда-нибудь онъ будетъ
Пріятнѣйшимъ мужчиной. У него
Прекраснѣе всего—лицо, и взглядомъ
Онъ врачевалъ быстрѣй, чѣмъ языкомъ
Онъ уязвлялъ... Онъ росту небольшого,
Но для своихъ годовъ высокъ; нога
Хоть такъ себѣ, но есть въ ней что-то очень

Красивое. Я на губахъ его
Замѣтила прелестнѣйшій румянецъ,
Немного лишь густѣе и живѣй
Чѣмъ на щекахъ—такое же межъ ними
Различіе, какъ межъ пунцовымъ цвѣтомъ
И розовымъ. Не мало женщинъ есть,
Которыя, когда бы разсмотрѣли
Его въ такой подробности, какъ я,
Готовы бы сейчасъ въ него влюбиться.
Во мнѣ жъ къ нему ни ненависти нѣтъ
И ни любви. А между тѣмъ, причину
Имѣю я скорѣе ненавидѣть:
Кто право далъ ему бранить меня?
Я помню, онъ мнѣ говорилъ, что черны
Мои глаза и волосы—потомъ
Онъ надо мной смѣялся. Удивляюсь,
Что я его не срѣзала тогда;
Но все равно: отложенное дѣло
Не есть еще рѣшенное. Письмо
Предерзкое я напишу—ты жъ, Сильвій,
Снесешь его, не правда ли?

Сильвій.

О, да,
Съ охотою полнѣйшею.

Февэ.

Сейчасъ же
Я напишу. Слова письма лежатъ
Въ моемъ мозгу и въ сердцѣ. Объяснюсь
Я коротко и зло. Идемъ же, Сильвій.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Лѣсъ.

Входятъ Розалинда, Целія *и* Жакъ.

Жакъ. Пожалуйста, прекрасный юноша, позволь мнѣ ближе познакомиться съ тобою.

Розалинда. Говорятъ, что вы меланхоличный малый.

Жакъ. Это правда; по-моему, быть такимъ лучше, чѣмъ хохотать.

Розалинда. Люди, которые придерживаются одной изъ этихъ крайностей — отвратительны и больше чѣмъ пьяница вызываютъ общія насмѣшки.

Жакъ. Да развѣ не хорошо быть угрюмымъ и не говорить ни слова?

Розалинда. Ну, такъ значитъ хорошо быть бревномъ.

Жакъ. Моя меланхолія не меланхолія студента, у котораго это настроеніе не что иное какъ соревнованіе—и не музыканта, у котораго оно фантастичность—и не придворнаго, у котораго оно тщеславіе—и не солдата, у котораго оно честолюбіе—и не законовѣда, у котораго оно политическая хитрость—и не женщины, у которой оно притворство—и не любовника, у котораго оно—всѣ эти чувства, взятыя вмѣстѣ. Моя меланхолія—совершенно особая, собственно мнѣ принадлежащая, составленная изъ многихъ веществъ и извлеченная изъ многихъ предметовъ, и на самомъ дѣлѣ есть результатъ размышленій о моихъ странствіяхъ — размышленій, въ которыя я часто погружаюсь и которыя пропитываютъ меня самою юмористическою грустью.

Розалинда. Вы путешественникъ? Ну, такъ, дѣйствительно, вы имѣете большое основаніе быть грустнымъ. Очень можетъ быть, что вы продали свои собственныя земли, чтобъ увидѣть земли другихъ людей. Въ такомъ случаѣ, много увидѣть и самому не имѣть ничего — значитъ быть съ богатыми глазами и бѣдными руками.

Жакъ. Да, я хорошо заплатилъ за мою опытность.

Розалинда. И ваша опытность дѣлаетъ васъ грустнымъ! Я бы желалъ лучше имѣть невѣдѣніе, которое давало бы мнѣ веселость, чѣмъ опытность, которая наводила бы на меня грусть. И для этого еще странствовать!

Входитъ Орландо.

Орландо.

Привѣтъ вамъ, дорогая Розалинда!

Жакъ. Ну, коли вы говорите бѣлыми стихами, такъ Богъ съ вами. (*Уходитъ*).

Розалинда (*вслѣдъ ему*). Прощайте,

ОСЕЛОКЪ И ОДРИ.

Картина англійскаго художника Джона Петти (John Pettie, A. R. A., 1839—1893).

господинъ путешественникъ! Старайтесь картавить и носите странное платье, браните все хорошее въ вашемъ отечествѣ, проклинайте ваше рожденіе и чуть-чуть не упрекайте Бога за то, что онъ создалъ васъ не съ какимъ нибудь другимъ лицомъ. Иначе я съ трудомъ повѣрю, что вы плавали въ гондолахъ... Ну, Орландо, гдѣ же вы пропадали все это время? И вы еще считаете себя влюбленнымъ! Если еще разъ вы сыграете со мной подобную штуку, не показывайтесь мнѣ больше на глаза.

Орландо. Прекрасная Розалинда, я опоздалъ только часомъ противъ моего обѣщанья.

Розалинда. Опоздать часомъ въ любви! О томъ человѣкѣ, который въ дѣлѣ любви раздѣлитъ минуту на тысячу частей и опоздаетъ только на тысячную часть минуты, можно сказать, что Купидонъ ударилъ его по плечу; но сердце его, въ этомъ я ручаюсь, осталось нетронутымъ.

Орландо. Простите мнѣ, дорогая Розалинда.

Розалинда. Нѣтъ, если вы такой медлитель, то не показывайтесь мнѣ больше на глаза. Для меня точно такъ же было бы пріятно, чтобъ за мной ухаживала улитка.

Орландо. Улитка?

Розалинда. Да, улитка, потому что она хоть и идетъ медленно, но по крайней мѣрѣ приноситъ на головѣ свой домъ—приданое, какъ мнѣ кажется, лучше того, которое вы дадите своей женѣ. Сверхъ того, она приноситъ съ собой судьбу.

Орландо. Какую это?

Розалинда. Да рога, которыми ваша братья обязана только своимъ женамъ, тогда какъ этотъ женихъ-улитка приходитъ уже всоруженный своей судьбою и такимъ образомъ предотвращаетъ всякую клевету на свою жену.

Орландо. Добродѣтель не дѣлаетъ роговъ, а моя Розалинда добродѣтельна.

Розалинда. А я ваша Розалинда.

Целія. Ему нравится называть тебя такъ; но у него есть другая Розалинда, лучшаго сорта чѣмъ ты.

Розалинда. Ну, начинайте, начинайте ухаживать за мною, потому что я сегодня въ праздничномъ расположеніи духа и, пожалуй, не прочь сдаться. Что бы вы сказали мнѣ теперь, еслибъ я была ваша настоящая Розалинда?

Орландо. Я бы прежде поцѣловалъ, чѣмъ заговорилъ.

Розалинда. Напрасно! Вамъ бы слѣдовало сперва заговорить, а потомъ ужъ, еслибъ вы остановились отъ недостатка предметовъ для разговора, вамъ можно бы воспользоваться этимъ случаемъ для поцѣлуя. Очень хорошіе ораторы плюютъ, когда имъ случается запнуться; а для влюбленныхъ, въ случаѣ такихъ остановокъ— отъ которыхъ да сохранитъ насъ Богъ!— лучшій исходъ —цѣловать.

Орландо. Но если въ поцѣлуѣ отказываютъ?

Розалинда. Тогда ваша возлюбленная принуждаетъ васъ умолять, а это даетъ новый матеріалъ для разговора.

Орландо. Но кто можетъ запнуться въ присутствіи своей возлюбленной?

Розалинда. Да вотъ вы, еслибъ я была вашей возлюбленной; иначе я бы сочла мою добродѣтель сильнѣе моего ума... Развѣ я не ваша Розалинда?

Орландо. Мнѣ пріятно называть васъ ею, потому что я хочу говорить о ней.

Розалинда. Ну, такъ отъ ея имени я говорю вамъ, что вы не нужны мнѣ.

Орландо. Въ такомъ случаѣ, мнѣ остается умереть уже отъ собственнаго имени.

Розалинда. Нѣтъ, умрите лучше по довѣренности. Нашъ бѣдный свѣтъ существуетъ уже почти шесть тысячъ лѣтъ и во все это время ни одинъ человѣкъ не умеръ самъ по себѣ въ дѣлѣ любви. Троилу раздробила мозгъ греческая палица, а между тѣмъ до того онъ дѣлалъ все возможное, чтобы умереть—онъ, который можетъ служить образцомъ влюбленнаго. Леандръ прожилъ бы много прекрасныхъ лѣтъ—пойди Геро хоть въ монастырь—если бы не уморила его одна жаркая лѣтняя ночь: добрый юноша вошелъ въ Геллеспонтъ только для того, чтобъ выкупаться, но схватилъ судорогу и утонулъ; а глупые лѣтописцы его времени приписали эту смерть Геро Сестоской. Все это ложь; люди отъ времени до времени умирали, и черви ѣли ихъ, но все это дѣлалось не отъ любви.

Орландо. Я не хотѣлъ бы, чтобъ моя настоящая Розалинда была такого мнѣнія, потому что, ручаюсь въ томъ честью, ея суровый взглядъ убилъ бы меня.

Розалинда. Клянусь этою рукою, такой взглядъ не убилъ бы и мухи. Но, пожалуй, я буду теперь болѣе благосклонной Розалиндой. Просите у меня чего хотите— я ни въ чемъ не откажу вамъ.

Орландо. Такъ любите меня, Розалинда.

Розалинда. Хорошо, буду любить въ пятницу, въ субботу и всѣ другіе дни.

Орландо. И ты согласна взять меня?

Розалинда. Да, и еще двадцать такихъ какъ ты.

Орландо. Что ты говоришь?

Розалинда. Да вѣдь вы хорошій человѣкъ?

Орландо. Надѣюсь.

Розалинда. Ну, а можно ли не желать имѣть много хорошаго?—Пожалуйста, сестрица, будь священникомъ и обвѣнчай насъ.—Дайте мнѣ вашу руку, Орландо.— Что ты говоришь, сестра?

Целія. Я не знаю, какія слова надо говорить при этомъ.

Розалинда. Ты должна начать такъ: „Согласны ли вы, Орландо“...

Целія. А, знаю! Согласны ли вы, Орландо, взять женою себѣ предстоящую здѣсь Розалинду?

Орландо. Согласенъ.

Розалинда. Хорошо, но когда?

Орландо. Сейчасъ, какъ только она повѣнчаетъ насъ.

Розалинда. Въ такомъ случаѣ вы должны сказать: „я беру тебя, Розалинда, женою“.

Орландо. Я беру тебя, Розалинда, женою.

Розалинда. Я могла бы потребовать у васъ разрѣшительнаго свидѣтельства; но я и безъ него беру тебя, Орландо, моимъ мужемъ. Вотъ невѣста и опередила священника; несомнѣнно, что мысли женщины всегда обгоняютъ ея дѣйствія.

Орландо. Точно также и мысли всѣхъ; онѣ крылаты.

Розалинда. Теперь скажите мнѣ, сколько времени вы захотите владѣть ею послѣ того, какъ получите ее?

Орландо. Вѣчно и одинъ день.

Розалинда. Скажите „одинъ день“ и

отбросьте „вѣчно“. Нѣтъ, нѣтъ, Орландо, мужчины—апрѣль, когда они ухаживаютъ, и декабрь—послѣ того какъ женятся; дѣвушки—май, пока онѣ дѣвушки, но погода измѣняется, когда онѣ становятся женщинами. Я буду ревновать тебя сильнѣе, чѣмъ варварійскій голубь ревнуетъ свою голубку, буду крикливѣе попугая подъ дождемъ, прихотливѣе обезьяны, сладострастнѣе орангутанга. Я буду плакать изъ-за малѣйшихъ пустяковъ, какъ Діана у фонтана, и это въ то время, когда ты будешь расположенъ къ веселости; буду хохотать какъ гіена, и это въ то время, когда тебя будетъ одолѣвать сонъ.

Орландо. Но станетъ ли дѣлать все это моя Розалинда?

Розалинда. Клянусь жизнью, она будетъ поступать такъ, какъ я.

Орландо. Но вѣдь она умна.

Розалинда. Да, иначе у нея не хватило бы ума, чтобы дѣлать это. Чѣмъ умнѣе женщина, тѣмъ она хитрѣе. Затвори дверь женскому уму, онъ вылетитъ въ окно; заколоти окно, онъ пролѣзетъ въ замочную скважину; задѣлай ее, онъ улетитъ съ дымомъ въ трубу.

Орландо. Человѣкъ, которому досталась бы жена съ такимъ умомъ, могъ бы спросить: „Умъ, куда ты лѣзешь?“

Розалинда. Нѣтъ, этотъ вопросъ вы могли бы приберечь до тѣхъ поръ, пока не увидѣли бы, что умъ вашей жены взбирается на постель вашего сосѣда.

Орландо. Но у какого ума хватило бы ума, чтобъ оправдаться въ этомъ?

Розалинда. Вотъ пустяки! Она сказала бы, что полѣзла туда васъ искать. Вы никогда не оставите ее безъ отвѣта, развѣ ужъ она будетъ безъ языка. О, тѣ женщины, которыя не умѣютъ взваливать свои проступки на своихъ мужей, не должны никогда сами кормить своихъ дѣтей, потому что онѣ будутъ дѣлать ихъ дураками.

Орландо. Розалинда, я оставлю тебя на два часа.

Розалинда. Увы, дорогой мой, я не могу пробыть безъ тебя два часа!

Орландо. Я долженъ присутствовать на обѣдѣ герцога. Въ два часа я снова буду съ тобою.

Розалинда. Да, ступайте, ступайте своей дорогой! Я знала впередъ, какъ вы поведете себя. Мои друзья предсказывали мнѣ это, да и я сама была убѣждена въ томъ. Вашъ льстивый языкъ обольстилъ меня. Теперь одной отверженной на свѣтѣ больше. Смерть, прійди ко мнѣ! Вы говорите, въ два часа?

Орландо. Да, милая Розалинда.

Розалинда. Ручаюсь моею вѣрностью, и говорю совершенно серьезно, и клянусь моей надеждой на Бога и всѣми хорошими клятвами, которыя не опасны—если вы на іоту нарушите ваше обѣщаніе или опоздаете минутой противъ назначеннаго часа, я буду считать васъ самымъ патетическимъ вѣроломцемъ, и самымъ фальшивымъ любовникомъ, и самымъ недостойнымъ той, которую вы называете Розалиндой, какіе когда-либо находились въ огромной шайкѣ обманщиковъ. Поэтому бойтесь моего приговора и сдержите ваше обѣщаніе.

Орландо. Сдержу такъ же свято, какъ выполнилъ бы его, еслибъ ты дѣйствительно была моею Розалиндой. Итакъ, прощай.

Розалинда. Хорошо. Время — старый судья, разбирающій всѣ подобные проступки; пусть же оно и разсудитъ впослѣдствіи. Прощай. (*Орландо уходитъ*).

Целія. Ты, въ своей любовной болтовнѣ, наклепала ужасныя вещи на нашъ полъ. За это стоило бы поднять тебѣ на голову твой камзолъ и панталоны, чтобы показать міру, какъ птица поступила съ своимъ собственнымъ гнѣздомъ.

Розалинда. О, кузина, кузина, кузина, милая кузиночка, еслибъ ты знала, на сколько футовъ глубины я погрузилась въ любовь! Но эту глубину нельзя измѣрять; дно моей любви неизвѣстно, какъ дно Португальскаго залива.

Целія. Или, вѣрнѣе сказать, твоя любовь бездонна; сколько ни лей въ нее—все пропадаетъ.

Розалинда. Нѣтъ, пусть этотъ злой незаконный сынъ Венеры, задуманный мыслью, зачатый сплиномъ и рожденный безуміемъ —этотъ слѣпой плутъ мальчишка, который дурачитъ чужіе глаза потому что потерялъ свои собственные, пусть онъ будетъ судьею глубины моей любви. Говорю тебѣ, Аліена, я не могу жить безъ Орландо. Пойду гдѣ-нибудь въ тѣни вздыхать и ожидать его прихода.

Целія. А я пойду спать. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Лѣсъ.

Входятъ Жакъ, вельможи *и* охотники.

Жакъ. Кто изъ васъ убилъ оленя?

Одинъ изъ вельможъ. Я.

Жакъ. Представимъ его герцогу какъ

римскаго побѣдителя; было бы хорошо также возложить на его голову, въ видѣ тріумфальнаго вѣнца, рога оленя. Охотники, есть у васъ какая-нибудь пѣсня на этотъ случай?

Одинъ изъ охотниковъ. Есть.

Жакъ. Спойте ее; какъ бы вы ни фальшивили, это все равно, лишь бы шуму было достаточно.

ПѢСНЯ.

Первый голосъ.

Чѣмъ должно наградить того,
Кѣмъ здѣсь олень на смерть сраженъ?

Второй голосъ.

И кожу, и рога его
Пускай возьметъ въ награду онъ.

Первый голосъ.

И проведемъ затѣмъ домой
Его мы съ пѣсенкой такой:

Всѣ охотники.

Носи рога безъ отвращенья;
Уже до твоего рожденья
Рога избралъ твой отчій домъ
Своимъ гербомъ.

Первый голосъ.

Твой дѣдъ рога носить любилъ.

Второй голосъ.

И твой отецъ рога носилъ.

Всѣ охотники.

Могучій рогъ, могучій рогъ
Смѣшонъ и жалокъ быть не могъ!

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Лѣсъ.

Входятъ Розалинда *и* Целія.

Розалинда. Что ты теперь скажешь? Два часа прошло, а объ Орландо ни слуху, ни духу.

Целія. Ручаюсь тебѣ, что полный чистой любви и мозгового разстройства, онъ взялъ свой лукъ и стрѣлы и отправился спать. Но посмотри, кто идетъ сюда?

Входитъ Сильвій.

Я посланъ къ вамъ, прекрасный господинъ,
Отъ Фебэ дорогой, чтобъ вамъ вотъ это
Отдать; что тутъ написано—совсѣмъ
Не знаю я, но сколько догадаться
Могу по той суровости и гнѣвнымъ
Движеніямъ, съ которыми она
Писала вамъ—записка эта очень
Сердитая. Простите мнѣ; вѣдь я
Не кто иной, какъ посланный невинный.

Розалинда (*прочитавъ*).

Отъ этого письма само терпѣнье
Взбѣсилось бы и забіяки роль
Сыграло. Да, кто этакую штуку
Перенесетъ, тотъ все перенесетъ.
Представь, она мнѣ пишетъ, что собою
Я не хорошъ, что у меня манеръ
Изящныхъ нѣтъ, что я гордецъ, что еслибъ
Мужчина былъ на свѣтѣ рѣдокъ такъ,
Какъ фениксъ самъ—и тутъ не полюбила бъ
Она меня. Да вѣдь ея любовь—
Чортъ побери—не заяцъ, за которымъ
Охочусь я. И для чего она
Такъ пишетъ мнѣ? Пастухъ, пастухъ, послушай,
Ея письмо ты сочинилъ.

Сильвій.

О, нѣтъ;
Ручаюсь вамъ, что даже содержанья
Не знаю я; письмо ея рукой
Написано.

Розалинда.

Ну, ну, ты сумасшедшій!
Ты съ толку сбитъ любовью. Вѣдь у ней
Я руки видѣлъ; эти руки—кожа
Какая-то, а цвѣтомъ какъ песокъ,
Я принялъ ихъ за старыя перчатки,
А это были руки. У нея
Рука простой кухарки. Впрочемъ, это
Мнѣ все равно; я говорю опять,
Что этого письма не сочиняла
Она никакъ; его и сочинилъ
И написалъ мужчина.

Сильвій.

Нѣтъ, повѣрьте,
Что все она...

Розалинда.

Да слогъ его совсѣмъ
Отчаянный и дикій; дуэлисты
Лишь пишутъ такъ; вѣдь на меня она
Возстала такъ, какъ возстаютъ лишь турки
На христіанъ. Прелестный женскій мозгъ
Не могъ создать такихъ гигантски-грубыхъ,
Ужаснѣйшихъ и эѳіопскихъ словъ,
Которыя чернѣй своимъ значеньемъ,
Чѣмъ внѣшностью. Хотите, я прочту?

Сильвій.

Пожалуйста, прочтите; я не знаю
Его совсѣмъ, хоть слишкомъ хорошо
Жестокость Фебэ знаю.

Розалинда.

Вотъ что пишетъ
Тиранка мнѣ; прислушаться прошу:

(*Читаетъ*).

«О, ты, который здѣсь все сердце дѣвы сжегъ,
«Скажи: ты пастухомъ переодѣтый богъ?»

Можетъ ли женщина такъ сильно ругаться?

Сильвій. Вы называете это ругаться?

Розалинда (*читаетъ*).

«Къ чему ты снялъ съ себя небесный образъ твой
«И съ сердцемъ женщины вступилъ въ неравный бой?»

Слышали вы когда-нибудь подобныя ругательства?

«Глаза мужчинъ ко мнѣ стремилися не разъ,
«Но никогда меня ничей не ранилъ глазъ».

Она считаетъ меня животнымъ.

„Коли ужъ гнѣвъ твоихъ сверкающихъ очей
„Возмогъ такую страсть зажечь въ душѣ моей,
„То сколько чуднаго свершилось бы со мной,
„Когда бы этотъ взглядъ былъ полонъ добротой!
„Выслушивая брань, тебя любила я—
„Такъ что бы сдѣлала со мной мольба твоя!
„Тотъ, кто несетъ тебѣ теперь мою любовь,
„Не знаетъ, какъ она мою волнуетъ кровь.
„Пришли мнѣ съ нимъ письмо, и въ томъ письмѣ открой,
„Готовъ ли ты принять душою молодой
„Все, чѣмъ владѣю я и личность всю мою?—
„Отъ сердца я тебѣ все это отдаю.
„Иначе страсть мою отвергни навсегда—
„И стану я искать одну лишь смерть тогда!“

Сильвій. Это по-вашему значитъ браниться?

Целія. Ахъ, бѣдный пастухъ!

Розалинда. Ты жалѣешь о немъ? Нѣтъ, онъ не заслуживаетъ состраданія. (*Сильвію*). И ты можешь любить такую женщину? Подумай, вѣдь она дѣлаетъ изъ тебя инструментъ и играетъ на немъ фальшивую арію. Это невыносимо! Ну, хорошо, вернись къ ней—потому что я вижу, что любовь сдѣлала тебя ручною змѣею—и скажи ей вотъ что: если она любитъ меня, то я ей приказываю любить тебя; если она не согласится, я не захочу имѣть съ ней никакого дѣла, развѣ только ты станешь просить за нее. Коли ты истинно влюбленъ, ступай—и ни слова больше, потому что къ намъ идутъ гости. (*Сильвій уходитъ*).

Извѣстная англійская актриса XVIII вѣка Аббингтонъ въ роли Розалинды (Mrs Abbington in Rosalind).

Входитъ Оливеръ.

Оливеръ.

Здорово, милые ребята; можно ль
У васъ узнать, гдѣ здѣсь въ лѣсу изба,
Стоящая въ тѣни оливъ?

Целія.

На западъ
Отсюда—вонъ внизу долины ближней.
Вы видите тамъ ивы у ручья
Журчащаго? Оставьте ихъ направо—
И будете на мѣстѣ. Но теперь
Сама себя избушка караулитъ:
Она совсѣмъ пуста.

Оливеръ.

Когда языкъ
Учителемъ для глазъ служить способенъ,
То узнаю по описанью васъ:

Костюмъ, года такіе точно. „Мальчикъ—
Сказали мнѣ—блондинъ, его черты
Всѣ женскія, и старшею сестрою
Себя онъ держитъ; а дѣвушка смуглѣй,
Чѣмъ братъ ея и роста небольшого".
Такъ ужъ не вы ль хозяева избы,
Которую ищу я?

Целія.

Безъ тщеславья
На вашъ вопросъ мы отвѣчаемъ: да.

Оливеръ.

Орландо шлетъ поклонъ свой вамъ обоимъ,
А юношѣ, котораго зоветъ
Своею Розалиндой онъ—вотъ этотъ
Платокъ въ крови. Вы Розалинда?

Розалинда.

Я.
Но что же мы изъ этого узнаемъ?

Оливеръ.

Мой стыдъ, когда я вамъ скажу, кто я,
И какъ, и гдѣ, и почему я кровью
Смочилъ платокъ.

Целія.

Скажите поскорѣй.

Оливеръ.

Въ послѣдній разъ какъ молодой Орландо
Оставилъ васъ, онъ обѣщанье далъ
Чрезъ два часа вернуться. Пробираясь
Вдоль по лѣсу, жевалъ онъ пищу грезъ
И сладостныхъ и горькихъ. Вдругъ—представьте—
Онъ въ сторону случайно кинулъ взоръ
И видитъ что жъ? Подъ дубомъ, въ коемъ вѣтви
Отъ старости уже покрылись мхомъ,
А голова печально полысѣла
Отъ дряхлости—спалъ, лежа на спинѣ,
Какой-то человѣкъ въ лохмотьяхъ жалкихъ,
Весь въ волосахъ; на шеѣ у него
Обвился змѣй зелено-золотистый
И голову съ угрозой приближалъ
Къ его губамъ раскрытымъ; но, увидѣвъ
Орландо, вдругъ спустился съ шеи внизъ
И ускользнулъ въ кустарникъ, извиваясь.
А подъ кустомъ лежала самка льва
Съ изсохшими сосцами; головою
Къ землѣ она прижалась, и слѣдилъ
Кошачій взоръ за спящимъ, выжидая,
Чтобъ онъ сперва проснулся: этотъ звѣрь,
По царственнымъ чертамъ своей натуры,
Не дѣлаетъ добычею того,
Что кажется мертво. Увидѣвъ это,
Орландо къ человѣку подошелъ,
И въ немъ узналъ—узналъ родного брата.

Целія.

О, онъ не разъ объ этомъ братѣ намъ
Разсказывалъ и выставлялъ страшнѣйшимъ
Чудовищемъ, какія только есть
Между людей.

Оливеръ.

И говорилъ онъ правду
Полнѣйшую: я знаю хорошо,
Какое тотъ чудовище.

Розалинда.

Но что же
Орландо? Онъ оставилъ тамъ его
Добычею голодной, тощей львицы?

Оливеръ.

Два раза онъ сбирался уходить;
Но доброта, что благороднѣй мести,
Взяла въ немъ верхъ, а справедливый гнѣвъ
Осилила природа—и схватился
Онъ съ львицею, и скоро передъ нимъ
Звѣрь рухнулся. При этомъ страшномъ шумѣ
Проснулся я.

Целія.

Такъ вы—вы братъ его?

Розалинда.

Такъ васъ онъ спасъ?

Целія.

Такъ это вы такъ часто
Его убить старались?

Оливеръ.

Это я—
Но не теперь, а прежде. Не стыжуся
Сознаться вамъ, кѣмъ *былъ я*—съ той поры,
Какъ поворотъ въ душѣ моей такъ сладко
Мнѣ говоритъ, кѣмъ *сталъ* я.

Розалинда.

Отчего жъ
Платокъ въ крови?

Оливеръ.

Сейчасъ все объясню я.
Когда и я, и онъ въ потокахъ слезъ
Омыли все, что сообщить другъ другу
Могли, когда я разсказалъ ему,
Какъ я зашелъ въ пустыню эту—тотчасъ
Онъ къ герцогу добрѣйшему меня
Провелъ, и тотъ снабдилъ меня одеждой,
И накормилъ, и братскую любовь
Мнѣ указалъ какъ вѣрную защиту.
Затѣмъ мой братъ повелъ меня къ себѣ,

Раздѣлся тамъ, и тутъ лишь я увидѣлъ,
Что львицею клокъ мяса вырванъ былъ
Въ его рукѣ, и кровь все это время
Изъ ней текла; тутъ онъ упалъ безъ чувствъ
И, падая, воскликнулъ: „Розалинда!"
Его привелъ я въ чувство; рану я
Перевязалъ, и скоро онъ бодрѣе
И крѣпче сталъ, и поручилъ мнѣ къ вамъ,
Незнающимъ меня, сходить скорѣе,
Все разсказать, просить, чтобъ вы ему
Простили то, что не сдержалъ онъ слова,
И передать ребенку-пастуху,
Котораго, шутя, онъ Розалиндой
Своей зоветъ, его платокъ въ крови.

Целія (*Розалинду, падающей въ обморокъ*).
Что, что съ тобою Ганимедъ? любезный
Мой Ганимедъ?

Оливеръ.

Не мало есть людей,
Лишающихся чувствъ при видѣ крови.

Целія.

Нѣтъ, здѣсь не то. Кузин... (*спохватясь*)
Мой Ганимедъ...

Оливеръ.

Смотрите, онъ приходитъ въ чувство.

Розалинда.

Я бы
Желалъ теперь быть дома.

Целія.

Мы тебя
Сведемъ. Возьмите подъ руку его.

Оливеръ. Ободритесь, молодой человѣкъ... Какой же вы мужчина послѣ этого! У васъ не мужское сердце.

Розалинда. Да, я сознаюсь въ этомъ... А что, сударь, вѣдь каждый сказалъ бы, что это было отлично сыграно. Пожалуйста, разскажите вашему брату, какъ я хорошо разыгралъ эту сцену. Ха, ха!

Оливеръ. Это было не притворство. Цвѣтъ вашего лица слишкомъ хорошо доказываетъ, что вы были серьезно взволнованы.

Розалинда. Увѣряю васъ, что я притворялся.

РОЗАЛИНДА ПАДАЕТЪ ВЪ ОБМОРОКЪ.
(Дѣйств. IV, сц. 3).
Картина Роберта Смирка (Rob. Smirke. R. A.).
Малая Бойделевская галлерея.

Оливеръ. Ну, въ такомъ случаѣ, ободритесь и играйте роль мужчины.

Розалинда. Это я и дѣлаю; но, по всей справедливости, мнѣ бы слѣдовало быть женщиной,

Целія. Смотри, ты становишься блѣднѣе и блѣднѣе; пожалуйста, пойдемъ домой. Вы проводите насъ, добрѣйшій господинъ.

Оливеръ.

Да, потому что брату долженъ я
Принесть слова прощенья Розалинды.

Розалинда. Я подумаю о нихъ. Но, пожалуйста, разскажите ему, какъ я хорошо притворился. Идемъ. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Въ томъ же лѣсу.

Входятъ Оселокъ *и* Одри.

Оселокъ. Ужъ мы найдемъ время, Одри; потерпи, милая Одри.

Одри. Право, чтобы тамъ ни говорилъ этотъ старый господинъ, а мы очень хорошо уладили бы свое дѣло съ этимъ священникомъ.

Оселокъ. Этотъ Оливеръ Путаница скверный, низкій человѣкъ, Одри. Однако, Одри, здѣсь въ лѣсу есть молодой парень, имѣющій на тебя виды.

Одри. Да, я знаю, о комъ вы говорите; только онъ не можетъ ничего отъ меня требовать. Да вотъ и онъ самъ.

Входитъ Вилльямъ.

Оселокъ. Меня хлѣбомъ не корми и воды не давай, только неучей показывай. Право, намъ, умнымъ людямъ, придется за многое отвѣчать, Мы то и дѣло, что насмѣхаемся; никакъ не можемъ удержаться отъ этого.

Вилльямъ. Добрый вечеръ, Одри.

Одри. И вамъ, Вилльямъ, пошли Богъ добрый вечеръ

Вилльямъ (*Оселку*). Также и вамъ добрый вечеръ, сударь.

Оселокъ. Добрый вечеръ, любезнѣйшій другъ. Накройся, накройся... да прошу же тебя, накройся. Который тебѣ годъ, пріятель?

Вилльямъ. Двадцать пять лѣтъ, сударь.

Оселокъ. Зрѣлый возрастъ. Тебя зовутъ Вилльямомъ?

Вилльямъ. Вилльямомъ, сударь.

Оселокъ. Прекрасное имя. Ты родился здѣсь въ лѣсу?

Вилльямъ. Да, сударь, благодаря Бога.

Оселокъ. Благодаря Бога! Хорошій отвѣтъ. Ты богатъ?

Вилльямъ. Да, сударь, такъ себѣ.

Оселокъ. „Такъ себѣ“ — это очень хорошо сказано, превосходно сказано, а впрочемъ, нѣтъ, это только такъ себѣ. Ты уменъ?

Вилльямъ. Точно такъ, сударь, я очень уменъ.

Оселокъ. Славно ты отвѣчаешь. Теперь я вспоминаю поговорку: „дуракъ считаетъ себя умнымъ, а умный признаетъ себя дуракомъ“. Когда языческій философъ ощущалъ желаніе съѣсть виноградную кисть, онъ раскрывалъ губы въ ту минуту, какъ подносилъ виноградъ ко рту; этимъ онъ хотѣлъ сказать, что виноградъ созданъ для того, чтобы его ѣли, а губы для того, чтобы раскрываться. Ты любишь эту дѣвицу?

Вилльямъ. Люблю, сударь.

Оселокъ. Дай мнѣ свою руку. Ты ученый?

Вилльямъ. Нѣтъ, сударь.

Оселокъ. Такъ выучись у меня вотъ чему: имѣть значитъ имѣть. Когда говорятъ, что жидкость, переливаемая изъ кубка въ стаканъ, опорожняя первый, наполняетъ второй, то это риторическая фигура, потому что всѣ ваши писатели согласны, что *ipse* это *онъ самый*; но ты не *ipse*, потому что онъ самый — я.

Вилльямъ. Какой это онъ самый?

Оселокъ. Тотъ онъ самый, который долженъ жениться на этой женщинѣ. Вотъ почему, деревенскій неучъ, покинь — то есть, говоря низкимъ слогомъ, оставь — сообщество — то-есть, говоря деревенскимъ слогомъ — компанію — этой самки, то есть, говоря обыкновеннымъ слогомъ, этой женщины. А все это вмѣстѣ значитъ: покинь сообщество этой самки, или, дружокъ, ты погибнешь; или, чтобы выразиться понятнѣе для тебя, ты умрешь; именно, я убью тебя, уничтожу, обращу твою жизнь въ смерть, твою свободу въ рабство; я употреблю противъ тебя ядъ, или палочные удары, или стальное оружіе; я соберу противъ тебя партію, я одолѣю тебя политическою хитростью, я умерщвлю тебя сто пятьюдесятью способами. Поэтому трепещи и проваливай.

Одри. Уйди, добрый Вилльямъ.

Вилльямъ. Да сохранитъ васъ Господь, сударь! (*Уходитъ*).

Входитъ Коринъ.

Коринъ. Мой господинъ и моя госпожа ищутъ васъ; пожалуйте поскорѣе, поскорѣе.

Оселокъ. Удирай, Одри, удирай, Одри! Я иду, иду. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Тамъ же.

Входятъ Орландо *и* Оливеръ.

Орландо. Неужели послѣ такого кратковременнаго знакомства ты уже почувствовалъ къ ней расположеніе? едва увидѣвъ, полюбилъ ее? и полюбивъ, попросилъ ея руки, и попросивъ, получилъ согласіе? И ты настаиваешь на желаніи обладать ею?

Оливеръ. Не пускайся въ обсужденіе моей поспѣшности, ея бѣдности, моего недавняго знакомства съ нею, внезапнаго предложенія съ моей стороны и скораго согласія ея; но скажи со мною, что я люблю Аліену; скажи съ нею, что она любитъ меня; согласись съ нами обоими, что мы можемъ обладать другъ другомъ. Все это послужитъ тебѣ въ пользу, потому что домъ моего отца и всѣ доходы, принадлежавшіе старику Роланду, я уступлю тебѣ, а самъ буду здѣсь жить и умру пастухомъ.

Входитъ Розалинда.

Орландо. Даю тебѣ мое согласіе. Пусть ваша свадьба будетъ завтра; я приглашу на нее герцога и всю его веселую свиту. Поди и приготовь Аліену, потому что, видишь, сюда пришла моя Розалинда.

Розалинда. Да сохранитъ васъ Богъ, братъ!

Оливеръ. И васъ, прелестная сестра!

Розалинда. О, мой милый Орландо, какъ мнѣ прискорбно видѣть, что ты носишь сердце на перевязи!

Орландо. Не сердце, а руку.

Розалинда. Мнѣ казалось, что твое сердце ранено когтями львицы.

Орландо. Оно ранено, но глазами женщины.

Розалинда. Разсказалъ вамъ братъ вашъ, съ какимъ искуснымъ притворствомъ я упалъ въ обморокъ, когда онъ показалъ мнѣ вашъ платокъ?

Орландо. Да, разсказалъ не только объ этомъ, но и о большихъ чудесахъ.

Розалинда. О, я знаю, что вы хотите сказать. Да, это правда; никогда на свѣтѣ не было вещи, которая совершилась бы такъ быстро; съ нею можетъ сравниться по быстротѣ только столкновеніе между двумя козлами и знаменитая фраза Цезаря: „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ“. Дѣйствительно, вашъ братъ и моя сестра не успѣли встрѣтиться, какъ уже взглянули другъ

ОСЕЛОКЪ и ВИЛЛЬЯМЪ. (Дѣйств. V, сц. 1).
Рисунокъ извѣстнаго современнаго англійскаго иллюстратора Бейэма Шоу (Byam Shaw).

на друга; не успѣли взглянуть, какъ полюбили одинъ другого; не успѣли полюбить, какъ вздохнули; не успѣли вздохнуть, какъ спросили другъ друга о причинѣ этого вздоха; не успѣли узнать эту причину, какъ стали искать лѣкарства, и такимъ образомъ, переходя съ ступени на ступень, построили брачную лѣстницу, по которой они должны будутъ взбираться неудержно, или иначе имъ придется сдѣлаться невоздержными еще до брака. Они теперь охвачены бѣшенствомъ любви и такъ желаютъ соединиться, что ихъ и палками не разнимешь.

Орландо. Они будутъ обвѣнчаны завтра, и я приглашу герцога на свадьбу. Но, ахъ, какъ горько видѣть счастіе глазами другихъ! Завтра я тѣмъ болѣе буду поверженъ въ отчаяніе, чѣмъ болѣе буду видѣть своего брата счастливымъ вслѣдствіе обладанія предметомъ своихъ желаній.

Розалинда. Отчего же? развѣ завтра я не могу замѣнить вамъ Розалинду?

Орландо. Я не въ силахъ жить долѣе воображеніемъ.

Розалинда. Такъ я не стану утомлять васъ долѣе пустыми разговорами. Узнайте же отъ меня—и теперь я говорю не безъ цѣли—что вы извѣстны мнѣ какъ человѣкъ съ хорошими качествами. Я говорю это не для того, чтобы дать вамъ хорошее мнѣніе о моемъ знаніи въ томъ отношеніи, что я могъ узнать васъ; точно также стараюсь я заслужить ваше уваженіе лишь на столько, чтобы вы питали ко мнѣ довѣріе въ дѣлѣ, клонящемся къ вашей пользѣ, а не къ моей славѣ. Итакъ, прошу васъ вѣрить, что я могу дѣлать удивительныя вещи; уже на третьемъ году отъ рожденія я вошелъ въ сношеніе съ однимъ волшебникомъ, глубоко знающимъ искусство магіи, но при этомъ не дѣлающимъ ничего предосудительнаго. Если ваше сердце такъ расположено къ Розалиндѣ, какъ это выражаютъ ваши жесты и слова, то вы женитесь на ней въ то же самое время, какъ вашъ братъ повѣнчается съ Аліеной. Я знаю, въ какое стѣснительное положеніе она поставлена, и для меня не невозможно, если вы не найдете этого неудобнымъ, показать ее вамъ завтра, въ ея настоящемъ видѣ, и не подвергая никакой опасности.

Орландо. Вы говорите серьезно?

Розалинда. Да, клянусь жизнью, которую очень люблю, хотя, какъ я объяснилъ вамъ, я волшебникъ. Итакъ, одѣньтесь какъ можно лучше и пригласите вашихъ друзей, потому что, если хотите жениться завтра, то женитесь, и притомъ на Розалиндѣ, если вы этого желаете.

Входятъ Сильвій *и* Фебэ.

Розалинда. Вотъ идетъ влюбленная въ меня и влюбленный въ нее.

Фебэ.

Вы, юноша, весьма неделикатно
Со мною поступили, показавъ
Мое письмо.

Розалинда.

Мнѣ очень мало дѣла
До этого; стараюсь я, чтобъ вамъ
Невѣжливымъ, презрительнымъ казаться.
Здѣсь подлѣ васъ вашъ преданный пастухъ;
Вы на него смотрите, вы отдайте
Ему любовь—онъ васъ боготворитъ.

Фебэ (*Сильвію*).

Мой другъ пастухъ, скажи ему, что значитъ
Любить?

Сильвій.

Вздыхать и плакать безпрестанно,
Какъ я по Фебэ.

Фебэ.

Я по Ганимеду.

Орландо.

А я по Розалиндѣ.

Розалинда.

А я—я ни по комъ.

Сильвій.

И вѣрнымъ быть и приносить всѣ жертвы,
Какъ я для Фебэ.

Фебэ.

Я для Ганимеда.

Орландо.

А я для Розалинды.

Розалинда.

А я ни для кого.

Сильвій.

Носить въ душѣ восторженное чувство,
И страсти пылъ, и цѣлый міръ желаній,
Боготворить, безропотно терпѣть,
И забывать терпѣнье, и смиряться,
И чистымъ быть, и испытанья всѣ
Переносить, и падать ницъ послушно,
Какъ я предъ Фебэ.

Фебэ.

Я предъ Ганимедомъ.

Орландо.

А я предъ Розалиндой.

Розалинда.

А я ни передъ кѣмъ.

Фебэ (*Розалиндѣ*).

За что же ты любовь мою позоришь?

Сильвій (*Фебэ*).

За что же ты любовь мою позоришь?

Орландо.

За что же ты любовь мою позоришь?

Розалинда.

Къ кому вы обратилися, сказавъ:
„За что же ты любовь мою позоришь?“

Орландо.

Къ той женщинѣ, которая не здѣсь
И словъ моихъ никакъ не можетъ слышать.

Розалинда. Пожалуйста, перестаньте; точно тутъ собрались ирландскіе волки, воющіе на луну. (*Сильвію*). Я помогу вамъ, если буду въ состояніи. (*Фебэ*). Я бы любилъ васъ, еслибъ былъ въ состояніи. Завтра приходите всѣ ко мнѣ. (*Фебэ*). Я обвѣнчаюсь съ вами, если когда-нибудь обвѣнчаюсь съ женщиной, а вѣнчаюсь я завтра. (*Орландо*). Я удовлетворю васъ, если когда-нибудь удовлетворю человѣка, и завтра вы будете женаты. (*Сильвію*). Я доставлю вамъ удовольствіе, если то, что вамъ нравится, можетъ доставить вамъ удовольствіе, и завтра вы будете женаты. (*Орландо*). Если вы любите Розалинду, приходите. (*Сильвію*). Если вы любите Фебэ, приходите. А что я прійду, это такъ вѣрно, какъ то, что я не люблю ни одной женщины. Затѣмъ, прощайте; я оставилъ вамъ мои распоряженія.

Сильвій. Если я только не умру, то прійду.

Фебэ. Я тоже.

Орландо. Я тоже. (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Другая часть лѣса.

Входятъ Оселокъ и Одри.

Оселокъ. Завтра радостный день, Одри; завтра мы будемъ женаты.

Одри. Я желаю этого отъ всего сердца, и полагаю, что не безчестно желать быть замужемъ. Сюда идутъ два пажа изгнаннаго герцога.

Входятъ два пажа.

1-й пажъ. Какая счастливая встрѣча, почтенный господинъ!

Оселокъ. Дѣйствительно, счастливая! Ну, садитесь, садитесь, и живѣе пѣсню.

2-й пажъ. Мы къ вашимъ услугамъ; садитесь посрединѣ.

1-й пажъ (*второму*). Какъ же мы споемъ? ровно, гладко, безъ отплевыванія и кашля, безъ извиненія, что мы охрипли—обыкновеннаго предисловія, произносимаго скверными пѣвцомъ?

2-й пажъ. Да, да, безъ всего этого—и оба на одинъ голосъ, какъ два цыгана на одной лошади.

ПѢСНЯ.

Жилъ на свѣтѣ любовникъ съ подругой своей—
Гей, го-го! гей, го-го! гей, го-го!
Проходилъ черезъ ниву однажды онъ съ ней
Превосходной весенней порою,
Этой общею брачной порою,
Когда птицы поютъ, трала-ла, трала-ла:
Всѣмъ влюбленнымъ весна дорога и мила!

Колосистая рожь хороша и густа—
Гей, го-го! гей, го-го! гей, го-го!
Улеглась въ ней красивая наша чета
Превосходной весенней порою, и т. д.

И веселую пѣсню запѣла о томъ—
Гей, го-го! гей, го-го! гей, го-го!
Что цвѣтетъ наша жизнь ароматнымъ цвѣткомъ
Превосходной весенней порою, и т. д.

Не теряйте жъ изъ вашихъ минутъ ничего
Гей, го-го! гей, го-го! гей, го-го!
Потому что теперь для любви торжество
Превосходной весенней порою,
Этой общею брачной порою,
Когда птицы поютъ, трала-ла, трала-ла:
Всѣмъ влюбленнымъ весна дорога и мила!

Оселокъ. Сказать вамъ правду, мои милые юноши, хотя слова вашей пѣсни не особенно умныя, но спѣта она была очень скверно.

1-й пажъ. Вы ошибаетесь; мы соблюдали темпъ какъ слѣдуетъ, не сбивались съ такта.

Оселокъ. Разсказывайте! я поступилъ совершенно безтактно тѣмъ, что прослушалъ такую глупую пѣсню. Да сохранитъ васъ Богъ и да исправитъ онъ ваши голоса!—Пойдемъ, Одри. (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Другая часть лѣса.

Входятъ старый герцогъ, Амiенъ, Жакъ, Орландо, Оливеръ и Целія.

Герцогъ.

И вѣришь ты, Орландо, что исполнитъ
Твой мальчикъ все, обѣщанное имъ?

Орландо.

То вѣрю я, то очень сомнѣваюсь,
Какъ человѣкъ, боящійся надежды
И все-таки питающій ее.

Входятъ Розалинда, Сильвій и Фебэ.

Розалинда.

Минуточку терпѣнья! Дайте только,
Нашъ договоръ точнѣй опредѣлить.
(*Герцогу*). Сказали вы, что если Розалинду
Я приведу, ее въ замужство вы
Орландо отдадите?

Герцогъ.

Да, хотя бы
Я долженъ былъ дать королевство ей
Въ приданое.

Розалинда (*Орландо*).

А вы—что если только
Она прійдетъ, ее возьмете вы?

Орландо.

Да, я возьму, хотя бъ я былъ владѣтель
Всѣхъ королевствъ.

Розалинда (*Фебэ*).

Вы говорите мнѣ,
Что за меня готовы выйти, если
Я только пожелаю?

Фебэ.

Да, хотя бъ
Мнѣ черезъ часъ пришлось пойти въ могилу.

Розалинда.

Но если вы не захотите взять
Меня въ мужья, то отдадите руку
Вотъ этому, вѣрнѣйшему изъ всѣхъ
Влюбленныхъ пастуховъ?

Фебэ.

Да, это наше
Условіе.

Розалинда (*Сильвію*).

Вы объявили мнѣ,
Что женитесь на Фебэ, если только
Она пойдетъ?

Сильвій.

Да, еслибъ даже смерть
И этотъ бракъ одно и то же были.

Розалинда.

Я это все устроить обѣщалъ.
О, герцогъ мой, сдержите ваше слово—
Дать дочь ему. А вы, Орландо,—ваше—
Принять ее. Сдержите слово, Фебэ,
Быть мнѣ женой, иль, если отъ меня
Откажетесь, то непремѣнно руку
Отдать ему. Сдержите слово, Сильвій,
Быть мужемъ ей, коль отъ меня она
Откажется. Ну, а теперь иду я,
Чтобъ эти всѣ сомнѣнья разрѣшить.

(*Уходитъ съ Целіей*).

Герцогъ.

Я нахожу, что этотъ мальчикъ очень
На дочь мою похожъ.

Орландо.

Когда его
Я въ первый разъ увидѣлъ, ваша свѣтлость,
Подумалъ я, что это братъ ея.
Но онъ въ лѣсу рожденъ, мой добрый герцогъ,
И въ таинства магическихъ наукъ
Онъ посвященъ своимъ какимъ-то дядей,
Котораго считаетъ онъ большимъ
Волшебникомъ, живущимъ въ этомъ лѣсѣ.

Входятъ Оселокъ *и* Одри.

Жакъ. Должно быть, приближается новый потопъ, что эти пары идутъ въ ковчегъ. Вотъ является пара очень странныхъ животныхъ, которыя на всѣхъ языкахъ называются дураками.

Оселокъ. Поклонъ и привѣтъ всѣмъ присутствующимъ!

Жакъ. Добрый герцогъ, примите его хорошо. Это тотъ самый господинъ съ пестрымъ мозгомъ, котораго я такъ часто встрѣчалъ въ лѣсу. Онъ клянется, что живалъ при дворѣ.

Оселокъ. Кто сомнѣвается въ этомъ, пусть подвергнетъ меня испытанію. Я танцовалъ, я увивался около дамъ, я политически обращался съ другомъ, ласково съ врагомъ, я разорилъ трехъ портныхъ, я имѣлъ четыре ссоры и изъ-за одной изъ нихъ чуть не подрался на дуэли.

Жакъ. Какъ же она окончилась?

Оселокъ. Мы сошлись на мѣстѣ поединка—и тутъ, обсудивъ дѣло, нашли, что наша ссора остановилась передъ седьмымъ пунктомъ обиды.

Жакъ. Что это за седьмой пунктъ? Добрый герцогъ, полюбите этого человѣка.

Герцогъ. Онъ мнѣ очень нравится.

Оселокъ. Да сохранитъ васъ Богъ, герцогъ; желаю, чтобъ и вы мнѣ понравились. Я поспѣшилъ сюда, герцогъ, съ среду этихъ сочетающихся сельскихъ паръ, чтобы дать клятву и нарушить ее, такъ какъ бракъ связываетъ, а страсть расторгаетъ узы. Вотъ бѣдная дѣвственница, герцогъ, невзрачная вещица, герцогъ, но собственно

ПАСТУШКА ОДРИ.

Картина англ. живописца Филиппа Ричарда Морриса. (Philipp Richard Morris, R. A., p. 1838).

мнѣ принадлежащая; жалкая прихоть такая была у меня—взять то, чего не хотѣлъ никто другой. Богатая добродѣтель, герцогъ, живетъ, какъ скупой, въ бѣдной избѣ, какъ жемчугъ въ грязной устрицѣ.

Герцогъ. Честное слово, онъ очень уменъ и краснорѣчивъ.

Оселокъ. На сколько могутъ быть умны и краснорѣчивы шутки шута и другія приторныя вещицы.

Жакъ. Но возвратимся къ седьмому пункту. Какимъ образомъ вы пришли къ заключенію, что ваша ссора остановилась передъ седьмымъ пунктомъ?

Оселокъ. Она остановилась передъ семикратнымъ опроверженіемъ лжи. — Держись покрасивѣе, Одри. — Это было вотъ какъ, мессэръ. Я отзывался съ неудовольствіемъ о формѣ бороды одного придворнаго; онъ послалъ мнѣ сказать, что если я нахожу его бороду остриженною нехорошо, то онъ находитъ ее красивою: это называется *вѣжливый отпоръ*; что если я еще разъ скажу ему, что его борода нехорошо острижена, онъ отвѣтитъ мнѣ, что стрижетъ ее такъ для собственнаго удовольствія: это называется *скромная насмѣшка;* а если еще разъ скажу, что его

борода не хорошо острижена, то онъ отвергнетъ мое мнѣніе: это называется *грубое возраженіе;* а если еще разъ скажу, что она не хорошо острижена, онъ отвѣтитъ, что я говорю неправду: это называется *энергическое опроверженіе;* а если еще разъ скажу, что она не хорошо острижена, онъ объявитъ, что я лгу: это называется *драчливое противорѣчіе;* и такъ далѣе, до *условной улики во лжи* и *улики прямой.*

Жакъ. Сколько же разъ вы сказали, что его борода не хорошо острижена?

Оселокъ. Я не посмѣлъ пойти дальше *условной улики,* а онъ не посмѣлъ дать мнѣ *улику прямую.* Такимъ образомъ мы помѣрялись мечами и разошлись.

Жакъ. Можете ли вы перечислить по порядку степени опроверженія?

Оселокъ. О, мессэръ, мы ссоримся по печатному, по книгѣ; есть такія книги для людей съ хорошими манерами. Я вамъ назову всѣ степени. Первая—вѣжливый отвѣтъ; вторая—скромная насмѣшка; третья—грубое возраженіе; четвертая—энергическое опроверженіе; пятая—драчливое противорѣчіе; шестая—улика условная; седьмая—улика прямая. Всѣ эти степени можно удачно обойти, исключая улику прямую, но и изъ нея можно выйти съ помощью частицы *если.* Я видѣлъ случай, что семеро судей не могли уладить ссору; но когда поссорившіеся встрѣтились, одинъ изъ нихъ вздумалъ прибѣгнуть къ *если;* именно, онъ сказалъ: *если* вы произнесли *это,* то я произнесъ *то;* и затѣмъ они пожали другъ другу руку и поклялись въ братской любви. Слово *если*—единственный умиротворитель; въ *если* большая сила.

Жакъ. Ну, не рѣдкостный ли это человѣкъ, ваша свѣтлость? вотъ такой же онъ молодецъ во всемъ, а между тѣмъ онъ шутъ.

Герцогъ. Его шутовство служитъ ему только ширмою, изъ-за которой онъ пускаетъ свое остроуміе.

Входитъ Гименей, *ведущій* Розалинду *въ женскомъ платьѣ; за нами слѣдуетъ* Целія. *Тихая музыка.*

Гименей (*поетъ*).

Въ небесахъ ликованье и радость идетъ,
Когда въ добромъ согласьи и въ мирѣ живетъ
Все, что въ мірѣ земномъ обитаетъ;
Добрый герцогъ, возьми свою дочь, Гименей
Въ небеса отправлялся недавно за ней—
И оттуда тебѣ доставляетъ,
Чтобъ рука этой дѣвы была отдана
Человѣку, чье сердце имѣетъ она.

Розалинда (*герцогу*). Я отдаюсь вамъ, потому что я ваша. (*Орландо*). Я отдаюсь вамъ, потому что я ваша.

Герцогъ. Если глаза меня не обманываютъ, ты моя дочь.

Орландо. Если глаза меня не обманываютъ, вы моя Розалинда.

Фебэ.

Коли не призракъ вижу я—
Прощай навѣкъ, любовь моя!

Розалинда (*герцогу*).

Не нужно мнѣ отца, коль имъ не будешь ты.
(*Къ Орландо*).
Не нужно мужа мнѣ, коль имъ не будешь ты.
(*Къ Фебэ*).
Иль ты, или никто не будетъ мнѣ женою.

Гименей.

Молчите всѣ и прочь смущенье!
Не вамъ, а мнѣ сказать рѣшенье
Событьямъ чуднымъ этихъ дней;
Коль правды не фальшивы звуки,
То осьмерыхъ счастливцевъ руки
Сегодня свяжетъ Гименей.
(*Къ Орландо и Розалиндѣ*).

Неразлучны вы будете вѣчно.
(*Къ Оливеру и Целіи*).
Вы другъ съ другомъ сживетесь сердечно.
(*Къ Фебэ, указывая на Сильвія*).
Вы должны иль его полюбить,
Или съ женщиной бракъ заключить.
(*Оселку и Одри*).
Вы такъ связаны тѣсно природой,
Какъ зима съ непогодой.
А теперь, между тѣмъ какъ спою
Я вамъ брачную пѣсню мою,
Вы пуститесь въ разспросы скорѣй,
Чтобы столько чудесныхъ вещей
Вы другъ другу могли объяснить
И разсудкомъ сомнѣнье рѣшить.

ПѢСНЯ.

О, бракъ! ты, какъ вѣнецъ, Юнону украшаешь!
Блаженнѣйшій союзъ постели и стола!
Ты, чудной силою, всю землю населяешь—
Такъ пусть же въ честь тебѣ гремитъ вездѣ хвала!
Неситесь клики прославленья
Въ честь брака, бога размноженья!

РОЗАЛИНДА (Орландо): Я отдаюсь вамъ, потому что я ваша. (Дѣйств. V, заключит. сцена).
Картина извѣстнаго англ. живописца Вильяма Гамильтона (William Hamilton, 1751—1801).

Герцогъ.

О, милая племянница, тебя
Встрѣчаю я, какъ дочь свою родную!

Фебэ (*Сильвію*).

Ты мой; отъ слова я отречься не хочу;
За вѣрность всю твою любовію плачу.

Входитъ Жакъ де-Буа.

Жакъ де-Буа.

Позвольте мнѣ сказать вамъ два-три слова:
Я средній сынъ Роланда-старика—
И вотъ съ какою вѣстью прихожу я
Къ прекрасному собранью. Герцогъ Фридрихъ,
Услышавши, что каждый день сюда
Стекается на поселенье много
Знатнѣйшихъ лицъ, собралъ большую рать
И самъ повелъ ее сюда, чтобъ брата
Въ плѣнъ захватить и порѣшить мечомъ.
Уже дошелъ онъ до опушки лѣса
Пустыннаго, когда сѣдой отшельникъ
Съ нимъ встрѣтился, и герцогъ, съ старикомъ
Поговоривъ немного, отказался
Отъ плана своего и жизни въ свѣтѣ,
И завѣщалъ онъ брату своему,
Изгнаннику, корону, а вельможамъ,
Съ нимъ изгнаннымъ, ихъ земли возвратилъ.
Что это все дѣйствительно случилось —
Я жизнью вамъ ручаюсь.

Герцогъ.

Отъ души
Привѣтствую тебя. Приносишь братьямъ
Ты свадебный подарокъ дорогой:
Одинъ свои захваченныя земли
Получитъ вновь, другой пріобрѣтетъ
Обширныя и сильныя владѣнья.
Сперва мы здѣсь въ лѣсу окончимъ то,
Что начато и развивалось нами
Такъ хорошо. А послѣ эти всѣ
Веселые друзья, что дни и ночи
Лишеній злыхъ дѣлили съ нами здѣсь,—
Участниками станутъ—сообразно
Достоинствамъ своимъ—всѣхъ благъ земныхъ,
Вернувшихся ко мнѣ. Теперь же это

Нежданное величіе пока
Забудемъ мы и отдадимся сельскимъ
Веселостямъ. Пусть музыка гремитъ;
Вы жъ, новобрачные, подавъ другъ другу руки,
Спѣшите весело нестись подъ эти звуки.

Жакъ (*Жаку де-Буа*).

Мессэръ, одинъ вопросъ: коль хорошо
Разслышалъ я, сказали вы, что герцогъ
Жизнь инока избралъ и навсегда
Отъ пышности придворной отказался?

Жакъ де-Буа.

Да, это такъ.

Жакъ.

Отправлюсь я къ нему.
У этихъ обращенныхъ можно много
Хорошаго услышать и узнать.

(*Герцогу*).

Васъ завѣщаю я всѣмъ прежнимъ вашимъ
Отличіямъ; вы заслужили ихъ
Терпѣніемъ и доблестью душевной.

(*Орландо*).

Васъ—той любви, которую вполнѣ
Вы вѣрностью своею заслужили.

(*Оливеру*).

Васъ—вашему наслѣдью и друзьямъ,
Союзникамъ могучимъ и подругѣ.

(*Сильвію*).

Васъ—брачному одру на много лѣтъ;
Принадлежать онъ долженъ вамъ по праву.

(*Оселку*).

Ну, а тебя—семейнымъ ссорамъ: ты
Въ своемъ пути любовномъ обезпеченъ
Припасами на мѣсяцъ или два,
Не болѣе.—Итакъ, ступайте веселиться,
А я не танцами желаю насладиться.

Герцогъ.

Останьтесь, Жакъ, останьтесь съ нами здѣсь.

Жакъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не созданъ я для этихъ развлеченій;
Я ухожу пока—и вашихъ повелѣній
У васъ въ покинутой пещерѣ буду ждать.

(*Уходитъ*).

Герцогъ.

Впередъ, впередъ! пора намъ празднества начать.
И кончатся они—въ томъ нѣтъ для насъ сомнѣній—
Среди дѣйствительныхъ и чистыхъ наслажденій.

(*Танцы*).

ЭПИЛОГЪ.

Розалинда (*къ публикѣ*). Мы не привыкли видѣть женщину въ эпилогѣ; но это нисколько не неприличнѣй выхода мужчины въ прологѣ. Если справедлива поговорка, что „хорошее вино не нуждается въ ярлыкѣ", то точно такъ же несомнѣнно, что для хорошей пьесы не нуженъ никакой эпилогъ. Однако жъ, къ хорошему вину обыкновенно привѣшиваютъ хорошіе ярлыки, а хорошія пьесы кажутся еще лучше при помощи хорошихъ эпилоговъ. Каково же мое положеніе, когда я не хорошій эпилогъ и не могу похлопотать у васъ въ пользу хорошей пьесы? Я не одѣта какъ нищій, и поэтому мнѣ не идетъ нищенствовать. Единственный способъ, остающійся мнѣ — умолять васъ, и я начну съ женщинъ. О, женщины! любовью, которую вы питаете къ мужчинамъ, заклинаю васъ одобрить въ этой пьесѣ то, что имъ понравится. Васъ же, о мужчины, заклинаю любовью, которую вы питаете къ женщинамъ—а по вашимъ улыбкамъ я замѣчаю, что ни одинъ изъ васъ не ненавидитъ ихъ—сдѣлать такъ, чтобы пьеса понравилась вамъ и женщинамъ. Будь я женщина, я расцѣловала бы всѣхъ, чьи бороды мнѣ нравятся, чей цвѣтъ лица приходится мнѣ по вкусу и чье дыханіе мнѣ не противно; и я остаюсь въ убѣжденіи, что всѣ, обладающіе красивыми бородами, или прекраснымъ лицомъ, или пріятнымъ дыханіемъ, не откажутся, въ награду за мое милое предложеніе, отвѣтить на мой поклонъ прощальнымъ привѣтомъ. (*Всѣ уходятъ*).

П. Вейнбергъ.

Книжный орнаментъ эпохи Ренесанса (издательская марка, работы мастерской братьевъ Бернардини въ Венеціи, 1498; Fratelli Bernardini, detti gli Albanesotti, Venezia, 1498). Русскія буквы стилизованы.

ЗАМОКЪ ВЪ ЭЛЬСИНОРѢ (КРОНБОРГЪ).

ГАМЛЕТЪ.

I.

Ни одно изъ произведеній Шекспира не пользовалось постоянно такою широкою популярностью, ни одно не вызывало такого всеобщаго удивленія и восторговъ, ни одно не произвело такого громаднаго вліянія на европейскую литературу,—какъ „Гамлетъ“. Тонкій и необыкновенно чуткій цѣнитель шекспировскаго творчества Бѣлинскій называлъ эту трагедію „блистательнымъ алмазомъ въ лучезарной коронѣ царя драматическихъ поэтовъ, увѣнчаннаго цѣлымъ человѣчествомъ“. Геніальная глубина мысли, безгранично широкій захватъ величайшихъ вопросовъ человѣческаго существованія, проникновенный психологическій анализъ и, наконецъ, художественное совершенство цѣлаго обезпечиваютъ „Гамлету“ выдающееся положеніе среди драгоцѣннѣйшихъ твореній всемірной литературы. Перешагнувъ рамки шекспировскаго времени и національности, герой этой безсмертной трагедіи давно сдѣлался, наряду съ Донъ-Кихотомъ, Фаустомъ и немногими другими геніальными созданіями поэтическаго творчества, однимъ изъ міровыхъ, общечеловѣческихъ типовъ, имѣющихъ универсальное и вѣковѣчное значеніе.

Но не только универсальность типа и глубина заключенной въ немъ психологической проблемы, не только первостепенныя художественныя достоинства вызываютъ живѣйшій интересъ къ „Гамлету“, но также и особенное значеніе этой трагедіи въ исторіи духовнаго развитія Шекспира. Ни въ одномъ изъ его произведеній мы не найдемъ такого богатства субъективнаго элемента, столько личныхъ, автобіографическихъ чертъ. Эта трагедія разочарованія, грустнаго раздумья надъ жизнью была пережита и выстрадана лично самимъ поэтомъ, извѣдавшимъ на собственномъ опытѣ весь ужасъ гамлетовскаго настроенія. „Гамлетъ“ является, до извѣстной степени, поэтическою лѣтописью внутренней жизни геніаль-

наго драматурга въ годы, непосредственно предшествовавшіе созданію „Отелло", „Лира" и „Макбета".

„Гамлетъ" появился впервые въ печати ровно триста лѣтъ тому назадъ. Первое изданіе, въ форматѣ in-quarto, вышло въ Лондонѣ въ 1603 году подъ заглавіемъ: „Трагическая исторія Гамлета, принца Датскаго. Сочиненіе Вилльяма Шекспира. Въ томъ видѣ, какъ она была нѣсколько разъ представлена актерами Его Величества въ Лондонѣ, а также въ университетахъ Кембриджскомъ, Оксфордскомъ и въ другихъ мѣстахъ". Въ слѣдующемъ 1604 году „Гамлетъ" появился уже вторымъ изданіемъ, также in-quarto, но уже въ новой, болѣе обширной редакціи, сдѣланной, очевидно, самимъ поэтомъ, и, сообразно съ этимъ, подъ измѣненнымъ заглавіемъ: „Трагическая исторія Гамлета, принца Датскаго. Сочиненіе Вилльяма Шекспира. Вновь напечатанная и увеличенная почти вдвое противъ прежняго (enlarged to almost as much againe as it was) по подлинной и полной рукописи". Только въ этомъ второмъ изданіи трагедія приняла тотъ окончательный видъ, подъ которымъ она завоевала себѣ всемірную славу. Текстъ этого изданія перепечатывался нѣсколько разъ (въ 1605, 1611 гг. и т. д.) и, наконецъ, вошелъ, съ незначительными измѣненіями въ первое изданіе шекспировскихъ драмъ in-folio 1623 г.

Что касается времени написанія „Гамлета", то единственную достовѣрную дату мы имѣемъ въ т. н. „издательскихъ реестрахъ" (Stationers' Registers), въ которыхъ 26 іюля 1602 года отмѣчена „Книга, озаглавленная Мщеніе Гамлета, принца Датскаго, въ томъ видѣ, какъ она недавно была представлена труппою лорда-канцлера". Это была та самая труппа, къ которой принадлежалъ Шекспиръ. Въ 1603 году она была переименована въ труппу „королевскихъ актеровъ" (the King's players), вслѣдствіе чего въ первомъ изданіи in-quarto сказано, что пьеса была представлена „актерами Его Величества". Такимъ образомъ, „Гамлетъ" былъ написанъ не позже 1602 г.

Было сдѣлано много попытокъ доказать, что время происхожденія нашей трагедіи должно быть отнесено къ значительно болѣе раннему времени. Несомнѣнно, что задолго до 1602 г. въ Англіи уже существовала какая то трагедія о Гамлетѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ современниковъ, которые, къ сожалѣнію, не сообщаютъ имени автора этой пьесы. Уже въ 1589 году о ней упоминаетъ одинъ изъ предшественниковъ Шекспира Томасъ Нашъ въ предисловіи къ „Менафону" Роберта Грина. Далѣе, „Дневникъ" Филиппа Генсло удостовѣряетъ, что 9 іюня 1594 г. въ Лондонѣ была представлена пьеса „Гамлетъ". Затѣмъ, въ 1596 г., Томасъ Лоджъ въ одномъ изъ своихъ сатирическихъ памфлетовъ упоминаетъ о „блѣдномъ призракѣ, который вопитъ на сценѣ: Гамлетъ, отмсти за меня!" Въ томъ же году актеръ Іосифъ Тэйлоръ игралъ роль Гамлета.

Броунъ, Найтъ и Эльце старались доказать, что всѣ приведенныя указанія относятся къ шекспировскому „Гамлету", который, слѣдовательно, существовалъ еще въ восьмидесятыхъ годахъ XVI-го вѣка. Однако, доводы, приводимые этими шекспирологами въ защиту своего мнѣнія, не особенно убѣдительны и, кромѣ того, находятся въ противорѣчіи съ тѣмъ фактомъ, что точный и осторожный Фрэнсисъ Миресъ, перечисляя въ 1598 году всѣ извѣстныя тогда драмы Шекспира, не упоминаетъ ни слова о „Гамлетѣ". Этого не могло бы случиться, если бы „Гамлетъ" въ то время былъ уже написанъ. При существующихъ данныхъ, время написанія нашей трагедіи всего вѣроятнѣе слѣдуетъ отнести къ 1601 или 1602 году.

Слѣдовательно, трагедія о Гамлетѣ, упоминаемая въ болѣе раннихъ свидѣтельствахъ, принадлежала не Шекспиру, а какому либо другому драматургу. По догадкѣ Мэлона и Колльера, авторомъ ея былъ Томасъ Кидъ.

Было высказано предположеніе, что трагедія Кида послужила основаніемъ для сохранившейся до нашего времени пьесы, которая въ XVII в. разыгрывалась въ Германіи бродячими труппами т. н. „англійскихъ комедіантовъ" подъ заглавіемъ: „Наказанное братоубійство, или трагедія о „Гамлетѣ, принцѣ Датскомъ". Однако, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Кона (Shakespeare in Germany), что нѣмецкій „Гамлетъ" XVII в. есть не что иное, какъ плохая передѣлка шекспировской трагедіи, искаженной до неузнаваемости въ угоду грубо-лубочному стилю, отличавшему репертуаръ этихъ труппъ.

Такимъ образомъ, мы лишены возможности опредѣлить, въ какихъ отношеніяхъ шекспировскій „Гамлетъ" стоялъ къ пьесѣ Кида. Несомнѣнно только то, что и въ дошекспировскомъ „Гамлетѣ" былъ выведенъ призракъ, призывавшій героя къ мщенію,

Если были и другія заимствованія у Кида, то врядъ ли они значительны, такъ какъ шекспировскій драматическій стиль находился въ полнѣйшемъ контрастѣ со стилемъ „кровавыхъ трагедій“ стариннаго драматурга.

II.

Мотивъ мщенія за смерть отца встрѣчается еще въ сагахъ древности. Извѣстенъ греческій миѳъ объ Орестѣ, драматически обработанный Эсхиломъ и Софокломъ. Орестъ, какъ и Гамлетъ, долженъ мстить убійцѣ своего отца, женившемуся на его матери. Мотивъ мщенія за смерть близкихъ родственниковъ узурпатору престола играетъ существенную роль и въ римской сагѣ о Брутѣ, въ которой говорится уже и о притворномъ сумасшествіи въ цѣляхъ исполненія мести.

Не безъ вліянія этихъ классическихъ сказаній образовалась средневѣковая скандинавская легенда объ Амлетѣ, разсказанная въ латинской хроникѣ датскаго лѣтописца XII в. Саксона-Грамматика. Легенда эта и дала Шекспиру фабулу его знаменитой трагедіи.

Датскій король Рорикъ, — повѣствуетъ легенда,—сдѣлалъ намѣстниками Ютландіи двухъ родныхъ братьевъ—Горвендилла и Фенгона. Изъ нихъ Горвендиллъ вскорѣ отличился въ морскихъ набѣгахъ и битвахъ, которые прославили и обогатили его. Побѣдивъ въ единоборствѣ норвежскаго короля Коллера и захвативъ богатую добычу, Горвендиллъ вошелъ въ такую честь у своего короля Рорика, что тотъ выдалъ за него замужъ свою дочь Геруту. Отъ этого брака и родился сынъ Амлетъ, герой сказанія. Счастье, выпавшее на долю Горвендилла, возбудило сильнѣйшую зависть въ Фенгонѣ, который затаилъ въ душѣ мысль убить брата и сдѣлаться единоличнымъ правителемъ Ютландіи. Выждавъ удобный моментъ, Фенгонъ предательски умертвилъ Горвендилла подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ посягалъ на жизнь своей жены. Простодушная Герута повѣрила и вышла замужъ за мнимаго спасителя.

Но юный Амлетъ зналъ истину и затаилъ въ душѣ месть. Чтобы обезопасить себя отъ подозрительности преступнаго дяди-вотчима и найти способъ къ исполненію замысла, Амлетъ сталъ прикидываться слабоумнымъ (extremum mentis vitium finxit). Съ этихъ поръ онъ ходилъ обыкновенно въ грязной и изорванной одеждѣ, бормоталъ безсвязныя съ виду слова, въ которыхъ, однако, таился глубокій смыслъ. Иногда, сидя у очага, онъ строгалъ крючки изъ дерева и обжигалъ ихъ на огнѣ. Когда его спрашивали, что онъ дѣлаетъ, Амлетъ отвѣчалъ, что готовитъ орудіе для мщенія за отца. Многіе смѣялись надъ нимъ, но у Фенгона явилось подозрѣніе, что безуміе Амлета притворное. Чтобы испытать его, Фенгонъ приказалъ свести Амлета въ лѣсу съ красивой дѣвушкой, которую онъ любилъ съ дѣтства. Подосланные шпіоны должны были наблюдать за его поведеніемъ. Однако Амлетъ, во-время предупрежденный своимъ молочнымъ братомъ о готовящейся ему ловушкѣ, разстроилъ всѣ планы своихъ шпіоновъ. Тогда „одинъ изъ друзей Фенгона“ предложилъ устроить свиданіе Амлета съ матерью и вызвался подслушать ихъ разговоръ. Но и эта попытка разоблачить Амлета не удалась. Подозрѣвая новую западню, онъ велъ себя въ комнатѣ матери, какъ безумный, и, замѣтивъ подъ цыновкой спрятавшагося придворнаго, убилъ его, разрубилъ тѣло на куски и выбросилъ на съѣденіе свиньямъ. Вернувшись къ матери, онъ открылъ тайну своего притворства и пламенною рѣчью такъ на нее подѣйствовалъ, что она покаялась въ своемъ поступкѣ и обѣщала помогать сыну въ мести за отца.

Послѣ того Фенгонъ придумалъ третье средство избавиться отъ Амлета: онъ послалъ его въ Англію въ сопровожденіи двухъ слугъ, которые везли къ англійскому королю письмо (руны) съ просьбою умертвить Амлета немедленно по высадкѣ на берегъ. Но во время ихъ сна Амлетъ подмѣнилъ это письмо другимъ, въ которомъ отъ имени Фенгона требовалъ казни своихъ спутниковъ. Такимъ образомъ въ Англіи они попали на висѣлицу, а Амлетъ такъ понравился своимъ умомъ англійскому королю, что тотъ выдалъ за него свою дочь.

Ровно черезъ годъ Амлетъ вернулся въ Ютландію въ самый тотъ день, когда, по уговору съ матерью, были устроены поминки по немъ. Когда пировавшіе гости захмѣлѣли и заснули, Амлетъ накинулъ на нихъ сѣть, которую укрѣпилъ приготовленными ранѣе крючками, и поджегъ залу, затѣмъ бросился въ спальню Фенгона, котораго и убилъ его же собственнымъ мечомъ. Собравъ весь народъ, онъ сообщилъ обо всемъ происшедшемъ и былъ провозглашенъ коро-

лемъ. Амлетъ долго и счастливо царствовалъ, пока не погибъ въ битвѣ съ преемникомъ короля Рорика—Виглетомъ.

Такова сага о Гамлетѣ въ своемъ первоначальномъ видѣ. Въ XVI в. безхитростный разсказъ Саксона-Грамматика былъ переработанъ на французскомъ языкѣ историографомъ Карла IX Бельфорэ въ его сочиненіи „Histoires tragiques“ (1564 г.). Съ французскаго текста былъ сдѣланъ, въ свою очередь, англійскій переводъ, который появился въ печати подъ заглавіемъ „Исторія Гамлета“(The Hystorie of Hamblett, 1608).

Разсказъ Бельфорэ въ подлинникѣ или англійскомъ переводѣ послужилъ Шекспиру источникомъ для его трагедіи. За первое предположеніе говоритъ то обстоятельство, что англійскій переводъ появился только въ 1608 г., и, слѣдовательно, не могъ быть использованъ Шекспиромъ, а въ пользу второго свидѣтельствуетъ одна маленькая подробность, а именно: восклицаніе Гамлета въ сценѣ убійства Полонія „A rat! a rat!“ (Мышь! Мышь!“) встрѣчается только въ англійскомъ текстѣ. Возможно, однако, что это восклицаніе не Шекспиромъ заимствовано у автора „The Hystorie of Hamblett“, а, наоборотъ, авторомъ „исторіи“ взято изъ трагедіи Шекспира.

При изученіи источниковъ шекспировскихъ пьесъ изслѣдователя почти всегда поражаетъ, изъ какого ничтожнаго матеріала создавалъ Шекспиръ свои драмы. Но нигдѣ, повидимому, пропасть, отдѣляющая сырой матеріалъ отъ художественнаго произведенія, не такъ глубока, какъ въ „Гамлетѣ“. Легенда дала ему только фабулу, тотъ внѣшній механизмъ, которымъ движется дѣйствіе трагедіи; вся же внутренняя сторона трагедіи—весь ея духъ, весь драматическій интересъ, вся глубина мысли, вся тонкость психологическаго анализа — принадлежитъ исключительно самому поэту, геніальному порыву его творческаго ума.

Въ легендѣ разсказъ пріурочивается къ полу-миѳической, до-христіанской эпохѣ исторіи Даніи, всецѣло еще носящей на себѣ печать варварской грубости и жестокости. Шекспиръ перенесъ дѣйствіе въ болѣе позднюю и болѣе образованную эпоху. Изображенная здѣсь придворная среда отличается хотя и поверхностной, но утонченной культурой. Ея молодежь получаетъ внѣшній лоскъ въ Парижѣ; многіе юноши, какъ и самъ Гамлетъ, выносятъ изъ германскихъ университетовъ философское образованіе.

Дѣйствующія лица, смутно и блѣдно обрисованныя въ разсказѣ Бельфорэ, пріобрѣтаютъ у Шекспира плоть и кровь. Фенгонъ и Герута легенды совершенно преобразовываются въ трагедіи въ лицахъ короля Клавдія и королевы Гертруды. Упоминаніе саги о придворномъ, который подслушивалъ разговоръ Амлета съ матерью, дало Шекспиру поводъ создать великолѣпный типъ болтливаго царедворца Полонія. Красивая дѣвушка, послужившая въ сагѣ первымъ орудіемъ для испытанія Гамлета, превратилась, въ рукахъ драматурга, въ поэтически-нѣжный и обаятельный образъ несчастной Офеліи. Молочный братъ Гамлета, предупреждающій его о поставленной ему ловушкѣ, вылился въ симпатичный характеръ стойкаго и уравновѣшеннаго Горація, единственнаго друга и сообщника героя трагедіи, а два безыменныхъ спутника Гамлета въ Англію сдѣлались всегда неразлучными, низкопоклонными придворными Гильденштерномъ и Розенкранцемъ. Для характеристики придворной среды поэтъ создалъ также роль придворнаго шаркуна Озрика, который, по мѣткому выраженію Гамлета, „и за грудь матери не принимался безъ комплиментовъ“.

Коренному измѣненію подвергся у Шекспира самъ герой сказанія. Можно сказать, что Амлетъ легенды и шекспировскій Гамлетъ—двѣ совершенно различныхъ личности. На мѣсто полуварварскаго героя саги въ трагедіи является типъ новѣйшей эпохи, захватывающій глубочайшіе интересы современнаго человѣчества; грубаго и жестокаго мстителя замѣняетъ человѣкъ съ нѣжной духовной организаціей, съ тонкоразвитымъ чувствомъ. Герой саги человѣкъ хитрый, осторожный, хладнокровный и рѣшительный. У него есть опредѣленный планъ мщенія, къ исполненію котораго онъ неуклонно стремится, не зная никакихъ внутреннихъ колебаній и сомнѣній и ни разу не сходя съ избраннаго пути. Когда же наступаетъ искусно подготовленный моментъ, онъ совершаетъ месть, убиваетъ Фенгона, и народъ провозглашаетъ его королемъ. На мѣсто разсчетливаго и достигающаго своей цѣли героя легенды Шекспиръ поставилъ человѣка страстнаго и пылкаго, но нерѣшительнаго, обуреваемаго внутренними сомнѣніями и колебаніями и совершающаго мщеніе только подъ давленіемъ обстоятельствъ въ предсмертную минуту. Шекспиръ перенесъ центръ тяжести во внутрь человѣческой души и построилъ трагедію на особенностяхъ натуры Гамлета.

на складѣ его ума, міросозерцанія и темперамента.

Для того, чтобы лучше оттѣнить характеръ своего героя, Шекспиръ поставилъ рядомъ съ нимъ Лаэрта и Фортинбраса, на которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго намека въ разсказѣ Бельфорэ. Оба они также являются мстителями за отца, но справляются со своей задачей совершенно иначе, чѣмъ Гамлетъ, и ярко подчеркиваютъ его медлительность въ исполненіи возложеннаго на него долга.

III.

Сравненіе изданій „Гамлета“ 1603 и 1604 гг. заставило шекспирологовъ выставить двѣ противоположныхъ теоріи. Одни, съ Колльеромъ и Грэнтъ Уайтомъ во главѣ, утверждаютъ, что первое изданіе есть не что иное, какъ результатъ книгопродавческой спекуляціи, и сдѣлано, безъ вѣдома Шекспира, по очень дурной копіи подлинной пьесы или даже просто по неискусной записи, набросанной во время представленія. Другіе, начиная съ Найта и кончая Фернивалемъ, Деліусомъ и Гервинусомъ, видятъ въ изданіи 1603 г. первую редакцію „Гамлета“, сдѣланную самимъ Шекспиромъ, но изданную очень небрежно. И дѣйствительно, тщательно сравнивая оба изданія, нельзя не придти къ несомнѣнному заключенію, что они представляютъ двѣ послѣдовательныхъ обработки трагедіи, сдѣланныхъ самимъ поэтомъ въ цѣляхъ художественныхъ.

Подобно двумъ редакціямъ „Ромео и Джульетты“ (1597 и 1599 гг.), двѣ редакціи „Гамлета“ представляютъ глубочайшій интересъ, такъ какъ даютъ возможность наблюдать процессъ творческой работы Шекспира. Оказывается, что его произведенія далеко не сразу отливались въ окончательную форму, а переживали нѣсколько фазисовъ, совершенствуясь постепенно.

Первая редакція „Гамлета“ во многомъ уступаетъ второй, представленной изданіемъ 1604 года. При новой обработкѣ трагедіи Шекспиръ обратилъ главное вниманіе на болѣе яркое освѣщеніе характеровъ, все болѣе и болѣе удаляя ихъ отъ легендарныхъ первообразовъ. Прежде всего, это замѣтно на героѣ трагедіи. Нѣсколькими мастерскими штрихами Шекспиръ вводитъ все болѣе и болѣе смягчающія черты въ характеръ датскаго принца. Только во второй редакціи онъ заставляетъ Гамлета „проливать слезы“ о случайно убитомъ Полоніи (IV, 1). Пессимистическое настроеніе Гамлета, его недовольство жизнью, меланхолія и приступы отчаянія освѣщены во второй редакціи гораздо ярче. Въ этомъ отношеніи интересно сравнить первый и четвертый монологи Гамлета (Д. I, сц. 2 и Д. III, сц. 1) по обѣимъ редакціямъ.

Только во второй редакціи перваго монолога у Гамлета является мысль о самоубійствѣ, только здѣсь онъ впервые произноситъ столь характерныя для него слова:

О, Боже мой! О, Боже милосердный!
Какъ пошло, пусто, плоско и ничтожно
Въ глазахъ моихъ житье на этомъ свѣтѣ!
Презрѣнный міръ! ты — опустѣлый садъ,
Негодныхъ травъ пустое достоянье.

Что касается четвертаго монолога Гамлета, начинающагося словами „Быть или не быть“, то въ первой редакціи онъ былъ вдвое короче, чѣмъ во второй, и выводилъ Гамлета въ нѣсколько иномъ освѣщеніи. Въ разсужденіяхъ о смерти и будущей жизни Гамлетъ второй редакціи выступаетъ скептикомъ и раціоналистомъ, тогда какъ въ первой редакціи онъ остановился еще на полпути между вѣрой и сомнѣніемъ. Не разорвавъ еще вполнѣ съ ученіемъ церкви, Гамлетъ въ первой редакціи называетъ загробный міръ „невѣдомой страной, при видѣ которой праведникъ радуется, а грѣшникъ изнываетъ“; во второй же редакціи этотъ загробный міръ для него только „невѣдомая страна, изъ которой еще не возвращался ни одинъ странникъ“. И въ первой редакціи смерть приравнивается ко сну, но вмѣстѣ съ тѣмъ, тамъ опредѣленно указывается, что за этимъ сномъ должно послѣдовать „пробужденіе“, „когда мы предстанемъ передъ Вѣчнымъ Судьею“. Во второй же редакціи въ голову Гамлету приходятъ только мысли о „сновидѣніяхъ“, которыя могутъ потревожить абсолютный покой смерти. Вмѣсто „*надежды* на что-то послѣ смерти“ первой редакціи является во второй „*страхъ* чего-то послѣ смерти“. Сообразно съ этимъ, въ первой редакціи Гамлетъ умираетъ съ надеждой на будущую жизнь („Heaven, receive my soule!“), а во второй изъ устъ его вырываются только слова „The rest is silence“ („остальное — молчаніе“).

Важный для характеристики Гамлета монологъ четвертаго дѣйствія послѣ встрѣчи

съ войсками Фортинбраса прибавленъ поэтомъ только во второй редакціи. Сцена Гамлета съ Розенкранцемъ и Гильденштерномъ (Д. II, сц. 2) добавлена во второй редакціи нѣсколькими мѣткими чертами. Только здѣсь влагается въ уста Гамлета сравненіе Даніи и всего свѣта съ тюрьмою, а также глубоко знаменательныя слова: „О, Боже! Я могъ бы заключиться въ орѣховую скорлупу и считать себя властителемъ необъятнаго пространства, еслибы не злые сны мои".

Итакъ, не измѣняя основныхъ чертъ характера Гамлета, Шекспиръ въ новой редакціи усилилъ элементы пессимизма, разочарованія, меланхоліи и скептицизма. Поэтому, въ то время какъ Гамлетъ первой редакціи девятнадцатилѣтній юноша, во второй онъ приближается къ тому возрасту, который Данте называетъ „срединою нашей жизненной дороги": ему тридцать лѣтъ. Дѣйствительно, Гамлета второй редакціи съ его философской глубиной и широтой взглядовъ, съ его проницательнымъ знаніемъ людей трудно представить себѣ иначе, какъ уже въ возрастѣ полной возмужалости.

Остальные, второстепенные характеры трагедіи также подверглись во второй редакціи художественной переработкѣ. Полную законченность получили образы Полонія, который въ первой редакціи носилъ имя Корамбиза, Горація и въ особенности Лаэрта, кипучая энергія котораго противопоставлена здѣсь еще рѣзче медлительному раздумью Гамлета. Существенное измѣненіе внесъ Шекспиръ и въ характеръ королевы.

Гертруда въ первой редакціи не преступница, а только слабая и чувственная женщина, довѣрившаяся коварному обольстителю, о злодѣяніи котораго она ничего не знала. Поэтому какъ только Гамлетъ разоблачаетъ ей тайну убійства ея перваго мужа, она дѣлается сообщницей сына и обѣщаетъ помогать для исполненія мести,— совершенно какъ въ легендѣ объ Амлетѣ. Когда же Гамлетъ спасается отъ смерти, которая ждала его въ Англіи, Горація сообщаетъ объ этомъ прежде всего королевѣ, какъ сообщницѣ. Во второй редакціи нравственный образъ королевы рисуется въ менѣе благопріятномъ свѣтѣ. Нѣтъ уже рѣчи о томъ, чтобы она сдѣлалась сообщницей сына. Напротивъ того, есть основаніе предполагать, что злодѣяніе Клавдія не осталось для нея тайной и, можетъ быть, даже не обошлось безъ ея участія. По крайней мѣрѣ, на обличеніе Гамлета она отвѣчаетъ словами, похожими на признаніе въ преступленіи:

Умолкни, Гамлетъ! Въ глубь моей души
Ты обратилъ мой взоръ: я вижу пятна,—
Ихъ черный цвѣтъ впитался такъ глубоко,
Что ихъ не смыть водами океана.

Во второй редакціи она представлена женщиной уже пожилой, поведеніе которой нельзя объяснить однимъ увлеченіемъ.

Измѣненіе характера королевы находилось, конечно, въ связи съ усиленіемъ пессимистическаго элемента въ Гамлетѣ второй редакціи: чѣмъ преступнѣе его мать, тѣмъ понятнѣе его горе, его презрѣніе къ женщинѣ, его разочарованіе въ жизни.

IV.

Легенда объ Амлетѣ могла тѣмъ легче подвергнуться драматической обработкѣ, что современная дѣйствительность давала Шекспиру возможность наблюдать семейныя трагедіи въ родѣ той, о которой повѣствуетъ разсказъ Саксона-Грамматика.

Грѣхъ Гертруды былъ также на душѣ шотландской королевы Маріи Стюартъ, которая, влюбившись въ лорда Ботвеля, умертвила въ сообщничествѣ съ нимъ своего мужа-короля Дарнлея, взорвала на воздухъ его замокъ для сокрытія слѣдовъ преступленія и затѣмъ обвѣнчалась со своимъ возлюбленнымъ. Нѣчто подобное случилось въ семьѣ графа Эссекса. Графиня Эссексъ сошлась съ Лейстеромъ еще при жизни своего мужа, котораго вскорѣ постигла загадочная смерть. Народная молва утверждала, что онъ былъ отравленъ Лейстеромъ. Ходили слухи, что на смертномъ одрѣ Эссексъ сказалъ сыну, что онъ погибаетъ жертвою гнуснаго замысла, и послалъ прощеніе женѣ. Едва онъ успѣлъ закрыть глаза, какъ вдова его обвѣнчалась съ Лейстеромъ. Семейное положеніе молодого Роберта Эссекса послѣ этого поразительно напоминаетъ положеніе Гамлета. Подобно Клавдію, Лейстеръ, оказывая наружно заботливость о молодомъ человѣкѣ, побаивался его и старался, подъ разными предлогами, держать его подальше отъ себя.

Въ англійской критикѣ очень распространено мнѣніе, нашедшее отголосокъ и

въ Германіи въ трудахъ Исаака и Конрада, что юный Робертъ Эссексъ послужилъ Шекспиру прототипомъ для его Гамлета. Дѣйствительно, Эссексъ напоминаетъ Гамлета не только обстоятельствами семейной жизни, но также и многими чертами характера и въ особенности склонностью къ меланхоліи и мечтательности и разочарованіемъ въ жизни. Чисто гамлетовскими темами полны его письма къ сестрѣ, лэди Ричъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ выражается такъ: „Меланхолія и веселость владѣютъ мною поперемѣнно; иногда чувствую себя счастливымъ, но чаще я угрюмъ. Время, въ которое мы живемъ, непостояннѣе женщины, плачевнѣе старости; оно производитъ и людей подобныхъ себѣ: такъ сказать деспотическихъ, измѣнчивыхъ, нечестивыхъ. О себѣ скажу, что я безъ гордости встрѣтилъ бы всякое счастье, такъ какъ оно было бы простою игрою случая, и я нисколько не упалъ бы духомъ ни при какомъ несчастьи, которое поразило бы меня, ибо я убѣжденъ, что всякая участь хороша или дурна, смотря по тому, за что мы сами ее принимаемъ". Послѣдняя мысль, какъ извѣстно, почти буквально повторяется Гамлетомъ (Д. II, сц. 2). Въ другихъ письмахъ Эссекса проглядываетъ то же недовольство людьми и собою, то же убѣжденіе въ ничтожности и пустотѣ жизни, то же утомленіе ею, какъ и у шекспировскаго героя.

Смѣшно, однако, считать Гамлета простымъ сколкомъ съ Эссекса, его точнымъ воспроизведеніемъ. Какъ и всякій истинный поэтъ, Шекспиръ изображалъ не портреты отдѣльныхъ людей, но типы, которые объединяютъ въ себѣ извѣстныя черты, разбросанныя во многихъ личностяхъ. Эссексъ не былъ, конечно, оригиналомъ Гамлета, обусловившимъ созданіе безсмертнаго типа: онъ былъ лишь однимъ изъ современниковъ, въ которыхъ Шекспиръ могъ наблюдать то своеобразное душевное настроеніе, которое онъ воплотилъ въ Гамлетѣ. Но указаніе на Эссекса важно въ томъ отношеніи, что имъ доказывается существованіе людей гамлетовскаго склада въ Англіи начала XVII вѣка. Распространенное мнѣніе, будто Шекспиръ, съ чуткимъ ясновидѣніемъ геніальнаго поэта, нарисовалъ въ Гамлетѣ типъ, неизвѣстный въ ту эпоху, типъ будущаго, появившійся только два столѣтія спустя,— не выдерживаетъ критики. Гамлетъ прежде всего—типъ шекспировскаго времени, типъ великой, цвѣтущей и полной контрастовъ эпохи Возрожденія. Не пророческій даръ проявилъ въ его созданіи Шекспиръ, а удивительную чуткость къ умственнымъ теченіямъ среди современниковъ, къ различнымъ оттѣнкамъ ихъ нравственнаго склада. Богатая галлерея превосходныхъ типовъ эпохи Возрожденія, нарисованныхъ волшебною кистью геніальнаго драматурга, была бы неполной, еслибы въ ней не нашелъ себѣ мѣста представитель умственной аристократіи того времени, которая, не ослѣпляясь внѣшнимъ блескомъ, мощью и сказочнымъ великолѣпіемъ Возрожденія, тщетно искала удовлетворенія своему высокому идеализму, своимъ благороднѣйшимъ порывамъ.

V.

Замѣчая гамлетовскія черты въ нѣкоторыхъ представителяхъ современнаго общества, Шекспиръ далеко не былъ безстрастнымъ, объективнымъ наблюдателемъ этого явленія: онъ самъ въ собственномъ сердцѣ пережилъ разочарованіе Гамлета въ жизни, плакалъ его слезами о разбитыхъ идеалахъ, перечувствовалъ въ самомъ себѣ всѣ муки мысли, безсильной передъ загадкой человѣческаго существованія. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ „Гамлетѣ" много элементовъ автобіографическихъ, субъективныхъ. Не даромъ же Шекспиръ такъ долго и тщательно работалъ надъ этой трагедіей, не даромъ именемъ датскаго принца назвалъ своего единственнаго сына (умершаго въ 1596 г.), не даромъ въ уста Гамлета влагаетъ онъ свои задушевныя убѣжденія о задачахъ драматическаго творчества и сценическаго исполненія.

Въ эпоху созданія „Гамлета" Шекспиру пришлось испытать много тяжелыхъ впечатлѣній. Въ 1601 году умеръ въ Стратфордѣ его отецъ, къ которому онъ былъ нѣжно привязанъ. Одновременно съ этимъ онъ лишился своего всегдашняго друга и покровителя Саутгэмптона. Постигло также его и жестокое сердечное крушеніе: женщина, которую онъ горячо любилъ и идеализировалъ, оказалась вѣроломной, безсердечной и безнравственной. Не веселы были и его впечатлѣнія отъ придворной жизни, въ соприкосновеніе съ которой ему приходилось входить: низкопоклонными льстецами и двоедушными лицемѣрами кишѣлъ блестящій дворъ Елизаветы. Наконецъ, и положеніе актера, очень невы-

сокое въ тогдашнемъ обществѣ, не могло не тяготить впечатлительную душу Шекспира.

Кто же могъ лучше Шекспира понять и изобразить сыновнее горе Гамлета, его страданіе отъ вѣроломства друзей, его разочарованіе въ женщинѣ, его негодованіе на низость и безнравственность привилегированной среды, его убѣжденіе въ высотѣ искусства? Въ негодованіи Гамлета на испорченное время, которое „вышло изъ своей колеи", въ его бичеваніяхъ лицемѣрія и безнравственности, въ его сарказмахъ и въ его разочарованіи слышится голосъ самого Шекспира.

Грустнаго раздумья надъ жизнью полны шекспировскіе сонеты, которые относятся отчасти къ тому же времени, какъ и работа надъ „Гамлетомъ". Постоянно встрѣчаются здѣсь горькія мысли о непрочности счастья, о безсиліи борьбы противъ зла, о ничтожествѣ всего земного. Поэтъ жалуется на „людскую злобу и ярость" (сон. 40), высказываетъ горькое убѣжденіе, что „зло царитъ на свѣтѣ" (сон. 121), „изнываетъ надъ чашей испытыхъ золъ" (сон. 25), доходитъ даже до того, что „проклинаетъ свою жизнь" (сон. 29). Подобно Гамлету, мысль о смерти постоянно преслѣдуетъ его (сон. 60, 64, 68, 71, 74 и др.). Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи 66 сонетъ, представляющій, по выраженію Н. И. Стороженка, „вопль отчаянія при видѣ торжествующаго деспотизма, зла и несправедливости". Вотъ что говоритъ изстрадавшійся поэтъ:

Усталъ я видѣть честь поверженной во прахъ,
Заслугу въ рубищѣ, свободу искаженной,
И бѣдность съ шутовской усмѣшкой на губахъ...
Глупцовъ, гордящихся лавровыми вѣнками,
Опальныхъ мудрецовъ, носящихъ скорбь въ тиши—
Высокій даръ небесъ, осмѣянный слѣпцами,
И силу, мертвую отъ немощей души,
Искусство робкое предъ деспотизмомъ власти,
Безумья жалкаго надменное чело,
Разнузданную ложь, разнузданныя страсти
И Благо плѣнникомъ у властелина Зло.
(Пер. Ѳ. Червинскаго).

Истомленный всѣмъ этимъ, поэтъ ждетъ смерти. Давно уже сближали этотъ сонетъ съ знаменитымъ монологомъ Гамлета „Быть или не быть". Дѣйствительно, сонетъ относится къ этому монологу, какъ талантливый эскизъ къ вполнѣ законченной картинѣ; общее настроеніе и содержаніе одни и тѣ же, но выражены они въ монологѣ еще рельефнѣе и художественнѣе.

Субъективность „Гамлета" подтверждается и тѣмъ, что Шекспиръ далъ въ этой пьесѣ почетное мѣсто драматическому искусству и его слушателямъ. По прекрасному замѣчанію Брандеса, „Шекспиръ прославилъ здѣсь самую драматическую поэзію, служеніе которой было дѣломъ, наиболѣе близкимъ его сердцу, и наполняло собою всю его жизнь, прославилъ ее, сдѣлавъ здѣсь драму радикальнымъ средствомъ, съ помощью котораго истина выходитъ наружу, такъ что справедливость можетъ восторжествовать. Представленіе пьесы объ убійствѣ Гонзаго есть та ось, вокругъ которой вращается трагедія". Кромѣ того, устами Гамлета Шекспиръ мастерски опредѣляетъ задачу театра, „цѣль котораго была, есть и будетъ—отражать въ себѣ природу: добро, зло, время и люди должны видѣть себя въ немъ, какъ въ зеркалѣ" (Д. III, сц. 2) и дѣлаетъ безцѣнныя указанія о пріемахъ сценическаго исполненія, въ основѣ котораго должны лежать простота, естественность и умѣренность. „Не поли слишкомъ усердно воздуха руками—такъ: будь умѣреннѣе. Среди потопа, бури и, такъ сказать, водоворота страсти долженъ ты сохранить умѣренность, которая смягчитъ ихъ рѣзкость... Особенно обращай вниманіе на то, чтобы не переступать за границу естественнаго". Ласковымъ пріемомъ актеровъ Гамлетъ даетъ примѣръ истиннаго обхожденія съ ними. „Они зеркало и краткая лѣтопись своего времени. Плохая эпитафія повредитъ тебѣ послѣ смерти меньше, чѣмъ злая эпиграмма изъ устъ ихъ, пока ты живъ", говоритъ онъ Полонію и возмущается тѣмъ, что высокомѣрный придворный хочетъ принять ихъ „по заслугамъ". „Нѣтъ, прими ихъ лучше. Если обращаться съ каждымъ по заслугамъ, кто же избавится отъ пощечины?" (Д. II, сц. 2).

Послѣ сказаннаго едва ли можно сомнѣваться, что Гамлетъ нерѣдко является глашатаемъ идей самого Шекспира, что многое, влагаемое въ его уста, находило звучный и сочувственный отголосокъ въ собственномъ сердцѣ поэта. „Гамлетъ" отразилъ въ себѣ тотъ періодъ въ духовномъ

развитіи Шекспира, когда онъ самъ переживалъ нравственный кризисъ, раздѣлялъ пессимистическое настроеніе своего героя и вмѣстѣ съ нимъ плакалъ горькими слезами надъ несовершенствами человѣческой жизни, задыхался въ атмосферѣ лжи и порока и мучительно искалъ выхода изъ этого ужаснаго положенія. Пессимистическій взглядъ на жизнь преобладаетъ и въ другихъ трагедіяхъ Шекспира, близкихъ по времени происхожденія къ „Гамлету“: таковы „Лиръ“, „Макбетъ“, „Мѣра за мѣру“, „Тимонъ Аѳинскій“.

VI.

Многочисленныя изданія „Гамлета“, сдѣланныя еще при жизни Шекспира, свидѣтельствуютъ о большомъ успѣхѣ трагедіи у современниковъ. О томъ же говоритъ тотъ любопытный фактъ, что въ 1607 г. „Гамлетъ“ былъ представленъ англійскими матросами на бортѣ корабля „Драконъ“ у береговъ Африки, близъ Сіерра-Леоне.

Въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ популярность „Гамлета“ возрастала все болѣе и болѣе. Два актера: Томасъ Беттертонъ (1635—1710) и Давидъ Гаррикъ (1716—1779) составили себѣ имя преимущественно исполненіемъ роли датскаго принца. „Трагедія Гамлетъ“ — пишетъ Шефтсбэри въ 1710 г. — обладаетъ силою производить особенное дѣйствіе на англійскія сердца, и ни одна пьеса не ставится на нашихъ театрахъ такъ часто“.

Около половины XVIII в. „Гамлетъ“ проникъ на французскую и нѣмецкую сцены. Знаменитый нѣмецкій актеръ Францъ Брокманнъ основалъ свою славу исключительно на исполненіи роли Гамлета. Первое представленіе „Гамлета“ въ Гамбургѣ въ 1776 г. сопровождалось необычайнымъ успѣхомъ: въ честь Брокманна были даже выбиты медали.

Публика со своимъ непосредственнымъ чувствомъ далеко опередила тогдашнихъ присяжныхъ критиковъ, которые долго не могли найти настоящую точку зрѣнія на трагедію, вызывавшую всеобщій восторгъ. Тѣмъ не менѣе въ XVIII в. уже было положено основаніе критической литературѣ о „Гамлетѣ“, которая въ настоящее время достигла колоссальныхъ размѣровъ. Только два произведенія могутъ посоперничать съ „Гамлетомъ“ въ этомъ отношеніи: „Божественная Комедія“ Данте и „Фаустъ“ Гете.

Исторія критической оцѣнки „Гамлета“ представляетъ интересную страницу въ исторіи европейской критики. Нигдѣ нельзя такъ хорошо изучить смѣну различныхъ критическихъ школъ и соотвѣтствующихъ имъ общественныхъ настроеній, какъ на судьбахъ толкованій „Гамлета“, какъ на многочисленныхъ попыткахъ разрѣшить „гамлетовскій вопросъ“.

Первое критическое сочиненіе о „Гамлетѣ“ явилось въ Англіи въ 1736 г. подъ заглавіемъ: „Some remarks on the tragedy of Hamlet, Prince of Denmark“ безъ имени автора, которымъ, какъ предполагаютъ, былъ сэръ Томасъ Гоммеръ. Этотъ первый критикъ посмотрѣлъ на трагедію сквозь ложноклассическія очки, строго осудилъ смѣшеніе трагическаго и комическаго элементовъ и, хваля за нѣкоторыя частности, упрекнулъ Шекспира въ потворствѣ низменнымъ вкусамъ непросвѣщенной толпы. Самый видный англійскій критикъ XVIII в. Самуэль Джонсонъ ограничился подобными же бѣглыми замѣчаніями объ отдѣльныхъ недостаткахъ пьесы. Нѣсколько разностороннѣе оцѣнилъ Гамлета Вилльямъ Ричардсонъ, съумѣвшій уловить внутренній конфликтъ въ душѣ принца между утонченнымъ нравственнымъ чувствомъ и страстью мщенія.

Гораздо дальше пошелъ Гете. Въ романѣ „Вильгельмъ Мейстеръ“ (1795) геніальный поэтъ помѣстилъ замѣчательный разборъ „Гамлета“, сдѣлавшійся точкой отправленія для послѣдующей критики. До тѣхъ поръ „Гамлетомъ“ болѣе восхищались инстинктивно, чѣмъ понимали его; Гете же постарался разъяснить сущность характера Гамлета, проникнуть въ общій смыслъ трагедіи. „Ключъ ко всему поведенію Гамлета“ Гете находилъ въ восклицаніи, вырвавшемся изъ груди датскаго принца послѣ страшнаго открытія тѣни:

Распалась связь временъ!
Зачѣмъ же я связать ее рожденъ!

„Мнѣ ясно, — продолжаетъ Гете — что Шекспиръ хотѣлъ изобразить: великое дѣло, возложенное на душу, которой оно не по силамъ. Я нахожу, что вся пьеса съ начала до конца обработана въ этомъ смыслѣ. Здѣсь посаженъ дубъ въ драгоцѣнную вазу, которая могла принять въ себя лишь нѣжные цвѣты; корни разрослись, — и ваза разлетѣлась вдребезги. Прекрасное, чистое, благородное, высоконравственное существо, не обладающее чув-

ственною силою, которая дѣлаетъ героемъ, гибнетъ подъ бременемъ, которое оно ни отстранить, ни выносить не въ состояніи; каждая обязанность для него свята, эта слишкомъ тяжела. Невозможное требуется отъ него, не невозможное само по себѣ, но то, что ему невозможно".

Гете бросилъ яркій свѣтъ на характеръ Гамлета: слабость воли при сознаніи долга — вотъ въ чемъ заключается, по его мнѣнію, смыслъ трагедіи.

Мнѣніе Гете было усвоено критиками романтической школы. Августъ Шлегель постарался объяснить происхожденіе слабости воли Гамлета и нашелъ, что воля эта атрофирована непомѣрнымъ развитіемъ размышленія, рефлексіи. „Драма въ ея цѣломъ—писалъ онъ—имѣетъ въ виду показать, что размышленіе, желающее исчерпать всѣ отношенія и всѣ возможныя послѣдствія какого-нибудь дѣла, ослабляетъ способность къ совершенію дѣла (Thatkraft)". Такого же взгляда держались Тикъ и Горнъ въ Германіи, Кольриджъ, Кэмпель и Гэзлиттъ въ Англіи. Для всѣхъ романтиковъ Гамлетъ исключительно „герой размышленія", его „рефлексія"—причина медлительности въ исполненіи мести. При всей своей очевидной односторонности, такое объясненіе бездѣйствія Гамлета сдѣлалось однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ въ послѣдующей критикѣ. Романтики также пустили въ ходъ мнѣніе, что эта трагедія исполнена, по волѣ автора, особенной таинственности, не поддающейся полному объясненію. „Это загадочное произведеніе—говоритъ Шлегель—походитъ на тѣ ирраціональныя уравненія, въ которыхъ всегда остается одна часть неизвѣстнаго, не допускающая никакого рѣшенія".

Къ критикамъ-романтикамъ примыкаютъ критики т. н. философско-эстетической школы. Воспитавшись на философіи Гегеля и усвоивши себѣ его ученіе, что задача трагедіи заключается въ изображеніи борьбы великихъ нравственныхъ началъ, управляющихъ міромъ, критики этой школы устремили всѣ свои усилія на отысканіе въ „Гамлетѣ" „основной идеи" (Grundidee), т. е. отвлеченнаго понятія, которое будто бы воплотилъ Шекспиръ въ своей драмѣ. Шекспиру начинаютъ навязываться разнообразныя нравственныя, философскія, религіозныя и даже политическія „основныя идеи". Такъ Ульрици видитъ въ „Гамлетѣ"—„трагедію человѣческой мысли, стремящейся преобразовать внѣшній міръ по своему внутреннему содержанію и не считающейся при этомъ съ божественнымъ міропорядкомъ и нравственной необходимостью". Ретшеръ „основную идею" „Гамлета" выражаетъ словами: „болѣзненный разладъ между безграничностью мысли и ограниченностью дѣйствія". По мнѣнію Сиверса, Шекспиръ воплотилъ въ „Гамлетѣ" „великую протестантскую идею необходимости вѣры для человѣка" и т. д.

Никогда, кажется, „Гамлетъ" не подвергался такимъ произвольнымъ толкованіямъ, какъ въ рукахъ этихъ критиковъ, видѣвшихъ въ „Гамлетѣ" трагедію на опредѣленный отвлеченный тезисъ. Неудивительно, что ихъ попытки „нанизать, по выраженію Гете, пеструю и разнообразную жизнь на тощій шнурокъ одной всепроникающей идеи" окончились полною неудачею.

Близко къ философской школѣ критики стоитъ и Гервинусъ. Его толкованіе, заслуживающее вниманія по стремленію дать всестороннее освѣщеніе личности Гамлета, страдаетъ отъ предвзятой мысли, что „поэма о Гамлетѣ есть только хвала и прославленіе дѣятельной натуры, вытекающее изъ изображенія противоположнаго характера". Еще Берне находилъ, что бездѣйствующій Гамлетъ есть копія съ нѣмцевъ; пророческимъ символомъ нѣмецкаго народа являлся датскій принцъ и Ретшеру; поэтъ Фрейлигратъ пустилъ въ обращеніе афоризмъ „Гамлетъ — это Германія" („Hamlet ist Deutschland"). Эта мысль съ особеннымъ жаромъ была подхвачена Гервинусомъ, писавшимъ свой разборъ „Гамлета" въ бурную эпоху революціи 1848 года, когда скорбныя чувства по поводу политическихъ разочарованій, только что испытанныхъ нѣмецкимъ народомъ, переполняли сердца патріотовъ. Сближеніе Гамлета съ Германіей дало Гервинусу богатый матеріалъ для выраженія горькаго убѣжденія въ гамлетовской неспособности нѣмецкаго народа къ практической дѣятельности на поприщѣ политики. Политическія разочарованія нѣмецкаго патріота отразились на низкой оцѣнкѣ личности Гамлета, медлительность котораго въ дѣлѣ исполненія мести подверглась суровому осужденію критика.

Послѣдователь Гервинуса Крейссигъ видитъ въ Гамлетѣ печальный продуктъ „эстетической тепличной культуры", развивающей рефлексію и совершенно убивающей волю. По мнѣнію критика, Гамлетъ

представляетъ рѣзкую сатиру на людей съ болѣзненно развитой рефлексіей.

Такимъ образомъ, чистый и симпатичный образъ Гамлета, какимъ онъ рисовался Гете, померкъ въ рукахъ философствующихъ критиковъ, перейдя у Крейссига въ явленіе отрицательное, въ сатирическій типъ.

Борьба противъ одностороннихъ увлеченій и лжетолкованій критиковъ философской школы, а также реабилитація нравственной личности Гамлета явились задачей критиковъ-эстетиковъ, съ Фридрихомъ Фишеромъ во главѣ. Въ противоположность Гете и Гервинусу, Гамлетъ представляется Фишеру (Kritische Gänge, 1861 г.) не сентиментальнымъ и вялымъ мечтателемъ, не апатичнымъ флегматикомъ, а, напротивъ того, натурой страстной, бурной и даже при случаѣ суровой. Разгадка его медлительности въ томъ, что онъ, при всей своей страстности, „запутывается въ сѣтяхъ размышленія", „остается заколдованнымъ въ очарованномъ кругу рефлексіи".

Примыкая въ общемъ къ Фишеру, Геблеръ (Aufsätze über Shakespeare, 1865) полагаетъ, однако, что причину нерѣшительности Гамлета нужно искать не въ преобладаніи рефлексіи надъ страстью, а въ томъ, что между его рефлексіей и страстью, умомъ и чувствомъ, разсудкомъ и темпераментомъ нѣтъ гармоніи. Наконецъ, Фризенъ (Briefe über Hamlet, 1864) придаетъ элементу рефлексіи въ натурѣ Гамлета меньшее значеніе, чѣмъ элементу чувства и страсти. „Рефлексія Гамлета", по его выраженію, „служитъ только рычагомъ, чтобы пустить колеса сильной страсти въ болѣе быстрое вращеніе".

VII.

Съ середины XIX в. литература о „Гамлетѣ" такъ разрастается, что не представляется возможнымъ, въ настоящемъ краткомъ очеркѣ, прослѣдить ея развитіе въ хронологическомъ порядкѣ. Поэтому мы ограничимся указаніемъ основныхъ группъ, на которыя можно подѣлить комментаторовъ „Гамлета".

Одна группа критиковъ, ведущая свое начало отъ Ричардсона, исходной точкой своего объясненія ставитъ слова Гамлета; „такъ *совѣсть* дѣлаетъ насъ трусами" и причину его медлительности видитъ въ конфликтѣ возложеннаго на него долга мщенія съ соображеніями нравственнаго, или религіознаго, или правового порядка. Такъ американскій шекспирологъ Гэдсонъ (Shakespeare, 4 изд. 1871) думаетъ, что Гамлетъ медлитъ въ исполненіи своего долга мщенія потому, что въ его душѣ происходитъ вѣчная борьба между нѣжною сыновнею любовью съ одной стороны и тонко развитымъ нравственнымъ чувствомъ, возмущающимся противъ грубой расправы—съ другой. Въ свою очередь Баумгартъ (Die Hamlet-Tragödie und ihre Kritik, 1877) прибавляетъ, что не только нравственное, но и религіозное чувство удерживаютъ руку Гамлета: какъ истинный христіанинъ, Гамлетъ не можетъ примириться съ мыслью о мщеніи. Наконецъ, берлинскій профессоръ-юристъ Колеръ („Гамлетъ съ точки зрѣнія права", русск. пер. 1898) находитъ въ Гамлетѣ изображеніе „юридико-этическаго конфликта", а именно „столкновеніе двухъ различныхъ правовыхъ взглядовъ на кровавую месть: древняго правового воззрѣнія, по которому кровавая месть есть дѣло не только дозволенное, но и заслуживающее похвалы, и позднѣйшаго этически-правового взгляда, по которому кровавая месть не должна быть допустима, какъ явленіе, не соотвѣтствующее цѣлямъ организованной государственной жизни". Носителемъ этого „позднѣйшаго этически-правового взгляда" является, по волѣ Колера, Гамлетъ: въ этомъ и заключается разгадка его медлительности.

Итакъ, всѣ толкователи этой группы утверждаютъ, что Гамлетъ — противникъ кровавой мести изъ нравственныхъ, или религіозныхъ, или правовыхъ соображеній. Къ сожалѣнію, текстъ трагедіи не даетъ ни малѣйшаго права для подобнаго утвержденія: во всѣхъ монологахъ Гамлета мы не найдемъ ни одного намека на то, чтобы онъ не признавалъ законности и необходимости кровавой мести; напротивъ того, къ этой мести по эго выраженію, его призываетъ „и *небо*, и адъ", для исполненія ея онъ имѣетъ „и силы, и средства, и *желанье*". У критиковъ этой группы Гамлетъ слишкомъ модернизируется: забывая, что онъ человѣкъ XVI в., раздѣляющій представленіе эпохи о законности мести, они стараются навязать ему чувства и идеи XIX в.

Тотъ же недостатокъ замѣчается отчасти и въ другой группѣ толкователей, которая выставляетъ Гамлета сторонникомъ и жертвою какого-либо опредѣленнаго міросозер-

цанія. Такъ Штедфельдъ (1871 г.) считаетъ Гамлета скептикомъ и полагаетъ, что Шекспиръ въ этой пьесѣ разсчитывалъ вывести на свѣжую воду и изобличить скептическую философію Монтэня, слѣды вліянія котораго замѣтны на трагедіи. По мнѣнію Деринга (1865 г.), трагическая вина Гамлета заключалась въ его пессимистическомъ міросозерцаніи. Точно также и въ глазахъ проф. Паульсена (1901) „Гамлетъ" — „трагедія пессимизма", представляющая полную несостоятельность и крушеніе этого міросозерцанія.

Эта группа толкователей впадаетъ въ ту же ошибку, которою грѣшила философская критика: „Гамлетъ" разсматривается какъ тенденціозная драма, воплощающая опредѣленную философскую доктрину. При этомъ личное несочувствіе критиковъ къ скептицизму или пессимизму заставляетъ ихъ видѣть личность Гамлета, который имъ кажется зараженнымъ тѣмъ или другимъ, въ крайне неблагопріятномъ свѣтѣ, искажающемъ образъ шекспировскаго героя.

Особое мѣсто занимаетъ группа толкователей, которые причину медлительности ищутъ внѣ Гамлета, въ трудности возложенной на него задачи и, слѣдовательно, считаютъ эту причину *объективной*, тогда какъ всѣ другіе критики, о которыхъ шла рѣчь, разсматривали ее, по примѣру Ричардсона и Гете, какъ *субъективную*, гнѣздящуюся въ характерѣ принца. Группа эта имѣла своихъ представителей еще въ сороковыхъ годахъ въ Англіи (Strachey, Mozley и др.) и Германіи (Klein), но самое полное выраженіе такому взгляду далъ Вердеръ въ лекціяхъ, читанныхъ въ берлинскомъ университетѣ (Vorlesungen über Hamlet, 1875). По мнѣнію Вердера, задача Гамлета состоитъ не въ томъ, чтобы умертвить короля, а въ томъ, чтобы уличить коронованнаго преступника, довести злодѣя до публичнаго признанія въ своей винѣ и затѣмъ уже наказать. Но исполненіе такой задачи необыкновенно трудно: всѣ концы преступленія ловко скрыты преступникомъ, возсѣдающимъ на тронѣ и пользующимся, слѣдовательно, особенно прочнымъ и надежнымъ положеніемъ, а сослаться на откровеніе Тѣни Гамлетъ не можетъ отъ боязни быть принятымъ за сумасшедшаго.

Ахиллессова пята теоріи Вердера заключается въ томъ, что задача, навязываемая ею Гамлету, не находитъ себѣ ни малѣйшаго оправданія въ самой трагедіи, гдѣ говорится о простомъ мщеніи и нѣтъ ни слова объ изобличеніи короля, доведеніи его до раскаянія и судѣ надъ нимъ. Только *мщенія* требуетъ Тѣнь (Д. I, сц. 5), и Гамлетъ понимаетъ свою задачу не иначе, обѣщая летѣть къ мести „на крыльяхъ, какъ мысль любви, какъ вдохновенье, быстрыхъ".

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть объ эксцентричныхъ попыткахъ разрубить гордіевъ узелъ „гамлетовской задачи" при помощи... психіатріи. Мысль о дѣйствительномъ безуміи Гамлета была высказана еще въ XVIII в. нѣкоторыми представителями англійской медицины, а съ середины XIX в. она вызвала цѣлый рядъ спеціальныхъ изслѣдованій врачей-психіатровъ Англіи, Америки (Bucknill, Kellog, Conolly и др.) и другихъ странъ. Однако, подобно литературнымъ критикамъ, и психіатры не высказываютъ большого единодушія, не сходясь ни въ опредѣленіи „душевной болѣзни" Гамлета, ни въ самой наличности ея. Послѣдніе изслѣдователи этого вопроса Дельбрюкъ (Hamlet'Wahnsinn, 1893) и Леръ (Die Darstellung krankhafter Geisteszustände in Shkkespeares Dramen, 1898) уже не считаютъ возможнымъ зачислить Гамлета въ разрядъ душевно-больныхъ и милостиво признаютъ его только „неуравновѣшеннымъ" (déséquilibré) и т. п. Такимъ образомъ, нелѣпая мысль, будто Шекспиръ сдѣлалъ героемъ трагедіи сумасшедшаго, т. е. не отвѣчающаго за свои дѣйствія человѣка, начинаетъ терять кредитъ даже у людей, смотрящихъ на Гамлета съ узко-профессіональной точки зрѣнія. Прекрасно замѣчаетъ американскій критикъ Лоуэлль: „Если вы отнимете у Гамлета разумъ, то въ пьесѣ не останется никакого истинно-трагическаго мотива. Въ такомъ случаѣ ему было бы мѣсто въ домѣ сумасшедшихъ, а не на сценѣ. Если Гамлетъ не отвѣтственъ за свои поступки, то вся пьеса—полнѣйшій хаосъ".

VIII.

Прежде чѣмъ судить о дѣйствіяхъ Гамлета, нужно уяснить себѣ его личность, такъ какъ его поступки обусловливаются его характеромъ.

Въ Гамлетѣ Шекспиръ изобразилъ чрезвычайно богатую и разностороннюю натуру съ чертами не только талантливости, но и геніальности. Блестящія качества его философскаго ума, поражающаго глубиною мысли и широтою взгляда, удивительная тонкость нравственнаго чувства, отличающая избран-

ныя натуры, богатая фантазія—все это ставитъ его высоко надъ среднимъ уровнемъ людей. Съ широкими умственными интересами, со склонностью къ искусству и любовью къ театру онъ соединяетъ внѣшній блескъ утонченной культуры:

> Языкъ ученаго, глазъ царедворца,
> Героя мечъ, цвѣтъ и надежда царства,
> Ума и нравовъ образецъ (Д. III, сц. 1).

Эпоха возрожденія съ ея идеаломъ всесторонней человѣчности наложила на него свою печать: онъ представляетъ образецъ широкаго и глубокаго развитія индивидуальности. Сынъ жизнерадостной эпохи, онъ смотритъ на міръ глазами восторженнаго идеалиста. Земля — „прекрасное созданіе", небо — „величественная кровля, сверкающая огнемъ", но особенное удивленіе вызываетъ въ немъ человѣкъ: „Какое образцовое созданіе человѣкъ! Какъ благороденъ разумомъ! какъ безграниченъ способностями! какъ значителенъ и чудесенъ въ образѣ и движеніяхъ! Въ дѣлахъ какъ подобенъ ангелу, въ понятіи — Богу! Краса міра! вѣнецъ всего живого!"

Онъ любилъ жизнь, вѣрилъ въ людей и въ собственномъ отцѣ видѣлъ идеалъ истиннаго человѣка. Въ свою очередь и онъ былъ любимъ народомъ (Д. IV, сц. 3 и 7), который смотрѣлъ на него, какъ на „цвѣтъ и надежду царства".

Итакъ, у Гамлета соединились всѣ данныя, чтобы быть счастливымъ. И такимъ онъ, несомнѣнно, былъ ранѣе, чѣмъ мы знакомимся съ нимъ въ драмѣ, когда онъ уже „утратилъ всю свою веселость".

Въ безысходное горе, первое въ его счастливой жизни, повергли Гамлета загадочная смерть боготворимаго отца и слишкомъ поспѣшный бракъ матери, промѣнявшей своего перваго мужа-героя на жалкаго „короля изъ тряпокъ и лоскутьевъ", „короля-паяца, укравшаго діадему и тайно спрятавшаго ее въ карманъ".

Гамлетъ обладаетъ натурою страстною и пылкою, быстро реагирующею на впечатлѣнія отъ внѣшняго міра. Быстрая воспріимчивость и глубокая впечатлительность — ея основныя индивидуальныя черты. Вотъ почему обрушившееся на него горе ложится такимъ невыносимымъ бременемъ на его душу, отдавая ее во власть горькаго и безотраднаго разочарованія. И это разочарованіе тѣмъ глубже, чѣмъ сильнѣе было предыдущее очарованіе жизнью и свѣтомъ. Какъ натура крайне впечатлительная и пылкая, склонная всецѣло отдаваться опредѣленному настроенію, Гамлетъ отъ неумѣренныхъ восторговъ не знающаго жизни идеалиста круто поворачиваетъ, при первомъ столкновеніи съ жизнью, въ сторону неумѣреннаго разочарованія, безпощадно осуждающаго „презрѣнный міръ", какъ „опустѣлый садъ, негодныхъ травъ пустое достоянье". Теперь земля кажется ему „безплодною скалою". небо—„смѣшеніемъ ядовитыхъ паровъ", а человѣкъ, вызывавшій такіе его восторги, только „эссенціей праха".

Прежняя цѣльность оптимистическаго міросозерцанія нарушена, мучительное сомнѣніе овладѣваетъ душою разувѣрившагося идеалиста, вѣра его поколеблена, привязанность къ жизни ослаблена, мысль о смерти, .какъ избавительницѣ отъ всѣхъ золъ, преслѣдуетъ его.

Весь этотъ душевный процессъ достигаетъ высшаго напряженія, когда открытіе Тѣни рисуетъ все случившееся въ несравненно болѣе мрачномъ свѣтѣ, чѣмъ Гамлетъ предполагалъ, когда раскрыта тайна возмутительнаго преступленія, когда завѣса, скрывавшая весь ужасъ дѣйствительности, спала окончательно съ глазъ несчастнаго принца. Теперь уже онъ отдается всецѣло во власть пессимистическаго настроенія.

Пессимизмъ Гамлета есть именно только *настроеніе*, вызванное разочарованіемъ въ идеалахъ, а отнюдь не продуманная и приведенная въ стройный логическій порядокъ философская система. Пессимизмъ его коренится въ оскорбленномъ чувствѣ, а не въ отвлеченной мысли. Поэтому было бы большою ошибкою считать Гамлета (какъ дѣлаетъ Паульсенъ) представителемъ пессимистическаго *міросозерцанія* и сопоставлять его съ Шопенгауэромъ.

Еще рискованнѣе сближать Гамлета, по примѣру того же критика, съ Мефистофелемъ, этимъ воплощеніемъ холоднаго отрицанія и безотраднаго скептицизма. Духъ анализа, острота ума, ловкое владѣніе ироніей и сарказмомъ общи имъ обоимъ—это правда. Но здѣсь сходство и кончается. Злорадствующій хохотъ Мефистофеля не имѣетъ ничего общаго съ негодующимъ обличеніемъ Гамлета, въ смѣхѣ котораго слышится не ненависть, а любовь къ человѣку. Его смѣхъ—смѣхъ разочарованнаго идеалиста, и негодующаго на людей, и страдающаго за нихъ. „Незримыя слезы" таятся подъ покровомъ этого видимаго смѣха. Можетъ ли Мефистофель *скорбѣть* о пе-

чальной участи человѣка на землѣ? можетъ ли онъ *оплакивать* господство зла? Но все это дѣлаетъ Гамлетъ.

Нѣкоторыя проявленія скептицизма также не даютъ права считать Гамлета представителемъ философской системы скептицизма. Гамлетъ постоянно колеблется между вѣрою и безвѣріемъ, между твердымъ убѣжденіемъ и сомнѣніемъ. Все зависитъ отъ его настроенія: онъ то сомнѣвается въ безсмертіи души, какъ видно изъ монолога „Быть или не быть", то вѣритъ въ это безсмертіе. Такъ друзьямъ, предостерегающимъ его отъ слѣдованія за призракомъ, онъ говоритъ: „что можетъ сдѣлать онъ душѣ моей, *безсмертной*, какъ онъ самъ?" Къ религіи онъ относится порою скептически; съ другой стороны „законъ судьи земли и неба противъ грѣха самоубійства" удерживаетъ его руку, когда онъ хочетъ покончить съ собою (Д. I, сц. 2), а въ концѣ пьесы онъ выражаетъ убѣжденіе, что „и воробей не гибнетъ безъ воли Провидѣнія" (Д. II, сц. 2). Будь Гамлетъ скептикомъ, могъ ли Шекспиръ вложить ему въ уста такія слова идеалиста-мечтателя: „Я могъ бы заключиться въ орѣховую скорлупу и считать себя властителемъ необъятнаго пространства"? (Д. II, сц. 2).

Сравнивая Донъ-Кихота съ Гамлетомъ, Тургеневъ считалъ перваго представителемъ „центробѣжной силы альтруизма", а второго—„центростремительной силы эгоизма".

Тургеневъ взглянулъ на эти два типа съ философской точки зрѣнія, не какъ на живыя лица, а какъ на воплощеніе двухъ противоположныхъ, взаимно исключающихъ другъ друга идей. Какъ контрастъ Донъ-Кихоту, Гамлетъ и явился у него воплощеніемъ эгоизма.

Мыслью Тургенева вдохновился въ послѣднее время проф. Паульсенъ и, выведя изъ нея всѣ логическія послѣдствія, пришелъ къ убѣжденію, что Гамлетъ—эгоистъ безъ сердца и безъ любви, лишенный всякаго идеализма и благородства.

Но къ лицу ли эгоисту роль печальника за несовершенства жизни, роль реформатора „вышедшаго изъ колеи времени" въ интересахъ нравственности и справедливости? Могъ ли человѣкъ „безъ сердца и безъ любви" быть столь пораженнымъ смертью отца, такъ мучительно скорбѣть о нравственномъ паденіи матери? Будь Гамлетъ сухимъ эгоистомъ, трудно было бы объяснить любовь народа къ нему, о которой свидѣтельствуетъ дважды злѣйшій врагъ его, Клавдій, трудно было бы объяснить также ту симпатію, которую его образъ вызываетъ у всякаго не предубѣжденнаго читателя. Нельзя забыть его нѣжной дружбы къ Горацію, котораго онъ „укрылъ въ святѣйшихъ нѣдрахъ своей души" (Д. III, сц. 2), его любви къ Офеліи, на гробѣ которой онъ раскрываетъ все свое растерзанное сердце.

На простодушной довѣрчивости Гамлета, свойственной благороднымъ натурамъ, основываетъ Клавдій свой планъ поразить предательски Гамлета рукою Лаэрта:

> Прямой, безпечный, чуждый подозрѣнья,
> Рапиръ осматривать не станетъ онъ,
> И ты легко, съ уловкой небольшою,
> Возьмешь рапиру съ острымъ лезвіемъ
> И добрымъ наградишь его ударомъ
> За смерть отца. (Д. IV, сц. 7).

Гамлетъ такъ честенъ и благороденъ, что ему и въ голову не можетъ придти, что Клавдій вѣроломно воспользуется состязаніемъ на рапирахъ для своихъ преступныхъ цѣлей.

Только человѣка высокой души могъ напутствовать Шекспиръ въ другую жизнь такими прочувствованными словами:

> Вотъ сердце благородное угасло!
> Покойной ночи, милый принцъ! Спи мирно
> Подъ свѣтлыхъ ангеловъ небесный хоръ!

При всей высотѣ и при всемъ благородствѣ своей натуры, Гамлетъ не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ, о которыхъ онъ откровенно говоритъ Офеліи, намѣренно сгущая краски: „Я самъ, пополамъ съ грѣхомъ, человѣкъ добродѣтельный, однако могу обвинять себя въ такихъ вещахъ, что лучше бы мнѣ на свѣтъ не родиться. Я гордъ, я мстителенъ, я честолюбивъ". Онъ казнитъ себя за то уже, что замѣчаетъ въ себѣ склонность къ этимъ порокамъ. Можетъ ли онъ отрицать задатки мстительности въ своемъ сердцѣ, когда онъ весь пламенѣетъ жаждою мщенія коронованному преступнику? Можетъ ли онъ утверждать, что онъ совершенно не причастенъ честолюбію, когда лишеніе престола переносится имъ далеко не равнодушно? Наконецъ, еслибы въ немъ не было ничуть гордости, отъ него не вѣяло бы такимъ сознаніемъ своего превосходства надъ окружающими.

Конечно, Гамлетъ не воплощенная добродѣтель. Вѣрный своему принципу „вольнаго

и широкаго изображенія характеровъ", по выраженію Пушкина,—Шекспиръ распредѣлилъ свѣтъ и тѣни въ характерѣ Гамлета, не думая скрывать его недостатковъ. Ихъ нужно признать, но ихъ не слѣдуетъ преувеличивать. Гамлетъ живой человѣкъ, а не манекенъ добродѣтели въ родѣ ричардсоновскаго Грандисона.

IX.

Медлительный образъ дѣйствій Гамлета часто объясняютъ природной дряблостью его натуры. Но еще Бѣлинскій доказалъ всю ошибочность такого взгляда: „Отъ природы Гамлетъ человѣкъ сильный: его желчная иронія, его мгновенныя вспышки, его страстныя выходки въ разговорѣ съ матерью и нескрываемая ненависть къ дядѣ—все это свидѣтельствуетъ объ энергіи и великости души". Самъ Шекспиръ постарался показать въ трагедіи, что Гамлетъ умѣетъ, при случаѣ, дѣйствовать быстро, рѣшительно и сильно. При появленіи призрака, когда у его товарищей кровь стынетъ въ жилахъ отъ ужаса, когда даже стойкій и владѣющій собою „древній римлянинъ" Горацio боязливо удерживаетъ его, одинъ Гамлетъ безстрашно слѣдуетъ за призракомъ и зритель чувствуетъ, что не одни только слова то, что онъ говоритъ при этомъ:

Нѣтъ, я иду, судьба меня зоветъ!
Въ малѣйшій нервъ она вдохнула крѣпость
Льва африканскаго. Онъ все манитъ—
Пустите, или—я клянусь вамъ Небомъ—
Тотъ будетъ самъ видѣньемъ, кто посмѣетъ
Держать меня! Впередъ! Я за тобою!
(Д. I, сц. 4).

Смѣло и даже вызывающе ведетъ себя Гамлетъ съ Клавдіемъ, преслѣдуя его колкостями и намеками, безстрашно изобличая его представленіемъ пьесы, предъ лицомъ всего двора. Пощадивъ молящагося короля, Гамлетъ, вслѣдъ за тѣмъ, не колеблясь ни минуты, наноситъ смертельный ударъ Полонію въ полномъ убѣжденіи, что за занавѣской спрятался Клавдій. Большую энергію и находчивость проявляетъ Гамлетъ во время пути въ Англію, спасаясь отъ смертельной опасности, которая ему готовилась, а въ схваткѣ съ пиратами съ безумной отвагой вскакиваетъ на бортъ корабля противника. Наконецъ, въ минуту смерти, Гамлетъ выказываетъ замѣчательное присутствіе духа и почти стоическое спокойствіе.

Будь Гамлетъ слабою и вялою натурою, то подобный характеръ представлялъ бы мало интереса съ драматической точки зрѣнія и не годился бы въ герои трагедіи. Сознавая это, Шекспиръ надѣлилъ Гамлета и пылкостью темперамента, и личною отвагой, и силой духа,—иначе говоря, какъ разъ тѣми качествами, которыя нужны для того, чтобы дѣйствовать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ одарилъ также своего героя глубокимъ умомъ философскаго склада, міросозерцаніемъ прямолинейнаго, не знающаго компромиссовъ идеалиста и, наконецъ, по удачному выраженію Гончарова, „гибельнымъ избыткомъ сердца".

Чрезвычайно впечатлительная, нервная, пылкая, правдивая и честная натура идеалистически настроеннаго Гамлета, столкнувшись лицомъ къ лицу съ проявленіями человѣческой жестокости, безсердечности, лицемѣрія, вѣроломства и чувственности, повергается въ бездну мрачнаго разочарованія. Это разочарованіе составляетъ тотъ фонъ, ту основу, на которой зиждется весь его образъ дѣйствій.

Этотъ быстрый переходъ отъ прежняго идеалистическаго настроенія къ полному разочарованію въ жизни послужилъ однимъ изъ главныхъ препятствій для бодраго исполненія долга мести, съ такою горячностью принятаго имъ на себя. У него исчезаетъ самая охота жить, самая привязанность къ существованію, а, слѣдовательно, ко всѣмъ интересамъ жизни. Дѣйствовать бодро можетъ только тотъ, кто цѣнитъ блага жизни, кто не считаетъ себя лишнимъ на жизненномъ пиру и стремится къ опредѣленному устройству своего существованія. У Гамлета же всѣ идеалы разбиты, надежды растоптаны, лучшія чувства оскорблены. При такихъ условіяхъ жизнь сама по себѣ становится бременемъ и охота принимать участіе въ муравьиной работѣ людей исчезаетъ.

Вслѣдствіе особенностей своего умственнаго и нравственнаго склада, Гамлетъ слишкомъ расширяетъ и осложняетъ выпавшую на его долю задачу. Тѣнь его отца требуетъ простого мщенія, а Гамлетъ, не довольствуясь ролью мстителя, считаетъ себя призваннымъ выступить цѣлителемъ всѣхъ золъ Даніи, реформаторомъ безнравственной эпохи, какъ видно изъ его словъ въ концѣ I-го акта: „Время вышло изъ своей колеи, проклятье судьбѣ, родившей

меня на то, чтобы поставить его на настоящую дорогу!"

Сдѣлавъ это ужасное открытіе, Гамлетъ уже не можетъ сосредоточиться исключительно на исполненіи своей ближайшей задачи, своего долга мщенія. Уничтоживъ одного злодѣя, въ родѣ Клавдія, не исправишь всего міра, который, по мнѣнію Гамлета, такъ же изобилуетъ злодѣями, какъ запущенный садъ сорными травами. Какая же польза въ томъ, чтобы отправить Клавдія на тотъ свѣтъ? Разсуждая такъ, Гамлетъ оттягиваетъ исполненіе своего непосредственнаго долга.

„Гибельнымъ" для него является и „избытокъ сердца". На это выразительно указываетъ Шекспиръ въ сценѣ Гамлета съ матерью, когда призракъ отца вторично является къ нему, чтобы „воспламенить угасшій замыселъ". Смотря на его скорбный ликъ, Гамлетъ восклицаетъ:

О, не гляди! Твой жалкій, грустный образъ
Смягчитъ мое суровое рѣшенье—
И я его не совершу. Быть можетъ,
Слеза, не кровь, моею местью будетъ.

Онъ такъ сильно чувствуетъ, такъ глубоко переживаетъ страданія своего отца, что самая сила и глубина чувства ослабляютъ волю. Къ Гамлету приложимо выраженіе одного изъ шекспировскихъ сонетовъ о „пылкомъ человѣкѣ", который „отъ силы чувствъ своихъ становится слабѣй" (сон. XXIII).

Чувствомъ проникнуты обыкновенно и мысли Гамлета. Размышляетъ ли онъ о смерти и жизни, предается ли на кладбищѣ думамъ о бренности всего земного, старается ли доискаться причины своей, самому ему непонятной медлительности, — онъ является передъ нами не спокойнымъ мыслителемъ, логически разлагающимъ данную идею, а страстнымъ и впечатлительнымъ человѣкомъ, окрыленнымъ своимъ непосредственнымъ чувствомъ. По вѣрному замѣчанію Даудена, вся драма выйдетъ безсвязна и непонятна, если мы представимъ себѣ Гамлета человѣкомъ съ преобладающей силой размышленія и не обратимъ вниманія на его жаждущее любви чувствительное сердце.

Нельзя упускать изъ виду и трудность положенія Гамлета, исключительную тяжесть обстоятельствъ, среди которыхъ онъ поставленъ. „Онъ одолѣлъ бы всякое обычное зло (прекрасно замѣчаетъ Гончаровъ), побѣдоносно разсѣевалъ бы обыденный, свойственный людскимъ дѣламъ мракъ лжи и всякихъ золъ. Но его силамъ суждено было помѣряться не съ обычной сферой зла, а съ бѣдами чрезвычайныхъ размѣровъ, побѣдить ихъ и пасть".

Ему приходится дѣйствовать въ эпоху нравственнаго разложенія, когда „подгнило что то въ датскомъ королевствѣ", когда всѣ нравственные устои поразшатались, „время вышло изъ своей колеи" Атмосфера лжи, лицемѣрія, низкопоклонства и грубой чувственности окружаетъ его. Одинъ только Горацio смягчаетъ положеніе его полнѣйшаго одиночества. Мстить за отца приходится близкому по узамъ родства человѣку, женатому на матери мстителя, и притомъ мстить такъ, чтобы честь матери не была затронута. Противниками онъ имѣетъ людей безсовѣстныхъ, вѣроломныхъ, не брезгающихъ никакими средствами, какъ бы низки они ни были, живущихъ, какъ рыба въ водѣ, въ той атмосферѣ зла, которая такъ удручаетъ его самого, какъ идеалиста и правдолюбца. Возможно ли было его благородной натурѣ, мучительно страдавшей отъ всякаго проявленія житейской грязи и людской извращенности, потягаться съ закоренѣлымъ преступникомъ Клавдіемъ? Удивительно ли, что Гамлетъ, хотя и совершаетъ мщеніе, но падаетъ и самъ жертвою безсовѣстности своихъ враговъ?

X.

Вся сложная сѣть причинъ, изложенныхъ выше, опутываетъ Гамлета и обусловливаетъ его медлительность. Но эту медлительность не слѣдуетъ смѣшивать съ полнѣйшимъ бездѣйствіемъ и забвеніемъ своего дѣла.

Послѣ ужаснаго открытія, сдѣланнаго Тѣнью, Гамлетъ прежде всего долженъ позаботиться о томъ, чтобы это открытіе осталось тайною для всѣхъ. Этимъ объясняется его требованіе клятвы со стороны Горацio и Марцелло. Многократный голосъ Тѣни изъ-подъ земли, пугающій его друзей и заставляющій перемѣнить нѣсколько разъ мѣсто клятвы, какъ бы подтверждаетъ необходимость этой тайны. Въ то же время у Гамлета уже созрѣваетъ планъ прикинуться сумасшедшимъ. Ему необходимо отвлечь вниманіе окружающихъ отъ истинной причины того душевнаго возбужденія, разлада и унынія, которыя имъ теперь овладѣли. Сумасшествіе для него маска, чтобы скрыть свою тайну, и въ то же время оно—

средство облегчать душу, говоря непонятными намеками о томъ, что его всецѣло занимаетъ.

Подъ маской безумнаго, Гамлетъ старается прежде всего выполнить свое обѣщаніе, данное Тѣни:

Мнѣ помнить? Да, съ страницъ воспоминанья
Всѣ пошлые разсказы я сотру,
Всѣ изреченья книгъ, всѣ впечатлѣнья,
Минувшаго слѣды, плоды разсудка
И наблюденій юности моей.

Любовь къ Офеліи, какъ самое свѣтлое впечатлѣніе юности, Гамлетъ считаетъ теперь несовмѣстимой съ той великой задачей мщенія, которая должна всецѣло владѣть „книгой его сердца", „безъ примѣси другихъ, ничтожныхъ словъ". Съ растерзанной душой идетъ онъ въ комнату Офеліи и безмолвно прощается съ нею навсегда. Пусть она думаетъ, что онъ сошелъ съ ума; тѣмъ легче перенести ей горе.

О характерѣ Офеліи писано много, но никто не опредѣлилъ его лучше Бѣлинскаго. „Представьте себѣ — говоритъ нашъ критикъ—существо кроткое, гармоническое, любящее, въ прекрасномъ образѣ женщины, существо, которое совершенно чуждо всякой сильной потрясающей страсти, но которое создано для чувства тихаго, спокойнаго, но глубокаго, которое неспособно вынести бурю бѣдствій, которое умретъ отъ любви отверженной, но умретъ не съ отчаяніемъ въ душѣ, а угаснетъ тихо, съ улыбкою и благословеніемъ на устахъ, съ молитвою за того, кто погубилъ его, угаснетъ, какъ угасаетъ заря на небѣ въ благоухающій майскій вечеръ: вотъ вамъ Офелія! Это не юная, прекрасная и обольстительная Дездемона, которая умѣла отдаться своей любви вполнѣ, навсегда, безъ раздѣла и въ старомъ и безобразномъ маврѣ умѣла полюбить великаго Отелло, не Дездемона, для которой любовь сдѣлалась чувствомъ высшимъ, поглотившимъ всѣ другія чувства и привязанности; не Дездемона, которая на слова своего престарѣлаго и нѣжно любимаго ею отца: „выбирай между имъ и мною!" при цѣломъ сенатѣ Венеціи сказала твердо, что она любитъ отца, но что мужъ для нея дороже; которая, наконецъ, умирая, сама себя обвиняетъ въ своей смерти и проситъ оправдать ее передъ супругомъ. Нѣтъ, не такова Офелія; она любитъ Гамлета, но въ то же время любитъ отца и брата, и для ея счастья недостаточно жизни въ одномъ Гамлетѣ, ей еще нужна жизнь и въ отцѣ, и въ братѣ. Простодушная и чистая, она не подозрѣваетъ въ мірѣ зла; ей нѣтъ нужды до Полонія и Лаэрта, какъ до людей; она ихъ знаетъ и любитъ, одного—какъ отца, другого—какъ брата. Въ сарказмахъ Гамлета, обращенныхъ къ ней, она не подозрѣваетъ ни измѣны, ни охлажденія, а видитъ сумасшествіе, болѣзнь—и горюетъ молча. Но когда она увидала окровавленный трупъ своего отца и узнала, что его смерть есть дѣло человѣка, такъ нѣжно ею любимаго, она не могла снести тяжести этого двойного несчастія и ея страданіе разрѣшилось сумасшествіемъ".

Вполнѣ понятны тѣ сарказмы, которыми осыпаетъ Гамлетъ Офелію въ сценѣ, когда король и Полоній подслушиваютъ ея разговоръ съ нимъ (Д. III, сц. 1): его до глубины души возмутила малодушная измѣна Офеліи, ставшей на сторону его враговъ и сдѣлавшейся послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ.

Только Офелія и Полоній считаютъ Гамлета сумасшедшимъ, другихъ же его притворство не обманываетъ. Клавдій отлично понимаетъ его состояніе:

Любовь? О, нѣтъ: онъ не любовью боленъ!
Его слова хотя немного дики,
Но не безумны. У него на сердцѣ
Запало сѣмя; грусть его взраститъ,
Оно взойдетъ—и плодъ опасенъ будетъ.

Такимъ образомъ притворное сумасшествіе Гамлета не только не достигаетъ своей цѣли, но и отвлекаетъ его отъ прямой его задачи. Подъ удобной маской безумнаго онъ громитъ и обличаетъ, преслѣдуетъ сарказмами и негодованіемъ всѣ недостатки и пороки окружающихъ, а оставаясь наединѣ, такъ же горячо громитъ самого себя за бездѣйствіе, за безплодную трату времени.

Не имѣя доказательствъ виновности короля, Гамлетъ придумываетъ испытать его при помощи театральнаго представленія. Мысль его удается, какъ нельзя лучше, и у Гамлета не остается уже никакихъ сомнѣній въ преступности Клавдія. Но это представленіе открываетъ и Клавдію глаза на Гамлета и его тайные замыслы. Съ этого момента борьба между ними начинается не на жизнь, а на смерть. У короля созрѣлъ уже планъ отправить Гамлета въ Англію и умертвить тамъ, а Гамлетъ весь полонъ мыслью объ убійствѣ короля:

Вотъ часъ духовъ! Гробы стоятъ отверсты,

И самый адъ на міръ заразой дышетъ.
Теперь отвѣдать бы горячей крови,
Теперь ударъ бы нанести, чтобъ дрогнулъ
Веселый день...

И тѣмъ не менѣе, случайно заставъ короля наединѣ молящимся, онъ не поражаетъ его, такъ какъ не желаетъ „отправить злодѣя на небеса“. Его воображеніе живо рисуетъ ему загробныя страданія отца, который былъ „убитъ во цвѣтѣ грѣховъ, безъ покаянья, безъ исповѣди и безъ тайнъ святыхъ“. Не пустая отговорка, а глубокое убѣжденіе, что онъ долженъ воздать Клавдію тѣмъ же, удерживаетъ его руку.

Но, упустивъ удобный моментъ мести, Гамлетъ, вслѣдъ за тѣмъ, совершаетъ новую роковую ошибку: думая поразить короля, онъ убиваетъ Полонія. Результатомъ этой ошибки является заключеніе Гамлета подъ стражу и принудительное отправленіе его въ Англію. Во время пути онъ долженъ проявить всю свою энергію и находчивость, чтобы спастись отъ смерти, которая ждала его въ Англіи. Случайная схватка съ пиратами приводитъ его снова въ Данію. Для исполненія мести ему остается небольшой промежутокъ времени до того момента, какъ изъ Англіи придетъ вѣсть объ участи Розенкранца и Гильденштерна.

Король самъ ускоряетъ развязку, задумавъ вѣроломное убійство Гамлета, и отягченный новыми преступленіями, падаетъ подъ рукою мстителя.

Мщеніе совершилось, но какою дорогою цѣною досталось оно Гамлету! Противившись со свѣтлымъ идеализмомъ юныхъ лѣтъ, онъ извѣдалъ всю бездну мрачнаго и безотраднаго разочарованія, потерялъ вѣру въ жизнь и людей, испыталъ весь трагизмъ глубокаго душевнаго разлада и невыносимыхъ нравственныхъ мученій, которыя истерзали его чистое и благородное сердце. И все же онъ не впалъ въ апатію, не отказался отъ исполненія тяжкаго долга, возложеннаго на него судьбою. Какъ честный воинъ, палъ онъ въ неравной борьбѣ противъ окружавшаго его зла, насилія и неправды.

Гамлетъ сдѣлался навсегда высокохудожественнымъ и универсальнымъ типомъ благороднѣйшаго идеалиста, входящаго въ столкновеніе съ суровою дѣйствительностью и изнывающаго въ тяжелой борьбѣ противъ несовершенствъ жизни, разбившей всѣ его лучшія вѣрованія и идеалы. Вотъ почему его разочарованіе, его сомнѣнія и колебанія, его душевный разладъ говорятъ такъ много и такъ краснорѣчиво всякому современному человѣку, который, не замыкаясь въ эгоистичномъ кругѣ личныхъ интересовъ, принимаетъ горячо къ сердцу интересы общественные, идеалы добра и справедливости.

XI.

Съ нѣмецкой поры „бурныхъ стремленій“ „Гамлетъ“ началъ оказывать замѣтное вліяніе на европейскую литературу. Боровшаяся за новые идеалы въ области литературы и жизни молодежь этой эпохи чувствовала въ Гамлетѣ что-то родное, близкое себѣ. „Гамлетъ и его монологи—разсказываетъ Гете въ своей автобіографіи—наполняли всѣ юные умы. Главныя мѣста всякій зналъ наизусть и охотно цитировалъ ихъ, каждый считалъ себя вправѣ быть въ столь же меланхолическомъ настроеніи, какъ датскій принцъ,—хотя ему не являлось никакого привидѣнія и не приходилось мстить за отца-короля“. Въ произведеніяхъ выдающихся талантовъ этого періода, съ Гете и Шиллеромъ во главѣ, можно указать массу отголосковъ внимательнаго изученія шекспировской трагедіи. Если въ „Вильгельмѣ Мейстерѣ“ Гете далъ, какъ мы видѣли, замѣчательное объясненіе Гамлета, то въ своихъ юныхъ произведеніяхъ, относящихся по исполненію или по замыслу къ эпохѣ „бурныхъ стремленій“, онъ вдохновлялся образомъ Гамлета для собственныхъ поэтическихъ созданій. Въ Вертерѣ, воплотившемъ въ себѣ эпоху „бури и натиска“ съ ея сентиментальной и скорбной стороны, есть нѣкоторыя несомнѣнныя гамлетовскія черты. По справедливому замѣчанію Куно Фишера, въ Вертерѣ изображенъ такой же крутой переходъ отъ юношескаго свѣтлаго идеализма къ мрачному разочарованію, какъ и въ Гамлетѣ, причемъ нѣкоторыя фразы сентиментальнаго героя XVIII в. являются почти буквальнымъ повтореніемъ знаменитыхъ тирадъ датскаго принца.

При созданіи „Фауста“ Гете черпалъ свое вдохновеніе отчасти изъ того же неистощимаго источника. Отношенія Фауста къ Гретхенъ поразительно напоминаютъ отношенія Гамлета къ Офеліи. Въ обоихъ случаяхъ изображается оканчивающаяся трагически любовь человѣка высокой умственной культуры къ простодушной и симпатичной

молодой дѣвушкѣ. Какъ Офелія лишается отца отъ руки любимаго человѣка, такъ Гретхенъ теряетъ мать по винѣ Фауста. Братья обѣихъ дѣвушекъ, Лаэртъ и Валентинъ, сражаются на поединкѣ съ виновниками ихъ несчастья. Подобно Офеліи, Гретхенъ кончаетъ сумасшествіемъ. Наконецъ, извѣстная пѣсенка безумной Офеліи о днѣ св. Валентина почти буквально повторяется въ „Фаустѣ“ устами Мефистофеля.

Гамлетъ и Фаустъ — родные братья по духу. Ихъ различіе объясняется различнымъ характеромъ эпохъ, къ которымъ они принадлежали; кипучаго и цвѣтущаго возрожденія, съ его жизнерадостнымъ восторгомъ и первымъ, еще мимолетнымъ проявленіемъ „міровой скорби“ —съ одной стороны, и зрѣлаго, изнывающаго „подъ бременемъ познанья и сомнѣнья“ девятнадцатаго вѣка съ его широкими задачами и мучительными противорѣчіями—съ другой.

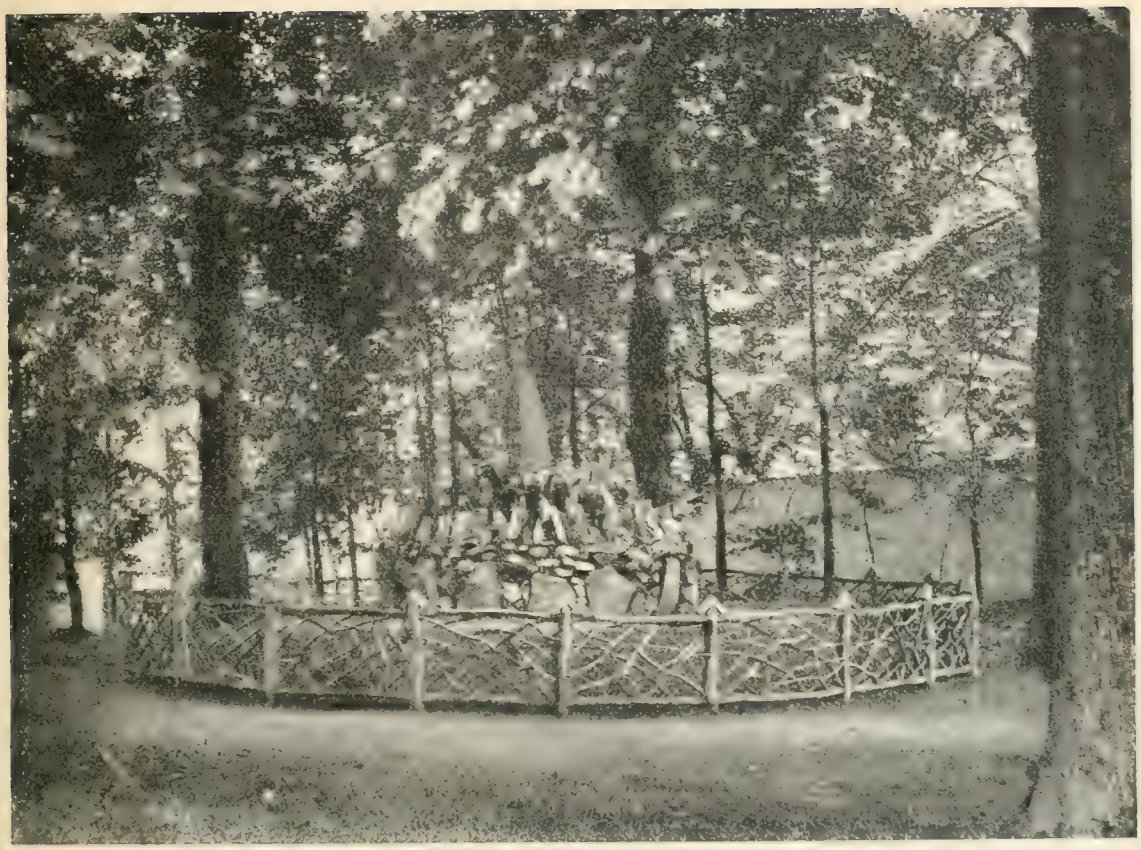
Байроновскіе разочарованные страдальцы—духовныя дѣти Фауста и прямые потомки Гамлета. Подъ ихъ демоническою и суровою внѣшностью скрывается мягкое сердце идеалиста, доведеннаго до отчаянія зрѣлищемъ неустройствъ общественной и индивидуальной жизни. У французскихъ романтиковъ и въ особенности у Мюссе мы не рѣдко встрѣчаемъ отголоски гамлетовскаго типа. Особенное значеніе пріобрѣлъ Гамлетъ, какъ мы видѣли, въ нѣмецкой литературѣ сороковыхъ годовъ, сдѣлавшись символомъ нѣмецкаго народа, энергичнаго въ области мысли и бездѣйственнаго на поприщѣ государственной жизни. Въ нашей литературѣ гамлетовскій типъ нашелъ себѣ широкое распространеніе и воплотился въ разнообразнѣйшихъ видахъ и формахъ, начиная отъ вдохновенныхъ Рудиныхъ и кончая измельчавшими „Гамлетами щигровскаго уѣзда“.

Для избранныхъ представителей культурнаго общества XIX вѣка, серьезно задумывавшихся надъ мучительными проблемами жизни и нерѣдко изнывавшихъ въ безплодныхъ порывахъ къ идеаламъ истины, добра и свѣта, обаятельный образъ несчастнаго Гамлета всегда являлся вѣрнымъ зеркаломъ, въ которомъ они находили черты своей нравственной природы, своихъ стремленій, душевныхъ мукъ и разочарованій. Близкое духовное родство типа Гамлета съ человѣкомъ нашего времени прекрасно отмѣтила знаменитая романистка Жоржъ Зандъ въ слѣдующихъ словахъ; „Скажи мнѣ, бѣдный Гамлетъ, что за причина твоей безъисходной скорби и отчего твои жалобы такъ больно отдаются въ сердцѣ современнаго человѣка? Неужели только оттого, что у тебя убили отца и ты не имѣешь силъ отмстить за него? Не выражаются ли въ твоихъ страданіяхъ муки чистой души, погибающей въ борьбѣ съ испорченнымъ міромъ? Твоя скорбь—наша скорбь,—и въ этомъ лежитъ источникъ нашей симпатіи къ тебѣ“.

Не съ меньшимъ энтузіазмомъ обращается къ Гамлету, уже на рубежѣ новаго вѣка, извѣстный критикъ Брандесъ: „Мы любимъ тебя, какъ брата! Твоя печаль—наша печаль, твое негодованіе—наше негодованіе, твой гордый умъ отмщаетъ за насъ тѣмъ, кто наполняетъ землю своимъ пустымъ шумомъ и кто властвуетъ надъ нею. Намъ знакома твоя же мучительная скорбь при видѣ торжества лицемѣрія и неправды, и, увы! своя еще болѣе страшная пытка, когда ты чувствовалъ, что перерѣзанъ въ тебѣ нервъ, претворяющій мысль въ побѣдоносное дѣло“.

Общечеловѣческое значеніе Гамлета безсмертно. Изъ всѣхъ образовъ, созданныхъ геніемъ величайшихъ поэтовъ, онъ наиболѣе обладаетъ тою тайною, которая дѣлала такимъ обаятельнымъ краснорѣчіе Рудина: ударяя по однѣмъ струнамъ сердецъ, онъ заставляетъ смутно звенѣть и дрожать всѣ другія.

М. Розановъ.



ТАКЪ НАЗЫВАЕМАЯ „МОГИЛА ГАМЛЕТА“ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ЭЛЬСИНОРА.

Дѣйствующія лица:

Клавдій — датскій король.

Гамлетъ — сынъ покойнаго и племянникъ настоящаго короля.

Полоній — оберкамергеръ.

Горацio — другъ Гамлета.

Лаэртъ — сынъ Полонія.

Вольтиманд ъ, Корнелій, Розенкранцъ, Гильденштернъ, Озрикъ — придворные.

Придворный.

Священникъ.

Марцелло, Бернардо — офицеры.

Франциско — солдатъ.

Рейнальдо — слуга Полонія.

Полковникъ.

Посолъ.

Тѣнь отца Гамлета.

Фортинбрасъ — принцъ норвежскій.

Гертруда — королева датская и мать Гамлета.

Офелія — дочь Полонія.

Придворные, офицеры, солдаты, актеры, могильщики, матросы, вѣстники, слуги и другіе.

Дѣйствіе происходитъ въ Эльсинорѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Эльсиноръ. Терраса передъ замкомъ.

ФРАНЦИСКО *на часахъ. Входитъ* БЕРНАРДО.

БЕРНАРДО.

Кто здѣсь?

ФРАНЦИСКО.

Самъ отвѣчай мнѣ—кто идетъ?

БЕРНАРДО.

Да здравствуетъ король!

ФРАНЦИСКО.

Бернардо?

БЕРНАРДО.

Онъ.

ФРАНЦИСКО.

Вы во-время приходите на смѣну.

БЕРНАРДО.

Ужъ за полночь! иди домой, Франциско.

ФРАНЦИСКО.

Благодарю за смѣну. Холодъ рѣзкій—
И мнѣ неловко что-то на душѣ.

БЕРНАРДО.

Что, все спокойно было?

ФРАНЦИСКО.

Какъ въ гробу.

БЕРНАРДО.

Прощай же, доброй ночи. Если встрѣтишь
Товарищей, Горацьо и Марцелло,
Такъ попроси ихъ поспѣшить.

Входятъ ГОРАЦІО *и* МАРЦЕЛЛО.

ФРАНЦИСКО.

Да вотъ,
Мнѣ кажется, они. Стой! Кто идетъ?

ГОРАЦІО.

Друзья отечества.

МАРЦЕЛЛО.

Вассалы короля.

ФРАНЦИСКО.

Прощайте, доброй ночи!

МАРЦЕЛЛО.

А, прощай,
Мой бравый другъ! А кто тебя смѣнилъ?

ФРАНЦИСКО.

Бернардо. Доброй ночи! (*Уходитъ*).

МАРЦЕЛЛО.

Эй! Бернардо!

БЕРНАРДО.

Горацiо съ тобой?

ГОРАЦІО *(подавая руку).*

Отчасти.

БЕРНАРДО.

Здравствуй,
Горацiо! Здорово, другъ Марцелло!

ГОРАЦІО.

Ну что, являлось нынче привидѣнье?

БЕРНАРДО.

Я не видалъ.

МАРЦЕЛЛО.

Горацьо говоритъ,
Что это все игра воображенья,
И призраку, который мы два раза
Видали сами, вѣры не даетъ;
Я и просилъ его притти сюда,
Чтобъ ночь безъ сна провесть на нашей стражѣ
И, если духъ появится опять,
Чтобъ убѣдиться, что не обманули
Глаза насъ всѣхъ, и съ нимъ заговорить.

ГОРАЦІО.

Вздоръ, не придетъ онъ.

БЕРНАРДО.

Да, а между тѣмъ
Садись. Позволь атаковать еще разъ
Твой слухъ, такъ недоступный для разсказа
О томъ, что намъ двѣ эти ночи сряду
Являлось на часахъ.

ГОРАЦІО.

Пожалуй, сядемъ.
Бернардо, повтори намъ твой разсказъ.

БЕРНАРДО.

Прошедшей ночью, въ дивный часъ, когда

Вонъ та звѣзда, отъ полюса на западъ,
Въ пути своемъ часть неба озаряла,
Гдѣ и теперь горитъ—я и Марцелло,
Мы видѣли, едва пробило часъ...

Марцелло.

Постой! Смотри: опять она идетъ!

Входитъ тѣнь.

Бернардо.

Взгляни: точь-въ-точь покойный нашъ король!

Марцелло.

Горацьо, ты ученъ: поговори съ нимъ.

Бернардо.

Что—не похожъ ли онъ на короля?
Взгляни, Гораціо.

Гораціо.

Да, совершенно.
Я трепещу отъ страха, изумленья.

Бернардо.

Онъ хочетъ, чтобы съ нимъ заговорили.

Марцелло.

Гораціо, спроси—заговори съ нимъ.

Гораціо.

Кто ты, полночнымъ завладѣвшій часомъ
И образомъ воинственно-прекраснымъ,
Въ которомъ здѣсь бродило на землѣ
Величество умершаго Гамлета?
Я заклинаю Небомъ—говори!

Марцелло.

Онъ оскорбился.

Бернардо.

Онъ уходитъ.

Гораціо.

Стой
И говори—тебя я заклинаю!
(*Тѣнь уходитъ*).

Марцелло.

Онъ удалился: отвѣчать не хочетъ.

Бернардо (*къ Гораціо*).

Ну что, мой другъ? Ты блѣденъ? Ты дрожишь!
Что жъ, эта тѣнь не больше ль чѣмъ мечта?
Какъ думаешь?

Гораціо.

Клянусь моимъ Творцомъ,
Когда бъ глаза мнѣ не были порукой,
Я не повѣрилъ бы чужимъ словамъ.

Марцелло.

Не правда ли, похожъ на короля?

Гораціо.

Какъ ты похожъ на самого себя.
Точь-въ-точь такой на немъ надѣтъ былъ панцырь,
Когда съ норвежцемъ гордымъ онъ сразился,
И такъ же грозно хмурилъ онъ чело,
Когда на ледъ, въ упорномъ поединкѣ,
Низвергнулъ поляка. Непостижимо!

Марцелло.

Такъ дважды онъ, въ глухой часъ полуночи,
Шагами Марса мимо насъ прошелъ.

Гораціо.

Что предвѣщаетъ намъ его явленье—
Я не могу сказать; но по всему
Мнѣ кажется, что Даніи грозитъ
Переворотъ ужасный.

Марцелло.

Сядьте здѣсь—
И тотъ, кто знаетъ, пусть намъ объяснитъ,
Зачѣмъ такъ строго бдительная стража
Вассаловъ Даніи лишаетъ сна?
Зачѣмъ что день, то выливаютъ пушки,
Снаряды свозятъ изъ чужихъ земель,
Берутъ людей для корабельныхъ верфей,
Гдѣ нѣтъ имъ праздника, а только будни?
Зачѣмъ народъ, трудясь и день, и ночь
Въ поту лица, не смѣетъ отдохнуть?
Кто объяснитъ мнѣ?

Гораціо.

Я. По крайней мѣрѣ,
Такъ говорятъ: послѣдній нашъ король—
Его видѣніе насъ нынче посѣтило—
Изъ зависти былъ вызванъ Фортинбрасомъ,
Норвежскимъ королемъ, на бой. Нашъ храбрый,
Нашъ смѣлый Гамлетъ—онъ такимъ здѣсь признанъ
На этой бренной половинѣ міра—
Убилъ врага—и Фортинбрасъ утратилъ
Съ своею жизнью всѣ свои владѣнья.
Таковъ былъ обоюдный договоръ,
Гербомъ и подписью бойцовъ скрѣпленный.
И нашъ король давалъ въ залогъ побѣды
Свои владѣнія: когда бъ онъ палъ,
Они бы всѣ достались Фортинбрасу,
Какъ Гамлету досталась вся страна,
Согласно заключенному условью.

И вотъ недавно юный Фортинбрасъ,
Съ огнемъ въ груди неукротимо-дикимъ,
Набралъ по всѣмъ Норвегіи угламъ
Толпу бродягъ, готовыхъ изъ-за хлѣба
Поддерживать любое предпріятье;
А предпріятье это, какъ извѣстно,
Есть возвращенье злой рукой войны
Потерянныхъ отцомъ его владѣній.
Вотъ почему готовится война,
И пушки льютъ, и держатъ караулъ,
И въ цѣлой Даніи движенье и работа.

БЕРНАРДО.

Я то же думаю: оно согласно
Съ видѣніемъ, въ доспѣхахъ боевыхъ
На стражу къ намъ пришедшимъ изъ могилы.
Причиною войны усопшій Гамлетъ,
А призракъ такъ съ нимъ схожъ!

ГОРАЦІО.

Да, это атомъ,
Исторгшій силу изъ очей души.
Когда какъ пальма цвѣлъ великій Римъ,
Не задолго до Цезаря кончины,
Покинувъ гробъ, со стонами и воплемъ
Блуждали мертвецы—и бѣлый саванъ
Носился вдоль по улицамъ столицы.
На небесахъ явились въ солнцѣ пятна,
Кометы съ огненнымъ хвостомъ и падалъ
Кровавый дождь. Владычица морей,
Звѣзда Нептунова, померкла въ вышинѣ,
Какъ будто бы пришла кончина міра.
И намъ земля и небо ниспослали
Такой же знакъ переворотовъ страшныхъ,
Предвѣстника грозящей намъ судьбы.

Тѣнь *является опять.*

ГОРАЦІО.

Постой! Смотри: опять явился онъ!
Пускай меня видѣнье уничтожитъ,
Но я, клянусь, его остановлю.
Видѣнье, стой! Когда людскою рѣчью
Владѣешь ты—заговори со мною.
Скажи: иль подвигомъ благимъ могу я
Тебѣ покой твой возвратить,
Или судьба грозитъ твоей отчизнѣ
И я могу ее предотвратить?
О, говори! Въ твоей минувшей жизни
Ты золото не предалъ ли землѣ,
За что, какъ говорятъ, вы, привидѣнья,
Осуждены скитаться по ночамъ?
О, дай отвѣтъ! Постой и говори!
(*Петухъ поетъ*). Останови его, Марцелло!

МАРЦЕЛЛО.

Не нанести ль ударъ ему?

ГОРАЦІО.

Ударь,
Когда остановиться онъ не хочетъ.

БЕРНАРДО.

Онъ здѣсь.

ГОРАЦІО.

Онъ здѣсь. (*Тѣнь исчезаетъ*).

МАРЦЕЛЛО.

Исчезъ. Мы оскорбили
Величественный, королевскій призракъ;
Мы удержать его хотѣли силой,
А онъ мечу, какъ воздухъ, недоступенъ,
И нашъ ударъ—лишь злое оскорбленье.

БЕРНАРДО.

Ему пѣтухъ отвѣтить помѣшалъ.

ГОРАЦІО.

И вздрогнулъ онъ, какъ грѣшное творенье
При воплѣ ужаса. Я слышалъ, что пѣтухъ,
Трубачъ зари, своею звонкой пѣснью
Сгоняетъ сонъ съ очей дневного бога
И по его пронзительному крику
Изъ водъ, огня, эѳира и земли
Стекаются блуждающіе духи
Въ свою страну—и истину повѣрья
Намъ доказалъ мертвецъ, насъ посѣтившій.

МАРЦЕЛЛО.

Онъ вдругъ исчезъ при крикѣ пѣтуха.
Вотъ, говорятъ, что въ ночь на Рождество,
Когда мы ждемъ Спасителя явленье,
Вплоть до зари поетъ предвѣстникъ утра.
Тогда блуждать не смѣютъ привидѣнья:
Та ночь чиста, созвѣздія безвредны;
И лѣшій спитъ, и вѣдьмы не колдуютъ:
Такъ эта ночь свята и благодатна.
Да, слышалъ я, и вѣрится отчасти.
Но вотъ и Фебъ въ пурпуровой одеждѣ
Идетъ на холмъ по жемчугу росы.
Пора. Оставимъ постъ, идемъ, идемъ!
И мой совѣтъ—видѣнье этой ночи
Гамлету разсказать. Клянусь вамъ жизнью,
Духъ нѣмъ для насъ, но съ нимъ заговоритъ!
Согласны ль вы сказать объ этомъ принцу,
Какъ намъ велятъ и долгъ нашъ, и любовь?

МАРЦЕЛЛО.

Конечно—да; я васъ прошу объ этомъ.
Я знаю, гдѣ его найти. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Торжественный залъ въ замкѣ.

Входятъ КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ГАМЛЕТЪ, ПОЛОНІЙ, ЛАЭРТЪ, ВОЛЬТИМАНДЪ, КОРНЕЛІЙ, *придворные и свита.*

КОРОЛЬ.

Хотя свѣжа еще въ насъ память смерти
Гамлета-короля, намъ дорогого брата;
Хотя въ душѣ должны бы мы скорбѣть
И Данія являла бы одинъ
Скорбящій ликъ: но нашъ разсудокъ свѣтлый
Природу побѣдилъ, и, вспоминая
Кончину брата съ мудрою тоской,
Мы вмѣстѣ съ тѣмъ себя не забываемъ.
Итакъ—сестру, теперь же королеву,
Наслѣдницу воинственной страны,
Мы нарекли возлюбленной супругой
Съ восторгомъ, такъ сказать, лишеннымъ силы,
Съ слезой въ очахъ и съ ясною улыбкой,
Веселый гимнъ запѣвъ при гробѣ брата,
За упокой при брачномъ алтарѣ,
И на вѣсахъ души развѣсивъ ровно
Веселье и печаль. Мы поступили
Согласно вашей волѣ, одобрившей
Нашъ бракъ—и мы за все благодаримъ!
Теперь же мы къ другому перейдемъ.
Вы знаете, что юный Фортинбрасъ,
Предположивъ, что я лишенъ почтенья,
Иль, что со смертью дорогого намъ
Отъ дѣлъ земныхъ почившаго Гамлета,
Распались связь и сила королевства,
Въ пустыхъ мечтахъ какихъ-то мнимыхъ выгодъ
Не устаетъ послами насъ терзать
И требуетъ отдачи всѣхъ владѣній,
Утраченныхъ отцомъ его въ бою
Съ покойнымъ королемъ и братомъ нашимъ.
Теперь о насъ и нынѣшнемъ собраньи—
И дѣло вотъ въ чемъ: къ дядѣ Фортинбраса,
Который слабъ, не покидаетъ ложа
И замысловъ племянника не знаетъ,
Я написалъ, чтобъ ходъ такого дѣла
Онъ прекратилъ, тѣмъ болѣе, что деньги,
Наборъ солдатъ и содержанье войску
Берутъ съ его вассаловъ и земель.
Васъ, добрый Вольтимандъ, и васъ, Корнелій,
Избралъ я передать мое посланье
И мой поклонъ монарху-старику.
Въ сношеньяхъ съ нимъ мы не даемъ вамъ власти
Переступить за точный смыслъ письма.
Прощайте же! Пусть ваша быстрота
Покажетъ намъ, какъ вы служить готовы.

КОРНЕЛІЙ *и* ВОЛЬТИМАНДЪ.

Теперь, какъ и всегда, мы наше рвенье
Готовы доказать.

КОРОЛЬ.

Не сомнѣваюсь.
Счастливый путь!

(*Корнелій и Вольтимандъ уходятъ*).

Что скажешь ты, Лаэртъ?
Ты говорилъ намъ о какой-то просьбѣ—
Въ чемъ состоитъ она, Лаэртъ? Со мною,
Монархомъ Даніи, разумно говоря,
Словъ потерять никто не можетъ даромъ.
О чемъ просить ты можешь, что бы Клавдій
Не даровалъ, еще не слышавъ просьбы?
Не столько голова родная сердцу,
Не такъ рука устамъ служить готова,
Какъ датскій тронъ Лаэртову отцу,
Чего желаешь ты, скажи?

ЛАЭРТЪ.

Опять
Увидѣть Францію, мой государь.
Ее покинулъ я, въ мою отчизну
Безъ ропота спѣшилъ, чтобы исполнить
Свой долгъ при торжествѣ коронованья.
Теперь, когда исполненъ онъ, опять
Во Францію летятъ мои желанья.

КОРОЛЬ.

Но твой отецъ? Позволилъ онъ тебѣ?
Что говоритъ Полоній?

ПОЛОНІЙ.

Государь,
Онъ покорилъ мольбою неотступной
Моей души тяжелое согласье
И, наконецъ, къ его усильной просьбѣ
Я приложилъ печать соизволенья.
Позвольте, государь, ему уѣхать.

КОРОЛЬ.

Такъ пользуйся, Лаэртъ, счастливымъ часомъ:
Располагай и наслаждайся имъ.
А ты, нашъ другъ и сынъ, любезный Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ (*тихо*).

Поближе сына, но подальше друга.

КОРОЛЬ.

Какъ, надъ тобой еще летаютъ тучи?

ГАМЛЕТЪ.

О, нѣтъ: мнѣ солнце слишкомъ ярко свѣтитъ.

КОРОЛЕВА.

Отбрось ночную тѣнь, мой добрый Гамлетъ

Взгляни, какъ другъ, на Даніи монарха.
Зачѣмъ искать съ опущенной рѣсницей
Во прахѣ благороднаго отца?
Ты знаешь: все живое умираетъ
И переходитъ въ вѣчность отъ земли.

Гамлетъ.

Да, все умретъ.

Королева.

А если такъ, мой сынъ,
То что жъ тебѣ тутъ кажется такъ странно?

Гамлетъ.

Нѣтъ, мнѣ не *кажется*, а точно *есть*,
И для меня что *кажется*—ничтожно.
Нѣтъ, матушка, ни траурный мой плащъ,
Ни черный цвѣтъ печальнаго наряда,
Ни грустный видъ унылаго лица,
Ни бурный вздохъ стѣсненнаго дыханья,
Ни слезъ текущій изъ очей потокъ—
Ничто, ничто изъ этихъ знаковъ скорби
Не скажетъ истины; ихъ можно и сыграть,
И это все *казаться* точно можетъ.
Въ моей душѣ ношу я то, что *есть*,
Что выше всѣхъ печали украшеній.

Король.

Оно прекрасно и похвально, Гамлетъ,
Отдать отцу прискорбный долгъ печали;
Но вспомни же: отецъ и дѣдъ, и прадѣдъ
Лишались всѣ своихъ отцовъ. Потомки
Должны надѣть изъ дѣтскаго почтенья,
На время, въ память ихъ печальный трауръ,
Но сохранять печаль съ такимъ упорствомъ—
Есть недостойная мужчины скорбь,
Знакъ воли, непокорной Провидѣнью,
Души безсильной, слабаго ума.
Когда насъ опытъ научилъ, что смертью
Мы всѣ должны окончить нашу жизнь,
И если смерть для насъ обыкновенна,
Какъ самая простая изъ вещей,
Зачѣмъ ее безъ должнаго смиренья
Такъ къ сердцу принимать? О, это грѣхъ
Передъ Творцомъ, усопшему обида,
Проступокъ предъ умомъ, который вѣчно
Намъ говорилъ о смерти нашихъ предковъ,
И повторялъ надъ трупами людей
Отъ прадѣдовъ до насъ: „такъ быть должно!“
Прошу, покинь безплодную тоску
И вѣрь, что въ насъ ты вновь отца находишь.
Пусть знаетъ міръ, что ты ближайшій къ трону
И мной любимъ любовью благородной,
Любовію нѣжнѣйшаго отца.
Что до твоей поѣздки въ Виттенбергъ,
Она съ моимъ желаньемъ не согласна,
И я прошу тебя—останься здѣсь,
Въ лучахъ моихъ тебя любящихъ взоровъ,
Какъ первый царедворецъ, другъ и сынъ.

Королева.

Не заставляй и мать просить напрасно:
Останься здѣсь, не ѣзди въ Виттенбергъ.

Гамлетъ.

Я повинуюсь вамъ во всемъ.

Король.

Прекрасно.
Вотъ добрый и привѣтливый отвѣтъ!
Будь въ нашей Даніи намъ равнымъ, Гамлетъ.
Идемъ! Согласье дружеское принца
Смѣется радостью въ моей душѣ.
Пусть въ честь ему раздастся громъ орудій:
Онъ къ облакамъ взнесетъ заздравный кубокъ,
И громъ небесъ на громъ земли отвѣтитъ,
Когда король наполнитъ свой бокалъ.
(*Всѣ, кромѣ Гамлета, уходятъ*).

Гамлетъ.

О если бъ вы, души моей оковы,
Ты, крѣпко сплоченный составъ костей,
Ниспалъ росой, туманомъ испарился;
Иль если бъ ты, Судья земли и неба,
Не запретилъ грѣха самоубійства!
О, Боже мой! О, Боже милосердный,
Какъ пошло, пусто, плоско и ничтожно
Въ глазахъ моихъ житье на этомъ свѣтѣ!
Презрѣнный міръ: ты—опустѣлый садъ,
Негодныхъ травъ пустое достоянье.
И до того должно было дойти!
Два мѣсяца; нѣтъ, даже и не два,
Какъ умеръ онъ—такой монархъ великій,
Гиперіонъ въ сравненьи съ тѣмъ Сатиромъ,
Такъ пламенно мою любившій мать,
Что и небесъ неукротимымъ вѣтрамъ
Не дозволялъ лица ея касаться!
Земля и Небо, долженъ ли я вспомнить?
Она ему была такъ предана;
Ея любовь, казалось намъ, росла
Со счастіемъ любви—и черезъ мѣсяцъ...
Покинь меня, воспоминанья сила!
Ничтожность, женщина, твое названье!
Одинъ короткій, быстротечный мѣсяцъ—
И башмаковъ еще не износила,
Въ которыхъ шла, въ слезахъ, какъ Ніобея,
За бѣднымъ прахомъ моего отца...
О, Небо! Звѣрь, безъ разума, безъ слова,
Грустилъ бы долѣе. Супруга дяди,
Супруга брата моего отца!
Но онъ похожъ на Гамлета-монарха,
Какъ я на Геркулеса. Черезъ мѣсяцъ!
Еще слѣды ея притворныхъ слезъ
Въ очахъ заплаканныхъ такъ ясно видны—
Она жена... О, гнусная поспѣшность!

Такъ быстро пасть въ кровосмѣшенья ложе!
Тутъ нѣтъ добра и быть его не можетъ.
Скорби, душа: уста должны молчать!

Входятъ Горацio, Бернардо *и* Марцелло.

Горацio.

Мое почтенье, благородный принцъ.

Гамлетъ.

А, очень радъ, что вижу васъ здоровымъ,
Горацio! Иль ошибаюсь я?

Горацio.

Онъ самый, принцъ; всегда слуга вашъ бѣдный.

Гамлетъ.

Мой добрый другъ, перемѣни названье.
Зачѣмъ изъ Виттенберга ты пріѣхалъ,
Горацio? Марцелло—ты ли?

Марцелло.

Принцъ!

Гамлетъ.

Я очень радъ васъ видѣть. Добрый день!
(*Къ Горацio*).
Нѣтъ, не шутя, зачѣмъ же ты оставилъ
Свой Виттенбергъ?

Горацio.

Изъ лѣни, добрый принцъ.

Гамлетъ.

И отъ враговъ твоихъ я не желалъ бы
Услышать это, а тѣмъ больше ты
Мой слухъ не долженъ оскорблять словами
И клеветой на самого себя.
Ты не лѣнивъ—я это очень знаю.
Что жъ привело тебя къ намъ въ Эльсиноръ?
Пока ты здѣсь, тебя еще научатъ
Стаканы осушать.

Горацio.

Я прибылъ, принцъ,
На погребенье вашего отца.

Гамлетъ.

Не смѣйся надо мной, товарищъ дѣтства:
На свадьбу матери ты поспѣшилъ.

Горацio.

Да, правда, принцъ! ее не долго ждали.

Гамлетъ.

Хозяйство, другъ Горацio, хозяйство:
Отъ похоронныхъ пироговъ осталось
Холодное на свадебный обѣдъ.
Врага бы злого легче было встрѣтить
Мнѣ въ небесахъ, чѣмъ этотъ день увидѣть!
Отецъ мой... кажется, его я вижу.

Горацio.

Гдѣ, принцъ?

Гамлетъ.

Въ очахъ души моей, Горацьо.

Горацio.

И я покойнаго когда-то видѣлъ:
Онъ благородный былъ монархъ.

Гамлетъ.

Да, онъ
Былъ человѣкъ, во всемъ значеньи слова.
Мнѣ не найти подобнаго ему.

Горацio.

Мнѣ кажется, мой принцъ, прошедшей ночью
Его я видѣлъ.

Гамлетъ.

Видѣлъ ты! Кого?

Горацio.

Принцъ, вашего отца и короля.

Гамлетъ.

Какъ? моего отца и короля?

Горацio.

Умѣрьте на минуту изумленье
И слушайте: я разскажу вамъ чудо—
И вотъ они вамъ подтвердятъ разсказъ.

Гамлетъ.

О, говори, я заклинаю Небомъ!

Горацio.

Двѣ ночи сряду въ часъ ихъ караула,
Средь мертвой тишины глухой полночи,
Съ Марцелло и Бернардо было вотъ что:
Видѣніе, какъ вашъ отецъ покойный,
Въ доспѣхахъ бранныхъ съ ногъ до головы,
Подходитъ къ нимъ величественнымъ шагомъ;
Торжественно проходитъ три раза
Предъ ихъ окаменѣлыми глазами,
Жезломъ своимъ едва ихъ не касаясь.
Они, отъ ужаса лишившись слова,
Стоятъ и рѣчи не заводятъ съ нимъ.
И это все съ таинственностью робкой
Они открыли мнѣ. На третью ночь
Я съ ними былъ. Все оказалось правдой:
Въ тотъ самый часъ и въ томъ же самомъ видѣ,
Какъ разсказали мнѣ, приходитъ тѣнь.
Я помню вашего отца. Взгляните—
Вотъ двѣ руки: онѣ не больше схожи
Одна съ другой.

Гамлетъ.

Но гдѣ же это было?

Марцелло.

Гдѣ караулъ нашъ: на террасѣ замка.

Гамлетъ.

Ты съ нимъ не говорилъ?

Горацio.

Да, говорилъ,
Но онъ не отвѣчалъ; однажды только
Онъ голову, казалось намъ, возвысилъ,
Готовый говорить; но въ то жъ мгновенье
Запѣлъ пѣтухъ, и вмѣстѣ съ звонкимъ крикомъ
Тѣнь ускользнула и исчезла.

Гамлетъ.

Странно!

Горацio.

Клянусь вамъ жизнью, это правда, принцъ,
И мы сочли за долгъ сказать объ этомъ.

Гамлетъ.

Да, господа, оно меня тревожитъ.
На эту ночь вы въ караулѣ?

Всѣ.

Да.

Гамлетъ.

Онъ былъ вооруженъ?

Всѣ.

Вооруженъ.

Гамлетъ.

Отъ головы до ногъ?

Всѣ.

Отъ темени до пятъ.

Гамлетъ.

Такъ вы лица не видѣли его?

Горацio.

О, нѣтъ, мой принцъ! Наличникъ поднятъ былъ.

Гамлетъ.

Что жъ, грозно онъ смотрѣлъ?

Горацio.

Въ его лицѣ
Скорѣе скорбь, чѣмъ гнѣвъ изображался.

Гамлетъ.

Онъ былъ багровъ иль блѣденъ?

Горацio.

Страшно блѣденъ.

Гамлетъ.

И очи устремлялъ на васъ?

Горацio.

Не отводя.

Гамлетъ.

Жаль, очень жаль, что я не съ вами былъ.

Горацio.

Вы ужаснулись бы.

Гамлетъ.

Весьма, весьма возможно.
И долго пробылъ онъ?

Горацio.

Покамѣстъ сотню
Успѣешь насчитать, считая тихо.

Марцелло *и* Бернардо.

О, дольше, дольше!

Горацio.

Нѣтъ, при мнѣ не дольше.

Гамлетъ.

И цвѣтъ волосъ на бородѣ сѣдой?

Горацio.

Да, черный съ просѣдью, какъ былъ при жизни.

Гамлетъ.

Я эту ночь не сплю: случиться можетъ,
Что онъ опять придетъ.

Горацio.

Навѣрно, принцъ.

Гамлетъ.

И если вновь онъ приметъ видъ отца,
Я съ нимъ заговорю, хоть самый адъ,
Открывши зѣвъ, приказывай умолкнуть!
А васъ прошу: когда видѣнья тайну
Вы отъ другихъ скрывали до сихъ поръ,
Такъ сохраните же ее и дольше.
Всему, что встрѣтится намъ въ эту ночь,
Всему давайте смыслъ, но только молча.
Я вамъ за дружбу отплачу. Прощайте.
Въ двѣнадцатомъ часу я на террасѣ
Увижу васъ.

Всѣ.

Къ услугамъ вашимъ, принцъ.

Гамлетъ.

Я не услугъ прошу у васъ, а дружбы,

Мунэ-Сюлли (Mounet Sully р. 1841).

ЭРНЕСТО РОССИ.

(Ernesto Rossi. 1829—1896).

Сара Бернаръ (Sarah Bernhardt. р. 1844).

Какую самъ питаю къ вамъ. Прощайте.
(*Горацію, Марцелло и Бернардо уходятъ*).
Родителя вооруженный духъ!
Неловко что-то здѣсь: я злыя козни
Подозрѣваю. О, скорѣй бы ночь!
До тѣхъ же поръ, душа моя, спокойся!
Злодѣйство выступитъ на свѣтъ дневной,
Хоть цѣлой будь засыпано землей. (*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ Полонія.

Входятъ Лаэртъ *и* Офелія.

Лаэртъ.

Мои пожитки въ кораблѣ. Прощай.
Да не забудь, сестра, когда случится
Попутный вѣтръ съ идущимъ кораблемъ,
Не спи и дай мнѣ о себѣ извѣстье.

Офелія.

Ты сомнѣваешься?

Лаэртъ.

Что до Гамлета
И до его любовныхъ пустяковъ,
Смотри на нихъ, какъ просто на учтивость,
Какъ на игру въ его крови, фіалку,
Расцвѣтшую въ порѣ весеннихъ лѣтъ,
Но не надолго: сладкую на мигъ,
Красу и запахъ одного мгновенья—
Не больше.

Офелія.

Только? и не больше?

Лаэртъ.

Нѣтъ.
Природа въ насъ растетъ не только тѣломъ:
Чѣмъ выше храмъ, тѣмъ выше возникаетъ
Души и разума святая служба.
Онъ, можетъ быть, теперь тебя и любитъ:
Обманъ и зло еще не запятнали
Въ немъ добродѣтели души; но бойся:
Какъ первый принцъ, онъ не имѣетъ воли,
Онъ рабъ происхожденья своего;
Не можетъ онъ, какъ мы, простые люди,
Избрать подругу по-сердцу себѣ:
Съ избраніемъ ея сопряжены
Упадокъ силъ иль счастье государства—
И потому души его желанья
Ограждены согласіемъ людей,
Которымъ онъ глава. И если снова
Онъ о любви съ тобой заговоритъ,
Умно ты сдѣлаешь, когда не больше
Повѣришь страстному его признанью,
Какъ сколько можетъ онъ осуществить
Свои слова: не больше, чѣмъ позволитъ
Всеобщій голосъ датскаго народа.
Обдумай, сколько пострадаетъ честь,
Когда твой слухъ къ его любовной пѣснѣ
Довѣрчиво прильнетъ, когда ты сердце
Ему отдашь—и бурное стремленье
Похититъ скромности твоей алмазъ.
Страшись, Офелія! страшись, сестра!
Подальше отъ опаснаго желанья,
Отъ вспышки склонности твоей.
Изъ дѣвъ чистѣйшая ужъ не скромна,
Когда лунѣ ея открыта прелесть.
Отъ клеветы и святость не уйдетъ.
Дѣтей весны нерѣдко истребляетъ
Червякъ, когда еще закрыта почка;
И въ молодости утро на росу
Опасно вѣетъ ядовитый вѣтеръ.
Смотри жъ, сестра, остерегайся! Страхъ—
Ограда отъ бѣды; а наша юность
И безъ враговъ въ борьбѣ сама съ собой.

Офелія.

Я сохраню прекрасный смыслъ урока:
Онъ будетъ сторожемъ моей груди.
Но, милый братъ, не поступай со мною,
Какъ лицемѣръ въ священнической рясѣ;
Не говори: вотъ путь тернистый къ небу,
Когда ты самъ, какъ дерзкій сластолюбецъ,
Пойдешь цвѣтистою тропой грѣха
И свой урокъ съ усмѣшкой позабудешь.

Лаэртъ.

О, нѣтъ! Но я промедлилъ слишкомъ долго.
Да вотъ и батюшка.

Входитъ Полоній.

Лаэртъ.

Благословите дважды—
И благость дважды на меня сойдетъ.
Судьба опять свела насъ на прощанье.

Полоній.

Ты здѣсь еще, Лаэртъ? На бортъ, на бортъ!
Попутный вѣтръ наполнилъ паруса;
Тебя тамъ ждутъ.
(*Кладетъ ему на голову руки*).
Мое благословенье
Да будетъ надъ тобою навсегда!
И эти правила запечатлѣй
Въ твоей душѣ: не говори, что мыслишь,
И мысль незрѣлую не исполняй;
Будь ласковъ, но не будь пріятель общій:
Друзей, которыхъ испыталъ, желѣзомъ
Прикуй къ душѣ, но не марай руки,
Со всякимъ встрѣчнымъ заключая братство;

Остерегись, чтобъ не попасться въ ссору:
Попалъ—такъ чтобы врагъ остерегался;
Всѣхъ слушай, но не всѣмъ давай свой голосъ;
Совѣты принимай отъ всѣхъ дающихъ,
Но собственное мнѣнье береги;
Смотря по средствамъ, одѣвайся пышно,
Но не смѣшно, богато—не пестро.
Одежда говоритъ о человѣкѣ,
А высшій кругъ одѣтъ въ Парижѣ съ тонкимъ,
Съ разборчивымъ и благороднымъ вкусомъ.
Не занимай и не давай взаймы:
Заемъ нерѣдко исчезаетъ съ дружбой,
А долгъ есть ядъ въ хозяйственномъ разсчетѣ.
Но главное: будь вѣренъ самому себѣ,
И, слѣдственно, какъ дважды два—четыре,
Ни передъ кѣмъ не будешь ты фальшивъ.
Прощай, Лаэртъ. Небесъ благословенье
Да подкрѣпитъ въ тебѣ мои совѣты.

Лаэртъ.

Прощайте, батюшка.

Полоній.

Пора, пора!
Ступай, тебя твоя прислуга ждетъ.

Лаэртъ.

Прощай, Офелія, и не забудь
Мои слова.

Офелія.

Я крѣпко ихъ замкнула
Въ моей груди, а ключъ возьми съ собой.

Лаэртъ.

Прощай. (*Уходитъ*).

Полоній.

О чемъ, Офелія, онъ говорилъ?

Офелія.

О принцѣ Гамлетѣ.

Полоній.

Ахъ, кстати, да!
Мнѣ говорятъ, что съ нѣкоторыхъ поръ
Съ тобою дѣлитъ онъ уединенье;
Что Гамлету всегда сама ты рада.
А если это такъ—по крайней мѣрѣ
Такъ говорили мнѣ, остерегая—
Я принужденъ, Офелія, замѣтить,
Что дочери моей бы не мѣшало
Смотрѣть яснѣй, для собственной же чести,
На эту связь. Скажи-ка мнѣ всю правду:
Что за союзъ у васъ?

Офелія.

Онъ признавался
Мнѣ въ склонности своей.

Полоній.

Да, склонность!
Ты говоришь, какъ малое дитя,
Опасности такой не постигая.
Что жъ, ты повѣрила его признанью?

Офелія.

Не знаю, право, что и думать мнѣ.

Полоній.

Такъ я скажу тебѣ, что надо думать:
Ты, дурочка, за чистую монету
Сочла его пустыя восклицанья.

Офелія.

Отецъ, онъ мнѣ въ любви своей открылся
Почтительно и скромно.

Полоній.

Да! пожалуй,
Все можно скромностью назвать—поди!

Офелія.

Онъ клятвой подкрѣпилъ свои слова.

Полоній.

Свистки для перепелокъ. Знаю, знаю,
Когда кипитъ въ насъ кровь, куда какъ щедро
Душа ссужаетъ клятвами языкъ.
Но это блескъ, свѣтящій безъ тепла;
Не почитай его огнемъ: онъ гаснетъ
Со звукомъ словъ. Скупись впередъ побольше
Своимъ сообществомъ; не будь всегда
Готовою къ бесѣдѣ по приказу.
А Гамлету ты можешь вѣрить вотъ какъ:
Онъ молодъ, онъ въ своихъ поступкахъ воленъ.
Какъ ты не можешь быть вольна... и, словомъ,
Не вѣрь его словамъ: они обманутъ;
Они не то, чѣмъ кажутся снаружи.
Ходатаи преступныхъ наслажденій,
Они звучатъ, какъ набожныхъ обѣты,
Чтобъ легче обольстить. И коротко, и ясно,
Однажды навсегда: ты не должна
Часы свободы убивать на то,
Чтобъ съ Гамлетомъ вести переговоры.
Смотри же, помни, дочь! Ступай.

Офелія.

Я повинуюся. (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Терраса.

Входятъ ГАМЛЕТЪ, ГОРАЦІО *и* МАРЦЕЛЛО.

ГАМЛЕТЪ.

Морозъ ужасный,—вѣтеръ такъ и рѣжетъ.

ГОРАЦІО.

Да, холодъ проникаетъ до костей.

ГАМЛЕТЪ.

Который часъ?

ГОРАЦІО.

Двѣнадцатый въ исходѣ.

МАРЦЕЛЛО.

Нѣтъ, полночь ужъ пробило.

ГОРАЦІО.

Въ самомъ дѣлѣ?
Я не слыхалъ. Такъ, значитъ, ближе время,
Когда блуждаетъ духъ обыкновенно. *(Звукъ трубъ и пушечные выстрѣлы за сценой).*
Что это значитъ, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Король всю ночь гуляетъ на-пролетъ,
Шумитъ и пьетъ, и мчится въ быстромъ вальсѣ.
Едва осушитъ онъ стаканъ рейнвейна,
Какъ слышенъ громъ и пушекъ, и литавръ,
Гремящихъ въ честь побѣды надъ виномъ.

ГОРАЦІО.

Обычай это?

ГАМЛЕТЪ.

Да, конечно такъ—
И я къ нему, какъ здѣшній уроженецъ,
Хоть и привыкъ, однако же по мнѣ
Забыть его гораздо благороднѣй,
Чѣмъ сохранять. Похмелье и пирушки
Маряютъ насъ въ понятіи народа:
За нихъ зовутъ насъ Бахуса жрецами—
И съ нашимъ именемъ соединяютъ
Прозванье черное. Сказать по правдѣ,
Всю славу дѣлъ великихъ и прекрасныхъ
Смываетъ съ насъ вино. Такую участь
Несетъ и частный человѣкъ: его,
Когда онъ заклейменъ пятномъ природы,
Какъ, напримѣръ, не въ мѣру пылкой кровью,
Берущей верхъ надъ силою ума—
Въ чемъ и невиненъ онъ: его рожденье
Есть случай безъ разумной воли—
Или прывычкою, которая, какъ ржа,
Съѣдаетъ блескъ поступковъ благородныхъ,

ГАМЛЕТЪ и ТѢНЬ. (Дѣйств. I, сц. 4).
Картина знаменитаго англо-шведскаго художника Фюсли (Johann Heinrich Füssli—Fuseli. 1742—1825). (Большая Бойделевская галлерея).

Его, я говорю, людское мнѣнье
Лишитъ достоинства; его осудятъ
За то, что въ немъ одно пятно порока,
Хоть будь оно клеймо слѣпой природы
И самъ онъ будь такъ чистъ, какъ добродѣтель,
Съ безмѣрно благородною душой.
Пылинка зла уничтожаетъ благо.

Входитъ тѣнь.

ГОРАЦІО.

Смотрите, принцъ: онъ снова къ намъ идетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Спасите насъ, о неба серафимы!
Блаженный духъ иль демонъ проклятой,
Облекся ль ты въ благоуханье неба,
Иль въ ада дымъ, со зломъ или съ любовью
Приходишь ты? Твой образъ такъ заманчивъ!
Я говорю съ тобой: тебя зову я
Гамлетомъ, королемъ, отцомъ, монархомъ!
Не дай въ незнаніи погибнуть мнѣ!
Скажи, зачѣмъ твои святыя кости
Расторгли саванъ твой? Зачѣмъ гробница,
Куда тебя мы съ миромъ опустили,
Разверзла мраморный, тяжелый зѣвъ
И вновь извергнула тебя? Зачѣмъ
Ты, мертвый трупъ, въ воинственныхъ доспѣхахъ
Опять идешь въ сіяніи луны,
Во тьму ночей вселяя грозный ужасъ,
И насъ, слѣпцовъ среди природы, мучишь
Для нашихъ душъ непостижимой мыслью—
Скажи, зачѣмъ? зачѣмъ? Что дѣлать намъ?
(Тѣнь манитъ Гамлета).

ГОРАЦІО.

Онъ манитъ васъ, чтобъ вы пошли за нимъ,
Какъ-будто хочетъ сообщить вамъ что-то
Наединѣ.

МАРЦЕЛЛО.

Вы посмотрите, принцъ,
Съ какою ласковой улыбкой онъ
Зоветъ васъ за собой въ другое мѣсто.
Но не ходите съ нимъ.

ГОРАЦІО.

Нѣтъ, ни за что!

ГАМЛЕТЪ.

Но онъ молчитъ: такъ я за нимъ иду.

ГОРАЦІО.

Нѣтъ, не ходите, принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Чего бояться?
Мнѣ жизнь моя ничтожнѣе булавки!
Моей душѣ что можетъ сдѣлать онъ,
Моей душѣ, безсмертной, какъ онъ самъ?
Онъ манитъ вновь—я слѣдую за нимъ!

ГОРАЦІО.

Что, если васъ онъ къ морю заманитъ,
Иль на скалы безплодную вершину,
Что тамъ, склонясь, глядится въ океанъ?
Что, если тамъ, принявъ ужасный образъ,
Онъ васъ лишитъ владычества разсудка?
Подумайте! Одна пустынность мѣста,
Сама собой, готова привести
Къ отчаянью, когда посмотришь въ бездну
И слышишь въ ней далекій плескъ волны.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ все манитъ. Иди—я за тобою!

МАРЦЕЛЛО.

Вы не должны итти, мой принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Прочь руки!

ГОРАЦІО.

Послушайтесь и не ходите, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, я иду: судьба меня зоветъ!
Въ малѣйшій нервъ она вдохнула крѣпость
Льва африканскаго. Онъ все манитъ—
Пустите, или—я клянусь вамъ Небомъ—
Тотъ будетъ самъ видѣньемъ, кто посмѣетъ
Держать меня! Впередъ! Я за тобою!

(Тѣнь и Гамлетъ уходятъ).

ГОРАЦІО.

Онъ внѣ себя—увы, онъ помѣшался!

МАРЦЕЛЛО.

За нимъ: мы не должны повиноваться.

ГОРАЦІО.

Пойдемъ, пойдемъ! Чѣмъ кончится все это?

МАРЦЕЛЛО.

Нечисто что-то въ датскомъ королевствѣ.

ГОРАЦІО.

Друзья, Господь устроитъ все.

МАРЦЕЛЛО.

Идемъ. *(Уходятъ).*

СЦЕНА V.

Другая часть террасы.

Входятъ ТѢНЬ *и* ГАМЛЕТЪ.

ГАМЛЕТЪ.

Куда ведешь? Я далѣе нейду.

ТѢНЬ.

Внимай!

ГАМЛЕТЪ.

Я слушаю.

ТѢНЬ.

Ужъ близокъ часъ,
Когда я долженъ возвратиться въ нѣдра
Мучительнаго сѣрнаго огня.

ГАМЛЕТЪ.

О, бѣдный духъ!

ТѢНЬ.

Не сожалѣй, но слушай
Внимательно, что я тебѣ скажу.

ГАМЛЕТЪ.

О, говори! Мой долгъ тебѣ внимать.

ТѢНЬ.

И отомстить, когда услышишь.

ГАМЛЕТЪ.

Что?

ТѢНЬ.

Я твоего отца безсмертный духъ,
Во тьмѣ ночей скитаться осужденный,
А днемъ въ огнѣ обязанный страдать,
Пока мои земныя прегрѣшенья
Не выгорятъ среди моихъ страданій.
Когда бъ мнѣ не было запрещено

Открыть тебѣ моей темницы тайну,
Я началъ бы разсказъ, который душу
Твою легчайшимъ раздавилъ бы словомъ,
Охолодилъ бы молодую кровь,
Глаза изъ сферъ ихъ вырвалъ бы, какъ звѣзды,
И каждый волосъ вьющихся кудрей
Поставилъ бы на головѣ отдѣльно,
Какъ иглы на сердитомъ дикобразѣ.
Но слухъ изъ крови и костей не можетъ
Постигнуть откровенья вѣчныхъ тайнъ.
Внимай, внимай, внимай, когда любилъ
Ты своего отца, мой сынъ!

ГАМЛЕТЪ.

О, Небо!

ТѢНЬ.

Отмсти, отмсти за гнусное убійство!

ГАМЛЕТЪ.

Убійство?

ТѢНЬ.

Подлое, какъ всѣ убійства.
Но твой отецъ убитъ безчеловѣчно,
Неслыханно.

ГАМЛЕТЪ.

Скажи скорѣй! На крыльяхъ,
Какъ мысль любви, какъ вдохновенье быстрыхъ,
Я полечу къ ней!

ТѢНЬ.

Вижу, ты готовъ;
Но будь ты вялъ, какъ сонная трава,
Что мирно спитъ на Леты берегахъ,
Проснуться ты при этой долженъ вѣсти!
Внимай же, Гамлетъ: говорятъ, что я
Уснулъ въ саду и былъ змѣей ужаленъ.
Народа слухъ безстыдно обманули
Такою выдумкой моей кончины;
Но знай, мой благородный Гамлетъ: змѣй,
Смертельный ядъ въ мое излившій тѣло,
Теперь въ моемъ красуется вѣнцѣ.

ГАМЛЕТЪ.

О, ты, пророчество моей души!
Мой дядя?

ТѢНЬ.

Да. Онъ, звѣрь-кровосмѣситель,
Очарованьемъ словъ и даромъ лжи—
Презрѣнный даръ, способный обольщать—
Успѣлъ склонить къ грѣховнымъ наслажденьямъ
Лжедобродѣтельной Гертруды волю.
Что за измѣна то была, о Гамлетъ!
Меня, съ моей любовью неизмѣнной,
Какъ клятву, данную при алтарѣ,
Меня забыть и пасть въ его объятья,
Его, который—прахъ передо мною!
Какъ добродѣтели не обольститъ
Развратъ, хоть будь онъ въ одѣяньи неба:
Такъ точно страсть и съ ангеломъ въ союзѣ
Наскучитъ, наконецъ, небеснымъ ложемъ—
И жаждетъ недостойнаго. Постой!
Я утренній почуялъ вѣтерокъ:
Я сокращу разсказъ. Когда въ саду
Я спалъ по окончаніи обѣда,
Подкрался дядя твой со склянкой сока
Злой бѣлены и ядъ мнѣ въ ухо влилъ,
Людской природѣ столько ненавистный,
Что онъ, какъ ртуть, бѣжитъ въ каналахъ тѣла,
Внезапной силой растворяя кровь.
И этотъ ядъ покрылъ меня мгновенно,
Какъ Лазаря, корой нечистыхъ струпьевъ.
Такъ я во снѣ убитъ рукою брата,
Убитъ въ веснѣ грѣховъ, безъ покаянья,
Безъ исповѣди и безъ тайнъ святыхъ.
Не кончивъ счетъ, я былъ на судъ отозванъ
Со всею тяжестью земныхъ грѣховъ.
Ужасно! о, ужасно! о, ужасно!
Не потерпи, когда въ тебѣ природа есть,—
Не потерпи, чтобъ Даніи престолъ
Кроватью былъ для гнуснаго разврата.
Но какъ бы ты ни вздумалъ отомстить,
Не запятнай души: да не коснется
Отмщенья мысль до матери твоей!
Оставь ее Творцу и острымъ тернамъ,
Въ ея груди уже пустившимъ корни.
Прощай! прощай! Свѣтящійся червякъ
Мнѣ говоритъ, что близко утро:
Безсильный свѣтъ его уже блѣднѣетъ.
Прощай, прощай и помни обо мнѣ!

(Уходитъ).

ГАМЛЕТЪ.

Господь земли и неба! Что еще?
Не вызвать ли и адъ? Нѣтъ, тише, тише,
Моя душа! О, не старѣйте, нервы!
Держите персть возвышенно и прямо!
Мнѣ помнить о тебѣ? Да, бѣдный духъ,
Пока есть память въ черепѣ моемъ.
Мнѣ помнить? Да, съ страницъ воспоминанья
Всѣ пошлые разсказы я сотру,
Всѣ изреченья книгъ, всѣ впечатлѣнья,
Минувшаго слѣды, плоды разсудка
И наблюденій юности моей.
Твои слова, родитель мой, одни
Пусть въ книгѣ сердца моего живутъ
Безъ примѣси другихъ, ничтожныхъ словъ.

Клянуся въ томъ благими небесами!
О, женщина преступная! Злодѣй,
Злодѣй, смѣющійся, проклятый извергъ!
Гдѣ мой бумажникъ? Запишу, что можно
Съ улыбкой вѣчною злодѣемъ быть,
По крайней мѣрѣ, въ Даніи возможно.

(Пишетъ).

Здѣсь, дядюшка. Теперь пароль и отзывъ:
„Прощай, прощай и помни обо мнѣ"!
Я поклялся.

ГОРАЦІО *(за сценой).*

Принцъ! принцъ!

МАРЦЕЛЛО *(за сценой).*

Принцъ Гамлетъ!

ГОРАЦІО *(за сценой).*

Богъ да защититъ васъ!

ГАМЛЕТЪ.

Аминь!

МАРЦЕЛЛО *(за сценой).*

Эй, гдѣ вы, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Сюда, мой соколъ!

Входятъ ГОРАЦІО *и* МАРЦЕЛЛО.

МАРЦЕЛЛО.

Что съ вами, принцъ?

ГОРАЦІО.

Ну что, узнали вы?

ГАМЛЕТЪ.

О, удивительно!

ГОРАЦІО.

Скажите, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, вы разскажете.

ГОРАЦІО.

Я—нѣтъ, мой принцъ!
Клянусь вамъ Небомъ.

МАРЦЕЛЛО.

Я не разскажу.

ГАМЛЕТЪ.

Вотъ видите... И кто бы могъ подумать!
Но, чуръ, молчать.

ГОРАЦІО *и* МАРЦЕЛЛО.

Клянусь вамъ Небомъ, принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ въ Даніи ни одного злодѣя,
Который не былъ бы негоднымъ плутомъ.

ГОРАЦІО.

Чтобъ это намъ сказать, не стоитъ
Вставать изъ гроба мертвецу.

ГАМЛЕТЪ.

Вы правы—
И потому, безъ дальнихъ объясненій,
Я думаю—простимся и пойдемъ.
Вы—по дѣламъ или желаньямъ вашимъ:
У всѣхъ свои желанья и дѣла,
А бѣдный Гамлетъ—онъ пойдетъ молиться.

ГОРАЦІО.

Да это, принцъ, безсвязныя слова.

ГАМЛЕТЪ.

Мнѣ очень жаль, что вамъ они обидны;
Душевно жаль.

ГОРАЦІО.

Тутъ нѣтъ обиды, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Горацьо, есть: клянусь святымъ Патрикомъ,
Обида страшная! Что до видѣнья—
Онъ честный духъ, повѣрьте мнѣ, друзья;
Желанье жъ знать, что было между нами,
Одолѣвай, какъ можетъ кто. Теперь,
Когда вы мнѣ товарищи, друзья,
Когда солдаты вы, прошу исполнить,
О чемъ я попрошу.

ГОРАЦІО.

Охотно. Что же?

ГАМЛЕТЪ.

Не говорить, что видѣли вы ночью.

ГОРАЦІО *и* МАРЦЕЛЛО.

Не скажемъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Однако жъ поклянитесь.

ГОРАЦІО.

Клянусь вамъ честью, принцъ, не разглашать.

МАРЦЕЛЛО.

Я также.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! клянитесь на мечѣ!

МАРЦЕЛЛО.

Мы поклялись уже.

ГАМЛЕТЪ.

На мечъ, на мечъ мой!
Тѣнь *(подъ землею)*.
Клянитесь!

ГАМЛЕТЪ.

А! ты здѣсь, товарищъ вѣрный?
Что жъ, господа, вы слышите—пріятель
Не спитъ въ гробу: угодно вамъ поклясться?

ГОРАЦІО.

Скажите: въ чемъ?

ГАМЛЕТЪ.

Чтобъ никогда до смерти
О томъ, что видѣли, не говорить ни слова.
Клянитесь на моемъ мечѣ!

Тѣнь *(подъ землею)*.
Клянитесь!

ГАМЛЕТЪ.

Hic et ubique: перемѣнимъ мѣсто—
Сюда, друзья. Сложите снова руки
На мечъ мой и клянитесь: никогда
О томъ, что видѣли, не говорить ни слова.

Тѣнь *(подъ землею)*.
Клянитесь на мечѣ!

ГАМЛЕТЪ.

А, браво, кротъ!
Какъ роешься ты быстро подъ землей!
Отличный рудокопъ! Еще разъ дальше.

ГОРАЦІО.

Непостижимо, странно!

ГАМЛЕТЪ.

Эту странность,
Какъ странника, укрой въ твоемъ жилищѣ.
Есть многое на небѣ и землѣ,
Что и во снѣ, Горацio, не снилось
Твоей учености. Однако, дальше!
Здѣсь, какъ и тамъ, клянитесь мнѣ блаженствомъ,
Что какъ бы странно я себя ни велъ—
Я, можетъ быть, сочту необходимымъ
Явиться чудакомъ—что вы тогда
Не станете руками дѣлать знаковъ,
Ни головой качать, ни говорить
Двусмысленно, какъ напримѣръ: „да, знаемъ“,
Или: „могли бы мы, когда бъ хотѣли“,
Или: „когда бы смѣли мы сказать“,
Иль: „люди есть, которые могли бы...“

ГАМЛЕТЪ и ТѢНЬ.

Изъ серіи литографій къ «Гамлету» знаменитаго французскаго живописца Ежена Делакруа (Eugène Delacroix, 1798—1863).

Или другимъ неявственнымъ намекомъ
Не скажете, что дѣло вамъ извѣстно.
Вотъ въ чемъ клянитесь мнѣ, клянитесь Богомъ
И въ смертный часъ Его святой защитой.

Тѣнь *(подъ землею)*.
Клянитесь!

ГАМЛЕТЪ.

Успокойся, успокойся
Ты, страждущая тѣнь! Ну, господа,
Прошу любить и жаловать меня—
И сколько бѣдный человѣкъ, какъ Гамлетъ,
Вамъ можетъ оказать любви и дружбы,
Онъ вамъ окажетъ ихъ, Богъ дастъ. Идемъ!
Ни слова болѣ: пала связь временъ!
Зачѣмъ же я связать ее рожденъ?
Итакъ, пойдемте вмѣстѣ, господа.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ домѣ Полонія.

Входятъ Полоній *и* Рейнальдо.

Полоній.

Отдай ему, Рейнальдо, эти деньги
И письма.

Рейнальдо.

Слушаю.

Полоній.

Куда умно,
Рейнальдо, добрый мой, было бъ сначала
Узнать о томъ, какъ онъ себя ведетъ,
А тамъ и посѣтить.

Рейнальдо.

Я такъ и думалъ.

Полоній.

Прекрасно сказано, прекрасно! Видишь:
Сперва спроси, кто изъ датчанъ въ Парижѣ,
И гдѣ, и какъ, и почему живутъ,
Съ кѣмъ знаются и сколько проживаютъ.
Потомъ, когда окольною дорогой
Твоихъ разспросовъ ты дойдешь до цѣли,
Замѣтишь, что они Лаэрта знаютъ—
И ближе приступи. Спроси о немъ,
Какъ-будто вы издалека знакомы;
Скажи, что знаешь ты его отца,
Пріятелей, отчасти и его.
Что, понялъ ли, Рейнальдо?

Рейнальдо.

Понимаю.

Полоній.

Отчасти и его, но, впрочемъ, мало;
И если это тотъ, такъ онъ буянъ
И водится за нимъ и то, и се.—
А тамъ налги, что хочешь на Лаэрта,
Лишь чести не затрогивай его—
Отъ этого остерегись, а эдакъ
Про разныя веселыя проказы,
Извѣстные сопутники свободы
И юности.

Рейнальдо.

Какъ, напримѣръ, игра?

Полоній.

Да, или пьянство, клятвы, поединки,
Развратъ; но дальше ужъ нейди.

Рейнальдо.

Но это запятнаетъ честь.

Полоній.

Нисколько,
Когда съумѣешь къ дѣлу подойти.
Его не долженъ ты давать въ добычу,
Какъ невоздержнаго, злословію людей.
Я разумѣлъ не то! Его проступки
Старайся освѣтить пристойнымъ свѣтомъ:
Пусть кажутся они пятномъ свободы,
Огнемъ и вспышкой пламенной души,
Волненіемъ неукротимой крови—
Удѣломъ всѣхъ.

Рейнальдо.

Однако...

Полоній.

Ты хотѣлъ бы
Узнать, зачѣмъ все это надо дѣлать?

Рейнальдо.

Да, мнѣ хотѣлось бы.

Полоній.

Ну, вотъ мой планъ—
И, кажется, ловушка не дурна.
Когда слегка его ты запятнаешь,
Какъ будто онъ въ дѣлахъ своихъ нечистъ,
Замѣть—и тотъ, съ которымъ говоришь ты,
Видалъ когда нибудь, что молодецъ
Виновенъ былъ въ означенныхъ порокахъ,
Повѣрь, что такъ начнетъ онъ говорить:
„Любезный другъ“, „почтеннѣйшій“, иль „сударь“,
Какъ водится привѣтствовать людей
У нихъ въ землѣ.

Рейнальдо.

Я слушаю—что дальше?

Полоній. Потомъ—онъ вотъ что сдѣлаетъ: онъ... Да что, бишь, я хотѣлъ сказать? Ей-богу, я что-то хотѣлъ сказать! На чемъ я остановился?

Рейнальдо.

На томъ, что „такъ начнетъ онъ говорить...“

Полоній.

Что такъ начнетъ онъ говорить: „Да точно“,
Онъ скажетъ: „я, вѣдь, молодца-то знаю;
На-дняхъ, или вчера, или тогда-то
Его я видѣлъ съ тѣмъ или другимъ;

И—точно—онъ, какъ говорите вы,
Велъ страшную игру; тогда былъ пьянъ,
Тогда поссорился за карточнымъ столомъ...“
Иль даже: „я видалъ, какъ заходилъ онъ
Въ публичный домъ“—и прочее такое.
И примѣчай, какъ на приманку лжи
Ты рыбку истины поймаешь. Такъ
Мы, люди съ толкомъ и съ умомъ, умѣемъ
Обходами за скрытымъ переулкомъ
Проселками пройти въ село. Итакъ,
Ты можешь, слѣдуя моимъ совѣтамъ,
Лаэрта испытать. Меня ты понялъ—
Не правда ль?

Рейнальдо.

Да.

Полоній.

Ну, Богъ съ тобой!

Рейнальдо.

Прощайте.

Полоній.

Самъ наблюдай его поступки.

Рейнальдо.

Слышу.

Полоній.

Да музыку чтобъ онъ не покидалъ.

Рейнальдо.

Исполню все.

(*Уходитъ*).

Входитъ Офелія.

Полоній.

Прощай. Ну что, Офелія, что скажешь?

Офелія.

Ахъ, какъ я испугалась, о мой Боже!

Полоній.

Чего же, Богъ съ тобой? Что тамъ случилось?

Офелія.

Я шила въ комнатѣ моей, какъ вдругъ
Вбѣгаетъ Гамлетъ: плащъ на немъ разорванъ
На головѣ нѣтъ шляпы, а чулки
Развязаны и спущены до пятокъ;
Онъ блѣденъ, какъ стѣна; колѣни гнутся;
Глаза блестятъ какимъ-то жалкимъ свѣтомъ,
Какъ-будто онъ былъ посланъ преисподней,
Чтобъ разсказать объ ужасахъ ея.
Таковъ онъ былъ.

Полоній.

Безумный отъ любви?

Офелія.

Не знаю, но боюсь, что это такъ.

Полоній.

О чемъ же онъ съ тобою говорилъ?

Офелія.

Онъ крѣпко за руку меня схватилъ
И, отступивъ потомъ на всю длину
Руки своей, другою осѣнилъ онъ
Глаза и пристально смотрѣлъ въ лицо мнѣ,
Какъ-будто бы хотѣлъ его писать.
Такъ долго онъ стоялъ; потомъ, слегка
Пожавши руку мнѣ, онъ покачалъ
Три раза головой и такъ глубоко,
Такъ жалобно вздохнулъ, какъ-будто тѣло
На части распадется съ этимъ вздохомъ
И жизнь изъ груди улетитъ. Вздохнувши,
Онъ отпустилъ меня; черезъ плечо
Закинувъ голову, казалось, путь свой
Онъ видѣлъ безъ очей: безъ ихъ участья,
Онъ вышелъ за порогъ и до конца
Меня ихъ свѣтомъ озарялъ.

Полоній.

Пойдемъ,
Пойдемъ со мной—я короля сыщу.
Вотъ истинно безуміе любви:
Оно свирѣпствуетъ противъ себя
И насъ влечетъ къ отчаяннымъ дѣламъ
Не рѣже, чѣмъ любая изъ страстей,
Терзающихъ насъ подъ луною. Жаль!
Ты съ нимъ не говорила ль слишкомъ грубо?

Офелія.

Нѣтъ,
Я только не брала его посланій
И самого къ себѣ не принимала,
Какъ вы вчера, отецъ, мнѣ приказали.

Полоній.

Онъ отъ того и помѣшался. Жаль,
Что раньше я объ этомъ не подумалъ;
Но я боялся, что Гамлетъ шалитъ
И только хочетъ погубить тебя.
Будь проклято такое подозрѣнье!
Мы, старики, мнѣ кажется, готовы
Во мнѣніяхъ переступать за цѣль,
Какъ юноша нерѣдко забываетъ
Предусмотрительность. Идемъ же къ королю:
Онъ долженъ все узнать. Гораздо хуже
Скрыть эту страсть отъ короля,
Чѣмъ тайну Гамлета разоблачить.
Пойдемъ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ.

Король, королева, Розенкранцъ, Гильденштернъ *и свита.*

Король.

Добро пожаловать, мой Розенкранцъ
И Гильденштернъ! Желанье васъ увидѣть
И вмѣстѣ съ тѣмъ потребность въ вашей службѣ
Заставили призвать васъ такъ поспѣшно.
Вы слышали уже о томъ, что Гамлетъ
Преобразился вдругъ. Такъ говорю я
Затѣмъ, что онъ ни тѣломъ, ни душою
Не тотъ, что былъ. И я не понимаю,
Что—если не родителя кончина—
Могло такъ глубоко его разстроить.
Обоихъ васъ прошу я, господа—
Вы съ нимъ воспитаны, вы такъ знакомы
Съ его душой—останьтесь здѣсь на время
Въ моемъ дворцѣ. Старайтесь заманить
Его въ веселости, игру, въ забавы,
И—сколько вамъ на слѣдъ напасть удастся—
Узнайте, чѣмъ онъ сильно такъ разстроенъ.
Быть можетъ, мы, найдя тому причину,
Найдемъ и средство излѣчить болѣзнь.

Королева.

Онъ очень часто вспоминалъ о васъ,
И я увѣрена, что нѣтъ другихъ,
Къ кому бы онъ привязанъ былъ такъ сильно.
Когда вы такъ добры, что захотите
Намъ времени немного посвятить,
Мы васъ по-королевски наградимъ.

Розенкранцъ.

Вы властью царскою облечены:
Къ чему просить?—вамъ стоитъ повелѣть.

Гильденштернъ.

Мы повинуемся. Къ стопамъ монаршимъ,
По мѣрѣ силъ, готовы нашу службу
Повергнуть мы. Повелѣвайте нами.

Король.

Благодаримъ васъ, вѣрный Розенкранцъ
И добрый Гильденштернъ.

Королева.

Благодаримъ
Васъ, Гильденштернъ и добрый Розенкранцъ.
Прошу сейчасъ отправиться къ Гамлету.
Какъ измѣнился онъ, мое дитя!
Пусть кто-нибудь изъ свиты васъ проводитъ.

Гильденштернъ.

Господь благослови—ему на радость
И благоденствіе—старанья наши всѣ.

Королева.

Аминь. (*Розенкранцъ, Гильденштернъ и нѣкоторые изъ свиты уходятъ*).

Входитъ Полоній

Полоній.

Корнелій, посланный къ норвежскому двору,
И Вольтимандъ счастливо воротились
Съ отвѣтомъ радостнымъ, мой государь.

Король.

Ты былъ всегда отцомъ вѣстей счастливыхъ.

Полоній.

Я былъ имъ, да? О, смѣю васъ увѣрить,
Что долгъ мой, государь, люблю я такъ же,
Какъ жизнь мою, а короля—какъ Бога.
И я вполнѣ, мнѣ кажется, успѣлъ—
Иль этотъ мозгъ по хитрости дорогѣ
Летитъ не такъ ужъ мѣтко, какъ бывало—
Мнѣ кажется, что я успѣлъ открыть,
Что собственно ума лишило принца.

Король.

О, говори! я жажду это слышать.

Полоній.

Сперва послушайте пословъ; мое же
Извѣстье будетъ за столомъ десертомъ.

Король.

Такъ сдѣлай же имъ честь, введи ихъ самъ.
(*Полоній уходитъ*).

Онъ говоритъ, любезная Гертруда,
Что онъ открылъ причину и источникъ
Разстройства сына твоего.

Королева.

Причина
Одна, боюсь я: смерть его отца
И скорый бракъ нашъ.

Король.

Хорошо, узнаемъ.

Полоній *возвращается съ* Корнеліемъ *и* Вольтимандомъ.

Король.

Добро пожаловать! Что ты привезъ
Отъ славнаго норвержскаго монарха.
Мой добрый Вольтимандъ?

ГАМЛЕТЪ.

Картина извѣстнаго французскаго художника Шарля Лемана (Charles-Ernest Rodolphe Lehman, 1814—1882).

Вольтимандъ.

Желанье счастья,
Поклонъ за дружелюбный вашъ поклонъ.
Едва успѣли мы промолвить слово,
Какъ онъ велѣлъ наборъ остановить.
Онъ полагалъ, что цѣль вооруженья—
Походъ на поляковъ; но, вникнувъ въ дѣло,
Нашелъ, что вамъ готовится ударъ.
Обиженный, что такъ легко играютъ
Его болѣзнью, саномъ и лѣтами,
Арестовать велитъ онъ Фортинбраса.
Принцъ повинуется; изъ устъ монарха
Онъ строго осужденъ и, наконецъ,
Даетъ предъ дядею обѣтъ вовѣки
Оружія на васъ не подымать.
Старикъ, въ восторгѣ, подарилъ ему
Пять тысячъ кронъ доходовъ ежегодныхъ
И полномочіе вести солдатъ,
Имъ набранныхъ, на поляковъ. Онъ проситъ—
Все это здѣсь изложено подробно—
(подаетъ бумагу)
Чтобъ вы благоволили разрѣшить
Войскамъ походъ чрезъ датскія владѣнья
На тѣхъ условіяхъ о платежѣ
И безопасности, какія здѣсь
Означены въ письмѣ, мной вамъ вручен-
номъ.

Король.

Мы на досугѣ разберемъ письмо,

Дадимъ отвѣтъ и дѣло все обсудимъ,
А между тѣмъ благодаримъ за трудъ.
Теперь идите отдохнуть, а ночью
Мы попируемъ вмѣстѣ. Очень рады
Васъ видѣть здѣсь!

(*Вольтиманд и Корнелій уходятъ*).

Полоній.

Благополучно дѣло
Окончено. Пресвѣтлый государь
И государыня, распространяться,
Что значитъ преданность, что власть монарха,
Зачѣмъ день—день, ночь—ночь и время—время,
Все значило бы это расточать
И день, и ночь, и время попустому.
И такъ какъ краткость есть душа ума,
А многословіе—его прикраса,
Я буду кратокъ. Сынъ помѣшанъ вашъ.
Такъ называю я его затѣмъ,
Что въ чемъ иномъ и состоитъ безумство,
Когда не въ томъ, что человѣкъ безуменъ?
Но не о томъ...

Королева.

Поменѣе искусства,
Но дѣла больше!

Полоній.

Честью вамъ клянусь,
Въ моихъ словахъ нисколько нѣтъ искусства.
Что онъ безуменъ—это правда; правда,
Что жаль его, и жаль, что это правда.
Метафора глупа, такъ прочь ее!
Я безъ искусства къ дѣлу приступаю.
Мы приняли, что онъ сошелъ съ ума—
Что остается намъ? Открыть причину
Сего эффекта—правильнѣй: дефекта,
Затѣмъ, что дефективный сей эффектъ
На чемъ-нибудь основанъ. Вотъ въ чемъ дѣло!
Подумайте объ этомъ, королева.
Я дочь имѣю, ибо эта дочь
Моя; изъ должнаго повиновенья
Она мнѣ вотъ что отдала. Теперь
Прошу отгадывать и заключать.

(*Читаетъ*).

„Небесной, идолу души моей, прелестнѣйшей Офеліи". Дурное выраженіе, истертое. „Прелестнѣйшая" истертое выраженіе. Но слушайте только. „Ея милой, снѣжной груди"—и прочее.

Королева.

И это Гамлетъ къ ней писалъ?

Полоній.

Позвольте:
Я все вамъ разскажу. (*Читаетъ*).

„Не вѣрь, что есть огонь въ звѣздахъ,
Что солнце ходитъ въ небесахъ
И согрѣваетъ грудь твою;
Но вѣрь, что я тебя люблю.

„О, милая Офелія, стихи мнѣ не даются: я не владѣю искусствомъ размѣрять свои вздохи, но вѣрь мнѣ, что я тебя глубоко люблю, моя милая! Прощай. Твой навсегда, пока живетъ еще это тѣло.

Гамлетъ".

Вотъ что мнѣ дочь послушная вручила
И все подробно разсказала мнѣ:
Когда и какъ въ любви онъ признавался.

Король.

Какъ приняла она его любовь?

Полоній.

Какого мнѣнія вы обо мнѣ?

Король.

Ты—честный, благородный человѣкъ.

Полоній.

И это я желалъ бы доказать.
Но что подумали бы вы, узнавши,
Что видѣлъ я, какъ вспыхнула любовь?
А должно знать, что я ее замѣтилъ,
Когда мнѣ дочь еще не говорила.
Что обо мнѣ подумали бы вы,
Иль государыня, супруга ваша,
Играй я роль кармана для записокъ,
Иль писчаго стола? Смотри я праздно
На ихъ любовь, что думали бы вы?
Но нѣтъ, я прямо къ дѣлу приступилъ;
Моей красавицѣ сказалъ я вотъ что:
„Вѣдь, Гамлетъ—принцъ; онъ не тебѣ чета,—
И этому не быть". Я приказалъ ей
Предъ Гамлетомъ замкнуть покрѣпче дверь,
Не принимать любви его залоговъ
И посланныхъ его не допускать.
Она вкусила плодъ моихъ совѣтовъ,
А онъ, отверженный—чтобъ сократить разсказъ—
Предался грусти, вслѣдъ за тѣмъ—посту,
Потомъ безсонницѣ, потомъ впалъ въ слабость,
Потомъ въ разсѣянность и, шагъ за шагомъ,
Дошелъ къ безумію, а насъ повергъ въ печаль.

Король.

Ты думаешь, что такъ?

Королева.

Оно весьма возможно.

Полоній.

Желательно бы знать, когда случилось,

Чтобъ положительно сказалъ я: это такъ,
А вышло иначе?

Король.

Я не припомню.

Полоній.

Такъ съ плечъ мнѣ голову снимите,
Когда оно не такъ. Ужъ если я
Попалъ на слѣдъ, такъ истину сыщу,
Хоть будь она сокрыта въ самомъ центрѣ.

Король.

Но какъ бы намъ развѣдать все поближе?

Полоній.

Вы знаете, онъ въ этой галлереѣ
Часа четыре иногда гуляетъ.

Королева.

Да, правда.

Полоній.

И въ такой-то часъ пошлю я
Къ нему Офелію. Мы съ вами станемъ
Здѣсь за ковромъ. Замѣтьте ихъ свиданье,
И если онъ не отъ любви безуменъ,
Такъ пусть впередъ не буду я придворнымъ,
А конюхомъ, крестьяниномъ простымъ.

Король.

Увидимъ.

Входитъ Гамлетъ, *читая.*

Королева.

Посмотри, какъ грустно, бѣдный,
Идетъ онъ и читаетъ.

Полоній.

Прочь, прошу васъ!
Идите оба прочь! Я съ нимъ займусь.
Позвольте!
(*Король, королева и придворные уходятъ.*)
Какъ поживаете, принцъ Гамлетъ?

Гамлетъ. Слава Богу, хорошо.

Полоній. Знаете вы меня, принцъ?

Гамлетъ. Совершенно. Ты—рыбакъ.

Полоній. Нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ. Такъ я желалъ бы, чтобы ты былъ такъ же честенъ.

Полоній. Честенъ, принцъ?

Гамлетъ. Да, сударь, быть честнымъ—значитъ, какъ ведется на этомъ свѣтѣ, быть избраннымъ изъ десяти тысячъ.

Полоній. Сущая правда, принцъ.

Гамлетъ. Потому что если солнце, божество, зарождаетъ червей, касаясь мертваго тѣла... Есть у тебя дочь?

Полоній. Есть, принцъ.

Гамлетъ. Не пускай ее на солнце. Плодородіе благодатно; но если такая благодать достанется въ удѣлъ твоей дочери—берегись, дружокъ!

Полоній. Что вы хотите этимъ сказать? (*Тихо*). Все на мою дочь сворачиваетъ. А, сначала онъ меня не узналъ; сказалъ, что я рыбакъ! Далеко, далеко зашелъ онъ! А, право, въ молодости и я страдалъ отъ любви не мало, почти такъ же, какъ и онъ. Заговорю съ нимъ опять. (*Громко*). Что вы читаете, принцъ?

Гамлетъ. Слова, слова, слова.

Полоній. Но о чемъ они говорятъ?

Гамлетъ. Съ кѣмъ?

Полоній. Я разумѣю, что написано въ книгѣ, принцъ?

Гамлетъ. Клевета. Этотъ мерзавецъ сатирикъ утверждаетъ, что у стариковъ сѣдые волосы, что лица ихъ въ морщинахъ, съ рѣсницъ течетъ амбра и вишневый клей, что у нихъ излишній недостатокъ остроумія и слабыя ноги. Хотя я свято и крѣпко во все это вѣрую, но, мнѣ кажется, не годится все писать. Вы сами, сударь, сдѣлались бы такъ же стары, какъ я, если бы могли ползти, какъ ракъ, назадъ.

Полоній (*тихо*). Это хотя и безуміе, однако систематическое. (*Громко*). Не угодно ли вамъ укрыться отъ вѣтра, принцъ?

Гамлетъ. Въ могилѣ?

Полоній. Да, это точно значило бы укрыться отъ вѣтра. (*Тихо*). Какъ мѣтки иногда его отвѣты! И это часто удается безумію, а уму и здравому разсудку—не такъ-то. Оставлю его и постараюсь устроить свиданіе его съ моею дочерью. (*Громко*). Позвольте, принцъ, засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе и попросить васъ дать мнѣ отпускъ.

Гамлетъ. Я ничего не дамъ вамъ охотнѣе, исключая моей жизни, моей жизни, моей жизни.

Полоній. Прощайте, принцъ.

Гамлетъ (*тихо*). Несносные старые дураки!

Входятъ Розенкранцъ *и* Гильденштернъ.

Полоній. Вы ищете принца Гамлета? Онъ тамъ.

Розенкранцъ. Благодарю васъ. (*Полоній уходитъ*).

Гильденштернъ. Ваше высочество!

Розенкранцъ. Глубокоуважаемый принцъ!

Гамлетъ. Дорогіе друзья мои! Что ты подѣлываешь, Гильденштернъ? А, Розенкранцъ! Каково поживаете?

Розенкранцъ. Какъ всѣ ничтожные сыны персти.

Гильденштернъ. Мы счастливы, потому что не слишкомъ счастливы; мы не маковка на шляпѣ Фортуны.

Гамлетъ. Но и не подошва ея башмаковъ?

Розенкранцъ. И то нѣтъ.

Гамлетъ. Стало быть, вы живете около ея пояса, въ средоточіи ея милостей?

Гильденштернъ. Да, правда, мы съ нею близки.

Гамлетъ. Какъ! оба? Правда—она женщина легкаго поведенія... Что новаго?

Розенкранцъ. Ничего, принцъ; развѣ, что свѣтъ сталъ честнымъ.

Гамлетъ. Значитъ, близокъ день страшнаго суда. Но ваша новость несправедлива! Позвольте поразспросить васъ подробнѣе. Въ чемъ провинились вы, друзья, передъ Фортуною, что она посылаетъ васъ сюда въ тюрьму?

Гильденштернъ. Въ тюрьму, принцъ?

Гамлетъ. Данія—тюрьма.

Розенкранцъ. Такъ и весь свѣтъ тюрьма.

Гамлетъ. Превосходная. Въ ней много ямъ, каморокъ и канурокъ. Данія одна изъ худшихъ.

Розенкранцъ. Мы другого мнѣнія, принцъ.

Гамлетъ. Такъ для васъ она и не тюрьма. Само по-себѣ ничто ни дурно, ни хорошо; мысль дѣлаетъ его тѣмъ или другимъ. Для меня Данія—тюрьма.

Розенкранцъ. Ваша любовь къ славѣ дѣлаетъ ее тюрьмою; она слишкомъ тѣсна для вашего духа.

Гамлетъ. О, Боже! Я могъ бы заключиться въ орѣховую скорлупу и считать себя королемъ необъятнаго пространства, если бы не злые сны мои.

Гильденштернъ. Эти сны—честолюбіе. Истинная сущность честолюбія есть только тѣнь сновидѣнія.

Гамлетъ. Сновидѣніе само есть только тѣнь.

Розенкранцъ. Конечно, и мнѣ кажется, что честолюбіе такъ воздушно и туманно, что оно только тѣнь тѣни.

Гамлетъ. Итакъ, наши нищіе—тѣла, а короли и великолѣпные герои—тѣни нищихъ. Не пойти ли ко двору? Я, право, не мастеръ разсуждать.

Розенкранцъ и Гильденштернъ. Мы къ вашимъ услугамъ.

Гамлетъ. Ни слова объ этомъ. Я не хочу считать васъ за-одно съ прочими моими покорнѣйшими слугами; должно отдать имъ справедливость, они мнѣ ужасно прислуживаютъ. Будемъ же говорить, какъ друзья: зачѣмъ вы въ Эльсинорѣ?

Розенкранцъ. Мы желали посѣтить васъ—и только.

Гамлетъ. Нищій, я бѣденъ и благодарностью; но благодарю васъ, друзья, и, повѣрьте, мое спасибо еще полушкою дороже. За вами не посылали? Вы сами вздумали пріѣхать? добровольно? Ну, руку на сердце и говорите прямо.

Гильденштернъ. Что же сказать намъ, принцъ?

Гамлетъ. Что угодно—только дѣло. За вами посылали и въ вашихъ взорахъ есть что-то въ родѣ признанія: ваша скромность не довольно хитро его скрываетъ. Я знаю, добрый король и королева посылали за вами.

Розенкранцъ. Зачѣмъ, принцъ?

Гамлетъ. Это вы должны мнѣ сказать! Заклинаю васъ правами нашего товарищества, союзомъ юности, всегда вѣрною любовью, всѣмъ еще болѣе дорогимъ, чѣмъ тронулъ бы вашу душу лучшій ораторъ—скажите прямо: посылали за вами или нѣтъ?

Розенкранцъ (*Гильденштерну*). Что ты на это скажешь?

Гамлетъ (*тихо*). Довольно: понимаю. (*Громко*). Не скрывайте ничего, если вы меня любите.

Гильденштернъ. Принцъ, за нами посылали.

Гамлетъ. Я скажу вамъ, зачѣмъ; моя догадка предупредитъ ваше признаніе и вы не нарушите тайны короля и королевы. Съ недавнихъ поръ, не знаю отчего, утратилъ я всю мою веселость, оставилъ обычныя занятія, и точно—въ душѣ моей такъ худо, что это прекрасное созданіе, земля, кажется мнѣ безплодною скалою; этотъ чудесный небосклонъ, эта величественная кровля, сверкающая золотымъ огнемъ—что-жъ, мнѣ она кажется только смѣшеніемъ ядовитыхъ паровъ. Какое образцовое созданіе человѣкъ! Какъ благороденъ разумомъ! какъ безграниченъ способностями! какъ значителенъ и чудесенъ въ образѣ и движеніяхъ! Въ дѣлахъ какъ подобенъ ангелу, въ понятіи—Богу! Краса міра! вѣнецъ всего живого! И что жъ для меня эта эссенція праха? Мнѣ мужчины скучны, а женщины—тоже, хотя твоя улыбка и несогласна, кажется, съ этимъ.

Розенкранцъ. У меня и въ мысляхъ этого не было, принцъ.

Гамлетъ. Чего же ты смѣялся, когда я сказалъ, что мужчины мнѣ скучны?

Розенкранцъ. Я думалъ, какъ постно угостите вы актеровъ, если это такъ. Мы съѣхались съ ними дорогой; они ѣдутъ сюда предложить вамъ свои услуги.

Гамлетъ. Играющій королей—добро пожаловать. Я заплачу дань его величеству. Странствующій рыцарь найдетъ дѣло мечу и копью; любовникъ не будетъ вздыхать даромъ; весельчакъ спокойно дотянетъ роль свою; дуракъ разсмѣшитъ смѣшливыхъ, и героиня свободно выскажетъ свои мысли, если онѣ не споткнутся о стихи. Что это за актеры?

Розенкранцъ. Тѣ самые, которые вамъ такъ нравились: городскіе трагики.

Гамлетъ. Зачѣмъ же они странствуютъ? Постоянное жилище выгоднѣе для славы и доходовъ ихъ.

Розенкранцъ. Я думаю, тому причиной кой-какія нововведенія.

Гамлетъ. Что, пользуются они тѣмъ же уваженіемъ, какъ и прежде, когда я былъ въ городѣ? Попрежнему ихъ посѣщаютъ?

Розенкранцъ. Нѣтъ, уже не столько.

Гамлетъ. Отчего? Позаржавѣли они?

Розенкранцъ. Нѣтъ, они трудятся, какъ и прежде. Но нашлось гнѣздо дѣтей, маленькихъ птенцовъ, которые вѣчно пищатъ громче смысла и имъ безчеловѣчно за то аплодируютъ. Теперь они въ модѣ и шумятъ на народныхъ театрахъ—какъ называютъ они ихъ—до того, что многіе со шпагою въ рукѣ боятся гусинаго пера и не смѣютъ туда войти.

Гамлетъ. Какъ? они дѣти? Кто же содержитъ ихъ? какъ имъ платятъ? И покинутъ ли они свое искусство, когда потеряютъ голосъ? Выросши до обыкновенныхъ актеровъ—что очень вѣроятно, если они лишены лучшихъ средствъ—не обвинятъ ли они въ несправедливости своихъ авторовъ, заставлявшихъ ихъ декламировать противъ собственной будущности?

Розенкранцъ. Право, съ обѣихъ сторонъ довольно было дѣла, и народъ не совѣстился раздражать ихъ другъ противъ друга. Нѣсколько времени нельзя было выручить ни копѣйки за пьесу, если авторъ и актеры не бранились въ ней съ своими противниками.

Гамлетъ. Возможно ли!

Гильденштернъ. И головамъ доставалось.

Гамлетъ. И дѣти побѣдили?

Розенкранцъ. Безъ сомнѣнія, принцъ, и самого Геркулеса.

Гамлетъ. Неудивительно, потому что мой дядя сталъ королемъ Даніи, и тѣ, которые дѣлали ему рожи при жизни отца моего, даютъ теперь 20, 40, 50, даже 100 червонцевъ за миніатюрный портретъ его. Чортъ возьми! тутъ оказалось бы нѣчто сверхъестественное, если бы философіи удалось доискаться истины! (*Трубы за сценой*).

Гильденштернъ. Вотъ и актеры.

Гамлетъ. Друзья, я радъ видѣть васъ въ Эльсинорѣ. Дайте ваши руки. Гостей всегда принимаютъ съ комплиментами и церемоніями: позвольте же и васъ принять на тотъ же манеръ, затѣмъ что, иначе, мое обращеніе съ актерами, которое, увѣряю васъ, наружно будетъ очень хорошо, покажется лучше, нежели съ вами. Добро пожаловать! Но мой дядя-отецъ и тетка-мать ошибаются...

Гильденштернъ. Въ чемъ, принцъ?

Гамлетъ. Я безуменъ только при норд-вестѣ; если же вѣтеръ съ юга, я еще могу отличить сокола отъ цапли.

Входитъ Полоній.

Полоній. Здравствуйте, господа.

Гамлетъ. Послушай, Гильденштернъ, и ты, Розенкранцъ—на каждое ухо по слушателю: это большое дитя еще не вышло изъ пеленокъ.

Розенкранцъ. Можетъ быть, онъ снова попалъ въ нихъ. Говорятъ же, что старые люди дѣлаются дѣтьми

Гамлетъ. Я предсказываю, что онъ пришелъ извѣстить объ актерахъ. Замѣчайте! Да, точно, это было въ понедѣльникъ утромъ.

Полоній. У меня есть новости, принцъ.

Гамлетъ. И у меня есть новости: когда Росціи былъ въ Римѣ актеромъ...

Полоній. Актеры пріѣхали, принцъ.

Гамлетъ. Быть не можетъ!

Полоній. Увѣряю васъ честью.

Гамлетъ.

И каждый ѣхалъ на ослѣ...

Полоній. Лучшіе актеры въ свѣтѣ! Лучшіе для трагедій, комедій, пастушескихъ драмъ, пастушеско-комическихъ, историко-пастушескихъ, трагико-историческихъ, траги-комико-историко-пастушескихъ, для нераздѣльнаго дѣйствія и безграничныхъ поэмъ. Сенека для нихъ не спишкомъ печаленъ, Плавтъ—не слишкомъ веселъ. Нѣтъ равныхъ имъ ни въ заученномъ, ни въ импровизаціи.

Гамлетъ. О, Іевѳай, судья Израиля! какимъ сокровищемъ обладалъ ты!

Полоній. Какимъ, принцъ?
Гамлетъ. Какимъ?

Онъ красавицу-дочь
Всей душою любилъ.

Полоній (*Тихо*). Все о моей дочери!
Гамлетъ. Не правъ ли я, старый Іевфай?
Полоній. Если вы называете меня Іевфаемъ, принцъ, такъ у меня есть дочь, которую я горячо люблю.
Гамлетъ. Нѣтъ, этого вовсе не слѣдуетъ.
Полоній. Что же слѣдуетъ, принцъ?
Гамлетъ. Что?

Что придетъ все къ концу,
Какъ угодно Творцу.

А потомъ—ты самъ знаешь:

И случилось съ ней то,
Что намъ всѣмъ суждено.

Остальное ты можешь дочитать въ святочной пѣснѣ. Рѣчь мою прерываютъ новыя лица.

Входятъ актеры.

Гамлетъ. Добро пожаловать, пріятели! Здравствуйте! Радъ видѣть тебя здоровымъ! Здорово, друзья! А, старый другъ, какъ же обросло лицо твое съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ тебя въ послѣдній разъ! Надѣюсь, ты не будешь шептать себѣ въ бороду? А, красавица моя! Ты поднялась къ небу на цѣлый каблукъ. Дай Богъ, чтобы твой голосъ не потерялъ свою звонкость, какъ истертая монета. Добро пожаловать, господа! Бросимся же, какъ французскіе соколиные охотники, на первое, что ни встрѣтится. Сейчасъ что-нибудь представить! Покажите ваше искусство. Ну, патетическій монологъ!
1-ый актеръ. Что прикажете, принцъ?
Гамлетъ. Я слышалъ когда-то, какъ ты декламировалъ монологъ—но его никогда не произносили на сценѣ, или не больше одного раза: я помню, пьеса не понравилась толпѣ; это былъ апельсинъ для извѣстнаго рода животныхъ. Но я и другіе, которыхъ мнѣніе въ этихъ вещахъ гораздо основательнѣе моего, почитали ее превосходной пьесой; сцены были расположены искусно и обработаны съ умомъ и простотою. Я помню, кто-то сказалъ, что въ стихахъ нѣтъ соли и перцу для приправы смысла, а въ выраженіяхъ нѣтъ мыслей, которыя обличали бы въ авторѣ чувство; но онъ назвалъ эту пьесу простою, здоровою и пріятною, и гораздо больше прекрасною, чѣмъ украшенною. Одинъ отрывокъ нравился мнѣ особенно: разсказъ Энея Дидонѣ, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ объ убійствѣ Пріама. Если помнишь, начни съ этого стиха .. Постой... постой.., „Суровый Пирръ, какъ африканскій левъ...“ Нѣтъ, я ошибаюсь; но начинается Пирромъ...
„Суровый Пирръ, котораго доспѣхи,
Какъ черный замыселъ, подобны были тьмѣ
Той полночи, когда лежалъ онъ въ чревѣ
Бѣдой грозившаго коня—теперь
Перемѣнилъ на образѣ ужасномъ
Ужасный цвѣтъ: отъ головы до пятъ
Онъ весь багровъ; обрызганъ алой кровью
Родителей, сыновъ и дочерей;
Весь закаленъ огнемъ горящихъ улицъ,
Предательски свѣтящихъ на пути
Къ цареубійству. Распаленный гнѣвомъ,
Въ крови, засохшей на его доспѣхахъ,
Съ огнемъ въ очахъ, свирѣпый ищетъ Пирръ
Отца Пріама...“

Продолжай!

Полоній. Ей-богу, принцъ, вы прекрасно декламируете: съ хорошимъ выраженіемъ и благородно.

1-ый актеръ.

„Онъ его находитъ:
Пріама мечъ не досягаетъ грековъ;
Не повинуется ему клинокъ—
Лежитъ, гдѣ палъ, не внемля повелѣнью.
Въ неравный бой вступаетъ Пирръ съ Пріамомъ;
Во гнѣвѣ мечъ занесъ онъ далеко,
Но старецъ палъ, не выждавши удара,
Отъ свиста лезвея. Казалось, Троя
Полмертвая воскресла отъ удара,
Главою пламенной поникла въ прахъ
И Пирра слухъ сковала страшнымъ трескомъ.
Его клинокъ, уже летящій долу
На снѣжную главу Пріама-старца,
Казалось, въ воздухѣ повисъ—
Такъ Пирръ стоялъ, какъ статуя тирана,
И будто бы безъ силы и безъ воли
Не дѣлалъ ничего. Но такъ же,
Какъ часто мы предъ бурей замѣчаемъ,
Притихъ зефиръ, безмолвны облака,
Улегся вѣтръ, земля, какъ смерть, недвижна—
И вдругъ пространство разсѣкаетъ громъ:
Такъ, послѣ тихаго мгновенья, Пирръ
Опять возсталъ для яростнаго мщенья—
И никогда циклоповъ тяжкій молотъ
Не падалъ такъ на Марсову броню,
Какъ Пирра мечъ палъ на царя Пріама.
Погибни же, измѣнница Фортуна!
Владычества ее лишите, боги!

Переломайте спицы колеса
И въ нѣдра тартара скатите ободъ
Съ высотъ небесныхъ!"

Полоній.

Это слишкомъ длинно

Гамлетъ. Какъ твоя борода. Не худо бы и то, и другое обрить. Пожалуйста, продолжай. Онъ спитъ, когда не слышитъ пошлостей или непристойностей. Продолжай о Гекубѣ.

1-ый актеръ.

„Но кто—увы, кто въ скорбномъ одѣяньи
Царицу зрѣлъ".

Гамлетъ. Царицу въ скорбномъ одѣяньи?

Полоній. Это хорошо. Царица въ скорбномъ одѣяньи—хорошо!

1-ый актеръ.

„Какъ босоногая она блуждала,
Грозя огонь залить рѣкою слезъ;
Лоскутъ на головѣ, гдѣ такъ недавно
Сіялъ вѣнецъ; на мѣсто царской мантьи,
Наброшено, въ испугѣ, покрывало
На плечи, исхудавшія отъ горя.
Кто это видѣлъ, ядовитой бранью
Тотъ обезчестилъ бы богиню счастья!
И если бы ее узрѣли боги,
Когда она увидѣла, какъ Пирръ
Супруга трупъ надменно разсѣкалъ—
Взрывъ вопля ихъ, когда они не чужды
Чувствъ смертнаго, заставилъ бы рыдать
Небесъ огнистые глаза и пробудилъ бы
Въ сердцахъ боговъ безсмертныхъ состраданье!"

Полоній. Смотрите: онъ измѣнился въ лицѣ, онъ плачетъ. Ради Бога, перестань!

Гамлетъ. Довольно. Остальное доскажешь въ другой разъ. Не угодно ли вамъ позаботиться объ угощеніи актеровъ? Слышите! Чтобъ ихъ хорошо приняли. Они зеркало и краткая лѣтопись своего времени. Плохая эпитафія повредитъ тебѣ послѣ смерти меньше, чѣмъ злая эпиграмма изъ устъ ихъ, пока ты живъ.

Полоній. Принцъ, я приму ихъ по заслугамъ.

Гамлетъ. Нѣтъ, прими ихъ лучше. Если обращаться съ каждымъ по заслугамъ, кто же избавится отъ пощечины? Прими ихъ согласно съ твоею честью и саномъ; чѣмъ меньше они стоятъ, тѣмъ выше будетъ твое снисхожденіе. Возьми ихъ съ собою!

Полоній. Пойдемте, господа.

Гамлетъ. Идите за нимъ, друзья. Завтра вы сыграете пьесу. *(Полоній и всѣ актеры, кромѣ 1-го, уходятъ).* Послушай, старый пріятель, можете вы сыграть убійство Гонзаго?

1-ый актеръ. Можно, принцъ.

Гамлетъ. Такъ представьте же его завтра ввечеру. Въ случаѣ нужды, вѣдь, можно выучить строчекъ двѣнадцать, которыя мнѣ хочется сочинить и вставить въ пьесу—не правда ли?

1-ый актеръ. Можно, ваше высочество.

Гамлетъ. Прекрасно! Ступайте за нимъ, только не смѣйтесь надъ нимъ. *(1-ый актеръ уходитъ).* Друзья мои, прощайте до вечера. Очень радъ видѣть васъ въ Эльсинорѣ.

Розенкранцъ *и* Гильденштернъ. Слушаемъ, принцъ *(Уходятъ).*

Гамлетъ.

Богъ съ вами! Я одинъ теперь.
Какой злодѣй, какой я рабъ презрѣнный!
Не дивно ли: актеръ, при тѣни страсти,
При вымыслѣ пустомъ, былъ въ состояньи
Своимъ мечтамъ всю душу покорить;
Его лицо отъ силы ихъ блѣднѣетъ;
Въ глазахъ слеза дрожитъ, и млѣетъ голосъ,
Въ чертахъ лица отчаянье и ужасъ,
И весь составъ его покоренъ мысли.
И все изъ ничего—изъ-за Гекубы!
Что онъ Гекубѣ? что она ему?
Что плачетъ онъ о ней? О! если бъ онъ,
Какъ я, владѣлъ призывомъ къ страсти,
Что бъ сдѣлалъ онъ? Онъ потопилъ бы сцену
Въ своихъ слезахъ и страшными словами
Народный слухъ бы поразилъ, преступныхъ
Въ безумство бы повергъ, невинныхъ въ ужасъ,
Незнающихъ привелъ бы онъ въ смятенье,
Исторгъ бы силу изъ очей и слуха.
А я, презрѣнный, малодушный рабъ,
Я дѣла чуждъ, въ мечтаніяхъ безплодныхъ
Боюсь за короля промолвить слово,
Надъ чьимъ вѣнцомъ и жизнью драгоцѣнной
Совершено проклятое злодѣйство.
Я трусъ? Кто назоветъ меня негоднымъ?
Кто черепъ раскроитъ? Кто прикоснется
До моего лица? Кто скажетъ мнѣ: ты лжешь?
Кто оскорбитъ меня рукой иль словомъ?
А я обиду перенесъ бы. Да!
Я голубь мужествомъ; во мнѣ нѣтъ желчи,
И мнѣ обида не горька; иначе,
Уже давно раба гніющимъ трупомъ
Я воронамъ окрестныхъ угостилъ бы.
Кровавый сластолюбецъ, лицемѣръ!
Безчувственный, продажный, подлый извергъ!
Глупецъ, глупецъ! Куда какъ я отваженъ!
Сынъ милаго, убитаго отца,
На мщенье вызванный и небесами,
И тартаромъ, я расточаю сердце

Въ пустыхъ словахъ, какъ красота за деньги;
Какъ женщина, весь изливаюсь въ клятвахъ.
Нѣтъ, стыдно, стыдно! Къ дѣлу, голова!
Гмъ! Слышалъ я, не разъ преступныхъ душу
Такъ глубоко искусство поражало,
Когда они глядѣли на актеровъ,
Что признавалися они въ злодѣйствахъ.
Убійство нѣмо, но оно порою
Таинственно, но внятно говоритъ.
Пусть кое-что предъ дядею представятъ
Подобное отцовскому убійству:
Я буду взоръ его слѣдить, я испытаю
Всю глубину его душевной раны.
Смутится онъ—тогда свой путь я знаю.
Духъ могъ быть сатана; лукавый властенъ
Принять заманчивый, прекрасный образъ.
Я слабъ и преданъ грусти; можетъ статься,
Онъ, сильный надъ скорбящею душой,
Влечетъ меня на вѣчную погибель.
Мнѣ нужно основаніе потверже.
Злодѣю зеркаломъ пусть будетъ представленье—
И совѣсть скажется и выдастъ преступленье.
(*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ замкѣ.

Входятъ КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ПОЛОНІЙ, ОФЕЛІЯ, РОЗЕНКРАНЦЪ *и* ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

КОРОЛЬ.

И вамъ никакъ не удалось дознаться,
Зачѣмъ онъ роль безумнаго играетъ?
Зачѣмъ покой его такъ дико нарушаетъ
Безумія опасный ураганъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Онъ говоритъ, что умъ его разстроенъ,
Но чѣмъ—про то, увы, не говоритъ.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Онъ испытать себя не допустилъ:
Онъ насъ хитро безумствомъ отдалялъ,
Когда мы у него старались вырвать
Признанье въ истинѣ.

КОРОЛЕВА.

А какъ
Онъ принялъ васъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Какъ свѣтскій человѣкъ.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Но въ обращеньи былъ онъ очень связанъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Скупъ на вопросы, на отвѣты щедръ.

КОРОЛЕВА.

Къ забавамъ вы его не приглашали?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Нечаянно мы встрѣтили актеровъ,
Идя къ нему. Сказали это принцу—
И онъ какъ-будто съ радостью насъ слушалъ.
Они здѣсь при дворѣ, и въ этотъ вечеръ
Онъ приказалъ имъ, кажется, играть.

ПОЛОНІЙ.

Да, правда; мнѣ онъ поручилъ просить васъ
Послушать и взглянуть на представленье.

КОРОЛЬ.

Отъ всей души. Я очень радъ, что Гамлетъ
Склонился къ этому—и я прошу васъ
Еще сильнѣй возвысить и возжечь въ немъ
Желаніе такихъ увеселеній.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Мы постараемся.
(*Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ*).

КОРОЛЬ.

Оставь и ты насъ, милая Гертруда:
Мы тайно Гамлета сюда призвали,
Чтобъ здѣсь онъ встрѣтился, какъ бы случайно,
Съ Офеліей Ея отецъ и я,
Мы станемъ здѣсь—законные шпіоны,
Невидимо увидимъ ихъ свиданье
И изъ его поступковъ заключимъ,
Тоской любви онъ боленъ, или нѣтъ.

КОРОЛЕВА.

Я удалюсь. Что до меня, такъ я желаю,
Офелія, чтобъ ваша красота
Была одна счастливою причиной
Безумства Гамлета: тогда могу я

Надѣяться, что ваша добродѣтель
Его на путь обычный возвратитъ.

Офелія.

Я то же, государыня, желаю.

(*Королева уходитъ*).

Полоній.

Офелія, будь здѣсь. Мы, государь,
Займемъ мѣста свои.
(*Офеліи*). Вотъ книга, дочь!
Читай для вида: этимъ ты прикроешь
Уединеніе. Насъ должно порицать
За то, что мы—случается частенько—
Святымъ лицомъ и маскою смиренной
И чорта проведемъ.

Король (*тихо*).

О, слишкомъ правда!
Какъ тяжело упали мнѣ на совѣсть
Его слова! Лицо красы продажной
Не отвратительнѣй въ сравненьи съ краской,
Его покрывшею поддѣльной красотой,
Чѣмъ грѣхъ мой тяжкій съ лживыми словами!
О, бремя тяжкое!

Полоній.

Я слышу—онъ идетъ.
Укроемся. (*Полоній и король уходятъ*).

Входитъ Гамлетъ.

Гамлетъ.

Быть, или не быть? вотъ въ чемъ вопросъ!
Что благороднѣе: сносить ли громъ и стрѣлы
Враждующей судьбы, или возстать
На море бѣдъ и кончить ихъ борьбою?
Окончить жизнь—уснуть,
Не болѣе! И знать, что этотъ сонъ
Окончитъ грусть и тысячи ударовъ—
Удѣлъ живыхъ. Такой конецъ достоинъ
Желаній жаркихъ. Умереть? уснуть?
Но если сонъ видѣнья посѣтятъ?
Что за мечты на смертный сонъ слетятъ,
Когда стряхнемъ мы суету земную?
Вотъ что дальнѣйшій заграждаетъ путь!
Вотъ отчего бѣда такъ долговѣчна!
Кто снесъ бы бичъ и посмѣянье вѣка,
Безсилье правъ, тирановъ притѣсненье,
Обиды гордаго, забытую любовь,
Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ,
Когда бы могъ насъ подарить покоемъ
Одинъ ударъ? Кто несъ бы бремя жизни,
Кто гнулся бы подъ тяжестью трудовъ?
Да, только страхъ чего-то послѣ смерти—
Страна безвѣстная, откуда путникъ
Не возвращался къ намъ, смущаетъ волю,

ОФЕЛІЯ.

Статуя извѣстнаго французскаго скульптора Фальгьера (Jean-Alexandre-Joseph Falguière, 1831—1900).

И мы скорѣй снесемъ земное горе,
Чѣмъ убѣжимъ къ безвѣстности за гробомъ.
Такъ всѣхъ насъ совѣсть обращаетъ въ трусовъ,
Такъ блекнетъ въ насъ румянецъ сильной воли,
Когда начнемъ мы размышлять: слабѣетъ
Живой полетъ отважныхъ предпріятій
И робкій путь склоняетъ прочь отъ цѣли...
Офелія! о, нимфа! помяни
Мои грѣхи въ твоей святой молитвѣ!

Офелія.

Какъ провели вы эти дни, мой принцъ?
Здоровы ль вы?

Гамлетъ.

Благодарю покорно.

Офелія.

Уже давно желала я отдать вамъ
Кой-что, мой принцъ, что вы мнѣ въ память дали.
Возьмите же теперь.

Гамлетъ.

Я не возьму:
Я никогда и ничего вамъ не дарилъ.

Офелія.

Любезный принцъ, вамъ слишкомъ хорошо
Извѣстно, что дарили вы съ словами,
Которыхъ смыслъ цѣну вещей удвоилъ.
Букетъ исчезъ—возьмите жъ ихъ назадъ.
Для сердца благороднаго не дорогъ
Подарокъ отъ того, кто насъ не любитъ.
Возьмите, принцъ!

Гамлетъ. А-а! Ты честная дѣвушка?

Офелія. Принцъ!

Гамлетъ. И хороша собой?

Офелія. Что вы хотите сказать, принцъ?

Гамлетъ. То, что если ты добродѣтельна и хороша, такъ добродѣтель твоя не должна имѣть дѣла съ красотою.

Офелія. Можно ли красотѣ сыскать собесѣдницу лучше добродѣтели?

Гамлетъ. Да, конечно, красота скорѣе превратитъ добродѣтель въ распутство, чѣмъ добродѣтель сдѣлаетъ красоту себѣ подобною. Прежде это былъ парадоксъ; теперь это аксіома. Я любилъ когда-то.

Офелія. Да, принцъ — и вы заставили меня этому вѣрить.

Гамлетъ. А не должно было вѣрить. Добродѣтель не привьешь къ намъ такъ, чтобы въ насъ не осталось и слѣда старыхъ грѣховъ. Я не любилъ тебя.

Офелія. Тѣмъ болѣе я была обманута.

Гамлетъ. Ступай въ монастырь. Зачѣмъ рождать на свѣтъ грѣшниковъ? Я самъ, пополамъ съ грѣхомъ, человѣкъ добродѣтельный, однако могу обвинять себя въ такихъ вещахъ, что лучше бы мнѣ на свѣтъ не родиться. Я гордъ, я мстителенъ, честолюбивъ. Къ моимъ услугамъ столько грѣховъ, что я не могу и умѣстить ихъ въ умѣ, не могу дать имъ образа въ воображеніи, не имѣю времени ихъ исполнить. Къ чему такимъ тварямъ, какъ я, ползать между небомъ и землею? Мы обманщики всѣ до одного. Не вѣрь никому изъ насъ. Иди лучше въ монастырь. Гдѣ твой отецъ?

Офелія. Дома, принцъ.

Гамлетъ. Замкни же за нимъ дверь, чтобъ онъ игралъ роль шута только у себя дома. Прощай.

Офелія. Милосердый Боже, помоги ему!

Гамлетъ. Когда ты выйдешь замужъ, вотъ тебѣ въ приданое мое проклятіе; будь чиста, какъ ледъ, бѣла, какъ снѣгъ — ты все-таки не уйдешь отъ клеветы. Ступай въ монастырь. Прощай! Или, если ты хочешь непремѣнно выйти замужъ, выбери дурака: умные люди знаютъ слишкомъ хорошо, какихъ чудовищъ вы изъ нихъ дѣлаете. Въ монастырь—и скорѣе! Прощай.

Офелія. Исцѣлите его, силы небесныя!

Гамлетъ. Слышалъ я и о вашей живописи, слышалъ довольно. Богъ даетъ вамъ лицо, вы дѣлаете другое. Вы таскаетесь, пляшете и поете; созданіямъ Божіимъ даете имена въ насмѣшку; притворяетесь, будто все это отъ незнанія, а оно, просто, легкомысленность. Подите! Ни слова! Это свело меня съ ума. Я говорю—у насъ не будетъ больше браковъ. Которые уже женились—пусть живутъ всѣ, кромѣ одного; остальные останутся тѣмъ, что они теперь. Въ монастырь! (*Уходитъ*).

Офелія.

Какой высокій омрачился духъ!
Языкъ ученаго, глазъ царедворца,
Героя мечъ, цвѣтъ и надежда царства,
Ума и нравовъ образецъ—все, все погибло!
А мнѣ, ничтожнѣйшей, мнѣ суждено,
Весь нектаръ клятвъ его вкусивши, видѣть,
Какъ пала мощь высокаго ума,
Какъ свѣжей юности краса погибла,
Цвѣтокъ весны подъ бурею увядшій.
О, горе мнѣ! Что видѣла я прежде,
И что теперь я вижу предъ собою!

Входятъ король *и* Полоній.

Король.

Любовь? О, нѣтъ: онъ не любовью боленъ!
Его слова хотя немного дики,
Но не безумны. У него на сердце
Запало сѣмя; грусть его взраститъ,
Оно взойдетъ—и плодъ опасенъ будетъ.
Затѣмъ я вотъ что наскоро рѣшилъ:
Онъ въ Англію немедленно поѣдетъ
Потребовать уплату должной дани.
Быть можетъ, море, новая страна
Отгонятъ отъ души его тотъ призракъ,
Вокругъ котораго такъ постоянно
Летаетъ мысль его, что онъ лишился
Почти сознанья самого себя.

Полоній.

Да, это будетъ для него полезно;

Но я еще увѣренъ, что источникъ
Его тоски—несчастная любовь.
Ну, что, Офелія? тебѣ не нужно
Разсказывать, что Гамлетъ говорилъ:
Мы все подслушали. Распорядитесь,
Какъ вашему величеству угодно;
Но если вы сочтете сообразнымъ,
Пусть государыня, по окончаньи пьесы,
Попроситъ Гамлета наединѣ
Открыть ей грусть свою. Пусть откровенно
Съ нимъ говоритъ; а я, когда угодно,
Здѣсь стану такъ, чтобъ слышать разговоръ.
Когда и ей онъ сердца не откроетъ,
Пусть ѣдетъ въ Англію, иль пусть простится
Съ своей свободою, когда тюрьму
За лучшее сочтете вы лѣкарство.

Король.

Быть такъ: безумству знатнаго не должно
Блуждать безъ стражи. (*Уходятъ*).

ЗНАМЕНИТЫЙ НѢМЕЦКІЙ АКТЕРЪ БАРНАЙ (BARNAY, p. 1842) ВЪ РОЛИ ГАМЛЕТА.

СЦЕНА II.

Зала въ замкѣ.

Входятъ Гамлетъ *и* актеры.

Гамлетъ. Пожалуйста, произнеси эту рѣчь, какъ я показалъ тебѣ легко—и развязно. Если ты будешь кричать, какъ многіе изъ нашихъ актеровъ, такъ это будетъ мнѣ такъ же пріятно, какъ если бы стихи мои распѣвалъ разносчикъ. Не пили слишкомъ усердно воздуха, руками—такъ, будь умѣреннѣе. Среди потопа, бури и, такъ сказать, водоворота твоей страсти долженъ ты сохранить умѣренность, которая смягчитъ ихъ рѣзкость. О, мнѣ всегда ужасно досадно, если какой-нибудь дюжій, длинноволосый молодецъ разрываетъ страсть въ клочки, чтобы гремѣть въ ушахъ райка, который не смыслитъ ничего, кромѣ неизъяснимой нѣмой пантомимы и крика. Такого актера я въ состояніи бы высѣчь за его крикъ и натяжку. Пожалуйста, избѣгай этого.

1-ый актеръ. Ваше высочество, можете на насъ положиться.

Гамлетъ. Не будь, однако же, и слишкомъ вялъ. Твоимъ учителемъ пусть будетъ собственное сужденіе. Мимика и слова должны соотвѣтствовать другъ другу; особенно обращай вниманіе на то, чтобы не переступать за границу естественнаго. Все, что изысканно, противорѣчитъ намѣренію театра, цѣль котораго была, есть и будетъ—отражать въ себѣ природу: добро, зло, время и люди должны видѣть сѳбя въ немъ, какъ въ зеркалѣ. Если представить ихъ слишкомъ сильно или слишкомъ слабо, конечно, профана заставишь иногда смѣяться, но знатоку будетъ досадно; а для васъ сужденіе знатока должно перевѣшивать мнѣніе всѣхъ остальныхъ. Я видѣлъ актеровъ, которыхъ превозносили до небесъ—и что же? Въ словахъ и походкѣ они не походили ни на христіанъ, ни на жидовъ, ни вообще на людей; выступали и орали такъ, что я подумалъ: должно быть какой-нибудь поденщикъ природы надѣлалъ

людей, да неудачно—такъ ужасно подражали они человѣчеству.

1-ый актеръ. У насъ это рѣдко встрѣтится, надѣюсь.

Гамлетъ. Уничтожьте вовсе. Да и шуты пусть не говорятъ, чего не написано въ роли: чтобы заставить смѣяться толпу глупцовъ, они хохочутъ иногда сами въ то время, когда зрителямъ должно обдумать важный моментъ пьесы; это стыдно и доказываетъ жалкое честолюбіе шута. Идите, приготовьтесь!

(*Актеры уходятъ*).

Входятъ Полоній, Розенкранцъ *и* Гильденштернъ.

Гамлетъ. Ну, что? Угодно ли королю послушать эту пьесу?

Полоній. Да—и королевѣ тоже, и притомъ сейчасъ же

Гамлетъ. Велите актерамъ поспѣшить. (*Полоній уходитъ.*) Не угодно ли вамъ обоимъ помочь имъ?

Розенкранцъ *и* Гильденштернъ. Охотно, принцъ. (*Уходятъ*).

Гамлетъ. Эй, Гораціо!

Входитъ Гораціо.

Гораціо.

Я здѣсь, любезный принцъ, къ услугамъ вашимъ.

Гамлетъ.

Гораціо. ты—лучшій изъ людей,
Съ которыми случалось мнѣ сдружиться.

Гораціо.

Принцъ...

Гамлетъ.

Нѣтъ, повѣрь мнѣ, я тебѣ не льщу.
Чего мнѣ ждать отъ бѣдняка, какъ ты?
Твой свѣтлый умъ—вотъ все твое богатство:
Ты имъ питаешься и имъ одѣтъ.
Зачѣмъ же льстить тебѣ? Языкъ медовый
Пусть лижетъ прахъ съ презрѣннаго богатства.
И пусть колѣнъ покорные суставы
Сгибаются, гдѣ ихъ награда ждетъ.
Послушай: съ той поры, какъ это сердце
Властителемъ своихъ избраній стало
И научилось различать людей,
Оно тебя избрало передъ всѣми.
Страдая, ты, казалось, не страдалъ;
Ты бралъ удары и дары судьбы,
Благодаря за то и за другое.
И ты благословенъ: разсудокъ съ кровью
Въ тебѣ такъ смѣшаны, что ты не служишь
Для счастья дудкою, не издаешь,
По прихоти его, различныхъ звуковъ.
Дай мужа мнѣ, котораго бы страсть
Не сдѣлала рабомъ—и я укрою
Его въ души моей святѣйшихъ нѣдрахъ,
Какъ я укрылъ тебя. Довольно—къ дѣлу!
Предъ королемъ сыграютъ нынче пьесу:
Одна изъ сценъ похожа на кончину
Отца, какъ я разсказывалъ тебѣ.
Прошу, когда дойдетъ до этой сцены,
Всей силою души смотри на дядю,
И если скрытый грѣхъ при этой сценѣ
Не скажется, то духъ, что намъ являлся,
Былъ не отецъ, а навожденье ада,
И подозрѣнія мои чернѣе
Брони вулкановой. Смотри жъ на дядю,
Слѣди за нимъ, а я вопьюсь глазами
Ему въ лицо; потомъ свои сужденья
Сравнимъ—и выводъ будетъ вѣренъ.

Гораціо.

Извольте, принцъ: когда во время пьесы,
Укравши что-нибудь, онъ ускользнетъ,
Такъ я плачу за воровство.

Гамлетъ.

Идутъ.
Я долженъ праздникомъ быть. Ступай на мѣсто.

Датскій маршъ. Входятъ король, королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ, Гильденштернъ *и другіе.*

Король. Какъ поживаешь, другъ нашъ Гамлетъ?

Гамлетъ. О, превосходно! Живу пищею хамелеона: ѣмъ воздухъ, нашпигованный обѣщаніями. Каплуна вы этимъ не откормите.

Король. Я не понимаю твоего отвѣта, Гамлетъ. Это не мои слова.

Гамлетъ. И не мои уже. (*Полонію*). Вы играли когда-то въ университетѣ, говорили вы?

Полоній. Игралъ, ваше высочество, и слылъ за хорошаго актера.

Гамлетъ. Кого же вы играли?

Полоній. Юлія Цезаря. Меня убили въ Капитоліѣ и убійцей былъ—Брутъ.

Гамлетъ. Онъ поступилъ, какъ шутъ, убивши капитолійскаго гуся. Что, актеры готовы?

Розенкранцъ. Готовы, принцъ. Ждутъ вашего приказа.

Королева. Поди сюда, любезный Гамлетъ; сядь подлѣ меня.

ЗНАМЕНИТЫЙ АНГЛІЙСКІЙ АКТЕРЪ ИРВИНГЪ (sir HENRY IRVING, p. 1838) ВЪ РОЛИ ГАМЛЕТА. (Дѣйств. II, сц. 2).
Съ картины англійскаго художника Эрмитэджа (Armytage).

Гамлетъ. Нѣтъ, матушка, здѣсь есть магнитъ посильнѣе.

Полоній (*королю.*) Ого! слышите?

Гамлетъ. Позволено мнѣ прилечь къ вамъ? (*Садится у ногъ Офеліи.*)

Офелія. Нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ. Я хотѣлъ сказать: приклонить голову къ вашимъ колѣнамъ.

Офелія. Да, принцъ.

Гамлетъ. А вы вообразили, что я, Богъ знаетъ, что задумалъ?

Офелія. Я ничего не думала.

Гамлетъ. Прекрасная мысль лежать у ногъ дѣвушки.

Офелія. Что такое, принцъ?

Гамлетъ. Ничего.

Офелія. Вы веселы.

Гамлетъ. Кто? я?

Офелія. Да, принцъ.

Гамлетъ. Я готовъ всегда быть вашимъ шутомъ. Что намъ и дѣлать, если не веселиться? Посмотрите, какъ весело смотритъ матушка, а вѣдь и двухъ часовъ нѣтъ, какъ скончался отецъ мой.

Офелія. Нѣтъ, принцъ, уже четыре мѣсяца.

Гамлетъ. Такъ давно уже? Такъ пусть же самъ Сатана ходитъ въ траурѣ; я же надѣну соболью мантію. Боже, уже два мѣсяца, какъ умеръ и еще не забытъ! Такъ можно надѣяться, что память великаго человѣка переживетъ его цѣлымъ полуго-

домъ. Но, клянусь, онъ долженъ строить церкви, если не хочетъ, чтобы его забыли, какъ прошлогодній снѣгъ.

(*Звуки трубъ. Начинается пантомима. Входятъ* КОРОЛЬ *и* КОРОЛЕВА. *Они обнимаются, изъявляя знаки любви. Она становится на колѣни, дѣлаетъ знаки увѣренія: онъ подымаетъ ее, склонивъ голову на ея грудь, потомъ ложится на скамью изъ цвѣтовъ и засыпаетъ. Королева его оставляетъ. Тотчасъ послѣ того входитъ человѣкъ, снимаетъ съ него корону, цѣлуетъ ее, вливаетъ ядъ въ ухо короля и уходитъ. Королева возвращается, видитъ короля мертвымъ и дѣлаетъ патетическіе жесты. Отравитель возвращается съ двумя или тремя нѣмыми и какъ-будто опорченъ вмѣстѣ съ нею. Трупъ уносятъ. Отравитель предлагаетъ королевѣ свою руку и подарки. Сначала она кажется недовольною и несогласною, но, наконецъ, принимаетъ ихъ. Они уходятъ*).

ОФЕЛІЯ. Что это значитъ, принцъ?

ГАМЛЕТЪ. Здѣсь скрывается преступленіе?

ОФЕЛІЯ. Вѣроятно, эта пантомима показываетъ содержаніе пьесы?

Входитъ ПРОЛОГЪ.

ГАМЛЕТЪ. А вотъ мы узнаемъ отъ этого молодца. Актеры ничего не могутъ сохранить втайнѣ—все выболтаютъ.

ОФЕЛІЯ. Скажетъ онъ намъ, что значитъ это представленіе?

ГАМЛЕТЪ. Да, какъ и всякое представленіе, которое вы ему представите. Не постыдитесь только представить, а онъ не постыдится сказать вамъ, что это значитъ.

ОФЕЛІЯ. Нехорошо, принцъ, нехорошо. Я лучше буду слушать пьесу.

ПРОЛОГЪ.

Для насъ и представленья,
Въ покорномъ униженьи,
Мы просимъ снисхожденья. (*Уходитъ*).

ГАМЛЕТЪ. И только? Что жъ это: прологъ или надпись кольца?

ОФЕЛІЯ. Оно кратко.

ГАМЛЕТЪ. Какъ любовь женщины.

На сцену входятъ КОРОЛЬ *и* КОРОЛЕВА.

КОРОЛЬ (*на театрѣ*).

Ужъ тридцать разъ промчались кони Феба
Вкругъ моря и земли по тверди неба,
И тридцать лѣтъ заемный блескъ луны
То меркнулъ, то свѣтилъ съ небесной вышины,
Съ тѣхъ поръ, какъ сердце въ насъ Амуръ воспламенилъ
И руки гименей на бракъ соединилъ.

КОРОЛЕВА (*на театрѣ*).

Пусть солнце и луна свершаютъ снова
Свой горній путь; еще свѣжо и ново
Пылаетъ въ насъ любовь. Но ты забылъ
Веселье прошлое; ты такъ унылъ,
Что страшно мнѣ. Спокойся, милый другъ,
Не раздѣляй души моей недугъ.
Любовь и страхъ жены неизмѣримы:
Они ничто, иль нѣтъ предѣловъ имъ.
Ты знаешь, другъ, какъ мною ты любимъ!
Любовь и страхъ во мнѣ неукротимы:
Любовь великую страшитъ все глубоко;
Ея величіе и въ маломъ велико.

КОРОЛЬ (*на театрѣ*).

Насъ скоро, милая, разлучитъ время:
Я старъ, мнѣ не по силамъ жизни бремя.
Ты будешь жить, мой незабвенный другъ,
Средь міра свѣтлаго; другой супругъ,
Быть можетъ...

КОРОЛЕВА (*на театрѣ*).

О, молчи! Измѣна злая—
А не любовь—была бъ любовь такая.
Супругой вновь быть можетъ только та,
Кто кровью перваго обагрена.

ГАМЛЕТЪ (*въ сторону*). Пилюля хороша.

КОРОЛЕВА (*на театрѣ*).

Что новый бракъ? и что къ нему ведетъ?
Не пылъ любви, а выгоды разсчетъ.
И вновь упасть въ объятія другого
Не все ль равно, что свесть въ могилу снова
Того, кто умеръ уже разъ?

КОРОЛЬ (*на театрѣ*).

Ты мнѣ отъ сердца говоришь—я вѣрю.
Но какъ легко намѣренье забыть!
Оно всегда есть рабъ воспоминанья,
Родится сильнымъ и слабѣетъ вдругъ:
Такъ крѣпко держится зеленый плодъ,
Когда жъ созрѣетъ—съ дерева падетъ.
Естественно, что всякій забываетъ
О томъ, что долженъ самому себѣ.
На что рѣшились мы въ минуту страсти,
Со страстью и умретъ. Порывъ восторга
Или тоски умчитъ съ собою замыслъ.
Гдѣ громко изливается восторгъ,
Тамъ и тоска льетъ слезы не въ тиши,
Груститъ восторгъ, и радуется горе.
Измѣнчивъ свѣтъ; не мудрено, что въ немъ
За счастіемъ летаетъ и любовь.
Не разрѣшенъ вопросъ: любовь ли счастье,
Иль счастіе ведетъ съ собой любовь?

СОЗДАТЕЛЬ РОЛИ ГАМЛЕТА ВЪ ГЕРМАНІИ—ЗНАМЕНИТЫЙ АКТЕРЪ БРОКМАНЪ (BROCKMANN, 1745—1812) ВЪ СЦЕНѢ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ.

Гравюра знаменитаго нѣмецкаго гравера Ходовецкаго (Chodowiecky, 1726—1801).

Падетъ великій человѣкъ—любимцы
Его бѣгутъ, разбогатѣетъ бѣдный —
Его враги вдругъ сдѣлались друзьями.
Такъ, кажется, любовь бѣжитъ за счастьемъ.
Когда друзья не нужны—много ихъ;
А обратись къ кому-нибудь въ нуждѣ—
Онъ вдругъ въ врага преобразится.
Окончу тѣмъ, съ чего началъ: судьба
И воля въ насъ всегда съ собою въ ссорѣ,
Всѣ замыслы уничтожаетъ жребій;
Мы думаемъ, а исполняетъ онъ.
Ты не желаешь быть женой другого,
Но эта мысль умретъ со мною вмѣстѣ.

Королева (*на театръ*).

О, не питай меня земля, и свѣтъ небесный
Мнѣ не свѣти; ночь, не давай покоя,
И день—утѣхъ; пусть всѣ мои надежды
Умчитъ порывъ отчаянья, а цѣпи
И постъ пусть будутъ жребіемъ моимъ!
Пусть все, что потемняетъ въ сердцѣ радость,
Изсушитъ цзѣтъ любимѣйшихъ желаній!
И здѣсь, и тамъ со мною будь страданье,
Когда, вдова, я стану вновь невѣстой!

Гамлетъ (*Офеліи*). Что жъ, если она нарушитъ клятву?

Король (*на театръ*).

Довольно клятвъ! Оставь меня теперь!
Я утомленъ и отдохнуть желаю:
Пусть сонъ отгонитъ отъ меня заботы.
(*Онъ засыпаетъ*).

Королева (*на театръ*).

Спи, милый другъ! Благословенье мира
Да ниспошлетъ на насъ Господь. (*Уходитъ*).

Гамлетъ. Какъ вамъ нравится пьеса, матушка?

Королева. Мнѣ кажется, королева наобѣщала слишкомъ много.

Гамлетъ. О, да, вѣдь, она сдержитъ слово!

Король. Ты знаешь содержаніе? Нѣтъ ли чего-нибудь непозволительнаго?

Гамлетъ. Нѣтъ, нѣтъ, они только шутятъ: отравляютъ шутя. Ничего непозволительнаго.

Король. А какъ называется пьеса?

Гамлетъ. Мышеловка. Какъ это? Метафорически. Это представленіе убійства, совершеннаго въ Вѣнѣ. Гонзаго имя герцога, жена его Баптиста. Вы сейчасъ увидите: это злодѣйское дѣло. Но что до того? До вашего величества и до насъ оно не касается. Совѣсть у насъ чиста, а шапка горитъ только на ворѣ.

На сцену входитъ Луціанъ.

Гамлетъ. Это Луціанъ, племянникъ короля.

Офелія. Вы берете на себя обязанность хора, принцъ.

Гамлетъ. И могъ бы быть посредникомъ между вами и вашимъ любовникомъ, если бы вамъ вздумалось сыграть такую комедію.

Офелія: Вы остры, принцъ, вы остры.

Гамлетъ. Да, вамъ пришлось бы постонать, пока притупится моя острота.

Офелія. Часъ отъ часу хуже.

Гамлетъ. Такъ же, какъ вы выбираете себѣ мужей. Начинай убійца. Оставь свою негодную мимику и начинай!
И воронъ, каркая, ко мщенію зоветъ!

Луціанъ (*на театръ*).

Мой ядъ готовъ; рука вѣрна — и мысли
черны!
Безлюдно здѣсь—и часъ благопріятенъ.
Ты, острый сокъ полуночной травы,
Проклятіемъ Гекаты утонченный,
Пусть силою твоихъ волшебныхъ чаръ
Мгновенно въ немъ исчезнетъ жизни даръ.

(*Онъ вливаетъ ядъ въ ухо спящаго*).

Гамлетъ. Онъ отравляетъ его въ саду, чтобы завладѣть его царствомъ. Имя его Гонзаго. Исторія на-лицо: она превосходно описана по-итальянски. Вы сейчасъ увидите, какъ убійца вкрадется въ любовь супруги Гонзаго.

Офелія. Король встаетъ.

Гамлетъ. Какъ? испуганъ ложною тревогой?

Королева. Что съ тобою, другъ мой?

Полоній. Прекратите представленіе.

Король. Посвѣтите мнѣ! Идемъ!

Полоній. Огня! огня! огня!

(*Всѣ, кромѣ Гамлета и Горація, уходятъ*).

Гамлетъ.

А, раненый олень лежитъ,
А лань здоровая смѣется.
Одинъ заснулъ, другой не спитъ—
И такъ на свѣтѣ все ведется!

Что? развѣ эта штука, съ лѣсомъ перьевъ на головѣ и парой бантовъ на башмакахъ, не доставили бы мнѣ мѣста въ трупѣ актеровъ, если бы остальное счастье мое меня и покинуло?

Горацio. Да, на половинномъ жалованьи.

Гамлетъ. Нѣтъ, на полномъ.

Ты знаешь, милый мой Дамонъ:
Юпитеръ украшалъ престолъ—
И кто жъ теперь возсѣлъ на тронъ?
Всесовершеннѣйшій... попугай.

Горацio. Вы могли бы поставить риѳму.

Гамлетъ. О, любезный Горацio, я тысячи прозакладую за слова духа. Замѣтилъ ты?

Горацio. И очень хорошо.

Гамлетъ. Когда говорили объ отравленіи?

Горацio. Я пристально наблюдалъ за нимъ.

Гамлетъ. Ха-ха-ха! Музыку! Ей, флейтщики!

О, если нашъ театръ не нравится ему,
Такъ, значитъ, онъ—не нравится ему.
Музыку!

Входятъ Розенкранцъ *и* Гильденштернъ.

Гильденштернъ. Принцъ, позвольте сказать вамъ пару словъ.

Гамлетъ. Цѣлую исторію.

Гильденштернъ. Его величество...

Гамлетъ. Ну, что съ нимъ?

Гильденштернъ. Онъ удалился въ свою комнату и очень нездоровъ.

Гамлетъ. Отъ вина?

Гильденштернъ. Нѣтъ, отъ желчи.

Гамлетъ. Вамъ слѣдовало бы показать больше здраваго смысла и извѣстить объ этомъ доктора, потому что если я пропишу ему лѣкарство, такъ желчь его разольется, можетъ быть, еще больше.

Гильденштернъ. Принцъ, приведите въ порядокъ ваши рѣчи и не отдаляйтесь такъ отъ предмета моего порученія.

Гамлетъ. Я сталъ ручнымъ—говорите.

Гильденштернъ. Королева, матушка ваша, въ глубочайшей скорби сердца, послала меня къ вамъ.

СЦЕНА ПРЕДСТАВЛЕНІЯ.

Картина современнаго англійскаго художника Эбби (Abbey).

Гамлетъ. Добро пожаловать.

Гильденштернъ. Нѣтъ, принцъ, эта вѣжливость не у мѣста. Если вамъ угодно дать мнѣ здравый отвѣтъ, я исполню приказаніе вашей матушки, если же—нѣтъ, такъ извините: я удаляюсь—и дѣло мое кончено.

Гамлетъ. Я не могу.

Гильденштернъ. Что, принцъ?

Гамлетъ. Дать вамъ здравый отвѣтъ: мой умъ боленъ. Отвѣтъ, какой въ моей власти—къ вашимъ услугамъ или, лучше сказать, къ услугамъ матушки. Итакъ, безъ околичностей, къ дѣлу. Матушка, говорите вы...

Розенкранцъ. Говоритъ вотъ что: ваше поведеніе удивило, изумило ее.

Гамлетъ. О, дивный сынъ, который можетъ изумлять такъ мать свою! Но развѣ за этимъ родительскимъ изумленіемъ ничего не слѣдуетъ? Говорите.

Розенкранцъ. Она желаетъ поговорить съ вами въ своей комнатѣ, прежде чѣмъ вы ляжете спать.

Гамлетъ. Я повинуюсь, хоть будь она десять разъ моею матерью. Есть у васъ до меня еще какое-нибудь дѣло?

Розенкранцъ. Когда-то вы меня любили, принцъ.

Гамлетъ. И теперь еще, клянусь этой парой воровскихъ крючковъ!

Розенкранцъ. Принцъ, что причиною вашего разстройства? Поистинѣ, вы налагаете цѣпи на вашу свободу, скрывая грусть свою отъ друга.

Гамлетъ. Мнѣ нельзя возвыситься.

Розенкранцъ. Какъ можетъ это быть, когда самъ король назначилъ васъ наслѣдникомъ датскаго престола?

Гамлетъ. Да; однако же „покуда травка подростетъ...“ Впрочемъ, пословица эта устарѣла.

Входятъ флейтщики.

Гамлетъ. А, флейты! Подайте мнѣ одну изъ нихъ. (*Беретъ флейту. Гильденштерну*). На пару словъ! (*Отводитъ Гильденштерна въ сторону*). Зачѣмъ ухаживаете вы за мною, какъ-будто хотите заманить меня въ сѣти?

Гильденштернъ. О, принцъ, если преданность моя слишкомъ смѣла, это значитъ, что я люблю васъ слишкомъ глубоко.

Гамлетъ. Я плохо васъ понимаю. Не угодно ли сыграть что-нибудь на флейтѣ?

Гильденштернъ. Я не умѣю, принцъ.

Гамлетъ. Прошу васъ.

Гильденштернъ. Повѣрьте, я не умѣю.

Гамлетъ. Сдѣлайте одолженіе.

Гильденштернъ. Но я не знаю, какъ взяться за нее, принцъ.

Гамлетъ. Это такъ же легко, какъ лгать. Пусть пальцы и клапаны управляютъ отверстіями; дайте инструменту дыханіе изъ вашихъ устъ—и онъ заговоритъ краснорѣчивѣйшею музыкою. Смотрите, вотъ какъ надо это дѣлать.

Гильденштернъ. Я не владѣю искусствомъ извлекать гармонію.

Гамлетъ. Видишь ли, какую ничтожную вещь ты изъ меня дѣлаешь? Ты хочешь играть на мнѣ, ты хочешь проникнуть въ тайны моего сердца, ты хочешь испытать меня отъ низшей до высочайшей ноты. Вотъ въ этомъ маленькомъ инструментѣ много гармоніи, прекрасный голосъ—и ты не можешь заставить говорить его. Чортъ возьми, думаешь ты, что на мнѣ легче играть, чѣмъ на флейтѣ? Назови меня, какимъ угодно, инструментомъ — ты можешь меня разстроить, но не играть на мнѣ.

Входитъ Полоній.

Гамлетъ. Здравствуйте.

Полоній. Королева желаетъ говорить съ вами, принцъ, и притомъ—сейчасъ.

Гамлетъ. Видите это облако? точно верблюдъ.

Полоній. Клянусь святой обѣдней, совершенный верблюдъ.

Гамлетъ. Мнѣ кажется, оно похоже на хорька.

Полоній. Спина точь-въ-точь какъ у хорька.

Гамлетъ. Или какъ у кита?

Полоній. Совершенный китъ.

Гамлетъ. Такъ я иду къ матушкѣ сію минуту. (*Тихо*). Они дурачатъ меня такъ, что мое терпѣніе лопается. (*Полонію*). Иду сію минуту.

Полоній. Я сейчасъ доложу. (*Уходитъ*).

Гамлетъ. Легко сказать: сію минуту! Оставьте меня, друзья.

(*Розенкранцъ, Гильденштернъ, Горацію и другіе уходятъ*).

Вотъ часъ духовъ! Гробы стоятъ отверсты,
И самый адъ на міръ заразой дышетъ.
Теперь отвѣдать бы горячей крови,
Теперь ударъ бы нанести, чтобъ дрогнулъ
Веселый день .. Но къ матери пора!
О, сердце, не забудь твою природу!
Пусть въ эту грудь не вступитъ духъ Нерона!
Будь человѣчески жестокъ, о Гампетъ!
Кинжалы на словахъ, но не на дѣлѣ!
Полицемѣрьте же, языкъ и сердце!
Какъ ни язвили бы мои слова,
Исполнить ихъ, душа, не соглашайся.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Комната въ замкѣ.

Входятъ король, Розенкранцъ *и* Гильденштернъ.

Король.

Я дольше не могу его терпѣть:
Его безуміе грозитъ бѣдою.
Готовьтесь въ путь: вамъ выдадутъ сейчасъ же
Приказъ въ Британію уѣхать съ принцемъ.
Я, какъ монархъ, не долженъ допускать
Бѣду такъ близко, а она грозитъ
Въ его безуміи ежеминутно.

Гильденштернъ.

Мы изготовимся. То страхъ священный,
Благоразумный—сохранить для жизни
Такъ много, много душъ, живущихъ вами.

Розенкранцъ.

Простой и честный человѣкъ обязанъ
Стоять за жизнь всей силою души;
Тѣмъ больше тотъ, отъ сохраненья силъ
Котораго зависитъ счастье многихъ.
Монархъ не можетъ умереть одинъ:
Въ свое паденье увлекаетъ онъ
Все близкое, какъ горный водопадъ.
Онъ—колесо гигантскаго размѣра,
Стоящее на высотѣ горы,
И тысячи вещей прикрѣплены
Къ его огромнымъ и могучимъ спицамъ;
Падетъ оно—ужасное паденье
Раздѣлятъ съ нимъ всѣ вещи мелочныя.
Еще монархъ ни разу не вздыхалъ,
Чтобы народъ съ нимъ вмѣстѣ не страдалъ.

Король.

Прошу, готовьтесь въ путь. На этотъ страхъ
Должны мы наложить оковы.
Его свобода слишкомъ велика.

Розенкранцъ *и* Гильденштернъ.

Мы поспѣшимъ. (*Уходятъ*).

Входитъ Полоній.

Полоній.

Онъ къ матери идетъ, мой государь.
Я стану за ковромъ, чтобы услышать

СЦЕНА ПРЕДСТАВЛЕНІЯ. („ГАМЛЕТЪ". Дѣйств III. сц. 2).

Картина извѣстнаго англійскаго художника Маклайза (Maclise, 1811—1870).

Ихъ разговоръ. Повѣрьте, королева
Его порядкомъ побранитъ; но должно,
Какъ вы сказали —а сказали вы умно—
Чтобъ кто-нибудь, свидѣтель посторонній,
Ихъ разговоръ подслушалъ тихомолкомъ
Затѣмъ, что мать пристрастна отъ природы.
Прощайте, государь. Я къ вамъ зайду
И разскажу, что удалось узнать.

Король.

Благодарю, мой дорогой Полоній.

(*Полоній уходитъ*).

Смрадъ моего грѣха доходитъ къ небу;
На мнѣ лежитъ древнѣйшее проклятье—
Убійство брата. Не могу молиться,
Хотя влечетъ меня къ молитвѣ воля.
Сильнѣйшій грѣхъ сражаетъ силу слова,
И я, какъ человѣкъ съ двоякимъ долгомъ,
Стою въ сомнѣніи—съ чего начать?
А дѣло позабылъ. Будь кровью брата
Насквозь проникнута моя рука,
Что жъ? развѣ нѣтъ дождя на небесахъ,
Чтобъ убѣлить ее, какъ снѣгъ весенній?
Зачѣмъ же есть святое милосердье,
Какъ не затѣмъ, чтобы прощать грѣхи?
И развѣ нѣтъ двойной въ молитвѣ силы—
Паденье грѣшника остановить
И падшимъ милость испросить? Взгляну горѣ:
Мой грѣхъ свершенъ. Но какъ молиться мнѣ?
„Прости мнѣ гнусное убійство?“ Нѣтъ,
Тому не быть! Я все еще владѣю
Всѣмъ, что меня къ убійству повлекло:
Короной, честолюбіемъ, женой.
Простятъ ли тамъ, гдѣ грѣхъ еще живетъ?
Въ испорченномъ житьѣ на этомъ свѣтѣ
Горсть золота въ преступника рукѣ
Искупитъ казнь; постыдною цѣною
Закона власть нерѣдко подкупали.
Но тамъ не такъ! Обманъ тамъ не поможетъ:
Дѣянья тамъ въ ихъ настоящемъ видѣ.
И сами мы должны разоблачать
Своихъ грѣховъ преступную природу.
Итакъ, что остается мнѣ? Подумать,
Раскаянье, что можетъ совершить?
Что невозможно для него? Но если
Нѣтъ силъ къ раскаянью—оно безсильно.
О, горе мнѣ! О, грудь, чернѣе смерти!
Душа, въ борьбѣ за свѣтлую свободу,
Еще тѣснѣй закована въ цѣпяхъ.
Спасите, ангелы! Копѣни, гнитесь!
Стальная грудь, смягчись, какъ грудь ребенка!
Быть можетъ, вновь все будетъ хорошо.

(*Становится на колѣни*).

Входитъ Гамлетъ.

Гамлетъ.

Теперь легко я могъ бы совершить:
Онъ молится. Теперь я совершу—

ГАМЛЕТЪ и МАТЬ. (Дѣйствіе III, сц. 4).
Изъ литографіи Ежена Делакруа (Eugène Delacroix).

И духъ его пойдетъ на небеса,
И я отмщенъ? Что жъ это будетъ значить:
Злодѣй убилъ родителя, а я,
Я, сынъ его, единственный на свѣтѣ,
На небеса злодѣя отправляю!
Нѣтъ, то была бъ награда, а не месть.
Въ безпечномъ снѣ отца онъ умертвилъ,
Въ веснѣ грѣховъ цвѣтущаго, какъ май.
Что сталось съ нимъ, то вѣдаетъ Создатель:
Но думаю, судьба его тяжка.
Отмщу ли я, убивъ его въ молитвѣ,
Готоваго въ далекую дорогу?
Нѣтъ, мечъ въ ножны! ты будешь обнаженъ
Ужаснѣе: когда онъ будетъ пьянъ,
Во снѣ, въ игрѣ, въ забавахъ сладострастныхъ,
Съ ругательствомъ въ устахъ, среди занятій,
Въ которыхъ нѣтъ святыни и слѣда—
Тогда рази, чтобы пятами къ небу
Онъ въ тартаръ полетѣлъ съ душою черной
И проклятой, какъ адъ. Мать ждетъ меня.
Живи еще, но ты уже мертвецъ. (*Уходитъ*).

Король (*встаетъ*).

Слова летятъ, но мысль моя лежитъ;
Безъ мысли слово къ небу не взлетитъ.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Комната королевы.

Входятъ КОРОЛЕВА *и* Полоній.

Полоній.

Сейчасъ придетъ. Вы будьте съ нимъ
построже;
Скажите, что его поступковъ дерзость
Нельзя терпѣть, что вашимъ заступленьемъ
Утишенъ гнѣвъ обиженнаго дяди.
Я спрячусь здѣсь. Прошу васъ, не щадите.

Королева.

Ручаюсь вамъ; о мнѣ не безпокойтесь.
Я слышу онъ идетъ—уйдите.

(*Полоній прячется за коверъ*).

Входитъ Гамлетъ.

Гамлетъ.

Ну, матушка, скажите, что угодно?

Королева.

Отецъ твой, Гамлетъ, оскорбленъ тобою.

Гамлетъ.

Увы, отецъ мой вами оскорбленъ.

Королева.

Ну, полно, сынъ, ты отвѣчаешь дерзко.

Гамлетъ.

И, полно, матушка: вы говорите зло.

Королева.

Что это значитъ, Гамлетъ?

Гамлетъ.

Что такое?

Королева.

Иль ты забылъ меня?

Гамлетъ.

О, нѣтъ, клянусь вамъ Богомъ!
Царица вы, вы—деверя супруга,
И—если бы не такъ—моя вы мать.

Королева.

Такъ пусть съ тобой другіе говорятъ.

Гамлетъ.

Постой, садись: ты съ мѣста не сойдешь,
Пока я зеркала тебѣ не покажу,
Въ которомъ ты свою увидишь душу.

Королева.

Что хочешь дѣлать ты? Убить меня?
Эй, помогите!

Полоній (*за ковромъ*).

Помогите! эй!

Гамлетъ.

Какъ! мышь? (*Обнажаетъ шпагу*).
Мертва, мертва, держу червонецъ!
(*Прокалываетъ шпагою коверъ*).

Полоній (*за ковромъ*).

О, я убитъ! (*Падаетъ и умираетъ*).

Королева.

О, горе! Что ты сдѣлалъ?

Гамлетъ.

Не знаю. Что? король?
(*Вытаскиваетъ Полонія изъ-за ковра*).

Королева.

Какой кровавый, необдуманный поступокъ!

Гамлетъ.

Кровавый? Да, почти такой же гнусный,
Какъ короля-супруга умертвить
И вслѣдъ за тѣмъ съ его вѣнчаться братомъ.

Королева.

Какъ короля убить?

Гамлетъ.

Да, такъ сказалъ я.

(*Полонію*).

Ты, жалкій, суетливый шутъ, прощай.
Тебя я высшимъ счелъ: возьми свой жребій!
Ты видишь, поспѣвать вездѣ—опасно.

(*Королевѣ*).

Да не ломай такъ рукъ, потише! Сядь!
Пусть лучше я твое сломаю сердце.
А я сломлю его, когда оно не вовсе
Преступнымъ навыкомъ закалено,
Когда для чувствъ оно еще доступно.

Королева.

Въ чемъ проступилась я, что ты дерзаешь
Такъ грозно порицать?

Гамлетъ.

Ты запятнала
Стыдливый цвѣтъ душевной чистоты:
Ты назвала измѣной добродѣтель;
Съ чела любви ты розы сорвала,
И вмѣсто ихъ невинной красоты,
Цвѣтетъ болѣзнь; въ твоихъ устахъ, о
матерь,
Обѣтъ при брачномъ алтарѣ сталъ ложенъ,
Какъ клятва игрока! О, твой поступокъ
Исторгъ весь духъ изъ брачнаго обряда,

Въ пустыхъ словахъ излилъ всю сладость вѣры!
Горитъ чело небесъ, земли твердыня
При мрачной думѣ о твоихъ дѣлахъ
Грустна, какъ въ день передъ судомъ послѣднимъ.

КОРОЛЕВА.

О, горе мнѣ! Какой поступокъ, Гамлетъ,
Такъ громко говоритъ, гремитъ такъ грозно?

ГАМЛЕТЪ.

Взгляни сюда: вотъ два изображенья,
Портреты двухъ родныхъ по тѣлу братьевъ.
Взгляни на этотъ—что за красота!
Чело Юпитера и кудри Аполлона,
И Марса взоръ, на страхъ врагамъ горящій:
Въ немъ гордый видъ посланника боговъ,
Когда на горъ заоблачныя выси
Слетаетъ онъ съ небесъ; въ его чертахъ
Видна печаль всѣхъ жителей Олимпа,
Чтобъ міръ призналъ, что онъ былъ человѣкъ:
То былъ твой мужъ. Теперь взгляни сюда!
Вотъ твой супругъ: онъ, какъ сожженный колосъ,
Похитилъ жизнь у брата своего.
Есть очи у тебя? Могла ты бросить
Прекрасный лугъ нагорной вышины,
Чтобы гнилымъ питать себя болотомъ?
Есть очи у тебя? Нѣтъ, ты не можешь
Назвать любовь: въ твои лѣта не пышетъ
Огонь въ крови, она уже покорно
Ждетъ выводовъ ума. Но чей разсудокъ
Могъ привести отъ этого къ тому?
Ты чувствъ не лишена; иначе, какъ
Могла бы страсть въ твое закрасться тѣло?
Но это чувственность—она больна!
Тутъ не ошибся бы и сумасшедшій.
Безумство чувственности не подавитъ
Такъ глубоко, чтобъ въ ней не оставалась
Хоть капля выбора: довольно капли,
Чтобъ здѣсь избрать. Какой же черный демонъ
Толкнулъ тебя, играя въ эти жмурки?
Глаза безъ рукъ, рука безъ глазъ и слуха,
Здоровыхъ устъ малѣйшая частица
Не промахнулася бы такъ жестоко!
Гдѣ жъ твой румянецъ, стыдъ? Когда ты можешь,
Лукавый адъ, горѣть въ костяхъ матроны,
Такъ пусть, какъ воскъ, растопится стыдливость
Горячей юности въ твоемъ огнѣ!
Не восклицай: „о, стыдъ!“ когда взыграетъ
Младая кровь: и самый снѣгъ холодный
Горитъ, а разумъ волю соблазняетъ.

ГАМЛЕТЪ: Какъ, мышь! (Дѣйств. III, сц. 4).

Знаменитый англійскій актеръ Кембль (Kemble, 1757—1823), въ роли Гамлета).

КОРОЛЕВА.

Умолкни, Гамлетъ! Въ глубь моей души
Ты обратилъ мой взоръ: я вижу пятна, —
Ихъ черный цвѣтъ впитался такъ глубоко,
Что ихъ не смыть водами океана.

ГАМЛЕТЪ.

Ужель возможно жить на гнусномъ ложѣ,
Дыша грѣхомъ, сгнивать въ его объятьяхъ,
Любить и льстить въ гнѣздѣ кровосмѣшенья?

КОРОЛЕВА.

О, замолчи! Слова твои, какъ ножъ,
Мнѣ рѣжутъ слухъ. Умолкни, милый Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Убійца и злодѣй! рабъ, недостойный
И сотой части прежняго супруга!
Король-паяцъ, укравшій діадему
И тайно спрятавшій ее въ карманъ!

КОРОЛЕВА.

Остановись!

ГАМЛЕТЪ.

Король изъ тряпокъ и лоскутьевъ...

ПОЯВЛЕНІЕ ТѢНИ ВО ВРЕМЯ РАЗГОВОРА ГАМЛЕТА СЪ МАТЕРЬЮ. (Дѣйств. III, сц. 4).

Картина Ричарда Вестолля (Richard Westall 1765—1836). Малая Бойделевская галлерея.

Входитъ Тѣнь.

Спаси меня, закрой меня крылами,
Сонмъ небожителей святыхъ!
Чего ты хочешь, образъ благородный?

Королева.

О, горе мнѣ! Что съ нимъ? Онъ обезумѣлъ!

Гамлетъ.

Ты не съ укоромъ ли явился къ сыну,
За то, что онъ не внялъ минутѣ страсти
И грознаго велѣнья не свершилъ?
Скажи!

Тѣнь.

Не позабудь! Мое явленье
Угасшій замыселъ должно воспламенить.
Взгляни: надъ матерью витаетъ ужасъ.
Стань между ней и тяжкою борьбою
Ея души: воображенье въ слабыхъ
Всего сильнѣй. Заговори съ ней, Гамлетъ!

Гамлетъ.

Что съ вами, матушка!

Королева.

О, что съ тобою,
Что ты глаза вонзилъ въ пустое мѣсто
И говоришь съ пространствомъ безтѣлеснымъ?
Въ твоихъ очахъ душа сверкаетъ дико;
Какъ спящій станъ на звукъ тревоги бранной,
Встаютъ власы на головѣ твоей!
О, милый сынъ, залей огонь недуга
Росой терпѣнія! Куда глядишь ты?

Гамлетъ.

На него.
Смотри, какъ тускло взоръ его горитъ!
И камни поняли бы горькій смыслъ
Его лица, его обиды тяжкой.
О, не гляди! Твой жалкій, грустный образъ
Смягчитъ мое суровое рѣшенье—
И я его не совершу. Быть можетъ,
Слеза, не кровь, моею местью будетъ.

Королева.

Скажи, кому ты это говоришь?

Гамлетъ.

Ты ничего не видишь тамъ, скажи?

Королева.

Нѣтъ, ничего; но все, что тамъ, я вижу.

Гамлетъ.

И ничего не слышала?

Королева.

Ни слова!

Гамлетъ.

Взгляни, смотри, какъ тихо онъ уходитъ!
Отецъ мой, точно какъ живой. Смотри:
Вонъ, вонъ идетъ онъ; вотъ выходитъ въ дверь.

(Тѣнь уходитъ).

Королева.

То лишь мечта фантазіи твоей.
Душа сильна въ созданьяхъ безтѣлесныхъ,
Когда разсудокъ горемъ омраченъ.

Гамлетъ.

Ты говоришь: „разсудокъ омраченъ“.
Мой пульсъ, какъ твой, играетъ въ стройномъ тактѣ;
Его мелодія здорова, какъ въ твоемъ;
Мои слова не бредъ души безумной.
Угодно ли—я повторю ихъ снова;
Безуміе жъ отпрянуло бы прочь.
Спасеніемъ души я заклинаю:
Не умягчай душевныхъ ранъ, о матерь,
Бальзамомъ лести—будто говоритъ

Мое безумство, а не твой проступокъ.
Ты лишь слегка покроешь злую язву,
А ядъ невидимо вопьется внутрь.
Повѣдай Господу твои грѣхи;
Покайся въ томъ, что совершила ты,
И отврати грядущее молитвой:
Не удобряй негодную траву,
Чтобъ не расла она въ избыткѣ силы;
А мнѣ—прости мою ты добродѣтель!
Въ нашъ злой, развратный вѣкъ и добродѣтель
Должна просить прощенья у порока—
Да, ползать и молить, чтобъ онъ позволилъ ей
Творить ему добро.

КОРОЛЕВА.

О, Гамлетъ, Гамлетъ,
Ты надвое мнѣ сердце растерзалъ!

ГАМЛЕТЪ.

Отбрось его худую половину,
Живи чиста съ его чистѣйшей частью.
Прощай—усни, но не на ложѣ дяди!
Пусть нѣтъ въ тебѣ добра,—по крайней мѣрѣ,
Набрось личину добрыхъ дѣлъ. Привычка—
Чудовище: она, какъ черный дьяволъ,
Познанье зла въ душѣ уничтожаетъ;
Но здѣсь она есть ангелъ благодатный:
Свершенью добрыхъ благородныхъ дѣлъ
Она даетъ удобную одежду,
Которую носить совсѣмъ легко.
Будь въ эту ночь воздержанной; потомъ
Воздержность будетъ для тебя все легче.
Привычка можетъ измѣнить природу
И чудной силой навсегда смирить
Иль истребить врага. Прощай еще разъ.
И если ты благословенья жаждешь,
Благослови меня!

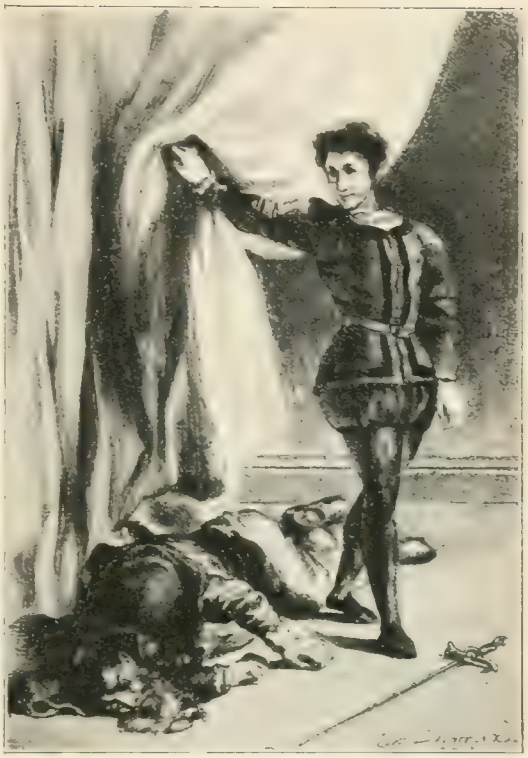
(*Полонію.*) Тебя, старикъ,
Тебя мнѣ жаль! Судьбѣ угодно было,
Чтобъ я тобой, а ты былъ мной наказанъ:
Она меня бичомъ твоимъ избрала.
За эту смерть отвѣтъ я дать съумѣю.
Я приберу его. Покойной ночи.
Я былъ жестокъ, но это отъ любви.
Зло сдѣлано—но худшее насъ ждетъ.
Еще два слова.

КОРОЛЕВА.

Что должна я дѣлать?

ГАМЛЕТЪ.

Отнюдь не то, что я тебѣ сказалъ.
Пусть этотъ царь тебя на ложе нѣги
Заманитъ вновь, зоветъ своею милой



ГАМЛЕТЪ: Ты, жалкій суетливый шутъ, прощай! (Дѣйств. III, сц. 4).
Изъ литографіи Ежена Делакруа (Eugène Delacroix).

И треплетъ по щекѣ За поцѣлуй нечистый,
За ласку проклятой руки—ты скажешь,
Что я притворствую, что я не сумасшедшій.
Да, разскажи: оно не помѣшаетъ.
Тебѣ ль, прекрасной, непорочной, умной,
Такія вещи скрыть отъ крокодила,
Отъ жабы, отъ змѣи? И кто ихъ скрылъ бы?
Нѣтъ, нѣтъ! Уму и тайнѣ вопреки,
Открой силокъ—пусть птицы разлетятся,
А тамъ сама, какъ обезьяна въ баснѣ,
Попробуй испытать его устройство—
Онъ голову тебѣ свернетъ.

КОРОЛЕВА.

Повѣрь, когда слова—дыханье жизни,
То я мертва и нѣтъ во мнѣ дыханья,
Чтобъ тайну разсказать твою.

ГАМЛЕТЪ.

Я долженъ
Уѣхать въ Англію: извѣстно вамъ?

КОРОЛЕВА.

Я позабыла. Да—такъ рѣшено.

Гамлетъ.

Приказъ готовъ, подписанъ, запечатанъ
И школьнымъ порученъ моимъ друзьямъ.
Я довѣряю имъ, какъ двумъ ехиднамъ.
Они должны дорогу мнѣ очистить,
Герольдами вести меня къ измѣнѣ—
Такъ пусть ведутъ. Забавно будетъ видѣть,
Какъ инженеръ взлетитъ съ своимъ снарядомъ.
Подъ ихъ подкопъ, когда я не обчелся,
Я подведу другой, аршиномъ глубже,
И онъ взорветъ ихъ до луны. О, какъ отрадно
Столкнуть двѣ силы на одномъ пути!
Теперь пора съ собой взять эту ношу:
Я въ ближній отнесу его покой.
Прощайте, матушка, покойной ночи.
Какъ сталъ онъ важенъ, молчаливъ и тихъ,
Глупецъ, всю жизнь болтавшій безъ умолку!
Пойдемъ, вѣдь, надобно жъ съ тобой покончить.
Покойной ночи, матушка—прощайте!
(*Уходятъ въ разныя стороны, при чемъ Гамлетъ уноситъ тѣло Полонія*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ замкѣ.

Входятъ король, королева, Розенкранцъ *и* Гильденштернъ.

Король (*королевѣ*).

Въ твоихъ глубокихъ вздохахъ
Сокрытъ какой-то смыслъ; намъ не мѣшаетъ
Узнать его—такъ объяснись. Гдѣ сынъ твой?

Королева.

Оставьте насъ.
(*Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ*).
Что видѣла я ночью!

Король.

Какъ? что, жена? Что дѣлаетъ Гамлетъ?

Королева.

Свирѣпствуетъ, какъ ураганъ на морѣ:
Въ безумной ярости онъ вдругъ услышалъ
Какой-то шорохъ за ковромъ—мгновенно
Онъ шпагу выхватилъ и, съ крикомъ: „мышь“,
Не видя, старика убилъ.

Король.

Ужасно!
То было бъ и со мною—будь я тамъ.
Его свобода угрожаетъ всѣмъ:
Тебѣ и мнѣ, и всякому другому.
Кто дастъ отвѣтъ въ такомъ кровавомъ дѣлѣ?
На насъ падетъ упрекъ, что мы безумца
Отъ общества людей не удалили.
Но насъ любовь къ Гамлету ослѣпила:
Я не хотѣлъ понять, что намъ полезно;
Я скрылъ его, какъ гнусную болѣзнь,
Отъ взоровъ всѣхъ — и ядъ впитался въ тѣло
И отравилъ всю кровь. Куда пошелъ онъ?

Королева.

Понесъ убитаго. На этотъ разъ
Его безумство оказалось чистымъ,
Какъ искра золота въ простой рудѣ.
Онъ слезы льетъ о томъ, что совершилъ.

Король.

Пойдемъ, Гертруда.
Какъ скоро солнце горы озаритъ,
Онъ сядетъ на корабль. Мы всѣмъ искусствомъ
И всѣмъ могуществомъ должны покрыть
И извинить его поступокъ гнусный.
Эй, Гильденштернъ!
(*Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ*).
Друзья, возьмите въ помощь
Себѣ кого-нибудь и поспѣшите...
Въ припадкѣ бѣшенства, Гамлетъ убилъ
Полонія и утащилъ съ собою
Изъ комнатъ матери. Сыщите принца,
Поговорите съ нимъ словами ласки,
А трупъ велите отнести въ часовню.
Прошу скорѣй!
(*Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.*)
Пойдемъ, пойдемъ, Гертруда.
Мы созовемъ умнѣйшихъ изъ друзей:
Откроемъ имъ, что сдѣлать мы готовы,
И что, къ несчастію, совершено.
Такъ, можетъ быть, шипѣніе злословья,

БЕЗУМНАЯ ОФЕЛІЯ ПРЕДЪ КОРОЛЕМЪ и КОРОЛЕВОЙ.

Картина извѣстнаго англійскаго художника Бенджамина Уэста (Benjamin West, R. A., 1738—1820). Малая Бойделевская галлерея.

Ка́къ выстрѣлъ пушечный, до вѣрной цѣли
Несущее изъ края въ край земли
Свой острый ядъ, промчится мимо насъ
И ранитъ лишь нераздѣлимый воздухъ.
Пойдемъ, пойдемъ! Моя душа
Борьбы и ужаса полна.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Другая комната въ замкѣ.

Входитъ Гамлетъ.

Гамлетъ. Надежно запрятанъ.

Розенкранцъ *и* Гильденштернъ (*за сценой*). Гамлетъ! принцъ Гамлетъ!

Гамлетъ. Тс! Что за шумъ? Кто зоветъ Гамлета? А, вотъ они!

Входятъ Розенкранцъ *и* Гильденштернъ.

Розенкранцъ. Что вы сдѣлали съ трупомъ, принцъ?

Гамлетъ. Пріобщилъ его къ праху, которому онъ сродни.

Розенкранцъ.

Скажите, гдѣ, чтобъ мы могли въ часовню
Его отнесть.

Гамлетъ.

О, нѣтъ, не вѣрьте!

Розенкранцъ. Чему не вѣрить?

Гамлетъ. Чтобы я умѣлъ беречь вашу тайну, а свою нѣтъ. И кромѣ того—отвѣчать на вопросы губки. Что отвѣчать на это сыну короля?

Розенкранцъ. Вы меня принимаете за губку, принцъ?

Гамлетъ. Да, за губку, которая всасываетъ выраженіе лица, повелѣнія и милости короля. И такіе-то люди оказываютъ подъ-конецъ королю самую лучшую услугу: онъ держитъ ихъ, какъ обезьяна лакомый кусочекъ, за щекою; прежде всѣхъ возьметъ ихъ въ ротъ и послѣ всѣхъ съѣстъ. Когда ему по-

надобится то, что ты всосалъ, ему стоитъ только подавить тебя—и ты опять сухая губка.

Розенкранцъ. Я не понимаю васъ.

Гамлетъ. Очень радъ: острое слово спитъ въ ушахъ глупца.

Розенкранцъ. Принцъ, вы должны сказать намъ, гдѣ трупъ, и итти съ нами къ его величеству.

Гамлетъ. Трупъ у короля, однако же короля нѣтъ при трупѣ. Король есть нѣчто...

Гильденштернъ. Нѣчто?

Гамлетъ. Или ничто. Пойдемъ къ нему. *(Уходятъ.)*

СЦЕНА III.

Другая комната въ замкѣ.

Входитъ король *со свитою.*

Король.

Я трупъ и принца отыскать велѣлъ.
О, какъ опасно, что его свобода
Не ограничена! Но я не смѣю
Съ нимъ поступить по строгости законовъ:
Онъ такъ любимъ безсмысленной толпой,
Любящей взорами, а не разсудкомъ.
А если любятъ *такъ*—передъ глазами
Одно страданіе, а не вина.
Чтобъ сгладить все, внезапная поѣздка
Должна плодомъ разсчета показаться.
Одно отчаянное средство можетъ
Болѣзнь отчаянную излѣчить.

Входитъ Розенкранцъ.

Король.

Ну, что?

Розенкранцъ.

Куда онъ мертваго запряталъ,
Никакъ не удалось намъ допытаться.

Король.

А гдѣ онъ самъ?

Розенкранцъ.

Недалеко отсюда,
Со стражею, ждетъ вашихъ приказаній.

Король. Приведите его сюда.

Розенкранцъ. Гильденштернъ, введите принца.

Входятъ Гамлетъ *и* Гильденштернъ.

Король. Ну, Гамлетъ, гдѣ Полоній?

Гамлетъ. За ужиномъ.

Король. За ужиномъ?

Гамлетъ. Только не онъ кушаетъ, а его кушаютъ! Конгрессъ политическихъ червей только-что за него принялся. А что касается съѣстного, такъ этакой червячишка единственный монархъ. Мы откармливаемъ животныхъ, чтобы откормить себя, а себя—для червей. Жирный король и тощій бѣднякъ—только различныя кушанья, два блюда для одного стола. Этимъ все кончается.

Король. Увы!

Гамлетъ. Дѣло возможное—удить червякомъ, который ѣлъ короля, и скушать потомъ рыбу, проглотившую червяка.

Король. Что ты хочешь этимъ сказать?

Гамлетъ. Я хочу только показать вамъ, какъ король можетъ прогуляться по пищеварительнымъ органамъ нищаго.

Король. Гдѣ Полоній?

Гамлетъ. На небесахъ. Пошлите справиться; если же вашъ посланный не найдетъ его тамъ, ищите сами въ другомъ мѣстѣ. Однако же увѣряю васъ, если вы не отыщете его въ продолженіе мѣсяца, такъ онъ самъ скажется вашему носу на лѣстницѣ, что ведетъ въ галлерею.

Король (*свитѣ*). Ступайте, ищите его тамъ!

Гамлетъ. Онъ васъ подождетъ.

(Нѣкоторые изъ свиты уходятъ).

Король.

О безопасности твоей, мой Гамлетъ,
Я столько жъ безпокоюсь, какъ жалѣю
О томъ, что сдѣлалъ ты: ты долженъ быстро,
Какъ молнія, отсюда удалиться.
Готовься въ путь! корабль уже готовъ,
Матросы ждутъ, попутный вѣтеръ вѣетъ:
Все въ Англію бѣжать тебѣ велитъ.

Гамлетъ.

Что—въ Англію?

Король.

Да, Гамлетъ.

Гамлетъ.

Хорошо.

Король.

Да, точно такъ, когда бы могъ ты видѣть
Мои намѣренья.

Гамлетъ.

Я вижу херувима,
Который видитъ ихъ.
Однако, идемъ! Въ Англію! Счастливо оставаться, любезнѣйшая матушка.

Король. Твой любящій отецъ, Гамлетъ.

Гамлетъ. Моя мать. Отецъ и мать—мужъ

БЕЗУМНАЯ ОФЕЛІЯ ПРЕДЪ КОРОЛЕМЪ и КОРОЛЕВОЙ.

Картина знаменитаго нѣмецкаго художника Ганса Макарта (Hans Mackart, 1840—1884).

и жена; мужъ и жена—одно тѣло, слѣдовательно—счастливо оставаться, матушка. Идемъ въ Англію! (*Уходитъ*).

Король.

Ступайте по пятамъ за нимъ; скорѣе
Старайтесь заманить его на бортъ.
Не медлите: онъ ночью долженъ въ путь
Отправиться. Что нужно для дороги,
Все сдѣлано. Прошу васъ, поспѣшите!

(*Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ*).

О, Англія, когда ты дорожишь
Моей любовью (власть моя научитъ
Тебя цѣнить ее: еще свѣжа
Мечомъ датчанъ нанесенная рана,
И ты покорствуешь безпрекословно),
Ты не посмѣешь пренебречь указомъ
Властителя: ты умертвишь Гамлета
Немедленно. О, умертви его!
Онъ, словно ядъ, свирѣпствуетъ во мнѣ.
Ты исцѣлишь меня! Пока онъ живъ,
И въ самомъ счастіи лишенъ я наслажденья.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Равнина въ Даніи.

Входятъ Фортинбрасъ, полковникъ *и войско.*

Фортинбрасъ.

Полковникъ, передайте мой поклонъ
Монарху Даніи и доложите,
Что Фортинбрасъ желаетъ получить
Проводниковъ для перехода войска
Черезъ владѣнія датчанъ.
Вы знаете, гдѣ насъ найти. Когда угодно
Его величеству со мной поговорить,
Я лично выполню мой долгъ. Скажите такъ.

Полковникъ.

Исполню, принцъ.

Фортинбрасъ.

Впередъ! Не торопиться!

(*Фортинбрасъ и войско уходятъ*).

Входятъ Гамлетъ, Розенкранцъ, Гильденштернъ *и другіе.*

Гамлетъ.

Мой другъ, что это за войска?

Полковникъ.

Норвежцы.

Гамлетъ.

Куда назначены?

Полковникъ.

На поляковъ.

Гамлетъ.

А кто ведетъ ихъ?

Полковникъ.

Фортинбрасъ, племянникъ
Маститаго норвежскаго монарха.

Гамлетъ.

Вся Польша вашего похода цѣль,
Или одно изъ пограничныхъ мѣстъ?

Полковникъ.

Сказать вамъ истину безъ прибавленья,
Такъ мы идемъ завоевать мѣстечко,
Которое не дастъ намъ ничего,
За исключеньемъ своего названья.
Я за него не далъ бы трехъ червонцевъ,
Да больше и не дастъ оно дохода
Ни намъ, ни Польшѣ, если бъ и продали.

Гамлетъ.

Такъ поляки и защищать его не будутъ.

Полковникъ.

О, нѣтъ, они его ужъ укрѣпили.

Гамлетъ.

Двѣ тысячи солдатъ и двадцать тысячъ
Червонцевъ не рѣшатъ ничтожный споръ!
Вотъ язва благоденствія и мира:
Она горитъ внутри, когда снаружи
Причины къ смерти нѣтъ. Благодарю васъ.

Полковникъ.

Богъ да хранитъ васъ. (*Уходитъ*).

Розенкранцъ.

Принцъ, угодно вамъ
Итти?

Гамлетъ.

Я тотчасъ буду къ вамъ, идите.

(*Розенкранцъ и прочіе уходятъ*).

Гамлетъ.

Какъ все винитъ меня! Малѣйшій случай
Мнѣ говоритъ: проснись, лѣнивый мститель:
Что человѣкъ, когда свое все благо
Онъ полагаетъ въ снѣ? Онъ звѣрь—и только.
Кто создалъ насъ съ такою силой мысли,
Что въ прошлое и въ будущность глядимъ,
Тотъ вѣрно въ насъ богоподобный разумъ
Вселилъ не съ тѣмъ, чтобъ онъ безъ всякой пользы
Истлѣлъ въ душѣ. Слѣпое ль то забвенье,
Или желаніе узнать конецъ
Со всей подробностью? О, въ этой мысли,
Какъ разложить ее, на часть ума
Три части трусости. Не понимаю,
Зачѣмъ живу, чтобъ только говорить:
„Свершай, свершай“, когда во мнѣ для дѣла
И сила есть, и средства, и желанье!
Меня зовутъ великіе примѣры,
Великіе, какъ міръ. Вотъ это войско
И юный вождь, принцъ нѣжный и цвѣтущій:
Его душа горитъ желаньемъ славы,
Лицомъ къ лицу онъ встрѣтился съ безвѣстнымъ
Исходомъ битвъ, и оболочку духа
Онъ предалъ смерти, счастью и мечамъ
Изъ-за яичной скорлупы. Великъ
Тотъ истинно, кто безъ великой цѣли
Не возстаетъ, но бьется за песчинку,
Когда задѣта честь. Каковъ же я,
Когда меня ни матери безчестье,
Ни смерь отца, ни доводы разсудка,
Ни кровь родства не могутъ пробудить?
Гляжу съ стыдомъ, какъ двадцать тысячъ войска
Идутъ на смерть и за видѣнье славы
Въ гробахъ, какъ въ лагерѣ, уснутъ. За что?
За клокъ земли, гдѣ даже нѣтъ и мѣста
Сражаться всѣмъ, гдѣ для однихъ убитыхъ
Нельзя довольно накопать могилъ.
Отнынѣ мысль проникнута будь кровью,
Иль будь ничто! (*Уходитъ*).

СЦЕНА V.

Эльсиноръ. Комната въ замкѣ

Входятъ КОРОЛЕВА, ГОРАЦІО *и* ПРИДВОРНЫЙ.

Королева.

Я не хочу съ ней говорить.

Придворный.

Она
Васъ проситъ такъ тепло и неотступно,
Что вамъ нельзя о ней не пожалѣть.

Королева.

Чего же надо ей?

Придворный.

Она мечтаетъ

Все про отца, все говоритъ, что слышно,
Какъ дуренъ свѣтъ, бьетъ въ грудь себя и стонетъ;
Малѣйшій вздоръ готовъ ее встревожить;
Въ ея словахъ нѣтъ половины смысла:
Все дико въ нихъ—они пустые звуки,
Но ихъ безобразность на заключенья
Наводитъ умъ того, кто имъ внимаетъ.
Изъ этихъ словъ съ догадкою слагаешь
Какой-то смыслъ, сокрытый въ этихъ минахъ,
Въ движеньи рукъ, въ качаньи головы;
Невольно думаешь, что много злого
Тутъ кроется, хотя ничто не ясно.

ГОРАЦІО.

Вамъ не мѣшало бъ съ ней поговорить:
Она легко къ опаснымъ заключеньямъ
Умы строптивыхъ приведетъ.

КОРОЛЕВА.

Впусти ее.

(*Горацio уходитъ*).

Больной душѣ моей малѣйшій случай
Является предвѣстникомъ несчастья.
Грѣхъ боязливъ: страшась вездѣ измѣны,
Онъ самъ себѣ невольно измѣняетъ.

ГОРАЦІО *возвращается съ* ОФЕЛІЕЙ.

ОФЕЛІЯ. Гдѣ прекрасная королева Даніи?
КОРОЛЕВА. Что съ тобою, Офелія?

ОФЕЛІЯ (*поетъ*).

Гдѣ же милый твой, дѣвица?
Онъ пошелъ къ святымъ мѣстамъ
Босикомъ и въ власяницѣ—
Скоро ль будетъ снова къ намъ?

КОРОЛЕВА. Къ чему эта пѣсня, милая Офелія?
ОФЕЛІЯ. Что вы говорите? Нѣтъ, пожалуйста, послушайте.

(*Поетъ*).

Будь покойна: схоронили—
Не воротится домой!
Вѣчный домикъ осѣнили
Крестъ и камень гробовой.

КОРОЛЕВА. Однако же, Офелія...
ОФЕЛІЯ. Пожалуйста, слушайте. (*Поетъ*).

Какъ прекрасенъ былъ твой милый...

Входитъ КОРОЛЬ.

КОРОЛЕВА. Ахъ, смотри, другъ мой!

ОФЕЛІЯ (*поетъ*).

Въ бѣломъ саванѣ, въ цвѣтахъ!
Какъ вокругъ его могилы
Всѣ стояли мы въ слезахъ!

ОФЕЛІЯ ПРЕДЪ КОРОЛЕМЪ и КОРОЛЕВОЙ.

Изъ извѣстныхъ съ 1840-хъ гг. рисунковъ очерками нѣмецкаго художника Реча (Moritz Retch, 1779—1857).

КОРОЛЬ. Что съ тобою, милая Офелія?

ОФЕЛІЯ. Благодарю васъ, ничего. Говорятъ, сова была дочь хлѣбника. Боже мой! мы знаемъ, что мы, да не знаемъ, что съ нами будетъ. Хлѣбъ-соль вамъ!

КОРОЛЬ. Намекъ на отца.

ОФЕЛІЯ. Полно объ этомъ говорить; но если васъ спросятъ, что это значитъ, такъ отвѣчайте. (*Поетъ*).

Занялась уже денница,
Валентиновъ день насталъ,
Подъ окномъ стоитъ дѣвица:
„Спишь ли, милый, или всталъ?“

Онъ услышалъ, встрепенулся,
Быстро двери отворилъ,
Съ нею въ комнату вернулся,
Но не дѣву отпустилъ.

КОРОЛЬ. Милая Офелія...

ОФЕЛІЯ. Право, обижаться нечего, а я сейчасъ кончу. (*Поетъ*).

Пресвятая! какъ безбожно
Клятву вѣрности забыть!
Ахъ, мужчинѣ только можно
Полюбить и разлюбить!

„Ты хотѣлъ на мнѣ жениться“,
Говоритъ ему она.

Онъ отвѣчаетъ:

„Позабылъ! Хоть побожиться,
Въ этомъ не моя вина“.

КОРОЛЬ. Какъ давно она въ этомъ положеніи?

ОФЕЛІЯ. Надѣюсь, все пойдетъ хорошо.

Надо быть терпѣливымъ, а невольно плачется, какъ подумаешь, что они положили его въ холодную землю. Братъ мой долженъ все узнать. Спасибо вамъ за совѣтъ. Подать мою карету! Покойной ночи, прекрасныя дамы, покойной ночи! (*Уходитъ*).

Король.

Ступай вослѣдъ, Горацio, за нею
И охраняй, пожалуйста, ее.
(*Горацio уходитъ*).
О, это ядъ глубокой скорби сердца!
Всему причиной смерть отца. Гертруда,
Невзгоды, собираясь на ловитву,
Не крадутся отдѣльно, какъ шпіоны,
Но въ тѣсно сомкнутыхъ идутъ рядахъ.
Отецъ ея убитъ, твой сынъ уѣхалъ,
Виновникъ справедливаго изгнанья;
Народъ погрязъ въ догадкахъ, въ мрачныхъ думахъ
О быстрой смерти честнаго министра...
Какъ опрометчиво мы поступили,
Похоронивъ его такъ втихомолку!
Офелія, бѣдняжечка, въ раздорѣ
Сама съ собой и съ разумомъ прекраснымъ,
А безъ него мы звѣри иль картины
Но, наконецъ, что хуже всѣхъ событій,
Лаэртъ, изъ Франціи вернувшись втайнѣ,
Питаетъ духъ угрюмый изумленьемъ
И скрылся въ облакахъ; нѣтъ недостатка
Въ наушникахъ, чтобъ заразить его
Разсказомъ ядовитымъ объ убійствѣ,
При чемъ они, за недостаткомъ знанья,
Конечно, насъ безъ страха обвинятъ.
Вотъ что меня, о милая Гертруда,
Какъ градомъ пуль изранило на смерть.
(*Шумъ за сценой*).

Королева.

О, Боже, что за шумъ?

Входитъ придворный.

король.

Сюда!
Гдѣ гвардія? Пусть защищаютъ дверь.
Что сдѣлалось?

придворный.

Спасайтесь, государь!
Самъ океанъ, сломивъ береговъ ограду,
На гладь луговъ не ринулся бъ сильнѣй,
Чѣмъ молодой Лаэртъ съ толпою черни
На вашихъ слугъ. Народъ провозглашаетъ
Лаэрта королемъ, какъ будто міръ
Едва лишь созданъ и забыта древность,
И нѣтъ обычаевъ—опоры словъ.
Они кричатъ: „мы изберемъ Лаэрта!
Лаэртъ, будь королемъ!“ Уста и шапки
До облаковъ возносятъ дикій вопль:
„Лаэртъ, будь королемъ! Лаэртъ король!“

Королева.

Какъ весело залаяли, напавъ
На ложный слѣдъ! Ошиблись, псы-датчане!
(*Шумъ за сценой*).

Король.

Дверь сломана.

Входитъ Лаэртъ *вооруженный, за нимъ* датчане.

Лаэртъ.

Гдѣ онъ—гдѣ, гдѣ король?
Вы, господа, останьтесь за порогомъ.

Датчане.

Впустите насъ съ собой!

Лаэртъ.

Нѣтъ, нѣтъ, прошу васъ.

Датчане.

Пожалуй, мы уйдемъ. (*Они уходятъ*).

Лаэртъ.

Благодарю.
Загородите дверь. Король презрѣнный,
Отдай мнѣ моего отца!

Королева.

О, успокойся,
Лаэртъ мой добрый!

Лаэртъ.

Гранъ спокойной крови
Изобличитъ во мнѣ дитя порока,
Навѣкъ стыдомъ покроетъ честь отца,
Клеймомъ разврата запятнаетъ мать!

Король.

Къ чему твое гигантское возстанье?
(*Гертрудѣ*).
Оставь его; не бойся за меня.
Вкругъ короля такая дышетъ святость,
Что, встрѣтясь съ нимъ, измѣна забываетъ
Свой черный замыселъ. Скажи, Лаэртъ,
Чѣмъ распаленъ ты такъ? Оставь, Гертруда!
Ну, говори, Лаэртъ.

Лаэртъ.

Гдѣ мой отецъ?

Король.

Убитъ, Лаэртъ!

КОРОЛЕВА.

Но не его рукою.

КОРОЛЬ.

Пусть надаетъ мнѣ досыта вопросовъ.

ЛАЭРТЪ.

Какъ онъ погибъ? О, я не допущу
Себя дурачить! Въ адъ—вассала вѣрность!
Пусть сатана возьметъ мои всѣ клятвы!
Смиренье, совѣсть—въ глубочайшій тартаръ!
Я вѣчному проклятію смѣюсь,
Такъ далеко зашелъ я; оба міра
Зову на бой, и будь со мной что будетъ!
Я одного хочу—кровавой мести
За смерть отца.

КОРОЛЬ.

И кто же помѣшаетъ?

ЛАЭРТЪ.

Одна моя, а не вселенной воля!
Я съ средствами ничтожными съумѣю
Свершить великое.

КОРОЛЬ.

Лаэртъ, послушай;
Ты хочешь знать, какъ умеръ твой отецъ?
Скажи же мнѣ: неужели на мщенье
Обрекъ ты всѣхъ, враговъ, какъ и друзей?

ЛАЭРТЪ.

Однихъ враговъ.

КОРОЛЬ.

И хочешь ты узнать ихъ?

ЛАЭРТЪ.

О, я друзей приму въ мои объятья;
Какъ пеликанъ, я ихъ своею кровью
Готовъ питать.

КОРОЛЬ.

Теперь ты говоришь,
Какъ добрый сынъ, какъ дворянинъ прямой.
Что я не виноватъ въ его убійствѣ
И истинно, глубоко огорченъ—
Ты это все увидишь такъ же ясно,
Какъ око свѣтъ дневной.

ОФЕЛІЯ.

Картина извѣстнаго французскаго художника Шарля Лемана (Charles Lehmann).

ДАТЧАНЕ *(за сценой)*.

Впустить ее!

ЛАЭРТЪ.

Что это? что за шумъ?

Входитъ ОФЕЛІЯ, *странно убранная травами и цвѣтами.*

ЛАЭРТЪ.

О, пламень, изсуши мой мозгъ; сожги,
Слеза горючая, моихъ очей кристаллы!
Клянусь Творцомъ, мнѣ за твое безумство
Заплатятъ на вѣсахъ такъ, что на землю
Падетъ моя наполненная чаша.

О, роза майская! Офелія! сестра!
Дитя невинное! О, Боже мой!
Неужли умъ дѣвицы молодой
Не крѣпче жизни старика сѣдого?
О, какъ въ любви природа утонченна!
Свой лучшій даръ, разсудокъ драгоцѣнный,
Она ее заставила отдать
Тому, кого однажды полюбила.

Офелія (*поетъ*).

Съ лицомъ непокрытымъ лежалъ онъ въ гробу:
Его опустили въ могилу;
По немъ не одну проронили слезу...

Прощай, мой голубокъ!

Лаэртъ

Имѣй ты умъ и проповѣдуй мщенье,
Такъ глубоко не тронула бъ ты насъ!

Офелія. Вамъ надо пѣть: „въ могилу, въ могилу, зовите въ могилу его!“ А какъ идетъ этотъ напѣвъ къ шуму колеса на самопрялкѣ! Вѣдь, это управитель соблазнилъ дочь своего господина.

Лаэртъ. Этотъ вздоръ значительнѣе смысла.

Офелія. Вотъ незабудки—это на память: не забывай меня, милый другъ! А вотъ павилика—она означаетъ вѣрность.

Лаэртъ. Поученіе среди безумства; помянуты любовь и вѣрность.

Офелія (*королю*). Вотъ вамъ—хмель и васильки. (*Королевѣ*). Вамъ полынь; она горька, какъ горько бываетъ раскаяніе. Вотъ—не-тронь-меня. Я хотѣла дать и фіалокъ, да всѣ онѣ завяли, когда умеръ отецъ мой. Говорятъ, онъ тихо скончался. (*Поетъ*).

Добрый молодецъ Робертъ,
Радость свѣтлая моя...

Лаэртъ.

Тоску и грусть, страданья, самый адъ—
Все въ красоту она преобразила.

Офелія (*поетъ*).

Такъ не придетъ онъ къ намъ опять?
Его намъ больше не видать?
Его ужъ нѣтъ, его ужъ нѣтъ!
Какъ опустѣлъ вдругъ бѣлый свѣтъ:
Онъ не придетъ ужъ къ намъ опять!
Его волосъ пушистыхъ ленъ
Весеннимъ снѣгомъ убѣленъ.
Но что печаль? Моей слезѣ
Не возвратить его землѣ!
Будь въ небесахъ превознесенъ!

Такъ же, какъ и всѣ христіане! Вотъ моя молитва. Счастливо оставаться. (*Уходитъ*).

Лаэртъ.

Вы это видите ль? О, Боже!

Король.

Да, Лаэртъ,
Съ твоей тоской я долженъ объясниться;
Не отрицай мои права. Иди,
Сбери умнѣйшихъ изъ твоихъ друзей—
И пусть они разсудятъ между нами.
Когда найдутъ, что стороной иль прямо
Я виноватъ, я отдаю корону,
Престолъ и жизнь—все, что моимъ зовется,
Въ вознагражденіе тебѣ; но если нѣтъ—
Довольствуйся насъ подарить терпѣніемъ:
Съ твоей душой соединясь на мщенье,
Мы возвратимъ ей миръ.

Лаэртъ.

Да будетъ такъ!
Родъ самой смерти, тайна похоронъ,
Отсутствіе меча съ гербомъ на гробѣ
И торжества въ свершеніи обряда—
Все это громко, какъ небесный громъ
Гремя, велитъ мнѣ требовать отчета.

Король.

Тебѣ дадутъ его—и мечъ возмездья
Пусть на убійцу упадетъ. Пойдемъ со мною!
(*Уходитъ*)

СЦЕНА VI.

Другая комната въ замкѣ.

Входятъ Горацio *и* слуга.

Горацio.

Кто хочетъ говорить со мной?

Слуга.

Матросы:
У нихъ есть письма къ вамъ.

Горацio.

Впусти ихъ.
(*Слуга уходитъ*).

Не знаю, кто бъ во всей вселенной
Могъ мнѣ поклонъ прислать, когда не Гамлетъ.

Входятъ матросы.

1-ый матросъ. Богъ въ помощь
Горацio. Спасибо.

ЗНАМЕНИТЫЯ АКТРИСЫ НОВѢЙШАГО ВРЕМЕНИ ВЪ РОЛИ ОФЕЛІИ.

Англійская актриса Эллень Терри (Ellen Terry).

Американско-польская актриса Модржевская (Modjeska).

О Ф Е Л І Я.

Картина проф. Константина Маковскаго. (Konstantin Makowsky, p. 1839).

ОФЕЛІЯ.

Картина извѣстнаго нѣмецкаго художника Виктора Мюллера (Victor Müller, 1829—1871).

О Ф Е Л І Я.

Картина Л. Л. Литовченки (Litowschenko, 1835—1890). Собраніе С. С. Зиновьева въ С.-Петербургѣ.

ОФЕЛІЯ.

Картина извѣстнаго современнаго англійскаго художника Марка Стона (Marcus Stone, род. 1840).

1-ый матросъ. Вотъ къ вамъ письмо отъ посланника, ѣхавшаго въ Англію, если вы Горація, какъ мнѣ сказали.

Горація (*читаетъ*). „Горація! когда ты просмотришь этотъ листокъ, доставь матросамъ доступъ къ королю: у нихъ есть къ нему письма. Мы и двухъ дней еще не были на морѣ, какъ сильный корсаръ вздумалъ за нами поохотиться. Нашъ корабль шелъ не довольно быстро, и намъ пришлось поневолѣ быть храбрыми. Во время схватки я взошелъ на корсарскій фрегатъ, но въ то же мгновеніе они отчалили отъ нашего корабля, и я одинъ попался въ плѣнъ. Они обошлись со мною какъ благородные мошенники. Впрочемъ, они хорошо знали, что дѣлаютъ; должно отплатить имъ тѣмъ же. Постарайся доставить королю посланныя письма и поспѣши ко мнѣ, какъ бы бѣжалъ отъ смерти. Я скажу тебѣ на-ушко слова, которыя тебя оглушатъ, а они все еще слишкомъ легки въ сравненіи съ ихъ содержаніемъ. Матросы приведутъ тебя ко мнѣ. Розенкранцъ и Гильденштернъ продолжаютъ свое путешествіе въ Англію. О нихъ есть много чего поразсказать. Прощай. Вѣчно твой Гамлетъ".

(*Матросамъ*).

Пойдемъ: вы отдадите ваши письма
И тѣмъ скорѣй, что надо вамъ со мною
Итти къ тому, кто вамъ вручилъ ихъ.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА VII.

Другая комната въ замкѣ.

Входятъ КОРОЛЬ *и* ЛАЭРТЪ.

КОРОЛЬ.

Теперь, Лаэртъ, ты принужденъ сознаться,
Что я не виноватъ; меня, какъ друга,
Ты долженъ въ сердцѣ заключить: ты слышалъ,
Что тотъ, кто твоего отца убилъ,
И на *мою* отваживался жизнь.

ЛАЭРТЪ.

Да, это ясно. Но скажите мнѣ,
Зачѣмъ же вы не прекратили силой
Такихъ злодѣйствъ? Величіе престола,
Разсудокъ, вашъ покой—все, наконецъ,
Хотѣло этого.

КОРОЛЬ.

По двумъ причинамъ.
Тебѣ онѣ покажутся пустыми,
Но для меня онѣ довольно сильны.
Гертруда, мать его, живетъ и дышетъ
Почти лишь имъ однимъ. Что до меня,
Я съ ней сроднился тѣломъ и душой
И, какъ звѣзда въ своей горитъ лишь сферѣ,
Такъ я угасъ бы безъ нея. Другая
Причина, что я скрылъ его проступокъ—
Народа сильная къ нему любовь.
Она съ него смываетъ всѣ пороки
И изъ цѣпей творитъ благодѣянья.
Моя стрѣла легка въ такую бурю:
Ее вонзилъ бы ураганъ въ меня,
А не въ него.

ЛАЭРТЪ.

А я отца утратилъ;
Сестра жъ во тьмѣ безумства безнадежной,
Она, чья красота и добродѣтель—
Когда погибшее позволено хвалить—
Не знала равнаго. Но, погоди:
Часъ мщенія придетъ!

КОРОЛЬ.

Однако жъ это
Тебя покоя не должно лишать.
Не почитай меня довольно слабымъ,
Чтобъ я опасность допустилъ схватить
Меня за бороду и счелъ бы это шуткой.
Ты въ скорости, Лаэртъ, услышишь больше.
Я твоего отца любилъ, но также
Мы любимъ и самихъ себя. Надѣюся,
Изъ этого ты можешь заключить...

Входитъ ВѢСТНИКЪ.

КОРОЛЬ.

Что новаго?

ВѢСТНИКЪ.

Отъ Гамлета письмо:
Вотъ къ вамъ одно, другое—къ королевѣ.

КОРОЛЬ.

Отъ Гамлета? Но кто же ихъ принесъ?

ВѢСТНИКЪ.

Матросы, государь, какъ мнѣ сказали.
Я не видалъ ихъ: эти письма отдалъ
Мнѣ Клавдіо; онъ взялъ ихъ у матросовъ.

КОРОЛЬ.

Лаэртъ, послушай, что въ письмѣ.
(*Вѣстнику*). Оставь насъ.

(*Вѣстникъ уходитъ*).

КОРОЛЬ (*читаетъ*).

„Великомощный, знайте, что я нагой высаженъ на берега вашихъ владѣній. Завтра я попрошу позволенія явиться предъ ваши королевскія очи, чтобъ разсказать вамъ, испросивъ напередъ прощеніе, причину моего внезапнаго и чудеснаго возвращенія".
Какъ? Это что? Ужели всѣ вернулись?
Иль это все не больше, какъ обманъ?

ЛАЭРТЪ.

Рука знакома вамъ?

КОРОЛЬ.

Да, почеркъ принца.
„Нагой", а здѣсь прибавлено: „одинъ".
Не можешь ли, Лаэртъ, помочь совѣтомъ?

ЛАЭРТЪ.

Мнѣ все загадочно. Но пусть придетъ:
Онъ вылѣчитъ болѣзнь моей души;
Его въ глаза я назову убійцей.

КОРОЛЬ.

О, если такъ, Лаэртъ, но полно такъ ли?
Да, иначе не можетъ быть. Ты хочешь
Принять совѣтъ мой?

ЛАЭРТЪ.

Государь, хочу,
Когда на миръ меня онъ не преклонитъ.

ОФЕЛІЯ У РѢКИ.

Картина извѣстнаго англійскаго живописца Артура Юза (Arthur Hughes, род. 1832).

Король.

Онъ миръ душевный возвратитъ тебѣ.
Вѣдь, онъ, пріѣхавши, забудетъ думать,
Что должно вновь отправиться въ дорогу.
Тогда его склоню я на поступокъ,
Давно обдуманный въ моемъ умѣ—
И онъ погибъ. Вокругъ его могилы
И вѣтеръ подозрѣнья не дохнетъ;
Да мать сама все случаю припишетъ.

Лаэртъ.

Я вамъ послѣдую—и тѣмъ скорѣе.
Когда меня орудьемъ вы избрали.

Король.

Ты угадалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ,
Тебя не разъ хвалили за искусство,
Въ которомъ ты, какъ говорятъ, великъ;
При томъ бывалъ и онъ—и ни одинъ
Изъ всѣхъ даровъ твоихъ не возбуждалъ
Въ немъ столько зависти, какъ этотъ даръ,
По-моему послѣдній.

Лаэртъ.

Что за даръ?

Король.

На шляпѣ юности пустой цвѣтокъ,
Но также нужный; легкая одежда
Прилична юношѣ, какъ шуба старику;
Тѣмъ—красота, другимъ здоровье нужно.
Здѣсь былъ, два мѣсяца тому назадъ,
Одинъ нормандецъ. Я французовъ знаю:
Самъ былъ въ походѣ противъ нихъ и видѣлъ,
Что на конѣ французы молодцы.
Но этотъ былъ какъ будто чародѣй.
Къ сѣдлу, казалось, онъ приросъ, и лошадь
Къ такимъ чудеснымъ принуждалъ движеньямъ,
Что онъ и конь его какъ будто были
Одно твореніе. Его искусство
Такъ превзошло мое воображенье,
Что я его скачковъ и оборотовъ
Постичь не въ силахъ.

Лаэртъ.

Онъ нормандецъ?

Король.

Да.

Лаэртъ.

Ламоръ, клянусь въ томъ жизнью!

Король.

Точно, онъ.

Лаэртъ.

Онъ мнѣ знакомъ: безцѣнный перлъ народа!

Король.

Разсказывая часто о тебѣ,
Онъ горячо хвалилъ твое искусство
Владѣть мечомъ, въ особенности шпагой,
И восклицалъ: „вы бъ увидали чудо,
Когда бъ ему нашелся въ битвѣ равный“.
Онъ клялся, что бойцы его отчизны
Теряли глазъ и силу, и проворство,
Сходясь съ тобою. Эти похвалы
Ядъ зависти у Гамлета развили,
И онъ желалъ, чтобъ только ты скорѣе
Пріѣхалъ къ намъ, чтобы съ тобой сразиться.
Изъ этого...

Лаэртъ.

Ну, что жъ изъ этого?

Король.

Отецъ твой дорогъ былъ тебѣ, Лаэртъ,
Иль ты—какъ скорбь на мертвомъ полотнѣ,
Лицо безъ сердца?

Лаэртъ.

Но къ чему вопросъ?

Король.

Не потому, чтобъ я питалъ сомнѣнье
Въ твоей любви къ покойному отцу;
Но знаю я—любовь рождаетъ время,
А время, говорятъ примѣръ и опытъ,
Ея огонь и искры умѣряетъ.
Средь пламени любви горитъ свѣтильня:
Ея нагаръ уничтожаетъ блескъ.
Ничто не остается вѣчно годнымъ:
Избытокъ силъ уничтожаетъ жизнь.
Когда ты что-нибудь готовъ свершить,
Свершай, пока на то согласна воля.
Она измѣнчива, ослабнуть ей легко,
Легко уснуть отъ тысячи совѣтовъ,
Упасть отъ случая иль сильныхъ рукъ.
И что жъ тогда родитъ твоя готовность?
Безплодный вздохъ, вредящій облегченьемъ.
Но къ дѣлу! Гамлетъ будетъ здѣсь; тогда
На что рѣшишься ты, чтобъ не словами,
А дѣломъ доказать любовь къ отцу?

Лаэртъ.

Я въ храмъ пойду за нимъ, чтобъ отомстить!

Король.

Конечно, храмъ убійцѣ не защита,
И мщенье не должно имѣть границъ;
Но еслибъ ты убить его рѣшился,
Такъ будь же дома. Гамлетъ, возвратясь,
Услышитъ тотчасъ о твоемъ пріѣздѣ.
Мы станемъ выхвалять твое искусство,
Удвоимъ похвалы нормандца—словомъ,
Мы васъ сведемъ, устроимъ поединокъ.
Прямой, безпечный, чуждый подозрѣнья,
Рапиръ осматривать не станетъ онъ,
И ты легко, съ уловкой небольшою,
Возьмешь рапиру съ острымъ лезвеемъ
И добрымъ наградишь его ударомъ
За смерть отца.

Лаэртъ.

Я награжу его:
Я шпаги остріе намажу ядомъ.
Онъ купленъ мной у продавца лѣкарствъ
И такъ силенъ, что если омоченный
Въ его составъ коснется крови ножикъ,
Къ спасенью средства нѣтъ: во всей подлунной
Такой цѣлебной не растетъ травы,
Которая могла бъ спасти отъ смерти
Того, кто раненъ имъ. Въ такомъ-то ядѣ
Я шпагу омочу; едва коснувшись,
Она убьетъ его.

Король.

Обдумаемъ же дальше,
Какія средства приведутъ насъ къ цѣли.
Когда мы плохо разыграемъ роли
И сквозь игру проглянетъ наша мысль,
Такъ лучше бы не начинать. Намъ должно
Затѣмъ имѣть въ запасѣ планъ другой:
Пропалъ одинъ, такъ выручилъ другой.
Сообразимъ: закладъ о вашей силѣ
И ловкости предложимъ мы... Нашелъ!
Когда въ бою томить васъ станетъ жажда—
Ты выпадай нарочно съ большимъ жаромъ—
И Гамлетъ спроситъ пить, я приготовлю
Ему питье; пусть лишь омочитъ губы—
И онъ погибъ хотя бы отъ удара
Клинка смертельнаго и былъ спасенъ.
Но, тише! что за шумъ?

Входитъ Королева.

Король.

Ну что, Гертруда?

Королева.

За горемъ горе мчится по пятамъ:
Твоя сестра, Офелья—утонула.

Лаэртъ.

Какъ, утонула? Гдѣ? Творецъ небесный!

Королева.

Тамъ ива есть: она, склонивши вѣтви,
Глядится въ зеркалѣ кристальныхъ водъ.
Въ ея тѣни плела она гирлянды
Изъ лилій, розъ, фіалокъ и жасмина.
Вѣнки цвѣтущіе на вѣтвяхъ ивы
Желая размѣстить, она взобралась
На дерево; вдругъ вѣтвь подъ ней сломалась—
И въ воды плачущія пали съ нею
Гирлянды и цвѣты. Ея одежда,
Широко разстилаясь по волнамъ,
Несла ее съ минуту, какъ сирену.
Несчастная, бѣды не постигая,
Плыла и пѣла, пѣла и плыла,
Какъ существо, рожденное въ волнахъ.
Но это не могло продлиться долго:
Одежда смокла—и пошла ко дну.
Умолкли жизнь и нѣжные напѣвы!

ЛАЭРТЪ.

Такъ умерла она?

КОРОЛЕВА.

Да, умерла!

ЛАЭРТЪ.

Тебя, сестра, вода лишила жизни—
Къ чему жъ моимъ слезамъ еще катиться?
А все бѣгутъ, все на глазахъ: природа
Беретъ свое, что стыдъ ни говори.
Но пусть бѣгутъ—потомъ я снова мужъ.
Прощайте, государь. Во мнѣ есть мѣого
Словъ пламенныхъ—и вспыхнули бъ они,
Когда бы глупость та ихъ не гасила.

(Уходитъ).

КОРОЛЬ.

Пойдемъ за нимъ. Съ какимъ трудомъ, Гертруда,
Я гнѣвъ въ немъ усмирилъ! И что же? Снова
Готовъ онъ вспыхнуть. О, пойдемъ, пойдемъ!

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Кладбище.

Входятъ ДВА МОГИЛЬЩИКА, *съ заступами и другими принадлежностями.*

1-ый могильщикъ. А что, ее по-христіански будутъ хоронить? Вѣдь, она самовольно искала спасенія.

2-ой могильщикъ. Говорятъ тебѣ, по-христіански. Копай же проворнѣй могилу! Было слѣдствіе и рѣшили похоронить ее, какъ христіанку.

1-ый могильщикъ. Да какъ же это, если она утопилась не для своей защиты?

2-ой могильщикъ. Выходитъ такъ.

1-ый могильщикъ. Нѣтъ, дудки! Вѣрно, это случилось se offendendo. Вѣдь, вотъ въ чемъ дѣло; коли я топлюсь, такъ значитъ, лѣзу въ воду; а полѣзъ, такъ хотѣлъ утопиться. Стало-быть, она утопилась-то не сдуру,

2-ой могильщикъ. Не то ты говоришь.

1-ый могильщикъ. Погоди. Вотъ вода, да; а вотъ человѣкъ. Ну, идетъ онъ въ воду и топится, такъ что жъ? Вольно топиться, вольно нѣтъ, а все таки пропалъ. Слышь ты? А какъ вода-то къ нему приступитъ да зальетъ, такъ, вѣдь, онъ не самъ утопился. Стало, кто не наложитъ на себя рукъ, тотъ и жизни не укоротилъ.

2-ой могильщикъ. И въ законѣ такъ сказано?

1-ый могильщикъ. И въ законѣ такъ.

2-ой могильщикъ. А сказать правду? Не будь она дворянка, такъ не хоронили бы ее по-христіански.

1-ый могильщикъ. Твоя правда; да то-то и горе: знатнымъ господамъ и вѣшаться, и топиться сподручнѣе. Ну-тка за заступы! Садовники да могильщики самые старинные дворяне: адамово ремесло!

2-ой могильщикъ. А Адамъ былъ дворянинъ?

1-ый могильщикъ. Еще бы!

2-ой могильщикъ. Полно!

1-ый могильщикъ. Ей-ей такъ. Я задамъ тебѣ еще одинъ вопросъ, и если ты не отвѣтишь, такъ сознайся, что ты...

2-ой могильщикъ. Задавай.

1-ый могильщикъ. Кто строитъ прочнѣе каменьщика, корабельщика и плотника?

2-ой могильщикъ. Висѣльщикъ. Висѣлица переживаетъ всѣхъ своихъ жильцовъ.

1-ый могильщикъ. Не дурно. Висѣлица дѣлаетъ добро, да какъ? Она дѣлаетъ добро тѣмъ, кто самъ худо поступаетъ. А ты, вѣдь, худо сдѣлалъ, сказавши, что она состроена прочнѣе церкви; такъ, выходитъ, висѣлица сдѣлала бы тебѣ добро. Отвѣчай еще разъ.

2-ой могильщикъ. Кто строитъ прочнѣе каменьщика, корабельщика и плотника?

1-ый могильщикъ. Да, отвѣчай — и баста.

2-ой могильщикъ. А вотъ же знаю.

1-ый могильщикъ. Ну?

2-ой могильщикъ. Нѣтъ, не знаю.

ГАМЛЕТЪ *и* ГОРАЦІО *показываются вдали.*

1-ый могильщикъ. Не ломай башки. Оселъ не побѣжитъ, хоть убей его; а если

кто опять задастъ тебѣ этотъ вопросъ, такъ отвѣчай: могильщикъ. Его дома стоятъ до страшнаго суда. Сходи-ка въ питейный да принеси кварту.

(*2-ой могильщикъ уходитъ*).

1-ый могильщикъ (*копая, поетъ*).

Что я былъ за славный малый:
Волочился во всю мочь—
И какъ весело, бывало,
Проходили день и ночь.

Гамлетъ. Неужели онъ не чувствуетъ, чѣмъ занятъ! Копаетъ могилу и поетъ.

Гораціо. Привычка сдѣлала его равнодушнымъ.

Гамлетъ. Такъ обыкновенно бываетъ: чѣмъ меньше рука работаетъ, тѣмъ нѣжнѣе у нея чувство.

1-ый могильщикъ (*поетъ*).

Но пришла колдунья-старость,
Заморозила всю кровь:
Прочь прогнавши смѣхъ и шалость,
Какъ рукой сняла любовь.

(*Выбрасываетъ черепъ*).

Гамлетъ. Въ этомъ черепѣ былъ когда-то языкъ, и онъ могъ пѣть, а этотъ бездѣльникъ швырнулъ его о-земь, точно будто челюсть Каина, перваго убійцы. Можетъ быть, это была голова политика, мечтавшаго перехитрить самого Господа Бога, а этотъ оселъ перехитрилъ его теперь — не такъ ли?

Гораціо. Дѣло возможное.

Гамлетъ. Или придворнаго, которому ничего не стоило говорить: „добраго утра, ваше высочество! Позвольте пожелать вамъ всевозможнаго счастья!“ Онъ могъ быть черепомъ господина такого-то, который хвалилъ лошадь господина такого-то, потому что ему хотѣлось получить ее въ подарокъ—не такъ ли?

Гораціо. Все можетъ быть, принцъ.

Гамлетъ. И вотъ онъ сталъ достояньемъ господъ червей, сгнилъ, и челюсти его сносятъ удары отъ заступа могильщика. Превращеніе не дурно; жаль только, что мы не знаемъ искусства подсмотрѣть его. Неужели питаніе и воспитаніе этихъ костей стоило такъ мало, что ими можно играть въ кегли? Мои собственныя болятъ, когда подумаю объ этомъ.

1-й могильщикъ (*поетъ*).

Что же? Факелъ погребальный,
Изъ шести досокъ ларецъ,
Саванъ, крестъ да хоръ печальный—
Вотъ и пѣсенки конецъ.

(*Выбрасываетъ другой черепъ*).

Гамлетъ. Вотъ еще одинъ. Почему не быть ему черепомъ приказнаго. Гдѣ теперь его кляузы, ябедничества, крючки, взятки? Зачѣмъ терпитъ онъ толчки этого грубіяна и не грозится подать на него жалобу о побояхъ? Гм! Этотъ молодецъ былъ, можетъ статься, въ свое время ловкимъ прожектеромъ, скупалъ и продавалъ имѣнія. А гдѣ теперь его крѣпости, векселя и проценты? Неужели всѣми купчими купилъ онъ только клочокъ земли, который могутъ покрыть пара документовъ? Всѣ его крѣпостныя записи едвали помѣстились бы въ этомъ ящикѣ, а самому владѣльцу досталось не больше пространства—а?

Гораціо. Не болѣе, принцъ.

Гамлетъ. Пергаментъ дѣлается изъ бараньей кожи?

Гораціо. Да—и изъ телячьей.

Гамлетъ. Телята же и бараны тѣ, кто полагается на пергаментъ. Заговорю съ этимъ молодцомъ. Эй, чья это могила?

1-ый могильщикъ. Моя, сударь. (*Поетъ*).

Саванъ, крестъ да хоръ печальный—
Вотъ и пѣсенки конецъ.

Гамлетъ. Конечно, твоя, потому что ты въ ней.

1-ый могильщикъ. Вы не въ ней, значитъ, она и не ваша; а вотъ я хотя и не лежу въ ней, а она моя.

Гамлетъ. Ты лжешь, говоря, что она твоя: могилы роютъ для мертвыхъ, а не для живыхъ. Что за человѣкъ будетъ похороненъ въ ней?

1-ый могильщикъ. Никакой.

Гамлетъ. Ну, такъ женщина?

1-й могильщикъ. И не женщина.

Гамлетъ. Кто же, наконецъ?

1-ый могильщикъ. То, что было нѣкогда женщиной: теперь она скончалась—спаси Господи ея душу!

Гамлетъ. Каковъ смѣльчакъ! Съ нимъ надо говорить осторожнѣе: онъ загоняетъ словами какъ разъ. Нашъ вѣкъ, Гораціо, замѣтилъ я, такъ помѣшанъ на остротахъ, что все острятъ: и крестьянинъ и писатель; только первый обыкновенно удачнѣе. Какъ давно ты могильщикомъ?

1-ый могильщикъ. Изъ всѣхъ дней въ году я поступилъ въ могильщики именно

въ тотъ день, когда покойный король Гамлетъ побѣдилъ Фортинбраса.

Гамлетъ. А давно это?

1-й могильщикъ. Будто вы не знаете? Всякій дуракъ это знаетъ. Въ тотъ же день родился Гамлетъ, что сошелъ съ ума и отправленъ въ Англію.

Гамлетъ. Право? Зачѣмъ онъ туда отправленъ?

1-ый могильщикъ. Затѣмъ, что рехнулся. Тамъ, вишь ты, поумнѣетъ; а впрочемъ, хоть и нѣтъ, такъ въ Англіи это не бѣда.

Гамлетъ. Отчего?

1-ый могильщикъ. Тамъ не замѣтятъ: тамъ всѣ такіе жъ полоумные.

Гамлетъ. Отчего же сошелъ онъ съ ума?

1-ый могильщикъ. Да говорятъ какъ-то чудно.

Гамлетъ. Какъ чудно?

1-ый могильщикъ. Да будто бы оттого, что помѣшался.

Гамлетъ. На чемъ же онъ помѣшался?

1-ый могильщикъ. Да на датской землѣ. Вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ я здѣсь могильщикомъ.

Гамлетъ. Долго ли можетъ пролежать человѣкъ въ землѣ, не сгнивши?

1-ый могильщикъ. Если не сгнилъ заживо—а нынче это случается частенько—такъ продержится лѣтъ 8 или 9. Кожевникъ девять лѣтъ.

Гамлетъ. Отчего же онъ держится дольше другихъ?

1-ый могильщикъ. Эхъ, сударь, его работа такъ выдѣлываетъ его кожу, что она долго не пропускаетъ воды; а вода куда скоро уничтожаетъ негодные трупы. Вотъ этотъ черепъ двадцать три года пролежалъ въ землѣ.

Гамлетъ. Чей онъ?

1-ый могильщикъ. Безмозглаго дурака. Какъ вы думаете, чей?

Гамлетъ. Не знаю.

1-ый могильщикъ. Провалъ бы его побралъ, мошенника! Онъ вылилъ разъ мнѣ на голову цѣлую бутылку рейнвейна. Этотъ черепъ Іорика, что былъ шутомъ у короля.

Гамлетъ. Этотъ? (*Беретъ черепъ*).

1-ый могильщикъ. Этотъ самый.

Гамлетъ. Бѣдный Іорикъ! Я зналъ его, Гораціо: это былъ человѣкъ съ безконечнымъ юморомъ и дивною фантазіею. Тысячу разъ носилъ онъ меня на плечахъ, а теперь... Какъ отталкиваютъ мое воображеніе эти останки! Мнѣ почти дурно. Тутъ

ОФЕЛІЯ У РѢКИ.
Картина Ричарда Вестоля (Richard Westall). Малая Бойделевская галлерея.

были уста—я цѣловалъ ихъ такъ часто. Гдѣ теперь твои шутки, твои ужимки? Гдѣ пѣсни, молніи острот, отъ которыхъ всѣ пирующіе хохотали до упаду? Кто состритъ теперь надъ твоею же костяной улыбкой? Все пропало. Ступай-ка теперь въ будуаръ знатной дамы и скажи ей—пусть она хоть на палецъ наложитъ румянъ, а всетаки лицо ея будетъ, наконецъ, такимъ же. Заставь ее посмѣяться этому. Сдѣлай милость, Гораціо, скажи мнѣ только это...

Гораціо. Что, принцъ?

Гамлетъ. Какъ ты думаешь, былъ Александръ въ землѣ такимъ же?

Гораціо. Точно такимъ.

Гамлетъ. И имѣлъ такой же запахъ? Фи! (*Бросаетъ черепъ*).

Гораціо. Такой же.

Гамлетъ. До какого низкаго употребленія мы нисходимъ, Гораціо! Почему не прослѣдить воображенію благородный прахъ Александра до пивной бочки, гдѣ имъ замажутъ ея втулку?

Гораціо. Разсматривать вещи *такъ*, значило бы разсматривать ихъ слишкомъ подробно.

Гамлетъ. Нисколько. До этого можно дойти очень скромно и по пути вѣроятности. Напримѣръ: Александръ умеръ, Александръ похороненъ, Александръ сдѣлался прахомъ; прахъ—земля; изъ земли дѣлается замазка, и почему же бочкѣ не быть замазанной именно прахомъ Александра?

Кто поселялъ въ народахъ страхъ,
Предъ кѣмъ дышать едва лишь смѣли,
Великій цезарь—нынѣ прахъ,
И имъ замазываютъ щели!

Но тише! Отойдемъ: идетъ король.

Входитъ процессія. Впереди священники *съ гробомъ Офеліи, за ними* Лаэртъ *и траурная свита, потомъ* король, королева, *придворные и прочіе.*

Гамлетъ.

Король и дворъ идутъ сюда поспѣшно.
Кого они такъ скромно провожаютъ?
Какъ видно, онъ изъ знатныхъ и пресѣкъ
Самъ жизнь свою отчаянной рукою.
Посторонимся, другъ мой, поглядимъ.
(*Отходитъ съ Горація въ сторону*).

Лаэртъ.

Какіе же еще обряды будутъ?

Гамлетъ.

Вотъ благородный юноша, Лаэртъ.
Смотри!

Лаэртъ.

Какіе же еще обряды?

1-й священникъ.

Обрядъ печальный нами совершенъ,
Насколько намъ дозволено: кончина
Ея сомнительна, и если бъ высшій
Приказъ не измѣнилъ порядка церкви,
Она бъ до страшнаго суда лежала
Въ землѣ неосвященной. Прахъ и камни,
А не молитвы чистыхъ христіанъ
Должны бъ ее въ могилу провожать.
Она жъ въ вѣнкѣ дѣвическомъ лежитъ;
На гробъ легли невинные цвѣты,
И онъ святой покроется землею
При похоронныхъ звукахъ мѣди.

Лаэртъ.

Какъ—
И больше ничего?

1-й священникъ.

Нѣтъ, ничего.
Мы осквернили бы святую службу,
Пропѣвъ ей реквіемъ, какъ всѣмъ, почившимъ въ мирѣ.

Лаэртъ.

Спустите гробъ. Изъ дѣвственнаго праха
Фіалки выростутъ. Священникъ грубый,
Я говорю тебѣ: страдая въ адѣ,
Ты ангеломъ сестру мою увидишь.

Гамлетъ.

Офелія!

Королева (*бросая на гробъ цвѣты*).

Цвѣты—цвѣтку. Прощай! Ты будешь
Супругой Гамлета—мечтала я!
Не ранній гробъ твой—свадебное ложе,
Дитя прекрасное, я думала убрать.

Лаэртъ.

О, горе, горе безъ числа и мѣры
Проклятую да поразитъ главу
Того, кто погасилъ въ тебѣ разсудокъ
Своимъ злодѣйствомъ! Не бросайте землю:
Въ послѣдній разъ хочу ее обнять я!
(*Прыгаетъ въ могилу*).
Теперь надъ мертвой и живымъ насыпьте
Могильный холмъ превыше Пеліона
И звѣзднаго Олимпа голубой главы!

Гамлетъ (*приближаясь*).

Кто тотъ, кто пышно такъ здѣсь горесть выражаетъ,
Кому, остановясь въ своемъ пути,
Внимаютъ съ ужасомъ луна и звѣзды?
Я Гамлетъ, датскій принцъ!
(*Прыгаетъ въ могилу*).

Лаэртъ.

Пусть сатана твою исторгнетъ душу!
(*Борется съ Гамлетомъ*).

Гамлетъ.

Ты худо молишься. Подальше руки!
Не пылокъ я, но берегись: во мнѣ
Есть кое-что опасное. Прочь руки!

Король.

Разнять ихъ!

Королева.

Гамлетъ! Гамлетъ!

всѣ.

Господа!

Горацio.

Принцъ, успокойтесь!
(*Нѣкоторые изъ свиты разнимаютъ ихъ, и они выходятъ изъ могилы*).

Гамлетъ.

Объ *этомъ* я готовъ съ Лаэртомъ биться,
Пока глаза навѣки не померкнутъ.

Извѣстный англійскій актеръ Чарльзъ Кинъ (сынъ) (Charles Kean) въ роли Гамлета.

Королева.

О чемъ, мой милый Гамлетъ?

Гамлетъ.

Я любилъ
Офелію—и сорокъ тысячъ братьевъ
Со всею полнотой любви не могутъ
Ее любить такъ горячо. Скажи:
На что готовъ ты для нея?

Король.

Лаэртъ,
Онъ сумасшедшій.

Королева.

Ради всѣхъ святыхъ,
Оставь его!

Гамлетъ.

Скажи, на что готовъ ты? Плакать? драться?
Постить? терзать себя? пить острый ядъ?
Я то же сдѣлаю. Ты выть пришелъ?
Ты мнѣ на зло спрыгнулъ въ ея могилу?
Ты хочешь съ ней зарытымъ быть? Я тоже.
Ты говоришь о высяхъ горъ? Такъ пусть же
На насъ навалятъ милліонъ холмовъ,
Чтобъ ихъ глава страны огня коснулась
И Осса передъ нимъ была бъ песчинкой!
Я разглагольствовать умѣю, какъ и ты.

Королева.

Гамлетъ безумствуетъ; но не надолго
Припадокъ бѣшеный имъ овладѣлъ;
Мгновеніе—и онъ, какъ голубица,
Родивъ на свѣтъ дѣтей золотоперыхъ,
Опуститъ крылья на покой.

Гамлетъ.

Послушай,

За что ты такъ обходишься со мною?
Тебя всегда какъ брата я любилъ.
Да, впрочемъ, что до этого за дѣло!
Пусть силу грозную являетъ намъ Алкидъ,
А котъ мяукаетъ и песъ себѣ ворчитъ.

(*Уходитъ*).

Король.

Гораціо, прошу, иди за нимъ.

(*Гораціо уходитъ*).

Лаэртъ, вчерашній разговоръ нашъ долженъ
Твое терпѣнье укрѣпить. Гертруда,
Смотри, чтобъ сынъ твой не ходилъ безъ стражи.
Мы здѣсь живой воздвигнемъ мавзолей!
Лаэртъ, ужъ близокъ часъ успокоенья,
Но къ цѣли доведетъ одно терпѣнье.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Зала въ замкѣ.

Входятъ Гамлетъ *и* Гораціо.

Гамлетъ.

Довольно, другъ; теперь узнай другое.
Всѣ обстоятельства ты помнишь хорошо?

Гораціо.

Ихъ помнить, принцъ!

Гамлетъ.

Какой-то родъ борьбы
Въ моей груди лишалъ меня покоя.
Мнѣ чудилось, что скованъ я тѣснѣе
Убійцы въ кандалахъ. Въ одно мгновенье...
Благословенна будь моя рѣшимость!
Насъ иногда спасаетъ безразсудство,
А планъ обдуманный не удается.
Есть божество, ведущее насъ къ цѣли,
Какой бы путь ни избирали мы.

Гораціо.

Да, это вѣрно.

Гамлетъ.

Изъ моей каюты,
Набросивъ плащъ, я выскочилъ поспѣшно,
Искалъ ихъ въ тьмѣ, нашелъ благополучно,
Схватилъ пакетъ—и вновь въ мою каюту.
Мой страхъ изгналъ всю скромность изъ души,
И смѣло вскрылъ я короля приказъ.
Я подлость царскую нашелъ Гораціо:
Приказъ, чтобъ по безчисленнымъ причинамъ,
Для блага Даніи, для истребленья
Великихъ бѣдъ, грозящихъ государству,
Меня сейчасъ немедленно казнить,
И палачу не давши даже срока,
Чтобъ наточить топоръ.

Гораціо.

Возможно ль, Гамлетъ?

Гамлетъ.

Вотъ и приказъ: прочтешь въ другое время.
Но хочешь знать, какъ поступилъ я дальше?

Гораціо.

Прошу васъ, принцъ.

Гамлетъ.

Опутанный коварствомъ,
Я не успѣлъ и съ мыслями собраться,
Какъ планъ уже созрѣлъ. Присѣвъ къ столу,
Я выдумалъ и написалъ указъ.
Когда-то я, какъ знатные вельможи,
Считалъ стыдомъ имѣть хорошій почеркъ
И позабыть его хотѣлъ; теперь
Онъ службу вѣрную мнѣ сослужилъ.
Ты хочешь знать, что написалъ я?

Гораціо.

Да.

Гамлетъ.

Отъ царскаго лица я заклиналъ,
Когда Британія ему вѣрна,
Когда союзу ихъ цвѣсти, какъ пальмѣ,
И если миръ хотятъ они украсить
Вѣнкомъ неувядающихъ колосьевъ,
То чтобъ тотчасъ, бумагу прочитавши,
Посланниковъ безъ дальнихъ разсужденій,
Не давъ имъ и на исповѣдь минуты,
Лишить головъ.

Гораціо.

Но какъ же удалось вамъ
Печать къ конверту приложить?

Гамлетъ.

И тутъ
Мнѣ Провидѣнье помогло. Со мною
Была печать покойнаго отца,
Модель теперешней печати датской.
Сложивъ письмо по образцу другого,
Я сдѣлалъ надпись, приложилъ печать
И положилъ, откуда взялъ. Подлогъ
Замѣченъ не былъ. Въ слѣдующій день
Случилась битва—и конецъ ты знаешь.

Гораціо.

Такъ Гильденштернъ и Розенкранцъ пошли
На смерть.

ЗНАМЕНИТЫЙ АНГЛ. АКТЕРЪ ДЖОНЪ КЕМБЛЬ.
(John Kemble 1757—1823) въ роли Гамлета.

Портретъ кисти знаменитаго англ. живописца сэра Томаса Лауренса (sir Thomas Lawrence, P. R. A., 1769—1830).

ГАМЛЕТЪ И МОГИЛЬЩИКИ.

Картина знаменитаго франц. художника Делакруа (Eugène Delacroix, 1798—1863).

ГАМЛЕТЪ.

Они искали порученья:
Ихъ смерть мою не потревожитъ совѣсть.
Не сами ль смерть накликали они,
Ввязавшись въ дѣло? Плохо, если слабый
Бросается въ средину межъ мечей
Бойцовъ сильнѣйшихъ.

ГОРАЦІО.

Вотъ король!

ГАМЛЕТЪ.

Ну, что?
Теперь довольно ли меня задѣли?
Тому, кто отравилъ отца-монарха;
Кто матерь развратилъ; кто ловко втерся
Между избраньемъ и моей надеждой;
Кто такъ хитро свои забросилъ сѣти
На жизнь мою—съ нимъ разсчитаться
Не вправѣ ли моя рука? Не грѣхъ ли
Терпѣть, чтобъ эта язва истребила
Все тѣло до костей?

ГОРАЦІО.

Конечно, скоро
Изъ Англіи дадутъ ему извѣстье,
Какъ выполненъ его приказъ.

ГАМЛЕТЪ.

Да, скоро:
Но промежутокъ—мой. Жизнь человѣка
Быстра—и одного счесть не успѣешь.
А жаль мнѣ, другъ Горацію, что съ Лаэртомъ
Я такъ забылся: въ жребіи его
Я вижу мой. Его я уважаю;
Но, право, другъ, риторика печали
Меня взбѣсила.

ГОРАЦІО.

Тише! Это кто?

Входитъ ОЗРИКЪ.

ОЗРИКЪ. Честь имѣю поздравить ваше высочество съ пріѣздомъ.

ГАМЛЕТЪ. Благодарю покорно. (*Горацію*). Знаешь ты эту стрекозу?

ГОРАЦІО. Нѣтъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Тѣмъ лучше для тебя: знать его—уже порокъ. У него много земли и очень плодородной. Пусть скотъ будетъ царемъ скотовъ, и его ясли будутъ стоять на ряду съ царскимъ столомъ. Это сорока, но, какъ я уже сказалъ, владыка огромнаго пространства грязи.

ОЗРИКЪ. Если бы вашему высочеству было время, я желалъ бы сообщить вамъ кое-что отъ его величества.

ГАМЛЕТЪ. Я выслушаю васъ съ полнымъ вниманіемъ. Надѣньте шляпу: она для головы.

ОЗРИКЪ. Благодарю, ваше высочество; очень жарко.

ГАМЛЕТЪ. Нѣтъ, мнѣ кажется, очень холодно: вѣтеръ съ сѣвера.

ОЗРИКЪ. Точно, довольно холодно принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Однако жъ мнѣ какъ-будто ужасно жарко и душно, или можетъ быть, мое сложеніе!...

ОЗРИКЪ. Необыкновенно жарко, принцъ: такъ и душитъ, точно какъ-будто... право, я не знаю. Его величество приказалъ мнѣ извѣстить васъ, принцъ, что онъ держитъ за васъ значительное пари. Вотъ въ чемъ дѣло...

ГАМЛЕТЪ. Пожалуйста, не забывайте.

(*Онъ заставляетъ надѣть ею шляпу*).

ОЗРИКЪ. Нѣтъ, принцъ, позвольте: мнѣ такъ свободнѣе. Недавно прибылъ сюда Лаэртъ. Клянусь честью, это молодецъ, исполненный дарованій, краснорѣчивый и красавецъ! Должно отдать ему справедливость: онъ образецъ хорошаго тона; въ немъ найдете вы все, что можетъ пожелать себѣ благородный юноша.

ГАМЛЕТЪ. Исчисленіе его достоинствъ не теряетъ ничего въ вашихъ устахъ, хотя мнѣ и извѣстно, что память потеряла бы счетъ, составляя полный каталогъ его свойствъ. Да онъ и всегда былъ бы неполонъ въ сравненіи съ быстрымъ полетомъ его къ совершенству. Но, клянусь истиной панегирика, я почитаю его геніемъ первой величины и внутренніе дары духа его такъ прекрасными, такъ рѣдкими, что только зеркало можетъ изобразить равнаго ему.

ОЗРИКЪ. Ваше высочество говорите о немъ совершенно справедливо.

ГАМЛЕТЪ. Но въ чемъ же дѣло? Къ чему облекаемъ мы имя его нашимъ далеко не столь совершеннымъ дыханіемъ?

ОЗРИКЪ. Принцъ?

ГОРАЦІО. Неужели нельзя выражаться другимъ языкомъ?

ГАМЛЕТЪ. Зачѣмъ мы о немъ говоримъ?

ОЗРИКЪ. О Лаэртѣ?

ГОРАЦІО. Кошелекъ его уже опустѣлъ; всѣ золотыя слова растрачены.

ГАМЛЕТЪ. Да, о немъ.

ОЗРИКЪ. Я знаю, вы несвѣдущи.

ГАМЛЕТЪ. Желательно, чтобы вы это знали, хоть оно мнѣ немного принесетъ чести. Продолжайте.

ОЗРИКЪ. Вамъ небезызвѣстно, какими совершенствами обладаетъ Лаэртъ.

Гамлетъ. Этимъ знаніемъ я не могу похвалиться, чтобъ не равнять себя съ нимъ, такъ какъ знать совершенно другого, значитъ знать самого себя.

Озрикъ. Я хотѣлъ сказать, принцъ, что касается фехтованья: если вѣрить, что о немъ говорятъ, ему нѣтъ равнаго.

Гамлетъ. Какое его оружіе?

Озрикъ. Шпага и кинжалъ.

Гамлетъ. Стало-быть два оружія. Дальше.

Озрикъ. Король прозакладывалъ ему шесть арабскихъ жеребцовъ; Лаэртъ, съ своей стороны, какъ я слышалъ, шесть французскихъ шпагъ и кинжаловъ со всѣми принадлежностями, какъ-то: портупеями и прочимъ. Три изъ этихъ принадлежностей точно чрезвычайно красивы, соотвѣтствуютъ рукояткамъ. Эти необыкновенныя принадлежности сдѣланы съ большимъ вкусомъ.

Гамлетъ. Что вы называете принадлежностями?

Горацio. Я зналъ, что вамъ придется поучаться его комментаріями, пока онъ кончитъ.

Озрикъ. Принадлежности, принцъ — портупеи.

Гамлетъ. Это выраженіе было бы больше кстати, если бы мы могли носить при себѣ пушку, а покамѣсть пусть останутся портупеями. Однако, дальше. Шесть арабскихъ жеребцовъ противъ шести французскихъ шпагъ съ ихъ приборомъ и тремя принадлежностями съ большимъ вкусомъ— это французскій закладъ противъ датскаго. По какому же случаю они все это прозакладывали?

Озрикъ. Король держалъ пари, ваше высочество, что изъ двѣнадцати ударовъ Лаэртъ выиграетъ передъ вами только три; онъ же ручается за девять Опытъ сдѣлаютъ сейчасъ же, если вашему высочеству угодно дать отвѣтъ.

Гамлетъ. А если я отвѣчу: нѣтъ?

Озрикъ. Я хотѣлъ сказать, принцъ, если вы согласитесь.

Гамлетъ. Я буду прохаживаться здѣсь въ залѣ. Съ позволенія его величества, теперь я наслаждаюсь здѣсь свѣжимъ воздухомъ. Прикажите принесть рапиры; если Лаэрту есть охота и король остается при своемъ намѣреніи, я постараюсь выиграть ему закладъ, когда съумѣю; не удастся— такъ на мою долю достанутся стыдъ и лишніе удары.

Озрикъ. Прикажете такъ и доложить?

Гамлетъ. Да, съ украшеніями въ вашемъ вкусѣ.

Озрикъ. Поручаю себя вашей милости, принцъ. (*Уходитъ*).

Гамлетъ. Къ вашимъ услугамъ. Онъ хорошо дѣлаетъ, что поручаетъ самъ себя моей милости: ничей языкъ не постарался бы объ этомъ.

Горацio. Улетѣла птичка съ скорлупой яичка.

Гамлетъ. Онъ и за грудь матери не принимался, я думаю, безъ комплиментовъ. Онъ, какъ и многіе того же разбора, въ которыхъ влюбленъ пустой вѣкъ, поймали только наружность разговора, родъ шипучаго газа, вылетающаго посреди глупѣйшихъ сужденій, а коснись ихъ для опыта— и пузыри исчезли.

Входитъ придворный.

Придворный. Его величество, принцъ, посылалъ къ вамъ молодого Озрика, и онъ доложилъ, что вы дождетесь его въ залѣ. Его величество прислалъ меня узнать, не прошла ли у васъ охота сразиться съ Лаэртомъ и не желаете ли вы отсрочки?

Гамлетъ. Я вѣренъ своимъ намѣреніямъ: они соображаются съ желаніями короля. Если ему досугъ, я готовъ теперь, или когда угодно, предполагая, что буду такъ же, какъ и теперь, въ состояніи держать рапиру.

Придворный. Король, королева и всѣ идутъ сюда.

Гамлетъ. Въ добрый часъ.

Придворный. Королева желаетъ, чтобъ вы ласково обратились къ Лаэрту, прежде чѣмъ начнете поединокъ.

Гамлетъ. Ея совѣтъ хорошъ. (*Придворный уходитъ*).

Горацio. Вы проиграете закладъ, принцъ.

Гамлетъ. Не думаю. Съ тѣхъ поръ какъ онъ уѣхалъ во Францію, я безпрестанно упражнялся. Я выиграю закладъ. Однако, ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ тяжело на сердцѣ. Да это вздоръ.

Горацio. Нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ. Это глупость, а между тѣмъ родъ грустнаго предчувствія; женщину оно могло бы испугать.

Горацio. Если душѣ вашей что-нибудь не нравится — повинуйтесь ей. Я предупрежу ихъ приходъ, скажу, что вы не расположены

Гамлетъ. Нисколько. Я смѣюсь надъ предчувствіями: и воробей не погибнетъ безъ воли Провидѣнія. Не послѣ, такъ те-

перь; теперь, такъ не послѣ; а не теперь, такъ когда-нибудь да придется же. Быть готовымъ—вотъ все. Никто не знаетъ, что теряетъ онъ; такъ что за важность потерять рано? Будь что будетъ!

Входятъ КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ЛАЭРТЪ, ОЗРИКЪ, *придворные и слуги съ рапирами.*

КОРОЛЬ.

Ну, полно, Гамлетъ! Вотъ рука Лаэрта—
Прими ее отъ насъ.
(Соединяетъ ихъ руки).

ГАМЛЕТЪ.

Прости, Лаэртъ!
Я виноватъ; но я прошу прощенья—
И ты, какъ благородный человѣкъ,
Меня простишь. Всему двору извѣстно,
И до тебя дошли, конечно, слухи,
Что тяжкою страдаю я болѣзнью.
Поступокъ мой, такъ грубо оскорбившій
Твою природу, сердце, чувство чести—
Онъ былъ я объявляю здѣсь—безумство.
Лаэрта Гамлетъ оскорбилъ? О, нѣтъ!
Когда Гамлетъ, раздвоенный въ душѣ
И самъ не свой, Лаэрта оскорбляетъ—
Не Гамлетъ то, не онъ нанесъ обиду—
Его безумiе. А если такъ,
То онъ и самъ обиженъ глубоко:
Безумство—врагъ несчастному Гамлету.
Вотъ цѣлый дворъ: предъ нимъ я отрицаю
Злой умыселъ—и въ сердцѣ благородномъ
Оправданъ я. Я черезъ кровлю дома
Пустилъ стрѣлу—она попала въ брата.

ЛАЭРТЪ.

Довольно, принцъ! Усмирена природа,
Хотя бъ она должна взывать ко мщенью
Сильнѣй всего. Но, по законамъ чести,
Отъ мира я далекъ, пока другіе,
Которыхъ честь не подлежитъ сомнѣнью,
Не скажутъ мнѣ: „мирись“. Тогда ихъ словомъ
Честь имени ограждена. Теперь же
Любовь я принимаю, какъ любовь,
И оскорбить ее я не намѣренъ.

ГАМЛЕТЪ.

Ни я; мы братски разрѣшимъ закладъ.
Подать рапиры!

ЛАЭРТЪ.

Дай и мнѣ одну.

ГАМЛЕТЪ.

Лаэртъ, я для тебя—вѣнокъ лавровый:
Какъ яркая звѣзда во тьмѣ ночной,
Въ моемъ незнаніи блеснетъ твое искусство,

„БѢДНЫЙ ІОРИКЪ.“
Картина извѣстнаго нѣмецкаго художника Пекта (Fr. Pecht, род. 1814).

ЛАЭРТЪ.

Насмѣшка, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Ничуть, клянусь въ томъ честью!

КОРОЛЬ.

Подай рапиры имъ, мой милый Озрикъ.
Закладъ тебѣ извѣстенъ, Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Да.
Вы избрали слабѣйшаго бойца.

КОРОЛЬ.

Я не боюсь: я видѣлъ васъ обоихъ.
Онъ сталъ искуснѣе и далъ впередъ.

ЛАЭРТЪ *(взявъ шпагу).*

Нѣтъ, эта тяжела; подай другую.

ГАМЛЕТЪ.

Дай эту мнѣ. Что всѣ одной длины?

ОЗРИКЪ.

Всѣ, всѣ одной, мой благородный принцъ.

КОРОЛЬ.

Поставьте мнѣ вино на этотъ столъ;

И если Гамлетъ первый дастъ ударъ,
Второй, или сквитается за третьимъ,
Со всѣхъ бойницъ пусть выстрѣлятъ изъ пушекъ.
Теперь король пьетъ Гамлета здоровье
И въ кубокъ перлъ бросаетъ многоцѣнный;
Онъ стоитъ больше, чѣмъ въ коронѣ датской,
Сіявшій на главахъ трехъ королей.
Подать мнѣ кубки. Пусть труба литаврамъ,
Литавры пушкамъ, пушки небесамъ
И небеса землѣ воскликнутъ хоромъ:
„Король за Гамлета здоровье пьетъ!“
Начните! Судьи, примѣчать прилежно!

ГАМЛЕТЪ.

Начнемъ!

ЛАЭРТЪ.

Начнемте, принцъ. (*Дерутся*).

ГАМЛЕТЪ (*нанося ударъ*).

Разъ.

ЛАЭРТЪ.

Нѣтъ.

ГАМЛЕТЪ.

Пусть судятъ.

ОЗРИКЪ.

Ударъ, и очень явственный.

ЛАЭРТЪ.

Пусть такъ.
Начнемъ сначала.

КОРОЛЬ.

Эй, вина! Стой: Гамлетъ,
Жемчужина—твоя! Твое здоровье!
Подайте кубокъ принцу!
(*Звуки трубъ и пушечные выстрѣлы за сценой*).

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, потомъ.
Поставь бокалъ: сперва еще сразимся.
Начнемъ! (*Дерутся*).
Опять ударъ, что скажешь?

ЛАЭРТЪ.

Да,
Коснулся, сознаюсь.

КОРОЛЬ.

Нашъ сынъ одержитъ верхъ.

КОРОЛЕВА.

Онъ потенъ и усталъ. Возьми платокъ мой,
Отри лицо, мой Гамлетъ. Королева
Пьетъ за здоровіе твое.
(*Беретъ отравленный кубокъ*).

ГАМЛЕТЪ.

Благодарю.

КОРОЛЬ.

Не пей, Гертруда!

КОРОЛЕВА.

Я хочу; позволь мнѣ. (*Пьетъ*).

КОРОЛЬ (*въ сторону*).

Отравленъ кубокъ тотъ. Теперь ужъ поздно.

ГАМЛЕТЪ.

Теперь мнѣ пить еще нельзя—потомъ.

КОРОЛЕВА.

Поди, я оботру твое лицо.

ЛАЭРТЪ (*королю*).

Теперь я нанесу ударъ.

КОРОЛЬ.

Наврядъ ли.

ЛАЭРТЪ (*тихо*).

Меня какъ-будто совѣсть упрекаетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Ну, въ третій разъ, Лаэртъ! Ты шутишь.
Прошу же, выпадай со всею силой.
Мнѣ кажется, ты надо мной смѣешься.

ЛАЭРТЪ.

Ты думаешь? Увидимъ. (*Дерутся*).

ОЗРИКЪ.

Нѣтъ удара.

ЛАЭРТЪ.

Теперь смотри. (*Лаэртъ ранитъ Гамлета послѣ чего, въ жару битвы, они мѣняются рапирами и Гамлетъ ранитъ Лаэрта*).

КОРОЛЬ.

Они разгорячились—
Развесть ихъ!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ еще. (*Королева падаетъ*)

ОЗРИКЪ.

Что съ королевой?

ГОРАЦІО.

Они въ крови!

Озрикъ.

Вамъ каково, Лаэртъ?

Лаэртъ.

Я въ собственную сѣть попался, Озрикъ:
Я собственной измѣною убитъ—
И по-дѣломъ.

Гамлетъ.

Что сталось съ королевой?

Король.

Ей дурно; кровь увидѣла она.

Королева.

Нѣтъ, нѣтъ! питье, питье! О, милый Гамлетъ!
Питье, питье... Оно отравлено! (*Умираетъ*).

Гамлетъ.

Злодѣйство! Двери на запоръ! Измѣна,
Гдѣ скрылась ты?

Лаэртъ (*падая*).

Здѣсь, Гамлетъ. Ты убитъ
Тебя спасти нѣтъ средства во вселенной:
Въ тебѣ нѣтъ жизни и на полчаса:
Клинокъ измѣнника въ твоей рукѣ—
Онъ отравленъ и остръ. Мое злодѣйство
Сразило самого меня.—Смотри:
Я палъ, лежу—и мнѣ уже не встать.
И мать отравлена. Не въ силахъ больше!..
Король, король всему виной.

Гамлетъ.

И шпага
Отравлена? Такъ соверши свое,
Отрава!

(*Закалываетъ короля*).

Озрикъ *и* придворные.

Боже праведный, измѣна!

Король.

Друзья, спасите: я, вѣдь, только раненъ.

Гамлетъ

(*взявъ отравленный кубокъ и заставляя короля его выпить*).

Допей же ядъ, кровосмѣситель подлый!
А жемчугъ здѣсь? Ступай за королевой.

(*Король умираетъ*).

Лаэртъ.

Онъ по заслугамъ угощенъ. Отраву
Онъ приготовилъ самъ, своей рукою.
Простимъ другъ друга, благородный Гамлетъ!
Моя и моего отца кончина
Да не падетъ на голову твою,
Твоя же—на мою. (*Умираетъ*).

Гамлетъ.

Прости тебя Господь!
Я за тобой. Гораціо, я умираю.
Царица бѣдная, прощай. Вы блѣдны;
Дрожа, глядите вы на катастрофу,
Нѣмые зрители явленій смерти!
О если бъ время я имѣлъ, но смерть,
Сержантъ проворный, вдругъ беретъ подъ стражу.
Я разсказалъ бы вамъ... Пусть будетъ такъ!
Гораціо, ты остаешься живъ,
Ты обо мнѣ и о моихъ поступкахъ
Разскажешь тѣмъ, кто знать ихъ пожелаетъ.

Гораціо (*хватая со стола кубокъ*).

Ты ошибаешься: я не датчанинъ,
А древній римлянинъ—стаканъ не допитъ.

Гамлетъ (*вырывая кубокъ*).

Когда ты мужъ, отдай его ты мнѣ!
Оставь! Я заклинаю Небомъ, дай!
Какое я оставлю по себѣ
Запятнанное имя, другъ Горацьо,
Когда все такъ останется безвѣстнымъ!
О, если ты меня любилъ—постой!
Не отворяй себѣ врата блаженства
И пострадай еще въ ничтожномъ мірѣ,
Чтобъ повѣсть разсказать мою.
(*Вдали слышенъ маршъ и выстрѣлы*).
Что за военный шумъ?

Озрикъ.

То—юный Фортинбрасъ.
Изъ Польши возвращается съ побѣдой
И англійскихъ привѣтствуетъ пословъ.

Гамлетъ.

Гораціо, я умираю. Ядъ
Стѣснилъ мой духъ. Я не дождусь вѣстей
Изъ Англіи, но предрекаю: выборъ
Падетъ на молодого Фортинбраса.
Ему даю я голосъ мой предсмертный.
Ты обо всемъ случившемся ему
Подробно разскажи; конецъ—молчанье.

(*Умираетъ*).

Гораціо.

Вотъ сердце благородное угасло!
Покойной ночи, милый принцъ! Спи мирно
Подъ свѣтлыхъ ангеловъ небесный хоръ!
Громъ барабановъ ближе. (*Маршъ за сценой*).

Входятъ Фортинбрасъ, англійскіе послы *и прочіе*.

ФОРТИНБРАСЪ.

Какое зрѣлище!

ГОРАЦІО.

Чего ты ищешь?
Несчастья и чудесъ? Такъ не ищи ихъ дальше.

ФОРТИНБРАСЪ.

Кровавый видъ! Какому торжеству
Ты въ вѣчныхъ принесла твоихъ чертогахъ,
Смерть гордая, такъ много царскихъ жертвъ?

1-ый ПОСЛАННИКЪ.

Ужасенъ этотъ видъ! Мы опоздали
По дѣлу Англіи. То ухо мертво,
Которому должны бы мы донесть,
Что Розенкранцъ и Гильденштернъ скончались,
Согласно королевскому приказу.
Кто скажетъ намъ „благодарю“?

ГОРАЦІО.

Не онъ,
Хотя бъ уста его и были живы.
Онъ не давалъ на казнь ихъ повелѣнья.
Но такъ какъ быстро за кровавымъ дѣломъ
Явились вы изъ Англіи и Польши,
Велите же, чтобъ мертвыхъ положили
На катафалкъ въ виду всего народа;
А мнѣ незнающимъ позвольте разсказать,
Какъ все произошло. То будетъ повѣсть
Кровавыхъ, неестественныхъ убійствъ,
Суда случайнаго, нечаянныхъ кончинъ
И козней, павшихъ на главу злодѣевъ.
Всю истину могу я вамъ открыть.

ФОРТИНБРАСЪ.

Мы поспѣшимъ послушать твой разсказъ,
Созвавши на совѣтъ вельможей царства.
Я съ горестью мое встрѣчаю счастье.
На датскій тронъ имѣю я права,
И ихъ я объявляю всенародно.

ГОРАЦІО.

Я долженъ и объ этомъ говорить.
Вамъ тотъ далъ голосъ свой, за кѣмъ все царство
Признаетъ васъ царемъ. Но къ дѣлу, къ дѣлу!
Умы людей раздражены: не трудно злобѣ
Настроить бѣдъ средь общаго смятенья.

ФОРТИНБРАСЪ.

Пусть Гамлета, какъ воина, внесутъ
На катафалкъ четыре капитана.
Онъ все величье царское явилъ бы,
Когда бъ остался живъ. Будь онъ почтенъ
При погребеньи почестью военной!
Возьмите трупы доблестные эти:
На полѣ битвы мѣсто ихъ.
Скажите, чтобы начали пальбу!

(*Похоронный маршъ; всѣ уходятъ и уносятъ съ собою тѣла. Вскорѣ потомъ слышны пушечные выстрѣлы*).

А. Кронебергъ.

У МОГИЛЫ ОФЕЛІИ.

Очерки перомъ М. Ретча (Moritz Retch).

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ

ТРАГЕДІЯ

Колоссальная античная статуя Юлія Цезаря въ Неаполитанскомъ музеѣ.

БОГИНЯ ГОРОДА РИМА—РОМА (ROMA).
Античная статуя (Лувръ).

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

1601 годъ былъ роковымъ для Шекспира. Что случилось съ великимъ поэтомъ—мы точно не знаемъ. Разные изслѣдователи высказываютъ различныя догадки. Одни полагаютъ, что на него сильно повліялъ судебный процессъ и осужденіе его высокихъ друзей и покровителей Эссекса и Соутгамптона, нелѣпо задумавшихъ и еще болѣе нелѣпо пытавшихся осуществить планъ сверженія съ престола королевы Елизаветы; другіе говорятъ о несчастной страсти къ „черной дамѣ", воспѣтой въ сонетахъ; третьи пріурочиваютъ къ этому времени смерть отца Шекспира и т. д.

Каждой изъ этихъ догадокъ можно давать больше или меньше вѣры—это дѣло склонности ума и рѣшительности въ сужденіяхъ; но одно—несомнѣнно: въ жизни Шекспира произошло какое то страшное, потрясшее все его существо, событіе—и съ 1601 года онъ становится совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Соотвѣтственно тому и творчество его принимаетъ иной характеръ. Еще недавно написалъ онъ комедію „Двѣнадцатая ночь", гдѣ такъ много искренняго, веселаго и безпечнаго смѣха и, почти непосредственно вслѣдъ за ней онъ пишетъ „Юлія Цезаря", въ которомъ ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ не смѣетъ даже на мгновеніе улыбнуться и „Гамлета", гдѣ смѣется лишь самъ Гамлетъ, но такъ смѣется, что не знаешь, чему больше ужасаться,—его смѣху или его безумнымъ рыданіямъ.

„Юлій Цезарь" и „Гамлетъ", такъ мало по сюжету и внѣшней обстановкѣ другъ на друга похожіе, написаны на одну тему, которая выражается восклицаніемъ принца,

не совсѣмъ точно, но тѣмъ не менѣе очень удачно переданнымъ русскимъ переводчикомъ въ извѣстныхъ словахъ: „пала связь временъ, зачѣмъ же я связать ее рожденъ". Это значитъ — прежняя, безсознательная, дающаяся намъ всѣмъ даромъ, вѣра въ цѣлесообразность и осмысленность человѣческой жизни рушилась. Нужно сейчасъ-же, *немедленно* найти новую вѣру — иначе жизнь обращается въ непрерывную, невыносимую пытку. Но какъ это сдѣлать? Гдѣ найти вѣру? И есть-ли такая вѣра на землѣ?

„Юлій Цезарь" первый опытъ безпокойнаго, нетерпѣливаго, лихорадочнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и скрытнаго, боящагося обнаружить себя исканія, когда не столько нуженъ отвѣтъ на вопросъ, сколько отвѣтъ *немедленный*. Шекспиру кажется, что онъ не можетъ больше ждать, что уже всѣ силы истощились, что еще нѣсколько дней, даже часовъ такихъ нечеловѣческихъ мукъ—и онъ обезумѣетъ. Это, разумѣется, ошибка. Человѣкъ выносливѣйшее животное. Отвѣтъ не только не придетъ сейчасъ, но не придетъ и черезъ многіе годы, а Шекспиръ не обезумѣетъ и будетъ жить, жить съ сознаніемъ, что для него все погибло и что всѣ отвѣты, когда либо дававшіеся на гамлетовскій вопросъ—были лишь пустыми словами. Но въ „Юліи Цезарѣ" Шекспиръ боится допустить даже возможность такого предположенія. Онъ напряженно вспоминаетъ все, что когда-либо приходилось ему слышать отъ людей или читать въ книгахъ, въ надеждѣ, что кто либо изъ древнихъ или новыхъ мудрецовъ наставитъ и научитъ его, покажетъ ему, какъ связывается распавшаяся связь временъ... Вѣдь должно же быть гдѣ-нибудь то „слово", которымъ разрѣшаются всѣ его мучительныя сомнѣнія...

Плутархъ, котораго Шекспиръ зналъ въ англійскомъ переводѣ Томаса Норта, казалось былъ лучшимъ совѣтчикомъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Плутархъ прежде всего учитель, моралистъ. У него есть твердые незыблемые принципы, въ основаніи которыхъ лежитъ вѣра въ нравственный міропорядокъ. Онъ глубоко убѣжденъ, что мораль всевластна и всесильна и что въ сознательномъ подчиненіи долгу смертные могутъ найти достаточное утѣшеніе при какихъ угодно жизненныхъ превратностяхъ. Онъ приверженецъ Платона, и вслѣдъ за нимъ настойчиво проводитъ ту мысль, что можно вынести какую угодно несправедливость, только бы самому не быть несправедливымъ. Правда, мораль Плутарха, какъ и его учителя Платона, не безусловно чиста или, какъ говорятъ теперь въ философіи, не „автономна". Она освящается у него религіей и находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ боговъ. Свой діалогъ о „Позднемъ наказаніи безбожника", Плутархъ, какъ и Платонъ нѣкоторые свои, заканчиваетъ фантастическимъ изображеніемъ загробнаго міра. Несправедливый человѣкъ, въ его представленіи, казнится не только безплотной моралью, но и всемогущими богами. Да и не только въ этомъ сочиненіи—почти во всѣхъ своихъ повѣствованіяхъ Плутархъ, по обычаю древнихъ, замѣшиваетъ небожителей въ человѣческія дѣла. Такому воззрѣнію Шекспиръ, какъ сынъ XVII вѣка и современникъ Бэкона, не могъ, конечно, придавать серьезнаго значенія. Для него плутарховскіе боги имѣли только символическій смыслъ. Онъ, какъ теперь дѣлаемъ мы всѣ, совершенно отдѣлилъ мораль отъ религіи, но тѣмъ не менѣе не переставалъ ожидать отъ нея чудесъ и не отказался отъ мысли, что этому безплотному богу, какъ и всѣмъ богамъ, можно и должно приносить жертвы—даже жертвы человѣческія...

Эта мысль и составляетъ содержаніе „Юлія Цезаря"—и, само собою, она связана не съ личностью Цезаря, который менѣе всего способенъ своей жизнью оправдать такую идею, а съ личностью его убійцы, благороднаго Брута. Брутъ своимъ поведеніемъ долженъ доказать, что тотъ, кто до конца рѣшится слѣдовать внушеніямъ высокой морали, можетъ не бояться ничего. Въ III-ей сценѣ 4-го дѣйствія Брутъ съ Кассіемъ обмѣниваются слѣдующими, обыкновенно незамѣчаемыми критикой словами:

Брутъ. Кассій, у меня
Такъ много горя!
Кассій. Если претъ бѣдами
Случайными ты упадешь духомъ,
То гдѣ-же *философія* твоя?

Какъ видите, Шекспиръ считаетъ, что у Брута была философія, которая научаетъ смотрѣть въ глаза какому угодно несчастію и мужественно выноситъ всѣ „случайныя бѣды". Не правда-ли, завидная философія и стоитъ перечесть не только Плутарха, но и всѣхъ его учителей и какое угодно множество книгъ, чтобъ только добыть это высокое ученіе! Вѣдь „случайныхъ бѣдъ" Брута, о которыхъ говоритъ Кассій, съ избыткомъ хватило бы на цѣлый десятокъ самыхъ добродѣтельныхъ, самыхъ римскихъ

мужей. Бѣды Брута начались еще задолго до того времени, какъ онъ рѣшился вступить въ заговоръ противъ Цезаря. Та же „философія", которая, по словамъ Кассія, столь многому можетъ научить человѣка, уже не разъ, все ссылаясь на свои божественныя права, требовала отъ Брута жертвъ. Плутархъ разсказываетъ, что во время борьбы Цезаря съ Помпеемъ, Брутъ принялъ сторону Помпея, убившаго его отца, ибо считалъ его дѣло—правымъ. А какую жизнь велъ бѣдный Брутъ! Онъ не ѣлъ, не пилъ, не спалъ и даже во время походовъ, когда другіе отдыхали и занимались своими частными дѣлами, онъ проводилъ ночи на пролетъ за чтеніемъ разныхъ книгъ, утверждавшихъ его въ вѣрѣ во всемогущество морали!

Когда-же Цезарь, другъ и благодѣтель Брута, явился въ Римъ и сталъ грозить древней свободѣ, мораль только кивнула своему вѣрноподданному—и онъ все забылъ и сталъ готовиться къ жертвоприношенію, разумѣется человѣческому. Мораль въ этомъ случаѣ куда требовательнѣе, чѣмъ обыкновенные языческіе боги, которые считали себя вполнѣ удовлетворенными какой нибудь овцой или козленкомъ, и только въ рѣдкихъ, особенно торжественныхъ, случаяхъ требовали себѣ сотню быковъ.

Морали подавай людей, и не одного, а много—и не перваго встрѣчнаго, а самое близкое и дорогое тебѣ существо—отца, мать, сына, друга...

Для чего-же морали всѣ эти жертвы? Съ такими вопросами можно было обращаться къ богамъ и боги иногда на такіе вопросы отвѣчали,—но мораль стоитъ выше подобныхъ вопросовъ: sic volo, sic jubeo—sit pro ratione voluntas. Шекспиръ это понималъ превосходно, но его критики, къ сожалѣнію, не умѣли или не хотѣли понять этого. Не только современный Брандесъ, но даже и люди старой вѣры (да еще къ тому нѣмцы, слѣдовательно идеалисты par excellence), Гервинусъ и Крейссигъ или ихъ довѣрчивый ученикъ французъ Мезьеръ или англичанинъ Hudson, всѣ считаютъ возможнымъ нападать на Брута за его безропотную и смиренную готовность исполнять велѣнія морали. Брута называютъ „мечтателемъ", „непрактическимъ идеалистомъ", „плоскимъ идеалистомъ"... Зачѣмъ, спрашиваютъ, убилъ онъ Цезаря, когда и слѣпому было видно, что республику уже нельзя спасти и что свобода все равно погибла для Рима!..

Но критики ошиблись въ адресѣ: со своими упреками имъ нужно было обратиться не къ Бруту, и даже не къ Шекспиру, а непосредственно къ самой морали: вѣдь изъ за-нея, только изъ за-нея кроткій по своей природѣ Брутъ пустился на злодѣйскія дѣла. Вслушайтесь хоть немного въ его монологи, присмотритесь хоть поверхностно къ его поступкамъ, наконецъ, если для васъ труденъ Шекспиръ, прочтите популярнаго Плутарха и вы убѣдитесь, что если Брутъ и предпринималъ что-либо, то не изъ личныхъ, эгоистическихъ побужденій, а единственно во исполненіе велѣній долга. Кантъ могъ бы быть имъ вполнѣ доволенъ: все время онъ, совсѣмъ какъ того требуетъ автономная мораль, поступалъ *вопреки* своимъ симпатіямъ и желаніямъ. Цезарь былъ его другомъ и благодѣтелемъ, онъ любилъ Цезаря, какъ родного отца—и онъ же убилъ Цезаря. Кассій только намекнулъ ему, что *нужно* дѣйствовать, и Брутъ уже готовъ на все. „Что ты хочешь сообщить мнѣ", спрашиваетъ онъ своего друга—

Если это
Ко благу клонится народа—пусть
И честь и смерть возстанутъ предо мною,
Я глазъ своихъ не отвращу отъ нихъ.

И это—не фразы! Брута ждали ужаснѣйшія испытанія, но онъ не бросилъ своего дѣла. Отъ него никто не слышалъ даже жалобъ. Жаловаться—значило бы не довѣрять морали, пожалуй обвинять ее. А ее нужно уважать: такъ учитъ до сихъ поръ наша этика и ея геніальный обосновательКантъ. Брутъ обязанъ считать свой жребій счастливымъ! сама мораль сдѣлала его своимъ избранникомъ! Тутъ нужно торжествовать: вѣдь высшее „абсолютное" благо—это приносить въ жертву высокой нравственности себя и другихъ.

И не ради какихъ нибудь цѣлей: всякая цѣль должна быть безусловно исключена, иначе въ чистое дѣло морали привносится—страшно сказать—эвдаймонистическій элементъ—и вся „автономія" оказывается пустымъ звукомъ. Предъ Брутомъ и Шекспиромъ стоитъ незапятнанная идея долга во всей своей голубиной чистотѣ—и ей, этой идеѣ, они приносятъ жертвы: они, ибо (и этого нельзя ни на минуту упускать изъ виду, если хочешь понять „Юлія Цезаря") Шекспиръ дѣлаетъ то же, что и Брутъ—складываетъ предъ алтаремъ морали *все*, что ему было дорого, *все*, что у него было лучшаго на землѣ.

И какихъ ужасныхъ жертвъ у нихъ потребовали! У Шекспира Порція говоритъ Бруту:

Если бы могла твоя забота
Такъ тѣйствовать на тѣло, какъ на душу,
Мнѣ-бъ не узнать тебя!

То же можно о самомъ Шекспирѣ сказать: если-бъ за тотъ короткій промежутокъ времени, который отдѣляетъ его послѣднюю комедію отъ первой трагедіи его наружность измѣнилась такъ, какъ измѣнилась его душа—самые близкіе люди отказались бы узнать его. Но онъ, какъ и его Брутъ, въ разсказѣ Плутарха, „въ общественныхъ мѣстахъ старается держаться спокойно“ и никто не хочетъ догадаться, какія мысли занимали поэта, когда онъ писалъ „Юлія Цезаря“. Одни, какъ Свинбернъ, толкуютъ, что Шекспиръ хотѣлъ возвеличить республику, другіе приписываютъ Шекспиру желаніе доказать ту великую истину, что въ политикѣ слѣдуетъ держаться тѣхъ-же принциповъ, которыми люди довольствуются въ своемъ домашнемъ обиходѣ. Но объ этомъ вѣдь писали многіе—и выходили ученые трактаты, а не трагедіи. Когда Шекспиръ былъ занятъ „Юліемъ Цезаремъ“, ему, очевидно, было не до республики и не до политики. Изъ своего Плутарха, которому онъ такъ довѣрялъ и во всемъ слѣдовалъ, и онъ могъ безъ труда понять, что республика была обречена на гибель не Цезаремъ, а ходомъ историческихъ событій. Описывая подробно римскую жизнь этой эпохи, Плутархъ говоритъ: „...толпа не расходилась часто до тѣхъ поръ, пока ораторская трибуна не покрывалась трупами и не заливалась кровью, и, такимъ образомъ, Римъ, какъ корабль безъ кормчаго, былъ преданъ всѣмъ ужасамъ анархіи. Поэтому *самые благоразумные граждане считали еще счастіемъ, если вся эта безумная сумятица не приведетъ ни къ чему худшему, чѣмъ монархія*, и многіе осмѣливались уже открыто говорить, что государственные недуги могутъ быть исцѣлены только монархическимъ правленіемъ и что для этого лѣченія слѣдуетъ избрать наиболѣе снисходительнаго врача,—чѣмъ они намекали на Помпея“ *). Уже одного этого замѣчанія было бы достаточно для Шекспира, чтобы оставить всѣ свои республиканскія симпатіи, если у него таковыя были, или во всякомъ случаѣ попридержать ихъ до времени. Но онъ шелъ къ Плутарху не за историческими уроками, которыхъ у него было и безъ того достаточно, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ его хроники, не имѣющія себѣ равныхъ во всемірной литературѣ. Ему нужно было найти въ жизни нѣчто такое, предъ чѣмъ могъ бы склониться каждый—и слабый и сильный, и правый и виноватый, и счастливый и несчастный: ему нужно было высшее начало въ жизни, которое могло бы въ минуты отчаянія и безнадежности поддержать падающаго человѣка. Отъ него требовали жертвы и онъ хотѣлъ знать, кому онъ ее приноситъ... Развѣ при этомъ можно думать о политикѣ, о формахъ правленія, о нуждахъ отдаленнаго Рима?! Шекспиръ прочелъ у Плутарха, что благородный, честный, безкорыстный Брутъ убилъ своего лучшаго друга и затѣмъ принужденъ былъ положить конецъ своей жизни самоубійствомъ. Какъ оправдать Брута, какъ убѣдить себя, что въ своемъ несчастьи и своихъ неудачахъ Брутъ былъ выше, правѣе, достойнѣе счастливаго, удачливаго Цезаря? Вѣдь намѣренія Брута были чисты, а чистота намѣреній оправдываетъ все. Или это—неправда?! *Чистота намѣреній не оправдываетъ?* Плутархъ и философія лгутъ?! Шекспиръ, когда писалъ „Юлія Цезаря“, не смѣлъ думать, что здѣсь возможенъ обманъ. Нравственность права и жрецы ея правы: абсолютное благо не у Цезарей, а у Брутовъ. Нужно только быть послѣдовательнымъ, нужно только вѣрить высокимъ завѣтамъ, нужно не бояться жертвъ — все остальное приложится и претерпѣвшій до конца спасется.

Этимъ и объясняется „прямолинейность“ Брута, возбуждающая въ критикахъ столько неудовольствія. Для Шекспира на одной чашкѣ вѣсовъ лежала человѣческая жизнь—на другой требованія высокой морали, и онъ сдѣлалъ все, что было въ его власти, чтобъ перетянула вторая. Когда бы и зачѣмъ бы нравственность ни позвала Брута—онъ всегда готовъ отозваться на ея призывъ. Другіе участники заговора руководятся посторонними соображеніями—честолюбіемъ, ненавистью къ Цезарю и т. д. Бруту-же, какъ разсказываетъ Плутархъ, „даже и враги не приписывали такихъ намѣреній“. Къ убійству онъ питаетъ отвращеніе; онъ не выноситъ даже лжи и притворства, которыхъ требуетъ характеръ предпринятаго дѣла. Онъ хотѣлъ бы дѣйствовать прямо и открыто, онъ хотѣлъ бы избѣгнуть пролитія крови. Но долгъ требуетъ,—

*) Плутархъ. Жизнеопис. Юл. Цезаря, гл. 28.

и онъ безропотно повинуется. Онъ говоритъ, обращаясь къ Кассію и заговорщикамъ:

Не будемъ мы, Кай Кассій, мясниками,
Мы Цезаря лишь въ *жертву* принесемъ,
Противъ его мы духа возстаемъ,
А духъ людей вѣдь не имѣетъ крови.
О, если бы, его не убивая
Могли его мы духомъ овладѣть!
Но онъ—увы! За этотъ духъ страдая,
Кровавой смертью долженъ умереть.
Убьемъ его мы смѣло, *но безъ гнѣва.*
Какъ *жертву*, приносимую богамъ...

Бруту нельзя ни одну секунду дѣйствовать по тѣмъ побужденіямъ, по которымъ обыкновенно дѣйствуютъ люди. Ему нельзя ни сердиться, ни радоваться, онъ не вправѣ ни бояться, ни желать. Онъ долженъ повиноваться, онъ священнодѣйствуетъ, онъ приноситъ жертвы. У Фихте есть удивительныя слова, — удивительныя тѣмъ, что они необыкновенно отчетливо характеризуютъ „желательныя“ отношенія человѣка къ идеалу. „Я призванъ, говоритъ онъ, свидѣтельствовать объ истинѣ; моя судьба, моя жизнь ничего не значатъ; дѣло моей жизни значитъ безконечно много. Я жрецъ истины, я наемникъ ея, я обязанъ для нея все дѣлать, на все дерзать, все вынести“. Замѣните въ этой краснорѣчивой фразѣ слово „истина“ словомъ нравственность и вы получите profession de foi Брута. И онъ жрецъ, и онъ наемникъ, и онъ обязался на все дерзать, все вынести ради своего идеала. Но ни въ одномъ изъ монологовъ Брута нѣтъ того радостнаго, торжествующаго, стремительнаго паѳоса, которымъ одушевлена рѣчь Фихте.

Наоборотъ, отъ словъ Брута вѣетъ какой то странной, мрачной подавленностью. Онъ не можетъ говорить свободно, словно предчувствуя, что его вѣра, ради которой онъ дерзнетъ дѣйствительно на все, обманетъ его. И его предчувствія сбылись. Фихтевская философія, почерпнутая Шекспиромъ у Плутарха, тоже представляющаго изъ себя огромные залежи de la pâture de grandes âmes, оказалась лишь книжной мудростью, которую нужно отвергнуть въ критическую минуту жизни. Краснорѣчивыя слова объ истинѣ, добрѣ и красотѣ способны наэлектризовать толпу въ ярко освѣщенныхъ залахъ—и здѣсь они умѣстны, здѣсь они заставляютъ биться восторгомъ тысячи молодыхъ сердецъ. Но Шекспиру они не дадутъ, не могутъ дать ничего. „Есть многое на небѣ и землѣ, что не снилось учености“ ученѣйшихъ. Объ этомъ Шекспиръ говоритъ уже въ „Гамлетѣ“, написанномъ почти одновременно съ „Юліемъ Цезаремъ“. Въ „Гамлетѣ“ нѣтъ даже попытки разрѣшать жизненную трагедію традиціонной моралью. Плутархъ и всѣ учителя мудрости отвергнуты. Гамлетъ столкнулся съ духомъ, пришельцемъ изъ иныхъ странъ, и всѣ прежнія вѣрованія, убѣжденія, идеалы показались ему дѣтскими измышленіями. Первою мыслью Гамлета послѣ бесѣды съ духомъ было:

...Мнѣ помнить о тебѣ? Да, бѣдный духъ,
Пока есть память въ черепѣ моемъ!
Мнѣ помнить? Да съ страницъ воспоминанья
Всѣ пошлые разсказы я сотру,
Всѣ изреченья книгъ, всѣ впечатлѣнья,
Минувшаго слѣды, плоды разсудка
И наблюденій юности моей.
Твои слова, родитель мой, одни
Пусть въ книгѣ сердца моего живутъ
Безъ примѣси другихъ, *ничтожныхъ* словъ.

Книги не годятся, плоды разсудка выбрасываются за бортъ. Все, кромѣ того, что слышалъ Гамлетъ отъ духа, кажется „ничтожными словами“. Ни краснорѣчіе Фихте, ни научно обоснованная, автономная мораль Канта не могутъ отогнать страшное видѣніе, посѣтившее бѣднаго принца.

А вѣдь „духъ“ въ Гамлетѣ не есть плодъ разстроеннаго воображенія. И самъ Гамлетъ и Шекспиръ отлично знаютъ, что „иной міръ“ навсегда закрытъ для насъ: „страна безвѣстная, откуда путникъ не возвращался къ намъ“. Въ наше просвѣщенное время оттуда утѣшенія не приходятъ. Въ этомъ смыслѣ мы всѣ позитивисты до мозга костей — и не только не придаемъ значенія чужимъ разсказамъ о такого рода чудесахъ, но даже отказались бы вѣрить свидѣтельству своихъ собственныхъ чувствъ, какъ бы осязательно оно ни было. Но мы позитивисты лишь на половину. Мы не принимаемъ духовъ, когда они являются къ намъ со словами помощи и ободренія — и отсылаемъ ихъ прочь, какъ обманчивую иллюзію, какъ галлюцинацію. Но когда къ намъ, какъ къ Гамлету, являются тѣни, чтобъ пытать насъ—мы ни на минуту не сомнѣваемся въ ихъ реальности; наши ученыя заклинанія безпомощны и безсильны... Никто изъ критиковъ ни разу не обвинилъ

Шекспира въ томъ, что онъ позволилъ себѣ внести въ реалистическую трагедію такой нелѣпый вымыселъ, какъ явленіе духа. Должно быть, мы чувствуемъ, что наша наука только отчасти справилась съ суевѣріемъ старины. Она уничтожила рай, но адъ принуждена была сохранить, да еще перевести его поближе къ намъ, сюда *на землю*, изъ потусторонняго въ посюсторонній міръ.

Это основной мотивъ всѣхъ трагедій Шекспира. Въ „Юліи Цезарѣ“ онъ еще не вполнѣ явственно слышенъ, такъ какъ поэтъ все старается увѣрить себя, что Брутъ, поступивъ въ наемники къ морали, попалъ въ рай, а не въ адъ. Брутъ упорно стремится побѣдить усиліями разума и воли страшный и безумный кошмаръ дѣйствительности. „Я не спалъ съ тѣхъ поръ, говоритъ онъ, какъ Кассій на Цезаря меня вооружилъ“. Но тѣмъ не менѣе Шекспиръ не даетъ своему герою терять душевное равновѣсіе. Его рѣчи къ заговорщикамъ ясны и опредѣленны; онъ предусматриваетъ всѣ подробности предпріятія, онъ не хочетъ выполнить свой планъ какъ нибудь, на скоро, лишь бы развязаться съ нимъ. Нѣтъ, онъ все время остается на высотѣ задачи. Кассій предлагаетъ заговорщикамъ поклясться другъ другу въ томъ, что они выполнятъ задуманное. Но Брутъ не хочетъ клятвъ. Это оскорбило бы высокую мораль, которой онъ служитъ. Ей нужно подчиняться свободно, а не въ силу клятвъ.

Кассій предлагаетъ погубить Антонія, который можетъ оказаться коварнымъ врагомъ. Другой на мѣстѣ Брута принялъ бы это предложеніе: гдѣ тамъ уже думать объ отдѣльныхъ жизняхъ, когда затѣевается государственный переворотъ! Но Брутъ вѣдь обязанъ считаться съ моралью: она, какъ ревнивая любовница, требуетъ, чтобъ человѣкъ всегда о ней и только о ней одной думалъ. И Антоній спасенъ!.. Когда заговорщики расходятся, у Брута находится и ласковое слово для его слуги, Люція, и привѣтливая улыбка для жены, Порціи, словно онъ не наканунѣ страшнаго дѣла, словно наступающія иды марта будутъ однимъ изъ обыкновенныхъ дней года. Брутъ всегда правдивъ, твердъ и справедливъ. Послѣ убійства Цезаря онъ обращается съ рѣчью къ народу. И—единственный быть можетъ въ исторіи случай—въ этой рѣчи нѣтъ ни одного слова лжи и никакихъ ораторскихъ украшеній. Онъ могъ сказать людямъ: смотрите, каковъ я—я ничего ни отъ кого не утаиваю. Наконецъ, въ 4-мъ дѣйствіи, въ сценѣ ссоры съ Кассіемъ, вы видите, что Брутъ горячится, выходитъ изъ себя; но и тутъ онъ правъ предъ моралью: онъ негодуетъ на Кассія за его недобросовѣстное веденіе дѣла.

О себѣ лично онъ никогда не думаетъ! А ему извѣстно, что судьба ко всѣмъ „бѣдамъ“, имъ вынесеннымъ, прибавила еще новую, страшнѣйшую: его бѣдная подруга жизни, Порція, тоже, въ качествѣ дочери Катона, считавшая себя обязанной все вынести, на все дерзнуть ради морали, получивъ ложныя извѣстія о Брутѣ, отчаялась и умерла страшной смертью: проглотила раскаленный уголь. Но „философія“ не велитъ Бруту смущаться. Все ей отдай, ничего не жалѣй. Она требуетъ, чтобъ ты убилъ Цезаря — убей Цезаря, хоть онъ и лучшій твой другъ. Она требуетъ междоусобной войны—начни войну. Она приводитъ къ тому, что любимая, ни въ чемъ неповинная жена принуждена глотать горячіе угли — и это прими. Она отъ тебя потребуетъ, чтобъ ты самъ глоталъ огонь и при этомъ восторженно улыбался. И, если она этого отъ тебя добьется, она чуть чуть подаритъ тебя снисходительной улыбкой и скажетъ то, что сказалъ Антоній о Брутѣ:

Прекрасна была жизнь Брута: въ немъ стихіи
Такъ соединились, что природа можетъ,
Возставъ, сказать предъ цѣлымъ міромъ: „это
Былъ человѣкъ“.

Всего только? спросите вы. Когда Шекспиръ писалъ „Юлія Цезаря“, онъ хотѣлъ думать, что этого достаточно, ибо былъ убѣжденъ, что ничего другого у жизни вырвать нельзя. Жизнь требуетъ жертвъ—это уже не теорія, не вымыселъ, не Плутархъ, не Платонъ—но кому же ихъ отдать? Неужели никому и ничему? Признать ихъ безцѣльными? Такъ не лучше ли снести ихъ къ алтарю морали и принять ея бездушную похвалу—все, что она можетъ дать? Нѣтъ, хуже, въ тысячу разъ хуже. Это видно уже и въ „Юліи Цезарѣ“, гдѣ даже самъ Брутъ, такъ беззавѣтно исполнившій свой долгъ, въ послѣднюю минуту теряетъ охоту продолжать свое служеніе и отворачивается отъ высшаго „абсолютнаго блага“, такъ краснорѣчиво описываемаго въ философскихъ книгахъ. „О, Цезарь“, говоритъ онъ, „я тебя убилъ не такъ охотно какъ себя“. Но въ „Юліи Цезарѣ“ этотъ диссонансъ не замѣтенъ для безпечнаго уха, тѣмъ болѣе, что онъ заглушается сказаннымъ Антоніемъ

надъ трупомъ Брута надгробнымъ словомъ. Въ „Гамлетѣ“ же нѣтъ и слѣда внѣшнетвердыхъ, брутовскихъ рѣчей и дается полная свобода отчаянію. Въ „Королѣ Лирѣ“ ставится въ заключеніи трагедіи страшный вопросъ: „это-ли обѣщанный конецъ?“, а въ „Макбетѣ“ герой, страшный убійца, который бы долженъ былъ не смѣть и думать о себѣ и валяться въ прахѣ предъ высокой моралью, дерзаетъ бросить вызовъ судьбѣ: „тебя судьба зову на поединокъ“, восклицаетъ онъ... Отъ величайшаго смиренія Шекспиръ перешелъ къ величайшему дерзновенію. Не въ этомъ ли смыслъ трагическихъ переживаній? И не здѣсь ли нужно искать разгадку тайны трагической красоты? Во всякомъ случаѣ ясно, что „автономія морали“, долгъ an sich, къ которымъ Шекспиръ прибѣгъ въ труднѣйшую минуту жизни, не принесли ему *ничего*. Современная этика, претендующая на суверенныя права, была имъ отвергнута. Нужно либо вернуться назадъ, къ Плутарху и его дѣтскимъ вѣрованіямъ и миѳамъ, либо идти впередъ—куда впередъ? Вслѣдъ за Шекспиромъ—къ Макбету?!

Сказаннымъ достаточно выясняется роль Брута въ разбираемой нами трагедіи. Что касается самого Цезаря—нужно признаться, что онъ, сравнительно, не удался Шекспиру. И, странное дѣло, очень долгое время критики не хотѣли замѣчать этого обстоятельства. Почему? Трудно сказать навѣрное: вѣроятно, авторитетъ Шекспира слишкомъ импонировалъ имъ, и всѣмъ казалось неловкимъ порицать то, что вышло изъ подъ пера столь славнаго поэта. Теперь, однако, ослѣпленіе прошло. Брандесъ, напримѣръ, даже позволяетъ себѣ по поводу Цезаря читать длинныя нотаціи Шекспиру. Это, конечно, смѣшно: Цезарь у Шекспира вышелъ неживымъ и каррикатурнымъ — но, разумѣется, не потому, что великому поэту не подъ силу было справиться со своей задачей, какъ думаетъ Брандесъ. Можетъ быть, если-бы онъ взялся писать о Цезарѣ не въ 1601—2 году, а пятью, шестью годами раньше, онъ изобразилъ бы его иначе. Но теперь, когда дѣло шло о торжествѣ „автономной морали“, объ „идеѣ долженствованія“, какъ высшемъ принципѣ человѣческой дѣятельности, Цезарь не могъ занимать поэта ни какъ человѣкъ, ни какъ историческій дѣятель. Тѣмъ болѣе, что и у самого Плутарха онъ изображенъ въ слегка комическомъ видѣ. Передавая, напримѣръ, извѣстный эпизодъ о томъ, какъ Цезарь былъ захваченъ въ плѣнъ морскими разбойниками и какъ онъ гордо и вызывающе велъ себя въ плѣну, Плутархъ заключаетъ свой разсказъ слѣдующимъ насмѣшливымъ замѣчаніемъ: „... но разбойникамъ все это очень нравилось, и они въ его дерзкихъ выходкахъ видѣли лишь однѣ невинныя шутки“. Такими ироническими замѣчаніями пересыпанъ весь разсказъ Плутарха о Цезарѣ, и уже этого было бы достаточно для того, чтобы внушить Шекспиру недовѣріе къ качеству Цезаревскаго величія. Но, даже и помимо того, Цезарь естественно долженъ казаться смѣшнымъ человѣку, который принужденъ искать себѣ послѣдняго оплота въ Брутѣ. Ибо торжество Цезаря—значитъ пораженіе Брута.

Не менѣе загадочнымъ, хотя уже совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, выходитъ у Шекспира Антоній. Его фигура очерчена безподобно, его рѣчи—сплошь до послѣдняго слова—перлы художественнаго творчества. Но, что поразительнѣе всего: у читателя остается впечатлѣніе, что Шекспиръ на время изъ-за Антонія забываетъ своего Брута. Антоній близокъ поэту, онъ имъ невольно любуется и прощаетъ ему все, даже его измѣнническую политику съ Брутомъ. А вѣдь Антоній такъ же далекъ отъ автономной морали, какъ и Цезарь,—пожалуй еще дальше... Для него нормы не существуютъ. Онъ ничѣмъ несвязанъ и боится только силы. Это великолѣпный образчикъ смѣлаго, красиваго и хитраго хищника. Пока Брутъ силенъ—Антоній угодливо склоняетъ предъ нимъ колѣни. Но Брутъ отвернулся, опасный моментъ прошелъ и хищникъ, почуявъ себя на волѣ, однимъ ловкимъ, красивымъ и свободнымъ прыжкомъ бросается на своего укротителя. Изъ-за угла, изъ кустовъ, коварно, лживо, не считаясь ни съ благодарностью, ни съ иными высокими чувствами и правилами. Но въ каждомъ его движеніи насъ невольно поражаетъ довѣряющая себѣ, непокорная, непризнающая надъ собой чуждыхъ законовъ, *самодержавная* жизнь. Впечатлѣніе получается тѣмъ болѣе захватывающее, что мы недавно, вслѣдъ за Шекспиромъ, спускались въ душное и темное подземелье, гдѣ современная инквизиція, автономная мораль, пытала Брута, заставляла его глотать пылающіе уголья... Конечно, и хищникъ не всегда вѣрно разсчитываетъ: тамъ, гдѣ онъ надѣется на побѣду, его ждетъ нерѣдко пораженіе. Но погибнуть въ борьбѣ за свое право все-же не такъ страшно, какъ

признать себя безправнымъ существомъ, наемникомъ—хотя бы морали:

Все, все, что гибелью грозитъ
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья
Безсмертья, можетъ быть, залогъ.

Брутъ не можетъ знать этихъ неизъяснимыхъ наслажденій—онъ борется не за себя, а за идею, за призракъ, который люди сдѣлали Богомъ. Брутъ—не цѣль, а средство, не жрецъ—а жертвенное животное.

Даже и съ Кассіемъ намъ какъ будто легче, чѣмъ съ Брутомъ, хотя онъ дѣлами своими возбуждаетъ въ насъ ненависть, порой отвращеніе. Онъ убиваетъ Цезаря изъ узко-личныхъ разсчетовъ, онъ грабитъ провинціи, черезъ которыя проходитъ съ войскомъ, онъ сквозь пальцы смотритъ на взяточничество подчиненныхъ ему офицеровъ, онъ отказываетъ Бруту въ денежной помощи и т. д.

Не будь на ряду съ нимъ Брута, мы дали бы просторъ своему моральному негодованію. Но всѣ преступленія Кассія кажутся намъ маловажными сравнительно съ поставленной себѣ Брутомъ задачей. Брутъ хочетъ себя и весь міръ принести въ жертву идеѣ—и для насъ слово жертва становится невыносимымъ.

Жаль, безконечно жаль глядѣть на Порцію, бѣдную подругу бѣднаго Брута. И ее, ни въ чемъ неповинную, сожрала ненасытная мораль. Трогательно и вмѣстѣ ужасно вспомнить, какъ ранила она себя въ бедро, чтобъ провѣрить себя и убѣдиться, что она достойная дочь Катона и жена Брута. Она вынесла первое испытаніе, но, чѣмъ дальше—тѣмъ ей становится труднѣе. Когда Брутъ уходитъ въ сенатъ, у нея уже нѣтъ силъ владѣть собой и она чуть не выдаетъ ввѣренную ей мужемъ страшную тайну. Но все-же она справляется съ собой—съ тѣмъ, чтобы потомъ умереть мучительной смертью. И о ней можно бы сказать: „прекрасна была ея жизнь и ее можно поставить въ примѣръ всѣмъ, жаждущимъ отличиться предъ высокой нравственностью. Глотайте угли—а тамъ уже исторія васъ не забудетъ и соорудитъ вамъ памятникъ—каждому отдѣльно, или всѣмъ вмѣстѣ, если васъ наберется много. Это-ли не утѣшеніе? Это-ли не оправданіе жертвъ и требовательности автономной морали?

Еще есть одно, многоголовое дѣйствующее лицо въ „Юліи Цезарѣ“—это народъ, или вѣрнѣе „толпа“. Шекспиръ не даромъ заслужилъ славу „реалиста“. Онъ нисколько не льститъ толпѣ и не приукрашиваетъ ее шаблонными добродѣтелями. У него она легкомысленна, измѣнчива, неблагодарна, жестока. Сегодня она бѣжитъ за колесницей Помпея, завтра оретъ ура въ честь Цезаря, а еще черезъ нѣсколько дней умиляется рѣчамъ его убійцы Брута, чтобъ потомъ, поддавшись убѣжденіямъ Антонія, требовать головы своего недавняго любимца. Непостоянствомъ толпы принято возмущаться. Но, на самомъ дѣлѣ, здѣсь, повидимому, лишь осуществляется древнѣйшій законъ справедливости: око за око, зубъ за зубъ. Толпѣ, въ сущности, нѣтъ никакого дѣла до Помпеевъ, Цезарей, Антоніевъ, Суллъ, какъ всѣмъ этимъ героямъ нѣтъ никакого дѣла до толпы. Сегодня хозяйничаетъ Цезарь—хвала ему; завтра Антоній—можно пойти и за нимъ. Пусть только даютъ хлѣбъ и зрѣлища. А объ ихъ заслугахъ вспоминать нѣтъ никакой надобности. Они и сами достаточно хорошо объ этомъ помнятъ и награждаютъ себя съ истинно царской щедростью. Правда, иной разъ въ густые ряды честолюбцевъ затешется и честный, безкорыстный Брутъ. Но, у кого есть время и охота искать жемчужину въ кучѣ песку? Толпа—пушечное мясо для героевъ, герои—забава для толпы. Справедливость торжествуетъ и занавѣсъ можетъ быть опущенъ...

Л. Шестовъ

Независимо отъ своего поэтическаго значенія, „Юлій Цезарь“ Шекспира представляетъ еще крупный литературно-историческій интересъ, спеціально какъ историческая трагедія. Конечно, „Юлій Цезарь“ не былъ первой попыткой нашего поэта: въ области исторической драмы задолго до того были написаны имъ Генрихи, Ричарды и прочія „исторіи“. Но между тѣмъ какъ тѣ были построены на матеріалѣ, заимствованномъ изъ хроники Голиншеда, здѣсь впервые Шекспиръ избралъ своимъ источникомъ біографію Плутарха, т. е. такое литературное произведеніе, на которомъ онъ могъ поучиться также искусству построенія фабулы и характеристики дѣйствующихъ лицъ, т. е. доброй части того, что мы называемъ драматургической техникой. И именно въ этомъ отношеніи прогрессъ въ нашей трагедіи очевиденъ: кто внимательно сравнитъ три „плутарховскія“ трагедіи съ одной стороны съ англійскими „исторіями“ Шекспира, съ другой—съ

Плутархомъ, тотъ не усумнится въ томъ, что послѣдній сыгралъ важную роль въ развитіи новѣйшей драмы. Шекспиръ, учившійся—со всей готовностью истиннаго генія—вездѣ, гдѣ только можно было учиться, охотно предоставилъ себя руководительству такого мастера-разсказчика, какимъ былъ Плутархъ, и благодаря этому поднялъ историческую драму на такую высоту, на какой она еще не бывала раньше.

Прогрессъ, о которомъ мы говоримъ, заключается, во-первыхъ, въ объединеніи, во-вторыхъ, въ художественномъ развитіи дѣйствія. Оба термина требуютъ поясненія. Подъ объединеніемъ дѣйствія мы разумѣемъ не то, что обыкновенно называютъ его единствомъ—это важное классическое требованіе къ Шекспиру, какъ извѣстно, непримѣнимо. Единство дѣйствія уподобляетъ драму пальмѣ, состоящей изъ одного только ствола, его объединенность—дубу, стволъ котораго раздѣляется на много сучьевъ и вѣтокъ; прежняя „исторія" не была ни тѣмъ, ни другимъ, а скорѣе—чтобы продолжать сравненіе, — уподоблялась баобабу, многіе самостоятельные стволы котораго сплетаются между собою лабиринтомъ соединительныхъ вѣтвей. Что касается художественнаго развитія дѣйствія, то подъ нимъ мы разумѣемъ проведеніе строгой драматургической связи между отдѣльными драматическими моментами, тщательную мотивировку каждаго изъ нихъ какъ съ психологической, такъ и съ экономической точки зрѣнія. Дошекспировская драма не сознавала этого требованія, а если и удовлетворяла ему, то случайно; въ шекспировскихъ „исторіяхъ" оно сплошь и рядомъ нарушается; лишь на Плутархѣ, который и самъ съ драматическимъ интересомъ относился къ судьбѣ своихъ героевъ, Шекспиръ научился сознательно ему повиноваться. Конечно, безъ нарушеній дѣло не обходится и здѣсь позднѣйшей драмѣ пришлось во многомъ двинуть дальше шекспировскую технику; но все же прогрессъ былъ очень великъ.

Сравнивая Шекспира съ Плутархомъ, мы должны отличать тѣ уклоненія, которыя были вызваны рецидивами прежней беззаботной техники, отъ тѣхъ, въ которыхъ сказывается сознательное различіе во взглядахъ... Послѣднее предположеніе можетъ показаться страннымъ: гдѣ же можетъ быть различіе во взглядахъ на римскую исторію между Шекспиромъ и его источникомъ? Отвѣчаемъ: вездѣ, гдѣ въ исторіи играли роль общечеловѣческіе элементы. А таковымъ была, прежде всего, толпа или „народъ" въ спеціальномъ значеніи слова. У Плутарха она представлена съ хорошей стороны: конечно, она экспансивна, но не настолько, чтобы измѣнять самой себѣ; Цезаря она обожаетъ и только не желаетъ видѣть его царемъ надъ собою, къ его убійцамъ съ самаго начала относится враждебно, такъ что Антонію нетрудно раздуть ея вражду въ дикую жажду мести, однимъ словомъ, это—populus Romanus. У Шекспира не то—и не потому, разумѣется, чтобы онъ пессимистически относился спеціально къ римскому народу, а потому, что во всякой толпѣ онъ видѣлъ просто толпу. Поучительно, въ этомъ отношеніи, сравнить толпу, которую онъ изобразилъ въ „Юліи Цезарѣ" и «Коріоланѣ" съ его родной, англійской, представленной въ его „исторіяхъ", особенно въ Генрихѣ VI (2 ч., д. IV, сц. 8). Тамъ его мысль выражена еще схематичнѣе: толпа, подобно маятнику, колеблется между полководцемъ короля и мятежникомъ Кэдомъ; здѣсь употреблено болѣе искусства, но основное представленіе одно и то же. Въ этомъ презрѣніи къ толпѣ видѣли доказательство аристократизма Шекспира; быть можетъ, правильнѣе, будетъ усмотрѣть въ немъ проявленіе индивидуализма, который въ немъ, какъ въ истинномъ сынѣ Возрожденія, былъ очень силенъ. Въ силу того же индивидуализма онъ—противорѣча и въ этомъ отношеніи Плутарху — выдвинулъ Кассія за счетъ прочихъ друзей римской свободы. У Плутарха многіе римляне независимо другъ отъ друга требуютъ отъ Брута его подвига: у Шекспира (д. I, сц. 2) все это представлено дѣломъ одного только Кассія, который является настоящей душой заговора.

Иного рода различіе во взглядахъ сказалось въ характеристикѣ Каски. У Плутарха это такой же заговорщикъ, какъ и остальные, одинъ изъ многихъ; у Шекспира вышла очень ярко очерченная, живая личность—юмористъ, но все же юмористъ-заговорщикъ, веселость котораго приправлена значительной долей желчи. Мы можемъ прослѣдить довольно точно возникновеніе этой фигуры: это — „клоунъ" старинной англійской драмы (см. т. I, стр. 58), представитель комическаго элемента въ трагедіи, въ которомъ поэтъ нуждался для болѣе эффектнаго оттѣненія трагизма. Онъ имѣется во всѣхъ трехъ римскихъ пьесахъ: въ „Антоніи и Клеопатрѣ" его имя—Аэнобарбъ, въ „Коріоланѣ"—Мененій Агриппа. Въ этой послѣдней, самой поздней драмѣ,

поэтъ лучше всего справился со своей задачей: Мененій до конца остается тѣмъ, чѣмъ онъ представленъ съ первыхъ сценъ, между тѣмъ какъ Аэнобарбъ въ послѣднихъ дѣйствіяхъ теряетъ свой юморъ и превращается въ трагическую фигуру, а Каска и совсѣмъ не появляется.

Зато нельзя сказать, чтобы Шекспиръ въ характеристикѣ главнаго героя трагедіи—таковымъ мы должны признать Брута — разошелся со своимъ источникомъ. Правда, есть одна сцена, которая какъ бы заставляетъ насъ думать, что поэтъ видѣлъ въ немъ актера, драпирующагося въ благородство, а не искренняго и честнаго человѣка — и мы предпочитаемъ обратить вниманіе читателя на нее, чѣмъ стараться замазать противорѣчіе. Въ д. IV сц. 3 Кассій упрекаетъ Брута въ томъ, что онъ мало пользуется уроками своей философіи. „Напротивъ", говоритъ Брутъ — и въ доказательство ссылается на спокойствіе, съ которымъ онъ переноситъ смерть своей горячо любимой супруги. Здѣсь впервые Кассій узнаетъ, что Порція скончалась; онъ потрясенъ этимъ извѣстіемъ, но Брутъ проситъ его не говорить болѣе о немъ. Являются Титиній съ Мессалой, у послѣдняго на душѣ тяжелое порученіе. Онъ сначала выпытываетъ Брута: „нѣтъ ли у тебя письма отъ жены?" — „Нѣтъ, Мессала". — „Ни даже извѣстія о ней?"—„Нѣтъ", отвѣчаетъ Брутъ, очевидно говоря неправду. Мессала проситъ его по-римски перенести несчастье и тогда только сообщаетъ ему, какъ нѣчто новое, вѣсть о смерти жены. „Что жъ, Порція, прости!" отвѣчаетъ Брутъ... Что это такое? Разыгрываетъ ли Брутъ передъ друзьями комедію стоицизма, чтобы произвести впечатлѣніе на нихъ? Нетрудно убѣдиться, что представленіе о Брутѣ, какъ о комедіантѣ, противорѣчитъ всей прочей трагедіи; но еще важнѣе вотъ что: когда Мессала, пораженный величіемъ Брута, восклицаетъ: „такъ то великій мужъ переноситъ великія утраты!" Кассій говоритъ: „я выучкой (in art) тебѣ въ этомъ не уступлю, но моя природа была бы не въ состояніи такъ это перенести!" А между тѣмъ Кассій долженъ былъ знать, что Брутъ только притворяется, будто извѣстіе о смерти Порціи застигло его врасплохъ.— Въ чемъ же дѣло? Въ томъ, что передъ нами не двѣ послѣдовательныя сцены, а два варіанта одного и того же мотива. Первоначально послѣ словъ Брута „эй, Люцій! Принеси чарку вина", Люцій приноситъ требуемое (далеко ходить ему было незачѣмъ, такъ какъ они находились въ палаткѣ Брута) и оба друга пили мировую, затѣмъ приходили Титиній и Мессала и Брутъ узналъ отъ послѣдняго о смерти своей жены. Позднѣе поэтъ счелъ болѣе удобнымъ вставить этотъ мотивъ въ сцену съ Кассіемъ: что мы имѣемъ дѣло со вставкой, подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ея концѣ мы читаемъ тѣ же слова, что и передъ ея началомъ: тамъ — ...immediatly to us. Lucius, a bowl of wine! здѣсь—Speak no more of her. Give me a bowl of wine. Вся эта вставка можетъ быть удалена безъ всякаго ущерба (какъ равно и стихъ Cass. Portia, art thou gone? Brut. No more. I pray you въ началѣ сцены съ Мессалой); конечно, вставляя её, Шекспиръ предполагалъ пропустить соотвѣтственное мѣсто въ разговорѣ съ Мессалой (примѣрно отъ словъ Мессалы „есть у тебя письма отъ жены?" до вышеприведеннаго восклицанія Кассія); такъ какъ первое печатное изданіе „Юлія Цезаря" появилось болѣе чѣмъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ его возникновенія, то неудивительно, что въ него попали оба варіанта.

Вернемся, однако къ драматической техникѣ. Что касается объединенности дѣйствія, то въ немъ никакого сомнѣнія быть не можетъ: оно сдерживается личностью главнаго героя трагедіи, Брута. Находили страннымъ, что, несмотря на центральное положеніе этой роли, драма названа не по ней, а по лицу, умирающему въ третьемъ актѣ; но страннаго тутъ ничего нѣтъ. Шиллеръ колебался, по поводу своей третьей юношеской трагедіи между заглавіями: „Луиза Миллеръ", по имени героини, и „Коварство и любовь" по имени движущихъ силъ драмы. Шекспиръ равнымъ образомъ назвалъ свою драму по имени не ея героя, а ея главной движущей силы, каковой былъ именно Юлій Цезарь, живой и мертвый. Объединенность же получилась очень просто: поэту достаточно было слѣдовать своему источнику, у котораго личность Брута тоже является звеномъ между концомъ біографіи „Юлія Цезаря" и біографіей Брута. Иногда онъ умѣло пропускаетъ сцены, имѣвшія только историческій, но не драматическій интересъ — таковы событія между уходомъ Брута изъ Рима и проскрипціей (ср. о нихъ наше введеніе къ „Антонію и Клеопатрѣ)". Можно тутъ поставить вопросъ, почему онъ не пропустилъ и самой про-

скрипціи; должны ли мы признать въ ней рецидивъ прежней фрагментарной техники, или же эта сцена объединена идейно съ прочимъ дѣйствіемъ? Полагаемъ, что объединена. Вспомнимъ совѣщаніе заговорщиковъ (Д. II, сц. 2): на предложеніе Кассія убить вмѣстѣ съ Цезаремъ и Антонія, Брутъ отвѣчалъ отказомъ—онъ не хочетъ кровопролитія, онъ радъ бы пощадить и Цезаря, если бы можно было истребить его духъ, не трогая тѣла. Къ этому благородному увлеченію мечтателя-идеалиста образуетъ разительный контрастъ циническій реализмъ тріумвировъ и ихъ позорные торги о человѣческой крови; вотъ каковы тѣ, кому суждено побѣдить Брута! Не даромъ поэтъ подчеркивалъ, что они не остановились даже передъ убійствомъ Цицерона — и не даромъ имъ выведенъ на сцену этотъ кумиръ всей эпохи Возрожденія. Правда онъ лишь на подобіе тѣни скользитъ по подмосткамъ, но тѣни внушительной и великой, соединяющей энергію человѣка дѣла съ тихой безстрастностью мудреца.

Менѣе удачно построеніе фабулы въ другихъ мѣстахъ. Гнѣвъ народа противъ Цинны-поэта у Плутарха гораздо лучше мотивированъ и вставленъ въ общее развитіе дѣйствія, чѣмъ у Шекспира. Тамъ Цинна-заговорщикъ обращается къ народу съ рѣчью, понося въ ней память Цезаря, эта рѣчь глубоко возмущаетъ народъ—между тѣмъ какъ у Шекспира Цинна-заговорщикъ совершенно стушевывается передъ своими товарищами. Равнымъ образомъ у Плутарха страшная участь Цинны-поэта является важнымъ моментомъ въ развитіи дальнѣйшаго дѣйствія, такъ какъ именно она заставляетъ заговорщиковъ покинуть Римъ; у Шекспира они еще раньше ушли, и сцена убійства Цинны—простое интермеццо полусмѣшного, полутрагическаго характера. Такимъ же интермеццо, да къ тому же и малопонятнымъ, должны мы признать появленіе „поэта“ въ палаткѣ Брута съ цѣлью его примиренія съ Кассіемъ. Прежде всего это былъ вовсе не поэтъ, а почтенный сенаторъ Фавоній, приверженецъ стоической философіи, почитатель и подражатель Катона. Узнавъ о спорѣ между обоими освободителями Рима, онъ ворвался въ палатку и патетическимъ голосомъ продекламировалъ мѣсто изъ рѣчи Нестора къ Агамемнону и Ахиллу изъ первой пѣсни Иліады (ст. 259 сл. пер. Гнѣдича):

Но покоритесь, могучіе! оба меня вы моложе и т. д.

Его увели, но своей цѣли онъ всетаки достигъ: ссора прекратилась; повидимому, спорящіе усмотрѣли въ его поведеніи отголосокъ настроенія войска. Нашъ поэтъ могъ мотивировать прекращеніе ссоры этими политическими соображеніями, или же психологическимъ процессомъ—отрезвляющимъ вліяніемъ смѣшного на расходившіяся страсти. Онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого; у него противники помирились еще до появленія Фавонія, которое оказывается, такимъ образомъ, лишеннымъ всякаго драматургическаго значенія.

Но прогрессъ, представляемый „Юліемъ Цезаремъ“ въ смыслѣ послѣдовательнаго развитія дѣйствія, заключается именно въ томъ, что мы вездѣ сознаемъ это требованіе и чувствуемъ его нарушенія, какъ таковыя, между тѣмъ какъ по отношенію къ „исторіямъ“ и ихъ прерывистому характеру самого требованія возникнуть не можетъ. А что и послѣ Шекспира драматургической техникѣ нужно было во многомъ усовершенствоваться—причемъ школа французскаго классицизма тоже не пропала даромъ—это разумѣется само собою. Приведу одинъ образчикъ, особенно интересный для насъ. Плутархъ разсказываетъ (Цез. гл. 63), что „по очень распространенному слуху нѣкій прорицатель сказалъ Цезарю, чтобы онъ остерегался страшной опасности, угрожающей ему въ тотъ день мѣсяца марта, который римляне зовутъ Идами. Такъ вотъ, когда этотъ день наступилъ, Цезарь на пути въ сенатъ привѣтствовалъ прорицателя и шутя сказалъ ему: что жъ, мартовскія Иды наступили,—онъ же спокойно отвѣтилъ: да, наступили, но еще не миновали“. Шекспиръ этотъ мотивъ цѣликомъ принялъ въ свою трагедію. Въ д. I, сц. 2—Цезарь слышитъ предсказаніе относительно мартовскихъ Идъ. Третье дѣйствіе начинается съ насмѣшливыхъ словъ Цезаря „мартовскія Иды наступили!“ и зловѣщаго отвѣта прорицателя: „да, Цезарь, но еще не миновали!“—но психологически мотивъ не использованъ; не видно, чтобъ этотъ вѣщатель имѣлъ какое нибудь вліяніе не только на образъ дѣйствій, но даже и на настроеніе Цезаря.—Отъ Шекспира мотивъ перешелъ къ Алексѣю Толстому: но насколько тщательнѣе онъ у него развитъ! Вспомнимъ, подъ какимъ гнетомъ живетъ суевѣрная душа Іоанна со времени даннаго ему предсказанія, но какимъ торжествомъ встрѣчаетъ онъ наступленіе рокового дня и какое страшное дѣйствіе имѣетъ на него

переданный Годуновымъ отвѣтъ волхвовъ: „Кириллинъ день еще не миновалъ“.

Это не значитъ, разумѣется, что Алексѣй Толстой, какъ талантъ, стоитъ выше Шекспира; это значитъ только, что драматургическая техника со времени Шекспира подверглась еще большему усовершенствованію, которымъ русскому поэту нетрудно было воспользоваться. Но, обозрѣвая развитіе техники исторической драмы отъ первыхъ опытовъ Шекспира и до нашихъ дней, мы должны сказать, что именно нашъ „Юлій Цезарь“ былъ важнымъ шагомъ впередъ на пути ея усовершенствованія; въ немъ мы имѣемъ право признать, въ противоположность къ драматизованнымъ хроникамъ прежнихъ лѣтъ—первую историческую драму, заслуживающую этого имени.

Θ. Зѣлинскій.

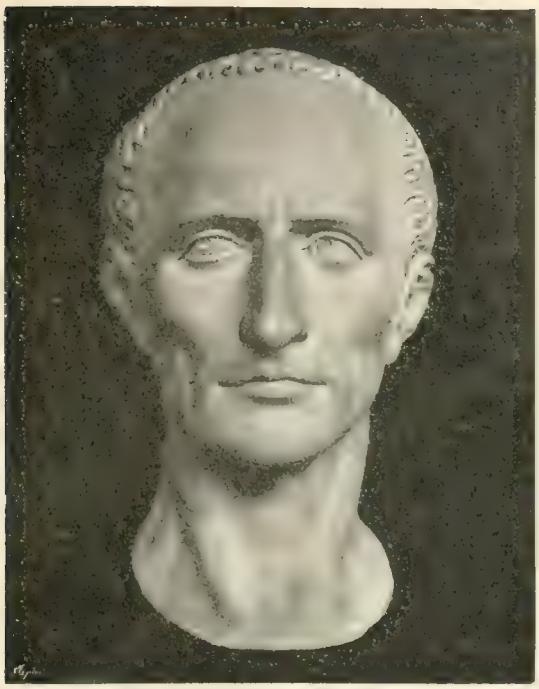
РАЗВАЛИНЫ РИМСКАГО ФОРУМА.
Съ фотографіи.

Дѣйствующія лица:

Юлій Цезарь.
Октавій Цезарь, }
Маркъ Антоній, } тріумвиры по смерти Цезаря.
Маркъ Эмилій Лепидъ, }
Цицеронъ, Публій и Попилій Лена, сенаторы.
Маркъ Брутъ, }
Кассій, }
Каска, }
Требоній, } заговорщики противъ Юлія Цезаря
Лигарій, }
Децій (Децимъ) Брутъ, }
Метеллъ Цимберъ, }
Цинна, }

Флавій и Маруллъ, трибуны.
Артемидоръ, софистъ книдосскій.
Цинна, стихотворецъ.
Другой стихотворецъ.
Предсказатель.
Люциній, Титиній, Мессала, молодой Катонъ, Волюмній, друзья Брута и Кассія.
Варонъ, Клитъ, Клавдій, Стратонъ.
Люцій, Дарданій, служители Брута.
Пиндаръ, служитель Кассія.
Кальфурнія, жена Цезаря.
Порція, жена Брута.
Сенаторы, граждане, стража, служители и проч.

Мѣсто дѣйствія въ Римѣ, а потомъ въ Сардахъ и, наконецъ, при Филиппахъ.



ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.
Античный бюстъ въ лондонскомъ Британскомъ музеѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Римъ.—Улица.

Входятъ Флавій, Маруллъ *и толпа граждан*ъ.

Флавій.

Домой, лѣнтяи! развѣ нынче праздникъ?
Скажите мнѣ, не знаете вы, что ли,
Что въ будни вамъ, мастеровымъ, нельзя
Ходить безъ внѣшнихъ знаковъ ремесла?
Ты кто такой?

1-й гражданинъ. Я, сударь, плотникъ.

Маруллъ.

Такъ гдѣ жъ отвѣсъ и кожаный передникъ?
Зачѣмъ идешь ты въ праздничномъ нарядѣ?
Вы, сударь, ваше ремесло какое?

2-й гражданинъ. Правду сказать, сударь, я ремесленникъ не важный, если сравнить меня съ хорошимъ мастеровымъ.

Маруллъ. Твое ремесло? Отвѣчай прямо.

2-й гражданинъ. Ремесло, сударь, надѣюсь, такое, что могу имъ заниматься безъ угрызенья совѣсти: я починяю грѣхи *).

Маруллъ. Какое жъ ремесло? Ты, плутъ шутливый, ремесло какое?

2-й гражданинъ. Нѣтъ, пожалуйста, сударь, не гнѣвайтесь, не надрывайтесь. Впрочемъ, если надорветесь, я вамъ помогу.

Маруллъ. Что? ты поможешь мнѣ, грубіянъ?

2-й гражданинъ. Ну, да, подкину вамъ подметки.

Маруллъ. Такъ ты, значитъ, чеботарь?

2-й гражданинъ. Да! только и живу шиломъ. И только шиломъ вмѣшиваюсь въ дѣла торговцевъ и женщинъ. Я, по правдѣ,

*) Здѣсь у Шекспира игра въ созвучьи словъ: sole—подошва и soul—душа.

врачъ старой обуви. Когда она въ опасности, я ее выручаю изъ бѣды. Самыхъ лучшихъ людей, когда либо ходившихъ на воловьей шкурѣ, мнѣ случалось ставить на ноги, благодаря своему ремеслу.

Флавій.

Зачѣмъ же ты теперь не за работой,—
Зачѣмъ людей ты этихъ за собою
По улицамъ таскаешь?

2-й гражданинъ. Я для того таскаю ихъ за собою, чтобы они скорѣе изнсили свою обувь; такимъ образомъ я добуду побольше работы. Шутки въ сторону: мы сегодня празднуемъ, чтобъ видѣть Цезаря и выразить свой восторгъ по случаю его торжества.

Маруллъ.

Съ чего восторгъ? Съ какимъ завоеваньемъ
Вернулся онъ въ отчизну? Гдѣ они,
Тѣ данники, что онъ привелъ въ цѣпяхъ,
Чтобы свою украсить колесницу?
Вы—камни, вы—безчувственныя твари!
Суровыя сердца жестокихъ римлянъ
Забыли ужъ Помпея. Сколько разъ
Взлѣзали вы на стѣны и на башни,
На окна, даже на вершины трубъ,
Держа дѣтей въ рукахъ; и цѣлый день
Сидѣли вы, съ терпѣньемъ ожидая,
Когда начнется шествіе Помпея
По улицамъ ликующаго Рима!
Когда его являлась колесница,
Восторженные клики раздавались;
Они съ такою силою звучали,
Что самый Тибръ въ волненье приходилъ
Среди своихъ отвѣсныхъ береговъ,
Гдѣ ваши крики эхомъ повторялись.
Зачѣмъ же вы такъ пышно разрядились
И новый праздникъ создали, цвѣтами
Безумно усыпая путь того,
Кто пролилъ кровь великаго Помпея!
Скорѣй домой спѣшите! На колѣни
Падите предъ богами, ихъ молите,
Чтобъ отвратили страшную ту кару,
Которую навѣрное накличетъ
Неблагодарность ваша.

Флавій.

Да, уйдите,
Почтенные сограждане. Вамъ надо
Тяжелый свой проступокъ искупить.
Сберитесь, бѣдные, на берегъ Тибра.
Пусть ваши слезы капаютъ въ него,
Пока вода и въ самомъ мелкомъ мѣстѣ
Его высокій берегъ не затопитъ. (*Граждане расходятся*).
Расплавился подлѣйшій изъ металловъ:
Они ушли, сознавъ свою вину...
Ты путь свой къ Капитолію направь,
А я другою улицей пойду,
Срывая украшенья и трофеи
Вездѣ, гдѣ только встрѣтятся они.

Маруллъ.

Но можно ль это сдѣлать? Вѣдь сегодня,
Какъ это знаешь, праздникъ Луперкалій.

Флавій.

О, ничего! Нигдѣ не оставляй
Ты Цезаря трофеевъ. По домамъ
Я буду чернь повсюду разгонять.
Примѣру моему и ты послѣдуй!
Мы Цезаря полетъ должны умѣрить,
Изъ крылъ его выщипывая перья;
Не то онъ такъ подымется высоко,
Что скроется изъ глазъ людскихъ совсѣмъ
И окуетъ всѣхъ рабскою боязнью.

СЦЕНА II.

Площадь.

Шествіе съ музыкой.—Цезарь, Антоній, (*для участія въ бѣгѣ*) Кальфурнія, Порція, Децій, Цицеронъ, Брутъ, Кассій и Каска, *за ними густая толпа, среди которой предсказатель.*

Цезарь.

Кальфурнія!

Каска.

Пусть всѣ умолкнутъ: Цезарь говоритъ! (*Музыка умолкаетъ*).

Цезарь.

Кальфурнія!

Кальфурнія.

Я здѣсь.

Цезарь.

Когда Антоній
Начнетъ свой бѣгъ, стань на его дорогѣ.
Антоній!

Антоній.

Что тебѣ угодно, Цезарь?

Цезарь.

Ты не забудь коснуться на бѣгу
Кальфурніи. Намъ старцы говорятъ,
Что будто бы безплодныя рождаютъ,
Когда въ бѣгу священномъ ихъ коснутся.

Антоній.

Могу ль забыть? Твои приказы, Цезарь,
Немедленно всегда я исполняю.

Цезарь.

Не прерывайте шествія; при этомъ
Обычные обряды соблюдайте.

Предсказатель.

О, Цезарь!

Цезарь.

Кто зоветъ?

Каска.

Молчите снова! (*Музыка умолкаетъ*).

Цезарь.

Кто изъ толпы сейчасъ ко мнѣ взывалъ?
Чей это голосъ, музыку покрывшій,
Звалъ Цезаря? Ему внимать готовъ я.

Предсказатель.

Тебѣ грозятъ бѣдою иды марта.

Цезарь.

Кто этотъ человѣкъ?

Брутъ.

Онъ предсказатель,
Тебѣ совѣтъ дающій опасаться
Идъ марта.

Цезарь.

Пусть приблизится ко мнѣ!
Его въ лицо хочу я увидать.

Кассій.

Пріятель, выйди изъ толпы скорѣе
И къ Цезарю приблизься.

Цезарь.

Что сказалъ ты?
Свои слова ты повтори при мнѣ.

Предсказатель.

Тебѣ грозятъ бѣдою иды марта!

Цезарь.

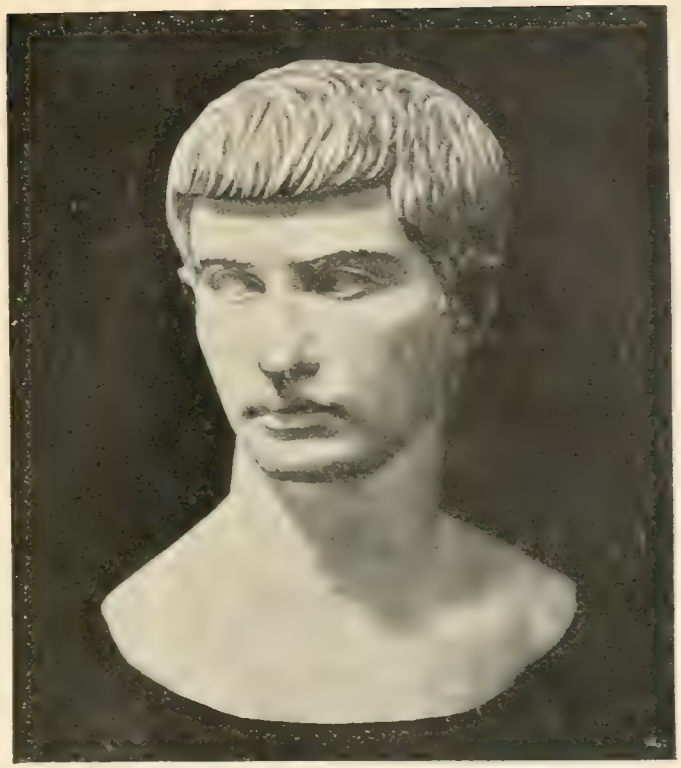
Онъ бредитъ. Бросимте его. Пойдемъ.
(*Музыка. Всѣ уходятъ, кромѣ Брута и Кассія*).

Кассій.

Ты развѣ не пойдешь смотрѣть на бѣгъ?

Брутъ.

Охоты нѣтъ.



МАРКЪ ЮНІЙ БРУТЪ.
Античная статуя въ Капитолійскомъ музеѣ.

Кассій.

Прошу, пойдемъ со мною.

Брутъ.

Я не любитель игръ; мнѣ не хватаетъ
Веселости Антонія. Тебѣ
Помѣхой быть я не желаю, Кассій,
И потому уйду.

Кассій.

Послушай, Брутъ!
Я съ нѣкоторыхъ поръ не замѣчаю
Въ твоихъ глазахъ, той нѣжности, той дружбы,
Къ которымъ я привыкъ. Ты съ лучшимъ другомъ
И скрытенъ сталъ, и холоденъ.

Брутъ.

О, Кассій,
Повѣрь, ты ошибаешься. Мой взоръ,
Быть можетъ, омрачился, но тому
Причиной служитъ внутренній разладъ.
Я жертвой сталъ тревожныхъ, мрачныхъ, думъ,

Что межъ собою въ вѣчномъ разногласьи.
Тѣ думы лишь касаются меня
И могутъ, для меня и незамѣтно,
Вліять на обращеніе мое.
Моимъ друзьямъ не надо огорчаться,—
А въ ихъ числѣ и Кассія считаю:
Моя холодность только знакъ того,
Что бѣдный Брутъ, въ борьбѣ съ самимъ собою,
Невольно забываетъ выражать
Свою любовь къ другимъ.

Кассій.

Теперь я вижу,
Что дурно изъяснилъ твою холодность,
Благодаря которой я скрывалъ
На днѣ души не мало важныхъ мыслей,
Достойныхъ обсужденія. Скажи,
Ты можешь ли свое лицо увидѣть?

Брутъ.

Не иначе, какъ черезъ отраженье
Другихъ предметовъ.

Кассій.

Жаль, что нѣтъ зеркалъ,
Способныхъ твоему представить взору
Сокрытыя достоинства твои,
Чтобъ ты свое могъ видѣть отраженье!
Не разъ жалѣли лучшіе изъ римлянъ,
За исключеньемъ Цезаря, что Брутъ
Не хочетъ глазъ открыть, когда повсюду
Царятъ насиліе и произволъ.

Брутъ.

Меня вовлечь въ опасность хочешь ты,
Во мнѣ стараясь мысли пробудить,
Которыхъ не имѣлъ я.

Кассій.

Слушай, Брутъ!
Посредствомъ отраженья только можно
Себя увидѣть; зеркаломъ твоимъ
Я буду и съ смиреньемъ предъ тобою
Раскрою то, что о себѣ не знаешь.
Во мнѣ не сомнѣвайся, милый Брутъ:
Я не изъ тѣхъ, что съ вѣчною насмѣшкой
Глядятъ на жизнь. Я не изъ тѣхъ, что дружбу
Позорятъ, передъ каждымъ расточая
Пустыя увѣренія въ любви.
Въ глаза не льщу я людямъ, чтобъ затѣмъ
Ихъ поносить; пировъ я избѣгаю
И дружбы съ недостойными людьми
Не завожу, а потому ты можешь
Довѣриться мнѣ смѣло. (*Слышны возгласы*).

Брутъ.

Что за крики?
Боюся я, что Цезаря народъ
Провозгласитъ царемъ.

Кассій.

Боишься ты,—
Такъ, вѣрно, этого ты не желаешь?

Брутъ.

О, нѣтъ, хоть крѣпко я люблю его...
Но ты зачѣмъ меня такъ долго держишь?
Скажи ты мнѣ, что сообщить хотѣлъ...
Коль рѣчь твоя общественнаго блага
Коснется, и ты выборъ мнѣ предложишь
Межъ честью или смертью,—выборъ мой,
Повѣрь, не долго ждать себя заставитъ:
Я честь люблю, то знаете вы, боги,
И къ ней любовь сильнѣе страха смерти!

Кассій.

Я знаю, Брутъ, что эта добродѣтель
Въ твоей душѣ, и потому о чести
Съ тобою я бесѣду поведу.
Не знаю я, какъ думаютъ другіе
И ты объ этой жизни, но по мнѣ
Отраднѣе не жить, чѣмъ трепетать
Предъ существомъ, что вамъ во всемъ подобно.
Мы родились свободными, какъ Цезарь;
Мы одинаково вскормлены; какъ и онъ,
Переносить мы можемъ зимній холодъ.
Мнѣ помнится, однажды въ бурный день,
Когда ревущій Тибръ, покрытый пѣной,
Изъ береговъ рвался въ остервененьи,
Мнѣ Цезарь такъ сказалъ: „Дерзнешь ли, Кассій,
Ты броситься въ клокочущія волны
И плыть со мной къ условленному мѣсту?“
Ни слова не сказавъ, совсѣмъ одѣтый,
Я бросился въ бушующую рѣку
И крикнулъ, чтобъ онъ слѣдовалъ за мною.
Поплылъ и онъ. Ревѣлъ и злился Тибръ.
Мы мощными руками разсѣкали
Клубящіяся волны, отъ себя
Отбрасывая ихъ въ борьбѣ тяжелой.
Но вотъ вдругъ Цезарь, цѣли не достигнувъ,
Мнѣ закричалъ: „О, Кассій, помоги!
Иль я пойду ко дну“. Къ нему подплылъ я
И Цезаря, что выбился изъ силъ,
Я вытащилъ изъ волнъ ревущихъ Тибра,
Какъ нѣкогда великій предокъ нашъ,
Эней, изъ Трои вынесъ на плечахъ
Анхиза престарѣлаго. Теперь
Онъ богомъ сталъ, и жалкій Кассій долженъ
Сгибаться передъ нимъ, когда небрежно
Ему кивнуть угодно головой.
Въ Испаніи, когда онъ въ лихорадкѣ
Лежалъ, во время приступовъ ея

Онъ весь дрожалъ; да, этотъ богъ дрожалъ!
Съ его трусливыхъ губъ сбѣжала краска,
И взоръ, что цѣлый міръ приводитъ въ трепетъ,
Совсѣмъ померкъ. Я слышалъ, какъ стоналъ онъ;
Его уста, которыхъ изреченья
Записываютъ римляне, шептали
Такъ жалобно, какъ дѣвочка больная:
„Титиній, дай мнѣ пить“. Я удивляюсь,
О, боги, что такой тщедушный смертный
Повелѣваетъ міромъ и одинъ
Надъ всѣми первенствуетъ.

Брутъ.

Снова крики!
Въ нихъ вижу доказательство того,
Что почестями новыми народъ
Осыпалъ Цезаря.

Кассій.

Онъ, какъ колоссъ
Загромоздилъ нашъ узкій міръ собою,
А мы, созданья жалкія, снуемъ
Межъ ногъ его громадныхъ и пугливо,
Глядя кругомъ, могилъ безславныхъ ищемъ!..
Повѣрь мнѣ, Брутъ, что можетъ человѣкъ
Располагать судьбой, какъ хочетъ.
Не въ звѣздахъ, нѣтъ, а въ насъ самихъ ищи
Причину, что ничтожны мы и слабы.
Поставимъ рядомъ Цезаря и Брута—
Что жъ въ Цезарѣ особеннаго есть?
Зачѣмъ, ты объясни мнѣ, это имя
Должны мы слышать чаще твоего?
Ихъ рядомъ напиши—они другъ другу
Въ красѣ не уступаютъ; рядомъ ихъ
Произнеси—и оба благозвучны;
Коль взвѣсишь ихъ—и оба полновѣсны.
Ты ими заклинай—и такъ же сильно
Подѣйствуетъ на чувства имя Брута,
Какъ имя Цезаря. Скажите, боги,
Какою же невѣдомою пищей
Питается нашъ Цезарь, что такъ скоро
И такъ ужасно выросъ? Жалкій вѣкъ!
Ты опозоренъ, Римъ! Утратилъ ты
Способность создавать мужей великихъ!
Случалось ли хоть разъ, отъ дней потопа,
Чтобъ поколѣнье цѣлое людей
Прославилось однимъ лишь человѣкомъ?
До сей поры сказалъ ли кто-нибудь,
Что одного лишь мужа славный Римъ
Въ стѣнахъ своихъ обширныхъ заключаетъ?
Теперь же—это истина. О, Римъ!
Имѣя одного лишь человѣка,
Ты опустѣлъ! А отъ отцовъ и дѣдовъ
Слыхали мы, что жилъ когда-то Брутъ,
Который, словно чорта, властелина
Не потерпѣлъ бы въ Римѣ.

Брутъ.

Я нисколько
Въ твоей любви не сомнѣваюсь. Кассій.
Отчасти я угадываю то,
Къ чему ты хочешь приготовить...
Что думаю о нашемъ положеньи—
Я сообщу тебѣ въ другое время;
Теперь же не разстраивай меня;
Обдумаю, что сказано тобою,
И выслушать готовъ, что остается
Тебѣ сказать. Чтобъ говорить о дѣлѣ,
Удобнѣе должны мы выбрать время,
А до того довольствуйся и этимъ.
Такіе мы переживаемъ дни
И столько бѣдъ мнѣ видится въ грядущемъ,
Что мнѣ отраднѣй было бъ превратиться
Въ простого селянина, чѣмъ носить
Названье сына Рима!

Кассій.

Счастливъ я,
Что слабыми словами могъ извлечь
Хоть искру изъ души великой Брута.

Брутъ.

Оконченъ бѣгъ; идетъ обратно Цезарь.

Кассій.

Когда онъ будетъ мимо проходить
Со свитой, Каску дерни за рукавъ—
И онъ съ обычной желчностью разскажетъ
Все то, что было важнаго сегодня.

(*Цезарь со свитой возвращается*).

Брутъ.

Такъ сдѣлаю. На Цезаря взгляни:
Его чело и пасмурно, и гнѣвно;
А остальные идутъ, какъ рабы,
Что выговоръ тяжелый получили.
Кальфурнія блѣдна, и Цицеронъ
Такія искры мечетъ изъ очей,
Какъ это мы видали въ Капитольи,
Когда ему противорѣчить смѣетъ
Какой-нибудь сенаторъ.

Кассій.

Это все
Намъ Каска разъяснитъ.

Цезарь.

Антоній!

Антоній.

Здѣсь я.

Цезарь.

Вокругъ себя желаю я имѣть

Людей лишь тучныхъ, съ гладкою прической
И ночью мирно спящихъ. Посмотри,
Какъ Кассій истощенъ и худъ. Опасны
Такіе люди.

Антоній.

Не бойся, Цезарь:
Онъ благороденъ и благонамѣренъ.

Цезарь.

Желалъ бы я, чтобъ онъ тучнѣе былъ;
Но не боюсь его. Когда бъ со страхомъ
Я былъ знакомъ, никто не могъ бы мнѣ
Казаться такъ опаснымъ, какъ сухой
И злобный Кассій. Много онъ читаетъ
И любитъ наблюдать. Въ сердца людей
Онъ взоромъ проникаетъ и умѣетъ
Угадывать ихъ тайныя желанья.
Не любитъ игръ онъ, вотъ какъ ты, Антоній,
И музыку онъ слушать не охотникъ;
Онъ рѣдко улыбается и, если
Порою улыбнется, то какъ будто
Смѣется надъ собой иль негодуетъ
На то, что въ немъ улыбка пробудилась.
Такіе люди вѣчно недовольны,
Когда есть человѣкъ, что выше ихъ,
И потому они весьма опасны.
Я говорю, чего бояться должно,
Но самъ я не боюсь—я вѣчно Цезарь!
Направо перейди,—на это ухо
Я совершенно глухъ,—и мнѣ скажи,
Что ты, по правдѣ, думаешь о немъ.
(*Цезарь и его свита уходятъ. Каска остается*).

Каска. Ты дернулъ меня за плащъ: ты, вѣрно, хочешь поговорить со мной?

Брутъ. Да, Каска, разскажи намъ, что случилось сегодня—и почему Цезарь такъ не въ духѣ.

Каска. Зачѣмъ? Вѣдь вы были съ нимъ. Развѣ нѣтъ?

Брутъ. Еслибъ былъ я съ Цезаремъ, я не спрашивалъ бы тебя, что случилось.

Каска. Ему предложили вѣнецъ, и, когда онъ былъ ему предложенъ, Цезарь оттолкнулъ его рукою — вотъ такъ, и народъ сталъ выражать свою радость восторженными возгласами.

Брутъ. Почему раздались эти крики во второй разъ?

Каска. По той же причинѣ.

Кассій. Возгласы раздались трижды. По какому случаю слышались они въ послѣдній разъ?

Каска. Все по тому же.

Брутъ. Развѣ три раза предлагали ему вѣнецъ?

Каска. Да, три раза, и каждый разъ онъ все тише и тише отталкивалъ его, и при всякомъ отталкиваньи мои честные сосѣди оглашали воздухъ радостными криками.

Кассій. Кто же предлагалъ ему вѣнецъ?

Каска. Антоній.

Брутъ. Любезный Каска, разскажи намъ обо всемъ этомъ подробно.

Каска. Хоть повѣсьте меня, но всѣхъ подробностей не могу припомнить. Я знаю только, что это была пустѣйшая комедія, на которую я не обратилъ особаго вниманія. Я видѣлъ, что Маркъ Антоній поднесъ ему вѣнецъ, и не совсѣмъ вѣнецъ—а маленькую коронку. Какъ я уже сказалъ, онъ оттолкнулъ его; но мнѣ показалось при этомъ, что онъ это дѣлаетъ не безъ сожалѣнья. Антоній во второй разъ предложилъ ему вѣнецъ; онъ опять его отклонилъ; на этотъ разъ мнѣ показалось, что онъ съ трудомъ отдѣлялъ отъ него свои пальцы. Послѣ этого Антоній и въ третій разъ поднесъ ему вѣнецъ, и въ третій разъ онъ отказался отъ него. Послѣ каждаго отказа толпа выражала свою радость неистовыми криками, хлопала своими мозолистыми руками, бросала вверхъ пропитанные потомъ колпаки и такъ заразила воздухъ своимъ зловоннымъ дыханьемъ, по случаю того, что Цезарь отказывается отъ вѣнца, что Цезарь почти задохся: онъ лишился чувствъ и упалъ. Что касается до меня, я не смѣялся только отъ того, что боялся надышаться зараженнымъ воздухомъ, если открою ротъ.

Кассій. Ты говоришь, что съ Цезаремъ сдѣлалось дурно?

Каска. Да, онъ упалъ на площади съ пѣною у рта, и у него отнялся языкъ.

Брутъ. Это весьма возможно: онъ подверженъ припадкамъ падучей болѣзни.

Кассій. Нѣтъ этой болѣзни у Цезаря; но мы всѣ — и ты, и я, и честный Каска, подвержены ей.

Каска. Я не знаю, что ты хочешь этимъ сказать: но я увѣренъ въ томъ, что Цезарь упалъ. И я тебя увѣряю, что чернь рукоплескала ему и шикала совершенно такъ, какъ она это дѣлаетъ съ актерами въ театрѣ, смотря по тому, какъ ей нравилась его игра.

Брутъ. Что онъ сказалъ, очнувшись?

Каска. Еще до паденья, когда онъ замѣтилъ, что народъ радуется его отказамъ, онъ раскрылъ воротъ своего платья и предложилъ перерѣзать ему горло. Будь я ремесленникомъ, я скорѣе бы согласился отпра-

виться въ адъ со всякими злодѣями, чѣмъ не исполнить немедленно его предложенья. Потомъ онъ упалъ. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ попросилъ прощенья у высокаго собранья, если сказалъ или сдѣлалъ что нибудь неподходящее, надѣясь, что оно припишетъ это его болѣзни. Три или четыре шлюхи, что стояли подлѣ меня, воскликнули: „О, добрая душа“, и простили его отъ всего сердца. Но это еще не имѣетъ большого значенія, такъ какъ онѣ сдѣлали бы то же самое, если бы даже Цезарь умертвилъ и матерей ихъ.

Брутъ.

И опечаленный оставилъ игры онъ?

Каска. Да.

Кассій. Не говорилъ ли Цицеронъ?

Каска. Да, но только по-гречески.

Кассій. По какому же случаю?

Каска. Этого я ужъ никакъ не могу объяснить; но тѣ, которые понимали его, улыбались, покачивая головами; для меня же это было греческой тарабарщиной. Вотъ еще новость: Маруллу и Флавію рты зажали за то, что они срывали украшенья съ изображеній Цезаря. Прощайте. Я бы могъ сообщить еще много глупаго, что было тамъ надѣлано, да всего не припомнишь.

Кассій. Не хочешь ли поужинать со мной сегодня ночью, Каска?

Каска. Нѣтъ, не могу—я отозванъ въ другое мѣсто.

Кассій. Такъ не придешь ли завтра къ обѣду?

Каска. Изволь, если буду живъ, а у тебя не пройдетъ охота; но закажи такой обѣдъ, которымъ бы стоило позаняться.

Кассій. Такъ я буду ждать тебя завтра.

Каска. Хорошо. Прощайте оба.

(Уходитъ).

Брутъ.

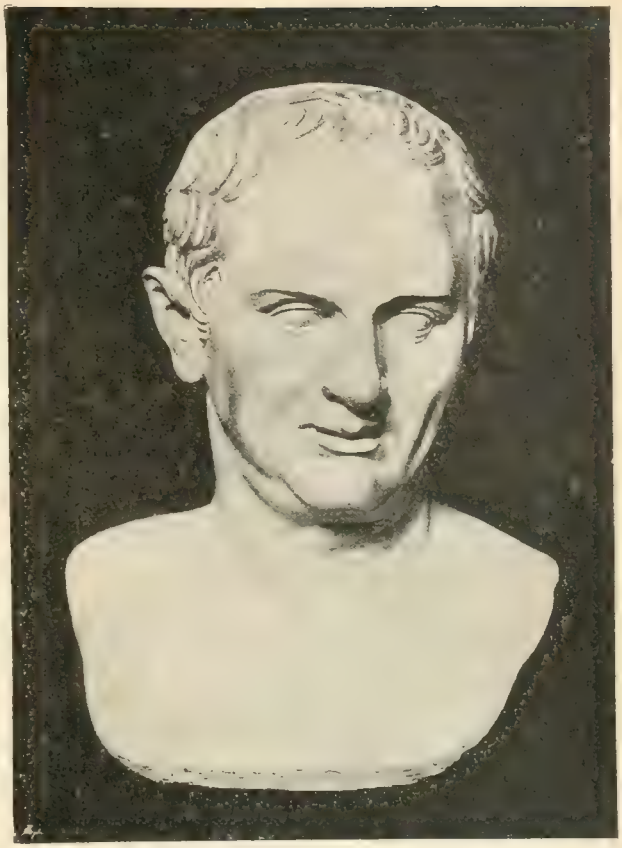
Какъ неуклюжъ онъ сталъ; а помнишь, въ школѣ
Какой онъ былъ живой и шустрый малый?

Кассій.

Таковъ онъ и теперь, когда участье
Онъ въ благородномъ дѣлѣ принимаетъ.
А эту неуклюжесть на себя
Накидываетъ только; въ ней приправа
Къ его остротамъ желчнымъ; съ нею легче
Его слова переваришь порою.

Брутъ.

Быть можетъ, такъ. Прощай. Коль хочешь, завтра



МАРКЪ ТУЛЛІЙ ЦИЦЕРОНЪ.
Античная статуя въ Ватиканскомъ музеѣ.

Къ тебѣ приду, чтобъ говорить о дѣлѣ.
Иль ты приди; я буду ждать тебя.

Кассій.

Приду къ тебѣ. А ты о томъ подумай,
Какимъ сталъ свѣтъ. *(Брутъ уходитъ).*
Ты благороденъ, Брутъ,
Но и тебя возможно отклонить
Отъ твоего прямого назначенья;
Поэтому-то честнымъ людямъ надо
Сближаться лишь съ подобными себѣ.
Кто столько твердъ, что выше обольщеній?
Меня не терпитъ Цезарь. Брута же онъ любитъ.
И еслибъ былъ я Брутомъ, а мною—онъ,
Увѣренъ я, не могъ бы онъ меня
На свой настроить ладъ. Я въ окна Брута
Хочу подбросить нѣсколько записокъ,
Написанныхъ различно, чтобъ онъ думалъ,
Что разные ихъ граждане прислали.
Во всѣхъ упомяну я о надеждахъ,
Что возлагаетъ Римъ на имя Брута,

Съ намеками неясными на то,
Какъ властолюбье Цезаря опасно!
Мы ждемъ, о, Цезарь! гибели твоей,
Иль сами доживемъ до худшихъ дней!

СЦЕНА III.

Улица.

(*Гром и молнія. Съ разныхъ сторонъ входятъ* Цицеронъ *и* Каска *съ обнаженными мечемъ.*)

Цицеронъ.

А, добрый вечеръ, Каска! Проводилъ ли
Ты Цезаря домой? Но отчего
Такъ трудно дышешь ты, дрожишь отъ страха?

Каска.

А развѣ ты спокойнымъ остаешься,
Когда земля колеблется, какъ море?
О, Цицеронъ! Порой видалъ я бури,
Когда ревущій вихрь валилъ на землю
Столѣтніе дубы; видалъ порою,
Какъ гордый океанъ, вздымаясь гнѣвно,
Старался доплеснуть до грозныхъ тучъ
Дымящуюся пѣну волнъ своихъ;
Но никогда, до этой страшной ночи,
Я огненнаго вихря не видалъ.
Иль небеса въ войнѣ междоусобной,
Или хотятъ разгнѣванные боги
Разрушить міръ за всѣ его неправды!

Цицеронъ.

Что видѣлъ ты чудеснаго?

Каска.

Недавно
Какой-то рабъ,—его въ лицо ты знаешь,—
Вверхъ поднялъ руку лѣвую свою;
Она съ такою силой запылала,
Какъ если бъ двадцать факеловъ горѣло;
И что жъ—рука осталась невредимой.
На льва наткнулся я, близъ Капитолья
(Съ тѣхъ поръ меча не вкладывалъ я въ ножны);
Онъ на меня взглянулъ и удалился,
Меня не тронувъ. Тутъ наткнулся я
На сотню женщинъ блѣдныхъ, искаженныхъ
Отъ ужаса. Онѣ столпились въ кучу.
Клялися мнѣ, что видѣли людей,
Огнемъ одѣтыхъ съ ногъ до головы,
Что мимо нихъ по улицамъ сновали.
Вчера ночная птица въ самый полдень
На площади усѣлась, оглашая
Окрестности своимъ зловѣщимъ крикомъ.
Когда такъ много видится чудесъ,
Нельзя сказать: „естественны они".
Увѣренъ я, что горе предвѣщаютъ
Они мѣстамъ, въ которыхъ проявились.

Цицеронъ.

Дѣйствительно, все это очень странно;
Но люди, объясняя иногда
По своему явленія природы,
Въ нихъ видятъ то, чего въ нихъ вовсе нѣтъ.
Придетъ ли завтра Цезарь въ Капитолій?

Каска.

Придетъ. Онъ даже поручилъ Антонью
Тебѣ сказать, что будетъ.

Цицеронъ.

Доброй ночи!
Гулять нельзя, когда такъ грозно небо...

Каска.

Прощай (*Цицеронъ уходитъ. Входитъ* Кассій).

Кассій.

Кто здѣсь?

Каска.

Сынъ Рима.

Кассій.

Мнѣ сдается,
Что этотъ голосъ—Каски.

Каска.

Слухъ твой вѣренъ.
Какая ночь, о, Кассій!

Кассій.

Людямъ честнымъ
Она пріятна.

Каска.

Кто подумать могъ бы,
Что небеса такъ гнѣвомъ воспылаютъ!

Кассій.

Подумать могъ бы тотъ, кому извѣстно,
На сколько міръ нечестьемъ переполненъ.
Что до меня касается, ходилъ я
По улицамъ и подвергалъ себя
Опасностямъ ужасной этой ночи.
Ты видишь, Каска, грудь я обнажилъ
И подставлялъ ее ударамъ грома,
Когда, синѣя, молніи сверкали
И разверзали небо.

Каска.

О, зачѣмъ
Испытывать ты хочешь небеса?

Живущіе должны склоняться
въ страхѣ
И трепетать, когда ихъ пора-
жаютъ
Предвѣстьемъ бѣдъ разгнѣ-
ванные боги.

КАССІЙ.

Ты духомъ палъ; въ тебѣ нѣтъ
свѣтлыхъ чувствъ,
Что римлянинъ носить въ
груди бы долженъ,
Иль ты скрываешь ихъ? Ты поблѣднѣлъ,
Дрожишь и ужасаешься, глядя
На странное негодованье неба.
Но если бъ ты добрался до причинъ
Всѣхъ этихъ сверхъестественныхъ явленій,—
Блуждающихъ огней, бродящихъ духовъ,
Тѣхъ перемѣнъ, что въ нравахъ замѣчаемъ
Звѣрей и птицъ, тѣхъ странныхъ прорицаній,
Что дѣлаютъ безумцы, старики
И даже дѣти; грозныхъ измѣненій
Законовъ, что природой управляютъ,—
Ты понялъ бы, что указуетъ небо
Тревожными явленьями своими
На положеніе ужасное страны.
Тебѣ назвать могу я человѣка,
Который схожъ со страшной этой ночью:
Онъ молніей сверкаетъ, разражаясь
Громовыми ударами; могилы
Онъ разверзаетъ и рычитъ, какъ левъ,
Что въ Капитольи. Этотъ человѣкъ
Ничѣмъ другихъ людей не превосходитъ,
Но сдѣлался такъ силенъ и такъ грозенъ,
Что сталъ страшнѣй явленій этой ночи.

КАСКА.

О Цезарѣ ты, вѣрно, говоришь?

КАССІЙ.

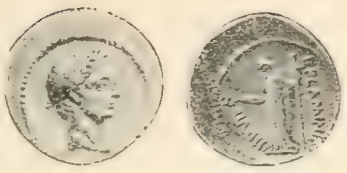
Не въ этомъ дѣло. Съ предками своими
Теперешніе римляне сходны
Сложеньемъ и лицомъ, но духъ отцовъ
Въ нихъ не горитъ и духомъ матерей
Онъ замѣнился. Въ гнетѣ ненавистномъ,
Что давитъ насъ, видна женоподобность,
Благодаря которой терпѣливо
Мы все выносимъ.

КАСКА.

Я отъ многихъ слышалъ,
Что Цезаря провозгласить царемъ
Сенаторы хотятъ, собравшись завтра.
Вѣнецъ царя вездѣ носить онъ будетъ,
Но только не въ Италіи.

КАССІЙ.

Я знаю:



Монеты съ изображеніемъ Цезаря съ боковъ.

Будь правда это, гдѣ кинжалъ
мой будетъ?
Отъ рабства Кассій Кассія
избавитъ.
О, боги! съ этимъ слабый по-
лонъ силъ!
О, боги! этимъ деспотовъ свер-
гаютъ!
Ни каменныя башни, ни ог-
рады,
Ни душныя темницы, ни оковы
Не могутъ силу духа обуздать...
И человѣкъ, коль цѣпи слишкомъ тяжки,
Всегда отъ нихъ освободиться можетъ.
Пусть знаетъ цѣлый міръ, какъ я то знаю,
Что рабства грузъ, гнетущій жизнь мою,
Когда хочу, всегда могу я свергнуть.

(Еще одинъ ударъ грома).

КАСКА.

Могу и я; и самый жалкій рабъ
Имѣетъ власть порвать свои оковы.

КАССІЙ.

Зачѣмъ же Цезарь хочетъ быть тираномъ?
О, бѣдный! Онъ не могъ бы волкомъ быть,
Когда бъ не зналъ, что римляне бараны;
Не сталъ бы львомъ, будь римляне не серны;
Кто хочетъ развести большой огонь,
Сначала жжетъ солому. Жалокъ Римъ
И гнусенъ, если служитъ матерьяломъ,
Чтобъ освѣщать ничтожество такое,
Какъ Цезарь! Замолчи, о, голосъ скорби!
Я, можетъ быть, все это говорю
Передъ рабомъ, что цѣпь свою цѣлуетъ;
Тогда я за слова свои отвѣчу.
Но я вооруженъ и съ равнодушьемъ
Взираю на опасность.

КАСКА.

Не забудь,
Что съ Каской говоришь ты, съ человѣ-
комъ,
Что на доносъ всегда смотрѣлъ съ пре-
зрѣньемъ;
Какъ другъ, тебѣ протягиваю руку;
Сбирай людей, чтобъ отвратить бѣду,
И знай: никто такъ не пойдетъ далеко,
Какъ я.

КАССІЙ.

Союзъ мы можемъ заключить.
Уже я много римлянъ благородныхъ
Склонилъ на предпріятье, что опасно,
Но вмѣстѣ съ этимъ славно. Всѣ они
Подъ портикомъ Помпея ждутъ меня.
Въ такую ночь ужасную нельзя
По улицамъ ходить, когда стихіи
И пламенны, и грозны, и кровавы,
Какъ дѣло, что хотимъ мы совершать.

КАСКА.

Остерегись, идутъ къ намъ.

КАССІЙ.

Это Цинна—
Я по походкѣ узнаю его.
Его бояться нечего—онъ другъ.
(*Входитъ* ЦИННА).
Куда спѣшишь ты, Цинна?

ЦИННА.

Я тебя
Вездѣ ищу. Съ тобою, вѣрно, Цимберъ?

КАССІЙ.

Нѣтъ, это Каска. Онъ въ союзѣ съ нами.

ЦИННА.

Весьма доволенъ этимъ. Что за ночь!
Двоимъ или троимъ изъ насъ случилось
Свидѣтелями быть явленій страшныхъ.

КАССІЙ.

Что, ждутъ меня?

ЦИННА.

Да, Кассій. Какъ бы надо
Уговорить и Брута къ намъ примкнуть!

КАССІЙ.

Объ этомъ не заботься, добрый Цинна.
Вотъ эту ты записку положи
На преторское кресло, чтобы Брутъ
Ее найти бы могъ. Другую брось
Въ его окно; а эту прилѣпи
Ты воскомъ къ Брута стараго статуѣ.
Затѣмъ приди ты къ портику Помпея,
Гдѣ насъ найдешь. Скажи, Требоній тамъ ли
И Децій Брутъ?

ЦИННА.

Всѣ въ сборѣ, только нѣтъ
Метелла, что послали за тобой.
Сейчасъ твои записки отнесу.

КАССІЙ.

Исполнивши, спѣши въ театръ Помпея.
(*Цинна уходитъ*).
Мы до разсвѣта Брута посѣтимъ,
Три четверти его ужъ въ нашей власти;
Еще одно свиданье—и онъ нашъ.

КАСКА.

Его народъ глубоко уважаетъ:
Участіе его въ союзѣ нашемъ
Подѣйствуетъ, какъ бы волшебный жезлъ,
Мгновенно обращая въ добродѣтель,
Что въ насъ могло бъ казаться преступленьемъ.

КАССІЙ.

Ты хорошо его значенье понялъ:
Мы безъ него не можемъ обойтись...
Пойдемъ. Мы до зари разбудимъ Брута,
Чтобы его совсѣмъ уговорить. (*Уходятъ*).

РИМСКІЕ ЛИКТОРЫ.

ВИДЪ НА ДРЕВНІЙ РИМЪ СО СТОРОНЫ ТИБРА.
Гравюра Сарджента (Sargent) 1840-хъ гг.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Римъ. Садъ Брута.

(*Входитъ* Брутъ).

Проснися, Люцій! По теченью звѣздъ
Я не могу узнать, какъ близокъ свѣтъ...
Проснися, Люцій. Какъ хотѣлъ бы я
Такъ крѣпко спать! Эй Люцій! Эй, проснись!
(*Входитъ* Люцій).

Люцій.

Ты звалъ меня?

Брутъ.

Въ рабочій мой покой
Поставь свѣтильникъ и, когда зажжешь,
То приходи сказать.

Люцій.

Приказъ исполню. (*Уходитъ*).

Брутъ.

Мы съ нимъ должны покончить непремѣнно...
Не для меня нужна его погибель,—
Для блага всѣхъ она необходима...
Вѣнца онъ добивается. На сколько
Его измѣнитъ онъ—вотъ въ чемъ вопросъ...
При блескѣ дня ехидна выползаетъ,—
И потому мы ходимъ осторожно...
Вѣнчать его? И что жъ?—увѣренъ я,
Что мы его снабдимъ опаснымъ жаломъ,
Съ которымъ онъ вредить по волѣ будетъ...
Опасна власть, когда съ ней совѣсть въ ссорѣ;
А Цезарь, если правду говорить,
Разсудку никогда не подчинялъ
Своихъ страстей. Смиренье, какъ извѣстно,
Лишь лѣстница для юныхъ честолюбій;
Кто вверхъ идетъ, лицо къ ней обращаетъ;
Но лишь достигнетъ цѣли, къ ней спиной
Становится и смотритъ въ облака,
Съ презрѣньемъ обращаясь къ тѣмъ ступенямъ,
Что помогли ему наверхъ взобраться.
Такъ Цезарь можетъ сдѣлать; чтобъ не могъ—
Мы это зло должны предотвратить...
Опасности теперь не вижу я;
Но, если мы его усилимъ власть,
Онъ въ крайность бросится. А потому смотрѣть
Мы на него должны, какъ на змѣю.

Что изъ яйца не вышла. Дать ей время
Увидѣть свѣтъ—и такъ же ядовита
Она, какъ всѣ другія змѣи, станетъ,
Ее убить должны мы въ скорлупѣ.
(Входитъ Люцій).

Люцій.

Зажегъ свѣтильникъ. Подошелъ къ окну,
Ища кремень, и вотъ нашелъ письмо;
Печать на немъ цѣла. Я вѣрно знаю,
Что не было его, какъ спать пошелъ я.

Брутъ.

Засни опять, еще до свѣта долго.
Не завтра ли настанутъ иды марта?

Люцій.

Не знаю.

Брутъ.

Посмотри въ календарѣ
И дай отвѣтъ.

Люцій.

Сейчасъ пойду узнать. *(Уходитъ).*

Брутъ

Съ такою силой молніи сверкаютъ,
Что я могу читать при свѣтѣ ихъ. *(Читаетъ).*
О, Брутъ! ты спишь. Проснись, приди въ себя!
Ужели Римъ... глаголь, рази, спасай!
О, Брутъ, ты спишь! отъ сна очнуться надо!
Такія письма съ нѣкоторыхъ поръ
Подбрасываютъ мнѣ довольно часто...
„Ужели Римъ...“ я такъ дополнить долженъ,—
Ужели Римъ склонитъ покорно выю
Подъ игомъ властелина? Никогда!
Тарквинья предокъ мой изъ Рима выгналъ,
Когда его царемъ провозгласили...
„Глаголь, рази, спасай!“ Меня зовутъ
Разить и дѣйствовать. О, Римъ! клянусь,
Что, если мнѣ спасать тебя придется,
Рукою Брута ты доволенъ будешь.
(Люцій *возвращается).*

Люцій.

Четырнадцать дней марта ужъ прошло...
(За сценой стукъ).

Брутъ.

Благодарю! Къ воротамъ поспѣши,—
Стучится кто то. *(Люцій уходитъ).*
Сна не знаю я
Съ тѣхъ поръ, какъ противъ Цезаря впервые
Меня возстановить старался Кассій...
Сравниться можетъ время, что проходитъ
Межъ совершеньемъ тягостнаго дѣла
И первымъ побужденіемъ къ нему,
Съ тревожнымъ сномъ иль грознымъ привидѣньемъ:
Въ то время духъ и смертныя орудья
Между собою держатъ совѣщанье,
И организмъ весь человѣка
Подобенъ небольшому государству,
Въ которомъ происходитъ возмущенье.
(Люцій *возвращаясь).*
Тебя желаетъ видѣть братъ твой, Кассій.

Брутъ.

Одинъ ли онъ?

Люцій.

Нѣтъ, съ нимъ еще другіе...

Брутъ.

Ихъ знаешь ли?

Люцій.

Отвѣтить не могу:
Такъ на глаза надвинуты ихъ шапки
И въ тоги такъ закутались они,
Что лица ихъ я разглядѣть не могъ...

Брутъ.

Пускай войдутъ. *(Люцій уходитъ).*
То заговора члены.
О, заговоръ! тебѣ и ночью стыдно
Свое чело опасное открыть,
Когда все злое движется свободно...
Гдѣ днемъ тебѣ найти такой пріютъ
Настолько мрачный, чтобы спрятать въ немъ
Свое лицо ужасное? Напрасно!
Такого не ищи. Скрывай себя
Улыбками и напускнымъ радушьемъ;
Коль выступишь ты въ настоящемъ видѣ,
То самъ Эребъ своимъ зловѣщимъ мракомъ
Тебя не оградитъ отъ наказанья...

(Входятъ Кассій, Каска, Децій, Пинна, Метеллъ, Цимберъ и Требоній).

Кассій.

Здорово, Брутъ! тебя мы безпокоимъ,
Такъ дерзко нарушая твой покой...

Брутъ.

Я часъ какъ всталъ; всю ночь я спать не могъ...
Знакомы ль мнѣ пришедшіе съ тобою?

Кассій.

Ты знаешь всѣхъ—и всѣ они тебя
Глубоко уважаютъ. Ихъ желанье,

Чтобъ о себѣ ты раздѣлялъ бы мнѣнье
Всѣхъ благородныхъ римлянъ: вотъ—
Требоній.

Брутъ.

Я радъ ему.

Кассій.

А вотъ—и Децій Брутъ.

Брутъ.

Ему я также радъ.

Кассій.

Вотъ Каска, Цинна.
А вотъ Метеллъ и Цимберъ.

Брутъ.

Всѣмъ очень радъ.
Скажите мнѣ, какой заботы тяжкой
Васъ давитъ гнетъ, что сна лишились вы?

Кассій.

Два слова я хочу тебѣ сказать.
(Брутъ и Кассій отходятъ)

Децій.

Вотъ начинаетъ ужъ востокъ свѣтиться.

Каска.

Ошибся ты.

Цинна.

Не долго утра ждать:
Межъ облаками полосы сѣдыя—
Предвѣстницы зари.

Каска.

Сознайтесь сами,
Что оба ошибаетесь. Заря
Восходитъ ближе къ югу. Тамъ она,
Куда мой мечъ указываетъ, если
Принять въ разсчетъ, что лишь начало года.
Два мѣсяца пройдетъ и заниматься
Она немного сѣвернѣе станетъ.
Теперь востокъ за самымъ Капитольемъ.

Брутъ.

Поочередно всѣ мнѣ дайте руки.

Кассій.

Нашъ уговоръ должны скрѣпить мы клятвой.

Брутъ.

О, нѣтъ! безъ клятвъ. Когда еще намъ мало
Народныхъ бѣдъ и собственнаго горя,
Когда намъ мало тяжкихъ испытаній
Текущихъ дней, то лучше разойдемся
И къ праздному назадъ вернемся ложу.
Пусть царствуетъ надменный произволъ,
Пока мы всѣ, по жребью, не погибнемъ.
Но если въ насъ достаточно огня,
Какъ я увѣренъ въ томъ, чтобъ даже труса
Воспламенить во имя общей пользы
И робкимъ женамъ мужества придать,
Скажите мнѣ, сограждане, зачѣмъ
Нуждаться намъ въ стороннемъ побужденьи,
Когда насъ дѣло общее связало
И насъ влечетъ къ возстанью? Намъ порукой

БРУТЪ.

Статуя Микель Анжело (1475—1564).
Національный музей во Флоренціи.

Молчанье римлянъ, что, разъ давши слово,
Не могутъ отступиться отъ него.
Къ чему намъ клятвы, если честью чести
Обѣтъ даемъ, что дѣло совершимъ
Иль за него погибнемъ. Пусть клянутся
Жрецы и трусы, слабыя созданья,
Что переносятъ всякія неправды
И шлютъ имъ свой привѣтъ. Такихъ людей,
Что заподозрить можно въ темномъ дѣлѣ,
Вы заставляйте клясться; но, прошу васъ,
Не запятнайте наше предпріятье,
Нашъ благородный пылъ предположеньемъ,
Что въ клятвѣ мы нуждаемся, чтобъ слово
Свое сдержать. Позорно сыну Рима—
Хоть только часть не совершить того,
Что обѣщалъ. Въ рожденьи незаконномъ
Его подозрѣвать всѣ будутъ вправѣ...

КАССІЙ.

Какъ думаете вы о Цицеронѣ?
Его не попытать ли? Я увѣренъ,
Что къ намъ въ союзъ съ охотою онъ вступитъ.

КАСКА.

Имъ пренебречь не слѣдуетъ.

ЦИННА.

Конечно!

МЕТЕЛЛЪ.

Серебряные волосы его
Къ намъ привлекутъ общественное мнѣнье
И въ Римѣ намъ сторонниковъ прибавятъ.
Подумаютъ, что нашими руками
Его совѣты мудро управляли,
А также нашу юность и отвагу
Его почтенный видъ собой прикроетъ...

БРУТЪ.

Нѣтъ, на него разсчитывать не надо...
Онъ никогда участія не приметъ
Въ томъ дѣлѣ, что задумано другими.

КАССІЙ.

Такъ нечего заботиться о немъ.

КАСКА.

Онъ, правда, пригодиться намъ не можетъ.

ДЕЦІЙ.

Одинъ ли Цезарь долженъ только пасть?

КАССІЙ.

Вопросъ ты предлагаешь очень кстати...
Я думаю, что будетъ пользы мало,
Коль Маркъ Антоній, Цезаря любимецъ,
Его переживетъ. Мы въ немъ найдемъ
Опаснаго противника. Онъ много
Имѣетъ средствъ, какъ вамъ не безызвѣстно,
Чтобъ намъ вредить. Предупредимъ опасность,
И пусть Антоній съ Цезаремъ падетъ.

БРУТЪ.

Нѣтъ, проливать не надо столько крови!
Неистовствомъ мы заклеймимъ себя,
Коль части тѣла станемъ отрубать,
Снявъ голову; Антоній же не больше—
Какъ Цезаря частица. Принести
Для общаго добра мы можемъ жертву,
Но мясниками намъ позорно быть.
Мы противъ духа Цезаря возстали,
А въ духѣ крови нѣтъ. О, если бъ можно
Покончить съ духомъ Цезаря безъ крови!
Но это невозможно безъ убійства.
Друзья мои, сразимъ его мы смѣло,
Но чужды кровожадности и гнѣва...
Какъ жертву для боговъ, его низложимъ,
Не растерзавъ его, какъ жалкій трупъ,
Что годенъ для собакъ. Пусть сердце наше
Послѣдуетъ примѣру господина,
Что съ хитростью къ убійству подстрекаетъ
Служителей своихъ, затѣмъ для вида
На нихъ же негодуетъ. Черезъ это
Нашъ замыселъ не будетъ ненавистенъ,
А всѣ его сочтутъ необходимымъ.
Когда его въ такомъ представимъ свѣтѣ,
Народъ за изцѣлителей насъ приметъ,—
Не за убійцъ. Антоній же, повѣрьте,
Заботъ не стоитъ вашихъ. Онъ опасенъ,
Какъ Цезаря рука, когда самъ Цезарь
Лишился головы.

КАССІЙ.

А все жъ онъ страшенъ,—
Такъ Цезарю глубоко преданъ онъ.

БРУТЪ.

Повѣрь, о немъ и говорить не стоитъ;
Коль Цезаря онъ любитъ, пусть умретъ
Съ тоски по немъ,—вотъ все, что сдѣлать можетъ...
Онъ даже и на это неспособенъ,
Широкому разгулу предаваясь.

ТРЕБОНІЙ.

Онъ не опасенъ: пусть себѣ живетъ;
Онъ самъ надъ этимъ послѣ посмѣется...
(*Бьютъ часы*).

БРУТЪ.

Постойте, бьютъ часы.

КАССІЙ.

Пробило три.

ТРЕБОНІЙ.

Намъ время разойтись.

КАССІЙ.

Еще вопросъ,
Оставитъ ли свой домъ сегодня Цезарь?
Онъ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ суевѣренъ
И мнѣніе свое перемѣнилъ
О предсказаньяхъ, снахъ и привидѣньяхъ...
Таинственныя знаменья природы,
Необычайный ужасъ этой ночи
И авгуровъ его увѣщеванья—
Ему придти, быть можетъ, помѣшаютъ
Сегодня въ Капитолій.

ДЕЦІЙ.

Будь покоенъ!
Коль онъ придти не хочетъ, я его

ПОРЦІЯ.
Картина знаменитаго англійскаго живописца Альмы Тадема (Alma Tadema, род. 1836).

Заставлю измѣнить свое рѣшенье.
Онъ часто говоритъ, что носорога
Обманываютъ деревомъ, слона—
Посредствомъ ямы, зеркаломъ—медвѣдя,
Капканомъ—льва, а человѣка—лестью...
Когда жъ я говорю ему, что Цезарь
Льстецовъ не терпитъ, онъ со мной согласенъ,
Не замѣчая, что я льщу ему.
Я знаю, какъ за дѣло надо взяться,
И въ Капитолій приведу его.

Кассій.

Мы всѣ придемъ за нимъ.

Брутъ.

Къ восьми часамъ
Собраться мы должны, никакъ не позже.

Цинна.

Опаздывать не надо.

Метеллъ.

Кай Лигарій,
За похвалу Помпею, получилъ
Отъ Цезаря тяжелую обиду
И на него взбѣшенъ. Я удивляюсь,
Что мы его забыли.

Брутъ.

Другъ Метеллъ!
Зайди теперь къ нему; меня онъ любитъ
Не безъ причинъ. Скажи ему, чтобъ онъ
Ко мнѣ пришелъ; съ нимъ сговорюся я.

Кассій.

Вотъ занялась заря. Оставимъ Брута;

Намъ разойтись пора; но не забудемъ,
Что нами здѣсь обѣщано: докажемъ,
Что истые мы римляне.

Брутъ.

Друзья!
И весело, и бодро выступайте,
Чтобъ замыселъ не обнаружить нашъ...
Какъ римскіе актеры, будьте тверды
И преданы задуманному дѣлу.
Прощайте. (*Всѣ уходятъ, кромѣ Брута*).
Люцій, спишь? о, наслаждайся
Медвяною росой отдохновенья...
Заботъ не знаешь ты, ни тяжкихъ думъ,
И потому твой сонъ такъ крѣпокъ.
(*Входитъ* Порція).

Порція.

Брутъ!

Брутъ.

Что это значитъ, Порція? Зачѣмъ
Такъ рано встала ты? Съ здоровьемъ слабымъ
На свѣжій воздухъ утра выходить
Тебѣ опасно.

Порція.

Вредно и тебѣ.
Зачѣмъ тайкомъ мое ты бросилъ ложе?
За ужиномъ вчера ты вдругъ вскочилъ
И зашагалъ по комнатѣ, вздыхая,
Скрестивъ въ раздумьи руки. На вопросъ:
Что сдѣлалось съ тобой?—суровый взглядъ
Ты бросилъ на меня. Когда жъ опять
Тебя спросила я: что это значитъ—
Ты голову свою руками стиснулъ,
Нетерпѣливо топая ногой.
Я отъ тебя отвѣта не добилась:
Когда свои разспросы продолжала,
Ты гнѣвнымъ мановеніемъ руки
Велѣлъ мнѣ выйти. Я повиновалась,
Боясь твое усилить раздраженье.
Я думала, что просто ты не въ духѣ,
Что иногда случается со всякимъ;
Но ты не ѣшь, не говоришь, не спишь,
И если бы лицо твое подверглось
Такимъ же перемѣнамъ, какъ характеръ,
Тебя узнать я не могла бы, Брутъ.
Твоей печали скрытую причину
Открой мнѣ, повелитель дорогой.

Брутъ.

Я боленъ, вотъ и все.

Порція.

Ты слишкомъ мудръ,
Чтобъ противъ нездоровья не принять
Необходимыхъ мѣръ.

Брутъ.

Я это сдѣлалъ.
Вернись къ себѣ и вновь предайся сну.

Порція.

Когда Брутъ боленъ, можно ли ему
Ходить полунагимъ, впивая сырость
Туманнаго разсвѣта? Если Брутъ
Недугомъ одержимъ, зачѣмъ покинулъ
Здоровое онъ ложе, чтобъ простудой,
Что на него навѣетъ холодъ ночи,
Болѣзнь свою усилить? Нѣтъ, не вѣрю...
Душевною заразой боленъ Брутъ;
Я, какъ жена его, имѣла бъ право
Ея причину знать. О, милый Брутъ,
Передъ тобой склоняю я колѣни...
Во имя красоты, которой я
Когда-то славилась; во имя клятвъ,
Что ты передо мною расточалъ;
Во имя насъ навѣкъ соединившей
Великой клятвы, что обоихъ насъ
Въ одно преобразила существо,—
Молю тебя: открой мнѣ скорбь свою.
Скажи, какихъ людей сегодня ночью
Ты принималъ; ихъ было шесть или семь;
Они скрывали лица и во мракѣ.

Брутъ.

Встань, милая.

Порція.

Когда бъ ты былъ, какъ прежде,
Мой милый Брутъ, скажи, зачѣмъ бы мнѣ
Склоняться предъ тобою? Развѣ было
Условіе такое въ нашемъ бракѣ,
Что тайнъ твоихъ я вѣдать не должна?
Ужели для того мы сочетались,
Чтобъ только я и трапезу, и ложе
Съ тобою раздѣляла и была
Порою собесѣдницей твоей?..
Въ предмѣстьяхъ-ли расположенья Брута
Влачиться я должна? О, если это такъ,
Любовница я Брута, не жена...

Брутъ.

Ты вѣрная и добрая жена—
И такъ же мнѣ мила, какъ капли крови,
Что движутся въ моемъ уныломъ сердцѣ.

Порція.

Будь это правда, я бы тайну знала.
Я женщина, но женщина такая,
Которую Брутъ въ жены выбралъ. Я,
Конечно, женщина; но я Катона дочь
И пользуюсь вездѣ хорошей славой.
Съ такимъ отцомъ и мужемъ, вѣрь мнѣ, Брутъ,
Храбрѣе я и тверже прочихъ женщинъ.

Скажи ты мнѣ рѣшенія свои—
И никому я тайны не открою.
Я рану нанесла себѣ въ бедро,
Чтобъ испытать себя. И если въ силахъ
Я перенесть безмолвно эту боль,
Мнѣ выдать ли коварно тайну мужа?

Брутъ.

О, боги! Я достойнымъ быть хотѣлъ бы
Такой жены. (*Стучатся*).
Какой-то слышенъ стукъ.
Уйди на время, Порція. Ты скоро
Узнаешь тайны сердца моего.
Я выскажу тебѣ свои заботы
И мысли, что меня тревожатъ такъ.
Уйди скорѣй. Кто тамъ стучится, Люцій?
(*Уходитъ* Порція, *входятъ* Люцій и Лигарій).

Люцій.

Тебя больной какой-то хочетъ видѣть.

Брутъ.

То вѣрно Кай Лигарій, о которомъ
Мнѣ говорилъ Метеллъ. Оставь насъ, Люцій.
Какъ можешь, Кай? (*Люцій уходитъ*).

Лигарій.

Я слабымъ языкомъ
Привѣтствую тебя.

Брутъ.

О, какъ некстати
Ты заболѣлъ и сталъ носить повязку.

Лигарій.

Не боленъ я, коль подвигъ благородный
Имѣетъ Брутъ въ виду.

Брутъ.

Такой имѣю.
Но можешь ли ты выслушать меня?

Лигарій.

Клянусь богами римскаго народа,
Что съ плечъ своихъ стряхаю я болѣзнь.
Мы всѣ тебя зовемъ душою Рима..
Потомокъ храбрый доблестнаго предка,
Ты исцѣлилъ, какъ волхвъ, мой падшій духъ—
И я готовъ идти, куда прикажешь;
Готовъ вступить въ неравную борьбу,
Надѣясь на успѣхъ. Скажи, что дѣлать?

Брутъ.

Больнымъ намъ возвратить здоровье надо.

Лигарій.

Здоровому иному не мѣшало бъ
Послать болѣзнь.

Брутъ.

И это надо сдѣлать.
Дорогой разскажу тебѣ, въ чемъ дѣло.

Лигарій.

Иди жъ—и съ сердцемъ вновь воспламененнымъ
Пойду я за тобой, не зная даже,
Что надо совершить; но мнѣ довольно,
Что Брутъ меня ведетъ.

Брутъ.

За мной иди! (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Зала во дворцѣ Цезаря. Громъ и молнія.

Входитъ Цезарь *въ ночномъ одѣяніи.*

Цезарь.

Ни небо, ни земля сегодня ночью
Покоя не нашли. Во время сна
Кальфурнія три раза закричала:
„На помощь! Цезаря хотятъ убить!"
Эй, слуги! (*Входитъ слуга*).

Слуга.

Что угодно?

Цезарь.

Сей же часъ
Сказать жрецамъ, чтобъ жертву принесли,
И ихъ отвѣтъ мнѣ сообщить не медля!
(*Слуга уходитъ*).
(*Входитъ* Кальфурнія).

Кальфурнія.

Ты выйти собираешься? Сегодня
Не долженъ ты изъ дому отлучаться.

Цезарь.

Я выйду. Мнѣ тогда грозитъ опасность,
Когда я къ ней спиной; но лишь она
Лицо увидитъ Цезаря, то сгинетъ.

Кальфурнія.

Ты знаешь, Цезарь, я не суевѣрна;
Но страхъ меня беретъ, когда я вспомню,
Что видѣли мы сами нынче ночью...
Ничто, въ сравненьи съ этимъ, тѣ явленья,
Что нынче стража видѣла въ смущеньи!
Средь улицъ Рима львица окотилась...
Могилы разверзались и усопшихъ
Выбрасывали вонъ. Средь облаковъ,
Построившись въ ряды и легіоны,
По правиламъ военнаго искусства,
Въ огнѣ сражались всадники, и кровь

Текла на Капитолій. Битвы шумъ
Былъ ясно слышенъ въ воздухѣ; стонали
Сраженные въ бою—и ржали кони...
По улицамъ сновали привидѣнья
Съ унылымъ воемъ. Такъ необычайны
Явленья эти, что я ихъ страшусь.

Цезарь.

Нельзя того избѣгнуть, что богами
Назначено,—и Цезарь нынче выйдетъ.
Явленья этой ночи угрожаютъ
На столько жъ мнѣ, насколько и вселенной.

Кальфурнія.

Какъ нищій умираетъ—нѣтъ кометы;
Но сами небеса, воспламеняясь,
О смерти государей возвѣщаютъ.

Цезарь.

Трусъ и до смерти часто умираетъ;
Но смерть лишь разъ извѣдываетъ храбрый.
Изъ всѣхъ чудесъ, что видѣлъ я въ природѣ,
Необъяснимѣе всего лишь то,
Что людямъ смерть страшна, хотя всѣ знаютъ,
Что все жъ она придетъ въ свой часъ урочный.
(*Входитъ слуга*).
Какое мнѣнье авгуровъ?

Слуга.

Они
Совѣтуютъ тебѣ остаться дома:
Они у жертвы сердца не нашли...

Цезарь.

Явили это знаменіе боги
Лишь для того, чтобъ трусовъ пристыдить:
И въ Цезарѣ самомъ не будетъ сердца,
Коль дома онъ останется изъ страха.
Не быть тому. Опасности извѣстно,
Что Цезарь самъ опаснѣе ея.
Мы съ нею львы, что въ тотъ же день родились:
Я старшій и страшнѣйшій. Выйду нынче.

Кальфурнія.

Увы! самонадѣянность твоя
Напрасно губитъ мудрости совѣты.
Останься дома. Всѣмъ сказать ты можешь,
Что этому виной моя трусливость.
Антонія къ сенаторамъ пошлемъ;
Онъ скажетъ имъ, что ты сегодня боленъ.
Молю тебя объ этомъ на колѣняхъ.

Цезарь.

Согласенъ я твою исполнить просьбу:
Антонія къ сенаторамъ пошлю.
(*Входитъ* Децій).
Вотъ Децій Брутъ,—онъ передастъ имъ это.

Децій.

Привѣтствую тебя, великій Цезарь!
Я за тобой пришелъ—идти въ сенатъ.

Цезарь.

Ты во-время пришелъ, чтобъ отнести
Сенаторамъ привѣтствіе мое
И имъ сказать, что не приду сегодня;
Что не могу—то лживо; что не смѣю—
То лживѣе еще; скажи имъ просто,
Что не приду.

Кальфурнія.

Скажи, что боленъ онъ.

Цезарь.

Не можетъ Цезарь лгать. Не для того
Онъ шествовалъ вездѣ побѣдоносно,
Чтобъ старикамъ бояться правду молвить...
Имъ передай, что Цезарь не придетъ.

Децій.

Но почему? скажи, могучій Цезарь,
Чтобъ надо мной они не посмѣялись,
Когда я передамъ твои слова.

Цезарь.

Причина та, что этого хочу я,—
И этого довольно для сената.
Но Децію, котораго люблю,
Открою настоящую причину.
Кальфурнія, жена моя, желаетъ,
Чтобъ дома я остался. Ей приснилось,
Что сотнями отверстій, какъ фонтанъ,
Изъ статуи моей лилася кровь;
Что римляне веселою толпою
Въ ней руки омывали, улыбаясь.
И этотъ сонъ ей кажется предвѣстьемъ
Великихъ близкихъ бѣдствій. На колѣняхъ
Не выходить она меня просила.

Децій.

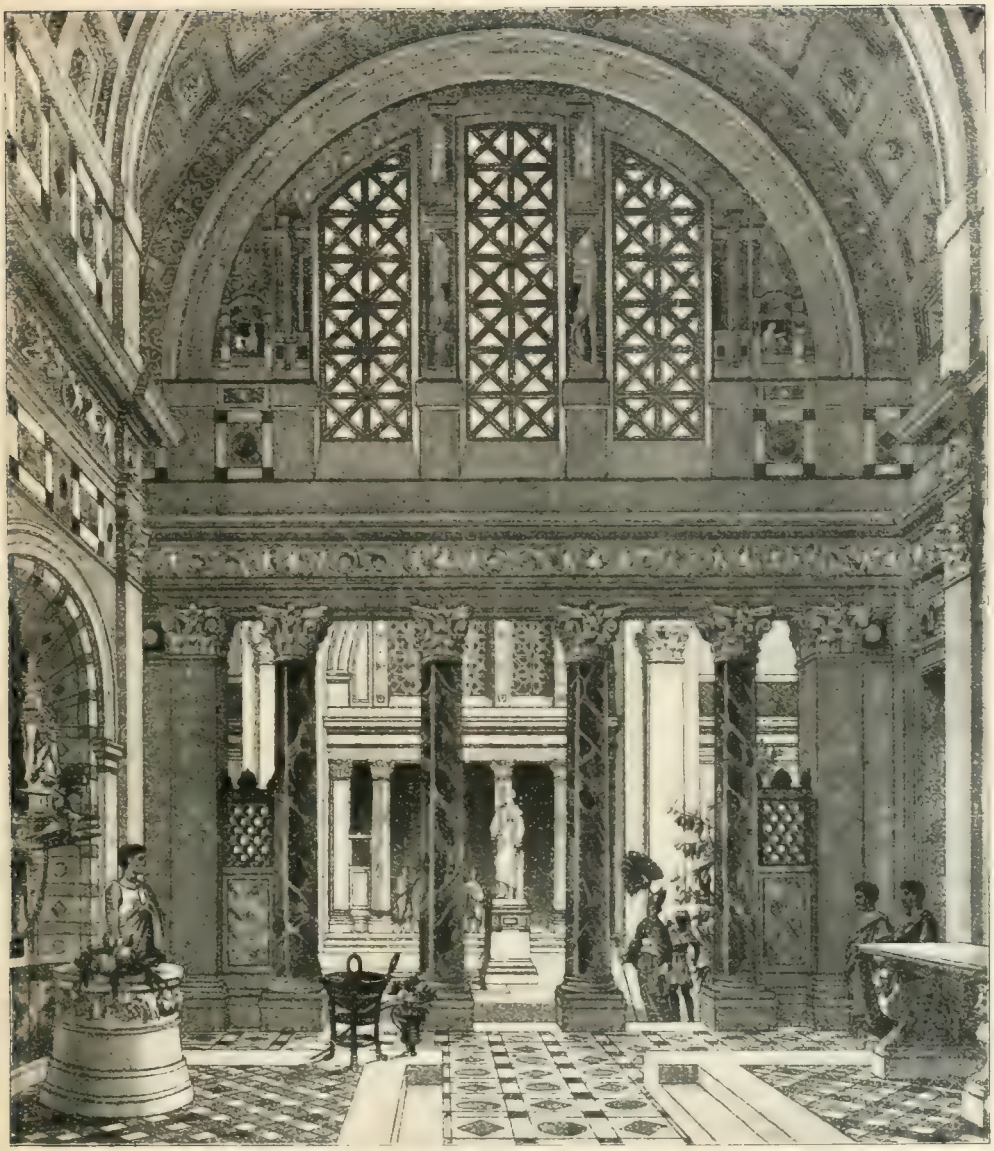
Невѣрно истолкованъ этотъ сонъ:
Онъ предвѣщаетъ счастье и успѣхъ.
Изъ статуи твоей струилась кровь,
И римляне въ ней омывали руки,—
То значитъ, что собой великій Римъ
Ты оживишь, что ринутся къ тебѣ
Толпою знаменитѣйшіе люди,
Ища отличій, почестей и славы.
Вотъ то, что этотъ сонъ обозначаетъ.

Цезарь.

Онъ хорошо тобою истолкованъ...

Децій.

Ты убѣдишься въ правдѣ словъ моихъ,
Когда узнаешь, что сенатъ рѣшилъ



ВНУТРЕННОСТЬ ДОМА ЗНАТНАГО РИМЛЯНИНА.
(*Реставрація Поля Бенара*).

Вѣнецъ царя поднесть тебѣ сегодня...
И если скажешь ты, что не придешь,
Онъ можетъ измѣнить свое рѣшенье;
Къ тому жъ, еще сказать въ насмѣшку могутъ:
„Отложимъ засѣданіе сената,
Пока супруга Цезаря увидитъ
Благопріятный сонъ". Коль Цезарь будетъ
Скрываться, то иной, пожалуй, скажетъ,
Что Цезарь струсилъ. Изъ любви къ тебѣ
Такъ говорить осмѣлиѣаюсь я...
Прости, что надъ разсудкомъ верхъ беретъ
Моя любовь.

ЦЕЗАРЬ.

Какъ мнѣ смѣшны теперь
Кальфурніи пустыя опасенья...
Мнѣ стыдно, что я ей хотѣлъ поддаться...
Одѣться дайте мнѣ. Иду въ сенатъ!
(*Входятъ* ПУБЛІЙ. БРУТЪ. ЛИГАРІЙ, МЕТЕЛЛЪ, КАСКА, ТРЕБОНІЙ *и* ЦИННА).
За мной пришелъ и Публій.

Публій.

Здравствуй Цезарь!

Цезарь.

Здорово, Публій! Вотъ и ты какъ рано
Поднялся нынче, Брутъ! Привѣтъ мой, Каска.
А вотъ и Кай Лигарій. Лохорадка,
Что такъ съ тобой сурово обошлась,
Враждебнѣе къ тебѣ, чѣмъ Цезарь самъ.
Который часъ?

Брутъ.

Пробило только восемь.

Цезарь.

Васъ всѣхъ благодарю я за почетъ...
(*Входитъ* Антоній).
Что вижу! И Антоній между нами,
Хоть въ пиршествахъ всѣ ночи онъ проводитъ.
Привѣтъ ему!

Антоній.

И Цезарю привѣтъ!

Цезарь.

Пусть слуги приготовятъ все, что надо!
Я виноватъ, что ждать васъ заставляю...
Вотъ Цинна, вотъ Метеллъ, а вотъ Требоній...
Поговорить съ тобою долженъ я.
Не позабудь сюда зайти сегодня
И ближе стань ко мнѣ, чтобъ о тебѣ
Я не забылъ.

Требоній.

Исполню это, Цезарь! (*Въ сторону*).
Такъ близко стану я, что пожалѣютъ
Твои друзья, что не стоялъ я дальше!

Цезарь.

Друзья! вина прошу со мной отвѣдать—
И, какъ друзья, отсюда выйдемъ вмѣстѣ!..

Брутъ (*въ сторону*).

Не такъ, о Цезарь! Думая объ этомъ,
У Брута грудь сжимается отъ боли.

СЦЕНА III.

Улица близъ Капитолія.

(*Входитъ* Артемидоръ, *читая бумагу*).

Артемидоръ. „Цезарь, остерегайся Брута, избѣгай Кассія, не подходи къ Каскѣ, слѣди за Цинной, не довѣряйся Требонію, замѣчай, что будетъ дѣлать Метеллъ Цимберъ; тебя не любитъ Децій Брутъ; ты обидѣлъ Кая Лигарія. У всѣхъ этихъ людей только одна забота, и она направлена противъ Цезаря. Если ты не безсмертенъ, то прими мѣры, чтобъ оградить себя отъ нихъ: безнаказанность порождаетъ заговоры. Всемогущіе боги да защитятъ тебя.

Преданный тебѣ Артемидоръ".
Здѣсь на дорогѣ Цезаря я стану,
И, какъ проситель, я вручу ему
Бумагу эту. Больно мнѣ, что доблесть
Всегда живетъ у зависти въ зубахъ...
Прочтешь письмо, о, Цезарь! и спасешься;
А нѣтъ—судьба съ злодѣями въ союзѣ...

СЦЕНА IV.

Другая часть той же улицы передъ домомъ Брута.

(*Входятъ* Порція *и* Люцій).

Порція.

Прошу тебя, бѣги скорѣй въ сенатъ.
Не отвѣчай мнѣ и бѣги скорѣй.
Чтожъ ты стоишь?

Люцій.

Дай порученье мнѣ...

Порція.

Хотѣла бъ я, чтобъ ты уже вернулся,
Приказа моего не дожидаясь...
(*Въ сторону*). Не измѣняй мнѣ, вѣрность!
Между сердцемъ
И языкомъ моимъ воздвигну гору...
Во мнѣ мужчины духъ, но съ женской силой
Какъ трудно тайну женщинѣ хранить!
Ты здѣсь еще?

Люцій.

Что приказать изволишь?
Скажи, зачѣмъ бѣжать мнѣ въ Капитолій?
Какой отвѣтъ оттуда принести?

Порція.

Здоровъ ли господинъ твой—ты узнай...
Себя онъ дурно чувствовалъ сегодня...
Замѣть, что Цезарь дѣлаетъ и кто
Вокругъ него толпится? Что за шумъ?

Люцій.

Я ничего не слышу.

Порція.

Чу! по вѣтру
Доносится какъ будто схватки гулъ
Отъ Капитолья?

Люцій.

Ничего не слышу.

(*Входитъ* ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ).

Порція.

Иди сюда, любезный! Ты откуда?

Предсказатель.

Я изъ дому.

Порція.

Который часъ теперь?

Предсказатель.

Должно быть, часъ девятый.

Порція.

Въ Капитолій
Пошелъ ли Цезарь?

Предсказатель.

Нѣтъ еще Я вышелъ,
Чтобъ посмотрѣть на шествіе его.

Порція.

Есть у тебя прошеніе?

Предсказатель.

Да, есть,
И, если Цезарь будетъ къ Цезарю такъ
добръ,
Я попрошу его быть осторожнѣй.

Порція.

Но развѣ онъ въ опасности?

Предсказатель

Быть можетъ,
Я многаго страшусь. Затѣмъ прости...
Здѣсь мѣсто слишкомъ узко. Такъ всегда
За Цезаремъ снуетъ народа много,
Такъ свита многочисленна его,
Что могутъ задавить до полусмерти
Больного старика. Я постараюсь
Найти просторнѣй мѣсто, чтобъ успѣть
Съ нимъ говорить, когда пройдетъ онъ мимо.
(*Уходитъ*).

Порція.

Теперь должна вернуться я домой.
Какъ слабо сердце женщины. О, Брутъ!
Молю боговъ, чтобъ помогли они
Исполнить предпріятіе твое.
Едва дышу. Я знаю, что у Брута

РИМСКАЯ МАТРОНА ЭПОХИ КОНЦА РЕСПУБЛИКИ.

Античная статуя въ Дрезденскомъ Альбертинумѣ.

Есть просьба, на которую отказомъ
Отвѣтитъ Цезарь. Я дрожу отъ страха...
Бѣги скорѣе, Люцій! Поклонись
Ты Бруту отъ меня; скажи ему,
Что весела я, и съ отвѣтомъ
Немедленно оттуда воротись. (*Уходятъ въ разныя стороны*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Римъ.—Передъ Капитоліемъ. Сенатъ въ засѣданіи. Толпа народа на улицѣ, ведущей къ Капитолію. Въ толпѣ Артемидоръ и предсказатель. Музыка.

Входятъ Цезарь, Брутъ, Кассій, Каска, Децій, Метеллъ, Требоній, Цинна, Антоній, Лепидъ, Попилій, Публій *и др.*

Цезарь.

Ну, вотъ -и иды марта наступили.

Предсказатель.

Да, Цезарь, но еще не миновали.

Артемидоръ.

Привѣтъ тебѣ! прочти бумагу эту.

Децій.

Требоній также проситъ, чтобы ты
Прочелъ его смиренное прошенье.

Артемидоръ.

О, Цезарь! ты мое прочти сначала:
Оно тебя касается. Не медля,
Прочти его.

Цезарь.

Могу прочесть и послѣ,
Коль до меня касается оно.

Артемидоръ.

Прочти его, минуты не теряя!

Цезарь.

Онъ вѣрно обезумѣлъ.

Публій.

Прочь съ дороги!

Кассій.

Зачѣмъ ты подаешь свое прошенье
На улицѣ? Отправься въ Капитолій!

(Цезарь *входитъ въ Капитолій; остальные слѣдуютъ за нимъ.* Сенаторы *остаются*).

Попилій.

Желаю вамъ сегодня я успѣха!

Кассій.

Успѣха въ чемъ, Попилій?

Попилій.

До свиданья!
(*Подвигается къ Цезарю*).

Брутъ.

Что говорилъ тебѣ Попилій Лена?

Кассій.

Онъ пожелалъ, чтобъ наше предпріятье
Успѣхомъ увѣнчалось. Я боюсь,
Что заговоръ открытъ.

Брутъ.

Слѣди за нимъ!
Онъ къ Цезарю подходитъ.

Кассій.

Надо, Каска,
Смѣлѣй разить. Боюсь предупрежденья...
Что дѣлать, Брутъ, коль заговоръ открытъ?
Иль Цезарю, иль Кассію домой
Сегодня не вернуться. Коль извѣстенъ
Нашъ замыселъ, я умерщвлю себя.

Брутъ.

Не падай духомъ, другъ! Попилій Лена
Не намекалъ на наше предпріятье.
Ты видишь, онъ съ улыбкой говоритъ—
И Цезарь не мѣняется въ лицѣ.

Кассій.

Требоній намъ усердно помогаетъ:
Антонія онъ въ сторону отводитъ.

(*Выходятъ Требоній и Антоній.* Цезарь *и* сенаторы *садятся*).

Децій.

Но гдѣ же Цимберъ? Надо бы ему
Свое прошенье Цезарю подать.

Брутъ.

Подходитъ онъ; къ нему скорѣй на помощь
Мы двинуться должны.

Цинна.

Ты первый, Каска,
Свою поднимешь руку.

Цезарь.

Всѣ ль готовы?
Чѣмъ недовольны вы? Какое зло

И Цезарь, и сенатъ должны теперь
Искоренить?

МЕТЕЛЛЪ.

О, всемогущій Цезарь,
Передъ тобой смиренно я склоняюсь.
(Падаетъ на колѣна).

ЦЕЗАРЬ.

Тебя предупредить я долженъ, Цимберъ,
Что подлое твое низкопоклонство
И ползанье прійтись по вкусу могутъ
Обыкновенному лишь человѣку,
Что можетъ измѣнять свои рѣшенья,
Ихъ превращая въ дѣтскій произволъ.
Не думай, что и Цезарь такъ безуменъ,
Что средствами, достойными глупцовъ,
Слащавыми и льстивыми рѣчами,
Поклонами и ласкою собачьей
Его умаслить можешь. Братъ твой изгнанъ
Законно. Если ты колѣна гнешь
И жалко льстишь, чтобъ я простилъ его,—
Тебя, какъ пса, отталкиваю я.
Не можетъ Цезарь быть несправедливымъ
И безъ причинъ рѣшенья не измѣнитъ.

МЕТЕЛЛЪ.

Увы! мой голосъ вѣса не имѣетъ!
Ужель мой братъ межъ вами не найдетъ
Заступника, что Цезаря упроситъ
Его вернуть изъ дальняго изгнанья?

БРУТЪ.

О, Цезарь! я твою цѣлую руку,
Но не изъ лести: я прошу тебя
Его вернуть изъ ссылки.

ЦЕЗАРЬ.

Какъ, и Брутъ!

КАССІЙ.

Прощенья просимъ мы, прощенья, Цезарь!
Къ ногамъ твоимъ склоняется и Кассій,
О возвращеньи Цимбера прося...

ЦЕЗАРЬ.

Будь я подобенъ вамъ, я уступилъ бы.
Смягчиться можетъ тотъ, кто самъ способенъ
Себѣ просить смягченья у другихъ;
Но неизмѣненъ я, какъ неизмѣнна
Полярная звѣзда: она недвижна—
И въ цѣломъ небѣ нѣтъ подобной ей.
На небѣ много звѣздъ; ихъ всѣхъ не счесть,
И всѣ онѣ блестятъ и всѣ мерцаютъ,
Но лишь одна не измѣняетъ мѣста.
Такъ и людей живетъ на свѣтѣ много;
Но люди—плоть и кровь, а потому
Они и перемѣнчивы, и слабы.
Межъ ними знаю я лишь одного,

РИМСКІЙ ГРАЖДАНИНЪ ЭПОХИ КОНЦА РЕСПУБЛИКИ.

Мраморная статуя въ Лондонскомъ Британскомъ музеѣ.

Который чуждъ минутныхъ колебаній
И вѣчно неизмѣненъ: это—я.
Рѣшивъ изгнанье Цимбера однажды,
Не измѣню я этого рѣшенья...

ЦИННА.

О, Цезарь!

ЦЕЗАРЬ.

Прочь! Олимпа ты не сдвинешь.

ДЕЦІЙ.

Великій Цезарь!...

Цезарь.

Даже Брутъ напрасно
Передо мной колѣни преклонилъ.

Каска.

Вы, руки, говорите за меня!

(*Каска вонзаетъ кинжалъ въ шею Цезаря. Цезарь схватываетъ его за руку; въ это время и другіе заговорщики вонзаютъ въ него кинжалы; послѣднимъ ударяетъ его Маркъ Брутъ*).

Цезарь.

И ты, о Брутъ? Такъ умирай же, Цезарь!

(*Умираетъ. Сенаторы и народъ въ смятеніи убѣгаютъ*).

Цинна.

Свобода, воля! Нѣтъ тирана больше!
По улицамъ провозглашайте это!

Кассій.

Трибуны занимайте и кричите:
Свобода, воля и освобожденье!..

Брутъ.

Сенаторы и граждане, не бойтесь!
Не обращайтесь въ бѣгство: властолюбью
Мы только оплатили старый долгъ.

Каска.

Иди къ трибунѣ, Брутъ...

Децій.

Ты, Кассій, тоже.

Брутъ.

Гдѣ жъ Публій?

Цинна

Здѣсь, но потрясенъ глубоко.

Метеллъ.

Сплотиться мы должны, чтобъ дать отпоръ
Коль Цезаря друзья на насъ нагрянутъ...

Брутъ.

Что говорить о томъ! Не бойся, Публій!
Тебѣ вреда мы сдѣлать не хотимъ
И никому изъ римлянъ. Такъ скажи имъ..

Кассій.

Оставь насъ, добрый Публій. Можетъ быть,
Насъ поглотитъ народная волна
И старости твоей не пощадитъ,
Какъ будешь съ нами.

Брутъ.

Да, уйди. Отвѣтить
Должны лишь тѣ, что дѣло совершили.
(Требоній *возвращается*).

Кассій.

Требоній возвратился. Гдѣ жъ Антоній?

Требоній.

Домой онъ убѣжалъ, объятый страхомъ.
Мужчины, жены, дѣти—всѣ рыдаютъ
И мечутся отъ ужаса, какъ будто
Насталъ конецъ вселенной.

Брутъ.

Мы узнаемъ
Судьбы предназначенья. Всѣмъ извѣстно,
Что смерть удѣлъ живущихъ. Жизнь продлить—
Вотъ вся забота смертныхъ.

Кассій.

Кто похитилъ
У жизни двадцать лѣтъ, похитилъ столько жъ
У страха смерти.

Брутъ.

Если такъ, то смерть
Большое благо, и освободивъ
Отъ страха смерти Цезаря, мы съ нимъ
По дружески, по братски поступили?
Сюда идите, римляне! По локти
Въ его крови свои омоемъ руки
И, обративъ мечи, пойдемъ на площадь,
Кровавыми мечами потрясая.
Пусть всѣ кричатъ: „свобода, миръ и воля!“

Кассій.

Сюда! сюда! омоемъ руки кровью...
Вѣка пройдутъ и сколько, сколько разъ
Высокое дѣянье нашихъ рукъ
Предметомъ представленія послужитъ
Средь царствъ грядущихъ дней, среди народовъ
Невѣдомыхъ еще.

Брутъ.

И сколько разъ
По прихоти въ крови склонится Цезарь,
Что здѣсь лежитъ у статуи Помпея,
Какъ жалкій прахъ.

Кассій.

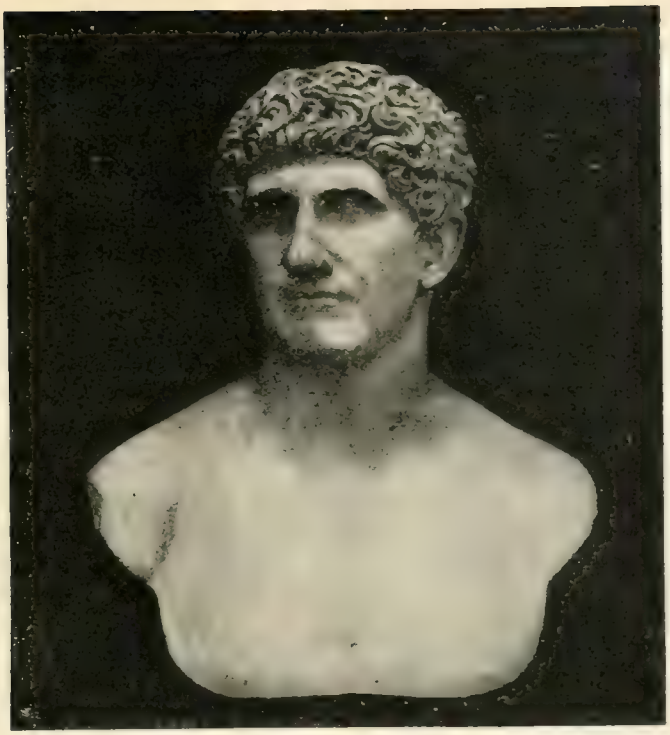
И каждый разъ насъ будутъ
Спасителями родины считать..

Децій.

Пора намъ выступить.

СМЕРТЬ ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ.

Картина знаменитаго нѣмец. художника Вильгельма фонъ-Каульбаха (Wilhelm v. Kaulbach, 1805—1874).



МАРКЪ АНТОНІЙ.

Античная статуя въ Ватиканскомъ музеѣ.

Кассій.

Пойдемъ за Брутомъ!
Храбрѣйшіе и лучшіе изъ римлянъ
Пойдутъ за нимъ.

Брутъ.

Къ намъ посланный идетъ,
Антонія сторонникъ.

(*Входитъ* слуга *и становится на колѣни предъ Брутомъ*).

Слуга.

Маркъ Антоній,
Мой господинъ, велѣлъ мнѣ передъ Брутомъ
Склонить колѣни и у ногъ его,
Во прахѣ распростершись, такъ сказать:
„Брутъ благороденъ, мудръ и смѣлъ,
и честенъ,
И Цезарь былъ могущественъ и храбръ,
Величественъ и любящъ. Передай,
Что Брута я люблю и почитаю;
Что Цезаря боялся и любилъ,
И уважалъ глубоко. Если Брутъ
Поручится, что можетъ безопасно
Къ нему прійти Антоній, чтобъ узнать
Причину смерти Цезаря, Антоній
Живого Брута болѣе полюбитъ,
Чѣмъ Цезаря усопшаго, и съ Брутомъ
Съ усердіемъ и вѣрностью готовъ
Вступить въ союзъ, съ нимъ раздѣляя вмѣстѣ
Случайности невѣдомой дороги".
Такъ передать велѣлъ мнѣ Маркъ Антоній.

Брутъ.

Онъ римлянинъ и мудрый, и отважный;
Его всегда я почиталъ такимъ...
Скажи ему, что можетъ онъ прійти,
Что на его вопросы я отвѣчу
И честью поручаюсь, что ему
Не сдѣлаютъ вреда.

Слуга.

Схожу за нимъ. (*Уходитъ*).

Брутъ.

Я знаю, что онъ будетъ нашимъ другомъ...

Кассій.

Я этого желалъ бы; но его
Невольно опасаюсь и наврядъ ли

Предчувствіемъ обманутъ буду я.
(*Входитъ* Антоній).

Брутъ.

Но вотъ и онъ. Антонію привѣтъ!

Антоній.

О, мощный Цезарь, ты лежишь во прахѣ!
Предъ славою твоихъ завоеваній,
Тріумфовъ и побѣдъ склонялся міръ—
И что жъ ты сталъ теперь? лишь горстью праха...
Прости, прости!
Патриціи, не знаю,
Что дѣлать вы намѣрены? кого
Приговорить еще рѣшили къ смерти.
Когда меня хотите умертвить,
То времени пристойнѣй не найдете,
Чѣмъ часъ кончины Цезаря; оружья—
Пригоднѣе того, что обагрилось
Чистѣйшею и лучшей кровью въ мірѣ...
Коль вы меня считаете опаснымъ,
Я умоляю васъ со мной покончить,
Пока дымятся кровью ваши руки.
Живи я сотни лѣтъ—и все не буду
Такъ приготовленъ къ смерти, какъ теперь.
Гдѣ лучше пасть, чѣмъ тамъ, гдѣ Цезарь палъ
Отъ рукъ людей, что вѣкъ нашъ прославляютъ!

Брутъ.

Антоній, ты отъ насъ не требуй смерти!
Ты судишь насъ по дѣлу нашихъ рукъ;
Мы кажемся жестокими тебѣ
И алчущими крови; но ты видишь
Лишь наши руки и дѣянье ихъ;
Сердца же наши скрыты отъ тебя.
Въ нихъ дышатъ состраданіе и жалость;
Огонь уничтожается огнемъ
И состраданье губитъ состраданье;
Мы, изъ участья къ римскому народу,
Къ его страданьямъ, Цезаря убили...
Но ты не бойся насъ. Мы для тебя
Имѣемъ лишь свинцовые мечи
И дружелюбно простираемъ руки
Къ Антонію, его считая братомъ,
Котораго мы чествуемъ и любимъ.

Кассій.

Въ раздѣлѣ новыхъ почестей участье
Ты примешь наравнѣ со всѣми нами.

Брутъ.

Толпу дай только время успокоить,
Которая волнуется отъ страха,
И я тебѣ открою, почему
Я Цезаря убилъ, его любя.

Антоній.

Я въ мудрости не сомнѣваюсь вашей—
И каждому изъ васъ кровавую жму руку...
Сначала Бруту, Кассію затѣмъ,
Метеллу, Циннѣ, Децію, тебѣ,
Отважный Каска, и тебѣ, Требоній;
Послѣднему тебѣ пожалъ я руку,
Но не послѣдній ты въ любви моей!...
Патриціи, что вамъ могу сказать?
Значеніе мое такъ пошатнулось
И на такой вступило скользкій путь,
Что я боюсь вамъ показаться трусомъ
Или льстецомъ. Что я любилъ тебя,
О, Цезарь! это правда. Если ты
На насъ теперь взираешь, хуже смерти
Покажется тебѣ, что твой Антоній,
Съ убійцами твоими примиряясь,
Кровавыя ихъ руки пожимаетъ
Передъ твоимъ, лежащимъ въ прахѣ, трупомъ...
Великій! если бъ столько глазъ имѣлъ я,
Какъ ты зловѣщихъ ранъ, и столько слезъ
Текло изъ нихъ, какъ крови изъ тебя,—
Мнѣ во сто кратъ отраднѣй было бъ это,
Чѣмъ съ Цезаря врагами быть въ союзѣ!
Прости меня, о, Юлій! Здѣсь ты палъ,
Олень неустрашимый! Здѣсь же рядомъ
Стоятъ тебя заклавшіе. Ты палъ;
Но смерть твоя ихъ заклеймитъ позоромъ,
И этой крови имъ не смыть съ себя.
Вселенная! Ты этому оленю
Служила лѣсомъ, что собой онъ красилъ,—
И вотъ, сраженный сборищемъ ловцовъ,
Лежитъ онъ недвижимо.

Кассій.

Маркъ Антоній!...

Антоній.

Ты долженъ извинить меня, Кай Кассій:
О Цезарѣ такъ скажутъ и враги,—
О немъ сказать не можетъ меньше другъ.

Кассій.

Я не хулю тебя за тѣ хвалы,
Что Цезарю даришь ты, но желаю
Узнать, какой союзъ мы заключили?
Тебя считать ли другомъ, или намъ
Идти своей дорогой, безъ тебя?

Антоній.

Зачѣмъ же я вамъ руку протянулъ?
Отвлекся я, на Цезаря взглянувъ,
Но я вашъ другъ и всѣхъ я васъ люблю
Въ надеждѣ той, что вы мнѣ объясните,
Чѣмъ былъ опасенъ Цезарь и кому?

Брутъ.

Не будь причинъ, убійство было бъ звѣрствомъ;

Но много ихъ и всѣ онѣ такъ вѣски,
Что будь ты сыномъ Цезаря, и то
Онѣ тебя могли бы убѣдить...

Антоній.

Лишь этого отъ васъ я добиваюсь.
Еще прошу, чтобъ разрѣшили мнѣ
На площадь трупъ перенести его...
Его почтить хочу надгробнымъ словомъ
Съ трибуны такъ, какъ другу подобаетъ.

Брутъ.

На это мы согласны, Маркъ Антоній!

Кассій.

Два слова, Брутъ. (*Тихо*).
Не надо соглашаться...
Не знаешь ты, что дѣлаешь. Народъ
Онъ можетъ взволновать надгробнымъ словомъ.
Извѣстно ли тебѣ, о чемъ онъ рѣчь
Намѣренъ повести?

Брутъ.

Не бойся, Кассій...
Съ трибуны говорить я буду первый...
И изложу причины, по которымъ
Мы Цезаря убили. Я прибавлю,
Что съ нашего согласья говорить
Антоній будетъ и что мы желаемъ,
Чтобъ Цезаря съ почетомъ хоронили...
Повѣрь, что это больше принесетъ
Намъ пользы, чѣмъ вреда.

Кассій.

Все жъ въ этомъ мало
Хорошаго я вижу.

Брутъ.

Маркъ Антоній,
Трупъ Цезаря возьми! Не долженъ ты
Насъ осуждать въ своемъ надгробномъ словѣ;
Но Цезаря хвали ты сколько хочешь,
Прибавивъ, что на это мы согласны.
Коль нашего условья не исполнишь,
Участвовать не будешь въ погребеньи.
Ты долженъ говорить съ трибуны той же,
Гдѣ буду я, когда окончу рѣчь.

Антоній.

Пусть будетъ такъ. Мнѣ большаго не надо.

Брутъ.

Такъ приготовь же трупъ и къ намъ приди.
(*Всѣ уходятъ, кромѣ Антонія*).

Антоній.

Прости меня, кровоточащій прахъ,

АНТОНІЙ У ТРУПА ЦЕЗАРЯ.

Картина извѣстнаго англ. живописца, Ричарда Вестола (Rich. Westall, R. A., 1765—1836). Малая Бойделевская Галлерея.

Что ласковъ я и нѣженъ съ палачами!
Такого мужа міръ еще не видѣлъ!
Проклятье тѣмъ, что въ прахъ его повергли!
Кровавыя его зіяютъ раны,
Какъ устъ нѣмыхъ алѣющія губы.
И слышу я пророческій ихъ гласъ:
Проклятье разразится надъ народомъ;
Италія дымиться будетъ кровью
Отъ войнъ междоусобныхъ и раздоровъ;
Такъ будетъ много крови пролито,
Ужасное такъ станетъ обыденно,
Что матери смотрѣть съ улыбкой будутъ,
Какъ на войнѣ дѣтей ихъ четвертуютъ...
Отъ частыхъ звѣрствъ, отъ частыхъ преступленій
Въ сердцахъ людей изсякнетъ состраданье.
Духъ Цезаря, о мщеніи взывая,
Съ Гекатою, царицей мрачной ада,
Надъ этою страной носиться будетъ,
Къ убійству призывая гласомъ мощнымъ
И псовъ войны спуская, чтобъ весь міръ
Узналъ объ этомъ гнусномъ злодѣяньи
По смраду тѣлъ, лишенныхъ погребенья...

(*Входитъ* слуга).

Октавію ты служишь?

Слуга.

Да, Антоній.

Антоній.

Ему письмо послалъ недавно Цезарь.

Слуга.

Письмо онъ получилъ и скоро будетъ.
Тебѣ жъ велѣлъ изустно передать...
(Увидя трупъ Цезаря).
О, Цезарь!

Антоній.

Печалью переполненъ ты—
Такъ отойди и плачь. Въ слезахъ зараза:
Въ твоихъ глазахъ увидѣвъ жемчугъ скорби,
И я сдержать рыданій не могу.
Твой господинъ далеко ли?

Слуга.

Семь миль,
Не болѣе, ему пройти до Рима.

Антоній.

Спѣши назадъ и передай ему,
Что здѣсь произошло. Скажи, что Римъ
Въ унынье погруженъ; что Римъ опасенъ
И вѣрнаго убѣжища теперь
Октавью дать не можетъ. Нѣтъ, постой!
Сначала трупъ перенесемъ на площадь...
Съ народомъ я намѣренъ говорить,
Чтобы узнать, какое мнѣнье гражданъ
О гнусномъ злодѣяньи кровопійцъ.
По этому судя, ты передашь
Октавію о положеньи дѣлъ.
Теперь же помоги мнѣ трупъ убрать.
(Уходятъ, унося трупъ Цезаря).

СЦЕНА II.

Форумъ.

Входятъ Брутъ *и* Кассій *съ толпою гражданъ.*

Граждане.

Мы объясненій требуемъ отъ васъ.

Брутъ.

Такъ слѣдуйте за мной, друзья мои,
Чтобъ выслушать меня. Толпу раздѣлимъ.
Ты, Кассій, на другую площадь стань.
Пусть тѣ здѣсь остаются, что хотятъ
Услышать Брута; пусть идутъ другіе
За Кассіемъ. Мы объяснимъ народу
Причину смерти Цезаря.

1-й гражданинъ.

Я Брута
Послушаю.

2-й гражданинъ.

За Кассіемъ пойду я.
Обоихъ услыхавъ, вѣрнѣе можно
Ихъ доводы и объясненья взвѣсить...
(Уходитъ Кассій съ частью гражданъ; Брутъ *всходитъ на трибуну).*

3-й гражданинъ.

Молчанье! На трибуну всходитъ Брутъ...

Брутъ. Я прошу васъ меня выслушать терпѣливо до конца. Римляне, сограждане и друзья! Слушайте мою защиту и не нарушайте тишины, чтобъ вы могли слышать мои слова. Вѣрьте мнѣ, не сомнѣваясь въ моей чести, и заплатите дань уваженья моей чести для того, чтобъ вамъ можно было мнѣ повѣрить. Судите меня, соображаясь съ вашимъ разумѣніемъ, и напрягите все ваше вниманіе, чтобъ справедливѣе произнести свой судъ. Если въ этомъ собраніи есть хоть одинъ истинный другъ Цезаря, то я скажу ему: любовь Брута къ Цезарю не уступаетъ его любви. Если этотъ другъ спроситъ: зачѣмъ же Брутъ вооружился противъ Цезаря? Вотъ—мой отвѣтъ: не оттого я это сдѣлалъ, что любилъ Цезаря меньше, но лишь оттого, что любилъ Римъ больше. Что было бы для васъ лучше: видѣть Цезаря живымъ и умереть рабами, иль видѣть Цезаря мертвымъ и жить всѣмъ свободными гражданами? Такъ какъ Цезарь меня любилъ, я лью слезы о немъ; такъ какъ успѣхъ улыбался ему, я радовался этому; такъ какъ онъ былъ отваженъ, я чествую его; такъ какъ онъ былъ властолюбивъ, я убилъ его. Я лью слезы за его любовь, я привѣтствую радостью его удачи, я чествую его за его доблести; за властолюбіе же онъ поплатился смертью. Есть ли между вами такой низкій человѣкъ, что желаетъ быть рабомъ? Если есть такой, пусть отвѣтитъ: я только его оскорбилъ. Есть ли между вами такой дикарь, что не желаетъ быть римляниномъ? Если такой найдется, пусть отвѣтитъ: я только его оскорбилъ. Есть ли между вами человѣкъ столь гнусный, что не любитъ своей родины? Если есть такой, пусть отвѣтитъ: только его я оскорбилъ. Я прерываю рѣчь, ожидая вашего отвѣта...

Граждане. Брутъ, между нами такого нѣтъ.

Брутъ. Въ такомъ случаѣ я никого не оскорбилъ. Я такъ поступилъ съ Цезаремъ, какъ и вы поступили бы съ Брутомъ. Въ

Капитоліи записаны причины, побудившія
убить Цезаря безъ умаленія его славы и
достоинствъ, а также безъ преувеличенья
вины, за которую онъ заслужилъ смерть.
Вотъ и трупъ его, сопровождаемый Анто-
ніемъ. (*Входятъ* Антоній *и другіе, неся*
трупъ Цезаря). Онъ не участвовалъ въ
его убіеніи, но воспользуется, однакожъ,
его смертью, такъ какъ займетъ мѣсто въ
республикѣ; и кто бы изъ васъ этого не
сдѣлалъ? Сказавъ это, я удаляюсь. Для блага
Рима я умертвилъ своего лучшаго друга и
сохраняю кинжалъ, который я вонзилъ въ
него, чтобъ имъ нанести себѣ смерть, если
въ ней будетъ нуждаться моя отчизна.

Граждане.

Живи, о, Брутъ! живи, живи!

1-й гражданинъ.

Съ тріумфомъ
Его домой намъ слѣдуетъ вести.

2-й гражданинъ.

Мы памятникъ должны воздвигнуть Бруту
И съ предками его поставимъ рядомъ.

3-й гражданинъ.

Пусть Цезаремъ онъ будетъ!

4-й гражданинъ.

Увѣнчаемъ
Въ немъ Цезаря все лучшее.

1-й гражданинъ.

Домой
Его проводимъ, воздухъ оглашая
Привѣтственными криками.

Брутъ.

Сограждане!

2-й гражданинъ.

Молчите! Брутъ опять заговорилъ...

1-й гражданинъ.

Молчите всѣ.

Брутъ.

Сограждане мои!
Торжественныхъ мнѣ проводовъ не надо...
Одинъ пойду; но изъ любви ко мнѣ
Я васъ прошу съ Антоніемъ остаться
И выслушать его. Похвальнымъ словомъ
Онъ хочетъ память Цезаря почтить
И получилъ на то согласье наше.
Я васъ прошу не уходить, пока
Антоній не окончилъ рѣчь свою...
(*Уходитъ*).

1-й гражданинъ.

Останемся—Антонія послушать.

3-й гражданинъ.

Пусть онъ займетъ трибуну. Мы готовы
Его послушать. Начинай, Антоній.

Антоній.

Я, Брута ради, васъ благодарю.

4-й гражданинъ.

Что онъ сказалъ о Брутѣ?

3-й гражданинъ.

Онъ сказалъ.
Что насъ благодаритъ во имя Брута.

4-й гражданинъ.

Почтительно совѣтую ему
О Брутѣ отзываться.

1-й гражданинъ.

Цезарь былъ
Властолюбивый деспотъ.

3-й гражданинъ.

Счастливъ Римъ,
Что отъ него избавился на вѣки.

2-й гражданинъ.

Послушаемъ, что скажетъ
Маркъ Антоній.

Антоній.

О, римляне!

Граждане.

Послушаемъ его!

Антоній.

О, римляне, сограждане, друзья!
Меня своимъ вниманьемъ удостойте!
Не восхвалять я Цезаря пришелъ,
Но лишь ему послѣдній долгъ отдать...
Дѣла людей, порочныя и злыя,
Переживаютъ ихъ и часто также
То доброе, что сдѣлали они,
Съ костями ихъ въ могилу погребаютъ.
Пусть съ Цезаремъ такъ будетъ. Честный
Брутъ
Сказалъ, что Цезарь былъ властолюбивъ...
То былъ большой порокъ, коль это вѣрно,
И за него онъ тяжко поплатился.
Я, съ разрѣшенья Брута и другихъ,
Пришелъ сюда, чтобъ Цезаря почтить
Надгробнымъ словомъ. Брутъ и всѣ они—
Почтенные и доблестные люди...
Мнѣ Цезарь другомъ былъ и вѣрнымъ
другомъ;
Но Брутъ его зоветъ властолюбивымъ,

А Брутъ—достопочтенный человѣкъ.
Онъ плѣнныхъ приводилъ толпами въ Римъ,
Ихъ выкупомъ казну обогащая.
Не это ли считать за властолюбье?
При видѣ нищеты онъ слезы лилъ,—
Такъ мягко властолюбье не бываетъ,
Но Брутъ зоветъ его властолюбивымъ.
А Брутъ—достопочтенный человѣкъ.
Вы видѣли, во время Луперкалій.
Я трижды подносилъ ему вѣнецъ—
И трижды отъ него онъ отказался.
Ужель и это властолюбье?
Но Брутъ его зоветъ властолюбивымъ,
А Брутъ—достопочтенный человѣкъ.
Не для того я это говорю,
Чтобъ Брута опровергнуть; я хочу
Лишь высказать предъ вами то, что знаю...
Не безъ причинъ его любили вы.
Зачѣмъ же вы не плачете о немъ?
О здравый смыслъ! Къ звѣрямъ ты вѣрно скрылся,
А люди потеряли свой разсудокъ...
Мое тамъ сердце, гдѣ почіетъ Цезарь,
И рѣчь свою я долженъ перервать,
Пока опять я не прійду въ себя...

1-й гражданинъ.

Мнѣ кажется, въ его словахъ есть правда...

2-й гражданинъ.

Какъ дѣло хорошо пообсудить,
Съ нимъ обошлись совсѣмъ несправедливо...

3-й гражданинъ.

И я того же мнѣнья. Можетъ быть,
Его заступитъ мѣсто еще худшій...

4-й гражданинъ.

Вы слышали, вѣнца онъ не принялъ.
Такъ почему жъ онъ былъ властолюбивъ?

1-й гражданинъ.

Коль это такъ, инымъ придется плохо!

2-й гражданинъ.

Антоній всѣ глаза свои проплакалъ...

3-й гражданинъ.

Нѣтъ въ Римѣ благороднѣй человѣка,
Чѣмъ Маркъ Антоній!

4-й гражданинъ.

Слушайте его!

Антоній.

Еще вчера повелѣвалъ вселенной
Могучій Цезарь; онъ теперь во прахѣ—
И всякій нищій имъ пренебрегаетъ...
Когда бъ хотѣлъ я возбудить къ возстанью,
Къ отмщенію сердца и души ваши,—
Я повредилъ бы Кассію и Бруту.
Но вѣдь они почтеннѣйшіе люди:
Я зла имъ не желаю; я скорѣе
Къ усопшему несправедливымъ буду,
Къ себѣ и къ вамъ, чѣмъ повредить рѣшусь
Такимъ почтеннымъ людямъ, какъ они.
Но вотъ—пергаментъ съ Цезаря печатью...
Онъ найденъ мною въ комнатѣ, гдѣ Цезарь
Дѣлами государства занимался.
То завѣщанье Цезаря. Когда бъ
Узнали вы, что въ этомъ завѣщаньи
(Но вамъ его прочесть я не хочу),
Вы бросились бы раны цѣловать
Заколотаго Цезаря; вы стали бы
Его священной кровью окроплять
Свои платки; просили бы на память—
Хоть волосокъ его и, умирая,
Потомству своему, какъ даръ безцѣнный,
Вы завѣщали бъ это.

4-й гражданинъ.

Маркъ Антоній,
Намъ завѣщанье Цезаря прочти!

Гражданинъ.

Мы знать хотимъ, что Цезарь завѣщаетъ.

Антоній.

Друзья мои! прошу не волноваться!
Не долженъ я читать вамъ завѣщанья...
Зачѣмъ вамъ знать, какъ Цезарь васъ любилъ...
Не камень вы, не дерево, а люди;
Людей же въ изступленье приведетъ
И въ ярость воля Цезаря. Вамъ лучше
Не знать, что вы наслѣдники его.
Узнай вы это, что тогда случится?

Гражданинъ.

Мы Цезаря хотимъ услышать волю.
Прочти намъ завѣщаніе его!

Антоній.

Я васъ прошу повременить немного...
Какъ жаль, что я о немъ проговорился...
Боюсь я, что невольно повредилъ
Тѣмъ благороднымъ людямъ, что вонзили
Свои ножи въ грудь Цезаря; боюсь!...

1-й гражданинъ. Эти благородные люди—просто измѣнники!

Граждане. Читай завѣщаніе, читай завѣщаніе!

2-й гражданинъ. Они убійцы, изверги! Читай завѣщаніе Цезаря.

Антоній.

Такъ заставляете читать вы завѣщанье?

РИМСКІЙ ФОРУМЪ ВЪ I-мъ ВѢКѢ ПО Р. Х.

Реставранія нѣмецкаго архитектора Релендера (Georg Rehlender, pod. 1845).

Вкругъ Цезаря убитаго вы станьте,
И въ настоящемъ свѣтѣ я его
Представлю вамъ. Могу ль сойти съ трибуны?

Всѣ. Сойди съ трибуны.

2-й гражданинъ. Можешь сойти.

3-й гражданинъ. Мы это разрѣшаемъ тебѣ. *(Антоній сходитъ съ трибуны).*

4-й гражданинъ. Окружимъ его.

1-й гражданинъ. Не становитесь такъ близко къ гробу; не приближайтесь къ трупу!

2-й гражданинъ. Дайте мѣсто Антонію, благородному Антонію.

Антоній. Не напирайте на меня; станьте подальше.

Всѣ. Отодвиньтесь! Мѣсто! Назадъ!

Антоній.

Коль слезы есть у васъ, обильнымъ токомъ
Онѣ теперь изъ вашихъ глазъ польются.
Всѣмъ этотъ плащъ знакомъ. Я помню даже,
Гдѣ въ первый разъ его накинулъ Цезарь:
То было лѣтнимъ вечеромъ, въ палаткѣ,
Гдѣ находился онъ, разбивъ неврійцевъ.
Сюда проникъ ножъ Кассія; вотъ рана
Завистливаго Каски; здѣсь въ него
Вонзилъ кинжалъ его любимецъ Брутъ.
Какъ хлынула потокомъ алымъ кровь,
Когда кинжалъ изъ раны онъ извлекъ!
Она какъ будто бросилася въ двери,
Чтобы узнать, дѣйствительно ли Брутъ
Съ враждебностью такой въ нихъ постучался;
Онъ былъ любимецъ Цезаря. О, боги!
Извѣстно вамъ, какъ Брута онъ любилъ!
Ударъ, что Брутъ нанесъ, изъ всѣхъ ударовъ
Былъ самый злой. Когда увидѣлъ Цезарь,
Что Брутъ его разитъ, неблагодарность
Сильнѣе рукъ убійцъ его сгубила:
Въ немъ разорвалось доблестное сердце,
Лицо свое завѣсилъ онъ плащемъ
И у подножья статуи Помпея,
Съ которой кровь его ручьемъ лилась,
Великій Цезарь палъ. О, страшное
Паденье это было! И вы, и я,
И всѣ мы пали съ Цезаремъ; надъ нами
Кровавая измѣна торжествуетъ...
Вы плачете? Я вижу, состраданье
Проснулось въ васъ. Тѣ слезы благодатны...
Вы плачете, глядя на плащъ его.
Но вотъ—онъ самъ, заколотый врагами...

1-й гражданинъ. О, жалкій видъ!

2-й гражданинъ. О, доблестный Цезарь!

3-й гражданинъ. О, скорбный день!

4-й гражданинъ. Измѣнники, изверги!

1-й гражданинъ. О, кровавое зрѣлище!

2-й гражданинъ. Мы имъ отмстимъ.

Всѣ. Мести! мести! Ищите измѣнниковъ. Сожжемъ ихъ! убьемъ! Пусть ни одинъ изъ этихъ убійцъ не останется въ живыхъ.

Антоній. Я прошу васъ повременить, сограждане!

1-й гражданинъ. Молчите, слушайте Антонія, благороднаго Антонія.

2-й гражданинъ. Мы будемъ его слушать, мы пойдемъ за нимъ, мы готовы умереть съ нимъ!

Антоній.

Достойные и милые друзья!
Я не хочу васъ возбуждать къ возстанью!
Тѣ люди, что убійство совершили,
Почтеннѣйшіе люди. Я не знаю
Ихъ личныхъ побужденій. Безъ сомнѣнья,
Они изложатъ вамъ свои причины.
Я не хочу васъ отвратить отъ нихъ!
Нѣтъ краснорѣчья Брута у меня
Безхитростный и добрый человѣкъ я,
Который друга искренно любилъ;
И это знаютъ тѣ, кто разрѣшилъ
Мнѣ всенародно говорить о немъ.
Ни силы выраженій, ни искусства
Нѣтъ у меня; я не владѣю даромъ
Людей воспламенять; но только правду
Я говорю, и это вамъ извѣстно...
Вамъ Цезаря показывая раны,
Я за себя прошу ихъ говорить
Нѣмыми, помертвѣвшими устами.
Когда бъ я Брутомъ былъ, тогда съумѣлъ бы
Васъ потрясти, съумѣлъ бы эти раны
Заставить говорить: внимая имъ,
Возстали бы и сами камни Рима!

Граждане. Мы всѣ возстанемъ!

1-й гражданинъ. Мы сожжемъ домъ Брута.

3-й гражданинъ. Пойдемъ отыскивать заговорщиковъ!

Антоній. Погодите, сограждане! я еще не все вамъ сказалъ.

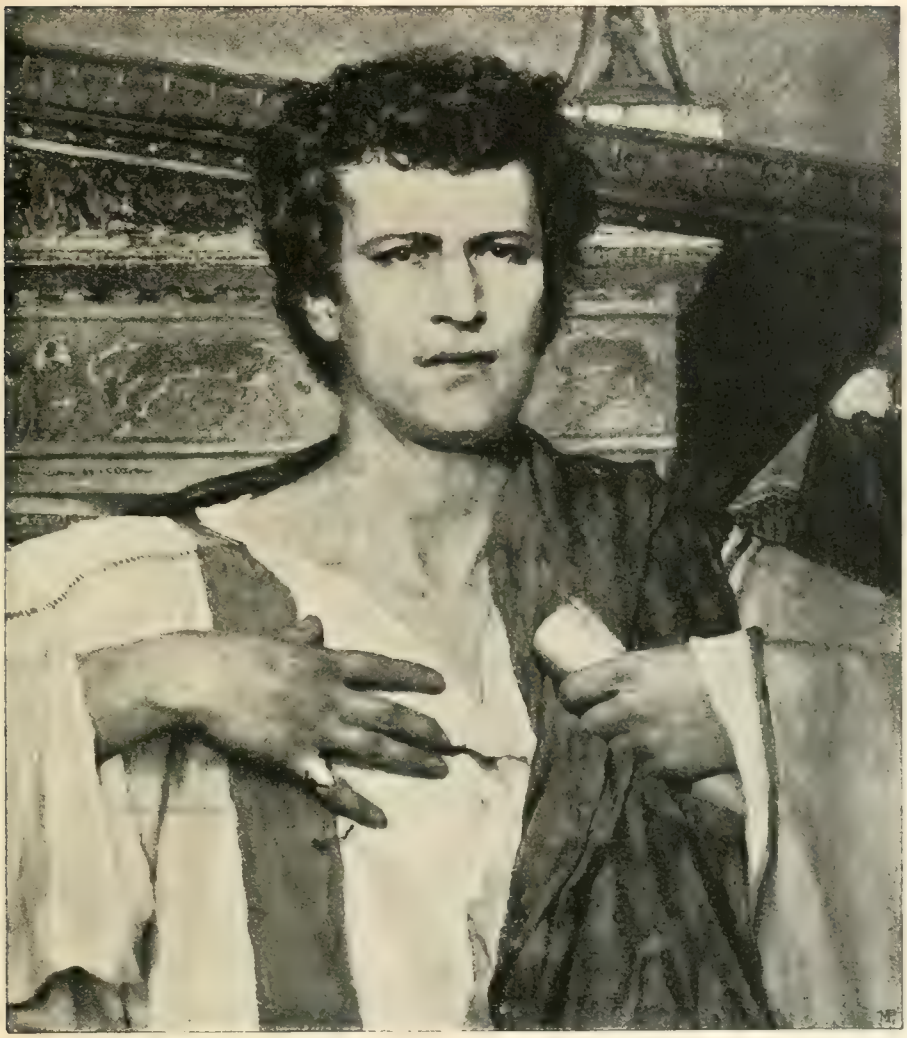
Граждане. Молчите, слушайте Антонія, благороднаго Антонія.

Антоній.

Возстать хотите вы, не зная сами,
Что васъ влечетъ. Чѣмъ Цезарь заслужилъ
Такое проявленіе любви?
Вы главное забыли: завѣщанье,
Оставленное Цезаремъ.

РѢЧЬ АНТОНІЯ У ТРУПА ЦЕЗАРЯ.

Картина нѣмецкаго художника Цика (Alexander Zick, р. 1845)



ЗНАМЕНИТЫЙ НѢМЕЦКІЙ АКТЕРЪ БАРНАЙ ВЪ РОЛИ АНТОНІЯ.
(Рѣчь къ народу).

Картина знаменитаго англійскаго живописца Альмы Тадемы (Alma Tadema, род. 1836).

Граждане.

Конечно...
Прочти его: мы знать его хотимъ.

Антоній.

Такъ вотъ—оно, за Цезаря печатью.
Друзья, внимайте! Каждому изъ васъ
Онъ завѣщаетъ семьдесятъ-пять драхмъ.

2-й гражданинъ. О, благородный Цезарь! Мы отмстимъ за смерть его.

3-й гражданинъ. Порфироносный Цезарь!

Антоній.

Прошу меня дослушать до конца.

Граждане.

Молчите!

Антоній.

Сверхъ того, онъ вамъ даритъ
Свои помѣстья, рощи и сады,
Что онъ развелъ вдоль Тибра. Навсегда
Онъ завѣщаетъ вамъ свои владѣнья,
Чтобъ вы и ваши поздніе потомки
Могли бы ими пользоваться. Вотъ—
Каковъ былъ Цезарь! Не найти второго!

Граждане.

О, никогда! Мы въ освященномъ мѣстѣ
Сожжемъ его останки, а затѣмъ
Спалимъ дома злодѣевъ головнями,
Что отъ его останутся костра.
Идемъ, идемъ, его поднимемъ трупъ!

2-й гражданинъ. Идите за огнемъ!

3-й гражданинъ. Ломайте скамейки!

4-й гражданинъ. Ломайте двери, окна! ломайте все!

(*Уходятъ граждане, унося трупъ Цезаря*).

Антоній.

Ты вспыхнулъ, бунтъ! ты на ногахъ! Теперь
Прими, какое хочешь, направленье.

(*Входитъ* слуга).

Что скажешь мнѣ?

Слуга.

Октавій прибылъ въ Римъ—
И съ нимъ Лепидъ.

Антоній.

Гдѣ жъ онъ остановился?

Слуга.

У Цезаря.

Антоній.

Къ нему сейчасъ пойду я...
Намъ счастье улыбается. Какъ кстати
Пріѣхалъ онъ! Теперь всего добьемся.

Слуга.

Я слышалъ, что изъ Рима ускакали.
Какъ бы ума лишившись, Брутъ и Кассій.

Антоній.

Они узнали, вѣрно, что народъ
Я поднялъ противъ нихъ. Идемъ къ Октавью!...

(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Улица.

Входитъ Цинна-*поэтъ*.

Цинна.

Приснилось мнѣ, что съ Цезаремъ пирую.
Меня гнетутъ тревожныя мечты.
Я не хотѣлъ сегодня выходить;
Но что-то въ даль меня влечетъ невольно.

(*Входятъ граждане*).

1-й гражданинъ. Какъ твое имя?

2-й гражданинъ. Куда ты идешь?

3-й гражданинъ. Гдѣ живешь?

4-й гражданинъ. Женатъ ли ты, иль холостъ?

2-й гражданинъ. Отвѣчай отчетливо каждому.

1-й гражданинъ. Да коротко.

4-й гражданинъ. Да толково.

3-й гражданинъ. Смотри, говори только правду!

Цинна. Какъ меня зовутъ? Куда я иду? Гдѣ я живу? Женатъ ли я, или холостъ? Чтобъ отвѣтить каждому прямо и коротко, умно и правдиво, скажу вамъ толково: я холостъ.

2-й гражданинъ. Ты этимъ хочешь сказать, что тотъ глупецъ, кто женится. Какъ бы тебѣ не пришлось солоно за этотъ отвѣтъ. Отвѣчай безъ обиняковъ.

Цинна. Отвѣчаю прямо: иду на похороны Цезаря.

1-й гражданинъ. Какъ другъ или какъ врагъ?

Цинна. Какъ другъ.

2-й гражданинъ. Вотъ это отвѣтъ прямой.

4-й гражданинъ. Гдѣ ты живешь? короче.

Цинна. Отвѣчаю коротко: близъ Капитолія.

3-й гражданинъ. Твое имя? да смотри, не выдумывай!

Цинна. По правдѣ, мое имя Цинна.

1-й гражданинъ. Рвите его на части: онъ—Цинна-заговорщикъ!

Цинна. Я Цинна-поэтъ, я Цинна-поэтъ!

4-й гражданинъ. Рвите его на части за его дурные стихи! Рвите его на части за его дурные стихи!

Цинна. Я не заговорщикъ Цинна.

4-й гражданинъ. Это все равно: его имя Цинна; вырвите только его имя изъ его сердца, а затѣмъ пусть идетъ, куда хочетъ...

3-й гражданинъ. Разорвемъ его, разорвемъ его! Гдѣ факелы, гдѣ головни? Къ Бруту! Къ Кассію! Жгите все! Пусть одни идутъ къ дому Децiя, другіе къ Каскѣ, третьи къ Лигарію! Идемъ, идемъ!

(*Уходятъ*).

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ БЮСТЫ ПОРЦІИ И ЕЯ ОТЦА -КАТОНА УТИЧЕСКАГО.

(Надгробный памятникъ конца I вѣка по Р. Х.).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Римъ.—Комната въ домѣ Антонія.

Антоній, Октавій *и* Лепидъ *сидятъ вокругъ стола.*

Антоній.

Итакъ всѣ, что отмѣчены, умрутъ.

Октавій.

Твой братъ, Лепидъ, въ числѣ приговоренныхъ,
На казнь его согласенъ ли?

Лепидъ.

Согласенъ.

Октавій.

Отмѣть его, Антоній.

Лепидъ.

Я согласенъ
Съ условіемъ, чтобъ Публію не жить,
Который сынъ твоей сестры, Антоній.

Антоній.

Умретъ и онъ. Ты видишь этимъ знакомъ
Онъ осужденъ на смерть. Теперь, Лепидъ,
Въ домъ Цезаря сходи и завѣщанье,
Оставленное имъ, намъ принеси.
Мы съ общаго согласія рѣшимъ,
Что изъ него мы выкинуть должны.

Лепидъ.

Гдѣ жъ васъ найду?

Октавій.

Иль здѣсь, иль въ Капитольи.

(Лепидъ уходитъ).

Антоній.

Онъ жалкій и бездарный человѣкъ,
Лишь годный для посылокъ. Неужели
Участье приметъ онъ въ раздѣлѣ міра
И будетъ тріумвиромъ?

Октавій.

Такъ хотѣлъ ты

И настоялъ на томъ, чтобъ вмѣстѣ съ нами
Онъ обсуждалъ, кому назначить смерть,
Кого сослать.

Антоній.

На то причины есть.
Я дольше твоего живу на свѣтѣ...
Даря Лепиду почести, съ себя
Тяжелое мы сбрасываемъ бремя,
Которое носить онъ всюду будетъ,
Какъ золото оселъ, кряхтя подъ ношей
И нами погоняемый по волѣ.
Когда онъ принесетъ, куда укажемъ,
Сокровища, съ него мы снимемъ ихъ;
Его жъ пошлемъ со стадомъ на луга,
Гдѣ будетъ онъ, развьюченнымъ осломъ,
Пастись, ушами хлопая.

Октавій.

Однако,
Онъ воинъ заслуженный и отважный.

Антоній.

Таковъ мой конь, за что его кормлю я;
Учу его скакать, впередъ бросаться,
Мѣнять аллюръ и дѣлать повороты;
Но всежъ я управляю имъ, какъ знаю.
Съ моимъ конемъ Лепидъ имѣетъ сходство;
Ему во всемъ руководитель нуженъ,
И онъ одинъ ступить не можетъ шагу;
Живетъ лишь подражаньями и занятъ
Предметами, что никому не нужны
И вовсе устарѣли. На него
Смотри, какъ на орудье безъ значенья.
Но мы теперь должны съ тобой заняться
Дѣлами поважнѣе. Брутъ и Кассій
Войска свои сбираютъ; къ нимъ на встрѣчу
Мы выступить должны; сберемъ друзей
И на совѣтѣ съ ними пообсудимъ,
Какія мѣры слѣдуетъ принять,
Чтобъ отвратить грозящую опасность
И справиться съ негласными врагами.

Октавій.

Да, соберемъ совѣтъ; со всѣхъ сторонъ
Враги насъ окружаютъ; я увѣренъ,
Что многіе, встрѣчающіе насъ
Съ улыбками, погибель намъ сулятъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Палатка Брута въ лагерѣ близъ Сардъ.

Бьютъ барабаны. Входятъ Брутъ, Люцилій, Титиній *и* солдаты. Пиндаръ *идетъ къ нимъ на встрѣчу.* Люцій *въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ.*

Брутъ.

Ни съ мѣста!

Люцилій.

Дайте лозунгъ! Стойте смирно!

Брутъ.

Что новаго, Люцилій? Близко ль Кассій?

Люцилій.

Недалеко. Онъ съ Пиндаромъ прислалъ
Тебѣ привѣтъ.

(*Пиндаръ подастъ письмо Бруту*).

Брутъ.

Его письмо любезно.
Твой господинъ, какъ замѣчаю, Пиндаръ,
За это время сильно измѣнился.
Я многими поступками его
Глубоко недоволенъ и не знаю—
Чему ихъ приписать: его ль винѣ,
Иль злостнымъ наущеньямъ. Если жъ онъ
Недалеко, мы можемъ объясниться.

Пиндаръ.

Ты скоро убѣдишься, я увѣренъ,
Что онъ, какъ прежде, доблестенъ и честенъ.

Брутъ.

Не сомнѣваюсь въ томъ. Скажи, Люцилій,
Какъ принялъ онъ тебя?

Люцилій.

Съ большимъ почетомъ
И вѣжливо, но въ немъ я не нашелъ
Ни искренности друга, ни радушья.

Брутъ.

Замѣтно охладѣлъ онъ. Такъ всегда
Слабѣющая дружба проявляетъ
Усиленную вѣжливость. Къ уверткамъ
Не прибѣгаетъ искренняя дружба;
Но лицемѣръ, какъ бѣшеная лошадь,
Уносится впередъ и обѣщаетъ,
Чего сдержать не можетъ. Если шпоры
Вонзить въ такую лошадь, испытанья
Не выдержитъ она: опуститъ гриву
И на землю повалится, какъ кляча.
Войска ведетъ ли Кассій?

Люцилій.

Подлѣ Сардъ
Пѣхота заночуетъ; съ нимъ же вмѣстѣ
Вся конница прибудетъ.

(*Вдали слышенъ маршъ*).

Брутъ.

Вотъ и Кассій.
Пойдемъ къ нему на встрѣчу.

(*Слышна команда:* Стойте! Стойте!).

Кассій.

Мой благородный братъ, несправедливо
Ты поступилъ со мной.

Брутъ.

Клянусь богами,
Я и врага напрасно не обижу!
Могу ль я быть несправедливымъ къ брату?

Кассій.

Спокойствіемъ ты думаешь прикрыть
Свои неправды, Брутъ; но не позволю...

Брутъ.

Не горячись и гнѣвъ свой удержи.
Въ виду всѣхъ войскъ намъ ссориться не надо:
Они должны лишь нашу дружбу видѣть.
Вели имъ отступить; въ моей палаткѣ
Твои упреки выслушать готовъ я...

Кассій (*обращаясь къ Пиндару*).

Распорядись, чтобъ наши легіоны
Немного отступили.

Брутъ (*Люцилію*).

Нашимъ также
Ты отступить вели. Къ моей палаткѣ
Чтобы никто приблизиться не смѣлъ,
Пока мы не окончимъ разговора!
На стражѣ станутъ Люцій и Титиній.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Палатка Брута.

Входятъ Брутъ *и* Кассій.

Кассій.

Я оскорбленъ ужъ тѣмъ, что Люцья Пеллу
Ты осудилъ за взятки съ гражданъ Сардъ
Хоть за него я лично заступился:
Ходатайствомъ моимъ ты пренебрегъ.

Брутъ.

Ты оскорбилъ себя, прося о немъ.

Кассій.

Въ такое время смутное—безумно
Преслѣдовать людей за пустяки.

Брутъ.

И о тебѣ самомъ дурные толки
Вездѣ распространились. Говорятъ,
Что взятки ты берешь и недостойнымъ
Даешь мѣста за золото.

Кассій.

О, боги!
Я взяточникомъ сталъ! Не будь ты Брутъ,
Твои уста умолкли бы навѣки.

Брутъ.

Потворствуя такому лихоимству,
Ты правосудье дѣлаешь безсильнымъ.

МОЛОДОЙ ОКТАВІЙ.

Античная статуя въ Мюнхенской Глиптотекѣ.

Кассій.

Я? Правосудье!

Брутъ.

Вспомни мартъ,
О, вспомни иды марта! Цезарь палъ
Во имя правосудья: кто изъ насъ
Его сразилъ не ради правосудья?
И что жъ? я вижу съ ужасомъ, что люди,
Убившіе первѣйшаго изъ смертныхъ
За то, что онъ потворствовалъ ворамъ,
Грязнятъ себя постыднымъ лихоимствомъ
И честь свою, и славу продаютъ
За пригоршни презрѣннаго металла!
Я лучше бы хотѣлъ быть жалкимъ псомъ,
Что лаетъ на луну, чѣмъ гражданиномъ,
Въ которомъ чести нѣтъ.

Кассій.

Не забывайся!
Обидъ переносить я не намѣренъ.
Тебя я старше службой и способнѣй
Распоряжаться здѣсь.

Брутъ.

Напрасно, Кассій,
Такъ думаешь...

Кассій.

Я правъ.

Брутъ.

Ты въ заблужденьи.

Кассій.

Не вызывай мой гнѣвъ—иль я забудусь,—
Побереги себя.

Брутъ.

Ты жалокъ мнѣ!

Кассій.

Возможно ли?

Брутъ.

Тебѣ намѣренъ я
Все высказать. Запальчивость безумца
И яростные возгласы и взгляды
Меня не остановятъ.

Кассій.

Боги. боги!
Ужель все это долженъ я терпѣть?

Брутъ.

Ты говоришь:—все это? Нѣтъ, и больше.
Твою гордыню долженъ я сломить.
Показывай рабамъ, какъ грозенъ ты,
Ихъ заставляй дрожать передъ собою,—
Но уступать тебѣ я не обязанъ
И сдерживать свое негодованье,
Склоняясь въ прахъ предъ гнѣвностью твоей.
Клянусь! весь ядъ своей кипящей желчи
Ты переваришь самъ, хоть, отъ того, быть можетъ,
Въ куски развалишься. Отнынѣ будутъ
Служить мнѣ только смѣхомъ и забавой
Твои пустыя вспышки.

Кассій.

Неужели
Дошло ужъ до того?

Брутъ.

Ты говоришь,
Что лучшій воинъ ты. Прошу тебя
На дѣлѣ доказать, что ты не хвасталъ.
Меня утѣшишь этимъ. Я всегда
Учиться радъ у доблестныхъ людей.

Кассій.

Помилуй, Брутъ,
Ты всячески ко мнѣ несправедливъ.
Я не сказалъ, что я тебя способнѣй,
А только старше.

Брутъ.

Если и сказалъ,
Мнѣ все равно.

Кассій.

Самъ Цезарь, будь онъ живъ,
Меня бы не посмѣлъ такъ оскорблять.

Брутъ.

Ты самъ бы не осмѣлился его
Такъ изъ терпѣнья выводить.

Кассій.

Кто, я?

Брутъ.

Ты самъ.

Кассій.

Изъ страха—что ли?

Брутъ.

Я не знаю,
Но все бы не посмѣлъ такъ поступать ты.

Кассій.

Не слишкомъ полагайся на любовь,
Что я къ тебѣ питаю. Совершить
Могу и то, о чемъ жалѣть я стану.

Брутъ.

Дѣла, ужъ совершенныя тобой,
Достойны сожалѣнья. Мнѣ не страшны
Твои угрозы, Кассій; предо мною
Проносятся онѣ, какъ легкій вѣтеръ,
Что мнѣ вредить не можетъ: такъ я сильно
Вооруженъ и доблестью, и честью.
За золотомъ къ тебѣ я посылалъ
И получилъ отказъ. Я не могу
Прибѣгнуть къ низкимъ мѣрамъ, чтобъ добыть
То золото, въ которомъ я нуждаюсь;
Скорѣй готовъ я вычеканить сердце
И въ драхмы превратить всю кровь свою,
Чѣмъ, обратившись къ средствамъ незаконнымъ,
Крестьянина лишить послѣднихъ крохъ.
За деньгами я посылалъ къ тебѣ,
Чтобъ жалованье выдать легіонамъ,—
И мнѣ ты отказалъ. Такой поступокъ
Достоинъ ли тебя? Когда бы Кассій
Ко мнѣ съ подобной просьбой обратился,
Такой отвѣтъ онъ развѣ получилъ бы?
Пусть боги разорвутъ меня на части
И на меня свои низвергнутъ громы,
Коль стану я когда нибудь, какъ скряга,
Скрывать свои богатства отъ друзей!

Кассій.

Отказа отъ меня не получалъ ты.

Брутъ.

Нѣтъ, получилъ.

МАРКЪ ЭМИЛІЙ ЛЕПИДЪ.
Античный бюстъ въ Капитолійскомъ музеѣ.

Кассій.

Кто передалъ тебѣ
Мои слова, ихъ просто перепуталъ.
О, Брутъ! мое ты сердце растерзалъ:
Другъ долженъ другу немощи прощать,
А ты преувеличиваешь ихъ.

Брутъ.

О, нѣтъ! я только сдѣлался ихъ жертвой...

Кассій.

Меня не любишь ты.

Брутъ.

Лишь недостатки
Твои я не люблю.

Кассій.

Не долженъ другъ
Ихъ замѣчать.

Брутъ.

Лишь льстецъ не видитъ ихъ,
Хотя они съ Олимпъ бы были ростомъ.

Кассій.

Придите же, Антоній и Октавій,
И Кассію лишь одному отмстите.
Онъ смерть зоветъ. Ему постыла жизнь:
Онъ ненавидимъ тѣмъ, кого онъ любитъ;
Онъ презираемъ братомъ и его
Поносятъ, какъ раба; его поступки
Изучены и въ памятную книжку
Записаны, чтобъ вѣчные попреки
Ему бросать съ презрѣньемъ. Я бы могъ
Изъ глазъ моихъ съ слезами вылить душу!..
Вотъ—мой кинжалъ, и вотъ—нагая грудь;
Въ ней сердце, что богаче рудъ Плутона
И драгоцѣннѣй золота. О, если
Ты римлянинъ, его изъ груди вырви!
Я, отказавшій въ золотѣ тебѣ,
Взамѣнъ его—свое дарую сердце.
Срази меня, какъ Цезаря сразилъ ты;
Но, ненавидя Цезаря, сильнѣе
Его любилъ ты, чѣмъ меня ты любишь.

Брутъ.

Вложи кинжалъ въ ножны. Сердиться больше
Не буду на тебя. Что хочешь—дѣлай:
Съ улыбкой я снесу и оскорбленье.
Съ ягненкомъ ты имѣешь дѣло, Кассій,
Въ которомъ гнѣвъ огню кремня подобенъ:
Когда его ударятъ, брызжутъ искры;
Затѣмъ онъ охлаждается мгновенно.

Кассій.

Я дожилъ до того, что сталъ для Брута
Забавой и посмѣшищемъ, когда
Меня томитъ тоска до полусмерти.

Брутъ.

Я былъ не въ духѣ самъ, когда сказалъ то.

Кассій.

Ты сознаешься въ томъ? Такъ дай мнѣ руку.

Брутъ.

Бери и сердце съ ней.

Кассій.

О, Брутъ!

Брутъ.

Что скажешь?

Кассій.

Ужели нѣтъ любви въ тебѣ настолько,
Чтобъ мнѣ простить запальчивость мою,
Которую мнѣ мать передала?

Брутъ.

Прощаю все. Отнынѣ, если Кассій
Вспылитъ на Брута, Брутъ вообразитъ,
Что это мать его пылаетъ гнѣвомъ,
И этимъ оскорбляться ужъ не будетъ.

Поэтъ (*извнѣ*).

Пустите! полководцы не въ ладу;
Ихъ оставлять не слѣдуетъ однихъ.

Люцій (*извнѣ*).

Намъ никого не велѣно пускать.

Поэтъ (*извнѣ*).

Лишь смерть одна меня теперь удержитъ.
(*Входитъ* поэтъ *въ сопровожденіи* Люція, Люцилія *и* Титинія).

Кассій.

Что хочешь ты? Зачѣмъ пришелъ сюда?

Поэтъ.

Не ссорьтесь, полководцы! примиритесь!
Друзьями будьте вновь, примите мой совѣтъ.
Я много старше васъ и лучше знаю свѣтъ.

Кассій.

У циника всегда бездарный стихъ.

Брутъ.

Уйди, бездѣльникъ, вонъ!

Кассій.

Ты не сердись:
Таковъ его обычай.

Брутъ.

Жалкій шутъ!
Для штукъ своихъ плохое выбралъ время.
Шутамъ такимъ не мѣсто на войнѣ.
Ступай ты прочь.

Кассій.

Уйди, уйди скорѣй! (*Поэтъ уходитъ*).

Брутъ.

Люцилій и Титиній, передайте
Приказъ вождямъ палатки разбивать:
Мы заночуемъ здѣсь.

Кассій.

Затѣмъ вернитесь
И приведите къ намъ съ собой Мессалу.
(*Уходятъ Люцилій и Титиній*).

Брутъ.

Подай вина мнѣ, Люцій!
(*Люцій уходитъ*).

Кассій.

Я не думалъ,
Что можешь ты такъ сильно осерчать.

Брутъ.

О, Кассій, я глубоко огорченъ.

Кассій.

Законамъ философіи своей
Не вѣренъ ты, вниманье обращая
На грустную случайность.

Брутъ.

Лучше Брута,
Повѣрь, никто перенести не можетъ
Душевной муки: Порція скончалась!

Кассій.

Какъ, Порція?

Брутъ.

Увы, ея ужъ нѣтъ!

Кассій.

И пощадилъ меня въ своемъ ты гнѣвѣ?
О, тяжкая и скорбная утрата!
Что жизнь ея сгубило раньше срока?

Брутъ.

Тяжелый гнетъ разлуки и боязнь,
Что намъ не одолѣть своихъ враговъ,
Которые усилились много..
(Послѣднее извѣстье получилъ я
Съ увѣдомленьемъ о ея кончинѣ).
На умъ ея подѣйствовало это.
Въ безпамятствѣ, въ отсутствіи прислуги,
Она углей горячихъ проглотила.

Кассій.

Итакъ, она скончалась?

Брутъ.

Да.

КАССІЙ.

О, боги!

(*Входятъ* Люцій *съ виномъ и свѣтильникомъ*).

БРУТЪ.

Прошу прервать тяжелый разговоръ.
Дай кубокъ мнѣ: въ немъ утоплю я горе... (*Пьетъ*).

Динарій съ изображеніемъ Брута. Чеканенъ въ Азіи. На оборотѣ два кинжала и шапка свободы, надпись: Eid. Mar. т. е. Иды Марта.

КАССІЙ.

На сердца зовъ готовъ отвѣтить сердцемъ;
Лей черезъ край! Нельзя довольно выпить,
Чтобъ чествовать расположенье Брута.
(*Пьетъ*).

(*Входятъ* ТИТИНІЙ *и* МЕССАЛА).

БРУТЪ.

Войди, Титиній! здравствуй, другъ Мессала!
Вокругъ свѣтильника усѣвшись, потолкуемъ
О нашемъ положеньи.

КАССІЙ.

Ты скончалась,
О, Порція!

БРУТЪ.

Прошу о ней ни слова.
Мнѣ пишутъ, что Октавій и Антоній,
Собрали противъ насъ большія силы
И движутся къ Филиппамъ.

МЕССАЛА.

Мнѣ объ этомъ
Писали то же.

БРУТЪ.

Нѣтъ ли и другихъ
Какихъ-нибудь извѣстій?

МЕССАЛА.

Тріумвиры
Казнили сто сенаторовъ, велѣвъ
Признать ихъ внѣ закона.

БРУТЪ.

Въ нашихъ письмахъ
Немного разногласья: по моимъ,
Лишь семьдесятъ сенаторовъ погибло,
И съ ними вмѣстѣ палъ и Цицеронъ.

КАССІЙ.

И онъ погибъ?

МЕССАЛА.

Да, умеръ Цицеронъ!
Проскрипція коснулась и его.
Не получалъ ты писемъ отъ жены?

БРУТЪ.

Не получалъ.

МЕССАЛА.

И никакихъ извѣстій
О ней ты не имѣешь?

БРУТЪ.

Никакихъ.

МЕССАЛА.

Я удивленъ.

БРУТЪ.

Къ чему твои вопросы?
Ты не узналъ ли что-нибудь о ней?

МЕССАЛА.

Нѣтъ, ничего.

БРУТЪ.

Какъ римлянинъ, ты долженъ
Всю правду мнѣ сказать.

МЕССАЛА.

Узнавши правду,
Какъ римлянинъ, перенеси ее:
Твоя жена скончалась; смерть ея
Была необычайна.

БРУТЪ.

Если такъ,
О, Порція! прости! Мы всѣ умремъ...
И ей грозила смерть когда-нибудь!
Объ этомъ мысль теперь даетъ мнѣ силу
Съ терпѣньемъ перенесть утрату злую.

МЕССАЛА.

Такъ именно великій смертный долженъ
Переносить великую потерю!

КАССІЙ.

Не хуже васъ все это знаю самъ,
Но я бъ не могъ сдержать порывовъ горя.

БРУТЪ.

Перенестись къ живому дѣлу надо!
Не двинуться ли намъ скорѣй къ Филиппамъ?

КАССІЙ.

Я съ этимъ не согласенъ.

БРУТЪ.

Почему?

КАССІЙ.

Коль непріятель будетъ насъ искать,
Онъ утомитъ войска, истратитъ средства
И повредитъ себѣ, тогда какъ мы,
Спокойно оставаясь здѣсь на мѣстѣ,
И силы, и отвагу сбережемъ.

БРУТЪ.

Хорошій доводъ долженъ уступить
Тому, который лучше. До Филиппъ

Все населенье съ тайною враждою
Глядитъ на насъ. Оно раздражено
Поборами, взимаемыми нами.
Коль непріятель явится сюда,
Къ нему примкнутъ всѣ тѣ, что недовольны,
И онъ тогда предстанетъ передъ нами,
Усиленный и духомъ ободренный.
Чтобы лишить его всѣхъ этихъ выгодъ
И не имѣть въ тылу враждебный округъ
Подвинемся немедленно къ Филиппамъ.

КАССІЙ.

Но, добрый братъ...

БРУТЪ.

Еще прими въ разсчетъ,
Что наши легіоны въ полномъ сборѣ
И силы налицо, что наше дѣло
Созрѣло совершенно; а враги
Становятся сильнѣе съ каждымъ днемъ.
Добравшись до вершины, бойся склона!
Дѣла людей, какъ волны океана,
Подвержены приливу и отливу.
Воспользуйся приливомъ—и успѣхъ
Съ улыбкою откликнется тебѣ;
Съ отливомъ же все плаванье твое
Въ тяжелую борьбу преобразится
Съ мелями и невзгодами. Для насъ
Насталъ приливъ. Коль мы его пропустимъ,
Насъ вѣрная погибель ожидаетъ.

КАССІЙ.

По-твоему пусть будетъ! Близъ Филиппъ
Нагонимъ непріятеля.

БРУТЪ.

Въ то время,
Какъ разсуждали мы, глухая ночь
Подкралась къ намъ. Заплатимъ дань природѣ
Необходимымъ отдыхомъ. Не надо ль
О чемъ-нибудь еще намъ совѣщаться?

КАССІЙ.

Все рѣшено; прощай! Съ зарею завтра
Поднимемся и выступимъ въ походъ.

БРУТЪ.

Дай мнѣ раздѣться, Люцій! Доброй ночи,
Почтеннѣйшій Мессала; до свиданья,
Титиній; и тебѣ, любезный Кассій,
Желаю отъ души покойной ночи.

КАССІЙ.

О, милый братъ! какъ было тяжело
Начало этой ночи; но надѣюсь,
Что никогда ужъ ссориться не будемъ!
Не такъ ли, Брутъ?

БРУТЪ.

Уладилась размолвка.

КАССІЙ.

Прощай же, братъ.

БРУТЪ.

Прощай, мой добрый Кассій.

ТИТИНІЙ И МЕССАЛА.

Покойной ночи, Брутъ.

БРУТЪ.

Прощайте всѣ!

(*Уходятъ Кассій, Титиній и Мессала*).

(*Входитъ* Люцій).

БРУТЪ.

Дай мнѣ накинуть спальную одежду.
Гдѣ лютню ты оставилъ?

ЛЮЦІЙ.

Здѣсь, въ палаткѣ.

БРУТЪ.

Ты спишь совсѣмъ. О, бѣдный! не могу
Тебя винить: ты бдѣньемъ утомленъ.
Зови другихъ служителей моихъ;
Пусть на подушкахъ спятъ въ моей палаткѣ.

ЛЮЦІЙ.

Варронъ и Клавдій!

(*Входятъ* ВАРРОНЪ *и* КЛАВДІЙ).

ВАРРОНЪ.

Что тебѣ угодно?

БРУТЪ.

Въ моей палаткѣ нынче вы ночуйте;
Я, можетъ быть, васъ ночью разбужу,
Чтобъ дать вамъ порученье къ брату Кассью.

ВАРРОНЪ.

Коль хочешь, мы и вовсе не заснемъ.

БРУТЪ.

Нѣтъ, лягте спать; могу и передумать.
Ахъ, Люцій! посмотри, въ ночной одеждѣ
Нашелъ я книгу, что искалъ вездѣ.

(*Варронъ и Клавдій ложатся*).

ЛЮЦІЙ.

Я зналъ, что мнѣ ея не отдавалъ ты.

БРУТЪ.

Прости меня—я что-то сталъ забывчивъ;
Не можешь ли ты сонъ преодолѣть
И что-нибудь на лютнѣ мнѣ сыграть?

ЛЮЦІЙ.

Могу, коль это хочешь.

БРУТЪ.

Да, мой милый.

Я на тебя ужъ слишкомъ налегаю;
Но пользуюсь готовностью твоей.

Люцій.

Я долгъ лишь исполняю.

Брутъ.

Отъ тебя
Не долженъ бы я требовать такъ много:
Я знаю—юнымъ силамъ нуженъ отдыхъ.

Люцій.

Ужъ спалъ я.

Брутъ.

И хорошо ты сдѣлалъ;
Заснешь опять—тебя не задержу я.
Останусь живъ—ты будешь мной доволенъ.
(Люцій поетъ, играя на лютнѣ, и засыпаетъ).
Дремотою объяты эти звуки...
О, тяжкій сонъ! свинцовою рукою
Его коснулся ты. Спи, милый мальчикъ!
Я твоего покоя не нарушу;
Качаясь такъ, ты лютню разобьешь.
Возьму ее. Покойной ночи, милый!
Опять примусь за прерванное чтенье.
(Является духъ Цезаря).
Ночникъ горитъ, бросая тусклый свѣтъ...
Кто это тамъ? Какой-то страшный призракъ
Идетъ ко мнѣ. Онъ, вѣрно, порожденъ
Лишь слабостью моихъ усталыхъ глазъ.
О, духъ! коль ты не сонъ воображенья,
Скажи мнѣ: геній ты, иль богъ, иль демонъ?
Ты кровь мою собою леденишь
И волосы мои становишь дыбомъ.
Скажи: кто ты?

Духъ Цезаря.

Я—духъ, тебѣ враждебный.

Брутъ.

Зачѣмъ явился ты?

Духъ Цезаря.

Чтобы сказать,
Что встрѣтимся мы снова близъ Филиппъ

Брутъ.

Опять предстанешь ты?

Духъ Цезаря.

Да, близъ Филиппъ. *(Исчезаетъ).*

Брутъ.

Что жъ, свидимся опять. Зачѣмъ ты скрылся,
Когда въ себя я началъ приходить?
Враждебный духъ! Съ тобою продолжать
Желалъ бы разговоръ. Проснися, Люцій!
Проснитесь всѣ.

Люцій.

Настроить надо лютню.

БРУТЪ И ТѢНЬ ЦЕЗАРЯ.

Картина Р. Вестоля (R. Westoll. R. A.) «Малая Бойделевская Галлерея».

Брутъ.

Онъ думаетъ, что все еще играетъ.
Проснись скорѣй!

Люцій.

Что приказать желаешь?

Брутъ.

Зачѣмъ во снѣ такъ сильно ты кричалъ?

Люцій.

Кричалъ ли я—не знаю.

Брутъ.

Можетъ быть,
Испуганъ ты какимъ-нибудь видѣньемъ?

Люцій.

Нѣтъ, ничего во снѣ не видѣлъ я.

Брутъ.

Ты можешь вновь заснуть. Проснися, Клавдій,
И ты Варронъ!

Оба.

Мы ждемъ твоихъ велѣній.

Брутъ.

Что заставляло васъ кричать во снѣ?

Оба.

Кричали развѣ мы?

Брутъ.

Вамъ, можетъ быть,
Приснилось что нибудь?

Оба.

Нѣтъ, ничего.

Брутъ.

Идите же и брату отъ меня
Вы поклонитесь; также передайте,
Чтобъ онъ пораньше выступилъ съ войсками:
Мы двинемся за нимъ.

Оба.

Сейчасъ идемъ.

(Динарій съ изображеніемъ Антонія и Октавія).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Равнина близъ Филиппъ.

Входятъ Октавій, Антоній, *и ихъ войска.*

Октавій.

Сбылись мои надежды, Маркъ Антоній!
Ты увѣрялъ меня, что непріятель
Спуститься на равнину не посмѣетъ,
Оставивъ горы. Иначе выходитъ:
Его войска ужъ близко и хотятъ
Здѣсь, близъ Филиппъ, теперь сразиться
съ нами,
Не дожидаясь вызова.

Антоній.

Понятна
Причина ихъ движенья: имъ бы лучше
Другое мѣсто выбрать; но они
Храбрятся и хотятъ намъ доказать,
Что не упали духомъ. Это только
Одинъ обманъ.

(Входитъ гонецъ*).*

Гонецъ.

Готовьтесь, полководцы!
Враги идутъ въ порядкѣ боевомъ,
Съ знаменами развернутыми; надо
Немедленно готовиться къ отпору.

Антоній.

Октавій, ты веди, не торопясь,
Свои войска по лѣвой сторонѣ.

Октавій.

Нѣтъ, я пойду по правой, а тебѣ
Предоставляю лѣвую.

Антоній.

Зачѣмъ
Въ рѣшительный моментъ перечишь мнѣ?

Октавій.

Я не перечу: просто такъ хочу.
(Слышенъ маршъ. Барабаны. Входятъ Брутъ, Кассій, Титиній, Мессала *и др., войска).*

Брутъ.

Они хотятъ вступить въ переговоры.

Кассій.

Останься здѣсь, Титиній; мы же выйдемъ
Чтобъ перемолвить съ ними.

Октавій.

Маркъ Антоній!
Намъ не подать ли знакъ начать сраженье?

Антоній.

Нѣтъ, Цезарь; отразить ихъ лучше будетъ.
Пойдемъ впередъ, чтобъ съ ними говорить.

Октавій.

Не трогайтесь, пока не дамъ сигнала.

Брутъ.

У васъ слова предшествуютъ ударамъ,
Сограждане; не такъ ли?

Октавій.

Мы не любимъ
Слова, какъ вы.

РИМСКІЕ ВОИНЫ.

По Racinet. Le costume historique.

Брутъ.

Хорошія слова
Плохихъ ударовъ лучше.

Антоній.

Ты умѣешь
О, Брутъ! сопровождать хорошимъ словомъ
И злѣйшій изъ ударовъ. „Здравствуй, Цезарь!"
Кричалъ ты, ножъ ему вонзая въ сердце.

Кассій.

О подвигахъ твоихъ судить не можемъ,
Антоній; ихъ и нѣтъ; но, что до словъ,
Они совсѣмъ ограбили пчелъ Гиблы,
Оставивъ ихъ безъ меда.

Антоній.

Не безъ жалъ.

Брутъ.

У нихъ и жала отнялъ ты, и голосъ:
Жужжа, какъ пчелы, но благоразумно
Угрозы шлешь предъ тѣмъ, чтобы ужалить...

Антоній.

О, изверги! не такъ вы поступили,
Когда кинжалы встрѣтилися ваши
У Цезаря въ груди, зубря другъ друга!...
Какъ обезьяны, скалили вы зубы;
Вы ластились, какъ псы, и, какъ рабы,
У Цезаря вы ноги лобызали,
Когда, какъ песъ, подкравшись, гнусный Каска
Его ударилъ сзади. О, льстецы!...

Кассій.

Льстецы! Ну, Брутъ, благодари себя:
Отъ этихъ устъ обиды бы не слышалъ,
Когда бъ не пренебрегъ моимъ совѣтомъ.

Октавій.

Скорѣй приступимъ къ дѣлу. Этотъ споръ
Бросаетъ въ потъ, но влага покраснѣе
Должна его рѣшить. Я вынулъ мечъ,
Чтобъ наказать убійцъ, и лишь тогда
Вложу его въ ножны, когда сторицей
Отмщу за раны Цезаря; а ихъ
Всѣхъ было тридцать три! Не отомщу,
Тогда другого Цезаря сразитъ
Измѣнника кинжалъ.

Брутъ.

Не бойся, Цезарь!
Измѣнники убить тебя не могутъ,
Коль ихъ съ собой ты не привелъ.

Октавій.

Надѣюсь,
Не для того родился я на свѣтъ,
Чтобъ отъ кинжала Брута кончить дни.

Брутъ.

О, юноша! Когда бъ и лучшій былъ ты
Изъ рода своего, почетнѣй смерти
Найти бы ты не могъ.

Кассій.

Плаксивый школьникъ
Съ развратникомъ разгульнымъ не достойны
Такой высокой чести.

Антоній.

Старый Кассій,
Велю тебѣ молчать!

Октавій

Пойдемъ, Антоній!

Измѣнники! я въ зубы вамъ бросаю
Свой вызовъ. Если храбрости въ васъ хватитъ
Принять сегодня бой,—на полѣ битвы
Мы встрѣтимся; а если нѣтъ, придется
Намъ ждать, пока вы съ духомъ соберетесь.
(*Уходятъ Октавій, Антоній и ихъ войска*).

Кассій.

Дуй, вѣтеръ! мчитесь, волны! челнъ, несись!
Гроза шумитъ и рокъ царитъ надъ нами...

Брутъ.

Люцилій! на два слова.

Люцилій.

Что прикажешь?
(Брутъ *и* Люцилій *отходятъ въ сторону*).

Кассій.

Мессала!

Мессала.

Здѣсь я, Кассій.

Кассій.

Другъ Мессала,
Сегодня день рожденья моего.
Да, въ этотъ самый день родился Кассій.
Дай руку мнѣ. Свидѣтелемъ ты будешь,
Что нехотя сраженье принимаю,
Какъ нѣкогда Помпей, ему ввѣряя
Свои права, свободу и судьбу.
Ты знаешь, я держался Эпикура;
Теперь же это мнѣнье измѣнилъ
И сталъ отчасти вѣрить въ предвѣщанья...
Когда изъ Сардъ мы вышли, два орла
Спустились къ намъ, передовое знамя
Сидѣніемъ избравъ. Изъ рукъ солдатъ
Они охотно пищу принимали
И до Филиппъ сопровождали насъ.
Сегодня ихъ ужъ нѣтъ. Они умчались,—
И, стаями зловѣщими, надъ нами
И вороны, и коршуны летаютъ,
Глядя на насъ, какъ на свою добычу.
Ихъ тѣнь ложится мрачнымъ покрываломъ
Надъ нашими войсками, имъ суля
Погибель неминучую.

Мессала.

Не вѣрь
Примѣтѣ этой.

Кассій.

Вѣрю лишь отчасти.
Я духомъ бодръ и встрѣтить собираюсь
Опасности безъ страха.

Брутъ.

Такъ, Люцилій...

Кассій.

О, благородный Брутъ! молю боговъ,
Чтобъ наша дружба старости достигла;
Но такъ какъ перемѣнчива судьба—
И худшее обсудимъ. Если мы
Сраженье проиграемъ, я съ тобой
Въ послѣдній разъ бесѣдую. Скажи,
Что ты тогда съ собой намѣренъ дѣлать?

Брутъ.

Я вѣренъ философіи останусь,
Которая Катона осуждаетъ
За то, что онъ самоубійствомъ кончилъ.
Не знаю почему, но я считаю,
Что это и трусливо, и постыдно—
Ускорить смерть, боясь того, что будетъ.
Съ терпѣньемъ ожидать рѣшенья стану
Тѣхъ высшихъ силъ, что міромъ управляютъ.

Кассій.

Такъ, если мы сраженье проиграемъ,
Ты плѣнникомъ пойдешь средь улицъ Рима?

Брутъ.

Нѣтъ, Кассій! Брутъ душою слишкомъ гордъ,
Чтобы по Риму связаннымъ пройти;
Но этотъ день рѣшителенъ: онъ кончитъ,
Что иды марта начали. Не знаю,
Мы встрѣтимся ль опять, а потому
Прими мое послѣднее прости!
Прости навѣкъ, прости, мой добрый Кассій!
Коль встрѣтимся опять, мы улыбнемся;
А нѣтъ, то хорошо, что мы простились.

Кассій.

Прости навѣкъ, прости, о добрый Брутъ мой!
Коль встрѣтимся опять, мы улыбнемся;
А нѣтъ, то хорошо, что мы простились.

Брутъ.

Веди войска! О, еслибъ можно было
Впередъ узнать, что скажетъ этотъ день!
Но хорошо и то, что онъ промчится:
Тогда узнаемъ все. Впередъ, впередъ!
(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Тамъ же; поле сраженія.

Входятъ Брутъ *и* Мессала.

Брутъ.

Скачи, скачи, Мессала! Мой приказъ
Ты отвези всѣмъ дальнимъ легіонамъ:
(*Громкій шумъ битвы*).
Пусть разомъ нападутъ; я замѣчаю,
Что дрогнули Октавія войска.
Еще напоръ, и мы ихъ опрокинемъ.
Скорѣе отвези имъ мой приказъ! (*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Другая часть поля сраженія.

Входятъ Кассій *и* Титиній.

Кассій.

Гляди, Титиній! трусы убѣгаютъ...
Я сдѣлался врагомъ своихъ солдатъ:
То знамя, что теперь держу въ рукахъ,
У труса вырвалъ я, его убивъ!

Титиній.

О, Кассій! слишкомъ Брутъ поторопился,
Преслѣдуя Октавія. Увлекшись
Успѣхомъ незначительнымъ, все войско
Онъ ринулъ на него; а насъ совсѣмъ
Антоній окружилъ.

(*Входитъ* Пиндаръ).

Пиндаръ.

Бѣги, бѣги!
Ужъ лагерь твой Антоній занимаетъ...
Бѣги, отважный Кассій!

Кассій.

Этотъ холмъ
Довольно отдаленъ. Гляди, Титиній,
Не тамъ ли пламя, гдѣ мои палатки?

Титиній.

Да, Кассій.

Кассій.

Если любишь ты меня,
На моего коня скорѣй садись
И шпорь его, пока онъ не примчится
Къ войскамъ, что тамъ стоятъ; потомъ, не медля,
Скачи сюда, чтобъ я узналъ навѣрно:
Друзья ли тамъ, друзья или враги?

Титиній.

Я возвращусь къ тебѣ быстрѣе мысли.
(*Уходитъ*).

Кассій.

Ты, Пиндаръ, взлѣзь на самый верхъ холма
(Я зрѣніе имѣлъ всегда плохое)
И, глазъ своихъ съ Титинья не спуская,
Передавай мнѣ все, что ты увидишь.
(*Пиндаръ уходитъ*).
Въ теченье дня я первый разъ вздохнулъ!
Я чувствую, что время повернуло:
Гдѣ началъ, тамъ и кончу. Жизнь моя
Свой совершила кругъ. Какія вѣсти?

Пиндаръ.

О, повелитель мой!

Кассій.

Что видишь ты?

Пиндаръ.

Со всѣхъ сторонъ Титиній окруженъ...
Къ нему несутся всадники; однако,
Все шпоритъ онъ коня. Еще немного—
Они его настигнутъ. Вотъ и онъ.

РИМСКІЙ ЛЕГІОНЕРЪ.

(*Реконструкція Линденшмидта въ римско-германскомъ музеѣ въ Майнцѣ*)

Сошелъ съ коня. Онъ взятъ. Отсюда слышны
Ихъ радостные крики.

КАССІЙ.

Возвратись!
Довольно мнѣ и этого. О, трусъ!
Ты дожилъ до того, что лучшій другъ твой
Безпомощно передъ тобою гибнетъ...
(*Пиндаръ возвращается*).
Приблизься, Пиндаръ. Въ плѣнъ тебя я взялъ
У парѳовъ. Жизнь твою я пощадилъ;
Но ты мнѣ поклялся все исполнять,
Что прикажу. Теперь сдержи обѣтъ—
И вновь свободнымъ будешь. Этотъ мечъ,
Что Цезаря сразилъ, вонзи мнѣ въ грудь...
Не возражай. Держась за рукоять,
Пронзи меня, когда лицо закрою...
Рази смѣлѣй. Ты отомщенъ, о, Цезарь!
И тѣмъ мечомъ, что умертвилъ тебя!
(*Умираетъ*).

ПИНДАРЪ.

Свобода вновь досталась мнѣ въ удѣлъ;
Но этою цѣною не желалъ я
Купить ее. Прости навѣки, Римъ!
Тебя ужъ Пиндаръ больше не увидитъ.
(*Уходитъ*).

(*Входятъ* ТИТИНІЙ *и* МЕССАЛА).

МЕССАЛА.

Одинъ успѣхъ равняется другому...
Октавія разбилъ отважный Брутъ,
Какъ легіоны Кассія—Антоній!

ТИТИНІЙ.

Какъ будетъ радъ услышать это Кассій.

МЕССАЛА.

Гдѣ онъ стоялъ?

ТИТИНІЙ.

Отчаяньемъ томимъ,
Онъ съ этого холма слѣдилъ за битвой.
Съ нимъ оставался Пиндаръ, рабъ его.

МЕССАЛА.

Не онъ ли на землѣ лежитъ недвижно?

ТИТИНІЙ.

О, горе! такъ живые не лежатъ...

МЕССАЛА.

Взгляни, не онъ ли это?

ТИТИНІЙ.

Нѣтъ, Мессала.
То Кассій былъ; но Кассія ужъ нѣтъ.
Багряные лучи закатъ бросаетъ
Предъ тѣмъ, чтобы во мракѣ потонуть.
И Кассія послѣдній день угасъ
Въ его крови. Исчезло солнце Рима!
Нашъ конченъ день; готовится гроза;
Опасности къ намъ близятся, а мы
Не въ силахъ съ ними справиться. Сомнѣнье
Въ успѣхѣ предпріятья моего
Его сгубило.

МЕССАЛА.

Горькая ошибка!
О, заблужденье! ты—дитя унынья!
Зачѣмъ воображенью человѣка
Ты представляешь то, чего и нѣтъ?
Твое зачатье быстро. Но, увы!
Ты счастливо не можешь разродиться
И губишь мать, зачавшую тебя.

ТИТИНІЙ.

Гдѣ жъ Пиндаръ?

МЕССАЛА.

Поищи его, Титиній;
А эту вѣсть вонжу я въ уши Брута;
Могу сказать—вонжу, такъ какъ его
Она сразитъ больнѣй, чѣмъ острый ножъ
Или стрѣла, пропитанная ядомъ.

ТИТИНІЙ.

Ступай, Мессала, я же здѣсь останусь,
Чтобъ Пиндара искать. (*Уходитъ Мессала*).
О, храбрый Кассій!
Зачѣмъ меня послалъ ты? Развѣ я
Твоихъ друзей не встрѣтилъ, и они
Побѣднаго вѣнца мнѣ не вручили,
Чтобъ передать тебѣ? Ужели ты
Ихъ радостныхъ привѣтствій не слыхалъ?
Но ты, увы! все это дурно понялъ.
Твое чело украшу я вѣнцомъ,
Что Брутъ, твой вѣрный Брутъ, тебѣ прислалъ.
Его приказъ я исполняю этимъ.
Спѣши сюда, о Брутъ! и ты увидишь,
Какъ друга я любилъ. Простите, боги,
Что я обычай римлянъ соблюдаю:
Его мечомъ я грудь свою пронзаю. (*Умираетъ*).
(*Трубы. Входятъ* МЕССАЛА *съ* БРУТОМЪ; *молодой* КАТОНЪ, СТРАТОНЪ, ВОЛЮМНІЙ *и* ЛЮЦИЛІЙ).

БРУТЪ.

Скажи, Мессала, гдѣ же трупъ его?

МЕССАЛА.

Вотъ—тамъ: надъ нимъ склоняется Титиній.

БРУТЪ.

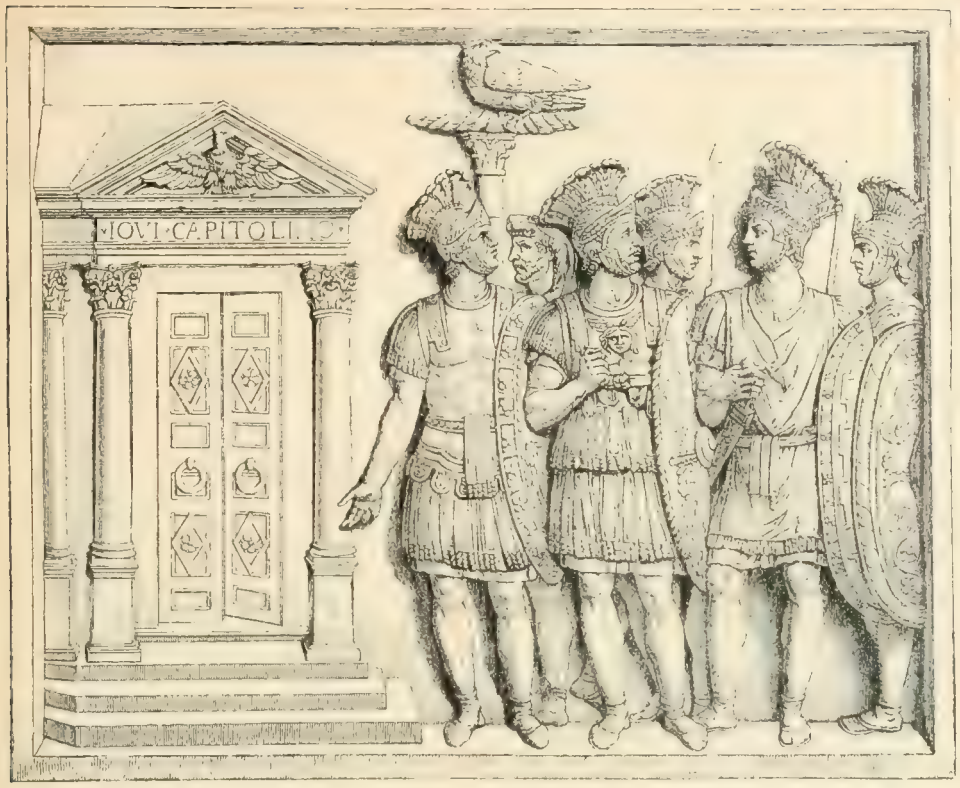
Онъ вверхъ лицомъ лежитъ.

КАТОНЪ.

И онъ сраженъ.

БРУТЪ.

О, Юлій Цезарь! ты еще могучъ:
Ты носишься надъ нами злобнымъ духомъ
И противъ насъ самихъ ты обращаешь
Оружье наше.
(*Тихій шумъ битвы*).



ОТБОРНАЯ ЧАСТЬ РИМСКАГО ВОЙСКА (ПРЕТОРІАНЦЫ).
Античный барельефъ. (Лувръ)

Катонъ.

Доблестный Титиній!
Предъ тѣмъ, какъ пасть, ты друга увѣнчалъ!

Брутъ.

Такихъ героевъ больше нѣтъ на свѣтѣ!
Прости, послѣдній римлянинъ, прости!
Не можетъ Римъ еще создать другого,
Подобнаго тебѣ. Увы, друзья!
Я не могу теперь его оплакать,
Какъ онъ того достоинъ; но потомъ
Для слезъ найдется время; да, найдется!
Вы въ Ѳассосъ отвезите трупъ его.
Мы въ лагерѣ его не похоронимъ,
Чтобъ духомъ не упасть. Идемъ, Люцилій.
И ты, Катонъ, назадъ—на поле битвы!
Войска ведите, Лабеонъ и Флавій!
Теперь лишь три часа. Впередъ за мной!
Съ врагомъ до ночи вступимъ въ новый бой! (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Другая часть поля битвы. Шумъ сраженія.

Входятъ солдаты обѣихъ армій, сражаясь. Брутъ, *молодой* Катонъ, Люцилій *и др.*

Брутъ.

Сограждане! отваги не теряйте!

Катонъ.

Межъ нами трусовъ нѣтъ. Друзья, за мной:
Пусть знаютъ всѣ, кто я. Я—сынъ Катона,
Тирановъ врагъ и другъ своей отчизны.
Я сынъ Катона, слышите!
(*Бросается противъ непріятеля*).

Брутъ.

Я—Брутъ,
Я—Брутъ, отчизны другъ. Узнайте Брута!
(*Удаляется, сражаясь; молодой Катонъ падаетъ*).

Люцилій.

И ты погибъ, о, доблестный Катонъ!
Ты кончилъ такъ же славно, какъ Титиній,
И смертью доказалъ, что ты достоинъ
Великаго отца.

I-й солдатъ.

Умри иль сдайся!

Люцилій.

Сдаюсь, чтобъ умереть. (*Даетъ денегъ*).
Прими, какъ даръ,
Всѣ деньги, что со мной; но умоляю,
Убей меня, прославься смертью Брута!

I-й солдатъ.

Мы плѣнника такого не убьемъ.

2-й солдатъ.

Къ Антонію бѣги, чтобъ сообщить,
Что въ плѣнъ попался Брутъ.

I-й солдатъ.

Сейчасъ отправлюсь ..
Но вотъ онъ самъ.
(*Входитъ* Антоній).

I-й солдатъ.

Мы Брута взяли въ плѣнъ.

Антоній.

Но гдѣ же Брутъ?

Люцилій.

Онъ невредимъ, Антоній!
Повѣрь, врагу не взять его живымъ.
Я знаю, что его избавятъ боги
Отъ этого позора. Если Брута
Найдете вы иль мертвымъ, иль живымъ,
Все будетъ передъ вами прежній Брутъ,
Что самъ себѣ всегда и всюду вѣренъ...

Антоній.

Любезные, не Брута взяли вы;
Но все жъ то важный плѣнникъ. Съ уваженьемъ
И дружбою къ нему вы относитесь:
Такихъ людей хотѣлъ бы я имѣть
Въ числѣ своихъ друзей, а не враговъ...
Развѣдайте, гдѣ Брутъ: убитъ ли онъ,
Иль еще живъ, и дайте знать о томъ
Въ Октавія палатку, гдѣ я буду. (*Уходитъ*).

СЦЕНА V.

Другая часть поля сраженія.

Входятъ Брутъ, Дарданій, Клитъ, Стратонъ *и* Волюмній.

Брутъ.

Сюда, остатки жалкіе друзей!
У этихъ скалъ для отдыха присядемъ.

Клитъ.

Стратилій факелъ взялъ, но не вернулся.
Иль онъ въ плѣну, иль нѣтъ его въ живыхъ.

Брутъ.

Садись, о, Клитъ! убійство здѣсь въ ходу—
И смерть царитъ кругомъ. Послушай, Клитъ!
(*Шепчетъ ему*).

Клитъ.

Чтобъ это сдѣлалъ я,—о, ни за что!

Брутъ.

Такъ никому объ этомъ ни полслова...

Клитъ.

Скорѣй убью себя.

Брутъ.

Къ тебѣ, Дарданій,
Я съ просьбой обращусь. (*Шепчетъ ему*).

Дарданій.

Мнѣ ль это сдѣлать?

Клитъ.

Дарданій!

Дарданій.

Клитъ!

Клитъ.

Скажи, что Брутъ просилъ?

Дарданій.

Чтобъ я убилъ его. Какъ онъ глубоко
Задумался теперь.

Клитъ.

Онъ полонъ горя,
И слезы изъ очей его струятся...

Брутъ.

О, добрый мой Волюмній! я хочу
Съ тобой поговорить.

Волюмній.

Я слушаю.

Брутъ.

Духъ Цезаря ко мнѣ явился дважды
Во мракѣ ночи; первый разъ близъ Сардъ
И прошлой ночью здѣсь. Я вѣрно знаю,
Что смертный часъ мой близокъ.

Волюмній.

Ты не правъ.

Брутъ.

О, нѣтъ! не сшибаюсь я, Волюмній.

Ты видишь, какъ превратно все идетъ,
Мы къ краю бездны пригнаны врагами.
Не лучше-ль броситься въ нее самимъ,
Чѣмъ ожидать, когда спихнутъ другіе.
Припомни, другъ, мы вмѣстѣ были въ школѣ...
Во имя нашей старой, тѣсной дружбы
Прошу тебя, ты подержи мой мечъ,
Чтобъ на него я броситься бы могъ.

Волюмній.

Не можетъ другъ такой исполнить просьбы.
(*Слышенъ шумъ битвы*).

Клитъ.

Бѣгите, полководцы: ждать нельзя!

Брутъ.

Простите всѣ—и ты, и ты, Волюмній!
Стратонъ, ты спалъ все время, и съ тобой
Прощаюсь я. Сограждане, я счастливъ,
Что никогда на жизненномъ пути
Мнѣ не случалось встрѣтить человѣка,
Чтобъ мнѣ невѣренъ былъ. Я побѣжденъ;
Но этотъ день злосчастный принесетъ
Мнѣ больше славы, чѣмъ врагамъ моимъ
Ихъ жалкая побѣда. Съ вами разомъ
Прощаюсь я. Языкъ мой скоро кончитъ
Свое повѣствованіе о Брутѣ.
Ужъ ночь виситъ надъ вѣждами моими—
И кости, что работали такъ много,
Чтобъ встрѣтить этотъ часъ, покоя жаждутъ.
(*Шумъ битвы: слышны извнѣ крики: бѣгите! бѣгите!*).

Клитъ.

Скорѣй, скорѣй бѣгите!

Брутъ.

Я за вами.
(*Уходятъ Клитъ, Дарданій и Волюмній*).
Стратонъ, прошу тебя со мной остаться!
Ты человѣкъ хорошій—и въ тебѣ
Я искры благородства замѣчалъ.
Ты, отвернувъ лицо, держи мой мечъ,
И на него съ размаха ринусь я.
Согласенъ ли мою исполнить просьбу?

Стратонъ.

Дай прежде руку мнѣ, затѣмъ прости!

Брутъ.

Прости, Стратонъ! О, Цезарь! успокойся.
Тяжеле было мнѣ твой вѣкъ пресѣчь,
Чѣмъ въ самаго себя вонзить свой мечъ!
(*Бросается на мечъ и умираетъ*).
Шумъ битвы, трубятъ отступленіе. Входятъ Октавій, Антоній, Мессала, Люцилій *и войско.*

БРУТЪ БРОСАЕТСЯ НА СВОЙ МЕЧЪ.

Картина Р. Вестоля (R. Westall, R. A.). Малая Бойделевская Галлерея.

Октавій.

Кто этотъ человѣкъ?

Мессала.

Служитель Брута,
Стратонъ. Гдѣ господинъ твой?

Стратонъ.

Онъ свободенъ,
Какъ ты, Мессала: онъ рабомъ не будетъ,
И побѣдитель можетъ только сжечь
Холодный трупъ усопшаго вождя.
Одинъ лишь Брутъ могъ Брута превозмочь—
И Брутъ одинъ своей прославленъ смертью.

Люцилій.

Его найти могли вы только мертвымъ!
Благодарю тебя, великій Брутъ,
Что ты слова Люцилья оправдалъ!

Октавій.

Къ себѣ я всѣхъ беру служившихъ Бруту.
Согласенъ ли ко мнѣ ты поступить?

Стратонъ.

Спроси на то согласіе Мессалы.

Октавій.

Мессала, уступи его.

Мессала.

Стратонъ,
Намъ разскажи, какъ Брутъ окончилъ жизнь.

Стратонъ.

Онъ ринулся на мечъ, что я держалъ.

Мессала.

Возьми его, Октавій! Онъ достоинъ
Тебѣ служить: отважному вождю
Онъ оказалъ послѣднюю услугу.

Антоній.

Брутъ лучшій былъ, достойнѣйшій изъ тѣхъ,
Что Цезаря убили. Всѣ они
Изъ зависти убійство совершили;
Лишь онъ одинъ изъ честныхъ побужденій—
Изъ ревности къ общественному благу.
Такъ жизнь его промчалась безупречно,
Такъ лучшія начала въ немъ слились,
Что міру возвѣстить сама природа
Могла бы: „это—былъ человѣкъ!"

Октавій.

Торжественно его мы похоронимъ—
Достойно добродѣтелей его.
Внесите трупъ его въ мою палатку;
Пусть онъ лежитъ въ убранствѣ полководца!
Войскамъ усталымъ надо отдыхъ дать;
А мы пойдемъ трофеи раздѣлять... (*Уходятъ*).

П. Козловъ.

ЮЖНО-НѢМЕЦКІЙ ГЕРЦОГЪ-ЗАКОНОДАТЕЛЬ XVI ВѢКА.

Заглавный листъ Баварскаго Земскаго Уложенія, изданнаго въ 1553 г.: приписывается Гансу Милиху (Hans Mielich. 1516—1573).

СТАРИННАЯ ВѢНА.

Съ гравюры XVII вѣка.

МѢРА ЗА МѢРУ.

Въ основу „Мѣры за мѣру“ положена исторія безжалостнаго и порочнаго правителя, который соглашается помиловать приговореннаго имъ къ смерти человѣка, въ случаѣ если сестра послѣдняго (по другимъ версіямъ — жена) отдастся ему, но потомъ, добившись, чего онъ хотѣлъ, все-таки не исполняетъ своего обѣщанія. Эта исторія раньше Шекспира неоднократно отражалась, съ извѣстными варіантами, въ повѣстяхъ и поэтическихъ произведеніяхъ главныхъ западно-европейскихъ націй. Въ большей части этихъ обработокъ развязка состоитъ въ томъ, что недостойный правитель, послѣ раскрытія его вины, долженъ немедленно жениться на опозоренной имъ женщинѣ, причемъ за бракосочетаніемъ сейчасъ же слѣдуетъ его казнь. Въ различныхъ странахъ и областяхъ разсказъ пріурочивался къ подлиннымъ историческимъ дѣятелямъ, вельможамъ, губернаторамъ, намѣстникамъ и т. д.

Если многія детали старой фабулы повторяются въ трагикомедіи Шекспира „Мѣра за мѣру“, впервые поставленной на сценѣ театра „Глобусъ“ въ 1604 году, а написанной, вѣроятно, незадолго до этого, то наиболѣе близкимъ къ ней произведеніемъ, которое безусловно повліяло на великаго драматурга, является пьеса Джорджа Уэтстона, „Превосходная и знаменитая исторія Промоса и Кассандры“, напечатанная въ 1578 году. Въ этой пьесѣ, которая, подобно шекспировской, представляетъ собою чередованіе трагическаго и комическаго элементовъ, дѣйствіе происходитъ въ Венгріи, въ царствованіе Матвѣя Корвина, короля Венгріи и Богеміи (XV в.), пользовавшагося любовью и уваженіемъ народа. Мѣсто шекспировскаго Анджело занимаетъ здѣсь Промосъ, намѣстникъ города Юліо, облеченный довѣріемъ короля, извѣстный строгостью нравовъ и, повидимому, одаренный талантами опытнаго администратора. Однажды Промосъ приговариваетъ къ смертной казни юношу, по имени Андруджіо, обвиненнаго въ томъ, что онъ соблазнилъ молодую дѣвушку, Полину. Сестра Андруджіо, Кассандра, желая спасти жизнь брата, отправляется къ Промосу, въ надеждѣ смягчить его своими мольбами. Намѣстникъ сперва не хочетъ и слышать о помилованіи; затѣмъ, плѣненный красотою и обворожительностью Кассандры, онъ даетъ ей слово — пощадить ея брата, если она назначитъ ему свиданіе и согласится ему принадлежать. Возмущенная вначалѣ этимъ

предложеніемъ, Кассандра, нѣсколько времени спустя, видя безысходное горе брата, рѣшаетъ пожертвовать для него своею честью.

Но Промосъ не только жестокъ и втайнѣ развратенъ,—онъ можетъ показать себя при случаѣ вѣроломнымъ и коварнымъ! Соблазнивъ Кассандру, онъ и не думаетъ исполнять свое обѣщаніе; напротивъ, онъ тотчасъ же приказываетъ лишить жизни Андруджіо и отнести его голову къ Кассандрѣ, прибавивъ, въ видѣ глумленія надъ нею, что онъ сдержалъ слово, такъ какъ освободилъ ея брата отъ оковъ и тюрьмы. Благодаря состраданію и человѣчности тюремщика, коварный замыселъ остается не осуществленнымъ; Андруджіо получаетъ возможность спастись и укрыться отъ преслѣдованій, а къ Кассандрѣ посылаютъ голову другого преступника, необыкновенно похожаго на него, который долженъ былъ быть казненъ въ тотъ же день. Узнавъ о мнимой казни брата, Кассандра хочетъ лишить себя жизни, но потомъ рѣшаетъ открыться во всемъ королю, моля его—покарать виновнаго. Матвѣй Корвинъ, разъ усомнившись въ своемъ намѣстникѣ, издаетъ воззваніе къ народу, приглашая всѣхъ, кто хочетъ принести жалобу на Промоса, обращаться къ нему лично, не боясь послѣдствій. Жалобъ оказывается такъ много, что закулисная сторона дѣятельности намѣстника становится слишкомъ очевидною для короля. Разобравъ лично дѣло Кассандры, онъ приговариваетъ Промоса къ браку съ обезчещенною имъ дѣвушкою, а затѣмъ—къ смертной казни. Во время разбирательства въ душѣ Кассандры происходитъ коренной переломъ; она вдругъ начинаетъ чувствовать состраданіе, даже безотчетное расположеніе къ тому, кого она еще такъ недавно считала своимъ злѣйшимъ врагомъ, и молитъ короля пощадить его жизнь, не разлучать ихъ такъ скоро. Ея мольбы остались бы, вѣроятно, безплодными, еслибы въ эту минуту не появился, покинувъ свое убѣжище, Андруджіо, котораго всѣ считали казненнымъ. Король прощаетъ и его, и Промоса, причемъ Андруджіо женится на Полинѣ, Промосъ—на Кассандрѣ.

Таково, въ самыхъ общихъ чертахъ, содержаніе пьесы Уэтстона. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что въ этой пьесѣ, —еще болѣе, чѣмъ въ „Мѣрѣ за мѣру“,—видное мѣсто принадлежитъ комическому элементу, чисто внѣшнимъ образомъ связанному съ главною фабулою. Преступники, гуляки, продажныя женщины, сводни, подкупные судейскіе, — вся эта грубая и пошлая компанія выступаетъ въ рядѣ сценъ, отвлекая въ совершенно другую сторону вниманіе читателя и не всегда содѣйствуя, —какъ мы это, наоборотъ, видимъ у Шекспира, — выясненію основной идеи или развитію сюжета. Важную роль играетъ въ этихъ сценахъ судья и блюститель нравовъ, Фаллаксъ, помощникъ Промоса, обязанный преслѣдовать развратъ, но неожиданно влюбляющійся въ одну изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ онъ долженъ былъ арестовать и наказать, Ламію, и становящійся ея послушнымъ орудіемъ. Съ помощью своихъ клевретовъ, Рапакса и Грипакса, онъ совершаетъ рядъ беззаконныхъ поступковъ, окончательно дѣлается грабителемъ, хищникомъ, отъявленнымъ негодяемъ. Въ концѣ пьесы и его, и Ламію постигаетъ кара закона, такъ какъ король узнаетъ не только о порочности Промоса, но также и о подвигахъ его помощника.

Сюжетъ „Исторіи Промоса и Кассандры“ былъ еще разъ обработанъ Уэтстономъ въ формѣ новеллы, вошедшей въ составъ его сборника „Heptameron of Civil Discourses“, гдѣ дама, носящая имя Изабеллы, разсказываетъ всю эту исторію. Любопытно, однако, что въ этой второй обработкѣ отсутствуетъ комическій, точнѣе—циничный элементъ, составлявшій чуть не половину пьесы. Нельзя точно опредѣлить, зналъ ли Шекспиръ эту повѣсть, такъ какъ заимствованныя имъ детали попадаются въ обѣихъ обработкахъ фабулы, а тамъ, гдѣ эти обработки расходятся, онъ придерживается первоначальной версіи. Нѣкоторые изслѣдователи считаютъ, впрочемъ, возможнымъ, отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно [1]).

Раньше Уэтстона сходный сюжетъ былъ обработанъ,—правда, въ нѣсколько иномъ духѣ, — итальянскимъ писателемъ Джиральди Чинтіо, который въ сборникѣ своихъ новеллъ, Hecatommythi, напечатанный въ 1565 году, включилъ, между прочимъ, одну исторію, очень близкую по фабулѣ къ пьесѣ Уэтстона и, несомнѣнно, повліявшую на англійскаго драматурга). У Чинтіо дѣйствіе происходитъ въ Инспрукѣ, въ цар-

[1]) K. Foth. Shakespeare's «*Mass für Mass*» und die Geschichte von Promos und Cassandra ,— въ Jahrbuch der deut. Shakespeare-Gesellschaft , Bd. XIII. стр. 170.

ствованіе императора Максимиліана. Промосъ называется здѣсь Юристомъ, Кассандра—Эпитіей, Андруджіо — Вико. Помимо разницы въ именахъ, слѣдуетъ отмѣтить ту важную подробность, что въ итальянской новеллѣ казнь надъ погрѣшившимъ противъ кодекса пуританской нравственности юношей, дѣйствительно, совершается, что не мѣшаетъ Эпитіи въ концѣ новеллы, влюбившись въ убійцу брата, добиться для него прощенія, чтобы затѣмъ счастливо прожить съ нимъ много лѣтъ.

Это, конечно, не можетъ расположить насъ въ пользу главной героини, поступокъ которой не имѣетъ даже того запоздалаго оправданія, что братъ ея, въ концѣ концовъ, остался все же цѣлъ и невредимъ, несмотря на распоряженіе намѣстника, —какъ мы это видимъ въ „Исторіи Промоса и Кассандры". Далѣе, узнавъ о казни Вико, опозоренная Эпитія вначалѣ рѣшаетъ умертвить Юриста своими собственными руками, во время второго свиданія,—между тѣмъ какъ въ пьесѣ Уэтстона Кассандра думаетъ только о самоубійствѣ, но потомъ отказывается отъ своего намѣренія. Есть и нѣкоторыя другія, менѣе важныя отличія. Несомнѣнно, что Уэтстонъ, не принадлежа къ выдающимся писателямъ, все же подготовилъ почву для Шекспира, явился какъ бы посредникомъ между нимъ и не особенно глубокою итальянскою новеллою, сгладилъ нѣкоторыя ея шероховатости и несообразности,—хотя, съ другой стороны, самъ отвелъ въ своей пьесѣ видное мѣсто площадному, грубо потѣшному элементу, котораго не было у Чинтіо.

Что же сдѣлалъ съ этой фабулой Шекспиръ?

Если мы сравнимъ „Мѣру за мѣру" съ пьесою Уэтстона, намъ, конечно, прежде всего, бросится въ глаза неравенство дарованій. Многія ситуаціи, возсозданныя и тѣмъ, и другимъ драматургомъ, производятъ у Шекспира гораздо болѣе сильное впечатлѣніе. Съ бóльшимъ мастерствомъ очерчены также характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ, поступки которыхъ становятся болѣе мотивированными, вытекающими изъ особенностей ихъ натуры. Но не въ этомъ одномъ состоитъ, конечно, отличіе трагикомедіи Шекспира отъ „Исторіи Промоса и Кассандры". Многія детали фабулы измѣнены и переработаны. Мѣсто дѣйствія перенесено въ Вѣну, Промоса замѣнилъ Анджело, короля Матвѣя или императора Максимиліана — Винченціо, герцогъ вѣнскій, Кассандру—Изабелла и т. д. Очень важно то, что нравственный обликъ сестры узника сдѣлался гораздо болѣе привлекательнымъ, чистымъ, благороднымъ. Изабелла не жертвуетъ своею честью, для умилостивленія Анджело, какъ это сдѣлали Кассандра и Эпитія [1]). Возмущенная гнуснымъ требованіемъ правителя, она вплоть до самаго конца все такъ же смотритъ на его предложеніе, не идетъ ни на какіе компромиссы, предпочитаетъ, чтобъ братъ ея умеръ по волѣ безжалостнаго Анджело. Но, измѣнивъ въ этомъ отношеніи традиціонный сюжетъ, Шекспиръ, естественно, долженъ былъ придумать какой нибудь эпизодъ, который оставилъ бы Анджело въ твердой увѣренности, что молодая дѣвушка исполнила его волю, и все же далъ бы ей возможность сохранить свою честь незапятнанною. Для этого онъ ввелъ въ свою пьесу новое лицо, Маріанну, бывшую невѣсту Анджело, отвергнутую правителемъ и отказавшуюся отъ надежды когда либо стать его супругою. Благодаря вмѣшательству переодѣтаго герцога, Маріанна идетъ ночью, по его совѣту, на свиданіе съ Анджело, который принимаетъ ее за Изабеллу и считаетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Въ настоящее время неправдоподобность этого страннаго эпизода слишкомъ очевидна для насъ; совершенно такъ же мы отказываемся вѣрить, чтобы переодѣванье, столь обычное въ комедіяхъ Шекспира, могло дѣлать людей безусловно неузнаваемыми даже для близкихъ. Возвысивъ въ нашихъ глазахъ душевный міръ Изабеллы, Шекспиръ придалъ нѣсколько двусмысленную окраску образу дѣйствій другой своей героини, Маріанны, которая дѣлаетъ весьма рискованный шагъ, забывая всякую стыдливость и женственность [2]). Если только мы помиримся съ этимъ, мы, несомнѣнно, должны будемъ признать, что реабилитація Изабеллы, сама по себѣ, сдѣлала пьесу болѣе интересною и цѣльною. Между сестрой Клавдіо и, напримѣръ, Эпитіей, которая отдается Юристу и затѣмъ съ восторгомъ выходитъ за него замужъ, зная, что онъ казнилъ ея брата, лежитъ цѣлая пропасть.

Переодѣваніе герцога, который, подобно Гарунъ-аль-Рашиду, проникаетъ incognito въ толпу, впервые слышитъ все, что о немъ тайно говорятъ въ народѣ, знакомится съ

[1]) K. Foth. стр. 175.
[2]) K. Foth. l. c. стр. 183—184.

закулисною стороною городской жизни,—деталь, всецѣло принадлежащая Шекспиру. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о степени правдоподобности этого эпизода, нельзя не замѣтить, что онъ немало способствуетъ правильному развитію фабулы и ея постепенному приближенію къ развязкѣ. Разъ мнимый монахъ все слышитъ и все знаетъ, разъ порочность Анджело ему вполнѣ ясна, онъ, естественно, долженъ въ концѣ пьесы, послѣ искусно разыгранаго изумленія и гнѣва, всенародно дать вѣру жалобѣ Изабеллы, хотя она обвиняетъ человѣка, всѣми уважаемаго, пользующагося безупречною репутаціей. Если бы переодѣтый герцогъ не имѣлъ случая бесѣдовать съ Клавдіо и его сестрою, быть можетъ, онъ не сразу повѣрилъ бы жалобѣ молодой дѣвушки, которая приводитъ въ негодованіе его приближенныхъ,—и горькая правда еще долго осталась бы скрытою отъ всѣхъ. Еще небольшая деталь, измѣненная Шекспиромъ: голову казненнаго вмѣсто Клавдіо разбойника приносятъ у него не къ Изабеллѣ, а къ самому Анджело, который не замѣчаетъ, что его обманули.

Комическій, потѣшный элементъ, введенный Уэтстономъ, также подвергся въ „Мѣрѣ за мѣру“ значительнымъ измѣненіямъ. Шекспиръ не рѣшился совсѣмъ откинуть этотъ элементъ, но онъ постарался ввести его въ должныя границы, сократить, связать, по возможности, съ основною фабулою [1]). Нѣкоторымъ героямъ Уэтстона соотвѣтствуютъ, правда, такія же циничныя, грубоватыя фигуры (напримѣръ, Ламіи—сводня Переспѣла). Но число этихъ персонажей стало гораздо меньше. Инымъ изъ нихъ вложены кое-гдѣ въ уста довольно остроумныя фразы. У Луціо и у глуповатаго констэбля Локоть есть нѣсколько удачно подмѣченныхъ чертъ. Въ отличіе отъ „Исторіи Промоса и Кассандры“, въ тѣхъ сценахъ, гдѣ выступаетъ эта пестрая компанія, фигурируютъ также и представители другой категоріи дѣйствующихъ лицъ,—Анджело, герцогъ, Эскалъ. Лежащее въ основѣ сюжета осужденіе Клавдіо составляетъ предметъ разговоровъ Луціо, Помпея, Переспѣлы и др. Такимъ путемъ достигается бо́льшая цѣльность впечатлѣнія, производимаго пьесою. Уэтстонъ, по его собственному признанію, хотѣлъ, разбивая пьесу какъ бы на двѣ отдѣльныхъ части, одновременно поучать и развлекать зрителя... Шекспиръ, сохраняя этотъ легкомысленный, циничный элементъ, имѣлъ въ виду еще болѣе оттѣнить основную идею пьесы, показать, что творится въ народной массѣ въ то самое время, когда правители-доктринеры думаютъ однимъ взмахомъ пера уничтожить развратъ. Онъ хотѣлъ лишній разъ отмѣтить торжество природныхъ инстинктовъ надъ всѣми теоретическими построеніями. Это не мѣшаетъ нѣкоторымъ сценамъ (напримѣръ, второй сценѣ перваго акта или началу третьей сцены 4-го) возмущать нравственное чувство современнаго читателя и дѣлать постановку пьесы безъ купюръ почти невозможною [1]). Любопытно, что шаржированная роль Бернардина, равно какъ и забавные разговоры между Луціо и переодѣтымъ герцогомъ, созданы самимъ Шекспиромъ: у Уэтстона мы не находимъ ничего подобнаго.

Главный интересъ въ „Мѣрѣ за мѣру“ сосредоточивается, конечно, на личности самого Анджело. Его психологія гораздо сложнѣе и своеобразнѣе, чѣмъ внутренній міръ Промоса или Юриста. Различіе дарованій особенно ярко сказалось въ данномъ случаѣ. Передъ нами—отнюдь не заурядный тиранъ или развратникъ. На нашихъ глазахъ онъ проходитъ черезъ нѣсколько послѣдовательныхъ стадій, обнаруживаетъ гордость, самонадѣянность, смущеніе, чувственные инстинкты, лицемѣріе, коварство, упадокъ духа... Нѣкоторыя стороны его натуры, правда, очерчены особенно ярко и рельефно. Въ его лицѣ драматургъ хотѣлъ, прежде всего, вывести представителя пуританской морали, которая всегда была ему антипатична. Чисто религіозный элементъ пуританства всегда мало интересовалъ Шекспира; положительныя стороны этого ученія не были оцѣнены имъ по заслугамъ. Онъ былъ противникомъ пуританъ собственно потому, что они отрицали искусство и видѣли въ любви и страсти что-то грѣховное и порочное. Вслѣдствіе этого онъ и осмѣялъ ихъ въ лицѣ Мальволіо изъ „Двѣнадцатой ночи“, который является только забавною, въ концѣ—прямо жалкою фигурою,—а затѣмъ, сгустивъ краски и обративъ вниманіе на мрачныя,

[1]) Впрочемъ, въ Англіи, несмотря на чопорность англійскаго общества, „Мѣру за мѣру“ и въ XIX вѣкѣ отважились ставить безъ пропусковъ.

[1]) Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые критики (Найтъ, Гэнтеръ, Кольриджъ и др.) довольно сурово отнеслись къ этой части шекспировской трагикомедіи, которая имъ казалась возмутительною, отталкивающею.

отталкивающія стороны того же самаго явленія, заклеймилъ ихъ чопорную и холодную мораль въ лицѣ Анджело.

Въ героѣ „Мѣры за мѣру“ хотѣли иногда видѣть только чистокровнаго лицемѣра, притворщика, который хочетъ возложить на плечи другихъ неудобоносимое бремя, а себѣ считаетъ все позволеннымъ. Между тѣмъ, Анджело отнюдь не является лицемѣромъ по натурѣ. Онъ искренно убѣжденъ въ необходимости строгихъ, крутыхъ мѣръ, надѣется искоренить въ Вѣнѣ безнравственность, вначалѣ твердо увѣренъ въ своей непогрѣшимости и стойкости... Крейсигъ, въ своихъ „Чтеніяхъ о Шекспирѣ“, отмѣчаетъ значеніе „Мѣры за мѣру“, какъ пьесы, въ которой великій драматургъ формулировалъ свое понятіе о правѣ и законѣ, сдѣлавъ Анджело холоднымъ, безучастнымъ законникомъ-формалистомъ, желающимъ подогнать всѣхъ людей подъ готовыя рамки и категоріи, не признающимъ снисхожденія и терпимости. По мнѣнію Анджело, „человѣка буквы и авторитета“, люди должны быть послушными объектами закона, должны приспособляться къ нему, а правители и судьи ни въ коемъ случаѣ не могутъ вникать въ особыя условія, при которыхъ совершенъ тотъ или другой проступокъ, принимать въ соображеніе смягчающія обстоятельства и вообще дѣлать какія либо исключенія изъ общаго правила. Наоборотъ, самъ Шекспиръ, устами Эскала, герцога, Изабеллы проводитъ совершенно противоположный взглядъ, доказываетъ, что всякій законъ долженъ имѣть относительное, а не абсолютное значеніе, что нужно умѣть его примѣнять, что на первомъ планѣ должны стоять человѣчность и милосердіе, что нужно исправлять, а не терзать преступника [1]).

Фридрихъ Курціусъ въ статьѣ, посвященной „Мѣрѣ за мѣру“ („Deutsche Rundschau“, 1891, томъ LXVI), настаиваетъ на выдающихся дарованіяхъ и безусловной убѣжденности Анджело, какъ человѣка, искренно желавшаго возвеличить нравственность и добродѣтель, доставить въ общественной жизни торжество „новому курсу“,—но только прибѣгавшаго не къ тѣмъ мѣрамъ, которыя были желательны. Эти свойства заставили герцога поручить ему управленіе городомъ, обойдя имѣвшаго по старшинству всѣ права на этотъ постъ Эскала (другіе критики, наоборотъ, объясняютъ этотъ поступокъ герцога желаніемъ испытать и провѣрить прославленныя добродѣтели Анджело). Паденіе Анджело, презиравшаго и ненавидѣвшаго всѣхъ женщинъ, является только лишнимъ доказательствомъ всемогущества любви и страсти, одерживающихъ иногда верхъ надъ самыми стойкими, закаленными людьми... „Въ лицѣ Анджело“, говоритъ проф. Стороженко, „Шекспиръ казнитъ не только лицемѣріе и ханжество, но свойственную пуританамъ гордость духа, искренно считавшую себя недоступною человѣческимъ слабостямъ [1])“. Мы не имѣемъ основанія предполагать, чтобы до встрѣчи Анджело съ сестрой Клавдіо слово расходилось у него съ дѣломъ! „При первой встрѣчѣ съ Изабеллою онъ увидѣлъ, что слишкомъ понадѣялся на себя“. Весьма характерно то обстоятельство, что молодая дѣвушка привлекла его вниманіе, главнымъ образомъ, своею чистою, невинною, дѣвственною красотою, тогда какъ легкомысленнымъ, распущеннымъ женщинамъ, вѣроятно, никогда не удалось бы сбить его съ позиціи [2]). Недаромъ ему кажется, что „врагъ лукавый“ нарочно принялъ обликъ чистой дѣвушки, чтобы смутить его... Поддавшись соблазну, къ своему собственному ужасу и смущенію, назначивъ Изабеллѣ свиданіе, всецѣло охваченный своею страстью, Анджело, естественно, долженъ все же продолжать свою обычную тактику, быть строгимъ моралистомъ и цензоромъ нравовъ, преслѣдовать развратъ,—т. е., иначе говоря, именно съ этой поры онъ, дѣйствительно, становится лицемѣромъ, принужденъ вести двойную игру, чтобы не погубить себя и не подо-

[1]) «Vorlesungen über Shakespeare's Zeit und seine Werke», von Fr. Kreyssig; 1862; стр. 396—397.—Фр. Босъ отмѣчаетъ постепенное развитіе и совершенствованіе взглядовъ Шекспира на юридическіе вопросы, сравнивая «Мѣру за мѣру» съ «Венеціанскимъ купцомъ». Shakespeare and his predecessors, by Frederic Boas; 1896; стр. 357.

[1]) Г. Брандесъ. l. c.; примѣчанія и дополненія Н. И. Стороженко; стр. 424.

[2]) Тѣмъ не менѣе, любовь Анджело къ Изабеллѣ носитъ вполнѣ чувственный характеръ. «Чувственную, лишенную всякаго идеальнаго элемента любовь», говоритъ проф. Н. Стороженко, «Шекспиръ рѣдко выводилъ въ своихъ драмахъ... Такова любовь Фальстафа къ Квикли и Доллы Тершитъ; такова внезапно вспыхнувшая страсть Анджело къ Изабеллѣ, въ которой нѣтъ ничего, кромѣ плотскаго влеченія». («Опыты изученія Шекспира: Психологія любви и ревности у Шекспира». М. 1902; стр. 279).

рвать свою репутацію. Отсюда видно, какъ мало похожъ онъ, въ сущности, на другихъ лицемѣровъ, выступавшихъ въ произведеніяхъ міровой литературы, вродѣ мольеровскаго Тартюфа, съ которымъ его сравнивали, между прочимъ, и Франсуа-Викторъ Гюго, и Пушкинъ, отдававшіе предпочтеніе Шекспиру. Рѣшеніе Анджело—все же казнить Клавдіо, нарушивъ слово, данное Изабеллѣ, объясняется опасеніемъ, какъ бы тотъ не отомстилъ ему за позоръ сестры, не разгласилъ повсюду исторію нравственнаго паденія всѣми почитаемаго человѣка. Такимъ образомъ, разъ сойдя съ прямого пути, утративъ точку опоры, намѣстникъ герцога Винченціо запутывается все болѣе и болѣе и, точно по наклонной плоскости, стремительно и неудержимо приближается, самъ того не сознавая, къ своей гибели.

Изабелла занимаетъ обособленное мѣсто среди женскихъ образовъ, созданныхъ Шекспиромъ. „Изабелла", говоритъ Доуденъ,—„единственная шекспировская женщина, стремящаяся сердцемъ и мыслью къ безличному идеалу; она одна, въ періодъ юношеской пылкости и юношеской энергіи, ставитъ выше нѣчто отвлеченное, чѣмъ какую либо человѣческую личность" [1]). Это—„воплощенная совѣсть", святая дѣва, окруженная лучезарнымъ ореоломъ, готовая принять мученическій вѣнецъ, если бы это было нужно. Кругомъ царитъ развратъ, торжествуетъ полная распущенность,—а въ ея душѣ не умираетъ стремленіе къ нравственной чистотѣ, благородству, искренней вѣрѣ, милосердію. [2]) Она уходитъ въ монастырь, потому что окружающая среда не даетъ удовлетворенія ея порывамъ въ царство идеала. Ей кажется, что въ уединеніи она станетъ лучше, почерпнетъ бодрость для борьбы со зломъ и нравственнаго самосовершенствованія. Даже безпутный Луціо относится къ ней съ невольнымъ благоговѣніемъ. Мы заранѣе можемъ сказать, что она не послѣдуетъ примѣру Кассандры и Эпитіи и скорѣе лишится брата, чѣмъ согласится на безнравственное предложеніе Анджело. Тѣмъ затруднительнѣе является ея положеніе, когда она приходитъ просить за брата, обвиненнаго въ преступленіи, которое и ей самой кажется отвратительнымъ, грязнымъ. Она принуждена прибѣгнуть къ своего рода софизму, убѣждая Анджело карать грѣхъ, но пощадить грѣшника [1]). Она противопоставляетъ строгости и неумолимости закона—гуманность и любвеобильность христіанскаго идеала. Признавая, что Клавдіо виновенъ, она старается объяснить его поступокъ молодостью, неопытностью, слабостью духа и плоти. Когда она слышитъ изъ устъ Анджело страстныя рѣчи, ея негодованію и ужасу нѣтъ предѣловъ. Ни на одну минуту она не колеблется между двумя рѣшеніями, зная, какъ она должна поступить, чтобы совѣсть ее не упрекала. Малодушіе Клавдіо ее возмущаетъ потому, что она никогда не испытывала ничего подобнаго. Его готовность пожертвовать честью сестры, лишь бы только остаться живымъ, совершенно непонятно стойкой, мужественной, точно свободной отъ всѣхъ человѣческихъ слабостей дѣвушкѣ. Она остается вѣрна себѣ вплоть до конца. Герцогъ Винченціо предлагаетъ ей стать его женою,—она ничего не отвѣчаетъ на это, видимо, слишкомъ пораженная и взволнованная этимъ неожиданнымъ предложеніемъ, чтобы тутъ же рѣшиться на такой важный шагъ, отказаться отъ своихъ грезъ объ уединенной жизни въ затишьи монастыря. Доуденъ, несомнѣнно, выражается слишкомъ категорически, утверждая, будто Изабелла, „снявъ монашескую одежду и отказавшись отъ строгихъ монастырскихъ правилъ, принимаетъ званіе герцогини въ Вѣнѣ. Мѣсто Изабеллы и ея обязанность—стоять надъ развращенной Вѣной... [2])" Это значитъ—забѣгать впередъ, произвольно угадывать мысли автора.

Клавдіо нѣкоторыми чертами характера напоминаетъ своихъ предшественниковъ, напримѣръ, Андруджіо, но, какъ справедливо замѣтилъ Крейсигъ [3]), онъ отличается отъ нихъ тѣмъ, что его связь съ Джульеттой отнюдь не можетъ быть названа проявленіемъ развратной, порочной натуры. Онъ былъ искренно убѣжденъ въ томъ, что вскорѣ обвѣнчается съ Джульеттой, и откладывалъ бракосочетаніе только по причинамъ чисто матеріальнаго свойства. Его нельзя принять за типичнаго Донъ-Жуана, прожигателя жизни, достойнаго сподвижника Луціо или Помпея! Ни

[1]) Шекспиръ. критическое изслѣдованіе его мысли и его творчества Эдуарда Доудена: пер. А. Д. Черновой (1880): стр. 84.

[2]) Kreyssig, Vorlesungen . стр. 403; Gervinus. Shakespeare стр. 24—32.

[2]) Fr.-Victor Hugo. Oeuvres de Shakespeare t. X. стр. 27.

[2]) Доуденъ. l. c. стр. 86. Ср. Kreyssig. Vorlesungen . стр. 407.

[3]) Kreyssig. l. c.. стр. 398.

въ чемъ не проявились такъ ярко формализмъ и безсердечіе Анджело, какъ въ желаніи сдѣлать изъ этого безобиднаго юноши—опаснаго преступника! Во всякомъ случаѣ, это, конечно, совсѣмъ не выдающаяся, не яркая личность,—къ тому же обрисованная Шекспиромъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Онъ выступаетъ всего въ трехъ сценахъ, причемъ въ послѣдней—безъ рѣчей. При всемъ томъ, онъ играетъ важную роль въ пьесѣ, потому что грозящая ему смертная казнь дѣлается источникомъ тѣхъ трагическихъ осложненій, которыя составляютъ главную основу фабулы, способствуетъ косвенно выясненію характера Анджело и доводитъ его до позора и униженія. Личность Клавдіо становится нѣсколько болѣе интересною только въ извѣстной сценѣ между нимъ и сестрою [1]).

Любопытно, что у Шекспира несчастный юноша, умоляя сестру пожертвовать собою для его спасенія, приводитъ только одинъ мотивъ: пламенную любовь къ жизни и ея благамъ, безотчетный страхъ смерти, небытія. Эти грустныя мысли Клавдіо, кстати сказать, являются какъ бы слабымъ отголоскомъ проникнутыхъ меланхоліей и пессимизмомъ монологовъ Гамлета [2]). Клавдіо не старается, подобно своимъ предшественникамъ, успокоить и какъ бы оправдать себя надеждою на то, что правитель, навѣрное, женится на обольщенной имъ дѣвушкѣ, разъ она ему такъ сильно нравится [3]).

На психологіи Джульетты, Маріанны, играющей довольно плачевную роль въ пьесѣ Шекспира, — Эскала, Профоса и др. едва ли стоитъ здѣсь останавливаться. Нельзя не коснуться только герцога, который представляетъ собою болѣе интересную и своеобразную фигуру, чѣмъ король — въ пьесѣ Уэтстона, или императоръ — въ итальянской новеллѣ. По замѣчанію нѣкоторыхъ критиковъ, онъ какъ бы заступаетъ въ данномъ случаѣ мѣсто античнаго хора, формулируетъ основную идею трагикомедіи, неоднократно излагаетъ взглядъ самого автора на тѣ или другія событія, совершающіяся на нашихъ глазахъ [1]). Шекспиръ оттѣняетъ его воззрѣнія, какъ правителя, вполнѣ искреннія попытки—принести пользу народу, вызванныя скитаніями incognito горькія размышленія о тяжелой участи государей, не имѣющихъ возможности изучить вполнѣ основательно народную жизнь, со всѣми ея нуждами, и обезопасить себя отъ клеветы, тайнаго злословія, неудовольствія, даже при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ. Въ рѣчахъ герцога (напримѣръ, въ первой сценѣ перваго акта и четвертой сценѣ второго) видѣли иногда намекъ на взгляды и привычки короля Іакова I, вступившаго на англійскій престолъ въ 1603-мъ году—къ которому, съ другой стороны, Шекспиръ якобы косвенно обращался съ содержащеюся въ его пьесѣ апологіей гуманности и милосердія.

Нельзя не коснуться, въ заключеніе, русской обработки «Мѣры за мѣру", вышедшей изъ-подъ пера Пушкина и впервые напечатанной въ альманахѣ „Новоселье",—его поэмы „Анджело", которую онъ самъ въ одномъ случаѣ называетъ „переводомъ изъ Шекспира". Въ дѣйствительности, это произведеніе не можетъ быть названо ни переводомъ, ни даже передѣлкою. Инымъ сценамъ Пушкинъ нашелъ нужнымъ придать, какъ и въ подлинникѣ, діалогическую форму, сохранивъ многое изъ шекспировскаго текста, переводя цѣлыя фразы, надписывая даже имена дѣйствующихъ лицъ, какъ въ настоящей пьесѣ. Содержаніе другихъ отрывковъ онъ передаетъ своими словами, иногда резюмируя въ очень сжатой формѣ то, что происходитъ въ нѣсколькихъ явленіяхъ или, напримѣръ, даже въ цѣломъ четвертомъ дѣйствіи. Сравнительно близко къ тексту трагикомедіи Шекспира, съ сохраненіемъ діалогической формы, переданы слѣдующія сцены: бесѣда между Луціо и Изабеллой, впервые узнающей при этомъ объ опасности, которая грозитъ Клавдіо (актъ I, сцена IV); два объясненія между Анджело и Изабеллой (актъ II, сцены II и IV); свиданіе брата съ сестрой въ тюрьмѣ (актъ III, сцена I; одно изъ наиболѣе удачныхъ мѣстъ въ поэмѣ Пушкина); наконецъ, разоблаченіе вины Анджело и примирительная развязка, вызванная заступничествомъ Изабеллы и великодушіемъ герцога (конецъ акта V,

[1]) «Драматургическое значеніе пьесы «Мѣра за мѣру», говоритъ Брандесъ, основывается исключительно на трехъ сценахъ: когда красота Изабеллы искушаетъ Анджело, когда онъ ей дѣлаетъ свое гнусное предложеніе, и, наконецъ, когда Клавдіо выслушиваетъ, сначала негодуя, готовый на самопожертвованіе, извѣстіе о низости Анджело». Брандесъ, l. c., стр. 75.

[2]) Fr. Boas. «Shakespeare and his predecessors». стр. 357.

[3]) K. Foth. стр. 177.

[1]) Gervinus. «Shakespeare», стр. 36.

кстати сказать, переданный у Пушкина съ весьма значительными сокращеніями). Тамъ, гдѣ русскій поэтъ излагаетъ отдѣльныя явленія своими словами, иногда получается впечатлѣніе чрезмѣрной сжатости, чего то не договореннаго, почти скомканнаго. Особенно чувствуется это въ третьей части поэмы, гдѣ эпизодъ съ Маріанной и исторія замѣны головы Клавдіо—головою казненнаго въ тюрьмѣ разбойника намѣчены въ самыхъ общихъ чертахъ.

Характеръ Анджело, видимо, интересовалъ Пушкина и казался ему однимъ изъ лучшихъ характеровъ, созданныхъ Шекспиромъ. Въ одной изъ его „замѣтокъ", относящихся къ 1833 году, мы находимъ, между прочимъ, сравненіе мольеровскаго Тартюфа съ Анджело. Высказавъ мнѣніе, что герой Мольера во всѣхъ случаяхъ жизни является только лицемѣромъ, поэтъ прибавляетъ: „У Шекспира лицемѣръ произноситъ судебный приговоръ съ тщеславною строгостью, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленнымъ сужденіемъ государственнаго человѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, не смѣшною смѣсью набожности и волокитства. Анджело—лицемѣръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ. А какая глубина въ этомъ характерѣ!" Нельзя сказать, однако, чтобы характеръ Анджело, какимъ онъ обрисованъ у Шекспира, былъ такъ же удовлетворительно изображенъ въ русской обработкѣ сюжета. Сравнительно небольшіе размѣры поэмы нѣсколько помѣшали детальной характеристикѣ натуры главнаго героя. Передъ нами—„судія—торгашъ и обольститель", жестокій тиранъ, человѣкъ безсердечный, безжалостный, развратный и коварный. Педантическій законникъ сказывается въ немъ гораздо рѣже. Нѣкоторые его поступки,—напримѣръ, рѣшеніе все же казнить Клавдіо, несмотря на честное слово, данное Изабеллѣ,—мотивированные у Шекспира, остаются недостаточно мотивированными въ поэмѣ Пушкина. Не вполнѣ передано и душевное состояніе Анджело, когда онъ постепенно переходитъ отъ попытки рѣшительно отрицать свою вину и притворно выражать на своемъ лицѣ благородное негодованіе—къ полному сознанію въ томъ, что онъ сдѣлалъ, и мольбамъ о смерти, которая ему кажется все же отраднѣе позора.

Пушкинъ внесъ нѣкоторыя измѣненія и въ самую фабулу шекспировской пьесы. Дѣйствіе происходитъ не въ Вѣнѣ, а „въ одномъ изъ городовъ Италіи счастливой". Мѣсто герцога Винченціо занялъ у него „предобрый старый Дукъ", „народа своего отецъ чадолюбивый". Нужно замѣтить, что у Шекспира герцогъ отнюдь не является старикомъ,—въ концѣ пьесы онъ очень ясно показываетъ Изабеллѣ, что не прочь былъ бы сдѣлать ее своею женою, да и раньше мы неоднократно чувствуемъ, что онъ принадлежитъ къ людямъ среднихъ лѣтъ, но въ полномъ разцвѣтѣ силъ, умственныхъ и физическихъ, обнаруживаетъ предпріимчивость, изобрѣтательность, интересъ къ дѣламъ правленія, ясное пониманіе психологіи толпы. Совершенно не выступаютъ у Пушкина Эскалъ, Профосъ, братъ Петръ, Джульетта, Франциска. Устраненъ также комическій элементъ, играющій такую важную роль у Шекспира. Изъ всей веселой компаніи, фигурирующей въ „Мѣрѣ за мѣру", уцѣлѣлъ только Луціо, который приходитъ къ Изабеллѣ, чтобы сообщить ей объ участи брата; но русскій поэтъ не даетъ ему слишкомъ распространяться, замѣтивъ только, что онъ „въ подробныя пустился объясненья, немного жесткія своею наготой для дѣвственныхъ ушей отшельницы младой". Въ концѣ пьесы онъ уже не появляется, какъ у Шекспира, чтобы получить заслуженное наказаніе за свои нелѣпыя розсказни и желаніе несправедливо очернить отсутствующаго герцога. Еще любопытная деталь: Пушкинъ сдѣлалъ Маріанну не невѣстою, а женою Анджело. Мы узнаемъ, что „онъ былъ давно женатъ", но разстался съ Маріанной потому, что „легкокрылая летунья-молва" разнесла повсюду какой то фантастическій слухъ, позорящій честь ни въ чемъ неповинной женщины. Находя, что „не должно коснуться подозрѣнье къ супругѣ Кесаря", Анджело надменно прогналъ ее, хотя прекрасно зналъ всю неосновательность этого слуха. Съ этихъ поръ Маріанна жила „одна въ предмѣстіи, печально изнывая". Между тѣмъ, по Шекспиру Анджело бросилъ Маріанну тогда, когда она была только его невѣстой,—бросилъ потому, что обѣщанное за нею приданое погибло во время кораблекрушенія. Измѣняя въ этомъ отношеніи фабулу, Пушкинъ, конечно, хотѣлъ ослабить двусмысленный характеръ ночного свиданія Анджело съ Маріанною, по Шекспиру—молодою дѣвушкою, которая рѣшается на такой рискованный шагъ, въ надеждѣ,

что ея вѣроломный женихъ приметъ ее во мракѣ за Изабеллу.

„Анджело“, несмотря на отдѣльныя удачныя частности, не принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Пушкина, не можетъ сравниться съ другими его драматическими опытами, въ которыхъ изображается западно-европейская жизнь, вродѣ „Каменнаго гостя“, „Скупого рыцаря“, „Моцарта и Сальери“, „Пира во время чумы“. Критика удѣляла вплоть до нашихъ дней довольно мало вниманія этой поэмѣ, притомъ, конечно, не потому только, что она представляетъ собою близкое подражаніе Шекспиру, а главнымъ образомъ—въ виду отсутствія въ ней безспорныхъ, выдающихся художественныхъ достоинствъ [1]). Очень сурово отнесся къ ней, въ частности, Бѣлинскій, который, видимо не зная объ ея источникѣ замѣчаетъ въ своей классической статьѣ о Пушкинѣ: „Анджело былъ принятъ публикой очень сухо, и подѣломъ! Въ поэмѣ видно какое то усиліе на простоту, отчего простота ея слога вышла какъ то искусственна. Можно найти въ „Анджело“ счастливыя выраженія, удачные стихи, если хотите,—много искусства, но искусства чисто техническаго, безъ вдохновенія, безъ жизни. Короче, эта поэма недостойна таланта Пушкина. Больше о ней нечего сказать“ [1]).

Юрій Веселовскій.

[1]). Болѣе благопріятный отзывъ о поэмѣ Пушкина можно найти въ статьѣ проф. Н. И. Стороженко. «Отношеніе Пушкина къ иностранной словесности»: «Изъ области литературы». М. 1902: стр. 337—338.

[1]) Бѣлинскій. Сочиненія А. С. Пушкина. глава XI.

Нѣмецкій солдатъ (ландскнехтъ) XVI вѣка (по гравюрѣ того времени).

Дѣйствующія лица:

Винченцо, герцогъ вѣнскій.
Анджело, намѣстникъ герцога въ его отсутствіе.
Эскалъ, пожилой вельможа, помощникъ Анджело.
Клавдіо, молодой дворянинъ.
Луціо, гуляка.
Два молодыхъ дворянина, друзья Луціо.
Варрій, дворянинъ изъ свиты герцога.
Профосъ.
Братъ Ѳома } монахи.
Братъ Петръ }
Судья.
Локоть, глуповатый констэбль.
Пѣнка, безалаберный молодой человѣкъ.
Помпей, шутъ, слуга Пересцѣлы.
Гонецъ.
Мерзило, палачъ.
Бернардинъ, распутный арестантъ.
Изабелла, сестра Клавдіо.
Маріанна, невѣста Анджело.
Джульетта, любовница Клавдіо.
Франциска, монахиня.
Пересцѣла, сводня.

Книжная рамка эпохи нѣмецкаго Ренесанса. Работы знаменитаго нѣмецкаго художника Альбрехта Дюрера (Albrecht Durer. 1471—1528).

ЛУЦІО и ДВА ДВОРЯНИНА.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Комната во дворцѣ герцога.

Входятъ ГЕРЦОГЪ, ЭСКАЛЪ *и свита.*

ГЕРЦОГЪ. Эскалъ!

ЭСКАЛЪ. Государь?

ГЕРЦОГЪ.

Вамъ говорить о сущности правленья
Считаю я излишнимъ разглагольствомъ:
Я знаю самъ, что свѣдѣнія ваши
Далеко превосходятъ всѣ совѣты,
Какіе могъ бы дать я—вотъ и все.
Соедините лишь умѣнье ваше
Съ готовностью служить—и къ дѣлу. Духъ народа,
Законы города, права страны
Такъ хорошо изслѣдовали вы,
Какъ рѣдко кто, при помощи умѣнья
И опыта. Примите жъ полномочье,
И отъ него не отступайте вы.

(*Вручаетъ полномочіе Эскалу*).

Сказать Анджело, чтобъ ко мнѣ явился!

(*Одинъ изъ свиты уходитъ*).

Какъ думаете—онъ замѣнитъ насъ?
Вамъ должно знать, съ особою любовью
Въ правители назначилъ я его,
Отдавъ ему и страхъ, и милость нашу,
И ввѣривъ, какъ намѣстнику, ему
Всю нашу власть. Что скажете на это?

Эскалъ.

Когда найдется въ Вѣнѣ кто достойный
Такой великой милости и чести,
Такъ это—графъ Анджело!

Входитъ Анджело.

Герцогъ.

Вотъ и онъ!

Анджело.

Всегда покорный вашей волѣ, герцогъ,
Я жду велѣнья вашего.

Герцогъ.

Анджело,
Есть у тебя черты такія въ жизни,
Что наблюдатель въ нихъ увидитъ ясно
Всю жизнь твою. Способности твои
Не одному тебѣ принадлежатъ,
Чтобъ самому лишь пользоваться ими.
Мы для небесъ, что факелы для насъ:
Они горятъ не для себя; и если
Мы силою своею не сіяемъ,
То все равно, что нѣтъ ея у насъ.
Умы назначены для высшей цѣли;
Природа не даетъ малѣйшей доли
Своихъ даровъ, чтобъ съ должника потомъ
Не взять назадъ, подобно экономной
Богинѣ, должныхъ ей процентовъ. Но
Я говорю тому, кто могъ бы самъ
Мнѣ дать совѣтъ. Итакъ, возьми, Анджело!
(Вручаетъ ему полномочія).
Пока насъ нѣтъ, собой насъ замѣни:
Пусть въ Вѣнѣ смерть и милость изъ твоихъ лишь
Исходятъ устъ и сердца. Вотъ Эскалъ—
Помощникъ твой, хотя и старше службой.
Прими же полномочье.

Анджело.

Государь,
Испробуйте сначала мой металлъ,
И ужъ тогда рѣшайтесь отчеканить
На немъ свой обликъ.

Герцогъ.

Графъ, безъ отговорокъ.
По долгомъ и глубокомъ размышленьи,
Избрали мы тебя—прими же власть.
Мы такъ спѣшимъ, что много дѣлъ серьезныхъ
Оставить нерѣшенными должны.
Мы о себѣ писать вамъ будемъ, графъ,
Когда того потребуютъ дѣла.
Желаемъ также, чтобъ и вы писали
Намъ обо всемъ подробно. Ну, прощайте!
Да будетъ вамъ во всемъ успѣхъ счастливый
По нашему желанью.

Анджело.

Государь,
Дозвольте вамъ сопутствовать за городъ.

Герцогъ.

Поспѣшность намъ того не дозволяетъ.
Повѣрьте мнѣ: да не смущаетъ васъ
Сомнѣнье. Ваша власть равна моей:
Усиливать и ослаблять законы
Да будетъ въ вашей волѣ. Дайте руку,
Я ѣду тайно. Я люблю народъ мой,
Но не хочу являться передъ нимъ.
Хотя восторгъ и возгласы его
Всѣ отъ души, но мнѣ они противны,
И не считаю умнымъ я того,
Кто любитъ ихъ. Прощайте!

Анджело.

Государь,
Да будетъ благодать небесъ надъ вами!

Эскалъ.

И да хранитъ вашъ путь и возвращенье!

Герцогъ.

Благодарю. Прощайте! *(Уходитъ).*

Эскалъ.

Открыто, Графъ,
Поговорить мнѣ надо съ вами
О дѣлѣ очень важномъ. Я не знаю,
Въ чемъ состоитъ обязанность моя.
Дано мнѣ полномочье, но какое
И въ чемъ оно—рѣшительно не знаю.

Анджело.

И я не больше вашего. Пойдемте,
Разсмотримъ этотъ пунктъ и разъяснимъ
Его себѣ.

Эскалъ.

Я слѣдую за вами. *(Уходятъ).*

СЦЕНА II

Улица.

Входятъ Луціо *и два* дворянина.

Луціо. Если нашъ герцогъ и другіе герцоги не сойдутся съ венгерскимъ королемъ, то всѣ герцоги нападутъ на короля.

1-й дворянинъ. Пошли намъ небо миръ, но только не съ венгерскимъ королемъ!

2-й дворянинъ. Аминь.

Луціо. Ты заключилъ свои слова, какъ тотъ благочестивый морской разбойникъ, который выходилъ въ море съ десятью заповѣдями, но одну изъ нихъ соскабливалъ съ таблицы.

2-й дворянинъ. Не укради?

Луціо. Да, эту заповѣдь онъ соскабливалъ.

1-й дворянинъ. Ну, да вѣдь эта заповѣдь воспрещала капитану и всей его шайкѣ ихъ занятіе: они шли на то, чтобы грабить. Да и между нами нѣтъ солдата, которому бы нравились слова о мирѣ въ предобѣденной молитвѣ.

2-й дворянинъ. А я, напротивъ, не знаю ни одного, которому бы они не нравились.

Луціо. Очень вѣрю, потому что ты никогда не присутствовалъ при этой молитвѣ.

2-й дворянинъ. Какъ бы не такъ! По крайней мѣрѣ разъ десять!

1-й дворянинъ. Что жъ, она—въ стихахъ?

Луціо. Всѣхъ размѣровъ и на всѣхъ языкахъ.

1-й дворянинъ. И въ духѣ всѣхъ религій.

Луціо. Почему же нѣтъ? Чтобы тамъ ни говорили, молитва все-таки останется молитвой. Вотъ, напримѣръ, ты: не смотря ни на какія молитвы, ты все-таки останешься продувнымъ негодяемъ.

1-й дворянинъ. Ну, ладно; мы оба съ тобой одной стрижки.

Луціо. Именно такъ, какъ бархатъ и кромка. Ты—кромка.

1-й дворянинъ. А ты—бархатъ. Да, ты знатный бархатъ тройной стрижки; но я охотнѣе буду кромкой волосистаго англійскаго фриза, чѣмъ бархатомъ, который стригли французскія ножницы. Понялъ?

Луціо. Да; но, я думаю, ты самъ съ негодованіемъ проклинаешь эти ножницы. Такъ какъ ты сознался, то я хочу выпить за твое здоровье; но, пока я живъ, я забуду пить послѣ тебя.

1-й дворянинъ. Что жъ? по-твоему я самъ повредилъ себѣ—не такъ ли?

2-й дворянинъ. Ты самъ долженъ знать, обжогся ты или нѣтъ?

Луціо. Смотрите, сюда идетъ наша усладительница.

1-й дворянинъ. Подъ ея кровлею я пріобрѣлъ себѣ болѣзни, которыя стоили мнѣ...

2-й дворянинъ. Сколько?

Луціо. Отгадайте.

2-й дворянинъ. Тысячи три марокъ ежегодно.

1-й дворянинъ. Да, и сверхъ того...

Луціо. Пару французскихъ кронъ.

1-й дворянинъ. Ты все приписываешь мнѣ разныя болѣзни; но, право, ты ошибаешься: это все пустое.

Луціо. Ну да, въ тебѣ все пустое: твои кости пусты, а безпутство проникло тебя насквозь.

Входитъ Переспѣла.

1-й дворянинъ. Ну, какъ поживаете? Въ которомъ бедрѣ у васъ теперь ломота?

Переспѣла. Ладно, ладно! Вотъ сейчасъ арестовали и повели въ тюрьму человѣка, который стоитъ больше, чѣмъ пять тысячъ такихъ, какъ вы.

2-й дворянинъ. Кого это?

Переспѣла. Ну васъ къ чорту! Клавдіо, синьора Клавдіо!

1-й дворянинъ. Клавдіо въ тюрьмѣ? Не можетъ быть!

Переспѣла. Говорятъ вамъ, что такъ: я видѣла, какъ его взяли и повели, и вдобавокъ черезъ три дня у него голова слетитъ съ плечъ.

Луціо. Послѣ всѣхъ вашихъ глупыхъ остротъ, еще вотъ этой не доставало! Да еще вѣрно ли это?

Переспѣла. Слишкомъ вѣрно; это все за то, что синьора Джульетта отъ него забеременѣла.

Луціо. Да, это очень возможно: онъ обѣщалъ быть у меня два часа тому назадъ; а онъ всегда точно исполнялъ свое слово.

2-й дворянинъ. При томъ же это совершенно согласно съ тѣмъ, о чемъ мы говорили.

1-й дворянинъ. И въ особенности съ послѣднимъ указомъ.

Луціо. Пойдемъ, разузнаемъ, въ чемъ дѣло. (*Луціо и товарищи его уходятъ*).

Переспѣла. Такимъ образомъ мало-по-малу, то война, то болѣзнь, то висѣлица, то бѣдность лишатъ меня всѣхъ моихъ обычныхъ посѣтителей.

Входитъ Шутъ.

Переспѣла. Ну, ты что скажешь новенькаго?

Шутъ. Вотъ теперь его и засадили.

Переспѣла. Но на чемъ-же онъ попался?

Шутъ. На женщинѣ.

НѢМЕЦКІЙ ШУТЪ XVI ВѢКА.

Придворный шутъ императора Максимиліана I; гравюра извѣстнаго нѣмецкаго гравера Даніила Гопфера. (Daniel Hopfer, † 1536).

Переспѣла. Я хотѣла сказать—въ чемъ онъ провинился?

Шутъ. Въ чужомъ ручьѣ ловилъ форелей.

Переспѣла. Значитъ, оставилъ дѣвушку съ ребенкомъ?

Шутъ. Нѣтъ, онъ дѣвушку надѣлилъ дѣвочкой. А вы ничего не слыхали объ указѣ?

Переспѣла. О какомъ указѣ?

Шутъ. Всѣ публичные дома въ предмѣстіяхъ Вѣны должны быть снесены.

Переспѣла. А тѣ, которые въ городѣ?

Шутъ. Тѣ останутся на племя. И они были бы снесены, да одинъ благоразумный гражданинъ ходатайствовалъ за нихъ.

Переспѣла. Такъ неужели и наши гостиницы, и трактиры въ предмѣстіяхъ будутъ снесены?

Шутъ. До основанія, сударыня.

Переспѣла. Вотъ такъ преобразованія! Что же со мною будетъ?

Шутъ. Э, за себя не бойтесь, сударыня: вѣдь хорошіе адвокаты не нуждаются въ кліентахъ. Если вы перемѣните свою квартиру, то изъ-за этого вамъ не нужно будетъ мѣнять ремесло, а я останусь попрежнему вашимъ прислужникомъ. Не робѣйте! Съ вами такъ строго не поступятъ: вы всѣ глаза свои проглядѣли при своемъ дѣлѣ, такъ и на васъ будутъ смотрѣть сквозь пальцы.

Переспѣла. Что тутъ будешь дѣлать? Пойдемъ.

Шутъ. Вотъ идетъ синьоръ Клавдіо: его профосъ ведетъ въ тюрьму. А вотъ и синьора Джульетта. *(Уходятъ).*

СЦЕНА III.

Входятъ ПРОФОСЪ, КЛАВДІО, ДЖУЛЬЕТТА *и стража.*

КЛАВДІО.

Зачѣмъ меня по городу ты водишь,
Когда намѣстникъ приказалъ вести
Меня въ тюрьму.

ПРОФОСЪ.

Не по своей охотѣ
Я васъ вожу по улицамъ: на это
Имѣю я особенный приказъ.

КЛАВДІО.

Такъ грозная полубогиня Власть
Караетъ насъ по собственнымъ вѣсамъ.
Слова судьбы: „въ кого бы ни попало"—
До нашихъ дней не потеряли силы.

ЛУЦІО *и два* ДВОРЯНИНА *возвращаются.*

ЛУЦІО.

Ахъ, Клавдіо, въ оковахъ ты? за что?

КЛАВДІО.

За лишнюю свободу, другъ любезный.
Какъ за обжорствомъ наступаетъ постъ,
Такъ и свобода лишняя безъ мѣры
Въ оковы переходитъ. Люди жаждутъ
Испить грѣха, какъ крысы пьютъ отраву—
И будетъ ихъ напитокъ смертоносенъ.

ЛУЦІО. Если бъ я съумѣлъ такъ мудро говорить подъ арестомъ, призвалъ бы нѣкоторыхъ изъ моихъ кредиторовъ. Но, сказать по правдѣ, мнѣ больше нравится пошлость свободы, нежели нравственность тюрьмы. Какое же преступленіе ты сдѣлалъ, Клавдіо?

КЛАВДІО. Такое, что и назвать его будетъ новымъ преступленіемъ.

ЛУЦІО.

Что жъ это? не убійство ли?

КЛАВДІО.

О, нѣтъ!

ЛУЦІО.

Развратъ?

КЛАВДІО.

Пожалуй, назови хоть такъ.

ПРОФОСЪ.

Пора, синьоръ; пойдемте, намъ пора.

КЛАВДІО (*Профосу*).
Постойте, другъ мой. Луціо—два слова.
(*Отводитъ его въ сторону*).

ЛУЦІО.

Хоть сотню, если то тебѣ поможетъ.
Ужели такъ преслѣдуютъ развратъ?

КЛАВДІО.

Послушай, вотъ въ чемъ дѣло: обрученный,
На ложе я Джульетты посягнулъ.
Ты знаешь эту дѣвушку—она
Моя жена: недоставало только
Формальнаго обряда. Мы его
На время отложили, въ ожиданьи
Приданаго, которое хранилось
У близкихъ и друзей моей Джульетты.
Итакъ, въ надеждѣ, что съ ея родными
Насъ время примиритъ, скрывали мы
Про нашу связь, но, къ сожалѣнью, мѣна
Взаимныхъ ласкъ явилась у Джульетты
Ужъ въ слишкомъ выразительныхъ чертахъ.

ЛУЦІО.

Она беременна?

КЛАВДІО.

Къ несчастью, да!
И вотъ теперь нашъ герцогскій намѣстникъ—
Иль проблескъ новизны тому виною,
Иль кажется общественное благо
Ему конемъ, которому онъ долженъ,
Вскочивъ въ сѣдло, сейчасъ же показать
Искусство править имъ и силу шпоръ,
Иль изъ тиранства, свойственнаго власти,
Иль просто изъ врожденнаго тиранства—
Не знаю—только новый судія
Открылъ весь хламъ карательныхъ законовъ,
Которые, какъ старые мечи,
Безъ примѣненья девятнадцать лѣтъ,
Забытые, висѣли по стѣнамъ;
Изъ жажды славы онъ возстановилъ
Пренебреженный, дремлющій законъ,
Чтобъ покарать меня—изъ жажды славы.

ЛУЦІО. Да, навѣрно такъ; и голова твоя такъ легко стоитъ теперь на плечахъ, что влюбленная молочница можетъ сдунуть ее своимъ вздохомъ. Пошли къ герцогу просьбу о прощеньи.

КЛАВДІО.

Я ужъ послалъ; но нѣтъ его нигдѣ.
Такъ услужи мнѣ, Луціо, изъ дружбы!
Моя сестра вступила въ монастырь—
Сегодня искуса ея день первый.
Ты разскажи ей про мою бѣду
И упроси сходить ее къ Анджело.
Я на нее надѣюсь крѣпко: юность
Имѣетъ даръ безъ слова убѣждать;
При томъ она умна и даровита.

ИЗАБЕЛЛА и ФРАНЦИСКА.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Ей стоитъ захотѣть — и милой рѣчью
Она плѣнить съумѣетъ хоть кого.

Луціо. Дай Богъ, чтобы ей удалось, какъ для утѣшенія тѣхъ, кто находится въ такомъ же положеніи, такъ и для того, чтобъ ты еще насладился жизнію: мнѣ будетъ очень жаль, если ты проиграешь ее въ такую глупую игру. Я иду къ ней.

Клавдіо. Благодарю тебя, дорогой другъ Луціо!

Луціо. Такъ въ два часа.

Клавдіо. Теперь пойдемъ, профосъ!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Монастырь.

Входитъ герцогъ *и братъ* Ѳома.

Герцогъ.

О, нѣтъ, святой отецъ, не думай такъ,
Не думай, чтобъ стрѣла любви пронзила
Мое въ броню закованное сердце.
Отецъ, когда я васъ прошу мнѣ дать
Убѣжище, такъ это съ цѣлью важной,
Обдуманной — не изъ пустыхъ стремленій
Кипучей юности.

Братъ Ѳома.

Могу ль ее узнать?

Герцогъ.

Вы знаете, благочестивый другъ,
Какъ я всегда любилъ уединенье;
Я радости не находилъ въ собраньяхъ,
Гдѣ—юность, роскошь и безумный блескъ.
Я поручилъ Анджело—человѣку
Надежному и самыхъ строгихъ правилъ—
Мои права и власть надъ государствомъ.
Онъ думаетъ, что я уѣхалъ въ Польшу,
Какъ я велѣлъ народу объявить
И какъ всѣ думаютъ. Теперь, отецъ,
Вы спросите, зачѣмъ я это сдѣлалъ?

Братъ Ѳома.

Да, я хотѣлъ бы васъ спросить объ этомъ.

Герцогъ.

Имѣемъ мы суровые законы;
Они необходимы для народа.
Какъ удила строптивымъ лошадямъ.
Восьмнадцать лѣтъ законы эти дремлютъ,
Какъ устарѣвшій левъ въ своей берлогѣ,
Который на добычу ужъ не ходитъ.
Какъ добрые, но слабые отцы,
Связавъ пукъ розогъ, вѣшаютъ его
Передъ дѣтьми—для страха, не для дѣла,
Такъ что онѣ внушаютъ лишь насмѣшки,
А не боязнь: такъ и законы наши,
Умершіе для кары, стали мертвы
И для самихъ себя—и своеволье
Нахально водитъ за носъ правосудье;
Ребенокъ няньку бьетъ; порядокъ гибнетъ.

Братъ Ѳома.

Но, государь, зависѣло отъ васъ
Оковы снять съ поруганныхъ законовъ

И, исходя отъ васъ, не отъ Анджело,
Страшнѣй была бъ та мѣра.

ГЕРЦОГЪ.

Я боюсь,
Что черезъ-чуръ была бъ она страшна.
По слабости, я волю далъ народу—
И тираніей было бъ то карать,
Что дозволялъ я самъ: когда проступки
Безъ наказанья сходятъ съ рукъ, они
Дозволены. Вотъ почему, отецъ мой,
Я на Анджело это возложилъ,
Пусть онъ караетъ подъ моей защитой,
Межъ-тѣмъ какъ я останусь въ сторонѣ,
Свободный отъ клеветъ и порицаній.
Но чтобъ слѣдить за ходомъ управленья,
Порою я въ монашеской одеждѣ
Народъ и власти буду посѣщать.
Достаньте мнѣ монашеское платье
И научите, какъ мнѣ поступать,
Чтобъ инокомъ казаться. Я объ этомъ
Вамъ сообщу въ другое время больше.
Скажу одно: Анджело вѣкъ на стражѣ
Противу зла и врядъ ли даже скажетъ,
Что у него струится въ жилахъ кровь,
И что ему пріятнѣй хлѣбъ, чѣмъ камень.
Теперь посмотримъ, пусть покажетъ время,
Какъ понесетъ онъ нашей власти бремя.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Женскій монастырь.

Входятъ ИЗАБЕЛЛА *и* ФРАНЦИСКА.

ИЗАБЕЛЛА.

У васъ, монахинь, нѣтъ другой свободы?

ФРАНЦИСКА.

А развѣ мало этой для тебя?

ИЗАБЕЛЛА.

О, нѣтъ! я большей воли не желаю;
Хотѣла бъ я, напротивъ, чтобъ былъ строже
Уставъ блаженной мученицы Клары.

ЛУЦІО (*за сценою*).

Миръ всѣмъ!

ИЗАБЕЛЛА.

Кто тамъ?

ФРАНЦИСКА.

Мужчина, Изабелла:
Поди—спроси его, чего онъ хочетъ?
Ты это можешь сдѣлать—ты бѣлица,
А мнѣ нельзя: постриженная можетъ
При старшей только говорить съ мужчиной,
И то съ лицомъ закрытымъ, а открывъ
Его, должна безмолвствовать все время.
Опять зоветъ! Отвѣть ему, сестрица.
(*Уходитъ*).

Входитъ ЛУЦІО.

ИЗАБЕЛЛА.

Да будетъ миръ надъ вами! Что вамъ надо?

ЛУЦІО.

Привѣтъ вамъ, дѣва! Розовыя щеки
Порукой въ томъ, что дѣва вы. Нельзя ли
Дать случай мнѣ увидѣть Изабеллу:
Она бѣлицей здѣсь въ монастырѣ.
Скажите ей, что братъ ея несчастный
Меня прислалъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Несчастный—почему же?
Я знать желаю потому,
Что Изабелла я, его сестра.

ЛУЦІО.

Вамъ Клавдіо поклонъ свой посылаетъ...
Но я хочу быть краткимъ: онъ въ тюрьмѣ!

ИЗАБЕЛЛА.

Ахъ, я несчастная! За что же это?

ЛУЦІО.

За то, за что—будь я его судьею—
Онъ былъ бы награжденъ, а не наказанъ:
Онъ подарилъ любовницѣ ребенка.

ИЗАБЕЛЛА.

Оставьте, сударь, ваши шутки.

ЛУЦІО.

Правда,
Что это мой природный недостатокъ—
Съ дѣвицами шутить, болтая вздоръ;
Но я шутить не стану такъ со всякой.
Я существо небесное въ васъ вижу,
Безплотное, какъ духъ, отъ воздержанья,
А потому я долженъ передъ вами
Правдивымъ быть, какъ-будто предъ святой.

ИЗАБЕЛЛА.

Высокому хула—мнѣ оскорбленье.

ЛУЦІО.

О, вовсе нѣтъ! Вотъ въ двухъ словахъ все дѣло:
Вашъ братъ съ своей любезной цѣловались—
И, какъ полнѣютъ съ пищи, какъ весна

НѢМЕЦКАЯ МОНАХИНЯ XV—XVI ВѢКОВЪ.
Картина знаменитаго нѣмецко-нидерландскаго художника Ганса Мемлинга (Hans Memling. 1430–1494).

Выводитъ сѣмя, брошенное въ землю,
На божій свѣтъ, такъ и она теперь
Не можетъ скрыть слѣдовъ своей любви.

Изабелла.

Что слышу я! Ужель сестра Джульетта?

Луціо.

Она сестра вамъ?

Изабелла.

Названная—да:
Мы, школьныя подруги, въ дѣтской дружбѣ
Мѣняемся нерѣдко именами.

Луціо.

Она и есть.

Изабелла.

Пусть женится на ней!

Луціо.

Вотъ дѣло въ чемъ: нашъ герцогъ очень странно
Отсюда удалился, обманувъ
Надеждою на должность очень многихъ
И въ томъ числѣ меня. Теперь мы слышимъ
Отъ тѣхъ, кто знаетъ тайны государства,
Что у него совсѣмъ другія цѣли.
Здѣсь за него теперь, какъ самодержецъ,
Всѣмъ правитъ графъ Анджело—человѣкъ,
Въ которомъ, вмѣсто крови, ледяная
Вода, который никогда не зналъ
Игриваго движенья чувствъ сердечныхъ,
Который ихъ старался подавить
Постомъ, трудомъ и умственной работой.
Чтобъ устрашить веселье и свободу,
Которыя, какъ мыши мимо льва,

Снуютъ кругомъ карательныхъ законовъ,
Онъ отыскалъ такую въ нихъ статью,
Что братъ вашъ долженъ умереть; теперь
Онъ взялъ его подъ стражу, чтобъ надъ нимъ
Исполнилось карательное слово
Въ примѣръ другимъ. И нѣтъ ему надежды,
Коль сила вашей просьбы не смягчитъ
Суроваго Анджело. Вотъ все дѣло,
Которое мнѣ братъ вашъ поручилъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Его казнить онъ хочетъ?

ЛУЦІО.

Приговоръ
Уже подписанъ, и профосъ, я слышалъ,
Ужъ получилъ приказъ его исполнить.

ИЗАБЕЛЛА.

Ахъ, еслибъ я имѣла только средства
Ему помочь!

ЛУЦІО.

Вамъ надо попытаться.

ИЗАБЕЛЛА.

Сомнительно!

ЛУЦІО.

Сомнѣніе—предатель;
Оно того лишаетъ насъ, что часто
При смѣлости могли бъ мы получить.
Подите къ графу; пусть узнаетъ онъ,
Что если дѣвы просятъ, то мужчины,
Какъ боги, все даютъ; а если плачутъ,
Колѣна преклонивъ, то ихъ желанье
Свершается, какъ собственная воля.

ИЗАБЕЛЛА.

Попробую.

ЛУЦІО.

Но только поскорѣе!

ИЗАБЕЛЛА.

Сейчасъ иду, лишь нужно доложить
Игуменьѣ. Благодарю васъ очень!
Снесите брату мой поклонъ; я нынче жъ
Пришлю ему извѣстье отъ себя.

ЛУЦІО.

Ну, такъ прощайте.

ИЗАБЕЛЛА.

Да хранитъ васъ Богъ!
(*Уходятъ въ разныя стороны*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Зала въ домѣ Анджело.

Входятъ АНДЖЕЛО, ЭСКАЛЪ, СУДЬЯ, ПРОФОСЪ, *члены суда и слуги.*

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, господа, законъ не долженъ быть
Лишь пугаломъ вороньимъ, что стоитъ
Не шевелясь, пока, къ нему привыкнувъ,
Не станутъ птицы на него садиться.

ЭСКАЛЪ.

Все такъ; мы будемъ строги; но зачѣмъ
Жестокимъ быть? У юноши того,
Котораго спасти бы мнѣ хотѣлось,
Вѣдь, есть отецъ, почтенный, благородный.
Подумайте—хотя я знаю васъ
За человѣка самыхъ строгихъ правилъ—
Что если бъ вы, въ минуту страсти пылкой,
Когда бы время отвѣчало мѣсту,
А мѣсто всѣмъ желаніямъ, когда бы
Кипѣла кровь, стремясь достигнуть цѣли—
Скажите мнѣ, не пали бъ вы тогда,
Какъ тотъ, кого теперь вы осудили
И предали карающимъ законамъ?

АНДЖЕЛО.

Быть искушаему и пасть, Эскалъ,
Двѣ вещи разныя. Не отрицаю,
Что и въ судѣ, средь дюжины присяжныхъ,
Найдется воръ, а, можетъ быть, и два,
Виновнѣе, чѣмъ самый осужденный;
Но, вѣдь, законъ караетъ то, что явно;
А что ему за дѣло до того,
Что воръ осудитъ вора? Мы поднимемъ
Съ земли брильянтъ, когда его увидимъ,
А если не замѣтимъ, то наступимъ,
И намъ на мысль онъ вовсе не придетъ.
Напрасно вы стараетесь смягчить
Его проступокъ черный увѣреньемъ,
Что я и самъ могъ такъ же поступить.
О, если я, судья его суровый,
Когда-нибудъ виновенъ въ томъ же буду,
Пусть вамъ тогда послужитъ образцомъ
Мой приговоръ надъ нимъ, и ужъ ничто
Меня не извинитъ. Другъ, онъ умретъ.

АВСТРІЙСКІЙ ПРАВИТЕЛЬ XV—XVI ВѢКА.

Изъ Weisskinig'a — собранія, гравюра знаменитаго нѣмецкаго художника Ганса Бургкмайера (Hans Burgkmair, 1473—1531), иллюстрирующихъ жизнь императора Максимиліана I.

Эскалъ.

Да будетъ такъ, какъ хочетъ ваша мудрость.

Анджело.

Гдѣ профосъ?

Профосъ

Здѣсь, свѣтлѣйшій графъ!

Анджело.

Смотри,
Чтобъ Клавдіо казненъ былъ завтра утромъ.
Теперь введи къ нему духовника—
Къ концу земнаго странствія пришелъ онъ.

(профосъ уходитъ).

Эскалъ.

О, да проститъ Господь ему и намъ!
Тотъ вверхъ идетъ, благодаря грѣхамъ,
Тотъ гибнетъ безъ вины; одинъ проходитъ
Безъ гибели по хрупкимъ, тонкимъ льдамъ,
Другого въ гробъ лишь шагъ одинъ низводитъ.

Входятъ Локоть *и полицейскіе съ* Пѣнкою *и* Шутомъ.

Локоть. Ну-ка, ведите ихъ. Если считать порядочными членами общества вотъ этихъ людей, которые ничего не дѣлаютъ, кромѣ безпорядковъ въ общественныхъ домахъ, то я не знаю, что такое юстиція. Ведите ихъ.

Анджело. Что тамъ, любезный? о чемъ идетъ рѣчь? Какъ тебя зовутъ?

Локоть. Съ позволенія вашей милости, я констэбль бѣднаго герцога, и зовутъ меня Локоть; я, ваше сіятельство, принадлежу отчасти къ юстиціи, и представляю вашей милости двухъ извѣстныхъ добродѣевъ.

Анджело. Добродѣевъ! Что это за добродѣи? Не злодѣи ли это?

Локоть. Съ позволенія вашей милости, я не знаю хорошенько, что они такое; но что это дѣйствительно негодяи—въ этомъ я увѣренъ; въ нихъ нѣтъ ни капли нечестія, приличнаго всякому доброму христіанину.

Эскалъ. Отлично сказано! Что за разсудительный констэбль!

Анджело. Къ дѣлу. Что это за люди? тебя зовутъ Локоть? Ну что же ты не говоришь, Локоть?

Шутъ. Онъ не можетъ говорить, ваша милость: у него прорваный локоть.

Анджело. Ты кто такой?

Локоть. Онъ, ваше сіятельство? Да половой, ваше сіятельство, а отчасти и сводникъ, потому что служитъ у сводни, которой домъ, какъ извѣстно, снесенъ въ предмѣстьи. Теперь она завела баню, которую также можно назвать непотребнымъ домомъ.

Эскалъ. Кто это сказалъ тебѣ?

Локоть. Моя жена, ваша честь, которую я презираю передъ лицомъ неба и вашей милости.

Эскалъ. Какъ? жену свою?

Локоть. Точно такъ, ваша милость, потому что она, слава Богу, честная женщина.

Эскалъ. И ты ее за это презираешь?

Локоть. Я говорю, ваша милость, что въ этомъ дѣлѣ я также привираю, какъ она и вы можете вѣрить намъ: если вышесказанный домъ — не домъ сводни, то очень жаль, потому что это совершенно непотребный домъ.

Эскалъ. Почему ты это знаешь, констэбль?

Локоть. Ахъ, Господи—отъ жены моей; а жена моя, будь она мало-мальски женщина податливая, то въ этомъ домѣ ее непремѣнно совратили бы на развратъ, прелюбодѣяніе и прочія непотребства.

Эскалъ. И все черезъ эту женщину?

Локоть. Точно такъ, ваша милость, чрезъ госпожу Переспѣлу; но когда жена моя наплевала ей въ рожу, она узнала тогда, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Шутъ. Съ позволенія вашей милости, это было не такъ.

Локоть. Ну, докажи это предъ лицомъ этихъ негодяевъ ты, честный человѣкъ; да, докажи это!

Эскалъ (*къ Анджело*). Послушайте, какъ онъ путаетъ!

Шутъ. Она пришла къ намъ ваша милость, на сносяхъ, и, съ вашего позволенія, спросила себѣ варенаго чернослива; у насъ же во всемъ домѣ, ваша милость, были только двѣ чернослівенки, и онѣ въ тотъ моментъ лежали на десертной тарелочкѣ, цѣною въ три или четыре пенса. Ваша милость, вѣроятно, видали такія тарелочки: онѣ хотя и не изъ китайскаго фарфора, а все-таки очень хорошія тарелочки.

Эскалъ. Дальше, дальше; дѣло не въ тарелочкахъ.

Шутъ. Точно такъ, ваша милость, дѣло не въ нихъ—онѣ тутъ ровно ни къ чему. Но къ дѣлу. Какъ уже было сказано, госпожа Локоть была на сносяхъ и, какъ я уже сказалъ, при послѣднемъ времени, и спросила себѣ, какъ я сказалъ, чернослива, и такъ какъ на тарелочкѣ, какъ я уже сказалъ, было только двѣ черносливины, потому что господинъ Пѣнка—вотъ этотъ самый господинъ—съѣлъ, какъ я уже сказалъ, всѣ остальныя и заплатилъ за нихъ, долженъ самъ сказать, очень хорошо, потому что—вы помните господинъ Пѣнка—у меня не хватило сдачи трехъ пенсовъ...

Пѣнка. Да, это справедливо.

Шутъ. Ну вотъ видите ли! Я еще сказалъ вамъ при этомъ, если припомните, что сей или оный, тотъ или этотъ никогда не излѣчится отъ извѣстной вамъ болѣзни, если не будутъ наблюдать строгую діету. Вѣдь, я говорилъ это вамъ—не правда ли?

Пѣнка. Совершенная правда.

Шутъ. Вотъ видите ли!

Эскалъ. Ты несносный глупецъ. Къ дѣлу! Что же, наконецъ, сдѣлали съ госпожею Локоть, и почему мужъ ея приноситъ намъ жалобу? Хотѣлось бы мнѣ ужъ добраться до этой женщины, ты все тянешь разсказъ.

Шутъ. Нѣтъ, сэръ, вашей милости еще пока нельзя добраться до нея.

Эскалъ. Этого бы мнѣ не хотѣлось.

Шутъ. Но вы еще доберетесь до нея. И посмотрите, ваша милость, на господина Пѣнку: у него восемьдесять фунтовъ годового дохода, а отецъ его умеръ въ день Всѣхъ Святыхъ. Не правда ли, господинъ Пѣнка, въ день Всѣхъ Святыхъ?

Пѣнка. Наканунѣ этого дня.

Шутъ. Ну, вотъ видите! Вы еще въ это время, если припомните, грызли зерна изъ вышеупомянутыхъ черносливинъ.

Пѣнка. Да, да, я именно этимъ занимался.

Шутъ. Ну, вотъ видите ли! Надѣюсь, что это сущая правда. Итакъ, онъ сидѣлъ на низенькомъ стулѣ, ваша милость. Это было въ комнатѣ, называемой Виноградной Кистью, гдѣ вы такъ любите сидѣть—не такъ ли?

Пѣнка. Да, я люблю тамъ сидѣть, потому что она такая открытая и очень удобна для зимняго времени.

Шутъ. Ну, вотъ видите ли! Я надѣюсь, что это чистая правда.

ШУТЪ, ПѢНКА и ЛОКОТЬ ПЕРЕДЪ ЭСКАЛОМЪ.

Картина извѣстнаго англійскаго жанриста Роберта Смирка (Robert Smirke. R. A., 1752—1845). Большая Бойделевская галлерея.

Анджело.

Все это длится, какъ въ Россіи ночь,
Когда она всего длиннѣй бываетъ.
Я ухожу и вамъ предоставляю
Постигнуть ихъ, въ надеждѣ, что причину
Найдете вы ихъ всѣхъ перепороть.

Эскалъ.

И я надѣюсь тоже, графъ. Прощайте.

(*Анджело уходитъ*).

Ну, друзья, продолжайте! Еще разъ, что сдѣлали съ женою Локтя?

Шутъ. Разъ, ваша милость? съ ней ничего не сдѣлали—разъ.

Локоть. Сдѣлайте милость, спросите его, что сдѣлалъ этотъ человѣкъ моей женѣ?

Шутъ. И я прошу вашу милость спросить меня.

Эскалъ. Ну, что же сдѣлалъ ей этотъ господинъ?

Шутъ. Я покорнѣйше прошу вашу милость взглянуть въ лицо этому господину. Любезный господинъ Пѣнка, посмотрите на его милость; повѣрьте, я говорю это съ добрымъ намѣреніемъ. (*Эскалу*). Ваша милость изволили разсмотрѣть его лицо?

Эскалъ. Ну, да.

Шутъ. Нѣтъ, посмотрите хорошенько.

Эскалъ. Ну, хорошо, я разсмотрѣлъ.

Шутъ. Есть ли у него въ лицѣ что-ни будь дурное?

Эскалъ. Нѣтъ.

Шутъ. Я готовъ побожиться, что самое худшее въ немъ это—его лицо. Ну, хорошо. Итакъ, если въ немъ самое худшее—лицо, то могъ ли господинъ Пѣнка сдѣлать что-нибудь дурное женѣ констэбля? Я желалъ бы слышать это отъ вашей милости.

Эскалъ. Въ этомъ онъ правъ. Констэбль, что ты скажешь на это?

Локоть. Во-первыхъ, съ дозволенія вашей милости, этотъ домъ—очень подозрительный домъ; далѣе, этотъ малый—очень подозрительный малый, а его хозяйка—очень подозрительная женщина.

Шутъ. Изъ этого слѣдуетъ, ваша милость, что жена Локтя такая же подозрительная женщина, какъ каждый изъ насъ.

Локоть. Ты лжешь, негодяй! лжешь, безбожный плутъ! Еще не пришло время, чтобъ ее можно было подозрѣвать въ чемъ-нибудь не только съ мужчиной, даже съ малымъ ребенкомъ.

Шутъ. Ваша милость, ее подозрѣвали съ нимъ еще до замужества.

Эскалъ. Ну кто же тутъ разсудительнѣе—правый или виноватый? Правда ли это?

Локоть. Ахъ, ты оборванецъ! Ахъ, ты негодяй! Ахъ, ты людоѣдственный Аннибалъ! Меня подозрѣвали съ ней до замужества! Если меня съ ней или со мной можно было подозрѣвать, то пусть ваша милость не считаетъ меня бѣднымъ герцогскимъ констэблемъ. Докажи это, безбожный Аннибалъ, не то я начну съ тобою тяжбу за личное оскорбленіе.

Эскалъ. А если бы онъ треснулъ тебя по уху, то ты могъ бы начать съ нимъ тяжбу за клевету!

Локоть. Ахъ, чортъ побери! Покорнѣйше благодарю вашу милость. Какъ же, по вашему мнѣнію, долженъ я поступить съ этимъ безбожнымъ негодяемъ?

Эскалъ. Я думаю, констэбль, что такъ какъ въ немъ есть много разныхъ грѣховъ, которые ты охотно вывелъ бы наружу, если бы могъ, то лучше оставить его дѣлать то, что хочетъ, пока мы не узнаемъ навѣрное, въ чемъ состоятъ его грѣхи.

Локоть. Ахъ, чортъ возьми! Благодарю вашу милость. Вотъ видишь ли ты, безбожный негодяй, чего ты дождался! Ты долженъ оставить это дѣло, оставить его въ покоѣ, мерзавецъ ты этакій; да, оставить.

Эскалъ (*Пѣнкѣ*). Вы откуда родомъ, пріятель?

Пѣнка. Я здѣшній, ваша милость.

Эскалъ. Правда ли, что у васъ восемьдесятъ фунтовъ годового дохода?

Пѣнка. Точно такъ, съ вашего позволенія.

Эскалъ. Такъ. (*Шуту*). А ты, любезный, чѣмъ занимаешься?

Шутъ. Я служу половымъ, ваша милость, у одной бѣдной вдовы.

Эскалъ. Какъ зовутъ твою хозяйку?

Шутъ. Госпожа Переспѣла.

Эскалъ. А много у ней было мужей?

Шутъ. Девятый былъ послѣдній, ваша милость.

Эскалъ. Девятый! Подите сюда, господинъ Пѣнка. Послушайте, господинъ Пѣнка: я не совѣтую вамъ связываться съ половымъ такъ какъ они васъ выцѣдятъ, а вы доведете ихъ до висѣлицы. Ступайте своею дорогою, и чтобъ мы больше о васъ не слыхали!

Пѣнка. Премного благодаренъ, ваше сіятельство! Что до меня касается, я никогда самъ не вхожу въ кабакъ, но меня всякій разъ туда вталкиваютъ насильно.

Эскалъ. Ну, хорошо, господинъ Пѣнка—

ЛОКОТЬ, ШУТЪ и ПѢНКА ПЕРЕДЪ ЭСКАЛОМЪ.
[*Рисунокъ Джильберта (Gilbert).*

ступайте съ Богомъ. (*Пѣнка уходитъ*). Теперь поди-ка ты сюда, господинъ половой. Твое имя, господинъ половой?

Шутъ. Помпей.

Эскалъ. Далѣе.

Шутъ. Задъ, ваша милость.

Эскалъ. Хорошее имя, и оно къ тебѣ очень идетъ, если посмотрѣть на тебя сзади. Въ этомъ смыслѣ ты выходишь Помпей Великій. Ну, Помпей, ты, какъ видно, нѣчто въ родѣ сводника, хотя прикрываешь себя должностью полового. Не такъ ли? Ну,скажи мнѣ всю правду—тебѣ отъ этого будетъ лучше.

Шутъ. По правдѣ сказать, ваша милость, я бѣдный малый, которому хочется жить.

Эскалъ. Чѣмъ же хочешь ты жить, Помпей—сводничествомъ? Что думаешь ты объ этомъ занятіи, Помпей? Развѣ это разрѣшенное законами ремесло.

Шутъ. Если законы разрѣшили бы его.

Эскалъ. Но оно имъ противно, Помпей, и не можетъ быть допущено въ Вѣнѣ.

Шутъ. Развѣ ваша милость думаетъ сдѣлать изъ всѣхъ молодыхъ людей города мериновъ и каплуновъ?

Эскалъ. Нѣтъ, Помпей.

Шутъ. Ну, вотъ видите ли, ваша милость. Позвольте мнѣ высказать вамъ мое скромное мнѣніе: если только ваша милость будетъ держать въ порядкѣ распутницъ и распутниковъ, тогда сводней нечего бояться.

Эскалъ. Теперь будутъ иначе дѣйствовать, могу тебя увѣрить: всѣмъ распутнымъ будутъ рубить головы и вѣшать.

Шутъ. Если вы только въ теченіе десяти лѣтъ будете рубить головы преступникамъ этого рода, то вамъ надо заранѣе позаботиться откуда-нибудь выписать побольше головъ. Если законъ этотъ хоть десять лѣтъ продержится въ Вѣнѣ, то я найму вамъ лучшій домъ за три пенса въ сутки; и если вы до этого доживете, то скажете: „это предсказалъ мнѣ Помпей“

Эскалъ. Благодарю тебя, честный Помпей; но, чтобы отплатить тебѣ за твое предсказаніе, я тебѣ вотъ что посовѣтую: берегись, чтобъ не было на тебя новой жалобы, тѣмъ болѣе въ твоемъ настоящемъ жилищѣ. Въ противномъ случаѣ, Помпей, я буду преслѣдовать тебя до самыхъ шатровъ твоихъ, и насолю тебѣ хуже Цезаря; или, другими словами, я велю тебя выпороть. На этотъ же разъ ступай, Помпей, и будь здоровъ.

Шутъ. Благодарю покорно вашу милость за добрый совѣтъ. (*Въ сторону*). Но послѣдую ли я ему, или нѣтъ—это рѣшатъ плоть моя и судьба.

Пусть поретъ водовозъ лѣнивую клячонку,
Но честному за трудъ нельзя назначить гонку.

(*Уходитъ*).

Эскалъ. Теперь подойдите сюда, господинъ Локоть. Подойдите же, господинъ констэбль. Давно ли вы занимаете эту должность?

Локоть. Семь лѣтъ съ половиною, ваша милость.

Эскалъ. Судя по вашей ловкости въ ея исполненіи, я такъ и думалъ, что вы уже не новичокъ. Такъ семь лѣтъ, говорите вы?

Локоть. Съ половиною, ваша милость.

Эскалъ. Ну, такъ это стоило вамъ большихъ трудовъ. Васъ совершенно несправедливо обременяютъ службою. Неужели въ вашемъ округѣ нѣтъ никого, кто могъ бы замѣнить васъ?

Локоть. Сказать по правдѣ, ваша милость, немногіе знаютъ толкъ въ подобныхъ вещахъ, а если кого и выбирали, такъ тотъ былъ радехонекъ, если могъ замѣнить себя мною; я же за небольшую плату всегда готовъ служить за другихъ.

Эскалъ. Послушайте: доставьте мнѣ имена шести или семи человѣкъ самыхъ способныхъ изъ вашего прихода.

Локоть. Къ вамъ на домъ, ваша милость?

Эскалъ. Ко мнѣ на домъ. Прощайте. (*Локоть уходитъ*). Какъ вы думаете, который теперь часъ?

Судья. Одиннадцать, ваше сіятельство.

Эскалъ. Такъ не хотите ли со мною отобѣдать?

Судья. Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство.

Эскалъ.

Сердечно жаль, что Клавдіо умретъ;
Но я не знаю, какъ поправить дѣло.

Судья.

Намѣстникъ строгъ ужъ слишкомъ.

Эскалъ.

Такъ и нужно.
Потворство постоянное—не милость;
Прощеніе жъ родитъ вину другую.
Мнѣ жаль его, помочь же—невозможно
Ему теперь. Итакъ, мой другъ, пойдемъ!
(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Тамъ же. Другая комната.

Входятъ ПРОФОСЪ *и* СЛУГА.

Слуга. Онъ еще слушаетъ докладъ; но скоро выйдетъ. Я доложу ему о васъ.

Профосъ.

Пожалуйста. (*Слуга уходитъ*).
Спрошу его еще разъ,
Чѣмъ онъ рѣшитъ: быть можетъ, онъ смягчится.
Несчастный юноша, онъ согрѣшилъ
Какъ-будто бы во снѣ. Его проступокъ
Не сроденъ ли всѣмъ возрастамъ равно?
И умереть за это!

Входитъ Анджело.

Анджело.

Что вамъ нужно?

Профосъ.

Такъ завтра Клавдіо прикажете казнить?

Анджело.

Но развѣ я вамъ не сказалъ, что—да?
Не получили развѣ вы приказа?
Къ чему жъ еще вопросы?

Профосъ.

Изъ боязни
Быть слишкомъ торопливымъ. О, какъ часто
Случалось видѣть мнѣ, что послѣ казни
Раскаивалось горько правосудье.

Анджело.

Оставьте мнѣ заботиться о томъ.
Вы исполняйте долгъ свой, иль ищите
Себѣ другого мѣста: и безъ васъ
Мы можемъ обойтись.

Профосъ.

Простите, графъ!
Но какъ же быть съ Джульеттой? вѣдь она
Ежеминутно ждетъ...

Анджело.

Такъ помѣстите
Ее въ удобномъ мѣстѣ,—да скорѣе.

Слуга *возвращается.*

Слуга.

Сестра приговореннаго желаетъ
Васъ видѣть, графъ.

Анджело.

У Клавдіо—сестра?

Профосъ.

Да, графъ, дѣвица рѣдкихъ совершенствъ,
На-дняхъ она вступаетъ въ монастырь,
Когда ужъ не вступила.

Анджело.

Такъ введи
Ее сюда. (*Слуга уходитъ*). Блудницу удалить.
Снабдить ее всѣмъ нужнымъ безъ избытка.
Я дамъ приказъ.

Входятъ Изабелла *и* Луціо.

Профосъ (*откланиваясь*)

Да сохранитъ васъ Богъ!

Анджело.

Постойте!
(*Изабелль*). Здравствуйте, что вамъ угодно?

Изабелла.

Я въ горѣ васъ о милости молю,
Коль выслушать меня благоволите.

Анджело.

Я выслушать готовъ. Въ чемъ ваша просьба?

Изабелла.

Есть грѣхъ: онъ мнѣ всѣхъ больше ненавистенъ,
И больше всѣхъ достоинъ наказанья.
Мнѣ за него просить бы не хотѣлось,
Но я должна; не слѣдъ бы мнѣ просить,
Но къ этому влечетъ меня борьба
Желанья съ нежеланьемъ.

Анджело.

Продолжайте.

Изабелла.

Вы осудили брата моего
На смерть: молю—казните преступленье,
Но пощадите брата моего!

Профосъ (*про себя*).

Пошли ей, Боже, силы тронуть сердце!

Анджело.

Какъ мнѣ карать проступокъ и щадить
Преступника? Не каждый ли проступокъ
Ужъ осужденъ заранѣе закономъ?
Не обращу ль я власть свою въ ничто,
Когда карать я буду лишь вину,
И отпускать виновнаго на волю?

Изабелла.

Да, справедливъ законъ, но строгъ. Итакъ,
Лишилась брата я. Храни васъ Богъ!
(*Хочетъ уйти*).

Луціо (*тихо Изабелль*).

Не оставляйте дѣла: умоляйте,
Припавъ къ его ногамъ, хватайте платье.
Вы были слишкомъ холодны: вѣдь, вы
Не о булавкѣ просите его.
Не уходите—снова попытайтесь!

Изабелла.

Такъ онъ умретъ?

Анджело.

Спасти его нельзя.

Изабелла.

О, можно! Вы простить его могли бы,
Не оскорбивъ ни Бога, ни людей.

Анджело.

Я не хочу.

Изабелла.

Но если бы хотѣли?

Анджело.

Чего я не хочу—я не могу

Изабелла.

Но вы могли бы—никому на свѣтѣ
Не повредивъ—исполнить эту просьбу,
Когда бъ у васъ сжималось такъ же сердце,
Какъ у меня.

Анджело.

Онъ осужденъ. Ужъ поздно.

Луціо (*тихо Изабеллѣ*).

Вы слишкомъ холодны.

Изабелла.

Такъ слишкомъ поздно?
О, нѣтъ! Сказавши слово, не могу ли
Я взять его назадъ? О, вѣрьте мнѣ,
Что ни одинъ изъ атрибутовъ власти,
Ни скиптръ, ни мечъ намѣстника короны,
Ни жезлъ вождя, ни тога судіи,
Не придадутъ такого блеска ей,
Какъ милость. Будь мой братъ на вашемъ мѣстѣ,
Вы на его и такъ же бы упали—
Онъ былъ бы къ вамъ не такъ неумолимъ.

Анджело.

Прошу меня оставить. Удалитесь!

Изабелла.

О, Боже, если бъ только вашу власть
Имѣла я, и будь вы Изабеллой—
Тогда бы, графъ, я показала вамъ,
Что значитъ быть судьей, что заключеннымъ!

Луціо (*тихо Изабеллѣ*).

Вотъ это такъ! Вотъ настоящій тонъ!

Анджело.

Вашъ братъ закономъ осужденъ—и вы
Лишь тратите слова напрасно.

Изабелла.

Ахъ!
Осуждены когда-то были всѣ,
И тотъ, кто власть имѣлъ карать, нашелъ же
И примиреніе. Что было бъ съ вами,
Когда бы Онъ, правдивѣйшій судья,
Сталъ васъ судить, какъ вы того достойны?
Подумайте объ этомъ—и тогда
Изъ вашихъ устъ прольется милосердье
И станете вы новымъ человѣкомъ.

Анджело.

Прелестная дѣвица, успокойтесь!
Вашъ братъ не мной—закономъ осужденъ.
Будь онъ мнѣ братъ, иль родственникъ, иль сынъ,
Съ нимъ было бъ то же. Завтра онъ умретъ.

Изабелла.

Какъ? Завтра? О, какъ скоро! Пощадите:
Онъ не готовъ. Мы птицу убиваемъ,
Когда придетъ пора. Ужели Богу
Служить мы будемъ съ мечьшею заботой,
Чѣмъ собственной утробѣ? О, молю,
Подумайте о томъ, кто до сихъ поръ
За этотъ грѣхъ былъ смертію наказанъ!
А многіе грѣшили.

Луціо (*тихо Изабеллѣ*).

Такъ! прекрасно!

Анджело.

Законъ не умиралъ—онъ только спалъ;
И не было бы столько виноватыхъ,
Когда бы смертью былъ наказанъ первый,
Нарушившій его. Законъ проснулся
И сталъ слѣдить за всѣмъ, и, какъ пророкъ,
Глядитъ онъ въ зеркало грѣховъ грядущихъ—
Хотя теперь отъ слабости они
Размножились и вновь еще родятся—
Чтобъ болѣе они не развивались
И умерли въ зародышѣ на-вѣкъ.

Изабелла.

Но все-таки явите милосердье!

Анджело.

Я милосердъ, когда я справедливъ!
Я сострадаю тѣмъ, мнѣ неизвѣстнымъ,
Которые могли бы пострадать
Отъ слабости моей. Я справедливъ
Къ преступнику, затѣмъ что головою
За свой проступокъ заплативъ, другого
Онъ болѣе не сдѣлаетъ. Довольно.
Онъ завтра долженъ умереть. Ступайте.

Изабелла.

Итакъ, надъ нимъ надъ первымъ совершится
Вашъ первый приговоръ. О, какъ прекрасно
Имѣть гиганта силу; но жестоко
Употреблять ее, какъ онъ!

Луціо (*тихо Изабеллѣ*).

Прекрасно!

Изабелла.

О, если бъ всѣ могучіе могли
Гремѣть, какъ Зевсъ: онъ былъ бы оглушенъ.
Тогда бы самый жалкій судія
Сталъ потрясать своимъ перуномъ небо
И все бы лишь гремѣлъ. О, Боже правый!
Ты громовой стрѣлой скорѣе разбиваешь
На тысячи кусковъ могучій дубъ,

Чѣмъ мирту слабую; но человѣкъ,
Гордясь своимъ величіемъ ничтожнымъ,
Забывъ, что самъ онъ хрупокъ, какъ стекло,
Какъ гнѣвная мартышка, передъ небомъ
Кривляется съ такимъ ожесточеньемъ,
Что плачутъ ангелы; но будь они
Настроены, какъ мы—они бъ такому
Безумію смѣялись бы до слезъ.

Луціо (*тихо Изабеллѣ*).

Смѣлѣй, дитя! я вижу—онъ сдается;
Смѣлѣй!

Профосъ (*про себя*).

Пошли ей, Господи, успѣхъ!

Изабелла.

Не мѣрь другихъ на собственную мѣру;
Пусть сильные глумятся надъ святыми:
То, что у нихъ зовется остроумьемъ,
У низшихъ то кощунствомъ называютъ.

Луціо (*тихо Изабеллѣ*).

Вотъ настоящій путь! Впередъ, смѣлѣе!

Изабелла.

Что у вождя зовемъ мы гнѣвнымъ словомъ,
То у солдата будетъ богохульствомъ.

Луціо (*тихо Изабеллѣ*).

Откуда это знаете вы? Дальше!

Анджело.

Къ чему ведутъ всѣ ваши изреченья?

Изабелла.

Къ тому, что если будетъ заблуждаться
Власть высшая, какъ свойственно для всѣхъ,
То въ ней самой есть сила исцѣленья
Для нанесенныхъ ею ранъ. Спросите
Вы собственное сердце—не живетъ ли
Въ немъ грѣхъ, подобный братнину, и если
Сознаетесь вы въ слабости людской,
То приговора смертнаго для брата
Не изречетъ навѣрно вашъ языкъ.

Анджело (*про себя*).

Въ ея рѣчахъ такой глубокій смыслъ,
Что я увлекся ими. (*Громко*). Ну, прощайте!

Изабелла.

О, благородный графъ, не уходите!

Анджело.

Подумаю. Придите завтра утромъ.

Изабелла.

Послушайте, васъ подкупить хочу я;
Постойте, графъ!

Анджело.

Какъ, подкупить меня!

Изабелла.

Да, подкупить подарками такими,
Которые раздѣлитъ съ вами небо.

Луціо (*про себя*).

А, хорошо; не то бы все пропало!

Изабелла.

Не золота чеканнаго мѣшками,
Не камнями, цѣна которыхъ часто
Мѣняется по прихоти—о, нѣтъ!
Но чистою, смиренною молитвой,
Что по утрамъ, до восхожденья солнца,
Возносится къ далекимъ небесамъ—
Молитвой дѣвъ невинныхъ и смиренныхъ,
Отрекшихся отъ міра навсегда.

Анджело.

Ну, хорошо. Придите завтра утромъ.

Луціо (*тихо Изабеллѣ*).

Довольно. Все удастся намъ. Пойдемте.

Изабелла.

Да сохранитъ васъ Богъ!

Анджело (*про себя*).

Аминь, аминь!
Я на пути къ грѣху, который портитъ
Молитву намъ.

Изабелла.

Въ которомъ же часу
Могу я завтра къ вамъ явиться, графъ?

Анджело.

Когда угодно—только до полудня.

Изабелла.

Да сохранитъ васъ небо!

(*Изабелла, Луціо и профосъ уходятъ.*)

Анджело.

Отъ тебя—
Отъ свѣтлой добродѣтели твоей!
Что жъ это? что? Ея ль вина, моя ли?
Кто болѣе тутъ грѣшенъ? Соблазнитель
Иль соблазненный? Нѣтъ, не Изабелла!
Она не соблазняла! Близъ фіалки,
Въ веселомъ блескѣ солнца, я лежалъ,
Своимъ дыханьемъ воздухъ благовонный,
Какъ падаль, заражая. Но возможно ль,
Чтобъ больше насъ прельщала непорочность,
Чѣмъ легкость въ женщинѣ? Когда у насъ
Обширно поле такъ, то для чего же
Ломать святые храмы, чтобъ построить
Тамъ нашу скверну? О, какъ гадко, гадко!

Анджело, что съ тобой? Чего ты хочешь?
Иль посягнуть желаешь ты на то,
Что такъ ее надъ всѣми возвышаетъ?
О, пусть живетъ ея несчастный братъ!
Когда судья воруетъ самъ—разбойникъ
Имѣетъ право грабить по дорогамъ.
Ужели я люблю ее, что такъ
Мнѣ хочется опять ее увидѣть
И услыхать! О чемъ же грежу я?
О, врагъ лукавый! чтобъ смутить святого,
Ты принимаешь праведницы образъ:
Всего неотразимѣй искушенье,
Когда оно заманчиво исходитъ
Отъ добродѣтели. Краса блудницъ,
При помощи природы и искусства,
Меня прельстить во-вѣки не могла бъ,
А побѣжденъ я этой чистой дѣвой.
Донынѣ я любви не понималъ,
И кто любилъ—глупомъ того считалъ.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Комната въ тюрьмѣ.

Входятъ съ разныхъ сторонъ ГЕРЦОГЪ, *одѣтый монахомъ, и* ПРОФОСЪ.

ГЕРЦОГЪ.

Миръ съ вами, профосъ! Профосъ вы — не такъ ли?

ПРОФОСЪ.

Да, профосъ я—что, добрый братъ, вамъ нужно?

ГЕРЦОГЪ.

По правиламъ любви и по уставу,
Я посѣтить несчастныхъ заключенныхъ
Пришелъ сюда. Впустите къ нимъ въ темницу
Меня и разскажите мнѣ, за что
Ихъ заключили, чтобъ я могъ, какъ должно,
Обязанности выполнить мои.

ПРОФОСЪ.

Я съ радостью и болѣе того
Готовъ исполнить, если будетъ нужно.

Входитъ ДЖУЛЬЕТТА.

ПРОФОСЪ.

Взгляните, вотъ одна изъ заключенныхъ;
Увлекшись пыломъ юности своей,
Она свой долгъ нарушила дѣвичій,
И тяжела теперь; отецъ ребенка
За это долженъ жизнью заплатить.
Онъ—юноша, которому сроднѣе
Проступокъ тотъ вторично совершить,
Чѣмъ за него на плахѣ умереть.

ГЕРЦОГЪ.

А казнь когда?

ПРОФОСЪ.

Я думаю, что завтра.

(*Джульеттѣ*).

Я все ужъ приготовилъ, подождите,
Васъ увезутъ отсюда.

ГЕРЦОГЪ.

Что, дитя,
Ты каешься ли въ томъ, что согрѣшила?

ДЖУЛЬЕТТА.

Я каюсь, и позоръ несу съ терпѣньемъ.

ГЕРЦОГЪ.

Я научу, дитя мое, тебя,
Какъ испытать свою ты можешь совѣсть
И какъ извѣдать—истинно иль мнимо
Раскаянье твое.

ДЖУЛЬЕТТА.

Ахъ, научите!

ГЕРЦОГЪ.

Ты любишь ли того, кто былъ виною
Несчастья твоего?

ДЖУЛЬЕТТА.

Люблю, какъ ту,
Что бѣдъ его виновницей была.

ГЕРЦОГЪ.

Такъ, стало-быть, и преступленье вами
Совершено совмѣстно?

ДЖУЛЬЕТТА.

Да, совмѣстно.

ГЕРЦОГЪ.

Тогда твой грѣхъ тяжелѣ, чѣмъ его.

ДЖУЛЬЕТТА.

Вполнѣ я въ этомъ сознаюсь и каюсь.

ГЕРЦОГЪ.

Такъ, дочь моя, такъ и должно; но если
Ты сожалѣешь только о позорѣ,
Какъ слѣдствіи грѣха—то эта скорбь
Лишь для тебя самой, а не для неба,
И только страхъ, а не любовь къ нему
Ея источникъ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Нѣтъ, я каюсь въ томъ,
Что совершила грѣхъ, и свой позоръ
Съ охотою несу.

ГЕРЦОГЪ.

Такъ поступай

И впредь. Сообщникъ твой, я слышалъ, завтра
Пойдетъ на смерть и я теперь къ нему
Иду подать совѣтъ и утѣшенье.
Миръ вамъ и благо! Benedicite! *(Уходитъ).*

Джульетта.

Пойдетъ на смерть! О, гибельная милость!
Она щадитъ меня, когда мнѣ жизнь
Мучительнѣе смерти!

Профосъ.

Жаль его! *(Уходитъ).*

СЦЕНА IV.

Комната въ домѣ Анджело.

Входитъ Анджело.

Анджело.

Я и молюсь, и думаю; но мысли
Съ молитвою въ разладѣ. Для небесъ
Одни слова пустыя, а межъ-тѣмъ
Мои мечты, не внемля языку,
На якорѣ стоятъ у Изабеллы.
Языкъ твердитъ о Господѣ; но въ сердцѣ
Грѣхъ похоти гнѣздится, разростаясь.
Предметъ моей науки—управленье—
Сталъ для меня хорошей, старой книгой,
Но скучной и пустой, и даже то,
Чѣмъ я всегда гордился—доброй славой,
Готовъ отдать—не услыхалъ бы кто—
Съ охотою за перышко, которымъ
Играетъ вихрь. О, санъ! о, почесть! Ты
Своей блестящей внѣшностью наводишь
На дураковъ благоговѣйный страхъ,
Прельщая даже мудрыхъ ложнымъ блескомъ.
Кровь — все же кровь; пусть на рогахъ у чорта
Напишутъ „добрый ангелъ"—и они
Примѣтою его не будутъ болѣ.

Входитъ слуга.

Анджело.

Кто тамъ?

Слуга.

Одна монахиня желаетъ
Васъ видѣть, графъ.

Анджело.

Введи ее. *(Слуга уходитъ).*
О, небо!
Какъ сильно кровь вдругъ къ сердцу прилила,

АНДЖЕЛО и ИЗАБЕЛЛА

Картина Роберта Смирка (Robert Smirke, R. A.). Малая Бойделевская галлерея.

Его лишая силы и движенья,
И члены всѣ какъ-будто отнялись.
Такъ глупая толпа тѣснится вкругъ
Лишеннаго сознанья и, желая
Помочь ему, спираетъ только воздухъ;
Такъ скопище народа, покидая
Занятія свои, бѣжитъ туда,
Гдѣ ихъ монархъ любимый показался
И такъ шумитъ, что взрывъ любви нелѣпый
Обидой покажется можетъ.

Входитъ Изабелла.

Анджело.

Что скажете, прекрасная синьора!

Изабелла.

Рѣшенье ваше я пришла узнать.

Анджело.

Мнѣ было бы пріятнѣй, если бъ ты
Его ужъ знала. Братъ твой жить не можетъ.

Изабелла.

Такъ вотъ что, графъ! Ну, да хранитъ васъ Богъ!

(Хочетъ уйти).

Анджело.

Но могъ бы жить и, можетъ быть, такъ долго,
Какъ ты и я; но—долженъ умереть.

Изабелла.

По приговору вашему?

Анджело.

Конечно.

Изабелла.

Когда? скажите мнѣ, чтобъ въ этотъ срокъ—
Коротокъ онъ иль дологъ—онъ успѣлъ
Для вѣчности свою очистить душу.

Анджело.

О, гнусный грѣхъ! Мнѣ было бъ все равно
Простить того, кто отнялъ у природы
Живое существо, иль пощадить
Такое зло, которое сквернитъ
Божественный нашъ образъ. Уничтожить
Жизнь правильно сложившуюся такъ же
Легко, какъ влить въ металлъ такую подмѣсь,
Чтобы произвесть фальшивую монету.

Изабелла.

Такъ судятъ въ небесахъ—не на землѣ.

Анджело.

Ты думаешь? Такъ я тебя поймаю.
Что изберешь сама: чтобъ братъ твой палъ
Подъ праведнымъ судомъ, иль чтобъ его
Отъ смерти искупила ты, отдавъ
Свое же тѣло сладкому позору,
Какъ дѣва та, что обезчестилъ онъ?

Изабелла.

Графъ, вѣрьте мнѣ, что я скорѣе тѣломъ
Пожертвовать готова, чѣмъ душой.

Анджело.

Тутъ рѣчь не о душѣ. Грѣхъ принужденный
Считается, но не причтется намъ.

Изабелла.

Какъ вы сказали?

Анджело.

Ну, не утверждаю
Я этого! вѣдь, я могу сказать
И противъ словъ моихъ. Но разсуди:
Я именемъ закона произнесъ
Надъ обвиненнымъ смертный приговоръ.
Не будетъ ли тутъ милость прегрѣшеньемъ,
Когда прощу его?

Изабелла.

Простите только,
И на душу отвѣтственность возьму я;
Да это и не грѣхъ, а милосердье.

Анджело.

Взявъ на себя его, ты согрѣшишь:
Тутъ вѣсъ грѣха не легче милосердья.

Изабелла.

Ахъ, если грѣхъ за жизнь его молить—
Дай Богъ его нести мнѣ! Пусть онъ будетъ
Для васъ грѣхомъ, но я молиться буду,
Чтобъ онъ къ моимъ причисленъ былъ грѣхамъ
И не вмѣнился вамъ.

Анджело.

Да нѣтъ, послушай:
Иль въ простотѣ меня не понимаешь,
Иль ты хитришь со мной; а это дурно.

Изабелла.

Будь я проста, дурна во всемъ, лишь было бъ
Сознаніе во мнѣ, что я не лучше.

Анджело.

Смиряясь такъ, лишь блеска ищетъ мудрость.
Такъ изъ-подъ черной маски въ десять разъ
Красавица намъ кажется прелестнѣй,
Чѣмъ безъ нея. Но чтобы ты могла
Меня понять, я выражусь яснѣе:
Твой братъ не можетъ жить.

Изабелла.

Я это знаю.

Анджело.

И казнь ему назначена такая,
Какую онъ виною заслужилъ.

Изабелла.

Все это такъ!

Анджело.

Положимъ, Изабелла,
Что средство есть спасти его отъ смерти.
Я этого ничуть не утверждаю,
Но привожу, какъ случай. Ты, сестра
Преступника, понравилась вельможѣ,
Котораго вліяніе на судей
Его избавить можетъ отъ оковъ,
Наложенныхъ закономъ—и притомъ
Другого средства нѣтъ къ его спасенью,
Какъ этому вельможѣ принести
Сокровище красы своей на жертву;
Иначе, братъ твой долженъ умереть:
Что сдѣлала бы ты?

Изабелла.

Для брата то же
Я сдѣлала бъ, что для самой себя;
Когда бы смерть висѣла надо мною,
Когда бъ на мнѣ лежали, какъ рубины,
Рубцы отъ бичеванья, я для смерти
Раздѣлась бы такъ точно, какъ для сна
Желаннаго, но тѣла на позоръ
Не отдала бъ.

Анджело.

Ну, значитъ, онъ умретъ.

Изабелла.

И это будетъ лучше. Пусть однажды
Умретъ мой братъ, чѣмъ смертью вѣковѣчной
Его сестры купить ему свободу.

Анджело.

Такъ меньше ль ты жестока, чѣмъ законъ,
Который ты за строгость осуждаешь?

Изабелла.

Позорный выкупъ можно ли сравнить
Съ прощеньемъ добровольнымъ? милость
Законную со сдѣлкою безчестной?

Анджело.

Сейчасъ законъ считала ты тираномъ,
А братнина вина тебѣ казалась
Скорѣе шуткою, чѣмъ преступленьемъ.

Изабелла.

Простите, графъ! Вѣдь часто такъ бываетъ:
Когда чего сердечно мы желаемъ,
То говоримъ не то, что на умѣ.
Ахъ, такъ и я проступокъ извиняю
Для выгоды того, кто дорогъ мнѣ.

Анджело.

Мы слабы всѣ!

Изабелла.

Ахъ, пусть бы умеръ онъ,
Когда бъ онъ былъ одинъ грѣха вассаломъ:
Но, вѣдь, мы всѣ наслѣдники грѣха!

Анджело.

И женщины, конечно, слабы тоже.

Изабелла.

Какъ зеркало, въ которое глядятся:
Оно легко такъ можетъ и разбиться,
Какъ отражаетъ образъ нашъ легко.
О, женщины! Да сохранитъ ихъ небо!
Все лучшее позоритъ въ нихъ мужчина,
Во зло употребляя. Называйте
Насъ слабыми, затѣмъ что нѣжны мы,
Какъ весь нашъ организмъ, и легче васъ
Всѣмъ ложнымъ впечатлѣньямъ поддаемся.

АНДЖЕЛО: Ложь моя твою осилитъ правду
(Дѣйств. II, сц. 4).

Рисунокъ современнаго англійскаго иллюстратора Байама Шоу (Byam Shaw).

Анджело.

Да, это такъ; а такъ-какъ ты невольно
Сама созналась въ слабости своей—
Сознаться надо, что мы, мужчины,
Нисколько не сильнѣе васъ и такъ же
Легко, какъ вы, соблазну поддаемся—
Я выскажусь смѣлѣй, я придерусь
Къ твоимъ словамъ: будь женщиной, какъ есть.
Захочешь большимъ быть—не будешь ею;
Но женщиной оставшись—въ этомъ мнѣ
Краса твоя порукой—докажи
Свои слова и сбрось свое притворство.

Изабелла.

Графъ, у меня одинъ языкъ, молю,
Не измѣняйте вашего со мною.

Анджело.

Такъ знай теперь, что я тебя люблю.

Изабелла.

Джульетту братъ любилъ, а вы сказали,
Что умереть за это долженъ онъ.

Анджело.

Полюбишь ты меня—онъ не умретъ.

Изабелла

О, знаю я. Достоинство имѣетъ
Свои права: оно себя порочитъ,,
Чтобы другихъ испытывать.

Анджело.

Я честью .
Клянусь тебѣ, что правду говорю.

Изабелла.

О, жалкая же честь при гнусной правдѣ!
И стоитъ вѣрить ей! О, лицемѣрье!
Но берегись—тебя я обличу!
Сейчасъ прощенье брату подпиши,
Не то предъ цѣлымъ свѣтомъ объявлю я,
Что ты за человѣкъ!

Анджело.

А кто тебѣ повѣритъ?
И слава добрая, и строгость жизни—
Свидѣтели мои противъ тебя.
И санъ мой, наконецъ, преодолѣетъ
Всѣ обвиненья, такъ что ты сама
Подавишься своими же словами
И клеветницей прослывешь. Я началъ—
И сдерживать своихъ не стану чувствъ.
Отдайся мнѣ, оставь сопротивленье
И робкій стыдъ, боящійся того,
Чего желаетъ самъ; купи жизнь брата,
Моимъ желаньямъ покорясь; не то
Твой братъ не только смертію умретъ,
Но эту смерть суровостью своею
Ты въ пытку обратишь. Отвѣтъ дай завтра.
При страсти той, какая мной владѣетъ,
Ему тираномъ стану я. Теперь
Разсказывай, что можешь; но, повѣрь,
Что ложь моя твою осилитъ правду.

(*Уходитъ*).

Изабелла.

Кому принесть мнѣ жалобу? Когда
Я это разскажу—кто мнѣ повѣритъ?
О, лживыя уста! Они гласятъ
Однимъ и тѣмъ же языкомъ и милость,
И осужденье намъ; по произволу
Вертятъ они закономъ, заставляя
Его молчать для правды и неправды
И страсти ихъ служить. Пойду я къ брату.
Что жъ? если онъ и палъ отъ увлеченья,
То чести духъ высокій въ немъ живетъ:
Когда бъ ему на двадцать плахъ кровавыхъ
Сложить пришлося двадцать же головъ,
Онъ отдалъ бы ихъ всѣ, чтобъ до позора
Ужаснаго сестру не допустить.
Умри, мой братъ! Останусь чистой я!
Мнѣ выше брата чистота моя!
Скажу ему правителя рѣшенье—
Пусть въ смерти онъ найдетъ успокоенье!

(*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ тюрьмѣ.

Входятъ къ Клавдіо—герцогъ, *переодѣтый по прежнему, и* профосъ.

Герцогъ.

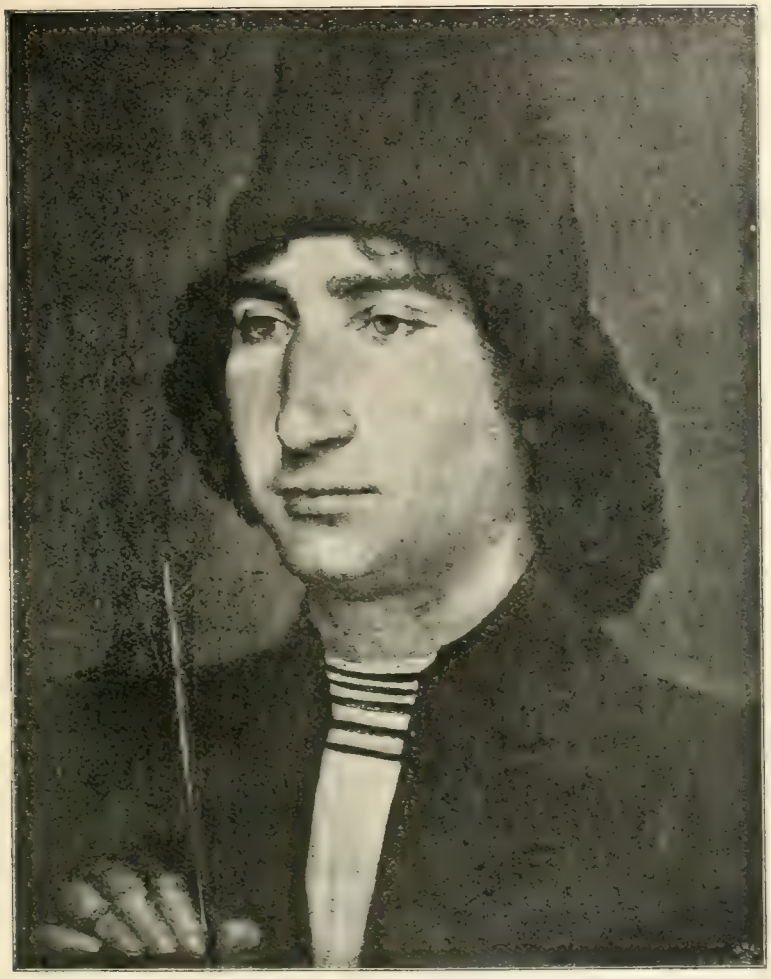
Ужели ждешь ты милости отъ графа?

Клавдіо.

Въ несчастьи нѣтъ цѣленія другого,
Какъ лишь одна далекая надежда:
Надѣюсь жить, готовъ и умереть.

Герцогъ.

Да, думай такъ: тогда и смерть, и жизнь
Покажутся пріятнѣй. Жизни ты
Такъ говори: тебя лишась, я
Теряю то, чѣмъ дорожитъ лишь глупый;
Ты—духъ, подвластный перемѣнамъ вѣтра,
Который домъ твой можетъ сокрушить
Въ одно мгновенье; ты игрушка смерти,
Ты отъ нея бѣжишь—и попадаешь
На встрѣчу ей. Въ тебѣ нѣтъ благородства;
Все лучшее, что радуетъ тебя—
Плодъ низости. Нѣтъ мужества въ тебѣ:
Страшишься ты раздвоеннаго жала
Ничтожнаго червя. Твой лучшій отдыхъ
Есть сонъ, и ты зовешь его и вмѣстѣ
Предъ смертію дрожишь, когда она
Есть тотъ же сонъ. Не самобытна ты,
Но состоишь изъ тысячи атомовъ,
Изъ праха порожденныхъ. И счастливой
Назвать тебя нельзя; ты вѣчно мчишься
За тѣмъ, чего тебѣ недостаетъ,
И презираешь то, чѣмъ обладаешь.
Въ тебѣ нѣтъ постоянства: каждый мѣсяцъ
По прихоти мѣняешь ты свой видъ.



НѢМЕЦКІЙ ЮНОША XV—XVI ВѢКОВЪ.
Картина знаменитаго нѣмецкаго художника Ганса Мемлинга (Hans Memling, 1430—1494).

Богата ты, но вмѣстѣ и бѣдна:
Ты, какъ оселъ, подъ золотомъ сгибаясь,
Несешь лишь день сокровище свое,
А смерть его снимаетъ. У тебя
Нѣтъ и друзей—и даже кровь твоя,
Которая отцомъ тебя зоветъ,
Клянетъ паршу, ломоту, параличъ,
Зачѣмъ они скорѣй тебя не кончатъ.
Нѣтъ у тебя ни юности могучей,
Ни старости—ты греза объ обѣихъ
Въ тяжеломъ снѣ: цвѣтъ юности твоей
По старчески живетъ и проситъ пищи
У старости, параличемъ разбитой;
А сдѣлавшись и старой, и богатой,
Теряешь жаръ желаній, силу, прелесть,
Чтобы вполнѣ богатствомъ насладиться.
Что-жъ у тебя останется? И это
Мы жизнію зовемъ! и эта жизнь
Въ себѣ скрываетъ тысячи смертей;
А мы боимся смерти, забывая,
Что въ ней конецъ противорѣчьямъ всѣмъ.

Клавдіо.

Благодарю, отецъ мой. Вижу я,
Что нахожу я смерть, стремяся къ жизни,
Ища же смерти, нахожу я жизнь:
Такъ пусть она приходитъ!

Изабелла (*за сценой*)

Отворите!
Да будетъ съ вами благодать и миръ!

Профосъ.

Войдите къ намъ! Привѣтъ вамъ за желанье!

Входитъ Изабелла.

Герцогъ (*къ Клавдіо*).

Къ тебѣ, мой сынъ, опять приду я скоро

Клавдіо.

Благодарю, почтенный мой отецъ!

Изабелла.

Позвольте съ братомъ мнѣ поговорить.

Профосъ.

Съ охотой. Къ вамъ сестра пришла, синьоръ!

Герцогъ.

Два слова, профосъ.

Профосъ.

Сколько вамъ угодно.

Герцогъ (*тихо профосу*).

Спрячь такъ меня, чтобъ могъ я слышать их.

(*Герцогъ и профосъ уходятъ.*)

Клавдіо.

Ну, что, сестра—какое утѣшенье?

Изабелла.

Какъ всякое, пріятное для насъ.
У графа есть дѣла на небесахъ,
И онъ избралъ тебя своимъ гонцомъ,
Чтобъ ты былъ вѣчно тамъ его намѣстникъ.
Итакъ, готовься къ дальнему пути —
Ты ѣдешь завтра.

Клавдіо.

Какъ? и средства нѣтъ?

Изабелла.

Нѣтъ, есть одно: но, голову спасая,
Оно на части сердце разобьетъ.

Клавдіо.

Такъ средство есть?

Изабелла.

Да, братъ, ты могъ бы жить:
Въ твоемъ судьѣ есть дьявольская жалость;
Когда ты къ ней прибѣгнешь—будешь жить;
Но скованнымъ останешься до гроба.

Клавдіо.

Какъ—вѣчная тюрьма?

Изабелла.

Да, назови
То вѣчною тюрьмой, когда тебѣ
Открытъ весь міръ; но ты и на свободѣ
Пребудешь вѣчно скованъ.

Клавдіо.

Какъ же это?

Изабелла.

А такъ, что если бъ ты на то склонился,
Ты сбросилъ бы съ себя одежду чести
И сталъ бы нагъ.

Клавдіо.

Но объясни же мнѣ!

Изабелла.

О, Клавдіо, боюсь я за тебя,
Что ты, желая жизнь свою продлить,
Честь вѣчную охотно промѣняешь
На семь иль восемь зимъ. Скажи, довольно ль
Есть мужества въ тебѣ, чтобъ умереть?
Всего ужаснѣй въ смерти—ожиданье;
И бѣдный жукъ, раздавленный ногой,
Не такъ же ли страдаетъ, умирая,
Какъ великанъ?

Клавдіо.

Зачѣмъ меня стыдишь?
Иль думаешь, что мужество беру я
Изъ нѣжности цвѣточной? Нѣтъ, ужъ если
Мнѣ должно умереть, то какъ невѣсту
Я встрѣчу вѣчной ночи тьму и къ сердцу
Прижму ее!

Изабелла.

Такъ говоритъ мой братъ!
То будто голосъ моего отца
Изъ гроба! Да, ты долженъ умереть:
Ты слишкомъ честенъ и высокъ, чтобъ жизнь
Купить себѣ позоромъ. Лицемѣръ,
Котораго суровый, мрачный видъ
И глубоко-обдуманное слово
Пугаютъ юность и страшатъ безумство,
Какъ соколъ мелкихъ птицъ — онъ сущій дьяволъ,
И если тину снять съ него—увидишь
Жерло, какъ адъ.

Клавдіо.

Какъ, набожный Анджело?

Изабелла.

Все это—ложь, коварное притворство!
Онъ—дерзкій плутъ въ одеждѣ благочестья.
Подумай, Клавдіо: когда бъ ему
Свою невинность въ жертву принесла я,
Ты былъ бы живъ!

Клавдіо.

О, небо, быть не можетъ!

Изабелла.

Да, онъ позволилъ бы за этотъ грѣхъ
Тебѣ грѣшить и впредь. И въ эту ночь
Должно свершиться то, что съ отвращеньемъ
Я говорю, иль завтра ты умрешь.

Клавдіо.

Ты этого не сдѣлаешь!

ИЗАБЕЛЛА.

О, еслибъ
Мнѣ только жизнь отдать, я, какъ булавку,
Тебя спасая, кинула бъ ее.

КЛАВДІО.

Благодарю, любезная сестра!

ИЗАБЕЛЛА.

Такъ приготовься завтра умереть.

КЛАВДІО.

Да. Такъ и въ немъ есть страсти, для которыхъ
Ногами онъ законы попираетъ,
Которые хотѣлъ возстановить!
Такъ это ужъ не грѣхъ, иль ужъ, конечно,
Изъ смертныхъ всѣхъ грѣховъ наималѣйшій?

ИЗАБЕЛЛА.

Какой изъ нихъ малѣйшій?

КЛАВДІО.

Если бъ онъ
Былъ такъ великъ, то мудрый мужъ такой
Рѣшился ли бъ за наслажденья мигъ
Отдать блаженства вѣчность, Изабелла?

ИЗАБЕЛЛА.

Что говоришь ты, братъ мой?

КЛАВДІО.

Смерть ужасна!

ИЗАБЕЛЛА.

Да, братъ; но жизнь безъ чести—ненавистна!

КЛАВДІО.

Но умереть, идти—куда не знаешь!
Въ недвижности нѣмой лежать и гнить,
Гдѣ теплый, полный жизни, мой составъ
Сожмется въ комъ, и восхищенный духъ
Вдругъ въ огненныя волны погрузится,
Иль вкругъ себя увидитъ, цѣпенѣя,
Пустыни вѣчныхъ льдовъ; быть заключеннымъ
Среди незримыхъ бурь и безпрерывно
Носиться вкругъ летающей земли;
Иль худшимъ стать, чѣмъ худшіе межъ тѣми,
Которые свой помыслъ беззаконный
Лишь воемъ выражаютъ. Ахъ! ужасно!
Тягчайшая, печальнѣйшая жизнь,
Болѣзни, старость, горе и темница,
Гнетущія людей—все это рай
Предъ тѣмъ, что въ смерти мы боимся!

ИЗАБЕЛЛА.

Ахъ!

КЛАВДІО.

О, милая сестра, оставь мнѣ жизнь!
Все, что свершишь ты для спасенья брата,
Природа не сочтетъ за преступленье,
А въ доблесть обратитъ.

ИЗАБЕЛЛА.

О, звѣрь противный!
О, низкій трусъ! о, негодяй! Ужель
Мой грѣхъ тебя содѣлать долженъ мужемъ?
Не оскверненье ль—жизнь себѣ купить
Сестры своей позоромъ? Что мнѣ думать?
Ужели, Боже, мать моя была
Невѣрною отцу? Не отъ него же
Родиться могъ побѣгъ столь дикій!
Я отрекаюсь отъ тебя—умри!
Когда бъ мнѣ стоило нагнуться,
Чтобы тебя спасти—я бъ отказалась.
За смерть твою молиться буду вѣчно,
За жизнь—ни звука!

КЛАВДІО.

Ахъ, сестра, послушай!

ИЗАБЕЛЛА.

О, какъ все гадко, гадко, гадко тутъ!
Проступокъ твой былъ не случайный грѣхъ,
А ремесло—и милость будетъ сводней,
Тебя простивъ; такъ лучше ужъ умри!

(Хочетъ идти.)

КЛАВДІО.

О, Изабелла, выслушай меня!

Входитъ ГЕРЦОГЪ, *за нимъ слѣдуетъ* ПРОФОСЪ.

Герцогъ. Позвольте мнѣ, юная сестра, сказать вамъ одно слово, только одно слово.

Изабелла. Что угодно вамъ?

Герцогъ. Если вамъ позволитъ время, то я желалъ бы съ вами переговорить: отъ исполненія моей просьбы зависитъ и ваша собственная польза.

Изабелла. У меня нѣтъ лишняго времени. Оставаясь здѣсь, я отнимаю время отъ другихъ занятій; но я готова остаться ненадолго.

Герцогъ *(тихо Клавдіо)*. Сынъ мой, я слышалъ все, что происходило между тобою и сестрой твоей. Анджело вовсе не имѣлъ намѣренія обольстить ее: онъ хотѣлъ только испытать ея добродѣтель, чтобъ этимъ опытомъ подкрѣпить свои наблюденія надъ человѣческой природой. Она, исполненная чувства истинной чести, отвѣтила ему такимъ благочестивымъ отказомъ, который онъ выслушалъ съ большимъ удовольствіемъ. Я—духовникъ Анджело и знаю, что это такъ. А потому готовься къ смерти и не обольщай своей рѣшимости обманчивою надеждой: ты завтра долженъ умереть. Ступай, пади на колѣни и готовься къ смерти.

Клавдіо. Дайте мнѣ испросить прощеніе у сестры моей. Мнѣ до того надоѣла жизнь, что я готовъ просить, чтобъ меня отъ нея освободили.

Герцогъ. Останьтесь при этихъ мысляхъ. Прощайте! (*Клавдіо уходитъ.*) Профосъ, на одно слово.

Профосъ. Что вамъ угодно, святой отецъ?

Герцогъ. Чтобъ вы опять ушли и оставили меня наединѣ съ этою дѣвицей. Мой образъ мыслей и одежда могутъ вамъ ручаться, что ей нечего опасаться моего общества.

Профосъ. Пусть будетъ такъ. (*Уходитъ.*)

Герцогъ. Рука, которая создала васъ прекрасною, сдѣлала васъ и добродѣтельною. Добродѣтель, состоящая въ одной красотѣ, дѣлаетъ то, что красота скоро лишается добродѣтели; но небесная благодать, душа вашего тѣла, сохранитъ васъ навсегда прекрасною. Я случайно узналъ о посягательствѣ, которому вы подверглись со стороны Анджело, и если бы человѣческая слабость не представляла примѣровъ подобнаго паденія, то меня удивилъ бы поступокъ Анджело. Какъ же вы поступите, чтобъ удовлетворить правителя и спасти своего брата?

Изабелла. Я иду къ нему сейчасъ объявить мое рѣшеніе. Пусть лучше братъ мой умретъ законною смертью, чѣмъ мнѣ родить незаконнаго ребенка. Но какъ ошибается въ Анджело нашъ добрый герцогъ! Если онъ когда-нибудь возвратится, и я найду къ нему доступъ, то пусть я никогда не открою рта, если не обличу этого лицемѣра.

Герцогъ. Это было бы не дурно. Но если дѣло останется въ такомъ видѣ, то онъ оправдается тѣмъ, что хотѣлъ только испытать васъ. Итакъ, послушайтесь моего совѣта. Моему желанію сдѣлать вамъ добро представляется одно средство. Я увѣренъ, что вы будете готовы, при честныхъ средствахъ, оказать заслуженное благодѣянье одной бѣдной, оскорбленной дѣвушкѣ, вырвать брата изъ подъ кары строгаго закона, сохранить въ чистотѣ свою благочестивую душу и, наконецъ, доставить удовольствіе отсутствующему герцогу, если онъ, возвратившись, узнаетъ объ этомъ дѣлѣ.

Изабелла. Говорите, отецъ мой. Я чувствую въ себѣ довольно силы сдѣлать все, что мнѣ не покажется дурнымъ въ глубинѣ моей души.

Герцогъ. Добродѣтель отважна, а честность не знаетъ страха. Слышали ли вы

ЮЖНО-НѢМЕЦКІЯ (БАЗЕЛЬСКІЯ) ЖЕНСКІЯ ОДЕЖДЫ XVI ВѢКА.

Рисунокъ знаменитаго нѣмецкаго художника Ганса Гольбейна Младшаго (Hans Holbein. 1497—1543).

когда нибудь о Маріаннѣ, сестрѣ Фредерико, героя, погибшаго на морѣ?

Изабелла. Я слышала объ этой дѣвушкѣ и, притомъ, только одно хорошее.

Герцогъ. Вотъ на ней-то долженъ былъ жениться Анджело. Онъ съ нею былъ обрученъ, и день свадьбы былъ назначенъ; но, въ промежутокъ времени между обрученіемъ и вѣнчаньемъ, корабль Фредерико потонулъ и вмѣстѣ съ нимъ приданое сестры его. Представьте же себѣ, какія несчастія постигли изъ-за этого бѣдную дѣвушку. Она лишилась благороднаго и знаменитаго брата, который любилъ ее благородно и нѣжно, а съ нимъ и своего приданаго, главной основы своего счастія, и, наконецъ, своего обрученнаго жениха—лицемѣра Анджело.

Изабелла. Возможно ли? Неужели Анджело въ самомъ дѣлѣ ее бросилъ?

ЮЖНО-НѢМЕЦКІЯ (БАЗЕЛЬСКІЯ) ЖЕНСКІЯ ОДЕЖДЫ XVI ВѢКА.

Рисунокъ Ганса Гольбейна младшаго (Hans Holbein).

Герцогъ. Да, онъ покинулъ ее въ слезахъ и не осушилъ ихъ ни однимъ словомъ утѣшенія; онъ отказался отъ своей клятвы, подъ предлогомъ, будто бы она нарушила честь свою. Однимъ словомъ, онъ повергъ ее въ горе, которое до сихъ-поръ несетъ она, такъ какъ она все еще любитъ Анджело; а онъ—точно утесъ: ея слезы орошаютъ его, но не смягчаютъ.

Изабелла. Какое милосердіе оказала бы смерть, если бы взяла отъ міра эту бѣдную дѣвушку! Какъ преступна жизнь, если она позволяетъ жить этому человѣку! Но какъ же помочь ей?

Герцогъ. Это такая рана, которую вы легко можете залѣчить, и это лѣченіе не только спасетъ вашего брата, но и сохранитъ васъ отъ безчестія.

Изабелла. Укажите, какъ должна я поступить, почтенный отецъ.

Герцогъ. Эта дѣвушка еще сохранила свою первую страсть: жестокая несправедливость, которая, по законамъ разума, должна была бы погасить ея любовь, сдѣлала ее, какъ препятствіе потокъ, еще сильнѣе и стремительнѣе. Ступайте къ Анджело и отвѣтьте его желанію притворнымъ согласіемъ; уступите ему только въ главномъ, но предложите ему слѣдующія условія: во-первыхъ, чтобы ваше свиданіе съ нимъ продолжалось не долго, потомъ чтобъ оно происходило въ часъ, когда будетъ темно и тихо, и чтобы мѣсто соотвѣтствовало всѣмъ обстоятельствамъ. Если онъ на все это согласится, то все уладится. Мы уговоримъ оскорбленную дѣвушку вмѣсто васъ отправиться на условленное свиданіе. Если впослѣдствіи ихъ свиданіе будетъ имѣть видимыя послѣдствія, то это заставитъ его согласиться на уступку—и такимъ образомъ братъ вашъ будетъ спасенъ, честь ваша сохранена, бѣдная Маріанна осчастливлена, а злой правитель изобличенъ. Я беру на себя уговорить и приготовить Маріанну къ этому предпріятію. Если вы согласитесь все это исполнить, то двойное благодѣяніе оправдаетъ обманъ отъ нареканій. Какъ вы объ этомъ думаете?

Изабелла. Уже мысль объ этомъ меня успокаиваетъ, и я надѣюсь на самый счастливый успѣхъ.

Герцогъ. Все будетъ зависѣть отъ вашихъ дѣйствій. Ступайте поскорѣе къ Анджело. Если онъ будетъ просить васъ придти къ нему въ эту ночь—согласитесь. Я сейчасъ иду въ предмѣстье святого Луки, гдѣ, въ бѣдной хижинѣ, живетъ отверженная Маріанна. Тамъ найдете вы меня. Постарайтесь уладить все съ Анджело, чтобъ скорѣе покончить дѣло.

Изабелла. Благодарю васъ за ваше содѣйствіе! Прощайте, почтенный отецъ!

(Уходятъ въ разныя стороны).

СЦЕНА II.

Улица передъ тюрьмою.

Входятъ, съ одной стороны, ГЕРЦОГЪ, *переодѣтый, какъ прежде; съ другой*—ЛОКОТЬ *и полицейскіе съ* ШУТОМЪ.

ЛОКОТЬ. Ну, если этого нельзя прекратить и вы съ упорствомъ будете торговать мужчинами и женщинами, какъ скотомъ безсловеснымъ, то всему міру придется пить только темный и бѣлый бастардъ.

ГЕРЦОГЪ. О, небо! Что это еще за дрянь?

ШУТЪ. Ну, теперь конецъ всякому веселью; съ тѣхъ поръ какъ двое изъ самыхъ веселыхъ ростовщиковъ прекратили свое дѣло, а самаго опаснаго притянули къ суду и велѣли носить шубу, чтобъ ему было потеплѣе, и, сверхъ того, напялить на себя лисій мѣхъ, подбитый овчиною, чтобъ показать, что лукавство, будучи богаче невинности, должно быть сверху.

ЛОКОТЬ. Ну, ступай, ступай, пріятель. Благослови васъ Богъ, добрый отче-братъ.

ГЕРЦОГЪ. И тебя также, почтенный братъ-отецъ. Чѣмъ оскорбилъ тебя этотъ человѣкъ?

ЛОКОТЬ. Онъ оскорбилъ законъ и, кромѣ того, сударь, мы считаемъ его за вора, потому что нашли при немъ особаго рода отмычку, которую мы представили правителю.

ГЕРЦОГЪ.

Стыдись, мерзавецъ, сводникъ непотребный!
Ты хочешь жить такимъ грѣхомъ позорнымъ,
Служа ему? Подумай, хорошо ли
Такимъ порокомъ гнуснымъ набивать
Себѣ животъ и тѣло одѣвать?
Ты говоришь: отъ этой скотской связи
Я пью, кормлюсь, живу и одѣваюсь;
Но думаешь ли ты, что жизнь твоя
Назваться можетъ жизнью передъ Богомъ,
Когда полна зловонія? Покайся!

ШУТЪ. Ваша правда, она точно отчасти припахиваетъ; но я могъ бы доказать...

ГЕРЦОГЪ.

Да, если въ этомъ чортъ тебѣ поможетъ,
То ты ему подъ стать. Вести его
Въ тюрьму; лишь палкою, да наставленьемъ
Исправить можно этого скота.

ЛОКОТЬ. Мы должны представить его правителю, который уже сдѣлалъ ему предостереженіе. Правитель терпѣть не можетъ такихъ пакостниковъ. Если кто занимается такимъ промысломъ и его представятъ правителю, то ему было бы лучше находиться за милю отсюда.

ГЕРЦОГЪ.

Когда бъ мы въ самомъ дѣлѣ были тѣмъ,
Чѣмъ многіе изъ насъ хотятъ казаться:
Изъятыми отъ всѣхъ грѣховъ гнетущихъ,
Иль не были они, по крайней мѣрѣ,
Притворной добродѣтелью прикрыты!

Входитъ ЛУЦІО.

ЛОКОТЬ. Съ его шеей будетъ скоро то же, что съ вашимъ животомъ, святой отецъ: на ней будетъ веревка.

ШУТЪ. Я чую помощь — я представлю за себя поручителя: вотъ этотъ дворянинъ—одинъ изъ друзей моихъ.

ЛУЦІО. Что ты подѣлываешь, мой благородный Помпей? Какъ, ты въ свитѣ Цезаря? Ужъ не ведутъ ли тебя въ тріумфѣ? Но гдѣ же твои пигмаліоновскія куколки, твои свѣжеприготовленныя женщины, которыхъ можно добыть, опустивъ руку въ карманъ и вынувъ ее оттуда сжатою? Что жъ ты не отвѣчаешь, а? Какъ нравится тебѣ эта мелодія, манера и метода? Не утопилъ ли ты все это при послѣднемъ дождѣ? Ну, что же ты скажешь, дуралей? Что міръ все таковъ же, какъ былъ? Какую же пѣсенку поешь ты теперь? „Я грустенъ и безмолвенъ“? Или что другое? Въ чемъ же тутъ штука?

ГЕРЦОГЪ. Все то же, даже хуже!

ЛУЦІО. Что подѣлываетъ мое милое сокровище, твоя хозяюшка? Все промышляетъ попрежнему—а?

ШУТЪ. Нѣтъ, синьоръ, она истратила все свое мясо — и теперь сама попала въ кастрюлю.

ЛУЦІО. Ну и прекрасно! Такъ ей и слѣдуетъ. Это въ порядкѣ вещей. Пока свѣжа—потаскушка, а поистаскалась—сводня: такъ и быть должно. Такъ ты идешь въ тюрьму, Помпей?

ШУТЪ. Точно такъ, синьоръ.

ЛУЦІО. Пріятно слышать, Помпей. Счастливаго пути! Ступай, скажи, что это я прислалъ тебя туда. Что же это—за долги, Помпей? или за...

ЛОКОТЬ. За сводничество, за сводничество.

ЛУЦІО. И прекрасно! Въ тюрьму его Если для сводниковъ назначена тюрьма, то она вполнѣ для него прилична, такъ какъ онъ несомнѣнно сводникъ и самый старинный: со дня своего рожденія. Прощай, дорогой Помпей! Кланяйся отъ меня въ тюрьмѣ. Ты теперь будешь хорошимъ хозяиномъ, потому что будешь сидѣть дома.

ИЗАБЕЛЛА.

Картина современнаго англійскаго художника Теркэма (F. W. W. Topham).

Шутъ. Но я надѣюсь, что ваша милость возьмете меня на поруки?

Луціо. Ну, нѣтъ, Помпей, этого я не сдѣлаю: теперь это не въ модѣ. Я только замолвлю за тебя словечко, чтобъ тебя тамъ подольше подержали. Если ты потеряешь терпѣнье, то покажешь, что ты съ душкомъ. Прощай, любезнѣйшій Помпей! Благослови васъ Богъ, святой отецъ!

Герцогъ. И васъ также.

Луціо. Что Бригитта все еще румянится. Помпей?

Локоть (*Шуту*). Ну, иди же, иди!

Шутъ. Такъ вы не хотите, синьоръ, взять меня теперь на поруки?

Луціо. Ни теперь, ни послѣ.

Что новаго на бѣломъ свѣтѣ, святой отецъ? что новаго?

Локоть (*Шуту*). Ну, ступай же, ступай!

Луціо. Ступай въ свою собачью конуру, Помпей, ступай! (*Локоть, Шутъ и полицейскіе уходятъ*). Что слышно о герцогѣ, патеръ?

Герцогъ. Я ничего не слыхалъ. Не можете ли вы сообщить о немъ чего нибудь?

Луціо. Одни говорятъ, что онъ теперь у русскаго императора: другіе, что онъ отправился въ Римъ. А вы какъ думаете, гдѣ онъ?

Герцогъ. Я не знаю; но гдѣ бы онъ ни былъ, я желаю ему всего хорошаго.

Луціо. Что за взбалмошная, глупая прихоть—уѣхать тайкомъ изъ государства и приняться за бродяжничество, для котораго онъ вовсе не рожденъ. Графъ Анджело герцогствуетъ исправно въ его отсутствіе, и даже выходитъ понемногу изъ предѣловъ своей власти.

Герцогъ. И прекрасно дѣлаетъ.

Луціо. Ну, не мѣшало бы ему быть нѣсколько терпимѣе къ распутству, патеръ. Онъ слишкомъ придирчивъ относительно этого пункта.

Герцогъ. Этотъ порокъ слишкомъ распространился—и только строгость можетъ излѣчить его.

Луціо. Я согласенъ, что у этого порока большія связи и знатное родство; но совсѣмъ искоренить его нѣтъ возможности: тогда пришлось бы запретить людямъ ѣсть и пить. Говорятъ, что Анджело вышелъ на свѣтъ не обыкновеннымъ путемъ—отъ мужа и жены? Правда ли это? какъ вы думаете?

Герцогъ. А какъ же это?

Луціо. Одни говорятъ, что его выметала морская сирена; другіе же, что онъ родился отъ трески; но вѣрно то, что когда онъ мочится, то урина его тотчасъ замерзаетъ: въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Онъ не что иное, какъ кукла, лишенная способности производить: это также неопровержимо.

Герцогъ. Вы шутите, синьоръ, и болтаете вздоръ.

Луціо. Чортъ побери — развѣ это не безчеловѣчно, за такія шалости лишать человѣка жизни? Развѣ отсутствующій герцогъ сдѣлалъ бы это? Вмѣсто того, чтобъ вѣшать человѣка за сотню незаконныхъ дѣтей, онъ изъ своего кармана выдалъ бы денегъ на содержаніе цѣлой тысячи. Въ немъ было нѣкоторое сочувствіе къ подобнымъ шалостямъ, а потому онъ и смотрѣлъ на нихъ сквозь пальцы.

Герцогъ. Я никогда не слыхалъ, чтобъ отсутствующаго герцога подозрѣвали въ сношеніи съ женщинами: онъ не имѣлъ къ этому никакой склонности.

Луціо. О, святой отецъ, вы ошибаетесь!

Герцогъ. Невозможно.

Луціо. Кто? герцогъ? Какъ же! спросите у пятидесятилѣтней нищенки — онъ даже ей всегда клалъ дукатъ на ея тарелочку. Да, и за герцогомъ были грѣшки—ужъ повѣрьте моему слову.

Герцогъ. Увѣряю васъ, что вы къ нему несправедливы.

Луціо. Синьоръ, я одинъ изъ его приближенныхъ. Герцогъ себѣ на умѣ — и полагаю, что знаю, почему онъ уѣхалъ.

Герцогъ. Ну, скажите-ка, почему?

Луціо. Нѣтъ, ужъ извините. Это тайна, которую должно крѣпко держать за зубами. Впрочемъ, я могу только намекнуть вамъ. Большая часть его подданныхъ считала герцога за умнаго человѣка.

Герцогъ. За умнаго? Ну, въ этомъ, кажется, нѣтъ и сомнѣнія.

Луціо. Это — крайне поверхностный и пустой малый и притомъ—неучъ.

Герцогъ. Это съ вашей стороны или зависть, или глупость, или заблужденье. Еслибъ нужно было ручательство, то вся жизнь его и образъ его управленія могли бы заслужить лучшаго отзыва. Пусть только судятъ о немъ по дѣламъ его—и даже зависть признаетъ въ немъ ученаго, государственнаго человѣка и воина. Вы говорите наобумъ. Вы или не знаете герцога, или разумъ вашъ омраченъ злобою.

Луціо. Святой отецъ, я знаю герцога и люблю его.

Герцогъ. Любовь говоритъ съ большею обдуманностію, а обдуманность съ большею любовью.

Луціо. Ну, ужъ я знаю, что знаю.

Герцогъ. Трудно этому повѣрить, потому что вы сами не знаете, что говорите. Но если герцогъ когда-нибудь возвратится—о чемъ мы всѣ просимъ въ нашихъ молитвахъ — то позвольте мнѣ попросить васъ предъ его лицомъ дать мнѣ отвѣтъ въ сказанномъ вами. Если вы сказали правду, то должны имѣть и мужество подтвердить ее. Я обязанъ сдѣлать вамъ этотъ вызовъ, и потому прошу васъ сказать мнѣ ваше имя.

Луціо. Меня зовутъ Луціо. Герцогъ меня знаетъ.

Герцогъ. Онъ узнаетъ васъ еще лучше, если я доживу до того времени, когда онъ вернется, и буду имѣть возможность сообщить ему о васъ.

Луціо. Я васъ не боюсь.

Герцогъ. О, вы надѣетесь, что герцогъ не возвратится, или считаете меня за слишкомъ слабаго противника. Впрочемъ, большого зла я и въ самомъ дѣлѣ не могу вамъ сдѣлать: вы поклянетесь, что не говорили мнѣ ничего подобнаго,

Луціо. Тогда ужъ пусть лучше повѣсятъ меня. Ты ошибаешься во мнѣ, монахъ. Но довольно объ этомъ. Не можешь ли сказать мнѣ, умретъ завтра Клавдіо или нѣтъ?

Герцогъ. А за что онъ долженъ умереть, синьоръ?

Луцio. Ну, да за то, что наполнилъ бутылку при помощи воронки. Я желалъ бы, чтобъ герцогъ, о которомъ мы говорили, былъ теперь здѣсь. Его уполномоченный намѣстникъ этимъ воздержаніемъ обезлюдитъ всю провинцію: даже воробьи не смѣютъ вить себѣ гнѣзда подъ его кровлею, потому что они слишкомъ сладострастны. Герцогъ навѣрное оставилъ бы во мракѣ то, что совершилось во мракѣ, и никогда не сталъ бы выводить его на показъ. Я желалъ бы, чтобъ онъ былъ здѣсь. Ей-богу, Клавдіо осужденъ только за то, что разстегнулъ застежку. Прощай, добрый патеръ! Включи, пожалуйста, и меня въ свою молитву. Повѣрь, что герцогъ не брезгаетъ говядиной и по пятницамъ. Теперь время его миновало; но, повторяю, что и онъ не прочь полюбезничать съ нищенкой, хотя бы отъ нея несло чернымъ хлѣбомъ и чеснокомъ. Скажи ему, что я это сказалъ тебѣ. Прощай! (*Уходитъ*).

Герцогъ.

И власть, и санъ—ничто не сохраняетъ
Отъ жала клеветы: оно язвитъ
Чистѣйшую невинность. Даже тронъ
Отъ ранъ ея коварныхъ не спасенъ.
Кто тамъ идетъ?

Входятъ Эскалъ, профосъ *и стража съ* Переспѣлой.

Эскалъ.

Въ тюрьму ее, въ тюрьму!

Переспѣла. Добрѣйшій господинъ, сжальтесь надо мною. Ваша милость извѣстны за милосердаго вельможу. Добрый, любезный господинъ...

Эскалъ. Тебя уже два и три раза предостерегали, а ты попалась опять въ томъ же преступленіи. Это можетъ взбѣсить всякое милосердіе и сдѣлать его тираномъ.

Профосъ. Эта сводня, ваше сіятельство, ужъ одиннадцать лѣтъ занимается этимъ промысломъ.

Переспѣла. Ваша милость, это меня оклеветалъ нѣкто Луціо. Дѣвица Китти Держи-Внизъ забеременѣла отъ него еще при герцогѣ. Онъ обѣщалъ на ней жениться. Его ребенку будетъ годъ съ четвертью въ день Филиппа и Якова. Я сама вскормила его, а онъ вотъ что со мною дѣлаетъ.

Эскалъ. Это человѣкъ очень худой репутаціи. Велите ему къ намъ явиться. Въ тюрьму ее и ни слова болѣе. (*Стража уходитъ съ Переспѣлою*). Профосъ, мой Анджело — неумолимъ: Клавдіо долженъ завтра умереть. Доставьте ему духовное утѣшеніе и все, что ему нужно, чтобъ умереть, какъ христіанину. Еслибъ Анджело былъ такъ же сострадателенъ, какъ я, этого бы не случилось съ Клавдіо.

Профосъ. Ваше сіятельство, вотъ этотъ монахъ былъ уже у него и приготовилъ его къ смерти.

Эскалъ. Здравствуйте, добрый патеръ.

Герцогъ. Да будетъ надъ вами благословеніе и милость Божія.

Эскалъ. Откуда вы?

Герцогъ.

Не здѣшній я, но по дѣламъ на время
Остался здѣсь. Я къ братству милосердыхъ
Принадлежу и прибылъ отъ его
Святѣйшества по важнымъ порученьямъ.

Эскалъ. Что новаго на свѣтѣ?

Герцогъ. Ничего, кромѣ развѣ того, что честность страдаетъ такой сильной лихорадкой, что излѣчить ее могутъ только сильныя средства. Всѣ ищутъ только новостей и теперь такъ же опасно состарѣться на одномъ поприщѣ, какъ стало считаться за добродѣтель не быть постояннымъ въ какомъ-либо дѣлѣ. Едва осталось на столько довѣрія, чтобъ поручиться за безопасность общества; но эта порука приняла такіе размѣры, что готовъ бываешь отказаться отъ всякаго товарищества. На этой загадкѣ вертится вся житейская мудрость. Эта новость довольно стара и все-таки есть новость дня. Скажите мнѣ, пожалуйста, каковъ образъ мыслей у вашего герцога?

Эскалъ. Это человѣкъ, который въ особенности стремится къ тому, чтобы лучше узнать самого себя.

Герцогъ. Какія удовольствія предпочиталъ онъ?

Эскалъ. Ему было пріятнѣе видѣть другихъ веселыми, чѣмъ наслаждаться тѣмъ, что доставляло ему удовольствіе. Онъ во всемъ наблюдалъ умѣренность. Но предоставимъ его собственной судьбѣ и будемъ молиться о его благоденствіи. Позвольте мнѣ спросить васъ, въ свою очередь, какъ вы нашли Клавдіо — готовъ ли онъ? Я слышалъ, что вы удостоили его своимъ посѣщеніемъ.

Герцогъ. Онъ сознаетъ, что судья не черезъ-чуръ строго осудилъ его и съ тихой покорностію преклоняется предъ приговоромъ правосудія. Но, подъ вліяніемъ своей

слабости, онъ ласкалъ себя надеждою на помилованіе, которую я мало-по-малу разсѣялъ, и теперь онъ совершенно приготовился къ смерти.

Эскалъ. Вы исполнили вашу обязанность относительно неба и долгъ вашего призванія относительно заключеннаго. Я ходатайствовалъ за бѣднаго юношу до крайнихъ предѣловъ моей воздержности; но собратъ мой такъ строго хранитъ законъ, что принудилъ меня сказать ему, что онъ— олицетворенное правосудіе.

Герцогъ. Если его собственныя дѣянія соотвѣтствуютъ этой строгости, то она прилична ему вполнѣ; но если онъ самъ впадетъ въ проступокъ, то онъ произнесъ свой собственный приговоръ.

Эскалъ. Я иду навѣстить заключеннаго. Прощайте!

Герцогъ. Миръ вамъ!

(Эскалъ и прибосъ уходятъ).

Кому Господь вручилъ небесный мечъ,
Святъ долженъ быть и честь свою беречь;
Примѣръ другимъ, ведя ихъ за собою,
Идти онъ долженъ твердою стопою,
Онъ мѣрить долженъ мѣрою одной—
Какъ ихъ вину, такъ и проступокъ свой.
Позоръ тому, кто смертію караетъ
Порокъ, который самъ въ душѣ питаетъ.
Стыдись, Анджело: ты казнишь порокъ,
Который заглушить въ себѣ не могъ.
Такъ иногда гнѣздится грѣхъ ужасный
Подъ внѣшностію ангельски-прекрасной.
Какъ часто скромный лицемѣрья видъ
Сердца людей обманомъ омрачаетъ,—
И великанъ предъ нимъ не устоитъ,
Когда въ его тенета попадаетъ.
Зло хитростью хочу я превозмочь.
Пусть проведетъ Анджело эту ночь
Съ отверженной невѣстою своею:
Обманъ обманомъ нужно побѣдить
И хитростью заставить передъ нею
Нарушенный союзъ возобновить. (*Уходитъ*).

Нѣмецкій солдатъ (ландскнехтъ) XVI вѣка.
По гравюрѣ того времени.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ домѣ Маріанны.

МАРІАННА *сидитъ*; МАЛЬЧИКЪ *поетъ ея поетъ.*

ПѢСНЯ.

Прочь уста, что такъ коварно
О любви мнѣ говорили,
И глаза, что лучезарно,
Будто звѣзды, мнѣ свѣтили!
Лишь отдайте мнѣ назадъ—
Мнѣ назадъ
Поцѣлуевъ сладкій ядъ—
Сладкій ядъ!

МАРІАННА.

Довольно пѣть; уйди скорѣй отсюда:
Ко мнѣ идетъ мой добрый утѣшитель,
Смиряющій тоску мсей души.
(*Мальчикъ уходитъ*).

Входитъ ГЕРЦОГЪ, *переодѣтый какъ прежде.*

МАРІАННА.

Святой отецъ, простите: я желала бъ,
Чтобъ вы меня застали не за пѣсней.
Повѣрьте мнѣ, она не для веселья,
Она тоскѣ моей лишь вторитъ.

ГЕРЦОГЪ.

И хорошо; хоть часто сила звуковъ
Добро творитъ изъ зла, зло—изъ добра.

Скажите мнѣ, пожалуйста, не спрашивалъ ли кто меня сегодня? Именно въ этотъ часъ я обѣщался быть здѣсь.

МАРІАННА. Васъ никто не спрашивалъ: я цѣлый день сидѣла дома.

ГЕРЦОГЪ. Я вѣрю вамъ; но теперь именно назначенное мною время. Я попрошу васъ уйти на минуту, послѣ чего я опять позову васъ, чтобъ сообщить вамъ нѣчто для васъ пріятное.

МАРІАННА. Я вамъ всѣмъ обязана.

(*Уходитъ*).

Входитъ ИЗАБЕЛЛА.

ГЕРЦОГЪ.

Я радъ вамъ отъ души. Скажите мнѣ,
Что дѣлаетъ достойный нашъ правитель?

ИЗАБЕЛЛА.

Весь садъ его стѣною окруженъ,
А къ западу за нею—виноградникъ;
Въ него ведетъ калитка: отъ нея
Вотъ этотъ ключъ—побольше, а поменьше
Отъ двери въ садъ. Ему я обѣщала
Придти туда сегодня, ровно въ полночь.

ГЕРЦОГЪ.

Но хорошо ль вы знаете дорогу?

МАРІАННА.

Рисунокъ современнаго англійскаго иллюстратора Бэйемъ Шоу (Byam Shaw).

ИЗАБЕЛЛА.

Я въ точности замѣтила ее:
Онъ самъ прошелъ со мной по ней два раза,
Нашептывая мнѣ съ грѣховнымъ жаромъ
Слова любви.

ГЕРЦОГЪ.

А нѣтъ еще условій.
Какія нужно Маріаннѣ знать?

ИЗАБЕЛЛА.

Нѣтъ, никакихъ—одно, что въ темнотѣ
Сойдемся мы... и я ему сказала,
Что мнѣ нельзя съ нимъ долго оставаться,
Что я приду съ служанкой и что ей
Придется ждать меня, предполагая,
Что я пришла для брата.

ГЕРЦОГЪ.

Хорошо;
Но я еще ни слова Маріаннѣ
Не говорилъ объ этомъ. Маріанна!

МАРІАННА *возвращается.*

ГЕРЦОГЪ.

Вотъ познакомьтесь съ этою дѣвицей—
Она пришла помочь вамъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Ей рада отъ души я.

ГЕРЦОГЪ.

Вы вѣрите ль въ мое расположенье?

МАРІАННА.

О, вѣрю: я его ужъ испытала!

ГЕРЦОГЪ.

Тогда возьмите за руку подругу
И слушайте, что скажетъ вамъ она.
Я здѣсь васъ подожду; но поспѣшите:
Сырая ночь готова наступить.

МАРІАННА.

Угодно вамъ со мною погулять?

(*Маріанна и Изабелла уходятъ*).

ГЕРЦОГЪ.

Величіе и власть! Мильоны глазъ
На васъ устремлены; вслѣдъ вашихъ дѣлъ
Несется гулъ ничтожной болтовни,
Исполненной противорѣчій ложныхъ,
И тысячи язвительныхъ насмѣшекъ
Васъ дѣлаютъ творцами сновъ своихъ,
Безсмысленныхъ и пошлыхъ, истязая
Васъ до конца въ фантазіи своей.

МАРІАННА *и* ИЗАБЕЛЛА *возвращаются.*

ГЕРЦОГЪ.

А, вы пришли! Ну что—вы сговорились?

ИЗАБЕЛЛА.

Она рѣшилась, если только вы
Одобрите.

ГЕРЦОГЪ.

Не только одобряю,
Но требую, чтобъ вы на то рѣшились.

ИЗАБЕЛЛА.

Вамъ говорить придется очень мало;
Лишь, уходя, ему скажите тихо:
„О братѣ не забудьте!“

МАРІАННА.

О, не бойтесь!

ГЕРЦОГЪ.

И вы не бойтесь, дочь моя. Анджело
По данному обѣту—вамъ супругъ:
Васъ съ нимъ свести не будетъ прегрѣшеньемъ,
Затѣмъ что ваше право на него
Обманъ и ложь во благо обращаетъ.
Идемъ: кто хочетъ жать, тотъ засѣваетъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Комната въ тюрьмѣ.

Входятъ ПРОФОСЪ *и* ШУТЪ.

ПРОФОСЪ. Поди-ка сюда, пріятель; сможешь ли ты отрубить человѣку голову?

ШУТЪ. Если онъ холостой, то смогу, сударь; но если женатый, то онъ глава своей жены, а я рѣшительно не въ силахъ отрубить женскую голову.

ПРОФОСЪ. Послушай, пріятель, оставь эти глупости и отвѣчай прямо. Завтра утромъ Клавдіо и Бернардинъ должны умереть; а у насъ въ тюрьмѣ только одинъ палачъ, которому при исполненіи его дѣла нуженъ помощникъ. Если ты хочешь взять эту должность на себя, то съ тебя снимутъ оковы; если же нѣтъ, то высидишь въ тюрьмѣ полное число лѣтъ, а при выпускѣ будешь безпощадно высѣченъ, потому что ты былъ самымъ закоснѣлымъ сводникомъ.

ШУТЪ. Я съ незапамятныхъ временъ былъ беззаконнымъ сводникомъ, синьоръ, но теперь я готовъ сдѣлаться законнымъ палачемъ. Мнѣ будетъ очень пріятно получить нѣкоторыя указанія отъ моего собрата.

ПРОФОСЪ. Эй, Мерзило! гдѣ ты, Мерзило?

Входитъ МЕРЗИЛО.

МЕРЗИЛО. Вы звали меня, синьоръ?

ПРОФОСЪ. Вотъ этотъ человѣкъ будетъ тебѣ помощникомъ при завтрашней казни. Если онъ для тебя годится, то найми его на годъ и оставь его здѣсь; если же нѣтъ, то воспользуйся его услугой на этотъ разъ.

а потомъ отпусти его. Ему нечего гордиться передъ тобою: онъ былъ сводникомъ.

Мерзило. Какъ—сводникомъ? Тьфу! онъ безчеститъ наше искусство.

Профосъ. Э, полно! вы стоите одинъ другого: неизвѣстно еще, кто кого перетянетъ. (*Уходитъ*)

Шутъ. Я надѣюсь, что вы для меня сдѣлаете исключеніе. Вы, кажется, человѣкъ хорошій, хотя и смотрите висѣльникомъ. Такъ вы называете свое ремесло искусствомъ?

Мерзило. Да, сударь, искусствомъ.

Шутъ. Я слыхалъ, что и живопись есть искусство; а такъ какъ дѣвицы, которымъ я служилъ, также занимались живописью, то и мое ремесло можно назвать искусствомъ. Но какъ можно назвать искусствомъ вѣшанье людей—этого, хоть повѣсьте меня, я не могу понять.

Мерзило. Я говорю, сударь, что это искусство.

Шутъ. А доказательства?

Мерзило. Платье каждаго честнаго человѣка придется впору всякому вору.

Шутъ. Конечно, если платье и галстукъ будутъ для вора нѣсколько тѣсненьки, то честный человѣкъ найдетъ ихъ достаточно широкими; а если вашъ воръ найдетъ ихъ слишкомъ широкими, то честному человѣку они покажутся довольно тѣсными. На этомъ основаніи платье честнаго человѣка будетъ впору для вора.

(Профосъ *возвращается*).

Профосъ. Ну, сговорились ли вы?

Шутъ. Я готовъ служить ему, ваша милость, потому что вижу, что ремесло палача гораздо окаяннѣе, чѣмъ ремесло сводника: ему чаще приходится приносить покаяніе.

Профосъ. Ну, такъ приготовьте топоръ и плаху къ четыремъ часамъ утра.

Мерзило. Ну, пойдемъ, сводникъ: я научу тебя моему ремеслу; ступай за мною.

Шутъ. Мнѣ самому хочется поскорѣе научиться ему, и я надѣюсь, что если вамъ представится случай испытать на себѣ мое искусство, то вы увидите какой я расторопный. Вы, право, такъ добры ко мнѣ, что я желалъ бы самъ услужить вамъ чѣмъ-нибудь.

Профосъ. Позовите сюда Бернардина и Клавдіо. (*Мерзило и Шутъ уходятъ*).
Его мнѣ жаль; но Бернардинъ—убійца;
Будь онъ мнѣ братъ—его бъ я осудилъ.

МЕРЗИЛО, ШУТЪ и ПРОФОСЪ
(Дѣйств. IV, сц. 2).
Картина Роберта Смирка (Robert Smirke, R. A.). Малая Бойделовская галлерея.

Входитъ Клавдіо.

Профосъ.

Вотъ, Клавдіо, твой приговоръ—прочти.
Теперь ужъ полночь; завтра рано утромъ
Ты въ вѣчность перейдешь. Гдѣ Бернардинъ?

Клавдіо.

Онъ спитъ теперь такъ крѣпко, точно путникъ,
Уставши отъ трудовъ своихъ невинныхъ!
Его не добудились.

Профосъ.

Не спасетъ
Его никто. Ступайте приготовьтесь.
(*Слышенъ стукъ въ двери*).
Что тамъ за шумъ? Да укрѣпитъ васъ Богъ!
(*Клавдіо уходитъ. Стукъ повторяется*).
Иду! иду! Быть можетъ, это вѣстникъ
Помилованья иль отсрочка казни
Для Клавдіо.

Входитъ ГЕРЦОГЪ, *переодѣтый какъ прежде.*

ПРОФОСЪ.

А, здравствуйте, отецъ мой!

ГЕРЦОГЪ.

Да окружатъ васъ духи мирной ночи,
Мой добрый профосъ! Не былъ здѣсь никто?

ПРОФОСЪ.

Никто съ тѣхъ поръ, какъ пробилъ часъ вечерній.

ГЕРЦОГЪ.

А Изабелла?

ПРОФОСЪ.

Нѣтъ.

ГЕРЦОГЪ.

Ну, такъ придетъ.

ПРОФОСЪ.

Что жъ, есть надежда?

ГЕРЦОГЪ.

Да, отчасти есть.

ПРОФОСЪ.

О, нашъ намѣстникъ—строгій судія.

ГЕРЦОГЪ.

О, нѣтъ, не то! Онъ строго соблюдаетъ
Тѣ правила, какія долгъ велитъ.
Въ себѣ самомъ, въ священномъ воздержаньи,
Онъ заглушаетъ то, что власть его
Преслѣдуетъ въ другихъ. Когда бы онъ
Былъ самъ въ томъ небезгрѣшенъ, что караетъ,
То былъ бы онъ тираномъ; но теперь
Онъ правосуденъ. А, вотъ и они.

(*Стучатся. Профосъ уходитъ*).

Онъ очень добръ. Такую мягкость рѣдко
Встрѣчаемъ мы въ тюремщикахъ суровыхъ.

(*Снова стучатся*).

Что тамъ за стукъ? знать, это спѣшный гость,
Когда онъ такъ въ нѣмую дверь стучится.

ПРОФОСЪ *возвращается, разговаривая съ кѣмъ-то за дверью.*

ПРОФОСЪ.

Пусть подождетъ: сейчасъ придетъ привратникъ
И отопретъ—ужъ я ему сказалъ.

ГЕРЦОГЪ.

Что, нѣтъ еще отмѣны приговора,
И завтра будетъ казнь?

ПРОФОСЪ.

Отмѣны нѣтъ.

ГЕРЦОГЪ.

Хотя ужъ недалеко до разсвѣта,
Но я надѣюсь, все-таки, что утромъ
Желанную получите вы вѣсть.

ПРОФОСЪ.

Быть можетъ, вамъ извѣстно что-нибудь;
Но я боюсь—пощады тутъ не будетъ.
Такихъ примѣровъ не было. Притомъ
Правитель самъ противное тому
Съ судейскихъ креселъ объявилъ народу.

Входитъ ГОНЕЦЪ.

ПРОФОСЪ. А, вотъ и посланный отъ правителя.

ГЕРЦОГЪ. Онъ, вѣроятно, принесъ помилованіе Клавдіо.

ГОНЕЦЪ. Мой господинъ посылаетъ вамъ эту бумагу и, сверхъ того, велѣлъ мнѣ изустно объявить вамъ, чтобъ вы ни въ одномъ пунктѣ не уклонялись отъ его предписанія относительно предмета, времени и другихъ подробностей этихъ инструкцій. Затѣмъ желаю вамъ добраго утра, потому что, кажется, уже разсвѣтаетъ.

ПРОФОСЪ. Все будетъ исполнено.

(*Гонецъ уходитъ*).

ГЕРЦОГЪ (*про себя*).

Его пощада куплена грѣхомъ,
Которымъ самъ правитель зараженъ.
Порокъ и зло тамъ больше процвѣтаетъ,
Гдѣ власть ему защиту предлагаетъ—
И милость будетъ преступленьемъ тамъ,
Гдѣ, ради грѣшника, прощается грѣхамъ.
(*Громко*). Ну, что онъ пишетъ вамъ?

ПРОФОСЪ. То, что я вамъ говорилъ. Графъ Анджело, опасаясь, что я не буду совершенно точенъ въ исполненіи моей обязанности, напоминаетъ ее мнѣ этимъ подтвержденіемъ. Мнѣ кажется это очень страннымъ, потому что прежде этого не бывало.

ГЕРЦОГЪ. Прочтите, пожалуйста, что онъ вамъ пишетъ.

ПРОФОСЪ (*читаетъ*). „Какое бы ни получили вы приказаніе, противуположное этому, Клавдіо долженъ быть казненъ въ четыре часа, а Бернардинъ послѣ полудня. Для лучшаго удостовѣренія, пришлите мнѣ голову Клавдіо въ пять часовъ. Исполните

это въ точности и помните, что это дѣло важнѣе, чѣмъ вы предполагаете. Не отступайте ни на шагъ отъ исполненія своей обязанности, иначе подвергнетесь строгой отвѣтственности". Что вы на это скажете?

Герцогъ. Кто этотъ Бернардинъ, который долженъ быть казненъ послѣ полудня?

Профосъ. Онъ родомъ цыганъ, но выросъ и воспитанъ здѣсь. Онъ ужъ девять лѣтъ сидитъ у насъ.

Герцогъ. Какъ же это случилось, что отсутствующій герцогъ не велѣлъ освободить его или казнить? Я слышалъ, что онъ обыкновенно такъ поступалъ.

Профосъ. Его друзья постоянно выпрашивали ему отсрочки, да и преступленіе его вполнѣ было доказано только въ правленіе графа Анджело.

Герцогъ. Такъ оно доказано?

Профосъ. Совершенно и, притомъ, онъ самъ сознался.

Герцогъ. А выказалъ ли онъ раскаяніе? тронутъ ли онъ?

Профосъ. Это такой человѣкъ, для котораго смерть не страшнѣе похмѣлья; онъ равнодушенъ, беззаботенъ и безстрашенъ къ прошедшему, настоящему и будущему; онъ не боится смерти, и самъ закоренѣлый убійца.

Герцогъ. Значитъ, онъ нуждается въ назиданіяхъ.

Профосъ. Онъ не станетъ ихъ слушать. Онъ пользовался здѣсь всегда большою свободою, и если бы ему дали возможность убѣжать отсюда, то онъ бы ею не воспользовался. Онъ напивается по нѣсколько разъ въ день и на нѣсколько дней сряду. Мы часто будили его какъ будто затѣмъ, чтобы вести на казнь, и показывали ему при этомъ мнимое предписаніе; но это не производило на него ни малѣйшаго впечатлѣнія.

Герцогъ. Ну, мы поговоримъ о немъ послѣ. Лицо ваше, почтенный профосъ, выражаетъ честность и рѣшимость; если же я ошибся, то меня обманула моя многолѣтняя опытность. Но, полагаясь на мое мнѣніе о васъ, я рѣшаюсь вамъ высказаться. Клавдіо, о казни котораго вы получили приказъ, не болѣе достоинъ ея, чѣмъ самъ Анджело, который осудилъ его. Чтобъ представить вамъ на это очевидныя доказательства, достаточно будетъ четырехдневной отсрочки; между тѣмъ вы должны оказать мнѣ немедленную и рискованную услугу.

Профосъ. Въ чемъ же состоитъ она, почтенный отецъ?

Герцогъ. Въ отсрочкѣ его казни.

Профосъ. Ахъ, могу ли я это сдѣлать, когда мнѣ назначенъ даже часъ казни и присланъ положительный приказъ, подъ страхомъ собственной смерти, послать къ Анджело голову Клавдіо? Если я хоть сколько-нибудь уклонюсь отъ этихъ приказаній, то подвергнусь участи самого Клавдіо.

Герцогъ. Клянусь вамъ обѣтами моего ордена, я охраню васъ отъ всякой непріятности, если вы послѣдуете моему указанію. Велите прежде казнить этого Бернардина и отошлите къ Анджело его голову.

Профосъ. Анджело видѣлъ ихъ обоихъ и узнаетъ его въ лицо.

Герцогъ. О, смерть великая мастерица все измѣнять—и она вамъ въ этомъ поможетъ. Обрѣйте ему голову, подстригите бороду и скажите, что раскаявшійся грѣшникъ самъ передъ смертью пожелалъ этого; вы же знаете, что подобные случаи часто бываютъ. Если вы за это не получите благодарности, то, клянусь святымъ угодникомъ, которому я посвятилъ себя, я защищу васъ, хотя бы съ опасностью моей собственной жизни.

Профосъ. Простите меня, святой отецъ, но это будетъ противно моей присягѣ.

Герцогъ. Кому присягали вы—герцогу или его намѣстнику?

Профосъ. Герцогу и его намѣстнику.

Герцогъ. Но вы вѣрно не будете думать, что совершили проступокъ, если самъ герцогъ одобритъ ваше дѣло?

Профосъ. Но есть ли тутъ какое-нибудь вѣроятіе?

Герцогъ. Не только вѣроятіе, но увѣренность. Но если вы такъ робки, что ни мое монашеское платье, ни образъ моихъ мыслей, ни мои убѣжденія не могутъ разсѣять вашихъ опасеній, то я долженъ идти дальше, чѣмъ предполагалъ. Взгляните, другъ мой: вотъ подпись герцога и его печать. Вы, безъ сомнѣнія, знаете его руку, а также и печать его вамъ не безызвѣстна.

Профосъ. Я знаю то и другое.

Герцогъ. Письмо это извѣщаетъ о возвращеніи герцога. Прочтите его—и вы увидите, что черезъ два дня герцогъ возвратится. Это обстоятельство не извѣстно намѣстнику, потому что еще сегодня получилъ онъ письмо весьма страннаго содержанія: быть можетъ, герцогъ умеръ, быть можетъ, пошелъ въ монастырь; но ни

слова о томъ, что говорится здѣсь. Взгляните—утренняя звѣзда ободряетъ пастыря. Не удивляйтесь этому сочетанію. Всѣ затрудненія дѣлаются легкими, когда ихъ изучишь ближе. Позовите вашихъ палачей—и пусть падетъ голова Бернардина. Я сейчасъ его исповѣдаю и приготовлю къ лучшей жизни. Я вижу, вы еще все удивлены; но это *(указывая на бумагу)* должно побудить васъ къ полной рѣшимости. Пойдемте: ужъ почти разсвѣло.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Другая комната.

Входитъ Шутъ.

Шутъ. Я здѣсь такъ освоился—точно дома. Право, можно подумать, что живешь въ собственномъ домѣ госпожи Переспѣлы, такъ много встрѣтилъ я здѣсь ея старыхъ знакомыхъ. Во-первыхъ, тутъ молодой господинъ, по имени Прыткій; сидитъ онъ здѣсь за грузъ сѣрой бумаги и стараго имбирю, всего—на сто девяносто семь фунтовъ, за которые онъ выручилъ чистыми деньгами пять марокъ; разумѣется оттого, что имбирь мало спрашивали, а старухи, вѣроятно, всѣ перемерли. Потомъ господинъ Скокъ, котораго засадилъ сюда торговецъ шелковыхъ товаровъ Трехволосый: за три или четыре куска чернаго атласа онъ очернилъ его въ глазахъ всего общества. Есть тутъ у насъ и молодой господинъ Вѣтрогонъ, и молодой Обругай, и господинъ Мѣдная-Шпора, и господинъ Голодай, человѣкъ шпаги и кинжала, и молодой господинъ Прощалыга, который убилъ веселаго Пуддинга, и господинъ Рубаколъ, буянъ и рубака, и щеголеватый господинъ Штрипка, который много путешествовалъ, и взбалмошный Полуштофъ, который избилъ Кружку, и еще—я думаю—до сорока другихъ. Все это славные ребята и нашего поля ягода. И вотъ на нихъ-то сошло теперь Божіе попущеніе.

Входитъ Мерзило.

Мерзило. Эй, ты! Приведи сюда Бернардина!

Шутъ. Другъ Бернардинъ, встань-ка и дай себя повѣсить! Другъ Бернардинъ!

Мерзило. Эй, Бернардинъ!

Бернардинъ *(за сценой)*. О, раздуй васъ горой! Что вы тамъ кричите? Кто вы такіе?

Шутъ. Твои хорошіе друзья—палачи. Сдѣлай одолженіе, встань и позволь себя казнить.

Бернардинъ *(за сценой)*. Убирайтесь къ чорту, негодяи! Прочь, говорятъ вамъ! Я спать хочу.

Мерзило. Скажи ему, чтобъ онъ вставалъ, да поскорѣе.

Шутъ. Сдѣлайте милость, господинъ Бернардинъ, проснитесь; позвольте намъ только казнить васъ, а потомъ вы опять можете уснуть.

Мерзило. Поди и приведи его сюда.

Шутъ. Онъ ужъ идетъ: я слышу, какъ зашумѣла его солома.

Мерзило. Ну, а топоръ на плахѣ?

Шутъ. Все въ исправности.

Входитъ Бернардинъ.

Бернардинъ. Ну, Мерзило, что у васъ тутъ такое?

Мерзило. А вотъ что, пріятель: бормочи-ка свою молитву, потому что, видишь ли, твой приговоръ ужъ полученъ.

Бернардинъ. Ахъ, вы подлецы этакіе? Да я всю ночь пропьянствовалъ и еще не приготовился.

Шутъ. Тѣмъ лучше: если онъ цѣлую ночь пропьянствовалъ и его утромъ повѣсятъ, то ему останется цѣлый день, чтобъ выспаться.

Входитъ герцогъ, *переодѣтый монахомъ, какъ прежде.*

Мерзило. Ну, вотъ тебѣ и духовникъ. Не думаешь ли ты, что съ тобою шутятъ? а?

Герцогъ. Другъ мой, я слышалъ, что ты скоро долженъ покинуть свѣтъ и по долгу христіанской любви пришелъ тебя наставить, утѣшить и помолиться вмѣстѣ съ тобою.

Бернардинъ. Это пустое дѣло, монахъ. Я всю ночь лихо пропьянствовалъ, и пусть вышибутъ они у меня мозгъ изъ головы, если мнѣ не нужно дать время, чтобъ опомниться. Я не позволю сегодня казнить себя—и баста.

Герцогъ. О, другъ мой—это неизбѣжно! Поэтому я прошу тебя обратить вниманіе на путь, который предстоитъ тебѣ.

Бернардинъ. А я клянусь, что никто въ мірѣ не заставитъ меня сегодня умереть.

Герцогъ. Но, послушай...

Бернардинъ. Ни слова! Если вамъ нужно что сказать мнѣ, то приходите въ мою каморку, а я сегодня ни шагу изъ нея не сдѣлаю. *(Уходитъ).*

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ ВЪ АВСТРІИ XV—XVI ВѢКОВЪ.

Изъ Weisskunig'a —собранія гравюръ знаменитаго нѣмецкаго художника Ганса Буркмайера (Hans Burgkmair, 1473—1531), иллюстрирующихъ жизнь императора Максимиліана I.

Герцогъ.

О, дерзкій умъ! о каменное сердце!
Ни къ жизни онъ, ни къ смерти не готовъ.
Такъ взять его и отвести на плаху!

(*Мерзило и Шутъ уходятъ*).

Входитъ ПРОФОСЪ.

Профосъ.

Какъ вы нашли преступника, отецъ мой?

Герцогъ.

Онъ закоснѣлъ, не приготовленъ къ смерти;
Казнить его въ такомъ ожесточеньи
Преступно и грѣшно.

Профосъ.

У насъ въ тюрьмѣ
Сегодня утромъ умеръ отъ горячки,
Извѣстный всѣмъ, разбойникъ Рагозино.
Онъ съ Клавдіо ровесникъ; цвѣтъ волосъ
У нихъ обоихъ сходенъ совершенно.
Что, если мы дадимъ убійцѣ время
Покаяться, правителю жъ представимъ
Для увѣренья голову пирата,
Который такъ на Клавдіо похожъ?

Герцогъ.

Вотъ это случай, посланный намъ небомъ!
Воспользуемся имъ—ужъ близокъ часъ.
Вы въ точности исполните приказъ
Правителя—пока я увѣщаньемъ
Преступника подвигну къ покаянью.

Профосъ.

Исполню все, отецъ достопочтенный.
Сегодня онъ предъ вечеромъ умретъ.
Но что намъ дѣлать съ Клавдіо, отецъ?
Какъ отъ меня опасность устранить,
Когда провѣдаютъ, что онъ не умеръ?

Герцогъ.

А вотъ что сдѣлайте: пусть Бернардинъ
И Клавдіо сидятъ въ тюрьмѣ секретной—
И, прежде чѣмъ взойдетъ два раза солнце,
Привѣтствуя природу, безопасны
Вы будете вполнѣ.

ПРОФОСЪ.

Исполню все,
По вашему совѣту.

ГЕРЦОГЪ.

Поспѣшите-жъ
Вы голову къ намѣстнику послать.

(*Профосъ уходитъ*).

Теперь письмо я напишу къ Анджело—
Его снесетъ тюремщикъ—и въ письмѣ
Я извѣщу его, что возвращаюсь
И по причинамъ важнымъ долженъ въ городъ
Торжественно вступить. Я предложу
Ему, чтобъ онъ ко мнѣ на встрѣчу вышелъ
Къ священному источнику, въ двухъ миляхъ
Отъ города—и тамъ, спокойно взвѣсивъ
Все на вѣсахъ, я поступлю съ Анджело,
Какъ онъ того окажется достоинъ.

ПРОФОСЪ *возвращается съ головой Раюзино.*

ПРОФОСЪ.

Вотъ голова; я самъ ее снесу.

ГЕРЦОГЪ.

Оно и лучше; только возвратитесь
Скорѣй: мнѣ нужно вамъ открыть, чего
Другимъ не должно знать.

ПРОФОСЪ.

Я поспѣшу. (*Уходитъ*).

ИЗАБЕЛЛА (*за сценой*).

Да будетъ миръ надъ вами! Отворите!

ГЕРЦОГЪ.

А! голосъ Изабеллы? Такъ! Она
Пришла узнать, дана ль пощада брату?
Я не скажу ей о его спасеньи,
Чтобъ къ радости небесной отъ печали,
Лишась надежды, перешла она.

Входитъ ИЗАБЕЛЛА.

ИЗАБЕЛЛА.

Могу ль войти?

ГЕРЦОГЪ.

Привѣтствую тебя,
Прелестное и скромное дитя!

ИЗАБЕЛЛА.

Такой привѣтъ изъ устъ святыхъ мнѣ дорогъ.
Освобожденъ ли братъ мой изъ темницы?

ГЕРЦОГЪ.

Освобожденъ отъ міра онъ навѣкъ,
И голова отнесена къ Анджело.

ИЗАБЕЛЛА.

О! нѣтъ! не можетъ быть!

ГЕРЦОГЪ.

Да, это правда.
О, дочь моя, умѣй быть твердой въ горѣ!

ИЗАБЕЛЛА

Я у него глаза готова вырвать!
Иду къ нему!

ГЕРЦОГЪ.

Увы, васъ не допустятъ!

ИЗАБЕЛЛА.

О, бѣдный братъ! О, горе, горе мнѣ!
О, лживый міръ! Анджело, будь ты проклятъ!

ГЕРЦОГЪ.

Ты этимъ ни вреда ему, ни пользы
Себѣ не принесешь. Такъ успокойся
И предоставь всѣ дѣло небесамъ.
О, дочь моя, замѣть, что я скажу—
И въ каждомъ словѣ правду ты услышишь.
Заутра герцогъ долженъ возвратиться...
Дитя мое, ну перестань же плакать!
Одинъ монахъ, его отецъ духовный,
Мнѣ сообщилъ объ этомъ, и немедля
Далъ знать о томъ Анджело и Эскалу,
Которые къ нему на встрѣчу выйдутъ
И сложатъ власть. Такъ если ты желаешь
Послѣдовать совѣту моему,
То отомстишь коварному злодѣю,
Пріобрѣтешь всеобщую хвалу
И милость государя.

ИЗАБЕЛЛА.

Я готова.

ГЕРЦОГЪ.

Возьми письмо и передай его
Отцу Петру—письмо, въ которомъ онъ
О возвращеньи герцога мнѣ пишетъ.
Вручивъ его, ты передай ему,
Чтобъ нынче въ ночь пришелъ онъ къ Маріаннѣ.
Я счастіе ея, какъ и твое,
Вручу ему. Онъ герцогу представитъ
Обѣихъ васъ; тогда предъ нимъ Анджело
Вы гласно обличите. Я же, бѣдный,
Моимъ обѣтомъ связанъ и при васъ
Быть не могу. Такъ отнеси письмо;
Забудь печаль и слезы осуши;
Вѣрь ордену святому моему,
Что я тебѣ совѣтую на благо.
Кто тамъ стучится?

Входитъ Луцiо.

Луцiо.

Добрый вечеръ!
Монахъ, не здѣсь ли профосъ?

Герцогъ.

Нѣтъ, не здѣсь.

Луцiо. О, прелестная Изабелла! у меня сжимается сердце при видѣ твоихъ покраснѣвшихъ глазъ; но должно вооружиться терпѣніемъ. И я долженъ покориться своей участи: довольствоваться за обѣдомъ и ужиномъ только хлѣбомъ и водою. Мнѣ мила голова моя—и я не смѣю наполнять моего брюха: лишь одинъ хорошій обѣдъ—и я пропалъ. Но, говорятъ, завтра долженъ пріѣхать герцогъ. Клянусь душою, Изабелла, я люблю твоего брата: если бы этотъ фантазеръ-герцогъ сидѣлъ дома, то Клавдіо былъ бы живехонекъ.

(*Изабелла уходитъ*).

Герцогъ. Послушайте, синьоръ: герцогъ не будетъ вамъ благодаренъ за ваши отзывы о немъ; къ счастію, въ нихъ нѣтъ ни слова правды.

Луцiо. Монахъ, ты не знаешь такъ хорошо герцога, какъ я: онъ такой разбитной малый, что ты и не воображаешь.

Герцогъ. Ну, вы когда-нибудь за это отвѣтите. Прощайте!

Луцiо. Нѣтъ, подожди немного: я пойду съ тобою и разскажу тебѣ славныя исторійки про герцога.

Герцогъ. Вы ужъ и такъ мнѣ слишкомъ много ихъ разсказали, если только онѣ справедливы; а если нѣтъ, то и одной слишкомъ много.

Луцiо. Разъ потребовали меня къ нему за то, что одна дѣвушка отъ меня забеременѣла.

Герцогъ. Такъ и вы провинились въ этомъ?

Луцiо. Ну, да; только я клятвенно отрекся отъ этого; не то мнѣ пришлось бы жениться на этой протухшей невинности.

Герцогъ. Синьоръ, ваша бесѣда болѣе занимательна, чѣмъ прилична. Прощайте!

Луцiо. Я провожу тебя до конца улицы. Если эти исторійки тебѣ не по вкусу, то мы оставимъ ихъ въ покоѣ. Да, монахъ, я нѣчто въ родѣ репейника, который ко всему прицѣпляется. (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Комната въ домѣ Анджело.

Входитъ Анджело *и* Эскалъ.

Эскалъ. Каждое письмо, которое онъ пишетъ, противорѣчитъ предыдущему.

Анджело. Самымъ страннымъ и безсвязнымъ образомъ. Всѣ его поступки почти похожи на помѣшательство. Дай Богъ, чтобъ умъ его не потерпѣлъ поврежденія! И зачѣмъ это должны мы выдти къ нему на встрѣчу за ворота и тамъ сложить съ себя наши обязанности?

Эскалъ. Я самъ не могу этого понять.

Анджело. И зачѣмъ должны мы объявить теперь народу, что если кто имѣетъ причины жаловаться на несправедливость, тотъ можетъ исполнить это на улицѣ?

Эскалъ. На это есть причина: онъ хочетъ за одинъ разъ порѣшить всѣ жалобы, чтобъ обезопасить насъ на будущее время отъ всякихъ обвиненій, которыя тогда потеряютъ относительно насъ свою силу.

Анджело.

Прекрасно, пусть объявятъ это всѣмъ.
Я завтра утромъ къ вамъ зайду. Велите
Дать также знать вельможамъ, чтобъ они
Имѣли время встрѣтить государя.

Эскалъ.

Исполню все. Прощайте!

Анджело.

Доброй ночи!

(*Эскалъ уходитъ*).

Я такъ смущенъ всѣмъ этимъ, что не знаю
Какъ поступить. Растлѣніе дѣвицы!
И кѣмъ же? Тѣмъ, кто самъ за это къ казни
Приговорилъ виновнаго. Когда бъ
Стыдливость ей открыть не запрещала
Позора своего—о, какъ ужасно
Она меня могла бы обличить!
Но нѣтъ—она на это не рѣшится:
Мой санъ и власть довѣріемъ такимъ
Облечены, что если бы дерзнулъ
Хулитель ихъ коснуться, онъ погибъ бы.
А Клавдіо, пожалуй, могъ бы жить,
Когда бъ не опасенье, что горячность
Кипящей въ жилахъ крови молодой
Отмстить его современемъ заставитъ
За то, что жизнь позорная его
Искуплена была такимъ позоромъ.
А все бы лучше, если бы онъ жилъ!
Ахъ, если въ насъ погаснетъ чести свѣтъ—
Все не по насъ: то мы хотимъ, то нѣтъ!

(*Уходитъ*).

НѢМЕЦКІЙ СОЛДАТЪ XV—XVI В.
(*По гравюрѣ того времени*).

СЦЕНА V.

Открытое мѣсто за городомъ.

Входятъ ГЕРЦОГЪ. *въ собственномъ одѣяніи, и* БРАТЪ ПЕТРЪ.

ГЕРЦОГЪ (*отдавая ему письма*).

Подай ихъ мнѣ въ назначенное время;
Тюремщику извѣстенъ нашъ проектъ.
Все начато, лишь слѣдуй указаньямъ
И, къ общей цѣли съ твердостью иди,
Хотя порой пришлось бы уклониться
И на окольный путь. Сперва ступай
Ты къ Флавіо—скажи ему, гдѣ я;
Потомъ Роланда, Красса, Валентина
О томъ же извѣсти—и пусть они
Къ воротамъ вышлютъ трубачей; но прежде
Ко мнѣ сюда ты Флавія пришли.

БРАТЪ ПЕТРЪ.

Немедленно я все исполню, герцогъ.

(*Уходитъ*).

Входитъ ВАРРІЙ.

ГЕРЦОГЪ.

Благодарю тебя, любезный Варрій,
Что ты такъ поспѣшилъ. Пойдемъ со мной:
Мои друзья меня ужъ ожидаютъ. (*Уходятъ*.)

СЦЕНА VI.

Улица у городскихъ воротъ.

Входятъ ИЗАБЕЛЛА *и* МАРІАННА.

ИЗАБЕЛЛА.

Мнѣ тяжело неправду говорить —
Я прямо бы охотнѣй обличила:
Но это ваше дѣло. Я же тутъ
Такъ дѣйствовать должна для нашей пользы,
Какъ онъ сказалъ.

МАРІАННА.

Послушайтесь его.

ИЗАБЕЛЛА.

Притомъ же онъ меня предупредилъ,
Чтобъ не дивилась я, когда онъ скажетъ
Противъ меня за моего врага:
Что это хоть и горькое лѣкарство,
За то цѣлебное.

МАРІАННА.

Когда бы только
Пришелъ братъ Петръ.

ИЗАБЕЛЛА.

Молчите—онъ идетъ.

Входитъ БРАТЪ ПЕТРЪ.

БРАТЪ ПЕТРЪ.

Пойдемте: я удобное мѣстечко
Нашелъ для васъ, гдѣ герцогъ васъ замѣтитъ.
Ужъ трубачи два раза прóтрубили;
Всѣ нобили и власти городскія
Собрались у воротъ: сію минуту
Въ нихъ вступитъ герцогъ. Поспѣшимъ на встрѣчу.

(*Уходятъ*).

У ГОРОДСКИХЪ ВОРОТЪ СТАРОЙ ВѢНЫ.
Изъ изданія Найта.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Площадь близъ городскихъ воротъ.

МАРІАННА, *закрытая покрываломъ*. ИЗАБЕЛЛА *и* БРАТЪ ПЕТРЪ *стоятъ въ отдаленіи. Съ одной стороны входятъ* ГЕРЦОГЪ, ВАРРІЙ *и придворные, съ другой*—АНДЖЕЛО, ЭСКАЛЪ, ЛУЦІО, ПРОФОСЪ, *стража и граждане.*

ГЕРЦОГЪ.

Привѣтствую тебя, достойный братъ мой!
Мой старый другъ, я радъ тебя увидѣть!

АНДЖЕЛО *и* ЭСКАЛЪ.

Съ счастливымъ возвращеньемъ, ваша
свѣтлость!

ГЕРЦОГЪ.

Обоимъ вамъ сердечное спасибо!
Мы отовсюду слышали о васъ
Хорошее за ваше управленье
И, прежде чѣмъ васъ наградимъ достойно
Приносимъ вамъ публично благодарность.

АНДЖЕЛО.

Тѣмъ болѣе обязаны мы вамъ.

ГЕРЦОГЪ.

Заслуги ваши громки, и я былъ бы
Несправедливъ, когда бы ихъ сокрылъ
Въ моей груди въ безмолвномъ заключеньи,
Тогда-какъ имъ всего приличнѣй было бъ
Сіять въ мѣди на память временамъ.
Подайте ваши руки: пусть народъ
Изъ внѣшняго привѣта вамъ увидитъ
Всю теплоту любви моей. Эскалъ,
Стань близъ меня, вотъ здѣсь. Вы оба мнѣ
Надежная опора.

(Братъ Петръ и Изабелла подходятъ).

БРАТЪ ПЕТРЪ.

Ну, пора!
Падите на колѣна и молите!

ИЗАБЕЛЛА.

О, государь! молю о правосудьи!

Склоните взоръ къ лишенной чести... дѣвѣ,
Хотѣла бъ я сказать—но не могу.
О, герцогъ благородный, не позорьте
Своихъ очей, взирая на другое,
Пока правдивой жалобы моей
Не примете! Молю о правосудьи!

Герцогъ.

Кто оскорбилъ васъ? говорите прямо.
Вотъ графъ Анджело—онъ разсудитъ васъ,
Ему все объясните.

Изабелла.

Государь,
Вы дьяволу велите мнѣ молиться!
Нѣтъ, выслушайте сами, потому
Что за мои слова я наказанье
Нести должна, коль въ нихъ не будетъ правды;
Не-то—отмщенья требуютъ они.
О, выслушайте здѣсь меня, теперь же!

Анджело.

О, государь, она повреждена:
Она просила о пощадѣ брата,
Который былъ казненъ по приговору
Правдиваго суда.

Изабелла.

Правдиваго суда?

Анджело.

Затѣмъ и рѣчь ея жестка, странна.

Изабелла.

Да, рѣчь моя странна—зато правдива.
Я громко объявляю, что Анджело
Клятвопреступникъ. О, какъ это странно!
Что онъ убійца—это тоже странно;
Что онъ—растлитель дѣвъ, прелюбодѣй,
Ханжа: вѣдь это странно?

Герцогъ.

Очень странно!

Изабелла.

Но такъ же справедливо, какъ и то,
Что онъ—Анджело; хоть и странно это,
Но справедливо. Правда любитъ правду,
И правдою останется всегда!

Герцогъ.

Возьмите прочь несчастную: увы,
Въ ней говоритъ разстроенный разсудокъ!

Изабелла.

О, государь, молю, коль вѣришь ты,
Что есть для насъ другой міръ утѣшеній,
Не отвергай меня, воображая,
Что будто я помѣшана! Не дѣлай
То невозможнымъ, что на этотъ разъ
Лишь кажется тебѣ невѣроятнымъ!
Презрѣннѣйшій злодѣй изъ всѣхъ на свѣтѣ
Казаться можетъ скромнымъ, честнымъ, строгимъ,
Какъ графъ Анджело: такъ и графъ Анджело
При всемъ величьи, санѣ и почетѣ,
Быть подлецомъ, О, вѣрь мнѣ, государь:
Не будь онъ имъ, то былъ бы онъ ничѣмъ!
Онъ больше, чѣмъ подлецъ—и я не знаю,
Какъ мнѣ его приличнѣе назвать!

Герцогъ.

Клянуся честью, ежели она
Помѣшана—какъ я и полагаю—
То здравый смыслъ въ ея бузумствѣ виденъ:
У ней въ словахъ такая связь, какой
Я не встрѣчалъ въ безумныхъ.

Изабелла.

Государь,
Брось эту мысль; не отвергай разсудка
Въ словахъ невѣроятныхъ; призови
Свой собственный разсудокъ вызвать правду,
Которую скрываетъ отъ тебя
Порокъ, одѣтый въ ризу благочестья.

Герцогъ.

Не болѣе ума и у здоровыхъ.
Что хочешь ты сказать мнѣ?

Изабелла.

Государь,
Я Клавдіо сестра. Онъ за распутство
Былъ осужденъ намѣстникомъ на смерть.
Въ тотъ монастырь, гдѣ я была бѣлицей,
Мой братъ прислалъ увѣдомить меня —
И посланнымъ былъ Луціо.

Луціо.

Такъ точно.
Къ ней Клавдіо послалъ меня, и я
Уговорилъ ее идти къ Анджело
За брата бѣднаго просить.

Изабелла.

Да, правда.

Герцогъ

Но васъ никто не проситъ говорить.

Луціо.

Нѣтъ, ваша свѣтлость; но, вѣдь, и молчать
Никто не проситъ.

Герцогъ.

Такъ теперь прошу;
Замѣтьте это. Вамъ еще придется
И за себя поговорить, тогда

Молите Бога, чтобъ въ своемъ отвѣтѣ
Вамъ не запнуться.

Луцio.

Въ этомъ я ручаюсь.

Герцогъ.

Ручаетесь? Смотрите, берегитесь!

Изабелла.

Онъ только разсказалъ начало дѣла.

Луцio.

Какъ слѣдуетъ.

Герцогъ.

Пусть такъ; но вамъ не слѣдъ
Выскакивать впередъ. Ну, продолжайте.

Изабелла.

И я пришла къ безбожному злодѣю..

Герцогъ.

Ну, вотъ опять какъ-будто бредъ безумный!

Изабелла.

Простите, государь; но это слово
Сюда идетъ.

Герцогъ.

Быть можетъ. Продолжайте.

Изабелла.

Я исключу все лишнее: какъ я
Его просила, стоя на колѣняхъ,
Какъ отказалъ онъ мнѣ и что сказалъ —
Все это слишкомъ длинно; перейду
Къ постыдному концу, который сердце
Сжимаетъ мнѣ и болью и стыдомъ.
Онъ предложилъ мнѣ, дѣвѣ непорочной,
Купить цѣной невинности моей
Свободу брата. Послѣ долгой, долгой
Борьбы, любовь сестры превозмогла
Надъ честію—я отдалась ему;
Но онъ, злодѣй, своей достигнувъ цѣли,
Велѣлъ на утро брата обезглавить.

Герцогъ.

Какъ вашъ разсказъ правдоподобенъ!

Изабелла.

Ахъ.
Когда бъ онъ такъ же былъ правдоподобенъ,
Какъ справедливъ!

Герцогъ.

Ты въ дерзкомъ неразумьи
Не вѣдаешь сама, что говоришь!
Иль, какъ орудье злобы ядовитой,
Клевещешь ты? Во-первыхъ, добродѣтель
Его не знаетъ пятенъ; во-вторыхъ,
Тутъ смысла нѣтъ, чтобъ онъ съ такимъ тиранствомъ
Казнилъ порокъ, въ которомъ самъ повиненъ.
Будь самъ онъ такъ же грѣшенъ, какъ твой братъ,
Онъ по себѣ о немъ бы и судилъ,
А не казнилъ бы. Ты подъучена!
Скажи, признайся, по чьему совѣту
Ты съ жалобой пришла?

Изабелла.

И это все?
О, небеса благія, подкрѣпите
Въ терпѣніи меня! разоблачите
Злодѣйство, охраняемое властью
Верховною! Да сохранитъ васъ Богъ
Отъ той тоски, отъ горя, униженья,
Съ какими я отсюда ухожу!

Герцогъ.

О, знаю я—ты рада бы уйти.
Эй! взять ее! Какъ! можно ль допустить,
Чтобъ злобы ядъ язвилъ такого мужа,
Къ намъ близкаго? О, тутъ есть заговоръ!
Кто зналъ про то, что ты сюда идешь?

Изабелла.

Зналъ человѣкъ, котораго бъ желала
Я видѣть здѣсь—то инокъ Людовико.

Герцогъ.

Онъ, вѣрно, духовникъ твой? Хорошо.
Не знаетъ ли кто здѣсь про Людовико?

Луцio.

Я, государь: онъ всюду суетъ носъ;
Я не люблю его; когда бъ не ряса,
Я бъ ужъ давно его поколотилъ
За кой-какія рѣчи противъ васъ.

Герцогъ.

Какъ, противъ насъ? Хорошъ монахъ: настроить
Несчастныхъ женщинъ, съ цѣлью очернить
Намѣстника! Сыскать его сейчасъ же!

Луцio.

Еще вчера, подъ вечеръ, вмѣстѣ съ нею
Его въ тюрьмѣ я видѣлъ. Онъ нахалъ
И неучъ.

Братъ Петръ.

Богъ храни васъ, государь!
Я все стоялъ и слушалъ, какъ во зло
Вниманье ваше здѣсь употребляли.
Дѣвица эта ложно обвиняетъ
Правителя: онъ столько жъ виноватъ
Въ сношеньи грѣшномъ съ нею, какъ она
Въ томъ, что въ связи была съ лицомъ,
Котораго еще на свѣтѣ нѣтъ.

ГЕРЦОГЪ.

Я самъ о томъ почти того же мнѣнья.
А Людовико этотъ, какъ назвала
Его она, извѣстенъ ли тебѣ?

БРАТЪ ПЕТРЪ.

Какъ человѣкъ вполнѣ благочестивый;
Онъ не нахалъ, не неучъ, не проныра,
Какимъ его вотъ этотъ господинъ
Вамъ расписалъ. Я честью вамъ ручаюсь,
Что онъ не могъ позорить вашу свѣтлость.

ЛУЦІО.

Нѣтъ, государь, повѣрьте, онъ позорилъ.

БРАТЪ ПЕТРЪ.

Ну, хорошо: все время намъ покажетъ!
Теперь же, государь, онъ въ лихорадкѣ
Лежитъ больной; но только лишь узналъ онъ,
Что жалоба готовится на графа
Анджело, какъ прислалъ меня сюда —
Вамъ заявить отъ имени его,
Что истинно, что ложно, и согласенъ
Свои слова присягой подтвердить
И доводы представить. А теперь,
Чтобъ оправдать достойнаго вельможу,
Который такъ публично оскорбленъ
Вотъ этою дѣвицей, я при васъ
Всю ложь открою, и она потомъ
Сознается сама.

(*Изабеллу уводятъ; Маріанна подходитъ*).

ГЕРЦОГЪ.

Ну, будемъ слушать.
Скажите мнѣ, Анджело, не смѣшна ли
Вамъ эта дерзость жалкая глупцовъ?
Подайте стулъ. Я зрителемъ лишь буду,
А вы, мой другъ Анджело, судіей
Въ своемъ процессѣ. Гдѣ жъ свидѣтель?
Это?

(*Обращаясь къ Маріаннѣ*).

Открой сперва лицо и говори.

МАРІАННА.

Простите, государь, я не открою
Лица, пока супругъ мнѣ не велитъ.

ГЕРЦОГЪ.

Вы за мужемъ?

МАРІАННА.

Нѣтъ, государь!

ГЕРЦОГЪ.

Дѣвица?

МАРІАННА.

Нѣтъ.

ГЕРЦОГЪ.

Такъ вдова?

МАРІАННА.

Нѣтъ.

ГЕРЦОГЪ.

Что же вы—ничто?
Ни женщина, ни дѣва, ни вдова.

ЛУЦІО. Она, государь, должно быть изъ тѣхъ красотокъ, которыя обыкновенно бываютъ ни женщинами, ни дѣвицами, ни вдовами.

ГЕРЦОГЪ.

Прошу молчать. И за себя придется
Вамъ поболтать довольно.

ЛУЦІО.

Повинуюсь.

МАРІАННА.

Я сознаюсь: не замужемъ я, герцогъ;
Но сознаюсь, что я и не дѣвица.
Узнала мужа я, но мужъ не знаетъ,
Что онъ меня женой своей имѣлъ.

ЛУЦІО. Ну, стало-быть, онъ былъ пьянъ, ваша свѣтлость—иначе быть не можетъ.

ГЕРЦОГЪ.

Желалъ бы я, чтобъ ты былъ тоже пьянъ,
Тогда бы ты молчалъ.

ЛУЦІО.

Я повинуюсь.

ГЕРЦОГЪ.

Но это не свидѣтель за Анджело.

МАРІАННА.

Я, государь, до этого дойду.
Та, что его въ развратѣ обвиняла,
Въ томъ обвинила мужа моего,
Затѣмъ что въ часъ, опредѣленный ею,
Его сама, клянусь, я обнимала
Съ любовію и нѣжностью жены.

АНДЖЕЛО.

Что жъ, говоришь ты про кого другого,
Иль про меня?

МАРІАННА.

О, нѣтъ, не про другого!

ГЕРЦОГЪ.

Нѣтъ? какъ же такъ? ты говоришь про мужа?

МАРІАННА.

Да, государь, и этотъ мужъ—Анджело.
Онъ думаетъ, что съ нимъ была не я,
Что обнималъ въ ту ночь онъ Изабеллу.

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, это черезъ чуръ. Открой лицо!

МАРІАННА.

Когда велитъ мой мужъ—я открываю.
(*Снимаетъ покрывало*).
Вотъ то лицо, которымъ—какъ ты клялся —
Налюбоваться вдоволь ты не могъ.
Вотъ та рука, которая съ твоею
Въ святой союзъ вступила. Посмотри,
Вотъ я сама, которая въ бесѣдку
Пришла къ тебѣ подъ видомъ Изабеллы.

ГЕРЦОГЪ.

Знакома ли дѣвица эта вамъ?

ЛУЦІО.

И очень близко, какъ она сказала.

ГЕРЦОГЪ.

Да замолчишь ли ты?

ЛУЦІО.

Я повинуюсь.

АНДЖЕЛО.

Да, государь, она знакома мнѣ.
Пять лѣтъ назадъ была межъ нами рѣчь
О бракѣ съ ней; но я оставилъ дѣло,
Какъ потому, что не дали за ней
Въ приданое того, что обѣщали,
Такъ потому особенно, что я
Узналъ о ней, что честь ея страдаетъ
Отъ легкомыслія. Съ тѣхъ поръ прошло
Пять лѣтъ, какъ я съ ней больше не видался,
И даже вовсе не слыхалъ о ней,
Въ чемъ честью вамъ клянусь.

МАРІАННА.

О, государь!
Какъ вѣрно то, что свѣтъ идетъ отъ неба
И слово отъ дыханья, что всегда,
Гдѣ разумъ, тамъ и правда, а гдѣ правда,
Тамъ добродѣтель; такъ же вѣрно то,
Что насъ обѣтъ священный сочеталъ,
И что въ ту ночь, въ его садовомъ домѣ,
Его женой была я. Если правда,
Что я сказала вамъ, то пусть я встану
Съ моихъ колѣнъ жива и невредима,
А если нѣтъ, то пусть я здѣсь останусь,
Какъ истуканъ изъ мрамора на-вѣкъ!

АНДЖЕЛО.

Я до сихъ поръ съ улыбкой это слушалъ;
Теперь же, государь, позвольте мнѣ
Вступить въ мои права: я не могу
Тутъ долѣе терпѣть. Я вижу ясно,
Что эти женщины—орудье сильной
Руки, ихъ направляющей. Позвольте
Мнѣ, государь, предъ вами всю интригу
Разоблачить.

ГЕРЦОГЪ.

Охотно—и затѣмъ
Вы накажите ихъ, какъ вамъ угодно.
Безсмысленный монахъ и ты, злодѣйка,
Въ сообществѣ съ ушедшею, ужели
Вы думали, что вашихъ клятвъ однѣхъ,
Хотя бы вы призвали всѣхъ святыхъ,
Достаточно, чтобъ очернить того,
Котораго заслуги такъ мы цѣнимъ?
И вы, Эскалъ, съ нимъ вмѣстѣ засѣдайте
И помогите разыскать ему
Источникъ зла. Тутъ былъ еще монахъ;
Онъ тоже подъучалъ. Сыскать его!

БРАТЪ ПЕТРЪ.

Желалъ бы я, чтобъ здѣсь онъ былъ теперь
Онъ къ жалобѣ настроилъ ихъ навѣрно;
Но профосу извѣстно, гдѣ живетъ онъ—
И онъ его отыщетъ.

ГЕРЦОГЪ (*профосу*).

Отыщите! (*профосъ уходитъ*).
А вы, мой братъ испытанный, достойный,
Кому такъ важно дѣло разъяснить,
Творите судъ и назначайте кару,
Какъ знаете. Теперь васъ ненадолго
Оставлю я; а вы не уходите,
Пока всей клеветы не разъясните.

ЭСКАЛЪ.

Мы, государь, все дѣло разъяснимъ.
(*Герцогъ уходитъ*).
Вы сказали, синьоръ Луціо, что знаете вотъ этого монаха Людовико за человѣка нечестнаго?

ЛУЦІО. Cucullus non facit monachum: онъ честенъ только по своему платью и говорилъ до крайности предосудительно о нашемъ герцогѣ.

ЭСКАЛЪ. Такъ мы попросимъ васъ остаться здѣсь и подождать, пока онъ придетъ. Вы при немъ повторите это обвиненіе—тогда, вѣроятно, окажется, что этотъ монахъ опасный человѣкъ.

ЛУЦІО. Такой опасный, какого не найдешь въ цѣлой Вѣнѣ: честью васъ завѣряю.

ЭСКАЛЪ. Приведите сюда Изабеллу: я хочу съ нею поговорить. (*Одинъ изъ служителей уходитъ*). Позвольте мнѣ, графъ, допросить ее. Вы увидите, какъ я ее прижму.

ЛУЦІО (*указывая на Анджело*). Не лучше его, судя по ея разсказу.

ЭСКАЛЪ. Что вы сказали?

ЛУЦІО. Э, милостивый государь, я полагаю, что если вы прижмете ее наединѣ, то она скорѣе вамъ покается; а при всѣхъ, быть можетъ, ей будетъ и стыдно.

Эскалъ. Я разъясню это темное дѣло.

Луціо. И хорошо сдѣлаете. Вы изложите ей все дѣло въ темнотѣ: женщины очень уступчивы ночью.

Изабелла *возвращается въ сопровожденіи стражи.*

Эскалъ. Подойдите ближе, сударыня: вотъ эта женщина опровергаетъ все, что вы говорили.

Луціо. Милостивый государь, вотъ тотъ негодяй, о которомъ я вамъ говорилъ; вотъ онъ съ профосомъ.

Эскалъ. А, очень кстати. Не говорите съ нимъ, пока мы васъ не вызовемъ.

Входятъ герцогъ *въ монашеской одеждѣ и* профосъ.

Эскалъ. Подойдите сюда, любезный другъ. Это вы подъучили этихъ женщинъ оклеветать графа Анджело? Онѣ сказали, что это ваше дѣло.

Герцогъ. Это ложь.

Эскалъ. Какъ? да знаете ли, гдѣ вы?

Герцогъ.

Почтеніе достоинству судьи!
И дьявола не рѣдко уважаютъ
За огненный престолъ его въ аду.
Гдѣ герцогъ? Съ нимъ хочу я говорить.

Эскалъ.

Онъ въ насъ теперь; намъ отвѣчать должны вы:
Такъ берегитесь—говорите правду.

Герцогъ.

Я буду смѣлъ. О, бѣдныя созданья!
Ягнята предъ лисицей ищутъ права!
И это судъ! Вашъ герцогъ удалился—
А безъ него пропали вы! Вашъ герцогъ
Несправедливъ, что устранилъ себя
Отъ вашего воззванья къ правосудью
И предоставилъ приговоръ мерзавцу,
Котораго пришли вы обвинить!

Луціо.

Вотъ негодяй! Не правду ль я сказалъ?

Эскалъ.

О, гнусный, непочтительный монахъ!
Ты къ клеветѣ на честнаго вельможу
Настроилъ этихъ женщинъ, а теперь
Дерзнулъ его позорить всенародно
И здѣсь въ глаза мерзавцемъ называть!
И сверхъ того посмѣлъ и государя
Назвать несправедливымъ! Взять его!
Пусть вытянутъ подъ пыткой изъ него
За членомъ членъ, пока онъ не откроетъ
Интриги всей! Какъ—онъ несправедливъ?

Герцогъ.

Не горячитесь такъ! Вашъ государь
Меня и пальцемъ тронуть не посмѣетъ,
Какъ самого себя пытать не станетъ;
Къ тому же я не подданный его
И не въ его епархіи. Я въ Вѣнѣ
Подолгу жилъ и видѣлъ кое-что:
Я видѣлъ, какъ кипитъ здѣсь развращенье
И хлещетъ черезъ край. Законы есть
Для каждаго проступка, но они
Терпимы такъ, что самые законы
Содѣлались посмѣшищемъ для всѣхъ,
Какъ вывѣски на лавкахъ брадобрѣевъ.

Эскалъ.

Правительство позоритъ онъ—въ тюрьму!

Анджело.

Въ чемъ, Луціо, его вы обвиняли?
Не тотъ ли онъ, о комъ вы говорили?

Луціо. Тотъ самый, ваше сіятельство. Подите-ка сюда, вы, бритая голова. Знаете ли вы меня?

Герцогъ. Я узналъ васъ по голосу. Я встрѣчалъ васъ въ тюрьмѣ въ отсутствіе герцога.

Луціо. А вы меня встрѣчали? а помните ли, что вы говорили тогда про герцога?

Герцогъ. Какъ нельзя лучше.

Луціо. Въ самомъ дѣлѣ? Такъ, значитъ, правда, что герцогъ охотникъ до женщинъ, дуракъ и трусъ, какъ вы тогда о немъ отзывались?

Герцогъ. Прежде нежели такъ говорить, вамъ надо помѣняться со мною ролями: это вы о немъ такъ отзывались, и еще гораздо хуже этого.

Луціо. Ахъ, ты проклятый клеветникъ! Да развѣ я тогда не натянулъ тебѣ носа за твои слова?

Герцогъ. Увѣряю васъ, что я люблю герцога, какъ самого себя.

Анджело. Слышите, какъ этотъ негодяй хочетъ вывернуться, послѣ тѣхъ ругательствъ, какія онъ говорилъ.

Эскалъ. Нечего терять словъ съ такимъ человѣкомъ: въ тюрьму его! Гдѣ тюремщикъ? Отведите его въ тюрьму! закуйте его въ кандалы! Нечего его болѣе слушать. Да возьмите и этихъ дерзкихъ дѣвчонокъ вмѣстѣ съ ихъ сообщникомъ. (*Профосъ налагаетъ руку на герцога*).

Герцогъ. Стойте! погодите немного!

Анджело. Какъ? онъ еще сопротивляется! Луціо, помогите ему.

Луціо. Вотъ, подожди любезный! вотъ я тебя! Ахъ, ты, лысый лгунъ! Ишь какъ

ВЪ МОНАХѢ ЛЮДОВИКѢ ВСѢ УЗНАЮТЪ ГЕРЦОГА (Дѣйств. V. сц. 1).
Картина англійскаго живописца Т. Кирка (Thomas Kirk, † 1797). Большая Бойделевская галлерея.

закуталъ себѣ голову! Покажи-ка свою плутовскую образину—и на висѣлицу! Ну, открой-ка свою воровскую харю: долой капюшонъ! (*Срываетъ съ него капюшонъ и узнаетъ герцога. Всѣ поражены*).

Герцогъ.

Ты первый плутъ, съумѣвшій превратить
Смиреннаго монаха въ государя!
Вотъ этихъ трехъ беру я на поруки.
(*Къ Луціо*). А ты куда, пріятель? Погоди:
Еще съ монахомъ ты не разсчитался.
Эй, взять его подъ стражу!

Луціо. Ну, это, пожалуй, будетъ хуже, чѣмъ висѣлица.

Герцогъ (*Эскалу*).

Я вамъ прощаю рѣчи ваши. Сядьте!
(*Анджелу*).
А намъ позвольте сѣсть на *это* мѣсто.
Скажи, найдешь ли ты довольно словъ,
Или ума, иль наглости привычной,
Которые могли бъ тебѣ помочь?
Когда найдешь, то ты на нихъ надѣйся,
Пока всего я здѣсь не разскажу—
И трепещи тогда!

Анджело.

О, государь!
Виновнѣй былъ бы я моей вины,
Когда бы сталъ оправдывать себя,
Узнавъ, что вамъ дѣла мои извѣстны,
Какъ вѣчному Судьѣ. А потому,
Молю, не длите моего позора!
Сознаніе примите за допросъ—
И смертный приговоръ произнесите,
Да поскорѣй: вотъ, герцогъ, все, о чемъ
Я васъ молю.

ГЕРЦОГЪ.

Приблизься, Маріанна!
Скажи, ты былъ ли съ нею обрученъ?

АНДЖЕЛО.

Былъ, государь!

ГЕРЦОГЪ.

Ну, такъ ступай и обвѣнчайся съ нею.
(*Отцу Петру*).
Святой отецъ, сверши обрядъ святой;
Когда-жъ онъ будетъ конченъ, приходите
Сюда назадъ. Ступай за ними, профосъ!
(*Анджело, Маріанна, братъ Петръ и профосъ уходятъ*).

ЭСКАЛЪ.

О, государь, я болѣе смущенъ
Его стыдомъ, чѣмъ странностію дѣла!

ГЕРЦОГЪ.

Приблизьтесь безъ боязни, Изабелла:
Вашъ духовникъ—теперь вашъ государь.
Но какъ тогда я дружбу къ вамъ питалъ
И былъ готовъ всегда служить совѣтомъ,
Такъ и теперь съ одеждою моей
Въ своихъ я чувствахъ къ вамъ не измѣнился
И преданъ вамъ.

ИЗАБЕЛЛА.

О, государь, простите,
Что подданная смѣла утруждать
Величество неузнанное ваше!

ГЕРЦОГЪ.

Тебя простилъ я; но и ты, мой другъ,
Ко мнѣ будь снисходительна. Я знаю,
Что сердцемъ ты скорбишь о смерти брата,
И, можетъ быть, дивишься, что, стараясь
Его спасти, тогда жъ не объявилъ я
Своей сокрытой власти и чрезъ это
Не спасъ его. О, милое созданье!
Всему виной поспѣшность этой казни,
Разрушившей нежданно весь мой планъ.
Но—миръ ему! Счастливѣе онъ тамъ,
Избѣгнувъ страха смерти, чѣмъ онъ былъ бы
Здѣсь на землѣ, живя подъ этимъ страхомъ.
Пусть для тебя утѣхой будетъ мысль,
Что братъ твой счастливъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Такъ, мой государь!

АНДЖЕЛО, МАРІАННА, БРАТЪ ПЕТРЪ *и* ПРОФОСЪ *возвращаются*.

ГЕРЦОГЪ.

Обрядъ оконченъ—вотъ и новобрачный!
Ты, Изабелла, ради Маріанны,
Прости ему, что смѣлъ онъ посягнуть
На добродѣтель строгую твою.
Но такъ какъ имъ твой братъ былъ преданъ смерти,
Тогда какъ онъ вдвойнѣ виновенъ самъ,
Какъ оскорбившій честь священной дѣвы
И не сдержавшій клятвы, данной ей,
Что братъ ея спасенъ отъ смерти будетъ,
То самое закона милосердье
Взываетъ къ намъ преступника устами:
„За Клавдіо—Анджело, смерть за смерть,
Какъ за любовь—любовь, за злобу—злоба:
Такъ равнымъ я воздамъ и лицемѣру,
Какъ подобаетъ, мѣрою за мѣру“.
Проступокъ твой, Анджело, явенъ такъ,
Что ты ничѣмъ его не опровергнешь.
На той же самой плахѣ, на которой
Казненъ несчастный Клавдіо вчера,
Умрешь и ты и съ той же быстротою.
Ступайте съ нимъ!

МАРІАННА.

О, милосердый герцогъ!
Ужель въ насмѣшку далъ ты мнѣ супруга?

ГЕРЦОГЪ.

Самъ мужъ твой далъ тебѣ въ насмѣшку мужа.
Чтобъ честь твою спасти, нашелъ я нужнымъ
Твой съ нимъ союзъ, чтобъ на тебя не палъ
Упрекъ, что ты съ нимъ ложе раздѣлила,
И счастья твоего не помрачалъ.
Хотя его помѣстья по закону
Отходятъ къ намъ, но мы ихъ отдаемъ
Тебѣ, какъ вдовью долю: съ ней найдешь
Ты лучшаго супруга.

МАРІАННА.

Ни другого,
Ни лучшаго я мужа не желаю!

ГЕРЦОГЪ.

Желай иль нѣтъ—мое рѣшенье твердо.

МАРІАННА (*упадая на колѣни*).

О, добрый государь...

ГЕРЦОГЪ.

Напрасны просьбы!
Вести его немедленно на казнь!
(*Къ Луціо*).
Теперь мы, сударь, съ вами потолкуемъ.

МАРІАННА.

О, государь, молю! О, Изабелла!
Проси со мной, склони свои колѣни!
Всю жизнь мою служить тебѣ я стану;
Всю будущность тебѣ я посвящу.

ГЕРЦОГЪ.

О чемъ, скажи, ты молишь Изабеллу?

Въ твоихъ словахъ нѣтъ смысла, Маріанна.
Коль за него просить она рѣшится—
Духъ Клавдіо расторгнетъ двери гроба
И въ свой ужасный мракъ ее умчитъ.

Маріанна.

О, милая подруга, только стань
Со мною на колѣни, только руки
Къ нему безмолвно подними, а я
Одна ужъ буду говорить. Ошибки
Содѣлываютъ лучшими людей:
Онѣ дурныхъ нерѣдко исправляютъ.
Быть можетъ, такъ исправится и мужъ мой.
Проси со мной, склонися на колѣни!

Герцогъ.

Пусть смерть его смерть Клавдіо искупитъ!

Изабелла (*на колѣняхъ*).

Великодушный герцогъ, умоляю—
Взгляните на виновнаго, какъ-будто
Былъ живъ мой братъ! Мнѣ вѣрится почти,
Что былъ онъ честенъ въ исправленьи долга,
Пока не зналъ меня. Коль это такъ,
То пусть живетъ онъ. Братъ мой по закону
Былъ осужденъ за сдѣланный проступокъ.
Совсѣмъ не то, свершенное Анджело:
Такъ какъ одно намѣренье дурное
Не есть еще проступокъ и должно
Остаться скрытымъ; мысли—не дѣла;
Намѣренья же—мысли.

Маріанна.

Только мысли!

Герцогъ.

Меня не тронутъ ваши просьбы. Встаньте!
Но вспомнилъ я еще другой проступокъ:
Скажи мнѣ, профосъ, почему казненъ
Былъ Клавдіо не въ часъ узаконенный?

Профосъ.

Мнѣ государь, приказано такъ было.

Герцогъ.

И былъ на это письменный приказъ?

Профосъ.

Нѣтъ, государь, то былъ приказъ изустный.

Герцогъ.

Ты должности лишенъ за это: сдай
Свои ключи.

Профосъ.

Простите, государь!
Я полагалъ, что тутъ была ошибка;
Но, обсудивъ, раскаялся я въ томъ,
И вотъ вамъ доказательство: въ темницѣ
Есть и теперь одинъ, кого казнить
Я долженъ по словесному приказу,
Но онъ еще живетъ.

Герцогъ.

Кто?

Знаменитая англійская актриса Сиддонсъ (Siddons, 1775—1831) въ роли Изабеллы. Рисунокъ Рамберга (Henry Ramberg, 1763—1840).

Профосъ.

Бернардинъ.

Герцогъ.

О, еслибъ такъ же съ Клавдіо ты сдѣлалъ!
Сходи за нимъ: его хочу я видѣть.
(*Профосъ уходитъ*).

Эскалъ (*къ Анджело*).

Прискорбно мнѣ, что ты, кого считали
Такимъ ученымъ, умнымъ человѣкомъ—
Такъ низко палъ: тому виною страсть
И недостатокъ вѣрнаго сужденья.

Анджело.

А я скорблю, что скорбь вамъ причинилъ.
Мнѣ сердце жметъ раскаянье такое,
Что мнѣ и смерть пріятнѣе прощенья:
Я заслужилъ ее—прошу о ней.

Профосъ *возвращается въ сопровожденіи* Джульетты, Бернардина *и* Клавдіо, *съ головою, закутанной плащомъ.*

Герцогъ.

Который—Бернардинъ?

Профосъ.

Вотъ, государь!

Герцогъ.

Одинъ монахъ мнѣ говорилъ о немъ.
Я слышалъ, ты такъ сердцемъ огрубѣлъ,
Что не страшишься мукъ грядущей жизни
И поступаешь въ этомъ убѣжденьѣ.
Ты осужденъ; но грѣхъ твой на землѣ
Отпустится тебѣ. Такъ постарайся,
Чтобъ эта милость къ будущности лучшей
Открыла путь тебѣ. Святой отецъ,
Я поручаю вамъ его наставить
И убѣдить. А это кто въ плащѣ?

Профосъ.

Спасенный мною узникъ—тотъ, который,
Какъ Клавдіо, былъ долженъ умереть
И на него похожъ, какъ на себя.

(*Открываетъ лицо Клавдіо*).

Герцогъ (*Изабеллѣ*).

Когда онъ такъ на Клавдіо похожъ,
То я его прощаю.

Клавдіо и Изабелла кидаются другъ другу въ объятія).

Изабелла,

Дай руку мнѣ, скажи, что ты моя—
И будетъ онъ мнѣ братомъ; но объ этомъ
Поговоримъ мы послѣ. Графъ Анджело,
Вы видите, что живъ онъ. Мнѣ сдается—
У васъ въ глазахъ сіяетъ лучъ надежды:
Вы счастливо съ грѣхомъ своимъ сквитались.
Любите, графъ, жену свою. Она
И васъ своимъ достоинствомъ возвыситъ.
Я чувствую потребность всѣмъ прощать;
Но одному простить я не могу.

(*Къ Луціо*).

Ты называлъ меня невѣждой жалкимъ,
Развратникомъ, глупцомъ и сумасшедшимъ:
Скажи теперь, чѣмъ могъ я заслужить,
Что обо мнѣ ты смѣлъ такъ отзываться?

Луціо. Клянусь честію, государь, я говорилъ это, слѣдуя господствующей модѣ. Если вамъ угодно за это меня повѣсить, то я покоряюсь моей участи; но для меня было бы пріятнѣе, еслибъ вамъ благоугодно было меня выпороть.

Герцогъ.

Тебя сначала выпорютъ, мой милый,
Потомъ повѣсятъ. Профосъ, прикажите
Всѣмъ жителямъ столицы объявить,
Что если есть гдѣ дѣвушка, съ которой
Былъ Луціо въ связи когда-нибудь—
А онъ мнѣ самъ признался, что одну
Ужъ сдѣлалъ матерью—то пусть объявитъ:
Его на ней мы женимъ, а потомъ
Пускай его накажутъ и повѣсятъ.

Луціо. Ваша свѣтлость, умоляю васъ, не жените меня на потаскушкѣ! Вы, ваша свѣтлость, сейчасъ сказали, что я сдѣлалъ васъ герцогомъ: неужели вы отплатите мнѣ за это тѣмъ, что сдѣлаете меня рогоносцемъ?

Герцогъ.

Клянусь тебѣ, ты женишься на ней:
Тогда тебѣ вины твои прощу я
И клевету. Свести его въ тюрьму
И въ точности исполнить мой приказъ!

Луціо. Государь, жениться на такой развратной дѣвкѣ—это все равно, что быть задушену, высѣчену и повѣшену.

Герцогъ.

Ты этого достоинъ за хулу
На государя. (*Стража уводитъ Луціо*).
Клавдіо, ты честь
Ей возвратить обязанъ.

(*Указываетъ на Джульетту*).

Маріанна,
Будь счастлива. Люби ее, Анджело—
Люби: я былъ ея духовникомъ,
И мнѣ ея извѣстна добродѣтель.
Тебя, Эскалъ, благодарю за все:
Тебѣ готова лучшая награда.
Благодарю за вѣрность и молчанье
Тебя, любезный профосъ. Мы назначимъ
Тебя къ другому, лучшему посту.
Прости ему, Анджело, что тебя
Онъ обманулъ: что голову пирата
Тебѣ принесъ онъ, вмѣсто головы
Несчастнаго, которую ты ждалъ.
Проступокъ этотъ самъ себя прощаетъ.
О, другъ мой, дорогая Изабелла!
Я и къ тебѣ имѣю тоже просьбу:
Когда привѣтно примешь ты ее,
Твой буду я, и все твое—мое.
Идемъ въ дворецъ: пускай тамъ всѣ узнаютъ,
О чемъ теперь едва подозрѣваютъ!

(*Уходятъ*).

Ѳ. Миллеръ.

Заглавная виньетка къ Отелло современной англійской художницы [illegible] Бель (K. Anning Bell).

Венеціанскій генералъ. (Изъ Cesare Vecellio, Habiti Antichi e Moderni, Венеція, 1589).

ОТЕЛЛО.

„По ясной мотивировкѣ дѣйствія, по опредѣленности и цѣльности своего строенія трагедія „Отелло“ слыветъ у англичанъ наиболѣе совершеннымъ изъ произведеній Шекспира“, говоритъ Боденштедтъ, въ предисловіи къ своему замѣчательному переводу этой драмы. Маколей, отмѣчая въ этюдѣ о Данте, что высшимъ изъ земныхъ предметовъ изслѣдованія представляется самъ человѣкъ, прибавляетъ: „быть можетъ, величайшее изъ всѣхъ въ мірѣ произведеній, это—„Отелло“.

Не всѣ, конечно, согласятся съ этимъ сужденіемъ, но едва ли среди людей, знакомыхъ съ древнею и новою литературой, найдутся многіе, которые бы не признали, что взглядъ, высказанный англійскимъ историкомъ, всетаки, имѣетъ серьезное основаніе.

Съ древнею греческою трагедіей „Отелло“ имѣетъ то сходство, что въ немъ происшествія предопредѣляются всевластнымъ, неумолимымъ „рокомъ“. Но надъ героями Шекспира господствуетъ и дѣлаетъ ихъ своими жертвами не тотъ отвлеченный и прихотливый рокъ, которому были подвластны сами классическіе боги. То былъ — рокъ предразсудка. У Шекспира — и въ „Отелло“ съ большей, чѣмъ гдѣ либо, ясностью и силой—судьба всесильна надъ людьми, но сама она создается ихъ природою, воспитаніемъ, взаимными контрастами, въ которые ихъ ставитъ случай, условіями, среди которыхъ они живутъ и дѣйствуютъ. Этотъ рокъ представляется какъ бы закономъ природы, который угаданъ геніемъ поэта и въ точности примѣненъ къ случайной комбинаціи данныхъ характеровъ и обстоятельствъ. Такъ результанта двухъ силъ проходитъ по діагонали ихъ параллелограма. Назовемъ этотъ рокъ „необходимостью“. И необходимость не менѣе жестокое и трагическое могущество, чѣмъ древнее „ананке“, когда она сокрушаетъ надежды, стремленія, права, убѣж-

денія, сердца людей. Она-то и заставляетъ беззавѣтно любящаго Отелло умертвить Дездемону, которая изъ любви прощаетъ ему и его надругательство, и свою смерть.

Великій поэтъ узналъ изъ собранія новеллъ Джиральди Чинтіо, въ итальянскомъ подлинникѣ, появившихся въ Венеціи въ 1566 году, разсказъ о служившемъ въ венеціанскихъ войскахъ маврѣ, котораго добродѣтельная и благородная венеціанка чудной красоты полюбила за его военные подвиги и, выйдя за него замужъ, была съ нимъ счастлива, пока клевета на нее не возбудила его ревности. Получивъ командованіе венеціанскимъ отрядомъ на Кипрѣ, мавръ подпалъ подъ вліяніе злого человѣка, одного изъ своихъ офицеровъ, который влюбился въ Дездемону, но не снискавъ ея взаимности, сталъ подозрѣвать ее въ связи съ другимъ офицеромъ и свое подозрѣніе, изъ мести, сообщилъ мавру. При помощи хитростей, въ которыхъ играетъ роль и платокъ, подаренный мавромъ женѣ, злодѣй убѣдилъ мавра въ невѣрности его жены, самъ, по его же приказанію, тяжело ранилъ его мнимаго соперника и убилъ Дездемону въ присутствіи мужа, съ которымъ вмѣстѣ они потомъ разломали потолокъ въ комнатѣ и набросали обломки на трупъ, чтобы, такимъ образомъ, смерть Дездемоны объяснялась крушеніемъ потолка въ старомъ домѣ.

Мавръ однако не могъ переносить вида обвинителя и убійцы своей жены и уволилъ его изъ отряда. Тогда, по новому наговору злодѣя, мнимый соперникъ мавра, приписывая послѣднему покушеніе на свою жизнь, обвинилъ мавра передъ сенатомъ въ Венеціи какъ въ этомъ покушеніи, такъ и въ убійствѣ жены, а самъ виновникъ явился свидѣтелемъ. Мавръ былъ отправленъ въ ссылку, гдѣ его убили по наущенію родственниковъ Дездемоны, а злодѣй, подвергнутый пыткѣ во время допроса, какъ и мавръ, не выдержалъ и умеръ: „tal fere Iddio vendetta della innocenza di Disdemona", т. е. такъ Богъ взыскалъ съ него оклеветанную невинность жертвы.

Шекспиръ либо читалъ эту повѣсть въ оригиналѣ, либо отъ кого-нибудь узналъ ея содержаніе, такъ какъ переводы повѣсти явились гораздо позднѣе его „Отелло", написаннаго, по всей вѣроятности, въ 1604 г. Разсказъ не представлялъ ничего замѣчательнаго; онъ похожъ на всѣ современныя ему итальянскія новеллы, которыхъ интересъ заключается собственно въ приключеніяхъ. У Чинтіо, правда, на лицо всѣ фактическія данныя трагедіи: мавръ, Дездемона, злодѣй, его жена, красивая женщина, которая, будто бы, разсказала объ этомъ случаѣ автору; есть молодой офицеръ-красавецъ, на котораго падаетъ подозрѣніе мавра и которому клеветникъ перерѣзываетъ мускулъ на ногѣ; наконецъ, главную роль въ обличеніи мнимой измѣны Дездемоны играетъ вышитый носовой платокъ. Все это есть у Чинтіо, только изъ всего этого и выходитъ не болѣе, чѣмъ заурядный разсказъ съ „уголовщиной".

Но этотъ случай попался на глаза великому поэту, который прозрѣлъ всю внутреннюю суть, всю борьбу страстей и глубину страданій, какія могли вмѣщаться въ такомъ происшествіи, вдохнулъ жизнь въ эти, едва намѣченные образы и волшебствомъ своего генія создалъ изъ него роковую драму, въ которой то, что происходитъ, должно было произойти, не могло не произойти.

Какія данныя для трагической поэмы одной изъ самыхъ гибельныхъ страстей—ревности, неразрывно соединенной съ любовью! Любовь можетъ доводить человѣка до пожертвованія жизнью, а между тѣмъ, сама она—наполовину эгоизмъ. Это, наполовину, страсть къ другому существу за то, что, оно отдалось намъ, что оно—наше, что оно предпочло насъ всѣмъ, что для него идеалъ, міръ, жизнь представляются нашимъ „я".

Отелло любитъ Дездемону не только потому, что очарованъ ея „небесной" красотою, упоенъ ея „сладчайшимъ" тѣломъ, и не потому еще, что онъ, темнокожій, жаждетъ этой бѣлой „голубки", какъ ночь желаетъ дня" — по выраженію В. Гюго. Онъ всей душой любитъ ее еще за то, что она предпочла его всѣмъ, отвергла искательства многихъ соотечественниковъ, знатныхъ и красивыхъ венеціанцевъ, и его полюбила безгранично за его подвиги. „Она полюбила меня за пройденныя мной опасности, я полюбилъ ее за то, что она обо мнѣ жалѣла",—говоритъ Отелло передъ сенатомъ, объясняя, въ чемъ состояло то мнимое колдовство, какимъ онъ приворожилъ ее.

И вдругъ измѣна или подозрѣніе измѣны... Разрушается культъ той женщины, которую любовь сдѣлала священною, и вѣра въ себя, отъемлется высшее благо жизни, наносится смертельная обида, отымается сила и охота жить. „Но вѣдь я

люблю ее или иначе—хаосъ"—такъ борется Отелло съ первымъ подозрѣніемъ. А убѣждаясь въ мнимой измѣнѣ, онъ тотчасъ сознаетъ, что насталъ конецъ всему: „прощай спокойствіе, счастье! прощай война, и ржаніе коней, и рокотъ орудій! Занятіе Отелло пропало".

Эту-то страсть, ревность, жажду разрушенія и въ то же время новое болѣзненное проявленіе любви поцѣлуями передъ убійствомъ, эту бездну разочарованія, обиды, паденія, злобы и мести предпринялъ изобразить великій поэтъ и въ пустой новеллѣ прозрѣлъ наиболѣе подходящіе для своей цѣли типы.

Предъ нами — полудикій, по рожденію, африканецъ, которому служба въ венеціанскомъ войскѣ, милость сената и высокое достоинство придали только наружный лоскъ, не усложнивъ, не искрививъ его простой, доброй природы и не обуздавъ ее наслѣдственнымъ воспитаніемъ въ компромиссахъ, самоанализѣ, критическомъ отношеніи къ другимъ и себѣ. Тѣмъ, кто снискалъ его довѣріе, онъ вѣритъ безусловно. Онъ вѣритъ женѣ, онъ вѣритъ „честному" Яго. Но когда Яго обвиняетъ его жену, Отелло не видитъ повода, чтобы Яго говорилъ ложь: женщина могла полюбить другого, тѣмъ болѣе, что этотъ другой—красавецъ Кассіо, ея единоплеменникъ, человѣкъ ея воспитанія, ея общества, изящный, сладкорѣчивый, и Дездемона къ нему благосклонна, горячо о немъ ходатайствуетъ.

Отелло называетъ себя потомкомъ царей, онъ занимаетъ высокій постъ, онъ добръ по природѣ—все это необходимо имѣть въ виду при передачѣ его роли. Даже въ сценахъ бѣшенства необходимо соблюдать нѣкоторую, не скажемъ сдержанность, такъ какъ Отелло не помнитъ себя отъ страсти, но внѣшнюю эстетичность, которая свойственна Отелло, необходимо избѣгать слишкомъ рѣзкихъ криковъ и вульгарной жестикуляціи. Хорошо дѣлаютъ тѣ артисты, которые стараются выказать прирожденную мягкость природы Отелло, его величественную осанку и простой, но полный достоинства тонъ—въ началѣ пьесы. Это согласно съ намѣреніями автора и усиливаетъ эффектъ того преображенія, какое происходитъ въ маврѣ подъ вліяніемъ страсти. Такъ дѣлалъ великій Кинъ, у котораго еще и слова прощанія Отелло съ войной и славой звучали нѣжной музыкой, а потомъ бѣшенство передавалось съ такимъ крайнимъ напряженіемъ нервовъ, что, какъ разсказываетъ Гаукинсъ въ „Жизни Кина", великій артистъ не могъ докончить роли, когда игралъ ее въ послѣдній разъ, и вскорѣ послѣ этого представленія умеръ.

Но дѣлать слишкомъ быстро переходъ отъ величаваго спокойствія къ полной необузданности—эффектъ слишкомъ дешевый и не согласный съ мыслью великаго автора. Необузданность Отелло въ гнѣвѣ обнаруживается уже во второмъ актѣ, когда мавръ еще не слыхалъ ни одного слова клеветы на Дездемону. Геніальный авторъ сознавалъ необходимость, чтобы уже задолго до катастрофы зритель понялъ, какъ неудержимо дѣйствуетъ на эту африканскую природу гнѣвъ, какъ въ состояніи гнѣва Отелло тотчасъ теряетъ мѣру. Вотъ почему уже во второмъ актѣ, когда Кассіо, которому порученъ надзоръ за караулами, самъ начинаетъ драку въ состояніи опьяненія и даже обнажаетъ оружіе противъ Родриго, Отелло, взбѣшенный простымъ нарушеніемъ дисциплины, произноситъ, очевидно чрезмѣрную угрозу: „первый, кто двинется, не цѣнитъ жизни и умретъ на мѣстѣ!" А затѣмъ, выслушивая неудовлетворительныя оправданія, Отелло, невольно самъ характеризуетъ себя: „ну клянусь небомъ, кровь у меня беретъ верхъ надъ разсудкомъ (begins my safer guides to rule) и страсть помрачаетъ во мнѣ здравое сужденіе". Такимъ образомъ, въ этой сценѣ, которая необходима сама по себѣ для хода дѣйствія, Шекспиръ, очевидно, хотѣлъ заранѣе показать необузданность Отелло въ припадкѣ гнѣва, вызваннаго даже незначительнымъ поводомъ. А это было нужно потому именно, что только этой необузданностью, этой „кровью, которая беретъ верхъ надъ разсудкомъ и помрачаетъ здравое сужденіе" и объясняется то, что мавръ такъ легко вѣритъ совершенно бездоказательнымъ доводамъ Яго. Онъ даже не призываетъ Кассіо къ отвѣту, что тотчасъ же порвало бы хитросплетенную, но гнилую сѣть клеветы Яго.

Надо прибавить, что Отелло, какъ мавръ, хотя уже христіанинъ, всегда жилъ среди европейскаго общества въ нѣкоторомъ отчужденіи и сознавалъ это. Онъ не знаетъ ухищреній, его легко обмануть; онъ помнитъ, какъ отецъ Дездемоны клялся, что его дочь не могла безъ какихъ-либо чаръ, „оттолкнувъ богатыхъ, нѣжнокудрыхъ любимцевъ своего народа, броситься на грязную, какъ сажа, грудь такой твари,

какъ ты". Ея же отецъ предсказалъ ему и будущую невѣрность своей дочери: она обманула отца, можетъ обмануть и тебя.

Невѣрность въ данныхъ условіяхъ слишкомъ вѣроятна, лишь бы было слабое доказательство ея. А много ли требовалось доказательствъ, чтобы взволновать такую кровь? Порохъ воспламеняется отъ малѣйшей искры. Одной картины физическаго прелюбодѣянія, которую цинично расписываетъ ему Яго, достаточно, чтобы бѣшенство затмило въ Отелло разсудокъ, чтобы этотъ закаленный въ бояхъ человѣкъ заплакалъ, потомъ лишился чувствъ.

Для полнаго изображенія силы этой необузданной ревности даже необходимо было показать, какъ она можетъ быть возбуждена незначительными поводами, какъ она ослѣпляетъ свои жертвы. Будь Дездемона кокоткой, будь вѣскія доказательства ея вины, наконецъ, будь Отелло человѣкъ злой или ревнивый по природѣ, значеніе трагедіи стало бы слабѣе. Впечатлѣніе, какое она производитъ, тѣмъ именно поразительнѣе, что Отелло—существо доброе, довѣрчивое и что, провидѣвъ крушеніе своего счастья, онъ сразу же провидитъ и конецъ своей жизни, конецъ всего—„хаосъ". Вотъ почему сочувствіе зрителя до самой развязки не оставляетъ Отелло, который представляется несчастнѣе самой Дездемоны.

По поводу обморока Отелло надо замѣтить, что хотя въ пьесѣ обморокъ названъ „trance", а это выраженіе внушаетъ мысль о припадкѣ падучей болѣзни, но мы не видимъ достаточнаго основанія къ такому мнѣнію. Яго, дѣйствительно, хочетъ представить обморокъ Отелло, какъ припадокъ эпилепсіи; онъ говоритъ Кассіо, что это—второй припадокъ со вчерашняго дня и что упавшаго не слѣдуетъ трогать, иначе у него покажется пѣна на губахъ и онъ впадетъ въ дикое бѣшенство, однимъ словомъ, выдаетъ это за нѣчто обыкновенное у Отелло. Но автору не было никакого разсчета приписывать своему герою черту, которая бы ровно ничего не объясняла, тогда какъ простой обморокъ послѣ крайняго напряженія ревности рисуетъ характеръ Отелло. Между тѣмъ, для Яго необходимо было скрыть случайность обморока, чтобы Кассіо не допытывался о его причинѣ, и вотъ, онъ просто лжетъ, тѣмъ легче, что онъ вообще охотно всякому приписываетъ все, что можетъ уронить другого въ чужихъ глазахъ.

Любопытно, что Шиллеръ, обдумывая постановку „Отелло" на нѣмецкой сценѣ, находилъ нужнымъ пропустить все первое явленіе IV дѣйствія, то есть тотъ характерный разговоръ Яго съ Отелло, который приводитъ послѣдняго въ ярость, кончающуюся обморокомъ. Германскаго поэта, очевидно, смущала та циническая картина, которою Яго возбуждаетъ въ Отелло настоящій пароксизмъ бѣшенства, а, можетъ быть, и путаница словъ, въ какую онъ впадаетъ въ этомъ состояніи. Просматривая сдѣланный Фоссомъ нѣмецкій переводъ, Шиллеръ выкинулъ и выходки Яго противъ женщинъ вообще въ началѣ II акта, смягчилъ роль любящей Кассіо куртизанки. Но Шиллеръ не дожилъ до представленія пьесы. Его смягченія въ ней Фоссъ называетъ „послѣднею его работой". Смягченія эти, однако, чувствительно исказили пьесу. Выкинутая сцена передъ обморокомъ необходима для характеристики Отелло и для объясненія его грубости съ Дездемоной въ ближайшей сценѣ. Свѣдѣніе о приведенномъ фактѣ находится въ предисловіи Фосса къ его переводу „Отелло", изданному въ 1806 г., и помѣщено въ новѣйшемъ, включающемъ массу комментаріевъ, американскомъ изданіи первоначальнаго текста трагедіи (по первому изданію in-folio Шекспира, 1623 г.), обработанномъ Фёрнессомъ и вышедшемъ въ 1886 году.

Для того, чтобы выказать всю силу такой страсти, какъ ревность, страсти пожирающей, которая любовь превращаетъ въ месть эгоизма, надо было взять не только ревнивца по природѣ не подозрительнаго, добраго и довѣрчиваго, каковъ Отелло, но и женщину безусловно безупречную, высшую натуру, женщину, которая полюбила избраннаго не по женскому влеченію, но по увлеченію чисто-нравственному, „жалѣя о вынесенныхъ имъ опасностяхъ", какъ говоритъ Отелло у Шекспира, и восторгаясь его „доблестью", какъ говоритъ о своей Дездемонѣ авторъ итальянской новеллы Чинтіо: „s'innamoró, tratta non da appetito donnesco, ma dalla virtú del Moro".

И полюбила она своего избраннаго безъ завѣтно; разность племенная, цвѣтъ кожи, лагерное воспитаніе Отелло, все это исчезло въ глазахъ патриціанки, полюбившей человѣка за его душу. Всѣ циническія внушенія, какими Яго обнадеживаетъ эксплоатируемаго имъ Родриго, намеки, что природа возьметъ свое, что увлеченіе Дездемоны мавромъ не можетъ быть долго-

временнымъ, что она не можетъ не обольститься вскорѣ своимъ одноплеменникомъ, красивымъ, изящнымъ, знатнымъ, безусловно ложны, какъ и горькая дума ревнующаго Отелло о томъ, будто жена измѣнила ему потому, что онъ „черенъ и не умѣетъ говорить гладко, какъ салонные кавалеры". Все это неправда, все это совершенно чуждо природѣ Дездемоны.

Она любитъ Отелло такъ безусловно, что даже послѣ того, какъ онъ осыпалъ ее ругательствами и ударилъ, она говоритъ Эмиліи: „недоброе его обращеніе можетъ разбить мою жизнь, но не уменьшитъ моей любви... Я люблю его такъ, что даже его упорство, его попреки и сердитый видъ мнѣ милы". А что касается невѣрности, то Дездемона такъ непорочна по природѣ, что не допускаетъ даже мысли, чтобы женщина могла измѣнять мужу. Она наивно спрашиваетъ у Эмиліи — неужели есть такія женщины, неужели ты за благо всего міра могла бы сдѣлать это? И послѣ отвѣта Эмиліи, что такія женщины есть и что она сама не измѣнила бы за подарки, но за блага всего міра—вѣроятно, Дездемона не вѣритъ ей.

Два такіе типа надо было свести для того, чтобы показать всю силу той страсти, которая ослѣпляетъ умъ и можетъ привести къ убійству наиболѣе дорогого существа. Та же необходимость объясняетъ отчасти и то, что доказательства вины Дездемоны, какія представляетъ Яго, такъ слабы. Если бы они были болѣе вѣски, сколько-нибудь существенны, то ревность, воспламенившая Отелло, была бы менѣе поразительна. Только для такого человѣка, какъ онъ, они и могли быть достаточны. Другое, обусловленное самымъ характеромъ Дездемоны, объясненіе слабости предъявляемыхъ Яго доказательствъ представляется тѣмъ, что и невозможно было найти доказательствъ сколько-нибудь убѣдительныхъ. Правда, Отелло требуетъ именно такихъ, положительныхъ доводовъ, но самъ уже горитъ страстью, неспособенъ различать простого наговора отъ убѣдительнаго довода, безумствуетъ, слушая одни слова о томъ, какъ женщина предается другому, самъ путается въ выраженіяхъ скорби и угрозахъ, говоритъ, что самая страсть, отъ которой онъ дрожитъ, есть доказательство, безсвязно повторяетъ „признаніе" и „платокъ", и падаетъ въ обморокъ.

Перейдемъ къ виновнику трагедіи, къ Яго. Многіе критики настаиваютъ и на ничтожности доказательствъ, какими онъ убѣждаетъ, или, вѣрнѣе сказать, побуждаетъ Отелло признать вину Дездемоны, и на неестественности того „адскаго" характера, какой приданъ Яго, этому закоренѣлому, безчувственному злодѣю, этому, будто бы, „воплощенному духу зла". Но представимъ себѣ, что Шекспиръ показалъ бы намъ въ Яго, хотя бы намекомъ, существо, въ самомъ дѣлѣ сверхъестественное. Онъ имѣлъ бы на то право. Если духъ могъ открыть преступленіе Гамлету, то почему же Яго не могъ бы быть по самому намѣренію автора воплощеннымъ духомъ зла, призваннымъ восторжествовать надъ чистой „голубицей" (какъ ее называетъ Отелло) — Дездемоной, демономъ, выведеннымъ на сцену именно съ цѣлью показать адскую силу самой изображаемой страсти—ревности.

Но „Отелло"—не „Гамлетъ"; „Отелло"—произведеніе отмѣченное полной реальностью, и потому, роль духа зла въ немъ поручена живому человѣку, такому, который все приноситъ въ жертву своимъ видамъ, для котораго чужія страданія не значатъ ровно ничего. Развѣ и въ наше время не встрѣчаются злодѣи, которые избиваютъ цѣлыя семьи, съ дѣтьми, чтобы завладѣть нѣсколькими рублями, или рецидивисты, на душѣ которыхъ лежатъ десятки и болѣе звѣрскихъ убійствъ? А возьмемъ историческіе типы начала XVI столѣтія въ Италіи, гдѣ, по выраженію Лютера, „воздухъ дышалъ отравой", возьмемъ семью Борджія. По тонкому замѣчанію Маколея, итальянцы той эпохи смотрѣли бы на Отелло и Яго совсѣмъ иначе, чѣмъ мы. „Отелло внушалъ бы имъ ненависть и презрѣніе, а Яго, съ его умомъ, ясностью сужденія, пониманіемъ чужой природы, съ умѣньемъ скрывать свою, удостоился бы съ ихъ стороны нѣкотораго уваженія".

Яго, въ самомъ дѣлѣ, таковъ. Это—умный человѣкъ и безсердечный эгоистъ, а кромѣ того—неудачникъ, знающій себѣ цѣну и озлобленный тѣмъ, что ни его умъ, ни его военныя заслуги не были достаточно оцѣнены на службѣ, гдѣ господствуетъ тотъ „бичъ, что предпочтеніе дается по рекомендаціи и расположенію, а не по старшинству". Отелло видѣлъ отличія, оказанныя имъ въ дѣлахъ на Родосѣ и Кипрѣ и въ другихъ странахъ, христіанскихъ и невѣрныхъ, но предпочелъ ему какого-то „ученаго счетовода" и этого избралъ сво-

имъ помощникомъ въ командованіи; а Яго, хотя старшій въ отрядѣ офицеръ, принужденъ оставаться „адъютантомъ его арапства".

Понятна его злоба противъ Отелло и Кассіо. Злобствовать противъ Дездемоны онъ не имѣетъ причины: но онъ хочетъ разрушить счастье своего ненавистнаго начальника, котораго, вдобавокъ, подозрѣваетъ въ прежней связи съ его, Яго, женою и хочетъ отомстить ему, доказавъ невѣрность его собственной жены. Яго признаетъ и добродѣтель Дездемоны, и благородный характеръ Отелло, но это не мѣшаетъ ему презирать ихъ и ненавидѣть, точно такъ, какъ онъ относится ко всѣмъ людямъ, считая ихъ, вообще, глупцами, игрушками своихъ страстей и орудіями въ рукахъ немногихъ, „владѣющихъ собственной душой и думающихъ только о себѣ".

Многіе комментаторы нашей трагедіи признаютъ, что Яго — плебейскаго происхожденія, хотя на это нѣтъ указанія ни у Чинтіо, ни у Шекспира. Но такая догадка позволительна уже потому, что этимъ обстоятельствомъ легче всего объяснить неуспѣхъ на службѣ такого способнаго человѣка и заслуженнаго офицера. Яго не лишенъ образованія, онъ, напримѣръ, упоминаетъ о Юпитерѣ, онъ человѣкъ бывалый, знакомъ и съ Англіею. Но главныя его черты —злобный пессимизмъ по отношенію къ людямъ, отрицаніе всякихъ нравственныхъ понятій, вѣчный сарказмъ въ примѣненіи ко всему, и безусловный эгоизмъ, допускающій всѣ средства для достиженія цѣли.

Яго искусно, съ полнымъ знаніемъ тѣхъ людей, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, придумываетъ ту „сѣть", въ которую онъ поймаетъ ненавистныхъ ему Отелло и Кассіо и опаснаго ему, обманутаго имъ Родриго, сѣть, въ которой они столкнутся другъ съ другомъ. И съ какимъ презрѣньемъ онъ говоритъ о своихъ жертвахъ, съ какимъ высокомѣріемъ называетъ „глупцомъ" Отелло, упавшаго въ обморокъ! Какъ ѣдко онъ иронизируетъ надъ своимъ добрымъ совѣтомъ, даннымъ Кассіо, совѣтомъ, который, дѣйствительно, разуменъ, но поведетъ къ гибели обоихъ начальниковъ. „Хитроуміе адскихъ богослововъ! Когда черти предпринимаютъ самое гнусное злодѣяніе, то наряжаются въ небесную наружность". Но Яго, хотя и клянется „Богомъ" и „Мессою", не вѣритъ ни въ добро, ни въ зло; онъ владѣетъ „собственной душой" и люди для него — глупыя пѣшки. Это, по модному выраженію, своего рода „сверхчеловѣкъ".

Французскій поэтъ Альфредъ де-Виньи, который перевелъ „Отелло", замѣчаетъ, что если Яго — человѣкъ, хотя бы и злодѣй, то неестественно, что онъ губитъ такихъ людей, къ которымъ не можетъ чувствовать мести (таковы Дездемона, Эмилія, Родриго), а если онъ — духъ зла, то напрасно онъ прибѣгаетъ къ такимъ пріемамъ, изъ которыхъ нѣкоторые впослѣдствіи самъ оставляетъ, и употребляетъ средства, которыя зрителю должны казаться невѣроятными.

О слабости доводовъ вины Дездемоны и о томъ, что эта слабость, во-первыхъ, неизбѣжна, а во-вторыхъ, разсчитана на исключительную природу Отелло, выше уже упомянуто. Что касается разныхъ добавочныхъ пріемовъ Яго, какъ, напримѣръ, его намѣренія вызвать бунтъ на островѣ, то это лишь доказательство, что Яго—живой человѣкъ, а не духъ зла. Но онъ не былъ бы настоящимъ злодѣемъ, какіе, впрочемъ, вовсе нерѣдки, если бы онъ содрогнулся передъ убійствомъ людей, которые хотя ничего ему не сдѣлали, но опасны ему или становятся опасными жертвами при достиженіи имъ цѣли. Гервинусъ („Шекспиръ") напоминаетъ, что поэтъ въ исторіи своей же родины имѣлъ примѣръ злодѣя, неуступающаго Яго; это Ричардъ III.

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на вѣское замѣчаніе, высказанное Мэшиномъ, въ „Запискахъ о Шекспирѣ", которое опровергаетъ взглядъ нѣкоторыхъ критиковъ, будто типъ Яго, какъ воплощеніе безграничной злобы, какъ нѣкоего демона, стремящагося сдѣлать возможно больше зла, преувеличенъ и неестественъ. Мэшинъ замѣчаетъ, что въ намѣренія Яго входитъ только поссорить Отелло съ его помощникомъ, Кассіо, и занять самому мѣсто послѣдняго, а также отомстить за обиду, которая была нанесена ему, Яго, предпочтеніемъ ему Кассіо. Яго самому себѣ говоритъ только о „сѣти, въ которую онъ запутаетъ всѣхъ", но изъ словъ его въ началѣ вовсе не видно, чтобы онъ желалъ смерти Дездемоны, или хотя бы и Кассіо.

На легко воспламеняющуюся натуру Отелло Яго разсчитывалъ только для успѣха своей клеветы, но онъ не предвидѣлъ того страшнаго взрыва, какой эта клевета произведетъ въ Отелло. Когда Отелло сразу поставилъ вопросъ о жизни и смерти, когда онъ набросился съ ругательствомъ и угро-

зами на самого Яго, требуя отъ него положительнаго доказательства вины, то Яго уже невозможно было ни пойти назадъ, ни даже остановиться. На слова Отелло, что онъ убьетъ Дездемону, Яго выставляетъ совѣтъ оставить ей жизнь, но видя безвыходность положенія, самъ потомъ придумываетъ способъ убійства — задушеніе. При той, неожиданной для Яго, крайней постановкѣ дѣла, какую создаетъ ревнивое безуміе Отелло, чувство самосохраненія не оставляетъ клеветнику иного выбора: онъ долженъ идти далѣе, подвинуть дѣйствіе къ трагической развязкѣ. При этомъ Дездемона должна умереть, такъ какъ это неизбѣжно, а Кассіо долженъ умереть потому, что иначе онъ обличитъ его и тогда умретъ Яго. Передъ концомъ, онъ и говоритъ прямо, что Кассіо и Родриго должны умереть, этотъ послѣдній по той причинѣ, что въ случаѣ смерти Дездемоны, онъ потребуетъ назадъ тѣ деньги, которыя онъ давалъ Яго на подарки для Дездемоны.

Если судить о дѣйствіяхъ Яго такъ, какъ ихъ толкуетъ Мэшинъ, то это, конечно, нѣсколько ослабитъ наше представленіе о прозорливости Яго; онъ долженъ былъ предвидѣть, что для такого человѣка, какъ Отелло, вина его жены тотчасъ вызоветъ конецъ всего — тотъ „хаосъ", о которомъ упоминаетъ мавръ. Но Яго все-таки могъ впасть въ такую ошибку, могъ думать только набросить тѣнь на Кассіо, желая его удаленія, и не ожидать, что Отелло станетъ грозить смертью самому обвинителю, если тотъ не пойдетъ въ обвиненіяхъ до конца. Гервинусъ, такъ же какъ А. де-Виньи, отмѣчаетъ то обстоятельство, что Яго видоизмѣняетъ свои планы.

Тэнъ, въ „Исторіи англійской литературы", такъ характеризуетъ Яго: „черта, которая заканчиваетъ Яго и ставитъ его наряду съ Мефистофелемъ, это—та жестокая правда и то сильное разсужденіе, съ которымъ онъ свое злодѣйство приравниваетъ къ добродѣтели... Прибавивъ къ этому дьявольскій юморъ (verve). неистощимую изобрѣтательность образовъ, каррикатуръ, грязныхъ пошлостей, казарменный тонъ, вкусы и манеры солдата, привычку къ притворству, хладнокровію, ненависти и терпѣливому выжиданію, пріобрѣтенную среди опасностей и хитростей боевой службы, въ бѣдахъ долгаго униженія и несбывавшихся ожиданій — понимаешь, какимъ образомъ Шекспиру, вмѣсто абстрактнаго вѣроломства, удалось представить лицо реальное и видишь, что жестокая месть Яго является естественнымъ послѣдствіемъ его природы, воспитанія и жизни".

Къ этому можно прибавить, что какъ ни ненавистна роль Яго, но великій художникъ далъ ему столько ума, живости и оригинальности, что съумѣлъ придать этому типу огромный интересъ, который, если не искупаетъ, то все-таки нѣсколько стушевываетъ возбуждаемое имъ отвращеніе. Гервинусъ въ своей книгѣ „Шекспиръ", разбирая типъ Яго, называетъ его „приставомъ (Scherge) судьбы" и признаетъ этотъ типъ однимъ изъ наиболѣе глубокообдуманныхъ и замѣчательныхъ у Шекспира.

Красавецъ Кассіо, который, не зная о томъ, служитъ орудіемъ Яго, чтобы погубить Отелло и Дездемону—другъ Отелло и добрый малый. Онъ содѣйствовалъ успѣху Отелло, когда тотъ еще ухаживалъ за Дездемоной и, по ея словамъ, когда ей случалось отзываться неблагосклонно объ Отелло, всегда заступался за него. Онъ увѣренъ въ дружбѣ Дездемоны и смѣло обращается къ ея покровительству, когда Отелло увольняетъ его за нападеніе на Родриго въ пьяномъ видѣ. Кассіо — образованный офицеръ и свѣтскій человѣкъ, флорентинецъ съ мягкими манерами. Тривіальный Яго ненавидитъ его и за все это, вдобавокъ къ тому, что Кассіо, по выбору Отелло, занималъ мѣсто его помощника въ командованіи войскомъ, на которое имѣлъ виды самъ Яго и о которомъ для него ходатайствовали нѣкоторые венеціанскіе патриціи.

Когда Яго говоритъ о Кассіо въ первой сценѣ, то ставитъ ему въ вину и то, что онъ флорентинецъ, и то, что онъ — математикъ и съ военнымъ дѣломъ знакомъ только по „книжной тактикѣ"; что его военное знаніе — „пустая болтовня, безъ практики", что ему не случалось выстроить и эскадрона въ бою, что онъ — „мужчина почти проклятый въ красивую бабу, а о боевомъ порядкѣ знаетъ не больше, чѣмъ дѣвица". Въ одномъ только онъ не обвиняетъ Кассіо, въ этомъ искреннемъ своемъ разговорѣ съ Родриго, именно въ томъ, въ чемъ будетъ затѣмъ обвинять Кассіо передъ Отелло, то есть въ увлеченіи Дездемоной, потому что это неправда.

По поводу Кассіо не мѣшаетъ отмѣтить изобрѣтательность многочисленныхъ комментаторовъ Шекспира. Можно сказать, на каждую пятую строку трагедіи „Отелло" имѣется нѣсколько комментаріевъ. И вотъ,

относительно словъ Яго о Кассіо — „мужчина почти проклятый (т.-е. осужденный) въ красивую бабу“—„a fellow almost damn'd in a fair wife“—въ изданіи Фёрнесса есть цѣлыхъ пять страницъ большого формата петитомъ толкованій разныхъ авторовъ о томъ, что можетъ значить damned in a fair wife. Всѣ признаки, что здѣсь описка или опечатка: Яго, по своей обычной, злобной грубости, вмѣсто „обращенъ въ бабу“, сказалъ „проклятъ“ въ бабу, что у него выходитъ совсѣмъ естественно. Тѣмъ не менѣе одни комментаторы перестраиваютъ этотъ періодъ, другіе предлагаютъ, вмѣсто wife, слова strife, guise или wise, измѣняя смыслъ, третьи понимаютъ такъ, что Кассіо очарованъ красивой женщиной, то есть Біанкой, съ которой онъ состоитъ въ связи, или вообще всякой красивой женщиной, а одинъ—такъ полагаетъ, что Кассіо проклятъ самой своей красотой, своей „физіономіею“ и что вмѣсто „wife“ слѣдуетъ читать„ phyz“ и т. д.

И ни одинъ изъ комментаторовъ не принимаетъ словъ Яго въ ихъ прямомъ смыслѣ, какъ ихъ обыкновенно понимаютъ переводчики. Напр., въ превосходномъ переводѣ Боденштедта: „ein Bursch von Aussehn fast wie'n schönes Weibsbild“. Самъ Фёрнессъ, приведя десятка два различныхъ комментаріевъ на эти слова, признается, что смыслъ ихъ теменъ, и отказывается высказать какое-либо собственное предположеніе.

Впрочемъ, напрасно было бы относиться пренебрежительно къ этому множеству толкованій. Во-первыхъ, они оправдываются многочисленностью описокъ или опечатокъ въ первомъ изданіи, а во-вторыхъ, свидѣтельствуютъ о томъ уваженіи и заботливости, съ какой соотечественники Шекспира относятся ко всякой подробности въ текстѣ его пьесъ.

Другимъ примѣромъ такой мелочной заботливости въ изученіи текста представляется разногласіе нѣкоторыхъ англійскихъ критиковъ относительно того, сколько времени обнимаетъ дѣйствіе трагедіи, то есть, какъ былъ продолжителенъ ходъ ея событій. Не оставивъ безъ вниманія ни одного самого ничтожнаго указанія текста о дняхъ недѣли, когда совершилось то или другое событіе трагедіи, Фёрнессъ разсчитываетъ, что все произошло въ теченіе 36 часовъ.

Это было бы недалеко отъ соблюденія одного изъ пресловутыхъ „единствъ“, ограничивавшаго драматическое дѣйствіе сутками. Но Фёрнессъ приводитъ и пространное изслѣдованіе Уильсона, который, въ числѣ иныхъ мелкихъ указаній текста, ссылается на слова Эмиліи, что Яго „сто разъ“ требовалъ, чтобы она украла у Дездемоны платокъ. А развѣ возможно было требовать чего-нибудь сто разъ всего въ 36 часовъ? Вильомъ приходитъ къ такому заключенію, что между III и IV актами проходитъ, по меньшей мѣрѣ, недѣля и что въ общемъ событія требовали не менѣе 11 дней.

Въ числѣ комментаріевъ къ „Отелло“ приведемъ одинъ изъ новѣйшихъ, отличающійся несомнѣнной оригинальностью. Онъ былъ помѣщенъ въ „запискахъ“ нью-іоркскаго шекспировскаго общества и въ 1899 г. изданъ отдѣльною книгой: „A further study of the Othello.“ Авторъ, Уэлькеръ Гивенъ, имѣетъ притязаніе доказать, что всѣ предшествующіе комментаторы и критики этой трагедіи не примѣтили главной въ ней черты, которая ставитъ ее еще выше, чѣмъ признаютъ ея почитатели. По мнѣнію Гивена, Шекспиръ явился въ ней первымъ борцомъ противъ расовыхъ предразсудковъ, вывелъ въ лицѣ Отелло такого представителя черной расы, который нравственно выше и чище всѣхъ европейскихъ героевъ великаго трагика.

Отелло—негръ и былъ рабомъ, но возвысился до степени вождя европейскаго войска, снискалъ любовь „бѣлой“ патриціанки, къ тому же выросшей среди богатства и изящества, одаренной тонкою природой и чистотою, существа почти святого. Но какъ такое существо могло отдаться негру, какъ могъ допустить нѣчто подобное Шекспиръ въ Елизаветинское время въ Англіи, когда негровъ за связь съ бѣлыми женщинами закапывали живыми въ землю по грудь и умерщвляли голодомъ, причемъ за одну подачу жертвѣ пищи полагалась смертная казнь?

Гивенъ доказываетъ невозможность такого пониманія, говоритъ, что тогдашніе зрители были бы возмущены этими фактами и не позволили бы представлять такую пьесу. Если же они этого не сдѣлали, а наоборотъ, увлеклись ею, то это значило, что имъ было понятно одно такое намѣреніе Шекспира, которое осталось непонятымъ всѣми его толкователями. Намѣреніе это, по словамъ Гивена, заключалось въ томъ, чтобы представить Отелло не простымъ звѣрскимъ ревнивцемъ, но человѣкомъ нравственно-высшимъ, способнымъ на чисто-идеальную любовь. Онъ обожалъ въ

Дездемонѣ совершенство физической и нравственной красоты, и ихъ любовь, ихъ бракъ были—платоническими. Вотъ что, по увѣренію Гивена, примиряло современныхъ зрителей съ бракомъ, противъ котораго отецъ Дездемоны Брабанціо такъ возмущался, что умеръ съ горя по его заключеніи.

И вотъ, новый комментаторъ положительно утверждаетъ (и этому посвящена вся его книга), что бракъ этотъ былъ заключенъ — только въ смыслѣ идеальной любви и въ глазахъ закона, но не въ смыслѣ супружескаго сожитія. Въ подтвержденіе своего взгляда Гивенъ приводитъ нѣсколько малодоказательныхъ словъ дѣйствующихъ лицъ, словъ, которымъ онъ даетъ произвольно расширенное значеніе. Но при этомъ онъ ссылается и на одинъ такой фактъ, въ которомъ позволительно видѣть, если и не доводъ, то слабое основаніе для довода. Этотъ фактъ состоитъ въ томъ, что осыпанная тяжкими и грубыми оскорбленіями мужа Дездемона велитъ прислуживающей ей Эмиліи постлать ей на слѣдующую ночь (въ которую совершилось убійство) „ея брачныя простыни“. Припоминая значеніе, какое придавалось въ тѣ времена (какъ то было и въ московскомъ государствѣ) доказательствамъ непорочности невѣсты, Гивенъ утверждаетъ, что Дездемона рѣшилась опровергнуть обвиненіе, сдѣлавшись фактическою женою Отелло, а потому и хотѣла явиться вновь съ обстановкой невѣсты. Иначе, по мнѣнію Гивена, немыслимо, чтобы Дездемона велѣла постлать свадебное бѣлье именно послѣ того, какъ Отелло назвалъ ее падшею женщиной и еще хуже.

Въ идеальности любви и самаго брака критикъ видитъ черту деликатности Отелло, и ею-то Шекспиръ примирилъ свою публику съ бракомъ, который долженъ былъ казаться возмутительнымъ, и, такъ сказать, одухотворилъ этого негра, поставивъ его выше всѣхъ своихъ героевъ бѣлой расы. Въ увлеченіи своей догадкой, Гивенъ доходитъ до того, что предполагаетъ фактъ этотъ извѣстнымъ самому венеціанскому сенату, который въ противномъ случаѣ, вѣроятно, отрѣшилъ бы Отелло отъ командованія, но зная о „фактѣ“, признаетъ, что Отелло, способный къ такому воздержанію и нравственной дисциплинѣ, тѣмъ самымъ доказываетъ и свою способность повелѣвать другими. Когда же, повѣривъ „честному Яго“, Отелло убѣдился, что Дездемона—существо низкое, то это возмутило его тѣмъ болѣе, чѣмъ собственная его любовь къ ней была чище и возвышеннѣе и онъ уже не мститъ этому существу, но караетъ его.

Хотя Гивенъ и придаетъ трагедіи особое значеніе, видя въ ней намѣреніе Шекспира выступить противникомъ расоваго предразсудка, но аргументація американскаго критика показываетъ, какое первостепенное значеніе онъ самъ придаетъ этому предразсудку, не допуская и мысли, чтобы бракъ негра съ европейской женщиной могъ не возмутить публику, какъ бы симпатичнымъ ни былъ представленъ этотъ негръ. Однако же увѣренность Гивена въ томъ, что Отелло — настоящій негръ — „coal-black“, основана только на тѣхъ словахъ въ трагедіи, гдѣ упоминается о его „чернотѣ“ и его „толстыхъ губахъ“, словахъ, которыя давно обращали на себя вниманіе комментаторовъ и признаны ими вовсе не доказывающими, что Отелло былъ именно негръ.

Что Яго и Родриго говорятъ съ отвращеніемъ о его наружности — въ этомъ сказывается только преувеличеніе, внушаемое ихъ ненавистью. А догадка Гивена, что Отелло былъ рабомъ, уже совершенно произвольна. Все указываетъ на то, что Отелло былъ только смуглъ, какъ мавръ, и что „чернота“ его — выраженіе относительное. Послѣ смѣны Отелло въ командованіи, онъ, по словамъ Яго, намѣренъ былъ отправиться въ Мавританію; тотъ же Яго въ началѣ пьесы говоритъ о немъ, какъ о „берберскомъ конѣ“. Итакъ, это — мавръ или берберъ, но не негръ.

Впрочемъ, довольно вѣроятно, что Шекспиръ представлялъ себѣ Отелло нѣсколько болѣе чернымъ, чѣмъ допускаютъ комментаторы. Извѣстно, что населеніе сѣверной Африки отличается многообразной помѣсью расъ. Тамъ проявляются различныя комбинаціи расъ семитической (арабы), древне-египетской, съ бронзовымъ оттѣнкомъ кожи (копты), бѣлой (туареги, въ которыхъ видятъ потомковъ древнихъ гиксовъ), эѳіопской (абиссинцы) и чисто негритянской. Самая вѣроятность, что зрителей Елизаветинскаго времени возмутила бы женитьба негра на европейской патриціанкѣ доказываетъ скорѣе не то, что бракъ былъ платоническимъ, а то, что Отелло, по мысли Шекспира, вовсе не былъ негромъ, но именно мавромъ.

Намъ кажется несомнѣннымъ, что это былъ мавръ болѣе темной кожи, чѣмъ у аравитянъ, типъ смѣшаннаго берберій-

скаго происхожденія, помѣсь семитической расы съ мѣстными. Онъ могъ быть гораздо менѣе черенъ, чѣмъ абиссинецъ, не говоря уже о негрѣ, но все-таки имѣть кожу болѣе темную, чѣмъ арабы, даже африканскіе. Иначе, Брабанціо не говорилъ бы о его „сажеподобной (sooty)“ груди, а Родриго о его толстыхъ губахъ. Но во всякомъ случаѣ Отелло былъ ближе къ арабу, чѣмъ къ негру, и „чернымъ“ лишь настолько, чтобы и для тогдашнихъ зрителей чернота эта не казалась совершенно отталкивающею, хотя и дѣлала его некрасивымъ. Это условіе было необходимо, чтобы возвысить и облагородить любовь Дездемоны, которая полюбила мавра, „жалѣя его за вынесенныя имъ опасности“.

Какъ лишено достаточнаго основанія увѣреніе Гивена, будто Отелло — негръ, черный какъ уголь, такъ уже вполнѣ произвольно и не имѣетъ фактической опоры мнимое „открытіе“ относительно платоничности брака, которое американскій критикъ провозглашаетъ съ такой развязностью, упрекая всѣхъ своихъ предшественниковъ въ томъ, что они не примѣтили „основной черты“ трагедіи. Мнимое доказательство „брачныхъ простынь“ устраняется простымъ соображеніемъ, что Дездемонѣ, смертельно оскорбленной мужемъ и находящейся, какъ она говоритъ сама, въ полусонномъ состояніи, приходитъ мысль о смерти и, по свойственной женщинамъ памяти о вещахъ, относящихся къ одеждѣ и къ домашнему обиходу вообще, и по тому символическому значенію, какое онѣ склонны придавать подвѣнечному наряду и брачной обстановкѣ, несчастная жертва велитъ постлать себѣ свадебныя простыни.

На это достаточно ясно указываютъ ея же слова, обращенныя къ Эмиліи: „если я умру раньше тебя, то пожалуйста, заверни меня въ одну изъ этихъ простынь“. Итакъ, она видитъ въ этой свадебной принадлежности—саванъ для себя, а вовсе не то нелѣпое свидѣтельство, какое предполагаетъ Гивенъ. Даже, если бы бракъ былъ только идеальный, то психологически невозможно, чтобы такое существо, какъ Дездемона, могло помышлять о томъ, что ему приписываетъ Гивенъ, тотчасъ послѣ жестокаго оскорбленія, какое Дездемонѣ нанесено мужемъ.

Если предложенную американскимъ критикомъ теорію мы разобрали съ нѣкоторой подробностью, то только потому, что это — одинъ изъ новѣйшихъ вкладовъ въ цѣлую библіотеку того, что ужъ было написано о трагедіи „Отелло“.

Всѣ изслѣдователи относятъ „Отелло“ къ періоду творчества Шекспира отъ 1601 до 1610 г. Но есть достаточныя основанія, чтобы остановиться на опредѣленной датѣ—1604 года. Въ томъ же году трагедія была представлена на театрѣ „Globe“, причемъ роль мавра исполнялъ Бэрбэджъ, директоръ труппы и главный актеръ. Въ одной элегіи на его смерть упоминается, что роль „страждущаго мавра“ была та, въ которой онъ наиболѣе трогалъ публику. Гервинусъ замѣчаетъ по этому поводу, что, стало быть, Бэрбэджъ особенно подчеркивалъ именно разочарованіе и скорбь самого Отелло.

Время же, къ которому относится дѣйствіе, заключается въ рамкахъ столѣтняго періода 1471 до 1571 г.г., въ которомъ Венеція владѣла островомъ Кипромъ. Кромѣ перваго акта, который происходитъ въ Венеціи, всѣ дѣйствія трагедіи разыгрываются на Кипрѣ и притомъ не въ главномъ городѣ Никозіи, но въ укрѣпленномъ портѣ Фамагуста, какъ то видно изъ прибытія кораблей и изъ осмотра самимъ Отелло укрѣпленій (works).

Сюжетъ, какъ уже сказано, заимствованъ изъ разсказа, содержащагося въ ста новеллахъ (Hecatommithi) Джамбаттисты Джиральди Чинчіо, изданныхъ въ Венеціи въ 1566 году. Третій десятокъ этихъ новеллъ, во главѣ которыхъ находится повѣсть о венеціанскомъ маврѣ, посвященъ благородной синьорѣ Лаурѣ д'Эсте. Такъ какъ въ Венеціи существовалъ знатный родъ Mori, то возникла догадка, что „moro“ герой разсказа Чинтіо былъ вовсе не мавръ, а Moro, одинъ изъ членовъ той фамиліи, тѣмъ болѣе, что Христоферъ Моро былъ именно намѣстникомъ Кипра, откуда выѣхалъ въ 1508 году, потерявъ жену.

Въ 1837 г. Роудонъ Броунъ высказалъ это предположеніе въ книгѣ, изданной въ Венеціи на итальянскомъ языкѣ. Новѣйшую и интересную замѣтку по этому вопросу мы находимъ въ изданіи „Jahrbücher der deutschen Shakespeare's Gesellschaft“, въ томѣ 1889 года. Здѣсь помѣщена статья Энгеля „Zur Urgeschichte des Ottello“. Онъ ссылается на хроникера Марино Сануто, который подъ числомъ 27 октября 1508 г. помѣчаетъ: „сегодня былъ въ коллегіи (въ Венеціи) синьоръ Кристобаль Моро, бывшій намѣстникъ на Кипрѣ, нынѣ избранный ко-

мандующимъ въ Кандіи, съ бородою, по случаю смерти его жены" (знакъ траура). А черезъ нѣсколько дней, подъ 5 ноября, у Сануто записано: „синьоръ Кристобаль Моро отказался отъ новаго назначенія и вмѣсто него посылается (на Кандію) другой командующій" (capetanio).

Энгель не высказываетъ своего мнѣнія по вопросу, который, какъ мы уже сказали, былъ возбужденъ Роудономъ Броуномъ: не былъ ли мавръ новеллы Чинтіо членомъ венеціанской фамиліи Моро и, быть можетъ, именно Христофоромъ Моро, командовавшимъ на Кипрѣ и потерявшимъ тамъ жену. Но Энгель указываетъ на одно обстоятельство, которое, пожалуй, дѣлаетъ эту догадку правдоподобною. Замѣчательно, что Чинтіо въ своей новеллѣ умалчиваетъ объ именахъ дѣйствующихъ лицъ, за исключеніемъ Дездемоны, которая у него называется Диздемоной, что должно означать только „несчастная" на нѣсколько сомнительномъ греческомъ языкѣ Чинтіо. Остальныя лица названы лишь по своему положенію: „moro, capitano (командующій)", „alfiero (хоругвеносецъ, Яго)", „capo di squadra (начальникъ отряда или команды, Кассіо)". Какъ объяснить отсутствіе именъ? Энгель объясняетъ это тѣмъ, что Чинтіо хорошо зналъ Венецію, и если основу своей повѣсти взялъ изъ дѣйствительнаго происшествія, то, будучи секретаремъ герцога феррарскаго Геркулеса II изъ дома Эсте и поочередно занимая каѳедры элоквенціи въ нѣсколькихъ университетахъ, онъ и не могъ привесть именъ тѣхъ лицъ, къ которымъ относится разсказъ. Впрочемъ, во всемъ остальномъ Энгель только повторяетъ Броуна.

Нѣкотораго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, указанное Роудономъ Броуномъ, что роковой платокъ, подаренный мавромъ или Кристобалемъ Моро Дездемонѣ, у Шекспира вышитъ рисункомъ ягодъ клубники, а въ гербѣ рода Моро находятся три черныя тутовыя ягоды и три лазоревыя рыбины (корабельные брусья) въ серебряномъ щитѣ. Слово „moro" по-итальянски означаетъ тутовое дерево (mûrier), также какъ и мавра или негра. Щитъ этотъ, по словамъ Броуна, находится и доселѣ въ сѣняхъ, въ которыя ведетъ лѣстница dei Giganti, такъ какъ соименникъ этого Моро, старшій Христоферъ Моро, былъ дожемъ Венеціи и построилъ эту часть сѣней.

Конечно, эта догадка не имѣетъ значенія для трагедіи Шекспира, герой которой, несомнѣнно, мавръ. Но, если въ основу того разсказа, который послужилъ темой для трагедіи, легла легенда о Моро, внукѣ дожа, то мысль о немъ можетъ, пожалуй, дать добавочный поводъ къ тому, чтобы, изображая Отелло африканскимъ мавромъ, не дѣлать, по крайней мѣрѣ, изъ него—негра.

Въ заключеніе комментаріевъ, остановимся на вопросѣ, въ драматическомъ отношеніи маловажномъ, но всетаки не лишенномъ значенія, хотя большинствомъ толкователей игнорируемомъ: какое собственно положеніе занимали Отелло, Кассіо и Яго въ венеціанской службѣ на Кипрѣ? Чинтіо называетъ своего мавра—capitano, какъ и Сануто называетъ синьора Кристобаля Моро. Но у обоихъ „il moro" или Moro является военнымъ начальникомъ на Кипрѣ. Именованіе „capitano" у итальянцевъ, какъ и у французовъ, означаетъ не только командира роты, но еще и военачальника и полководца. Тассо, въ первомъ стихѣ своей „Jerusalemme liberata", называетъ „capitano" — герцога Готфрида Булльонскаго, предводительствовавшаго первымъ крестовымъ походомъ.

У Шекспира дѣйствующія лица называютъ Отелло „general", и Яго обращается къ нему съ титуломъ „my lord", „your lordship". Итакъ, это былъ начальникъ большого отряда, командующій войсками и губернаторъ острова. Что венеціанскія силы на Кипрѣ были значительны доказывается и ссылкою Роудона Броуна на оффиціальный документъ: депешу Лоренцо Джустиніано, преемника Моро въ командованіи на Кипрѣ въ портѣ, доносящую верховному совѣту, что онъ задержалъ въ портѣ 14 кораблей, въ виду опасности нападенія турокъ.

Между тѣмъ, ближайшіе подчиненные Отелло называются: Кассіо—lieutenant, а Яго—ancient. Ясно, что ближайшими подчиненными командующаго войсками, и хотя бы только генерала, не могли быть поручикъ и старшій послѣ него офицеръ или прапорщикъ. Между тѣмъ въ переводѣ Боденштедта Кассіо называется „Lieutenant", а Яго—„Fähnrich", что по-нѣмецки значитъ именно поручикъ и прапорщикъ, хотя въ исчисленіи статистовъ и упомянуто о другихъ „офицерахъ".

Эти названія ошибочны. Кассіо у Шекспира—lieutenant, въ смыслѣ намѣстника или помощника командующаго войсками. И дѣйствительно, при отозваніи Отелло съ острова, командующимъ назначается Кассіо.

Что касается Яго, то названіе „ancient“, т. е. „старшій“, довольно неопредѣленное. Но во всякомъ случаѣ, это — одинъ изъ высшихъ офицеровъ отряда, такъ какъ Яго претендовалъ самъ на должность помощника командующаго. Откуда же взялось названіе „хоругвеносецъ“, которое передѣлано въ Fähnrich? Оно взялось изъ новеллы Чинтіо, гдѣ злодѣемъ является alfiero. Во французскихъ лексиконахъ „alfiero“ переведено „enseigne“, что нынче также значитъ „прапорщикъ“, какъ и самое это послѣднее названіе, взятое съ польскаго, означаетъ носящаго знамя (proporzec).

Но въ войскахъ, занимавшихъ Кипръ, было, по всей вѣроятности, не одно знамя или „знакъ“ (enseigne). Почему одинъ хоругвеносецъ могъ добиваться должности помощника командующаго? Довольно вѣроятно, что Шекспиръ совсѣмъ не имѣлъ въ виду хоругвеносца, но представлялъ себѣ Яго—старшимъ офицеромъ послѣ помощника командира, а потому и назвалъ его просто ancient. Но англійскіе комментаторы видятъ въ этомъ словѣ только испорченнное „enseigne (ensign)“. Фёрнессъ приводитъ объясненіе Фоссбрука, что ancient—это былъ офицеръ, состоявшій при личной хоругви вождя, т. е. при его гербѣ, въ дѣйствительности—его личный оруженосецъ (body-squire) и полагаетъ, что Яго былъ просто адъютантомъ Отелло, какъ то видно и изъ даваемыхъ ему личныхъ порученій (отвезти Дездемону на Кипръ, смѣнить Кассіо въ караулѣ и проч.). Относительно Кассіо замѣтимъ, что у Чинтіо его роль играетъ просто начальникъ небольшого отряда или команды, или эскадры, такъ какъ онъ называется capo di squadra, а „squadra“ употребляется во всѣхъ трехъ значеніяхъ. Но у Шекспира Кассіо, безъ всякаго сомнѣнія—помощникъ Отелло, какъ командующаго, и, затѣмъ, его преемникъ.

Можетъ показаться, что здѣсь мы слишкомъ вдались въ мелочи. Однако, отмѣченныя нами мелочи имѣютъ свое значеніе. такъ какъ онѣ опредѣляютъ внѣшнія отношенія между упомянутыми лицами. Трагедія, предъ нами развертывающаяся, такъ сильна, такъ волнуетъ и трогаетъ зрителей, мѣстами прямо захватывая у нихъ духъ, что передъ этимъ впечатлѣніемъ обращаются въ ничто всѣ замѣчанія и возраженія, представленныя какими бы то ни было критиками. При очеркѣ дѣйствующихъ лицъ мы старались уяснить, что возраженія эти основаны на недоразумѣніяхъ. Понявъ характеръ дѣйствующихъ лицъ такъ, какъ они задуманы у Шекспира, нельзя не прійти къ выводу, что вся пьеса проникнута глубокой психологической правдой и что при данныхъ условіяхъ и не могло случиться нѣчто иное, что въ этой трагедіи деспотически дѣйствуетъ именно „рокъ“, опредѣленный тѣми условіями.

Вотъ почему и тѣ единственныя критическія замѣчанія объ „Отелло“, какія мы можемъ сдѣлать, ставятся нами лишь послѣ третьестепенныхъ и даже мелочныхъ фактическихъ подробностей.

Въ наше время искусству вообще предъявляются нѣсколько преувеличенныя требованія такъ называемыхъ „мѣстнаго колорита“ и внѣшней отдѣлки, проявляющейся въ подробностяхъ. Этимъ требованіямъ иногда даже приносится въ жертву тотъ высшій реализмъ, который заключается въ психологической правдѣ чувствъ и дѣйствій, въ ясности и правильности рисунка. Оригинальное освѣщеніе, и хотя бы очень тщательная отдѣлка ковра, лежащаго на полу, нынѣ иногда какъ бы искупаетъ слабость рисунка или фальшивую, неестественную постановку фигуръ. Въ музыкальной драмѣ какого-нибудь варвара постоянно характеризуютъ дикими сочетаніями звуковъ или отрывистыми ритмами, и изъ-за этой мнимой реальности забывается, что и въ изображеніи варвара всего важнѣе, всетаки, общечеловѣческія чувства, а не странныя, хотя бы и оригинальныя погремушки. Демократизація публики, интересующейся въ наше время искусствомъ, несомнѣнно, повела и къ нѣкоторой демократизаціи самого искусства и въ особенности его пріемовъ, къ погонѣ за дешевыми и грубоватыми эффектами.

И вотъ, если стать на этотъ уровень критическаго воззрѣнія и требованій, то хотя въ „Отелло“ и есть достаточный мѣстный колоритъ, но, конечно, его могло бы быть еще больше. Такъ, самъ Отелло, который уже усвоилъ воспитаніе, языкъ и манеры итальянца, Яго, Кассіо, Родриго, въ моменты возбужденія или страсти, въ восклицаніяхъ своихъ, въ языкѣ попрековъ и сѣтованій—ближе къ англичанамъ, чѣмъ къ итальянцамъ. Но это уже общее свойство всѣхъ драмъ Шекспира, съ ихъ подчасъ полнымъ пренебреженіемъ къ хронологіи, исторіи и этнографіи.

Другое, столь же неважное замѣчаніе можетъ коснуться появленія лицъ на сцену и ихъ ухода, которые иногда случайны,

не мотивированы. Но много ли выиграло бы это геніальное произведеніе, если бы авторъ озаботился удовлетворить педантическое въ этомъ отношеніи требованіе и, напримѣръ, имѣя нужду вызвать Яго снова на сцену скоро послѣ его ухода, заставлялъ бы его забыть на ней шляпу или шпагу, какъ то неукоснительно соблюдаютъ современные намъ блюстители драматической „правды"?

Сила—въ правдѣ психологической, великое искусство заключается въ яркомъ и вѣрномъ выраженіи человѣческихъ типовъ и страстей, во вдохновенномъ угадываніи развитія или смѣны душевныхъ движеній, въ нахожденіи тѣхъ словъ, въ которыхъ они передъ нами обнаруживаются съ силой, покоряющей насъ и приковывающей къ дѣйствію. А невозможно указать ни одной драмы на какомъ бы то ни было языкѣ, которой въ большей степени, чѣмъ трагедіи „Отелло" были бы присущи эта высшая правда, этотъ первостепенный реализмъ и эта внутренняя сила.

Разсматривая грозную драму, въ которой волны страсти бьютъ съ поразительной, безпримѣрной силой, не возможноне воздать восторженнѣйшей хвалы великому генію, проникшему въ самую глубь человѣческой природы. При всемъ удивленіи къ позднѣйшимъ художникамъ слова, къ богатству литературъ XVIII и XIX вѣковъ, испытываешь чувство нѣкотораго смиренія, когда, обратившись на три столѣтія назадъ, къ концу XVI вѣка, не можешь не остановиться передъ этимъ колоссомъ съ невольнымъ изумленіемъ.

Гёте преклонялся передъ Шекспиромъ. Въ „Разговорахъ съ Гёте Эккермана" находятся слѣдующія строки, которыя мы приводимъ изъ статьи Лео въ 24-мъ „Jahrbuch der deutschen Shakespeare's Gesellschaft" (1889 г.): „никто болѣе меня не признаетъ заслугъ Тика; но ошибочно преувеличивать его и сравнивать со мной. Это все равно, какъ если бы я хотѣлъ равняться съ Шекспиромъ, существомъ высшимъ, на котораго я смотрю снизу вверхъ (hinaufblicke) и котораго я долженъ чтить (verehren)". Въ одномъ изъ тѣхъ же разговоровъ есть отзывъ Гёте, что лучшимъ драматическимъ произведеніемъ Шекспира онъ считалъ „Макбета", въ смыслѣ именно сценическомъ.

„Не легко—замѣчаетъ Гёте тоже въ одномъ изъ „разговоровъ"—найти другого поэта, у котораго было бы такое сознаніе міра, какъ у Шекспира, и который, высказывая свое воззрѣніе, въ большей, чѣмъ онъ, степени дѣлалъ бы и своему читателю доступнымъ сознаніе міра. Этотъ міръ становится для насъ прозрачнымъ, мы дѣлаемся повѣренными добродѣтели и порока, величія, мелкости, благородства и развращенности". Въ „Вильгельмѣ Мейстерѣ" Гёте говоритъ его устами о произведеніяхъ Шекспира: „Это, какъ бы—дѣла небеснаго генія, который приближается къ людямъ, чтобы ознакомить ихъ краткимъ образомъ съ собою. Это уже—не поэзія. Намъ кажется, какъ будто мы стоимъ передъ раскрытыми, исполинскими книгами самой судьбы".

Такой высоты достигли очарованіе искусства, могущество слова еще передъ цѣлымъ рядомъ тѣхъ ступеней, по которымъ прошла умственная эволюція человѣчества до нашего времени. Тѣ внѣшнія формы жизни, которыми Шекспиръ облекалъ вѣчную исторію человѣческаго сердца, принадлежатъ къ очень отдаленному времени. „Елизаветинская эпоха, со своимъ Шекспиромъ,—говоритъ Карлейль („Герои и героическое въ исторіи"),—какъ продуктъ и расцвѣтъ всего предшествовавшаго ей, обязана своимъ существованіемъ католицизму среднихъ вѣковъ. Жизнь эту воспріяли въ себя и запечатлѣли два необычайные человѣка: Данте, глубокій, пламенный, какъ огонь въ центрѣ міра, и Шекспиръ—всеобъемлющій, все проникающій, какъ солнце, какъ высшій свѣтъ міра".

Со временъ Шекспира въ умственномъ мірѣ Европы сколько пронеслось теченій! Не только измѣнились внѣшнія формы жизни послѣ той эпохи, которую живописалъ Шекспиръ, но произошелъ еще длинный рядъ знаменательнѣйшихъ переворотовъ въ міровоззрѣніи и государственномъ устройствѣ.

А между тѣмъ, чей голосъ способенъ сильнѣе волновать насъ, запечатлѣваться глубже въ чувствѣ хотя бы и того поколѣнія, которое считаетъ себя пресыщеннымъ и извѣрившимся во всемъ, даже въ силѣ поэзіи? Шекспиръ является тѣмъ литературнымъ геніемъ, къ которому всякій, съ полнымъ убѣжденіемъ примѣнитъ слова Данте о Гомерѣ: „Чтите высочайшаго поэта, что надъ другими паритъ, какъ орелъ".

Л. Полонскій.

Итальянскій солдатъ XVI в. въ полномъ вооруженіи.

Венеціанскій сенаторъ.

Итальянскій гарнизонный солдатъ XVI вѣка.

(Изъ книги Cesare Vecellio. Habiti Antichi e moderni. Венеція, 1598).

Дѣйствующія лица:

Дожъ Венеціи.

Брабанціо, сенаторъ.

Два другіе сенатора.

Граціано, братъ Брабанціо.

Людовико, родственникъ Брабанціо.

Отелло, генералъ, мавръ.

Кассіо, его лейтенантъ (помощникъ).

Яго, его поручикъ (адъютантъ).

Родриго, венеціанскій дворянинъ.

Монтано, предшественникъ Отелло въ управленіи Кипромъ.

Шутъ, въ услуженіи Отелло.

Герольдъ.

Дездемона, дочь Брабанціо и жена Отелло.

Эмилія, жена Яго.

Бьянка, куртизанка, любовница Кассіо.

Офицеры, дворяне, послы, музыканты, матросы, слуги и прочіе.

Первое дѣйствіе происходитъ въ Венеціи, остальныя — на островѣ Кипрѣ.

ДВОРЕЦЪ ДОЖЕЙ ВЪ ВЕНЕЦІИ.
(Фасадъ со стороны Пьяцетты).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Венеція. Улица.

Входятъ Родриго *и* Яго.

Родриго.

Нѣтъ, Яго! нѣтъ, ты что ни говори,
А больно мнѣ, что ты, располагавшій
Моей казной, какъ собственной своею,
Про это зналъ...

Яго.

Да чортъ возьми, постой!
Меня совсѣмъ ты выслушать не хочешь.
Я презирать себя позволю, если
Хоть снилось мнѣ все это.

Родриго.

Ты всегда
Мнѣ говорилъ, что ненавидишь мавра.

Яго.

И отъ меня ты отвернись съ презрѣньемъ,
Когда я лгалъ. Три знатныхъ гражданина,
Желавшіе доставить у него
Мнѣ мѣсто лейтенанта, хлопотали
Усердно за меня. И этой чести
Я стоилъ; да, какъ честный человѣкъ
Въ томъ поклянусь: себѣ я цѣну знаю...
Но этотъ мавръ, безъ памяти влюбленный
Въ свой гордый нравъ и замыслы свои,
Отъ этихъ просьбъ отвертывался долго
Напыщенной какой-то болтовней,
Напичканной военными словами,
И, наконецъ, ходатаямъ моимъ
Онъ отказалъ, *затѣмъ что,* объяснилъ онъ,
Уже себѣ я выбралъ лейтенанта.
И кто же тотъ избранникъ?
Великій ариѳметикъ, флорентинецъ,
Какой-то Кассіо, съ одной красоткой
Уже себя связавшій по рукамъ,
Не шедшій никогда предъ эскадрономъ
И знающій порядокъ боевой
Не болѣе прядильщика любого.
Теорія лишь книжная одна,
Съ которою сенаторъ каждый въ тогѣ
Не менѣе его знакомъ, хвастливость
Безъ свѣдѣній практическихъ—вотъ все

Военное искусство флорентинца.
И все-таки онъ выбранъ—да; а я,
Я, чьи дѣла не разъ Отелло видѣлъ
Въ Родосѣ, въ Кипрѣ и въ другихъ странахъ
Языческихъ и христіанскихъ—я
Попутнаго лишенъ внезапно вѣтра
Цифирникомъ и счетчикомъ простымъ.
Онъ—лейтенантъ, а я—прости мнѣ, Боже!—
Поручикомъ у мавра остаюсь.

Родриго.

Что до меня, такъ я скорѣй желалъ бы—
Клянусь тебѣ—быть палачомъ его.

Яго.

Тутъ никакимъ лѣкарствомъ не поможешь.
Таковъ у насъ порядокъ службы: тотъ
Лишь предпочтенъ, кто знатенъ и съ связями;
Не слѣдуютъ ужъ старому порядку,
Гдѣ первому наслѣдовалъ второй.
Судите же теперь, синьоръ, вы сами—
Имѣю ль я одинъ хоть поводъ быть
Расположеннымъ къ мавру?

Родриго.

Такъ ему бы
Ужъ не служилъ я вовсе.

Яго.

Успокойся!
Служа ему, служу я самъ себѣ.
Нельзя, чтобъ мы всѣ были господами
И чтобы всѣ имѣли вѣрныхъ слугъ.
Конечно, есть такіе подлецы,
Которые, почтительно сгибаясь
И ползая, влюбленные въ свое
Презрѣнное лакейство, какъ ослы,
Работаютъ изъ-за одной лишь пищи;
А чуть они состарѣются—вонъ
Сейчасъ ихъ гонятъ. Палками бы этихъ
Всѣхъ честныхъ подлецовъ! Но есть другіе,
Которые подъ маской вѣрной службы
Скрываютъ мысль лишь о самихъ себѣ,
И, господамъ отлично угождая
Услужливостью видимой, межъ тѣмъ
Свои дѣла ведутъ съ большимъ успѣхомъ;
А понабивъ карманы, начинаютъ
Самимъ себѣ служить и угождать.
Вотъ въ этихъ-то людяхъ есть здравый смыслъ,
И къ этимъ-то и самъ принадлежу я.
Да, да, синьоръ,
Будь мавромъ я, я бъ не остался Яго:
То вѣрно такъ, какъ что Родриго—ты.
Служа ему, себѣ служу я только.
Свидѣтель Богъ, тутъ ни любви, ни долга,
А только ихъ личина для прикрытья
Намѣреній особенныхъ моихъ:
Вѣдь, внѣшними поступками раскрыть
Моей души и внутренность и сущность—
Не все-ль равно, что на ладонь ее
Всю выложить и дать въ добычу галкамъ?
Нѣтъ, я не тотъ, какимъ кажусь!

Родриго.

Ну, если
И здѣсь еще одержитъ верхъ губанъ,
Такъ счастіе везетъ ему большое!

Яго.

Теперь скорѣй ея отца будите:
Пусть онъ бѣжитъ въ погоню, отравляйте
Его покой, на весь кричите городъ,
Родню ея возстановить старайтесь
Хоть онъ живетъ на почвѣ благодатной—
Замучь его ты мухами; хоть онъ
И счастія великаго добился—
Старайся ты то счастье растревожить,
Чтобъ яркій цвѣтъ утратило оно.

Родриго.

Вотъ домъ отца! Я стану громко кликать.

Яго.

Да, да, кричите, сколько хватитъ силъ,
Тѣмъ голосомъ ужаснѣйшимъ, которымъ
Вопятъ, когда въ безпечный часъ ночной
Вдругъ городъ многолюдный загорится.

Родриго.

Брабанціо! Брабанціо! синьоръ!

Яго.

Брабанціо! вставайте! воры! воры!
Вставайте! Эй! Поберегите домъ
И дочь, и сундуки! Эй! воры, воры!

Брабанціо *появляется въ окнѣ.*

Брабанціо.

Что тутъ за шумъ? Что значатъ эти крики?
Въ чемъ дѣло? Что случилось здѣсь?

Родриго.

Синьоръ,
Домашніе всѣ ваши нынѣ дома?

Яго.

А двери всѣ у васъ затворены?

Брабанціо.

Да вамъ-то что? Къ чему вопросы эти?

Яго.

Къ тому, что вы ограблены, синьоръ.
Вставайте же скорѣе, одѣвайтесь,

Не мѣшкая. Вамъ разорвали сердце...
Утратили вы часть своей души...
Да, въ этотъ часъ, въ минуту эту черный
Старикъ-баранъ въ объятьяхъ душитъ вашу
Овечку бѣлую. Синьоръ, скорѣе
Набатомъ разбудите спящихъ гражданъ,
Иначе—чортъ васъ въ дѣда превратитъ.
Скорѣй, скорѣй!

БРАБАНЦІО.

Да что вы, помѣшались?

РОДРИГО.

Знакомъ ли вамъ, почтеннѣйшій синьоръ,
Мой голосъ?

БРАБАНЦІО.

Нѣтъ; а кто вы?

РОДРИГО.

Я—Родриго.

БРАБАНЦІО.

Ахъ, негодяй! Да я жъ тебѣ сказалъ,
Чтобъ ты не смѣлъ предъ этимъ домомъ шляться!
Вѣдь, ясно я тебѣ ужъ объявилъ,
Что дочь моя не для тебя; а ты,
Отужинавши плотно и напившись
Напитковъ одуряющихъ, въ безумьи
Пришелъ сюда; кичась отвагой глупой,
Нарушилъ мой покой...

РОДРИГО.

Синьоръ, синьоръ!

БРАБАНЦІО.

Но будь вполнѣ увѣренъ, что вліянье
Мое и санъ тебя заставятъ горько
За это поплатиться.

РОДРИГО.

Ахъ, синьоръ,
Послушайте!

БРАБАНЦІО.

Зачѣмъ ты мнѣ толкуешь
О грабежѣ? Вѣдь, городъ здѣсь, а домъ мой
Не ферма отдаленная.

РОДРИГО.

Синьоръ,
Почтеннѣйшій Брабанціо, повѣрьте,
Я къ вамъ пришелъ, какъ добрый человѣкъ.

ЯГО. Чортъ возьми, синьоръ! вы одинъ изъ тѣхъ, которые откажутся отъ служенія Богу, если того потребуетъ дьяволъ. Мы пришли сюда, чтобъ оказать вамъ услугу, а вы принимаете насъ за мошенниковъ. Вѣрно, вамъ хочется, чтобъ ваша дочь сошлась съ варварійскимъ жеребцомъ, чтобъ ваши внуки ржали подлѣ васъ, чтобъ рысаки были вашими двоюродными братьями, а иноходцы—племянниками?

БРАБАНЦІО. Ты еще что за богохульникъ?

ЯГО. Я—человѣкъ, пришедшій вамъ сказать, что въ эту минуту ваша дочь и мавръ изображаютъ собою звѣря о двухъ спинахъ.

БРАБАНЦІО.

Ты—негодяй!

ЯГО.

А вы, синьоръ, -сенаторъ.

БРАБАНЦІО.

За это ты отвѣтишь мнѣ, Родриго:
Ты мнѣ знакомъ.

РОДРИГО.

За все я отвѣчаю.
Но будьте такъ добры, скажите мнѣ—
По вашему ли мудрому согласью,
По вашему ль рѣшенью ваша дочь
Прекрасная въ глухую эту полночь
Отправилась, безъ всякой стражи, кромѣ
Наемнаго мерзавца-гондольера,
Въ сластолюбивыя объятья мавра?
Коль это вамъ извѣстно и свершилось
По вашему согласью, значитъ, мы
Вамъ нанесли большое оскорбленье;
А если нѣтъ, такъ здравый смыслъ вамъ скажетъ,
Что этотъ гнѣвъ на насъ несправедливъ.
Не думайте, прошу васъ, что, забывши
Приличіе, надъ вами я пришелъ
Шутить и издѣваться. Нѣтъ! Дочь ваша,
Когда на то не дали вы согласья,
Ужасно провинилась—повторяю,
Сковавъ свой долгъ и умъ, и красоту
Съ бездомнымъ, безобразнымъ чужеземцемъ.
Скорѣе убѣдитесь сами въ томъ;
И если вы ее найдете въ домѣ
Иль въ комнатѣ ея—за мой обманъ
Меня тогда предайте правосудью.

БРАБАНЦІО.

Огня! огня скорѣе высѣкайте;
Свѣчей сюда! Зовите слугъ моихъ!
Все это такъ со сномъ моимъ похоже...
Ужъ мысль одна о томъ меня терзаетъ...
Огня, огня—вамъ говорятъ!

(Скрывается изъ окна).

ЯГО.

Прощайте;
Я долженъ удалиться. Неприлично,

Неловко мнѣ, по званью моему,
Свидѣтелемъ явиться противъ мавра;
Оставшись же, я долженъ это сдѣлать.
Вѣдь, нашъ сенатъ, я знаю, не накажетъ
Отставкою его, а развѣ легкій
Дастъ выговоръ: онъ такъ необходимъ
Сенаторамъ для предстоящей кипрской
Войны, что ужъ никѣмъ другимъ они
Не замѣнятъ Отелло въ этомъ дѣлѣ.
Вотъ почему, хоть онъ мнѣ ненавистенъ,
Какъ муки адскія, но долженъ я
Флагъ выкинуть любви—конечно, мнимой;
А вы, чтобы вѣрнѣй его найти,
Брабанціо, къ „Стрѣлку“ теперь направьтесь
Тамъ и меня найдете. До свиданья.

(Уходитъ).

Изъ дома выходятъ Брабанціо *и слуги съ факелами.*

Брабанціо.

Такъ, правда все! Свершилось злодѣянье!
Нѣтъ, нѣтъ ея—и для меня теперь
Все въ будущемъ лишь горечь и мученье!
Родриго, гдѣ, скажи, ее ты видѣлъ?
Несчастная! Ты говоришь, что съ мавромъ?
О, кто жъ теперь отцомъ захочетъ быть?
Какъ ты узналъ, что то была она?
О, какъ меня ты страшно обманула!
Что жъ, что она тебѣ сказала? Эй,
Еще огня, еще огня! Будите
Домашнихъ всѣхъ! Какъ думаешь, успѣли
Они ужъ обвѣнчаться?

Родриго.

Полагаю.

Брабанціо.

О, Небеса! Да какъ ей удалось
Уйти отсель? О, кровная измѣна!
Отцы, отцы, не вѣрьте съ этихъ поръ
Ни въ чемъ, ни въ чемъ вы дочерямъ не вѣрьте!
Да нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ чаръ такихъ,
Которыми влекутся въ заблужденье
И молодость, и дѣвственность? Родриго,
Ты не читалъ ли гдѣ-нибудь о томъ?

Родриго.

Читалъ, синьоръ.

Брабанціо.

Гдѣ братъ мой? Позовите.
О, для чего, Родриго, я не отдалъ
Ея тебѣ!.. На поиски скорѣй!
Сюда—одни, туда—другіе. Гдѣ же
Мнѣ ихъ найти? Не знаешь ли, Родриго?

Родриго.

Я думаю, что указать могу.
Пошлите-ка сперва за доброй стражей
И слѣдуйте за мною.

Брабанціо.

Ну, веди,
Веди скорѣй! Я въ каждомъ домѣ буду
Кричать, чтобъ мнѣ давали подкрѣпленье.
Берите-ка оружье. Призовите
Чиновниковъ дозорныхъ поскорѣе.
Идемъ! идемъ! Родриго, добрый мой,
За этотъ трудъ тебя вознагражу я.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Тамъ же. Другая улица.

Входятъ Отелло, Яго *и служители съ факелами.*

Яго.

Хоть на войнѣ я убивалъ людей,
Но совѣсти считалъ всегда противнымъ
Обдуманно убійство совершить.
Мнѣ къ этому недоставало часто
Жестокости. Разъ девять или десять
Готовился я въ бокъ его пырнуть.

Отелло.

И хорошо, что этого не сдѣлалъ.

Яго.

Да какъ же быть? Онъ хвасталъ такъ ужасно
И, говоря о васъ, употреблялъ
Обидныя такія выраженья,
Что я, при всей сердечной добротѣ,
Съ большимъ трудомъ сдержалъ негодованье.
Однако же, скажите мнѣ, синьоръ,
Обвѣнчаны ли вы? Вамъ надо помнить,
Что нашъ маньифико любимъ здѣсь всѣми
И въ этомъ случаѣ его, вѣдь, голосъ
Вдвойнѣ сильнѣй, чѣмъ самый голосъ дожа.
Онъ разведетъ, навѣрно, васъ, подвергнетъ
Тяжелымъ наказаніямъ, какія
Законъ, его усиленный вліяньемъ,
Ему отдастъ на выборъ.

Отелло.

Что жъ, пускай
Онъ бѣшенству, какъ хочетъ, предается;
Но, вѣдь, мои заслуги предъ сенатомъ
Перекричатъ всѣ жалобы его.
Притомъ, когда увижу я, что чванство
Даетъ почетъ, то объявлю вездѣ,

Что родомъ я изъ царственнаго дома.
Что не нужна сенаторская шапка
Мнѣ для того, чтобъ правo я имѣлъ
Хотя бъ на то высокое блаженство,
Котораго достигнулъ я теперь.
Да, Яго, знай, когда бы Дездемоны
Я не любилъ, за всѣ богатства моря
Не заключилъ бы въ тѣсныя границы
Жизнь вольную, бездомную свою.
Но, посмотри, что за огни тамъ?

Въ отдаленіи показываются Кассіо *и нѣсколько офицеровъ съ факелами.*

Яго.

Это—
Ея отецъ разгнѣванный, и съ нимъ
Его друзья. Уйти бы вамъ.

Отелло.

Напротивъ,
Желаю я, чтобы меня нашли.
Заслуги, санъ и совѣсть безъ упрека
Меня вполнѣ—я знаю—оправдаютъ...
Они ли то?

Яго.

Нѣтъ, Янусомъ клянусь,
Мнѣ кажется—другіе.

Отелло.

Это—дожа
Служители, и лейтенантъ мой съ ними.
Ночь добрая, друзья мои! Здорово!
Что скажете?

Кассіо.

Насъ дожъ сюда отправилъ,
Чтобъ передать поклонъ вамъ, генералъ,
И попросить къ нему сейчасъ явиться,
Не медля ни минуты.

Отелло.

Для чего?
Не знаете?

Кассіо.

Какъ могъ я догадаться,
Получены сейчасъ изъ Кипра вѣсти—
Важнѣйшія какія-то дѣла.
Сегодня въ ночь съ галеръ сюда прислали
Посланниковъ двѣнадцать, одного
Вслѣдъ за другимъ. Теперь у дожа
Сенаторовъ довольно собралось!
За вами разъ тогда же посылали,
Но посланный васъ дома не засталъ.
Теперь Сенатъ во всѣ концы отправилъ,
Чтобъ разыскать скорѣе...

Отелло.

Хорошо,
Что вы меня здѣсь встрѣтили. Я только
Зайду сказать два слова въ этотъ домъ
И возвращусь немедленно. *(Уходитъ).*

Кассіо.

Поручикъ!
Что у него тутъ за дѣла?

Яго.

Сегодня
Онъ ночью взялъ къ себѣ на абордажъ
Галеру превосходную, и если
Признается законнымъ призъ его,
Онъ навсегда свое составилъ счастье.

Кассіо.

Мнѣ не совсѣмъ понятно.

Яго.

Онъ женился.

Кассіо.

На комъ?

Яго.

На...

Отелло *возвращается.*

Яго.

Что жъ, пойдемте, генералъ?

Отелло.

Идемъ.

Кассіо.

А вотъ еще другой отрядъ:
Онъ также васъ отыскиваетъ.

Входятъ Брабанціо, Родриго *и дозорные съ факелами и оружіемъ.*

Яго.

Это—
Брабанціо. Взгляните, генералъ!
Онъ съ умысломъ недобрымъ—берегитесь!

Отелло.

Стой! Кто идетъ?

Родриго.

Синьоръ, онъ здѣсь.

Брабанціо.

Хватайте
Разбойника!

(Съ обѣихъ сторонъ обнажаютъ мечи).

Яго.

А, это вы, Родриго?
Ну, что жъ, синьоръ, къ услугамъ вашимъ я.

Отелло.

Умѣрьте гнѣвъ, друзья мои, вложите
Вы свѣтлые мечи свои въ ножны,

Не то—роса ихъ ржавчиной покроетъ.
Почтеннѣйшій синьоръ мой, вы годами
Внушаете повиновенья больше,
Чѣмъ этимъ всѣмъ оружьемъ.

БРАБАНЦІО.

Подлый воръ!
Куда, куда ты дочь мою упряталъ?
Проклятый, ты околдовалъ ее!
Да я сошлюсь на все, что смыслъ имѣетъ.
Возможно ли, чтобъ, не связавъ себя
Оковами какихъ-то чаръ проклятыхъ—
Возможно ли, чтобъ дѣвушка такая
Прекрасная, невинная, на бракъ
Смотрѣвшая съ такою непріязнью,
Что юношамъ знатнѣйшимъ и красавцамъ
Венеціи отказывала всѣмъ—
Чтобъ дѣвушка такая, говорю я,
Рѣшилась дать себя на посмѣянье
Всеобщее, изъ дому убѣжать
И на груди укрыться закоптѣлой
Созданья безобразнаго, въ комъ все
Внушаетъ страхъ, а не любви отраду?
Суди меня весь міръ, когда не ясно,
Что ты ее гнуснѣйшимъ колдовствомъ
Очаровалъ, что дѣвственную юность
Ты погубилъ напитками и зельемъ,
Волнующими страсти. Я хочу,
Чтобы вполнѣ изслѣдовано было
Все это дѣло, а межъ тѣмъ оно
Правдоподобно такъ и для разсудка
Такъ осязательно, что я сейчасъ же
Беру и арестую здѣсь тебя,
Обманщика мірского, человѣка
Искуснаго въ проклятомъ колдовствѣ,
Въ занятіяхъ, закономъ запрещенныхъ.
Эй, взять его, а если станетъ онъ
Противиться—вы съ нимъ не церемоньтесь!

ОТЕЛЛО.

Друзья мои и вы всѣ остальные,
Сдержите руки. Если бъ роль моя
Была борьба, ее бы я исполнилъ
Безъ помощи суфлера—вѣрьте мнѣ.
Куда хотите вы, чтобъ шелъ я съ вами
На ваше обвиненье отвѣчать?

БРАБАНЦІО.

Въ тюрьму, въ тюрьму, пока тебя къ отвѣту
Не позовутъ законъ и правый судъ!

ОТЕЛЛО.

Да какъ же я могу повиноваться?
Какъ я тогда приказъ исполню дожа,
Котораго послы сюда пришли,
Чтобъ звать меня по дѣлу государства?

ОДИНЪ ОФИЦЕРЪ.

Онъ точно правъ, почтеннѣйшій синьоръ.
Въ совѣтѣ дожъ. Навѣрно, посылали
И васъ просить.

БРАБАНЦІО.

Какъ! дожъ въ совѣтѣ? ночью?
Ведите же его туда за мной—
И у меня, вѣдь, дѣло не пустое.
Самъ дожъ и всѣ сенаторы-собратья
Должны смотрѣть на это оскорбленье,
Какъ на свое. Когда давать мы будемъ
Такимъ дѣламъ свободный ходъ, тогда
У насъ въ главѣ правленья скоро станутъ
Язычники и подлые рабы.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Зала совѣта.

ДОЖЪ *и* СЕНАТОРЫ *сидятъ за столомъ.* ОФИЦЕРЫ *стоятъ въ отдаленіи.*

ДОЖЪ.

Въ полученныхъ извѣстіяхъ, однако,
Согласья нѣтъ—и это намъ мѣшаетъ
Имъ вѣру дать.

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

Да, правда: разногласья
Довольно въ нихъ. Мнѣ пишутъ, что число
Галеръ—сто семь.

ДОЖЪ.

А мнѣ, что ихъ сто сорокъ.

2-Й СЕНАТОРЪ.

А мнѣ—что ихъ двѣ сотни. Но хотя
Въ числѣ галеръ и не согласны письма,
Такъ какъ догадки въ разныхъ донесеньяхъ
Ведутъ всегда къ ошибкамъ, все жъ они
Всѣ говорятъ, что этотъ флотъ—турецкій
И что на Кипръ плыветъ онъ.

ДОЖЪ.

Въ этомъ всемъ
Есть много вѣроятья; потому-то
Не тѣшу я себя различьемъ въ числахъ,
Но главному я вѣрю—и боюсь.

МАТРОСЪ *(за сценой).*

Скорѣй меня впустите: новость! новость!

Входятъ ОФИЦЕРЪ *и* МАТРОСЪ.

ОФИЦЕРЪ.

Вотъ посланный съ галеръ.

СТАРАЯ ВЕНЕЦІЯ (СТАРЫЙ МОСТЪ РІАЛЬТО).

Картина извѣстнаго венеціанскаго живописца начала XV столѣтія Витторе Карпаччіо (Vittore Carpaccio); изъ его цикла «Чудеса Святого Креста».

Дожъ.

Ну что? въ чемъ дѣло?

Матросъ.

Турецкій флотъ плыветъ теперь къ Родосу.
Мнѣ приказалъ объ этомъ донести
Сенаторамъ синьоръ Анджело.

Дожъ.

Ну,
Что скажете объ этой перемѣнѣ?

1-ый сенаторъ.

Да я скажу, что это невозможно
И разуму противно. Это шутка,
Которою хотятъ насъ съ толку сбить.
Вѣдь, стоитъ намъ сообразить, какъ важенъ
Для турокъ Кипръ; потомъ припомнить то,
Что ихъ Родосъ не такъ интересуетъ,
Затѣмъ что взять гораздо легче Кипръ,
Гдѣ нѣтъ большихъ и прочныхъ укрѣпленій.
Гдѣ средствъ къ защитѣ нѣтъ такихъ, какими
Богатъ Родосъ. Подумаемъ объ этомъ—
И мы поймемъ, что турки, вѣдь, не такъ
Неопытны, чтобъ, главное оставивъ
И пренебрегши предпріятьемъ легкимъ
И выгоднымъ, пуститься на другое
Опасное, неприбыльное

Дожъ.

Да,
Они плывутъ, навѣрно, не къ Родосу.

Офицеръ.

Вотъ съ новыми вѣстями къ вамъ гонецъ.

Входитъ гонецъ.

Гонецъ.

Почтенные синьоры, оттоманы,
Поплывшіе къ Родосу, близъ него
Съ другимъ еще соединились флотомъ.

1-ый сенаторъ.

Я такъ и зналъ. А сколько ихъ, какъ слышно?

Гонецъ.

Всѣхъ тридцать кораблей. Затѣмъ они
Обратно повернули и теперь
Уже на Кипръ плывутъ. Синьоръ Монтано,
Вашъ преданный и доблестный слуга,
Объ этомъ извѣщаетъ васъ и проситъ,
Чтобъ вы ему повѣрили.

Дожъ.

Теперь
Сомнѣнья нѣтъ: ихъ путь направленъ къ Кипру.
Что, въ городѣ ли нынче Маркъ Люкезе?

1-ый сенаторъ. Онъ теперь во Флоренціи.

Дожъ. Напишите ему отъ насъ и попросите, чтобъ онъ возвратился, не медля ни минуты.

1-ый сенаторъ. Вотъ и Брабанціо съ доблестнымъ мавромъ.

Входятъ Брабанціо, Отелло, Яго, Родриго *и* офицеры.

Дожъ.

Отелло доблестный, сейчасъ должны мы
Употребить васъ въ дѣло противъ турокъ,
Враговъ республики. Но я не вижу...
(Къ Брабанціо).
А, здравствуйте, почтеннѣйшій синьоръ!
И вашъ совѣтъ, и ваша помощь—нынче
Намъ всѣ нужны.

Брабанціо.

А я ихъ жду отъ васъ.
Свѣтлѣйшій дожъ, простите мнѣ: не санъ мой,
Не эта вѣсть о новомъ, важномъ дѣлѣ
Заставили меня съ постели встать.
Не общая меня забота взволновала
Затѣмъ, что скорбь душевная моя
Бѣжитъ такимъ потокомъ неудержнымъ,
Что скорби всѣ другія поглощаетъ,
Не становясь слабѣе ни на мигъ.

Дожъ.

Но что, синьоръ? что съ вами? что случилось?

Брабанціо.

Дочь, дочь моя!

Дожъ.

Мертва?

Брабанціо.

Да, для меня!
Обманута, похищена ворами,
Обольщена снадобьемъ колдуновъ
И чарами, затѣмъ что невозможно,
Не будучи слѣпой, кривой, безумной,
Впасть въ страшное такое заблужденье
Безъ колдовства.

Дожъ.

Кто бъ ни былъ человѣкъ,
Рѣшившійся такимъ гнуснѣйшимъ средствомъ
У васъ взять дочь, а у нея—сознанье,—
Кровавую закона книгу вы
Раскроете и выберете въ ней
Возмездіе, какое захотите.
Хоть будь мой сынъ родной, не измѣню я
Рѣшенія.

Брабанціо.

Нижайше вашу свѣтлость
Благодарю. Виновный—этотъ мавръ,
Котораго по дѣлу государства
Вы, кажется, послали звать сюда.

Дожъ *и* сенаторы.

Такую вѣсть намъ очень грустно слышать.

Дожъ *(къ Отелло).*
Что можете вы отвѣчать на это?

Брабанціо.

Да только то, что правду я сказалъ.

Отелло.

Почтенные, знатнѣйшіе синьоры
И добрые начальники мои!
Что дочь увезъ у этого я старца—
Не выдумка; не выдумка и то,
Что я на ней женился; но на этомъ
Кончается и весь проступокъ мой.
Я грубъ въ рѣчахъ; къ кудрявымъ фразамъ мира
Нѣтъ у меня способности большой,
Нѣтъ потому, что этими руками
Я съ семи лѣтъ до нынѣшняго дня
На лагерныхъ поляхъ привыкъ работать.

ЗНАТНЫЙ ВЕНЕЦІАНЕЦЪ.
Картина Тиціана (Ticiano Vecellio, 1477—1576).

Изо всего, что въ мірѣ происходитъ,
Я говорить умѣю лишь о войнахъ,
Сраженіяхъ; вотъ почему теперь,
Здѣсь говоря за самого себя,
Едва ли я съумѣю скрасить дѣло.
Но пусть и такъ: я, съ вашего согласья,
Все жъ разскажу вамъ, прямо, безъ прикрасъ,
Весь ходъ любви моей; скажу, какими
Снадобьями и чарами, какимъ
Шептаніемъ и колдовствомъ всесильнымъ—
Вѣдь, въ этомъ я предъ вами обвиненъ—
Привлекъ къ себѣ я дочь его.

БРАБАНЦІО.

Такая
Смиренная и робкая дѣвица,
Краснѣвшая отъ собственныхъ движеній—
И вдругъ она, наперекоръ природѣ,
Своимъ лѣтамъ, отечеству, богатству,
Всему, всему, влюбилась въ то, на что
До этихъ поръ и посмотрѣть боялась!
Нѣтъ, только тотъ, кто поврежденъ въ разсудкѣ
Иль кто совсѣмъ съ ума сошелъ, допуститъ,
Что можетъ такъ забыться совершенство,
Наперекоръ всѣмъ правиламъ природы—
И объяснить такое дѣло должно
Ничѣмъ инымъ, какъ происками ада.
А потому я утверждаю вновь,
Что на нее онъ дѣйствовалъ какимъ-то
Снадобьемъ одуряющимъ иль зельемъ,
Для этого приправленнымъ нарочно.

Дожъ.

Такъ утверждать—не значитъ доказать,
И подкрѣпить должны вы обвиненье
Свидѣтельствомъ яснѣе и точнѣе
Такихъ пустыхъ догадокъ и такихъ
Незначущихъ и мнимыхъ заключеній.

1-ый сенаторъ.

Ну, говорите же скорѣй, Отелло:
То правда ли, что къ средствамъ запрещеннымъ,
Насильственнымъ прибѣгли вы затѣмъ,
Чтобъ подчинить себѣ и отравить
Дѣвицы юной чувства? Или въ этомъ
Успѣли вы посредствомъ убѣжденій
И тѣхъ рѣчей, которыя влекутъ
Къ одной душѣ другую?

Отелло.

Умоляю,
Пошлите вы сейчасъ къ „Стрѣлку“ за нею.
И пусть она въ присутствіи отца
Все обо мнѣ разскажетъ; если я
Изъ словъ ея виновнымъ окажусь,
Тогда меня не только что довѣрья
И сана, мнѣ дарованныхъ отъ васъ,
Лишите вы, но пусть вашъ судъ правдивый
И жизнь мою отыметъ у меня.

Дожъ.

Пошлите же сейчасъ за Дездемоной.

Отелло (*къ Яго*).

Сведи ихъ, другъ: ты знаешь, гдѣ она.
(*Яго уходитъ съ нѣсколькими офицерами*).
А между тѣмъ, почтенные синьоры,
Пока она придетъ сюда, я вамъ
Такъ искренно, какъ Богу открываю
Свои грѣхи, скажу, какъ я успѣлъ
Снискать любовь прекрасной этой дѣвы
И какъ она мою пріобрѣла.

Дожъ.

Разсказывай: мы слушаемъ, Отелло.

Отелло.

Ея отецъ любилъ меня и часто
Звалъ въ домъ къ себѣ. Онъ заставлялъ меня
Разсказывать исторію всей жизни,
Годъ за годъ—всѣ сраженія, осады
И случаи, пережитые мной.
Я разсказалъ все это, начиная
Отъ дѣтскихъ дней до самаго мгновенья,
Когда меня онъ слышать пожелалъ.
Я говорилъ о всѣхъ моихъ несчастьяхъ,
О бѣдствіяхъ на сушѣ и моряхъ:
Какъ ускользнулъ въ проломѣ я отъ смерти,
На волоскѣ висѣвшей отъ меня;
Какъ взятъ былъ въ плѣнъ врагомъ жестокосердымъ
И проданъ въ рабство; какъ, затѣмъ, опять
Я получилъ свободу. Говорилъ я
Ему о томъ, что мнѣ встрѣчать случалось
Во время странствій: о большихъ пещерахъ,
Безплоднѣйшихъ пустыняхъ, страшныхъ безднахъ,
Утесахъ неприступныхъ и горахъ,
Вершинами касающихся неба;
О канибалахъ, что ѣдятъ другъ друга,
О племени антропофаговъ злыхъ
И о людяхъ, которыхъ плечи выше,
Чѣмъ головы. Разсказамъ этимъ всѣмъ
Съ участіемъ внимала Дездемона,
И каждый разъ, какъ только отзывали
Домашнія дѣла ее отъ насъ,
Она скорѣй старалась ихъ окончить,
И снова шла, и жадно въ рѣчь мою
Впивалася. Все это я замѣтилъ
И, улучивъ удобный часъ, искусно
Съумѣлъ у ней изъ сердца вырвать просьбу—
Пересказать подробно ей все то,
Что слышать ей до этихъ поръ безъ связи,
Урывками одними привелось.
И началъ я разсказъ мой и не разъ
Въ ея глазахъ, съ восторгомъ, видѣлъ слезы,
Когда я ей повѣствовалъ о страшныхъ
Несчастіяхъ изъ юности моей.
Окончилъ я—и цѣлымъ міромъ вздоховъ
Она меня за трудъ мой наградила,
И мнѣ клялась, что это странно, чудно
И горестно, невыразимо горько;
Что лучше ужъ желала бы она
И не слыхать про это; но желала бъ,
Чтобъ Богъ ее такою сотворилъ,
Какъ я; потомъ меня благодарила,
Прибавивши, что если у меня
Есть другъ, въ нее влюбленный,—пусть онъ только
Разскажетъ ей такое жъ о себѣ—
И влюбится она въ него. При этомъ
Намекѣ я любовь мою открылъ.
Она меня за муки полюбила,
А я ее—за состраданье къ нимъ.
Вотъ чары всѣ, къ которымъ прибѣгалъ я.
Она идетъ—спросите у нея.

Входятъ Дездемона, Яго *и* офицеры.

Дожъ.

Ну, и мою бы дочь увлекъ, конечно,
Такой разсказъ. Брабанціо почтенный,
Что кончено, того не воротить,
И слѣдуетъ вамъ съ этимъ примириться
Вы знаете, что люди чаще бьются

ВЕНЕЦІАНСКІЙ ДОЖЪ.

Портретъ дожа Андрея Гритти, 1523—1538; кисти Тиціана (Tiziano Vecellio).

Хоть сломаннымъ оружьемъ, но оружьемъ,
Чѣмъ голыми руками.

БРАБАНЦІО.

Я прошу,—
Послушайте еще ея признанье.
И если здѣсь сознается она
Въ участіи своемъ хоть вполовину—
Пусть смерть падетъ на голову мою,
Когда его смущу я укоризной.
Поди сюда, любезное дитя!
Ты знаешь ли, кому изъ здѣсь сидящихъ
Почтеннѣйшихъ синьоровъ ты должна
Оказывать всѣхъ больше послушанья?

ДЕЗДЕМОНА.

Я знаю то, отецъ мой благородный,
Что на-двое распался здѣсь мой долгъ:
Вамъ жизнію и воспитаньемъ я
Обязана; и жизнь, и воспитанье,
Сказали мнѣ, что васъ должна я чтить:
Вы мой глава, я ваша дочь, родитель,
Но вотъ мой мужъ. Позвольте же и мнѣ
Быть столько же покорной мавру, сколько

И мать моя, съ своимъ отцомъ разставшись
И выбравъ васъ, была покорна вамъ.

БРАБАНЦІО.

Ну, Богъ съ тобой! Я кончилъ, ваша свѣтлость.
Угодно вамъ—мы перейдемъ къ дѣламъ
Республики. О, лучше бъ я хотѣлъ
Пріемыша имѣть, чѣмъ дочь родную!
Мавръ, подойди и выслушай меня.
Отъ всей души даю тебѣ я то,
Что у тебя отъ всей души бы вырвалъ,
Когда бъ ты имъ уже не завладѣлъ.

(*Дездемонѣ*).

Ну, милое сокровище, душевно
Я радуюсь, что дочери другой
Нѣтъ у меня, а то бъ я сталъ тираномъ
Изъ-за побѣга твоего и въ цѣпи
Ее сковалъ. Я кончилъ, ваша свѣтлость.

ДОЖЪ.

Позвольте же, какъ будто вмѣсто васъ,
Мнѣ высказать теперь такое мнѣнье,
Которое могло бъ влюбленнымъ этимъ
Ступенями служить для достиженья
Пріязни вашей.
Когда ужъ нѣтъ спасенья, грусть должна
Окончиться съ сознаніемъ несчастья
И гибели послѣдней изъ надеждъ.
Оплакивать исчезнувшее горе—
Вѣрнѣйшій путь призвать другую скорбь.
Когда нельзя предотвратить удара—
Терпѣніе есть средство отомстить
Насмѣшкою судьбѣ несправедливой.
Ограбленный, смѣясь своей потерѣ,
У вора отымаетъ кое-что:
Но, горести предавшись безполезной,
Воруетъ онъ у самого себя.

БРАБАНЦІО.

Такъ знаете, уступимъ-ка съ улыбкой
Мы туркамъ Кипръ: онъ, все вѣдь, будетъ нашъ.
Охъ! хорошо такія разсужденья
Переносить тому, кто удрученъ
Лишь сладкимъ утѣшеньемъ, въ нихъ лежащимъ.
Но каково тому, кто, кромѣ ихъ,
Обремененъ печалью? Для уплаты
Своей тоскѣ онъ долженъ занимать
У бѣднаго терпѣнья. Эти рѣчи,
Способныя и утѣшать, и мучить,
Двусмысленны, какъ ихъ ни поверни.
Слова всегда останутся словами!
Я никогда не слышалъ, чтобъ могло
Растерзанное сердце излѣчиться
Тѣмъ, что ему подсказываетъ ухо.
Теперь я васъ покорнѣйше прошу
Заняться здѣсь дѣлами государства.

ДОЖЪ. Турки, могущественно вооруженные, плывутъ къ Кипру. Вамъ, Отелло, лучше, чѣмъ другимъ, извѣстны средства обороны этого мѣста. Хотя мы имѣемъ уже тамъ намѣстника высокодоблестнаго, но общественное мнѣніе—этотъ верховный властелинъ успѣховъ — возлагаетъ большую надежду спасенія на васъ. Поэтому вамъ придется теперь омрачить блескъ вашего новаго счастія этою неминуемой и бурной экспедиціею.

ОТЕЛЛО.

Почтенные сенаторы, привычка—
Тиранъ людей, и для меня она
Кремнистое, стальное ложе брани
Въ пуховую перину превратила.
Я, признаюсь, въ трудѣ тяжеломъ радость
Открытую, прямую нахожу—
И въ бой готовъ итти на оттомановъ.
Поэтому къ вамъ обращаюсь я
Съ смиреніемъ полнѣйшимъ и прошу,
Чтобъ сдѣлано распоряженье было
Насчетъ жены моей, чтобъ ей жилище
Назначили, и слугъ, и содержанье,
И, словомъ, всѣ удобства, какъ прилично
Высокому рожденію ея.

ДОЖЪ.

Хотите вы, такъ пусть живетъ она
У своего отца.

БРАБАНЦІО.

Я не согласенъ.

ОТЕЛЛО.

Ни я.

ДЕЗДЕМОНА.

Ни я. Я не хочу тамъ жить,
Чтобъ, находясь передъ отца глазами,
Его всегда сердить и раздражать.
Свѣтлѣйшій дожъ, внемлите благосклонно
Моей мольбѣ, и слово снисхожденья
Пусть ободритъ неопытность мою.

ДОЖЪ.

Чего же вы хотите, Дездемона?

ДЕЗДЕМОНА.

Свѣтлѣйшій дожъ, я доказала міру
Тѣмъ, что пошла открыто и безстрашно
На встрѣчу всѣмъ превратностямъ судьбы,
Что для того я мавра полюбила,
Чтобъ съ мавромъ жить. Вѣдь, сердце-то мое
Призванію его и покорилось.
Въ его лицѣ мнѣ духъ его являлся;

ОТЕЛЛО ЗАЩИЩАЕТЪ СЕБЯ ОТЪ ОБВИНЕНІЙ БРАБАНЦІО.

Картина извѣстнаго нѣмецкаго живописца, президента Берлинской академіи, Карла Бекера (Karl Becker, р. 1820).

Я подвигамъ его и славѣ громкой
Свою судьбу и душу посвятила.
Поэтому, почтенные синьоры,
Когда я здѣсь останусь молью мира,
Межъ тѣмъ какъ онъ поѣдетъ на войну,
То именно того лишусь, за что я
Люблю его, и тяжко будетъ мнѣ
Переносить разлуку съ милымъ сердцу.
Позвольте же мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ.

Отелло.

Сенаторы, подайте голоса!
Я васъ молю не отказать ей въ просьбѣ.
Свидѣтель Богъ, молю не для того,
Чтобъ угодить желаньямъ сладострастнымъ,
Не для того, чтобъ юной страсти жаръ
Мнѣ одному дарилъ бы наслажденье,
Но для того, чтобы ея душа
Отъ всѣхъ заботъ и мукъ была свободна.
Но, Боже васъ, синьоры, сохрани
Отъ мысли той, что важнымъ вашимъ дѣломъ
Пренебрегу, не разставаясь съ ней.
Нѣтъ, нѣтъ! Когда безпечныя забавы
Крылатаго Амура наведутъ
Изнѣженность и сладкую истому
На мысль мою и дѣйствія мои,
Когда онѣ мое испортятъ дѣло:
Тогда пускай изъ шлема моего
Простой горшокъ себѣ устроятъ бабы,
И пусть тогда на честь мою падутъ
Постыднѣйшій позоръ и оскорбленье!

Дожъ.

Пусть будетъ такъ, какъ сами вы рѣшите—
Остаться ей иль ѣхать. Наше дѣло
Не терпитъ отлагательства, и медлить
Никакъ нельзя. Вы ѣдете сегодня.

Дездемона.

Сегодня въ ночь?

Дожъ.

Сегодня въ ночь.

Отелло.

Я радъ.

Дожъ.

Мы снова здѣсь сойдемся вмѣстѣ завтра
Часу въ десятомъ утра. Вы, Отелло,
Кого-нибудь изъ вашихъ офицеровъ
Оставите: онъ ваше полномочье
И прочія бумаги всѣ, какія
Вамъ слѣдуетъ, къ вамъ привезетъ.

Отелло.

Позвольте
Поручика оставить моего:
Онъ человѣкъ и честный, и надежный.
Онъ привезетъ ко мнѣ жену мою,
А также все, что вы сочтете нужнымъ
Послать ко мнѣ.

Дожъ.

Ну что жъ—пусть будетъ такъ.
Теперь вамъ всѣмъ желаю доброй ночи.
(Къ Брабанціо).
Почтеннѣйшій синьоръ, коль добродѣтель
Какъ красота прекрасна, то вашъ зять,
Повѣрьте мнѣ, не черенъ, а прекрасенъ.

1-ый сенаторъ.

Прощайте, храбрый мавръ, и Дездемону
Храните вы отъ всякихъ бѣдъ.

Брабанціо.

Смотри
За нею, мавръ, смотри во всѣ глаза:
Она отца родного обманула,
Такъ и тебя, пожалуй, проведетъ.

(Дожъ, сенаторы и другіе уходятъ).

Отелло.

Нѣтъ, жизнь даю за вѣрность Дездемоны!
(Къ Яго).
Съ тобой я оставляю, честный Яго,
Мою жену. Прошу тебя, скажи
Своей женѣ смотрѣть за ней; а послѣ,
При случаѣ удобномъ, привези
Обѣихъ ихъ. Пойдемъ же, Дездемона—
Одинъ лишь часъ могу я дать любви
И всѣмъ другимъ заботамъ постороннимъ:
Мы времени покорствовать должны.

(Уходитъ съ Дездемоной).

Родриго. Яго!

Яго. Что скажешь, благородная душа?

Родриго. Какъ ты думаешь, что я намѣренъ сейчасъ сдѣлать?

Яго. Думаю, что ты сейчасъ отправишься спать.

Родриго. Я сейчасъ пойду и утоплюсь.

Яго. Ну, если ты сдѣлаешь это, я послѣ того перестану любить тебя. И къ чему это, глупый человѣкъ?

Родриго. Глупость жить, когда жизнь—мученье; и мы обязаны умереть, когда смерть можетъ быть нашимъ исцѣлителемъ.

Яго. О, чепуха! Я смотрю на смерть уже пятое семилѣтіе, и съ тѣхъ поръ, какъ научился различать благодѣяніе отъ оскорбленія, не встрѣчалъ еще человѣка, который бы умѣлъ любить себя. Нѣтъ, что касается меня, то я скорѣе бы обмѣнялся своею человѣчностью съ обезьяною, чѣмъ рѣшился бы утопиться изъ любви къ какой-нибудь цесаркѣ.

Родриго. Да что же мнѣ сдѣлать? Сознаюсь, мнѣ самому стыдно, что я такъ влюбленъ; да нѣтъ силъ преодолѣть это!

Яго. Нѣтъ силъ? пустяки! Быть такимъ или инымъ — зависитъ отъ насъ самихъ. Наше тѣло—нашъ садъ, а наша воля—садовникъ въ немъ. Захотимъ ли мы посадить тамъ крапиву или посѣять салатъ, исопъ, тминъ; захотимъ ли украсить этотъ садъ однимъ родомъ травъ или нѣсколькими; захотимъ ли запустить его по бездѣйствію или обработать съ заботливостью—всегда сила и распорядительная власть для этого лежатъ въ нашей волѣ. Еслибы въ вѣсахъ нашей жизни не было чашечки разсудка для уравновѣшиванія чашечки чувствительности, то кровь и пошлость нашей натуры довели бы насъ до безумнѣйшихъ послѣдствій. Но у насъ есть разсудокъ для прохлажденія бѣшеныхъ страстей, животныхъ побужденій, необузданныхъ похотей. Вотъ почему то, что ты называешь любовью, есть, я думаю, простой побѣгъ или отпрыскъ.

Родриго. Это невозможно.

Яго. Да, просто похоть крови, потворствуемая волею. Ну полно, будь мужчиной! Утопиться!... Топи лучше кошекъ и слѣпыхъ щенятъ. Я объявилъ себя твоимъ другомъ, сознаюсь, что привязанъ къ тебѣ канатами надежной толщины, и никогда не могъ быть тебѣ полезнымъ такъ, какъ теперь. Насыпь-ка денегъ въ свой кошелекъ, ступай на войну, измѣни лицо свое поддѣльной бородой—но, повторяю, насыпь-ка денегъ въ свой кошелекъ. Невозможно, чтобы Дездемона долго любила Мавра. Невозможно, чтобы и онъ долго любилъ ее. Любовь эта стремительно началась, и ты увидишь такой же разрывъ ея; но не забудь кошелька съ деньгами! Эти мавры измѣнчивы въ своихъ желаніяхъ... Наполни же кошелекъ свой деньгами. Пища, которая кажется ему теперь такою же сладкою, какъ саранча, скоро сдѣлается для него горше колоцинтовъ. Она должна перемѣниться вслѣдствіе своей молодости; когда насытится его тѣломъ, то увидитъ, какъ ошиблась. Да, ей нужна будетъ перемѣна, непремѣнно нужна—вотъ почему насыпь денегъ въ кошелекъ. Если ужъ ты непремѣнно хочешь погубить себя, такъ употреби для этого средство болѣе пріятное, чѣмъ утопиться. Собери денегъ, сколько можешь. Если ложная святость и непорочныя клятвы бродяги-чужеземца и хитрой венеціанки не побѣдятъ моей смышлености и стараній цѣлаго ада, то ты завладѣешь ею, только достань денегъ. Какой вздоръ—утопиться! Вѣдь, это ни къ чему не поведетъ... Ужъ лучше тебѣ повѣситься, насладившись блаженствомъ, чѣмъ утопиться, ничего не добившись!

Родриго. Но оправдаешь ли ты мои надежды, если я послѣдую твоимъ совѣтамъ?

Яго. Будь совершенно увѣренъ во мнѣ... А теперь доставай денегъ. Я говорилъ тебѣ часто и теперь снова повторяю: я ненавижу мавра. Причинъ на это у меня достаточно: у тебя тоже не меньше. Соединимся же вмѣстѣ для мщенія. Если тебѣ удастся приставить ему рога, то этимъ ты себѣ доставишь удовольствіе, а мнѣ потѣху. Много есть такого въ утробѣ времени, что скоро откроется. Ну, маршъ — доставай денегъ. Завтра мы потолкуемъ объ этомъ подробнѣе. Прощай.

Родриго. Гдѣ мы увидимся завтра утромъ?

Яго. У меня.

Родриго. Я приду пораньше.

Яго. Ну, прощай. Но ты слышалъ, Родриго?

Родриго. Что такое?

Яго. Ни слова больше о томъ, что хочешь утопиться—слышалъ?

Родриго. Я раздумалъ. Я продамъ всѣ мои помѣстья.

Яго. Ступай, да припаси побольше денегъ.

(Родриго уходитъ).

Вотъ такъ всегда изъ дураковъ такихъ
Я кошелекъ свой дѣлаю; а тратить
Изъ-за одной пустой забавы время
Съ болванами подобными—вѣдь, значитъ
Срамить себя и опытность свою.
Я ненавижу мавра. Ходятъ слухи,
Что на моей супружеской постели
Онъ исполнялъ обязанность мою.
Не знаю я, правдивы ль эти слухи;
Но одного простого подозрѣнья
Довольно мнѣ, чтобъ поступать, какъ будто
Увѣренъ я. Онъ вѣритъ мнѣ во всемъ—
Тѣмъ лучше я въ дѣлахъ своихъ успѣю.
Нашъ Кассіо красавецъ... Какъ бы это?..
Вотъ было бы вдвойнѣ отличной шуткой—
Занять его мнѣ мѣсто и потомъ
Его же взять, чтобъ оперить мой планъ!
Но какъ? но какъ? Подумаемъ однако:
Не худо бы начать, спустя немного,
Нашептывать Отелло въ уши, будто
Съ его женой онъ черезчуръ ужъ друженъ.
У Кассіо красивое лицо,
Онъ ловокъ, милъ; онъ будто съ тѣмъ лишь
созданъ,
Чтобъ обольщать всѣхъ женщинъ, и къ нему

Приревновать не трудно; а у мавра
Такой простой и добродушный нравъ,
Что честнымъ онъ считаетъ человѣкомъ
Умѣвшаго прикинуться такимъ,
И за носъ такъ водить его удобно,
Какъ глупаго осла.

Такъ, рѣшено! Зачатье совершилось,
А тьма и адъ потомъ на помощь мнѣ придутъ.
И плодъ чудовищный для свѣта извлекутъ.
(*Уходитъ*).

ОТЕЛЛО РАЗСКАЗЫВАЕТЪ О СВОИХЪ ПРИКЛЮЧЕНІЯХЪ ДЕЗДЕМОНѢ и ЕЯ ОТЦУ.
Картина извѣстнаго англійскаго художника Копа (Cope).

МОНТАНО И ОФИЦЕРЫ НА ПРИСТАНИ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Приморскій городъ на Кипрѣ. Терраса.

Входятъ МОНТАНО *и* ДВА ОФИЦЕРА.

МОНТАНО.

Не видно ли чего на морѣ съ мыса?

1-ый ОФИЦЕРЪ.

Нѣтъ, ничего. Сердито ходятъ волны,
И паруса ни одного не видно
Между водой и небомъ.

МОНТАНО.

Вѣтеръ сильно
На сушѣ здѣсь шумѣлъ: сильнѣе рева
Не слышали еще бойницы наши.
Когда онъ такъ и въ морѣ свирѣпѣлъ —
Не выдержать никакъ дубовымъ ребрамъ
Отъ натиска громадныхъ горъ воды.
Ну, что-то мы услышимъ?

2-ой ОФИЦЕРЪ.

Что разсѣянъ
Турецкій флотъ. Чтобъ убѣдиться въ томъ,
Взгляните-ка на пѣнящійся берегъ.
Ревущіе валы какъ будто бьются
Съ толпою тучъ; бичуемъ грознымъ вѣтромъ,
Чудовищную гриву океанъ
Всю разметалъ и точно хлещетъ влагой
Въ Медвѣдицу сверкающую, съ тѣмъ,
Чтобъ загасить блестящихъ сторожей
У полюса, недвижнаго отъ вѣка.
Да, признаюсь, такого возмущенья
Я не видалъ еще на бурномъ морѣ.

МОНТАНО.

Да, если флотъ турецкій не успѣлъ
Куда-нибудь укрыться въ гавань—вѣрно,
Онъ утонулъ. Бороться съ этой бурей
Никакъ нельзя.

Входитъ 3-ій ОФИЦЕРЪ.

Синьоры, новость, новость!
Конецъ войнѣ. Отчаянная буря
Такъ турокъ угостила хорошо,
Что планы ихъ совсѣмъ перевернулись.
Одинъ корабль венеціанскій видѣлъ
Крушеніе и гибель большей части
Флотиліи турецкой.

МОНТАНО.

Это вѣрно?

3-ій ОФИЦЕРЪ.

Онъ только-что вошелъ къ намъ въ гавань.
Это
Веронское судно. На немъ пріѣхалъ
Къ намъ лейтенантъ воинственнаго мавра,
Микеле Кассіо; а самъ Отелло,
Назначенный правителемъ на Кипръ,
Еще плыветъ сюда.

МОНТАНО.

Я очень радъ
Такому назначенью: онъ правитель
Достойнѣйшій.

3-ій ОФИЦЕРЪ.

Но тотъ же лейтенантъ,
Доставившій намъ радостную вѣсть
О гибели турецкой, очень грустенъ
И молится онъ о спасеньи мавра.
Котораго отбила отъ него
Свирѣпая, безумнѣйшая буря.

МОНТАНО.

И я молю: „спаси его, Творецъ!“
Когда-то я былъ подъ его начальствомъ
И, признаюсь, онъ истый полководецъ.
Пойдемте-ка на берегъ посмотрѣть
На тотъ корабль, что только-что пріѣхалъ,
И, можетъ быть, безстрашнаго Отелло
Мы различимъ хоть гдѣ-нибудь вдали,
Гдѣ сходится вода съ лазурнымъ небомъ.

3-ій ОФИЦЕРЪ.

Пойдемъ, пойдемъ! Вѣдь, каждое мгновенье
Теперь намъ ждать приходится гостей.

Входитъ КАССІО.

КАССІО.

Благодарю всѣхъ доблестныхъ мужей
Воинственнаго Кипра за признанье
Достоинства Отелло. О, пусть Небо
Пошлетъ ему защиту отъ стихій!
Я потерялъ его на бурномъ морѣ...

МОНТАНО.

На крѣпкомъ ли плыветъ онъ кораблѣ?

КАССІО.

Да, у него корабль построенъ прочно.
И опытный, искусный кормчій съ нимъ.
Вотъ отчего мои еще надежды
Не умерли, а исцѣленья ждутъ.

(*Крики за сценой*).

Корабль! корабль!

Входитъ 4-ый ОФИЦЕРЪ.

КАССІО.

Что значатъ эти крики?

4-ый ОФИЦЕРЪ.

Весь городъ пустъ; на берегу собрались
Толпы людей и всѣ кричатъ: „корабль“.

КАССІО.

Предчувствіе мнѣ говоритъ, что это
Правитель нашъ. (*Пушечные выстрѣлы*).

2-ой ОФИЦЕРЪ.

Тамъ, слышно, салютуютъ:
То—дружескій салютъ.

КАССІО.

Синьоръ, прошу васъ,
Узнайте, кто пріѣхалъ, и сейчасъ
Намъ дайте знать.

2-ой ОФИЦЕРЪ.

Иду и все исполню.
(*Уходитъ*).

МОНТАНО.

Что, лейтенантъ, женатъ нашъ генералъ?

КАССІО.

И очень счастливо: онъ взялъ дѣвицу,
Способную собою оправдать
Излишества молвы и описаній,
Способную собою превзойти
Каракульки хвалебно-громкихъ перьевъ:
Она—краса творенія, и въ ней
Всѣ чудеса его соединились.

Возвращается 2-ой ОФИЦЕРЪ.

КАССІО.

Ну что? кто тамъ пріѣхалъ?

2-ой ОФИЦЕРЪ.

Нѣкто Яго,
Поручикъ генерала.

КАССІО.

Каково!
Какъ счастливо и скоро путь свершилъ
онъ!
Самъ ураганъ и бѣшеное море,
Ревущій вѣтръ, подводные утесы
И отмели песчаныя—враги,
Измѣнники, сокрытая преграда
Безвинному килю—теперь, какъ будто
Уразумѣвъ всю силу красоты,
Губительный характеръ свой смирили,
Позволивъ путь свершить благополучно
Божественно-прекрасной Дездемонѣ.

МОНТАНО.

А кто она?

КАССІО.

Та, о которой я
Вамъ только-что разсказывалъ: надъ нашимъ
Начальникомъ начальникъ. Храбрый Яго
Въ проводники ея назначенъ былъ,
И наши ожиданія недѣлей
Опередить успѣлъ онъ. О, Юпитеръ,
Великій богъ, спаси Отелло! Вздуй
Дыханіемъ твоимъ всесильнымъ парусъ
Его, чтобъ могъ онъ гордымъ кораблемъ
Скорѣе осчастливить эту гавань
И утолить въ объятьяхъ Дездемоны
Любовь свою, и нашъ упавшій духъ
Воспламенить, и острову всему
Спокойствіе доставить. Но смотрите!

Входятъ ДЕЗДЕМОНА, ЭМИЛІЯ, ЯГО, РОДРИГО *и свита.*

КАССІО.

Смотрите: вотъ богатство корабля
На берегу явилось. Мужи Кипра,
Склоните же колѣна передъ ней!
Привѣтствуемъ, синьора, васъ! Да будетъ
Небесъ благословенье передъ вами
И сзади васъ: да окружитъ оно
Отвсюду васъ!

ДЕЗДЕМОНА.

Благодарю отъ сердца!
Но, храбрый Кассіо, какія вѣсти
Дадите вы мнѣ о моемъ супругѣ?

КАССІО.

Не прибылъ онъ еще; но смѣю вѣрить,
Что онъ здоровъ и скоро будетъ здѣсь.

ДЕЗДЕМОНА.

Ахъ, я боюсь! Какъ съ нимъ вы разлучились?

КАССІО.

Великая борьба небесъ и моря
Виной тому. Но, чу! Тамъ крики: „парусъ".
(*За сценой кричатъ: „парусъ! парусъ!" Пушечные выстрѣлы*).

2-ОЙ ОФИЦЕРЪ.

Вы слышите—онъ крѣпость салютуетъ:
Вновь, стало быть, пріятельскій салютъ.

КАССІО.

Узнайте-ка! (*2-ой офицеръ уходитъ*).
А, здравствуйте, поручикъ!
(*Эмиліи*). Синьора, здравствуйте.
(*Цѣлуетъ ее*).

Мой добрый Яго,
Не гнѣвайся за эту вольность; мнѣ
Моей страны обычай позволяетъ
Любезности такія.

ЯГО.

О, синьоръ,
Когда бъ она губами угощала
Васъ точно такъ, какъ языкомъ—меня,
Вы скоро бы умаялись!

ДЕЗДЕМОНА.

Помилуй!
Она совсѣмъ не говорлива.

ЯГО.

Нѣтъ.
Ужъ слишкомъ говорлива. Каждый разъ,
Ложась въ постель, я въ этомъ убѣждаюсь.
При васъ она, я знаю, прячетъ въ сердце
Свой язычекъ и мысленно со мной
Ругается.

ЭМИЛІЯ.

Къ такому обвиненью
Я повода тебѣ не подала.

ЯГО.

Ну да, ну да! Вы всѣ за дверью дома—
Картиночки, а въ спальнѣ у себя—
Колокола; въ домашнихъ кухняхъ—кошки
Вы дикія; святыя вы, когда
Ругаете другого, и чертовки,
Когда другой самихъ васъ оскорбитъ;
Шутихи вы въ хозяйствѣ и хозяйки—
Въ постеляхъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Фи! безстыдный клеветникъ!

ЯГО.

Нѣтъ, это такъ—иначе будь я турокъ.
Встаете вы затѣмъ, чтобъ забавляться.
Ложитесь же, чтобъ дѣломъ заниматься.

ЭМИЛІЯ.

Ну, ужъ тебя не попрошу я, вѣрно,
Похвальное мнѣ слово написать.

ЯГО.

И не проси!

ДЕЗДЕМОНА.

А что ты написалъ бы,
Когда бъ тебѣ пришлось меня хвалить?

ЯГО.

О, добрая синьора, не просите
Меня о томъ: я только и умѣю,
Что осуждать.

ДЕЗДЕМОНА.

Нѣтъ, нѣтъ, прошу тебя.
Пошелъ ли кто на пристань?

ЯГО.

Да, синьора.

ДЕЗДЕМОНА.

Я все грущу, но обмануть себя
Притворною веселостью стараюсь.
Ну, что жъ бы ты мнѣ въ похвалу сказалъ?

ЯГО.

Я думаю объ этомъ, но моя
Фантазія пристала къ мозгу плотно,
Какъ птичій клей къ сукну; я вмѣстѣ съ ней,
И мозгъ и все могу, пожалуй, вырвать.
Но трудится беременная муза,
И, наконецъ, вотъ что родитъ она:
Если умъ соединился въ ней съ тѣлесной красотой,
То отъ перваго ей польза—и погибель отъ второй

ДЕЗДЕМОНА.

Прекрасно! ну, а если бы она
Была умна и вмѣстѣ некрасива?

ЯГО.

Коль умна да не красива, то красавецъ ужъ найдется,
Для котораго по сердцу дурнота ея придется.

ДЕЗДЕМОНА. Часъ-отъ-часу не легче!

ЭМИЛІЯ.

А ежели красива и глупа?

ЯГО.

Нѣтъ, красавица быть дурой никогда, повѣрь, не можетъ:
Добывать себѣ потомство глупость ей всегда поможетъ.

ДЕЗДЕМОНА. Это все старые глупые парадоксы, придуманные для увеселенія глупцовъ въ трактирахъ. Какую же жалкую похвалу найдемъ мы для той, которая и дурна, и глупа?

ЯГО.

Нѣтъ такой дурной и глупой, чтобъ безумнаго того же
Не творила, что творится и разумной, и пригожей.

ДЕЗДЕМОНА. О, какая нелѣпость! Худшей ты воздаешь лучшую похвалу. Но что же ты сказалъ бы о женщинѣ, дѣйствительно стоющей восхваленія? о женщинѣ, которая, сознавая свое достоинство, могла бы заставить самое злословіе похвалить ее?

ЯГО.

Та, которая прекрасна и при этомъ не горда
И, владѣя даромъ слова, не болтаетъ никогда;
Та, которая богата, но простыя носитъ платья,
И немногаго желаетъ, говоря „*могу* желать я“;
Та, которая и можетъ за обиду отомщать,
Но умѣетъ оскорбленья и сносить, и забывать;
Та, которая на столько здравымъ смысломъ обладаетъ,
Что башку трески на семги хвостъ никакъ не промѣняетъ;
Та, которая всѣ мысли скрыть умѣетъ отъ людей
И не смотритъ на влюбленныхъ, поклоняющихся ей—
Ну, созданіе такое, если только есть такія,
Можетъ быть пригодно..

ДЕЗДЕМОНА. На что?

ЯГО. На то, чтобъ выкармливать глупцовъ и записывать сколько вышло пива въ домѣ.

ДЕЗДЕМОНА. О, какое слабое и несостоятельное заключеніе! Не учись у него, Эмилія, несмотря на то, что онъ твой мужъ! Какъ вы думаете, Кассіо, развѣ онъ высказываетъ не безстыдное и нахальное мнѣніе?

КАССІО. Онъ говоритъ безъ обиняковъ, синьора. Вы полюбите его больше, какъ солдата, чѣмъ какъ ученаго.

ЯГО (*въ сторону*). Онъ беретъ ее за руку! Хорошо, шепчитесь! Даже такою тонкою паутиной можно запутать такую большую муху, какъ Кассіо. Да, да, улыбайся ей! Я свяжу тебя твоею же любезностью. Да, это такъ: ты поступаешь, какъ должно. Если такія шутки, какъ эти, отымутъ у тебя твое лейтенантство, лучше бы тебѣ не цѣловать такъ часто твоихъ трехъ пальцевъ; но ты опять дѣлаешь то же самое, чтобъ разыграть роль свѣтскаго человѣка. Отлично! славный поцѣлуй; отличная любезность, право! Что это, опять пальцы къ губамъ? Желалъ бы я, чтобъ они сдѣлались для тебя клистирными трубками (*Трубы*). Вотъ и мавръ! Я узнаю звукъ его трубъ.

КАССІО.

Да, правда.

ВСТРѢЧА ДЕЗДЕМОНЫ И ОТЕЛЛО НА КИПРѢ.

Картина извѣстнаго англ. живописца Стотарда (Stothard 1755—1834). (Большая Бойделовская галлерея).

Дездемона.

Пойдемъ къ нему на встрѣчу.

Кассіо.

Да вотъ онъ самъ.

Входитъ Отелло *со свитою.*

Отелло.

О, милая моя воительница!

Дездемона.

Милый
Отелло мой!

Отелло.

Дивлюсь и восхищаюсь,
Что ты меня опередила здѣсь.
О, счастіе души моей, когда бы
За каждымъ ураганомъ наступало
Спокойствіе такое—пусть бы вѣтры
Ревѣли такъ, чтобъ даже смерть проснулась,
И пусть суда взбирались бы съ трудомъ
На горы волнъ, не ниже горъ Олимпа,
И съ нихъ опять летѣли въ самый низъ,
Въ глубокія, какъ самый адъ, пучины!
Когда бъ теперь мнѣ умереть пришлось,
Я счелъ бы смерть блаженствомъ высочайшимъ,
Затѣмъ что я теперь такъ полно счастливъ,
Что въ будущемъ невѣдомомъ боюсь
Подобнаго блаженства ужъ не встрѣтить.

Дездемона.

О, нѣтъ! дай Богъ, чтобъ съ днями нашей жизни
И нашъ покой съ любовью возросталъ!

Отелло.

Аминь, благія силы Неба! Мнѣ словами
Не высказать блаженства своего.
Оно вотъ здѣсь остановилось. Слишкомъ
Мнѣ хорошо. *(Цѣлуетъ Дездемону.)*
И это лишь одно
Единственнымъ пусть будетъ разногласьемъ
У нашихъ душъ.

Яго *(въ сторону)*.

О, вы теперь отлично

Настроены; но я спущу колки,
Которые поддерживаютъ эту
Гармонію—ручаюсь честью въ томъ!

Отелло.

Пойдемте въ замокъ. Ну, друзья, вотъ новость:
Войнѣ конецъ, турецкій флотъ погибъ.
Ну, какъ-то здѣсь, на Кипрѣ, поживаютъ
Старинные знакомые мои? (*Къ Дездемонѣ*).
Тебя, мой другъ, здѣсь встрѣтятъ съ восхищеньемъ:
Въ былые дни меня любили здѣсь.
О, милая моя, отъ наслажденья,
Отъ счастія я говорливъ безъ мѣры!
Прошу тебя, мой добрый Яго, въ гавань
Сходить и тамъ пожитки взять.
Да приведи ко мнѣ и коменданта:
Онъ человѣкъ отличный, и его
За доблесть я глубоко уважаю.
Идемъ же, Дездемона! Снова я
Привѣтствую тебя на почвѣ Кипра.
(*Отелло, Дездемона и свита уходятъ*).

Яго (*одному изъ слугъ*). Иди и жди меня въ гавани. (*Къ Родриго.*) Ну, Родриго, если у тебя въ сердцѣ есть мужество—говорятъ, что люди, когда влюбятся, становятся благородными, даже если благородство и не составляетъ ихъ врожденнаго качества — слушай меня. Сегодня ночью лейтенантъ начальствуетъ надъ стражей замка. Но прежде я долженъ сказать тебѣ: Дездемона положительно влюблена въ него.

Родриго.

Въ него? Нѣтъ, это невозможно!

Яго. Положи палецъ на губы — вотъ такъ, и слушай. Припомни, съ какою пылкостью она прежде полюбила мавра — и единственно за его хвастовство и фантастическіе разсказы. Такъ неужели она всегда будетъ любить за болтовню? Конечно, ты не на столько довѣрчивъ, чтобы вѣрить этому. Глазамъ ея нужна пища; а какое ей наслажденіе постоянно смотрѣть на дьявола? Когда кровь охладится удовлетвореніемъ чувственной потребности, тогда, чтобы снова воспламенить ее и насытить новыя желанія, необходимы красота лица, соотвѣтствіе лѣтъ, ловкость манеръ, любезность—словомъ, все, чего недостаетъ мавру. Этотъ-то недостатокъ покажетъ ея нѣжнымъ чувствамъ, что они обманулись: она начнетъ вздыхать, скучать, а наконецъ, и ненавидѣть мавра; сама природа произведетъ такое дѣйствіе и заставитъ ее рѣшиться на какой-нибудь новый выборъ. Теперь, допустивъ такое предположеніе, какъ самое естественное и очевидное, скажи: кто скорѣе Кассіо можетъ достигнуть такого счастья—Кассіо, этого легкокрылаго плута, который прикрываетъ любезными и ловкими манерами свои отвратительно-распутныя наклонности?... Никто, рѣшительно никто... Это тонкій и ловкій плутъ; онъ отлично пользуется обстоятельствами; онъ умѣетъ чеканить и пускать въ обращеніе разныя достоинства, хоть на самомъ дѣлѣ у него нѣтъ никакихъ достоинствъ... Дьявольскій плутъ! Да къ тому же плутъ этотъ молодой и красивый и имѣющій всѣ тѣ свойства, на которыя глупость и молодость смотрятъ съ удовольствіемъ... Заразительно ловкій плутъ — и Дездемона уже испытала его дѣйствіе...

Родриго. Я не могу повѣрить этому: въ ней столько истиннаго благородства.

Яго. Провались ты съ своимъ благородствомъ! Вѣдь, вино, которое она пьетъ, сдѣлано изъ винограда? Будь она благородна, никогда бы она не полюбила мавра. Благородство, чортъ побери! Ты развѣ не видѣлъ, какъ она держала его за руку? Ты не замѣтилъ этого?

Родриго. Да, это я видѣлъ, но это была простая вѣжливость.

Яго. Нѣтъ, это распутство — клянусь моею рукою; это—оглавленіе, темный прологъ къ исторіи разврата и грязныхъ мыслей. Губы ихъ такъ сближались, что дыханіе одного цѣловалось съ дыханіемъ другого. Гнусныя мысли, Родриго! Когда ужъ пошла въ ходъ эта взаимность, то скоро они перейдутъ къ главному упражненію—къ плотской развязкѣ.. Нѣтъ, Родриго, позволь мнѣ быть твоимъ руководителемъ: вѣдь, я заставилъ тебя пріѣхать сюда изъ Венеціи. Будь сегодня ночью въ числѣ стражи; я позабочусь, чтобъ тебя назначили туда. Кассіо тебя не знаетъ... я буду недалеко отъ васъ. Постарайся какъ-нибудь разсердить Кассіо: громкимъ ли говоромъ, насмѣшкою ли надъ его распоряженіями... чѣмъ-нибудь другимъ, наконецъ, къ чему только представится удобный случай.

Родриго, Хорошо.

Яго. Кассіо вспыльчивъ и горячъ въ гнѣвѣ; очень можетъ быть, что онъ ударитъ тебя своей саблей—ты постарайся довести до этого, потому что этимъ именно я возмущу кипріотовъ, и для прекращенія бунта необходимо будетъ смѣстить

Кассіо. Такимъ образомъ, тебѣ откроется скорѣйшій путь къ осуществленію твоихъ желаній и будетъ наилучшимъ образомъ удалено препятствіе, мѣшающее нашему благополучію.

Родриго. Я исполню совѣтъ твой, если только представится случай.

Яго. За это я тебѣ ручаюсь. Приходи послѣ въ крѣпость, а я теперь отправлюсь въ гавань за его вещами. Прощай.

Родриго. Прощай. *(Уходитъ).*

Яго.

Что Кассіо влюбленъ въ нее—я вѣрю.
Что и она взаимно влюблена—
Возможное, естественное дѣло.
Мавръ—хоть его и ненавижу я—
Все жъ любящій и честный человѣкъ.
И смѣю я надѣяться, что будетъ
Отличнѣйшимъ онъ мужемъ Дездемонѣ.
Да, наконецъ, я самъ ее люблю—
Не страстною любовника любовью,
Хоть, можетъ быть, такой огромный грѣхъ
Нимало я не искупаю этимъ,
Но потому отчасти, что хочу
Я отомстить ему, изъ подозрѣнья,
Что этотъ мавръ распутный на постель
Ко мнѣ не разъ взбирался. Мысль объ этомъ
Мнѣ внутренность терзаетъ, словно ядъ —
И не унять ничѣмъ моихъ терзаній,
Пока со мной женою за жену
Не разочтется онъ; а не удастся,
Такъ въ мавра я вселю такую ревность,
Съ которою не справится разсудокъ.
Чтобъ въ томъ успѣть, не повредила бъ только
Мнѣ эта дрянь, венеціанецъ жалкій,
Котораго на сворѣ я держу,
Чтобъ онъ не шелъ за дичью слишкомъ быстро,
И Кассіо я славно удружу:
Въ ужаснѣйшемъ его представлю видѣ
Начальнику. Сдается что-то мнѣ,
Что съ колпакомъ ночнымъ моимъ отлично
И онъ знакомъ. Я такъ устрою дѣло,
Что будетъ мавръ меня благодарить,
Любить меня и награждать за то,
Что я его искусно превращаю
Въ полнѣйшаго осла и довожу
Отъ мирнаго покоя до безумья.
Все это здѣсь, но смутно все пока:
Вѣдь, плутовство до той поры таится,
Пока оно вполнѣ осуществится! *(Уходитъ).*

СЦЕНА II.

Улица.

Входитъ ГЕРОЛЬДЪ *съ прокламаціей: народъ слѣдуетъ за нимъ.*

Герольдъ. Отелло, нашему благородному и доблестному генералу, угодно, чтобы, по случаю только что полученныхъ вѣрныхъ извѣстій о гибели турецкаго флота, каждый житель Кипра торжествовалъ это событіе плясками, потѣшными огнями и тѣми увеселеніями, какія кому нравятся, потому что, кромѣ этого радостнаго событія, онъ празднуетъ и свое бракосочетаніе. Объ этомъ угодно ему объявить во всеуслышаніе. Всѣ комнаты дворца открыты, и въ нихъ каждый имѣетъ право пировать отъ теперешнихъ пяти часовъ до тѣхъ поръ, пока часы пробьютъ одиннадцать. Да благословитъ Небо островъ Кипръ и нашего благороднаго генерала Отелло! *(Уходитъ).*

СЦЕНА III.

Зала въ замкѣ.

Входятъ Отелло, Дездемона, Кассіо *и свита.*

Отелло.

Любезный Кассіо, сегодня ночью
Надъ стражею ты самъ прими начальство.
Мы забывать о службѣ не должны
Среди забавъ и наслажденій нашихъ.

Кассіо.

Я приказалъ ужъ Яго все, что нужно,
Но, несмотря на то, и лично самъ
За всѣмъ слѣдить я буду.

Отелло.

Яго очень
Надежный человѣкъ. Спокойной ночи.
Я жду тебя поутру, Микаэль:
Мнѣ нужно бы поговорить съ тобою.
(Къ Дездемонѣ).
Ну, милый другъ, пойдемъ. Торгъ заключенъ.
Теперь съ тобою мнѣ пора плоды вкусить
И выгоды его, какъ должно, раздѣлить.
Спокойной ночи.

(Отелло, Дездемона и свита уходятъ).

Входитъ Яго.

Кассіо. А, Яго! хорошо, что ты пришелъ: намъ пора отправляться въ караулъ.

Яго. Еще не время, лейтенантъ: десяти часовъ не било. Генералъ оставилъ насъ такъ рано только изъ любви къ своей Дездемонѣ... Да и нельзя винить его за это: онъ еще не проводилъ съ ней ни одной ночи; а такая женщина доставила бы наслажденіе самому Юпитеру.

Кассіо. Она прелестная женщина!

Яго. И, ручаюсь вамъ, полная огня.

Кассіо. Да, правда, это самое свѣжее и нѣжное созданье.

Яго. Что за глаза у нея! такъ и вызываютъ на переговоры.

Кассіо. Да, вызывающіе глаза и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полные такой скромности.

Яго. А когда она говоритъ, развѣ не вызываетъ на бой любовь?

Кассіо. Да, надо сознаться, эта женщина—совершенство

Яго. Да будетъ счастливо ихъ брачное ложе! А между тѣмъ, лейтенантъ, у меня есть для васъ бутылка вина, а здѣсь, вблизи, нѣсколько кипрскихъ молодцовъ, которые желали бы выпить за здоровье чернаго Отелло.

Кассіо. Не сегодня, добрый Яго! голова моя скверно переноситъ вино. Желалъ бы я очень, чтобы общежительность придумала какой-нибудь другой способъ увеселенія.

Яго. Но вѣдь, это все наши друзья. Одинъ бокалъ — не больше. Я, пожалуй, буду пить за васъ.

Кассіо. Я уже выпилъ бокалъ сегодня, и то съ водою, а видишь, какое дѣйствіе онъ произвелъ на меня! Нѣтъ, я знаю свою слабость, и не рѣшусь испытать ее еще разъ.

Яго. Да вѣдь, сегодня ночь ликованій. Наши молодцы просятъ...

Кассіо. Гдѣ же они?

Яго. Здѣсь, въ сосѣдней комнатѣ. Пожалуйста, позовите ихъ сюда.

Кассіо. Хорошо; но это не по сердцу мнѣ. (*Уходитъ*).

Яго.

Пусть только мнѣ удастся хоть одинъ
Еще бокалъ къ тому подбавить кубку,
Который онъ ужъ выпилъ—и навѣрно,
Задорнѣе и злѣе станетъ онъ,
Чѣмъ песъ моей синьоры молодой.
А мой дуракъ, Родриго, въ комъ любовь
Ужъ безъ того разсудокъ омрачила,
Нарѣзаться, какъ слѣдуетъ, успѣлъ
Въ честь Дездемоны. Напоилъ я также
Цвѣтъ этого воинственнаго Кипра—
Трехъ молодцовъ-туземцевъ, въ караулѣ
Стоящихъ здѣсь, людей ужасно пылкихъ
И честь свою хранящихъ горячо.
Теперь одно осталось: сдѣлать такъ,
Чтобъ Кассіо среди всѣхъ этихъ пьяницъ
Какой-нибудь поступокъ совершилъ,
Для острова обидный. Вотъ они!
О, если хоть немного оправдаютъ
Послѣдствія всѣ замыслы мои,
То мой корабль, послушный парусамъ,
Помчитъ меня свободно по волнамъ!

Входятъ Кассіо, Монтано *и нѣсколько кипрскихъ офицеровъ.*

Кассіо. Клянусь Небомъ, они уже напоили меня.

Монтано. Ну, полно: всего-то маленькій кубокъ, это вѣрно, какъ то, что я солдатъ.

Яго. Эй, еще вина! (*Поетъ*).
Пусть кубки стучатъ,
„Клинкъ! клинкъ!“ говорятъ.
Пусть кубки стучатъ и звенятъ!
Солдатъ—человѣкъ;
Жизнь длится не вѣкъ—
Такъ что же? пусть выпьетъ солдатъ!
Эй, слуги! вина! (*Приносятъ вино*).

Кассіо. Славная, чортъ возьми, пѣсня!

Яго. Я выучилъ ее въ Англіи. Вотъ гдѣ умѣютъ пить, какъ слѣдуетъ! Ваши датчане, ваши нѣмцы, ваши толстобрюхіе голландцы—ничто предъ англичанами.

Кассіо. Такъ ваши англичане такіе молодцы на питье?

Яго. Еще бы! Англичанинъ совсѣмъ не пьянъ, когда датчанинъ уже съ ногъ свалится, когда нѣмецъ тоже лежитъ, какъ мертвый, а голландца рветъ.

Кассіо. За здоровье нашего генерала!

Монтано. И я пью за него, лейтенантъ... Не отстаю отъ васъ.

Яго. О, милая Англія! (*Поетъ*).

Король Стефанъ вельможа славный былъ:
Штаны себѣ всего за крону сшилъ;
Но разсчиталъ, что далъ шесть пенсовъ лишку
И обругалъ портного, какъ воришку.
Онъ знатенъ былъ, высокоименитъ;
Въ тебѣ же кровь презрѣнная бѣжитъ.
Отъ роскоши страна падетъ вѣрнѣе—
Такъ надѣвай свой старый плащъ скорѣе!

Эй, еще вина!

Кассіо. Эта пѣсня еще лучше, чѣмъ та.

Яго. Хотите прослушать еще разъ?

Кассіо. Нѣтъ, потому что я считаю

ВЕНЕЦІАНКА, ПО ТИПУ ПОДХОДЯЩАЯ КЪ ДЕЗДЕМОНѢ.
Картина знаменитаго художника венеціанской школы Пальмы-Старшаго (Palma Vecchio, 1480(?)–1528).

того, кто такъ поступаетъ, недостойнымъ своего мѣста. Но Богъ выше всѣхъ: есть души, которыя не должны быть спасены.

Яго. Это совершенно справедливо, добрый лейтенантъ.

Кассіо. Что касается меня, то—не будь сказано въ обиду генералу или другому какому-нибудь знакомому человѣку—я надѣюсь, что моя душа будетъ спасена.

Яго. Я тоже самое думаю о себѣ, лейтенантъ.

Кассіо. Да, но, съ вашего позволенья, вы спасетесь не прежде меня. Лейтенантъ долженъ войти въ царствіе небесное прежде поручика. Однако... пора намъ приняться за дѣло! Господи, прости намъ прегрѣшенія наши! Синьоры, за дѣло! Вы не думайте, синьоры, что я пьянъ. Вотъ это мой поручикъ—моя правая рука, а это—моя лѣвая рука. Я не пьянъ. Я стою на ногахъ твердо и говорю твердо.

Всѣ. Да, отлично!

Кассіо. Совсѣмъ отлично. Стало быть вы не должны думать, что я пьянъ...

(Уходитъ).

Монтано. На терассу, синьоры! Идемъ разставить часовыхъ.

Яго.

Вы видѣли, какимъ отсюда вышелъ

Нашъ лейтенантъ? Какъ воинъ, онъ бы могъ
Сравняться съ Цезаремъ; онъ полководцемъ
Могъ славнымъ быть, когда бъ не эта слабость.
Достоинствамъ его она равна,
Какъ ночь и день во время равноденствій,
И велика, какъ и они велики.
Жаль мнѣ его! Боюсь я, чтобы онъ
Когда-нибудь въ такую же минуту
Не обратилъ довѣрія Отелло
Къ его лицу въ несчастіе для Кипра!

Монтано.

Да развѣ съ нимъ бываетъ это часто?

Яго.

Таковъ всегда прологъ его ко сну.
Когда жъ питье его не укачаетъ—
Не будетъ спать, пожалуй, сутки онъ.

Монтано.

Такъ нужно бы объ этомъ генерала
Увѣдомить; онъ, можетъ быть, не знаетъ
Иль, можетъ быть, по добротѣ своей,
Хорошее лишь видитъ въ лейтенантѣ,
Дурного же не хочетъ видѣть. Да?

Входитъ Родриго.

Яго *(тихо ему)*.

Родриго, ты? Зачѣмъ? Ступай скорѣе
За Кассіо. Бѣги же! (*Родриго уходитъ*).

Монтано.

Очень жаль,
Что благородный мавръ такое мѣсто
Важнѣйшее, какъ мѣсто лейтенанта,
Отдалъ лицу съ такимъ большимъ порокомъ,
И чести долгъ—объ этомъ довести
До свѣдѣнья Отелло.

Яго.

Да; но только
Не я возьмусь за это, хоть давай
Мнѣ цѣлый Кипръ. Я Кассіо душевно
Люблю, и все я сдѣлать бы готовъ,
Чтобъ излѣчить его отъ этой страсти.
Но, слышите, что тамъ за шумъ и крикъ?
(*За сценой крики: „помогите! помогите!“*).

Вбѣгаетъ Родриго, *преслѣдуемый* Кассіо.

Кассіо.

Мошенникъ! плутъ!

Монтано.

Что, лейтенантъ, случилось?

Кассіо.

Подлецъ! меня обязанностямъ службы
Учить! Да я въ дорожную бутылку
Тебя вобью.

Родриго.

Бить, бить меня!

Кассіо.

Бездѣльникъ,
Ты разсуждать еще задумалъ! (*Бьетъ его*).

Монтано.

Полно!
Любезный лейтенантъ, сдержите руку,
Пожалуйста.

Кассіо.

Оставьте вы меня,
Иль я и вамъ сверну сейчасъ же челюсть.

Монтано.

Вы—пьяны.

Кассіо.

Пьянъ! (*Они обнажаютъ мечи и дерутся*).

Яго (*тихо Родриго*).

Не медли ни минуты,
Бѣги скорѣй, кричи, зови на помощь!
(*Родриго уходитъ*).
Ахъ, лейтенантъ, синьоръ, остановитесь!
На помощь! Эй! Монтано! Лейтенантъ!
Синьоры, помогите! Ну, ужъ стража!
(*Звонятъ*).
Кто тамъ звонитъ? Да полно драться, черти!
Подымется весь городъ. Лейтенантъ,
Опомнитесь! Не навлекайте срама
На голову свою. Ну, перестаньте!

Входитъ Отелло *и свита*.

Отелло.

Что здѣсь за шумъ?

Монтано.

Я истекаю кровью,
Я раненъ на смерть,—пусть и онъ умретъ!

Отелло.

Стой, если жизнь вамъ дорога обоимъ!

Яго.

Постойте же! Монтано! Лейтенантъ!
Иль вы совсѣмъ забыли долгъ и мѣсто?
Одумайтесь—предъ вами генералъ!
Довольно же! хоть постыдитесь! Полно!

Отелло.

Въ умѣ ли вы? Что значитъ эта ссора?

Изъ-за чего она? Мы турки, что ли,
Что дѣлаемъ то надъ собой, чего
Богъ не велитъ и оттоманамъ дѣлать?
Довольно же! Для чести христіанства
Окончите сейчасъ вашъ дикій бой!
Кто жъ бѣшенства не укротитъ сейчасъ же,
Тотъ жизнію не дорожитъ: клянусь,
Онъ встрѣтитъ смерть при первомъ же движеньи.
Остановить скорѣе страшный звонъ;
Онъ островъ весь встревожитъ. Что жъ, синьоры,
Случилось здѣсь? Мой честный Яго, ты
Весь поблѣднѣлъ, какъ мертвый. Говори же,
Кто началъ? жду отвѣта отъ тебя.

Яго.

Не знаю. Здѣсь, за нѣсколько минутъ,
Мы всѣ еще друзьями были, мирно
Болтали всѣ, какъ пара новобрачныхъ
Бесѣдуютъ, сбираясь спать—вдругъ,
Какъ будто бы лишила ихъ разсудка
Какая-то планета; обнажили
Они мечи, и схватка началась
Кровавая. Причину жаркой ссоры
Я не могу никакъ вамъ объяснить.
Ахъ, отчего въ какомъ-нибудь блестящемъ
Сраженіи я не лишился ногъ,
Меня сюда принесшихъ, чтобы сдѣлать
Свидѣтелемъ того, что было здѣсь!

Отелло.

Какъ, Микаэль, вы такъ могли забыться?

Кассіо.

Ахъ, генералъ, простите! Не могу
Я говорить...

Отелло.

Монтано благородный,
Приличіемъ вы славились всегда.
Смиреніе и строгость вашей жизни
Замѣтилъ свѣтъ, и самый строгій судъ
Всегда держалъ въ почтеньи ваше имя.
Что жъ васъ могло заставить пренебречь
Общественнымъ вниманіемъ и славу
Почтенную вдругъ промѣнять на имя
Разбойника ночного? Отвѣчайте!

Монтано.

Отелло доблестный, я сильно раненъ
И говорить едва могу; но Яго,
Поручикъ вашъ, вамъ можетъ разсказать
Все то, что мнѣ извѣстно, а извѣстно
Мнѣ лишь одно, что если охранять
Самихъ себя не значитъ быть преступнымъ
И защищать себя отъ нападеній
Насильственныхъ не значитъ согрѣшать,
То ничего сегодня ночью я
Не совершилъ и не сказалъ дурного.

Отелло.

Свидѣтель Богъ, я чувствую, что кровь
Ужъ начала осиливать мой разумъ.
Я чувствую, что страсть ужъ омрачаетъ
Разсудокъ мой и хочетъ править мной.
Пусть двинусь я, пусть подыму я руку—
И упадетъ подъ яростью моей
Отличнѣйшій изъ васъ. Такъ объясните,
Какъ начался здѣсь этотъ гнусный споръ
И кто его зачинщикъ? А узнавъ
Виновнаго, разстанусь съ нимъ навѣки,
Хоть будь со мной рожденьемъ связанъ онъ.
Какъ, въ городѣ военномъ, гдѣ боязнью
Полны сердца всѣхъ жителей, начать
Домашнюю, позорнѣйшую ссору,
И въ часъ ночной притомъ, и въ караулѣ!
Чудовищно! Ну, Яго, кто зачинщикъ?

Монтано.

Смотри, коль ты по службѣ иль изъ страха
Служебнаго хоть что-нибудь прибавишь
Иль уменьшишь—ты не солдатъ.

Яго.

Зачѣмъ
Меня задѣть ты хочешь за живое?
Скорѣй бы я рѣшился, чтобъ языкъ
Мой вырвали изъ горла, чѣмъ дурное
Хоть что-нибудь о Кассіо сказать;
Но знаю я, что мой разсказъ правдивый
Не повредитъ ему. Вотъ, генералъ,
Какъ было все. Съ Монтано здѣсь сидѣлъ я,
Бесѣдуя; вдругъ видимъ—человѣкъ
Вбѣгаетъ къ намъ и вопитъ: „помогите!“
А Кассіо бѣжитъ за нимъ и, мечъ
Свой обнаживъ, грозитъ ему. Монтано
Бросается на Кассіо и молитъ
Сдержать порывъ; а я сейчасъ въ погоню
За крикуномъ, боясь—что такъ и вышло—
Чтобъ крикъ его не потревожилъ городъ;
Но легокъ онъ былъ на ногу—и я
Догнать не могъ и поспѣшилъ вернуться,
Тѣмъ болѣе, что слышалъ звукъ мечей
И страшныя проклятія такія,
Какихъ еще у Кассіо въ устахъ
До этихъ поръ я не слыхалъ. Вернувшись,
Я ихъ засталъ уже въ свирѣпой схваткѣ,
Точь-въ-точь какъ вы застали сами ихъ.
Вотъ все, что я сказать могу. Но люди
Всегда одни и тѣ же. Самый лучшій
Забыться въ состояньи. Можетъ быть,
И оскорбленъ Монтано лейтенантомъ:
Вѣдь, въ бѣшенствѣ и съ лучшими друзьями
Мы ссоримся; но убѣжденъ я въ томъ,
Что Кассіо бѣжавшимъ человѣкомъ

Былъ оскорбленъ такъ сильно, что не могъ
Не потерять терпѣнья.

Отелло.

Знаю, Яго,
Что, добротой и дружбой увлеченный,
Ты Кассіо вину смягчить желаешь.
(*Къ Кассіо*). Я, Кассіо, люблю тебя, но ты
Отъ этихъ поръ не лейтенантъ мой больше.

Входитъ Дездемона *со свитою.*

Отелло.

Смотрите: вы и милую мою
Встревожили. (*Къ Кассіо*). Да, на тебѣ
явлю я
Примѣръ другимъ.

Дездемона.

Что здѣсь случилось, милый?

Отелло.

Такъ, ничего; теперь уже все дѣло
Улажено. Пойдемъ домой, мой другъ.
Что вашихъ ранъ касается, Монтано,
Такъ я у васъ хирургомъ буду самъ.
Пусть отведутъ его домой; ты жъ, Яго,
Заботливо весь городъ обойди
И успокой всѣхъ тѣхъ, кто гнусной схваткой
Встревоженъ былъ. Идемъ же, Дездемона.
Ужъ такова жизнь воина: вставать
Отъ сладкихъ сновъ для распрей и раздоровъ.

(*Уходятъ всѣ, кромѣ Яго и Кассіо*).

Яго. Что? вы ранены, лейтенантъ?

Кассіо. Да, и никакой хирургъ не поможетъ мнѣ.

Яго. Что вы? Боже сохрани!

Кассіо. Доброе имя, доброе имя, доброе имя!... О, я потерялъ мое доброе имя! потерялъ безсмертную часть самого себя, а осталась только животная! Мое доброе имя, Яго, мое доброе имя!...

Яго. А я, честное слово, думалъ, что вы получили какую-нибудь тѣлесную рану: отъ нея больше вреда, чѣмъ отъ потери добраго имени. Доброе имя — пустое и совершенно лживое достояніе; оно часто и добывается даромъ, и теряется безъ особой причины. Вы совсѣмъ не потеряли добраго имени, если сами не увѣрите себя, что потеряли. Полно горевать! есть еще много средствъ возвратить милость генерала. Вѣдь, онъ отставилъ васъ въ минуту гнѣва и больше по правиламъ дисциплины, чѣмъ по злобѣ, точно такъ, какъ иногда бьютъ невинную собаку, чтобы устрашить грознаго льва. Попросите его—онъ опять вашъ.

Кассіо. Я скорѣе попрошу, чтобы онъ презиралъ меня, чѣмъ обману такого отличнаго начальника такимъ легкомысленнымъ, пьянымъ и безстыднымъ офицеромъ! Напиться и заболтать, какъ попугай, и затѣять ссору, бушевать, ругаться и высокопарно разговаривать со своею собственною тѣнью... О, ты, невидимый духъ вина! если у тебя нѣтъ еще никакого имени, позволь намъ называть тебя дьяволомъ!

Яго. За кѣмъ это вы гнались съ мечомъ? Что онъ сдѣлалъ вамъ?

Кассіо. Не знаю.

Яго. Можетъ ли быть?

Кассіо. Я помню многое, но ничего не помню ясно; знаю, что была ссора, но не знаю ея причины. О, Господи! зачѣмъ люди могутъ принимать въ свои души врага, убивающаго ихъ разсудокъ? Зачѣмъ намъ дана способность веселью, пирами, наслажденіями обращать себя въ животныхъ?

Яго. Положимъ, что это такъ; но вы теперь совершенно пришли въ себя; какъ могло это случиться такъ скоро?

Кассіо. Демону опьяненія было угодно уступить мѣсто демону ярости; одинъ порокъ повлекъ за собою другой, чтобы дать мнѣ возможность вполнѣ презирать себя.

Яго. Ну, ужъ вы слишкомъ строгій моралистъ! Принимая въ соображеніе время, мѣсто и положеніе, въ которомъ находится этотъ островъ, я душевно желалъ бы, чтобы всего этого не случилось; но такъ какъ что сдѣлано — то сдѣлано, надо уладить все въ вашу пользу.

Кассіо. Положимъ, что я попрошу его возвратить мнѣ должность: онъ отвѣтитъ мнѣ, что я пьяница. Будь у меня столько ртовъ, сколько у гидры, такой отвѣтъ зажалъ бы всѣ эти рты. Быть порядочнымъ человѣкомъ и потомъ сдѣлаться безумнымъ, а наконецъ, и животнымъ!... О, страшно! Каждый лишній кубокъ проклятъ, а то, что заключается въ немъ—дьяволъ!

Яго. Полно, полно! Хорошее вино—славное, милое созданіе, если только съ нимъ обходиться, какъ слѣдуетъ. Перестаньте бранить его. Я думаю, добрый лейтенантъ, что вы увѣрены въ любви моей къ вамъ.

Кассіо. Въ этомъ я совершенно убѣдился. Я напился пьянъ!

Яго. Вы и всякій другой можетъ подчасъ напиться. Я научу васъ, что дѣлать. Въ настоящее время у насъ генеральша—генералъ. Говорю это потому, что Отелло совершенно посвятилъ себя созерцанію, раз-

Знаменитый американскій трагикъ 1860-хъ гг., негръ Айра Олъриджъ (Ira Aldridge) въ роли Отелло.

сматриванію и обожанію ея красоты и прелестей. Сознайтесь ей откровенно во всемъ и надоѣдайте ей просьбами, чтобы она помогла вамъ снова получить вашу должность... Она такая откровенная, добрая, милая женщина, что считаетъ порокомъ не сдѣлать еще больше того, о чемъ ее просятъ. Умоляйте ее спаять это расторгнутое звено между вами и ея мужемъ—и я закладываю все мое состояніе противъ самой пустой вещи, что этотъ разрывъ сдѣлаетъ вашу дружбу еще сильнѣе прежняго.

Кассіо. Твой совѣтъ хорошъ.

Яго. Ручаюсь искренностью моей любви и желанія вамъ добра.

Кассіо. Вѣрю отъ души, и завтра утромъ буду умолять добродѣтельную Дездемону похлопотать обо мнѣ. Я совершенно отчаюсь въ моемъ счастьи, если оно и тутъ обманетъ меня.

Яго. Конечно, такъ. Доброй ночи, лейтенантъ. Я долженъ итти въ караулъ.

Кассіо. Доброй ночи, честный Яго.

(Уходитъ).

Яго.

Ну, кто бы могъ сказать, что поступаю
Безчестно я? Совѣтъ мой такъ хорошъ,
Такъ искрененъ: онъ—самый вѣрный путь,
Чтобъ вновь снискать расположенье мавра.
Вѣдь, ничего нѣтъ легче, какъ склонить
Для добраго поступка Дездемону,
Которую природа создала,
Какъ вольныя стихіи, благотворной;
А ей легко склонить его на все:
Онъ для нея готовъ отречься даже
Отъ своего крещенья, отъ печатей
И символовъ спасенья. Сердце мавра
Такъ плѣнено любовью къ ней одной,
Что каждый разъ, какъ ей придетъ желанье
Повластвовать надъ слабостью его,
Она сейчасъ устроитъ все, разстроитъ
И сдѣлаетъ все, что угодно ей.
Такъ можно ли сказать, что негодяй я,
Коль Кассіо я указую путь
Такой прямой, къ его добру ведущій?
О, духи тьмы, когда чернѣйшій грѣхъ

Изъ всѣхъ грѣховъ вы совершить хотите,
То кроете его сперва, какъ я,
Подъ свѣтлою, небесною личиной!
Да, между тѣмъ какъ этотъ честный дурень
Умолитъ Дездемону пособить
Его бѣдѣ и станетъ неотступно
Она просить у мавра за него—
Я отравлю Отелло слухъ намекомъ,
Что дѣйствуетъ въ ней просто страсть плотская;
И чѣмъ она просить сильнѣе будетъ
За Кассіо, тѣмъ больше уменьшаться
Довѣріе Отелло будетъ къ ней.
Такъ дѣйствуя, въ древесную смолу
Я превращу ея всю добродѣтель,
Изъ доброты жъ ея сплету я сѣть
И ею всѣхъ покрою.

Входитъ Родриго.

Яго.

Что, Родриго?

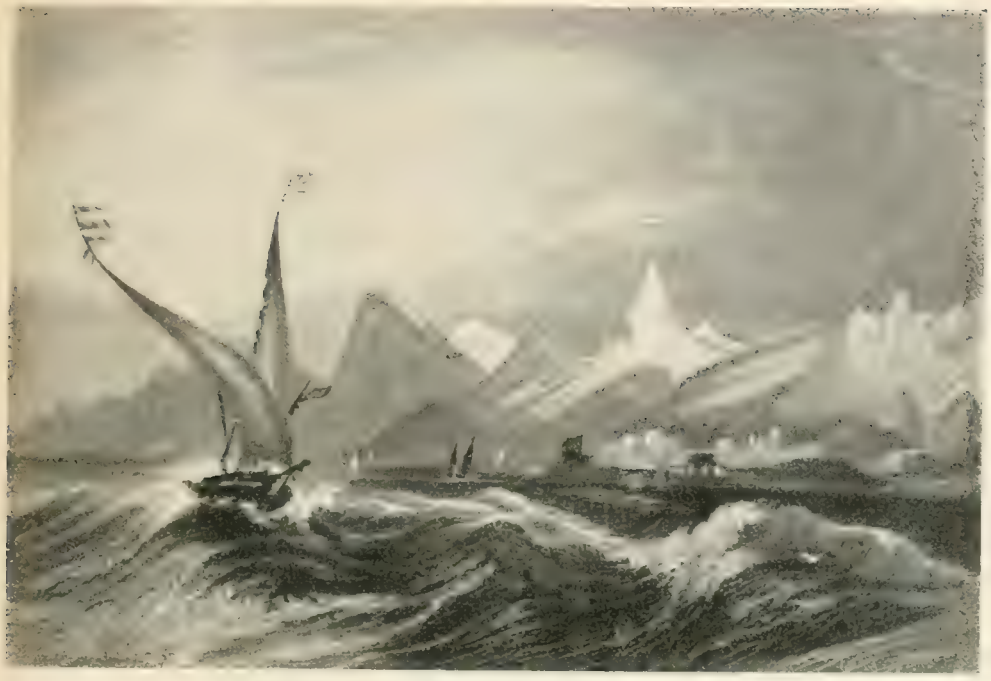
Родриго. То, что въ этой охотѣ я участвую не какъ охотящаяся собака, но только какъ лающая. Мои деньги почти всѣ издержаны, сегодня ночью меня порядочно поколотили, а кончится все это, кажется, тѣмъ, что я только пріобрѣту за всѣ мои непріятности немного опытности, и рѣшительно безъ денегъ, съ небольшимъ запасомъ разсудка, вернусь въ Венецію.

Яго.

Какъ жалки тѣ, въ которыхъ нѣтъ терпѣнья!
Гдѣ рана та, которую бы вдругъ
Мы залѣчить могли? Ты знаешь самъ,
Мы дѣйствуемъ не колдовствомъ, а только
Однимъ умомъ; а умъ нашъ подчиненъ
И времени задержкамъ. Развѣ дурно
Идутъ дѣла? Вѣдь, Кассіо тебя
Ударилъ—ну, а ты бездѣлкой этой
Успѣлъ его отъ мѣста удалить.
Хоть есть плоды, которые безъ солнца
Растутъ, но тѣ, что прежде зацвѣтутъ—
И прежде созрѣваютъ. Жди спокойно.
Однако, вотъ и утро настаетъ.
Средь этихъ дѣлъ и этихъ удовольствій
Не видишь, какъ проносятся часы.
Ступай домой: потомъ узнаешь больше.
Иди, прощай. (*Родриго уходитъ*).
Теперь два дѣла сдѣлать
Мнѣ предстоитъ: подбить мою жену,
Чтобы она за Кассіо просила
У госпожи своей, а самому
Куда нибудь, межъ тѣмъ, уйти съ Отелло
И послѣ съ нимъ вернуться такъ, чтобъ онъ
Могъ Кассіо застать съ своей женою.
Да, это путь вѣрнѣйшій—и за дѣло.
Не мѣшкая, я принимаюсь смѣло.

(*Уходитъ*).

ГЛАВНЫЙ ГОРОДЪ КИПРА—ФАМАГУСТА
(*Изъ изданія Найта*).



ВИДЪ НА КИПРЪ.
Гравюра Сарджента, 1840-хъ г. (Sargent).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Передъ замкомъ.

Входятъ Кассіо *и нѣсколько музыкантовъ.*

Кассіо.

Играйте здѣсь. За трудъ васъ награжу я.
Да что нибудь недлинное, а тамъ
„Ура“ провозгласите генералу. (*Музыка*).

Входитъ шутъ.

Шутъ. Что это, господа, не были ли ваши инструменты въ Неаполѣ? Что-то они ужъ сильно говорятъ въ носъ...

1-ый музыкантъ. Это какъ?

Шутъ. Да вѣдь, ваши инструменты называются духовыми?

1-ый музыкантъ. Ну да, духовыми.

Шутъ. Стало-быть, они тѣ, которые висятъ подъ хвостомъ?

1-ый музыкантъ. Какъ подъ хвостомъ?

Шутъ. Да такъ, какъ многіе изъ извѣстныхъ мнѣ духовыхъ инструментовъ Однако, вотъ вамъ деньги. Генералу такъ нравится ваша музыка, что онъ проситъ васъ ради Бога перестать играть.

1-ый музыкантъ. Извольте, мы перестанемъ.

Шутъ. Если у васъ есть такая музыка, которую можно не слышать — начинайте снова, а слышную музыку генералъ не слишкомъ любитъ.

1-ый музыкантъ. Нѣтъ, такой музыки у насъ нѣтъ.

Шутъ. Ну, такъ укладывайте дудки въ сумки и убирайтесь! Ну, разсыпьтесь въ воздухѣ! Проваливайте!

(*Музыканты уходятъ*).

Кассіо. Послушай, мой любезный другъ...

Шутъ. Нѣтъ, вашъ любезный другъ не послушаетъ, а я послушаю.

Кассіо. Пожалуйста, брось твои глупости. Вотъ тебѣ золотая монета. Если женщина, прислуживающая женѣ генерала, встала, скажи ей, что нѣкто Кассіо проситъ ее удѣлить ему нѣсколько минутъ для разговора. Сдѣлаешь это?

Шутъ. Она встала, синьоръ, и если захочетъ встать здѣсь, то я ей посовѣтую сдѣлать это.

Кассіо. Пожалуйста, мой добрый другъ.

(*Шутъ уходитъ*).

Входитъ Яго.

Кассіо.

А, Яго!
Какъ во-время!

Яго.

Такъ ты и не ложился
До этихъ поръ?

Кассіо.

Нѣтъ; разошлись, вѣдь, мы
Ужъ засвѣтло. Я былъ такъ дерзокъ, Яго,
Что за твоей женой послалъ теперь:
Хочу просить—доставить доступъ мнѣ
Къ достойной Дездемонѣ.

Яго.

Я сейчасъ же
Пришлю ее сюда, а самъ о средствѣ
Подумаю, какъ мавра удалить,
Чтобъ дѣло вы могли вести свободнѣй.

Кассіо.

Чувствительно благодарю тебя!

(*Яго уходитъ*).

Я не встрѣчалъ еще изъ флорентинцевъ
Ни одного добрѣе и честнѣй.

Входитъ Эмилія.

Эмилія.

День добрый вамъ, любезный лейтенантъ.
Мнѣ очень жаль, что съ вами приключилась
Такая непріятность. Впрочемъ, все
Уладится и, вѣрно, очень скоро.
Я слышала, какъ генералъ объ этомъ
Съ своей женой бесѣдовалъ; она
За васъ съ большой горячностью просила;
Мавръ возражалъ, что тотъ, кто вами раненъ—
Съ огромными связями человѣкъ,
Что здѣсь его глубоко уважаютъ;
Что, наконецъ, само благоразумье
Васъ удалить ему повелѣваетъ.
Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Отелло увѣрялъ,
Что любитъ васъ и безъ ходатайствъ всякихъ,
По одному расположенью къ вамъ,
Ухватится за первый добрый случай,
Чтобы опять къ себѣ приблизить васъ.

Кассіо.

Пусть такъ; но я васъ все же умоляю:
Доставьте мнѣ—коли возможность есть
И если вы сочтете то приличнымъ—
Доставьте мнѣ возможность съ Дездемоной
Поговорить хоть нѣсколько минутъ.

Эмилія.

Пожалуйте за мною: я устрою
Все такъ, что вы успѣете сказать
Свободно все, что есть у васъ на сердцѣ.

Кассіо.

Чувствительно за то обязанъ вамъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ.

Отелло, Яго *и* офицеры.

Отелло (*къ Яго*).

Вотъ письма: ихъ отдай ты капитану
И попроси его мое почтенье
Глубокое Сенату передать.
Я между тѣмъ пойду на укрѣпленья,
Гдѣ можешь ты найти меня.

Яго.

Иду,
Мой добрый генералъ.

(*Уходитъ*).

Отелло.

А вы, синьоры,
Отправитесь на эти укрѣпленья?

Офицеръ.

Мы слѣдуемъ за вами, генералъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Передъ замкомъ.

Входятъ Дездемона, Кассіо *и* Эмилія.

Дездемона.

Да, Кассіо мой добрый, вѣрьте мнѣ,
Всѣ силы я употреблю, чтобъ только
Васъ выручить.

Эмилія.

Ахъ, добрая синьора,
Пожалуйста! Вѣдь, мужъ мой тоже этимъ
Такъ огорченъ, какъ собственнымъ несчастьемъ.

Знаменитый американскій актеръ Эдвинъ Бусъ (Edwin Booth 1833—1893) въ роли Яго.

ДЕЗДЕМОНА.

О, онъ такой отличный человѣкъ!
Да, Кассіо, не сомнѣвайтесь: съ мужемъ
Я помирю васъ снова.

КАССІО.

О, синьора!
Что бъ ни было со мною, я всегда
Остануся слугою вѣрнымъ вашимъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Благодарю. Вы любите Отелло,
Вы съ нимъ давно знакомы. Вѣрьте жъ мнѣ.
Что будетъ васъ держать онъ въ отдаленьи
Не долѣе, какъ требуетъ того
Политика.

КАССІО.

Я вѣрю вамъ, синьора;
Но можетъ, вѣдь, случиться такъ, что эта
Политика протянется такъ долго,
Или себя поддерживать начнетъ
Такимъ пустымъ и водянистымъ кормомъ,
Иль, наконецъ, такъ сильно разрастется,
Что генералъ въ отсутствіе мое
Любовь мою и службу позабудетъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Нѣтъ, это не случится—вѣрьте мнѣ!
Въ присутствіи Эмиліи ручаюсь,
Что мѣсто вы получите опять;
А если я даю ужъ слово дружбы,
Такъ и держу его до крайней буквы.
Не отойду отъ мужа я теперь,
Я спать ему не дамъ, и изъ терпѣнья
Я выведу его, прося за васъ;
Его постель сумѣю сдѣлать школой,
Трапезный столъ—скамьею исповѣдной.
За что бы онъ ни принялся—во все
Я впутаю, повѣрьте, вашу просьбу.

Такъ будьте же покойны, Микаэль:
Ходатай вашъ скорѣй лишится жизни,
Чѣмъ пренебречь рѣшится вашимъ дѣломъ.

Въ отдаленіи показываются Яго *и* Отелло.

Эмилія.

Синьора, вотъ супругъ вашъ.

Кассіо.

Поспѣшаю
Оставить васъ.

Дездемона.

Зачѣмъ? Не уходите;
Послушайте, какъ стану я просить.

Кассіо.

Нѣтъ, не теперь, синьора: совершенно
Разстроенъ я, и самъ себѣ служить
Не въ силахъ я.

Дездемона.

Пожалуй, поступайте,
Какъ знаете.

(*Кассіо уходитъ*).

Яго.

А! вотъ ужъ это мнѣ
Не нравится.

Отелло.

Что говоришь ты, Яго?

Яго.

Нѣтъ, ничего. Но если... я не знаю...

Отелло.

Не Кассіо ль тамъ только-что разстался
Съ моей женой?

Яго.

Кто? Кассіо? О, нѣтъ,
Нѣтъ, генералъ, я не могу повѣрить,
Чтобъ это онъ, увидѣвъ васъ, бѣжалъ,
Какъ будто-бы какой преступникъ.

Отелло.

Что-то
Мнѣ кажется, что не ошибся я.

Дездемона.

Ну что, мой другъ? А я здѣсь толковала
Съ просителемъ: онъ человѣкъ убитый
Немилостью твоею.

Отелло.

Кто же это?

Дездемона.

Да лейтенантъ твой, Кассіо. Мой другъ,
Мой добрый другъ, когда меня ты любишь,
Когда тебя я тронуть чѣмъ могу—
Прости ему и примирись сейчасъ же.
Ужъ если онъ тебѣ не преданъ сердцемъ
И если онъ проступка не свершилъ
Безъ умысла, а просто, не обдумавъ—
Такъ честное лицо я не умѣю
Распознавать. Прошу тебя, пошли
Вернуть его.

Отелло.

Такъ это онъ отсюда
Ушелъ сейчасъ?

Дездемона.

Да, милый, и въ такомъ
Онъ горѣ былъ, что часть своей печали
Мнѣ сообщилъ: я стражду вмѣстѣ съ нимъ.
Мой дорогой, верни его скорѣе.

Отелло.

Нѣтъ, не теперь, мой ангелъ! послѣ, послѣ!

Дездемона.

Но скоро ли?

Отелло.

Какъ только можно скоро,
Чтобъ угодить тебѣ, мой милый другъ.

Дездемона.

Сегодня къ ужину?

Отелло.

Нѣтъ, не сегодня.

Дездемона.

Такъ завтра за обѣдомъ?

Отелло.

Нѣтъ; я завтра
И дома не обѣдаю: я въ крѣпость
Отозванъ.

Дездемона.

Ну, такъ завтра ввечеру
Или во вторникъ утромъ, или въ полдень,
Иль вечеромъ, иль въ среду поутру?
Прошу тебя, назначь, когда; но только
Томи его не болѣе трехъ дней.
Клянусь тебѣ, раскаянья онъ полонъ.
Да и притомъ, проступокъ весь его
Ничтоженъ такъ, что выговоръ секретный
Достаточенъ, хоть, говорятъ, во время
Военное надъ лучшими друзьями
Показывать примѣры вы должны.
Ну что жъ, скажи, когда притти онъ можетъ?
Скажи, мой другъ! Не знаю, право, я,
Когда бъ меня просилъ ты, въ чемъ могла бы
Я отказать тебѣ иль затрудниться!

Какъ! Рѣчь идетъ о Кассіо—о немъ,
Которому ты повѣрялъ всѣ тайны,
Когда еще ухаживалъ за мной—
О Кассіо, который каждый разъ,
Какъ о тебѣ я дурно отзывалась,
Вступался за тебя—и мнѣ такъ много
Теперь труда, чтобъ ты его простилъ.
О, вѣрьте мнѣ, я сдѣлала бы больше!

Отелло.

Ну, перестань! Пусть Кассіо придетъ,
Когда ему угодно. Я не въ силахъ
Тебѣ ни въ чемъ отказывать.

Дездемона.

Да это
Не милость мнѣ. Вѣдь, это все равно.
Какъ если бы тебя я попросила,
Чтобъ ты надѣлъ перчатки или съѣлъ
Питательную пищу, иль теплѣе
Одѣлся бы, иль, словомъ, сдѣлалъ то,
Что самому тебѣ служило бъ въ пользу.
Нѣтъ, ежели я вздумаю когда
Любовь твою ко мнѣ извѣдать просьбой,
Такъ выберу я дѣло поважнѣе
И потруднѣй, чѣмъ это.

Отелло.

Я ни въ чемъ
Не откажу тебѣ. Ну, а теперь
И ты мою исполни просьбу: долженъ
Остаться я одинъ.

Дездемона.

А ты подумалъ,
Что откажу тебѣ я? Нѣтъ, прощай,
Прощай, мой повелитель.

Отелло.

До свиданья.
Мой добрый другъ; къ тебѣ приду я скоро.

Дездемона.

Эмилія, пойдемъ. (*Къ Отелло*). Повелѣвай,
Какъ вздумаешь—я все всегда исполню.
(*Уходитъ съ Эмиліей*).

Отелло.

Чудесное созданье! Да погибнетъ
Моя душа, когда любовь моя
Не вся въ тебѣ—и быть опять хаосу,
Когда тебя любить я перестану!

Яго.

Мой генералъ!

Отелло.

Что Яго?

Яго.

Я желалъ бы
Спросить у васъ: въ то время, какъ еще
Искали вы руки синьоры, зналъ ли
Про эту страсть вашъ Кассіо?

Отелло.

Да, зналъ
Отъ самаго начала до конца.
Но для чего ты это знать желаешь?

Яго.

Такъ, пустяки. Хотѣлось разрѣшить
Одно недоумѣнье.

Отелло.

А какое?

Яго.

Не думалъ я, что онъ знакомъ былъ съ ней.

Отелло.

О, да, давно; онъ даже между нами
Посредникомъ былъ прежде.

Яго.

Право?

Отелло.

Право?
Ну, да! Что жъ въ томъ такого видишь ты?
Иль Кассіо не честенъ?

Яго.

Честенъ?

Отелло.

Честенъ?

Яго.

Да, сколько мнѣ извѣстно.

Отелло.

Что жъ такое
Ты думаешь?

Яго.

Что думаю, синьоръ?

Отелло.

„Что думаю, синьоръ!“ Клянуся Небомъ,
Онъ вторитъ мнѣ, какъ эхо; будто въ мысляхъ
Чудовище такое держитъ скрытымъ,
Которое и показать ужасно.
Ты что-то тамъ здумалъ, вижу я!
Я слышалъ, какъ недавно ты, увидѣвъ,
Что Кассіо отсюда уходилъ,

Проговорилъ: „не нравится мнѣ это“!
Что жъ тутъ тебѣ не нравится? Когда жъ
Я объявилъ тебѣ, что онъ все время
Посредникомъ въ любви моей служилъ—
Воскликнулъ ты въ недоумѣньи „право?“
И брови такъ ты сдвинулъ, будто въ мозгъ
Хотѣлъ замкнуть ужаснѣйшую мысль.
Но если ты дѣйствительно мнѣ преданъ,
То эту мысль откроешь.

Яго.

Генералъ,
Вы знаете, какъ я люблю васъ.

Отелло.

Знаю
И потому-то, что вполнѣ увѣренъ
Въ твоей любви и честности, и въ томъ,
Что слова ты не выпустишь наружу,
Не взвѣсивши его—тревожусь я
Отвѣтами неясными твоими.
Подобные отвѣты—негодяевъ
Безчестнѣйшихъ обычная увертка;
За то въ устахъ у праведныхъ людей
Они—намекъ сокрытый, изъ души
Волнуемой стремящійся наружу.

Яго.

Что Кассіо касается, такъ я
Поклясться радъ, что онъ, должно-быть,
честенъ.

Отелло.

Я также въ томъ увѣренъ.

Яго.

Людямъ надо бъ
Всегда быть тѣмъ, чѣмъ кажутся они.
А тѣмъ, чѣмъ быть не могутъ—не ка-
заться.

Отелло.

Да, я съ тобой согласенъ: надо бъ людямъ
Всегда быть тѣмъ, чѣмъ кажутся они.

Яго.

Вотъ почему сдается мнѣ, что честенъ
Вашъ лейтенантъ.

Отелло.

Нѣтъ, что-то есть другое
Въ твоихъ словахъ. Прошу тебя, открой
Мнѣ мысль свою, какъ самому себѣ.
И будь она гнуснѣйшая—словами
Гнуснѣйшими ты передай ее.

Яго.

Ахъ, генералъ, простите. Хоть обязанъ
Я вамъ служить, повиноваться вамъ,
Но все же въ томъ, мнѣ кажется, я воленъ,
Въ чемъ и рабы свободны. Передать
Вамъ мысль мою? А если эти мысли
Обманчивы и гадки? Гдѣ чертогъ,
Куда бъ залѣзть не умудрилась мерзость;
И гдѣ та грудь, въ которой не сидѣли бъ
Съ правдивыми сужденьями въ ряду
Нечистыя, кривыя подозрѣнья,
Расправу въ ней по-своему творя?

Отелло.

Ты въ заговоръ вступаешь противъ друга,
Когда его считаешь оскорбленнымъ
И мысль свою скрываешь отъ него.

Яго.

Ахъ, генералъ, быть можетъ, ошибаюсь
Въ догадкахъ я; мой нравъ уже такой,
Что я во всемъ хочу найти дурное;
И много ужъ поступковъ небывалыхъ
Я создавалъ по страсти къ подозрѣньямъ.
Вотъ почему я умоляю васъ
Не обращать вниманья никакого
На слабыя сужденія мои
И перестать догадками такими
Неясными и шаткими смущаться.
Ни вашъ покой, ни благо вашей жизни,
Ни возрастъ мой, ни честность, ни разсу-
докъ—
Ничто, ничто не позволяетъ мнѣ
Вамъ мысль мою открыть.

Отелло.

Да что жъ такое
Ты думаешь?

Яго.

Мой добрый генералъ,
Для женщины и для мужчины имя
Ихъ доброе—сокровище души
Первѣйшее. Кто у меня похититъ
Мой кошелекъ—похититъ пустяки:
Онъ нынче мой, потомъ его, и былъ онъ
Уже рабомъ у тысячи людей.
Но имя доброе мое кто крадетъ,
Тотъ крадетъ вещь, которая не можетъ
Обогатить его, но разоряетъ
Меня въ конецъ.

Отелло.

Свидѣтель Богъ, хочу я
Знать мысль твою.

Яго.

Нѣтъ, если бъ даже вы
Въ своихъ рукахъ мое держали сердце,
И тутъ бы я молчалъ, какъ и теперь,
Когда оно въ моей груди хранится.

Отелло.

Ага! Вотъ какъ!

Яго.

О, генералъ, пусть Богъ
Васъ сохранитъ отъ ревности: она—
Чудовище съ зелеными глазами,
Съ насмѣшкой ядовитою надъ тѣмъ,
Что пищею ей служитъ. О, блаженны,
Блаженны тѣ рогатые мужья,
Которые, въ судьбѣ своей увѣрясь,
Измѣнницу любить перестаютъ.
Но сколько мукъ проклятыхъ переноситъ
Тотъ, въ комъ любовь съ сомнѣньемъ не-
разлучна,
Кто ревностію мучится—и все жъ
Любовію безумною томится.

Отелло.

Ужасно!

Яго.

Тотъ, кто бѣденъ и доволенъ
Своей судьбой—по мнѣ, совсѣмъ богатъ;
А у кого несмѣтныя богатства
И вѣчный страхъ стать нищимъ, для того,
Какъ зимняя пора, они безплодны.
О, да хранитъ святое Небо души
Всѣхъ близкихъ мнѣ отъ ревности.

Отелло.

Постой!
Къ чему ведутъ, что значатъ эти рѣчи?
Не мнишь ли ты, что ревностію жить
Я захочу и каждый день встрѣчать,
Одно другимъ смѣняя подозрѣнье?
Нѣтъ, у меня сомнѣнье нераздѣльно
Съ рѣшимостью. Зови меня козломъ,
Когда займу я дѣятельность сердца
Ничтожными догадками такими,
Какія я въ твоихъ намекахъ встрѣтилъ.
Пусть говорятъ, что у меня жена
И хороша и любитъ наряжаться,
И выѣзжать, и бойко говорить,
И хорошо поетъ, играетъ, пляшетъ—
Ревнивымъ я отъ этого не стану.
Когда въ душѣ есть добродѣтель—всѣ
Наклонности такія непорочны:
И даже то, что у меня такъ мало
Заманчивыхъ достоинствъ, неспособно
Въ меня вселить малѣйшую боязнь,
Малѣйшее сомнѣнье: вѣдь, имѣла
Она глаза и выбрала меня.
Нѣтъ, Яго, нѣтъ, чтобъ усомниться, дол-
женъ
Я увидать; а усомнился—надо
Мнѣ доказать, а послѣ доказательствъ—
Вонъ изъ души и ревность, и любовь!

Яго.

Я очень радъ такому разсужденью,
И ужъ теперь открыто вамъ рѣшаюсь
Мою любовь и вѣрность показать.
Послушайте жъ, что я считаю долгомъ
Вамъ объявить, хоть ясныхъ доказательствъ
Нѣтъ у меня: смотрите, генералъ,
За вашею женою хорошенько,
Внимательно слѣдите вы за нею
И Кассіо; глазъ не спускайте съ нихъ,
Ни ревностью себя не ослѣпляя,
Ни вѣрою въ ихъ честность—не хотѣлъ
бы
Я ни за что, чтобъ добротой своей
Обманута была душа такая
Открытая и честная—за всѣмъ
Внимательно слѣдите. Мнѣ знакомы
Характеры венеціанскихъ жонъ.
Лишь небесамъ рѣшаются онѣ
Тѣ открывать продѣлки, о которыхъ
Мужьямъ своимъ не смѣютъ разсказать;
И совѣсть ихъ не въ томъ, чтобъ воздер-
жаться,
А въ томъ одномъ, чтобъ скрыть свои
дѣла.

Отелло.

Ты думаешь?

Яго.

Вѣдь, обмануть умѣла
Она отца, когда пошла за васъ,
И между тѣмъ, какъ всѣмъ казалось, будто
Вашъ даже взглядъ такъ страшенъ для
нея –
Она его такъ горячо любила.

Отелло.

Да, да, ты правъ.

Яго.

Вотъ видите! Итакъ,
Когда она ужъ въ молодости первой
Умѣла такъ искусно притворяться,
Что ослѣпить ей удалось отца,
И мысль свою такъ затворила плотно,
Что колдовству все приписалъ старикъ,
Такъ ужъ теперь... Но я зашелъ далеко.
Простите мнѣ—я умоляю васъ—
За то, что я люблю васъ слишкомъ
сильно.

Отелло.

Нѣтъ, ты меня навѣки обязалъ.

Яго.

Мнѣ кажется, мой разговоръ встревожилъ
Васъ нѣсколько.

Отелло.

О, нѣтъ, ничуть, ничуть!

Яго.

А я боюсь за это—вѣрьте чести.
Но все-таки, надѣюсь, вы поймете,
Что преданность заставила меня
Такъ говорить. Нѣтъ, вижу я, вы точно
Взволнованы. О, умоляю васъ,
Не придавать словамъ моимъ значенья
И важности: вѣдь, это все догадки
Невѣрныя!

Отелло.

Да я не придаю.

Яго.

А если вы такъ думать захотите,
Мои слова получатъ гнусный смыслъ,
Къ которому я и не думалъ мѣтить.
Вѣдь, Кассіо—достойнѣйшій мой другъ...
Ахъ, генералъ, я вижу, вы въ волненьи!

Отелло.

Нѣтъ, пустяки. Я убѣжденъ въ одномъ:
Не можетъ быть безчестной Дездемона.

Яго.

И дай Господь жить долго — ей. чтобъ быть
Безгрѣшною, а вамъ - чтобъ въ это вѣрить.

Отелло.

А что, когда и самая природа,
Забывъ себя...

Яго.

Вотъ тутъ-то и вопросъ!
Вы знаете—осмѣлюсь говорить
Открыто вамъ—что, вѣдь, она отвергла
Исканія различныхъ жениховъ
Ея страны и цвѣта, и сословья;
Изъ этого, пожалуй, заключать
Иной бы сталъ о мысляхъ развращенныхъ,
Желаніяхъ постыднѣйшихъ ея
И прихотяхъ гнуснѣйшихъ. Но, простите,
Я словъ моихъ къ супругѣ вашей
Не отношу, хоть все-таки боюсь,
Чтобъ чувствъ ея не покорилъ разсудокъ
И чтобъ она, сравнивъ наружность вашу
Съ наружностью соотчичей своихъ,
Не вздумала раскаиваться послѣ.

Отелло.

Прощай, прощай! Удастся что нибудь
Тебѣ еще замѣтить—объяви мнѣ.
Пускай жена твоя глядитъ за ней.
Ну, а теперь оставь меня.

Яго.

Прощайте. (*Идетъ*).

Отелло.

И для чего женился я на ней?
Сомнѣнья нѣтъ, что честный Яго видитъ
И знаетъ больше—о! гораздо больше—
Чѣмъ говоритъ.

Яго (*возвращаясь*).

Молю васъ, генералъ,
Такъ глубоко не вдумываться въ это,
И времени все дѣло предоставить.
А Кассіо хоть слѣдовало бъ вамъ
Вновь возвратить утраченную должность,
Которую онъ такъ отлично несъ,
Но погодить вамъ съ этимъ не мѣшало бъ;
А между тѣмъ могли бы вы узнать,
Каковъ онъ самъ и что онъ замышляетъ!
Замѣтьте то: когда супруга ваша
О немъ просить васъ будетъ неотступно,
Запальчиво—тутъ что нибудь да есть.
Покамѣстъ же я умоляю васъ
Считать меня ужъ слишкомъ боязливымъ,
Какимъ и самъ считаю я себя,
И не винить ни въ чемъ супругу вашу.

Отелло.

Не бойся: я могу владѣть собой.

Яго.

Имѣю честь откланяться вамъ снова.

(*Уходитъ*).

Отелло.

Вотъ человѣкъ—честнѣйшій изъ людей!
И какъ умомъ глубокимъ онъ умѣетъ
Всѣхъ дѣлъ людскихъ причины постигать!...
О, если я найду, что ты, мой соколъ,
Сталъ дикъ—твои я путы разорву,
Хоть будь онѣ изъ струнъ моихъ сердечныхъ—
И Богъ съ тобой: лети, куда захочешь!
Какъ знать? всему причиной то, быть можетъ,
Что черенъ я, что сладко говорить,
Какъ щеголи-вельможи, не умѣю,
А можетъ быть, и то, что началъ я
Въ долину лѣтъ преклонныхъ опускаться.
Все можетъ быть! Ну, что же? Нѣтъ жены,
Обманутъ я—и утѣшеньемъ только
Презрѣніе должно остаться мнѣ.
О, вотъ оно, вотъ гдѣ проклятье брака!
Онъ отдаетъ намъ этихъ женщинъ милыхъ,
Но ихъ страстей не подчиняетъ намъ.

Ахъ, я бъ желалъ родиться лучше жабой
И въ сырости темницы пресмыкаться,
Чѣмъ изъ того, что я люблю, другому
Малѣйшую частицу отдавать!
Но такова ужъ кара душъ высокихъ:
Имъ не даны права простыхъ сердецъ,
И ихъ судьба, какъ смерть, не отвратима:
Едва на свѣтъ мы выйдемъ—и уже
Обречены рогатому недугу!...
Вотъ и она! О, если лжива ты,
Такъ надъ собой самимъ смѣется Небо!
Нѣтъ, не хочу я вѣрить этой мысли.

Входятъ Дездемона *и* Эмилія.

Дездемона.

Что жъ, милый мой Отелло, твой обѣдъ
И знатные островитяне-гости,
Которыхъ пригласилъ ты, ждутъ тебя!

Отелло.

Да, виноватъ.

Дездемона.

Твой голосъ слабъ; ты боленъ?

Отелло.

Да, тутъ болитъ. (*Показываетъ на лобъ*).

Дездемона.

Конечно, оттого,
Что ты не спалъ. Но, дай, перевяжу я
Твой лобъ платкомъ — и черезъ часъ все это
Пройдетъ.

Отелло.

Оставь: платокъ твой слишкомъ малъ.
(*Срываетъ и роняетъ платокъ на полъ*).
Пройдетъ и такъ. Идемъ со мною вмѣстѣ.

Дездемона.

Какъ грустно мнѣ, что заболѣлъ ты вдругъ!

(*Уходятъ съ Отелло*).

Эмилія.

Ну, наконецъ, платокъ въ моихъ рукахъ,
Ея платокъ—подарокъ первый мавра.
Мой мужъ, чудакъ, сто разъ меня просилъ
Украсть его; но съ нимъ не разстается
Она на мигъ—съ нимъ говоритъ, цѣлуетъ:
Онъ дорогъ ей съ тѣхъ поръ, какъ заклиналъ
Самъ мавръ ее беречь его до гроба.
Сниму теперь узоръ съ него и Яго
Его отдамъ. Что съ нимъ онъ станетъ дѣлать—
Богъ вѣсть, не я. Я только исполняю
Его капризъ.

Входитъ Яго.

Яго.

Ты здѣсь зачѣмъ одна?

Эмилія.

Ну, перестань браниться; я имѣю
Вещь для тебя.

Яго.

Вещь для меня? О, это
Такая вещь извѣстная!

Эмилія.

Про что
Ты говоришь?

Яго.

Про глупую жену.

Эмилія.

Ну, перестань! Ты вотъ скажи мнѣ лучше,
Что дашь ты мнѣ за этотъ вотъ платокъ?

Яго.

Какой платокъ?

Эмилія.

Какой платокъ? Тотъ самый,
Что подарилъ Отелло Дездемонѣ,
Платокъ, что ты не разъ уже украсть
Просилъ меня.

Яго.

И ты его украла?

Эмилія.

Нѣтъ, не совсѣмъ, но обронила здѣсь
Она его нечаянно, а я,
Случившись тутъ, подобрала. Гляди-ка!

Яго.

О, добрая! Ну, дай его сюда!

Эмилія.

Да что, скажи, ты съ нимъ намѣренъ дѣлать?
И для чего ты неотступно такъ
Желалъ его?

Яго.

Тебѣ какое дѣло?

(*Вырываетъ платокъ*).

Эмилія.

Когда тебѣ онъ не для цѣлей важныхъ
Необходимъ—отдай его ты мнѣ:
Она съ ума сойдетъ, моя бѣдняжка,
Какъ хватится и не найдетъ его.

Яго.

А ты скажи, что ничего не знаешь.
Онъ нуженъ мнѣ. Ну, а теперь ступай.

(*Эмилія уходитъ*).

Я оброню у Кассіо въ квартирѣ
Ея платокъ—и онъ его найдетъ:
А въ ревности и самая бездѣлка,
Хоть легкая, какъ воздухъ, такъ важна,
Какъ доводы священнаго писанья.
Изъ этого ужъ выйдетъ что нибудь.
Мавръ безъ того моимъ напитанъ ядомъ:
А для такихъ натуръ и подозрѣнье,
Нелѣпая догадка—тотъ же ядъ.
Сперва онъ слабъ, едва и вкусу слышенъ,
А чуть на кровь попалъ—какъ копи сѣры,
Онъ жжетъ ее. Я это прежде зналъ...
Вотъ онъ идетъ. Ни макъ, ни мандрагора,
Ни зелья всѣ, какія есть на свѣтѣ,
Не возвратятъ тебѣ тотъ мирный сонъ,
Которымъ ты вчера еще былъ счастливъ!

Входитъ Отелло.

Отелло.

Ага, меня обманывать! меня!

Яго.

Ну, генералъ, довольно ужъ объ этомъ.

Отелло.

Прочь! Ты меня ужасной пыткѣ предалъ!
Клянусь, вполнѣ обманутымъ быть лучше,
Чѣмъ мало знать.

Яго.

Какъ это, генералъ?

Отелло.

Что было мнѣ за дѣло до разврата
Моей жены, до хитростей ея?
Не видѣлъ ихъ, не думалъ я о нихъ:
Онѣ меня не мучили. Спокойно
Я ночью спалъ, былъ веселъ и доволенъ,
И на устахъ ея до этихъ поръ
Не находилъ я Кассіо лобзаній.
Да, человѣкъ ограбленный не можетъ
Считать себя ограбленнымъ, пока
Онъ не узналъ про это.

Яго.

Генералъ,
Васъ слушать мнѣ невыразимо больно.

Отелло.

О, пусть бы хоть все войско, пусть бы каждый
Солдатъ владѣлъ ея прекраснымъ тѣломъ:
Я бъ счастливъ былъ, не вѣдая о томъ;
Теперь же все прости, прости навѣки,
Прости покой, прости мое довольство!
Простите вы, пернатыя войска
И гордыя сраженія, въ которыхъ
Считается за доблесть честолюбье —
Все, все прости! Прости, мой ржущій конь
И звукъ трубы, и грохотъ барабана,
И флейты свистъ, и царственное знамя,
Всѣ почести, вся слава, все величье
И бурныя тревоги славныхъ войнъ!
Простите вы, смертельныя орудья,
Которыхъ гулъ несется по землѣ,
Какъ грозный громъ безсмертнаго Зевеса!
Все, все прости! Свершился путь Отелло!

Яго.

Возможно ли?

Отелло.

Мерзавецъ, ты обязанъ
Мнѣ доказать развратъ моей жены.

(*Схватываетъ его за горло*).

Или, клянусь души моей спасеньемъ,
Что лучше бы тебѣ родиться псомъ,
Чѣмъ ярости, въ груди моей возставшей,
Давать отвѣтъ.

Яго.

Вотъ до чего дошло!

Отелло.

Дай случай мнѣ увидѣть самому,
Иль, наконецъ, такъ докажи мнѣ это,
Чтобъ не было ни петли, ни крючка,
Гдѣ бъ прицѣпить сомнѣнье можно было.
Иначе—смерть!

Яго.

Мой добрый генералъ!

Отелло.

О, если ты клевещешь на невинность
И клеветой терзаешь грудь мою,
То перестань молиться, отрекись
Отъ совѣсти, на страшныя злодѣйства
Ты новыя злодѣйства громозди,
Отъ дѣлъ твоихъ пусть зарыдаетъ Небо,
И въ ужасѣ всколеблется земля!
Чтобъ осудить себя на муки ада,
Ты ничего ужъ не свершишь страшнѣй.

Яго.

О, смилуйтесь! Спаси меня, о Небо!
Опомнитесь! Вы человѣкъ иль нѣтъ?
Неужли въ васъ ни сердца нѣтъ, ни смысла?
Богъ съ вами! я вамъ больше не слуга.
Глупецъ-бѣднякъ, вотъ до чего ты дожилъ,
Что за порокъ твою считаютъ честность!
О, гнусный міръ! Смотри, смотри, о міръ,
Какъ вредно быть и честнымъ, и открытымъ!

Знаменитый английский актеръ Макриди (Macready 1793—1873) въ роли Яго.

Благодарю васъ за урокъ. Теперь
Ужъ ни къ кому не привяжусь я дружбой,
Когда она рождаетъ оскорбленья.

Отелло.

Нѣтъ, погоди! Ты, можетъ быть, и честенъ.

Яго.

Желалъ бы я быть умнымъ: честность дура,
Она никакъ до цѣли не дойдетъ.

Отелло.

Клянуся всѣмъ, что только есть на свѣтѣ,
Мнѣ кажется,—жена моя невинна,
И кажется, что не честна она:
Мнѣ кажется, что правъ ты совершенно,
И кажется, что ты несправедливъ.
Хоть чѣмъ-нибудь хочу я убѣдиться!
Какъ чистый ликъ Діаны, такъ и имя
Моей жены блистало чистотой;
Но, какъ мое лицо, оно теперь
Испачкано и чернотой покрыто.
О, если есть еще ножи, веревки,
Огонь и ядъ, удушливыя рѣки—
Не потерплю измѣны этой я.
О, дайте мнѣ скорѣе убѣдиться!

Яго.

Ахъ, вижу я, васъ пожираетъ ревность,
И каюсь я, что поселилъ ее.
Итакъ, вы въ томъ желали бъ убѣдиться?

Отелло.

Желалъ ли бы? я требую, хочу!

Яго.

И можете; но какъ? чего вамъ нужно?
Быть можетъ, вы желали бы на дѣлѣ
Ее застать?

Отелло.

Смерть и проклятье! О!

Яго.

Я думаю, что было бъ очень трудно
Заставить ихъ вамъ это показать:
Вѣдь, презирать ихъ нужно было бъ, если бъ
Хоть чьи-нибудь глаза могли увидѣть
На ложѣ ихъ. Такъ что же дѣлать мнѣ?
Что я скажу? гдѣ взять мнѣ доказательствъ?
На дѣлѣ ихъ застать вамъ невозможно;
Но если съ васъ довольно убѣжденій
И доводовъ, которые ведутъ
Въ дверь истины дорогою прямою,
Я дамъ вамъ ихъ.

Отелло.

О, дай мнѣ убѣдиться
Хоть чѣмъ-нибудь живымъ въ ея измѣнѣ!

Яго.

Признаться вамъ, мнѣ это непріятно.
Но такъ какъ я изъ честности безумной
И дружбы къ вамъ зашелъ такъ далеко,
То продолжать я стану. Какъ-то разъ,
Мы съ Кассіо лежали на постели,
Но, мучимый зубною болью страшной,
Никакъ не могъ до утра я уснуть.
Есть родъ людей, въ которыхъ слабость духа
Такъ велика, что и во снѣ они
Про тайныя дѣла свои болтаютъ.
Нашъ Кассіо одинъ изъ этихъ слабыхъ.
Вотъ, слышу я, онъ говоритъ сквозь сонъ:
„О, ангелъ Дездемона! скроемъ нашу
Любовь отъ всѣхъ и будемъ осторожны!“
Тутъ сильно онъ сжалъ руку мнѣ, воскликнувъ:
„О, чудное созданье!“ и потомъ
Сталъ цѣловать меня такъ пылко, будто
Съ корнями онъ хотѣлъ лобзанья вырвать,
Что на губахъ моихъ расли; потомъ
Онъ горячо прильнулъ ко мнѣ всѣмъ тѣломъ
И цѣловалъ, и плакалъ, и кричалъ:
„Будь проклятъ рокъ, тебя отдавшій мавру!“

Отелло.

Чудовищно! чудовищно!

Яго.

Но это,
Вѣдь, только сонъ.

Отелло.

Да, сонъ, но обличаетъ
Онъ то собой, что было на яву
И страшное рождаетъ подозрѣнье.

Яго.

А сверхъ того, онъ можетъ подкрѣпить
И рядъ другихъ хорошихъ доказательствъ.

Отелло.

Я разорву ее на части!

Яго.

Нѣтъ,
Совѣтую вамъ быть благоразумнымъ.
Вѣдь, мы еще не видимъ ничего,
И, можетъ быть, она и не преступна.
Скажите мнѣ, случалось ли вамъ видѣть
Когда-нибудь въ рукахъ ея платокъ,
Весь вышитый цвѣтами земляники?

Отелло.

Такой платокъ я подарилъ ей; это
Мой первый даръ.

Яго.

Я этого не зналъ;
Но видѣлъ я, что Кассіо сегодня
Лицо платкомъ тѣмъ самымъ утиралъ,
Что былъ у ней—за это я ручаюсь.

Отелло.

О, если тотъ...

Яго.

Да, тотъ или другой,
Но если ей принадлежитъ онъ—сильно
Противъ нея все это говоритъ.

Отелло.

О, отчего не сорокъ тысячъ жизней
У этого раба? Одной мнѣ мало,
Одна слаба для мщенья моего!
Теперь всему, всему я вѣрю! Яго,
Смотри сюда: съ себя я къ небесамъ
Безумную любовь мою сдуваю—
Она прошла! Месть черная, вставай
Изъ адскихъ безднъ и выходи наружу!
Передавай, любовь, твою корону
И твой престолъ неукротимой злобѣ!
Вздымайся грудь подъ бременемъ отравы
Отъ языковъ змѣиныхъ!

Яго.

Успокойтесь,
Пожалуйста.

Отелло.

О, крови, Яго, крови!

Яго.

Терпѣніе: быть можетъ, вы еще
Одуматься успѣете.

Отелло.

Нѣтъ, Яго!

Нѣтъ, никогда! Какъ волны ледяныя
Понтійскихъ водъ, въ теченьи неудержныхъ.
Не вѣдая обратнаго отлива,
Впередъ, впередъ несутся въ Пропонтиду
И въ Геллеспонтъ: такъ замыслы мои
Кровавые неистово помчатся,
И ужъ назадъ не взглянутъ никогда,
И къ нѣжности смиренной не отхлынутъ,
И будутъ все нестись неудержимо,
Пока не поглотятся дикимъ мщеньемъ.
Клянусь теперь, подъ этимъ чистымъ небомъ,

(*становится на колѣни*)

Проникнутый всей святостію клятвы,
Отъ словъ моихъ не отрекусь.

Яго (*становясь на колѣни*).

Постойте.
Васъ, въ вышинѣ горящія свѣтила.
Васъ, вкругъ людей бродящія стихіи.
Въ свидѣтели того беру, что Яго
Радъ посвятить умъ, сердце, руки—все
На службу оскорбленному Отелло.
Пусть только онъ прикажетъ—и исполнить
Все я за долгъ священный мой сочту,
Какъ ни было бъ кроваво это дѣло.

Отелло.

Привѣтствую не звуками пустыми
Твою любовь, а радостнымъ принятьемъ.
И сей же часъ воспользуюсь я ею.
Черезъ три дня ты долженъ мнѣ сказать,
Что Кассіо не существуетъ больше.

Яго.

Мой другъ ужъ мертвъ: свершится ваша воля.
Но пусть она останется въ живыхъ.

Отелло.

Проклятье ей, блудницѣ, о, проклятье!
Идемъ со мной. Подумать долженъ я,
Гдѣ бъ средства мнѣ найти, чтобъ поскорѣй
Погибъ отъ нихъ прекрасный этотъ демонъ.
Отнынѣ ты мой лейтенантъ.

Яго.

Навѣки вашъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Тамъ же.

Входятъ Дездемона, Эмилія *и* шутъ.

Дездемона. Не знаешь ли, другъ мой, гдѣ живетъ лейтенантъ Кассіо?

Шутъ. Не знаю, гдѣ онъ квартируетъ. А выдумать вамъ какую-нибудь квартиру, сказать, что онъ живетъ тамъ или здѣсь—значитъ солгать на свою голову.

Дездемона. Не можешь ли ты какъ-нибудь освѣдомиться и разузнать?

Шутъ. Я разспрошу о немъ весь міръ, то есть буду дѣлать вопросы и по нимъ давать отвѣты.

Дездемона. Найди его и попроси притти сюда. Да скажи ему, что я просила моего мужа о его помилованіи и надѣюсь, что все уладится.

Шутъ. Сдѣлать это—въ силахъ человѣческихъ, и потому я попытаюсь исполнить.

(*Уходитъ*).

Дездемона. Гдѣ бы я потеряла этотъ платокъ, Эмилія?

Эмилія. Не знаю, синьора.

Дездемона.

Повѣришь ли, я бъ лучше согласилась
Мой кошелекъ и деньги потерять!
Хотя во мнѣ увѣренъ благородный
Отелло мой и ревностію гнусной
Не страждетъ онъ, но на дурныя мысли
Его навесть легко все это можетъ.

Эмилія.

Такъ не ревнивъ на самомъ дѣлѣ онъ?

Дездемона.

Кто? онъ? О, нѣтъ! Я думаю, что солнце
Его страны страсть эту выжгло въ немъ.

Эмилія.

Вотъ онъ идетъ.

Дездемона.

Теперь я не отстану,
Пока опять онъ Кассіо къ себѣ
Не позоветъ.

Входитъ Отелло.

Дездемона.

Ну, какъ тебѣ, мой милый?

Отелло.

Теперь прошло. (*Тихо*). О, мука притворяться!
(*Громко*). А какъ твое здоровье, Дездемона?

Дездемона.

Мнѣ хорошо.

Отелло.

Дай руку мнѣ. Какъ влажна
Твоя рука!

ДЕЗДЕМОНА

Она не испытала
Ни старости, ни горя.

ОТЕЛЛО.

Это признакъ
И щедрости души, и плодородья.
Какъ горяча! Да, горяча и влажна!
О, гдѣ рука такая—нужны тамъ
Стѣсненіе свободы, постъ, молитва
И плоти умерщвленье, и обѣты,
Затѣмъ, что тутъ гнѣздится дьяволенокъ,
Котораго не трудно возмутить.
Да, славная рука—рука прямая!

ДЕЗДЕМОНА.

И вправѣ ты такъ называть ее:
Она тебѣ мое вручила сердце.

ОТЕЛЛО.

Да, щедрая! Въ былое время сердце
Намъ руку отдавало, а теперь,
По нынѣшней геральдикѣ, дается
Одна рука—не сердце.

ДЕЗДЕМОНА.

Не умѣю
Поддерживать я этотъ разговоръ.
Ты лучше мнѣ скажи: что жъ обѣщанье?

ОТЕЛЛО.

Какое обѣщаніе, голубка?

ДЕЗДЕМОНА.

За Кассіо послала я, чтобъ онъ
Пришелъ сюда поговорить съ тобою.

ОТЕЛЛО.

Сегодня я схватилъ ужасный насморкъ:
Какъ надоѣлъ! Подай мнѣ твой платокъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Вотъ онъ.

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, тотъ, что подарилъ тебѣ я.

ДЕЗДЕМОНА.

Онъ не при мнѣ.

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ?

ДЕЗДЕМОНА.

Нѣтъ.

ОТЕЛЛО.

Нехорошо!
Имъ мать мою цыганка подарила.
Она была колдунья и читала
Въ сердцахъ людей, и матери моей,
Даря платокъ, сказала, что покамѣстъ
Онъ будетъ съ ней—не перестать ей быть
Любимою и надъ отцомъ моимъ
Не потерять сердечной власти. Если жъ
Онъ пропадетъ иль будетъ подаренъ
Кому-нибудь, отецъ мой отвернется
Съ презрѣніемъ, и помыслы свои
Отдастъ другимъ. Платокъ тотъ, умирая,
Передала мнѣ мать моя, прося,
Чтобъ, если мнѣ судьба жену даруетъ,
Ей и платокъ отдать. Я такъ и сдѣлалъ.
Храни жъ его: какъ за зѣницей ока,
Смотри за нимъ. Отдашь кому нибудь,
Утратишь ли—ты навлечешь погибель,
Съ которой не сравниться ничему.

ДЕЗДЕМОНА.

Возможно ли?

ОТЕЛЛО.

Да, вѣрь мнѣ, въ этой ткани
Есть колдовство. Платокъ тотъ вышитъ былъ
Въ пророческомъ неистовствѣ Сивиллой,
Успѣвшею увидѣть двѣсти разъ
Годичное вращенье солнца; черви
Священные шелкъ дали для него,
И этотъ шелкъ окрашенъ влагой, взятой
Изъ дѣвственныхъ сердецъ прекрасныхъ мумій.

ДЕЗДЕМОНА.

Не шутишь ты? и это вѣрно?

ОТЕЛЛО.

Вѣрно.
Такъ береги жъ старательно его.

ДЕЗДЕМОНА.

О, если ты не шутишь, такъ ужъ лучше бъ
Я никогда не видѣла его!

ОТЕЛЛО.

А! это какъ?

ДЕЗДЕМОНА.

Что значитъ твой суровый
И рѣзкій тонъ?

ОТЕЛЛО.

Потерянъ онъ? пропалъ?
Да говори: ужъ нѣтъ его?

ДЕЗДЕМОНА.

О, Боже!

ОТЕЛЛО.

Гдѣ? говори!

ДЕЗДЕМОНА.

Онъ не потерянъ, нѣтъ.
А если бы?..

ОТЕЛЛО.

Ага!

ДЕЗДЕМОНА.

Я повторяю:
Онъ не пропалъ.

ОТЕЛЛО.

Дай, покажи его!

ДЕЗДЕМОНА.

Да, показать могла бъ, но не хочу я.
Легко понять, что ты хитришь со мной.
Прошу: позволь—пусть Кассіо придетъ
Сюда, мой другъ.

ОТЕЛЛО.

Подай платокъ. Мнѣ что-то
Недоброе сдается.

ДЕЗДЕМОНА.

Ну, оставь!..
Ты не найдешь на свѣтѣ человѣка
Прекраснѣе.

ОТЕЛЛО.

Платокъ!

ДЕЗДЕМОНА.

Прошу тебя,
Поговоримъ о Кассіо.

ОТЕЛЛО.

Платокъ!

ДЕЗДЕМОНА.

Онъ человѣкъ, который постоянно
Основывалъ все счастіе свое
Лишь на одномъ твоемъ расположеньи,
Съ тобой дѣлилъ опасности...

ОТЕЛЛО.

Платокъ!

ДЕЗДЕМОНА.

Нѣтъ, ты не правъ, сознаться надо...

ОТЕЛЛО.

Прочь!

(*Уходитъ*).

ЭМИЛІЯ.

Онъ не ревнивъ, по вашему?

ДЕЗДЕМОНА.

Я, право,
Такимъ еще не видѣла его.
Ужъ нѣтъ ли въ томъ платкѣ на самомъ дѣлѣ
Сокрытыхъ чаръ? О, какъ несчастна я,
Что онъ пропалъ!

ЭМИЛІЯ.

Да, мужа не узнаешь
Ни въ годъ, ни въ два. Мужья—желудки, мы
Не болѣе, какъ пища. Голодаютъ—
Такъ насъ ѣдятъ, чтобъ послѣ изрыгнуть,
Насытившись. Вотъ Кассіо и мужъ мой.

Входятъ ЯГО *и* КАССІО.

ЯГО.

Другихъ нѣтъ средствъ: она лишь можетъ сдѣлать
А, къ счастію, вотъ и она. Ступайте
Просить ее.

ДЕЗДЕМОНА.

Ну, Кассіо, мой добрый,
Что скажете? Что новаго?

КАССІО.

Опять
Я съ прежнею къ вамъ просьбою, синьора;
Опять молю заступничествомъ вашимъ
Устроить такъ, чтобъ могъ я снова жить
И снова быть участникомъ счастливымъ
Въ любви того, кого всѣмъ сердцемъ я
Высоко чту. О, не тяните дѣла!
Когда ужъ такъ проступокъ мой тяжелъ,
Что ни мои прошедшія заслуги,
Ни горесть въ настоящемъ, ни обѣтъ
Быть въ будущемъ слугой его достойнымъ
Любви его мнѣ возвратить не могутъ,
Такъ для меня хоть убѣдиться въ томъ
Ужъ было бы большимъ благодѣяньемъ.
Тогда судьбѣ своей я покорюсь
И на другой какой нибудь аренѣ
Начну сбирать у счастья подаянье.

ДЕЗДЕМОНА.

Увы, увы, мой благородный другъ,
Ходатайство мое ужъ безполезно!
Мой мужъ теперь не мужъ мой; не узнать бы
Его и мнѣ, когда бъ его лицо
Такъ сильно измѣнилось, какъ характеръ.
Пусть за меня такъ молятъ всѣ святые,
Какъ я за васъ просила; рѣчь моя
Открытая мнѣ навлекла немилость.
Вамъ потерпѣть необходимо. Все,
Что я могу, то сдѣлаю, и даже
Для васъ рѣшусь на то, на что не смѣла бъ
Я для себя рѣшиться—вѣрьте мнѣ.
А между тѣмъ довольны будьте этимъ

Яго.

Такъ генералъ сердитъ теперь?

Дездемона.

Ушелъ
Онъ только-что отсюда въ безпокойствѣ
Какомъ-то непонятномъ.

Яго.

Будто онъ
Сердиться въ состояніи? Я видѣлъ,
Какъ по вѣтру ряды его солдатъ
Отъ пушечныхъ ударовъ разносились;
Я видѣлъ, какъ, подобно злому духу,
Изъ рукъ его ядро родного брата
Исторгнуло... и можетъ онъ сердиться?
О, значитъ, тутъ есть важная причина!
Пойду къ нему; причина непремѣнно
Есть важная, коль разсердился онъ.

Дездемона.

Пожалуйста, подите. Вѣрно, дѣло
Касается республики.

(*Яго уходитъ*).

Иль вѣсть
Дурная изъ Венеціи, иль, просто,
Злой умыселъ, открытый имъ здѣсь, въ Кипрѣ,
Въ немъ свѣтлое спокойствіе затмили.
А въ случаяхъ подобныхъ человѣкъ,
Хоть важными взволнованный дѣлами,
Къ бездѣлицамъ способенъ придираться.
Ужъ такъ всегда: пусть палецъ заболитъ,—
И эта боль сейчасъ распространится
На члены всѣ здоровые. Къ тому жъ,
Намъ надо знать, что люди, вѣдь, не боги
И что мужья не могутъ быть всегда
Внимательны, какъ въ первые дни брака.
Брани меня, Эмилія, брани:
Неопытный боецъ, я обвинила
Его за то, что онъ не добръ ко мнѣ,
Но вижу я теперь, что подкупила
Свидѣтелей: онъ ложно обвиненъ.

Эмилія.

Ахъ, дай-то Богъ, чтобъ были тутъ причиной
Республики дѣла, а не сомнѣнье,
Не ревность къ вамъ.

Дездемона.

О, Боже сохрани!
Вѣдь, повода къ тому не подала я.

Эмилія.

Ревнивому—отвѣтъ вашъ не отвѣтъ.
Ревнивые не потому ревнуютъ,
Что поводъ есть, а просто потому,
Что ревновать въ натурѣ ихъ. Вѣдь, ревность—
Чудовище, которое себя
Само зачнетъ, само и порождаетъ.

Дездемона.

Да сохранитъ Всевышній духъ Отелло
Отъ этого чудовища!

Эмилія.

Аминь.

Дездемона.

Пойду за нимъ. Вы, Кассіо, покамѣстъ
Побудьте здѣсь. Найду его спокойнымъ—
Опять начну просить его и все
Употреблю, чтобъ онъ исполнилъ просьбу.

Кассіо.

Отъ всей души я благодаренъ вамъ.

(*Дездемона и Эмилія уходятъ*).

Входитъ Бьянка.

Бьянка.

Здорово, другъ.

Кассіо.

А, дорогая Бьянка!
Здорова ли? Что дѣлаешь ты здѣсь?
А я къ тебѣ, мой ангелъ, отправлялся.

Бьянка.

А я къ тебѣ. Ну, можно ли, скажи,
Не навѣстить за цѣлую недѣлю,
Не приходить семь дней и семь ночей,
Сто шестьдесятъ часовъ? Часы жъ разлуки
Съ любовникомъ въ сто шестьдесятъ разовъ
Скучнѣй часовъ обыкновенныхъ сутокъ.
О, грустно ихъ считать!

Кассіо.

Прости мнѣ, Бьянка:
Я важными дѣлами занятъ былъ,
Но, вѣрь, въ часы досуга заплачу я
За долгое отсутствіе мое.
Мой милый другъ, не можешь ли мнѣ вышить
Такой платокъ?

(*Подастъ ей платокъ*).

Бьянка.

О, гдѣ ты взялъ его?
Онъ подаренъ, конечно, новымъ другомъ.
Ну, мнѣ теперь причина твоего
Отсутствія понятна... вотъ въ чемъ дѣло!
Прекрасно, другъ, прекрасно!

Кассіо.

Перестань!

Брось гнусную догадку въ зубы къ чорту,
Пославшему тебѣ такую мысль.
Ревнуешь ты, вообразивъ, что это
Знакъ памяти любовницы другой.
Нѣтъ, Бьянка, нѣтъ, клянусь.

Бьянка.

Такъ чей же онъ?

Кассіо.

Мой милый другъ, я, право, самъ не знаю:
Я въ комнатѣ моей его нашелъ,
И сильно онъ мнѣ нравится. Покамѣстъ
Не хватятся его—а это будетъ
Навѣрное—хотѣлъ бы я, чтобъ точно
Такой же былъ мнѣ вышитъ... Такъ возьми
Его съ собой и сдѣлай, что прошу я.
Покамѣстъ же оставь меня.

Бьянка.

Оставь?
Зачѣмъ „оставь"?

Кассіо.

Я жду здѣсь генерала
И не хочу и не считаю нужнымъ,
Чтобъ съ женщиной меня увидѣлъ онъ.

Бьянка.

Да отчего?

Кассіо.

Не оттого, чтобъ я
Къ тебѣ любви не чувствовалъ.

Бьянка.

Но вѣрно.
Ужъ оттого, что разлюбилъ давно.
Прошу тебя, хоть проводи немного,
И скоро ли, скажи, тебя я ночью
Увижу.

Кассіо.

Я пройтись съ тобой могу,
Но очень недалеко, потому что
Здѣсь долженъ ждать; увидимся же скоро.

Бьянка.

Ну, что жъ, и то пріятно мнѣ. Должна
Я поступать такъ, какъ судьба желаетъ.

(Уходятъ).

Заставка извѣстнаго современнаго иллюстратора Бэйэма Шоу (Bayam Shaw) къ IV д. Отелло.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Кипръ, передъ замкомъ.

Входятъ Отелло *и* Яго.

Яго.

Итакъ, вы все такого мнѣнья?

Отелло.

Мнѣнья?

Яго.

Что разъ одинъ поцѣловать тайкомъ!

Отелло.

То поцѣлуй преступный.

Яго.

Иль съ другомъ
Часокъ-другой въ постели полежать,
Хоть нагишомъ, но безъ порочныхъ мыслей?

Отелло.

Какъ! Нагишомъ, въ постели и безъ мыслей
Порочныхъ? О, да это лицемѣрье
Предъ дьяволомъ! Кто поступаетъ такъ
Безъ замысла грѣховнаго, тѣхъ вводитъ
Въ такой соблазнъ самъ дьяволъ, а они
Ужъ, въ свой чередъ, и Небо соблазняютъ.

Яго.

Ну, если тѣмъ и кончится, такъ это

Простительный проступокъ. Но когда я
Своей женѣ платокъ дарю, тогда...

Отелло.

Ну, что жъ тогда?

Яго.

Тогда ея онъ собственность, и можетъ
Она его отдать, кому угодно.

Отелло.

Да вѣдь, и честь есть собственность ея,
Такъ, значитъ, честь отдать ей также можно?

Яго.

Честь, генералъ, невидимая вещь—
И часто тотъ, повидимому, честенъ,
Въ комъ никакой нѣтъ чести. Но платокъ...

Отелло.

Свидѣтель Богъ, я съ радостью забылъ бы
Твои слова. Ты говорилъ... О, это
Надъ памятью моей летаетъ, словно
Надъ домомъ зачумленнымъ воронъ злой.
Ты говорилъ, что у него платокъ?

Яго.

Что жъ изъ того?

Отелло.

О, Яго, это дурно!

Яго.

Что изъ того, когда бъ я вамъ сказалъ,
Что отъ него я слышалъ или видѣлъ.
Вѣдь, много есть бездѣльниковъ такихъ,
Которые, успѣвши убѣдить
Иль умолить возлюбленную сердца—
Своимъ ли волокитствомъ неотступнымъ,
По доброму ль согласію ея—
Не разболтать о томъ никакъ не могутъ.

Отелло.

Такъ что-нибудь онъ говорилъ тебѣ?

Яго.

Да, говорилъ; но генералъ, повѣрьте—
Онъ только то сказалъ мнѣ, отъ чего
И клятвенно онъ можетъ отказаться.

Отелло.

Что жъ онъ сказалъ?

Яго.

Что онъ... Да я не знаю,
Какъ вамъ сказать. Онъ говорилъ, что онъ...

Отелло.

Что? что?

Яго.

Лежалъ...

Отелло.

Онъ? съ ней?

Яго.

Да, съ ней, коли хотите.

Отелло. Лежалъ съ нею... Лежалъ съ нею! О, это отвратительно! Платокъ... Признался... Платокъ! Заставить его признаться, а потомъ, въ награду, повѣсить! Нѣтъ, прежде повѣсить, а потомъ заставить признаться! Я дрожу при одной мысли объ этомъ... Природа не облекается въ такую омрачающую страсть безъ какого-нибудь предчувствія... О... носы, уши, губы! Возможно ли? Признайся же! Платокъ!О, дьяволъ!

(*Падаетъ въ судорогахъ*).

Яго.

Дѣйствуй,
Мое лѣкарство, дѣйствуй! Вотъ какъ ловятъ
Довѣрчивыхъ безумцевъ! Вотъ какъ честныхъ,
Невиннѣйшихъ и непорочныхъ женщинъ
Позору подвергаютъ. Генералъ,
Послушайте! Синьоръ! Отелло! Что вы?

Входитъ Кассіо.

Яго.

А, Кассіо!

Кассіо.

Что здѣсь случилось?

Яго.

Вотъ
Въ припадкѣ онъ падучей. Это съ нимъ
Уже второй: вчера еще былъ первый.

Кассіо.

Потри ему виски.

Яго.

Нѣтъ, нѣтъ, не нужно.
Нельзя мѣшать припадку, а не то
Запѣнятся уста его, и скоро
Онъ въ дикое неистовство впадетъ.
Смотрите—шевелится. Удалитесь
Отсюда вы на нѣсколько минутъ:
Очнется онъ сейчасъ. Я послѣ съ вами,
Какъ онъ уйдетъ, о дѣлѣ очень важномъ
Поговорю. Ну, какъ вамъ, генералъ?
Не ранили ль вы голову? (*Кассіо уходитъ*).

Отелло.

Смѣешься
Ты надо мной?

Яго.

Надъ вами? я? о, нѣтъ!
Свидѣтель Богъ, мнѣ только бы хотѣлось,
Чтобъ горе вы, какъ мужъ, переносили.

Отелло.

Рогатый мужъ—чудовище и звѣрь.

Яго.

Такъ много же звѣрей живетъ, и много
Привѣтливыхъ чудовищъ въ городахъ.

Отелло.

Сознался онъ?

Яго.

Ахъ, будьте же мужчиной!
Подумайте, что каждый человѣкъ,
До бороды дожившій, чуть подъ иго
Жены попалъ, все ту же лямку тянетъ.
Повѣрьте мнѣ: милльоны есть людей,
Которые спятъ ночью на постеляхъ,
Доступныхъ всѣмъ, и могутъ клятву дать,
Что имъ однимъ постели тѣ доступны.
У васъ не такъ, и лучше вашъ удѣлъ.
Скажите мнѣ: не адскія ли козни,
Не злѣйшая ль насмѣшка сатаны.
Когда супругъ развратницу лобзаетъ
И убѣжденъ въ безгрѣшности ея?
Нѣтъ, лучше знать; а зная, что со мною,
Я знаю, что должно и съ нею быть.

Отелло.

О, ты уменъ—въ томъ спору нѣтъ.

Яго.

Побудьте
Здѣсь въ сторонѣ немного, но себя
Въ терпѣнія предѣлы заключите.
Межъ тѣмъ, какъ вы лежали на землѣ,
Безумствуя отъ горести, что людямъ,
Такимъ, какъ вы, нисколько неприлично,—
Былъ Кассіо. Его я удалилъ,
Придумавши хорошую причину
Для вашего припадка, и просилъ
Опять притти поговорить со мною.
Онъ обѣщалъ. Вы спрячьтесь и слѣдите,
Какъ каждая черта его лица
Вдругъ расцвѣтетъ насмѣшкою, презрѣньемъ,
Нахальною улыбкой хвастовства,
Затѣмъ, что я его заставлю снова
Мнѣ повторить всю повѣсть: какъ, когда
И сколько разъ онъ былъ съ женою вашей
Наединѣ и будетъ сколько разъ?
За жестами его, я повторяю,
Слѣдите вы. Но только, генералъ—
Терпѣніе: иначе я увѣрюсь,

ОТЕЛЛО и ДЕЗДЕМОНА (Дѣйств. IV, сц. 2).
Картина извѣстнаго англійскаго живописца Роберта Кера Портера (Robert Kerr Porter, 1777—1842). Малая Бойдовская галлерея.

Что бѣшенству совсѣмъ вы отдались
И что въ васъ нѣтъ ужъ ничего людского.

Отелло.

Я буду терпѣливъ—ты слышишь, Яго?
Я изумлю тебя моимъ терпѣньемъ,
Но послѣ—слышишь, Яго?—послѣ я
Явлюсь тебѣ безмѣрно кровожаднымъ.

Яго.

Ну, что жъ—и то не дурно; но всему
Своя пора. Однако, удалитесь!
(Отелло отходитъ).
Я съ Кассіо заговорю о Бьянкѣ,
Бабеночкѣ, которая себѣ
И платья всѣ, и пищу добываетъ
Продажею всѣхъ прелестей своихъ.
Отъ Кассіо безъ памяти она;
Ужъ такова развратницъ этихъ кара:
Всѣхъ надувать, однимъ надутой быть.
А Кассіо отъ смѣху помираетъ,
Когда о ней съ нимъ говорятъ. Вотъ онъ!

Входитъ Кассіо.

Яго (*въ сторону*).
Одна его улыбка—и Отелло

Сойдетъ съ ума. Его слѣпая ревность
Значеніе дурное вмигъ придастъ
Движеніямъ и взглядамъ, и улыбкамъ
Бѣдняги Кассіо. (*Кассіо*). Ну, лейтенантъ,
Что, какъ дѣла идутъ?

Кассіо.

Нехорошо,
Тѣмъ болѣе, что ты даешь мнѣ титулъ,
Котораго потерей я убитъ.

Яго.

Просите хорошенько Дездемону—
И можно вамъ ручаться за успѣхъ.
(*Понижая голосъ*).
Вотъ если бъ то зависѣло отъ Бьянки,
Вы скоро бы успѣли.

Кассіо.

Просто смѣхъ,
Какъ вздумаю объ этой бѣдной твари.

Отелло (*въ сторону*).

Смѣется онъ! Да, да, уже смѣется!

Яго.

Я женщины не знаю ни одной,
Которая любила бъ такъ мужчину.

Кассіо.

Бѣдняжка! Вижу—въ самомъ дѣлѣ, любитъ
Она меня.

Отелло (*въ сторону*).

Отнѣкиваться сталъ
И на губахъ улыбка!

Яго.

Васъ хочу я
Спросить...

Отелло (*въ сторону*).

Теперь его наводитъ онъ
На исповѣдь. Такъ, Яго, славно, славно!

Яго.

Слухъ Бьянкою распущенъ, что на ней
Вы женитесь. Скажите, въ самомъ дѣлѣ
Рѣшились вы на это?

Кассіо.

Ха-ха-ха!

Отелло (*въ сторону*). Ты торжествуешь, римлянинъ, ты торжествуешь!

Кассіо. Я женюсь на ней—на публичной женщинѣ? Сжалься, пожалуйста, хоть немного надъ моимъ разсудкомъ: не считай его такимъ нездоровымъ. Ха-ха-ха!

Отелло (*въ сторону*). Такъ, такъ, такъ! Выигрывающіе всегда смѣются.

Яго. Право, ходитъ молва, что вы женитесь на ней.

Кассіо. Да неужели ты говоришь правду?

Яго. Будь я отъявленный мерзавецъ, если лгу.

Отелло (*въ сторону*). Со мной ужъ ты покончилъ. Хорошо.

Кассіо. Это она сама, глупая обезьяна, распускаетъ слухъ. Она увѣрена, что я женюсь на ней, просто, вслѣдствіе своей любви и тщеславія, а не потому, что я обѣщалъ.

Отелло (*въ сторону*). Яго дѣлаетъ мнѣ знакъ: вѣрно, онъ начинаетъ разсказъ.

Кассіо. Она недавно приходила сюда—вездѣ найдетъ: просто надоѣла! На-дняхъ я разговаривалъ на набережной съ нѣсколькими венеціанцами, вдругъ приходитъ эта сумасшедшая и бросается ко мнѣ на шею.

Отелло (*въ сторону*). Съ крикомъ: „о дорогой Кассіо!“ Это видно изъ его жестовъ.

Кассіо. Повисла на шеѣ, и лѣзетъ съ поцѣлуями, и плачетъ надо мною, и тащитъ меня, и тормошитъ... Ха-ха-ха!

Отелло (*въ сторону*). Теперь онъ разсказываетъ, какъ она тащила его въ мою комнату. О, я вижу твой носъ, но не вижу собаки, которой я брошу его.

Кассіо. Нѣтъ, надо непремѣнно разойтись съ ней.

Яго. Вотъ и она идетъ сюда.

Входитъ Бьянка.

Кассіо. Эта женщина точно хорекъ, только хорекъ раздушенный. Чего, скажи, ты преслѣдуешь меня?

Бьянка. Пусть тебя преслѣдуетъ дьяволъ съ своей мачихой! Что значитъ этотъ платокъ, который ты далъ мнѣ? Я очень глупо сдѣлала, что взяла его. Захотѣлъ, чтобъ я вышила ему такой же точно, и разсказываетъ, что онъ нашелъ его въ своей комнатѣ, не зная, кто оставилъ его тамъ. Это подарокъ другой какой нибудь любовницы, а мнѣ приходится вышивать по немъ? Возьми, отдай его своей куклѣ! Откуда бы ты ни досталъ его, я не хочу вышивать по немъ.

Кассіо. Что ты, моя милая Бьянка? что ты?

Отелло (*въ сторону*). Клянусь Небомъ, это долженъ быть мой платокъ.

Бьянка. Если хочешь сегодня притти ко мнѣ ужинать—можешь; не хочешь—приходи, когда будешь расположенъ. (*Уходитъ*).

Яго. За нею, за нею!

Кассіо. Да и въ самомъ дѣлѣ, надо итти: она станетъ ругаться на улицѣ.

Яго. А вы будете у ней ужинать?

Кассіо. Да, полагаю.

Яго. Хорошо. Я, можетъ быть, тоже приду: мнѣ очень нужно бы еще поговорить съ вами.

Кассіо. Пожалуйста, приходи. Придешь?

Яго. Хорошо; ступайте. (*Кассіо уходитъ*).

Отелло. Какъ мнѣ умертвить его, Яго?

Яго. Замѣтили вы, какъ онъ хохоталъ надъ своими низостями?

Отелло. О, Яго!

Яго. А платокъ видѣли?

Отелло. Это былъ мой платокъ?

Яго. Вашъ, клянусь этой рукой. И видите, какъ онъ цѣнитъ эту безразсудную женщину—вашу жену. Она подарила ему, а онъ отдалъ этой потаскушкѣ.

Отелло. Мнѣ хотѣлось бы убивать его девять лѣтъ сряду! Славная женщина! дорогая женщина! милая женщина!

Яго. Ну, забудьте это.

Отелло. О, пусть же она пропадетъ, пусть сгніетъ, пусть станетъ добычею ада сегодня же ночью! Не жить ей на свѣтѣ—нѣтъ. Сердце мое превратилось въ камень; я ударилъ по немъ и сильно зашибъ руку. О, въ мірѣ не было еще созданія прелестнѣе ея! Она могла бы лежать рядомъ съ императоромъ и давать ему приказанія.

Яго. Да вамъ-то что изъ этого?

Отелло. Повѣсить ее! Я только говорю, что она такое: отлично вышиваетъ, удивительная музыкантша; пѣніемъ своимъ она бы вырвала свирѣпость изъ медвѣдя. Такой высокій и совершенный умъ, такое остроуміе!...

Яго. Тѣмъ хуже для нея.

Отелло. О, въ тысячу, въ тысячу разъ хуже! И потомъ—какъ она любезна!

Яго. Да, слишкомъ любезна!

Отелло. Такъ, ты правъ; но все-таки жаль, Яго. О, Яго! жаль, страшно жаль, Яго!

Яго. Ну, если вамъ такъ нравятся ея пороки—дайте имъ полный просторъ: ужъ если они не трогаютъ васъ, такъ, конечно, никому другому нѣтъ дѣла до нихъ.

Отелло. Я изрублю ее на куски... Украсить меня рогами!

Яго. Да, это гнусно съ ея стороны.

Отелло. И взять для этого въ сообщники моего подчиненнаго!

Яго. Это еще гнуснѣе!

Отелло. Доставь мнѣ яду, Яго, и сегодня же ночью! Я не стану объясняться съ ней, чтобы ея прелести не поколебали моей рѣшимости... Сегодня же ночью, Яго.

Яго. Не умерщвляйте ее ядомъ; задушить ее на постели, той самой постели, которую она опозорила.

Отелло. Славно, славно! Мнѣ нравится справедливость этого наказанія. Отлично!

Яго. А что касается Кассіо, предоставьте его мнѣ. Вы услышите дальнѣйшее сегодня въ полночь.

Отелло. Превосходно! (*За сценой трубы*). Что это за звуки?

Яго. Вѣроятно, кто нибудь изъ Венеціи. А это Лодовико, посланный отъ дожа. Жена ваша идетъ сюда съ нимъ.

Входятъ Лодовико, Дездемона *и свита.*

Лодовико.

Привѣтъ мой вамъ, храбрѣйшій генералъ.

Отелло.

И васъ, синьоръ, привѣтствую всѣмъ сердцемъ.

Лодовико.

Свѣтлѣйшій дожъ и члены всѣ сената
Вамъ шлютъ поклонъ. (*Подаетъ пакетъ*).

Отелло.

Цѣлую отъ души
Посредника ихъ воли и желаній!
(*Открываетъ пакетъ и читаетъ*).

Дездемона.

Что новаго, мой милый Лодовико?

Яго.

Я очень радъ, что вижу васъ, синьоръ,
Съ пріѣздомъ васъ привѣтствую.

Лодовико.

Спасибо!
А Кассіо? гдѣ онъ? какъ поживаетъ?

Яго.

Живетъ, синьоръ.

Дездемона.

У мужа моего
Съ нимъ вышли непріятности большія,
Но, вѣрно, ты уладишь это все.

Отелло.

Ты думаешь?

Дездемона.

Что, другъ мой?

Отелло (*читаетъ*).

„Постарайтесь
Исполнить то, когда хотите вы...“

Лодовико.

Онъ не къ тебѣ, кузина, обращался:
Онъ занятъ весь письмомъ. Такъ генералъ
И Кассіо поссорились?

Дездемона.

Къ несчастью.
Я все дала бъ, чтобъ помирить ихъ снова:
Вѣдь, Кассіо я отъ души люблю.

Отелло.

Огонь и адъ!

Дездемона.

Мой другъ?

Отелло.

Въ умѣ ли ты?

Дездемона.

Онъ сердится?

Лодовико.

Разстроило, быть можетъ,
Его письмо? Мнѣ кажется, что въ немъ
Приказъ ему въ Венецію вернуться
И Кассіо сдать должности свои.

Дездемона.

Ахъ, этому я очень рада!

Отелло.

Право?

Дездемона.

Мой другъ...

Отелло.

Я радъ, что ты съ ума сошла·

Дездемона.

Отелло мой, что это значитъ?

Отелло (*ударяя ее вертикомъ*).

Дьяволъ!

Дездемона.

Чѣмъ заслужить могла я?

Лодовико.

Генералъ,
Вотъ этому никто бы не повѣрилъ
Въ Венеціи, хотя бы я клялся,
Что видѣлъ самъ. Синьоръ, ужъ это слишкомъ!
Просите же прощенія у ней:
Она въ слезахъ.

Отелло.

О, дьяволъ, дьяволъ. дьяволъ!
Когда бъ земля беременѣть могла
Отъ женскихъ слезъ, то каждая слезинка
Рождала бы навѣрно, крокодила.
Прочь съ глазъ моихъ!

Дездемона.

Чтобъ не сердить васъ больше,
Я ухожу. (*Идетъ*).

Лодовико.

Покорное созданье!
Ахъ, генералъ, молю васъ, воротите
Ее сюда!

Отелло.

Синьора!

Дездемона.

Что, мой другъ?

Отелло (*къ Лодовико*).

Ну, вотъ она. Что вы сказать хотѣли?

Лодовико.

Кто? я, синьоръ?

Отелло.

Ну да, желали вы,
Чтобъ воротилъ ее я къ вамъ. О, можетъ
Она итти и возвращаться вновь,
И вновь итти, и снова возвращаться,
И плакать—да, и плакать. О, синьоръ,
Покорное она—какъ вы сказали—
Покорное созданье! Плачь, плачь!
Чтожъ до того, синьоръ... О, какъ искусна
Ея печаль!... что до того письма,
Въ которомъ мнѣ приказъ домой вернуться...

(*Дездемонѣ*).

Ступай—пришлю я послѣ за тобой!
(*Лодовико*). Исполню я велѣніе сената
И возвращусь въ Венецію!
(*Дездемонѣ*). Прочь! вонъ!

(*Дездемона уходитъ*).

Я Кассіо сдамъ должность, а сегодня
Я васъ прошу отужинать со мною.
Я очень радъ васъ видѣть здѣсь, синьоръ,
Душевно радъ. Козлы и обезьяны! (*Уходитъ*).

Лодовико.

И это вотъ тотъ благородный мавръ,
Котораго сенатъ нашъ называетъ
Всѣхъ совершенствъ полнѣйшимъ образцомъ?
И это вотъ тотъ благородный духъ,
Котораго не могутъ тронуть страсти;
Та твердая и честная душа,
Куда пройти не можетъ, уязвляя,
Стрѣла судьбы иль случая ударъ?

Яго.

Онъ далеко не тотъ, что былъ.

Лодовико.

Здоровъ ли
Онъ головой? Не поврежденъ ли мозгъ?

Яго.

Онъ то, что́ есть. Я осуждать не смѣю
И лишь могу молиться, чтобъ онъ былъ
Тѣмъ, чѣмъ бы могъ онъ быть.

Лодовико.

Жену ударить-
Ну, можно ли?

Яго.

Да, это, признаюсь,
Нехорошо. Но я желалъ бы, право,
Чтобъ хуже онъ не дѣлалъ ничего.

Лодовико.

Что, онъ всегда такъ поступаетъ, или
Мое письмо въ немъ взволновало кровь
И довело до перваго проступка?

Яго.

Увы, увы, не честно было бъ мнѣ
Разсказывать, что видѣлъ я и знаю!
Увидите! Его поступки все
Вамъ объяснятъ и безъ моихъ разсказовъ:
Вы можете слѣдить и замѣчать.

Лодовико.

Какъ больно мнѣ, что въ немъ я такъ
ошибся.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ.

Входятъ Отелло *и* Эмилія.

Отелло.

Такъ ничего не видѣла ты?

Эмилія.

Нѣтъ,
И ничего не слышала; мнѣ даже
Подозрѣвать не привелось!

Отелло.

Однако,
Ты Кассіо встрѣчала вмѣстѣ съ ней?

Эмилія.

Встрѣчала, да; но ничего дурного
Не видѣла, хоть каждый слогъ ихъ рѣчи
Я слышала.

Отелло.

Какъ, неужель они
Между собой ни разу не шептались?

Эмилія.

Нѣтъ, никогда.

Отелло.

И отъ себя ни разу
Тебя не отсылали?

Эмилія.

Никогда.

Отелло.

Какъ будто бы за вѣеромъ, за маской...

Эмилія.

Нѣтъ, генералъ, ни разу.

Отелло.

Непонятно!

Эмилія.

Въ томъ, что она невинна, я готова
Душой своей ручаться; если жъ вы
Другого мнѣнья—измѣните мысли:
Онѣ мутятъ напрасно ваше сердце.
Когда внушилъ сомнѣнье это вамъ
Какой-нибудь бездѣльникъ, пусть его
Постигнетъ то проклятіе, что́ Небо
На змѣя-искусителя послало!
Ужъ ежели она не безпорочна
И не вѣрна, и нечиста душой,
Такъ нѣтъ мужей счастливыхъ въ этомъ
мірѣ:
Чистѣйшая изъ женъ тогда гнусна,
Какъ клевета.

Отелло.

Зови ее ко мнѣ, (*Эмилія уходитъ*).
Въ защиту ей она сказала много.
Да, вѣдь, и то—она простая сводня,
Такъ говорить умѣетъ хорошо.
О, хитрое, лукавое творенье,
Замокъ и ключъ гнуснѣйшихъ самыхъ тайнъ!
А тоже, вѣдь, колѣни преклоняетъ
И молится—я это видѣлъ самъ!

Входятъ Дездемона *съ* Эмиліей.

Дездемона.

Что хочетъ мой любезный повелитель?

Отелло.

Поди сюда, голубка.

Дездемона.

Что такое?

Отелло.

Дай мнѣ взглянуть въ глаза твои. Смотри
Въ мое лицо.

Дездемона.

Что значитъ эта прихоть?

Отелло (*Эмиліи*).

А ты ступай къ занятіямъ своимъ.
Любовниковъ наединѣ оставьте,
Заприте дверь. Чуть будетъ кто итти,
Ты знакъ подай намъ кашлемъ или крикомъ:
Въ такихъ дѣлахъ ты свѣдуща. Ну, прочь!

(*Эмилія уходитъ*).

Дездемона.

О, растолкуй, молю я на колѣняхъ,
Къ чему ведетъ, что значитъ рѣчь твоя?
Въ твоихъ словахъ я только вижу ярость,
Но теменъ мнѣ смыслъ этихъ самыхъ словъ.

Отелло.

Скажи, кто ты?

Дездемона.

Твоя, мой повелитель,
Покорная и вѣрная жена.

Отелло.

Клянись же въ томъ: сама себя ты аду
Отдай теперь, а то, вѣдь, даже черти,
Взглянувъ въ твое небесное лицо,
Тебя схватить, пожалуй, побоятся.
Такъ осуди сама себя вдвойнѣ.
Клянись, что ты вѣрна мнѣ.

Дездемона.

Богъ свидѣтель!

Отелло.

Свидѣтель Онъ, что ты, какъ адъ, коварна.

Дездемона.

Противъ кого и въ чемъ? Кто мой сообщникъ?

Отелло.

О, Дездемона, прочь, прочь, прочь!

Дездемона.

Увы!
Ужасный день! О чемъ, скажи, ты плачешь?
Ужели я причина этихъ слезъ?
Ты думаешь, быть можетъ, что отецъ мой
Виной тому, что вызвали тебя
Въ Венецію; но я невинна въ этомъ.

Отелло.

О, если бы угодно было Небу
Тяжелыя послать мнѣ испытанья,
На голову открытую мою
Полить дождемъ печали, посрамленья,
Зарыть меня по губы въ нищету,
Сковать меня и всѣ мои надежды—
Я бы нашелъ въ сердечномъ уголкѣ
Терпѣнія хоть каплю; но чтобъ сдѣлать
Недвижною статуею меня,
Чтобъ на нее указывало пальцемъ
Лѣнивое, холодное презрѣнье—
Да, нѣтъ, и то я снесъ бы безъ труда.
Но здѣсь, гдѣ то, въ чемъ заключилъ я душу,
Гдѣ жизнь моя и безъ чего мнѣ — смерть;
Здѣсь, гдѣ фонтанъ, откуда жизнь струится
И безъ чего изсякнуть должно ей—
Гдѣ это все уходитъ вдругъ навѣки,
Иль лужею становится, затѣмъ
Чтобъ мерзкіе въ ней гады разводились —
О, тутъ свой видъ ты измѣняй, терпѣнье,
Ты молодой, румяный херувимъ,
И въ адскую наружность облекися!

Дездемона.

Я все-таки надѣюсь, что увѣренъ
Ты въ чистотѣ моей.

Отелло.

О, да, конечно,
Какъ въ чистотѣ тѣхъ мухъ мясныхъ рядовъ,
Что́ въ мерзости роятся отъ рожденья!
О, зелье, одуряющее чувства
Плѣнительнымъ такимъ благоуханьемъ,
Чудесною такою красотой...
Ужъ лучше бы ты не рождалась вовсе!

Дездемона.

Но въ чемъ же мой, невѣдомый мнѣ, грѣхъ?

Отелло.

Въ чемъ грѣхъ? Ужли жъ затѣмъ создали эту
Прекрасную бумагу, эту книгу
Чудесную, чтобъ написать на ней:
„Презрѣнная блудница!“ Въ чемъ твой грѣхъ?
О, собственность общественная! Если бъ
Твои дѣла разсказывать я вздумалъ,
Лицо мое плавильной печью стало бъ
И въ пепелъ бы вся скромность обратилась.
Въ чемъ грѣхъ? въ чемъ грѣхъ? Да знаешь ли, что Небо
Отъ дѣлъ твоихъ носъ зажимаетъ свой,
И мѣсяцъ жмурится, и наглый вѣтеръ,
Цѣлующій все встрѣчное—и тотъ
Въ подземныя скрывается пещеры,
Чтобъ дѣлъ твоихъ негодныхъ не слыхать!
Безстыдная блудница!

ДЕЗДЕМОНА.

Картина знаменитаго англійскаго живописца, лорда Фредерика Лейтона (Lord Frederick Leighton, P. R. A., 1830—1896).

Дездемона.

Видитъ Богъ,
Что ты меня напрасно оскорбляешь.

Отелло.

Не потаскушка ты?

Дездемона.

Чиста я—это вѣрно,
Какъ вѣрно то, что христіанка я!
Когда себя оберегать для мужа
Отъ рукъ чужихъ, объятій беззаконныхъ,
Не быть блудницей значитъ—не блудница
Твоя жена.

Отелло.

Ты не блудница? ты?

Дездемона.

Нѣтъ, нѣтъ, клянусь души моей спасеньемъ!

Отелло.

Возможно ли?

Дездемона.

О, Господи помилуй!

Отелло.

Ну, извини; а я тебя считалъ
Венеціанской хитрою дѣвчонкой,
Успѣвшей за Отелло вытти замужъ.

Входитъ Эмилія.

Отелло.

Ну, милая привратница въ аду,
Мы кончили. На вотъ тебѣ за трудъ.
Открой мнѣ дверь и сохрани все въ тайнѣ.

(Уходитъ).

Эмилія.

Ахъ, Боже мой! что это сталось съ нимъ?
Что вздумалъ онъ? Сударыня, что съ вами?
Что, добрая синьора?

Дездемона.

Право, я
Какъ въ полуснѣ.

Эмилія.

Да что съ нимъ приключилось?

Дездемона.

Съ кѣмъ?

Эмилія.

Съ кѣмъ? Да съ нимъ, понятно: съ господиномъ
Моимъ.

Дездемона.

Твоимъ? А кто твой господинъ?

Эмилія.

Тотъ, кто и вашъ. О, добрая синьора:
Супругъ вашъ.

Дездемона.

Нѣтъ супруга у меня!
Не говори, Эмилія, со мною:
Я отвѣчать могла бы лишь слезами,
Но не могу я плакать. Постели
Мнѣ брачныя сегодня простыни
Да не забудь, смотри! И попроси
Ты мужа своего сейчасъ сюда.

Эмилія.

Ну, новости, признаться! *(Уходитъ).*

Дездемона.

Такъ поступить—такъ поступить со мной!
И чѣмъ могла подать я мужу поводъ
Жестоко такъ подозрѣвать меня?

Входитъ Эмилія *съ* Яго.

Яго.

Что приказать угодно вамъ, синьора?
Что сдѣлалось?

Дездемона.

Не знаю, какъ сказать.
Тотъ, кто дѣтей учить берется, долженъ
Къ нимъ снисходить, наказывать легко.
Такъ и ему меня довольно было бъ
Лишь побранить: вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, я
Еще дитя.

Яго.

Да что же тутъ случилось?

Эмилія.

Ахъ, Яго, такъ синьору оскорбилъ
Нашъ генералъ, такими онъ осыпалъ
Постыдными названьями ее,
Какихъ не снесть порядочному сердцу.

Дездемона.

Достойна ль я, скажи, такихъ именъ?

Яго.

Какихъ именъ, почтенная синьора?

Дездемона.

Какія мужъ сейчасъ мнѣ надавалъ.

Эмилія.

Ее назвалъ онъ просто потаскушкой.
Да словъ такихъ не станетъ говорить
Любовницѣ своей и пьяный нищій.

Яго.

За что же онъ?

Дездемона.

Не знаю: знаю только,
Что я не то, чѣмъ онъ назвалъ меня.

Яго.

Ну, полноте, не плачьте, перестаньте!
Ахъ, что за день!

Эмилія.

Неужли для того
Она такимъ почетнымъ отказала
Искательствамъ? неужли для того
Оставила отца, друзей, отчизну,
Чтобъ имя потаскушки слышать здѣсь?
Тутъ всякій бы заплакалъ поневолѣ.

Дездемона.

Таковъ ужъ мой несчастнѣйшій удѣлъ!

Яго.

Будь проклятъ онъ за это! Какъ такое
Безуміе напало на него?

Дездемона.

То знаетъ Богъ!

Эмилія.

Я дамъ себя повѣсить.
Коль клеветы такой не распустилъ,
Съ желаніемъ добыть себѣ мѣстечко,
Какой-нибудь презрѣнный негодяй.
Какой-нибудь бездѣльникъ, подлипало,
Какой-нибудь подлѣйшій, льстивый рабъ!
Да, это такъ, иль пусть меня повѣсятъ!

Яго.

Фи, да такихъ людей на свѣтѣ нѣтъ!
Не можетъ быть!

Дездемона.

А если есть такіе—
Прости имъ Богъ!

Эмилія.

Нѣтъ! висѣлица пусть
Проститъ! пусть адъ его всѣ кости сгло-
жетъ!
Ну, изъ чего мужъ обругалъ ее
Развратницей? Да развѣ кто за нею
Ухаживалъ? и гдѣ? и какъ? когда?
Нѣтъ, вѣрно, мавръ обманутъ негодяемъ,
Бездѣльникомъ, мерзавцемъ, подлецомъ...
О, если бы угодно было Небу
Разоблачать подобныхъ молодцовъ
И плеть влагать во всѣ честныя руки,
Чтобъ, обнаживъ мерзавцевъ этихъ, гнать
Чрезъ цѣлый міръ, отъ запада къ востоку!

Яго.

Да говори потише.

Эмилія.

Проклятъ будь
Тотъ клеветникъ! И ты такимъ мерзавцемъ
Когда-то былъ сбитъ съ толку и меня
Сталъ ревновать къ Отелло.

Яго.

Ты рехнулась,
Мнѣ кажется. Ну, полно, перестань!

Дездемона.

Что дѣлать мнѣ, скажи, мой добрый Яго,
Чтобъ мужа вновь съ собою примирить?
О, добрый другъ, сходи къ нему! Свидѣ-
тель
Небесный свѣтъ, что неизвѣстно мнѣ,
За что любовь его я потеряла.
Клянуся всѣмъ, колѣни преклонивъ:
Когда любовь его я оскорбила
Хоть разъ одинъ иль мыслью, или дѣломъ;
Когда мой взоръ, мой слухъ, другое чув-
ство
Плѣнялися хоть кѣмъ-нибудь другимъ;
Когда его я не люблю всѣмъ сердцемъ,
Какъ и любила прежде, какъ и буду
Всегда любить, хотя бы онъ разводомъ
Отвергъ меня—о пусть тогда покой
Разстанется навѣкъ съ моей душою!
Всесиленъ гнѣвъ; его же гнѣвъ способенъ
Взять жизнь мою, но не отнять любовь!
Развратница! Мнѣ тяжко повторять
Названіе такое. Это слово
Противно мнѣ. Да всѣхъ бы благъ мірскихъ
Я не взяла, чтобы на то рѣшиться,
За что даютъ названье это намъ.

Яго.

Я васъ прошу, синьора, успокойтесь:
Вѣдь, это въ немъ минутный только гнѣвъ.
Разстроенъ онъ дѣлами государства
И выместилъ досаду всю на васъ.

Дездемона.

О, если бъ такъ!

Яго.

Я въ этомъ вамъ ручаюсь. (*Трубы*).
Но слышите? То къ ужину зовутъ:
Васъ ждутъ послы Венеціи. Не плачьте,
Идите къ нимъ. Все будетъ хорошо!

(*Дездемона и Эмилія уходятъ*).

Входитъ Родриго.

Яго. Ну что, Родриго?

Родриго. Мнѣ кажется, что ты не честно поступаешь со мною.

Яго. Это отчего?

Родриго. Да ты каждый день выдумываешь мнѣ какую-нибудь новую увертку и, какъ мнѣ кажется, болѣе отдаляешь отъ меня всякую надежду, чѣмъ приближаешь меня къ цѣли моихъ желаній. Право, я долѣе не могу терпѣть, да и не знаю, простить ли тебя за то, что я уже, по глупости своей, перенесъ?

Яго. Выслушай меня, Родриго.

Родриго. Много я слушалъ уже: между твоими словами и исполненіемъ нѣтъ ничего родственнаго.

Яго. Ты совершенно несправедливо обвиняешь меня.

Родриго. Обвиняю очень основательно. Я истратилъ все мое состояніе. Даже половина брилльянтовъ, которые я передавалъ тебѣ для Дездемоны, соблазнила бы и весталку. Ты сказалъ мнѣ, что она приняла ихъ, и надавалъ обѣщаній на скорую взаимность съ ея стороны; но до сихъ поръ я ничего не вижу.

Яго. Хорошо, хорошо, продолжай!

Родриго. Хорошо, продолжай! Я не могу продолжать, да это и нехорошо. Клянусь этой рукой, ты поступаешь гадко, и я начинаю убѣждаться, что ты надуваешь меня.

Яго. Очень хорошо.

Родриго. Говорю тебѣ, что совсѣмъ нехорошо. Я самъ объяснюсь съ Дездемоной: если она возвратитъ мнѣ мои брилльянты, я откажусь отъ ухаживанья и раскаюсь въ моихъ противозаконныхъ исканіяхъ; въ противномъ же случаѣ, будь увѣренъ, я потребую удовлетворенія отъ тебя.

Яго. Ты кончилъ?

Родриго. Да, и не сказалъ ничего такого, чего твердо не рѣшился сдѣлать.

Яго. Ну, теперь я вижу, что у тебя есть характеръ, и съ этой минуты начинаю имѣть о тебѣ лучшее мнѣніе, чѣмъ имѣлъ до сихъ поръ. Дай мнѣ руку, Родриго. Ты совершенно справедливо усумнился во мнѣ, но все-таки, клянусь, я честно дѣйствовалъ въ твоемъ дѣлѣ.

Родриго. Это незамѣтно.

Яго. Да, дѣйствительно незамѣтно, и твое сомнѣніе не безъ основанія. Но, Родриго, если въ тебѣ есть дѣйствительно то, что я надѣюсь найти въ тебѣ теперь гораздо больше, чѣмъ прежде, то есть рѣшимость, мужество и храбрость, то докажи это сегодня же ночью. И если въ слѣдующую ночь за этимъ Дездемона не будетъ принадлежать тебѣ—сживай меня со свѣту измѣннически и выдумывай для меня какія хочешь пытки.

Родриго. Но въ чемъ же дѣло? Благоразумно ли, удобоисполнимо ли оно?

Яго. Изъ Венеціи получено предписаніе, чтобы Кассіо занялъ мѣсто Отелло.

Родриго. Будто? Стало-быть, Отелло и Дездемона возвратятся въ Венецію?

Яго. О, нѣтъ! Онъ ѣдетъ въ Мавританію и увозитъ съ собою прекрасную Дездемону, если только его пребываніе здѣсь не задержится чѣмъ нибудь особеннымъ, а этого нельзя ничѣмъ устроить такъ хорошо, какъ удаленіемъ Кассіо.

Родриго. Какъ же ты думаешь удалить его?

Яго. Да сдѣлавъ его неспособнымъ занять мѣсто Отелло: размозживъ ему голову.

Родриго. И ты хочешь, чтобъ это я сдѣлалъ?

Яго. Да, если ты рѣшишься похлопотать о своей пользѣ и отомстить за себя. Сегодня онъ ужинаетъ у своей любовницы, и я тоже отправлюсь туда. Онъ не знаетъ еще о своемъ почетномъ назначеніи. Если ты хочешь подстеречь его при возвращеніи оттуда—а я устрою такъ, что это будетъ между двѣнадцатью и часомъ—то можешь, какъ угодно, распорядиться съ нимъ. Я буду по близости, чтобы помочь тебѣ, и онъ будетъ имѣть дѣло съ нами обоими. Ну, чему ты такъ изумляешься? Пойдемъ со мною; дорогою я такъ хорошо докажу тебѣ необходимость его смерти, что ты почтешь себя обязаннымъ сдѣлать это дѣло. Часъ ужина наступилъ, и ночь быстро приближается. Къ дѣлу!

Родриго. Мнѣ бы хотѣлось, однако, чтобъ ты представилъ мнѣ еще нѣкоторыя побудительныя причины этого убійства.

Яго. И я исполню твое желаніе.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Другая комната въ замкѣ.

Входятъ Отелло, Лодовико, Дездемона, Эмилія *и свита*.

Лодовико. Генералъ, умоляю васъ не безпокоиться провожать меня.

Отелло.

О, ничего! напротивъ, прогуляться
Полезно мнѣ.

Лодовико.

Синьора, доброй ночи.
Отъ всей души благодарю я васъ.

Дездемона.

Синьоръ, мы вамъ всегда душевно рады.

Отелло.

Ну, что жъ, идемъ, синьоръ? О, Дездемона!

Дездемона.

Мой другъ!

Отелло. Ступай сейчасъ же спать; я скоро возвращусь; да отпусти свою горничную—не забудь.

Дездемона. Хорошо, мой другъ.

(*Отелло, Лодовико и свита уходятъ*).

Эмилія.

Ну, что, какъ онъ? Мнѣ кажется, смягчился.

Дездемона.

Вернуться онъ сейчасъ же обѣщалъ.
Велѣлъ въ постель скорѣе мнѣ ложиться
И отпустить просилъ тебя.

Эмилія.

Меня!

Дездемона.

Да, таково его желанье было.
Ну, добрая Эмилія моя,
Ночное платье дай—и до свиданья.
Не должно намъ теперь сердить его.

Эмилія.

Ахъ, лучше бы вы съ нимъ и не встрѣчались!

Дездемона.

Нѣтъ, этого не пожелала бъ я.
Я пылко такъ люблю его, что даже
И гнѣвъ его, и злоба, и упреки...
Тутъ отстегни... все для моей души
Плѣнительно и мило.

Эмилія.

Положила

Тѣ самыя я простыни вамъ, о которыхъ
Недавно вы просили.

Дездемона.

Хорошо.

О, Боже мой, какъ глупы мы бываемъ!
Эмилія, прошу тебя, когда
Я до тебя умру, изъ этихъ ты простынь
Мнѣ саванъ сшей.

Эмилія.

Ну, что вы! полно, полно!

Дездемона.

У матери моей жила служанка—
Барбарою звалась она; у ней
Любовникъ былъ; но измѣнилъ и бросилъ
Бѣдняжку онъ. Я помню, у нея
Была тогда объ ивѣ пѣсня—пѣсня
Старинная, но скорбь ея души
Прекрасно выражавшая. Бѣдняжка
И умерла съ той пѣснью на устахъ.
И у меня сегодня эта пѣсня
Изъ головы весь вечеръ не выходитъ:
Все хочется, какъ бѣдная Барбара,
Пропѣть ее... Пожалуйста, скорѣе!

Эмилія.

Что? принести ночное платье?

Дездемона.

Нѣтъ.

Здѣсь отстегни... А этотъ Лодовико
Хорошъ собой.

Эмилія.

Красавецъ, просто, онъ.

Дездемона.

И говорить умѣетъ какъ отлично!

Эмилія. Я знаю въ Венеціи одну женщину, которая босикомъ сходила бы въ Палестину за одинъ поцѣлуй его.

Дездемона (*поетъ*).

Бѣдняжка сидѣла въ тѣни сикоморы, вздыхая—
О, пойте зеленую иву!
Склонившись къ колѣнамъ головкой, грудь ручкой сжимая—
О, пойте мнѣ ивушку, ивушку, иву!
Ручьи тамъ бѣжали и стоны ея повторяли—
О, пойте мнѣ ивушку, ивушку, иву!
А горькія слезы и жесткія камни смягчали.
Убери это...
О, пойте мнѣ ивушку, ивушку, иву!
Прошу тебя, уйди: онъ сейчасъ придетъ.
О, пойте зеленую иву, что будетъ вѣнкомъ для меня!
Его не браните, его обвинять не хочу я.
Нѣтъ, это что-то не такъ. Слышишь, Эмилія, кто-то стучитъ?
Эмилія. Это вѣтеръ.

Дездемона (*поетъ*).

Я другу сказала „измѣнникъ!“ И что же онъ мнѣ отвѣчалъ?
О, пойте мнѣ ивушку, ивушку, иву!
„Люблю я всѣхъ женщинъ—люби ты мужчинъ“, онъ сказалъ.
Теперь итти ты можешь. Доброй ночи!
Какъ чешутся глаза мои! Неправда ль,
То признакъ слезъ?

Эмилія.

Да, что вы? никогда!

Дездемона.

Такъ я не разъ слыхала. О, мужчины,
Мужчины! Что, Эмилія, скажи
По совѣсти, неужли въ самомъ дѣлѣ
Есть женщины, способныя мужей
Обманывать такъ низко?

Эмилія.

Безъ сомнѣнья,
Немало ихъ.

Дездемона.

А ты такъ поступить
Рѣшилась бы, когда бъ тебѣ давали
Хоть цѣлый міръ?

Эмилія.

А вы бы развѣ нѣтъ?

Дездемона.

Нѣтъ, никогда, клянусь небеснымъ свѣтомъ!

Эмилія.

Да вѣдь, и я при свѣтѣ—ни за что.
Удобнѣе все это дѣлать ночью.

Дездемона.

И сдѣлала бъ ты это, если бъ дали
Тебѣ весь міръ?

Эмилія.

Охъ! міръ—большая вещь,

И дорого платить такой цѣною
За маленькій проступокъ!

ДЕЗДЕМОНА.

Нѣтъ, оставь!
Не вѣрю я, что говоришь ты правду.

ЭМИЛІЯ. Клянусь честью, мнѣ кажется, что я рѣшилась бы, а потомъ бы поправила дѣло. Конечно, я бы не сдѣлала этого изъ-за пустого перстенька, изъ-за нѣсколькихъ аршинъ матеріи, изъ-за платьевъ, юбокъ, чепчиковъ или подобныхъ пустяковъ; но за цѣлый міръ? Ну, скажите, кто бы не согласился сдѣлать своего мужа рогоносцемъ, если бы это могло доставить ему, напримѣръ, царскій тронъ? Да я бъ изъ-за этого не побоялась и чистилища.

ДЕЗДЕМОНА. Нѣтъ, я позволила бы проклясть себя, если бы даже изъ-за цѣлаго міра сдѣлала такую низость.

ЭМИЛІЯ. Да вѣдь, низость считается низостью только въ мірѣ; а если вы этотъ міръ получите за трудъ свой, такъ эта низость очутится въ вашемъ собственномъ мірѣ, и тогда вамъ сейчасъ же можно будетъ уничтожить ее.

ДЕЗДЕМОНА.

Нѣтъ, не хочу и вѣрить я, что въ свѣтѣ
Есть женщина такая.

ЭМИЛІЯ.

Вѣрьте, есть—
И дюжины найдутся. Столько ихъ,
Что землю бы наполнить ими можно.
Убѣждена, однако, я въ одномъ,
Что ежели и согрѣшаютъ жены,
Такъ въ томъ всегда вина однихъ мужей.
Когда они свой долгъ позабываютъ,
И блага тѣ, что намъ принадлежатъ,
Даютъ другимъ; когда, вдругъ разразясь
Безумнѣйшею ревностью, стѣсненье
Кладутъ на насъ; когда насъ бьютъ порой,
Иль наши всѣ расходы уменьшаютъ—
Такъ вѣдь, у насъ есть тоже въ сердцѣ желчь.
Хоть кротки мы, но тоже мстить готовы.
Такъ пусть мужья то знаютъ, что и мы,
Какъ и они, имѣемъ тѣ же чувства;
Что и у женъ, какъ у господъ мужей,
Есть зрѣніе и вкусъ, и обоняньe,
Что и онѣ способны находить
Межъ горечью и сладостью различье.
Скажите, что въ нихъ дѣйствуетъ, когда
Насъ на другихъ они мѣняютъ женщинъ?
Потѣшиться желанье?—Вѣрно, такъ.
Не страсти-ли волнуютъ ихъ?—Конечно.
Не слабости ль ихъ вводятъ въ забужденье?
Навѣрно, да. Такъ развѣ и у насъ,
Какъ у мужчинъ, нѣтъ никакихъ страстей
Иль слабостей, иль склонностей къ забавамъ?
Такъ съ нами пусть обходятся мужья,
Какъ слѣдуетъ; иначе, пусть узнаютъ,
Что мы, грѣша, примѣры съ нихъ беремъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Прощай, прощай! Пошли мнѣ, Господи, умѣнье
Въ злѣ находить не зло, а средство къ исправленью!

(Уходитъ).

ДЕЗДЕМОНА НА МОЛИТВѢ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ОТЕЛЛО ПЕРЕДЪ УБІЙСТВОМЪ.
Картина Дж. Бойделя (Josiah Boydell, 1750—1817)
Большая Бойделевская галлерея.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Улица.

Входятъ Яго *и* Родриго.

Яго.

Здѣсь—стань сюда за эту вотъ колонну:
Сюда придетъ онъ скоро. Обнажи
Свой добрый мечъ и дѣйствуй имъ, да только
Быстрѣй, быстрѣй. Не бойся ничего:
Я буду здѣсь, какъ можно ближе. Помни—
Тутъ выигрышъ или погибель намъ;
Такъ соберись, какъ только можешь, съ духомъ.

Родриго.

Будь близко здѣсь. Я оплошать могу.

Яго.

Не отойду. Смѣлѣй же, мечъ наружу!
(*Отходитъ на небольшое разстояніе*).

Родриго.

Не очень я расположенъ къ убійству,
Но доводы онъ сильные умѣлъ
Представить мнѣ. И то сказать, вѣдь, тутъ

Всего однимъ убудетъ человѣкомъ.
Впередъ мой мечъ! Онъ долженъ умереть!
(Становится за колонну).

Яго.

Теперь растеръ я ранку молодую
Чуть-чуть не въ кровь; ожесточился онъ.
Что бъ ни было: онъ Кассіо убьетъ ли,
Иль Кассіо его, иль другъ друга
Они убьютъ—все въ выигрышѣ я.
Останется въ живыхъ Родриго—вѣрно,
Потребуетъ онъ отъ меня назадъ
И деньги всѣ, и эти всѣ брилльянты,
Которые стащилъ я у него,
Какъ будто бы въ подарки Дездемонѣ;
А этого никакъ не должно быть.
Останется же Кассіо въ живыхъ—
Такъ каждый день своею свѣтлой жизнью
На жизнь мою онъ будетъ тѣнь кидать,
Да и потомъ ему, пожалуй, выдастъ
Меня самъ мавръ: тогда ужъ плохо мнѣ.
Нѣтъ, умереть онъ долженъ: такъ и будетъ.
Но вотъ и онъ. Его шаги я слышу.

Входитъ Кассіо.

Родриго.

Я узнаю походку: это онъ.
(Бросается на Кассіо).
Умри, подлецъ!

Кассіо.

Да, умеръ бы, конечно,
Отъ этого удара я, когда бъ
Мой панцырь былъ не лучше, чѣмъ ты думалъ.
Попробую теперь я панцырь твой.
(Ранитъ Родриго).

Родриго.

О, я убитъ!

(Яго выскакиваетъ изъ своей засады, ранитъ Кассіо въ ногу и убѣгаетъ).

Кассіо.

Я раненъ. Помогите!
Огня! огня! Разбойники, убійцы! *(Падаетъ).*

Входитъ Отелло.

Отелло *(въ сторону).*

То—голосъ Кассіо. Сдержалъ мой Яго слово!

Родриго.

О, извергъ я!

Отелло.

Такъ, такъ.

Кассіо.

О, помогите!
Огня сюда! хирурга!

Отелло.

Это онъ!
О, Яго мой, правдивый, честный, храбрый,
Такъ хорошо отмстившій за позоръ
Товарища и друга: ты учитель,
Учитель мой! Ну, крошечка, твой милый
Убитъ, и твой ударитъ скоро часъ.
Иду къ тебѣ, блудница! Чаръ твоихъ,
Твоихъ очей не знаетъ больше сердце.
Твой одръ, запятнанный преступною любовью,
Покроется сейчасъ твоей преступной кровью!
(Уходитъ).

Входятъ Лодовико *и* Граціано.

Кассіо. Кто нибудь! Ни дозорныхъ, ни прохожихъ.
Убійцы, убійцы!

Граціано.

Тутъ что нибудь недоброе; ты слышишь,
Какъ страшенъ крикъ?

Кассіо.

О, помогите!

Лодовико.

Вотъ!

Родриго.

О, негодяй!

Лодовико.

Тутъ двое или трое,
Какъ кажется. А ночь-то какъ темна!
Не западня ли это? Безразсудно,
Я думаю итти на этотъ крикъ,
Покамѣстъ насъ не соберется больше.

Родриго.

Нѣтъ никого! Я кровью истеку!

Входитъ Яго *съ факеломъ.*

Лодовико. Слышите?

Граціано. Кто-то идетъ сюда въ одной рубашкѣ съ факеломъ и оружіемъ.

Яго. Кто-тутъ? Что за шумъ? Кто кричалъ убійство?

Лодовико.

Не знаемъ.

Яго.

Крикъ вамъ развѣ не былъ слышенъ?

Кассіо.

Сюда, сюда! на помощь, ради Бога!

Яго.

Вы слышите? Кто это тамъ кричитъ?

Граціано.

Сдается мнѣ, что лейтенантъ Отелло.

Лодовико.

И вправду онъ—храбрѣйшій человѣкъ!

Яго.

Эй, кто вы тамъ, кричащій такъ ужасно?

Кассіо.

Ты, Яго? О, я раненъ, изувѣченъ
Мерзавцами. Ахъ, помоги скорѣй!

Яго.

Вы, лейтенантъ? О, Богъ мой! Да какіе жъ
Бездѣльники?

Кассіо.

Мнѣ кажется, изъ нихъ
Одинъ лежитъ недалеко, и съ мѣста
Онъ тронуться не можетъ.

Яго.

Мошенники!
Эй, кто тамъ, эй! сюда! Мерзавцы!
На помощь мнѣ скорѣй!

Родриго.

О, помогите!

Кассіо.

Вотъ, вотъ одинъ изъ нихъ.

Яго.

А, подлый рабъ!
А негодяй, разбойникъ!

(Закалываетъ Родриго).

Родриго.

О, проклятый,
Проклятый Яго, песъ безчеловѣчный!

(Умираетъ).

Яго.

Въ потемкахъ убивать людей! Да гдѣ жъ другіе
Разбойники? А въ городѣ все тихо.
Разбой, разбой! *(Къ Лодовико и Граціано).*
Кто здѣсь? Вы что за люди?
Злодѣи вы иль добрые?

Лодовико.

Какими
Ты насъ найдешь, такими назови.

Яго.

Синьоръ Лодовико!

Лодовико.

Я, синьоръ.

Яго. Ахъ, извините, пожалуйста. Здѣсь Кассіо раненъ бездѣльниками.

Граціано.

Кассіо?

Яго.

Куда ты раненъ, братъ?

Кассіо.

Мнѣ на-двое перерубили ногу.

Яго.

Спаси, Господь! Синьоры, поспѣшите.
Перевяжу я раненую ногу
Рубашкою моею.

Входитъ Бьянка.

Бьянка.

Что случилось?
Кто здѣсь кричалъ?

Яго.

Кто здѣсь кричалъ?

Бьянка.

Мой Богъ!
О, Кассіо, мой дорогой, мой милый!
О, Кассіо! о, Кассіо ты мой!

Яго.

Прочь, блудная! Что, лейтенантъ, у васъ
Ни на кого нѣтъ подозрѣнья, кто бы
Могъ сильно такъ васъ изувѣчить?

Кассіо.

Нѣтъ.

Граціано.

Мнѣ очень жаль, что здѣсь васъ нахожу я;
Я васъ искалъ.

Яго.

Нельзя ли одолжить
Подвязку мнѣ—вотъ такъ. О, если бъ были
Носилки здѣсь, чтобъ отнести его
Покойнѣе.

Бьянка.

Смотрите: онъ слабѣетъ.
О, Кассіо! о, Кассіо!

Яго.

Синьоры,
Подозрѣвать имѣю поводъ я,
Что эта тварь участница въ разбоѣ.

(Къ Кассіо).

Терпѣніе, мой добрый другъ. Теперь
Позвольте мнѣ вашъ факелъ и посмотримъ,
Знакомо ль намъ лицо другого?
(*Подходитъ къ Родриго*).
Боже!
Мой добрый другъ, соотчичъ милый мой!
Родриго — ты ль! Да, точно, онъ. О, Небо!
Родриго!

ГРАЦІАНО.

Какъ, венеціанецъ?

ЯГО.

Да.
Онъ вамъ знакомъ?

ГРАЦІАНО.

Знакомъ ли? Да, и очень.

ЯГО.

Ахъ, это вы, синьоръ? Великодушно
Простите мнѣ. Кровавый этотъ случай
Послужитъ мнѣ, конечно, къ оправданью
Въ небрежности.

ГРАЦІАНО.

Я радъ васъ видѣть здѣсь.

ЯГО.

Ну, Кассіо, полегче ли? Носилки!
Носилки мнѣ!

ГРАЦІАНО.

Родриго!

ЯГО.

Онъ, онъ самъ!
(*Приносятъ носилки*).
А, наконецъ, носилки! Ну, теперь
Вы, люди добрые, его отсюда
Несите осторожнѣе, а я
Пойду позвать хирурга генерала.
(*Бьянкѣ*). А что до васъ касается, синьора,
Вы можете оставить попеченье.
Но знаете ли, Кассіо, что тотъ,
Кто здѣсь лежитъ убитымъ, другъ мой лучшій?
Что васъ могло поссорить?

КАССІО.

Ничего
Рѣшительно; я и не зналъ его.

ЯГО (*Бьянкѣ*).

Ты это что такъ поблѣднѣла вдругъ?
Несите же скорѣй его отсюда.
(*Кассіо и Родриго уносятъ*).
Синьоры, я прошу васъ обождать.
(*Бьянкѣ*).
Такъ отчего жъ блѣдна ты? Замѣчайте,
Какъ у нея глаза блуждаютъ. Ну,
Должно быть, мы не то еще узнаемъ.
Взгляните-ка, прошу васъ, на нее,
Да пристальнѣй, пожалуйста, взгляните!
Что, видите? О, и безъ языка
Заговорить умѣетъ преступленье!

Входитъ ЭМИЛІЯ.

ЭМИЛІЯ.

Что тутъ за шумъ? Что здѣсь случилось, Яго?

ЯГО.

Да въ темнотѣ Родриго и другіе
Бездѣльники, успѣвшіе бѣжать,
На Кассіо напали; тяжко раненъ
Нашъ Кассіо, Родриго же убитъ.

ЭМИЛІЯ.

О, Боже мой! о, Кассіо несчастный!

ЯГО.

Вотъ каковы плоды распутства! Я
Прошу тебя, Эмилія, сходи
И Кассіо спроси, гдѣ нынче ночью
Онъ ужиналъ. (*Бьянкѣ*). А, задрожала ты!

БЬЯНКА.

Онъ ужиналъ сегодня у меня;
Но я дрожу совсѣмъ не отъ того.

ЯГО.

А, у тебя! такъ слѣдуй же за мною!

ЭМИЛІЯ.

Проклятая развратница!

БЬЯНКА.

Неправда!
Такая же я честная, какъ ты,
Нанесшая мнѣ это оскорбленье.

ЭМИЛІЯ.

Какъ я! Ахъ ты, мерзавка!

ЯГО.

Ну, теперь,
Почтенные синьоры, не угодно-ль
Пойти взглянуть на перевязку ранъ
У Кассіо несчастнаго? (*Бьянкѣ*). За нами
И ты ступай; тамъ ты другую сказку
Разскажешь намъ. Эмилія, ты въ крѣпость
Бѣги скорѣй и обо всемъ, что здѣсь
Случилося, увѣдомь генерала,
Его жену. Идемте же, синьоры. (*Въ сторону*).
О, эта ночь должна меня сгубить,
Иль цѣль мою вполнѣ осуществить!
(*Уходитъ*).

ОТЕЛЛО ПЕРЕДЪ УБІЙСТВОМЪ ДЕЗДЕМОНЫ.

Картина извѣстнаго нѣмецкаго художника проф. Генриха Гофмана (Heinrich Hofmann, род. 1824).

СЦЕНА II.

Спальная. Дездемона спитъ на постели. На столѣ горитъ свѣча.

Входитъ Отелло.

Отелло.

Вотъ, вотъ причина—вотъ причина, сердце!
Не назову я вамъ ее, о звѣзды,
Безгрѣшныя свѣтила... Вотъ причина!
Но не хочу пролить я эту кровь;
Я не хочу царапать эту кожу
Бѣлѣе снѣга, глаже изваяній
Альбастровыхъ, а умереть ей должно.
(*Снимаетъ мечъ*).
Да—умереть. Иначе и другихъ
Она еще обманетъ въ этомъ мірѣ.
Задуть свѣчу, а тамъ... Задуть свѣчу?
Когда тебя, мой огненный прислужникъ,
Я загашу, то, если въ томъ раскаюсь,
Могу опять зажечь; но загасивъ
Свѣтильникъ твой, чудесное созданье,
Прекраснѣйшій природы образецъ,
Найду ли гдѣ я пламя Прометея,
Чтобъ вновь зажечь потухшій твой огонь?
Я не могу, сорвавши розу, снова
Ей возвратить растительность! она
Должна увянуть. Такъ упьюсь же ею,
Пока она не сорвана еще. (*Цѣлуетъ ее*).
О, сладкое дыханье! Правосудье
Само бы мечъ сломало предъ тобой.
Еще, еще... О, будь такой по смерти!
А я тебя убью. Еще, послѣдній разъ!
О, сладкое и страшное лобзанье!
Я плачу! Какъ ужасны эти слезы!
Моя печаль—печаль Небесъ: она
Караетъ все, что любитъ... А, проснулась!...

Дездемона.

Кто здѣсь? Отелло, ты?

Отелло.

Я, Дездемона.

Дездемона.

Что жъ не идешь ложиться ты, мой другъ?

Отелло.

Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

Дездемона.

Да, милый мой.

Отелло.

Когда ты за собою
Какой-нибудь припомнить можешь грѣхъ,
Котораго не отпустило Небо,—
Молись скорѣй.

Дездемона.

Что это значитъ, милый?

Отелло.

Ну-ну, молись; да только покороче.
Я похожу покамѣстъ. Не хочу я
Тебя убить, пока ты къ смерти духомъ
Не приготовилась—нѣтъ, Боже сохрани!
Твоей души я убивать не стану.

Дездемона.

Ты говоришь о смерти?

Отелло.

Да, о смерти.

Дездемона.

О, Господи, спаси меня!

Отелло.

Аминь
Отъ всей души.

Дездемона.

Аминь ты произносишь—
Такъ ты меня не умертвишь?

Отелло.

Гм! гм!

Дездемона.

И все-таки ты страшенъ мнѣ, Отелло!
Ты гибеленъ, когда твои глаза
Такъ бѣгаютъ. Мнѣ нечего бояться:
Я за собой совсѣмъ вины не знаю,
И все жъ боюсь—я чувствую—боюсь.

Отелло.

Подумай о грѣхахъ своихъ скорѣе.

Дездемона.

Мои грѣхи—любовь моя къ тебѣ.

Отелло.

Вотъ за нее ты и умрешь сегодня.

Дездемона.

Смерть за любовь съ природой не согласна.
Какъ страшенъ ты! Зачѣмъ кусаешь губы?
Какое-то кровавое волненье
Приводитъ въ дрожь все существо твое.
То страшные предвѣстники; но все же
Надѣюсь я—надѣюсь, что не мнѣ
Быть жертвой ихъ.

Отелло.

Молчи, ни слова больше!

Дездемона.

Я замолчу. Чего жъ, скажи, ты хочешь?

Отелло.

Ты Кассіо платокъ тотъ отдала,
Что подарилъ тебѣ я и который
Былъ дорогъ мнѣ.

Дездемона.

О, нѣтъ, клянусь душой
И жизнію! За Кассіо пошли,
Спроси его.

Отелло.

О, милая, страшись,
Страшись клятвопреступничать: вѣдь ты
Лежишь теперь на ложѣ смерти.

Дездемона.

Боже!
Но не убьешь же ты меня сейчасъ.

Отелло.

Сейчасъ. Итакъ, покайся добровольно
Въ своихъ грѣхахъ, затѣмъ, что даже клятвой,
Отъ каждаго отрекшись обвиненья,
Ты ни сломить, ни измѣнить не въ силахъ
Упорное рѣшеніе мое,
И для меня—предметъ тяжелыхъ стоновъ.
Такъ—ты умрешь!

Дездемона.

Спаси меня, о Боже!

Отелло.

Аминь.

Дездемона.

И ты, ты смилуешься также.
Я никогда тебя не оскорбляла—
Я Кассіо любила только тою
Любовію, какую Богъ велитъ
Питать ко всѣмъ на свѣтѣ. Не дарила
Я ничего ему.

Отелло.

Да Богъ свидѣтель,
Что мой платокъ я видѣлъ у него.
О, женщина коварная, ты въ камень
Мнѣ превращаешь сердце, заставляешь

То называть убійствомъ, что намѣренъ
Я совершить и что считалъ я жертвой!
У Кассіо платокъ я видѣлъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Онъ
Нашелъ его—а я не отдавала.
Пошли за нимъ: пусть онъ всю правду скажетъ.

ОТЕЛЛО.

Ужъ онъ сказалъ.

ДЕЗДЕМОНА.

Но что же?

ОТЕЛЛО.

Что съ тобою
Онъ былъ въ связи.

ДЕЗДЕМОНА.

Какъ? въ незаконной?

ОТЕЛЛО.

Да.

ДЕЗДЕМОНА.

Онъ этого не повторитъ.

ОТЕЛЛО.

Конечно,
Затѣмъ, что ротъ ему теперь зажали.
Объ этомъ постарался честный Яго.

ДЕЗДЕМОНА.

Мой ужасъ все мнѣ объяснилъ: онъ умеръ?

ОТЕЛЛО.

Да если бъ каждый волосъ у него
Былъ жизнію, то волосомъ бы каждымъ
Я утолилъ месть страшную мою.

ДЕЗДЕМОНА.

О, горе! онъ обманутъ клеветою!
Погибла я!

ОТЕЛЛО.

Ага, прелюбодѣйка!
Въ моихъ глазахъ о немъ ты смѣешь плакать!

ДЕЗДЕМОНА.

Не убивай, а прогони меня!

ОТЕЛЛО.

Смерть, смерть блудницѣ!

ДЕЗДЕМОНА.

О, убей хоть завтра;
Но эту ночь дай мнѣ прожить!

ОТЕЛЛО.

Напрасно!

ДЕЗДЕМОНА.

Хоть полчаса.

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ отсрочка?

ДЕЗДЕМОНА.

Дай мнѣ прочесть молитву.

ОТЕЛЛО.

Поздно, поздно!
(*Удушаетъ ее*).

ЭМИЛІЯ (*за сценой*).

Синьоръ, синьоръ! Скорѣе—отоприте!

ОТЕЛЛО.

Что тамъ за шумъ? Жива—еще жива!
О, я жестокъ, но знаю милосердье:
Я не хочу продлить твоихъ мученій.
Вотъ такъ, вотъ такъ!

ЭМИЛІЯ.

Синьоръ! синьоръ! скорѣй!

ОТЕЛЛО.

Кто тамъ?

ЭМИЛІЯ.

Синьоръ, должна сію минуту
Я видѣть васъ.

ОТЕЛЛО.

Сейчасъ. Она мертва!
Эмилія пришла, какъ видно, съ вѣстью
О Кассіо. А крику было много!
Мертва: не шевельнется, какъ могила
Недвижная! Впускать иль не впускать?
Не дурно ли я сдѣлаю? Какъ будто
Опять пошевелилась. Нѣтъ, недвижна!
Какъ поступить? Когда она войдетъ,
Заговоритъ сейчасъ съ моей женою. .
Моей женой, моей женой! Какой?
Нѣтъ у меня жены. О, тяжело!
О, страшный часъ! о, часъ невыносимый!
Мнѣ кажется, сейчасъ луна и солнце
Затмятся совершенно, и земля
Отъ ужаса подъ нами затрясется...

ЭМИЛІЯ (*за сценой*).

Синьоръ, синьоръ, я умоляю васъ;
Я жду! Скорѣй!

ОТЕЛЛО.

Я и забылъ про эту...
Войди, войди, Эмилія! Постой!
Сейчасъ! Задерну прежде пологъ.

(*Ноетъ и отдергиваетъ полог*).

Входитъ Эмилія.

Отелло.

Ну, что? зачѣмъ явилась ты сюда?

Эмилія.

О, генералъ мой добрый, тамъ случилось
Гнуснѣйшее убійство.

Отелло.

Какъ? теперь?

Эмилія.

Да, только что.

Отелло.

Тому виною мѣсяцъ!
Онъ болѣе обычнаго къ землѣ
Приблизился—и люди всѣ взбѣсились.

Эмилія.

Тамъ Кассіо убилъ венеціанца,
По имени Родриго.

Отелло.

Какъ, убитъ
Родриго? Ну, и Кассіо убитъ?

Эмилія.

Нѣтъ, Кассіо остался живъ.

Отелло.

Остался?
О, если такъ, не свершено убійство,
И грозно месть отрадная растетъ!

Дездемона.

О, безъ вины убита! безъ вины!

Эмилія.

Чей это стонъ?

Отелло.

Стонъ? гдѣ?

Эмилія.

Помилуй Боже!
Да это стонъ синьоры. О, сюда!
На помощь мнѣ, на помощь! О, синьора,
О, милая синьора, что-нибудь
Скажите мнѣ, скажите, Дездемона!

Дездемона.

Невинною я умираю.

Эмилія.

Кто же
Убійца вашъ?

Дездемона.

Никто... сама... Прощай!
Мой добрый мужъ... Привѣтъ ему послѣдній
Ты передай! Прости! (*Умираетъ*).

Отелло.

Кто бъ это могъ
Ее убить?

Эмилія.

Увы! какъ знать?

Отелло.

Однако,
Слыхала ты—она сама сказала,
Что умертвилъ ее не я.

Эмилія.

Да, правда:
Я не могу того не подтвердить.

Отелло.

Такъ лгуньею отправилась она
Въ кромѣшный адъ: я—я ея убійца!

Эмилія.

О, если такъ, тѣмъ болѣе она
Безгрѣшный духъ, а ты—проклятый дьяволъ!

Отелло.

Она съ пути разумнаго сошла
И сдѣлалась развратницей.

Эмилія.

Неправда!
Ты на нее клевещешь—дьяволъ ты!

Отелло.

Она была коварна, какъ вода.

Эмилія.

Ты, какъ огонь, безуменъ, если можешь
Такъ говорить. О, нѣтъ, она, какъ Небо,
Была вѣрна!

Отелло.

Съ ней Кассіо въ связи
Преступной жилъ. Спросить объ этомъ можешь
У мужа ты. О, если бы на крайность
Такую я рѣшился безъ причинъ
Серьезнѣйшихъ, то стоило бъ низвергнуть
Меня на дно глубокихъ адскихъ безднъ.
Про это все твой мужъ отлично знаетъ.

Эмилія.

Мой мужъ?

Отелло.

Твой мужъ.

Эмилія.

Онъ знаетъ, что синьора
Нарушила обѣтъ свой брачный?

Отелло.

Да—
И Кассіо ея сообщникъ. Если бъ
Она была вѣрна, то создавай
Мнѣ небо міръ другой изъ хризолита
Чистѣйшаго, безъ примѣси—ее
И за него я никогда бъ не отдалъ.

Эмилія.

Мой мужъ?

Отелло.

Да, онъ сказалъ мнѣ прежде всѣхъ:
Онъ человѣкъ честнѣйшій и питаетъ
Лишь ненависть къ той грязи, что лежитъ
На всѣхъ дѣлахъ безнравственныхъ.

Эмилія.

Мой мужъ?

Отелло.

И для чего всѣ эти повторенья?
Ну да, твой мужъ.

Эмилія.

О, бѣдная синьора,
Какъ надъ твоей любовью посмѣялась
Злость гнусная! И мужъ мой могъ назвать
Измѣнницей ее?

Отелло.

Да, повторяю:
Онъ, онъ, твой мужъ! Да что ты это слово
Какъ будто бы забыла понимать?
Мой другъ, твой мужъ, мой честный, честный Яго.

Эмилія.

О, если онъ сказалъ такую вещь,
Такъ пусть его презрѣнная душа
По полкрупинкѣ въ день сгниваетъ. Подло
Онъ лгалъ! Она ужъ слишкомъ горячо
Любила свой несчастный, скверный выборъ.

Отелло.

А!

Эмилія.

Поступай, какъ только хочешь, гадко,
Поступокъ твой съ женой достоинъ Неба
На столько же, на сколько ты—ея.

Отелло.

Молчи, молчи! тебѣ же будетъ лучше.

Эмилія.

Ты сдѣлать мнѣ не можешь половины
Того, что я перенести могу.
О, негодяй! О, безтолковый, грязный
Глупецъ! Теперь ты дѣло совершилъ:
Не страшенъ мнѣ твой мечъ. Изобличу я
При всѣхъ тебя, хотя бы потерять
Для этого пришлось мнѣ двадцать жизней.

ОТЕЛЛО ПЕРЕДЪ УБІЙСТВОМЪ.

Картина англійскаго художника Джоса Бойделя (Josiah Boydell. 1750—1817) - (Милая Бойделевская галлерея).

О, помогите, помогите, помогите:
Мавръ умертвилъ жену свою! Убійство!

Входятъ Монтано, Граціано, Яго *и другіе.*

Монтано.

Что здѣсь за шумъ? Что, генералъ, случилось?

Эмилія.

А, Яго, ты? Ну, нечего сказать,
Ты молодецъ, когда другіе могутъ
Тебя въ своихъ убійствахъ обвинять.

Граціано.

Въ чемъ дѣло здѣсь?

Эмилія.

Когда мужчина ты,
Такъ обличи вотъ этого мерзавца:
Онъ говоритъ, что ты ему сказалъ,
Что будто бы жена его преступна.
Я знаю—ты не говорилъ того:

Ты не такой безсовѣстный. Скажи же:
Моя душа ужъ черезчуръ полна.

Яго.

Я говорилъ ему то, что я думалъ,
И не сказалъ я болѣе того,
Что онъ и самъ призналъ возможнымъ,
вѣрнымъ.

Эмилія.

Но ты ему сказалъ ли, что она
Измѣнницей была?

Яго.

Да, я сказалъ.

Эмилія.

И ты солгалъ, солгалъ постыдно, гнусно!
Клянусь душой, ты подло клеветалъ.
Она, она измѣнница супругу
Для Кассіо? Ты Кассіо назвалъ?

Яго.

Да, Кассіо. Попридержи, однако,
Языкъ.

Эмилія.

Нѣтъ, я его не придержу:
Я говорить обязана. Синьора,
Убитая, лежитъ въ постели здѣсь.

Всѣ.

О, Господи, спаси насъ и помилуй!

Эмилія.

И клевета твоя виной убійства.

Отелло.

Что жъ стали вы, синьоры? Это правда!

Граціано.

Ужасная, чудовищная правда!

Монтано.

Чудовищный поступокъ!

Эмилія.

Гнусный, гнусный!
Я думаю о немъ, припоминаю—
И яснымъ онъ становится. О, гнусность!
Я и тогда такъ думала. Отъ горя
Готова я убить себя теперь.
О, гнусность, гнусность!

Яго.

Да что съ тобой! ты что-то помѣшалась.
Ступай домой—приказываю я.

Эмилія.

О, добрые синьоры! не мѣшайте
Мнѣ все сказать... Хоть я должна ему
Послушной быть, но не теперь... Да, Яго,
Быть можетъ, я домой ужъ не вернусь...

Отелло (*бросаясь на постель*).

О-о-о-о!

Эмилія.

Да, да, лежи, реви!
Ты погубилъ чистѣйшую невинность,
Какая лишь смотрѣла на людей.

Отелло (*приподымаясь*).

О, нѣтъ, она была полна пороковъ!
(*Къ Граціано*).
Я знаю васъ весьма немного, дядя...
Племянница родная ваша здѣсь
Лежитъ, и въ ней дыханье прекратили
Дѣйствительно вотъ эти руки. Я
Согласенъ съ тѣмъ, что мой поступокъ
звѣрскимъ,
Безстыднѣйшимъ казаться долженъ вамъ.

Граціано.

Несчастная племянница! Я радъ,
Что твоего отца ужъ нѣтъ на свѣтѣ:
Твой бракъ нанесъ ему ударъ смертельный,
И эта скорбь порвала нить его
Преклонныхъ лѣтъ; будь онъ теперь въ
живыхъ,
Онъ предался бъ отчаянью, съ проклятьемъ
Отвергнулъ бы навѣки отъ себя
Онъ ангела-хранителя и душу
На вѣчную бы гибель осудилъ.

Отелло.

Ужасно это все; но Яго знаетъ,
Что съ Кассіо разъ тысячу она
Была въ связи прелюбодѣйной. Самъ онъ
Сознался въ томъ. Въ награду за любовь
Она дала ему мой первый даръ,
Залогъ любви моей отдать рѣшилась...
Его въ рукахъ у Кассіо я видѣлъ:
То былъ платокъ, который мой отецъ
Далъ матери моей.

Эмилія.

О, силы Неба!
О, Боже мой!

Яго.

Эй, замолчи!

Эмилія.

Нѣтъ, нѣтъ!
Я все скажу! Мнѣ замолчать? Какъ вѣтеръ,
Я говорить здѣсь стану неудержно:
Пусть Небеса, пусть люди, черти—все,
Все на меня возстанетъ грозно—буду
Я говорить...

Яго.

Одумайся! ступай
Къ себѣ домой.

Эмилія.

Я не хочу.
(*Яго бросается на нее*).

ОТЕЛЛО ПЕРЕДЪ УБІЙСТВОМЪ ДЕЗДЕМОНЫ.

Картина извѣстнаго нѣмецкаго художника Фердинанда Пилоти (Ferdinand Piloty, 1828—1895).

Граціано.

Фи, Яго!
На женщину, съ мечомъ!

Эмилія.

О, глупый мавръ!
Вѣдь, тотъ платокъ, который видѣлъ ты,
Случайно я нашла и послѣ мужу
Дала его затѣмъ, что онъ не разъ
Украсть его просилъ меня съ такою
Настойчивой серьезностью, какой
Не стоила бездѣлка эта, право.

Яго.

Тварь гнусная!

Эмилія.

Чтобъ Кассіо она
Дала платокъ?—Нѣтъ! онъ былъ найденъ мною,
И мужу я—увы!—дала его.

Яго.

Лжешь, мерзкая!

Эмилія.

Не лгу, клянуся Небомъ!
Синьоры, я не лгу! О, безразсудный
Убійца! Что жъ, и то сказать, что было
Съ такой женой прелестнѣйшею дѣлать
Глупцу такому?

Отелло.

Неужели стрѣлы
Лишь для того на небѣ, чтобъ гремѣть!
О, дорогой мерзавецъ!

(Бросается на Яго, который поражаетъ Эмилію и убѣгаетъ).

Граціано.

Посмотрите
Шатается и падаетъ она.
Сомнѣнья нѣтъ: жену свою убилъ онъ.

Эмилія.

Да, да... Теперь къ моей синьорѣ
Поближе положите.

Граціано.

Онъ ушелъ,
Но надъ женой совершено убійство.

Монтано.

Гнуснѣйшій плутъ! Возьмите этотъ мечъ,
Который мной у мавра отнятъ. Станьте
За дверью здѣсь и ни за что его
Отсюда не пускайте, хоть бы даже
Убить его пришлось; а я бѣгу
За этимъ негодяемъ, за проклятымъ
Разбойникомъ.

(Монтано и Граціано уходятъ).

Отелло.

Какъ обезсилѣлъ я...
Мальчишка мечъ изъ рукъ моихъ исторгнулъ!
Да и зачѣмъ честь будетъ дольше жить,
Чѣмъ честность? Все, все для меня погибло!

Эмилія.

Голубушка, такъ вотъ что пѣснь твоя
Пророчила! Послушай, если можешь
Ты слышать: я здѣсь лебедемъ явлюсь
И съ пѣсенкой про *иву, иву, иву*
Умру. Знай, мавръ, она была чиста;
Жестокій мавръ, она тебя любила.
О, если бы душа моя такъ вѣрно
Могла спастись, какъ вѣрно то, что я
Здѣсь говорю... и говорю всю правду...
Я умираю, умираю... *(Умираетъ).*

Отелло.

Было
Здѣсь у меня еще одно оружье—
Испанскій мечъ, что въ ледяной водѣ
Я закалилъ... А, вотъ и онъ. Эй, дядя,
Пусти меня, я выйду.

Граціано *(за дверью).*

Если ты
Попробуешь—не дешево заплатишь.
Не забывай, что безоруженъ ты,
И потому терпи безъ прекословья.

Отелло.

Ну, такъ войди сюда, чтобы со мной
Поговорить, а то и безъ оружья
Я на тебя не побоюсь напасть.

Входитъ Граціано.

Граціано.

Ну, что тебѣ?

Отелло.

Смотри: въ рукахъ моихъ
Есть мечъ такой, какой еще ни разу
Не украшалъ солдатскаго бедра.
Была пора—вотъ эта небольшая
Рука моя и этотъ добрый мечъ
Дорогу мнѣ свободно пролагали
Сквозь цѣлый рядъ препятствій, въ двадцать разъ
Сильнѣе тѣхъ, какія ты поставилъ.
Но... для чего напрасно хвастать? Кто
Преодолѣть судьбы велѣнья можетъ?
Моя пора минула. Не страшись,
Хоть предъ тобой съ мечомъ въ рукѣ стою я:
Мой путь свершенъ, и здѣсь его конецъ;
Здѣсь пристань та, гдѣ мой корабль спускаетъ

Всѣ паруса... Не отступай назадъ...
Не бойся такъ—боязнь твоя напрасна.
Тронь тростникомъ Отелло грудь—и онъ
Попятится... Куда пойдетъ Отелло?
(*Обращаясь къ трупу Дездемоны*).
Несчастная, какъ измѣнилась ты!
Блѣдна, какъ ткань твоей сорочки! О,
Когда къ суду мы явимся съ тобою,
Твой взглядъ мою низринетъ душу съ неба,
А дьяволы подхватятъ на лету.
Ты холодна, ты холодна, подруга,
Какъ чистота твоя! О, рабъ проклятый!
Ну, демоны, гоните прочь меня
Отъ этого небеснаго созданья!
Крутите въ вихрѣ бурномъ! жарьте въ сѣрѣ,
Купайте въ глубочайшихъ безднахъ, полныхъ
Текучаго огня! О, Дездемона!
Мертва! О, Дездемона! О! о! о!

Входятъ Лодовико, Монтано, Кассіо, *несомый на носилкахъ, и офицеры; между ними* Яго, *связанный.*

Лодовико.

Гдѣ этотъ безумный и несчастный человѣкъ?

Отелло.

Что прежде былъ Отелло? Здѣсь.

Лодовико.

Гдѣ эта
Змѣя? Пускай мерзавецъ подойдетъ.

Отелло.

Я на ноги смотрю его; но это
Все выдумки; коль ты и вправду чортъ,
Убить тебя мнѣ, вѣрно, не удастся.
(*Ранитъ Яго*).

Лодовико.

Возьмите мечъ изъ рукъ его!

Яго.

Я раненъ,
Но не убитъ.

Отелло.

Я очень радъ тому.
Желалъ бы я, чтобъ жилъ ты. Умереть,
По моему, блаженство.

Лодовико.

О, Отелло!
Какъ мнѣ назвать тебя, который прежде
Героемъ былъ, а нынче жертвой сталъ
Проклятаго мерзавца?

Отелло.

Какъ-нибудь:
Желаете—такъ назовите честнымъ
Убійцею, затѣмъ, что ничего
Я не свершилъ изъ ненависти, все же—
Изъ чести лишь.

Лодовико.

Мерзавецъ этотъ намъ
Уже почти сознался въ гнусномъ дѣлѣ.
То правда ли, что согласились съ нимъ
Вы Кассіо убить?

Отелло.

Да, это правда.

Кассіо.

Я никогда, мой добрый генералъ,
Вамъ повода не подавалъ.

Отелло.

Я вѣрю
И васъ прошу простить меня. Пускай
Отвѣтитъ вамъ вотъ этотъ полу-дьяволъ—
Къ чему мой духъ и тѣло страшно такъ
Опуталъ онъ?

Яго.

Оставьте всѣ разспросы.
Что знаете—то знайте. Съ этихъ поръ
Ни одного я слова не промолвлю.

Лодовико.

Какъ, и затѣмъ, чтобъ помолиться?

Граціано.

Пытка
Твой ротъ раскрыть съумѣетъ.

Отелло.

Да, ты правъ:
Придумалъ ты отличнѣйшее средство.

Лодовико.

Теперь, синьоръ, я объясню вамъ то,
Что вамъ еще, конечно, неизвѣстно.
Вотъ здѣсь письмо, которое нашли
Въ карманѣ у убитаго Родриго;
А вотъ еще письмо. Въ одномъ изъ нихъ
О Кассіо убійствѣ говорится,
Которое Родриго долженъ былъ
Взять на себя.

Отелло.

О, негодяй!

Кассіо.

Язычникъ
Одинъ лишь могъ такъ гнусно поступить.

Лодовико.

Въ другомъ письмѣ—его нашли мы такъ же,
Какъ первое, въ карманѣ у Родриго—
Онъ сердится; какъ видно, онъ хотѣлъ

Его послать вотъ къ этому мерзавцу
Проклятому, но Яго, вѣрно, самъ
Къ нему пришелъ и успокоилъ...

Отелло.

Страшный,
Опасный плутъ. Но, Кассіо, откуда
Къ тебѣ попалъ платокъ моей жены?

Кассіо.

Его нашелъ я въ комнатѣ своей,
А Яго намъ вотъ только-что сознался,
Что съ умысломъ особеннымъ его
Онъ обронилъ—и замыселъ удался.

Отелло.

О, я глупецъ, глупецъ, глупецъ!

Кассіо.

Родриго
Въ своемъ письмѣ упреки Яго шлетъ
Еще за то, что тотъ подбилъ его
Поссориться со мною въ караулѣ,
Изъ-за чего я мѣсто потерялъ;
И, наконецъ. Родриго самъ, который
Казался намъ умершимъ, вдругъ очнулся
И разсказалъ, что Яго подстрекнулъ
Его вступить со мною въ бой сегодня,
И Яго же убилъ его...

Лодовико.

Теперь,
Отелло, вы должны отсюда вытти
И слѣдовать за нами. Ваша власть
Снимается, и Кассіо назначенъ
Правителемъ на Кипрѣ вмѣсто васъ.
Что жъ этого касается мерзавца,
То сколько есть ужасныхъ, долгихъ мукъ,
Придуманныхъ умомъ жестокосерднымъ—
Всѣмъ до одной подвергнутъ будетъ онъ.
Вы плѣнникомъ останетесь, покуда
Мы донесемъ въ сенатъ венеціанскій
О вашемъ преступленіи. Ведите
Его за мной!

Отелло.

Постойте. Слова два
Хочу сказать вамъ прежде. Я немало
Оказывалъ республикѣ услугъ—
И это ей извѣстно. Не объ этомъ
Здѣсь рѣчь моя. Я васъ прошу, когда
Вы будете объ этихъ всѣхъ несчастьяхъ
Писать въ сенатъ, такимъ меня представить,
Каковъ я есть, ни уменьшать вину,
Ни прибавлять къ ней ничего нарочно...
Пишите имъ, что я былъ человѣкъ
Съ любовію безумною, но страстной;
Что ревность я не скоро ощущалъ,
Но, ощутивъ, не зналъ уже предѣловъ;
Что, какъ глупецъ-индіецъ, я отбросилъ
Жемчужину, дороже всѣхъ сокровищъ
Его страны; что изъ моихъ очей,
Къ слезливымъ ощущеньямъ непривычныхъ,
Теперь текутъ струей обильной слезы,
Какъ изъ деревъ Аравіи камедь.
И къ этому всему потомъ прибавьте,
Что разъ одинъ, въ Алеппо, увидавъ,
Какъ турокъ злой, ругаясь надъ сенатомъ,
При этомъ билъ венеціанца—я
За горло взялъ обрѣзанца-собаку
И закололъ его—вотъ точно такъ...

(*Закалывается*).

Лодовико.

Кровавая развязка!

Отелло (*падая на трупъ Дездемоны*).

Съ поцѣлуемъ
Я убилъ тебя, и съ поцѣлуемъ
Я смерть свою встрѣчаю близъ тебя!

(*Умираетъ*).

Кассіо.

Вотъ этого я опасался, зная
Величіе души его; но мнѣ
Казалося, что онъ обезоруженъ.

Лодовико (*къ Яго*).

Спартанскій песъ, ты болѣе жестокій,
Чѣмъ океанъ, чѣмъ голодъ, чѣмъ чума!
Взгляни сюда, на это бремя, страшно
Упавшее на это ложе—ты
Виной всему! Ахъ, это ложе—ядъ
Для зрѣнія; скорѣй его закройте.
Вы въ домѣ здѣсь останьтесь, Граціано,
И такъ какъ вы наслѣдникъ мавра, вамъ
Имущество принять въ порядкѣ надо.

(*Къ Кассіо*).

Вамъ, господинъ правитель, предстоитъ
Казнь совершить надъ этимъ адскимъ плутомъ.
Назначить день и мѣсто, пытку выбрать ..
О, что-нибудь найдите посильнѣе!
А я на родину—и съ грустнымъ сердцемъ тамъ
Событье грустное сенату передамъ.

(*Уходятъ*).

П. Вейнбергъ.

Заглавная виньетка къ Королю Лиру извѣстнаго англійскаго иллюстратора, сэра Джона Джильберта (sir John Gilbert, род. 1817).

Такъ называемая теперь «Шекспировская скала» (Shakespeare's Cliff) въ Дувръ.
(«Король Лиръ», дѣйствіе IV, сц. 6).

КОРОЛЬ ЛИРЪ.

Время созданія трагедіи можно опредѣлить довольно точно: она была написана либо зимой 1605 г., либо въ продолженіе 1606 г., ибо въ концѣ этого года она уже была поставлена на сцену въ Уайтголлѣ въ присутствіи короля Іакова, а такъ какъ въ то время пьесы не залеживались въ портфеляхъ авторовъ, то, вѣроятно, что она была написана осенью 1606 г. Раньше же зимы 1605 г. она ни въ какомъ случаѣ возникнуть не могла, ибо въ октябрѣ этого года было въ Англіи солнечное затменіе, а въ ноябрѣ былъ открытъ пороховой заговоръ Гюи Фокса. На эти два событія мы находимъ весьма прозрачный намекъ въ пьесѣ въ словахъ Глостера (Актъ I, сц. 2): „Эти послѣднія солнечныя и лунныя затменія не пророчатъ ничего добраго. Законъ природы нарушается повсюду! Любовь холодѣетъ, дружба расторгается, братъ идетъ на брата, въ городахъ возникаютъ бунты, въ дворцахъ гнѣздится измѣна". О популярности пьесы можно судить по тому, что уже въ 1608 г. вышли въ свѣтъ два изданія ея in 4-to, исполненныя грубыхъ ошибокъ и очевидно напечатанныя безъ вѣдома автора.

Сагу о королѣ Лирѣ и его дочеряхъ Шекспиръ нашелъ въ хроникѣ Голиншеда, который самъ заимствовалъ ее изъ хроники Джэфри Монмоута, а послѣдній кромѣ народныхъ преданій пользовался разсказомъ знаменитаго средневѣкового сборника — Gesta Romanorum о царѣ Ѳеодосіѣ и его дочеряхъ, изъ которыхъ первыя двѣ въ высокопарныхъ выраженіяхъ увѣряли престарѣлаго отца въ своей любви, а потомъ оставили его въ годину горя, когда онъ былъ свергнутъ съ престола своими врагами, тогда какъ третья выступила на помощь къ отцу съ войскомъ и, побѣдивъ его враговъ, снова возвела его на престолъ.

Въ такомъ видѣ сага о королѣ Лирѣ дошла до временъ Елисаветы, гдѣ она получила литературную обработку въ поэмѣ Нортона и Саквилля Зерцало для Правителей (Mirrour for Magistrates) и въ Царицѣ Фей (Fairye Queen) Спенсера. Но хотя Шекспиръ несомнѣнно зналъ оба эти произведенія, они не оказали существеннаго вліянія на его трагедію. Гораздо болѣе онъ былъ обязанъ старинной пьесѣ Правдивая исторія о Лирѣ и его дочеряхъ (The true history of king Leir and his three daughters), которая была поставлена на сцену еще въ 1594 г. и дошла до насъ. Изъ нея Шекспиръ заимствовалъ нѣсколько

мелкихъ подробностей и между прочимъ личность заступника Корделіи, придворнаго Перилла, въ которомъ критики не безъ основанія видятъ прототипъ Кента. Кромѣ хроники Голиншеда и старинной пьесы, для эпизода о Глостерѣ Шекспиръ пользовался вышедшимъ въ 1590 г. пастушескимъ романомъ Сиднея Аркадія, гдѣ разсказывается объ одномъ пафлагонскомъ царѣ, ослѣпленномъ своимъ побочнымъ сыномъ. Изъ его признаній мы узнаемъ, что по наговору побочнаго царь лишилъ наслѣдства роднаго сына. За эту несправедливость онъ былъ жестоко наказанъ судьбою, ибо побочный ослѣпилъ его и выгналъ изъ дому. Въ такомъ положеніи застаетъ старика обиженный имъ родной сынъ и дѣлается его пѣстуномъ и сестрой милосердія.

Если критикѣ дозволительно отыскивать общій смыслъ пьесы и отсюда выводить предстоявшую автору задачу, то сравненіе Лира съ его источниками даетъ критику твердую опору для ея заключеній. Въ пользованіи своими источниками Шекспиръ обнаружилъ свойственную зрѣлой порѣ его творчества самостоятельность. Онъ бралъ изъ нихъ то, что было нужно для его цѣлей, исключалъ все не нужное и видоизмѣнялъ все заимствованное сообразно своему художественному плану. Лиръ старинной пьесы—это слабый, почти выжившій изъ ума старикъ, лишенный всякаго личнаго величія и постоянно сокрушающійся о грѣхахъ своихъ. Раздѣляя свое царство между дочерьми, онъ себѣ не требуетъ, какъ Шекспировскій Лиръ, для сохраненія престижа сто рыцарей свиты и царскаго содержанія, а довольствуется весьма скромной пенсіей. Оттого обращеніе съ нимъ Гонерильи и Реганы не производитъ такого возмутительнаго впечатлѣнія, какъ у Шекспира. Въ этомъ случаѣ поэтъ сильно отступилъ отъ старинной пьесы и болѣе приблизился къ хроникѣ, въ которой образъ Лира не лишенъ личнаго величія. Отступилъ Шекспиръ и отъ хроники, и отъ старинной пьесы въ развязкѣ трагедіи, которая и тамъ и здѣсь имѣетъ нравоучительный характеръ, ибо все оканчивается побѣдой добра надъ зломъ, Корделіи надъ ея сестрами и возведеніемъ Лира на престолъ. Сравнивая старинную пьесу съ трагедіей Шекспира, Брандесъ справедливо замѣчаетъ, что въ ней Шекспиръ нашелъ не болѣе, какъ глину, изъ которой онъ могъ вылѣпить статуи и группы. Дѣйствительно, въ своихъ источникахъ Шекспиръ могъ найти только внѣшніе факты; ихъ психологическое объясненіе, а равно также и вліяніе ихъ на характеръ героевъ онъ долженъ былъ создать самъ. Въ зрѣлый періодъ своего творчества Шекспиръ любилъ ставить себѣ психилогическія проблеммы и рѣшать ихъ путемъ драматическимъ. Въ „Отелло“, „Зимней Сказкѣ“, „Цимбеллинѣ“ и „Троилѣ и Крессидѣ“ онъ далъ намъ психологію различныхъ видовъ ревности; въ „Коріоланѣ“—психологію гордости, въ „Макбетѣ“ — психологію честолюбія и въ „Тимонѣ“—психологію мизантропіи. Въ „Королѣ Лирѣ“ Шекспиръ повидимому поставилъ своею цѣлью—изучить вліяніе ударовъ судьбы и вообще страданій на характеръ человѣка. Чтобъ сдѣлать своего героя интереснѣе для зрителя, поэтъ надѣлилъ его личнымъ величіемъ и колоссальными силами духа. Лиръ принадлежитъ къ числу тѣхъ мощныхъ, титаническихъ натуръ, у которыхъ страсти разыгрываются сильнѣе и грандіознѣе, чѣмъ у обыкновенныхъ смертныхъ. Онъ одинаково великъ какъ въ гнѣвѣ, такъ и въ милости, проклятіяхъ и любви. Одурманенный всеобщимъ поклоненіемъ и лестью, всемогущій монархъ серьезно возмнилъ себя высшимъ организмомъ въ сравненіи съ другими людьми. Онъ не выноситъ никакихъ противорѣчій; онъ гордъ, капризенъ и деспотиченъ. И вотъ на такую то властную, не знающую никакого удержу, натуру сразу обрушивается цѣлый рядъ несчастій, униженій и разочарованій. Неблагодарныя дочери, которымъ онъ отдалъ царство, оскорбляютъ его, какъ отца, и унижаютъ, какъ короля. Глубоко возмущенный ихъ непочтительнымъ обращеніемъ, маститый король поспѣшно оставляетъ замокъ Реганы и въ сопровожденіи шута и вѣрнаго Кента блуждаетъ всю ночь по степи подъ проливнымъ дождемъ, при ревѣ бури и блескѣ молній. Онъ молитъ боговъ дать ему силу перенести нанесенныя ему оскорбленія:

Отцы вы тайте силу,
Закипи гордый гнѣвъ во мнѣ, не дайте
Мнѣ обезумѣть передъ оскорбленьемъ.

Лиръ чувствуетъ, что нравственное равновѣсіе его нарушено, что безуміе надвигается на него подобно тучѣ. „Шутъ мой!—говоритъ онъ:—я съ ума сойду!“ Весь третій актъ посвященъ безумію Лира, которое постепенно проходитъ всѣ стадіи, свойственныя острому помѣшательству. Психіатры до сихъ поръ спорятъ о томъ, каковъ былъ источникъ помѣшательства

Лира—интеллектуальный или эмоціональный? Поставивъ душевную болѣзнь своего героя въ тѣсную связь съ необычайными нравственными страданіями, потрясшими всю его нервную систему, Шекспиръ этимъ ясно показалъ, что помраченіе разума у Лира произошло не вслѣдствіе старческаго ослабленія разсудка, а было вызвано поведеніемъ неблагодарныхъ дочерей. Равнымъ образомъ до сихъ поръ не улеглись споры о томъ, какимъ путемъ Шекспиръ пріобрѣлъ психіатрическія познанія, точностью которыхъ такъ восхищаются ученые: путемъ-ли непосредственнаго наблюденія или посредствомъ свойственнаго всякому истинному художнику и основаннаго на тонкомъ самонаблюденіи внутренняго наитія. Но какъ далеко ни расходятся взгляды психіатровъ на оба эти вопроса, всѣ они согласны въ томъ, что Шекспиръ въ своей трагедіи далъ намъ поразительно-вѣрную картину прогрессивнаго помѣшательства Лира, начиная отъ первыхъ симптомовъ его, выражавшихся въ боязни сойти съ ума до полнаго пароксизма, сопровождаемаго потерей сознанія, галлюцинаціями и т. д. Но точность изображенія душевной болѣзни не стояла для Шекспира на первомъ планѣ; для него, какъ психолога и драматурга, было гораздо важнѣе прослѣдить шедшее параллельно съ помѣшательствомъ нравственное возрожденіе Лира, просвѣтленіе его совѣсти идеалами альтруизма и гуманности. Уже въ началѣ III акта, когда самъ Лиръ замѣчаетъ, что разумъ его меркнетъ, имъ овладѣваетъ сожалѣніе о промокшемъ подобно ему самому шутѣ, въ которомъ онъ, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни видитъ подобнаго себѣ человѣка:

Мнпается мол умь.
Пойдемъ, мол другъ! Что, холодно тебѣ-
Я самъ озябъ... Или, дуракъ мол бѣдный,
Иди за мной. Я чувствую, что въ сердцѣ
Моемъ есть жалость. Я тебя жалѣю.

Испытавъ на себѣ самомъ, что значитъ бѣдность и лишенія, царственный страдалецъ начинаетъ относиться съ глубокимъ сочувствіемъ къ несчастіямъ ближнихъ и жалѣетъ о нагихъ бѣднякахъ, которымъ суждено провести такую бурную ночь:

Съ пустымъ желудкомъ, въ рубищѣ дырявомъ;
Безъ крова надъ бездомной головою.
Кто защититъ васъ, обѣднымъ! Какъ мало
Объ немъ думалъ я.

По мѣрѣ того, какъ меркнетъ свѣточъ разума у Лира, разгорается все ярче и ярче свѣточъ его великаго, любвеобильнаго сердца. Все добро, лежавшее на днѣ его души, всплываетъ наружу, всѣ лучшія стороны его характера достигаютъ изумительно-быстраго развитія. Лиръ, такъ сказать, встаетъ во весь свой нравственный ростъ и изъ устъ его льются рѣчи, необычныя въ устахъ королей:

Сквозь рубище худое
Порокъ ничтожный ясно виденъ глазу.
Подъ шубой парчевою нѣтъ порока!
Закуй злодѣя въ золото, стальное
Копье закона сломится безвредно,
Одѣнь его въ лохмотья—и погибнетъ
Онъ отъ пустой соломинки пигмея
Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ! Нѣтъ! я знаю!
Я заступлюсь за всѣхъ зажму я рты
Доносчикамъ..

Сознавъ свое родство съ людьми, убѣдившись, что человѣкъ по своей природѣ есть не что иное, какъ бѣдное, голое, двуногое животное, Лиръ торопится сбросить съ себя мишурные атрибуты прежняго величія и со словами: „Прочь съ меня все чужое!“ срываетъ съ себя царскія одежды. Возрожденіе Лира совершилось и недавній деспотъ и самодуръ, топтавшій своими ногами личность милліоновъ людей, превратился въ философа и человѣколюбца. Высшаго нравственнаго просвѣтленія личность Лира достигаетъ въ тѣхъ сценахъ, гдѣ онъ встрѣчается съ Корделіей. Когда до Лира дошли слухи объ ея прибытіи въ Англію, онъ, чувствуя свою глубокую вину передъ нею, первоначально избѣгалъ встрѣчи съ нею. Но вотъ его, больного, помѣшаннаго, переносятъ въ ея палатку. Утомленный большимъ переходомъ, онъ быстро и крѣпко засыпаетъ. На этотъ сонъ сильно разсчитывалъ докторъ; на немъ основывалъ онъ свою надежду на исцѣленіе короля, который долженъ придти въ сознаніе, увидя себя въ прежней обстановкѣ. Раздаются тихіе звуки музыки; Лиръ просыпается; постель его окружаютъ, какъ въ былые дни могущества и славы, толпы придворныхъ, ждущихъ его приказаній; у изголовья постели стоитъ, вся превратившись въ ожиданіе и едва сдерживая свои рыданія, Корделія. Когда Лиръ увидалъ ту, передъ которой онъ былъ такъ сильно виноватъ, когда онъ

услышалъ ея нѣжный голосъ, не укоряющій, но полный любви и прощенія, онъ невольно преклонилъ передъ ней колѣни, какъ передъ свѣтлымъ ангеломъ. Съ этой минуты прекращается помѣшательство Лира. Но хотя Лиръ возвратилъ свой разумъ, онъ относится безучастно ко всему, что не Корделія. Пораженіе французскаго войска, плѣнъ Корделіи и его самого не производитъ на него никакого впечатлѣнія. Онъ думаетъ о томъ, какъ ему будетъ хорошо въ темницѣ съ Корделіей, какъ онъ будетъ благословлять ее и просить у нея прощенія. Когда же Корделія по приказанію Эдмунда погибаетъ, Лиръ убиваетъ ея палача и умираетъ, склонившись надъ ея бездыханнымъ трупомъ.

Минуя второстепенныя лица, прекрасно охарактеризованныя въ русской шекспировской литературѣ Дружининымъ въ статьѣ, предпосланной его переводу „Короля Лира", я остановлюсь подробнѣе на интересной личности шута. Профессіональные шуты существовали въ Англіи въ жизни и на сценѣ задолго до Шекспира. Подобно нашимъ юродивымъ, они искони пользовались любовью публики, которая видѣла въ нихъ глашатаевъ правды и представителей свободнаго слова. То, чего нельзя было высказать никому подъ страхомъ суровой кары, то позволялось человѣку, прикидывавшемуся дуракомъ и носившему пестрый костюмъ и шапку съ погремушками. Вліяніе этихъ людей въ тѣ времена было немалое. Не даромъ меланхоликъ Джэкъ (въ комедіи „*Какъ Вамъ это понравится*") проситъ герцога позволить ему нарядиться въ костюмъ шута, чтобъ вычистить грязный желудокъ міра. Пользуясь въ силу своей профессіи сравнительной безопасностью, шуты не останавливались ни передъ чѣмъ. Они смѣло хлестали своимъ бичомъ всѣ общественные пороки и всѣ смѣшныя стороны современности. Нерѣдко они притягивали къ своему шутовскому трибуналу не только дворъ, аристократію и парламентъ, но и самихъ королей. Извѣстно, что Тарльтонъ, актеръ и придворный шутъ королевы Елизаветы, осмѣлился однажды публично намекнуть на близость королевы къ своему любимцу, сэру Вальтеру Рэлею. „Смотрите—сказалъ онъ, указывая пальцемъ на Рэлея,—вѣдь малый-то не промахъ: онъ командуетъ королевой!" Несмотря на всю эту безнаказанность, положеніе шутовъ въ обществѣ было самое незавидное. Они почти не считались за людей; имъ бросали подачку, какъ собакамъ, и ихъ били хлыстомъ, какъ провинившуюся собаку. Еще Даусъ замѣтилъ, что у Шекспира встрѣчается два типа шутовъ: клоуны (clowns) и профессіональные шуты или дураки (fools). Клоуны—это наивные и почти безсознательные юмористы, которые потѣшаютъ публику, даже не желая потѣшать. Таковы актеры-ремесленники въ комедіи „*Сонъ въ Иванову ночь*"; таковы могильщики въ „Гамлетѣ"; таковъ привратникъ въ „Макбетѣ", который, по его словамъ, терпѣть не можетъ водки и потому истребляетъ ее; таковъ придурковатый крестьянинъ, принесшій Клеопатрѣ змѣю и ядъ. Подъ fools разумѣются шуты по профессіи, жившіе при дворѣ короля, или вельможи, люди умные, которые прикидывались дурачками и надѣвали на свою голову дурацкій колпакъ, чтобъ жить весело, безъ труда и по временамъ говорить въ глаза людямъ такую правду, какой кромѣ ихъ никто не могъ сказать. Шутовъ этого рода въ пьесахъ Шекспира всего шесть. Таковъ, напримѣръ, шутъ графини Руссильйонской, французъ Лавашъ (въ комедіи „*Конецъ всему дѣлу вѣнецъ*), веселый и остроумный и подчасъ ѣдкій на языкъ, умъ котораго шипитъ и пѣнится какъ шампанское, и который преисполненъ величайшаго самомнѣнія: „я пророкъ, графиня, я всегда говорю правду безъ всякихъ обиняковъ". Другого рода шутъ Фестъ въ комедіи „*Двѣнадцатая ночь*". Онъ не напускаетъ на себя никакой важности, не считаетъ себя пророкомъ, не говоритъ никакихъ ядовитостей; это веселый малый, функція котораго состоитъ въ томъ, чтобъ смѣшить Оливію своими шуточками, бражничать съ сэромъ Тоби, пѣть пѣсни, да дурачить мрачнаго Мальволіо. Онъ—воплощеніе веселости и остроумія и надѣлъ шутовской костюмъ, чтобъ дать просторъ этимъ качествамъ своей природы. Подкладка его остроумія очень не глубока. Для него, какъ для человѣка, одареннаго врожденной способностью подмѣчать смѣшное, многое въ жизни кажется смѣшнымъ и глупымъ, а неистощимая веселость только развиваетъ въ немъ это чувство. Гораздо сложнѣе и замысловатѣе личность шута Тачстона или Оселка въ комедіи „*Какъ Вамъ это понравится*". Дѣйствующія лица высказываютъ о немъ самыя противоположныя мнѣнія. Герцогъ убѣжденъ, что онъ употребляетъ свою глупость, какъ щитъ, изъ-за котораго ему удобнѣе мѣтко стрѣлять своимъ остроуміемъ,—Джэкъ видитъ въ немъ клоуна, начинившаго свой сухой умъ разными странными

замѣтками и изреченіями. Розалинда и Целія считаютъ его природнымъ дуракомъ, тупость котораго служитъ оселкомъ для остроумія другихъ. Что не такъ смотритъ на него поэтъ, видно изъ того, что въ уста его вложены весьма умныя разсужденія о пастушеской жизни, въ которыхъ такъ и хочется видѣть взгляды самого Шекспира. У него есть своя философія, точка отправленія которой состоитъ въ томъ, что всѣ люди въ большей или меньшей степени дураки, а комизмъ заключается въ томъ, что люди, считающіе себя умными, не знаютъ, что въ сущности они такіе же дураки, какъ и всѣ остальные.

Совершенно особое положеніе въ ряду шекспировскихъ шутовъ занимаетъ шутъ въ „Королѣ Лирѣ“. Здѣсь Шекспиръ впервые рискнулъ ввести шута въ самый разгаръ трагическаго дѣйствія, сдѣлалъ его спутникомъ короля въ самыя трудныя минуты его жизни, заставилъ его истерзать сердце Лира, постоянно пробуждая въ немъ сознаніе сдѣланной имъ по отношенію къ Корделіи несправедливости. Для этой цѣли Шекспиръ снабдилъ его замѣчательнымъ здравымъ смысломъ, большимъ знаніемъ людей и ѣдкой ироніей. Шутъ короля Лира—это не веселый шутъ въ родѣ Феста или Оселка, которые могутъ разогнать тоску своими забавными выходками; это озлобленный и мрачный пессимистъ, который своими унылыми остротами и своими язвительными насмѣшками надъ несчастнымъ королемъ не смягчаетъ, а скорѣе усиливаетъ мрачное впечатлѣніе, производимое пьесой. Не даромъ Лиръ называетъ его горькимъ шутомъ. Даже когда онъ пытается развлечь своего повелителя и отшутить тоску его, его шутки достигаютъ совершенно противоположнаго результата. Шутъ такъ подавленъ настоящимъ, что не можетъ отвлечься отъ него. Всѣ его остроты направлены къ тому, чтобы терзать совѣсть короля; онъ постоянно возвращается къ одной и той же темѣ, что Лиръ поступилъ крайне глупо, отдавши свое королевство Реганѣ и Гонерильѣ, и крайне несправедливо, оттолкнувши отъ себя вѣрную и любящую Корделію. Въ его шуткахъ и остротахъ есть извѣстная методичность. Этой методичностью онъ главнымъ образомъ и отличается отъ другихъ шутовъ, которые острятъ вдоль и поперекъ по поводу всего, что они видятъ передъ собою. Эта методическая язвительность привела нѣкоторыхъ комментаторовъ Шекспира къ мнѣнію, что въ исполненныхъ горькой ироніи остротахъ шута невольно проявляется чувство торжества и даже нѣкоторое злорадство, когда онъ видитъ, что Лиръ, котораго онъ привыкъ считать чуть не полубогомъ, въ сущности такъ же несчастенъ и безпомощенъ, какъ онъ самъ. Намъ кажется, что это мнѣніе не выдерживаетъ строгой критики. Хотя шуту короля Лира, какъ и всякому шуту, приходилось вытерпѣть многое и быть битымъ, что называется, ни за что, ни про что *), но источникъ его язвительныхъ выходокъ не злорадство. Изъ пьесы видно, что шутъ любитъ короля, преданъ безкорыстно ему и Корделіи; одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ, что онъ исхудалъ съ тѣхъ поръ, какъ Корделія удалилась во Францію. Источникъ его язвительныхъ остротъ по адресу Лира не злорадство, а возмущенное безумнымъ поведеніемъ короля чувство правды и любовь къ Корделіи. Кромѣ того не нужно упускать изъ виду, что ѣдкія выходки шута необходимы для того, чтобъ лучше оттѣнить личность короля и указать на то, что должно происходить въ его душѣ. Трудно себѣ представить болѣе сильный урокъ человѣческой гордости, какъ та сцена, когда король Лиръ съ своимъ шутомъ блуждаютъ подъ проливнымъ дождемъ въ степи, не находя себѣ пріюта, одинаково несчастные и одинаково безпомощные! Несчастіе сразу уравняло ихъ соціальное положеніе и привело ихъ къ убѣжденію, что оба они суть не что иное, какъ бѣдныя, голыя, двуногія животныя. Несмотря на важное значеніе шута для характеристики Лира, роль его въ ходѣ дѣйствія все-таки второстепенная и въ концѣ третьяго акта, когда въ шутѣ уже не представляется надобности, онъ исчезаетъ безслѣдно. Попытка сдѣлать шута настоящимъ героемъ драмы и двигателемъ драматическаго дѣйствія относится къ болѣе позднему времени и впервые осуществлена на англійской сценѣ однимъ изъ младшихъ современниковъ Шекспира, Самуиломъ Роули.

Разсматриваемая съ эстетической точки зрѣнія трагедія Шекспира обнаруживаетъ уже вполнѣ созрѣвшій талантъ драматурга. По словамъ Гейне, здѣсь геній Шекспира взлетаетъ на самую головокружительную высоту. Гэзлитъ и Тэнъ Бринкъ признаютъ ее лучшей изъ пьесъ Шекспира, а первый сверхъ того считаетъ дерзостью описаніе

*) «Между тобой и твоими дочерьми—говоритъ шутъ Лиру—есть таки фамильное сходство: тѣ меня бьютъ, когда я говорю правду, а ты хочешь быть, когда я лгу».

того впечатлѣнія, которое она производитъ на человѣческую душу. Одинъ изъ новѣйшихъ критиковъ, Доуденъ, провозглашаетъ „Короля Лира“ величайшимъ продуктомъ германскаго генія. Дѣйствительно, въ силѣ трагическаго паѳоса, возрастаніи драматическаго интереса, мастерскомъ веденіи сценъ и художественной обрисовкѣ характеровъ „Лиръ“ не уступитъ ни одной изъ великихъ трагедій Шекспира. Но обладая громадными драматическими достоинствами, пьеса Шекспира не свободна отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, которыхъ мы не встрѣтимъ ни въ „Макбетѣ“, ни въ „Отелло“. Недостатки эти состоятъ въ мотивированіи дѣйствія, которое заставляетъ желать многаго. Первая сцена, напримѣръ, заключающая въ себѣ экспозицію дѣйствія, зерно, изъ котораго оно выростаетъ, совершенно лишена разумной мотивировки и оттого кажется мало вѣроятной. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобъ находящійся въ здравомъ умѣ отецъ могъ оттолкнуть отъ себя любимую дочь только за то, что она не хотѣла уступить его капризу и перещеголять своихъ сестеръ въ высокопарномъ выраженіи своей любви къ нему, и Гете былъ правъ, находя эту сцену нелѣпой. Правда, психіатрія объясняетъ ее тѣмъ, что съ этой сцены начинается помѣшательство Лира, но признать Лира съ самаго начала пьесы кандидатомъ въ сумасшедшій домъ значило бы оказаться слѣпымъ передъ замысломъ поэта, хотѣвшаго поставить помѣшательство Лира въ связь съ обрушившимися на него бѣдствіями. Есть еще другое толкованіе этой сцены, принадлежащее Гервинусу, который пытается объяснить неразумное требованіе Лира капризомъ стараго самодержца, избалованнаго многолѣтней лестью и поклоненіемъ, фантазіямъ котораго никто не смѣлъ противорѣчить. Но и это объясненіе не выдерживаетъ критики, ибо какъ ни привыкъ маститый король къ безпрекословному исполненію его капризовъ, все же онъ, какъ отецъ, долженъ былъ знать характеръ своихъ дочерей, въ особенности своей любимицы Корделіи; съ другой стороны и она, зная деспотическій и капризный характеръ нѣжнолюбимаго отца, вѣроятно уступила бы ему, если не изъ боязни лишиться наслѣдства, то изъ страха огорчить его. Если она поступила иначе, то главнымъ образомъ потому, что этотъ капризъ былъ необыченъ и притомъ обставленъ странными условіями. По нашему мнѣнію, единственное объясненіе этой сцены состоитъ въ томъ, что она была навѣяна подобной же сценой въ старинной пьесѣ о Лирѣ, послужившей источникомъ для Шекспира. Подобная же слабость мотивировки замѣчается и въ эпизодѣ о Глостерѣ и его сыновьяхъ. Нельзя достаточно надивиться искусству, съ которымъ Шекспиръ слилъ двѣ семейныя драмы, изъ которыхъ одна происходитъ въ семьѣ Лира, а другая въ семьѣ Глостера, въ одну потрясающую трагедію отцовскаго самодурства и дѣтской неблагодарности. Но и здѣсь всему повредила слабость мотивировки дѣйствія. Съ трудомъ вѣрится, чтобъ Глостеръ, ни разу не имѣвшій случая сомнѣваться въ любви своего законнаго сына Эдгара, могъ на основаніи наговора Эдмунда и предъявленнаго имъ подложнаго письма навсегда разорвать съ сыномъ, даже не сдѣлавъ попытки лично объясниться съ нимъ. Оправданіе этого эпизода съ художественной точки зрѣнія невозможно; подобно исторіи ссоры Лира съ Корделіей, онъ имѣетъ сказочный характеръ и не производитъ иллюзіи. Не мало толковъ возбудила развязка трагедіи. Какъ въ хроникѣ, такъ и въ старинной драмѣ войска Корделіи разбиваютъ на голову соединенные отряды Реганы и Гонерильи; Лиръ снова возводится на престолъ Англіи, царствуетъ два года и умираетъ, дѣлая Корделію своей наслѣдницей. Чѣмъ же руководствовался Шекспиръ, замѣнивъ эту оптимистическую и нравоучительную развязку другой развязкой, гдѣ коварство и зло торжествуютъ надъ добромъ и справедливостью, гдѣ Корделія погибаетъ отъ руки палача, задушившаго ее въ тюрьмѣ, а Лиръ умираетъ отъ скорби по ней? Не объясняется-ли это пессимистическимъ настроеніемъ, овладѣвшимъ поэтомъ въ эпоху созданія „Лира“, которое нашло свой отголосокъ въ сонетахъ и въ написанномъ около того же времени „Макбетѣ?“ Внутренняя жизнь Шекспира такъ мало извѣстна, что на этотъ вопросъ нельзя дать рѣшительнаго отвѣта. Вѣроятно, не малую роль играли въ этомъ случаѣ и соображенія сценическія, ибо не умри Корделія отъ руки палача и пьеса была бы лишена потрясающей сцены, когда Лиръ выходитъ къ публикѣ, неся на рукахъ мертвую дочь. Нѣмецкая философская критика пыталась объяснить трагическій исходъ пьесы необходимостью погубить Корделію для вящшаго торжества принципа поэтической справедливости. Но дѣйствительно-ли этотъ принципъ требуетъ себѣ такихъ невинныхъ жертвъ? Въ свѣтломъ сонмѣ идеальныхъ

женскихъ типовъ, созданныхъ геніемъ Шекспира, едва-ли найдется личность болѣе симпатичная, чѣмъ Корделія. Честная и правдивая, она способна къ самой сильной и самоотверженной любви. Она выказываетъ столько нѣжности и привязанности къ кругомъ виновному передъ ней отцу, что послѣдній преклоняетъ передъ ней колѣни, какъ передъ свѣтлымъ ангеломъ. По какой же статьѣ кодекса поэтической справедливости эта идеальная личность должна быть обречена на гибель? Въ чемъ ея трагическая вина? Отвѣчая на этотъ вопросъ, нѣмецкая критика постоянно прибѣгала ко всякаго рода софизмамъ и ухищреніямъ. По мнѣнію Ульрици, Корделія должна поплатиться за проступокъ, совершенный ею въ началѣ драмы, когда она, вмѣсто того чтобъ уступить капризу престарѣлаго отца, отвѣтила ему съ не дѣтской строптивостью и его отчасти необдуманный образъ дѣйствій встрѣтила жестко и сурово. За это проклятіе отца тяготѣетъ надъ ней и влечетъ ее къ гибели. Подобныя объясненія едва-ли даже заслуживаютъ опроверженія, ибо Корделія не уступила капризу отца именно вслѣдствіе прямоты и честности своей натуры, не способной къ льстивымъ и высокопарнымъ выраженіямъ чувствъ, да еще публично и съ разсчетомъ на обѣщанную награду. Выходитъ, что то, что составляетъ главную прелесть ея характера, составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ея трагическую вину, которую она должна искупить смертью. По мнѣнію Ретшера, Корделія заслужила смерть, потому что вторгнулась съ иностраннымъ войскомъ въ предѣлы родной страны; вслѣдствіе этого Шекспиръ долженъ былъ погубить ее, какъ англичанинъ и патріотъ. Но критикъ забываетъ, что здѣсь дѣло идетъ не о патріотизмѣ и политикѣ, а о нравственной справедливости. Корделія вторгнулась съ французскимъ войскомъ въ Англію не для завоеванія страны и подчиненія ея Франціи, а съ тѣмъ, чтобы возстановить права на престолъ своего несчастнаго отца, стало быть она стояла за правое дѣло и никакой трагической вины за ней не числится *).

Древнѣйшимъ исполнителемъ роли Лира въ пьесѣ Шекспира былъ личный другъ Шекспира, собственникъ театра Глобусъ и лучшій трагическій актеръ того времени Ричардъ Борбеджъ; въ XVII в. въ ней имѣлъ успѣхъ Беттертонъ, а въ XVIII в. роль Лира была одной изъ лучшихъ ролей въ репертуарѣ знаменитаго Гаррика. Особенно былъ хорошъ Гаррикъ въ изображеніи безумія Лира въ третьемъ актѣ. Игра его не была результатомъ одного внутренняго наитія; главную роль играло въ ней изученіе дѣйствительнаго помѣшательства. У Гаррика былъ пріятель, который, стоя возлѣ окна игралъ со своей двухлѣтней дочерью, и по неосторожности какъ-то выпустилъ ее изъ рукъ. Малютка упала на вымощенный камнемъ дворъ и убилась до смерти. Увидя, что дочь мертва, отецъ упалъ безъ чувствъ и лишился разсудка. Онъ жилъ только прошедшимъ; ежедневно онъ садился у окна и игралъ съ воображаемымъ ребенкомъ, ежедневно дѣлалъ видъ, что выпустилъ его изъ рукъ, плакалъ, терзался, потомъ опускался въ кресло и, устремивъ взоръ на какой нибудь предметъ, впадалъ въ глубокую

*) Взгляды нѣмецкой критики на развязку „Лира“ подробно разобраны въ моей статьѣ: *Шекспировская критика въ Германіи*. См. *Опыты изученія Шекспира*. Москва 1902, стр. 13—55.

Приводимъ изъ нея то, что касается взглядовъ Ульрици и Ретшера. Не довольствуясь приведеннымъ выше объясненіемъ смерти Корделіи, Ульрици дѣлаетъ новую и еще болѣе неудачную попытку вывести необходимость ея гибели изъ эстетическихъ соображеній, изъ придуманныхъ имъ ad hoc законовъ трагическаго паѳоса. Онъ сознается, что проступокъ Корделіи не былъ особенно важенъ, по тѣмъ меньше проступокъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствіе трагическаго паѳоса. Сила его состоитъ въ томъ, что онъ обрекаетъ на гибель и добро, если оно хоть немного уклонилось отъ своей природы и самое отъявленное зло. Къ такимъ парадоксамъ приходится каждый разъ прибѣгать философской критикѣ, если она во что бы то ни стало хочетъ отстоять идею поэтической справедливости у Шекспира. Отказаться же отъ этой идеи она не имѣетъ силъ, потому что тогда падутъ сами собою такъ бережно лелѣемыя ею ученія о нравственномъ устроеніи міра (moralische Weltordnung), гармоніи нравственныхъ началъ, которымъ она обязана своимъ существованіемъ. Ульрици упорно вѣритъ въ существованіе неразрушимой гармоніи между зломъ и наказаніемъ, добродѣтелью и наградой даже въ этомъ мірѣ и не можетъ допустить, чтобы въ драмѣ, которая считается отраженіемъ жизни, могло быть допущено даже временное торжество зла и неправды. Если добро гибнетъ, значитъ оно не вполнѣ добро, значитъ на немъ есть пятна, которыя должны быть смыты тяжелымъ испытаніемъ и даже смертію. Если въ сужденіяхъ Ульрици преобладаетъ нравоучительный элементъ, то въ сужденіяхъ Ретшера замѣтно рѣшительное преобладаніе элемента философскаго. По мнѣнію Ретшера сущность Венеціанскаго купца состоитъ въ раскрытіи діалектики абстрактнаго права, а сущность Ромео и Юліи въ неизбѣжномъ столкновеніи паѳоса любви, составляющаго душу трагедіи, съ силой ему противоположной. Онъ отыскиваетъ трагическую раз-

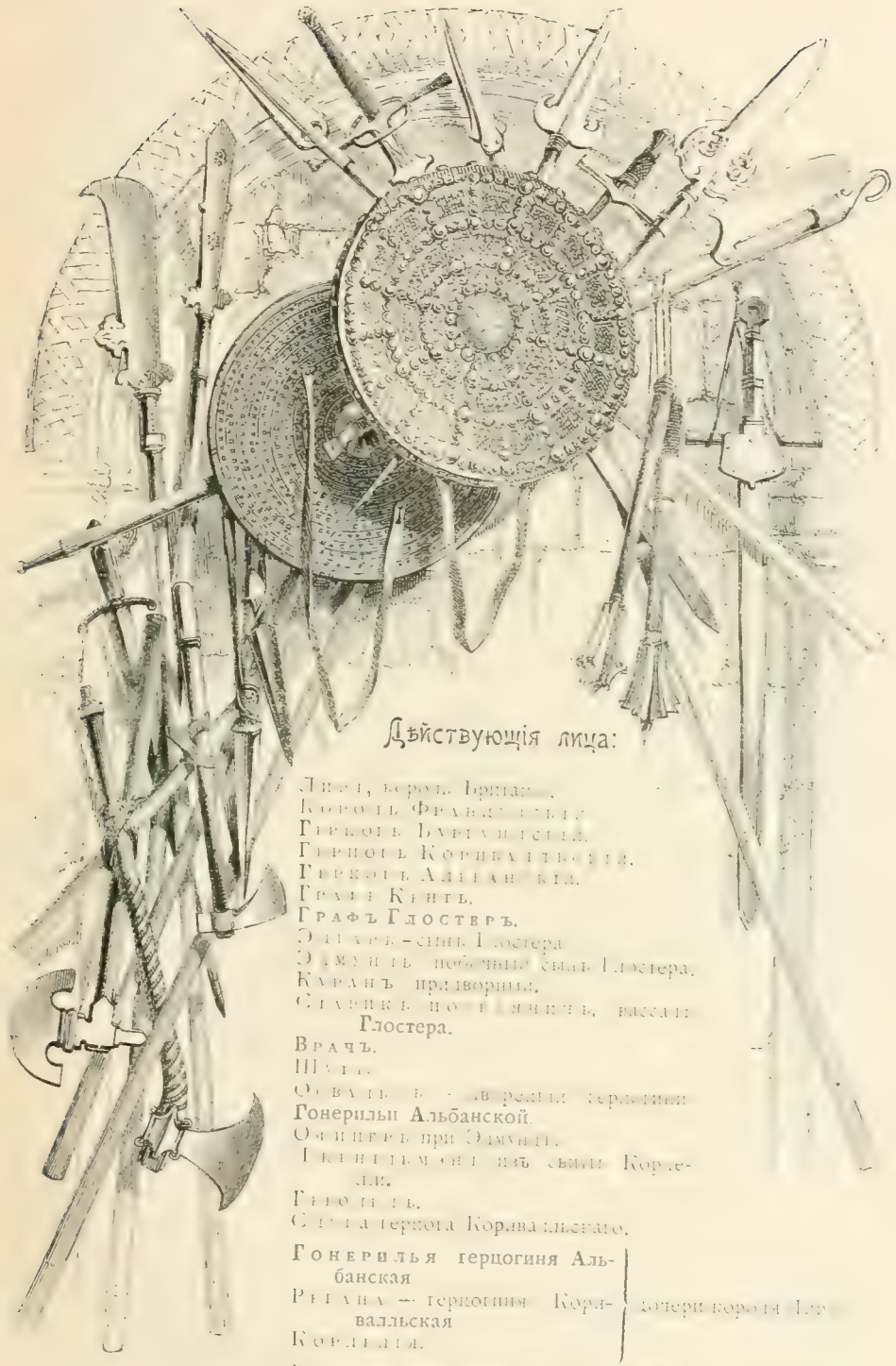
задумчивость; по временамъ онъ водилъ свой взоръ кругомъ, какъ бы умоляя о состраданіи къ нему. Посѣщая друга, Гаррикъ имѣлъ случай не разъ наблюдать эту сцену и, по его собственному признанію, онъ былъ обязанъ ей своимъ успѣхомъ въ „Королѣ Лирѣ". 24 апрѣля 1820 г. Кинъ впервые выступилъ въ роли Лира въ Друриленскомъ театрѣ. Уступая Гаррику въ силѣ трагическаго паѳоса, Кинъ превосходилъ его тонкой отдѣлкой деталей роли, которую онъ постоянно совершенствовалъ, изучая душевно-больныхъ въ лондонскихъ госпиталяхъ. Онъ до того слился со своей ролью, что передъ представленіемъ говорилъ друзьямъ: „Я постараюсь публику сдѣлать такой же безумной, какъ я самъ". По словамъ лицъ, видавшихъ Кина въ роли Лира, мимика его была неподражаема. По мѣрѣ того какъ Лиромъ овладѣвало безуміе, взглядъ Кина дѣлался все болѣе и болѣе вопросительнымъ; онъ тщательно приглядывался къ предметамъ, словно передъ его глазами происходило нѣчто странное и необычное; при этомъ монотонность его голоса и слабое раскачиваніе всего тѣла указывали на смутно-фантастическое настроеніе ума, тщетно старающагося войти въ прежнюю колею и найти самого себя. По временамъ на его лицѣ появлялась какая-то на половину жалкая улыбка, глядя на которую трудно было удержаться отъ слезъ. Если сцена проклятія дочери была проведена съ потрясающей энергіей, заставлявшей дрожать публику, то встрѣча съ Корделіей, передъ которой царственный страдалецъ преклоняетъ колѣни, умиляла ее до слезъ. Лучшимъ исполнителемъ роли Лира въ Германіи считался Девріентъ. Средства его были далеко не велики; онъ былъ небольшого роста; въ походкѣ его и осанкѣ не было ничего величаваго, голосъ его былъ довольно слабъ и въ сильныхъ мѣстахъ переходилъ въ рѣзкій крикъ. Но всѣ эти недостатки съ избыткомъ искупались его чудной мимикой и необыкновенными глазами, способными отражать въ себѣ самые незначительные оттѣнки чувствъ.—Самымъ прославленнымъ исполнителемъ роли Лира въ Италіи былъ хорошо извѣстный Москвѣ и Петербургу покойный Эрнесто Росси. Кто хоть разъ видѣлъ знаменитаго трагика въ этой роли, навсегда уносилъ съ собою величаво эпическій образъ царственнаго страдальца, одинаково великаго, какъ въ гнѣвѣ и проклятіяхъ, такъ и въ безуміи и любви. Росси имѣлъ всѣ внѣшія средства, необходимыя для успѣшнаго исполненія этой роли: величественную наружность, пылкій темпераментъ, прекрасную мимику и чудный, гибкій, проникающій въ душу голосъ. Остается пожалѣть, что уже въ первой сценѣ, увлеченный мнѣніемъ психіатровъ, Росси изображалъ Лира полусумасшедшимъ старикомъ и тѣмъ отнималъ у послѣдующаго безумія Лира трогательный характеръ. Когда его упрекали въ этомъ, онъ обыкновенно отвѣчалъ, что это было единственное средство сохранить психологическую цѣльность характера Лира. Въ противоположность Росси, другой великій итальянскій трагикъ Сальвини изображаетъ Лира совершенно нормальнымъ. Въ самомъ фактѣ раздѣла царства онъ видитъ благородный поступокъ довѣрчиваго отца, которому и въ голову не приходило, что дѣти могутъ отплатить ему неблагодарностью. Но Сальвини этимъ не ограничивается. Онъ отрицаетъ помѣшательство Лира даже въ третьемъ актѣ, когда самъ Лиръ замѣчаетъ, что умъ его мѣшается, и объясняетъ безумныя рѣчи и поступки Лира его болѣзнью, т. е. схваченной имъ подъ проливнымъ дождемъ горячкой, которая можетъ сопровождаться и бредомъ, и галлюцинаціями. По мнѣнію Сальвини, актеръ, играющій Лира, долженъ поставить своей главной задачей изобразить постепенное ослабленіе и физическихъ, и

связку пьесы въ силу того, что смерть героевъ трагедіи освобождаетъ ихъ чувства отъ исключительности и односторонности, неразлучной съ истинно-трагическимъ паѳосомъ и утѣшаетъ себя въ смерти Ромео и Юліи тѣмъ, что она сдѣлалась почвой примиренія между ихъ родными и тѣмъ пріобрѣла возвышенное значеніе жертвы для цѣлости нравственнаго міра. Также далеко отъ истины Ретчерово объясненіе смерти Корделіи. Онъ упрекаетъ Шлегеля въ томъ, что послѣдній считалъ смерть Корделіи только средствомъ, необходимымъ для развязки трагедіи ибо „Лиръ, вынесшій такъ много въ жизни, только вслѣдствіе смерти Корделіи могъ умереть трагически и думаетъ, что въ ней самой, въ ея отношеніяхъ къ этому міру, должно заключаться оправданіе ея гибели. По его словамъ, Корделія, появленіе которой смягчило ея отца подобно видѣнію кроткаго ангела, въ присутствіи которой душа великаго страдальца не только обрѣла забвеніе прошлаго, но и ощутила несказанное блаженство,—тѣмъ самымъ исполнила задачу своего существованія и должна умереть. Очевидно, что и здѣсь Корделія является только средствомъ. По этому поводу Арнольдъ Руге остроумно замѣтилъ, что Шлегель объясняетъ смерть Корделіи по крайней мѣрѣ изъ художественныхъ цѣлей, между тѣмъ какъ Ретчеръ видитъ въ Корделіи нѣчто въ родѣ мускуса, необходимаго чтобы смягчить страданія ея отца.

умственныхъ силъ въ престарѣломъ королѣ. Въ первомъ актѣ Лиръ еще величавый и властный король, передъ которымъ все дрожитъ и который не признаетъ другой воли кромѣ своей; во второмъ онъ не столько король, сколько отецъ, сердце котораго разбито неблагодарностью и безсердечіемъ дочерей; въ третьемъ физическія и умственныя силы его слабѣютъ и вмѣсто короля и отца передъ нами больной и нравственно-истерзанный немощный старикъ. По мнѣнію Сальвини, эти три фазиса въ развитіи характера Лира должны быть рельефно изображены въ игрѣ актера, и чѣмъ у него сильнѣе выразится постепенное ослабленіе его личности, тѣмъ игра его будетъ ближе къ совершенству. Давая подобныя наставленія исполнителю роли Лира, Сальвини, повидимому, не подозрѣвалъ, что при такой постановкѣ вопроса трагедія Шекспира утратитъ свой глубокій смыслъ и свое высоконравственное значеніе.

Н. Стороженко.

Древне-британскіе (англо-саксонскіе) воины. Рисунокъ XI вѣка.



Дѣйствующія лица:

Лиръ, король Британіи.
Король Франціи.
Герцогъ Бургундскій.
Герцогъ Корнвалльскій.
Герцогъ Альбанскій.
Графъ Кентъ.
Графъ Глостеръ.
Эдгаръ — сынъ Глостера.
Эдмундъ — побочный сынъ Глостера.
Куранъ — придворный.
Старикъ — отецъ Эдмунда, вассалъ Глостера.
Врачъ.
Шутъ.
Офицеръ — служитель герцогини **Гонерильи Альбанской.**
Офицеръ при Эдмундѣ.
Джентльменъ изъ свиты Корделіи.
Гонецъ.
Слуга герцога Корнвалльскаго.

Гонерилья герцогиня Альбанская
Регана — герцогиня Корнвалльская
Корделія.

} дочери короля Лира.

Рыцари изъ свиты Лира, офицеры, гонцы, воины и свита.

Дѣйствіе въ Британіи.

ЛИРЪ ОТРЕКАЕТСЯ ОТЪ КОРДЕЛІИ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Тронная зала во дворцѣ короля Лира.

Входятъ Кентъ, Глостеръ *и* Эдмундъ.

Кентъ. Казалось мнѣ, что у короля сердце лежитъ больше къ Альбани, чѣмъ къ герцогу Корнвалльскому.

Глостеръ. Всѣмъ намъ оно казалось; однако, при раздѣленіи королевства, вышло иначе: каждому доля взвѣшена такъ ровно, что ни тотъ, ни другой не съумѣетъ выбрать себѣ лучшей части.

Кентъ. Это вашъ сынъ, милордъ?

(*Указываетъ на Эдмунда*).

Глостеръ. Я принялъ на себя его воспитаніе. Когда-то я зачастую краснѣлъ, говоря о немъ; теперь я привыкъ къ этому.

Кентъ. Я васъ не понимаю.

Глостеръ. Но мать этого молодца понимала меня; талія ея округлилась, и она добыла себѣ сына въ колыбель прежде чѣмъ мужа въ постель. Вы чуете грѣхъ?

Кентъ. Не могу сожалѣть о томъ, что

онъ свершился, когда онъ далъ такой прекрасный плодъ.

Глостеръ. Но у меня есть законный сынъ, нѣсколькими годами старше, но я равно люблю обоихъ. Хотя этотъ буянъ нѣсколько беззастѣнчиво явился на свѣтъ Божій, прежде чѣмъ его попросили, но мать его была прекрасна. Много пріятныхъ минутъ доставила мнѣ ея любовь, и потому я обязанъ признать его. Знаешь ли ты этого вельможу, Эдмундъ?

Эдмундъ. Нѣтъ, милордъ.

Глостеръ. Такъ запомни же имя милорда Кента, какъ имя моего достойнаго друга.

Эдмундъ. Я всегда готовъ къ услугамъ благороднаго лорда.

Кентъ. Вы мнѣ нравитесь—и я узнаю васъ покороче.

Эдмундъ. Постараюсь заслужить вниманіе ваше.

Глостеръ. Девять лѣтъ его не было на родинѣ, и скоро онъ опять уѣдетъ. Король идетъ.

(За сценою слышны трубы).

Входятъ Лиръ, герцогъ Корнвалльскій, герцогъ Альбанскій, Гонерилья, Регана, Корделія *и свита.*

Лиръ.

Король Французскій и Бургундскій герцогъ?
Принять ихъ Глостеръ!

(Глостеръ уходитъ).

Мы же между тѣмъ
Передадимъ нашъ замыселъ давнишній.
Подайте карту королевства!
(Приносятъ карту). Знайте
Всѣ, здѣсь стоящіе, что на три части
Мы раздѣлили наше государство
И твердо вознамѣрились, сложивши
Съ себя заботы трудной царской власти,
Безъ ноши на плечахъ плестись ко гробу.
Пора дать мѣсто юношамъ.
(Обращаясь къ герцогамъ). Приблизься,
Нашъ милый зять и сынъ, Корнвалльскій герцогъ,
И ты, Альбани, столько жъ намъ любезный.

(Герцоги и ихъ жены подходятъ).

Пора вамъ знать, какое мы даемъ
Приданое за дочерьми и чѣмъ
Предупреждаемъ будущіе споры.
Король Французскій и Бургундскій герцогъ,
Въ меньшую дочь влюбившіеся нашу,
Соперники и гости дорогіе,
Теперь отвѣтъ получатъ. Дѣти наши,
Скажите намъ—какъ мы уже теперь
Сдаемъ и власть, и выгоды отъ власти—
Которая изъ трехъ насъ больше любитъ,
Чтобъ мы могли за большую любовь
Воздать теперь же большею наградой.
За Гонерильей, какъ за старшей въ родѣ,
Рѣчь первая.

Гонерилья.

Сэръ, васъ люблю я больше,
Чѣмъ выразить то можно слабымъ словомъ,
Чѣмъ свѣтъ очей, пространство и свободу,
Чѣмъ красоту, богатство, честь и жизнь.
Слова безсильны предъ такой любовью,
И голосъ мой слабѣе словъ моихъ!

Корделія *(въ сторону).*

Что жъ дѣлать мнѣ? любить, молчать и только!

Лиръ *(указывая на карту. Гонерильѣ).*

Весь здѣшній край, отъ той черты до этой,
Съ тѣнистымъ лѣсомъ, пышными лугами,
Съ богатствами полей и рѣкъ обильныхъ,
Мы отдаемъ тебѣ съ твоимъ потомствомъ
Въ владѣнье вѣчное. Теперь, что скажетъ
Дражайшая вторая наша дочь,
Регана Корнваллійская?

Регана.

Съ сестрою
Одной породы и цѣны мы обѣ:
На всѣ слова ея горячимъ сердцемъ
Даю я полное мое согласье,
Съ однимъ лишь добавленьемъ. Я считаю
Себя врагомъ всѣхъ радостей земныхъ
И счастіе всей жизни вижу только
Въ моей любви къ высокому отцу.

Корделія *(въ сторону).*

О, какъ бѣдна Корделія! Но все же
Ея любовь сильнѣе словъ такихъ.

Лиръ *(указывая на карту. Регѣ).*

Изъ рода въ родъ тебѣ съ дѣтьми твоими
Даемъ мы эту треть владѣній нашихъ.
Не меньше въ ней обилія, довольства,
Чѣмъ въ долѣ первой.
(Корделіи). Ну, мое дитя,
Меньшое—не послѣднее, предметъ
Любви и спора двухъ владыкъ могучихъ!
Что скажешь ты, чтобъ заслужить отъ насъ
Часть лучшую, чѣмъ сестры? Говори!

Корделія. Государь, ничего.

Лиръ. Ничего?

Корделія. Ничего.

Лиръ.

Изъ ничего не выйдетъ ничего.
Подумай и скажи.

КОРДЕЛІЯ.

Я такъ несчастна—
Моей любви не высказать словами.
Я, государь, люблю васъ такъ, какъ мнѣ
Мой долгъ велитъ—не больше и не меньше.

ЛИРЪ.

Какъ? какъ, Корделія! Исправь немного
Ты рѣчь свою, чтобъ не было бѣды.

КОРДЕЛІЯ.

Сэръ, вы мнѣ дали жизнь и воспитанье,
Любили вы меня—и я, какъ должно,
За то плачу любовію моей
И преданностью, и повиновеньемъ.
Зачѣмъ же сестры, васъ однихъ любя,
Живутъ съ мужьями? Если мнѣ придется
Отдать мужчинѣ руку, съ нею вмѣстѣ
Возьметъ онъ часть любви, заботъ и долга.
Когда бъ я одного отца любила,
То замужъ бы не вышла никогда.

ЛИРЪ.

Отъ сердца рѣчь твоя?

КОРДЕЛІЯ.

Да, государь.

ЛИРЪ.

Такъ молода и такъ черства ты сердцемъ!

КОРДЕЛІЯ.

Я молода, но не боюсь я правды.

ЛИРЪ.

Пусть будетъ такъ. Пускай же эта правда
Тебѣ приданымъ служитъ. Здѣсь клянусь
Святымъ сіяньемъ солнца, темной ночью,
Движеньемъ сферъ, дающимъ жизнь и смерть,
Что отрекаюсь отъ заботъ отцовскихъ,
Отъ кровной связи, отъ любви всегдашней
И отчуждаюсь отъ родства съ тобою
Отнынѣ и навѣки. Дикій скиѳъ
И людоѣдъ, свою семью сожравшій,
Для сердца моего милѣе будутъ,
Чѣмъ ты, когда-то наша дочь.

КЕНТЪ.

Король!

ЛИРЪ.

Молчать: не смѣй соваться между змѣемъ
И яростью губительной его!
Ее любилъ я, ей хотѣлъ подъ старость
Я ввѣрить свой покой. Прочь съ глазъ моихъ!
(*Корделіи*). Вѣрнѣе смерти то, что отвергаю
Тебя отъ сердца моего. Скорѣй
Зовите короля! Что жъ! Кто идетъ?
Позвать бургундца! Вы, мои зятья
И дочери, къ приданому прибавьте
Всю третью часть, отнятую у ней.
Пусть гордость ей одна приданымъ служитъ!
Сдаю я вамъ всѣ царскія права
И власть мою, и первенство по сану.
Изъ свиты всей себѣ я отдѣляю
Сто рыцарей, и съ ними каждый мѣсяцъ
Я стану жить у дочерей моихъ
Поочередно. Королевскій титулъ
И честь, съ нимъ сопряженная, за мной
Останутся одни, все жъ остальное,
Доходы всѣ, расправа и владѣнье,
За вами, дѣти милыя—и вотъ
Корона вамъ моя. (*Отдаетъ корону*).

КЕНТЪ.

Великій Лиръ,
Тебя всегда любилъ я, какъ отца,
Чтилъ какъ царя, какъ властелина слушалъ,
Въ молитвахъ имя Лира поминая...

ЛИРЪ.

Натянутъ лукъ—не стой передъ стрѣлою!

КЕНТЪ.

Спускай же тетиву: пускай стрѣла
Пробьетъ мнѣ сердце. Кентъ льстецомъ не будетъ,
Когда король безумствуетъ. Старикъ,
Ты думаешь, что честный рабъ смолчитъ
Тамъ, гдѣ подлецъ гнетъ шею? Если Лиръ
Себя унизилъ—Кентъ молчать не станетъ!
Опомнись: отмѣни свое рѣшенье!
Одумайся: скорѣй останови
Въ себѣ порывы злобы безобразной!
Я головой ручаюсь—дочь меньшая
Не меньше старшихъ предана тебѣ.
Вѣрь, не безъ сердца тотъ, чья рѣчь тиха,
Безъ словъ пустыхъ.

ЛИРЪ.

Молчи, коль жизнь ты цѣнишь!

КЕНТЪ.

Я жизнь всегда готовъ нести на бой
Съ твоимъ врагомъ—и если этотъ врагъ
Ты самъ...

ЛИРЪ.

Вонъ! съ глазъ моихъ долой!

КЕНТЪ.

Протри глаза, взгляни ты яснымъ взглядомъ
Вокругъ себя.

ЛИРЪ

Клянусь я Аполлономъ!...

КЕНТЪ.

И я клянусь имъ въ томъ, что ты напрасно
Клянешься, государь.

ЛИРЪ ОТРЕКАЕТСЯ ОТЪ КОРДЕЛІИ.

Картина Іоанна Генриха Фюсли (Johann Heinrich Fussli-Fuseli, R. A., 1742—1825). (Большая Бойделевская галлерея).

Лиръ (*хватаясь за мечъ*).

О, рабъ! измѣнникъ!

Альбани и Корнвалль.

Сэръ, удержитесь!

Кентъ.

Что жъ, убей меня,
Убей врача и мерзкій свой недугъ
Считай здоровьемъ. Отмѣни рѣшенье—
Опомнись! Пока дышать могу я,
Все стану я твердить: ты сдѣлалъ худо!

Лиръ.

Такъ слушай же въ послѣдній разъ, крамольникъ!
За то, что ты посмѣлъ съ своей гордыней
Стать между нами и рѣшеньемъ нашимъ—
Чего нашъ нравъ и санъ снести не могутъ—
За то, что ты склонялъ насъ: нашъ обѣтъ,
Вовѣки нерушимый, сдѣлать ложнымъ—
Достойное ты примешь наказанье.
Пять дней тебѣ даримъ мы: въ эти дни
Ты долженъ изготовиться къ изгнанью:
Но послѣ нихъ обязанъ ты убраться
Изъ царства прочь—и если въ день десятый
Тебя найдутъ среди владѣній нашихъ,
Простишься ты тотчасъ съ презрѣнной жизнью.
Прочь съ глазъ моихъ! Юпитеромъ клянусь,
Не измѣнимъ рѣшенья мы!

Кентъ.

Прощай,
Прощай, король! Ты показалъ вполнѣ,
Что близъ тебя нѣтъ правды и свободы.

(*Корделіи*).

Пусть небеса хранятъ тебя съ любовью,
Дитя прекрасное въ рѣчахъ и мысляхъ!

(*Реганѣ и Гонерильѣ*).

А вамъ желаю я, чтобъ вы на дѣлѣ

Всю правду рѣчи пышной доказали.
Прощайте, сильные земли! Вашъ старый Кентъ
И въ новомъ краѣ будетъ прежнимъ Кентомъ.

(*Уходитъ*).

Входятъ Глостеръ, король Французскій, герцогъ Бургундскій *и свита*.

Глостеръ.

Мой государь, король и герцогъ здѣсь.

Лиръ.

Ихъ намъ и надо. Къ вамъ, бургундскій герцогъ,
Мы прежде обратимся. Съ королемъ
Вы спорите за нашу дочь меньшую.
Скажите жъ намъ: за ней по меньшей мѣрѣ
Приданаго хотите сколько вы?

Герцогъ Бургундскій.

Не больше и не меньше, государь,
Чѣмъ обѣщали вы.

Лиръ.

Да, было время,
Когда мы сами, благородный герцогъ,
Не дешево цѣнили нашу дочь.
Теперь цѣна ея упала.
(*Указывая на Корделію*).
Если въ этомъ
Презрѣнномъ, но красивенькомъ созданьи
Приходится вамъ что-нибудь по вкусу,
То можете вы взять его себѣ
Съ приданымъ гнѣва нашего.

Герцогъ Бургундскій.

Смущенъ я!

Лиръ.

Хотите ль вы ее, съ ея порокомъ,
Намъ чуждую, отвергнутую нами,
Съ приданымъ вѣчной ненависти нашей,
Себѣ взять въ жены?

Герцогъ Бургундскій.

Государь, простите;
Бракъ невозможенъ послѣ словъ такихъ

Лиръ.

Такъ бросьте же ее. Клянуся Небомъ,
Вамъ описалъ я всѣ ея богатства.
(*Королю Французскому*).
Вамъ, государь, не смѣлъ бы я воздать
За вашу дружбу столь постыднымъ бракомъ
И потому прошу васъ взять въ подруги
Достойнѣйшую васъ—не эту тварь,
Намъ ненавистную, позоръ самой природы!

Король Французскій.

Рѣчь странную я слышу! Какъ? она,
До сей поры любимѣйшая дочь,
Предметъ похвалъ и старости подпора,
Изъ всѣхъ дражайшая, могла мгновенно
Любви отца лишиться? Сэръ, конечно,
Чудовищна вина, любовь такую
Заразъ сломившая; но не могу
Безъ чуда я такой винѣ повѣрить.
Въ Корделіи не допускаетъ разумъ
Чудовищныхъ пороковъ!

Корделія (*отцу*).

Государь!
Хоть нѣтъ во мнѣ умѣнья говорить
О томъ, чего нѣтъ въ сердцѣ; хоть всю жизнь
Безъ гибкихъ словъ я дѣйствовать умѣла,
Но все жъ прошу я васъ извѣстнымъ сдѣлать,
Что не порокъ, убійство или низость,
Худое дѣло иль безчестный шагъ
Отцовской милости меня лишили.
Я знаю, въ чемъ вина моя. Я знаю,
Нѣтъ у меня просящихъ вѣчно взглядовъ,
Нѣтъ льстивой рѣчи, и хоть я лишаюсь
Любви отца чрезъ то, но не жалѣю
О томъ, что нѣтъ ихъ.

Лиръ.

Лучше бъ не родиться
Тебѣ на свѣтъ, чѣмъ мнѣ не угодить!

Король Французскій.

И въ этомъ все? Природная стыдливость,
Застѣнчивость, которая такъ часто
Не въ силахъ мѣтко изъясняться? Герцогъ,
Что скажете принцессѣ вы? Когда
Любовь у васъ съ разсчетомъ неразлучна,
То не любовь она. Хотите взять
Вы женщину, которая сама
Дороже, чѣмъ приданое?

Герцогъ Бургундскій.

Когда
Вѣнчанный Лиръ лишь только согласится
Дать дочери обѣщанную часть,
Я за руку Корделію возьму,
Какъ герцогиню и жену.

Лиръ.

Я клялся—
Я въ клятвѣ твердъ—не дамъ я ничего.

Герцогъ Бургундскій (*Корделіи*).

Мнѣ жаль васъ: такъ отвергнулъ васъ отецъ,
Что вы лишитесь мужа.

Корделія.

Не трудитесь

О томъ жалѣть: я не хочу любви
Съ разсчетомъ на приданое.

Король Французскій.

Принцесса!
Какъ ты богата въ нищетѣ своей,
Какъ ты мила въ немилости отцовской!
Я радостно беру тебя—съ богатствомъ
Души твоей, отвергнутую всѣми.
Я брошенное поднялъ—и законна
Моя добыча, и любовь моя
Отъ общаго презрѣнья разгорѣлась.
Король, твоя отверженная дочь
Теперь царица Франціи прекрасной.
Подвластны ей я самъ и мой народъ,
И герцогамъ Бургони многоводной
Ужъ не купить красавицы-дѣвицы,
Которой не умѣютъ здѣсь цѣнить.

(Корделіи).

Корделія, простись съ родней суровой:
И безъ нея свою нашла ты долю.

Лиръ.

Бери жъ ее—она твоя, король!
Нѣтъ дочери такой у насъ... Скорѣе!
Мы видѣть не хотимъ ея лица.
Скорѣе въ путь! Отъ насъ вы не дождетесь
Благословенія и ласкъ прощальныхъ.
Пойдемте, герцогъ мой!

(Лиръ и герцогъ Бургундскій уходятъ).

Король Французскій.

Простись съ сестрами.

Корделія.

Сокровища родителя, въ слезахъ
Я покидаю васъ. На злое слово
Я не могу рѣшиться, хоть и знаю,
Въ чемъ слабы вы. Заботьтесь объ отцѣ:
Его ввѣряю вамъ я. Оправдайте
Все, что сказали вы; но если бъ онъ
Меня любилъ, ему бы я нашла
Пріютъ, быть можетъ, лучшій. До свиданья.

Гонерилья.

Нельзя ль безъ наставленій?

Регана.

Поучись-ка
Ты лучше, какъ бы мужу угождать,
Что взялъ тебя изъ милости. Покорность
Не по тебѣ, какъ видно—и за то
Достойное снесла ты наказанье.

Корделія.

Кто виноватъ и правъ—покажетъ время.
Прощайте, сестры!

Король Французскій.

Милая, пойдемъ.

(Французскій король и Корделія уходятъ).

Гонерилья. Сестра, слѣдуетъ намъ поговорить съ тобой объ дѣлѣ, важномъ для насъ обѣихъ. Кажется, что отецъ отсюда уѣдетъ къ ночи.

Регана. Навѣрное—и уѣдетъ къ тебѣ, а мы его станемъ ждать на тотъ мѣсяцъ.

Гонерилья. Какъ онъ сталъ перемѣнчивъ на старости! Стоитъ подумать обо всемъ, что мы замѣтили. Сестру онъ любилъ больше насъ и изъ-за пустяковъ разошелся съ нею. Странно, очень странно!

Регана. Это ужъ болѣзнь его возраста; да и всегда, если сказать правду, онъ худо зналъ самого себя.

Гонерилья. И въ старое время былъ онъ горячъ не въ мѣру: чего же намъ теперь ждать въ эту пору сумасбродства и болѣзней, старости и закоренѣлаго самовластья?

Регана. Конечно, не разъ придется намъ испытать на себѣ его причуды, въ родѣ сегодняшняго изгнанія Кента.

Гонерилья. Или прощанія съ королемъ Французскимъ. Надо стоять заодно, сестрица. Коли къ такой вспыльчивости придать еще власть, что проку въ томъ, что отецъ раздѣлилъ между нами свои владѣнія?

Регана. Да мы еще объ этомъ подумаемъ.

Гонерилья. Надо придумать что-нибудь, пока еще не поздно.

СЦЕНА II.

Зала въ замкѣ графа Глостера.

Входитъ Эдмундъ, *съ письмомъ.*

Эдмундъ.

Природѣ повинуюсь я, какъ Богу:
Изъ всѣхъ законовъ лишь ея законы
Священны для меня. Изъ-за чего
Томиться мнѣ въ цѣпяхъ причудъ житейскихъ
И покоряться приговору свѣта,
И жить въ ничтожествѣ за то, что я
Родился въ свѣтъ немного позже брата?
Я незаконный сынъ—пусть будетъ такъ.
Я тварь презрѣнная! За что жъ я тварь?
Мои всѣ члены стройны и красивы:
Я смѣлъ умомъ и тѣломъ больше силенъ,
Чѣмъ многіе счастливцы—для чего жъ
Меня позорятъ именемъ позорнымъ?

Чего ж клеймятъ насъ подлыми? Чѣмъ подлъ,
Кто страстной вороватостью природы
Рожденъ на свѣтъ съ запасомъ большихъ силъ
И большими способностями, чѣмъ
Рожденные на скучномъ, мятомъ ложѣ,
Прiѣвшемся оравѣ дураковъ,
Зачатыхъ спьяна между сномъ и бдѣньемъ.
Эдгаръ законный сынъ, хотя отецъ
Эдмунда больше любитъ, чѣмъ Эдгара.
Пусть будетъ такъ—Эдмундъ отниметъ земли
У брата, у законнаго дитяти!
Законный сынъ Эдгаръ—какое слово!
Ну, мой законный братъ, когда удастся
Мнѣ выдумка моя съ запиской этой,
Быть можетъ, что Эдмундъ, дитя стыда,
Повыше сына признаннаго станетъ.
Вы, боги, будьте съ незаконнымъ сыномъ!

Входитъ Глостеръ.

Глостеръ.

Кентъ изгнанъ! ссора съ королемъ Французскимъ!
Власть передалъ и самъ уѣхалъ ночью.
Все это такъ нечаянно! Эдмундъ,
Здоровъ ли ты? Что новаго мнѣ скажешь?

Эдмундъ, *(пряча письмо)*. Ничего новаго, милордъ.

Глостеръ. Какое это письмо прячешь ты такъ торопливо.

Эдмундъ. Я не знаю ничего новаго, милордъ.

Глостеръ. Какую бумагу читалъ ты?

Эдмундъ. Это пустая бумага.

Глостеръ. Коли пустая, такъ незачѣмъ было ее прятать Покажи сюда. Если она пустая—очковъ не понадобится.

Эдмундъ. Извините меня, милордъ, прошу васъ. Это письмо отъ брата. Я его не успѣлъ прочитать, однако вижу, что вамъ его читать не слѣдуетъ.

Глостеръ. Дай мнѣ письмо, говорю тебѣ!

Эдмундъ. Отдамъ или не отдамъ я его вамъ, вы равно оскорбитесь. Сколько могу судить... за такое письмо нельзя похвалить брата.

Глостеръ. Давай сюда, посмотримъ.

Эдмундъ. Въ оправданіе брата, я надѣюсь, что онъ письмомъ этимъ только испытывалъ честность.

Глостеръ *(читаетъ)*. „Такія понятія и такое уваженіе къ старости только портятъ намъ жизнь въ лучшіе наши годы. Чрезъ нихъ мы лишаемся имѣнія, а подъ старость получаемъ его въ руки, не имѣя силы имъ наслаждаться. Глупо и вредно подчиняться дряхлому тирану, сильному не по своей власти, а въ силу привычки. Приходи ко мнѣ: объ этомъ надо поговорить болѣе. Если бъ отецъ могъ уснуть и спать до той поры, пока я не разбужу его, тебѣ досталась бы половина его доходовъ и сталъ бы ты жить всегда любимымъ братомъ Эдгара". Что это? заговоръ: „спать, покуда я не разбужу его? тебѣ досталась бы половина доходовъ?" Сынъ мой, Эдгаръ! И его рука поднялась на такія строки! Въ его сердцѣ могли зародиться такія мысли! Когда пришло это письмо? Кто принесъ его?

Эдмундъ. Мнѣ его не приносили, милордъ—я нашелъ письмо въ моей комнатѣ: его бросили черезъ окно.

Глостеръ. И ты узналъ руку своего брата?

Эдмундъ. Будь письмо не такое, я поклялся бы въ томъ, что это его рука.

Глостеръ. Это его рука?

Эдмундъ. Его рука, милордъ. Будемъ думать, что его сердце не было заодно съ рукою.

Глостеръ. Не пробовалъ онъ говорить съ тобою объ этомъ дѣлѣ?

Эдмундъ. Ни разу, милордъ. Слыхалъ я, однако жъ, какъ онъ говаривалъ, что когда отецъ старѣется, а дѣти на возрастѣ, отецъ долженъ сдавать сыну имѣніе и заботу о своей особѣ.

Глостеръ. Извергъ! бездѣльникъ! Въ письмѣ та же самая мысль! Гнусный злодѣй! проклятый, безчувственный извергъ! хуже чѣмъ безчувственный! *(Слугѣ)*. Иди, сыщи его: я его возьму подъ стражу. Ненавистный бездѣльникъ! Гдѣ онъ теперь?

Эдмундъ. Не знаю навѣрное, милордъ! Не найдете ли вы удобнымъ на время удержаться отъ гнѣва, до той поры, пока онъ самъ не выскажетъ своихъ намѣреній? Такой путь будетъ вѣрнѣе. Если вы ошибетесь и поступите съ нимъ жестоко, вы запятнаете свою честь и разрушите сыновнее повиновеніе. Жизнью моею отвѣчаю, братъ не имѣлъ опасныхъ замысловъ. Онъ хотѣлъ испытать мою къ вамъ преданность—вотъ для чего письмо было написано.

Глостеръ. Ты такъ думаешь?

Эдмундъ. Если вы, милордъ, одобрите мое намѣреніе, то я берусь сдѣлать такъ, чтобъ вы были свидѣтелемъ нашихъ переговоровъ. Я скрою васъ въ удобномъ мѣстѣ. Не далѣе, какъ сегодня вечеромъ, вы услышите все, что желаете услышать.

Глостеръ. Нѣтъ, не можетъ онъ быть такимъ чудовищемъ!

Эдмундъ. И, вѣрьте мнѣ, онъ не чудовище.

Глостеръ. Итти противъ отца, который его любитъ такъ нѣжно, такъ искренно! Боги! боги! Эдмундъ, разспроси его: дай мнѣ заглянуть въ его душу! Дѣлай, какъ велитъ тебѣ твой разумъ. Я готовъ отдать все, чтобы узнать всю правду.

Эдмундъ. Я сыщу его, милордъ! я сдѣлаю все и васъ увѣдомлю.

Глостеръ. Нѣтъ. эти послѣднія солнечныя затменья не пророчатъ ничего добраго. Пусть мудрецы судятъ о томъ по своему, законы природы нарушаются повсюду. Любовь холодѣетъ, дружба расторгается, братъ идетъ на брата, въ городахъ возникаютъ бунты, во дворцахъ гнѣздится измѣна, въ селеніяхъ живетъ несогласіе. Связь отца съ сыномъ нарушена; мой сынъ идетъ противъ меня, король отвергаетъ свое дѣтище! Отжили мы лучшіе годы! Идутъ на насъ коварство съ несогласіемъ, измѣна и разрушительные безпорядки! Сыщи изверга, Эдмундъ: я съумѣю наградить тебя — хлопочи усерднѣе... И прямодушный, благородный Кентъ изгнанъ за свою честность! Странно! удивительно! (*Уходитъ*).

Эдмундъ. Забавна глупость людская! Чуть случится съ нами бѣда—хоть бы и по нашей собственной винѣ — мы тотчасъ спѣшимъ свалить ее на солнце, луну и звѣзды, какъ будто мы были бездѣльниками по закону судьбы, дураками—по небесному велѣнію, ворами отъ дѣйствія сферъ, пьяницами — по вліянію планетъ на существо наше. Отецъ мой сошелся съ моею матерью подъ созвѣздіемъ Дракона а я родился подъ Большой Медвѣдицей и поэтому, значитъ, я суровъ и похотливъ. Нѣтъ, думается мнѣ: хотя бы самая цѣломудренная звѣзда поглядывала на мое рожденіе, все - таки остался бы я незаконнымъ сыномъ. Эдгаръ...

Входитъ Эдгаръ.

Эдмундъ. А вотъ и онъ, какъ развязка въ старой комедіи! Я долженъ съиграть роль меланхоличнаго негодяя и вздыхать какъ съумасшедшій Томъ изъ Бедлама. Да, да, эти затменія пророчатъ намъ раздоры! Fa, sol, la, mi.

Эдгаръ. Какъ поживаешь, братъ Эдмундъ? О чемъ ты такъ задумался?

Эдмундъ. У меня въ головѣ разныя предсказанія насчетъ послѣднихъ затменій.

Эдгаръ. А ты занимаешься этими вещами?

Эдмундъ. Увѣряю тебя, что послѣд-

КОРДЕЛІЯ РАЗСТАЕТСЯ СЪ СЕСТРАМИ.

Картина Роберта Смирка (Robert Smirke, R. A. 1752—1845) (Малая Байеовская галлерея).

ствія, о которыхъ упоминается, къ несчастью, начинаютъ сбываться, какъ напримѣръ: неестественность отношеній между родителями и дѣтьми, моръ, голодъ, разрывъ старинной дружбы, раздоръ въ государствѣ, угрозы и проклятія противъ короля и вельможъ, напрасная подозрительность, изгнаніе друзей, разбродъ войскъ, нарушеніе супружескихъ обѣтовъ—всего не перечтешь.

Эдгаръ. Давно ли ты записался въ астрологи?

Эдмундъ. Ну, хорошо. Скажи, когда видѣлся ты съ отцомъ въ послѣдній разъ?

Эдгаръ. Вчера вечеромъ.

Эдмундъ. Говорилъ ты съ нимъ?

Эдгаръ. Часа съ два, коли не болѣе.

Эдмундъ. Какъ вы съ нимъ разстадись? Не замѣтилъ ты въ немъ, по словамъ или по лицу, какого-нибудь неудовольствія?

Эдгаръ. Не замѣтилъ ничего.

Эдмундъ. Припомни, не оскорбилъ ли ты его чѣмъ-нибудь? Вообще, прошу тебя: берегись попадаться ему на глаза. Дай ему опомниться отъ своего гнѣва.

Эдгаръ. Вѣрно, какой-нибудь плутъ наговорилъ на меня.

Эдмундъ. Самъ я боюсь этого. Будь остороженъ, прошу тебя: пускай онъ успѣетъ смягчиться. Пройди въ мою половину: ты самъ услышишь, какъ онъ о тебѣ говорить будетъ. Если вздумаешь итти куда-нибудь, не ходи безъ оружія.

Эдгаръ. Какъ не ходить безъ оружія?

Эдмундъ. Братъ, я не посовѣтую тебѣ худого: не ходи безъ оружія. Пусть считаюсь я плутомъ, если противъ тебя нѣтъ какого-нибудь умысла. Я только намекнулъ тебѣ о томъ, что слышалъ и видѣлъ. Ты самъ не знаешь, въ какой мы опасности. Прошу тебя: иди отсюда.

Эдгаръ. Когда жъ узнаю что-нибудь?

Эдмундъ. Положись на меня: я сдѣлаю свое дѣло.

(*Эдгаръ уходитъ*).

Эдмундъ (*одинъ*).

Отецъ довѣрчивъ; братъ мой прямъ по сердцу:
Такъ далека отъ зла его душа,
Что и предвидѣть зла въ немъ нѣтъ умѣнья.
Надъ этой глупой честностью не трудно
Торжествовать. Теперь мнѣ ясно дѣло.
Я хитростью богатъ—и я съумѣю
Завоевать все то, что нужно мнѣ.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Комната во дворцѣ герцога Альбанскаго.

Входятъ Гонерилья *и* дворецкій.

Гонерилья. Отецъ прибилъ моего придворнаго за то, что тотъ выбранилъ его шута?

Дворецкій. Да, милэди.

Гонерилья.

Клянусь, онъ днемъ и ночью, каждый часъ
Меня все мучитъ, злитъ и оскорбляетъ!
Что день—то ссора. Нѣтъ терпѣнья больше!
За вздоръ бранится онъ; его прислуга
Живетъ въ безпутствѣ.
(*Дворецкому*). Помни жъ: какъ съ охоты
Пріѣдетъ онъ, скажи, что я больна.
Съ нимъ говорить не стану я, и если
Не очень ты услужливъ будешь съ нимъ,
То сдѣлаешь не худо: я въ отвѣтѣ.

Дворецкій. Онъ ѣдетъ уже.

(*Слышенъ звукъ роговъ*).

Гонерилья

И ты, и слуги всѣ не будьте слишкомъ
Внимательны къ его приказамъ. Если
Ему здѣсь не понравится житье,
То можетъ онъ къ сестрѣ моей уѣхать.
Однѣхъ мы съ нею мыслей и не любимъ
Подъ властью быть чужой. Пустой старикъ:
Самъ отдалъ власть, а хочетъ всѣмъ ворочать.
Нѣтъ, старики глупѣй ребятъ бываютъ,
И строгостью обуздывать ихъ надо.
(*Дворецкому*).
Не забывай приказа!

Дворецкій.

Будемъ помнить.

Гонерилья.

И къ рыцарямъ его похолоднѣе
Вамъ надо быть. Что бъ ни было затѣмъ—
Нѣтъ нужды. Сообщи о томъ прислугѣ.
Давно я объясненія желаю —
И я его дождусь. Сестрѣ теперь же
Я напишу: пусть дѣлаетъ, какъ я.
Готовь обѣдать!

СЦЕНА IV.

Та же комната.

Входитъ Кентъ (*переодѣтый*).

Кентъ.

Когда удастся измѣнить мнѣ голосъ
И затемнить тѣмъ рѣчь, то безъ труда
Достигну добрыхъ цѣлей. Кентъ—изгнанникъ!
Пришла пора служить, на зло изгнанью,
Заботиться о бѣдномъ королѣ
И много дѣла взять себѣ на плечи.

Входятъ Лиръ, рыцари *и* слуги.

Лиръ. Живѣй обѣдать! Подавать тотчасъ же: я не жду ни минуты! (*Слуга уходитъ*). Ты кто такой?

Кентъ. Человѣкъ.

Лиръ. Что ты за человѣкъ—и чего ты отъ насъ хочешь?

Кентъ. Человѣкъ я такой, какимъ кажусь. Кто имѣетъ ко мнѣ вѣру, тому служу я вѣрой и правдой; кто честенъ, того я люблю душою; кто уменъ, да говоритъ мало, съ тѣмъ готовъ я бесѣдовать. Судовъ я боюсь, отъ драки не прочь, коли нельзя безъ драки, а рыбы не ѣмъ никогда.

Лиръ. Кто ты таковъ?

Кентъ. Честный малый, а бѣденъ я—какъ самъ король.

Лиръ. Не богатъ же ты! Чего жъ ты хочешь?

Кентъ. Служить.

Лиръ. Кому же служить?

Кентъ. Вамъ.

Лиръ. Да ты развѣ меня знаешь, пріятель?

Кентъ. Не знаю, но по наружности судя, я хотѣлъ бы имѣть васъ своимъ господиномъ.

Лиръ. Что же ты видишь въ моей наружности?

Кентъ. Признакъ власти.

Лиръ. Какую же службу можешь ты править?

Кентъ. Могу дать честный совѣтъ, разсказать забавную сказку, выполнить простое порученіе. Что дѣлаютъ немудреные люди, то и я сдѣлать въ силахъ, да еще и съ усердіемъ.

Лиръ. А сколько тебѣ лѣтъ?

Кентъ. Не такъ я молодъ, чтобъ любить дѣвчонку за пѣсенку, не такъ старъ, чтобъ влюбляться во все на свѣтѣ: у меня сорокъ восемь лѣтъ на плечахъ.

Лиръ. Ну, будь со мной: служи мнѣ. Коли не разсердишь меня послѣ обѣда, значитъ—уживемся другъ съ другомъ. Обѣдать! Эй! обѣдать! Гдѣ мой дуракъ? Поди, пошли ко мнѣ моего дурака.

Входитъ дворецкій.

Лиръ. Эй, ты, уродъ. Гдѣ моя дочь?

Дворецкій. Съ вашего позволенія...

(*Уходитъ*).

Лиръ. Что онъ тамъ говоритъ? Зови-ка его сюда! Гдѣ мой дуракъ? — а? Мнѣ кажется, что міръ спитъ. Ну, что, гдѣ этотъ мерзавецъ?

Входитъ рыцарь.

Рыцарь. Онъ говоритъ, государь, что ваша дочь нездорова.

Лиръ. Зачѣмъ онъ не вернулся, когда я звалъ его?

Рыцарь. Государь, онъ просто сказалъ мнѣ, что не хотѣлъ вернуться.

Лиръ Не хотѣлъ вернуться?

Рыцарь. Государь, я не умѣю понять, въ чемъ дѣло, но, кажется мнѣ, что съ вашимъ величествомъ начинаютъ обращаться безъ прежняго почтенія. И прислуга вся, и самъ герцогъ, и дочь ваша не такъ вѣжливы теперь, какъ всегда бывали.

Лиръ. А, ты такъ думаешь?

Рыцарь. Простите, государь, коли я ошибся. Долгъ мой не велитъ мнѣ молчать, когда я предполагаю оскорбленіе вашему величеству.

Лиръ. Ты только навелъ меня на то, что я и самъ замѣтилъ. Да, я примѣчалъ не разъ полное невниманіе—я винилъ свою подозрительность, я не рѣшался видѣть умышленной грубости. Я посмотрю еще. Гдѣ мой дуракъ? Онъ не показывался два дня сряду.

Рыцарь. Съ отъѣзда принцессы во Францію шутъ очень печалится.

Лиръ. Довольно объ этомъ: я это самъ замѣтилъ. Иди ты и скажи моей дочери, что я желаю говорить съ нею. (*Рыцарь уходитъ*). (*Другому слугѣ*). А ты иди и позови моего дурака. (*Другой слуга уходитъ*).

Входитъ дворецкій.

Лиръ. А, сэръ! Пожалуйте сюда, сэръ! Кто я такой, сэръ?

Дворецкій. Отецъ государыни.

Лиръ. Отецъ государыни? Рабъ! подлецъ! собака!

Дворецкій. Я не подлецъ, прошу извиненія.

Лиръ. Ты смѣешь глядѣть мнѣ въ глаза, бездѣльникъ! (*Бьетъ его*).

Дворецкій. Я не позволю бить себя, государь.

Кентъ. А съ ногъ сбить не позволишь, скоморохъ проклятый? (*Сбиваетъ его съ ногъ*).

Лиръ. Спасибо, пріятель! Ты знаешь, какъ служатъ: ты мнѣ придешься по-сердцу.

Кентъ. Ну, сэръ, на ноги и убирайся! Я тебя выучу различать людей. Вонъ отсюда, коли не хочешь снова растянуться во всю длину! Пошелъ вонъ, коли у тебя умъ остался! Такъ! (*Выталкиваетъ дворецкаго*).

Лиръ. Ну, спасибо, вѣрный слуга! Вотъ тебѣ впередъ за твою службу. (*Даетъ Кенту деньги*).

Входитъ шутъ.

Шутъ. А вотъ я его тоже найму. (*Кенту*). Бери-ка себѣ мой колпакъ.

Лиръ. А, и ты здѣсь, плутишка!

Шутъ (*Кенту*). Что жъ ты колпака-то не взялъ?

Кентъ. Зачѣмъ мнѣ твой колпакъ?

Шутъ. Какъ зачѣмъ? Зачѣмъ тебѣ дурацкій колпакъ? Затѣмъ, что ты льнешь къ тому, кто въ немилости! затѣмъ, что ты скалишь зубы не по вѣтру! Бери-ка мой колпакъ. Видишь, этотъ шутъ прогналъ двухъ своихъ дочерей, а третью благословилъ, самъ того не вѣдая. А ужъ такому чудаку служить нельзя безъ моего колпака. (*Лиру*). Ну, какъ поживаешь, кумъ любезный? Эхъ, если бы мнѣ два колпака на двѣ дочери!

Лиръ. Ну, что бъ ты тогда сталъ дѣлать?

Шутъ. Дочерямъ роздалъ бы свои день-

ги, колпаки бы себѣ оставилъ на память. Вотъ одинъ у меня. Выпроси-ка другой у своихъ дочекъ.

Лиръ. Берегись, дружокъ: хлыстъ!

Шутъ. Правда-то всегда, что дворовая собака: бей ее хлыстомъ, сколько хочешь. Постой-ка, я тебѣ скажу хорошее словцо.

Лиръ. Ну, скажи.

Шутъ. Слушай же, да смекай хорошенько.

(*Поетъ*).

Правды всей не болтай,
Свой достатокъ скрывай,
Денегъ въ долгъ не давай
Да людей узнавай.
Самъ поменьше шагай,
А верхомъ разъѣзжай,
Меньше пей да гуляй,
По гостямъ не порхай!
Вотъ тогда заживешь
И удачу найдешь!

А какъ ты думаешь, кумъ, можно ли изъ ничего что-нибудь сдѣлать?

Лиръ. Нѣтъ, пріятель, изъ ничего ничего не получишь.

Шутъ (*Кенту*). Растолкуй же ему, что съ его королевства получаетъ онъ теперь точь-въ-точь такіе же доходы. Мнѣ, дураку, онъ не повѣритъ.

Лиръ. Горькая шутка.

Шутъ. Тотъ съ тобой сыгралъ горькую шутку, кто тебѣ, дураку, посовѣтовалъ сдать твои владѣнія въ чужія руки.

Лиръ. Ты меня зовешь дуракомъ, пріятель?

Шутъ. Да не ты ли самъ отступился отъ всѣхъ своихъ званій? Со званіемъ дурака ты на свѣтъ родился.

Кентъ. Государь, этотъ дуракъ не совсѣмъ дуракъ.

Шутъ. Нѣтъ, клянусь, лорды и великіе люди не уступятъ мнѣ даже глупости. Имѣй я на нее монополію, они захотѣли бы взять свою долю, да и барыни не отказались бы попользоваться ею. Дай мнѣ яичко, дядя, а я тебѣ дамъ двѣ короны.

Лиръ. Какія же это будутъ двѣ короны?

Шутъ. Когда я разобью яйцо пополамъ и съѣмъ его внутренность—то останется двѣ короны. Когда ты разломилъ на-двое свою корону и отдалъ обѣ половины, то, значитъ, ты на собственной спинѣ перенесъ осла черезъ лужу. Мало толку было въ твоей плѣшивой коронѣ, когда ты снималъ съ нея свою золотую. Если я говорю это въ качествѣ дурака, пусть высѣкутъ того, кто скажетъ.

(*Поетъ*).

Для дураковъ насталъ тяжелый годъ:
Всѣ умники дурачиться пустились.

Лиръ. Съ какихъ это поръ ты знаешь столько пѣсенъ?

Шутъ. Съ тѣхъ поръ, какъ ты сдѣлалъ изъ твоихъ дочекъ маменекъ; когда ты далъ имъ розгу и сталъ отстегивать подтяжки.

(*Поетъ*).

Онѣ съ восторга зарыдали,
А я запѣлъ съ тоски,
Что мой король достопочтенный
Втесался въ дураки.

Пожалуйста, кумъ любезный, найми-ка мнѣ хорошаго лгуна въ учители. Смерть хотѣлось бы поучиться лгать.

Лиръ. А коли ты будешь лгать, мы тебя высѣчемъ.

Шутъ. Истинно ужъ изъ одной породы ты со своими дочками: онѣ грозятся меня высѣчь за правду, ты — за ложь, а иногда меня бьютъ за то, что я не говорю ни слова. Надоѣла мнѣ дурацкая должность—правду сказать; а все-таки не хотѣлъ бы съ тобой мѣняться. Вонъ, погляди-ка, кто сюда идетъ къ намъ!

Входитъ Гонерилья.

Лиръ. Что это, дочь моя? что это за нахмуренное лицо? Съ какого времени научилась ты хмуриться?

Шутъ. Когда-то, дяденька, нечего тебѣ было хлопотать о томъ, кто на насъ хмурится. Я теперь лучше тебя! я—дуракъ, а ты — нуль безъ цифры. (*Гонерильѣ*). Буду молчать, милэди: по лицу твоему вижу, что мнѣ молчать надо. Съѣлъ корку, береги мякишъ; съѣлъ мякишъ, береги корку. (*Указываетъ на Лира*). Вотъ пустой гороховый стручокъ!

Гонерилья.

Не только этотъ избалованный дуракъ,
Но многіе изъ вашей наглой свиты
Заводятъ ссоры каждый день и въ замкѣ
Неслыханному буйству предаются.
Сэръ, мнѣ казалось, что, сказавъ о томъ,
Я положу конецъ тѣмъ безпорядкамъ;
Но вижу я изъ вашихъ словъ и дѣлъ,
Что вамъ безчинство это не противно
И что на зло глядите вы сквозь пальцы.
Прошу васъ не прогнѣваться—теперь,

Вооружася строгостью, мы сами
Порядокъ будемъ соблюдать и зорко
Слѣдить за поведеньемъ вашей свиты.
Не оскорбляйтесь тѣмъ: для доброй цѣли,
Для васъ самихъ мы долгъ исполнимъ нашъ.

Шутъ. Что, куманекъ?

Добрая синичка кукушку кормила,
А кукушка птичкѣ голову скусила.

Свѣчку отдалъ—и въ потемкахъ сиди.

Лиръ. Дочь ли ты наша?

Гонерилья. Пора бы вамъ, сэръ, посовѣтовавшись съ здравымъ разсудкомъ, оставить ваши причуды.

Лиръ. Знаютъ ли меня здѣсь? Нѣтъ, это не Лиръ! Лиръ такъ ходитъ? Лиръ такъ говоритъ? Гдѣ жъ его глаза? Или умъ его разслабъ? Спитъ онъ, что ли?.. А нѣтъ; тутъ что-нибудь не такъ! Пусть мнѣ скажутъ, кто я такой. Тѣнь Лира? Нѣтъ — я король. Я чувствую, я понимаю, я вижу— не вижу только того, что у меня есть дочери...

Шутъ. И что ты ихъ всепокорнѣйшій отецъ и услужникъ.

Лиръ. Ваше имя, прекрасная дама?

Гонерилья. Полно, сэръ!

Любезность эта намъ напоминаетъ
Обычныя причуды. Васъ прошу я
Понять меня, какъ должно. Стары вы,
Такъ будьте жъ и умны согласно лѣтамъ.
Сто рыцарей здѣсь проживаетъ съ вами,
Сто рыцарей шумливыхъ и безумныхъ,
Готовыхъ всякій день на пьянство, ссору
И ужъ успѣвшихъ честный нашъ дворецъ
Своимъ примѣромъ превратить въ таверну
Иль въ домъ разврата. Надо кончить съ этимъ!
Позвольте жъ мнѣ просить васъ—хоть безъ просьбы
Сама могу я дѣлать, что желаю—
О томъ просить, чтобъ уменьшили вы
Прислугу вашу, взявъ изъ нея людей
По вашимъ лѣтамъ и способныхъ чтить
Себя и васъ.

Лиръ.

Проклятье! Духи тьмы!
Сѣдлать коней! созвать мою прислугу!
Проклятое отродье! Прочь отсюда!
Еще у насъ осталась дочь!

Гонерилья.

Вы бьете
Моихъ людей, а злая челядь ваша
Повелѣвать вездѣ и всюду хочетъ!

Входитъ Альбани.

Лиръ.

Бѣда тому, кто кается, да поздно!

(*Альбани*).

А! ты здѣсь тоже? ты согласенъ съ нею?
Ну, отвѣчай же! Подавать коней!
Неблагодарность — демонъ съ черствымъ сердцемъ!
Когда въ грудь дочери ты заберешься,
Твой видъ гнуснѣй, чѣмъ чудище морское!

Альбани.

Сэръ, успокойтесь.

Лиръ (*Гонерильѣ*).

Мерзкій, хищный коршунъ,
Ты лжешь, ты лжешь! Честна моя прислуга:
Она свои обязанности знаетъ
И святость сана нашего хранитъ
По совѣсти. Какъ могъ мнѣ такъ ужаснымъ
Корделіи поступокъ показаться!
Какъ могъ онъ извратить мою природу,
Любовь исторгнуть изъ души моей
И желчію ее наполнить? Лиръ! Лиръ! Лиръ!
(*Бьетъ себя въ голову*).
Теперь стучи въ ту дверь, откуда разумъ
Ты выпустилъ. Скорѣй, скорѣй отсюда!

Альбани.

Я, государь, не виноватъ и даже
Совсѣмъ не знаю, что васъ прогнѣвило.

Лиръ.

Быть можетъ, сэръ! Услышь меня, природа!
Благое божество, услышь меня!
Коли назначило ты этой твари
Рождать дѣтей—рѣшенье отмѣни!
О! изсуши всю внутренность у ней,
Пошли безплодіе, чтобъ никогда
Она ребенкомъ милымъ не гордилась.
Но ежели зачнетъ она, то пусть
Дитя изъ желчи дастся ей на долю;
Пусть выростетъ дитя на муку ей;
Пускай оно ей раннія морщины
Въ чело вклеймитъ и горькихъ слезъ струями
Избороздитъ ей щеки; пусть оно
Въ насмѣшку и презрѣнье обращаетъ
Всю страсть, всю нѣжность матери своей,
И пусть тогда она пойметъ всѣмъ сердцемъ,
Во сколько разъ острѣй зубовъ змѣиныхъ
Неблагодарность дѣтища! Скорѣй!
Прочь! прочь отсюда!

(*Лиръ уходитъ*).

Альбани.

Небеса благія,
Что за причина этому?

Гонерилья.

Заботиться о томъ! Пускай старикъ
Дурачится: мѣшать ему не надо.

Входитъ Лиръ.

Лиръ.

Какъ? пятьдесятъ изъ всей моей прислуги
Осталось лишь?

Альбани.

Въ чемъ дѣло, государь?

Лиръ.

Скажу, скажу!
(*Гонерильѣ*). Клянусь, мнѣ стыдно, стыдно!
Мнѣ стыдно то, что слабъ я предъ тобою,
Что слезы теплыя изъ глазъ моихъ
Ты можешь извлекать еще! Погибель,
Проклятье на тебя! Отца проклятье
Пусть цѣлымъ рядомъ язвъ неизлѣчимыхъ
Тебя покроетъ! Старые глаза,
Вы, глупые глаза, не смѣйте плакать;
Я вырву васъ, я брошу васъ на землю—
Вотъ до чего я дожилъ. Не бѣда:
Въ утѣху мнѣ еще осталась дочь.
Она добра и ласкова: услышавъ
Про всѣ дѣла твои, она ногтями,
Волчица, издеретъ твое лицо!
Еще увидишь ты, что власть мою
Оставленную возвращу я снова
На казнь тебѣ.

(*Лиръ, Кентъ и свита Лира уходятъ*).

Гонерилья.

Ты это слышишь, герцогъ?

Альбани.

При всей любви къ тебѣ, не въ силахъ я
Пристрастнымъ быть...

Гонерилья.

Довольно. Не трудись. Эй, Освальдъ, эй!
Ты шутъ и плутъ! ступай за господиномъ!

Шутъ. Эй, куманекъ, Лиръ, постой немного! какъ же тебѣ быть безъ шута? (*Поетъ*).

Съ дочкою такой,
Какъ съ кумой-лисой,
Тратить словъ не надо!
Кожу съ нихъ дери,
И за то бери
Мой колпакъ въ награду!

Гонерилья.

Сто рыцарей—придумано не худо!
Удобно было бы ему дозволить
Держать сто рыцарей, чтобъ всѣ причуды
И ссоры, и пустое сумасбродство
Онъ силою рѣшалъ и нашу жизнь
Въ своихъ рукахъ имѣлъ. Эй, Освальдъ!

Альбани.

Слишкомъ
Боишься ты.

Гонерилья.

Не лучше ль довѣрять?
Въ началѣ должно устранять опасность,
Чтобъ не бояться послѣ. Хорошо
Его я знаю и сестрѣ писала
Про все. Увидимъ, будетъ ли она
Держать его и сотню челядинцевъ,
Когда я объявлю ей все. Ну, Освальдъ,
Готово ли письмо къ сестрѣ?

Дворецкій.

Готово.

Гонерилья.

Бери жъ съ собой людей—и на коня!
Сестрѣ моей все передай, что надо,
И отъ себя скажи, что знаешь. Въ путь!
И воротись скорѣй. (*Дворецкій уходитъ*).
Нѣтъ, нѣтъ, мой герцогъ,
Хоть кротость и спокойствіе твое
Не стоятъ осужденья, но, однако—
Ты извинишь меня—нужнѣе намъ
Разсудокъ твердый, чѣмъ вся эта кротость!

Альбани.

Ты дальновидна, можетъ быть; но часто
Добро мы губимъ, большаго желая.

Гонерилья.

Тогда ужъ...

Альбани.

Нѣтъ, все объяснитъ намъ время.

СЦЕНА V.

Дворъ передъ замкомъ Альбани.

Входятъ Лиръ, Кентъ *и* шутъ.

Лиръ. Скачи съ этимъ письмомъ скорѣе къ Глостеру. Не говори моей дочери ничего, что ты знаешь. Отвѣчай ей только на то, о чемъ она тебя спрашивать будетъ. Торопись, не то — я тамъ буду раньше тебя.

Кентъ. Не усну, пока не исполню воли вашего величества. *(Уходитъ).*

Шутъ. Если бъ мозгъ человѣка былъ въ его пяткахъ, то не нужно ли было бы опасаться мозолей?

Лиръ. Да, мой другъ!

Шутъ. Такъ, пожалуйста, развеселись: твой умъ никогда не будетъ щеголять въ туфляхъ.

Лиръ. Ха, ха, ха!

Шутъ. Увидишь, что другая дочь приметъ тебя любезно: хотя она такъ же походитъ на ту, какъ яблоко—на дикое яблоко, однако я знаю то, что знаю.

Лиръ. Что же ты знаешь?

Шутъ. Что она такъ же будетъ похожа на другую, какъ одно дикое яблоко на другое. А знаешь ли ты, кумъ, для чего у насъ носъ среди лица поставленъ?

Лиръ. Нѣтъ.

Шутъ. Для того, чтобъ глаза сидѣли по обѣ его стороны. Чего носомъ не вынюхалъ, глазами досмотришь!

Лиръ. Я ее обидѣлъ.

Шутъ. А знаешь ли ты, какъ устрица дѣлаетъ свою раковину?

Лиръ. Не знаю.

Шутъ. И я не знаю. Знаю только, для чего улитка заводитъ свой домикъ.

Лиръ. Для чего?

Шутъ. Чтобъ прятать туда свою голову. Она, вѣдь, его не отдастъ своей дочери.

Лиръ. Забыть законы природы! такого любящаго отца!... Готовы лошади?

Шутъ. Твои ослы побѣжали за ними... А почему, когда на небѣ сидитъ семь звѣздъ—ихъ только семь счетомъ?

Лиръ. Потому что не восемь.

Шутъ. Мѣтко попалъ. Можно бы тебя назвать *добрымъ* дуракомъ за это.

Лиръ. Я съ тобой расплачусь, чудовище неблагодарности!

Шутъ. Стоило бы побить тебя за то, что ты состарѣлся, да ума не нажилъ.

Лиръ.

О, силы неба! дайте мнѣ терпѣнье!
Я не хочу безумнымъ быть. Спасите
Меня вы. отъ безумія!

Входитъ джентльмэнъ.

Лиръ.

Ну что,
Готовы лошади?

Джентльмэнъ.

Готовы, государь.

Лиръ. Ѣдемъ, ѣдемъ же! *(Всѣ уходятъ).*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Дворъ въ замкѣ Глостера.

Эдмундъ *и* Куранъ *встрѣчаются.*

Эдмундъ. Здравствуй, Куранъ!

Куранъ. Здравствуйте, сэръ! Я сейчасъ отъ вашего батюшки. Его извѣстили, что герцогъ Корнвалльскій и герцогиня Регана будутъ поздно сюда вечеромъ.

Эдмундъ. Это по какому случаю?

Куранъ. Самъ не знаю хорошенько. Слыхали вы, о чемъ теперь еще говорятъ шопотомъ? Эти вѣсти пока еще передаются людьми другъ другу на-ухо.

Эдмундъ. Ничего не слыхалъ. Что за вѣсти?

Куранъ. Слыхали вы про то, что готовится война между Альбани и герцогомъ Корнвалльскимъ?

Эдмундъ. Ни одного слова.

Куранъ. Ну, такъ скоро услышите. А покуда прощайте. *(Уходитъ).*

Эдмундъ *(одинъ).*

Здѣсь герцогъ будетъ къ ночи — безподобно!
Оно само сплелось съ моей работой!
Отецъ велѣлъ схватить подъ стражу брата,
И мнѣ осталось планъ мой завершить
Теперь же. Нечего терять минуты! *(Громко).*
Братъ, внизъ сойди, живѣе! на два слова!

Входитъ Эдгаръ.

Эдмундъ.

Бѣги, мой другъ! Отецъ слѣдитъ за нами!
Ужъ донесли ему о томъ, гдѣ ты.
Бѣги скорѣй—вся ночь передъ тобою!
Не говорилъ ли ты неосторожно
Про герцога Корнвалльскаго? Съ женой
Сюда спѣшитъ онъ и пріѣдетъ къ ночи.
Въ рѣчахъ своихъ ты не касался ль споровъ
Его съ Альбани? Вспомни хорошенько.

Эдгаръ.

Не говорилъ ни слова я.

Эдмундъ.

Бѣда!
Отецъ идетъ, я слышу!—извини,
Я обнажу мой мечъ противъ тебя.
Вынь свой. Намъ надобно хитрить обоимъ.
Смѣлѣе бейся, будто въ самомъ дѣлѣ!
Бѣги теперь, покуда нѣтъ отца!
Огня сюда! скорѣй! Спасайся, братъ!
Скорѣй огня! скорѣй! бѣги! Прощай же!
(Эдгаръ уходитъ. Эдмундъ ранитъ себя).
Пусть эта кровь заставитъ ихъ повѣрить,
Какъ храбро бились мы. Я видѣлъ пьяницъ,
Царапавшихъ себя сильнѣй—для смѣха.
Отецъ! отецъ! стой! стой! Кто мнѣ помо-
жетъ?

Вбѣгаютъ Глостеръ *и слуги съ факелами.*

Глостеръ.

Куда ушелъ бездѣльникъ?

Эдмундъ.

Въ темнотѣ
Стоялъ онъ, обнаживши острый мечъ,
И страшныя шепталъ онъ заклинанья,
На помощь призывая мѣсяцъ блѣдный.

Глостеръ.

Гдѣ жъ онъ теперь?

Эдмундъ.

Я раненъ!

Глостеръ.

Гдѣ бездѣльникъ?
Эдмундъ, гдѣ онъ?

Эдмундъ.

Вотъ здѣсь онъ пробѣжалъ!
Напрасно онъ старался...

Глостеръ.

Всѣ за нимъ!
Поймать его. (*Слуги убѣгаютъ*).
(*Эдмунду*). Что говорилъ ты мнѣ?
Напрасно онъ старался? что?..

Эдмундъ.

Склонить
Меня къ тому, чтобъ умертвилъ я васъ.
Я говорилъ ему, что боги грянутъ
Всѣмъ громомъ неба надъ отцеубійцей.
Я объяснилъ, какой великой связью
Прикованъ сынъ къ отцу; а онъ, увидѣвъ,
На сколько я гнушаюсь страшнымъ дѣломъ,
Съ мечомъ въ рукахъ, нечаянно и быстро
Впередъ рванулся, руку ранилъ мнѣ.
Но, увидавъ, что, полный грознымъ гнѣвомъ,
За дѣло правое готовъ я биться,
А можетъ-быть, и крика испугавшись,
Бѣжалъ онъ также быстро.

Глостеръ.

Пусть бѣжитъ
Онъ далеко! На родинѣ ему
Не скрыться. Не уйдетъ онъ отъ погони;
Пусть попадется—и конецъ всему!
Сегодня къ ночи пріѣзжаетъ герцогъ,
Нашъ государь, защитникъ и властитель;
Отъ имени его я объявляю,
Что всякій, кто на казнь злодѣя выдастъ,
Получитъ награжденье; кто же станетъ
Его скрывать, самъ смерти будетъ преданъ.

Эдмундъ.

Когда я отклонить его старался
Отъ преступленья и потомъ увидѣлъ,
Что непреклоненъ онъ, я погрозился
Открыть все дѣло. Онъ же мнѣ сказалъ:
„Ты, безпомѣстный нищій, смѣешь думать,
Что съ правдою и честностью ты можешь
Противъ меня итти, что твой доносъ
Не въ силахъ я разрушить, хоть въ улику
Ты представляй письмо моей руки;
Что не съумѣю я тебя представить
Клеветникомъ, лжецомъ, достойнымъ ада!
Что люди всѣ, когда они не глупы,
Противъ тебя пойдутъ и будутъ вѣрить,
Что ты хитрилъ и замышлялъ мнѣ гибель,
Затѣмъ, что смерть моя—тебѣ и радость,
И побужденье къ злу!“

Глостеръ.

Великій извергъ,
Въ злодѣйствѣ закоснѣлый! Отъ письма
Откажется онъ? Нѣтъ, не мой онъ сынъ!
(За сценой слышны трубы).
Чу! трубы герцога! Зачѣмъ онъ ѣдетъ?
Я гавани закрыть велю. Позволилъ
Мнѣ это герцогъ. Не уйти злодѣю!
Я разошлю портретъ его по царству
Во всѣ концы, чтобъ всякій могъ его
Тотчасъ признать. Тебя жъ, Эдмундъ мой
вѣрный,
Съумѣю я поставить властелиномъ
Надъ всей землею и богатствомъ нашимъ.

Входятъ Корнвалль, Регана *и свита.*

Корнвалль.

Что съ вами, честный другъ? Дурною вѣ-
стью
Я встрѣченъ былъ, едва пріѣхавъ къ вамъ.

Знаменитый англійскій актеръ сэръ Генри Ирвингъ (Sir Henry Irving, род. 1838) въ роли Лира.

РЕГАНА.

Неужли это правда? Для злодѣя
Всѣхъ казней мало! Вы здоровы, Глостеръ?

ГЛОСТЕРЪ.

О, государыня, мнѣ тяжко, тяжко!

РЕГАНА.

Какъ! крестникъ моего отца? Эдгаръ?
Кому отецъ мой имя далъ? Неужель
Онъ замышлялъ убить васъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Герцогиня!
Какъ одолѣть мнѣ стыдъ мой? какъ рѣшиться
Сказать о томъ?

РЕГАНА.

Онъ при моемъ отцѣ
Съ его безпутной свитой не былъ вмѣстѣ?

ГЛОСТЕРЪ.

Не знаю я. Мнѣ горько, очень горько!

ЭДМУНДЪ.

Онъ былъ при свитѣ.

РЕГАНА.

Нечему жъ дивиться
Его злодѣйствамъ: тамъ его склоняли
Къ отцеубійству для того, чтобъ съ нимъ
Скорѣй мотать доходы и наслѣдство.
Я отъ сестры подробное извѣстье
Объ этой буйной свитѣ получила,
И твердо я рѣшила, что, когда
Они ко мнѣ пріѣдутъ, съ ними вмѣстѣ
Не стану жить я.

КОРНВАЛЛЬ.

Да и я не стану.
Эдмундъ, я слышалъ здѣсь, что ты отцу
Услугу оказалъ, какъ вѣрный сынъ.

ЭДМУНДЪ.

Сэръ, то былъ долгъ мой.

ГЛОСТЕРЪ.

Онъ открылъ злодѣя
И раненъ былъ въ бою съ преступнымъ братомъ.

КОРНВАЛЛЬ.

Погоню вы послали ли?

ГЛОСТЕРЪ.

Да, герцогъ!

КОРНВАЛЛЬ.

Пускай его найдутъ лишь—и тогда
Навѣки онъ вредить не станетъ больше.
Вы дѣйствуйте во имя нашей власти,
Какъ сами знаете. А ты, Эдмундъ,
Любезный намъ за твердость и покорность,
Готовься состоять при насъ и нашимъ
По сердцу быть. Теперь намъ нужны люди
Такой великой честности—и мы
Беремъ тебя.

ЭДМУНДЪ.

И честно стану я
Служить вамъ, сэръ.

ГЛОСТЕРЪ.

И за него я васъ
Благодарю, мой благородный герцогъ!

КОРНВАЛЛЬ (*Глостеру*).

Теперь я объясню, зачѣмъ сюда
Мы прибыли.

РЕГАНА.

Въ такую ночь глухую,
Къ несвоевременной поѣздкѣ нашей
Насъ побудили, благородный Глостеръ,
Причины не пустыя, а желанье
У васъ спросить совѣтовъ. Отъ отца
И отъ сестры мы вмѣстѣ получили
Извѣстье о раздорѣ. Мы отсюда
Должны имъ отвѣчать, и ждутъ гонцы
Отвѣтовъ нашихъ. Добрый, старый другъ,
Сберитесь съ мыслями, забудьте горе
И дайте намъ совѣтъ, такъ важный въ дѣлѣ,
Съ которымъ медлить нечего.

ГЛОСТЕРЪ.

Милэди,
Я самъ и домъ мой весь къ услугамъ вашимъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Дворъ передъ замкомъ Глостера.

Входятъ КЕНТЪ, *потомъ* ДВОРЕЦКІЙ, *съ разныхъ сторонъ.*

ДВОРЕЦКІЙ. Здорово, пріятель. Здѣшній ты?

КЕНТЪ. Здѣшній.

ДВОРЕЦКІЙ. Гдѣ бы лошадей поставить?

КЕНТЪ. Сюда, въ лужу.

ДВОРЕЦКІЙ. Скажи, пожалуйста, будь другомъ.

КЕНТЪ. Я тебѣ вовсе не другъ!

ДВОРЕЦКІЙ. Очень я забочусь о твоей дружбѣ!

Кентъ. Попадешься мнѣ въ руки, такъ позаботишься.

Дворецкій. За что ты лаешься? Я тебя не знаю.

Кентъ. Да я тебя знаю.

Дворецкій. Ну! кто жъ я такой?

Кентъ. Ты бездѣльникъ, подлецъ, лизоблюдъ, трусъ, наглецъ, оборвышъ, составъ изъ канальи, попрошайки и шельмы, мерзавецъ, котораго я заморю подъ палкой, если онъ осмѣлится отречься хоть отъ одного изъ этихъ названій!

Дворецкій. Что ты за негодяй такой въ самомъ дѣлѣ! За что ты лаешься на того, кто тебя не знаетъ и кого ты самъ не знаешь?

Кентъ. Какъ, безстыдная ты рожа, смѣешь говорить мнѣ, что не знаешь меня? А кто тебя третьяго дня сбилъ съ ногъ и поколотилъ на славу, да еще при самомъ королѣ? Мечъ наголо, мерзавецъ. Нужды нѣтъ, что теперь ночь — луна свѣтитъ. Я тебя изрублю въ бифстексъ, подлая образина! *(Вынимаетъ мечъ).*

Дворецкій. Пошелъ вонъ! нечего мнѣ дѣлать съ тобою.

Кентъ. Вынимай мечъ, мерзавецъ! Ты привезъ письмо противъ короля: ты смѣешь возить раздоръ между отцомъ и дочерью! Я тебя искрошу на мелкія части. Рубись, бездѣльникъ!

Дворецкій. Разбой, разбой! Помогите!

Кентъ. Рубись, мерзкая тварь! Защищайся, трусъ негодный! *(Бьетъ его).*

Дворецкій. Помогите! Разбой! разбой!

Входятъ Эдмундъ, герцогъ Корнваллькій, Регана, Глостеръ *и слуги.*

Эдмундъ. Что это? что за ссора? Я васъ!

Кентъ *(Эдмунду)*. Подходи, подходи, молокососъ! Я къ вашимъ услугамъ.

Глостеръ. Мечи наголо! Въ чемъ дѣло?

Корнвалль.

Остановитесь! Первый, кто посмѣетъ
Нанесть ударъ, за то заплатитъ жизнью!
Въ чемъ дѣло?

Регана. Это гонцы отъ сестры и короля.

Корнвалль. За что у васъ ссора? Отвѣчайте!

Дворецкій. Я едва перевожу духъ, милордъ!

Кентъ. Мало я тебѣ задалъ гонки, трусъ проклятый. Сама природа отопрется отъ тебя: видно, портной стачалъ тебя.

Корнвалль. Вотъ чудакъ! Портной стачалъ человѣка!

Кентъ. Конечно, портной: ни каменьщикъ, ни маляръ не смастерили бы такого дурака, хотя бы не проработали надъ нимъ и ночи.

Корнвалль. Въ чемъ дѣло?

Дворецкій. Вотъ этотъ старый буянъ, котораго я пощадилъ за его сѣдую бороду...

Кентъ. Ахъ, ты бездѣльникъ! ахъ, ты жалкое отродье! Ты пощадилъ мою сѣдую бороду? Да я тебя истолку въ прахъ! да я тебя...

Корнвалль *(Кенту)*.

Знаешь ли, гдѣ ты?
Молчать, бездѣльникъ!

Кентъ.

Я знаю, сэръ; но знайте, что и гнѣвъ
Свои права имѣетъ.

Корнвалль.

Ты за что
Взбѣсился такъ?

Кентъ.

За то, что этотъ плутъ
Имѣетъ мечъ, а чести не имѣетъ.
Я знаю этихъ ласковыхъ мерзавцевъ,
Льстецовъ - прихвостниковъ, проклятыхъ крысъ,
Всегда готовыхъ перегрызть узлы,
Которыхъ не распутать человѣку,
Святыхъ связей не чуждому. Я знаю,
Какъ эти плуты вертятся по вѣтру
И льстятъ, и ссорятъ, и въ огонь льютъ масло,
И рабски угождаютъ, и, какъ псы,
Бѣгутъ за господами. Пусть чума
Имъ вцѣпится въ безсмысленныя хари!
Что? рѣчь моя смѣшна? Эхъ, гуси, гуси!
Погналъ бы я васъ.

Корнвалль.

Ты съ ума сошелъ,
Старикъ!

Глостеръ.

Изъ-за чего вся ваша ссора?

Кентъ.

Изъ-за того, что этотъ мерзкій плутъ
Противенъ мнѣ до смерти.

Корнвалль.

Что жъ онъ сдѣлалъ?
За что онъ плутъ?

Кентъ.

Его лицо мнѣ гадко.

КОРНВАЛЛЪ.

(*Указывая на себя, Эдмунда и Регану*).
Быть можетъ, гадко и мое, и гадки
Вотъ эти лица?

КЕНТЪ.

Сэръ, всегда я правды
Любилъ держаться, оттого и долженъ
Сказать вамъ, что въ былыя времена
Видалъ я лица много лучше лицъ,
Чѣмъ тѣ, что здѣсь передо мною.

КОРНВАЛЛЬ.

Я вижу, онъ изъ тѣхъ людей, которыхъ
Разъ стоитъ похвалить за прямоту,
Чтобъ принялись они за грубость
По хитрому разсчету. Лгать и льстить
Не можетъ онъ—честна его природа.
Онъ простъ и прямъ; пусть вѣрятъ иль не вѣрятъ,
Онъ правду говоритъ; онъ простодушенъ.
Такихъ плутовъ я знаю: подъ личиной
Ихъ простоты укрыто больше зла
И вредныхъ хитростей, чѣмъ можетъ скрыться
У двадцати низкопоклонныхъ слугъ
Изъ самыхъ раболѣпныхъ.

КЕНТЪ.

Сэръ, безъ лести,
Съ соизволенья дивныхъ совершенствъ,
Васъ красящихъ, какъ огненный вѣнецъ,
Что на челѣ сверкающаго Феба...

КОРНВАЛЛЬ. Да что ты хочешь сказать?

КЕНТЪ. Хочу отучиться отъ рѣчи, которая вамъ не по вкусу. Не льстецъ я, сэръ. Кто васъ надувалъ грубыми рѣчами, былъ грубый плутъ; а грубымъ плутомъ быть я не хочу, хоть бы вы сами того отъ меня запросили.

КОРНВАЛЛЬ (*дворецкому*).
Ты чѣмъ его обидѣлъ?

ДВОРЕЦКІЙ.

Я? Ничѣмъ.
Недавно господинъ его, случайно
Прогнѣвавшись, меня ударить вздумалъ.
Онъ былъ при немъ и, льстя его досадѣ,
Мнѣ за спину зашелъ, сбилъ съ ногъ меня,
Безсовѣстно ругался надо мною
И благодарность короля за то
Онъ получилъ, какъ-будто бы за подвигъ.
И вотъ теперь, опять меня увидѣвъ,
Возобновить опять онъ хочетъ буйство.

КЕНТЪ.

Послушай только труса и мерзавца
И выйдетъ, что храбрѣй Аякса онъ!

КОРНВАЛЛЬ.

Эй, люди, принести сюда колодки!
Ты, старый плутъ, буянъ велерѣчивый,
Научишься...

КЕНТЪ.

Сэръ, поздно мнѣ учиться.
Не требуйте колодокъ. Я на службѣ
У короля, и имъ же къ вамъ я посланъ.
Не слишкомъ государя вы почтите,
А оскорбите очень, заковавши
Его гонца.

КОРНВАЛЛЬ.

Эй, подавай колодки!
До полдня продержу тебя я въ нихъ—
Клянуся честію.

РЕГАНА.

До полдня только?
Нѣтъ, до ночи и ночь всю.

КЕНТЪ.

Какъ, милэди?
Когда бъ собакой вашего отца
Я бъ былъ, вы не должны бъ такъ поступать
Со мной.

(*Приносятъ колодки*).

РЕГАНА.

Ты хуже, чѣмъ его собака!

КОРНВАЛЛЬ.

Изъ тѣхъ онъ, видно, буйныхъ челядинцевъ,
Которыхъ описала намъ сестра.
Ну, что жъ колодки?

ГЛОСТЕРЪ (*герцогу Корнваллскому*).

Благородный герцогъ,
Прошу я васъ, не дѣлайте того.
Онъ виноватъ; но пусть его накажетъ
Король и господинъ его. Такимъ
Постыднымъ наказаньямъ подвергаютъ
Однихъ рабовъ презрѣнныхъ за покражу
И низкія вины—и горько будетъ
То королю, и самъ онъ оскорбится
Обидою гонцу.

КОРНВАЛЛЬ.

Я здѣсь въ отвѣтѣ!

РЕГАНА.

Сестра скорѣе можетъ оскорбиться,
Что ею посланный слуга обиженъ,
Обруганъ въ домѣ у меня. Въ колодки!

(*Кента сажаютъ въ колодки*).

Пойдемте, герцогъ!

(*Уходятъ съ мужемъ*).

ГЛОСТЕРЪ (*Кенту*).

Жаль тебя, пріятель!
Такъ хочетъ герцогъ, а съ его приказомъ—
То знаетъ свѣтъ — нельзя шутить и спорить.
Я за тебя похлопочу.

КЕНТЪ.

Нѣтъ, сэръ,
Не хлопочите, сдѣлайте мнѣ милость!
Я мало спалъ, трудна была дорога;
Такъ я сперва посплю, а послѣ буду
Свистать себѣ. Я знаю, что Фортуна
Непостоянна къ добрякамъ. Прощайте.

ГЛОСТЕРЪ.

Не правъ нашъ герцогъ: быть бѣдѣ большой!

(*Уходитъ*).

КЕНТЪ (*одинъ, въ колодкахъ*).

Мой добрый государь, пришлось тебѣ
Бѣжать огня и въ полымя попасться!

(*Вынимаетъ письмо изъ-за пазухи*).

Придвинься жъ ты, фонарь земного шара,
Чтобъ при твоемъ я сладкомъ свѣтѣ могъ
Прочесть посланье это. Лишь средь горя
Намъ чудеса являются. Я знаю,
Что отъ Корделіи оно. Извѣстно также
Ей наше горе тяжкое. Но скоро
Наступитъ лучшая пора. Усталъ я.
Усталыя отяжелѣли вѣки;
Закроемъ же глаза, чтобъ не глядѣть
На этотъ мерзкій домъ. Вернись еще
И улыбнись, Фортуна! Доброй ночи!

(*Засыпаетъ*).

СЦЕНА III.

Часть пустой степи.

Входитъ ЭДГАРЪ.

ЭДГАРЪ.

Я слышалъ приговоръ, и отъ погони
Въ дуплѣ я этомъ спасся. Заперты
Всѣ гавани, и бдительная стража
Меня повсюду ищетъ. Для спасенья
Одно мнѣ остается: поскорѣй
Приму я видъ презрѣннаго бродяги,
Одѣнусь жалкимъ нищимъ, словно скотъ,
Лицо свое я выпачкаю грязью,
Взъерошу волосы и, грубой тканью
Нагое тѣло обвязавши, буду
Бродить подъ бурей и холоднымъ вѣтромъ.
Я знаю, въ этомъ краѣ есть немало
Безумцевъ дикихъ и крикливыхъ. Бродятъ
Они по селамъ, мельницамъ и фермамъ,
По бѣднымъ деревнямъ, въ нагія руки
Себѣ втыкая гвозди и колючки
И въ этомъ страшномъ видѣ умоляя
О подаяніи. Безумецъ жалкій,
И Терлигудъ, и Томъ—все это люди,
Все это что-нибудь; Эдгаръ—ничто!

(*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Передъ замкомъ Глостера.

Входятъ ЛИРЪ, ШУТЪ *и* РЫЦАРЬ. КЕНТЪ *спитъ, сидя въ колодкахъ*.

ЛИРЪ.

Мнѣ странно, какъ уѣхали они
И моего гонца не отослали.

РЫЦАРЬ.

Я слышалъ, что вчера объ ихъ отъѣздѣ
И рѣчи не было.

КЕНТЪ (*проснувшись*).

Привѣтъ отъ насъ
Тебѣ, великій государь!

ЛИРЪ.

Что это?
Для смѣха ты срамишь себя?

КЕНТЪ.

Нимало.

ШУТЪ. Ха-ха-ха! Въ какихъ онъ жесткихъ подвязкахъ! Зачѣмъ это лошадей вяжутъ за голову, собакъ и медвѣдей за шею, обезьянъ поперекъ тѣла, а людей такъ за ноги? Когда кто выдѣлываетъ ногами разныя штуки, тому слѣдуетъ надѣвать деревянные чулки.

ЛИРЪ.

Кто смѣлъ такъ оскорбить тебя? Кто смѣетъ
Моихъ гонцовъ наказывать? Кто онъ?

КЕНТЪ.

Не только онъ, да и она съ нимъ вмѣстѣ:
То—ваша дочь и сынъ вашъ.

ЛИРЪ.

Быть не можетъ!

КЕНТЪ. Однако, это правда.

ЛИРЪ. Нѣтъ, говорю я.

КЕНТЪ. Да, говорю я.

ЛИРЪ. Нѣтъ, они не посмѣли бы.

Кентъ. Однако, посмѣли.
Лиръ. Клянусь Юпитеромъ, нѣтъ!

Кентъ.

Клянусь Юноной, да!

Лиръ.

Нѣтъ, быть не можетъ!
Не смѣли, не могли и не желали
Они нашъ санъ такъ страшно оскорбить!
Вина такая хуже, чѣмъ убійство!
Скажи же намъ скорѣе: чѣмъ ты могъ
То заслужить и какъ они рѣшились
Такъ поступить съ моимъ гонцомъ?

Кентъ.

Въ ихъ домъ
Я прибылъ и, склонивъ колѣни, отдалъ
Отъ вашего величества посланье.
Вручивъ письмо, я не успѣлъ подняться,
Какъ въ ту жъ минуту, запыхавшись, прибылъ
Другой гонецъ, измученный ѣздою.
Въ поту и задыхаясь, произнесъ онъ
Привѣтствіе отъ лэди Гонерильи
И передалъ письмо; а по прочтеньи
Того письма, они, созвавъ прислугу,
Пустились въ путь, небрежно приказавъ,
Чтобъ я за ними ѣхалъ и отвѣта
Въ свободный часъ дождался. Здѣсь опять
Я повстрѣчалъ гонца, который явно
Намъ повредилъ. То былъ тотъ самый плутъ,
Что смѣлъ недавно, государь, грубить вамъ.
Его увидѣвши, всю осторожность
Я позабылъ и мечъ извлекъ, и биться
Его позвалъ; но онъ постыднымъ крикомъ
Поднялъ весь домъ. Вашъ зять и ваша дочь
Тѣмъ оскорбились и взысканьемъ гнуснымъ
Проступокъ мой почтили.

Шутъ. Э, видно зима-то не прошла, когда дикіе гуси летятъ въ ту сторону.

(Поетъ).

У отцовъ богатыхъ
Ласкова семья;
У отца въ лохмотьяхъ
Дочка—что змѣя.
Для слѣпого року
Въ голякахъ нѣтъ проку!

Лиръ.

О, какъ тоскуетъ сердце! Какъ кручина
Восходитъ выше все! Гдѣ эта дочь?

Кентъ.

Здѣсь, въ замкѣ графа.

Лиръ *(рыцарю)*.

Оставайся здѣсь:
Одинъ пойду я. *(Уходитъ).*

Кентъ.

Для чего король
Съ такою малой свитой къ намъ пріѣхалъ?

Шутъ. Вотъ за такой вопросъ стоитъ тебя продержать въ колодкахъ подольше.

Кентъ. Это почему, дуракъ?

Шутъ. Чтобъ ты уму-разуму сколько-нибудь выучился. И муравей тебѣ скажетъ, что зимой работать не стоитъ. Развѣ носъ у тебя не затѣмъ, чтобъ пронюхивать, гдѣ пахнетъ получше? Не хватайся за колесо, когда оно внизъ катится: шею сломишь понапрасну. Вотъ коли оно вверхъ ѣдетъ, держись за него: самъ на верху будешь. Если умный человѣкъ дастъ тебѣ лучшій совѣтъ—возврати мнѣ мой: я желалъ бы, чтобъ одни плуты ему слѣдовали, такъ какъ его даетъ дуракъ.

(Поетъ).

Кто служитъ только изъ разсчета,
Тотъ состоитъ при васъ для счета
И въ бурю прочь отъ васъ уйдетъ,
Чуть дождь накрапывать начнетъ.
Ну что жъ—пусть умный уберется,
А глупый возлѣ остается:
Плутъ тупъ бываетъ иногда,
Дуракъ же плутомъ—никогда.

Кентъ. Гдѣ ты этому научился, дуракъ?

Шутъ. Ужъ, конечно, не въ колодкахъ сидя, глупый ты человѣкъ

Лиръ *и* Глостеръ *возвращаются.*

Лиръ.

Нельзя принять меня? Они больны?
Они устали? Ѣхали всю ночь?
Все это вздоръ, уловки, непокорность!
Сходи еще разъ.

Глостеръ.

Добрый государь,
Вы знаете, какъ герцогъ вспыльчивъ нравомъ,
Какъ непреклоненъ и упоренъ онъ
Въ своихъ рѣшеньяхъ.

Лиръ.

Смерть! чума! проклятье!
Онъ вспыльчивъ? вспыльчивъ нравомъ?
Глостеръ! Глостеръ!
Мнѣ герцога Корнваллскаго съ женой
Увидѣть надо.

Глостеръ.

Государь, сейчасъ лишь
Я волю вашу имъ передавалъ.

Лиръ.

Ты—человѣкъ: меня ты разумѣешь?

Глостеръ.

Да, государь.

Лиръ.

Поди, скажи ему,
Что повидаться съ нимъ король желаетъ,
Отецъ любимый хочетъ видѣть дочь
И требуетъ ее къ себѣ—и знаютъ
Они о томъ! Клянусь моею кровью!
Онъ вспыльчивъ? герцогъ вспыльчивъ? Такъ скажи
Ты вспыльчивому герцогу... Нѣтъ, нѣтъ,
Теперь не время. Боленъ онъ, быть можетъ.
Я самъ не правъ: что взыскивать съ больного?
Мы надъ собой невластны: если тѣло
Страдаетъ, то и разумъ не въ порядкѣ.
Нѣтъ, удержусь. Не надо увлекаться.
Съ больныхъ и слабыхъ требовать нельзя
Того, что дать здоровый можетъ. Нѣтъ!
(Взглянувъ на Кента).
Зачѣмъ онъ скованъ? Нѣтъ, все это вздоръ!
Хитрятъ они! Отъѣздъ ихъ—ложь пустая.
Слуга, сюда! *(Вошедшему слугѣ).*
Иди и дай имъ знать,
Что герцога и герцогиню тотчасъ
Мнѣ надо видѣть. Пусть придутъ сейчасъ же!
Пускай придутъ, чтобъ выслушать меня;
Не то у спальни ихъ я прикажу
Бить въ барабанъ, пока они не выйдутъ!

Глостеръ.

Боюсь я, быть теперь большой бѣдѣ!

(Уходитъ).

Лиръ.

Какъ сердце бьется! Полно, полно, сердце!
Шутъ. Закричи-ка ему: „внизъ, внизъ!“ какъ кричала угрямъ кухарка, когда клала ихъ живыми въ пирогъ. А былъ и такой чудакъ, что кормилъ лошадку сѣномъ съ масломъ.

Входятъ Корнвалль, Регана *и* Глостеръ.

Лиръ.

День добрый вамъ обоимъ.

Корнвалль.

Государь,
И вамъ привѣтъ нашъ.
(Кенту освобождаютъ).

Регана.

Государь, я рада,
Что вижу васъ.

Лиръ.

Я вѣрю, что ты рада;
Я думаю, что рада ты. Когда бъ
Ты не была мнѣ рада, оскорбленье
Я бъ гробу матери твоей нанесъ,
Какъ гробу непотребной твари. *(Кенту).* А!
Освобожденъ ты. Ну, объ этомъ послѣ.
Регана милая! Сестра твоя—
Злодѣйка гнусная. *(Указывая на сердце).*
Она подъ сердце
Сюда змѣю мнѣ лютую вложила!
Она обидѣла меня, Регана!
Какъ высказать тебѣ обиду эту,
Чтобъ ты повѣрила?

Регана.

Прошу васъ, сэръ,
Въ себя придите. Вы скорѣй способны
Не оцѣнить сестру, чѣмъ отъ нея
Обиду несть.

Лиръ.

Скажи мнѣ, какъ же это?

Регана.

Не вѣрю я, чтобы сестра забыла
Хоть въ чемъ-нибудь свой долгъ. Быть можетъ, сэръ,
Хотѣла обуздать она безпутство
Прислуги вашей—и хулить нельзя
Такую цѣль.

Лиръ.

Проклятье на нее!

Регана.

Вы стары, добрый государь. Природа
Вѣкъ долгій вамъ дала и тѣмъ самимъ
Вамъ предписала быть подъ мудрой властью
Кого-нибудь, кто больше васъ способенъ
О васъ заботиться. Прошу я васъ,
Вернитесь же къ сестрѣ, скажите ей,
Что вы не правы.

Лиръ.

Какъ! просить прощенья?
(Становится на колѣни).
Сказать ей такъ: любезнѣйшая дочь,
Я старъ, я безполезенъ, на колѣняхъ
Тебя прошу я—сжалься надо мною,
Корми меня, дай мнѣ постель и платье?

Регана.

Сэръ, перестаньте! Тяжело глядѣть
На эти шутки. Воротитесь лучше
Къ сестрѣ моей.

ЛИРЪ.

Регана, ни за что!
Она мою убавила прислугу,
Она глядѣла на меня сурово;
Она змѣинымъ языкомъ колола
Мнѣ сердце самое. Пусть мщенье Неба
Растетъ, растетъ и грянетъ надъ проклятой!
Пусть воздухъ чумный гибельнымъ увѣчьемъ
Ей молодыя кости поразитъ!

КОРНВАЛЛЬ.

Тьфу! тьфу! тьфу!

ЛИРЪ.

Вы, молніи, порывистымъ сіяньемъ
Ей ослѣпите дерзкіе глаза!
Пусть мгла болотная, могучимъ солнцемъ
Изъ нѣдръ земли поднятая наверхъ,
Ея красу навѣкъ обезобразитъ
И осквернитъ ей гордый ликъ!

РЕГАНА.

О, боги!
И мнѣ того же будете желать
Въ минуту злую?

ЛИРЪ.

Нѣтъ, моя Регана!
За что я сталъ бы проклинать тебя?
Твой нравъ привѣтливъ, кротокъ и незлобенъ;
У ней свирѣпый взглядъ, твои жъ глаза
Мнѣ сердце услаждаютъ, а не жгутся.
Не станешь ты мѣшать моимъ забавамъ,
Сгонять моихъ людей и дерзкой рѣчью
Меня язвить, и напослѣдокъ даже
Отъ моего прихода запираться.
Ты лучше разумѣешь долгъ природы,
Признательность и дѣтское почтенье;
Ты не забудешь, что тебѣ я отдалъ
Полцарства.

РЕГАНА.

Государь, что жъ дальше?

(*За сценой слышны трубы*).

ЛИРЪ.

Кто моего слугу сажалъ въ колодки?

КОРНВАЛЛЬ.

Кто трубитъ тамъ?

РЕГАНА.

Пріѣхала сестра.
Мнѣ было писано.

Входитъ ДВОРЕЦКІЙ.

РЕГАНА.

Ты съ госпожою?

ЛИРЪ.

А! вотъ тотъ рабъ, что милостью минутной
Почтенъ отъ госпожи и тѣмъ гордится.
Прочь съ глазъ моихъ, мерзавецъ!

КОРНВАЛЛЬ.

Государь.
Что жъ это значитъ?

ЛИРЪ.

Прежде мнѣ скажи,
Кто моего слугу сковалъ? Регана—
Надѣюсь я—объ этомъ ты не знала?

Входитъ ГОНЕРИЛЬЯ.

ЛИРЪ.

Кто это? кто? Вы, боги всеблагіе,
Когда вы старцевъ любите, когда
Покорности хотите вы въ подвластныхъ,
Когда вы сами стары, заступитесь
Вы за меня всей силою своей! (*Гонерилью*).
На эту бороду глядѣть ты можешь
Безъ тяжкаго стыда? И неужели,
Моя Регана, ты подашь ей руку?

ГОНЕРИЛЬЯ.

А почему жъ и не подать? Не знаю
Я за собой вины. Не все то зло,
Что кажется виной для сумасбродовъ.

ЛИРЪ.

Чего не можетъ сердце снесть! Ужели
Я и теперь все вынесу? Въ колодки
Кто моего слугу сажалъ?

КОРНВАЛЛЬ.

Я, государь,
Велѣлъ сковать его, хоть надо было
Взыскать гораздо строже.

ЛИРЪ.

Какъ ты смѣлъ?

РЕГАНА.

Отецъ, прошу васъ, если вы такъ слабы,
То не сердитесь попусту. Вернитесь
Теперь къ сестрѣ, увольте часть прислуги
И, мѣсяцъ кончивши, ко мнѣ явитесь.
Не дома я теперь, и не могу я
Ни васъ, ни свиты вашей содержать.

ЛИРЪ.

Вернуться къ ней и распустить прислугу?
Нѣтъ, я скорѣе откажусь отъ крова,
Пойду встрѣчать ночную непогоду
И спать въ лѣсу между совой и волкомъ.
Нужда сильна. Къ ней воротиться? Нѣтъ!
Скорѣе я предъ пылкимъ королемъ,

Регана: Да, и повторить мои слова готова
(Явленіе II, сц. IV).
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Что безъ приданаго въ замужество взялъ
Меньшую дочь мою—предъ нимъ скорѣе
У трона я склоню мои колѣни,
Какъ щитоносецъ, какъ послѣдній рабъ,
Прося подачки. Какъ! вернуться къ ней?
Что жъ не предложишь ты мнѣ быть слугой
И вьючной тварью этого мерзавца?
(Указываетъ на дворецкаго).

Гонерилья.

Какъ вамъ угодно.

Лиръ.

Дочь, прошу тебя,
Не доводи меня до изступленья.
Дитя мое, я болѣе не стану
Надоѣдать тебѣ; съ тобой встрѣчаться
Не буду болѣе—прощай навѣки!
Ты все-таки и плоть, и кровь моя,
Или, скорѣй, недугъ мой, язва злая,
Которую я признаю своей.
Тебя я не позорю и стыда
На голову твою не призываю:

Стыдъ самъ придетъ. Зевесу-громовержцу,
На облакахъ творящему свой судъ,
Я на тебя не жалуюсь и грома
Небеснаго въ защиту не зову.
Исправься, если можешь, на досугѣ—
Я ждать могу, а жить съ моей Реганой...
Я... и сто рыцарей...

Регана.

Нѣтъ, сэръ, постойте!
Я васъ еще не ждала и принять
Васъ не могу, какъ должно. Государь,
Послушайтесь сестры. Вамъ всякій скажетъ,
Что стары вы, что весь вашъ гнѣздъ напрасенъ.
Сестра моя—повѣрьте—знаетъ лучше,
Что дѣлать надо.

Лиръ.

Такъ ли я разслушалъ?

Регана.

Подумайте: полсотни челядинцевъ
Для васъ довольно. Для чего вамъ больше?
Да и полсотни много; а толпу
Держать такую тяжело и страшно.
Легко ли будетъ поддержать порядокъ
Въ двухъ разныхъ свитахъ подъ одною кровлей,
Но подъ начальствомъ разнымъ? Это трудно
И невозможно даже.

Гонерилья.

Почему бъ
Вамъ не могла служить сестры прислуга
Или моя?

Регана.

О, почему бъ не такъ?
Когда кто провинится передъ вами,
За это взыщемъ мы. Когда хотите
Жить у меня, то я прошу васъ честью
Имѣть съ собой лишь двадцать пять придворныхъ
Я больше не приму.

Лиръ.

Я все вамъ отдалъ.

Регана.

И сдѣлали не худо.

Лиръ.

Я вамъ сдалъ
Всю власть мою и всѣ мои богатства.
Сто рыцарей лишь при себѣ оставилъ.
Неужели, Регана, я къ тебѣ
Лишь съ двадцатью пятью пріѣхать долженъ?
Неужли ты сказала это?

Регана.

Да,
И повторить мои слова готова.

Лиръ.

И злая тварь мила предъ тварью злѣйшей!
Кто меньше золъ, тотъ стоитъ похвалы!
(*Гонерильѣ*).
Къ тебѣ я ѣду: пятьдесятъ все больше,
Чѣмъ двадцать пять—и ты добрѣе вдвое.

Гонерилья.

Отецъ, послушайте: зачѣмъ вамъ брать
И пятьдесятъ, иль двадцать пять съ собою
Въ тотъ домъ, гдѣ вамъ дадутъ число двойное
Служителей?

Регана.

Тутъ и одинъ не нуженъ.

Лиръ.

О, не суди о нуждахъ! Жалкій нищій
Средь нищеты имѣетъ свой избытокъ.
Дай человѣку то лишь, безъ чего
Не можетъ жить онъ—ты его сравняешь
Съ животнымъ. Для чего твои наряды?
Безъ пышности ходить въ теплѣ мы можемъ.
Лишь то, что точно нужно! О! мнѣ нужно
Терпѣнье лишь! Терпѣнья дай мнѣ, Небо!
О, боги, здѣсь предъ вами старецъ бѣдный,
Исполненный жестокою тоскою!
Коль вы озлобили моихъ дѣтей
Противъ отца, отцу вы дайте силу:
Зажгите гордый гнѣвъ во мнѣ, не дайте
Мнѣ обезумѣть передъ оскорбленьемъ,
Не дайте проливать мнѣ женскихъ слезъ,
Постыдныхъ для мужчины! Нѣтъ, волчицы,
Я отплачу вамъ такъ, что цѣлый свѣтъ...
Я накажу васъ... самъ не знаю какъ,
Но ужасну я міръ ужаснымъ дѣломъ!
Вы думаете, плакать стану я?
О, нѣтъ, я не заплачу—никогда!
Мнѣ есть о чемъ рыдать, но прежде сердце
Въ груди моей на тысячу кусковъ
Порвется! Шутъ мой, я съ ума сойду!
(*Лиръ, шутъ, Кентъ и Глостеръ уходятъ*).

Корнвалль.

Уйдемъ и мы: гроза идетъ.
(*Слышенъ громъ*).

Регана.

Здѣсь въ домѣ
Не много мѣста: старика со свитой
Куда мы дѣнемъ?

Знаменитый нѣмецкій актеръ Барнай (Barnay, род. 1842) въ роли Лира.

Гонерилья.

Самъ онъ виноватъ:
Самъ нашалилъ—пусть самъ же отвѣчаетъ.

Регана.

Его принять могла бы я охотно,
Безъ свиты только.

Гонерилья.

Я съ тобой согласна.
А гдѣ же Глостеръ?

Корнвалль.

Со старикомъ пошелъ.

Глостеръ *возвращается.*

Корнвалль.

А, вотъ и онъ!

Глостеръ.

Король въ жестокомъ гнѣвѣ!

Корнвалль.

Куда жъ онъ ѣдетъ?

Глостеръ.

На коня всей свитѣ
Велѣлъ садиться, для чего—не знаю.

Корнвалль.

Пусть ѣдетъ онъ себѣ, куда угодно

Гонерилья.

И отговаривать его не должно.

Глостеръ.

Ужъ ночь близка; холодный, рѣзкій вѣтеръ
Шумитъ все крѣпче, а въ степи кругомъ
Нѣтъ ни куста.

Регана.

О, сэръ, упрямымъ людямъ
Урокъ полезенъ! Затворить ворота!
Отчаянная свита съ нимъ: кто знаетъ,
Къ чему она его настроить можетъ?
Смутить его легко теперь—и намъ
Беречься слѣдуетъ.

Корнвалль (*Глостеру*).

Скорѣй, милордъ.
Ворота на запоръ! Права Регана:
Какая ночь! Уйдемте отъ грозы!

(*Уходятъ*).

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Дикая степь: буря, ложь, громъ и молнія.

Кентъ *и* джентльмэнъ *встрѣчаются.*

Кентъ.

Кто здѣсь? кто бродитъ въ эту непогоду?

Джентльмэнъ.

Тотъ, въ чьей душѣ такая жъ непогода.

Кентъ.

Я васъ узналъ. Гдѣ нашъ король теперь?

Джентльмэнъ.

Въ отчаяньи онъ бродитъ подъ грозою;
Онъ молитъ вѣтеръ, чтобъ навѣки землю
Онъ въ море сдулъ; чтобъ волны, взгромоздившись,
Залили шаръ земной; чтобъ міръ погибъ.
Свои сѣдины рветъ онъ съ головы,
А рѣзкій вѣтеръ, въ ярости безумной
Ихъ подхвативъ, уноситъ вдаль. Онъ хочетъ
Одинъ противостать дождю и вихрю
И въ эту ночь, когда самъ тощій волкъ
И левъ съ медвѣдемъ подъ грозу не выйдутъ,
Онъ бѣгаетъ съ открытой головой
И какъ бы ищетъ бури.

Кентъ.

Кто же съ нимъ?

Джентльмэнъ.

Одинъ съ нимъ шутъ, который отшутить
Старается тоску его.

Кентъ.

Я знаю,
Что вамъ мы можемъ ввѣриться—и смѣло
Передаю вѣсть важную. Раздоръ,
Доселѣ скрытый, чуть ли ужъ не вспыхнулъ
Межъ герцогомъ Корнваллскимъ и Альбани.
У нихъ есть слуги такъ, какъ и у всѣхъ,
Кто высоко сидитъ и власть имѣетъ.
Подъ маской слугъ—лазутчики. Французамъ
Чрезъ нихъ давно извѣстно все про насъ:
Извѣстна имъ правителей вражда,
Поступокъ звѣрскій съ старымъ корслемъ
И многое, чему все это зло
Началомъ служитъ. Вѣрно то, что войско
Изъ Франціи въ нашъ раздробленный край
Уже пришло и, высадившись тайно,
Идетъ на насъ открытою войною.

Лиръ. Громъ небесный
Все потрясающій, разбей природу всю,
Расплюсни разомъ толстый шаръ земли
И разбросай по вѣтру сѣмена,
Родящія людей неблагодарныхъ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Коль вѣрите вы мнѣ, то поспѣшайте
Теперь же въ Доверъ: тамъ найдете вы
Людей, которые вамъ благодарны будутъ
За вѣсть о королѣ, за слово правды
О томъ, что вытерпѣлъ несчастный старецъ.
Идите же. Я, дворянинъ по крови,
Даю вамъ это порученье, вѣря,
Что вы надежны.

Джентльмэнъ.

Должно бъ было съ вами
Поговорить объ этомъ.

Кентъ.

Нѣтъ, не надо.
Какъ вѣрный признакъ сана моего,
Возьмите этотъ кошелекъ, откройте
И, что тамъ есть, возьмите. Увидавъ
Корделію, тотчасъ же этотъ перстень
Вы ей представите: она вамъ скажетъ,
Что я за человѣкъ... Какая буря!
Я короля искать иду.

Джентльмэнъ.

Подайте
Мнѣ вашу руку. Все сказали вы?

Кентъ.

Въ словахъ немного я сказалъ, но въ дѣлѣ
Гораздо больше. Вы идите здѣсь,
Я жъ тамъ пойду—и короля кто встрѣтитъ,
Пускай другому голосъ подаетъ.
(Расходятся).

СЦЕНА II.

Другая часть дикой степи. Буря продолжается.

Входятъ Лиръ *и* шутъ.

Лиръ.

Злись, вѣтеръ, дуй, пока не лопнутъ щеки!
Вы, хляби водъ, стремитесь ураганомъ,
Залейте башни, флюгера на башняхъ!
Вы, сѣрные и быстрые огни,
Предвѣстники громовыхъ тяжкихъ стрѣлъ,
Дубовъ крушители, летите прямо
На голову мою сѣдую! Громъ небесный,
Все потрясающій, разбей природу всю,
Расплюсни разомъ толстый шаръ земли
И разбросай по вѣтру сѣмена,
Родящія людей неблагодарныхъ!

Шутъ. Что, куманекъ, подъ кровлей-то сидѣть получше, я думаю, чѣмъ здѣсь, подъ дождемъ шататься? Право, дяденька, помирился бы ты лучше съ дочерьми. Въ такую ночь и умнику, и дураку—обоимъ плохо!

Лиръ.

Реви всѣмъ животомъ, дуй, лей, греми и жги!
Чего щадить меня? Огонь и вѣтеръ,
И громъ, и дождь не дочери мои!
Въ жестокости я васъ не укоряю:
Я царства вамъ не отдавалъ при жизни,
Дѣтьми моими васъ не называлъ.
Вы не подвластны мнѣ: такъ тѣшьтесь смѣло
Вы надо мной, стоящимъ въ вашей власти,
Презрѣннымъ, хилымъ, бѣднымъ старикомъ!
Такъ, тѣшьтесь въ волю, подлые рабы,
Угодники двухъ дочерей преступныхъ,
Когда не стыдно вамъ итти войною
Противу головы сѣдой и старой,
Какъ эта голова! О, о! позоръ!

Шутъ. Умный этотъ человѣкъ, у кого теперь есть домъ съ крышкой. Не было еще красавицы, которая не гримасничала бы передъ зеркаломъ. (*Поетъ*).

Тотъ, кто хочетъ жонку взять,
Не имѣя гдѣ и спать,
Только вшей заводитъ въ платьи:
Такъ парятся въ нищей братьи!
Кто свой палецъ превратитъ
Въ то, чѣмъ сердце должно быть,
Не снесетъ мозолей тренья
И замѣнитъ грезой бдѣнье.

Входитъ Кентъ.

Лиръ. Я буду терпѣть молча. Я не скажу слова болѣе.

Кентъ. Кто тутъ?

Шутъ. Король и колпакъ, мудрецъ и дуракъ.

Кентъ.

Мой государь, какъ! здѣсь вы? Изъ людей
Никто не видѣлъ ночи болѣе страшной!
Отъ гнѣвныхъ тучъ ночные звѣри даже
Пугаются въ горахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ помнить
Себя я сталъ, такихъ огня потоковъ
И взрывовъ оглушительнаго грома,
И стоновъ вѣтра съ ливнемъ никогда
Не видѣлъ и не слышалъ я. Нѣтъ силъ
Все это человѣку снесть!

Лиръ.

Пусть боги
Великіе, что громъ надъ нами держатъ,
Теперь творятъ расправу! Трепещи,
Злодѣй, себя укрывшій отъ закона!
Убійца ближняго съ рукой кровавой,
Клятвопреступникъ и прелюбодѣй,
Отъ всѣхъ сокрытый! Злобный лицемѣръ,
Изподтишка злодѣйства замышлявшій,
Дрожи теперь жестокой смертной дрожью!
Откройте скрытые свои грѣхи,
Развейте тайные изгибы сердца
И съ плачемъ умоляйте громъ небесный
Васъ пощадить. Я—человѣкъ, который
Зла терпитъ болѣе, чѣмъ сдѣлалъ самъ.

Кентъ.

Съ открытой головой онъ .. Горе! горе!
Мой добрый государь, здѣсь есть шалашъ:
Тамъ вы укройтесь; я жъ опять пойду
Къ жестокосердымъ людямъ, въ домъ проклятый,
Куда сейчасъ стучался я напрасно,
Про васъ освѣдомляясь: тамъ я силой
Всѣхъ подниму.

Лиръ.

Мѣшается мой умъ.
Пойдемъ, мой другъ. Что, холодно тебѣ?
Я самъ озябъ. Товарищъ, гдѣ жъ солома?
Нужда—вещь чудная: пустой предметъ
Безцѣннымъ дѣлаетъ она. Ну, что же?
Гдѣ твой шалашъ? Иди, дуракъ мой бѣдный,
Иди за мною. Я чувствую, что въ сердцѣ
Моемъ есть жалость: я тебя жалѣю.

Шутъ (*поетъ*).

Кто надѣленъ хоть маленькимъ умомъ.
Тому и дождь, и вѣтеръ ни по чемъ—
И долженъ тотъ доволенъ быть судьбою,
Хотя бы дождь лилъ каждый день рѣкою.

Лиръ. Правда, мой другъ! (*Кенту*). Ну, веди насъ къ шалашу. (*Уходятъ съ Кентомъ*).

Шутъ. Вотъ славная ночь, чтобы прохладить развратницу! Но прежде чѣмъ уйти, я немного попророчествую.

Когда попъ не словамъ, а дѣлу дастъ свободу;
Когда кабатчикъ литъ устанетъ въ пиво воду,
Вельможа поучать начнетъ своихъ портныхъ,
А судъ жечь на кострахъ развратницъ записныхъ;
Когда въ судахъ дѣла кончаться честно будутъ;
Когда дворяне жить кредитомъ позабудутъ;
Когда тревожить ложь не будетъ языковъ
И не останется въ толпѣ людской воровъ;
Ростовщики начнутъ любить бугры и ямы,
А сводни созидать монастыри и храмы:
Тогда нашъ Альбіонъ и бравый нашъ народъ
Смятенье обойметъ и ужасъ проберетъ,
И время вслѣдъ затѣмъ такое ужъ настанетъ,
Что люди по землѣ ходить ногами станутъ.

Это предскажетъ Мерлинъ, потому что я живу до его времени.

СЦЕНА III.

Комната въ замкѣ Глостера.

Входятъ Глостеръ *и* Эдмундъ.

Глостеръ. Бѣда, бѣда, мой Эдмундъ! Не по-сердцу мнѣ жестокое дѣло! Я сталъ просить, чтобы мнѣ позволили пріютить бѣднаго короля—они помѣшали мнѣ располагать собственнымъ моимъ домомъ. Они запретили мнѣ, подъ опасеніемъ вѣчной немилости, говорить о немъ, просить за него, чѣмъ-нибудь пособить ему.

Эдмундъ. Это дико, это безчеловѣчно!

Глостеръ. Слушай же, только не разсказывай никому. Герцоги давно въ раздорѣ; и это еще не все. Ночью получилъ я письмо—опасно говорить о немъ—я его заперъ въ моей комнатѣ. Готовится тяжкое мщеніе за обиды, нанесенныя королю. Уже на нашей землѣ высадилось войско. Намъ съ тобой надо стать за короля; я сыщу его, позабочусь о немъ, ты же иди—занимай герцога, чтобы мои заботы о королѣ остались втайнѣ. Если обо мнѣ спросить—я боленъ, я въ постели. Пускай я умру, пусть сбудутся ихъ угрозы, я не оставлю безъ помощи моего государя, моего стараго государя. Чудныхъ дѣлъ надо ожидать, Эдмундъ: будь же остороженъ.

(*Уходитъ*).

Эдмундъ (*одинъ*).

Про эту преданность, безъ замедленья,
Я герцогу скажу, письмо добуду
И кончу все. За мной теперь побѣда:
Я властелинъ надъ всѣмъ твоимъ добромъ.
Пропалъ старикъ, а юношѣ удача!

(*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Часть [illegible] съ шалашомъ.

Входятъ Лиръ, Кентъ *и* шутъ.

Кентъ (*у шалаша*).

Вотъ здѣсь. Войдите, добрый государь:
Въ такую ночь и подъ открытымъ небомъ
Не слѣдуетъ ходить.

Лиръ.

Оставь меня.

Кентъ.

Войдите, государь.

Лиръ.

Ты хочешь сердце
Мнѣ разорвать?

Кентъ.

Мое пусть рвется прежде.
Мой добрый государь, прошу—войдите.

Лиръ.

Ты думаешь—промокнуть до костей
Бѣда большая? Ты и правъ отчасти;
Но тамъ, гдѣ насъ грызетъ недугъ великій,
Мы меньшаго не слышимъ. Отъ медвѣдя
Ты побѣжишь, но, встрѣтивъ на пути
Бушующее море, къ пасти звѣря
Пойдешь назадъ. Когда спокоенъ разумъ,
Чувствительно и тѣло: буря въ сердцѣ
Моемъ всѣ боли тѣла заглушаетъ—
И боль одну я знаю.

(*Указываетъ на сердце*).

Эта боль—
Дѣтей неблагодарность! Что же это?
Не то же ль, что уста терзаютъ руку,
Что пищу имъ даетъ? Нѣтъ, нѣтъ, я плакать

ЛИРЪ И ЕГО СПУТНИКИ У ШАЛАША ЭДГАРА.

Картина Роберта Смирка (Robert Smirke, R. A 1752—1845). Малая Байделевская галлерея.

Не стану больше. Отплачу я страшно!
Въ такую ночь не дать мнѣ крова! Лей—
Снесу я все! Регана, Гонерилья!
Въ такую ночь... Сѣдого старика,
Отца, отдавшаго вамъ все на свѣтѣ
Изъ доброты своей... Нѣтъ, замолчу,
Чтобъ разумъ не померкнулъ.

КЕНТЪ.

Государь,
Войдите!

ЛИРЪ.

Самъ войди—прошу тебя—
И успокойся самъ; меня же буря
Отъ тяжкихъ размышленій отвлекаетъ.
Иду, иду!

(*Шуту*).

Ступай впередъ, бѣдняга!
Голякъ бездомный, ну, ступай подъ кровлю;
Я жъ помолюсь и лягу спать ужъ послѣ.

(*Шутъ уходитъ*).

Вы, бѣдные, нагіе несчастливцы,
Гдѣ бъ эту бурю ни встрѣчали вы,
Какъ вы перенесете ночь такую,
Съ пустымъ желудкомъ, въ рубищѣ дырявомъ,
Безъ крова надъ бездомной головой?
Кто пріютитъ васъ, бѣдные? Какъ мало
Объ этомъ думалъ я! Учись, богачъ,
Учись на дѣлѣ нуждамъ меньшихъ братьевъ,
Горюй ихъ горемъ и избытокъ свой
Имъ отдавай, чтобъ оправдать тѣмъ Небо!

Голосъ ЭДГАРА (*въ шалашѣ*) Сажень, сажень съ половиной! Бѣдный Томъ!

ШУТЪ (*выбѣгая изъ шалаша*). Не ходи туда, кумъ: тамъ злые духи. Ай, страшно!

КЕНТЪ. Дай руку. Кто тутъ?

ШУТЪ. Злой духъ, злой духъ, его зовутъ бѣднымъ Томомъ.

КЕНТЪ.

Кто тамъ рычитъ въ соломѣ? Выходи!

Выходитъ ЭДГАРЪ, *въ видѣ сумасшедшаго.*

ЭДГАРЪ. Прочь, за мной бѣжитъ діаволъ! Холодный вѣтеръ дуетъ сквозь колючій терновникъ! Иди грѣться въ холодную постель.

ЛИРЪ.

Ты отдалъ все двумъ дочерямъ своимъ
И до того дошелъ?

ЭДГАРЪ. Дайте что-нибудь бѣдному Тому. Злой духъ гонялъ его по огню и пламени, по бродамъ и пучинамъ, по болоту и ямамъ, клалъ ему ножи вмѣсто подушки, кормилъ мышьякомъ! Будьте здоровы, добрые люди! Тому очень холодно. Дайте милостыню бѣдному Тому. Бѣднаго Тома бѣсъ мучитъ! Вотъ я его, вотъ я его, еще разъ и еще разъ и еще разъ!

(*Буря продолжается*).

ЛИРЪ.

Какъ! все ты роздалъ дочерямъ своимъ?
Ты что себѣ сберегъ? Ты все имъ отдалъ?

ШУТЪ. Все, кромѣ лохмотьевъ, чтобъ стыдно не было.

ЛИРЪ.

Пусть всѣ недуги, что тлетворный воздухъ
Таитъ въ себѣ для казни смертнымъ злобнымъ,
Теперь падутъ на дочерей твоихъ!

КЕНТЪ. У него нѣтъ дочерей, государь.

ЛИРЪ.

Лжешь, рабъ! Однѣ лишь дочери-злодѣйки
До бѣдствій могутъ довести такихъ.
Иль нынче выгоняютъ всѣ отцовъ?
Иль надо, чтобъ они страдали больше?
Казнь дѣльная: они на свѣтъ родили
Чудовищъ-дочерей.

Эдгаръ: Вотъ я его, вотъ я его, еще разъ, и еще разъ, и еще разъ!
Рисунокъ Джильберта (Gilbert)

Эдгаръ. Пилликокъ! Сидѣлъ на Пилликокѣ! у-у-у!

Шутъ. Всѣ мы, видно, одурѣемъ за эту холодную ночь!

Эдгаръ. Берегись злого духа, родителей слушайся, свято держи слово, носа не подымай, вина не пей, отъ женщинъ бѣгай. Сквозь терновникъ дуетъ холодный вѣтеръ. Бѣдный Томъ озябъ!

Лиръ. Чѣмъ же ты былъ прежде?

Эдгаръ. Волокитой, гордымъ сердцемъ и умомъ, который завивалъ волосы, носилъ перчатки на шляпѣ, служилъ похоти сердца своей любовницы и творилъ съ нею дѣло тьмы, произносилъ столько клятвъ, сколько говорилъ словъ, и измѣнялъ имъ передъ священнымъ лицомъ неба. Я засыпалъ, обдумывая соблазны, и просыпался, чтобы приняться за нихъ. Вино я любилъ глубоко, кости—нѣжно, а что касается любви къ женщинамъ, то въ этомъ отношеніи могъ заткнуть за поясъ любого турка. Коварный сердцемъ, продажный въ словѣ, съ кровью на рукахъ, свинья лѣностью, лисица лукавствомъ, волкъ жадностью, собака бѣшенствомъ, левъ добычей... Не до-

пускай, чтобъ скрипъ башмачка и шелестъ шелковаго платья отдавали твое бѣдное сердце во власть женщинамъ; держи свои ноги подальше отъ притоновъ разврата, твои руки отъ юбки, твое перо отъ записной книжки ростовщика и борись противъ діавола... Но сквозь тернъ все дуетъ холодный вѣтеръ; онъ говоритъ: „мумъ! мумъ!“ Мальчикъ, оставь меня... Пусть его проходитъ...

(*Буря продолжается*).

Лиръ. Лучше бы тебѣ лежать подъ землей, нежели нагишомъ бродить подъ бурею. Неужели это человѣкъ — человѣкъ и ничего больше? Посмотри на него хорошенько: на немъ нѣтъ ни кожи отъ звѣря, ни шерсти отъ овцы, ни шелку отъ червя! А, мы всѣ трое не люди — мы поддѣланы! Вотъ человѣкъ, какъ онъ есть — бѣдное, голое, двуногое животное... Прочь съ меня все чужое! (*Шуту*). Эй! разстегни здѣсь. (*Рветъ съ себя платье*).

Шутъ. Что ты, кумъ, затѣялъ? не раздѣвайся: здѣсь негдѣ плавать. Эхъ! хоть бы какой огонекъ въ чистомъ полѣ, хоть бы одна теплая искра въ этой стужѣ! Глядите-ка, вонъ къ намъ идетъ огонекъ.

(*Показывается Глостеръ съ факеломъ*).

Эдгаръ. Это злой духъ Флибертиджибетъ, что до первыхъ пѣтуховъ бродитъ. Я его знаю: онъ насылаетъ бѣльмы, перекашиваетъ глаза, даетъ заячью губу, портитъ пшеницу рожками и всячески подгаживаетъ каждому.

Три раза приходилъ Витольдъ святитель старый
И трижды три раза встрѣчался съ злою марой,
Велѣлъ ей встать
И клятву дать
И сгинуть ей велѣлъ, колдуньѣ злой и старой.

Кентъ. Что съ вами, государь?

Входитъ Глостеръ *съ факеломъ*.

Лиръ. Это кто такой?

Кентъ. Кто тутъ? Чего ты ищешь?

Глостеръ. Что вы за люди? Какъ зовутъ васъ?

Эдгаръ. Бѣдный Томъ, кто ѣстъ змѣй и ящерицъ, пьетъ стоячую воду, глотаетъ крысъ. Ѣстъ коровій пометъ вмѣсто салата и дохлыхъ собакъ. Бѣднаго Тома бѣсы сѣкутъ на пустомъ полѣ, сажаютъ въ темницу и мучатъ ночью. У него есть три кафтана для спины, шесть рубахъ для тѣла, лошадь для ѣзды и ружье для охоты.

Теперь же то крыса, то мышь на обѣдъ,
А все же обѣдаю цѣлыхъ семь лѣтъ!

Берегись злого духа: здѣсь злые духи... Тише, тише!

Глостеръ. Какъ! мой государь, вы здѣсь, съ этимъ безумнымъ?

Эдгаръ. Всѣ бѣсы- джентльмэны.

Глостеръ.

Настало время тяжкое—и дѣти
Противъ своихъ родителей пошли.

Эдгаръ.

Озябъ бѣдняга Томъ.

Глостеръ.

Мой государь,
Со мной пойдемте. Я не въ силахъ больше
Повиноваться вашимъ дочерямъ.
Пускай мнѣ велѣно замкнуть ворота
И бросить васъ на жертву ночи бурной —
Я не могу ихъ слушаться. Готовы
Для васъ пріютъ, огонь и ужинъ.

Лиръ.

Прежде
Поговорю съ философомъ я этимъ. (*Эдгару*).
Скажи-ка мнѣ, что за причина грома?

Кентъ.

Мой добрый государь, идите жъ съ нимъ
Скорѣй подъ кровлю.

Лиръ.

Стой: скажу я слово
Вотъ съ этимъ ѳивскимъ мудрецомъ.
Скажи—
Наука въ чемъ твоя?

Эдгаръ.

Какъ бѣса гнать,
Бить разныхъ гадовъ.

Лиръ.

Надо мнѣ тихонько
Спросить тебя.

Кентъ (*Глостеру*).

Просите жъ государя
Итти съ собой: мѣшается въ немъ разумъ.

Глостеръ.

О, виноватъ ли онъ? Его кончины
Желаютъ дочери. Ахъ, добрый Кентъ!
Гдѣ онъ теперь! Все предсказалъ онъ вѣрно
Ты говоришь, что умъ у короля
Колеблется. Мой другъ, скажу тебѣ:

Я самъ къ тому же близокъ. Сынъ родной
Искалъ моей погибели. Мой другъ,
Его любилъ я нѣжно, какъ лишь можетъ
Отецъ любить дитя свое. Отъ горя
Къ безумію я близокъ. Что за ночь!
Пойдемте, государь. (*Буря продолжается*).

Лиръ (*Эдгару*).

А, виноватъ!
Философъ благородный, просимъ съ нами.

Эдгаръ. Томъ озябъ.

Глостеръ.

Иди въ шалашъ, бѣднякъ, и грѣйся тамъ.

Лиръ.

Всѣ, всѣ за нимъ!

Кентъ.

Нѣтъ, государь, вы съ нами.

Лиръ.

Нѣтъ, съ нимъ. Я съ мудрецомъ моимъ
останусь.

Кентъ (*Глостеру*).

Мой добрый лордъ, утѣшьте государя:
Возьмите нищаго съ собой.
(*Эдгару*). Пойдемъ же,
Пріятель, съ нами вмѣстѣ.

Лиръ.

Ну, пойдемъ же.
Аѳинянинъ мой добрый!

Глостеръ.

Тише, тише!

Эдгаръ. Фу-фу-фу! пахнетъ британскою кровью.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Комната въ домѣ Глостера.

Корнвалль и Эдмундъ.

Корнвалль. Я расплачусь съ нимъ прежде, чѣмъ уѣду отсюда.

Эдмундъ. Какъ, благородный герцогъ? Мнѣ страшно подумать объ этомъ: меня обвинятъ за то, что я чувства долга поставилъ выше родственной привязанности.

Корнвалль. Нѣтъ; теперь я вижу, что не изъ злобы твой братъ искалъ его гибели: его благородство было возмущено низостью отца.

Эдмундъ. Злая моя судьба! Я долженъ каяться въ томъ, что стою за правду. Вотъ письмо, про которое говорилъ онъ: изъ него ясно, что онъ на сторонѣ французовъ. Боги, боги! зачѣмъ задумалъ отецъ эту измѣну? зачѣмъ мнѣ суждено быть его обвинителемъ?

Корнвалль. Пойдемъ со мной къ герцогинѣ.

Эдмундъ. И если это письмо говоритъ правду, сколько будетъ труда для васъ, благородный герцогъ!

Корнвалль. Правдиво это письмо или ложно, но оно сдѣлало тебя графомъ Глостеромъ. Разыщи, гдѣ отецъ твой: его должно немедленно взять подъ стражу.

Эдмундъ (*про себя*). Если его найдутъ около короля—тѣмъ вѣрнѣе его участь. (*Вслухъ*). Тяжко итти мнѣ противъ моей крови, но я останусь вѣренъ моему герцогу.

Корнвалль. И найдешь во мнѣ истиннаго отца. Я на тебя надѣюсь. (*Уходятъ*).

СЦЕНА VI.

Комната на фермѣ, близъ замка.

Входятъ Лиръ, Глостеръ, Кентъ, шутъ *и* Эдгаръ.

Глостеръ. Здѣсь лучше, чѣмъ подъ открытымъ небомъ. Я приготовлю все, что надо, и сейчасъ вернусь къ вамъ.

Кентъ. Пусть Небо наградитъ васъ за доброе дѣло. (*Глостеръ уходитъ*).

Эдгаръ. Бѣсы зовутъ меня: хотятъ удить рыбу въ черномъ озерѣ. (*Шуту*). Помолись, дурачокъ, да берегись злого духа.

Шутъ (*Лиру*). А какъ ты думаешь, кумъ, кто такой настоящій дуракъ: мужикъ или дворянинъ?

Лиръ. Король! король!

Шутъ. Нѣтъ, не король, а мужикъ, у котораго сынъ въ дворяне вылѣзъ. Не сажай дѣтокъ выше себя!

Лиръ. Чтобы тысячи злыхъ духовъ на нихъ бросились съ каленными копьями, шипя и угрожая!

Эдгардъ. Бѣсъ кусаетъ мнѣ спину.

Шутъ. Дуракъ тотъ, кто волка прикармливаетъ, кто вѣритъ любви мальчика и клятвѣ женщины.

Лиръ.

Такъ, судъ открытъ. Я ихъ зову къ отвѣту.

(*Эдгару*).
Ты, просвѣщенный судія, сядь тутъ.
(*Шуту*).
Ты здѣсь садись, ученый гражданинъ.
Къ суду, волчицы гнусныя!

Эдгаръ.

Смотрите,
Какъ онъ стоитъ и взглядами сверкаетъ!
Иль мало глазъ вамъ на судѣ?

Бетси, что жъ ты не плывешь?

Шутъ.

Щель въ челнѣ ея чернѣетъ,
И сказать мѣшаетъ дрожь
Почему приплыть не смѣетъ.

Эдгаръ. Злой духъ бѣжитъ за Томомъ, свищетъ соловьемъ, кричитъ у него въ животѣ. Молчи, черное пугало! Чѣмъ мнѣ кормить тебя?

Кентъ.

Что съ вами, государь! Не стойте такъ
Задумавшись. Въ постель вы лучше лягте.

Лиръ.

Нѣтъ, видѣть судъ хочу я. Чтожъ, зовите
Свидѣтелей. (*Эдгару*). Ты, главный судія,
Садись на мѣсто въ мантіи. (*Шуту*). И ты,
Его товарищъ, сядь. (*Кенту.*) И ты садись,
Какъ членъ судилища.

Эдгаръ. Надо судить по правдѣ.

Ты спишь иль нѣтъ, мой пастушокъ?
Твои овечки топчутъ жито;
Но стоитъ взять тебѣ рожокъ—
И стадо спитъ, отъ бѣдъ укрыто.

Брысь, сѣрая кошка!

Лиръ. Прежде всего вызывай Гонерилью. Передъ всѣмъ честнымъ собраніемъ приношу клятву въ томъ, что она прогнала бѣднаго короля, своего родителя.

Шутъ. Идите сюда, подсудимая дама! Имя ваше Гонерилья?

Лиръ. Этого она не отвергнетъ.

Шутъ. Очень виноватъ передъ вами: я принялъ васъ за скамейку.

Лиръ.

Вотъ и другая изподлобья смотритъ:
Ея душа видна изъ этихъ взглядовъ
Остановить ее! Огня сюда!
Оружіе, мечи! Нашъ судъ подкупленъ!
Зачѣмъ ее ты выпустилъ отсюда,
Судья-предатель?

Кентъ.

Горе, государь!
Гдѣ твердость ваша, гдѣ терпѣнье ваше?

Эдгаръ (*въ сторону*).
Не въ силахъ удержать я слезъ своихъ:
Могу себя я выдать.

Лиръ.

Для чего
Собачья стая лаетъ на меня?

Эдгаръ. Томъ отдастъ имъ свою голову. Прочь, собачонки!

Будь черна ты иль бѣла,
Будь твой зубъ острѣе зла,
Будь ты гончей иль борзой,
Сетромъ, шпицомъ иль цѣпной,
Безъ хвоста будь иль съ хвостомъ,
Выть тебя заставитъ Томъ.
Онъ швырнетъ въ тебя башкой,
И махнешь ты прочь стрѣлой.

Тому ѣсть нечего.

Лиръ. Разрѣжьте же грудь у Реганы. Смотрите, что у ней такое около сердца. Нѣтъ ли въ природѣ причины жестокимъ сердцамъ? (*Эдгару*). Вы, сэръ, изъ числа моихъ ста рыцарей. Я долженъ вамъ сказать, что нарядъ вашъ мнѣ не нравится. Вы скажете, что это персидскій уборъ, все-таки перемѣните его.

Кентъ. Мой добрый государь, лягте здѣсь и отдохните хоть немного. (*Указываетъ на постель*).

Лиръ (*ложась*). Тише, не шумите! Задерни занавѣсъ. Такъ, такъ, такъ! Тсс... тсс... Мы поужинаемъ завтра утромъ.

Шутъ. А я завалюсь спать въ полдень.

Глостеръ *возвращается.*

Глостеръ (*Кенту*).
Ты здѣсь, мой другъ? Что съ нашимъ государемъ?

Кентъ.

Онъ здѣсь. Не трогайте его; въ разсудкѣ
Онъ повредился.

Глостеръ.

Слушай, честный другъ:
Я заговоръ подслушалъ. Государя
Хотятъ убить. Со мною здѣсь носилки.
Нельзя намъ медлить: черезъ полчаса
И онъ, и всѣ друзья его пропали.
Неси же господина своего
Скорѣе въ Доверъ: тамъ найдете вы
Защиту и пріютъ. Неси жъ его;
Отсюда провожу я васъ. Не медли,
Я приготовилъ вамъ проводниковъ.

Кентъ (*глядя на Лира*).
Покоится измученный страдалецъ.

ЛИРЪ И ЕГО СПУТНИКИ ВЪ СТЕПИ. (Дѣйствіе III, сц. 4).
Картина президента Англ. Академіи Художествъ Бенжамина Уэста (Benjamin West, P. R. A., 1738—1820). (Большая Бойделевская Галлерея).

Пусть освѣжитъ его отрадный сонъ;
Пусть небеса хранятъ тебя! (*Шуту*).
Скорѣе,
Снесемъ же короля. Отъ господина
Ты не отстанешь.

Глостеръ.

Ну, скорѣй отсюда!
(*Кентъ, Глостеръ и шутъ уносятъ Лира*).

Эдгаръ (*одинъ*).

Свое мы горе забываемъ, глядя
На горе старшихъ. Тяжело страдать,
Встрѣчая всюду счастіе и радость,
Нигдѣ не видя братьевъ по страданью:
Но я могу ль роптать, когда я вижу
Убитаго судьбою короля,
Страдальца отъ дѣтей своихъ? Все горе
Мнѣ легкимъ кажется. Ну, бѣдный Томъ,
Иди и будь на все готовъ; пустъ только
Отъ бѣдъ избавитъ Небо государя!

СЦЕНА VII.

Комната въ замкѣ Глостера.

Входятъ Корнвалль, Регана, Гонерилья, Эдмундъ *и слуги.*

Корнвалль (*Гонерильѣ*). Скорѣй скачите къ герцогу, вашему супругу. Покажите ему это письмо. Французское войско высадилось. Отыскать измѣнника Глостера!
(*Нѣкоторые слуги уходятъ*).

Регана. Повѣсить его немедленно!

Гонерилья. Выколоть ему глаза!

Корнвалль. Предоставьте его моему гнѣву. Эдмундъ, поѣзжай съ сестрой нашей: тебѣ не слѣдуетъ видѣть мщенія надъ предателемъ, отцомъ твоимъ. Скажи герцогу, чтобъ онъ принялъ мѣры; за нами остановки не будетъ. Мы будемъ пересылаться гонцами. Прощайте, сестра! прощай, Глостеръ!

Входитъ ДВОРЕЦКІЙ.

КОРНВАЛЛЬ. Ну, что же? гдѣ король?

ДВОРЕЦКІЙ.

Отсюда провожалъ его графъ Глостеръ.
Примкнули къ нимъ изъ королевской свиты
Часть рыцарей, искавшихъ короля,
Числомъ до сорока, а къ нимъ пристали
Иные слуги графа. Прямо въ Доверъ
Лежитъ ихъ путь; а тамъ, по ихъ словамъ,
Они найдутъ друзей вооруженныхъ.

КОРНВАЛЛЬ.

Готовьте лошадей для герцогини!

ГОНЕРИЛЬЯ.

Прощай, сестра, прощайте, добрый лордъ.
(*Гонерилья и Эдмундъ уходятъ*).

КОРНВАЛЛЬ.

Прощай, Эдмундъ. Сыщите мнѣ злодѣя.
Подать мнѣ Глостера! Его, какъ вора,
Свяжите и сюда представьте!
(*Слуги уходятъ*). Мы
Его казнить не можемъ безъ суда;
Но мы съумѣемъ сдѣлать наше дѣло
По-своему. Кто тамъ? А! здѣсь предатель?

Слуги вводятъ ГЛОСТЕРА.

РЕГАНА. Онъ! онъ! лисица подлая!

КОРНВАЛЛЬ. Вяжите ему сухія руки, вяжите ихъ крѣпче.

ГЛОСТЕРЪ.

Что значитъ это? Что за злыя шутки?
Вы въ домѣ у меня, мои вы гости—
Опомнитесь!

КОРНВАЛЛЬ.

Вязать его, вязать!
(*Глостера связываютъ*).
Вяжите крѣпче!

РЕГАНА.

Извергъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Я не извергъ,
А ты безжалостна.

КОРНВАЛЛЬ.

Эй, привязать
Его къ скамейкѣ этой! Ты, предатель...
(*Регана вцѣпляется въ бороду Глостеру*).

ГЛОСТЕРЪ.

Клянусь богами, мерзокъ и позоренъ
Поступокъ твой.

РЕГАНА.

Такъ сѣдъ и такъ безстыденъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Злодѣйка! вспомни, что сѣдины эти
И жизнь получатъ, и дадутъ свой голосъ
Противъ тебя. Убійца нечестивый
Рукъ не подниметъ на того, въ чьемъ домѣ
Онъ поселился. Я хозяинъ вашъ!

КОРНВАЛЛЬ.

А, сэръ! какія письма отъ французовъ
Ты получилъ?

РЕГАНА.

Не лгать: про все мы знаемъ.

КОРНВАЛЛЬ.

Какія ты съ врагами велъ дѣла—
Съ врагами, что теперь на земляхъ нашихъ?

РЕГАНА.

А короля безумнаго въ чьи руки
Ты отдалъ? Отвѣчай, предатель низкій!

ГЛОСТЕРЪ.

Одно письмо я получилъ. Въ немъ только
Однѣ догадки. Писано оно
Лицомъ, здѣсь непричастнымъ.

КОРНВАЛЛЬ.

Плутъ!

РЕГАНА.

И лжецъ!

КОРНВАЛЛЬ.

Куда ты короля отправилъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Въ Доверъ.

РЕГАНА.

Зачѣмъ же въ Доверъ? Или не былъ ты...

КОРНВАЛЛЬ.

Пускай отвѣтитъ, для чего же въ Доверъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Къ столбу привязанъ я—грызитесь смѣло!

РЕГАНА.

Зачѣмъ же въ Доверъ ты его отправилъ?

ГЛОСТЕРЪ (*Регани*).

Чтобъ не видать, какъ станешь ты, злодѣйка,
Царапать старцу бѣдные глаза;
Чтобъ не видать, какъ въ царственное тѣло
Твоя сестра вонзитъ клыки кабаньи.
Когда подъ бурей, съ головой открытой,

Въ ночь адски-черную несчастный старецъ
Дождемъ лилъ слезы, море воздымалось
До звѣздъ небесныхъ. Еслибъ въ ночь такую
Завыли волки у твоихъ воротъ,
Должна бъ была сказать ты: „добрый сторожъ,
Пусти волковъ!“ и съ звѣрствомъ распроститься!
Да, я еще увижу, какъ нагрянетъ
На васъ съ сестрой крылатая отплата!

Корнвалль.

Нѣтъ, не видать тебѣ того. Эй, люди!
Держите стулъ! Твои глаза я прежде
Ногами растопчу.

Глостеръ.

О, помогите мнѣ, вы всѣ, кто хочетъ
Дожить до старости! О! извергъ! Боги!...

Регана.

И тотъ глазъ вонъ, чтобъ не обидно было!

Корнвалль.

А, мщенья хочешь ты...

Одинъ изъ слугъ.

Постойте, герцогъ,
Служилъ я съ дѣтства вамъ, но лишь теперь
Могу вамъ сослужить большую службу.
Опомнитесь, прошу васъ!

Регана.

Какъ, собака?..

Слуга.

И ты опомнись! Если бъ съ бородой
Ходила ты, тебя схватилъ бы я
За бороду. Что дѣлаешь ты?

Корнвалль.

Какъ!
Мой рабъ! вассалъ мой!
(*Бросается къ нему, обнаживъ мечъ*).

Слуга (*вынимая мечъ*).

Что жъ, давайте биться!
(*Они сражаются. Корнвалль ранент*).

Регана (*другому слугѣ*).

Дай мнѣ свой мечъ, когда рабы возстали!
(*Беретъ мечъ, заходитъ сзади и убиваетъ слугу*).

Слуга.

Убитъ я!

ЛИРЪ ВЪ ШАЛАШѢ ЭДГАРА.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

(*Глостеру*). Графъ! у васъ остался глазъ...
Мучитель вашъ наказанъ—поглядите!

(*Умираетъ*).

Корнвалль.

Нѣтъ, онъ не поглядитъ!
Вонъ, студень гнусный!
Гдѣ весь твой блескъ?

Глостеръ.

Темно вокругъ. Мнѣ страшно. Гдѣ Эдмундъ?
Гдѣ сынъ мой милый? Гдѣ Эдмундъ мой вѣрный?
Отомсти за это дѣло!

Регана.

Вонъ, предатель!
Напрасно вызываешь ты того,
Кто врагъ тебѣ: Эдмундъ открылъ измѣну,
Эдмундъ намъ все сказалъ, и о тебѣ
Едва ль жалѣть онъ будетъ.

Глостеръ.

Горе! горе!
Безумецъ я, и мой Эдгаръ невиненъ!
Пошлите счастія ему, о боги!
Простите ль вы меня?

РЕГАНА.

Толкнуть его
За ворота, и пусть онъ ищетъ носомъ
Дороги въ Доверъ. Герцогъ, что съ тобой?
Что рана?

КОРНВАЛЛЬ.

Тяжело мнѣ! Прочь уйдемъ,
Прочь эту тварь слѣпую! На навозъ
Его вы бросьте. Кровь идетъ, и сильно,
Не во-время я раненъ. Дай мнѣ руку.

(*Корнвалль уходитъ, опираясь на Регану. Слуги освобождаютъ Глостера и выводятъ его*).

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Нѣтъ, если этотъ человѣкъ не будетъ
Наказанъ страшно, то примусь я смѣло
Грѣхи творить.

ВТОРОЙ СЛУГА.

Ежели она
Житъ долго будетъ и умретъ спокойно,
То женщины въ чудовищъ обратятся!

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Пойдемъ за старымъ графомъ и пріищемъ
Ему изъ нищихъ вожака. Пожалуй,
Съ собой бѣду онъ сдѣлаетъ.

ВТОРОЙ СЛУГА.

А я бѣлковъ яичныхъ вмѣстѣ съ паклей
Добуду, чтобъ къ глазамъ его несчастнымъ
Скорѣе приложить. Пусть Небеса
Несчастному помогутъ!

(*Уходятъ въ разныя стороны*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Пустая степь.

Входитъ ЭДГАРЪ *одинъ*.

ЭДГАРЪ.

Такъ, лучше жить и въ нуждѣ, и въ презрѣньи
И знать про то, чѣмъ посреди льстецовъ
Презрѣнный вѣкъ влачить. Бѣднякъ послѣдній,
Низверженный, униженный судьбою,
Живетъ надеждой, недоступенъ страху:
Судьбы измѣнчивость страшна счастливымъ,
Несчастному жъ—нимало. Мой привѣтъ
Тебѣ, безплодный и свободный вѣтеръ!
Ты сдулъ меня въ пучину золъ—и мнѣ
Ужъ нечего тебя бояться! Кто тутъ?

СТАРИКЪ-ПОСЕЛЯНИНЪ *вводитъ* ГЛОСТЕРА.

ЭДГАРЪ.

Отецъ мой? съ нищимъ? О, превратность свѣта!
Ты примиряешь человѣка съ смертью.
Черезъ тебя намъ ненавистна жизнь!

СТАРИКЪ-ПОСЕЛЯНИНЪ (*Глостеру*). О, добрый мой господинъ! Развѣ не жилъ я на вашихъ земляхъ и земляхъ отца вашего цѣлыя восемьдесятъ лѣтъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Прочь, добрый другъ! оставь меня. Уйди.
Мнѣ не поможешь ты, а на себя
Бѣду накличешь.

СТАРИКЪ-ПОСЕЛЯНИНЪ.

Какъ же, сэръ, дорогу
Найдете вы?

ГЛОСТЕРЪ.

Нѣтъ у меня дороги,
И глазъ не нужно мнѣ. И съ полнымъ зрѣньемъ
Я спотыкался часто. Есть отрада
И въ бѣдствіи, и въ недостаткахъ нашихъ.
Эдгаръ! мой милый сынъ! ты — жертва гнѣва
Отца обманутаго! О! когда бъ я дожилъ
Хоть до того, чтобы тебя обнять,
Я слѣпоту забылъ бы...

СТАРИКЪ-ПОСЕЛЯНИНЪ.

Кто здѣсь? кто?

ЭДГАРЪ (*въ сторону*).

О, боги! кто сказать имѣетъ право:
„Я всѣхъ несчастнѣй!“ Бѣдствія мои
Сильнѣй, чѣмъ прежде были.

СТАРИКЪ-ПОСЕЛЯНИНЪ.

Это Томъ
Юродивый.

ЭДГАРЪ (*въ сторону*).

И хуже можетъ быть! Бѣдамъ предѣла
На свѣтѣ нѣтъ, пока сказать мы можемъ:
„Я всѣхъ несчастнѣй!“

СТАРИКЪ-ПОСЕЛЯНИНЪ.

Ты куда, пріятель?

Глостеръ.

Здѣсь нищій съ нами?

Старикъ-поселянинъ.

Нищій и безумный.

Глостеръ.

Коль добываетъ хлѣбъ онъ, значитъ, въ немъ
Разсудокъ есть еще. Вчера такого
Я бѣдняка во время бури встрѣтилъ.
Подумалъ я тогда, что человѣкъ
И червь—одно и то же; а потомъ
Мнѣ сынъ на мысль пришелъ, хоть я тогда
Его врагомъ считалъ. Съ тѣхъ поръ я много
И перенесъ и понялъ. Для боговъ
Мы то же, что для ребятишекъ мухи:
Насъ мучить—имъ забава.

Эдгаръ (*въ сторону*).

Что мнѣ дѣлать?
Какъ тяжко предъ несчастнымъ притворяться!
(*Громко*).
Пусть Небеса тебя утѣшатъ, старецъ!

Глостеръ.

Такъ это голый нищій?

Старикъ-поселянинъ.

Да, милордъ.

Глостеръ.

Иди жъ отсюда прочь. Когда меня
Еще ты любишь, то достань скорѣе
Немного платья бѣдняку, а онъ
Меня водить возьмется. Насъ догонишь
Ты по дорогѣ къ Доверу.

Старикъ-поселянинъ.

Съ безумнымъ
Какъ вы пойдете?

Глостеръ.

Въ смутные года
Идетъ всегда слѣпецъ за сумасшедшимъ.
Иди же, я прошу тебя, и дѣлай,
Какъ знаешь, только прочь иди.

Старикъ-поселянинъ.

Не знаю,
Что выйдетъ изъ того, но принесу
Свой лучшій плащъ ему.
(*Уходитъ*).

Глостеръ.

Эй ты, голякъ!
Поди сюда!

ЭДГАРЪ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Эдгаръ.

Озябъ бѣдняжка Томъ.
(*Въ сторону*). Я не могу,
Не въ силахъ больше притворяться.

Глостеръ.

Что же,
Поди сюда!

Эдгаръ (*въ сторону*).

А надо притворяться!
(*Громко*). Милость неба
Твоимъ глазамъ несчастнымъ и коварнымъ!

Глостеръ. Ты знаешь дорогу въ Доверъ?

Эдгаръ. И дороги, и тропинки, и заборы, и заставы. Бѣдный Томъ повредился. Спасайся отъ злыхъ духовъ, добрый человѣкъ! Пятеро сидятъ въ бѣдномъ Томѣ: Обидикутъ распутникъ, Гобидидансъ, князь нѣмыхъ, Маху, воровской начальникъ, Мадо, повелитель душегубовъ, Флибертиджибетъ, кривляка, что мучитъ служанокъ. Боги пусть спасаютъ тебя, добрый господинъ!

Глостеръ.

Вотъ кошелекъ—возьми его себѣ.
Бѣднякъ, убитый Небомъ! Я въ бѣдѣ;
Ты будь чрезъ то счастливѣй. Пусть же Небо

Къ тому ведетъ всегда. Пускай богачъ
Изнѣженный, забывши справедливость,
Безчувственно-слѣпой, весь гнѣвъ Небесъ
Извѣдаетъ вполнѣ: тогда онъ станетъ
Дѣлиться съ бѣдными своимъ избыткомъ,
Тогда не будетъ нищеты. Ты знаешь
Дорогу въ Доверъ?

Эдгаръ.

Знаю, господинъ!

Глостеръ.

Тамъ есть утесъ высокій: наклонившись
Вершиной смѣлою, въ пучину моря
Глядитъ онъ грозно. Ты меня взведи
На самый край утеса: тамъ, бѣднякъ,
Я подарю тебѣ подарокъ цѣнный
И отпущу тебя. Меня водить
Не надо будетъ больше.

Эдгаръ.

Руку дай!
Бѣдняга Томъ сведетъ тебя туда.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Передъ дворцомъ герцога Альбанскаго.

Входятъ Гонерилья, Эдмундъ; *имъ на встрѣчу*—дворецкій.

Гонерилья.

Добро пожаловать, милордъ! Дивлюсь я
Тому, что кроткій мой супругъ не вышелъ
На встрѣчу намъ.
(*Дворецкому*). Гдѣ герцогъ?

Дворецкій.

Герцогъ дома:
Но, государыня, его узнать
Совсѣмъ нельзя. Я сообщилъ ему,
Что высадился врагъ—онъ улыбнулся;
Сказалъ я, что вы ѣдете сюда—
„Тѣмъ хуже", онъ отвѣтилъ; разсказалъ я
Про Глостера измѣну, про заслуги
Его меньшого сына—онъ меня
Назвалъ глупцомъ и объявилъ, что я
Не разумѣю дѣла. Вѣсти злыя
Ему пріятны; что же всѣмъ пріятно—
Его тревожитъ.

Гонерилья (*Эдмунду*).

Не ходите дальше.
Онъ трусости постыдной поддался,
Забылъ всю смѣлость и не хочетъ видѣть
Обидъ, зовущихъ мщенье. То, что мы
Дорогою задумали, на дѣлѣ
Свершиться можетъ. Поѣзжайте къ брату,
Стяните войско, власть надъ нимъ примите.
Я здѣсь вооружусь, а мужу въ руки
Отдамъ веретено. Дворецкій этотъ
Въ сношеньяхъ нашихъ помогать намъ будетъ.
Умѣйте смѣлымъ быть—и къ вамъ придетъ
Посланіе отъ милой.

(*Дастъ ему ленту*).

Тсс... ни слова!
Носите это. Наклонитесь.

(*Цѣлуетъ его*).

Если бъ
Мой поцѣлуй смѣлъ говорить, душа
Твоя бы замерла въ блаженствѣ. Думай
О томъ, что я сказала и прощай.

Эдмундъ.

Я твой до смертныхъ мукъ.

(*Уходитъ*).

Гонерилья.

Мой Глостеръ милый!
Какъ неравны мужчины! Поклоненья
Вполнѣ ты стоишь, а владѣетъ мною
Безумецъ жалкій.

Дворецкій.

Вотъ и герцогъ самъ.

Гонерилья.

А! наконецъ, идетъ онъ.

Входитъ Альбани.

Альбани.

Гонерилья!
Не стоишь праха ты, что вѣтеръ буйный
Тебѣ въ лицо кидаетъ. Страшно думать
О томъ, что выйдетъ изъ тебя! Кто смѣетъ
Итти противъ начала своего,
Тотъ самъ себя погубитъ и, какъ вѣтка,
Отъ дерева отпавшая родного,
Зачахнетъ, высохнетъ и въ адскій пламень
Лишь будетъ годенъ.

Гонерилья.

Полно! Вздоръ ты мелешь.

Альбани.

Добро и мудрость — вздоръ для злыхъ по сердцу!
Имъ по душѣ лишь зло. Тигрицы злыя,
Какихъ вы дѣлъ надѣлали! Вы старца,
Отца почтеннаго, благого сердцемъ,
Котораго сѣдины самъ медвѣдь
Лизалъ бы съ ласкою, безчеловѣчьемъ
Съ ума свели! Какъ братъ мой это снесъ?
Какъ допустилъ онъ васъ терзать того,

Кому онъ самъ обязанъ всѣмъ на свѣтѣ?
О! если боги не пошлютъ на землю
Своихъ духовъ для страшнаго отмщенья,
То люди станутъ пожирать другъ друга,
Какъ чудища морскія!

Гонерилья.

Трусъ несчастный!
Для поруганій голову ты носишь
И щеки для пощечинъ. У тебя
Во лбу нѣтъ глазъ, чтобъ дѣло различать,
Чтобъ видѣть, какъ теперь необходимо
Итти на встрѣчу злу. Чего ты ждешь?
Гдѣ мечъ твой? На поляхъ спокойныхъ нашихъ
Развилися французскія знамена,
Твой смертный врагъ идетъ въ пернатомъ шлемѣ,
А ты, глупецъ правдивый, только смотришь
И говоришь: „зачѣмъ это?“

Альбани.

Взгляни
Ты на себя, злой духъ! И въ адскомъ бѣсѣ
Безчеловѣчіе не такъ ужасно,
Какъ въ женщинѣ!

Гонерилья.

Глупецъ пустоголовый!

Альбани.

Стыдись, чудовище! не искажай
Себѣ лица ты злобою. Когда бы
Я волю далъ своимъ рукамъ и сердцу,
Была бы ты разорвана на части
Съ костьми и тѣломъ. Но хоть ты злой духъ,
А образъ женщины—тебѣ защита.

Гонерилья.

А, расхрабрился ты!

Входитъ гонецъ.

Альбани.

Какія вѣсти?

Гонецъ.

Корнвалльскій герцогъ умеръ. Онъ убитъ
Своимъ слугой въ то время, какъ глаза
Онъ вырывалъ у Глостера.

Альбани.

Глаза
У Глостера!

Гонецъ.

Въ порывѣ состраданья,
Имъ вскормленный слуга извлекъ свой мечъ
Въ защиту Глостера, и герцогъ, въ гнѣвѣ,
Убилъ слугу, но самъ былъ тяжко раненъ
И вскорѣ умеръ.

Альбани.

Такъ, въ небесахъ
Есть Судія, и быстро мститъ Онъ намъ
За наши преступленія на свѣтѣ!
О, бѣдный Глостеръ! Потерялъ онъ глазъ?

Гонецъ.

Обоихъ глазъ онъ, государь, лишился.
(*Гонерилья*).
Вотъ письмецо къ вамъ отъ сестрицы вашей,

Знаменитый нѣмецкій актеръ 18 вѣка Иффланъ (Iffland, 1759 - 1814) въ роли Лира.

Которая отвѣтитъ на него,
Сударыня, васъ проситъ поскорѣе.

Гонерилья (*въ сторону*).

Отчасти новость хороша; но горемъ
Она грозитъ. Теперь сестра свободна,
И съ ней Эдмундъ—и замыслы мои
Погибнуть могутъ. Я прочту его
И тотчасъ дамъ отвѣтъ. (*Уходитъ*).

Альбани.

Гдѣ жъ былъ Эдмундъ,
Когда отца его терзали?

Гонецъ.

Онъ уѣзжалъ съ моею госпожею
Сюда.

Альбани.

Его здѣсь нѣтъ.

Гонецъ.

Его я встрѣтилъ.
Когда онъ возвращался.

Альбани.

Знаетъ онъ
Злодѣйство это?

Гонецъ.

Благородный герцогъ!
Онъ предалъ самъ отца и прочь уѣхалъ,
Чтобы жестокой казни не мѣшать.

Альбани.

О, честный Глостеръ! я живу на свѣтѣ,
Чтобъ вѣрность королю въ тебѣ цѣнить,
Чтобъ мстить за бѣдные твои глаза.
Пойдемъ, пріятель; разскажи все дѣло.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Французскій лагерь близъ Довера.

Входятъ Кентъ *и* джентльмэнъ.

Кентъ.

Зачѣмъ король французскій такъ поспѣшно
Домой вернулся?

Джентльмэнъ.

Что-то въ королевствѣ
Случилося нечаянное; вспомнилъ
Онъ о дѣлахъ, не конченныхъ при немъ—
И, словомъ, тамъ теперь необходимо
Его присутствіе.

Кентъ.

А кто жъ при войскѣ?

Джентльмэнъ.

Monsieur Лафаръ командуетъ войсками.

Кентъ.

Когда письмо ты отдалъ королевѣ,
Была она огорчена вѣстями?

Джентльмэнъ.

При мнѣ сама прочла она письмо—
И слезы тихо, за слезой слеза,
По нѣжному лицу катились. Съ горемъ
Боролася по царски королева,
Хотя оно и силилося власть
Надъ нею взять.

Кентъ.

Такъ тронута она?

Джентльмэнъ.

Но не до изступленья. Будто споря
Между собой, печаль и твердость духа
Смѣнялись на ея лицѣ прелестномъ,
Какъ въ день весенній солнца лучъ и дождь,
И слезы, и улыбка въ немъ мѣшались.
Съ ея очей алмазныхъ, словно перлы,
Катились слезы и, на зло слезамъ,
Улыбка-прелесть съ устъ не исчезала.
Короче, грусть была бы рѣдкой вещью,
Когда бъ она такъ красила людей.

Кентъ.

Спросила ли она о чемъ?

Джентльмэнъ.

Да, разъ иль два
Прерывисто, и шопотомъ сказала
Она: „отецъ“, какъ-будто это слово
Давило сердце ей, потомъ вскричала:
„Ахъ, сестры! сестры! женщины! стыдитесь!
Отецъ мой! сестры! Кентъ! Какъ! въ бурю? ночью?
Гдѣ жъ въ мірѣ жалость?“ Тутъ изъ глазъ лазурныхъ
Святая влага хлынула рѣкой—
И съ плачемъ кинулась отъ насъ, чтобъ съ горемъ
Наединѣ остаться.

Кентъ.

Звѣзды неба,
Святыя звѣзды правятъ человѣкомъ!
Иначе не могла бъ чета людей
Рождать на свѣтъ такихъ дѣтей различныхъ.
Съ тѣхъ поръ не говорилъ ты съ нею?

Джентльмэнъ.

Нѣтъ.

Кентъ.

Ты былъ передъ отъѣздомъ короля?

Джентльмэнъ.

Нѣтъ, послѣ.

Кентъ.

Ну, хорошо. Несчастный Лиръ теперь
Здѣсь, въ городѣ. Въ хорошія минуты
Приходитъ онъ въ себя, но никогда
Не хочетъ видѣть дочери.

Джентльмэнъ.

За что же?

ЛИРЪ ВЪ БЕЗУМІИ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Кентъ.

Великій стыдъ его и жжетъ, и гложетъ.
Онъ сознаетъ жестокость всю, съ которой
Лишилъ ее благословенья, въ край
Чужой забросилъ и ея права
Нарушилъ въ пользу старшихъ дочерей
Съ собачьими сердцами въ женской груди—
Вотъ что его язвитъ, что отдаляетъ
Его отъ дочери.

Джентльмэнъ.

О, бѣдный старецъ!

Кентъ.

Гдѣ герцоги и ихъ войска?

Джентльмэнъ.

На встрѣчу
Они идутъ къ намъ.

Кентъ.

Ну, пойдемъ же къ Лиру.
При немъ ты оставайся; я жъ покуда
Скрываться долженъ: есть на то причины.
Когда жъ тебѣ я сдѣлаюсь извѣстнымъ,

Жалѣть не станешь ты о томъ, что мы
Здѣсь познакомились. Идемъ же вмѣстѣ!

СЦЕНА IV.

Французскій лагерь близъ Дувера, палатка.

Входятъ Корделія, врачъ *и воины.*

Корделія.

Ахъ, это онъ! Его видали въ полѣ
Безумнымъ. Будто море въ непогоду,
Онъ громко пѣлъ, а голову себѣ
Убралъ онъ васильками и крапивой,
Горчицей, колокольчиками, макомъ
И всякою негодною травою,
Что хлѣбъ глушитъ. Искать его вездѣ!
Пошлите цѣлый полкъ, чтобъ обыскали
Полей заглохшихъ каждый уголокъ.
Сыщите мнѣ его!
(*Офицеры уходятъ. Врачу*).
Твоя наука
Возстановитъ ли поврежденный разумъ?
Спаси его—я все тебѣ отдамъ.

Врачъ.

Есть средство, королева: сонъ спокойный
Есть исцѣлитель страждущей природы.
Его не знаетъ онъ; но я имѣю
Лѣкарства, отъ которыхъ скорбь сама
Глаза сомкнетъ.

Корделія.

О, пусть всѣ тайны Неба
Природы неизвѣданныя силы
Изъ слезъ моихъ родятся и дадутъ
Отцу любезному отраду въ жизни!
Ищите же, ищите короля,
Чтобъ не успѣлъ онъ въ часъ тоски безумной
Себя сгубить.

Входитъ гонецъ.

Гонецъ.

Я съ вѣстью къ королевѣ:
Британскія войска на насъ идутъ.

Корделія.

Мы это знаемъ. Мы готовы къ бою;
Мы встрѣтимъ ихъ. Отецъ, отецъ мой милый,
Я для тебя иду врагамъ на встрѣчу,
Я для тебя горючими слезами,
Моей тоской и неотступной просьбой
Властителя французовъ умолила.
Мы въ бой идемъ не для завоеваній,
Но за любовь святую, за права
Отца и старца. Скоро ль я опять
Увижусь съ нимъ, его услышу голосъ?
(*Уходитъ*).

СЦЕНА V.

Комната въ замкѣ Глостера.

Входятъ Регана *и* дворецкій.

Регана. Выступили войска брата?
Дворецкій. Да, государыня!

Регана.

Онъ съ ними самъ?

Дворецкій.

Съ трудомъ собрался онъ.
Онъ меньше воинъ, чѣмъ его супруга.

Регана.

Не говорилъ съ нимъ лордъ Эдмундъ?

Дворецкій.

Ни разу.

Регана.

Что можетъ быть въ письмѣ сестры къ Эдмунду?

Дворецкій.

Не знаю, герцогиня.

Регана.

Онъ отсюда
Поѣхалъ по дѣламъ. Безумно было
Въ живыхъ оставить Глостера слѣпого:
Куда теперь онъ ни приходитъ, всюду
Противу насъ сердца онъ раздражаетъ.
Эдмундъ уѣхалъ, чтобъ изъ состраданья
Покончить съ нимъ, и кстати поразвѣдать
Про непріятеля.

Дворецкій.

Ему письмо
Я долженъ передать; къ нему я ѣду.

Регана.

Мы завтра выступаемъ. Здѣсь останься:
Опасенъ путь.

Дворецкій.

Отдать письмо я долженъ:
Мнѣ строго приказала герцогиня.

Регана.

О чемъ она писать къ Эдмунду можетъ?
Ты могъ бы на словахъ сказать, что надо.
То можетъ быть... не знаю... Я тебя

Съумѣю наградить. Дай мнѣ письмо:
Дай мнѣ прочесть его.

ДВОРЕЦКІЙ.

Скорѣе я...

РЕГАНА.

Я знаю, что она не любитъ мужа—
Я въ томъ увѣрена. Въ послѣдній разъ
Глядѣла странно, дерзко и безстыдно
Она на благороднаго Эдмунда—
Про все ты знаешь самъ.

ДВОРЕЦКІЙ.

Я, герцогиня?

РЕГАНА.

Я знаю то, что говорю. Смотри же,
Запомни все и самъ соображай.
Мой герцогъ умеръ; мы въ ладу съ Эдмундомъ,
И я его не уступлю сестрѣ.
Когда его догонишь, ты отдай
Ему записку эту; герцогинѣ жъ
Ты посовѣтуй быть впередъ умнѣе.
Итакъ—прощай. А ежели случится
Тебѣ измѣнника слѣпого встрѣтить,
То вспомни, что за голову его
Назначена хорошая награда.

ДВОРЕЦКІЙ.

Когда его я встрѣчу, то увидятъ,
На чьей я сторонѣ.

РЕГАНА.

Прощай, мой другъ.

(Уходитъ).

СЦЕНА VI.

Поле близъ Дувра.

Входятъ ГЛОСТЕРЪ *и* ЭДГАРЪ, *одѣтый въ платье поселянина.*

ГЛОСТЕРЪ.

Когда же мы на верхъ горы взберемся?

ЭДГАРЪ.

Мы всходимъ. Чувствуешь, какъ труденъ шагъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Мнѣ кажется, путь ровенъ

ЭДГАРЪ.

На утесъ
Взбираемся мы. Слышишь ропотъ моря?

ГЛОСТЕРЪ.

Не слышу ничего.

ЛИРЪ ВЪ БЕЗУМІИ.

Картина Константина Маковскаго (Konstantin Makofsky, pod. 1879).

ЭДГАРЪ.

Отъ боли глазъ
Другія чувства у тебя ослабли.

ГЛОСТЕРЪ.

Должно быть, такъ. И показалось мнѣ,
Что измѣнился голосъ твой, что рѣчь
Твоя плавнѣй и лучше прежней рѣчи.

ЭДГАРЪ.

Ошибся ты: на мнѣ другое платье—
И только.

ГЛОСТЕРЪ.

Нѣтъ; ты говоришь краснѣе.

ЭДГАРЪ.

Мы на утесѣ. Смирно стой. Какъ страшно
И жутко кинуть взглядъ въ такую бездну!
Вороны, галки, что подъ нами вьются,
Съ жука величиною. Надъ обрывомъ,
Межъ дномъ и нами, человѣкъ повиснулъ
И рветъ укропъ—ужасное занятье!
Онъ меньше головы своей. Какъ мыши,

У взморья ходятъ рыбаки. Тамъ барка
Высокая, на якорѣ, по виду
Небольше шлюпки; шлюпкажъсъ поплавокъ,
Едва примѣтный глазу. Не доходитъ
Къ намъ плескъ волны, дробящейся о камни.
Нѣтъ, страшно внизъ глядѣть. Смутится разумъ,
Въ глазахъ померкнетъ—и слетишь стремглавъ
Внизъ головою!

ГЛОСТЕРЪ.

Тамъ, гдѣ ты стоишь,
Поставь меня.

ЭДГАРЪ.

Дай руку. Ты на шагъ
Отъ самой бездны. Ни за что на свѣтѣ
Я не ступлю впередъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Оставь же руку.
Вотъ кошелекъ тебѣ, мой другъ, а въ немъ
Есть камешекъ—для бѣдняка находка.
Прощай! Будь счастливъ! Отойди же прочь.
Простись со мной! Уйди такъ, чтобъ я слышалъ.

ЭДГАРЪ.

Прощайте, добрый сэръ!

ГЛОСТЕРЪ.

Прощай, мой другъ!

ЭДГАРЪ (*тихо*).

Я хитростью моею излѣчу
Его отчаянье.

ГЛОСТЕРЪ.

Вы, силы Неба,
Прощаюсь съ міромъ я, и злое горе
Съ себя свергаю, стоя передъ вами!
Когда бъ я могъ все жизни зло сносить;
Когда бъ имѣлъ я силу преклониться
Предъ вашею непобѣдимой волей,
Великой волей—ждалъ бы я спокойно,
Пока сгоритъ свѣтильникъ здѣшней жизни.
Нѣтъ силы ждать. Когда Эдгаръ мой живъ,
Ему пошлите счастье! Другъ, прощай!
(*Прыгаетъ и падаетъ на томъ же мѣстѣ*).

ЭДГАРЪ.

Упалъ, упалъ! Прощайте, сэръ! Не знаю,
Изъ-за чего творить самоубійство,
Когда вся жизнь—дорога къ вѣрной смерти!
(*Глостеру, измѣнивъ голосъ*).
Ты живъ ли, другъ мой? Эй! подай же голосъ!
Ты слышишь ли меня? Онъ точно мертвый!
Нѣтъ, оживаетъ. Что съ тобою?

ГЛОСТЕРЪ.

Прочь!
Дай умереть мнѣ.

ЭДГАРЪ.

Изъ чего ты сдѣланъ,
Изъ пуха, воздуха, изъ паутины?
Какъ могъ слетѣть съ такого ты утеса
И не разбиться въ прахъ? Ты дышишь; крови
Не вижу я; ты цѣлъ, глядишь, какъ люди;
А высоты, съ которой ты свалился,
Не вымѣрять, хоть десять мачтъ свяжи.
Какое чудо!

ГЛОСТЕРЪ.

Падалъ я иль нѣтъ?

ЭДГАРЪ.

Стремглавъ слетѣлъ сюда ты съ этой кручи
Взгляни—вонъ этотъ мѣловой утесъ—
Взгляни туда. Тамъ жаворонокъ вьется,
Но пѣсня не доходитъ къ намъ. Взгляни...

ГЛОСТЕРЪ.

Увы, я слѣпъ!
Неужели страдальцамъ нѣтъ надежды
Искать спасенья въ смерти? Неужели
Теперь намъ нѣтъ прибѣжища отъ бѣдствій,
Отъ самовластья гордаго?

ЭДГАРЪ.

Дай руку,
Встань. Что, каковъ ты? можешь ты стоять?

ГЛОСТЕРЪ.

Могу стоять я.

ЭДГАРЪ.

Истинное чудо!
Кто былъ съ тобой на высотѣ утеса
И прочь пошелъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Одинъ бѣднякъ несчастный.

ЭДГАРЪ.

Казалося мнѣ снизу, что его
Глаза свѣтились, будто двѣ луны;
Онъ на лицѣ имѣлъ носовъ безъ счету;
Его рога вились и колебались,
Какъ волны въ бурю. Вѣдь, то былъ самъ дьяволъ!
Благодари жъ боговъ, счастливый старецъ!
Легко имъ все, на что нѣтъ силъ у насъ!
Спасенъ богами ты!

ГЛОСТЕРЪ.

Все помню я,
И буду я сносить все горе жизни,
Пока она не скажетъ мнѣ: „довольно!

Карлъ. Король отъ головы до ногъ

КОРДЕЛІЯ.
Картина англійскаго художника Гимса (W. F. Yeams, род. 1835).

Теперь умри!“ То былъ не человѣкъ?
Мнѣ будто слышалося: „дьяволъ! дьяволъ!“
Такъ дьяволъ на утесъ меня завелъ?

Эдгаръ.

Такъ, успокойся жъ. Кто пришелъ сюда?

Входитъ Лиръ, *причудливо убранный цвѣтами.*

Эдгаръ.

Съ разсудкомъ человѣкъ ходить не сталъ бы
Въ такомъ нарядѣ.

Лиръ.

Нѣтъ; чеканить деньги
Я вправѣ, потому что я король.

Эдгаръ. О, душу разрывающій видъ!

Лиръ. Въ этомъ дѣлѣ природа выше искусства. Вотъ твои деньги за вербовку. Этотъ солдатъ держитъ свой лукъ, какъ чучело. Вытащите мнѣ аршинъ ткача. Глядите, глядите—мышь! Тс! тс!.. тише!.. вотъ кусочекъ поджареннаго сыру... Мы ее сейчасъ, сейчасъ! А! здѣсь моя боевая перчатка? вотъ мы ее попробуемъ на великанѣ. Славно полетѣла птичка! въ цѣль, прямо въ цѣль.. Такъ! (*Эдгару*). Какой пароль?

Эдгаръ. Душистый майоранъ.

Лиръ. Проходи.

Глостеръ. Я знаю этотъ голосъ!

Лиръ. А, Гонерилья! съ сѣдой бородою!

Онѣ меня гладили, какъ собачонку; онѣ льстили мнѣ. У меня не было волосъ на бородѣ, а онѣ уважали мои сѣдины; на мои слова мнѣ говорили *да* и *нѣтъ* въ одно время. А! я ихъ понялъ, когда дождь меня промочилъ хорошенько! Когда я дрожалъ отъ студенаго вѣтра, когда громъ не захотѣлъ умолкнуть по моему приказу, тутъ-то я ихъ хорошо понялъ! Нѣтъ, льстивымъ рѣчамъ не надо вѣрить. Мнѣ говорили, что я всесиленъ: лихорадка сильнѣе меня.

Глостеръ.

Неужели?.. знакомъ мнѣ этотъ голосъ!...
Неужли здѣсь король?

Лиръ.

Король! король отъ головы до ногъ!
Гляди, какъ дрожь рабовъ моихъ колотитъ,
Когда гляжу на нихъ я. Человѣка
Я этого прощаю: онъ невиненъ.
Въ чемъ ты виновенъ—въ прелюбодѣяньи?
Ты не умрешь: какъ умирать за это?
И воробей, и мошка золотая
Грѣшатъ въ глазахъ открыто у меня.
Пусть процвѣтаютъ страсти и развратъ!
Сынъ Глостера, хотя и незаконный,
Былъ къ своему отцу куда добрѣй,
Чѣмъ дочери, мной на законномъ ложѣ
Зачатыя. Ликуй же сладострастье!
Рождай дѣтей: мнѣ нужны, вѣдь, солдаты!
Взгляни на эту барыню-болтунью,
На чьемъ лицѣ сіяетъ добродѣтель;
Но чуть услышитъ слово „наслажденье“,
Она качаетъ головой—
И ни хорекъ, ни выпущенный конь
На кличъ его такъ жадно не отвѣтятъ.
Онѣ—центавры внизъ отъ поясницы,
Хотя до верху женщины онѣ.
Онѣ по поясъ—образъ божества,
А все, что ниже—чорта достоянье:
Тамъ адъ, тамъ мракъ, тамъ пышущая бездна,
Удушливая вонь, зараза и позоръ!
Фи, Фи! Дайте мнѣ унцію мускусу, любезный аптекарь, чтобы я могъ освѣжить мое воображеніе. Вотъ вамъ и деньги.

Глостеръ.

О, дай свою поцѣловать мнѣ руку!

Лиръ.

Дай вытру прежде: тлѣномъ пахнутъ руки.

Глостеръ.

Развалины величія былого,
Остатокъ отъ могучаго созданья!
Что весь нашъ міръ пространный?—Дымъ и прахъ!
(*Лиру*). Меня ты знаешь ли?

Лиръ.

Тебя я помню.
Я помню твои глаза... Знаю, что ты на меня косишься. Не трудись, слѣпой Купидонъ: меня любить не заставишь. Прочти этотъ вызовъ; гляди хорошенько на почеркъ! смотри на буквы!

Глостеръ.

Когда бъ онѣ блестѣли ярче солнца,
Я ни одной изъ буквъ не распознаю!

Эдгаръ (*въ сторону*). Я не повѣрилъ бы чужому разсказу объ этомъ. Мое сердце рвется отъ жалости!

Лиръ (*Глостеру*). Читай же!

Глостеръ. Чѣмъ же я буду читать, государь?

Лиръ. Ого! вотъ ты какой человѣкъ? Ни глазъ во лбу, ни денегъ въ карманѣ? Глазамъ трудно, за то кошельку легко! Однако жъ, ты видишь, какъ все идетъ на свѣтѣ?

Глостеръ. Не вижу, но чувствую.

Лиръ. Съ ума ты сошелъ, что ли? Развѣ нельзя и безъ глазъ различать дѣла людскія? Гляди своими ушами. Слышишь, какъ судья-мошенникъ издѣвается надъ убогимъ воромъ? Слушай, слушай, что я теперь тебѣ скажу наухо. (*Тихо*). Перемѣни мѣста: который теперь изъ двухъ воръ, который судья вора? Видалъ ли ты, какъ собака лаетъ на нищаго?

Глостеръ. Да, государь!

Лиръ. И голякъ бѣжитъ со всѣхъ ногъ отъ собаки! Собаки онъ долженъ слушаться: она—власть.

Злой пономарь, ты весь въ крови! Прочь руки!
Зачѣмъ сѣчешь развратницу? Скорѣе
Свою подставь ты спину. По душѣ
Ты самъ развратенъ. Ростовщикъ повѣсилъ
Обманщика. Сквозь рубище худое
Порокъ ничтожный ясно виденъ глазу;
Подъ шубой парчевою нѣтъ порока!
Закуй злодѣя въ золото—стальное
Копье закона сломится безвредно;
Одѣнь его въ лохмотья—и погибнетъ
Онъ отъ пустой соломинки пигмея.
Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ! нѣтъ! я знаю.
Я заступлюсь за всѣхъ—зажму я рты
Доносчикамъ. Ты это знай, мой другъ!
Купи себѣ стекляные глаза

И, какъ дрянной политикъ, дѣлай видъ,
Что видишь то, чего не видно. Ну!
Скинь сапоги мнѣ. Ну! сильнѣе! такъ!

Эдгаръ.

Какъ правда свѣтлая сплелася съ бредомъ,
Разсудокъ—съ помѣшательствомъ ума!

Лиръ.

Когда ты плакать хочешь обо мнѣ,
Бери мои глаза. Тебя я знаю:
Ты Глостеромъ зовешься. Будь же твердъ;
Ты знаешь, съ плачемъ мы на свѣтъ родимся,
Кричимъ и вопимъ, чуть понюхавъ воздухъ.
Скажу я проповѣдь тебѣ. Вниманье.

Глостеръ.

О, горе! горе!

Лиръ.

Родясь на свѣтъ, мы плачемъ: горько намъ
Къ комедіи дурацкой подступаться!
Какъ! эта шляпа хороша? Я хитрость
Претонкую придумалъ. Надо взять
Полкъ конницы и лошадей копыта
Обвить соломой. Я устрою это,
Къ зятьямъ своимъ прокрадусь и тогда
Бей! бей! бей! бей! бей! бей! бей!

Входитъ джентльмэнъ *изъ свиты королевы Корделіи и слуги.*

Джентльмэнъ.

Берите! здѣсь онъ! Вотъ онъ! Государь!
(*Лиру*). Любезнѣйшая ваша дочь...

Лиръ.

Спасите! Нѣтъ спасенья! Какъ! я плѣнникъ!
Судьба меня дурачитъ. Вы со мной
Получше обращайтесь. Будетъ выкупъ.
Врача пошлите мнѣ: я раненъ такъ,
Что виденъ мозгъ.

Джентльмэнъ.

Все будетъ, государь!

Лиръ.

Никто мнѣ не поможетъ. Одинокъ я.
Мнѣ тяжко—солоно отъ слезъ. Могу я
Цвѣты слезами поливать изъ глазъ
И пыльную смочить дорогу.

Джентльмэнъ.

Государь...

Лиръ.

Я, какъ женихъ, умру съ отважнымъ сердцемъ!
Ну, что? шутить я стану. Я—король!
Вы, господа не знаете меня?

КОРДЕЛІЯ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Джентльмэнъ.

Вы государь нашъ, всѣ мы слуги ваши.

Лиръ. Такъ нечего и говорить съ вами.
Хотите поймать, такъ побѣгайте прежде.
Ну-ка! ну-ну-ну!

(*Убѣгаетъ; придворные бѣгаютъ за нимъ.*

Джентльмэнъ.

О, горькій, безпредѣльно горькій видъ
Въ самомъ рабѣ, не только въ государѣ!
Еще тебѣ осталась дочь: загладитъ
Она позоръ, природѣ нанесенный
Другими дочерьми.

Эдгаръ.

Привѣтъ вамъ, сэръ!

Джентльмэнъ.

И вамъ. Что вы хотите?

Эдгаръ.

То правда ль, что готовится сраженье?

Джентльмэнъ.

Всякъ знаетъ это, у кого есть уши.

Эдгаръ.

Скажите мнѣ изъ милости—отъ насъ
Ужъ близко непріятель?

Джентльмэнъ.

Очень близко.

Спѣшитъ онъ, и увидимъ скоро мы
Его войска.

Эдгаръ.

Благодарю васъ очень.

Джентльмэнъ.

Хоть королева здѣсь еще по дѣлу.
Но войско вышло!

Эдгаръ.

Сэръ, благодарю васъ.
(Джентльмэнъ уходитъ).

Глостеръ.

Вы, боги милосердые, пошлите жъ
Мнѣ смертный часъ, чтобъ противъ вашей воли
Мнѣ не поддаться злому искушенью
И не погибнуть непокорнымъ.

Эдгаръ.

Старецъ,
Честна твоя молитва!

Глостеръ.

Кто со мною?

Эдгаръ.

Бѣднякъ, давно свое смирившій сердце
Подъ бѣдствія бичомъ, знававшій горе
И оттого доступный состраданью...
Дай руку: я веду тебя.

Глостеръ.

Отъ сердца
Благодарю тебя. Пусть милость Неба
Тебя съ избыткомъ наградитъ.

Входитъ Дворецкій Освальдъ *вооруженный.*

Дворецкій.

Вотъ счастье!
Моя награда!
(*Глостеру*). Ты, слѣпой преступникъ,
Нарочно сдѣланъ для того, чтобъ я
Могъ отличиться. Эй, измѣнникъ старый!
Молись живѣе: вынутъ мечъ и кончить
Пора съ тобою!

Глостеръ.

Кончай однимъ ударомъ,
По-дружески.

(Эдгаръ вступается за Глостера).

Дворецкій (*Эдгару*).

Ты смѣешь, дерзкій рабъ,
Измѣнникамъ открытымъ быть защитой?
Вонъ! берегися очумѣть и съ нимъ
Погибнуть вмѣстѣ.

Эдгаръ (*поддѣлываясь подъ рѣчь поселянъ*). Нѣтъ! ужъ, съ позволенья вашей милости, я его не дамъ въ обиду.

Дворецкій. Пошелъ прочь! или умрешь, какъ собака.

Эдгаръ. Эй, почтенный баринъ, иди своей дорогой, не мѣшай бѣднымъ людямъ. Эй, не лѣзь къ старику! не суйся, говорятъ тебѣ! Въ послѣдній разъ говорю: я тебѣ изломаю кости, если ты сунешься.

Дворецкій. Прочь, навозная куча!

Эдгаръ. Видно, придется пересчитать тебѣ зубы. (*Сражаются*). Ну-ну! очень я боюсь твоего меча!

(Сражаются. Эдгаръ валитъ дворецкаго на землю и убиваетъ).

Дворецкій.

Убитъ я. Рабъ, возьми мой кошелекъ:
Похорони меня. На мнѣ найдешь
Ты письма. Ежели большой награды
Себѣ ты хочешь, отвези ихъ тотчасъ
Эдмунду Глостеру въ британскій лагерь...
О! смерть -не во-время... (*Умираетъ*).

Эдгаръ.

Тебя я знаю,
Услужливый бездѣльникъ и всегдашній
Угодникъ злобной госпожи своей.

Глостеръ.

Какъ! онъ убитъ?

Эдгаръ.

Сядь, отдохни, отецъ!
Я загляну въ карманъ его. Тѣ письма
Не безполезны мнѣ. Убитъ онъ—жалко,
Что отъ моей руки. Теперь посмотримъ,
Печать сломаемъ! Не къ чему приличье!
Чтобъ мысль врага узнать, рѣшится всякій
И сердце разорвать у супостата,
Бумаги жъ и подавно.

(Вынимаетъ письмо и читаетъ).

„Вспомни общую нашу клятву. Тебѣ легко покончить съ его жизнью, если есть на то охота: за временемъ и средствомъ остановки не будетъ. Если онъ воротится съ побѣдою — все пропало. Тогда я плѣнница, а его постель — мнѣ темница. Тебѣ предстоитъ спасти меня отъ темницы этой съ ея духотой и смрадомъ. Тебѣ предстоитъ за подвигъ твой занять его мѣсто. Твоя жена—хотѣла бы сказать я—и преданная Гонерилья".

О безпредѣльное непостоянство

КОРДЕЛІЯ У ПОСТЕЛИ ЛИРА.

Картина англійскаго художника Марка Стона (Marcus Stone, род. 1840).

Порывовъ женскихъ! Умыселъ преступный
На жизнь супруга добраго—и братъ мой
На мѣсто мужа! Здѣсь, въ песокъ я брошу
Твой мерзкій трупъ, гонецъ убійцъ безбожныхъ,
А герцогу я самому отдамъ
Проклятое посланье: пусть узнаетъ
Объ умыслѣ и о твоей онъ смерти.

(*Уходитъ, волоча тѣло*).

Глостеръ.

Король ума лишился; я жъ, несчастный,
Я твердъ умомъ—и ясно разумѣю
Всю мѣру бѣдъ моихъ! О! лучше бъ было
Съ ума сойти и оторваться мыслью
Отъ тяжкихъ золъ и потерять всю память
О горькой долѣ...

Эдгаръ.

Дай скорѣе руку,
Я слышу барабанъ вдали: уйдемъ;
Я отведу тебя къ надежнымъ людямъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА VII.

Палатка во французскомъ лагерѣ.

Лиръ *спитъ на постели*; врачъ, джентльмэнъ *и прочіе стоятъ вокругъ*. *Входятъ* Корделія *и* Кентъ.

Корделія.

Мой добрый Кентъ, скажи, какой цѣной
Я заплачу за всѣ твои заслуги?
Жизнь коротка моя и средства малы.

Кентъ.

Я оцѣненъ царицей, и съ избыткомъ
Я награжденъ за все. Въ словахъ моихъ
Я былъ правдивъ и скроменъ.

Корделія.

Дни печали
Мнѣ твой нарядъ напомнилъ: скинь его,
Одѣнься, какъ велитъ твой санъ.

Кентъ.

Прошу я
У вашего величества прощенья.
Меня узнать здѣсь могутъ—и покуда
Я умоляю для сокрытой цѣли,
Чтобъ вы меня не узнавали даже.

Корделія.

Пусть будетъ такъ, мой добрый лордъ.

(Врачу).

Скажи мнѣ,
Каковъ король?

Врачъ.

Еще онъ не проснулся.

Корделія.

О, Небеса благія!
Пошлите исцѣленье тяжкимъ ранамъ,
Возстановите силы, защитите
Отца, отъ горя ставшаго младенцемъ!

Врачъ.

Онъ долго спалъ, и если королевѣ
Угодно, то разбудимъ мы больного.

Корделія.

Не мнѣ рѣшать; какъ приказалъ твой разумъ,
Такъ поступай теперь. Одѣтъ король?

Джентльмэнъ.

Да, государыня; во время сна
Его переодѣли.

Врачъ.

Королевѣ
При немъ быть надо. Увѣряю я,
Что онъ спокоенъ будетъ.

Корделія.

Хорошо.

Врачъ.

Поближе, государыня!

(Музыкантамъ, которые сошли и спали съ палатки).

Играйте!
Сильнѣй, сильнѣй!

Корделія.

Отецъ! отецъ, мой милый!
Пускай уста мои передадутъ
Тебѣ здоровье съ поцѣлуемъ этимъ!
Пускай они залѣчатъ злую скорбь,
Что сестры нанесли тебѣ подъ старость!

Кентъ.

О, милая и кроткая царица!

Корделія.

Когда бъ ты не былъ ихъ отцомъ, на жалость
Твои сѣдины вызвать ихъ могли!
Неужли эта голова встрѣчала
И буйный вѣтеръ, и удары грома?
Неужели надъ нею, беззащитной,
Змѣились молній стрѣлы? и всю ночь
Безъ крова оставался старецъ бѣдный?
Собака моего врага—собака,
Кусавшая меня, въ такую ночь
Стояла бы у моего огня. А ты,
Отецъ мой бѣдный, въ эту ночь былъ долженъ
Искать убѣжища въ соломѣ смятой,
Въ норѣ, съ плутами, свиньями. О, боги!
Какъ жизнь его съ умомъ не отлетѣла?
(Лиръ просыпается; Корделія дрожитъ и робѣетъ. Врачу).
Проснулся онъ. Заговори съ нимъ.

Врачъ.

Должно
Вамъ, государыня, съ нимъ говорить.

Корделія *(Лиру).*

Здоровъ ли мой великій повелитель?
Какъ чувствуетъ себя король?

Лиръ.

Зачѣмъ меня
Изъ гроба вынули? Ты—ангелъ свѣтлый!
Но я прикованъ къ огненному кругу,
И плачу я, и эти слезы жгутся
Такъ, какъ свинецъ растопленный.

Корделія.

Узнали
Меня вы, государь?

Лиръ.

Тебя я знаю:
Ты—свѣтлый духъ. Давно ты умерла?

Корделія.

О, горе! бредитъ онъ.

Врачъ.

Еще проснуться
Онъ не успѣлъ вполнѣ.

Лиръ.

Гдѣ былъ я? гдѣ я?
Какъ ясенъ день! Обманываюсь я?
Мнѣ тяжко бъ было видѣть человѣка
Такимъ, какъ я. Что говорить—не знаю.
Вотъ эти руки, кажется, мои,
Я чувствую, что колется булавка—
И все не вѣрю.

КОРДЕЛІЯ.

Государь, взгляните
Вы на меня; соедините руки
Съ благословеньемъ надо мною.
(*Лиръ падаетъ передъ ней на колѣни*).
НѢТЪ.
Зачѣмъ хотите вы склонить колѣни?

ЛИРЪ.

Прошу тебя: не смѣйся надо мною!
Я беззащитный, глупый старичишка;
За восемьдесятъ лѣтъ мнѣ, и едва ли
Я въ полномъ разумѣ, сказать по правдѣ:
Тебя я будто знаю, и его
Я тоже знаю.
(*Указываетъ на Кента*).
Думается мнѣ
О томъ, гдѣ я. И платье это также
Взялось откуда? Гдѣ я спалъ всю ночь—
Опять не знаю. Все-таки не смѣйтесь:
Мнѣ кажется, какъ-будто эта лэди—
Дитя мое, Корделія.

КОРДЕЛІЯ.

.Я! я!

ЛИРЪ.

Дай мнѣ коснуться глазъ твоихъ. То—слезы,
Они мокры. Прошу тебя, не плачь.
Дай яду мнѣ, коли онъ здѣсь: я выпью.
Не любишь ты меня. Я безъ причины
Твоими сестрами былъ оскорбленъ,
Но у тебя причина есть.

КОРДЕЛІЯ.

НѢТЪ, нѣтъ!
Нѣтъ, нѣтъ причины!

ЛИРЪ.

Гдѣ же я, скажите?
Во Франціи?

КЕНТЪ.

Нѣтъ, въ вашемъ государствѣ.

ЛИРЪ.

Не обижайте же меня.

ВРАЧЪ.

Утѣшьтесь,
О. кроткая царица! Изступленье,
Какъ видите, прошло; но есть опасность
Въ воспоминаніяхъ о прошломъ горѣ.
Возьмите короля съ собой и дайте
Ему опомниться.

КОРДЕЛІЯ.

Мой государь,
Угодно вамъ пройтись?

ЛИРЪ.

Да, да, съ тобою.
Прости и прошлое забудь. Я старъ и глупъ.
(*Лиръ, Корделія, врачъ и свита уходятъ*).

ЛИРЪ УЗНАЕТЪ КОРДЕЛІЮ.
Картина Роберта Смирка (Robert Smirke, R. A.) Малая Бойделевская Галлерея.

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Ужели правда, что Корнвалльскій герцогъ
Лишился жизни?

КЕНТЪ.

Это достовѣрно.

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Но кто жъ ведетъ войска?

КЕНТЪ.

Эдмундъ, какъ слышно,
Сынъ Глостера побочный.

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

А Эдгаръ,
Законный сынъ его, при графѣ Кентѣ,
Въ Германіи?

КЕНТЪ.

Измѣнчива молва.
Не до того намъ. Герцоговъ войска
Уже подходятъ.

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Будетъ бой—и тяжкій!
Прощайте же.

КЕНТЪ.

Теперь мнѣ ждать недолго:
Бѣды ли, счастья ль—битва то рѣшитъ.

ЭДМУНДЪ ВО ГЛАВѢ ВОЙСКА РЕГАНЫ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Британскій лагерь близъ Довера.

Входятъ съ музыкой и знаменами Эдмундъ, Регана, *офицеры, воины и свита.*

Эдмундъ (*офицеру*).

Узнай вѣрнѣй, на что рѣшился герцогъ:
Не измѣнилъ ли снова онъ послѣднихъ
Своихъ рѣшеній? Онъ непостояненъ
И перемѣнчивъ. Пусть отвѣтитъ прямо!

(*Офицеръ уходитъ*).

Регана.

Что сталося съ гонцомъ моей сестры?
Боюсь бѣды.

Эдмундъ.

И я боюсь того же!

Регана.

Мой милый Глостеръ, вамъ вполнѣ извѣстна
Вся преданность моя. Скажите жъ мнѣ
По правдѣ, не скрываясь: сестру
Вы любите?

Эдмундъ.

Почтительной любовью.

Регана.

Почтительной? И никогда другихъ
Вы не имѣли цѣлей?

Эдмундъ.

Что за мысль!

Регана.

Мнѣ кажется, что вы съ моей сестрой
Ужъ очень близки.

Эдмундъ.

Нѣтъ, клянусь въ томъ честью!

Регана.

Она мнѣ ненавистна. Милый Глостеръ,
Не довѣряйте ей.

Эдмундъ.

Оставьте это.
Она и мужъ ея!

Входятъ Альбани, Гонерилья *въ сопровожденіи войска.*

Гонерилья (*въ сторону*).

Нѣтъ, не позволю ей насъ разлучать!
Пусть лучше проиграемъ мы сраженье!

Альбани (*Эдмунду и Регань*).

Привѣтъ вамъ нашъ, любезная сестра.

Вы Глостеръ, знаете, что нашъ король
Теперь при дочери; что вмѣстѣ съ ними
Противу насъ идутъ съ французской ратью
Другіе лорды, взявшіе оружье
По нашей же винѣ. Гдѣ нѣту правды,
Тамъ не могу я храбрымъ быть. Я биться
Могу съ французомъ за владѣнья наши,
Но не за то, что старца короля
Онъ защищаетъ.

Эдмундъ.

Благородный герцогъ,
Вы честно говорите.

Регана.

Но къ чему
Всѣ эти разсужденья?

Гонерилья.

Надо намъ
Не разсуждать о частныхъ нашихъ спорахъ,
А заодно итти врагу на встрѣчу.

Альбани.

Совѣтъ вождей я созвалъ: тамъ рѣшенье
Мы постановимъ.

Эдмундъ.

Я сейчасъ явлюсь
Въ палатку вашу, герцогъ.

Регана.

Сестра, идешь ты съ нами?

Гонерилья.

Нѣтъ.

Регана.

Иди. Повѣрь, оно приличнѣй будетъ.

Гонерилья (*въ сторону*).

О, поняла я все! (*Вслухъ*). Идемъ, сестрица!
(*Эдмундъ, Гонерилья и Регана уходятъ*).

Входитъ Эдгаръ *переодѣтый*.

Эдгаръ (*подходя къ Альбани*).

Когда вамъ не гнусна, могучій герцогъ,
Рѣчь бѣдняка, то смѣетъ онъ просить
Вниманья вашего.

Альбани (*вслѣдъ женѣ и прочимъ*).

Я догоню васъ.
(*Эдгару*).
Что скажешь ты?

Эдгаръ.

Вотъ вамъ письмо. Прочтите
Его предъ битвой. Если суждено
Вамъ побѣдить, то прикажите вызвать
На трубный звукъ того, письмо кто подалъ.
На видъ ничтоженъ я, но я представлю
Бойца, который подтвердитъ все то,
Что здѣсь написано. Но если бой
Несчастенъ будетъ—всѣ дѣла мірскія
Прошли для васъ, и замысламъ конецъ.
Прощайте, будьте счастливы.

Альбани.

Постой же,
Пока прочту письмо.

Эдгаръ.

Запрещено
Мнѣ ждать. Потомъ, по вызову герольда,
Явлюсь я самъ.
(*Уходитъ*).

Альбани.

Прощай. Письмо прочту.

Эдмундъ *возвращается*.

Эдмундъ.

Врагъ показался. Стройте ваше войско.
Вотъ вамъ разсчетъ о силахъ супостата
По вѣрнымъ свѣдѣніямъ. Но теперь
Спѣшить вамъ надо.

Альбани.

Я не буду медлить.
(*Уходитъ*).

Эдмундъ (*одинъ*).

Обѣимъ сестрамъ клялся я въ любви.
Одна другую ненавидитъ больше,
Чѣмъ ненавидитъ змѣя тотъ, кто змѣемъ
Ужаленъ былъ. Которую изъ двухъ
Мнѣ взять? Одну?—обѣихъ?—ни одной?
Пока жива одна изъ нихъ, съ другою
Мнѣ не ужиться. За вдовой гоняясь,
Ожесточу сестру ея; у той же
Мужъ живъ еще. Для предстоящей битвы
Онъ нуженъ намъ, а послѣ не замедлитъ
Его жена столкнуть съ дороги нашей.
Теперь онъ думаетъ о томъ, чтобъ Лира
И дочь его щадить. Пускай побѣду
Я одержу и захвачу ихъ въ руки—
Посмотримъ, какъ онъ защититъ ихъ. Полно!
Не думать надобно, а дѣлать дѣло.
(*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Поле между двумя лагерями.

Тревога и музыка. Со театру проходятъ, съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами Лиръ, Корделія *и ихъ войско. По уходѣ ихъ, входятъ* Эдгаръ *и* Глостеръ.

Эдгаръ.

Присядь, отецъ, подъ деревомъ: оно
Кидаетъ тѣнь отрадную. Молися
О правомъ дѣлѣ. Если я вернусь,
То съ доброй вѣстью.

(*Уходитъ*).

Глостеръ.

Милости Небесъ
Пускай съ тобой пребудутъ неразлучно!

(*Барабаны и музыка. Французское войско бѣжитъ*).

Входитъ опять Эдгаръ.

Эдгаръ.

Бѣги, старикъ! Дай руку! Прочь отсюда!
Разбитъ король, и онъ, и дочь въ плѣну!
Дай руку! Что жъ?

Глостеръ.

И здѣсь могу я сгнить.
Зачѣмъ пойду я прочь?

Эдгаръ.

Какъ? ты опять
Поддался мыслямъ вреднымъ? Мы должны
Теперь сносить: на то мы въ свѣтъ родимся.
Всесильно время. Ну, пойдемъ!

Глостеръ.

Ты правъ!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Британскій лагерь близъ Довера.

Входитъ Эдмундъ *торжественно съ музыкой и знаменами; Лира и* Корделію *приводятъ, какъ плѣнниковъ. Офицеры, солдаты и прочіе.*

Эдмундъ (*указывая на Лира и Корделію*).
Возьмите ихъ отсюда обоихъ,
Подъ стражею надежною держите
До новаго приказа.

Корделія.

Не одни мы
Бѣдой постигнуты за честнымъ дѣломъ!
Мнѣ горько за тебя, родитель бѣдный;
Сама же я умѣю на бѣду
Глядѣть съ презрѣньемъ. Намъ, быть-можетъ, надо
Увидѣть тѣхъ сестеръ — и дочерей?

Лиръ.

Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Скорѣй уйдемъ въ темницу!
Мы станемъ пѣть въ ней, будто птицы въ клѣткѣ.
Когда попросишь ты, чтобъ я тебя
Благословилъ, я самъ, склонивъ колѣни,
Прощенья буду у тебя просить.
Итакъ, мы станемъ жить вдвоемъ и пѣть,
Молиться, сказки сказывать другъ другу,
Смѣяться надъ придворными и слушать
Отъ нихъ разсказы о мірскихъ дѣлахъ,
О томъ, кто силенъ, слабъ, кто плохъ, кто счастливъ,
И наблюдать мы будемъ сущность дѣлъ,
Какъ отъ боговъ посланники—и вмѣстѣ
Мы проживемъ весь вѣкъ въ стѣнахъ темницы,
Не вѣдая тревоги и тоски.

Эдмундъ.

Взять ихъ скорѣй!

Лиръ.

Корделія моя,
Со мной ты, милая! На жертвы эти,
Вѣдь, сами боги сыплютъ ѳиміамъ!
Чтобъ разлучить насъ, надо прежде съ неба
Огонь похитить и обоихъ насъ
Огнемъ тѣмъ выжечь изъ темницы нашей.
Утри жъ глаза: о чемъ мы плакать станемъ?
Скорѣе всѣхъ враговъ сглодаютъ черви,
Скорѣй отъ голода они издохнутъ,
Чѣмъ насъ съ тобой они заставятъ плакать.
Пойдемъ же!

(*Лиръ и Корделія уходятъ подъ стражей*).

Эдмундъ.

Капитанъ, сюда! Сейчасъ
Возьми записку эту и за ними
Иди въ тюрьму; записку тамъ прочти,
И что въ ней сказано—исполни тамъ же.

(*Даетъ ему бумагу*).

Я отличалъ тебя не разъ, и снова
Тебя я отличу. Ты долженъ знать
Что время дѣлаетъ людей, что жалость
Солдату не прилична. Разсужденій

Не надо мнѣ. Рѣшаешься ли ты
Мою исполнить волю?

Офицеръ.

Да, милордъ!

Эдмундъ.

Иди жъ. Исполни и тотчасъ дай знать.
Не надо медлить. Что найдешь въ запискѣ,
То ты и сдѣлай.

Офицеръ.

Все, что можно сдѣлать:
Я выполню по мѣрѣ силъ моихъ.
(*Уходитъ*).

Трубы. Входятъ Альбани, Гонерилья, Регана, *офицеры и свита.*

Альбани.

Хвала вамъ, Глостеръ! Доблестно и смѣло
Вели вы бой сегодня, и въ рукахъ
У васъ враги, съ которыми вы бились.
Отдайте же намъ плѣнниковъ; мы съ ними
Поступимъ такъ, какъ требуютъ ихъ санъ
И наша безопасность.

Эдмундъ.

Я велѣлъ ужъ
И старика презрѣннаго, и дочь
Держать подъ сильной стражей. Есть опасность
Въ ихъ званіи, въ ихъ бѣдствіяхъ и плѣнѣ:
Надъ ними можетъ сжалиться народъ
И противъ насъ возстать. Обоихъ плѣнныхъ
Я послѣ выдамъ вамъ: теперь не время.
Съ насъ льются кровь и потъ; на бранномъ полѣ
Лежатъ друзья убитые—и тяжки
Минуты послѣ самой славной битвы!
О королевѣ и ея отцѣ
Здѣсь говорить не мѣсто.

Альбани.

Графъ, позвольте
Мнѣ вамъ сказать, что васъ считаю я
Военачальникомъ намъ подчиненнымъ—
Никакъ не братомъ.

Регана.

Это наше дѣло.
Могли бы, герцогъ, вы у насъ спросить,
Какъ мы разсудимъ. Передъ нашимъ войскомъ
Онъ въ бой ходилъ, онъ представлялъ собою
Лицо и власть мою—и смѣло можетъ
Назваться братомъ вашимъ.

Гонерилья.

Тише! тише!
Самъ по себѣ онъ выше повышеній
И милостей твоихъ.

Регана.

За то и взысканъ
Онъ милостью отъ насъ.

Гонерилья.

И такъ ужъ взысканъ,
Что ты его назвать готова мужемъ.

Регана.

Смотри, не напророчь!

Гонерилья.

Стой, стой, сестрица!
Любовь слѣпа: не довѣряй глазамъ.

Регана.

Сестра, я нездорова: безъ того
Тебѣ съумѣла бъ я отвѣтить. Глостеръ!
Бери себѣ мои войска, всѣхъ плѣнныхъ,
Владѣнія мои—повелѣвай
Всѣмъ, что имѣю я, и мной самою!
Здѣсь все твое! Передъ лицомъ вселенной
Я признаю тебя своимъ супругомъ
И властелиномъ.

Гонерилья.

Какъ? Осмѣлься только
Ты это сдѣлать!

Альбани (*Гонерильѣ*).

Отъ тебя согласья
Не требуютъ.

Эдмундъ (*Альбани*).

И отъ тебя, конечно.

Альбани.

Постой еще, мой незаконный братецъ!

Регана (*Эдмунду*).

Сбери жъ войска при барабанномъ боѣ
И объяви, что власть мою тебѣ
Я отдала.

Альбани.

Молчать и слушать смирно!
Эдмундъ, тебя я обвиняю здѣсь
Въ измѣнѣ государственной, и эту
(*указывая на Гонерилью*).
Змѣю красивую, съ тобою вмѣстѣ,
Я отдаю подъ стражу.
(*Регани*).
Васъ, сестрица,
Прошу я отмѣнить замужство ваше,

Чтобъ не вредить женѣ моей: она
Давно сдружилась съ этимъ полководцемъ.
Когда хотите замужъ, постарайтесь
Мнѣ приглянуться; а моя супруга
Уже помолвлена.

ГОНЕРИЛЬЯ.

Что это значитъ?

АЛЬБАНИ.

Ты, Глостеръ, при оружіи. Герольды!
Трубите въ трубы!
(*Кидаетъ перчатку*).
Вотъ моя перчатка!
Когда никто не явится сюда,
Чтобъ честнымъ боемъ и судомъ Господнимъ
Намъ доказать, что ты въ измѣнѣ тяжкой,
Коварной и неслыханной повиненъ,
Я самъ—теперь же, не вкусивши хлѣба—
Съ тобою въ бой вступлю и докажу
Всю правду словъ моихъ.

РЕГАНА.

Мнѣ тяжко, тяжко!

ГОНЕРИЛЬЯ (*въ сторону*).

Мой ядъ хорошъ; я не ошиблась въ ядѣ!

ЭДМУНДЪ (*кидая перчатку*).

Вотъ мой залогъ—и если въ цѣломъ свѣтѣ
Найдется лжецъ, посмѣвшій называть
Меня измѣнникомъ—при трубномъ звукѣ,
Его и всѣхъ другихъ клеветниковъ
Зову сюда я на смертельный бой
За честь мою и правду!

АЛЬБАНИ.

Эй, герольды!

ЭДМУНДЪ.

Герольдъ, сюда!

АЛЬБАНИ.

На собственную силу
Ты положиться долженъ. Ты безъ войска.
Я созвалъ войско, я и распустилъ!

РЕГАНА.

Мнѣ хуже... я больна...

Входитъ ГЕРОЛЬДЪ.

АЛЬБАНИ.

Въ мою палатку
Отвесть ее. Она больна. (*Регану уводятъ*).
Герольдъ,
Прочти намъ это. (*Даетъ герольду бумагу*).

ОФИЦЕРЪ.

Трубачи, трубите! (*Трубятъ*).

ГЕРОЛЬДЪ (*читаетъ*). „Если кто изъ рыцарей и знатныхъ людей желаетъ доказать силой оружія, что Эдмундъ, называющій себя графомъ Глостеромъ, есть великій измѣнникъ отечеству, тотъ долженъ явиться послѣ третьяго зова трубою. Противникъ готовъ его встрѣтить".

ЭДМУНДЪ. Труби!

(*Трубятъ въ первый разъ*).

ГЕРОЛЬДЪ. Еще!

(*Трубятъ во второй разъ*).

ГЕРОЛЬДЪ. Еще!

(*Трубятъ въ третій разъ. За сценой отвѣчаетъ труба*).

Входитъ ЭДГАРЪ, *вооруженный. Впереди его идетъ* ТРУБАЧЪ.

АЛЬБАНИ (*герольду*).

Спроси его, зачѣмъ на трубный вызовъ
Явился онъ.

ГЕРОЛЬДЪ.

Ты, рыцарь неизвѣстный,
Кто ты таковъ, какъ звать тебя, и вызовъ
Зачѣмъ ты принялъ?

ЭДГАРЪ.

Знайте всѣ, что имя
Мое погибло, сглодано измѣной;
Но благороденъ я, какъ мой противникъ,
И съ нимъ хочу я биться.

АЛЬБАНИ.

Кто же онъ?

ЭДГАРЪ.

Кто смѣетъ здѣсь назвать себя Эдмундомъ
И графомъ Глостеромъ?

ЭДМУНДЪ.

Я—Глостеръ! Дальше!

ЭДГАРЪ.

Ты вынь свой мечъ и за слова мои
Готовься мстить: мой мечъ ужъ наготовѣ.
Здѣсь—въ силу чести рыцарской и клятвъ—
Я, несмотря на всѣ твои заслуги,
На санъ твой, доблесть, первыя побѣды,
Тебя зову измѣнникомъ безбожнымъ,
Губителемъ родителя и брата,
Бунтовщикомъ противъ законной власти
И извергомъ отъ головы до ногъ!
Скажи лишь „нѣтъ"—и этою рукою
И силою моею, и мечомъ
Я докажу, что лжешь ты!

Знаменитый итальянскій трагикъ Эрнесто Россп (Ernesto Rossi, 1829—1896) въ роли Лира.

Эдмундъ.

Могъ бы я
Спросить, кто ты; но самъ я не желаю
Отсрочить боя: воинъ ты по виду
И дворянинъ по рѣчи. Здѣсь кидаю
Тебѣ въ лицо твои я обвиненья,
Зову тебя бездѣльникомъ, гнушаюсь
Безсильнымъ ядомъ клеветы твоей
И, взявши мечъ, вобью тебѣ я въ горло
Назадъ всю ложь твою! Трубить, герольды!

(Трубы. Сраженіе. Эдмундъ падаетъ).

Альбани.

Пощада павшему!

Гонерилья.

Обманутъ Глостеръ!
Не побѣжденъ—обманутъ ты безчестно!
Зачѣмъ, въ противность рыцарскому праву,
На вызовъ незнакомца ты отвѣтилъ?

Альбани.

Зажми свой ротъ, злодѣйка, или я
Забью его бумагой этой.
(Эдмунду). Извергъ,
Читай теперь свое ты обвиненье!
(Гонерильѣ). Не вырывай бумаги! Вижу я,
Что и тебѣ она давно знакома.

(Даетъ письмо Эдмунду).

Гонерилья.

Нѣтъ нужды въ томъ. Здѣсь я повелѣваю,
И некому судить меня!

Альбани.

Ты знаешь
Бумагу эту?

Гонерилья.

Нѣтъ тебѣ отвѣтовъ!
(Уходитъ).

Альбани *(офицеру).*

Смотри за ней: она близка къ безумью.

Эдмундъ.

Все, въ чемъ ты обвинялъ меня, и много
Еще другого въ жизнь мою я сдѣлалъ,

Оно прошло, и жизнь прошла. Но кто ты,
Противникъ мой счастливый? Если ты
По крови благороденъ, то тебя
Прощаю я.

Эдгаръ.

Услуга за услугу!
Эдмундъ, не ниже я тебя по крови,
А если выше, то еще страшнѣй
Твоя вина. Я—братъ твой! Боги справедливы:
Прошедшихъ дней веселые пороки
Для насъ орудья пытки создаютъ.
За темное рожденіе твое
Потерей глазъ отецъ твой поплатился.

Эдмундъ.

Вы правы, о благія силы Неба!
Вы правы! Колесо свой полный кругъ
Свершило—и поверженъ я.

Альбани (*Эдгару*).

Приди жъ
Ко мнѣ въ объятья. Сразу я призналъ
Высокій санъ въ тебѣ. Любилъ всегда я
Тебя и твоего отца.

Эдгаръ.

Я знаю
Все это, герцогъ.

Альбани.

Гдѣ же ты скрывался?
Какъ ты узналъ про бѣдствія отца?

Эдгаръ.

Я ихъ дѣлилъ все время. Мой разсказъ
Не дологъ будетъ; а когда я кончу,
Пускай душа замретъ съ моимъ разсказомъ!
Мила намъ жизнь: отъ приговора злого
Скрывался я подъ рубищемъ безумца,
Когда слѣпой отецъ мой, со слѣдами
Кровавыми на мѣстѣ глазъ безцѣнныхъ,
Со мною встрѣтился. Съ тѣхъ поръ я былъ
Его вожатаемъ, его кормильцемъ;
Я утѣшалъ его; я подаянья
Ему просилъ; но—горе мнѣ: не смѣлъ я
Ему открыть, кто я! Сегодня только,
Готовясь въ бой, ему я разсказалъ
Все про себя и передъ смертнымъ боемъ
У старца попросилъ благословенья.
Увы, его истерзанное сердце
Не вынесло борьбы блаженства съ горемъ—
И умеръ, улыбаясь, мой отецъ!

Эдмундъ.

Меня ты тронулъ; можетъ быть, къ добру
Ты говоришь, скорѣе продолжай:
Я вижу, что не все сказалъ ты.

Альбани.

Нѣтъ.
Довольно горькихъ словъ! Нѣтъ силы больше
О прежнихъ слышать.

Эдгаръ.

Въ самую минуту,
Когда рыдалъ я надъ моимъ отцомъ,
Къ намъ человѣкъ приблизился. Онъ прежде
Во мнѣ безумца видѣлъ; но, узнавши,
Кто я такой, онъ въ сильныя объятья
Меня схватилъ—и страшное рыданье
Онъ поднялъ къ Небу, и на трупъ отца
Онъ бросился и разсказалъ про Лира
И про себя печальнѣйшій разсказъ
Когда-нибудь разсказанный на свѣтѣ.
И говорилъ онъ—и во время рѣчи
Его тоска росла, и струны жизни
Въ немъ обрывались. Тутъ раздались трубы—
И я его оставилъ.

Альбани.

Кто же онъ?

Эдгаръ.

Кентъ, сэръ, изгнанникъ Кентъ. Слугой
одѣвшись,
Служилъ онъ государю и врагу,
Какъ самый рабъ служить не согласится.

Вбѣгаетъ джентльмэнъ *изъ свиты Гонерильи. Въ рукахъ у него окровавленный ножъ.*

Джентльмэнъ.

Бѣда! Спасите!

Эдгаръ.

Гдѣ бѣда?

Альбани.

Въ чемъ дѣло?

Эдгаръ.

Зачѣмъ съ ножомъ ты?

Джентльмэнъ.

Этотъ ножъ въ крови:
Самоубійство!

Альбани.

Кто убилъ себя?

Джентльмэнъ.

Супруга ваша, герцогъ! Отравила
Она сестру—и сознается въ томъ.

Эдмундъ.

Обѣимъ я далъ слово—и намъ всѣмъ
Не долго свадьбы ждать.

Альбани.

Живыхъ иль мертвыхъ.
Несите ихъ сюда. Трепещемъ мы
Передъ судомъ Небесъ, но сожалѣнья
Не въ силахъ ощущать.

(Джентльмэнъ уходитъ).

Входитъ Кентъ.

Эдгаръ.

Вотъ Кентъ.

Альбани.

Да, это онъ!
Намъ некогда привѣтствовать его
Такъ, какъ велитъ приличіе.

Кентъ.

Сюда
Пришелъ затѣмъ я, чтобы государю
И господину моему сказать:
„Ночь добрая!“ Не здѣсь онъ?

Альбани.

Мы забыли
Про главное. Скажи скорѣй, Эдмундъ,
Гдѣ нашъ король? Гдѣ дочь его меньшая?

(*Вносятъ тѣла Регины и Гонерильи*).

Ты это видишь, Кентъ?

Кентъ.

Что это значитъ?

Эдмундъ.

Да, былъ любимъ Эдмундъ! Сестра сестру
Изъ-за него сгубила и потомъ
Себя зарѣзала.

Альбани.

Да, это правда.
Закройте лица сумрачныя имъ.

Эдмундъ.

Не долго жить мнѣ. Вопреки природѣ,
Добро хочу я сдѣлать. Поскорѣе
Гонца пошлите въ замокъ. Торопитесь:
Я Лира и Корделію велѣлъ
Тамъ умертвить. Не медлите!

Альбани.

Бѣгите!
Бѣгите всѣ!

Эдгаръ (*герцогу*).

Куда жъ бѣжать? Кому приказъ былъ отданъ?
(*Эдмунду*). Пошли отмѣны знакъ!

Эдмундъ.

Мой мечъ возьми
И капитану передай.

Альбани.

Скорѣе
Бѣги, спѣши, коль жизнь тебѣ мила!

(Эдгаръ уходитъ).

Эдмундъ.

Я и твоя жена вдвоемъ рѣшили
Корделію повѣсить и потомъ
Слухъ распустить, что на самоубійство
Въ отчаяньи рѣшилася она.

Альбани.

Пусть Небеса хранятъ ее! Несите
Его отсюда! (*Эдмунда уносятъ*).

Входитъ король Лиръ *съ мертвой Корделіей въ объятіяхъ. За Лиромъ* Эдгаръ, *офицеры, воины и толпа народа.*

Лиръ.

О, войте! войте! войте! Вы изъ камня—
Изъ камня, люди! Если бъ я имѣлъ
И столько глазъ, и столько языковъ,
Отъ слезъ моихъ и стоновъ сводъ небесный
Распался бы! Она навѣкъ заснула:
Я жизнь отъ смерти различать умѣю.
Она мертва, какъ комъ земли. Подайте
Мнѣ зеркало: когда ея дыханье
Стекла поверхность затемнитъ, скажу я—
Скажу я, что жива она!

Кентъ.

Насталъ
Послѣдній день для міра!

Эдгаръ.

Страшно! страшно!
Смерть, гдѣ ты?

Лиръ (*держитъ перо у губъ Корделіи*).

Тс! Перо зашевелилось.
Она жива! О, если это такъ,
То разомъ награжденъ я за страданья,
Какія въ жизни зналъ я!

Кентъ (*бросаясь къ ногамъ Лира*). Государь!
Мой добрый государь!

Лиръ.

Прошу тебя—
Прочь, прочь!

Эдгаръ.

То другъ вашъ, честный Кентъ.

ЛИРЪ СЪ ТРУПОМЪ КОРДЕЛІИ.

Картина англо-ирландскаго живописца Барри (J. Barry, R. A. 1741—1816). Большая Бойделевская Галлерея.

Лиръ.

Чума на васъ, измѣнники, убійцы!
Я бъ могъ спасти ее; теперь навѣки
Она ушла отъ насъ. Постой еще,
Корделія! Корделія, помедли
Хотя немного! А? Что ты сказала?
У ней былъ нѣжный, милый, тихій голосъ—
Большая прелесть въ женщинѣ. Убилъ я
Раба, который вѣшалъ дочь мою.

Офицеръ.

Такъ, онъ убилъ его.

Лиръ.

Убилъ, не такъ ли?
Когда-то было время, могъ бы я
Моею острой саблей ихъ заставить
Попрыгать всѣхъ; теперь я старъ. Отъ горя
Я ослабѣлъ. Здѣсь такъ темно. Глаза
Мои не зорки.

Кентъ.

О, когда фортуна
Двумя людьми способна похвалиться,
Которыхъ ей любить и ненавидѣть
Въ одно и то же время приходилось,
То одного изъ нихъ позоръ мы видимъ.

Лиръ.

Ты будто Кентъ?

Кентъ.

Я—Кентъ, слуга вашъ вѣрный.
Гдѣ Кайюсъ, что служилъ вамъ?

Лиръ.

Умеръ онъ
И сгнилъ. Онъ, помнится, былъ честный малый:
Умѣлъ онъ храбро биться.

Кентъ.

Государь,
Не умеръ онъ: онъ здѣсь—я самъ...

Лиръ.

Увидимъ.

ЛИРЪ НАДЪ ТРУПОМЪ КОРДЕЛІИ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Кентъ.
Съ начала самаго страданій вашихъ
Я шелъ за вами слѣдомъ.

Лиръ.
Очень радъ
Тебя я видѣть здѣсь.

Кентъ.
Не можетъ быть
Здѣсь радости: все горько и печально!
Ужасной смертію погибли ваши
Двѣ дочери.

Лиръ.
Мнѣ кажется, что такъ.

Альбани.
Не знаетъ онъ, что говоритъ. Напрасно
Къ нему мы обращаемся.

Эдгаръ.
Такъ точно

Входитъ офицеръ

Офицеръ.
Эдмундъ скончался.

Альбани.
Намъ не до Эдмунда!
Вы, лорды и друзья мои, узнайте
Намѣренія наши. Чѣмъ лишь можемъ
Утѣшить мы великаго страдальца—
Все будетъ сдѣлано. Всю нашу власть
Мы старцу-королю предоставляемъ:
Пусть царствуетъ до гроба.
(Эдгару и Кенту). Вамъ обоимъ
Права мы возвращаемъ и еще
Васъ наградимъ. За вѣрность и добро

Почетъ друзьямъ; враги же пусть осушатъ
Всю чашу золъ. Глядите! о, глядите!
(Указываетъ на Лира).

Лиръ *(около трупа Корделіи).*
Повѣшена моя малютка! Нѣтъ, нѣтъ жизни!
Зачѣмъ живутъ собака, лошадь, крыса—
Въ тебѣ жъ дыханья нѣтъ? О, никогда
Ты не придешь, ты не вернешься къ намъ!
Никогда! никогда! никогда! никогда!
(Офицеру). Пожалуйста, вотъ пуговицу эту
Мнѣ отстегните. Сэръ, благодарю васъ!
Вы видите ли это? Поглядите
Вы на нее. Уста ея... взгляните...
Взгляните... о, взгляните!... *(Умираетъ).*

Эдгаръ.
Онъ въ обморокѣ! Государь!

Кентъ.
О, сердце,
Когда ты разорвешься!

Эдгаръ.
Поглядите!

Кентъ.
Не оскорбляй души его. Пускай
Она отходитъ съ миромъ: только врагъ
Его вернуть захочетъ къ пыткамъ жизни.

Эдгаръ.
Такъ умеръ онъ?

Кентъ.
Какъ могъ еще страдалецъ
Такъ долго жить и мучиться такъ долго?

Альбани.
Несите мертвыхъ. Намъ одно осталось:
Великій плачъ.
(Кенту и Эдгару). Вамъ, вѣрные друзья,
Сдаю я власть надъ царствомъ и заботы
Объ участи его.

Кентъ.
Нѣтъ, герцогъ, надо
Мнѣ въ путь итти: меня король зоветъ!

Альбани.
Смиримся же предъ тяжкою годиной;
Безъ ропота дадимъ мы волю сердцу!
Всѣхъ больше вынесъ старецъ; намъ же всѣмъ
Не видѣть столькихъ лѣтъ и столько горя.
(Уходятъ при звукахъ погребальной музыки).

А. Дружининъ.

Изъ незаконченныхъ этюдовъ къ Лиру Каульбаха (Wilhelm v. Kaulbach. 1805—1874).

Заглавная виньетка къ Шиллеровскому переводу Макбета мюнхенскаго проф. Рудольфа Зейтца (Rudolph Seitz, pod. 1842).

Оставшійся незаконченнымъ эскизъ Каульбаха (Wilhelm von Kaulbach, 1805—1874) на темы изъ «Макбета».

МАКБЕТЪ.

Эта трагедія написана, надо думать, въ 1606 г. *), стало быть, въ лучшую пору дѣятельности великаго драматурга, когда онъ, въ сорокъ съ небольшимъ лѣтъ, отъ роду былъ въ полномъ развитіи физическихъ и умственныхъ силъ, а свое матеріальное благосостояніе и положеніе въ обществѣ могъ считать вполнѣ обезпеченнымъ. Въ это время далеко не всѣмъ въ Англіи были ясны крупные недостатки въ характерѣ молодого (хотя и не годами) короля, а недавнее открытіе такъ называемаго „порохового заговора" сдѣлало правительство чрезвычайно популярнымъ въ простомъ народѣ и въ среднемъ классѣ. Іаковъ всегда былъ любителемъ литературы и театра, и къ Блакфрейрскому театру, гдѣ работалъ Шекспиръ, и заслуженной труппѣ его относился съ особой благосклонностью.

Но тяжелая борьба съ жизнью и горькія испытанія уже оставили глубокіе слѣды на впечатлительной душѣ великаго поэта, и его когда то жизнерадостное и оптимистическое міросозерцаніе смѣнилось печальной вдумчивостью и наклонностью къ грустному пессимизму. Слабъ, почти безсиленъ даже самый могучій на видъ человѣкъ въ борьбѣ не только съ судьбою, но даже съ собственными наклонностями, которыя осуждаетъ онъ и умомъ своимъ и сердцемъ, и не только въ нашемъ измельчавшемъ поколѣніи, но и въ прежнюю пору героическихъ, крупныхъ характеровъ; въ немъ достанетъ стремленія

*) Во всякомъ случаѣ она не могла появиться раньше октября 1604 года, когда шотландскій король Іаковъ, вступившій, послѣ смерти Елисаветы, на престолъ Англіи, соединилъ на головѣ своей три короны, и позднѣй 1607 г., когда въ одной комедіи уже упоминается тѣнь Банко. Точнѣе, Malone (Variorum 1821 г.) относитъ пьесу именно къ 1606 г. потому, что въ 5-ей сценѣ II акта въ словахъ привратника: Here's a farmer that hanged himself on th'expectation of plenty очевиденъ намекъ на отличный урожай этого года, и въ его же словахъ: Here's an equivocator и т. д. столь же очевидное указаніе на безчестное поведеніе суперіора іезуитовъ Генри Garnet'a на судѣ по поводу такъ наз. «порохового заговора» (мартъ 1606 г.).

къ добру настолько, чтобы сдѣлать его глубоко несчастнымъ послѣ преступленія, но не настолько, чтобы удержать отъ самаго преступленія. Но этотъ безотрадный пессимизмъ уравновѣшивается гуманностью художника и глубокой вѣрой его въ окончательную побѣду добра надъ зломъ; нѣтъ и не было на свѣтѣ изверговъ, и всякая несправедливость и жестокость даже со стороны такого человѣка, который и самъ въ себѣ не признаетъ состраданія и добрыхъ чувствъ, неизбѣжно влечетъ за собою жестокое внутреннее возмездіе, предшествующее возмездію внѣшнему.

Желая сдѣлать удовольствіе королю Іакову, Шекспиръ обратился за сюжетомъ къ легендарной исторіи Шотландіи; факты (точнѣе, полународныя, полулитературныя преданія), на которыхъ построена трагедія „Макбетъ", изложены въ Scotorum Historiae Гектора Боэція (по англійскому произношенію Бойса), впервые напечатанной въ Парижѣ въ 1526 году. А по Боэцію составлена „Хроника" Голиншеда*), которою пользовался Шекспиръ. Изъ Голиншеда Шекспиръ взялъ не только исторію Макбета, но и описаніе убійства Дункана, пріурочивъ къ смерти Дункана обстоятельства, при которыхъ погибъ одинъ изъ его предшественниковъ король Дуффъ. Голиншедъ разсказываетъ, что король Дуффъ, вступившій на престолъ въ 968 году по Воплощеніи, строго преслѣдовалъ разбойниковъ и грабителей; многихъ изъ нихъ казнилъ, а остальныхъ принудилъ или удалиться въ Ирландію или приняться за какое-нибудь ремесло, не взирая на знатность происхожденія. Такіе поступки короля вызвали ропотъ среди дворянъ.

„Тѣмъ временемъ король (Дуффъ) заболѣлъ изнурительною болѣзнью, не столь мучительною, сколь странною, такъ что ни одинъ изъ его врачей не могъ помочь ему. Ничто не указывало, чтобы причиною истощенія былъ избытокъ желчи, флегмы или иной какой злокачественной влаги; но король исхудалъ такъ, что отъ него остались лишь кожа да кости. Причина не заключалась, повидимому, и въ отсутствіи жизненной силы, ибо у короля былъ свѣжій и здоровый цвѣтъ лица, и онъ пилъ и ѣлъ, хотя умѣренно, но съ аппетитомъ. Только по ночамъ его мучила безсонница и сильнѣйшая испарина, отъ чего врачи никакими средствами не могли его избавить. Но, сознавъ свое безсиліе, они не хотѣли лишить короля надежды на выздоровленіе и объявили ему, что весною болѣзнь скорѣе поддастся лѣченію; тогда они пошлютъ въ чужія страны за искусными лѣкарями, которымъ знакомы недуги такого рода".

Несмотря на свою болѣзнь, король не переставалъ наблюдать за отправленіемъ правосудія. Поэтому, когда въ Мерриландѣ (Murreyland) началось возстаніе, приближенные, опасаясь за здоровье государя, скрыли это отъ него

„Между тѣмъ въ народѣ разнеслась молва, что король заболѣлъ не отъ естественныхъ причинъ, а отъ волхвованій и чаръ колдуній, живущихъ въ городѣ Форесѣ, въ Мерриландѣ. Явившись неизвѣстно откуда, слухъ этотъ дошелъ и до ушей короля, и онъ послалъ въ Мерриландъ нѣсколькихъ мудрыхъ царедворцевъ разузнать всю правду. Посланные, скрывая цѣль своего путешествія, темной ночью прибыли въ крѣпость Форесъ, гдѣ ихъ встрѣтилъ комендантъ Донвальдъ, остававшійся вѣрнымъ королю и защищавшій крѣпость отъ мятежниковъ. Ему они объяснили цѣль прибытія и потребовали его содѣйствія при выполненіи королевскаго порученія. Воины, составлявшіе гарнизонъ крѣпости, знали, что слухъ, разнесшійся въ народѣ, близокъ къ истинѣ: у одного изъ солдатъ была любовница, которая ему говорила, что ея мать и другія колдуньи хотятъ погубить короля, и объяснила, что онѣ для этого дѣлаютъ. Солдатъ разсказалъ своимъ товарищамъ, что слышалъ отъ дѣвушки, а они донесли обо всемъ Донвальду, который сообщилъ обо этомъ посланнымъ короля. Дѣвушку, находившуюся въ то время въ крѣпости, схватили и подвергли строгому допросу; она разсказала все, что видѣла и знала. Допытавшись отъ нея, въ какомъ именно домѣ собирались колдуньи для злого дѣла, Донвальдъ около полуночи послалъ туда солдатъ. Они вломились въ домъ и застали вѣдьмъ врасплохъ: одна изъ нихъ держала надъ огнемъ на деревянной спицѣ восковое изображеніе короля, сдѣланное, вѣроятно, съ помощью бѣсовской силы—до того оно было похоже; другая творила заклинанія и въ то же время усердно поливала фигурку какою-то жидкостью. Воины схватили ихъ и отвели въ крѣпость, а восковое изображеніе взяли съ собою. На

*) Raphael Holinshed. Chronicles of England, Scotland and Ireland. 1-ое изд. 1577 г., 2-ое (съ выпусками 1587 г.; возстановленъ текстъ 1-го изд. въ 1808 г.

допросѣ колдуньи сознались, что онѣ хотѣли погубить короля: въ то время, какъ воскъ таялъ на огнѣ, тѣло короля покрывалось испариной, и онъ худѣлъ и, если бы изображеніе растаяло, то король немедленно бы умеръ; заклинанія же произносились для того, чтобы лишить короля сна. Все это колдуньи дѣлали по наущенію злого духа и потому, что онѣ были подкуплены мерриленскимъ дворянствомъ. Выслушавъ ужасное признаніе, воины и слуги короля сломали восковое изображеніе, а колдуній сожгли живыми, какъ онѣ того заслуживали".

„Говорятъ, что недугъ оставилъ короля именно въ то время, когда все вышеописанное происходило въ Форесѣ: Дуффъ спокойно спалъ эту ночь, не безпокоимый испариной, а на слѣдующій день силы вернулись къ нему, и онъ былъ въ состояніи дѣлать все, что только можетъ дѣлать мужчина, какъ будто и не былъ боленъ передъ тѣмъ. Но такъ ли это было или не такъ, а дѣло въ томъ, что король, какъ только выздоровѣлъ, собралъ войско и повелъ его на мерриленскихъ мятежниковъ, которыхъ онъ разбилъ и вытѣснилъ изъ Мерриленда въ Россъ, а изъ Росса въ Кетнессъ, гдѣ они сдались. Король вернулся съ плѣнными въ Форесъ и приказалъ ихъ повѣсить. Въ числѣ присужденныхъ къ казни было нѣсколько красивыхъ и добрыхъ юношей, близкихъ родственниковъ коменданта Донвальда. Эти молодые люди пристали къ мятежникамъ скорѣе по легкомыслію, чѣмъ по убѣжденію, и Донвальдъ, скорбя объ ихъ участи, умолялъ короля помиловать ихъ. Но король отказалъ, и съ тѣхъ поръ Донвальдъ глубоко возненавидѣлъ его. Хотя комендантъ и затаилъ свое чувство, но злоба кипѣла въ немъ и не ослабѣвала, пока, подстрекаемый женою, онъ не нашелъ возможности умертвить короля за такую, по его мнѣнію, неблагодарность. Преступленіе, о которомъ будетъ разсказано ниже, совершилось въ Форесѣ, гдѣ король обыкновенно ночевалъ во время своего пребыванія въ Мерриландѣ, питая къ Донвальду особое довѣріе".

„Хотя Донвальдъ при королѣ держалъ себя такъ, что подозрѣніе не могло его коснуться, но въ кругу своей семьи онъ предавался великой скорби, ибо считалъ, что позорная казнь родственниковъ навѣки обезчестила его имя. Жена Донвальда, замѣтивъ, что мужъ тоскуетъ, стала допытываться о причинѣ его горя и не отставала, пока онъ не разсказалъ ей обо всемъ. А такъ какъ она сама ненавидѣла короля по той же причинѣ, что и Донвальдъ, то она и посовѣтовала ему умертвить Дуффа и даже подала мысль, какъ это сдѣлать: слѣдовало воспользоваться тѣмъ, что король проводилъ ночи въ ихъ домѣ, не имѣя при себѣ иной стражи, кромѣ воиновъ, охранявшихъ крѣпость и подчиненныхъ Донвальду. Рѣчи жены еще болѣе разожгли злобу въ сердцѣ Донвальда, и онъ рѣшился на гнусное преступленіе. Хорошенько обдумавъ во всѣхъ подробностяхъ это злодѣяніе, онъ, наконецъ, дождался удобнаго случая. Вотъ какъ совершилось убійство".

„Наканунѣ дня, когда былъ назначенъ отъѣздъ изъ Фореса, король до поздней ночи оставался въ своей молельнѣ. Выйдя оттуда, онъ призвалъ къ себѣ тѣхъ, кто вѣрно служилъ ему и помогалъ въ борьбѣ съ мятежниками, сердечно благодарилъ ихъ и одѣлилъ богатыми подарками; въ числѣ этихъ лицъ былъ и Донвальдъ, считавшійся вѣрнѣйшимъ слугою короля. Послѣ продолжительной бесѣды, король удалился въ опочивальню въ сопровожденіи только двухъ спальниковъ (chamberlains). Уложивъ короля, спальники вышли и сѣли пировать съ Донвальдомъ и его женою, которая приготовила на ужинъ разныя тонкія блюда и крѣпкіе напитки; за столомъ служители королевскіе сидѣли, пока не нагрузились такъ, что, едва добравшись до постелей, заснули, какъ убитые: можно было разобрать потолокъ надъ ихъ головами, не пробудивъ ихъ отъ хмельнаго сна. Избавившись отъ этихъ свидѣтелей, Донвальдъ, въ глубинѣ души попрежнему ужасавшійся мысли о преступленіи, далъ однако женѣ уговорить себя и позвалъ четырехъ изъ своихъ служителей, которые уже знали о его замыслѣ и обѣщали ему свое содѣйствіе, прельстясь щедрыми подарками; имъ онъ объяснилъ, какимъ образомъ должно совершиться преступленіе, и они охотно повиновались его приказаніямъ. Войдя въ спальню короля, незадолго до разсвѣта, они безъ малѣйшаго шума, перерѣзали королю горло и вынесли тѣло черезъ заднюю калитку въ полѣ, гдѣ стояла заранѣе приготовленная лошадь. На нее взвалили трупъ и отвезли его къ маленькой рѣчкѣ, протекающей миляхъ въ двухъ отъ крѣпости. Тамъ служители остановились и позвали работавшихъ въ полѣ крестьянъ помочь имъ отвести въ

сторону теченіе рѣки. Вырывъ въ руслѣ глубокую яму, они положили туда тѣло и засыпали его пескомъ и камнями такъ тщательно, что когда воду пустили въ ея прежнее русло, никто не замѣтилъ бы слѣдовъ ихъ работы. Это, говорятъ, они сдѣлали по приказанію Донвальда, чтобы трупъ не могъ быть найденъ, и чтобы кровь, выступающая, по повѣрью, изъ ранъ убитаго въ присутствіи убійцы, не уличила бы его. Окончивъ свое дѣло, слуги убили крестьянъ, помогавшихъ имъ и, не теряя времени, бѣжали въ Оркни".

„Пока совершалось убійство, Донвальдъ пошелъ къ воинамъ, стоявшимъ на стражѣ, и провелъ съ ними остатокъ ночи. По утру слуги, вошедшіе въ королевскую спальню, стали кричать, что король убитъ, тѣло его похищено, а постель залита кровью; тогда Донвальдъ, вмѣстѣ со стражею, вбѣжалъ въ комнату, какъ будто бы онъ былъ вовсе не причастенъ убійству, и, увидя запекшуюся кровь на постели и на полу, бросился на спальниковъ и убилъ ихъ, какъ виновниковъ этого гнуснаго преступленія. Потомъ, точно сумасшедшій, сталъ бѣгать взадъ и впередъ по замку, обыскивая всѣ углы и закоулки, какъ будто надѣялся найти или трупъ короля, или спрятавшихся злоумышленниковъ. Добѣжавъ до задней калитки и увидя, что она отперта, онъ сталъ кричать, что убійцы, безъ сомнѣнія, спальники, потому что у нихъ хранились ключи отъ калитки и, очевидно, безъ ихъ участія злодѣяніе не могло совершиться. Во время суда и слѣдствія Донвальдъ продолжалъ усердствовать сверхъ мѣры, и это, наконецъ, внушило лордамъ подозрѣніе, что онъ не совсѣмъ чистъ въ этомъ дѣлѣ. Но, такъ какъ они находились въ странѣ, гдѣ онъ по праву и на дѣлѣ былъ полнымъ господиномъ и хозяиномъ, то рѣшили, что время и мѣсто неудобны для выраженія подозрѣній, и одинъ за другимъ разъѣхались по домамъ."

„Въ теченіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ послѣ этого ужаснаго преступленія солнце не показывалось днемъ, а луна ночью, и все небо было постоянно покрыто тучами, время отъ времени поднимались такіе ураганы и грозы, что народъ боялся свѣтопреставленія. Ужасныя знаменія замѣчались въ шотландскомъ королевствѣ въ годъ смерти короля Дуффа: лошади Лотіана (Louthian), замѣчательныя по своей красотѣ и быстротѣ, пожирали собственное мясо и не хотѣли притронуться ни къ какой другой пищѣ, въ Ангусѣ благородная дама родила дитя безъ глазъ, носа, рукъ и ногъ; также видѣли ястреба, задушеннаго совою".

Таковы подробности смерти Дуффа, которыми отчасти воспользовался Шекспиръ для изображенія убійства Дункана.

На страницахъ, отдѣляющихъ исторію Дуффа отъ исторіи Макбета, встрѣчаются нѣсколько строкъ, которыя, повидимому, дали Шекспиру идею словъ Макбета послѣ убійства: *)—Я слышалъ, раздался страшный вопль: „Не спите больше!" и т. д. Голиншедъ разсказываетъ о Кеннетѣ, братѣ и одномъ изъ преемниковъ Дуффа, тайно отравившемъ своего племянника Малькома (Malcome), чтобы упрочить престолъ за своимъ потомствомъ. „И когда ночью (послѣ смерти Малькома), Кеннетъ легъ въ постель, послышался голосъ, произносившій слѣдующія,—или подобныя имъ по смыслу,—слова: „Не думай, Кеннетъ, что совершенное тобою убійство Малькома Дуффа скрыто отъ всевѣдущаго Бога!" Король, приведенный этими словами въ великій ужасъ, провелъ всю ночь безъ сна".

Переходимъ къ исторіи Макбета.

„Послѣ смерти Малькольма (т. е. въ 1034 г. по Воплощеніи) престолъ наслѣдовалъ его внукъ Дунканъ, сынъ его дочери Беатрисы. Малькольмъ имѣлъ двухъ дочерей: одна изъ нихъ, Беатриса, была замужемъ за Эббенетомъ Крайниномъ (Abbanath Crinen), таномъ острововъ и западной Шотландіи, и имѣла отъ него сына Дункана; другая, по имени Доада, была женою Синелля, тана Гламмиса, и матерью доблестнаго Макбета, который былъ бы достоинъ царскаго престола, если бы не его жестокость. Дунканъ, наоборотъ, былъ нрава мягкаго и кроткаго; такъ что народъ желалъ, чтобы недостатки двоюродныхъ братьевъ, смѣшавшись, умѣрили-бы другъ друга и, обратившись такимъ образомъ въ добродѣтели, были-бы поровну раздѣлены между ними: тогда Дунканъ сталъ бы достойнымъ королемъ, а Макбетъ прекраснымъ военачальникомъ. Начало правленія Дункана прошло спокойно и мирно, не будучи отмѣчено никакими серьезными треволненіями. Но, когда замѣтили, какъ снисходителенъ былъ король тамъ, гдѣ надо было карать преступленія, многіе буйные вассалы стали нарушать

*) Methought I heard a voice cry: Sleep no more!

покой государства. Рядъ возстаній начался слѣдующимъ образомъ".

„Банко (Banquho), танъ Лохкаберскій (Lochquhaber), отъ котораго происходитъ династія Стюартовъ, задолго до нашего времени вступившая на шотландскій престолъ, собирая подати въ пользу короля, строго наказывалъ тѣхъ, кто творилъ безчинства. За это на него напали мятежные жители того края, ограбили его и жестоко изранили, такъ что онъ ушелъ изъ ихъ рукъ едва живой. Когда Банко настолько оправился отъ ранъ, что былъ въ состояніи сѣсть на коня, онъ отправился ко двору и, горько жалуясь королю на мятежниковъ, добился того, что къ нимъ былъ посланъ судебный приставъ (sergeant at arms), который пригласилъ непокорныхъ вассаловъ явиться ко двору и опровергнуть взводимыя на нихъ обвиненія. Но бунтовщики прибавили къ своимъ преступленіямъ новое: надругавшись надъ посланнымъ, они убили его".

„Затѣмъ они выбрали своимъ начальникомъ Макдовальда, внушавшаго имъ большое довѣріе. Подъ его знамена собралось много народу: пришло не мало жителей западныхъ острововъ, а также ирландцевъ, которые готовы были воевать съ кѣмъ угодно, лишь бы пограбить. Въ первой стычкѣ съ мятежниками королевскія войска были разбиты. Дунканъ, не отличавшійся военными доблестями, испугался и, не зная, что дѣлать, созвалъ своихъ вѣрныхъ вассаловъ и спрашивалъ ихъ совѣта. У каждаго было особое мнѣніе, и каждый спѣшилъ его выразить. Наконецъ заговорилъ Макбетъ. Сильно порицалъ онъ слабость и медлительность короля, которыя дали мятежникамъ время собраться съ силами, но все-таки обѣщалъ, если начальство надъ войскомъ будетъ поручено ему и Банко, въ скорѣйшемъ времени подавить возстаніе въ Лохкаберѣ и лишить бунтовщиковъ возможности сопротивляться власти короля. Такъ и случилось. Одно извѣстіе о приближеніи Макбета со свѣжимъ войскомъ такъ напугало мятежниковъ, что они толпами тайно покидали Макдовальда. Войска короля на этотъ разъ побѣдили. Макдовальдъ бѣжалъ въ свой замокъ и, видя, что ему не выдержать осады, убилъ жену и дѣтей, а потомъ лишилъ жизни и себя, чтобы избѣгнуть мучительной казни, которой, въ примѣръ прочимъ, подвергъ бы его Макбетъ. Овладѣвъ замкомъ, защитники котораго не сопротивлялись болѣе, Макбетъ, по своей великой жестокости, велѣлъ отрубить голову мертвому Макдовальду и послалъ ее королю, а обезглавленный трупъ вздернулъ на высокую висѣлицу. Жители западныхъ острововъ должны были уплатить Макбету большую денежную пеню, а тѣхъ изъ нихъ, которые были схвачены въ Лохкаберѣ, онъ казнилъ, какъ поднявшихъ оружіе противъ короля. Это возбудило въ островитянахъ глубокую ненависть къ Макбету; они называли его кровопійцею, клятвопреступникомъ и убійцею тѣхъ, кого король, по своему милосердію, помиловалъ. Рѣчи эти дошли до Макбета, и онъ хотѣлъ итти на острова, но убѣжденія друзей и дары, присланные островитянами, побудили его отказаться отъ похода".

„Едва успѣлъ Макбетъ водворить миръ и тишину, какъ пришла вѣсть, что Свено, король норвежскій, прибылъ въ Шотландію съ цѣлью покорить ее, и высадился въ Файфѣ. Жестокость Свено была такова, что онъ убивалъ всѣхъ побѣжденныхъ, не разбирая ни пола, ни возраста. Узнавъ объ этомъ, король Дунканъ отбросилъ свою обычную медлительность и нерѣшительность и сталъ быстро собирать войска, какъ доблестный воитель: ибо нерѣдко случается, что нужда превращаетъ труса и лѣнтяя въ человѣка храбраго и дѣятельнаго. Собравъ воиновъ, Дунканъ раздѣлилъ ихъ на три отряда. Однимъ начальствовалъ Макбетъ, другимъ—Банко, а третьимъ, въ которомъ находилась большая часть шотландской знати,—самъ король".

„Въ битвѣ при Кульросѣ шотландцы были разбиты. Дунканъ бѣжалъ въ крѣпость Берту, а Макбетъ отправился собирать новое войско. По совѣту Банко, Дунканъ велѣлъ Макбету оставаться до новыхъ приказаній въ Инчкутилѣ, а самъ завелъ съ датчанами, осаждавшими Берту, переговоры о сдачѣ крѣпости. Переговоры эти онъ затягивалъ изо всѣхъ силъ, чтобы дать Макбету время собрать войско побольше и въ то же время отвести глаза непріятелю. Наконецъ, когда обѣ стороны пришли, повидимому, къ соглашенію, Дунканъ предложилъ прислать датчанамъ съѣстныхъ припасовъ, чему они были очень рады, ибо давно уже голодали. Шотландцы подмѣшали въ хлѣбъ и пиво сока нѣкоторыхъ ягодъ; воины Свено съ жадностью набросились на угощеніе и истребили сразу большую часть присланныхъ запасовъ, а послѣ пира погрузились въ крѣпчайшій сонъ,—таково было дѣйствіе этихъ

ягодъ. Тогда Дунканъ приказалъ Макбету, какъ можно скорѣе, итти къ Бертѣ. Макбетъ немедленно явился и перебилъ почти всѣхъ датчанъ. Свено едва удалось спастись съ десяткомъ воиновъ. Шотландцы подѣлили между собою огромную добычу, доставшуюся имъ, и устроили во всѣхъ частяхъ королевства торжественныя процессіи, благодаря Бога за оказанную имъ помощь. Но, пока они праздновали побѣду, Канутъ, король англійскій, прислалъ новый датскій флотъ, чтобы отомстить за пораженіе брата. Макбетъ и Банко были посланы Дунканомъ на врага и такъ успѣшно отразили нападеніе датчанъ, что тѣ, которые не легли на полѣ битвы, поспѣшили бѣжать на корабли и за большую сумму денегъ купили у Макбета право похоронить своихъ убитыхъ. Послѣ этого между датчанами и шотландцами былъ заключенъ миръ. Таковы были войны, которыя Дункану пришлось вести на седьмомъ году своего царствованія".

„Вскорѣ послѣ этого случилось странное и неслыханное происшествіе, которое, какъ вы услышите, было причиною большихъ волненій въ шотландскомъ королевствѣ. Макбетъ и Банко, ѣдучи въ Форесъ, гдѣ тогда находился король, отдѣлились отъ своихъ спутниковъ и, оставшись вдвоемъ, весело скакали по полямъ и лѣсамъ. Вдругъ на открытой полянѣ они замѣтили трехъ женщинъ страннаго и дикаго вида, похожихъ на обитательницъ прежняго міра (elder world). Пока они ихъ внимательно разсматривали, дивясь ихъ наружности, одна изъ нихъ заговорила и произнесла: „Привѣтъ Макбету, тану Гламмиса!" — А Макбетъ лишь недавно, по смерти отца своего Синелля, наслѣдовалъ танство Гламисское.—Другая сказала: „Привѣтъ Макбету, тану Кавдора!" А третья закончила: „Привѣтъ Макбету, будущему королю Шотландіи!" Тогда Банко сказалъ: „Что вы за женщины, столь неблагосклонныя ко мнѣ? моему товарищу вы сулите и высокія должности и королевское достоинство, а мнѣ — ровно ничего". — „Нѣтъ, — отвѣчала та, которая заговорила первою:—тебѣ мы обѣщаемъ большія блага, чѣмъ ему. Онъ будетъ королемъ, но его царствованіе окончится печально, и онъ не оставитъ престола дѣтямъ, а ты, наоборотъ, ты царствовать не будешь, но отъ тебя произойдутъ тѣ, которые въ теченіе долгихъ лѣтъ одинъ послѣ другого будутъ занимать престолъ Шотландіи". Вымолвивъ это, женщины исчезли".

„Макбетъ и Банко сперва сочли это видѣніе за игру воображенія, и Банко нерѣдко въ шутку называлъ Макбета королемъ Шотландіи, а тотъ его родоначальникомъ многихъ королей. Но потомъ распространилась молва, что эти женщины были вѣщими сестрами (weird sisters), или, какъ бы вы сказали, богинями судьбы, или же какими-нибудь нимфами, феями, которыя помощью магіи обрѣли даръ прозрѣвать будущее, ибо все случилось такъ, какъ онѣ предсказали. Немного времени прошло, и танъ Кавдорскій былъ обвиненъ въ измѣнѣ королю, а его земли, доходы и должности щедрый Дунканъ передалъ Макбету. Вечеромъ этого дня Банко за ужиномъ шутя сказалъ товарищу: „Ну, Макбетъ, ты уже получилъ то, что тебѣ напророчили двѣ сестры; остается добиться того, что обѣщала третья". Макбетъ сталъ съ тѣхъ поръ задумываться надъ предсказаніемъ и соображать, какъ бы ему получить корону; сначала онъ думалъ, что ему надо ожидать, пока божественное провидѣніе, даровавшее исполненіе одного пророчества, осуществитъ и другое. Но вотъ король Дунканъ, имѣвшій отъ своей жены, дочери Сиварда, графа Нортумберландскаго, двухъ сыновей, назначаетъ старшаго изъ нихъ, Малькольма, принцемъ Кумберландскимъ, что было равнозначуще объявленію его наслѣдникомъ престола. Всѣ надежды Макбета, основывавшіяся на древнемъ законѣ, который повелѣвалъ въ случаѣ малолѣтства прямого наслѣдника поручать управленіе королевствомъ ближайшему родственнику его, были разбиты. Онъ сталъ думать, что Дунканъ поступилъ относительно него несправедливо, заранѣе лишивъ его титула и всякихъ притязаній на престолъ, который еще могъ по праву ему достаться, и что теперь онъ, Макбетъ, поставленъ въ необходимость силою захватить корону. Слова вѣщихъ сестеръ, о которыхъ вы уже слышали, поддерживали въ немъ надежду на успѣхъ, но сильнѣе предсказанія дѣйствовали на него увѣщанія его жены, женщины съ несбыточнымъ честолюбіемъ, желавшей во что бы то ни стало носить титулъ королевы шотландской. Сообщивъ о своемъ умыслѣ друзьямъ, среди которыхъ первое мѣсто занималъ Банко, и заручившись обѣщаніемъ содѣйствія съ ихъ стороны, Макбетъ убилъ короля въ Инвернесѣ, а иные говорятъ, въ Ботгосвенѣ (Botgosuane). Затѣмъ сторон-

ники Макбета объявили его королемъ, послѣ чего онъ отправился въ Скону и тамъ, съ общаго согласія, короновался по установленному обычаю".

„Сыновья Дункана, Малькольмъ Камморъ и Дональдъ Банъ, боялись, что Макбетъ посягнетъ и на ихъ жизнь, чтобы упрочить за собою престолъ, и бѣжали: Малькольмъ въ Англію, а Дональдъ въ Ирландію; короли англійскій и ирландскій ласково приняли юношей. Такимъ образомъ Макбетъ избавился отъ опасныхъ соперниковъ. Теперь всѣ силы свои онъ направилъ на то, чтобы снискать расположеніе знати и любовь народа: лордовъ онъ осыпалъ подарками и милостями, народу являлъ себя заботливымъ правителемъ и мудрымъ законодателемъ, водворяя справедливость и искореняя злоупотребленія, которыя вкрались при слабомъ и лѣнивомъ его предшественникѣ. Съ непокорными Макбетъ расправлялся строго и казнилъ даже такихъ могущественныхъ вассаловъ, какъ таны Кетнеса и Роса, за то, что они своимъ буйствомъ нарушали покой королевства. Словомъ, Макбетъ показалъ себя такимъ прекраснымъ правителемъ, что, если бы онъ кончилъ царствованіе такъ же, какъ началъ его, то его имя упоминалось бы на ряду съ именами достойнѣйшихъ государей. Но рвеніе Макбета было не искренне, и его тяготила необходимость постоянно сдерживать свои природныя наклонности".

„По прошествіи десяти лѣтъ онъ сбросилъ личину и далъ волю своей врожденной жестокости. Страхъ быть смѣщеннымъ такъ же, какъ онъ смѣстилъ своего предшественника, нерѣдко преслѣдующій тирановъ и тѣхъ, кто путемъ преступленія достигъ престола, не покидалъ его. Онъ не могъ забыть предсказанія трехъ вѣщихъ сестеръ, обѣщавшихъ шотландскую корону потомкамъ Банко, и, чтобы сдѣлать невозможнымъ исполненіе этого пророчества, нанялъ убійцъ, которые должны были умертвить Банко и его сына Флинса, когда тѣ возвращались съ королевскаго ужина. Убійство не могло быть совершено въ дворцовыхъ стѣнахъ, чтобы на Макбета не пало подозрѣнія, а на домъ его поношенія. Банко былъ убитъ, но сынъ его спасся подъ покровомъ ночной темноты по милосердію Господа, предназначившаго ему иной, лучшій жребій. Друзья Флинса намекнули ему, что отецъ его погибъ не случайно, не въ уличной схваткѣ, какъ то желалъ представить Макбетъ, и что его (Флинса) жизнь подвергается большой опасности. Флинсъ принялъ къ свѣдѣнію слова своихъ доброжелателей, и бѣжалъ въ Валлисъ".

(Тутъ хроникеръ дѣлаетъ отступленіе, чтобы прослѣдить родословную династіи Стюартовъ, происходившую отъ Банко).

„Но вернемся къ Макбету и продолжимъ его исторію съ того пункта, гдѣ мы остановились. Вы поймете, что послѣ убійства Банко Макбету ни въ чемъ не было удачи. Всякій боялся за свою жизнь и избѣгалъ попадаться на глаза королю. Съ своей стороны и король боялся всѣхъ и подъ разными предлогами сталъ истреблять тѣхъ, кого считалъ особенно опаснымъ. Наконецъ, онъ сталъ находить такое удовольствіе въ убійствѣ своихъ вассаловъ, что ничто не могло утолить его кровожадности. Изъ казней, по его мнѣнію, онъ извлекалъ двойную выгоду: во-первыхъ, избавлялся отъ тѣхъ, кого боялся; а во-вторыхъ, набивалъ свои сундуки имуществомъ казненныхъ, которое конфисковалъ въ свою пользу, и на пріобрѣтенныя такимъ образомъ деньги содержалъ отрядъ тѣлохранителей, оберегавшихъ его отъ злыхъ умысловъ тѣхъ, кто еще былъ въ живыхъ. Чтобы еще болѣе угнетать своихъ подданныхъ, тиранъ построилъ крѣпкій замокъ на вершинѣ Донзинанскаго холма, что въ Говри въ десяти миляхъ отъ Перта, съ котораго можно было сразу обозрѣвать Файфъ, Энгусъ, Стирмондъ и Ирнедель—такъ высокъ онъ былъ. Замокъ потребовалъ великихъ трудовъ и затратъ, потому что трудно было доставлять на такую высоту матеріалы для постройки. Но Макбетъ, рѣшившись довести работы до конца, приказалъ всѣмъ танамъ по очереди являться и принимать участіе въ постройкѣ. Когда очередь дошла до Макдуффа, тана файфскаго, онъ прислалъ необходимые для стройки матеріалы и рабочихъ, которымъ приказалъ трудиться добросовѣстно, чтобы не дать королю возможности обвинить его въ недостаткѣ усердія; лично же наблюдать за работами, какъ то дѣлали другіе, онъ не рѣшился, потому что подозрѣвалъ, что Макбетъ его не долюбливаетъ, и боялся быть схваченнымъ (это съ нѣкоторыми уже случилось). Макбетъ пріѣхалъ посмотрѣть, какъ подвигаются работы, и, замѣтивъ отсутствіе Макдуффа, оскорбился и сказалъ: „Вижу, что этотъ человѣкъ не станетъ повиноваться, пока его не замундштучатъ (till he be ridden with a snaffle), но я съумѣю съ нимъ справиться". И съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ Макдуффа, потому ли,

что считалъ его слишкомъ могущественнымъ, или же потому, что колдуны, словамъ которыхъ онъ весьма вѣрилъ (ибо исполнилось же предсказаніе трехъ фей или вѣщихъ сестеръ), велѣли ему беречься Макдуффа, который современемъ будетъ искать его гибели. Конечно, этого было бы достаточно, чтобы король поспѣшилъ казнить Макдуффа, но одна колдунья, которой Макбетъ особенно довѣрялъ, предсказала ему, что никто рожденный женщиною не убьетъ его, и что онъ не будетъ побѣжденъ, пока Бирнанскій лѣсъ не подойдетъ къ Донзинанскому замку; поэтому Макбетъ пересталъ бояться своихъ враговъ и рѣшилъ, что можетъ безнаказанно дѣлать все, что ему угодно: онъ понялъ, будто одно пророчество означаетъ, что онъ не погибнетъ насильственною смертью, а другое, что онъ никогда не будетъ побѣжденъ. Эти обманчивыя надежды поощряли его къдальнѣйшему угнетенію своихъ подданныхъ, къ новымъ преступленіямъ".

„Макдуффъ, жизнь котораго постоянно была въ опасности, задумалъ бѣжать въ Англію и уговорить Малькольма Каммора итти добывать корону Шотландіи. Но намѣреніе тана файфскаго не осталось тайною для Макбета, ибо короли, какъ говорится, имѣютъ глаза рыси и уши Мидаса. Макбетъ держалъ почти въ каждомъ знатномъ домѣ подкупного наушника, который сообщалъ ему обо всемъ, что говорилось и что дѣлалось. Какъ только онъ узналъ, куда собирается отправиться Макдуффъ, онъ собралъ большое войско, повелъ его въ Файфъ и осадилъ замокъ тана, разсчитывая застать его тамъ. Но Макдуффъ былъ уже внѣ опасности, въ Англіи, у Малькольма Каммора. Обитатели замка, не ожидая ничего дурного, безъ сопротивленія впустили войска короля. Однако, Макбетъ, по своей великой жестокости, приказалъ убить не только жену и дѣтей Макдуффа, но и всѣхъ, кто находился въ замкѣ; имущество Макдуффа было конфисковано, а самъ онъ объявленъ измѣнникомъ, не имѣющимъ права переступить границу Шотландіи. Вѣсть объ этихъ несчастьяхъ дошла до Макдуффа, и онъ воспылалъ желаніемъ при помощи Малькольма отомстить за смерть своихъ родныхъ и друзей. Явившись къ Малькольму, Макдуффъ разсказалъ ему о бѣдствіяхъ Шотландіи, о тиранической жестокости Макбета, объ убійствахъ, о казняхъ знатныхъ и простолюдиновъ, о ненависти, которую къ нему питаетъ народъ, мечтающій лишь объ одномъ: объ избавленіи отъ невыносимотяжкаго ига".

„Слушая печальныя слова Макдуффа, Малькольмъ тяжко вздохнулъ, отъ глубины души сожалѣя о несчастномъ положеніи своей родины. Макдуффъ замѣтилъ это и сталъ горячо убѣждать принца итти освободить Шотландію отъ власти кровожаднаго тирана, какимъ явилъ себя Макбетъ; право было на сторонѣ Малькольма, и шотландцы ждали только повода отпасть отъ Макбета и отомстить ему за всѣ жестокости, за всѣ оскорбленія, которыя имъ приходится выносить. Хотя бѣдствія Шотландіи внушали Малькольму живое сострадание къ его соотечественникамъ, однако, желая узнать, искренненъ ли Макдуффъ, говоритъ ли онъ то, что думаетъ, или же подосланъ Макбетомъ съ цѣлью заманить его, Малькольма, въ ловушку, принцъ отвѣчалъ такъ:

„Я скорблю о несчастіяхъ моей родины и хотѣлъ бы помочь ей, но мои пороки не позволяютъ мнѣ и думать объ этомъ. Во-первыхъ, во мнѣ гнѣздится отвратительный источникъ всѣхъ золъ — сладострастіе; распутство мое столь велико, что, будь я королемъ Шотландіи, я обезчестилъ бы всѣхъ вашихъ женъ и дочерей. Мое сластолюбіе было бы для васъ несноснѣе кровожадности Макбета".

На это Макдуффъ отвѣчалъ:

—Дѣйствительно, это большой недостатокъ; многіе государи лишались изъ-за него и жизни, и царства. Но въ Шотландіи женщинъ найдется довольно, и потому послѣдуй моему совѣту: овладѣй престоломъ, а я беру на себя все устроить такъ, что твои страсти будутъ удовлетворены, и въ то же время никто не будетъ подозрѣвать въ тебѣ сластолюбца".

Тогда сказалъ Малькольмъ:

—Сверхъ того я безмѣрно жаденъ. Если бы я былъ королемъ, то всѣми способами стремился бы къ пріобрѣтенію земель и денегъ. Я казнилъ бы по ложнымъ доносамъ большую часть шотландскихъ бароновъ, чтобы овладѣть ихъ имѣньями и богатствомъ. Чтобы показать вамъ, какія бѣдствія навлечетъ на васъ моя алчность, я разскажу вамъ басню:—У одной лисицы была рана. Мухи облѣпили рану и сосали кровь. Одинъ прохожій спросилъ лисицу, не хочетъ ли она, чтобы мухъ согнали. Она отвѣчала: — Нѣтъ, потому что, если улетятъ эти мухи, уже насытившіяся, то прилетятъ другія, голодныя, которыя при-

мутся алчно высасывать остатокъ моей крови и причинятъ мнѣ гораздо больше вреда, чѣмъ эти, уже не очень докучающія мнѣ. Итакъ, — заключилъ Малькольмъ, — оставьте меня здѣсь; иначе, когда я сдѣлаюсь королемъ, моя ненасытная алчность причинитъ вамъ такія бѣдствія, по сравненію съ которыми теперешнія ваши несчастія покажутся вамъ ничтожными".

„Макдуффъ, замѣтивъ, что жадность, дѣйствительно, хуже даже сластолюбія, ибо составляетъ корень всѣхъ золъ и причину гибели большинства шотландскихъ королей, сказалъ: „Все-таки послѣдуй моему совѣту и возложи на себя корону. Въ Шотландіи хватитъ золота и драгоцѣнностей для удовлетворенія твоей алчности".

Малькольмъ продолжалъ:

„Вдобавокъ я склоненъ къ притворству, ко лжи, къ обманамъ всякаго рода: провести, предать тѣхъ, кто довѣряетъ моимъ словамъ — для меня величайшее удовольствіе. А такъ какъ постоянство, вѣрность данному слову, справедливость и родственныя имъ добродѣтели болѣе всего приличествуютъ государю—лживость же несовмѣстима съ ними,—то вы сами можете судить, насколько я неспособенъ быть королемъ. Ты находилъ средства прикрывать мои другіе пороки; скрой и этотъ, прошу тебя".

Тогда сказалъ Макдуффъ:

— Этотъ порокъ отвратительнѣе всѣхъ другихъ, и я покидаю тебя и говорю: Бѣдные и несчастные шотландцы! васъ посѣтили великія бѣдствія, одно горше другого. Злодѣй, не имѣющій правъ на престолъ, царитъ надъ вами и угнетаетъ васъ; а тотъ, кому корона принадлежитъ по праву, недостоинъ носить ея, потому что онъ зараженъ вѣроломствомъ и пороками англичанъ. По собственному сознанію, онъ не только несказанно жаденъ, но, сверхъ того, развратенъ и такъ лживъ, что ни одному его слову нельзя вѣрить. Прощай, Шотландія! Отнынѣ я навѣки безутѣшный изгнанникъ!"—И при этихъ словахъ слезы обильно заструились по его лицу".

„Наконецъ, когда Макдуффъ уже совсѣмъ собрался уходить, Малькольмъ схватилъ его за рукавъ и сказалъ:

„Утѣшься, Макдуффъ! У меня нѣтъ ни одного изъ этихъ пороковъ. Я только шутилъ, чтобы испытать тебя. Такими же словами, какія я только что слышалъ отъ тебя, Макбетъ неоднократно пытался завлечь меня въ свои сѣти. Но, хотя я не сразу внялъ твоимъ увѣщаніямъ, зато теперь я тѣмъ усерднѣе примусь за осуществленіе твоихъ замысловъ".

„Тутъ они обнялись, поклялись во взаимной вѣрности и стали обсуждать, какъ имъ скорѣе довести дѣло до желаннаго конца. Вскорѣ послѣ этого Макдуффъ отправился на границу Шотландіи и разослалъ баронамъ тайныя письма, въ которыхъ говорилъ, что законный наслѣдникъ престола, Малькольмъ, въ союзѣ съ нимъ идетъ на Шотландію и приглашаетъ ихъ помочь ему свергнуть узурпатора".

„Тѣмъ временемъ Малькольмъ заслужилъ такое расположеніе короля Эдуарда, что Сивардъ, графъ Нортумберландскій, получилъ приказаніе вести въ Шотландію десять тысячъ человѣкъ, чтобы помочь Малькольму овладѣть престоломъ. Когда вѣсть объ этомъ пришла въ Шотландію, бароны раздѣлились на двѣ партіи: одни стояли за Макбета, другіе за Малькольма. Между ними зачастую происходили стычки и даже легкія схватки, но дальше дѣло не шло, ибо сторонники Малькольма не хотѣли выходить въ открытое поле до появленія принца въ предѣлахъ Шотландіи. Когда Макбетъ увидалъ, что силы его враговъ увеличились войсками, приведенными Малькольмомъ изъ Англіи, онъ отступилъ въ Файфъ, предполагая расположиться укрѣпленнымъ лагеремъ близъ Донзинана и сразиться съ Малькольмомъ, если тотъ отважится на преслѣдованіе. Нѣкоторые друзья совѣтовали Макбету лучше войти въ соглашеніе съ Малькольмомъ, или же бѣжать на острова, захвативъ съ собою сокровища, цѣною которыхъ онъ могъ купить помощь главныхъ вассаловъ шотландской короны и нанять чужеземныя войска, такъ какъ на подданныхъ, ежедневно тайкомъ покидавшихъ его, нельзя было разсчитывать. Но Макбетъ слѣпо вѣрилъ предсказаніямъ, обѣщавшимъ ему, что онъ не будетъ побѣжденъ, пока Бирнанскій лѣсъ не двинется на Донзинанъ, и что онъ не будетъ убитъ человѣкомъ, рожденнымъ женщиною".

„Малькольмъ, поспѣшно шедшій по слѣдамъ Макбета, пришелъ въ Бирнанскій лѣсъ вечеромъ наканунѣ битвы. Когда его войско отдохнуло, онъ велѣлъ каждому изъ своихъ солдатъ взять въ руки по большой вѣткѣ, чтобы подъ этимъ прикрытіемъ незамѣтно приблизиться къ непріятелю. Утромъ Макбетъ замѣтилъ странное явленіе и сперва недоумѣвалъ, что бы это могло

значить, но потомъ вспомнилъ давнишнее пророчество, что Бирнанскій лѣсъ двинется на Дунсинанъ, и понялъ, что оно исполняется. Несмотря на это, онъ поставилъ войска въ боевой порядокъ и убѣждалъ воиновъ сражаться храбро; но лишь только враги отбросили закрывавшія ихъ вѣтви, и Макбетъ увидѣлъ, какъ велико ихъ число, онъ обратился въ бѣгство. Макдуффъ преслѣдовалъ его вплоть до Лонфэннена. Когда Макбетъ замѣтилъ, что Макдуффъ нагоняетъ его, онъ соскочилъ съ лошади и крикнулъ: „Измѣнникъ! напрасно гонишься ты за мною, потому что судьба не сулила мнѣ умереть отъ руки рожденнаго женщиною. Иди и получай награду, которую ты заслужилъ за свои труды!“ И онъ взмахнулъ мечомъ, намѣреваясь убить Макдуффа. Но Макдуффъ, соскочивъ съ коня, ловко уклонился отъ удара. Подбѣжавъ къ Макбету съ обнаженнымъ мечомъ, онъ произнесъ: „Правду сказалъ ты, Макбетъ, и теперь пришелъ тебѣ конецъ, ненасытный кровопійца! Я тотъ, о комъ тебѣ говорили твои колдуны: я не рожденъ моею матерью, но вырѣзанъ изъ ея чрева“. Съ этими словами онъ ринулся на Макбета и убилъ его. Голову его онъ отсѣкъ и, воткнувъ на шестъ, отнесъ къ Малькольму“.

„Таковъ былъ конецъ Макбетова царствованія, продолжавшагося 17 лѣтъ. Въ первые годы, какъ вы слышали, онъ сдѣлалъ много полезнаго для государства, но потомъ омрачилъ свою славу жестокостью. Онъ погибъ въ 1057 году по воплощеніи, на 16-мъ году правленія Эдуарда, короля англійскаго“.

Малькольмъ Камморъ, водворившійся въ Шотландіи при поддержкѣ короля Эдуарда, былъ коронованъ въ Сконѣ. Тѣхъ, кто помогалъ ему въ борьбѣ съ Макбетомъ, онъ наградилъ титулами лордовъ, бароновъ, рыцарей; а тановъ, стоявшихъ на его сторонѣ, онъ сдѣлалъ графами. Это были первые графы въ Шотландіи.

Въ V главѣ 8-ой книги исторіи Англіи Шекспиръ нашелъ разсказъ о смерти молодого Сиварда, помѣщенный имъ въ V дѣйствіи „Макбета“.

Сивардъ, графъ Нортумберландскій, былъ отправленъ Эдуардомъ съ большимъ отрядомъ кавалеріи на помощь Малькольму Каммору. Сивардъ послалъ впередъ сына, который былъ убитъ въ стычкѣ съ непріятелемъ. „Когда вѣсть объ этомъ дошла до отца, онъ спросилъ, получилъ ли юноша свою смертельную рану спереди или сзади, и узнавъ, что онъ былъ раненъ въ грудь, сказалъ: „Я радуюсь отъ всего сердца, потому что ни сыну, ни самому себѣ не могъ бы пожелать лучшей смерти“.

Сравнивая трагедію съ ея источникомъ, мы во первыхъ убѣждаемся, что поэтъ чрезвычайно искусно воспользовался сюжетомъ, чтобы доставить возможно большее нравственное удовлетвореніе и самому королю и народу, который въ то время относился къ нему съ искренней любовью: онъ не только придумалъ въ началѣ IV дѣйствія эффектную сцену, въ которой является длинный рядъ королей „со скиптрами двойными, съ тройной державою“ *), который указываетъ и на происхожденіе короля отъ безвинно убитаго Банко и на безконечное продолженіе царственнаго рода Стюартовъ въ будущемъ, но и сильно возвысилъ характеръ его предка. У Голиншеда, какъ мы видѣли, Банко былъ однимъ изъ соучастниковъ Макбета въ цареубійствѣ. Въ трагедіи же онъ безусловно чистъ отъ этого преступленія и вообще представляетъ собою идеалъ человѣка и дѣятеля, непоколебимо вѣрнаго долгу и друзьямъ, спокойнаго, осторожнаго, предусмотрительнаго, властвующаго надъ страстями, такъ что не одно предсказаніе вѣдьмъ, но и самыя нравственныя его достоинства дѣлали его ненавистнымъ цареубійцѣ Макбету и были такимъ образомъ причиной его убійства. Правда, художественный тактъ побудилъ поэта сдѣлать исполнителями убійства личныхъ враговъ Банко (а не простыхъ наемныхъ убійцъ, какъ въ хроникѣ), но кто не увидитъ въ словахъ Макбета:

Ну что-жъ, друзья,
Мои слова успѣли вы обдумать?
Вы знаете что *онъ* (Банко) васъ угнеталъ,
А я былъ вами обвиненъ напрасно.
Я объяснилъ вамъ все, какъ васъ ловили,
Кто разорилъ васъ, кто вамъ ставилъ сѣти и пр.

безчестной клеветы, новаго низкаго преступленія, мотивированнаго его ненавистью къ Банко и стремленіемъ сдѣлать убійцъ особо энергичными? Для возвеличенія Іакова, который, какъ извѣстно, возстановилъ древній обычай допускать во дворецъ больныхъ злой немочью (evil, особый видъ разъѣдающей золотухи?) и исцѣлять ихъ прикосновеніемъ королевской руки и воз-

*) *Тройная* держава — власть надъ Англіей, Шотландіей и Ирландіей; двойные скиптры — двѣ большихъ острова.

ложеніемъ на шею ихъ монеты, поэтъ ввелъ въ 3-ью сцену IV дѣйствія разсказъ Малькольма о томъ, какъ исцѣляетъ больныхъ англійскій король, при дворѣ котораго шотландскій принцъ нашелъ убѣжище и помощь.

Далѣе, при сравненіи хроники съ трагедіей нельзя не усмотрѣть стремленія поэта къ возможному (но не насильственному) *единству времени* и склонности усиливать краски тамъ, гдѣ это не нарушаетъ психологическаго вѣроподобія. Такъ, у Голиншеда между предсказаніемъ вѣдьмъ и казнью Кавдора прошло *немного времени*, но, разумѣется, не нѣсколько часовъ, а недѣль и мѣсяцевъ [*]); въ трагедіи же казнь измѣнника и награжденіе Макбета новымъ достоинствомъ одновременны или даже предшествуютъ его бесѣдѣ съ вѣдьмами; только Макбетъ и Банко не знаютъ о случившемся. Въ хроникѣ между этимъ возвышеніемъ Макбета и провозглашеніемъ Малькольма принцемъ Комберлендскимъ и наслѣдникомъ престола предполагается порядочный промежутокъ, во время котораго Макбетъ мечталъ о полученіи короны законнымъ путемъ; въ трагедіи оба эти событія происходятъ въ тотъ же день, когда вѣдьмы разожгли честолюбіе героя. Хроника оставляетъ читателя въ неизвѣстности, гдѣ именно убилъ Макбетъ Дункана; въ трагедіи преступленіе усугубляется тѣмъ, что убійца оскорбилъ въ то же время и святыню гостепріимства. Поэтъ игнорируетъ 10 лѣтъ хорошаго правленія Макбета, не считая вѣроподобнымъ, чтобы человѣкъ, поддавшійся страсти до такой степени, могъ исполнять съ честію свои высокія обязанности. По хроникѣ жестокость Макбета противъ Макдуффа до нѣкоторой степени мотивирована тѣмъ, что Макдуффъ не явился *на работу* и началъ сноситься съ врагами короля, стало быть нарушилъ свой долгъ; въ трагедіи же онъ только отказался пріѣхать *на праздникъ*. Въ хроникѣ Макбетъ идетъ самъ съ войскомъ на непокорнаго и измѣнившаго ему вассала; въ традедіи онъ расправляется съ его невинной семьей посредствомъ подосланныхъ убійцъ. Впрочемъ, поэтъ и самъ, повидимому, забылъ это свое отступленіе отъ источника, и въ концѣ IV дѣйствія Россе разсказываетъ Макдуффу о взятіи его замка и объ истребленіи всѣхъ его вассаловъ, что, конечно, было невозможно для нѣсколькихъ подосланныхъ убійцъ.

Критика почти единогласно видитъ въ трагедіи „Макбетъ“ рѣдкія даже у Шекспира драматическія и сценическія достоинства; но та же безпристрастная критика должна признать, что эта трагедія написана нѣсколько наскоро, не такъ глубоко обдумана, какъ другія пьесы Шекспира того же періода его дѣятельности. Кромѣ вышеуказаннаго противорѣчія, это болѣе всего сказалось въ довольно длинномъ діалогѣ между Малькольмомъ и Макдуффомъ, который безъ натяжки, безъ предвзятаго намѣренія находить совершеннымъ все безъ исключенія, что создано Шекспиромъ, едва ли можно признавать психологически вѣроятнымъ.

Начать съ того, что Малькольмъ, какъ всѣ изгнанники, слишкомъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось въ Шотландіи, чтобы не знать, насколько возненавидѣлъ Макбетъ Макдуффа, и, какъ всѣ изгнанники, скорѣй наклоненъ ошибаться въ обратную сторону—излишняго довѣрія. Главное же: Макдуффъ не такой младенецъ, чтобы счесть Малькольма негодяемъ только на основаніи его собственныхъ словъ, въ которыхъ такъ явно звучитъ непомѣрное преувеличеніе. Жизнь принцевъ на виду у всѣхъ, особенно въ чужой странѣ, а на основаніи разговора съ Малькольмомъ Макдуффъ могъ убѣдиться развѣ въ одномъ недостаткѣ будущаго короля—крайней его нервности и болѣзненной страсти къ самообвиненію, которое сильно напоминаетъ „признанія“ Гамлета передъ Офеліей въ 1-й сценѣ III дѣйствія. Также мало естественно и слѣпое довѣріе Макдуффа къ самовосхваленіямъ Малькольма. Читатели видятъ, что Шекспиръ взялъ этотъ діалогъ изъ своего легендарнаго источника съ весьма незначительными измѣненіями (при чемъ, однако, съумѣлъ придать ему особое драматическое значеніе, соединивъ его въ одну сцену съ ужаснымъ извѣстіемъ, которое приноситъ Макдуффу Россе, что обусловливаетъ увѣренность зрителя въ предстоящей гибели Макбета именно отъ руки Макдуффа); но то, что умѣстно въ наивномъ эпосѣ, гдѣ идолище самъ говоритъ о себѣ:

А я, идолище *поганое*...,

неумѣстно въ серьезной драмѣ.

Съ другой стороны то же сравненіе трагедіи съ ея источникомъ, хотя бы въ са-

[*]) См. выше: Банко *нерѣдко* въ шутку называлъ Макбета шотландскимъ королемъ и т. д.

мыхъ общихъ чертахъ, наглядно показываетъ намъ, какъ свободно и съ какой художественной цѣлесообразностью драматургъ воспользовался своимъ грубоватымъ матеріаломъ. Всѣ характеры, начиная съ героя и героини, созданы имъ цѣликомъ; цѣликомъ создано и развитіе внутренней трагедіи въ душѣ Макбета, который по хроникѣ былъ довольно пошлой игрушкой адскихъ силъ и слѣпой судьбы. Такой же пошлой эгоисткой, дальнѣйшая судьба которой вовсе не интересовала читателя, была въ хроникѣ и жена Макбета, изъ которой въ пьесѣ вышелъ едва ли не самый трагически ужасный характеръ во всей новой литературѣ; ея ужасная душевная болѣзнь и самоубійство созданы поэтомъ. Изъ слабаго Дункана онъ сдѣлалъ идеалъ кроткаго и благороднаго государя *). Свободно создана и ужасающая по своему контрасту съ предыдущимъ и послѣдующимъ добродушная болтовня полупьянаго невыспавшагося привратника (3-я сцена II дѣйствія) **) и т. д. ***).

Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ во время появленія Макбета на сценѣ, такъ и у послѣдующихъ поколѣній, до нашего включительно, зрителей особенно восхищало соединеніе въ этой трагедіи глубокой психологической правды со смѣлой и красивою фантастикой ****). Основу послѣдней поэтъ получилъ изъ хроники, но эту довольно тощую основу онъ разработалъ свободно и художественно: онъ ввелъ въ 5-ую сцену III дѣйствія античную Гекату и всю 1-ую сцену IV дѣйствія, въ которой изображено послѣднее роковое свиданіе героя съ вѣдьмами, обставилъ чрезвычайно роскошно и эффектно. Кромѣ того, онъ на свой, такъ сказать, страхъ ввелъ два новыхъ фантастическихъ момента: въ началѣ II дѣйствія, когда первое преступленіе Макбета уже рѣшено безповоротно, сцену съ кинжаломъ, служащую какъ бы предвкушеніемъ предстоящихъ герою мученій и появленіе окровавленной тѣни Банко на королевскомъ пиру (для чего онъ долженъ былъ перемѣстить это убійство, происходящее въ хроникѣ послѣ королевскаго пира, на нѣсколько часовъ впередъ. Выше упомянуто, что еще при жизни поэта, почти немедленно послѣ появленія трагедіи, эта ужасная тѣнь вошла въ поговорку; трудно указать даже у Шекспира другую сцену, равную этой по внутреннему и внѣшнему драматизму.

Обѣ эти прибавки: кинжалъ и тѣнь Банко—галлюцинаціи глубоко потрясенной души Макбета, и, стало быть, поэтъ остается въ нихъ на почвѣ живой дѣйствительности, тогда какъ въ сценахъ съ вѣдьмами народное вѣрованіе заставляетъ его представить вымышленное реально существующимъ. Но, какъ извѣстно, во время созданія „Макбета“ колдовство и сношенія съ злыми духами вовсе не были простонародными вѣрованіями или переживаніемъ, а глубокимъ убѣжденіемъ даже правящихъ классовъ, которое находило себѣ весьма серьезное примѣненіе въ юридической практикѣ *).

Вѣдьмы или колдуньи (Witches) **) „Макбета“—очень сложныя фигуры: въ нихъ объединены древнегерманскія вѣщія жены, о почитаніи которыхъ говоритъ еще Тацитъ, темныя воспоминанія о богиняхъ и дѣвахъ—служительницахъ боговъ (у скандинавовъ валкиріи) съ литературными преданіями о библейскихъ волшебницахъ и о классическихъ пророчицахъ; ихъ исключительное служеніе злу и ихъ внѣшнее безобразіе въ 1-ой и 3-ьей сценѣ I дѣйствія—неизбѣжное слѣдствіе благочестиво христіанскаго взгляда на всѣ остатки языческой древности. Призраки 1-ой сцены IV дѣйствія (голова въ шлемѣ, окровавленное дитя, дитя въ коронѣ съ вѣтвью) надо думать, заимствованы поэтомъ изъ безконечно богатаго арсенала чернокнижной литературы XVI вѣка, имѣвшей вліяніе и на дѣйствительную жизнь во времена Шекспира ***).

*) I, 7. Слова Макбета:
„Дунканъ царилъ такъ доблестно и кротко,
Высокій санъ такъ чисто сохранялъ, и т. д.

**) Извѣстно, что она ужаснула своимъ реализмомъ Шиллера, который въ своемъ переводѣ Макбета (въ другихъ мѣстахъ очень точномъ) замѣнилъ ее благочестивымъ утреннимъ гимномъ.

***) Кто въ 7-ой сценѣ III дѣйствія видитъ указаніе на прежнее намѣреніе Макбета (предшествующее началу пьесы) убить Дункана, долженъ, конечно, и это отнести на счетъ свободнаго созданія поэта. Но мы полагаемъ, что такое толкованіе словъ леди Макбетъ противорѣчитъ характеру героя.

****) Извѣстно, что во время реставраціи сцены съ вѣдьмами ставились съ необыкновенной роскошью и превратились какъ бы въ особый балетъ съ пѣніемъ. См. Н. И. Стороженко. Опыты изученія Шекспира. М. 1902. стр. 175–6.

*) На основаніи закона 1603 г. въ первые годы царствованія Іакова было казнено не мало женщинъ, заподозрѣнныхъ въ колдовствѣ.

**) Герой въ 1-ой сценѣ IV акта называетъ ихъ *weird sisters* роковыми сестрами.

***) Есть и другое объясненіе, приписывающее изобрѣтеніе этихъ ужасовъ самому поэту (голова

Первыми толкователями Макбета, конечно, были англійскіе режиссеры и актеры эпохи Шекспира и послѣдующихъ. Но о томъ, какъ ставили эту трагедію при жизни ея автора, мы почти не имѣемъ свѣдѣній *); при реставраціи трагедію передѣлали почти до неузнаваемости. Знаменитый Гаррикъ **) изображалъ Макбета грустнымъ, даже скорбнымъ, человѣкомъ, сильнымъ отъ природы, но подавленнымъ страстью, которая оказалась гораздо сильнѣе его; игравшая съ нимъ вмѣстѣ артистка Притчардъ изображала лэди Макбетъ больше фуріей, чѣмъ женщиной, и слѣдовательно понимала этотъ характеръ слишкомъ односторонне; истинной создательницей этой роли была мистриссъ Сидонсъ, проявлявшая въ игрѣ своей нѣкоторую мягкость и женственность, а въ то же время и ужасную силу страсти; но съ III дѣйствія у нея замѣчался сильный упадокъ духа, вполнѣ объяснявшій и сцену лунатизма и ея насильственную смерть. Въ этомъ же родѣ играла лэди Макбетъ и знаменитая Ристори ***).

Первый вліятельный разборъ трагедіи и ея главнаго характера далъ Авг. Вильг. Шлегель въ своихъ „лекціяхъ о драматическомъ искусствѣ и литературѣ“, которыя онъ читалъ въ 1808 г., а напечаталъ въ 1809 г. и которыя вскорѣ были переведены на главные европейскіе языки. Вотъ содержаніе этого разбора:

Шекспиръ хотѣлъ изобразить честолюбиваго, но благороднаго человѣка, который поддается могучимъ дьявольскимъ ухищреніямъ; всѣ преступленія, на которыя его толкаетъ стремленіе обезпечить за собою плоды своего перваго злодѣянія, не могутъ стереть съ его образа печати прирожденнаго героизма. Въ убійствѣ Дункана нужно различать три момента. Первая мысль о преступленіи исходитъ отъ существъ, всецѣло отдавшихъ себя на служеніе злу.

Вѣщія сестры встрѣчаютъ Макбета, упоеннаго побѣдой, удовлетворившаго свою жажду славы. Онѣ представляютъ ему дѣломъ судьбы то, что въ дѣйствительности можетъ быть только дѣломъ его собственныхъ рукъ, и внушаютъ довѣріе къ своимъ словамъ немедленнымъ осуществленіемъ перваго предсказанія. Непосредственно за тѣмъ ему представляется удобный случай убить короля; жена Макбета заклинаетъ мужа воспользоваться имъ; она убѣждаетъ Макбета съ пламеннымъ краснорѣчіемъ; ея софизмы облекаютъ преступленіе въ какое-то ложное величіе. На долю Макбета не приходится почти ничего, кромѣ самаго факта убійства; онъ настолько взволнованъ и растерянъ, разсудокъ его такъ отуманенъ, что онъ не въ силахъ сопротивляться вліянію, толкающему его руку.

Раскаяніе не только непосредственно слѣдуетъ за убійствомъ, оно даже предшествуетъ ему; угрызенія совѣсти ни днемъ, ни ночью не даютъ покоя Макбету. Но теперь онъ запутался въ адскихъ сѣтяхъ. Поистинѣ ужасно видѣть, какъ прежній смѣлый воинъ, прямо смотрѣвшій въ лицо смерти, теперь, изъ страха передъ загробной жизнью, цѣпляется съ возрастающею энергіею за свое земное существованіе, которое становится съ каждымъ днемъ все мучительнѣе, и безжалостно сбрасываетъ съ дороги все, въ чемъ его мрачная подозрительность чуетъ опасность.

И все же, несмотря на отвращеніе, которое намъ внушаютъ его злодѣянія, мы не можемъ вполнѣ отказать ему въ сочувствіи; мы оплакиваемъ гибель столькихъ благородныхъ качествъ; мы какъ бы противъ желанія восхищаемся и въ самомъ концѣ борьбою смѣлой воли съ робкой совѣстью.

Можно было бы подумать, что въ этой трагедіи мы встрѣчаемся съ всемогущимъ рокомъ греческой драмы: въ основѣ лежитъ вмѣшательство сверхъестественныхъ силъ, съ которымъ послѣдующія событія связаны тѣснѣйшимъ образомъ. Есть тутъ также и двусмысленныя предсказанія, буквальное осуществленіе которыхъ губитъ тѣхъ, кто полагается на нихъ. Но не трудно доказать, что Шекспиръ проявилъ въ своей драмѣ болѣе просвѣщенный взглядъ, чѣмъ былъ у древнихъ. Онъ хочетъ показать, что борьба добра и зла въ этомъ мірѣ совершается

воина есть голова самого Макбета, отрубленная Макдуффомъ; окровавленное дитя—самъ Макдуффъ вырѣзанный изъ чрева матери; дитя съ короною и вѣтвью—Малькольмъ, приказавшій нарубить вѣтви. См. A new Variorum edition - by Horace Howard Furness. Philadelphia. Vol II 1873. 207—8); но оно отзывается натяжкою.

*) Только Форманъ свидѣтельствуетъ, что въ 1610 г. леди Макбетъ и самъ герой (?) напрасно старались смыть кровь съ своихъ рукъ, и тѣнь Банко во время тоста за отсутствующаго уселась сзади Макбета. См. Н. И. Стороженко 174—5.

**) Род. 1716 г., выступилъ въ Лондонѣ 1741 г., Макбета игралъ съ 1744 г., сошелъ со сцены 1776 г., ум. 1779 г.

***) Подробно о Макбетѣ на сценѣ см. въ выше названной прекрасной статьѣ Н. И. Стороженко, стр. 176—192. О мистриссъ Сидонсъ и дрльди Макбетъ см. H. H. Furness l. c. стр. 415—428.

по волѣ Провидѣнія, Которое обращаетъ проклятія, навлекаемыя на себя одними людьми, въ благословеніе для другихъ...

По развитію дѣйствія Макбетъ является прямой противуположностью Гамлету; здѣсь событія развертываются одно за другимъ съ поразительной быстротой... Трудно постичь, какъ Шекспиръ нашелъ возможность вмѣстить въ такія узкія рамки не только массу происшествій, фактовъ внѣшнихъ, но и изображеній души человѣческой, раскрывающей передъ нами тайники свои! Кажется, будто съ часовъ времени сняты гири, и оно вертится безъ перерыва и задержекъ. Ничто не можетъ сравниться по силѣ съ этой возбуждающей ужасъ картиной! Достаточно упомянуть о подробностяхъ убійства Дункана, о кинжалѣ, мелькающемъ передъ глазами Макбета, о появленія тѣни Банко на пиру, о ночныхъ блужданіяхъ лэди Макбетъ — что можно сказать обо всемъ этомъ такого, что не ослабило бы непосредственнаго впечатлѣнія зрителя?.. Только одинъ Шекспиръ умѣетъ изображать ужасное съ такой силой и въ то же время не переходить границъ прекраснаго *).

Къ этимъ прочувствованнымъ и красиво выраженнымъ положеніямъ А. В. Шлегеля шекспировская критика XIX вѣка можетъ присоединить не много такого, что должно считаться болѣе или менѣе общепризнаннымъ.

Прежде всего характеристику Макбета, сдѣланную Шлегелемъ, необходимо дополнить указаніемъ на его чрезмѣрно сильно развитое, особенно для храбраго воина и практическаго дѣятеля, воображеніе; онъ не только не проявляетъ страха смерти въ бою, напротивъ—является однимъ изъ хладнокровнѣйшихъ и лучшихъ полководцевъ и бойцовъ, но онъ самъ говоритъ о себѣ:

А было время: чувства замирали
При крикѣ сов, а отъ ужасныхъ сказокъ
На головѣ вставали волоса
Какъ будто въ нихъ дышала жизнь (V, 5).

Онъ трепещетъ передъ всѣмъ, что приближается къ сверхъестественному. На такого человѣка предсказанія вѣдьмъ, предсказанія, изъ которыхъ одно исполняется немедленно, не могли не произвести огромнаго впечатлѣнія, столь сильнаго, что весь его нравственный обликъ какъ бы мгновенно переродился и у этого вѣрнѣйшаго вассала вдругъ является мысль о цареубійствѣ.

Но покамѣстъ онъ еще настолько честный человѣкъ, что быстро отбрасываетъ эту ужасную мысль и успокаивается на рѣшеніи:

Когда судьбѣ угодно
Меня вѣнчать, то пусть меня вѣнчаетъ;
Я ей не помогу!

Безъ сомнѣнія, онъ имѣетъ въ виду тотъ древній законъ, въ силу котораго престолъ могъ правильно достаться ему при малолѣтствѣ принцевъ. Въ слѣдующей же сценѣ (I, 4) наступаетъ для него неожиданное разочарованіе, и мысль о преступленіи снова овладѣваетъ его потрясеннымъ мозгомъ. Онъ говоритъ про себя:

Померкните, свѣтила въ небесахъ!
Не озаряйте замысловъ моихъ! *)
Пускай ударъ мой ниспадетъ внотьмахъ!
Рука вѣрна: она не промахнется.

Однако ясно, что еслибъ Макбетъ былъ предоставленъ самому себѣ, онъ снова нашелъ бы возможность возложить отвѣтственность на судьбу и остался бы чистымъ, если не въ помышленіяхъ, то по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ своихъ. Но тогда выступаетъ на сцену лэди Макбетъ, натура несравненно болѣе опредѣленная и рѣшительная. У нея сильный и ясный умъ, но полное отсутствіе всякой нравственной сдержки. Она говоритъ о мужѣ:

Королемъ ты будешь!
Но я боюсь: въ твоей душѣ такъ много
Любови млека **), что не изберешь ты
Пути кратчайшаго. Въ тебѣ, я знаю,
И гордость есть и жажда громкой славы,
Но нѣту зла, ихъ спутника. Престола
Путемъ прямымъ желать бы ты постигнуть.

Считая это невозможнымъ, лэди увѣрена, что съумѣетъ вдохнуть въ мужа свой непоколебимый духъ.

Она встрѣчаетъ Макбета лестію и ласкою; она дѣлаетъ видъ, будто и не догадывается объ его колебаніяхъ, не можетъ допустить и мысли о подобной слабости; она заботится только о томъ, чтобы лицо Макбета при гостяхъ не выражало его ду-

*) Буквально это сцены единственныя и встрѣчаются только у этого поэта; иначе трагическая муза должна была бы смѣнить свою маску на голову Медузы. Изд. Heidelb. 1811, II, 2, стр. 156—161.

*) Въ оригиналѣ: моихъ черныхъ и глубокихъ желаній; пусть глазъ не видитъ руки: пусть совершится, на что со страхомъ посмотритъ взоръ!

**) Орig. млека человѣческой нѣжности.

шевнаго настроенія; она же превосходно владѣетъ собою и разсыпается передъ королемъ въ изъявленіяхъ будто бы самой простодушной благодарности!

Между 6-ою и 7-ою сценами, повидимому, надо предполагать разговоръ Макбета съ женою, въ которомъ онъ, руководимый ею, но воображающій себя вполнѣ свободнымъ, клялся ей страшными клятвами, что Дунканъ, обидѣвшій его назначеніемъ себѣ наслѣдника, не выѣдетъ живымъ изъ его дома. Но просидѣвъ нѣкоторое время за столомъ съ добрымъ Дунканомъ и мучимый заранѣе раскаяніемъ, онъ вышелъ подумать. Въ монологѣ, съ котораго начинается 7-ая сцена, онъ вполнѣ убѣдительно доказываетъ себѣ, что задуманное имъ предпріятіе совершенно безумно, не говоря уже объ его ужасной безнравственности. Входитъ лэди Макбетъ, прекрасно понимающая, что происходитъ въ душѣ Макбета, и старающаяся не выпускать его изъ-подъ своего вліянія. Макбетъ предлагаетъ ей отказаться отъ плана убійства, такъ какъ онъ желалъ бы сохранить за собою то „золотое мнѣніе“, которое онъ заслужилъ во всемъ народѣ. Будто пораженная такою неожиданностью, лэди въ отвѣтъ на это разражается упреками, выбирая нарочно самые ядовитые: мужа-воина упрекаетъ она въ возмутительной трусости: онъ былъ храбръ и рѣшителенъ только подъ вліяніемъ выпитаго вина; теперь только она оцѣнила его любовь—при чемъ тутъ любовь, она, можетъ быть, и сама не могла бы объяснить; но она прекрасно сознаетъ, что упрекъ въ отсутствіи любви крайне тяжелъ для мужа; она называетъ его клятвопреступникомъ! Замѣтивъ, что онъ начинаетъ опять склоняться на ея сторону, она спѣшитъ занять его подробностями и представить дѣло чрезвычайно удобоисполнимымъ. Увлеченный ею, Макбетъ придумываетъ новую хитрость, и цареубійство уже рѣшено безповоротно.

Съ этого момента настоящій убійца—лэди Макбетъ—уходитъ на задній планъ, а на первый выступаетъ самъ Макбетъ. Онъ терзается душою; его мучитъ галлюцинація; но онъ смѣло идетъ къ своей цѣли и достигаетъ ея! По совершеніи преступленія, его внутреннія мученія еще болѣе усиливаются, доходятъ до невѣроятной степени; онъ на минуту даже поддается паническому ужасу, и лэди идетъ вмѣсто него возвратить кинжалы слугамъ Дункана. Но это уже послѣднее проявленіе ея силы и послѣднее же проявленіе его сознательной слабости.

> «По сводамъ замка
> Неумолкаемый носился вопль:
> Гламисъ зарѣзалъ сонъ! За то отнынѣ
> Не будетъ спать его убійца Кавдоръ» и пр.

Когда обнаружилась смерть Дункана, Макбетъ ведетъ себя чрезвычайно умно и цѣлесообразно; онъ притворяется мастерски, какъ самый опытный и хладнокровный убійца, тогда какъ его жена принуждена прибѣгнуть къ самому банальному средству —обмороку (который, можетъ быть, является полуискусственнымъ результатомъ потрясенія). Слѣдующее крупное и обдуманное преступленіе, убійство Банко — убійство пьяныхъ слугъ Дункана совершено внезапно, будто по вдохновенію, — Макбетъ всецѣло беретъ на свою отвѣтственность; онъ и предпринимаетъ его и самъ себя раздражаетъ противъ ненавистнаго ему будущаго родоначальника королей и производитъ руками наемныхъ имъ обманутыхъ убійцъ; королеву, которая уже теперь мечтаетъ о тихомъ снѣ въ могилѣ (III, 2), онъ отстраняетъ отъ всякаго участія въ страшномъ дѣлѣ, предоставляя ей воспользоваться только сладкими плодами его. Это—такое проявленіе деликатной нѣжности въ его какъ бы одичавшей душѣ, которое трогаетъ насъ даже противъ воли *).

Только при неожиданномъ появленіи тѣни Банко на пиру, роли какъ будто опять перемѣняются: Макбетъ — въ безумномъ ужасѣ, а жена поддерживаетъ его и оправдываетъ его въ глазахъ гостей болѣзнью, но вѣдь она не видитъ тѣни убитаго, да и не знаетъ положенія дѣла. Послѣ этого она появляется только въ V актѣ въ страшной сценѣ сомнамбулизма, когда ея не женски сильная натура оказывается уже не надломленной, а окончательно сокрушенной. За этимъ хотя безсознательнымъ, но невыносимымъ страданіемъ можетъ послѣдовать только самовольная смерть.

Конецъ самого Макбета драматичнѣе и величественнѣе. Уже со смерти Дункана онъ мучится непрерывно; онъ завидуетъ мертвецамъ; онъ, по словамъ жены (V, 4), лишился сна, отрады всѣхъ существъ; ошибочно приписывая свои страданія предсказанію вѣдьмъ относительно Банко, онъ со-

*) По собственной же иниціативѣ и плану онъ совершаетъ и послѣднее путешествіе къ «вѣщимъ сестрамъ».

вершаетъ новое преступленіе, но имъ только ухудшаетъ свое положеніе. Тогда онъ вступаетъ въ отчаянную борьбу съ судьбою, въ глубинѣ души не надѣясь на побѣду, но хватаясь, какъ утопающій за соломенку, за предсказанія призраковъ; онъ проявляетъ нечеловѣческую энергію и рѣшительность, которыя естественно переходятъ въ небывалое ожесточеніе и даже нравственное отупѣніе; онъ, какъ звѣрь, бросается на окружающихъ, и героизмъ свой проявляетъ только въ храбрости отчаянія. Окруженный со всѣхъ сторонъ гибелью, онъ забылъ, что значитъ страхъ (V, 4), но за то забылъ и то, что значитъ человѣческое чувство: узнавъ о гибели единственнаго дорогого ему существа, онъ не испытываетъ горести, а только ненависть къ жизни, за которую однако продолжаетъ держаться, на зло врагамъ и себѣ, съ судорожными усиліями. Убѣдившись въ фальшивой двусмысленности перваго предсказанія, онъ еще надѣется на второе; обманувшись и въ немъ, онъ вынужденъ признать себя одураченнымъ *) и побѣжденнымъ; но угроза позоромъ вновь заставляетъ вспыхнуть его энергію, и онъ спѣшитъ выпить до конца свою горькую чашу.

Въ заключеніе этого краткаго разбора приводимъ два отзыва о Макбетѣ изъ Бѣлинскаго.

Въ 1840 г. въ своемъ разборѣ комедіи Грибоѣдова великій критикъ такъ опредѣляетъ два главныхъ характера этой трагедіи: „Макбетъ Шекспира—злодѣй, но злодѣй съ душою глубокою и могучею, отчего онъ, вмѣсто отвращенія, возбуждаетъ участіе: вы видите въ немъ человѣка, въ которомъ заключалась такая же возможность побѣды, какъ и паденія, и который, при другомъ направленіи, могъ бы быть другимъ человѣкомъ. Но есть злодѣи какъ будто по своей натурѣ, есть демоны человѣческой природы, по выраженію Ретшера**): такова лэди Макбетъ, которая подала кинжалъ своему мужу, подкрѣпила и вдохновила его сатанинскимъ величіемъ своего отверженія отъ всего человѣческаго и женственнаго, своимъ демонскимъ торжествомъ надъ законами человѣческой и женственной натуры, адскимъ хладнокровіемъ своей рѣшимости на мрачное злодѣйство. Но для слабаго сосуда женской организаціи былъ слишкомъ не въ мѣру такой сатанинскій духъ, и сокрушилъ его своею тяжестію, разрѣшивъ безумство сердца помѣшательствомъ разсудка, тогда какъ самъ Макбетъ встрѣтилъ смерть, подобно великому человѣку, и этимъ помирилъ съ собою душу зрителя, для котораго въ его паденіи совершилось торжество нравственнаго духа".

А въ 1846 г., разбирая „Петербургскій Сборникъ, изд. Н. Некрасовымъ", гдѣ появились „Бѣдные люди" Достоевскаго, Бѣлинскій говоритъ по поводу Кронебергова перевода трагедіи:

„Макбетъ" — одно изъ самыхъ колоссальныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ чудовищныхъ произведеній Шекспира, гдѣ, съ одной стороны, отразилась вся исполинская сила творческаго его генія, а съ другой,—все варварство вѣка, въ которомъ жилъ онъ. Много разсуждали и спорили о значеніи вѣдьмъ, играющихъ въ „Макбетѣ" такую важную роль: одни хотѣли видѣть въ нихъ просто вѣдьмъ, другіе—олицетвореніе страстей „Макбета", глухо свирѣпствовавшихъ на днѣ души его; третьи—поэтическія аллегоріи. Справедливо только первое изъ этихъ мнѣній. Шекспиръ—можетъ быть, величайшій изъ всѣхъ геніевъ въ сферѣ поэзіи, какихъ только видѣлъ міръ, но въ то же время онъ былъ сынъ своего времени, своего вѣка, того варварскаго вѣка, когда разумъ человѣческій едва началъ пробуждаться отъ своего тысячелѣтняго сна, когда въ Европѣ тысячами жгли колдуновъ, и когда никто не сомнѣвался въ возможности и прямыхъ сношеній человѣка съ нечистою силою. Шекспиръ не былъ чуждъ слѣпоты своего времени, и, вводя вѣдьмъ въ свою великую трагедію, онъ нисколько не думалъ дѣлать изъ нихъ философическія олицетворенія и поэтическія аллегоріи. Это доказывается, между прочимъ, и важною ролью, какую играетъ въ „Гамлетѣ" тѣнь отца героя этой великой трагедіи. „Другъ Горація", говоритъ Гамлетъ: „на землѣ есть много такого, о чемъ и не бредила ваша философія". Это убѣжденіе Шекспира, это говоритъ онъ самъ, или, лучше сказать, невѣжество и варварство его вѣка, а обскуранты нашего времени такъ и ухватились за эти слова, какъ за оправданіе своего слабоумія. Шекспиръ видѣлъ и Богъ вѣсть какую удивительную драматическую и трагическую пружину въ ходѣ Бирнанскаго лѣса и въ томъ

*) Только увѣренность въ своей полной безопасности могла его вызвать изъ неприступнаго замка въ открытое поле.

**) Heinrich Theodor Rötscher (1803—1871) — нѣмецкій теоретикъ искусства, послѣдователь Гегеля.

обстоятельствѣ, что Макбетъ не можетъ пасть отъ руки человѣка, рожденнаго женою. Дѣло оказалось чѣмъ-то въ родѣ плохого каламбура; но такова творческая сила этого человѣка, что, несмотря на всѣ нелѣпости, которыя ввелъ онъ въ свою драму, „Макбетъ"—все таки огромное, колоссальное созданіе, какъ готическіе храмы среднихъ вѣковъ. Что-то сурово-величаво-грандіозно-трагическое лежитъ на этихъ лицахъ и ихъ судьбѣ: кажется, имѣешь дѣло не съ людьми, а съ титанами, и какая глубина мысли, сколько обнаженныхъ тайнъ человѣческой природы, сколько рѣшенныхъ великихъ вопросовъ, какой страшный и поучительный урокъ!... Вотъ доказательство, что время не губитъ генія, но геній торжествуетъ надъ временемъ, и что каждый моментъ всемірно-историческаго развитія человѣчества даетъ равнообильную жатву для поэзіи"

А. Кирпичниковъ.

Инвернесъ въ новѣйшее время (съ гравюры 1840 хъ г.).

ШОТЛАНДСКІЕ ВОИНЫ.

(Постановка Макбета на лондонскомъ театрѣ «Lyceum» прошлою знаменитаго трагика сэра Генри Ирвинга въ 1888 г.).

МАКБЕТЪ.

Дункань—король шотландскій.

Мальколькъ } сыновья его.
Дональбаинъ }

Макбетъ } его полководцы.
Банко }

Макдуффъ }
Леноксъ }
Россе }
Ментетъ } шотландскіе вельможи.
Ангусъ }
Кэтнесъ }

Флинсъ, сынъ Банко.

Сиварлъ, графъ Нортомберлэндскій англійскій полководецъ.

Молотои Сиварлъ сынъ его.

Сейтонъ—офицеръ изъ свиты Макбета.

Сынъ Макдуффа.

Англійскій докторъ.

Шотландскій докторъ.

Солдатъ.

Привратникъ.

Старикъ.

Леди Макбетъ.

Леди Макдуффъ.

Придворная дама леди Макбетъ.

Геката.

Три вѣдьмы.

Лорды, вельможи, офицеры, солдаты, убійцы, свита и вѣстники.

Духъ Банко и другія явленія.

Дѣйствіе въ концѣ четвертаго акта въ Англіи, а остальное—въ Шотландіи.

МАКБЕТЪ, БАНКО и ВѢДЬМЫ.

Картина знаменитаго англо-швейцарскаго живописца Фюсли (Henry Fuseli, 1742—1825). (Большая Бойдедевская Галлерея).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Открытое мѣсто.

Гроза и молнія. Входятъ три вѣдьмы.

Первая вѣдьма.

Когда сойдемся мы опять—
Ужель вновь въ бурю, въ дождь, иль въ градъ?

Вторая вѣдьма.

Когда кровавый стихнетъ бой.

Третья вѣдьма.

Передъ вечернею порой.

Первая вѣдьма.

Но гдѣ же мѣсто?

Вторая вѣдьма.

Степь вонъ эта.

Третья вѣдьма.

Мы встрѣтимъ тамъ Макбета.

Первая вѣдьма.

Лягушка—вотъ!

Всѣ.

Мяучитъ котъ!
Пора! пора!
Гроза гремитъ
Безъ черныхъ тучъ;
На небесахъ
Играетъ лучъ.
Сквозь паръ и дымъ!
Летимъ, летимъ!

(*Исчезаютъ*).

СЦЕНА II.

Поле близъ Фореса.

Шумъ битвы вдали. Входятъ король Дунканъ, Малькольмъ, Дональбайнъ, Леноксъ *и другіе. Они встрѣчаютъ раненаго солдата.*

Дунканъ.

Кто этотъ въ ранахъ и покрытый кровью?
Онъ, вѣрно, можетъ намъ сказать, какъ наши
Идутъ дѣла.

Малькольмъ.

Да это воинъ тотъ,
Что выручилъ меня сейчасъ изъ плѣна
Здорово, другъ! Скажи, въ какомъ оставилъ
Ты положеньи битву, уходя.

Солдатъ.

Въ невѣрномъ: въ положеньи двухъ пловцовъ,
Когда они, схватясь, тѣснятъ другъ друга.
Къ суровому злодѣю Мэкдонвальду,
Рожденному для бунтовъ и измѣнъ,
Воинственные кэрны подоспѣли—
И счастье, улыбаясь грудамъ труповъ,
Наложницею сдѣлалось его.
Но злому псу не помогло и это!
Презрѣвши счастье, храбрый вождь нашъ Макбетъ,
Вполнѣ прозванье это заслужившій,
Какъ мужества любимецъ настоящій,
Себѣ къ врагу дорогу проложилъ,
И до тѣхъ поръ вздымалъ высоко руку,
Пока ему до шеи головы
Не раскроилъ и не украсилъ ею
Зубчатыхъ стѣнъ родной твердыни нашей.

Дунканъ.

О, храбрый братъ! о, доблестный воитель!

Солдатъ.

Но какъ изъ нѣдръ небесныхъ иногда
За краснымъ солнышкомъ выходитъ буря,
Такъ точно и теперь изъ нѣдръ побѣды
Возникла новая борьба. Внимайте:
Едва лишь мечъ, карающій неправду,
Заставилъ кэрновъ обратиться въ бѣгство,
Какъ ринулся на насъ король норвежскій.
Пришлось опять схватиться съ свѣжей силой
И мечъ скрестить съ мечомъ еще блестящимъ.

Дунканъ.

Что жъ Банко нашъ и Макбетъ устрашились?

Солдатъ.

Какъ зайцевъ львы иль воробьевъ орлы.
Сказать вамъ правду: на ряды враговъ
Они ударили, какъ залпъ орудій,
Разорванныхъ на тысячу кусковъ.
Богъ вѣдаетъ, чего они хотѣли:
Омыться ли въ дымящейся крови,
Иль повторить всѣ ужасы Голгоѳы ..
Но я усталъ: меня терзаютъ раны.

Дунканъ.

Онѣ идутъ къ тебѣ, какъ твой разсказъ:
Въ нихъ дышитъ честь. Отвесть его къ врачу.

(*Солдата уводятъ*).

Входитъ Россе.

Дунканъ.

А это кто сюда идетъ?

Малькольмъ.

Танъ Росскій.

Леноксъ.

Какой огонь горитъ въ его глазахъ!
Такъ смотрятъ вѣстники чудесъ.

Россе.

Господь,
Храни царя!

Дунканъ.

Откуда храбрый танъ?

Россе.

Изъ Файфа, государь, гдѣ такъ недавно
Пятнали небеса враговъ знамена
И дерзко навѣвали холодъ страха
На твой народъ. Съ безчисленной дружиной
Свенонъ, примкнувъ къ измѣннику Кавдору,
Вступилъ въ жестокій бой. И битва длилась,
Пока онъ Макбета не повстрѣчалъ.
Беллоны другъ, облитый крѣпкой сталью,
Схватился съ нимъ грудь съ грудью и рука съ рукой—
И гордый духъ смиренъ. Мы побѣдили.

Дунканъ.

Какое счастіе!

Россе.

Теперь онъ проситъ мира.

За позволеніе предать землѣ
Убитыхъ ратниковъ онъ заплатилъ
Двѣнадцать тысячъ долларовъ въ Сенъ-Кольмѣ.

Дунканъ.

Впередъ Кавдоръ не будетъ измѣнять.
Иди и прикажи его казнить,
А Макбета поздравь Кавдорскимъ таномъ.

Россе.

Иду!

Дунканъ.

Чего лишился бунтовщикъ,
Тѣмъ Макбетъ пусть теперь обогатится.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Степь.

Громъ. Три вѣдьмы *сходятся.*

Первая вѣдьма. Гдѣ ты была, сестра?
Вторая вѣдьма. Свиней душила.
Третья вѣдьма. Ну, а ты?

Первая вѣдьма.

Вонъ жена матроса щелкаетъ орѣхи.
„Дай мнѣ!“ я сказала бабѣ для потѣхи.
„Убирайся, вѣдьма!“ зарычала туша,
А межъ тѣмъ за мужемъ дуры скрылась суша.
Шкиперъ, мужъ ея плыветъ;
Но я крысой обернуся
И—скорѣй чтобъ кончить счетъ—
Въ рѣшетѣ за нимъ пущуся.

Вторая вѣдьма.

Слушай: я тебѣ дарю
Вѣтеръ мой.

Первая вѣдьма.

Благодарю.
Остальные мнѣ подвластны,
Вмѣстѣ съ бухтами, гдѣ властны
Дуть они и моряковъ
Мчать туда со всѣхъ концовъ.
Съ страху высохнувъ, какъ сѣно,
День и ночь безъ перемѣны
Будетъ бодрствовать дуракъ
И, проживъ недѣль семь такъ,
Все лишь чахнуть будетъ, сохнуть,
А корабликъ гнить да глохнуть,
И ко дну хоть не пойдетъ,
Но отъ штормовъ не уйдетъ.
Сестры, вотъ вамъ и гостинецъ!

Вторая вѣдьма.

Что тамъ?

Первая вѣдьма.

Шкипера мизинецъ.
Онъ спѣшилъ обнять жену
И, дойдя, пошелъ ко дну.

(*Слышны звуки барабана*).

Третья вѣдьма.

Барабановъ слышенъ бой!
Это Макбетъ нашъ, герой!
Всѣ три (*пляшутъ и поютъ*).
Мы, вѣщія сестры, урочной порою
Несемся надъ моремъ, летимъ надъ землею.
Сомкнувшись въ кружокъ очарованный, вмѣстѣ
Мы трижды обходимъ заклятое мѣсто.
Кругъ первый—для первой, второй—для второй
И третій—для третьей. Довольно, постой!
Заклятье готово: погибнетъ герой.

Входятъ Макбетъ *и* Банко.

Макбетъ.

Какъ страненъ день: гроза безъ тучъ,
На небесахъ играетъ лучъ.

Банко.

До Фореса далеко ль? Это кто,
Худыя, дикія, изсохшія, какъ тѣнь?
Какъ не похожи на жильцовъ земли!
Однако жъ, здѣсь онѣ. Живете ль вы,
И можно ль къ вамъ съ вопросомъ обратиться?
Конечно, вамъ слова мои понятны:
Я вижу—каждая изсохшій палецъ свой,
Къ губамъ, давно поблекшимъ, поднесла.
Вы—женщины, но бороды густыя
Совсѣмъ другое говорятъ о васъ.

Макбетъ.

Когда вы можете, скажите—кто вы?

Первая вѣдьма.

Да здравствуетъ Макбетъ, гламисскій танъ!

Вторая вѣдьма.

Да здравствуетъ Макбетъ кавдорскій танъ!

Третья вѣдьма.

Да здравствуетъ Макбетъ, король въ грядущемъ!

Банко.

Ты изумленъ? Ты будто испугался
Ихъ сладкихъ словъ? Во имя чистой правды,
Вы призраки иль существа живыя?

Макбета вы почтили предсказаньемъ
Высокой почести; одушевили
Надеждою на царскую корону.
Внимая вамъ, онъ упоенъ восторгомъ;
Мнѣ жъ ничего не говорите вы.
Когда вашъ взоръ въ посѣвъ временъ проникнуть
И плодъ отъ смерти можетъ отличить,
То слово вѣщее скажите мнѣ.
Я не ищу невѣрной вашей дружбы
И не боюсь кипящей въ васъ вражды.

Всѣ три вѣдьмы.

Да здравствуетъ воитель!

Первая вѣдьма.

Хоть и меньшій,
Но вмѣстѣ съ тѣмъ и большій, чѣмъ нашъ Макбетъ!

Вторая вѣдьма.

Не столь счастливый, но вполнѣ счастливый!

Третья вѣдьма.

Царей родоначальникъ, но не царь.
Да здравствуютъ Макбетъ и Банко!

Первая вѣдьма.

Да здравствуютъ и Банко, и Макбетъ!

Макбетъ.

Постойте, вѣстницы! Загадки прочь!
Скажите больше мнѣ! Я танъ Гламисскій
Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ мой отецъ Синель;
Но танъ Кавдорскій живъ и въ цвѣтѣ лѣтъ—
И быть царемъ, какъ быть Кавдорскимъ таномъ.
Не изъ числа возможныхъ дѣлъ. Откуда
Чудесное исходитъ ваше знанье?
Зачѣмъ вы насъ пророческимъ привѣтомъ
Здѣсь на степи глухой остановили?
Я требую отвѣта—говорите!

(Вѣдьмы исчезаютъ).

Банко.

Земля, какъ и вода, содержитъ газы—
И это были пузыри земли.
Куда онѣ исчезли?

Макбетъ.

Въ воздухъ. Вѣтеръ
Разнесъ ихъ мнимыя тѣла, какъ вздохъ.
Какъ жаль, что не остались!

Банко.

Полно, такъ ли?
Не о мечтѣ ль мы говоримъ? Не обуялъ ли
Насъ запахъ травъ, лишающихъ разсудка?

ПЛЯСКА ВѢДЬМЪ (Дѣйствіе I, сц. III).

Картина извѣстнаго англійскаго художника Ричарда Весталя (Richard Westall, 1765—1836). (Малая Бойделевская Галлерея).

Макбетъ.

Твоимъ потомкамъ суждена корона.

Банко.

Ты будешь самъ король...

Макбетъ.

И танъ Кавдорскій.
Не такъ ли?

Банко.

Слово въ слово. Это кто?

Входятъ Россе *и* Ангусъ.

Россе (*Макбету*).

Король обрадованъ счастливой вѣстью
Твоихъ побѣдъ. Когда узналъ онъ, Макбетъ,
Что ты съ измѣнникомъ сразился лично,
Онъ и хвалить тебя не могъ: умолкнулъ,
Дивяся подвигамъ твоимъ. Вездѣ,
Куда въ тотъ день ни обращалъ онъ взоры,
Вездѣ тебя въ толпѣ враговъ встрѣчалъ онъ;
Вездѣ былъ ты, безтрепетный и смѣлый
Средь вызванныхъ тобой явленій смерти.
За вѣстью вѣсть, какъ въ сказкѣ, прилетала:

Что ни гонецъ, то новую побѣду
Слагалъ Макбетъ къ Дунковымъ стопамъ.

Ангусъ.

Мы присланы отъ имени монарха
Благодарить и звать къ нему; награды
Мы для тебя не принесли...

Россе.

А только
Въ залогъ другихъ, почетнѣйшихъ даровъ,
Онъ танство Кавдора тебѣ даетъ.
Будь счастливъ, танъ! будь счастливъ въ
новомъ санѣ!

Банко.

Какъ? дьяволъ правду можетъ говорить?

Макбетъ.

Но танъ Кавдорскій живъ—такъ для чего же
Чужой одеждой украшать меня?

Ангусъ.

Онъ живъ еще, но онъ уже не танъ.
Остатокъ дней подавленъ приговоромъ—
И онъ умретъ. Что сдѣлалъ онъ—не знаю:
Мятежнымъ тайную ли подалъ помощь,
Иль явно сталъ въ свеноновыхъ рядахъ;
Но онъ въ измѣнѣ уличенъ—и палъ.

Макбетъ *(тихо)*.

Гламисъ и Кавдоръ—впереди престолъ.
(Громко).
Благодарю за трудъ. Что скажешь, Банко?
Не вправду ль царствовать твоимъ сынамъ?
Мнѣ новый санъ, а имъ престолъ обѣщанъ.

Банко.

Да, ввѣрься имъ и вѣрь—онѣ заставятъ
И руку протянуть къ коронѣ. Странно!
Какъ часто, чтобъ вѣрнѣе погубить,
Созданья мрака говорятъ намъ правду:
Манятъ къ себѣ невинною бездѣлкой,
А тамъ—обманываютъ и влекутъ
Въ пучину ужасающихъ послѣдствій.
(Къ Россе и Ангусу).
Друзья, на пару словъ. *(Отходятъ)*.

Макбетъ *(тихо)*.

Сбылись два изреченія: разыгранъ
Прологъ и драма царская растетъ.
(Громко). Благодарю васъ, господа! *(Тихо)*.
Ихъ сверхъестественный и темный вызовъ
Ни золъ, ни добръ; когда онъ зло, къ чему бы
Давать залогъ вѣрнѣйшаго успѣха,
Начавши истиной? Я—танъ Кавдорскій!
Когда онъ добръ, зачѣмъ я такъ невольно
Примкнулъ къ мечтѣ, ужасной искушеньемъ?
Гляжу—и чувствую, какъ бьется сердце,—
И волосъ всталъ, что прежде не бывало.
Но ужасъ истинный не такъ великъ,
Какъ ложный страхъ, дитя воображенья.
Мысль объ убійствѣ лишь въ умѣ моемъ;
Но эта мысль встревожила всю душу.
Вся сила чувствъ подавлена въ груди,
Исчезла истина—и міръ видѣній
Меня объялъ.

Банко.

Смотри, какимъ восторгомъ
Онъ упоенъ!

Макбетъ *(тихо)*.

Когда судьбѣ угодно
Меня вѣнчать, такъ пусть меня вѣнчаетъ!
Я ей не помогу.

Банко.

Что намъ одежда,
То почесть Макбету: пока нова,
Все какъ-то въ ней неловко.

Макбетъ *(тихо)*.

Будь, что будетъ!
Ненастный день промчится, какъ и ясный.

Банко.

Мы ждемъ тебя, мой благородный танъ.

Макбетъ.

Ахъ, виноватъ: забылся—вспоминалъ
Кой-что забытое.
(Россе и Ангусу, указывая на сердце).
Вашъ трудъ записанъ
Сюда, друзья, а въ этой книгѣ Макбетъ
Привыкъ читать. Пойдемте къ королю.
(Банко).
Что было—не забудь. Въ другое время,
Когда пройдетъ вліяніе минуты,
Откроемъ мысль другъ другу откровенно.

Банко.

Я очень радъ.

Макбетъ.

Теперь довольно, въ путь! *(Уходятъ)*.

СЦЕНА IV.

Форесъ. Комната во дворцѣ.

Звуки трубъ. Входятъ Дунканъ, Малькольмъ, Дональбайнъ, Леноксъ *и придворные*.

Дунканъ.

Казненъ ли Кавдоръ? Посланные здѣсь?

Малькольмъ.

Ихъ нѣтъ еще. Но былъ здѣсь очевидецъ
Кончины Кавдора. Онъ говорилъ,
Что бывшій танъ признался откровенно
Въ своей винѣ, молилъ васъ о прощеньи
И глубоко покаялся въ грѣхѣ.
На поприщѣ его минувшей жизни
Всего прекраснѣй былъ конецъ. Онъ умеръ,
Какъ-будто смерть онъ изучилъ. Свой лучшій,
Дражайшій даръ онъ бросилъ, какъ игрушку.

Дунканъ.

Въ чертахъ лица души не прочитаешь!
Я довѣрялъ ему вполнѣ.

Входятъ Макбетъ, Банко, Россе *и* Ангусъ.

Дунканъ.

Герой нашъ,
На мнѣ лежитъ тяжелый грѣхъ, о Макбетъ!
Неблагодаренъ я; но ты далеко
Ушелъ впередъ—и соколинымъ крыльямъ
Моихъ наградъ тебя ужъ не настичь.
Будь подвигъ твой не такъ великъ, я могъ бы
Тебя за трудъ твой наградить. Теперь
Одно осталось мнѣ: сказать, что долгъ мой
Мнѣ никогда ничѣмъ не уплатить.

Макбетъ.

Я выполнилъ мой долгъ—не больше.
Награда за него—онъ самъ. Мы—дѣти,
Вы—нашъ отецъ. Съ сыновнею любовью
Намъ легокъ трудъ, и вамъ на честь и славу
Мы всѣ трудиться рождены.

Дунканъ.

Я насадилъ тебя и позабочусь,
Чтобъ ты расцвѣлъ въ роскошной полнотѣ.
И ты великъ, мой благородный Банко,
Въ твоихъ дѣлахъ. Я ихъ не позабуду.
Сюда, на грудь мою, въ мои объятья!

Банко.

Взойду я въ ней, а жатва будетъ ваша!

Дунканъ.

Восторгомъ переполнена душа—
И рвется онъ сбѣжать слезою скорби.
Вы, сыновья, вожди и таны, знайте,
Что старшему изъ сыновей, Малькольму,
Мы завѣщаемъ нашъ престолъ: отнынѣ
Онъ принцемъ Комберлэндскимъ нареченъ!
Но почести не одному—и мы
Всѣхъ вѣрныхъ слугъ наградами осыплемъ,
Какъ звѣздами осыпанъ сводъ небесъ;
А тамъ мы, Макбетъ, въ Инвернесъ съ тобою.

Макбетъ.

Нѣтъ, это трудъ; а трудъ сужденъ не вамъ!
Я самъ лечу, чтобъ радостною вѣстью:
„Король нашъ гость!“ обрадовать жену.
Итакъ, простите.

Дунканъ.

Благородный Кавдоръ!

Макбетъ *(тихо)*.

Принцъ Комберлэндъ; встъ камень на пути!
На немъ мнѣ пасть, иль все за нимъ найти.
Померкните, свѣтила въ небесахъ!
Не озаряйте замысловъ моихъ!
Пускай ударъ мой ниспадетъ впотьмахъ!
Рука вѣрна: она не промахнется. *(Уходитъ)*.

Дунканъ.

Ты, Банко, правъ: онъ истинно великъ.
Хвалить его—прямое наслажденье.
Скорѣй же въ путь, за нимъ! Съ какой любовью
Домой спѣшитъ онъ, чтобы насъ принять!
Ему подобнаго нѣтъ въ цѣломъ мірѣ.
(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Инвернесъ. Комната въ замкѣ Макбета.

Входитъ лэди Макбетъ, *читая письмо*.

Лэди Макбетъ *(читаетъ)*.

„Онѣ встрѣтились со мною въ день побѣды, и я убѣжденъ фактомъ, что знаніе ихъ сверхъестественно. Когда я сгоралъ желаніемъ разспросить ихъ подробнѣе—онѣ превратились въ воздухъ и исчезли. Я не успѣлъ еще опомниться отъ удивленія, какъ передо мною стояли уже посланные отъ короля и поздравили меня таномъ Кавдорскимъ—санъ, которымъ только-что привѣтствовали меня вѣщія сестры, намекнувъ на будущее восклицаніемъ: „да здравствуетъ Макбетъ, король въ грядущемъ!“ Я счелъ за нужное увѣдомить тебя объ этомъ, милая соучастница моего величія. Я не хотѣлъ лишить тебя твоей доли радости, умолчавъ о происшедшемъ. Запечатлѣй его въ сердцѣ и прощай“.

Гламисъ и Кавдоръ! Королемъ ты будешь!
Но я боюсь: въ твоей душѣ такъ много
Любови млека, что не изберешь ты
Пути кратчайшаго. Въ тебѣ, я знаю,
И гордость есть, и жажда громкой славы,
Да нѣту зла, ихъ спутника. Престола
Путемъ прямымъ желалъ бы ты достигнуть
И честно банкъ надѣешься сорвать.
Нельзя, Гламисъ: звучатъ неотразимо
Слова: „убей иль откажись отъ власти!“

А ты смущенъ и страхомъ, и желаньемъ.
Спѣши сюда: въ твой слухъ пролью я смѣлость
Моей души и бодрыми словами
Заставлю взять златой вѣнецъ. Судьба
И сонмъ духовъ тебя уже вѣнчали.

Входитъ СЛУГА.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Что новаго?

СЛУГА.

Король сегодня на ночь
Пріѣдетъ къ вамъ.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Король! Въ умѣ ли ты?
Макбетъ при немъ и, вѣрно, поспѣшилъ бы
Прислать гонца: вѣдь, надо жъ приготовить
Ему пріемъ.

СЛУГА.

Самъ танъ уже въ дорогѣ.
Гонецъ его опередилъ: усталый,
Едва дыша, онъ сообщилъ вамъ новость.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Пусть отдохнетъ. Принять его получше.
Онъ вѣсть великую привезъ.
(Слуга уходитъ. Слышно карканье ворона).
И воронъ
Охрипъ, закаркавъ на пріѣздъ Дункана.
Сюда, сюда, о демоны убійства,
И въженскій духъ мой влейте лютость звѣря,
Сгустите кровь мою и преградите
Путь сожалѣнію къ моей груди!
И будетъ твердъ мой замыселъ: природа
Не пошатнетъ его, и духи міра
Моей руки не отклонятъ. Сюда,
Убійства ангелы, гдѣ бъ ни витали
Вы въ этотъ часъ на гибель естеству,
Къ грудямъ моимъ и желчью замѣните
Ихъ молоко! Скорѣй, глухая ночь,
Спустись на міръ и въ мрачномъ дымѣ ада
Укрой мой ножъ! Пусть онъ не видитъ раны,
И Небо не пронзитъ покрова тьмы
Словами: „стой! остановись!“

Входитъ МАКБЕТЪ.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Великій танъ Гламисскій и Кавдорскій,
Король, судьбой отмѣченный на царство,
Твое письмо меня уже умчало
Изъ этихъ жалкихъ настоящихъ дней!
Всю будущность я сознаю теперь.

МАКБЕТЪ.

Душа моя, Дунканъ пріѣдетъ къ ночи.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

А ѣдетъ онъ когда отсюда?

МАКБЕТЪ.

Завтра—
Такъ онъ предполагалъ.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

О, никогда
Такого завтра не увидѣть солнцу!
Въ твоемъ лицѣ, мой милый танъ, какъ въ книгѣ,
Прочтутъ недоброе. Смотри свѣтлѣй!
Обманемъ свѣтъ, надѣвъ его личину:
Радушный взглядъ да ласковыя рѣчи,
Да видъ цвѣтка съ змѣей, подъ нимъ сокрытой.
Мы гостя угостимъ. Я позабочусь,
Чтобъ даромъ ночь не потерять. Она
Всѣмъ нашимъ будущимъ ночамъ и днямъ
Доставитъ власть, доставитъ славу намъ.

МАКБЕТЪ.

Поговоримъ объ этомъ послѣ.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Да,—
Но ободрись, смотри повеселѣе:
Кто измѣняется въ лицѣ, тотъ трусъ.
За остальное я сама берусь.
(Уходятъ).

СЦЕНА VI.

Передъ замкомъ Макбета.

Музыка. Вдали слуги Макбета.

Входятъ ДУНКАНЪ, МАЛЬКОЛЬМЪ, ДОНАЛЬБАЙНЪ, БАНКО, ЛЕНОКСЪ, МАКДУФФЪ, РОССЕ, АНГУСЪ *и свита.*

ДУНКАНЪ.

Прекрасный видъ! Какъ чистъ и легокъ воздухъ,
Какъ нѣжно онъ ласкаетъ наши чувства!

БАНКО.

А вотъ и ласточка, весенній гость;
Присутствіе ея намъ говоритъ,
Что мирно здѣсь дыханье неба вѣетъ.
Взгляните: нѣтъ ни уголка, ни фриза,
Гдѣ бъ не висѣлъ птенцовъ воздушный домикъ
А гдѣ они, замѣтилъ я, гнѣздятся
Охотно такъ, тамъ воздухъ свѣжъ и чистъ.

Входитъ ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

ДУНКАНЪ.

Моя хозяюшка, я вамъ такъ много
Принесъ заботъ, но много и любви!
Примите жъ трудъ, любовью освященный.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Что значитъ трудъ нашъ, государь? Ничто!
И будь онъ во сто разъ важнѣй—ничто
Въ сравненіи съ щедротами монарха.
Вы царской милостью взыскали насъ,
И за нея мы ваши богомольцы.

ДУНКАНЪ.

Гдѣ танъ Кавдорскій? Мы за нимъ гнались;
Но онъ не ѣдетъ, а летитъ. Умчался,
Гонимый любящей душой, какъ конь,
Гонимый шпорою. Мы ваши гости
На эту ночь, прекрасная хозяйка.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Мы ваши, государь; своимъ добромъ
Владѣемъ мы не больше, какъ займомъ.
Угодно вамъ потребовать разсчета—
И мы обязаны отдать вамъ все.

ДУНКАНЪ.

Нѣтъ, только руку—и пойдемте къ тану.
Въ моей любви онъ можетъ быть увѣренъ.
Позвольте. (*Уходятъ*).

ЛЭДИ МАКБЕТЪ ПОЛУЧАЕТЪ ПИСЬМО ОТЪ МУЖА. (Дѣйствіе I, сц. 5).

Картина извѣстнаго англійскаго живописца Ричарда Вестолля (*Richard Westall*, 1765–1836).

СЦЕНА VII.

Комната въ замкѣ Макбета.

Гобои и факелы. Кравчій и нѣсколько слугъ проходятъ черезъ сцену съ кушаньями. Потомъ входитъ МАКБЕТЪ.

МАКБЕТЪ.

Ударъ! одинъ ударъ! Будь въ немъ все дѣло,
Я не замедлилъ бы. Умчи съ собою
Онъ всѣ слѣды, подай залогъ успѣха,
Будь онъ одинъ начало и конецъ—
Хоть только здѣсь, на отмели временъ—
За вѣчность мнѣ перелетѣть не трудно.
Но судъ свершается надъ нами здѣсь:
Едва урокъ кровавый данъ, обратно
Онъ на главу учителя падетъ.
Есть судъ и здѣсь: рукою безпристрастной
Подноситъ намъ онъ чашу съ нашимъ ядомъ.
Король Дунканъ вдвойнѣ здѣсь безопасенъ:
Родной и подданный—я не могу
Поднять руки на короля; хозяинъ—
Убійцѣ долженъ затворить я дверь,
Не самъ своимъ ножомъ зарѣзать гостя.
Дунканъ царилъ такъ доблестно и кротко,
Высокій санъ такъ чисто сохранялъ!
Его убить? О, страшенъ будетъ вопль
Прекрасныхъ доблестей его души!
За черный грѣхъ онъ прогремитъ проклятье,
Какъ трубы ангеловъ; въ сердцахъ пробудитъ
Онъ состраданье, какъ грудной младенецъ,
Несомый бурею; какъ херувимъ
Промчится вихремъ надъ землей. Убійство
Возстанетъ призракомъ передъ людьми
И выжжетъ слезы изъ очей народа.
И что влечетъ меня? Желанье славы?
Какъ ярый конь, поднявшись на дыбы,
Оно обрушится—и я задавленъ.

Входитъ ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

МАКБЕТЪ.

Что новаго?

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Онъ всталъ изъ-за стола.
Зачѣмъ ты всталъ и вышелъ изъ столовой?

МАКБЕТЪ.

Онъ спрашивалъ меня?

Лэди Макбетъ.

А ты не знаешь?

Макбетъ.

Оставимъ этотъ планъ. Онъ такъ недавно
Меня наградами почтилъ; въ народѣ
Я мнѣнье золотое заслужилъ.
Дай сохранить его прекрасный блескъ!
Его не должно помрачать такъ скоро!

Лэди Макбетъ.

Такъ, вѣрно, пылъ, въ который ты рядился,
Былъ жаръ вина? Съ тѣхъ поръ тебѣ вздремнулось—
И вотъ, со сна, мутитъ тебѣ въ глазахъ
Отъ смѣлыхъ думъ. Теперь я оцѣнила
Твою любовь. Ты на желанья смѣлъ,
На дѣло—нѣтъ. Иль ты бы согласился
Носить вѣнецъ—красу и славу жизни—
И труса сознавать въ себѣ? Сказать
„Хочу“ и вслѣдъ затѣмъ—„не смѣю“?

Макбетъ.

Замолчи!
На все, что можетъ человѣкъ, готовъ я.
Кто смѣетъ больше, тотъ не человѣкъ, а звѣрь.

Лэди Макбетъ.

Какой же звѣрь мнѣ умыселъ довѣрилъ?
Задумалъ ты, какъ человѣкъ; исполни—
И будешь выше ты: не звѣрь, а мужъ.
Удобный часъ и ловкое мѣстечко—
Ихъ не было, ты ихъ создать хотѣлъ.
Теперь они столкнулись здѣсь случайно—
И ты ничто. Кормила я, и знаю,
Какъ дорого для матери дитя;
Но я безъ жалости отторгла бъ грудь
Отъ нѣжныхъ, улыбающихся губокъ
И черепъ бы малютки раздробила,
Когда бъ клялась, какъ клялся ты.

Макбетъ.

Но если не удастся?

Лэди Макбетъ.

Не удастся?
Рѣшись—и намъ удастся все. Дунканъ
Уснетъ, усталый отъ пути дневного;
Тогда пажей его я угощу
Такимъ винцомъ, что память, стражъ разсудка,
Какъ дымъ въ трубу, сквозь черепъ улетитъ.
Когда жъ виномъ пропитанное тѣло
Погрязнетъ въ снѣ, чего надъ беззащитнымъ
Не сдѣлать намъ? Чего не своротить
На пьяныхъ слугъ? И плата за труды
Придется имъ.

Макбетъ.

Рожай мнѣ мальчиковъ однихъ!
Огонь, пылающій въ твоей крови,
Однихъ мужей производить способенъ.
Что, если спящихъ мы обрыжжемъ кровью
И ихъ кинжалами его пронзимъ—
Не ясно ль будетъ, что работа ихъ?

Лэди Макбетъ.

И кто жъ дерзнетъ подозрѣвать другое?
Намъ возгласовъ лишь стоитъ не жалѣть
И воплей горести.

Макбетъ.

Такъ рѣшено!
Вся сила органовъ слилась въ одно.
Пойдемъ. Ужасный часъ недалеко;
Но все равно, мы будемъ улыбаться.

(*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Иверниесъ. Дворъ внутри замка.

Ночь. Входятъ Банко *и* Флинсъ; *передъ ними слуга съ факеломъ.*

Банко.

Который часъ?

Флинсъ.

Луна уже зашла;
Я не слыхалъ, который часъ пробило.

Банко.

Она заходитъ въ полночь.

Флинсъ.

Нѣтъ, позднѣе.

Банко.

Возьми-ка мечъ мой, Флинсъ. На небесахъ
Живутъ разсчетливо—всѣ свѣчи погасили.
Меня гнететъ тяжелая дремота,
Но я бы не желалъ уснуть. О, Боже,
Избавь меня отъ грѣшныхъ помышленій,

Генри Ирвингъ въ Генри Ирвингъ въ роли Макбета.

Невольныхъ замысловъ во время сна!
Подай мнѣ мечъ.

Входятъ Макбетъ *и слуга съ факеломъ.*

Банко.

Кто это?

Макбетъ.

Другъ.

Банко.

Какъ? ты еще не спишь? Король ужъ легъ.
Онъ былъ сегодня чрезвычайно веселъ:
Всѣхъ слугъ твоихъ онъ одарилъ по-царски,
А вотъ алмазъ, добрѣйшей изъ хозяекъ,
Твоей женѣ. Какъ былъ онъ всѣмъ доволенъ,
И что за день прекрасный онъ провелъ!

Макбетъ.

Мы угощали, чѣмъ пришлось: во многомъ
Былъ недостатокъ—насъ не предварили.

Банко.

Все было хорошо. Прошедшей ночью
Во снѣ я видѣлъ трехъ сестеръ. Тебѣ
Онѣ отчасти предсказали правду.

Макбетъ.

А я о нихъ и позабылъ; однако жъ,
Въ свободный часъ, когда тебѣ угодно,
Поговоримъ объ этомъ.

Банко.

Я готовъ.

Макбетъ.

Настанетъ день—ты согласись со мной—
И онъ тебѣ доставитъ много чести.

Банко.

Лишь изъ-за чести бъ не нажить безчестья;
А то, изволь, на все, что не противно
Ни совѣсти, ни долгу—я согласенъ.

Макбетъ.

Итакъ, спокойной ночи!

Банко.

До свиданья.

(*Уходитъ съ Флинсомъ и слугой*).

Макбетъ (*своему слугѣ*).

Скажи женѣ, чтобъ тотчасъ позвонила,
Когда питье мое готово будетъ.
Ты жъ спать иди. (*Слуга уходитъ*).
Га! это что? Кинжалъ—
И рукояткою ко мнѣ.. Возьму.
Ты не даешься и не исчезаешь
Такъ ты неуловимъ? Такъ ты доступенъ
Однимъ глазамъ, видѣнье роковое?
Кинжалъ—мечта, дитя воображенья,
Горячкой жгущій угнетенный мозгъ.
Но нѣтъ: ты здѣсь; твой образъ осязаемъ
Не меньше этого въ моей рукѣ.
Ты въ путь задуманный меня ведешь:
Такой клинокъ хотѣлъ употребить я.
Мой глазъ безумствуетъ, иль онъ скорѣе
Всѣхъ прочихъ чувствъ. Ты здѣсь еще!
Вотъ капли крови на твоемъ клинкѣ!
Ихъ прежде не было. Нѣтъ, это призракъ:
Кровавый замыселъ морочитъ зрѣнье.
Полміра спитъ теперь; но сонъ тревоженъ,—
Его видѣнья посѣтили злыя.
Теперь слетаются на праздникъ вѣдьмы;
Убійца всталъ, услыша волчій вой,
И къ жертвѣ крадется, какъ привидѣнье,
Шагами осквернителя Тарквинья.
Не вслушивайся, прочная земля,
Куда сведутъ шаги мои меня,
Не то—и камень, завопивъ, прогонитъ
Безмолвный ужасъ темноты; а онъ
Мнѣ добрый другъ теперь. Я угрожаю,
А онъ живетъ. Съ словами исчезаетъ
Весь страсти пылъ—и дѣло умираетъ.
(*Слышенъ звонокъ*).
Иду—и кончено. Чу! колоколъ зоветъ.
Не вслушивайся въ звонъ его, Дунканъ:
Онъ въ небо или въ адъ тебя зоветъ.
(*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Тамъ же. Комната въ замкѣ.

Входитъ лэди Макбетъ.

Лэди Макбетъ.

Вино лишило ихъ ума и силы,
А мнѣ дало и смѣлость, и огонь.
Чу, шумъ! Нѣтъ, то сова,—зловѣщій сторожъ,
Желающій такъ зло покойной ночи.
Онъ тамъ за дѣломъ. Дверь раскрыта: слышно,
Какъ стражи пьяные храпятъ. Теперь
И долгъ, и честь имъ ни по чемъ. Удачно
Я угостила ихъ виномъ. Надъ ними
И смерть, и жизнь: пусть спорятъ за добычу!

Макбетъ (*за сценой*).

Кто здѣсь? А? кто?

Лэди Макбетъ.

О, ежели они проснулись,
А онъ живетъ еще! Для насъ опасна
Не смерть, а умыселъ на жизнь. Послушай,
Я подготовила кинжалы спящихъ:

Знаменитый англійскій актеръ Гаррикъ (David Garrick, 1716—1779) въ роли Макбета.

Онъ ихъ не можетъ не найти. Не будь онъ
Во снѣ такъ рѣзко на отца похожъ,
Я поразила бы его сама.

Входитъ МАКБЕТЪ.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Ну что?

МАКБЕТЪ.

Окончено. Не слышала ты шума?

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Сова провыла да трещалъ сверчокъ.
Ты что-то говорилъ?

МАКБЕТЪ.

Когда?

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Теперь.

МАКБЕТЪ.

Когда я шелъ назадъ?

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Да.

МАКБЕТЪ.

Тише. Слышишь?
Кто спитъ въ той комнатѣ?

Лэди Макбетъ.
Тамъ Дональбайнъ.

Макбетъ *(оглядывая свои руки).*
Взгляни, мой другъ, какой печальный видъ!

Лэди Макбетъ.
Я ничего печальнаго не вижу.

Макбетъ.
Одинъ захохоталъ во снѣ, другой
Вскричалъ: „убійца!“—и они проснулись.
Я притаился и внималъ: они,
Молитву сотворивъ, опять уснули.

Лэди Макбетъ.
Тамъ двое вмѣстѣ спятъ.

Макбетъ.
Одинъ сказалъ:
„Помилуй, Господи!“ другой—„аминь“!
Какъ-будто видѣли, какъ притаился
Во тьмѣ, палачъ. А я—я былъ не въ силахъ
Сказать „аминь“, когда они молились:
„Помилуй, Господи!“

Лэди Макбетъ.
Къ чему такъ мрачно?

Макбетъ.
Зачѣмъ не могъ я произнесть: „аминь“?
Я такъ нуждался въ милосердьи Бога,
„Аминь“ же замеръ на моихъ губахъ.

Лэди Макбетъ.
На это нечего смотрѣть; пожалуй,
Не долго и съ ума сойти.

Макбетъ.
Я слышалъ—
Раздался страшный вопль: „не спите больше!
Макбетъ зарѣзалъ сонъ, невинный сонъ,
Зарѣзалъ искупителя заботъ,
Бальзамъ цѣлебный для больной души,
Великаго союзника природы,
Хозяина на жизненномъ пиру!“

Лэди Макбетъ.
Что хочешь ты сказать?

Макбетъ.
По сводамъ замка
Неумолкаемый носился вопль:
„Гламисъ зарѣзалъ сонъ: за то отнынѣ
Не будетъ спать его убійца, Кавдоръ,
Не будетъ спать его убійца, Макбетъ.“

Лэди Макбетъ.
Гм! Кто же тамъ кричалъ? Ты уничтожишь
Всю крѣпость духа, благородный танъ,
Такъ лихорадочно глядя на вещи.
Ступай, возьми воды и смой скорѣе
Кровавую улику съ рукъ своихъ.
Зачѣмъ кинжалы ты принесъ сюда?
Ихъ мѣсто тамъ: снеси же ихъ назадъ
И спящихъ сторожей запачкай кровью.

Макбетъ.
Я не пойду туда опять: мнѣ страшно,
Когда подумаю, что сдѣлалъ я.
Иди сама: я не могу.

Лэди Макбетъ.
Бездушный!
Подай кинжалы. Спящій и мертвецъ—
Не больше, какъ картины; только дѣти
Боятся нарисованнаго чорта.
Я имъ обрызжу и лицо, и руки,
Чтобъ всѣмъ казалось, что работа ихъ.
(Уходитъ. Снаружи стучатъ).

Макбетъ.
Откуда этотъ стукъ? О, что со мною,
Что каждый шумъ меня пугаетъ? Га!
Какія руки! О, онѣ готовы
Мнѣ вырвать зрѣніе! А эту кровь
Не смоетъ съ рукъ весь океанъ Нептуна.
Нѣтъ! нѣтъ! скорѣй отъ этихъ рукъ
Въ моряхъ безчисленныхъ заплещутъ волны,
Какъ кровь багровыя!

Лэди Макбетъ *возвращается.*

Леди Макбетъ.
Моя рука
Красна, какъ и твоя, но я стыжусь,
Что сердце у меня такъ бѣло. *(Стучатъ).*
Слышишь?
Стучатъ! Пойдемъ скорѣе въ нашу спальню:
Стаканъ воды—и дѣло наше смыто.
И что жъ тутъ важнаго? Ты потерялъ
Всю твердость духа.

(Стучатъ).
Чу! опять стучатъ!
Ступай, раздѣнься, а не то замѣтятъ,
Что мы не спали. Перестань такъ жалко
Теряться въ мысляхъ.

Макбетъ.
Сознавать убійство—
Мнѣ легче бы не сознавать себя!

(Опять стучатъ).
Когда бъ ты могъ Дункана пробудить.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Дворъ внутри замка.

Стукъ въ ворота. Входитъ ПРИВРАТНИКЪ.

ПРИВРАТНИКЪ. Вотъ что воистину можно назвать стукомъ. Будь привратникъ въ аду, только и было-бы дѣла что двери отворять. (*Стучатъ*). Тукъ! тукъ! тукъ! Кто тамъ, во имя Вельзевула? А, почтенный фермеръ! Ждалъ, ждалъ урожая, да и повѣсился. Милости просимъ! Платковъ съ вами довольно? Тутъ придется попотѣть. (*Стучатъ*). Тукъ! тукъ! Кто тамъ, во имя другого чорта? Лжесвидѣтель противъ кого и за кого угодно. Вѣдь, вотъ лжесвидѣтельствовалъ во имя Господне, а въ небеса не пустили. (*Стучатъ*). Тукъ! тукъ! Кто тамъ? Портной-англичанинъ имѣетъ честь быть впущенъ сюда за умѣнье украсть лоскутъ матеріи отъ французскихъ штановъ. Пожалуйте: тутъ и утюгъ вашъ можно изжарить. (*Стучатъ*). Опять! Вотъ не дадутъ покоя! Кто тамъ? Однако, для преисподней тутъ, чортъ возьми, холодно. Не хочу быть адскимъ привратникомъ. А думалъ-было впустить всякаго званія по штучкѣ: сами же бѣгутъ по гладкой дорожкѣ на потѣшный огонь. (*Стучатъ*). Сейчасъ! сейчасъ! (*Отворяетъ ворота*).

Знаменитый англійскій трагикъ Кинъ (Edmund Kean. 1787—1833) въ роли Макбета.

Входятъ МАКДУФФЪ *и* ЛЕНОКСЪ.

ПРИВРАТНИКЪ. Пожалуйте на водку.

МАКДУФФЪ.

Должно быть, ты поздненько легъ, пріятель,
Что не добудишься тебя.

ПРИВРАТНИКЪ. Гуляли до вторыхъ пѣтуховъ; ну, а напьешься, такъ ужъ извѣстно, что бываетъ.

МАКДУФФЪ. Что?

ПРИВРАТНИКЪ. Покраснѣетъ носъ, уснешь и — захочется на дворъ. Оно и еще кое-чего захочется, да ужъ зубъ нейметъ. Можно сказать, что хмѣль двуличенъ относительно плоти: онъ ее вызываетъ и убираетъ, возбуждаетъ и обезкураживаетъ, подзадариваетъ и угомониваетъ; въ концѣ концовъ онъ опрокидываетъ ее и надувъ такимъ образомъ оставляетъ спящимъ

МАКДУФФЪ. Кажется, вчера вечеромъ хмѣль одолѣлъ тебя своимъ обманомъ и повалилъ тебя спящимъ.

ПРИВРАТНИКЪ. Да, сэръ, но я расквитался съ нимъ и оказался сильнѣе его: хоть онъ временами и старался потянуть меня за ноги, но мнѣ удалось стряхнуть его.

МАКДУФФЪ. Всталъ твой господинъ?

Входитъ МАКБЕТЪ.

МАКДУФФЪ.

Стукъ разбудилъ его; вотъ самъ онъ здѣсь.

ЛЕНОКСЪ.

Здорово, танъ!

МАКБЕТЪ.

Друзья, здорово.

МАКДУФФЪ.

Что,
Его величество проснулся?

МАКБЕТЪ.

Нѣтъ.

МАКДУФФЪ.

Онъ приказалъ притти къ нему пораньше;
Я чуть не опоздалъ.

МАКБЕТЪ.

Я провожу.

МАКДУФФЪ.

Я знаю, этотъ трудъ тебѣ пріятенъ,
Но все жъ онъ трудъ.

МАКБЕТЪ.

Пріятная забота
Для насъ сладка. Вотъ дверь.

МАКДУФФЪ.

Я позову.
Мнѣ такъ приказано. *(Макдуффъ уходитъ).*

ЛЕНОКСЪ.

Король сегодня
Оставитъ насъ?

МАКБЕТЪ.

Да... то-есть, онъ хотѣлъ.

ЛЕНОКСЪ.

Ночь бурная была: надъ нашей спальней
Снесло трубу. По воздуху носились
Унылый вопль и смертное хрипѣнье;
Ужасный голосъ предрекалъ войну,
Пожаръ и смуты. Филинъ, вѣрный спутникъ
Временъ злосчастныхъ, прокричалъ всю ночь.
Земля, какъ говорятъ, дрожала.

МАКБЕТЪ.

Да,
Ночь бурная была.

ЛЕНОКСЪ.

Я не припомню
Подобной ей.

МАКДУФФЪ *возвращается.*

МАКДУФФЪ.

О, сердцу не постичь,
Словамъ не выразить!

МАКБЕТЪ *и* ЛЕНОКСЪ.

Что? что такое?

МАКДУФФЪ.

Злодѣйства образецъ! Убійца-тать
Вломился въ храмъ и изъ священныхъ сводовъ
Похитилъ жизнь.

МАКБЕТЪ.

Что говоришь ты—жизнь?

ЛЕНОКСЪ.

Ты разумѣешь короля?

МАКДУФФЪ.

Идите:
Тамъ Горго новая васъ ослѣпитъ.
Нѣтъ, я не выскажу; взгляните сами—
У васъ отнимется языкъ. Вставайте!
(Макбетъ и Леноксъ уходятъ).
Ударьте въ колоколъ! Измѣна! Банко,
Малькольмъ и Дональбайнъ, проснитесь,
Покиньте сонъ: къ чему эмблема смерти?
Здѣсь на-лицо она сама. Вставайте!
Вотъ образъ страшнаго суда! Малькольмъ,
Сюда! Какъ тѣнь, возникшая изъ гроба,
Приди, взгляни на ужасъ гробовой!
(Бьютъ въ набатъ).

Входитъ ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

ЛЕДИ МАКБЕТЪ.

Что за тревога? Что за звонъ зловѣщій
Всѣхъ спящихъ въ замкѣ разбудилъ, скажите?

МАКДУФФЪ.

Не вамъ внимать моимъ словамъ, о лэди!
Для слуха женскаго ихъ звуки—смерть.

Входитъ БАНКО.

МАКДУФФЪ.

О, Банко, Банко, нашъ король убитъ!

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

О, Боже, въ нашемъ домѣ!

БАНКО.

Все равно,
Гдѣ бъ ни было, жестоко слишкомъ; Макдуффъ,
Любезный Дуффъ, скажи, что ты ошибся!

Входятъ МАКБЕТЪ *и* ЛЕНОКСЪ.

МАКБЕТЪ.

Умри я часъ тому назадъ—не дальше,
Я жилъ бы счастливо. Теперь вся смертность
Игрушка, вздоръ: скончались честь и милость,
Елей пролитъ, разбита чаша жизни,
Намъ черепки презрѣнные остались—
Для хвастовства!

Входятъ МАЛЬКОЛЬМЪ *и* ДОНАЛЬБАЙНЪ.

Знаменитый английскій актеръ Мидльтонъ (Macklin 1690 — 1797), въ роли Макбета.

Дональбайнъ.

Что здѣсь случилось? съ кѣмъ?

Макбетъ.

Съ тобой—и ты не знаешь! Высохъ ключъ
Твоей крови и высохъ въ самыхъ нѣдрахъ.

Макдуффъ.

Отецъ твой, Дональбайнъ, убитъ.

Малькольмъ.

Но кѣмъ?

Леноксъ.

Придворными, должно быть, что съ нимъ спали.
Лицо и руки ихъ въ крови; при нихъ
Лежали неотертые кинжалы;
Ихъ взоръ былъ дикъ и изступленъ; никто
Имъ не рѣшился бы довѣрить жизни.

Макбетъ.

Теперь досадно мнѣ, что я убилъ ихъ
Въ порывѣ ярости.

Макдуффъ.

Зачѣмъ вы ихъ убили?

Макбетъ.

Кто можетъ быть горячъ и хладнокровенъ,
Уменъ и глупъ въ одно и то же время?
Никто. Любовь во мнѣ заговорила,
И разсуждать я опоздалъ. Предъ нами
Лежалъ Дунканъ; на серебристомъ тѣлѣ
Струилась лентой золотая кровь;
Изъ ранъ какъ-будто порывался демонъ
Разрушить міръ, чтобъ онъ погибъ съ Дунканомъ.
Вдали—убійцы, и на нихъ алѣла
Ихъ обличительница-кровь. О, кто же,
Въ чьемъ сердцѣ есть отвага и любовь,
Своей любви не доказалъ бы дѣломъ?

Лэди Макбетъ *(падая въ обморокъ).*
Ахъ, помогите!

Макдуффъ.
Поддержите лэди.

Малькольмъ (*тихо Дональбайну*).
Что жъ мы молчимъ, кому всѣхъ горе ближе?

Дональбайнъ (*тихо Малькольму*).
Что говорить, когда судьба въ засадѣ,
Готова выскочить и насъ убить?
Пойдемъ скорѣй: слезамъ еще не время.

Малькольмъ (*тихо*).
Да, горько на душѣ, а словъ не сыщешь.

Банко (*слугамъ*).
Возьмите лэди и снесите въ спальню.
(*Лэди Макбетъ уносятъ*).
Здѣсь холодно: пойдемъ набросимъ платье
На нашу бренность и сойдемся вновь.
Такой кровавый, безпримѣрный случай
Мы постараемся разоблачить.
На сердцѣ страхъ, догадки насъ тревожатъ;
Но длань Всевидящаго надо мной—
И я клянусь: цареубійца подлый
И черный замыселъ его найдутъ
Во мнѣ жестокаго врага!

Макдуффъ.
Я тоже!

Всѣ.
Мы всѣ!

Макбетъ.
Рѣшимся же на что-нибудь
И соберемся въ залу.

Всѣ.
Мы согласны.
(*Всѣ, кромѣ Малькольма и Дональбайна, уходятъ*).

Малькольмъ.
Что будемъ дѣлать, братъ? Оставимъ ихъ:
Выказывать притворную печаль
Измѣнникамъ легко. Я ѣду въ Лондонъ.

Дональбайнъ.
А я въ Ирландію. Раздѣлимъ участь—
Оно вѣрнѣй. А здѣсь изъ-за улыбки
Сверкаетъ ножъ, и чѣмъ кто однокровнѣй,
Тѣмъ кровожаднѣе.

Малькольмъ.
Стрѣла убійцы
Еще летитъ—такъ отойдемъ отъ цѣли,
Не станемъ тратить на прощанье время.
Скорѣе въ путь! скорѣе на коня!
Уйдемъ тайкомъ: себя украсть не стыдно,
Когда не вѣрится въ чужую честь. (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Внѣ замка.

Входятъ Россе *и* старикъ.

Старикъ.
Мнѣ восемьдесятъ лѣтъ; за это время
Я много страшныхъ пережилъ минутъ.
И видѣлъ много чудъ; но это все
Пустякъ предъ тѣмъ, что было въ эту ночь!

Россе.
Взгляни-ка, дѣдушка: и небеса
Какъ-будто хмурятся на долъ кровавый,
Гдѣ оскорбилъ ихъ человѣкъ. Теперь
Давно ужъ день, а надъ лампадой неба
Витаетъ ночь. Не царство ль тьмы настало?
Иль стыдно дню лобзаніемъ обычнымъ
Лицо земное озарить?

Старикъ.
Да, эта тьма,
Какъ этотъ грѣхъ, съ природой несогласна.
Прошедшій вторникъ видѣлъ я, какъ соколъ,
Парившій гордо въ высотѣ, внезапно
Былъ схваченъ и убитъ совой.

Россе.
Какъ странно!
А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнью,
Что лошади Дункана одичали,
Сломали стойла и умчались въ поле,
Какъ-будто въ бой съ людьми вступить
хотѣли.

Старикъ.
Онѣ пожрали, говорятъ, другъ друга.

Россе.
Въ моихъ глазахъ. Дивился я немало.

Входитъ Макдуффъ.

Россе.
Что въ свѣтѣ новаго, мой добрый Макдуффъ?

Макдуффъ.
Какъ? развѣ ты не видишь?

Россе.
Что узнали?
Кто грѣхъ неслыханный свершилъ?

Макдуффъ.
Тѣ двое,
Которыхъ Макбетъ закололъ.

Россе.
О, Боже!
Что пользы было имъ?

Макдуффъ.

Ихъ подкупили:
Малькольмъ и Дональбайнъ бѣжали тайно,
И подозрѣнье падаетъ на нихъ.

Россе.

И все на зло естественнымъ законамъ!
О, честолюбіе! какъ безразсудно,
Какъ слѣпо льешь ты собственную кровь!
Такъ вѣрно тронъ достанется Макбету.

Макдуффъ.

Онъ избранъ и уже поѣхалъ въ Сконъ
Короноваться.

Россе.

Гдѣ жъ Дункана тѣло?

Макдуффъ.

Его отправили на Кольмескилль—
Въ священную отцовъ его гробницу,
Обитель ихъ костей.

Россе.

Ты ѣдешь въ Сконъ?

Макдуффъ.

Нѣтъ, въ Файфъ.

Россе.

Такъ я поѣду въ Сконъ.

Макдуффъ.

Ступай.
Дай Богъ, чтобъ было чѣмъ повеселиться
И въ новомъ платьѣ не тужить по старомъ.

Россе.

Прощай, старикъ.

Старикъ.

Благослови васъ Богъ
И всѣхъ, готовыхъ на добро и миръ!

(*Уходятъ*).

Концовка Джильберта (Gilbert) ко II дѣйствію Макбета

Шотландскій танъ (постановка Макбета Ирвингомъ въ 1888 г.).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Форесъ. Комната во дворцѣ.

Входитъ Банко.

Банко.

Итакъ, ты Гламисъ, Кавдоръ и король;
Ты—все, что вѣщія тебѣ сулили.
Боюсь, ты не безчестно ль велъ игру?
Однако, сказано: твоя корона
Не родственной достанется главѣ.
Не ты, а я—царей родоначальникъ,
И если правду говорятъ онѣ—
А какъ не вѣрить ихъ словамъ? Ихъ слово
Такъ оправдалось надъ тобою, Макбетъ!—
То почему бы имъ не быть и мнѣ
Оракуломъ, питающимъ надежду?
Но полно, то!... и болѣе ни слова!

Трубы. Входятъ Макбетъ *въ королевской одеждѣ*, лэди Макбетъ *также, за ними* Ленноксъ, Россе, *придворные дамы и кавалеры.*

Макбетъ.

Вотъ первый гость нашъ.

Лэди Макбетъ.

Безъ него
Не полонъ былъ бы нашъ великій праздникъ,
И пиръ бы не былъ въ пиръ.

Макбетъ.

Сегодня ночью
Друзьямъ торжественный даемъ мы ужинъ,—
Прошу пожаловать.

Банко.

Повелѣвайте.
Мой долгъ прикованъ къ волѣ государя
Надежнѣйшими узами навѣкъ.

Макбетъ.

Вы ѣдете сегодня пополудни?

Банко.

Да, государь.

Макбетъ.

А мы, было, хотѣли
Спросить у васъ въ сегодняшнемъ собраньи
Совѣта о дѣлахъ; но пусть до завтра.
Вы ѣдете далеко?

Банко.

Вѣроятно,
Я раньше ужина не возвращусь—
И если конь не поспѣшитъ, придется
Проѣхать часъ-другой и темной ночью.

Макбетъ.

Прошу же не забыть насъ.

Банко.

Не забуду.

Макбетъ.

Мы слышимъ, что преступные сыны
Въ Ирландію и Англію бѣжали
И, дерзко передъ всѣми отрицая
Жестокое отцеубійство, сѣютъ
Въ народѣ сказки. Но объ этомъ завтра:
Намъ надобно обдумать вмѣстѣ съ вами
Довольно важныя дѣла. Прощайте,
За ужиномъ увидимся опять.
Флинсъ ѣдетъ съ вами?

Банко.

Да, со мной. Пора:
Мнѣ время дорого.

МАКБЕТЪ.

Счастливый путь!
Прошу вернуться къ намъ скорѣй. Прощайте.
(Банко уходитъ).
Вы всѣ свободны до семи часовъ.
Чтобъ тѣмъ живѣй бесѣдой насладиться,
Я остаюсь теперь одинъ. Прощайте.
(Леди Макбетъ и придворные уходятъ).
Послушай, эй! Тѣ люди здѣсь?

СЛУГА.

Пришли;
Они стоятъ за воротами замка.

МАКБЕТЪ.

Введи-ка ихъ сюда. *(Слуга уходитъ).*
Зайти такъ далеко—немного значитъ;
Но твердо устоять на высотѣ...
Мой страхъ предъ Банко глубоко проникъ
Мнѣ въ сердце; въ царственной его натурѣ
Есть что-то поселяющее страхъ.
Онъ смѣлъ, и съ смѣлостью неукротимой
Въ немъ слитъ холодный умъ: онъ умѣряетъ
И въ вѣрный путь ведетъ порывы сердца.
Изъ всѣхъ живыхъ мнѣ страшенъ онъ одинъ.
Мой духъ подавленъ имъ, какъ былъ Антоній
Подавленъ Цезаремъ. Суровой рѣчью
Онъ требовалъ, чтобъ вѣщія сказали,
Что будетъ съ нимъ, когда онѣ сначала
Меня назвали королемъ—и сестры
Сказали: „ты царей—родоначальникъ!“
Мою же голову онѣ вѣнчали
Вѣнцомъ безрадостнымъ, мнѣ въ руки дали
Безплодный скиптръ: онъ будетъ достояньемъ
Чужихъ дѣтей. Такъ для потомковъ Банко
Я душу осквернилъ? Для нихъ зарѣзалъ
Дункана благодатнаго? Для нихъ
Я чашу мира отравилъ и продалъ
Мой вѣчный духъ врагу людского рода?
Чтобъ ихъ вѣнчать, вѣнчать потомковъ
Банко?
Нѣтъ, этому не быть! Тебя зову я,
Судьба, на смертный поединокъ! Кто тамъ?

Входитъ СЛУГА *съ двумя* УБІЙЦАМИ.

МАКБЕТЪ.

Ступай за дверь и жди—я позову.
(Слуга уходитъ).
Мнѣ помнится, вчера мы говорили?

ПЕРВЫЙ УБІЙЦА.

Такъ точно, государь.

МАКБЕТЪ.

Ну что жъ, друзья?
Мои слова успѣли вы обдумать?
Вы знаете, что онъ васъ угнеталъ,
А я былъ вами обвиненъ напрасно.
Я объяснилъ вамъ все: какъ васъ ловили,
Кто разорилъ васъ, кто вамъ ставилъ сѣти,
Короче—все, что даже полдушѣ
И бѣдному уму сказало бъ ясно:
То—сдѣлалъ Банко.

ПЕРВЫЙ УБІЙЦА.

Да, вы такъ сказали.

МАКБЕТЪ.

И намекнулъ вамъ кой о чемъ. Теперь
Поговоримъ подробнѣе о дѣлѣ.
Ужели вы такъ много терпѣливы,
Что все готовы позабыть? Такъ святы,
Что станете молиться о спасеньи

Знаменитый англійскій актеръ Макреди (Macready, 1793—1873) въ роли Макбета.

Благопріятеля за то, что онъ
Чуть не въ могилу васъ втопталъ и сдѣлалъ
Навѣки нищими?

ПЕРВЫЙ УБІЙЦА.

Мы—люди.

МАКБЕТЪ.

Да,
И вы считаетесь въ числѣ людей,
Какъ пудель, шавка, гончая, ищейка,
Борзая, мопсъ—всѣ за собакъ слывутъ;
Но въ спискѣ доблестей различены
Лѣнивый, быстрый, хитрый и сердитый,
Стражъ дома и охотникъ смѣлый—всѣ,

Смотря по внутреннему свойству духа,
Какое каждому дала природа.
По немъ уже даютъ ему прозванье,
Отличное отъ пса. Такъ и съ людьми.
Да, если вы не изъ числа послѣднихъ
И мужество не спитъ въ васъ—вы скажите,
И дѣло вамъ я поручу, исполнивъ
Которое, отмстите вы врагу,
А королю окажете услугу.
Пока онъ живъ, я не дышу свободно,
И только смерть его мнѣ дастъ покой.

ПЕРВЫЙ УБІЙЦА.

Меня удары и обманы свѣта
Такъ раздражили, что, на зло ему,
Не разбирая, я готовъ на все.

ВТОРОЙ УБІЙЦА.

И я съ судьбой боролся неудачно,
И жизнь мнѣ стала тяжела; я радъ
Нести ее опасностямъ на встрѣчу,
Чтобъ улучшить иль развязаться съ ней.

МАКБЕТЪ.

Вы знаете, что Банко былъ вашъ врагъ.

УБІЙЦА.

Да, правда, государь.

МАКБЕТЪ.

И мнѣ онъ врагъ.
Такой кровавый и смертельный врагъ,
Что каждый мигъ его существованья,
Какъ ножъ, впивается мнѣ въ жизнь. Конечно,
Я могъ бы отъ него освободиться
Открытой силою; но не хочу
Разстроить дружескія отношенья
Кой съ кѣмъ, кто другомъ былъ ему и мнѣ.
Придется даже пожалѣть о жертвѣ.
Имѣя столь глубокую причину
Скрыть это дѣло отъ лукавыхъ глазъ
Людской толпы, я прибѣгаю къ вамъ.

ВТОРОЙ УБІЙЦА.

Мы, государь, исполнимъ вашъ приказъ.

ПЕРВЫЙ УБІЙЦА.

И если бъ даже наша жизнь...

МАКБЕТЪ.

Довольно!
Я вижу мужество у васъ въ глазахъ.
Чрезъ часъ, не дальше, я васъ извѣщу,
Когда и гдѣ ихъ ловче подстеречь.
Покончить надо въ эту ночь, притомъ
Не очень близко отъ дворца,
Чтобъ на меня не пало подозрѣнье.
Флинсъ ѣдетъ съ нимъ. Равно необходимо
Нужна мнѣ смерть и сына, и отца.
Такъ чтобы не было потомъ оглядокъ,
Пусть участь онъ съ нимъ мрачную раздѣлитъ.
Рѣшайтесь! Я сейчасъ приду назадъ.

УБІЙЦЫ.

Рѣшились, государь.

МАКБЕТЪ.

Такъ обождите:
Я позову васъ. (*Убійцы уходятъ*).
Банко, рѣшено!
Когда, о Банко, небо суждено
Твоей душѣ, чрезъ краткихъ два часа
Она въ лучахъ взойдетъ на небеса!
(*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Тамъ же. Другая комната.

Входятъ ЛЭДИ МАКБЕТЪ *и* СЛУГА.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Уѣхалъ Банко?

СЛУГА.

Да; но онъ сказалъ,
Что къ ночи возвратится.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Попроси
Его величество на пару словъ.
(*Слуга уходитъ*).
Что пользы намъ желать и все желать?
Гдѣ жъ тотъ покой, вѣнецъ желаній жаркихъ?
Не лучше ли въ могилѣ тихо спать,
Чѣмъ жить среди души волненій жалкихъ?

Входитъ МАКБЕТЪ.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Ну что, мой другъ? Зачѣмъ ты все одинъ,
Все съ мрачной думою? Твоимъ мечтамъ
Пора бы въ гробъ, къ тому, о комъ мечтаютъ.
Чему помочь нельзя—къ чему жъ и думать?
Что сдѣлано, того не воротить.

МАКБЕТЪ.

Змѣю разсѣкли мы, но не убили;
Она сростется—и опять жива,
И мы опять должны въ безсильной злобѣ
Дрожать за жизнь. Но нѣтъ: скорѣй погибнетъ
Союзъ вещей и дрогнутъ оба міра,
Чѣмъ намъ нашъ хлѣбъ придется ѣсть со страхомъ
И спать во тьмѣ подъ гнетомъ мрачнымъ сновъ,
Гостей полуночи! Съ убитымъ нами,

Купившимъ миръ цѣной своей короны,
Спать легче, чѣмъ страдать въ душевной пыткѣ
Среди мученій злыхъ и безъ конца.
Дунканъ въ своей могилѣ: безмятежно,
Спокойно спитъ онъ послѣ бури жизни.
Измѣна, ты взяла свое! Теперь
Ни ножъ, ни ядъ, ни братъ, ни чужеземецъ
Не посягнутъ ужъ на него.

Лэди Макбетъ.

И, полно!
Послушай, проясни свой дикій взоръ;
Будь веселъ и привѣтливъ: скоро ужинъ.

Макбетъ.

Я буду веселъ; будь, пожалуйста, и ты.
На Банко обрати твое вниманье;
Будь съ нимъ поласковѣй въ словахъ и взглядахъ.
Какъ тягостно, что мы еще должны
Потокомъ лести омывать нашъ санъ
И изъ лица слагать для сердца маску,
Чтобъ скрыть движенія души.

Лэди Макбетъ.

Да полно!

Макбетъ.

О, скорпіонами полна душа!
Ты знаешь: Банко, Флинсъ еще живутъ!

Лэди Макбетъ.

Но имъ безсмертье не дано.

Макбетъ.

Да, къ счастью.
Ихъ разрушаемость отрадна мнѣ.
Порадуйся: еще не встрепенется
Пустынный нетопырь и жукъ крылатый
Еще не прожужжитъ во тьмѣ ночной,
Летя на зовъ таинственной Гекаты.
Какъ страшный ниспадетъ ударъ.

Лэди Макбетъ.

Какой?

Макбетъ.

Будь, милый другъ, въ незнаніи невинна;
Вкуси лишь сладкій дѣла плодъ. Скорѣй,
Слѣпая ночь—и мрачною завѣсой
Закрой глаза чувствительнаго дня!
Кровавою, невидимой рукой
Схвати и растерзай мои оковы—
Мнѣ душно въ нихъ! Уже блѣднѣетъ день;
Летитъ въ свою родную рощу воронъ;
Вздремнули добрыя созданья дня.
И духи тьмы несутся за добычей.
Дивишься ты моимъ словамъ? Пустое:
Посѣвъ былъ золъ, такъ и пожнемъ мы злое!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Паркъ передъ воротами дворца.

Входятъ трое убійцъ.

Первый убійца.

Да кто велѣлъ тебѣ пристать къ намъ?

Третій убійца.

Макбетъ.

Второй убійца.

Мы можемъ смѣло довѣрять: онъ знаетъ,
Зачѣмъ мы здѣсь — все разсказалъ подробно.

Первый убійца.

Такъ оставайся здѣсь. Еще играетъ
На западѣ вечерняя заря.
Коня пришпорилъ путникъ запоздалый,
Торопится доѣхать до ночлега,
И близко тотъ, кого мы ждемъ.

Третій убійца.

Постой:
Я слышу топотъ лошадей.

Банко (*за сценой*).

Огня!
Эй! посвѣтите!

Второй убійца.

Это—онъ. Другіе,
Которыхъ намъ не надобно, ужъ въ замкѣ.

Первый убійца.

Ихъ лошадей куда-то увели.

Третій убійца.

Ихъ поведутъ другой дорогой съ версту.
Онъ долженъ, какъ и всѣ, по парку,
Итти до самаго дворца пѣшкомъ.

Входятъ Банко *и* Флинсъ. *Передъ ними идетъ слуга съ факеломъ.*

Второй убійца.

Огонь!

Третій убійца.

Вотъ онъ!

Первый убійца.

За дѣло!

Банко.

Ночью будетъ дождь.

Первый убійца.

Онъ ужъ идетъ!

(Они нападаютъ на Банко).

Банко.

Измѣна! Флинсъ, бѣги!
Бѣги, ты можешь отомстить! О, извергъ!

(Онъ умираетъ. Флинсъ и слуга бѣгутъ).

Третій убійца.

Кто погасилъ огонь?

Первый убійца.

Что жъ, развѣ худо?

Третій убійца.

Убитъ одинъ отецъ: сынъ убѣжалъ.

Второй убійца.

По лучшему-то мы и промахнулись.

Первый убійца.

Пойдемъ, доложимъ, что готово. *(Уходятъ).*

СЦЕНА IV.

Торжественная зала во дворцѣ.

Накрытъ столъ. Входятъ Макбетъ, лэди Макбетъ, Россе, Леноксъ, *лорды и свита.*

Макбетъ.

Вы знаете свои мѣста—садитесь.
Душевно рады всѣмъ.

Лорды.

Благодаримъ.

Макбетъ.

Мы будемъ съ вами наравнѣ: хозяинъ
Самъ долженъ угощать своихъ гостей.
Хозяйка сѣла ужъ на тронъ: мы просимъ
Намъ слово ласковое подарить.

Лэди Макбетъ.

Скажите вы его; душевно рада
Привѣтствовать друзей.

Первый убійца *появляется въ дверяхъ.*

Макбетъ.

Тебѣ на встрѣчу
Летятъ ихъ благодарныя сердца.
Столъ занятъ весь; мы сядемъ посрединѣ.
Ну, веселѣй! осушимъ круговую!

(Подходитъ къ убійцѣ).

Лицо твое въ крови?

Убійца.

Она изъ Банко.

Макбетъ.

Ей лучше на тебѣ, чѣмъ въ немъ. Совсѣмъ?

Убійца.

Покончено: горло пополамъ. Моя работа.

Макбетъ.

Ты лучшій изо всѣхъ головорѣзовъ. Но
Хорошъ и тотъ, кто разсчитался съ Флинсомъ,
И если это ты, такъ ты единственъ.

Убійца.

Флинсъ спасся бѣгствомъ, государь.

Макбетъ.

Итакъ,
Я боленъ вновь. Я былъ уже здоровъ;
Какъ мраморъ, твердъ и крѣпокъ, какъ скала;
Какъ воздухъ, свѣжъ и невредимъ и воленъ;
Теперь опять я связанъ и стѣсненъ,
И блѣдный страхъ опять ко мнѣ прикованъ.
Но Банко, вѣдь, навѣрно?

Убійца.

Не проснется—
Уснулъ во рву. На головѣ зіяютъ
Пятнадцать ранъ—слабѣйшая смертельна.

Макбетъ.

Благодарю. Такъ старый змій задавленъ,
А червь ушелъ—и будетъ ядовитъ,
Какъ зубы выростутъ. Теперь ступай.
Доскажешь завтра. *(Убійца уходитъ).*

Лэди Макбетъ.

Вы гостей забыли.
Безъ добрыхъ словъ хозяина имъ скучно,
И пиръ похожъ на купленный обѣдъ.
Чтобъ ѣсть—покойнѣй оставаться дома;
Въ гостяхъ мы ждемъ радушную бесѣду
И ласковость; безъ нихъ не вкусенъ столъ.

Макбетъ.

Да, правда, милый другъ. Прошу васъ кушать;
Желаю веселиться на здоровье.

ЛЕНОКСЪ.

Угодно сѣсть вамъ будетъ, государь?

Духъ Банко *является на макбетовомъ мѣстѣ.*

МАКБЕТЪ.

Будь съ нами здѣсь нашъ благородный Банко,
Здѣсь былъ бы собранъ королевства цвѣтъ.
Дай Богъ, чтобъ съ нимъ чего бы не случилось!
Пусть лучше пожуримъ его за лѣность.

РОССЕ.

Онъ слово данное забылъ. Угодно ль
Вамъ сдѣлать честь, присѣсть къ намъ, государь?

МАКБЕТЪ.

Мѣста всѣ заняты.

ЛЕНОКСЪ.

Вотъ и мѣсто.

МАКБЕТЪ.

Гдѣ?

ЛЕНОКСЪ.

Да вотъ хоть здѣсь. Что съ вами, государь?

МАКБЕТЪ.

Кто это сдѣлалъ, лорды?

ЛОРДЫ.

Что такое?

МАКБЕТЪ.

Меня ты въ этомъ уличить не можешь!
Къ чему кивать мнѣ головой кровавой?

РОССЕ.

Король нашъ боленъ. Встанемъ, господа.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Нѣтъ, не вставайте. Это часто съ нимъ
Случается. Прошу васъ, не вставайте.
Припадокъ мимолетенъ: двѣ минуты—
И онъ прошелъ. Оставьте, не смотрите:
Его лишь пуще раздражаютъ взгляды.
Не обращайте на него вниманья
И кушайте. (*Макбету*). И ты мужчина?

МАКБЕТЪ.

Да,
И смѣлый: я могу смотрѣть на то,
Предъ чѣмъ самъ дьяволъ поблѣднѣлъ бы.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Такъ!
Вотъ призраки ребяческаго страха—

ТѢНЬ БАНКО ЯВЛЯЕТСЯ МАКБЕТУ.

Картина Ричарда Вестола (Richard Westall, R. A., 1765—1836) Малая Бойделевская Галлерея.

Тотъ тѣнь-кинжалъ, что велъ тебя къ Дункану!
Признаться надо, эта дрожь и взгляды—
Пародія на истинный испугъ,
Прекрасны были бы у камелька,
Подъ говоръ сказки, на лицѣ старухъ.
Стыдись! Какъ искажаешь ты лицо!
И изъ чего? Что испугало? Стулъ?

МАКБЕТЪ.

Но посмотри—туда, туда! Что скажешь?
Что мнѣ до этого? Когда ты можешь
Кивать мнѣ головой, такъ говори.
Земля отвергла мертвецовъ: могилы
Ихъ шлютъ назадъ. Такъ пусть орловъ утробы
Гробами будутъ для людей!

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Возможно ль
Такъ оробѣть?

(*Духъ исчезаетъ*).

МАКБЕТЪ.

Онъ былъ передо мною—
Клянусь тебѣ!

Лэди Макбетъ.

Стыдись!

Макбетъ.

Кровь проливали
Уже давно, когда еще законъ
Не охранялъ общественнаго мира,
Да и потомъ убійства совершались.
О нихъ и слышать тяжело; но встарь,
Когда изъ черепа былъ выбитъ мозгъ,
Со смертью смертнаго кончалось все.
Теперь встаютъ они, хоть двадцать ранъ
Разсѣкли голову, и занимаютъ
Мѣста живыхъ—вотъ что непостижимо,
Непостижимѣй самаго убійства.

Лэди Макбетъ.

Васъ гости ждутъ.

Макбетъ.

Ахъ, виноватъ, забылся!
Не удивляйтесь мнѣ, друзья: я боленъ,—
Припадки странные; но это вздоръ:
Домашніе давно къ тому привыкли.
Что жъ, выпьемъ за всеобщее здоровье!
Потомъ я сяду. Эй, вина!
(*Слуга, который наливаетъ вино*).
Полнѣе:
Я пью за здравіе всего стола
И Банко, друга моего. Какъ жаль,
Что съ нами нѣтъ его! Его здоровье
И всѣхъ любезныхъ намъ гостей!

Духъ *является на томъ же мѣстѣ.*

Лорды.

Вамъ то же!

Макбетъ.

Исчезни! Прочь! Пусть гробъ тебя укроетъ!
Твой черепъ пустъ, и кровь охолодѣла,
Въ твоихъ сверкающихъ глазахъ нѣтъ
зрѣнья.

Лэди Макбетъ.

Не удивляйтесь: это съ нимъ нерѣдко.
Мнѣ только жаль, что вечеръ нашъ раз-
строенъ.

Макбетъ.

На все, что можетъ человѣкъ, готовъ я.
Явись мнѣ грознымъ, разъяреннымъ львомъ,
Гирканскимъ тигромъ, сѣвернымъ медвѣ-
демъ,
Явись, чѣмъ хочешь ты—и я не дрогну.
Воскресни вновь и вызови въ пустыню
На смертный бой меня—не откажусь,
И если въ страхѣ отступлю на шагъ—
Зови меня игрушкою дѣвчонки!
Прочь, тѣнь ужасная! Прочь, ложный при-
зракъ!
(*Духъ исчезаетъ*).
Исчезъ. Я снова мужъ! Не безпокойтесь.

Лэди Макбетъ.

Ты все веселье разогналъ; нашъ праздникъ
Нарушенъ недугомъ твоимъ. Ты страненъ.

Макбетъ.

Но эта тѣнь не тѣнь отъ лѣтней тучки,
И какъ ей странностью не поразить?
Не знаю—вѣрить ли своимъ глазамъ:
Ты смотришь на подобное видѣнье,
И кровь играетъ на твоемъ лицѣ,
Тогда какъ я отъ ужаса блѣднѣю.

Россе.

Что за видѣнье, государь?

Лэди Макбетъ.

Молчите;
Вы видите, ему отъ часу хуже;
Онъ вдвое горячится отъ вопросовъ.
Разстанемся. Прощайте, доброй ночи.

Леноксъ.

Покойной ночи. Лучшаго здоровья
Его величеству!

Лэди Макбетъ.

Прощайте, лорды.
(*Лорды и свита уходятъ*).

Макбетъ.

Онъ хочетъ крови: кровь за кровь. Случа-
лось,
Что камни двигались и излетало
Живое слово изъ деревъ; гадатель
Не разъ отгадывалъ посредствомъ птицъ
Убійцъ непроницаемыя тайны.
Который часъ?

Лэди Макбетъ.

Почти уже свѣтаетъ.

Макбетъ.

И Макдуффъ, говоришь ты, отказался
Притти на праздникъ нашъ?

Лэди Макбетъ.

Ты звалъ его?

Макбетъ.

Отвѣтъ его узналъ я стороною.
Пошлю еще. У всѣхъ безъ исключенья
Я содержу шпіоновъ на мой счетъ.
Съ разсвѣтомъ я пойду къ волшебнымъ
сестрамъ—
Пусть погадаютъ мнѣ еще: я все
Хочу узнать, не разбирая средствъ,

ГЕКАТА И ТРИ ВѢДЬМЫ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

И всѣмъ пожертвую для нашей пользы.
Я такъ глубоко погрузился въ кровь,
Что все равно не стоитъ возвращаться—
Плыву впередъ. Я кое-что задумалъ,
И быстро надо нанести ударъ.
Тутъ думать нечего.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Ты сна лишенъ—
Отрады всѣхъ существъ.

МАКБЕТЪ.

Пойдемъ же спать.
Мое тревожное себязабвенье—
Страхъ новичка. Душа еще не свыклась:
Для этихъ дѣлъ мы, просто, еще дѣти.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА V.

Степь.

Громъ. Входятъ ГЕКАТА *и* ТРИ ВѢДЬМЫ.

ПЕРВАЯ ВѢДЬМА.

Твой взоръ сердитъ; ты сердишься, Геката?

ГЕКАТА.

И есть за что.
Не къ вамъ ли въ сѣть
Попалъ давно
Король Макбетъ?
Вы нарекли
Его царемъ
И завлекли
Обманомъ словъ
На путь грѣховъ.
Источникъ зла,
Царица чаръ,
Я вамъ дала
Мой тайный даръ.
Зачѣмъ же я
Отчуждена?
Зачѣмъ же я
Устранена?
Онъ безъ меня
Торжествовалъ,
Лукавый врагъ—
И Макбетъ палъ.
Вашъ трудъ пропалъ:
Онъ и безъ васъ
Былъ гордъ и золъ
И не для васъ
Къ убійству шелъ.
Въ немъ лучъ любви
И не для васъ
Давно погасъ,
Въ людской крови
Онъ весь погрязъ.
Едва лишь лучъ
Блеснетъ изъ тучъ,
Онъ вновь придетъ
Спросить судьбу.
Сквозь дымъ и паръ
Волшебныхъ чаръ
Увидитъ онъ
Грядущихъ лѣтъ
Неясный сонъ,
Невѣрный свѣтъ.
Пора! Лечу!
Съ моей луны,
Туманъ волны
Я захвачу.
Въ немъ дивный даръ
Волшебныхъ сновъ;
Искусствомъ чаръ
И тайныхъ словъ
Онъ призоветъ
Толпу духовъ;
Ихъ мрачный кругъ
Безсмертный духъ
Въ немъ омрачитъ.
Его судьба
Не устрашитъ,
Его борьба
Не утомитъ—
И онъ взойдетъ;
Но съ высоты
Онъ ниспадетъ
Отъ слѣпоты.

ГОЛОСЪ (*поетъ за сценой*).

Лети сюда:
Я жду тебя!

ГЕКАТА.

Малютка-духъ
Меня зоветъ;
На облакахъ.
Меня онъ ждетъ.
Малютка мой,
Какъ легкій дымъ.
Летимъ съ тобой,
Летимъ, летимъ!

(*Исчезаетъ*).

ПЕРВАЯ ВѢДЬМА. За дѣло же, сестры: она скоро воротится (*Уходятъ*).

СЦЕНА VI.

Форесъ. Комната въ замкѣ.

Входятъ ЛЕНОКСЪ *и другой* ЛОРДЪ.

ЛЕНОКСЪ.

Я намекнулъ вамъ кой на что—и только,
А дальше изъясняйте, какъ угодно.
Мнѣ только странно, какъ тутъ все случилось.
Макбетъ оплакивалъ Дункана—да,
Конечно, какъ не пожалѣть о мертвомъ?
Несчастный Банко ѣхалъ слишкомъ поздно.
Пожалуй, можно, коль угодно,
Сказать, что Флинсъ его убилъ: вѣдь, Флинсъ
Бѣжалъ. Не надо ѣздить-слишкомъ поздно.
Кому не бросится въ глаза, какъ звѣрски
Малькольмъ и Дональбайнъ отца убили?
Ужасный грѣхъ! Какъ оскорбленъ былъ
Макбетъ!
Не онъ ли, въ ярости благочестивой,
Убилъ убійцъ, рабовъ вина и сна?
Не благородный ли порывъ и умный?
Они, конечно, стали бъ отпираться;
Кого жъ не возмутили бъ ихъ слова?
Я думаю, онъ ловко свелъ концы,

И попадись ему сыны Дункана,
Но отъ чего да сохранитъ ихъ Богъ,
Онъ вѣрно показалъ бы имъ, что значитъ
Убить отца, и Флинсу не забылъ бы
Прочесть урокъ. Но лучше замолчимъ.
Вы слышали: за пару вольныхъ словъ
И за отказъ притти на пиръ къ тирану
Макдуффъ въ немилости? Вамъ неизвѣстно,
Гдѣ онъ теперь?

Лордъ.

Дункана старшій сынъ,
Земель отцовскихъ истинный наслѣдникъ,
Живетъ при англійскомъ дворѣ; онъ принятъ
Такъ милостиво кроткимъ Эдуардомъ,
Что злость судьбы какъ-будто не касалась
Высокихъ правъ его. Туда-то Макдуффъ
Бѣжалъ молить святого короля
Помочь отечеству. Съ его войсками
И съ божьей помощью онъ возвратитъ
Намъ хлѣбъ насущный и ночной покой:
Исчезнетъ ножъ изъ дружеской бесѣды,
И будемъ вновь мы подъ законной властью
Служить, какъ честь велитъ. Всѣ эти вѣсти
Такъ заживо задѣли короля,
Что онъ готовится и ждетъ войны.

Леноксъ.

Не звалъ ли онъ къ себѣ Макдуффа?

Лордъ.

Звалъ:
Но танъ отвѣтилъ наотрѣзъ: „не ѣду!"
И посланный, нахмуривъ мрачно брови,
Пробормоталъ, отворотясь: „постой!
Настанетъ часъ, когда ты пожалѣешь,
Что далъ такой отвѣтъ!"

Леноксъ.

Изъ этихъ словъ
Пусть онъ научится быть осторожнымъ,
Держать себя въ дали благоразумной.
Да будетъ ангелъ на его пути
Предтечей благодатнымъ! Край родной
Да будетъ вновь благословенъ Всевышнимъ
И исцѣленъ отъ тягостныхъ страданій
Въ когтяхъ проклятаго!

Лордъ.

Аминь. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Темная пещера; въ глубинѣ ея котелъ на огнѣ.

Входятъ три вѣдьмы.

Первая вѣдьма.

Три раза мяукнулъ котъ:
Часъ урочный настаетъ.

Вторая вѣдьма.

Трижды ежикъ простоналъ.

Третья вѣдьма.

Лѣшій свистнулъ—часъ насталъ.

Первая вѣдьма.

Такъ начнемте поскорѣй,
Духи воздуха, огней,
Духи суши и морей!
Вамъ, полночные, ночные,
Вамъ, полдневные, денные,
Вамъ съ словами тайныхъ чаръ
Мы приносимъ мрачный даръ!

Всѣ три (*поютъ*).

Кипи, котелъ! шипи! бурли!
Огонь, гори! вари! вари!

Вторая вѣдьма.

Жабу, тридцать дней проспавшую,
Острый ядъ въ себя впитавшую,
Злой дурманъ, крыло совиное,
Желчь козла, глаза мышиные,
Волчій зубъ, змѣю холодную,
Страшно-злую, подколодную!

Всѣ три (*поютъ*).

Кипи, котелъ! шипи! бурли!
Огонь, гори! вари! вари!

Третья вѣдьма.

Кровь младенца, въ тьмѣ зарытаго,
Грѣшной матерью убитаго,
Плодъ преступнаго сознанія,
Черной смерти достояніе!
Все проклятьемъ пораженное,
Зломъ въ природѣ зарожденное!

Всѣ три (*поютъ*).

Кипи, котелъ! шипи! бурли!
Огонь, гори! вари! вари!

Является Геката *и три другихъ вѣдьмы.*

Геката.

Спасибо вамъ!

Прилежный трудъ
Не пропадетъ:
На пользу вамъ,
Во славу всѣхъ,
Онъ наведетъ
На новый грѣхъ.
Пора начать
Послѣдній хоръ!
(Поютъ заклинаніе).

Духи воздуха, огней,
Духи суши и морей—
Вы ночные и полуночные,
Вы, денные и полуденные,
Васъ со дна морей глубокаго,
Изъ далекихъ, неизвѣданныхъ
Странъ, отъ вѣка заповѣданныхъ,
Къ намъ зоветъ непреклонимое
Слово впрямь неотразимое!

Вторая вѣдьма.

Палецъ у меня зудитъ:
Что-то злое къ намъ спѣшитъ.
Ну входи, кто бъ ни былъ тамъ!

Входитъ Макбетъ.

Макбетъ.

Здорово, тайныя, ночныя вѣдьмы!
Чѣмъ заняты?

Вѣдьмы.

Для нашихъ дѣлъ нѣтъ слова.

Макбетъ.

Такъ тайной безыменнаго искусства
Я заклинаю—отвѣчайте мнѣ!
Мнѣ все равно, откуда ваше знанье:
Пусть вашъ отвѣтъ подыметъ ураганы
И ихъ пошлетъ на бой противъ церквей;
Пусть всѣ суда погибнутъ въ океанѣ,
Изсохнетъ жатва на поляхъ; падутъ
Твердыни замковъ на своихъ жильцовъ,
И въ прахъ поникнутъ гордыя вершины
Дворцовъ и пирамидъ; пусть въ нѣдра жизни
Проникнетъ смерть, и возвратится хаосъ—
Я требую отвѣта на вопросъ!

Первая вѣдьма

Такъ говори.

Вторая вѣдьма.

Спроси.

Третья вѣдьма.

Дадимъ отвѣтъ.

Первая вѣдьма.

Скажи: отъ насъ, или отъ нашихъ старшихъ
Желаешь ты отвѣтъ о томъ услышать?

Макбетъ.

Зовите ихъ: я ихъ хочу увидѣть.

Первая вѣдьма.

Такъ свершите возліяніе
Кровью звѣря, раскопавшаго
Прахъ могилы и пожравшаго
Трупъ погибшаго въ отчаяньи.

Всѣ три.

Малый иль большой, явись!
Заклинанью покорись!

Громъ. Является первый призракъ: *голова въ шлемъ.*

Макбетъ.

Скажи, невѣдомая сила...

Первая вѣдьма.

Тише:
Онъ знаетъ мысль твою. Молчи и слушай.

Первый призракъ.

О, Макбетъ, Макбетъ, берегись Макдуффа!
Опасенъ файфскій танъ! Пусти—довольно!
(Исчезаетъ)..

Макбетъ.

Кто бъ ни былъ ты, спасибо за совѣтъ.
Ты страхъ мой разгадалъ. Еще два слова.

Первая вѣдьма.

Ему приказывать нельзя. Молчи.
Но вотъ другой—и онъ сильнѣе. Слушай.

Громъ. Является второй призракъ: *окровавленное дитя.*

Второй призракъ.

Макбетъ! Макбетъ! Макбетъ!

Макбетъ.

Когда бъ природа
Три органа для слуха мнѣ дала,
Я всѣми впился бы въ твои слова.

Второй призракъ.

Будь смѣлъ и твердъ. Судьба тебя хранитъ!
Рожденный женщиной тебѣ не повредитъ.
(Исчезаетъ).

Макбетъ.

Живи жъ, Макдуффъ! Чего тебя бояться?
Но нѣтъ: двойнымъ щитомъ я ограждусь,
Двойной залогъ возьму я отъ судьбы:
Ты долженъ умереть. Тогда спокойно
Я страху блѣдному скажу: „ты лжешь"
И буду спать, на зло громамъ небеснымъ.

МАКБЕТЪ ВЪ ПЕЩЕРѢ ВѢДЬМЪ.

Картина знаменитаго англійскаго художника Рейнольдса (Sir Joshua Reynolds. P. R. A.. 1723—1792). (Большая Бойделевская Галлерея).

Громъ. Является ТРЕТІЙ ПРИЗРАКЪ: *дитя въ коронѣ, съ вѣтвью въ рукѣ.*

МАКБЕТЪ.

А это что за царственный ребенокъ,
Съ короной на младенческомъ челѣ?

ВѢДЬМЫ.

Молчи и слушай.

ТРЕТІЙ ПРИЗРАКЪ.

Будь гордъ, какъ левъ;
Ни злость, ни гнѣвъ
Живыхъ людей
Не измѣнятъ
Судьбы твоей.
Макбетъ царитъ
Непобѣдимъ,
Пока стоитъ
Неколебимъ,
Пока нейдетъ
Съ своихъ высотъ
Бирманскій лѣсъ
На Донзинанъ. *(Исчезаетъ).*

МАКБЕТЪ.

Тому не быть. Кто завербуетъ рощу?
Кто скажетъ дереву: освободи
Глубокій корень изъ земли? Спасибо
За вѣсти добрыя! Смирись, измѣна!
Пока не двинется бирманскій лѣсъ,
Тебѣ главы не вознести—и Макбетъ,
Живя на гордой высотѣ, отдастъ
Свое дыханіе одной природѣ,
Когда придетъ урочный часъ. Но сердце
Дрожитъ опять: еще хочу спросить васъ.
Скажите мнѣ, когда вашъ взоръ проникнетъ
Въ такую даль: царить ли въ этомъ царствѣ
Потомству Банко?

ВѢДЬМЫ.

Ты оставь вопросы.

МАКБЕТЪ.

Я все хочу узнать. Отриньте просьбу—

И будьте прокляты изъ рода въ родъ!
Скажите мнѣ... Куда исчезъ котелъ?
И что за шумъ? (*Музыка*).

ПЕРВАЯ ВѢДЬМА.

Явись!

ВТОРАЯ ВѢДЬМА.

Явись!

ТРЕТЬЯ ВѢДЬМА.

Явись!

ВСѢ ТРИ.

Явитесь: пусть рядъ вашъ предъ нимъ пронесется!
Пусть холодъ по гордому сердцу прольется!
Являются восемь КОРОЛЕЙ; *они идутъ черезъ сцену одинъ за другимъ. Послѣдній держитъ въ рукѣ зеркало. За ними тѣнь* БАНКО.

МАКБЕТЪ.

Ты слишкомъ ужъ похожъ лицомъ на Банко!
Исчезни! Прочь! Увы, твоя корона
Мнѣ жжетъ глаза! Другой! Исчезни, призракъ:
Ты—тотъ же ликъ и съ той же діадемой!
Еще одинъ! Проклятыя колдуньи,
Къ чему мнѣ этихъ вызывать? Четвертый?
Не до послѣдняго ль суда продлится
Ихъ рядъ? Идутъ и все идутъ. Седьмой.
Я больше видѣть не хочу. Восьмой!
Онъ съ зеркаломъ—и въ немъ я вижу цѣпь
Коронъ и лицъ со скиптрами двойными,
Съ тройной державою. Ужасный призракъ!
Нѣтъ, это истина. Теперь я вѣрю—
Мнѣ улыбается покрытый кровью Банко;
Онъ мнѣ указываетъ на другихъ,
Какъ-будто хочетъ мнѣ сказать: „смотри!
Они—сыны мои!“ Не такъ ли—а?

(*Призраки исчезаютъ*).

ПЕРВАЯ ВѢДЬМА.

Да, это правда. Но зачѣмъ
Макбетъ стоитъ смущенъ и нѣмъ?
Не унывай! Сестрицы, въ кругъ!
Утѣшимъ сѣтующій духъ.
Живѣй, живѣй, рука съ рукой
Сплетайся въ кругъ, пляши и пой!
Будь веселѣй, король Макбетъ!
Тебѣ почетъ, тебѣ привѣтъ!

(*Музыка. Вѣдьмы исчезаютъ въ плескѣ*).

МАКБЕТЪ.

Ихъ нѣтъ? Ушли? Будь этотъ часъ навѣки
Отмѣченъ проклятымъ въ календарѣ!
Эй, ты, сюда!

ЛЕНОКСЪ.

Я здѣсь. Что повелите?

МАКБЕТЪ.

Ты вѣщихъ не видалъ?

ЛЕНОКСЪ.

Нѣтъ, не видалъ.

МАКБЕТЪ.

И тамъ онѣ не проходили?

ЛЕНОКСЪ.

Нѣтъ.

МАКБЕТЪ.

Такъ пусть чума вселится въ этотъ воздухъ!
Да будутъ прокляты, кто вѣритъ имъ!
Я слышалъ конскій топотъ: кто проѣхалъ?

ЛЕНОКСЪ.

Два всадника пріѣхали съ извѣстьемъ,
Что Макдуффъ въ Англію бѣжалъ.

МАКБЕТЪ.

Бѣжалъ?

ЛЕНОКСЪ.

Да, государь.

МАКБЕТЪ.

О, время, ты перехватило жертву!
Летучій замыселъ не воротить,
Когда летитъ онъ налегкѣ, безъ дѣла.
Отнынѣ сердца первенецъ да будетъ
И первенцомъ моей руки. Сейчасъ же
Вѣнчаю мысль короной исполненья:
На замокъ Макдуффа я нападу,
Возьму весь Файфъ, отдамъ мечу на жертву
Жену, дѣтей, всѣ жалкія душонки
Его родни. Нѣтъ, это все свершится,
И прежде чѣмъ мой замыселъ остынетъ.
Видѣнья, прочь! Гдѣ вѣстники? Пойдемъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Файфъ. Комната въ замкѣ Макдуффа.

Входятъ ЛЭДИ МАКДУФФЪ, *маленькій* СЫНЪ *ея и* РОССЕ.

ЛЭДИ МАКДУФФЪ.

Что сдѣлалъ онъ, что долженъ былъ бѣжать?

РОССЕ.

Терпѣніе!

ЛЭДИ МАКДУФФЪ.

Онъ не имѣлъ терпѣнья.
Его побѣгъ—безумство. Не дѣла,
Такъ этотъ страхъ насъ обвинитъ въ измѣнѣ.

РОССЕ.

Но этотъ страхъ былъ, можетъ быть, разсчетъ.

ЛЭДИ МАКДУФФЪ.

Разсчетъ! Покинуть домъ, жену, дѣтей,
Покинуть тамъ, откуда самъ бѣжалъ?
Нѣтъ, онъ не любитъ насъ, онъ чуждъ простыхъ,
Природныхъ чувствъ. Бѣдняжка королекъ,
Малѣйшая изъ птицъ—и та дерется
Съ совой за маленькихъ птенцовъ; а онъ?
Тутъ виденъ страхъ и ни слѣда любви.
Нѣтъ, плохъ разсчетъ—бѣжать, на зло разсудку.

РОССЕ.

Любезная сестрица, успокойтесь.
Вашъ мужъ уменъ, догадливъ, благороденъ
И лучше всѣхъ постигъ значенье вѣка.
Не смѣю много говорить: настала
Година бѣдствія. Какъ тяжело
Прослыть измѣнникомъ, не измѣняя,
Дрожать, не зная передъ чѣмъ, носиться
По бурной прихоти свирѣпыхъ волнъ!
Прощайте. Я приду опять и скоро.
Такому бѣдствію не устоять;
Оно пройдетъ, пройдетъ необходимо:
Порядокъ прежній долженъ воротиться.
Благослови тебя Господь, дружокъ!

ЛЭДИ МАКДУФФЪ.

Отецъ не умеръ, а дитя сиротка!

РОССЕ.

Нѣтъ, я не въ силахъ дольше оставаться:
Я повредилъ бы тѣмъ себѣ и вамъ
И потому прощайте. (*Уходитъ*).

ЛЭДИ МАКДУФФЪ.

Отецъ твой умеръ. Что ты станешь дѣлать?
Какъ будешь жить?

СЫНЪ.

Какъ птички.

ЛЭДИ МАКДУФФЪ.

Какъ? червями?

СЫНЪ.

Чѣмъ Богъ пошлетъ: онѣ, вѣдь, такъ живутъ.

ЛЭДИ МАКДУФФЪ.

О, птичка бѣдная! и не боишься ты
Ни клѣтокъ, ни силковъ?

СЫНЪ.

Зачѣмъ бояться?
На бѣдныхъ птичекъ ихъ никто не ставитъ.

Отецъ мой живъ, хоть ты и говоришь,
Что умеръ онъ.

ЛЭДИ МАКДУФФЪ.

Онъ умеръ, говорю я.
Гдѣ взять другого?

СЫНЪ.

Гдѣ? А гдѣ тебѣ
Другого мужа взять?

ЛЭДИ МАКДУФФЪ.

О, ихъ на рынкѣ
Я разомъ дюжину могу купить!

СЫНЪ.

А черезъ день опять продать?

ЛЭДИ МАКДУФФЪ.

Бѣдняжка.
Какъ мѣтокъ безсознательный твой лепетъ!

Сынъ. Маменька, папенька былъ измѣнникъ?

Лэди Макдуффъ. Да.

Сынъ. А что такое измѣнникъ?

Лэди Макдуффъ. Человѣкъ, который клянется и лжетъ.

Сынъ. И всѣхъ, которые клянутся и лгутъ, надо вѣшать?

Лэди Макдуффъ. Всѣхъ.

Сынъ. А кто же долженъ ихъ вѣшать?

Лэди Макдуффъ. Честные люди.

Сынъ. Такъ глупы же лгуны: ихъ столько, что они могли бы перевязать и перевѣшать всѣхъ честныхъ людей.

ЛЭДИ МАКДУФФЪ.

Господь съ тобой, бѣдняжка-лепетунъ!
Но гдѣ добудешь ты отца другого?

Сынъ. Если бы онъ умеръ, вы плакали бы; а если бы не плакали, такъ добрый знакъ: значитъ, у меня скоро былъ бы новый папенька.

Лэди Макдуффъ. Что ты за вздоръ болтаешь!

Входитъ вѣстникъ.

ВѢСТНИКЪ.

Богъ въ помощь вамъ! Я незнакомъ вамъ, лэди,
Но я васъ знаю. Вамъ грозитъ опасность.
Примите добрый мой совѣтъ: бѣгите
Отсюда прочь, да дѣтокъ не забудьте.
Я грубо испугалъ васъ—что же дѣлать?
Жестоко было бы не предварить.
Бѣда близка. Господь да защититъ васъ!
Я дольше оставаться не могу. (*Уходитъ*).

Лэди Макдуффъ.

Куда бѣжать? Что сдѣлала я злого?
Однако жъ, да! Я здѣсь, на этомъ свѣтѣ,
Гдѣ часто злой бываетъ прославляемъ,
А тотъ, кто добръ, слываетъ за дурака,
Безумца вреднаго. Что жъ пользы въ томъ,
Что женщины щитомъ я укрываюсь
И говорю: я зла не сотворила?

Входятъ убійцы.

Лэди Макдуффъ.

А, это что за лица?

Первый убійца.

Гдѣ вашъ мужъ?

Лэди Макдуффъ.

Надѣюсь, не въ такомъ нечистомъ мѣстѣ,
Гдѣ бъ могъ онъ встрѣтиться съ такимъ,
какъ ты.

Первый убійца.

Измѣнникъ онъ!

Сынъ.

Ты лжешь, мерзавецъ!

Первый убійца.

Ба!
И онъ туда жъ, негодное отродье!
(*Убиваетъ его*).

Сынъ.

Меня убилъ онъ! Маменька, бѣгите.

(*Умираетъ. Лэди Макдуффъ бѣжитъ, преслѣдуемая убійцами*).

СЦЕНА III.

Англія. Комната во дворцѣ короля.

Входятъ Малькольмъ *и* Макдуффъ.

Малькольмъ.

Пойдемъ и выплачемъ въ уединеньи
Печаль души.

Макдуффъ.

Нѣтъ, лучше обнажимъ
Губящій мечъ, пойдемъ спасать отчизну
И бодро станемъ за свои права.
Что новый день, то вопли новыхъ вдовъ,
И плачъ сиротъ, и тяжкій стонъ несчастья
Восходятъ къ небу—и въ его громахъ
Какъ-будто слышится глаголъ участья.

Малькольмъ.

Я сѣтую о томъ, чему я вѣрю,
А вѣрю я тому, въ чемъ я увѣренъ;
Исправлю все, когда настанетъ время.
Тиранъ, котораго одно названье
Способно воздухъ заразить—когда-то
Онъ честнымъ слылъ. Ты былъ къ нему
привязанъ,
И онъ тебя еще не уязвилъ.
Я молодъ; но и я гожусь въ подарокъ
И мною можно услужить; разсчетъ
Приноситъ въ жертву бѣднаго ягненка,
Чтобъ гнѣвное смирить имъ божество.

Макдуффъ.

Я—не измѣнникъ.

Малькольмъ.

Но Макбетъ измѣнникъ.
Приказъ властителя могъ пошатнуть
И душу честную. Прости мнѣ, Макдуффъ!
Кто бъ ни былъ ты, тебя не перемѣнитъ
Чужая мысль: вѣдь ангелы всѣ свѣтлы,
Хотя свѣтлѣйшіе изъ нихъ и пали.
Когда бы зло прикрылось маской чести,
Добро бы все осталося добромъ.

Макдуффъ.

Я потерялъ мои надежды.

Малькольмъ.

Да,
Быть можетъ, тамъ, гдѣ я нашелъ сомнѣнья.
Съ такой поспѣшностью и не простясь
Покинуть домъ, жену, дѣтей, расторгнуть
Любви святыя узы? Но, Макдуффъ,
Я не хочу обидѣть подозрѣньемъ:
Я безопасенъ быть хочу—и только.
Ты можешь честнымъ быть, что бъ я ни
думалъ.

Макдуффъ.

Страдай, отечество, страдай! ликуй,
Тиранство гордое! Святая правда
Тебя не смѣетъ поразить! Злодѣйствуй:
Законъ призналъ тебя. Прощай, Малькольмъ!
За страны всѣ, подвластныя тирану,
За всѣ сокровища богатаго Востока
Я не могу быть той презрѣнной тварью,
Какой ты счелъ меня.

Малькольмъ.

Не обижайся:
Мое сомнѣніе не безусловно.
Я вѣрю, край родной страдаетъ тяжко;
Довольно слезъ и крови пролито.
Охотно вѣрю, что найдутся руки
Въ защиту правъ моихъ; король Эдвардъ
Даетъ мнѣ войско—что же будетъ дальше?
Положимъ, я попру моей ногою

Знаменитая итальянская актриса Аделаида Ристори (Ristori 1822–1902) въ роли леди Макбетъ.

Тирана голову, или вонжу
Ее на мечъ мой—бѣдная отчизна,
Ты станешь жертвою другихъ страстей!
Тебя больнѣй и глубже истерзаетъ
Наслѣдникъ Макбета.

МАКДУФФЪ.

Но кто же онъ?

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Я самъ. Во мнѣ пороки вкоренились
Такъ глубоко, что дай имъ только волю—
И черный Макбетъ станетъ бѣлъ, какъ снѣгъ.
Народъ, сравнивъ его съ моею злостью,
Увидитъ въ немъ ягненка.

МАКДУФФЪ.

И въ аду
Не сыщешь дьявола, который могъ бы
Поспорить съ Макбетомъ въ искусствѣ зла.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Я знаю, онъ кровавъ, двуличенъ, жаденъ,
Свирѣпъ и золъ—въ немъ живы всѣ пороки;
Но и мое безмѣрно сладострастье:
Всѣ ваши дочери, всѣ ваши жены,
Всѣ ваши дѣвушки не утолятъ
Бездонной пропасти моихъ желаній.
Я грубо ниспровергну всѣ преграды,
Какія встрѣчу на моемъ пути.
Пусть лучше Макбетъ царствуетъ, чѣмъ я.

МАКДУФФЪ.

Конечно, сладострастіе безъ мѣры
Есть тоже зло—жестокій деспотизмъ.
Оно не разъ опустошало троны
И низводило королей. При всемъ томъ,
Чего бояться взять свое? Ты можешь
Насытить страсть свою до пресыщенья

И вмѣстѣ съ тѣмъ воздержнымъ слыть.
У насъ
Довольно дамъ, готовыхъ на услуги;
И коршунъ страсти, какъ ни будь онъ жаденъ,
Не можетъ всѣхъ ихъ исклевать.

Малькольмъ.

Къ тому же,
Въ моей испорченной душѣ живетъ
Ненасытимое любостяжанье.
О! будь я королемъ, я за богатство
Зарѣжу всѣхъ: кого за блескъ алмазовъ,
Кого за земли и дома. Добыча
Не утолитъ неугасимой жажды—
Напротивъ, будетъ только раздражать.
Ни преданность, ни святость не спасутъ
Богатаго отъ плахи и суда.

Макдуффъ.

Да, эта страсть пускаетъ въ душу корни
Опаснѣе и глубже сладострастья.
Она была ужасный мечъ-губитель,
Сразившій нашихъ королей. Однако,
Опять я повторю: чего бояться?
Шотландія богата; ей легко
И эту жажду утолить. Повѣрь мнѣ,
При доблестяхъ иныхъ, все это сносно.

Малькольмъ.

Ихъ ни единой нѣтъ во мнѣ: правдивость,
Умѣренность, терпѣніе, любовь,
Рѣшимость волю подчинить закону,
Умѣнье управлять самимъ ссбой,
Дать доступъ истинѣ и отличать
Заслугу скромную отъ гнусной лести—
О, этихъ доблестей, царя достойныхъ,
Нѣтъ и слѣда во мнѣ! За то кипитъ
Въ моей душѣ водоворотъ пороковъ.
О, дай мнѣ власть—и я въ пучину ада
Сплесну елей согласія и мира,
Разрушу связь—единство на землѣ!

Макдуффъ.

Шотландія! Шотландія!

Малькольмъ.

Скажи,
Такой достоинъ ли быть королемъ?
А я таковъ.

Макдуффъ.

Быть королемъ? О, нѣтъ,
И просто жить онъ даже недостоинъ!
Народъ несчастный, подъ кровавымъ скиптромъ
Тирана страждущій, когда же снова
Увидишь ты дни счастья и покоя?
Наслѣдникъ истинный своимъ признаньемъ
Самъ осудилъ себя и опозорилъ
Свой царскій родъ. Король, отецъ твой,
Благочестивый былъ король; царица,
Тебя родившая, гораздо чаще
Молилась, чѣмъ блистала на престолѣ.
Въ тебѣ, Малькольмъ, нашелъ я всѣ пороки,
Все зло, которое меня изгнало
Изъ милой родины. Прощай! О, сердце,
Здѣсь кончились твои надежды!

Малькольмъ.

Макдуффъ,
Твой честный гнѣвъ, дитя души открытой,
Освободилъ меня отъ подозрѣнья
И примирилъ съ твоею честью. Макбетъ
Уже не разъ пытался хитрой ложью
Меня въ ловушку заманить; но скромность
Меня спасала: не рѣшался я
Повѣрить на-слово всему, что слышалъ.
Но будь Господь свидѣтель между нами:
Отнынѣ я вполнѣ тебѣ ввѣряюсь,
И всѣ слова мои беру назадъ.
Отъ всѣхъ пороковъ отрекаюсь я:
Они мнѣ чужды; я еще невиненъ;
Я клятву данную не нарушалъ;
Едва ль желалъ я своего; всегда
Хранилъ святыню данныхъ словъ и правду
Любилъ, какъ жизнь; здѣсь въ первый разъ солгалъ я
На самого себя. Но прочь, притворство!
Я твой—и весь принадлежу отчизнѣ;
Туда еще до твоего пріѣзда
Готовился итти старикъ Сивардъ
И съ нимъ двѣнадцать тысячъ войска.
Теперь и мы соединимся съ ними.
Господь за праваго! Зачѣмъ молчишь ты?

Макдуффъ.

Меня смутилъ внезапный переходъ
Отъ горя къ радости.

Входитъ докторъ.

Малькольмъ.

Довольно—послѣ.
Его величество сегодня выйдетъ?

Докторъ.

Да, тамъ ужъ ждетъ его толпа несчастныхъ.
Болѣзни ихъ наукѣ недоступны,
Но Богъ благословилъ его десницу:
Едва рукой коснется онъ страдальца—
И онъ здоровъ.

Малькольмъ.

Благодарю васъ, докторъ.
(Докторъ уходитъ).

МАКДУФФЪ.
Что за болѣзнь?

МАЛЬКОЛЬМЪ.
Ее зовутъ здѣсь немочь —
И добрый царь творитъ надъ нею чудо.
Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, въ Англіи, не разъ
Онъ совершалъ его въ моихъ глазахъ.
Какъ молится онъ Господу—не знаю,
Но только онъ страдальцевъ исцѣляетъ,
Покрытыхъ язвами. Врачей наука
Отъ недуга ихъ отреклась—и страшно
На нихъ взглянуть; но онъ, съ святой молитвой
На шею налагая имъ монету,
Врачуетъ ихъ. Въ народѣ говорятъ,
Что царственнымъ потомкамъ передастъ онъ
Свой дивный даръ. Съ цѣлительною силой
Онъ одаренъ и духомъ прорицанья.
Престолъ его украшенъ чудесами—
Знать, благодати преисполненъ онъ!

Входитъ РОССЕ.

МАКДУФФЪ.
Кто это тамъ?

МАЛЬКОЛЬМЪ.
Землякъ, но кто—не знаю.

МАКДУФФЪ.
А, здравствуй, милый братъ!

МАЛЬКОЛЬМЪ.
Теперь узналъ я.
О, Господи, скорѣе уничтожь
Все то, чѣмъ чужды мы другъ другу!

РОССЕ.
Аминь!

МАКДУФФЪ.
Ну, что въ Шотландіи? все то же?

РОССЕ.
Страна несчастная! Увы, ей страшно
И оглянуться на себя! Для насъ
Она не мать, а темная могила.
Улыбки тамъ не встрѣтишь на лицѣ;
На стонъ и вопль, звучащій безъ умолку,
Никто не обращаетъ и вниманья;
Печаль слываетъ за пошлое безумство.
При мрачномъ звукѣ похоронной мѣди
Едва ль кто вздумаетъ спросить: по комъ?
И люди мрутъ, съ болѣзнью не знакомясь,
Какъ вянетъ сорванный цвѣтокъ.

МАКДУФФЪ.
Ужасный,
Но вѣрный очеркъ.

МАЛЬКОЛЬМЪ.
Какъ погибъ послѣдній?

РОССЕ.
Кто вздумаетъ разсказывать о томъ,
Что было часъ назадъ, того освищутъ.
Тамъ что ни мигъ, то новое несчастье.

МАКДУФФЪ.
А что жена?

РОССЕ.
Что? Ничего.

МАКДУФФЪ.
А дѣти?

РОССЕ.
И дѣти тоже.

МАКДУФФЪ.
Извергъ не нарушилъ
Покоя ихъ?

РОССЕ.
Нѣтъ; при моемъ отъѣздѣ
Они покойны были.

МАКДУФФЪ.
Не скупись
Словами, Россе: каково имъ, бѣднымъ?

РОССЕ.
Когда я выѣзжалъ, отягощенный
Вѣстями горькими, пронесся слухъ,
Что многія изъ знатныхъ лицъ убиты.
Я этому повѣрилъ тѣмъ скорѣе,
Что былъ свидѣтелемъ движенья въ войскѣ.
Теперь часъ помощи насталъ: явитесь—
И взоръ вашъ будетъ создавать солдатъ.
Чтобъ ужасъ бѣдствій прекратить, возьмутся
За мечъ и женщины.

МАЛЬКОЛЬМЪ.
Мы въ путь готовы.
Король Эдвардъ даетъ намъ въ помощь войско
И храбраго вождя: старикъ Сивардъ
Славнѣйшій изъ воителей Христа.

РОССЕ.
О, если бъ я на радостныя вѣсти
Могъ также вѣстью радостной отвѣтить!
Но нѣтъ! Я слово вамъ принесъ, друзья!
Ему въ степи бы прозвучать глухой,
А не касаться слуха человѣка!

МАКДУФФЪ.
Къ кому относится оно? ко всѣмъ,
Иль частное въ немъ зло заключено?

РОССЕ.

Въ комъ сердце есть, тотъ будетъ огорченъ;
Но ты особенно.

МАКДУФФЪ.

Такъ говори
Скорѣй!

РОССЕ.

Не прокляни же мой языкъ—
Онъ поразитъ твой слухъ ужасной вѣстью.

МАКДУФФЪ.

О, я предчувствую!

РОССЕ.

Твой замокъ взятъ;
Жену, дѣтей зарѣзали злодѣи.
Разсказывать подробно я не стану:
Я не хочу къ окровавленнымъ трупамъ
Прибавить новый трупъ.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Творецъ небесный!
Макдуффъ, не надвигай на брови шляпу:
Дай скорби вылиться въ словахъ, иначе
Она невидимо источитъ жизнь.

МАКДУФФЪ.

Такъ и дѣтей?

РОССЕ.

Жену, дѣтей, вассаловъ—
Все, что могли найти.

МАКДУФФЪ.

А я былъ здѣсь!
Такъ и жену?

РОССЕ.

Да, и жену.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Мужайся!
Пойдемъ—и эту рану сердца
Пусть безпощадная излѣчитъ месть.

МАКДУФФЪ.

Макбетъ бездѣтенъ! Всѣхъ моихъ малютокъ?
Всѣхъ, говоришь ты? Адскій коршунъ!
Всѣхъ?
Птенцовъ и мать однимъ налетомъ? Дьяволъ!

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Снеси несчастіе, какъ мужъ.

МАКДУФФЪ.

Снесу;
Но я и чувствую его, какъ мужъ.
Я не могу не вспоминать о томъ,
Что было для меня дороже жизни.
И Небо не вступилось? Грѣшный Макдуффъ,
Они погибли за тебя! Презрѣнный,
Не за свои грѣхи они убиты,
А за твои! О, Боже, упокой ихъ!

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Точи свой мечъ на этомъ камнѣ, Макдуффъ!
Дай волю сердцу, растравляй страданье,
Дай скорби превратиться въ гнѣвъ!

МАКДУФФЪ.

Я могъ бы,
Какъ женщина, залиться горькимъ плачемъ,
Храбриться на словахъ; но, Боже, Боже,
Не отлагай суда: лицомъ къ лицу
Сведи меня съ Шотландіи тираномъ!
Дай мнѣ сойтись съ нимъ на длину меча,
И если онъ уйдетъ живой, тогда,
О Господи, прости ему и ты!

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Слова, вполнѣ достойныя мужчины.
Пойдемте къ королю. Войска готовы.
Теперь простимся—и на битву. Макбетъ
Созрѣлъ для гибели—и мечъ небесный
Ужъ занесенъ. Пусть доживаетъ день свой;
Ночь безразсвѣтная уже близка.

(*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Дунсинанъ. Комната въ замкѣ.

Входятъ ДОКТОРЪ *и* ПРИДВОРНАЯ ДАМА.

ДОКТОРЪ. Вотъ уже двѣ ночи, какъ я насторожѣ вмѣстѣ съ вами, а разсказъ вашъ все еще не подтверждается. Когда блуждала она въ послѣдній разъ?

ДАМА. Съ тѣхъ поръ, какъ его величество отправился въ походъ, я не разъ видѣла, какъ она вставала съ постели, набрасывала ночное платье, открывала бюро, брала бумагу, писала, складывала ее, запечатывала и потомъ опять ложилась. И все это въ глубочайшемъ снѣ.

ДОКТОРЪ. Страшное разстройство организма! Наслаждаться благодѣяніемъ сна и въ то же время исполнять дѣла дневныя!

ЛЭДИ МАКБЕТЪ. (Дѣйствіе V, сц. 1).

Рисунокъ акварелью [illegible] Вильгельма фонъ-Каульбаха (Wilhelm von Kaulbach, 1805—1874).

Кромѣ этихъ прогулокъ во время сна и другихъ движеній, не замѣтили ли вы, чтобъ она что-нибудь говорила?

Дама. Да, слова, которыхъ я не повторю.

Докторъ. Мнѣ можно; это даже необходимо.

Дама. Ни вамъ и никому на свѣтѣ. У меня нѣтъ свидѣтелей, которые подтвердили бы сказанное.

Входитъ лэди Макбетъ *со свѣчой.*

Дама. Смотрите — вотъ она идетъ. Всегда такъ—и, клянусь вамъ, она спитъ. Замѣчайте; подойдите ближе.

Докторъ. Гдѣ она взяла свѣчу?

Дама. Свѣча стояла возлѣ нея. Это всегда дѣлается такъ, по ея приказанію.

Докторъ. Вы видите: глаза открыты.

Дама. Но чувство ихъ закрыто.

Докторъ. Что это она дѣлаетъ? Смотрите, какъ она третъ свои руки.

Дама. Это ея привычка—точно моетъ ихъ. Мнѣ случалось видѣть, что она занимается этимъ минутъ двадцать.

Лэди Макбетъ. Вотъ еще пятно.

Докторъ. Тс! она говоритъ. Я запишу слова ея, чтобъ лучше упомнить.

Лэди Макбетъ. Прочь, проклятое пятно! прочь, говорю я. Разъ, два—пора за дѣло! Преисподняя мрачна. Стыдись: солдатъ — и боится? Какое дѣло—знаютъ, нѣтъ ли: кто позоветъ насъ къ отвѣту? Однако, кто бы могъ подумать, что въ старикѣ такъ много крови?

Докторъ. Слышите?

Лэди Макбетъ. У тана файфскаго была жена—гдѣ она теперь? Какъ? неужели эти руки никогда не вымоются дочиста? Полно, другъ мой, полно объ этомъ: ты все дѣло испортишь своей пугливостью.

Докторъ. Продолжай, продолжай! Ты узнала, чего тебѣ не должно было бы знать.

Дама. По крайней мѣрѣ, сказала, чего не должна была говорить. Одному Богу извѣстно, что она узнала.

Лэди Макбетъ. Все еще пахнетъ кровью. Всѣ ароматы Аравіи не омоютъ этой маленькой руки. О-о-о!

Докторъ. Что за вздохъ! Тяжело у нея на сердцѣ!

Дама. Такого сердца я не согласилась бы носить въ груди за все величіе ея сана.

Докторъ. Да, да!

Дама. Успокой ее, Господи!

Докторъ. Эта болѣзнь выше моего искусства. Я зналъ, однако же, людей, ко-

ЛЭДИ МАКБЕТЪ, ВЪ СОСТОЯНІИ СОМНАБУЛИЗМА, СТАРАЕТСЯ СМЫТЬ КРОВАВЫЯ ПЯТНА СЪ РУКИ.

Картина Ричарда Вестолля (Richard Westall, R. A.) (Малая Бойделлевская Галлерея).

торые блуждали во снѣ и потомъ скончались въ мирѣ на смертномъ одрѣ своемъ.

Лэди Макбетъ. Умой руки, набрось ночное платье. Какъ ты блѣденъ! Я говорю тебѣ: Банко похороненъ, и не можетъ встать изъ могилы.

Докторъ. Право?

Лэди Макбетъ. Въ постель! въ постель! Слышишь? Стучатъ въ ворота. Пойдемъ, пойдемъ, пойдемъ! дай мнѣ твою руку. Что сдѣлано, то сдѣлано. Въ постель! въ постель! (*Уходитъ*).

Докторъ. И она ляжетъ теперь?

Дама. Тотчасъ-же.

Докторъ.

Въ народѣ носятся дурные слухи.
Дѣла неслыханныя порождаютъ
И страхъ неслыханный: больная совѣсть
Глухимъ подушкамъ повѣряетъ тайну.
Священникъ ей нужнѣй врача. О, Боже,
Прости намъ всѣмъ! Вамъ надо удалить
Всѣ острыя оружья отъ милэди
И не сводить съ ней глазъ. Теперь прощайте!

Она встревожила мой умъ и взоры:
Я думаю. но говорить не смѣю.

ДАМА.

Покойной ночи, докторъ.
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Поле недалеко отъ Донзинана

Входятъ МЕНТЕТЪ, КАТНЕССЪ, АНГУСЪ. ЛЕНОКСЪ *и войско, съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ.*

КАТНЕССЪ.

Британскія войска недалеко,—
Малькольмъ, Сивардъ и прямодушный Макдуффъ
Ведутъ ихъ въ битву, пламенѣя мщеньемъ;
Обиды ихъ зажгли бы жажду крови
Въ душѣ отшельника.

АНГУСЪ.

Они пойдутъ
Черезъ Бирнамскій лѣсъ. Мы тамъ ихъ встрѣтимъ.

КАТНЕССЪ.

Кто знаетъ, Дональбайнъ при братѣ?

ЛЕНОКСЪ.

Нѣтъ;
Вотъ списокъ всѣхъ дворянъ—тамъ сынъ Сиварда
И много юношей, схватившихъ мечъ
На подвигъ мужества.

МЕНТЕТЪ.

А что тиранъ?

КАТНЕССЪ.

Онъ укрѣпляетъ Донзинанскій замокъ,
Сошелъ съ ума, какъ говорятъ; другіе,
Напротивъ, въ бѣшенствѣ его находятъ
Черту геройства. Несомнѣнно то,
Что онъ не въ силахъ устоять.

АНГУСЪ.

Теперь
Онъ чувствуетъ, какъ тайныя убійства
Сломили силу въ немъ. Повсюду бунты —
Улики собственнаго вѣроломства;
Войска идутъ не изъ любви—изъ страха.
Теперь онъ чувствуетъ, что царскій санъ
Виситъ на немъ, какъ панцырь великана,
Надѣтый карликомъ.

МЕНТЕТЪ.

Понятно,
Какъ падшій духъ смутился отъ проклятій
Преступной совѣсти.

КАТНЕССЪ.

Друзья, идемъ
На встрѣчу истинному королю,
Врачу больного государства. Съ нимъ
Всю нашу кровь прольемъ для исцѣленья
Страны родной.

ЛЕНОКСЪ.

Мы ею оросимъ
Нашъ царственный цвѣтокъ и вырвемъ терны.
Идемте же въ Бирнамъ!
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Донзинанъ. Комната въ замкѣ.

Входятъ МАКБЕТЪ, ДОКТОРЪ *и свита.*

МАКБЕТЪ.

Впередъ съ докладами не приходить!
Пусть всѣ бѣгутъ: пока Бирнамскій лѣсъ
Не двинулся на Донзинанскій замокъ,
Страхъ незнакомъ мнѣ. Что дитя Малькольмъ?
Иль онъ не женщиной рожденъ? „Не бойся“,
Сказали духи мнѣ—а имъ открыты
Судьбы людей— „тебѣ не повредитъ
Рожденный женщиной“. Бѣгите жъ, таны,
Бѣгите къ Англіи изнѣженнымъ сынамъ!
Мой крѣпокъ духъ—и сердцу не смутиться;
Сомнѣнья всѣ и страхъ мнѣ незнакомы.

Входитъ СЛУГА.

МАКБЕТЪ.

Чтобъ почернѣть тебѣ въ когтяхъ у чорта!
Глядитъ, какъ гусь. Чего ты поблѣднѣлъ?

СЛУГА.

Тамъ десять тысячъ...

МАКБЕТЪ.

Да, гусей, конечно?

СЛУГА.

Солдатъ, мой государь.

МАКБЕТЪ.

Возьми румянъ,
Замажь свой страхъ. Что за солдаты, баба?
Чтобъ чортъ тебя унесъ! Ты только годенъ
Пугать другихъ. Что за солдаты, трусъ?

СЛУГА.

Британскія войска, мой государь.

Макбетъ.

Пошелъ же!

(Слуга уходитъ).

Сейтонъ! Мнѣ тѣснитъ въ груди,
Когда подумаю, что битва эта разомъ
Покончитъ все—убьетъ или излѣчитъ.
Довольно долго пожилъ я; мой май
Промчался быстро; желтыми листами
Опалъ моей весны увядшій цвѣтъ.
Но гдѣ же спутники преклонныхъ лѣтъ?
Любовь, почтеніе, кружокъ друзей—
Ихъ мнѣ не ждать: на мѣсто ихъ — проклятья
На днѣ сердецъ и лесть на языкѣ.
Ихъ жалкій родъ и въ ней бы отказалъ мнѣ,
Когда бы смѣлъ. Сейтонъ!

Входитъ Сейтонъ.

Сейтонъ.

Здѣсь, государь.

Макбетъ.

Что новаго?

Сейтонъ.

Все оказалось правдой,
О чемъ слуга докладывалъ тебѣ

Макбетъ.

Такъ я дерусь, пока мнѣ не обрубятъ
Всѣ мускулы съ костей. Эй, дать мнѣ панцырь!

Сейтонъ.

Еще успѣете.

Макбетъ.

Подать, я говорю!
Пошли за валъ еще кавалеристовъ—
И вѣшать всѣхъ, кто только заикнется
О страхѣ предъ врагомъ. Подай мнѣ панцырь!
А что твоя больная, докторъ?

Докторъ.

Страждетъ
Подъ гнетомъ мрачныхъ и тяжелыхъ грезъ.

Макбетъ.

Ну, что же—вылѣчи ее. Иль ты
Больной души не можешь исцѣлить,
Не можешь грусть изъ сердца вырвать съ корнемъ,
Изгладить врѣзанную въ мозгъ заботу
И сладкимъ усыпляющимъ лѣкарствомъ
Очистить грудь отъ ядовитой дряни?

Докторъ.

Отъ этихъ недуговъ я не лѣчу.
Пусть самъ больной отыскиваетъ средства.

Знаменитая англійская актриса Сиддонсъ (Siddons, 1755—1831) въ роли лэди Макбетъ (Дѣйствіе 5, сц. 1).

Макбетъ.

Такъ брось же псамъ твои лѣкарства—что въ нихъ?
Подай мнѣ шлемъ! гдѣ мечъ? Подай! не надо...
Всѣ таны, докторъ, отъ меня бѣгутъ.
Скорѣй, Сейтонъ! О если бы ты могъ
Узнать болѣзнь моихъ владѣній, докторъ,
И возвратить имъ крѣпость прежнихъ лѣтъ,
Я эхо пробудилъ бы славою твоей...
Прими, я говорю... Какія травы,
Коренья, мази, порошки, пилюли
Избавятъ насъ отъ англичанъ? Ты слышалъ?

Докторъ.

Я вижу, государь, приготовленья
Для встрѣчи ихъ.

Макбетъ.

На, отнеси за мною.
Пока не тронулся Бирнамскій лѣсъ—
Все вздоръ: ни ядъ, ни мечъ мнѣ не опасны.

Докторъ.

Дай только Богъ уйти изъ Донзинана!
За горы золота не возвращусь. *(Уходятъ).*

СЦЕНА IV.

Поле недалеко отъ Донзинана. Вдали виденъ лѣсъ.

Входятъ Малькольмъ, Сивардъ *съ сыномъ*, Макдуффъ, Ментетъ, Катнессъ, Ангусъ, Леноксъ и Россе, *за ними — войско.*

Малькольмъ.

Итакъ, друзья, мы можемъ утѣшаться,
Что близокъ часъ, когда подъ мирной кровлей
Начнемъ мы жизнь, свободную отъ страха.

Ментетъ.

Въ томъ нѣтъ сомнѣнья.

Сивардъ.

Это что за лѣсъ?

Ментетъ.

Бирнамскій лѣсъ.

Малькольмъ.

Пусть каждый изъ солдатъ
Отрубитъ вѣтвь: подъ тѣнью ихъ мы скроемъ
Число людей—и врагъ нашъ ошибется.

Солдатъ.

Иду—и вмигъ исполнено все будетъ.

Сивардъ.

Мы слышимъ, что тиранъ, надежды полный
Засѣлъ въ стѣнахъ и ждетъ осады замка.

Малькольмъ.

Да, Донзинанъ—его оплотъ послѣдній;
Всѣ отложились отъ него; вельможа
И бѣдный рабъ бѣгутъ, нашедши случай;
А кто остался поневолѣ съ нимъ,
Тотъ сердцемъ далеко.

Макдуффъ.

Дождемся слѣдствій,—
Они разсудятъ лучше словъ. Впередъ!

Сивардъ.

Идемте. Дѣло разрѣшитъ вопросъ.
Надежда словъ—пустой, невѣрный призракъ;
Ударъ меча ее осуществитъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Донзинанъ. Дворъ внутри замка.

Входятъ Макбетъ, Сейтонъ *и солдаты съ знаменами и барабаннымъ боемъ.*

Макбетъ.

Знамена выставить на укрѣпленьяхъ!
Отвсюду крикъ: „идутъ! идутъ!“ мнѣ слышенъ.
Мой замокъ крѣпокъ: пусть ведутъ осаду—
Она смѣшна. Подъ этими стѣнами
Они чумы иль голода дождутся!
Не будь у нихъ такъ много нашихъ тановъ,
Я встрѣтилъ бы гостей лицомъ къ лицу
И проводилъ бы съ честью ихъ домой.
(*Изъ замка слышенъ крикъ женщины*).
Что тамъ за крикъ?

Сейтонъ.

Какъ-будто женскій вопль.
(*Уходитъ*).

Макбетъ.

Я позабылъ почти, что значитъ страхъ.
А было время—чувства замирали
При крикѣ совъ, а отъ ужасныхъ сказокъ
На головѣ вставали волоса,
Какъ будто въ нихъ дышала жизнь! Я сытъ;
Всѣхъ ужасовъ полна моя душа—
И трепетать я не могу.

Сейтонъ *возвращается.*

Макбетъ.

Ну, что тамъ?

Сейтонъ.

Ея величество скончалась, государь.

Макбетъ.

Она могла бы умереть и позже:
Всегда бъ притти поспѣла эта вѣсть.
Да, завтра, завтра—и все то же завтра
Скользитъ невидимо со дня на день
И по складамъ отсчитываетъ время;
А всѣ вчера глупцамъ лишь озаряли
Дорогу въ гробъ. Такъ, догорай, огарокъ!
Что жизнь?—Тѣнь мимолетная, фигляръ,
Неистово шумящій на подмосткахъ
И черезъ часъ забытый всѣми; сказка
Въ устахъ глупца, богатая словами
И звономъ фразъ, но нищая значеньемъ!

Входитъ вѣстникъ.

Макбетъ.

Ты хочешь что-то говорить—скорѣй!

ДОНЗИНАНЪ И БИРНАМСКІЙ ЛѢСЪ.

Рисунокъ Сарджента (Sargent).

Вѣстникъ.

Я долженъ доложить о томъ, что видѣлъ,
Но истинно не знаю, какъ сказать.

Макбетъ.

Что жъ? говори.

Вѣстникъ.

Стоявши на часахъ,
Взглянулъ съ горы я на Бирнамскій лѣсъ:
Гляжу—и вдругъ мнѣ показалось, будто
Онъ движется.

Макбетъ.

Ты лжешь. (*Бьетъ его*).

Вѣстникъ.

Когда-я лгу,
Пусть на меня падетъ вашъ гнѣвъ. Взгляните!
Я говорю вамъ: онъ идетъ—отсюда видно.

Макбетъ.

Послушай! если ты солгалъ—живому
На первомъ деревѣ тебѣ висѣть,
Пока отъ голода ты не изсохнешь!
Но если правду ты сказалъ, тогда—
Мнѣ все равно—повѣсь меня, пожалуй.
Моя увѣренность поколебалась:
Въ словахъ врага людей двойной я вижу
смыслъ!
Онъ лжетъ и въ истинѣ: „Не бойся, Макбетъ,
Пока не двинется Бирнамскій лѣсъ!"
И вотъ онъ двинулся. Такъ въ поле, въ поле!
Теперь мнѣ все равно—спасенья нѣтъ.
Мнѣ опротивѣлъ этотъ свѣтъ. Иду,
И если пасть мнѣ суждено—паду
Съ мечомъ въ рукахъ. Ударить сборъ, тревогу!
О, если бъ міръ разрушился со мной!

(*Уходитъ*).

СЦЕНА VI.

Тамъ же. Долина передъ замкомъ.

Входятъ Малькольмъ, *старикъ* Сивардъ, Макдуффъ *и другіе. За ними войско съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ. Солдаты держатъ въ рукахъ вѣтви.*

Малькольмъ.

Мы подошли теперь довольно близко;
Пора явиться въ настоящемъ видѣ.
Отбросьте вѣтви! Вы, почтенный дядя,
И вашъ отважный, благородный сынъ—

Вы поведете авангардъ, а я
И храбрый Макдуффъ—мы распорядимся
Всѣмъ остальнымъ, согласно съ нашимъ планомъ.

СИВАРДЪ.

Намъ лишь бы засвѣтло сойтись съ врагомъ,
А тамъ умремъ иль побѣдимъ.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Трубите! (*Уходятъ*).

СЦЕНА VII.

Тамъ же. Другая часть равнины.

Шумъ битвы. Входитъ МАКБЕТЪ

МАКБЕТЪ.

Я окруженъ: бѣжать уже нельзя!
Какъ звѣрь, за жизнь я принужденъ сражаться!
Но гдѣ же тотъ, кто не рожденъ женой?
Его боюсь я—больше никого.

Входитъ молодой СИВАРДЪ.

МОЛОДОЙ СИВАРДЪ.

Кто ты?

МАКБЕТЪ.

Не спрашивай: ты ужаснешься
При имени моемъ.

МОЛОДОЙ СИВАРДЪ.

Нѣтъ, никогда,
Хоть будь оно ужаснѣй всѣхъ именъ,
Какія слышатся въ аду.

МАКБЕТЪ.

Я—Макбетъ.

МОЛОДОЙ СИВАРДЪ.

Самъ сатана не могъ бы произнесть
Мнѣ болѣ ненавистнѣйшаго звука!

МАКБЕТЪ.

И болѣе ужаснаго.

МОЛОДОЙ СИВАРДЪ.

Ты лжешь!
Я докажу тебѣ мечомъ, презрѣнный,
Что ты солгалъ.
(*Они сражаются. Молодой Сивардъ падаетъ*).

МАКБЕТЪ.

Ты женщиной рожденъ—
Смѣшенъ мнѣ мечъ безвредный и тупой
Въ рукѣ рожденнаго на свѣтъ женой.
(*Уходитъ. Шумъ битвы продолжается*).

Входитъ МАКДУФФЪ.

МАКДУФФЪ.

Шумъ битвы здѣсь, но гдѣ же ты, тиранъ?
Явись! О, если отъ чужой руки
Погибнешь ты, мнѣ не найти покоя
Отъ призраковъ малютокъ и жены!
Я не могу рубить наемныхъ керновъ;
Съ тобой же, Макбетъ, мы поспоримъ насмерть.
Иль мечъ въ ножны вложу я безъ удара.
Ты, вѣрно, тамъ: по громкимъ крикамъ слышно,
Что знатный бьется тамъ боецъ. О, счастье!
Я объ одномъ молю: сведи насъ вмѣстѣ.
(*Уходитъ. Шумъ битвы продолжается*).

Входятъ МАЛЬКОЛЬМЪ *и старикъ* СИВАРДЪ.

СИВАРДЪ.

Сюда, мой принцъ: мы овладѣли замкомъ!
Солдаты похитителя дерутся
За насъ и противъ насъ. Еще немного
И врагъ разбитъ.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Да, онъ дерется плохо.

СИВАРДЪ.

Войдите въ замокъ. (*Они уходятъ*).

СЦЕНА VIII.

Другая часть равнины.

Входитъ МАКБЕТЪ.

МАКБЕТЪ.

Къ чему играть роль римскаго глупца
И грудью пасть на собственный свой мечъ,
Пока передо мной живые люди?
Нѣтъ, лучше раны наносить.

Входитъ МАКДУФФЪ.

МАКДУФФЪ.

Стой, извергъ!

МАКБЕТЪ.

Изъ всѣхъ людей я избѣгалъ тебя.
Ступай: душа моя уже довольно
Запятнана твоею кровью, Макдуффъ!

МАКДУФФЪ.

Мой мечъ—языкъ мой; у меня нѣтъ словъ,
И имъ не выразить, какъ гнусенъ ты.
(*Они сражаются*).

МАКБЕТЪ ПЕРЕДЪ ПОСЛѢДНИМЪ БОЕМЪ.
Картина Вильгельма фонъ-Каульбаха (Wilhelm von Kaulbach).

ПРОВОЗГЛАШЕНІЕ МАЛЬКОЛЬМА КОРОЛЕМЪ.
(Постановка Макбета при дворѣ Принца въ 1888 г.)

МАКБЕТЪ.
Напрасно ты теряешь трудъ, Макдуффъ!
Твой острый мечъ скорѣе можетъ ранить
Нераздѣлимый воздухъ, чѣмъ меня.
Побереги его, онъ пригодится
Для черепа, доступнаго желѣзу;
А я заговоренъ—мнѣ не опасенъ
Рожденный женщиной.

МАКДУФФЪ.
Разочаруйся жъ
И знай, служитель сатаны, что Макдуффъ
Изъ чрева вырѣзанъ, а не рожденъ.

МАКБЕТЪ.
Будь проклятъ твой языкъ за это слово!
Онъ вырвалъ бодрость изъ моей души.
Да будутъ прокляты и силы ада!
Онѣ дурачатъ насъ: въ словахъ коварныхъ
Сулятъ успѣхъ—и поражаютъ дѣломъ!
Я не дерусь съ тобой.

МАКДУФФЪ.
Такъ сдайся, трусъ!
Ты рѣдкій звѣрь; народу на потѣху
Мы въ клѣткѣ выставимъ тебя: пустьсмотрятъ
На изверга, какого не бывало.

МАКБЕТЪ.
Мнѣ сдаться—жить на поруганье черни?
Мнѣ ползать и лизать Малькольму ноги?
Нѣтъ, никогда! Хотя Бирнамскій лѣсъ
И двинулся на Донзинанскій замокъ,
Хотя ты женщиной и не рожденъ,
Послѣднее хочу я испытать.
Щитъ на груди—его руби, Макдуффъ,
И проклятъ будь, кто первый скажетъ: „стой“!
(Они уходятъ, сражаясь. Отступленіе).

Входятъ МАЛЬКОЛЬМЪ, *старикъ* СИВАРДЪ, РОССЕ, ЛЕНОКСЪ, АНГУСЪ, КАТНЕССЪ, МЕНТЕТЪ *и войска съ развернутыми знаменами и барабанымъ боемъ.*

МАЛЬКОЛЬМЪ.
Дай Богъ, чтобъ всѣ явились на-лицо!

СИВАРДЪ.
Инымъ и не явиться; но побѣда
Досталась дешево.

МАЛЬКОЛЬМЪ.
Макдуффа нѣтъ
И сына вашего.

РОССЕ.
Вашъ сынъ окончилъ

Свой счетъ съ войной. Онъ выступилъ, какъ отрокъ,
И палъ, какъ мужъ, на шагъ не отступая.

СИВАРДЪ.

Такъ онъ убитъ?

РОССЕ.

И съ поля унесенъ.
Забудьте доблести его; иначе
Безмѣрна будетъ ваша скорбь.

СИВАРДЪ.

Онъ раненъ спереди?

РОССЕ.

Да, прямо въ грудь.

СИВАРДЪ.

Такъ будь же, сынъ мой, ратникомъ Господнимъ!
Будь у меня хоть сотня сыновей—
Я всѣмъ имъ лучшей не желаю смерти.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

О немъ нельзя не пожалѣть.

СИВАРДЪ.

Довольно.
Онъ честно разсчитался съ жизнью—Богъ съ нимъ!
Вотъ новая и радостная вѣсть.

Входитъ МАКДУФФЪ, *съ головою Макбета на копьѣ.*

МАКДУФФЪ.

Да здравствуетъ король! Смотри, Малькольмъ:
Вотъ гнуснаго злодѣя голова...
Свободенъ міръ! Вокругъ тебя я вижу
Всѣ перлы трона твоего. Друзья!
Воскликнемъ же отъ сердца глубины:
„Да здравствуетъ Малькольмъ, король шотландскій!“

ВСѢ.

Да здравствуетъ Малькольмъ, король шотландскій! (*Звуки трубъ*).

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Мое спасибо не замедлитъ. Таны,
Отнынѣ графы—и этимъ титломъ
Шотландія привѣтствуетъ васъ первыхъ!
Все прочее, что предстоитъ исполнить—
Призвать друзей, бѣжавшихъ изъ отчизны
Искать спасенья отъ сѣтей тирана,
Открыть помощниковъ цареубійцы
И злой жены его, какъ слышно павшей
Отъ собственной руки—мы все исполнимъ
Съ Господней помощью; а между тѣмъ
Благодаримъ васъ всѣхъ и просимъ въ Сконъ
На торжество коронованья.

(*Уходятъ при звукахъ трубъ*).

А. Кронебергъ.

ГОЛОВА МАКБЕТА ВЪ РУКАХЪ МАКДУФФА.
Композиція Джильберта (Gilbert).

Заглавная виньетка къ Тимону Аѳинскому сэра Джона Джильберта (Sir John Gilbert).

РАЗВАЛИНЫ ПАРѲЕНОНА (ХРАМЪ АѲИНЫ ВЪ АѲИНСКОМЪ АКРОПОЛѢ).

ТИМОНЪ АѲИНСКІЙ.

Donec eris felix multos numerabis amicos
Tempora si fuerint nubila, solus eris.
Ovid. Trist.
IX eleg.

I.

Приведенныя слова Овидія въ извѣстномъ смыслѣ представляютъ все содержаніе драмы, интересъ которой сосредоточенъ въ лицѣ самого Тимона, познавшаго людскую неблагодарность и ставшаго вслѣдствіе этого человѣконенавистникомъ. Всѣ остальныя роли въ пьесѣ или имѣютъ эпизодическій характеръ, или служатъ для болѣе яркаго освѣщенія внутренняго перелома, происшедшаго съ героемъ пьесы. Кольриджъ, восхищавшійся отдѣльными сценами „Тимона Аѳинскаго", находилъ, что въ общемъ драма производитъ тягостное впечатлѣніе, такъ какъ въ ней человѣческая природа изображена въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ. Съ этимъ нельзя согласиться вполнѣ. Драма дѣйствительно заканчивается диссонансомъ—гибнетъ прекрасная душа, уходящая въ иной міръ безъ всякаго примиренія съ людьми—и зритель выходитъ изъ театра съ тяжелымъ чувствомъ, вызваннымъ безплодной тратою нравственной силы. Но мрачный тонъ пьесы смягчается двумя обстоятельствами: во первыхъ, развращенныя Аѳины, загубленныя эгоизмомъ и алчностью интеллигентнаго класса, какъ-бы получаютъ заслуженную кару: Алкивіадъ ихъ покорилъ и собирается чинить судъ и расправу; во вторыхъ, въ драмѣ имѣются двѣ категоріи лицъ съ совершенно противоположными

душевными качествами. Вся интеллигенція, за исключеніемъ самого Тимона и, отчасти, Алкивіада, оказывается, дѣйствительно, насквозь прогнившей и поклоняющейся лишь одному Богу — золотому тельцу; но люди, принадлежащіе къ низшимъ общественнымъ слоямъ, какъ напр. управляющій имѣніемъ Тимона, служителя сенаторовъ и Тимона и, наконецъ, даже разбойники, желавшіе ограбить Тимона, оказываются не только доступными идеѣ добра, но даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ положительно благородными и чуткими. И эта антитеза проведена въ драмѣ весьма послѣдовательно. Такимъ образомъ драма не такъ ужъ безпросвѣтно мрачна, какъ полагалъ Кольриджъ.

Герой драмы, Тимонъ, представляетъ собой психологическую проблему, очерченную столь же ярко, какъ напр. Лиръ или Макбетъ. Для выясненія характера главнаго дѣйствующаго лица важны поступки и рѣчи не только самого Тимона, но также и тѣхъ лицъ, которыя выведены въ драмѣ именно для того, чтобы полнѣе изобразить Тимона. Въ пьесѣ соединены въ одно цѣлое, притомъ соединены, быть можетъ, не совсѣмъ удачно, двѣ различныхъ фабулы; въ одной главнымъ лицомъ является Тимонъ, въ другой—Алкивіадъ; ихъ характеры и судьба представляютъ замѣчательную противоположность. Тимонъ изъ счастливаго, довѣрчиваго, щедраго и общительнаго превращается въ несчастнаго бѣдняка и человѣконенавистника, не довѣряющаго даже преданнымъ ему людямъ; Алкивіадъ, наоборотъ, будучи, по словамъ Тимона, бѣднымъ солдатомъ, попадаетъ въ бѣду благодаря заступничеству за неизвѣстнаго друга, котораго корыстные управители Аѳинъ приговариваютъ къ смертной казни. Заступничество Алкивіада влечетъ за собой вѣчное изгнаніе, но въ концѣ пьесы мы видимъ Алкивіада торжествующимъ; онъ побѣдилъ Аѳины и собирается наказать враговъ Тимона и своихъ недруговъ, а остальнымъ гражданамъ даровать миръ и порядокъ. Алкивіадъ, впрочемъ, очерченъ въ пьесѣ блѣдно. Онъ единственный искренній другъ Тимона, но объ этомъ зрителю приходится догадываться, ибо Тимонъ въ несчастіи относится и къ Алкивіаду съ нескрываемой непріязнью, хотя ранѣе обращался съ нимъ какъ съ другомъ и не пригласилъ его на тотъ пиръ, въ которомъ поставилъ себѣ цѣлью изобличить льстецовъ и ложныхъ друзей. Брань Тимона, однако, нисколько не раздражаетъ Алкивіада, и когда онъ читаетъ эпитафію Тимона, найденную солдатомъ, то въ словахъ его слышится лишь скорбь объ утратѣ друга и великаго гражданина.

Болѣе ярко, чѣмъ Алкивіадъ, охарактеризованъ въ пьесѣ циникъ Апемантъ, занимающій, подобно Алкивіаду, особое мѣсто. Роль философа, напоминающаго зрителю о тщетѣ того, что люди обыкновенно цѣнятъ въ жизни, весьма умѣстна для оттѣненія такого жизнерадостнаго характера, какимъ является Тимонъ въ первой половинѣ пьесы. Но и во второй половинѣ Тимонъ-человѣконенавистникъ, въ сущности, точно такъ же высоко цѣнитъ все преходящее и малоцѣнное само по себѣ; именно потому, что люди оказались не соотвѣтствующими его представленію о нихъ, онъ сталъ ихъ ненавидѣть; но это чувство Тимона вовсе не есть презрѣніе и ненависть къ людямъ вообще; напротивъ, его наполняетъ жажда мщенія: „мнѣ противенъ этотъ лживый свѣтъ“, говоритъ онъ, и тѣмъ ясно показываетъ, что до сознанія тщеты бытія онъ не возвысился и никогда не возвысится. Въ Тимонѣ нѣтъ созерцательнаго спокойствія, онъ живетъ для друзей, и когда онъ лишается того, что привыкъ цѣнить въ мірѣ, у него не остается ничего; даже жажда мести, которая его наполняетъ, не вызываетъ въ немъ желанія созерцать месть. Роль философа, напоминающаго Тимону, что къ людямъ можетъ быть еще и иное отношеніе, кромѣ безграничнаго довѣрія и безразсудной расточительности или же мстительной ненависти, могла бы быть и весьма благодарной и весьма благородной, хотя, можетъ быть, отлилась бы въ форму слишкомъ отвлеченную и мало жизненную. Шекспиръ изъ роли философа Апеманта сдѣлалъ нѣчто совершенно иное, болѣе удачное въ извѣстномъ отношеніи, такъ какъ авторъ воспользовался ролью Апеманта для характеристики героя пьесы. Въ настроеніи Апеманта есть нѣкоторое сходство съ тѣмъ душевнымъ состояніемъ Тимона, которое изображено во второй половинѣ пьесы, но мотивы ихъ настроеній совершенно различны. Апемантъ умный эгоистъ, презирающій людей за ихъ лживость, но онъ пользуется своимъ знаніемъ жизни и людей для того, чтобы самому прожить какъ можно спокойнѣе и удобнѣе. Тимонъ живетъ въ ослѣпленіи, а Апемантъ, напротивъ, видитъ насквозь мнимыхъ друзей богача-аѳинянина, и это даетъ Апеманту въ началѣ пьесы нѣкоторый перевѣсъ и превосходство. Апемантъ кажется благоразумнымъ, и его

упреки безразсудному расточителю кажутся основательными. Но въ излишне растянутой бесѣдѣ, которую Апемантъ ведетъ съ несчастнымъ Тимономъ въ лѣсу, превосходство натуры послѣдняго выступаетъ и обнаруживается съ полною ясностью. „Благородный“ Тимонъ, какъ его называетъ Алкивіадъ, имѣлъ, конечно, основаніе презирать людей, но какія основанія имѣетъ грубый, хотя и умный, но безсердечный Апемантъ, для котораго презрѣніе служитъ лишь средствомъ для пріятнѣйшей жизни? Сужденіе Тимона о своей расточительности— „безумно, но не недостойно я раздавалъ“— получаетъ блистательное оправданіе и осужденіе Тимона, какъ ограниченнаго ума и безразсуднаго расточителя [1]), впавшаго при первой неудачѣ въ отчаяніе, становится невозможнымъ.

Обращаясь къ герою драмы, мы постараемся указать основную черту его характера. Гервинусъ въ своемъ анализѣ Тимона указалъ на то, что Шекспиръ дважды изобразилъ власть денегъ надъ человѣкомъ и притомъ въ противоположномъ направленіи: гибель скупого изображена въ Шейлокѣ, гибель расточителя—въ Тимонѣ; и тамъ, и тутъ страсть влечетъ за собой внутренній разладъ и вытекающую изъ него кару. Это мнѣніе Гервинуса на первый взглядъ можетъ показаться правильнымъ, ибо деньги дѣйствительно играютъ нѣкоторую роль въ пьесѣ. Однако при ближайшемъ разсмотрѣніи получается нѣчто совсѣмъ иное. Богатство Тимона вовсе не существенно для его характеристики, деньги для него не имѣютъ значенія сами по себѣ. Не щедрость есть основная черта характера Тимона, а его общительность и благожелательность, а изъ нихъ уже вытекаетъ и щедрость. Богатство для Тимона имѣетъ лишь цѣну, какъ наиболѣе легкое и дѣйствительное средство оказывать помощь людямъ и этимъ путемъ пріобрѣтать ихъ дружбу. Тимонъ желаетъ быть менѣе богатымъ, чтобы дать друзьямъ возможность проявить свою любовь къ нему. Убѣдившись въ негодности этого средства, Тимонъ не можетъ радоваться находкѣ клада; онъ понялъ, что деньги представляютъ лишь средство для разъединенія людей, ибо они порождаютъ зависть и многія другія дурныя чувства, нисколько не связывая людей между собой. Еслибъ Тимонъ былъ расточителемъ, то онъ, найдя кладъ, началъ бы вновь вести свой прежній образъ жизни. Тогда онъ не могъ бы произнести своего прекраснаго монолога противъ богатства (въ третьемъ актѣ). Сравненіе Тимона съ Лиромъ, которое дѣлаетъ Кольриджъ, имѣетъ бо́льшее основаніе: съ Шейлокомъ Тимонъ имѣетъ нѣкоторое внѣшнее сходство, съ Лиромъ же внутреннее сродство. Судьба Тимона, подобно судьбѣ Лира, вызываетъ въ зрителѣ состраданіе, которое ростетъ съ каждымъ актомъ. Рѣчи Тимона человѣконенавистника гораздо содержательнѣе и самъ онъ много интереснѣе Тимона любвеобильнаго и друга людей. Въ первыхъ актахъ можно найти лишь немного оригинальныхъ мыслей, вложенныхъ въ уста Тимона, и самая форма его рѣчей довольно блѣдна и банальна. Только съ того момента, когда Тимонъ понялъ человѣческую природу, проникъ въ душу льстецовъ и ложныхъ друзей, только съ этого момента мысли Тимона получаютъ общечеловѣческое значеніе и находятъ себѣ выраженіе въ великолѣпныхъ, поразительныхъ по силѣ тирадахъ несчастнаго. Прозрѣніе должно было стоить жизни Тимону, ибо оно лишало его существованіе самаго сокровеннаго смысла. Гете назвалъ Тимона „комическимъ субъектомъ“, въ противоположность мизантропу Мольера [1]), котораго Гете находитъ „трагическимъ“. Безъ сомнѣнія, еслибъ Тимонъ имѣлъ хоть малую дозу философскаго спокойствія олимпійца Гете, то онъ не сталъ бы довѣрять друзьямъ, или, потерявъ вѣру въ людей, отнесся бы къ этому съ холоднымъ равнодушіемъ. Но шекспировскій Тимонъ вовсе не созерцающій философъ. Онъ цѣликомъ прикованъ къ землѣ, къ обществу и счастливъ тѣмъ, что ничѣмъ не возвышается надъ уровнемъ другихъ, кромѣ нѣкоторой чуткости къ чужому горю и постоянной готовности

[1]) Такое осужденіе характера Тимона произноситъ Конрадъ (Shakespeare-Jahrbuch XXIX. ст. 110), называя его „безсмысленнымъ расточителемъ“, относительно котораго никто не можетъ питать сожалѣнія“. На основаніи этого Конрадъ считаетъ первые акты пьесы не шекспировскими. Новѣ цимому, Конрадъ потому и осуждаетъ характеръ Тимона, который, кстати сказать, онъ и понимаетъ неправильно, что считаетъ первые акты не шекспировскими.

[1]) Сравненіе характеровъ Тимона и Алцеста въ Мольеровскомъ Мизантропѣ можно найти у Paul de Saint Victor. Les deux masques (deuxième serie. Les modernes). Paris 1883. Авторъ справедливо замѣчаетъ: On respecte Alceste, mais il fait sourire: Timon inspire une pitié mêlée d'épouvante.... Shakespeare étale à nu le type que Molière recouvre de décence et de dignité стр. 73.

помочь ближнему. Хотя онъ живетъ лишь „въ сновидѣніи дружбы“, но въ этомъ снѣ онъ вполнѣ счастливъ. Въ характерѣ Тимона нѣтъ ничего героическаго, нѣтъ ничего возвышеннаго: еслибъ онъ силою своего духа поборолъ разразившееся надъ нимъ несчастье, еслибы онъ съ твердостью перенесъ крушеніе матеріальнаго блага, еслибъ за вѣроломство друзей сталъ бы винить лишь себя, а не человѣческую природу, тогда мы могли бы дивиться побѣдѣ нравственной мощи надъ природной склонностью, но трагизма въ положеніи Тимона не было-бы. Трагизмъ получился именно благодаря тонкому пониманію, съ которымъ Шекспиръ надѣлилъ Тимона общительнымъ темпераментомъ, щедрымъ и добрымъ, но лишеннымъ нравственной мощи, возвышающей человѣка надъ окружающей средою. Только такія качества характера, какими обладалъ Тимонъ, должны были привести его къ гибели, и только при этихъ условіяхъ можно было показать интересное зрѣлище, какъ внутренняя психологическая необходимость влечетъ человѣка къ гибели, которая кажется совершенно незаслуженной, если смотрѣть лишь на внѣшнія обстоятельства.

Весь интересъ пьесы сосредоточенъ на раскрытіи психологической необходимости характера главнаго дѣйствующаго лица. Только этому, повидиму, авторъ придавалъ значеніе, оставивъ въ тѣни все остальное.

Сама пьеса распадается на двѣ рѣзко различныя части. Въ первой (первые три акта) Тимонъ изображенъ во всемъ блескѣ своего богатства, доброты и щедрости; съ тонкимъ юморомъ охарактеризованы друзья, льстецы и прихлебатели, въ души которыхъ постепенно закрадывается подозрѣніе, что Тимонъ разорится, что онъ уже разоренъ. Удивленію Тимона, узнавшему о низости людей, имъ облагодѣтельствованныхъ, нѣтъ границъ. Онъ рѣшается изобличить ихъ и отомстить имъ тѣмъ, что обнаруживаетъ низость ихъ души. Но эта месть не можетъ удовлетворить и не удовлетворяетъ разочарованнаго Тимона. Вторая часть пьесы представляетъ намъ Тимона, удалившагося въ лѣсъ, дабы не встрѣчаться съ людьми и имѣть возможность предаться отчаянію; но люди Тимона не забыли: они идутъ за нимъ въ лѣсъ, кто съ предложеніемъ помощи, кто съ просьбой о помощи, ибо распространился слухъ, оказавшійся справедливымъ, что Тимонъ нашелъ кладъ. Но Тимону ни кладовъ, ни людей не надо. Обѣ части пьесы соединены между собой довольно слабо. Въ пьесѣ нѣтъ женскихъ ролей, сколько нибудь значительныхъ. Въ первой части, правда, являются танцовщицы, а во второй двѣ легкомысленныя спутницы Алкивіада даютъ возможность Тимону произнести нѣсколько громкихъ филиппикъ противъ людей вообще и женщинъ въ особенности.

II.

Достоинства пьесы Шекспира настолько очевидны, что дѣлаютъ вполнѣ понятнымъ увлеченіе ею Кольриджа и Шиллера. Въ особенности Шиллеръ считалъ дѣломъ первой важности приспособить къ нѣмецкой сценѣ „Тимона“. Дѣйствительно, характеръ Тимона и переломъ въ его душевномъ настроеніи изображены столь ярко, что эту роль слѣдуетъ считать одною изъ наиболѣе выигрышныхъ изъ всего шекспировскаго репертуара. Тѣмъ не менѣе пьесу ставили весьма рѣдко и врядъ-ли она имѣла успѣхъ, что вполнѣ понятно, потому что наряду съ большими достоинствами она обладаетъ, можетъ быть, еще бóльшими недостатками. Трудно указать у Шекспира другую пьесу, которая была бы написана столь неровно, какъ „Тимонъ“; наряду съ настоящими перлами попадаются непонятныя оплошности и неловкости, которыхъ легко могъ бы избѣжать и менѣе даровитый авторъ. И эти недостатки проникаютъ весь составъ пьесы; они замѣтны въ языкѣ, въ композиціи пьесы и въ характеристикѣ отдѣльныхъ лицъ. На неровность пьесы давно обратили свое вниманіе изслѣдователи Шекспира и пришли къ выводу, что всецѣло пьеса не можетъ быть приписана Шекспиру.

Языкъ пьесы, какъ сказано, весьма неровный. Наряду съ монологами IV-го и V-го акта, въ которыхъ мало-мальски знакомый съ Шекспиромъ признаетъ его мощную руку, встрѣчаются длинныя и блѣдныя сцены, въ которыхъ стихи безъ всякой нужды переходятъ въ прозу и проза вновь смѣняется небрежными стихами. Усматривая въ этомъ обстоятельствѣ указаніе на смѣшанный составъ пьесы, критики старались отдѣлить въ пьесѣ тѣ мѣста, которыя несомнѣнно принадлежатъ Шекспиру, отъ тѣхъ, которыя ему понапрасну приписываются. Эту работу впервые предпринялъ Найтъ (Knight), а за нимъ Деліусъ (Shakespeare-Jahrbuch II-ой томъ) и другіе, напр. Флай (Fleay). Но хотя всѣ изслѣдователи и согласны отно-

сительно главнаго, т. е. того, что не все въ пьесѣ принадлежитъ Шекспиру, однакоже, въ частности, результаты ихъ изслѣдованій далеко расходятся; одинъ считаетъ несомнѣнно шекспировскимъ то, что другому кажется несомнѣнно не шекспировскимъ. Какъ бы то ни было, но фактъ неравномѣрной обработки языка признается всѣми и представляетъ крупный недостатокъ пьесы.

Но еще очевиднѣе недостатки въ композиціи пьесы: зритель ничего не узнаетъ изъ первыхъ актовъ о предшествовавшей жизни и дѣятельности Тимона, о его заслугахъ относительно Аѳинъ, между тѣмъ какъ по ходу пьесы зрителю это необходимо знать. Иначе непонятно, почему сенаторы-аѳиняне, въ минуту надвигающейся въ лицѣ Алкивіада опасности, обращаются за помощью къ Тимону, котораго они же заставили бѣжать изъ Аѳинъ. Разсказъ о заслугахъ Тимона было бы чрезвычайно легко вложить въ уста поэта, который въ началѣ пьесы раскрываетъ смыслъ ея:

. . . . . Всѣ
Стоявшіе съ нимъ наравнѣ, и даже
Всѣ старшіе по званію, теперь
Бѣгутъ за нимъ, стоятъ въ его передникъ,
Льютъ въ слухъ его благоговѣйный шепотъ,
Боготворятъ все, даже стремена
Его коня и имъ однимъ лишь пышатъ.
. . . . . .
. . . . . Когда Фортуна вдругъ
По прихоти своей обыкновенной,
Кидаетъ внизъ любимца своего –
Приверженцы, которые недавно
Копьями и на рукахъ за нимъ
Ползли наверхъ—даютъ ему скатиться,
И ни одинъ не слѣдуетъ за нимъ
Въ паденіи.

Самъ собой напрашивался, при развитіи этой темы, разсказъ о доблестяхъ Тимона.

Но еще больше недоумѣній вызываетъ сцена 5-ая въ III-емъ актѣ. Изображено засѣданіе сената; сенаторы приговариваютъ къ смерти неизвѣстнаго друга Алкивіада, Алькивіадъ заступается за него, что влечетъ за собой вѣчное изгнаніе Алкивіада изъ Аѳинъ. Эта сцена ничѣмъ не связана съ развитіемъ пьесы. Неизвѣстный другъ Алкивіада совершилъ въ гнѣвѣ и опьяненіи убійство, но совершенно невыясненъ ни характеръ преступленія, ни само дѣйствующее лицо. Самая сцена необходима для того, чтобы объяснить причину изгнанія Алкивіада изъ Аѳинъ. И это не единственная сцена, ничѣмъ не связанная съ общимъ ходомъ дѣйствія. Появленіе пажа съ письмами, адресы которыхъ прочитываются Апемантомъ, ничѣмъ не мотивировано; самыя письма въ дальнѣйшемъ ходѣ пьесы никакой роли не играютъ. Роль шута совершенно излишня въ пьесѣ, въ которой циникъ Апемантъ удачно конкурируетъ съ шутомъ. Нѣкоторая небрежность въ отдѣлкѣ пьесы видна и въ томъ, что появляются лица безъ названій, обозначаемыя просто „первый лордъ“, „второй лордъ“, „первый чужестранецъ“, „второй чужестранецъ“ и т. д.; въ нѣкоторыхъ изъ этихъ безымянныхъ можно узнать черты характера льстецовъ-друзей Тимона—Луція, Семпронія и Лукулла. Простой опечаткою по всей вѣроятности слѣдуетъ объяснить фантастичнаго „Уллоркса“, котораго Тимонъ приказываетъ пригласить на обличительный пиръ въ числѣ другихъ гостей. Въ концѣ пьесы приведены двѣ эпитафіи Тимона, заимствованныя у Плутарха; изъ нихъ одна совершенно излишня, ибо повторяетъ въ иной формѣ мысль, выраженную въ другой. Наконецъ, нельзя не отмѣтить и того, что нѣкоторыя положенія въ пьесѣ повторены по два раза, что растягиваетъ дѣйствіе и расхолаживаетъ впечатлѣніе; такъ, слуги дважды собираются передъ домомъ Тимона съ требованіемъ денегъ; просьбы денежной помощи у друзей повторяются три раза, и хотя въ отказахъ просителю весьма тонко очерчены характеры лживыхъ друзей, уклоняющихся отъ нравственной обязанности подъ различными мотивами, но все же самое положеніе трижды повторяется съ монотонностью, которая должна вызвать въ зрителѣ нѣкоторое утомленіе.

Таковы главнѣйшіе недостатки въ композиціи пьесы.

Но и въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ легко замѣтить большіе недочеты: самъ Тимонъ, хотя и охарактеризованъ яркими чертами, обличающими руку генія, однако въ героѣ пьесы есть нѣкоторая неестественность: чертамъ душевной жизни приданы грандіозные размѣры, которые граничатъ съ карикатурой и могутъ, при невнимательномъ отношеніи, вызвать смѣшное впечатлѣніе (мы знаемъ, что такое именно впечатлѣніе онѣ произвели на Гете). Остальныя лица очерчены блѣдно; характеристика Апеманта нѣсколько груба, и разговоры его съ Тимономъ въ IV актѣ растянуты, полны излишнихъ отступленій, не прибавляющихъ новыхъ чертъ для выясненія міровоззрѣнія Апеманта. Дѣліусъ въ характеристикѣ поэта подмѣтилъ

двойственность: въ первомъ актѣ онъ не является въ столь отвратительномъ видѣ, въ какомъ мы его видимъ въ пятомъ дѣйствіи. Наконецъ, мы указали уже на отсутствіе сколько нибудь интересныхъ женскихъ персонажей.

Таковы недостатки пьесы, обстоятельно указанные различными критиками. Одинъ только Вендландъ (Shakespeare Jahrbuch XXIII томъ), защищая опредѣленный тезисъ, старается смягчить указанія критики. И въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему это дѣйствительно удается: такъ напр. Деліусъ считаетъ латинскую цитату, „Ira furor brevis“ не шекспировской, на что Вендландъ весьма правильно возражаетъ, что латинскія фразы встрѣчаются и въ „Гамлетѣ“, и въ „Лирѣ“, и въ „Цимбелинѣ“.

III.

Крупные недостатки въ языкѣ композиціи и характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ „Тимона“ неминуемо должны были, какъ уже мы указали, выдвинуть вопросъ о томъ, въ какой степени Шекспиръ можетъ считаться авторомъ пьесы. Можно-ли приписать геніальному поэту столь несовершенную драму? По этому поводу были высказаны весьма разнобразныя мнѣнія; мы ихъ и приведемъ, при этомъ однако будемъ помнить одинъ несомнѣнный фактъ: въ первомъ изданіи сочиненій Шекспира, знаменитомъ in folio 1623 г., выпущенномъ въ свѣтъ при участіи ближайшихъ друзей поэта, и по „лучшимъ спискамъ“, помѣщенъ и „Тимонъ Аѳинскій“, безъ всякихъ оговорокъ, изъ чего слѣдуетъ, что эту пьесу считали несомнѣнно шекспировской. Указанный фактъ, однако, не рѣшаетъ вопроса о степени участія Шекспира въ написаніи пьесы; она могла быть передѣлана Шекспиромъ, и тогда поэтъ въ значительной степени является отвѣтственнымъ за нее. Эта возможность и открываетъ широкое поле для гипотезъ.

Вообще говоря, возможны три отвѣта на поставленный вопросъ. Можно утверждать, что пьеса совсѣмъ не принадлежитъ Шекспиру; во-вторыхъ, можно утверждать, что она цѣликомъ написана Шекспиромъ, и наконецъ, можно избрать средній путь и предполагать, что пьеса отчасти принадлежитъ Шекспиру, отчасти же нѣтъ.

Въ пользу перваго мнѣнія высказался Филонъ въ своей исторіи англійской литературы; однако, онъ не привелъ достаточно сильныхъ доводовъ, чтобы поколебать заключенія, вытекающія изъ факта помѣщенія пьесы въ первое изданіе 1623 г. Въ пользу этого мнѣнія можно привести лишь чисто апріорное доказательство: такая плохая пьеса, какъ „Тимонъ“ не можетъ принадлежать геніальному поэту. Въ общемъ, утвержденіе Филона должно признать голословнымъ.

Второе мнѣніе нашло себѣ защитника въ Вендландѣ. Онъ утверждаетъ, что пьеса цѣликомъ принадлежитъ перу Шекспира, но поэтъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, не успѣлъ ее обработать; мы имѣемъ предъ собой лишь эскизъ пьесы, въ которой только отдѣльныя части представляются вполнѣ законченными. Вендландъ при этомъ предполагаетъ, что смерть поэта была причиною, почему драма дошла до насъ въ столь несовершенномъ видѣ. Мнѣніе Вендланда наиболѣе простое изъ всѣхъ высказанныхъ. Правда, у насъ нѣтъ никакихъ объективныхъ данныхъ, по которымъ мы могли бы опредѣлить время написанія пьесы. Критика относитъ пьесу къ позднѣйшему періоду дѣятельности поэта, причемъ опредѣленія колеблятся между 1601 и 1610 годами. Одинъ изъ излюбленныхъ доводовъ при опредѣленіи времени написанія „Тимона“ недавно разрушенъ изслѣдованіемъ Сиднея Ли. Этотъ изслѣдователь показалъ относительно сонетовъ, что изъ нихъ нельзя извлекать никакихъ автобіографическихъ данныхъ. „Единственное заключеніе“, говоритъ онъ, „которое вправѣ сдѣлать біографъ Шекспира на основаніи его сонетовъ, состоитъ въ томъ, что поэтъ въ теченіе извѣстной эпохи своей жизни не пренебрегалъ ни одною изъ формъ лести, дабы привлечь къ себѣ благожелательное вниманіе молодого и знатнаго человѣка“.

Что справедливо относительно сонетовъ, то въ еще большей мѣрѣ справедливо и относительно драмъ. Весьма рисковано относить „Тимона Аѳинскаго“ къ послѣднимъ годамъ жизни Шекспира на томъ основаніи, что въ „Тимонѣ“ господствуетъ мрачное настроеніе, которое до извѣстной степени соотвѣтствовало душевному настроенію самого автора. Если критика тѣмъ не менѣе относитъ „Тимона“ къ послѣднимъ годамъ жизни Шекспира (Сидней Ли стоитъ за 1607-ой годъ), то для этого имѣются лишь внутреннія основанія въ самой пьесѣ, въ

силѣ языка послѣднихъ двухъ актовъ, въ значительности монологовъ, произносимыхъ Тимономъ, напоминающихъ рѣчи Лира или Макбета. Такимъ образомъ утвержденіе Вендланда слѣдуетъ ограничить въ томъ смыслѣ, что мы не знаемъ причинъ, заставившихъ Шекспира отказаться отъ окончательной обработки пьесы. Мнѣніе Вендланда, которое имѣетъ во всякомъ случаѣ нѣкоторое вѣроятіе, совпадаетъ съ мнѣніемъ Ульрици и Эльце. Деліусъ первоначально держался того же воззрѣнія, но впослѣдствіи отказался отъ него и подробно мотивировалъ свой отказъ (въ статьѣ Sh.-Jahrb. II-ой томъ). Теорія Вендланда въ достаточной мѣрѣ объясняетъ техническія несовершенства пьесы; но остается одно весьма важное соображеніе — неровность въ языкѣ пьесы. Если геніальный авторъ въ эскизѣ могъ оставить мелкіе недочеты, которые онъ устранилъ бы при детальной обработкѣ, то какой нибудь второстепенный писатель — если допустить участіе такового въ написаніи пьесы — устранилъ бы несомнѣнно ранѣе всего всѣ тѣ мелкія противорѣчія и недочеты, которые бросаются въ глаза, но у него не хватило бы таланта придать яркость и образность языку. Неровности языка въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ техническіе недостатки въ композиціи, заставляютъ критиковъ выступить въ защиту воззрѣнія, по которому Шекспиръ является лишь отчасти авторомъ пьесы, причемъ большинство критиковъ стоитъ за то, что Шекспиръ взялъ старую пьесу, сходнаго съ „Тимономъ" содержанія, и подправилъ главнымъ образомъ тѣ сцены, въ которыхъ является Тимонъ, оставивъ остальныя безъ передѣлки; такія пьесы дѣйствительно были въ ходу, какъ мы это увидимъ ниже, хотя по своимъ качествамъ онѣ не выдерживаютъ самой снисходительной критики и во всякомъ случаѣ не могутъ, при всѣхъ недостаткахъ Шекспировскаго „Тимона", выдержать съ нимъ сравненіе. Нѣкоторые изслѣдователи, какъ напр. Сидней Ли, полагаютъ, что пьеса написана Шекспиромъ въ сотрудничествѣ съ другимъ лицомъ, причемъ Сидней Ли утверждаетъ, что этимъ лицомъ былъ Георгъ Вилькинсъ, который несомнѣнно участвовалъ въ написаніи нѣкоторыхъ частей „Перикла". Ему будто бы принадлежатъ первые 2 акта „Тимона" и нѣкоторыя части 4-го акта. Но это утвержденіе Сидней Ли ничѣмъ не обосновалъ. и изъ факта участія Вилькинса въ написаніи „Перикла" вовсе не слѣдуетъ еще признаніе участія Вилькинса и въ „Тимонѣ". Наконецъ, упомянемъ еще о предположеніи Тшишвица (S.-Jahrb. IV), которое относится къ этой же категоріи гипотезъ. Тшишвицъ думаетъ, что какой нибудь второстепенный авторъ передѣлалъ драму Шекспира, приспособивъ ее къ сценѣ. Вообще говоря, можно придумать цѣлый рядъ различныхъ предположеній, болѣе или менѣе вѣроятныхъ, причемъ всѣ они будутъ покоиться на одной предпосылкѣ — частичномъ авторствѣ Шекспира въ „Тимонѣ". При объясненіи несовершенствъ языка, обыкновенно указываютъ на то, что пьеса издана, вѣроятно, по спискамъ отдѣльныхъ ролей, въ которыхъ актеры имѣли обыкновеніе измѣнять текстъ, выбрасывая нѣкоторые стихи, вставляя другіе, вообще производя разныя измѣненія.

На всѣ предположенія этого типа потрачено весьма много остроумія и громадная эрудиція, но это нисколько не помогаетъ имъ подняться изъ области гипотезы и стать доказанной теоріей, потому что объективныя данныя отсутствуютъ; только открытіе новыхъ фактовъ въ сбласти историческаго изслѣдованія эпохи Шекспира можетъ подтвердить или опровергнуть всѣ эти догадки, которыя теперь покоятся на субъективныхъ основаніяхъ, главнымъ образомъ на знакомствѣ съ шекспировскимъ языкомъ. Къ сожалѣнію, такому критерію отнюдь нельзя придавать рѣшающаго значенія. Мы уже упомянули о томъ, что лучшіе знатоки Шекспира, опираясь на знаніе духа шекспировскаго языка, пришли въ своихъ изслѣдованіяхъ къ весьма различнымъ результатамъ, и это не могло быть иначе. Знакомство съ языкомъ извѣстнаго писателя въ нѣкоторыхъ случаяхъ даетъ намъ право заключать съ большою вѣроятностью, что опредѣленное произведеніе можетъ принадлежать опредѣленному писателю, но отрицательнаго заключенія о непринадлежности опредѣленнаго произведенія извѣстному писателю мы не вправѣ дѣлать. Если бы мы не знали съ несомнѣнностью, что нѣкоторыя стихотворенія принадлежатъ Гете, у котораго наряду съ геніальными твореніями встрѣчаются весьма малозначительныя, то мы, по всей вѣроятности, стали бы отрицать, что онѣ вышли изъ подъ пера великаго поэта. Но и положительныя заключенія, при отсутствіи объективныхъ данныхъ, нельзя считать доказанными, ибо какъ въ живописи копія можетъ обладать всѣми каче-

ствами оригинала, такъ и въ поэзіи бываютъ подражанія, которыя трудно отличить отъ прототипа. При настоящемъ положеніи дѣла слѣдуетъ принять, что вопросъ объ авторствѣ Шекспира относительно „Тимона“ остается открытымъ, и что приблизительно съ одинаковымъ основаніемъ можно утверждать, что пьеса написана цѣликомъ Шекспиромъ, какъ и то, что онъ лишь отчасти повиненъ въ ней.

IV.

Отъ гипотезъ перейдемъ къ фактамъ. Мы знаемъ, что ближайшіе друзья Шекспира считали „Тимона“ его твореніемъ и отчасти знаемъ, откуда авторъ „Тимона“ черпалъ свой матеріалъ. У Плутарха въ его „Vitae paralellae“, въ біографіи Антонія (глава 69 и 70), которую Шекспиръ изучалъ въ переводѣ Ѳомы Норта 1574 года для своего „Антонія и Клеопатра“, встрѣчается слѣдующее мѣсто: „Тимонъ былъ аѳинянином ъ и жилъ во время пелопонесской войны, какъ это видно изъ комедій Аристофана и Платона (комика), въ которыхъ онъ осмѣянъ за свое человѣконенавистничество. Тимонъ, избѣгавшій всякаго общенія съ аѳинянами, любилъ, однако, храбраго юношу Алкивіада и осыпалъ его ласками. Удивленный этимъ Апемантъ спросилъ однажды о причинѣ его поведенія. Я люблю этого юношу, отвѣчалъ Тимонъ, ибо предвижу, что современемъ онъ причинитъ Аѳинамъ много бѣдствій. Апемантъ былъ единственнымъ человѣкомъ, изрѣдка навѣщавшимъ Тимона, потому что ихъ характеры и образъ жизни имѣли нѣкоторое сходство. Однажды, во время праздника, они обѣдали вмѣстѣ и Апемантъ сказалъ Тимону: „Вотъ прекрасный обѣдъ, которымъ мы съ тобою наслаждаемся“. „Да, отвѣчалъ Тимонъ, еслибы только тебя не было со мной“. Разъ, въ день собранія, Тимонъ взошелъ на каѳедру. Воцарилось всеобщее молчаніе, такъ какъ неожиданность этого появленія держала всѣхъ зрителей въ напряженіи. Наконецъ Тимонъ произнесъ: „Аѳиняне, въ моемъ домѣ маленькій дворъ, въ которомъ растетъ смоковница; нѣсколько гражданъ уже повѣсились на этомъ деревѣ, и я, желая строиться на этомъ мѣстѣ, хотѣлъ предупредить васъ, чтобы желающіе повѣситься поспѣшили, пока смоковница еще не срублена“. Тимонъ былъ похороненъ на берегу моря и морскія волны подточили настолько берегъ, что доступъ къ его могилѣ сталъ невозможнымъ. На могилѣ находилась слѣдующая надпись:

„Здѣсь я лежу, послѣ того, какъ смерть прекратила мою печальную жизнь.
„Не спрашивай моего имени. Злодѣи! вы погибнете отъ лютой смерти“.

Говорятъ, что Тимонъ незадолго до смерти самъ сочинилъ эту эпитафію. Эпитафія, которую обыкновенно приводятъ, принадлежитъ поэту Каллимаху:

„Здѣсь покоится Тимонъ — человѣконенавистникъ. Иди своей дорогой!
„Проклинай меня, если можешь, но только проходи своей дорогой!“

Канва пьесы заимствована изъ этого отрывка Плутарха; авторъ использовалъ все содержаніе древняго автора, какъ по отношенію характера Тимона, Апеманта и Алкивіада, такъ и по отношенію къ анекдотическимъ разсказамъ, приписаннымъ Тимону. Даже обѣ эпитафіи удержаны въ пьесѣ. Но кромѣ Плутарха Шекспиръ воспользовался сценами, которыя онъ нашелъ у другого древняго писателя—Лукіана Самосатскаго. Изъ діалога „Тимонъ или Мизантропъ“, Шекспиръ почерпнулъ весьма многое, главнымъ образомъ для 3-ей сцены 4-го акта своей драмы. Тимонъ Лукіана удалился въ лѣсъ, гдѣ онъ клянетъ боговъ и людей; въ лѣсу онъ находитъ кладъ, который вновь привлекаетъ къ нему льстецовъ и лживыхъ друзей, но Тимонъ награждаетъ ихъ бранью и ударами. Все это мы находимъ и у Шекспира, который даже въ деталяхъ воспользовался указаніями Лукіана, такъ напр. исторія Вентидія весьма похожа на то, что Лукіанъ разсказываетъ о риторѣ Демеѣ и т. д. Тшишэицъ въ своемъ изслѣдованіи указываетъ еще на то обстоятельство, что для роли Апеманта Шекспиръ имѣлъ отличный прототипъ въ Лукіановскомъ циникѣ, въ діалогѣ „Продажа жизней“. Съ Лукіаномъ, точно такъ же какъ и съ Плутархомъ, Шекспиръ былъ знакомъ по переводамъ. Въ 16-мъ вѣкѣ появилось нѣсколько итальянскихъ переводовъ, въ 1527, 1535 и 1551 годахъ были и французскіе переводы. Шекспиръ былъ знакомъ съ однимъ изъ этихъ переводовъ,—на это указываетъ, напр., то, что въ III-мъ актѣ I-й сцены Лукуллъ даетъ Фламилію, служителю Тимона, три монеты — three solidares; такого англійскаго наименованія монетъ нѣтъ, а есть итал-

янское soldo или французское sol d'or. Лукіаномъ ранѣе Шекспира пользовался Боярдо для своей комедіи „Il Timone“ (1494). Можетъ быть, на мысль о написаніи драмы на тему человѣконенавистничества навела Шекспира 2-я [1]) новелла I-ой части въ „Palace of pleasure“ Painter'a, или же напечатанный у Ричарда Барклая, въ его „Felity of man“ — краткій „Account of man“ 1508 г. Спеціально для характеристики Апеманта Шекспиръ могъ воспользоваться, кромѣ „Продажи жизней“ Лукіана, еще и драмой Джона Лилли „Alexander and Kampsaspe“, въ которой изображенъ Александръ Великій бесѣдующимъ съ философомъ Діогеномъ; въ рѣчахъ Діогена есть нѣкоторое сходство съ тѣмъ, что говоритъ Апемантъ.

До сихъ поръ мы говорили объ одной категоріи источниковъ, которые можно назвать непосредственными, ибо въ нихъ содержится весь матеріалъ, дошедшій до насъ изъ древности и касающійся жизни Тимона; но есть еще и другая категорія источниковъ. Дѣло въ томъ, что по нѣкоторымъ указаніямъ можно заключить о популярности типа Тимона въ литературѣ, непосредственно предшествовавшей эпохѣ Шекспира: такъ въ „Skialetheia“ Гюльпина (1598 г.) говорится „Like hate man Timon in his cell he sits“, или же у Жака Дрэма (Drum) въ его „Entertainements“ 1601 г. говорится . . . „Come, come, now I'll be as sociable as Timon of Athens“. Такимъ образомъ типъ мизантропа былъ въ указанную эпоху воплощенъ въ фигурѣ Тимона, по всей вѣроятности въ какой либо весьма популярной комедіи или даже можетъ быть въ нѣсколькихъ произведеніяхъ. До сихъ поръ, однако, издана лишь одна комедія подобнаго характера. А именно Дейсъ (Dyce) въ 1842 году опубликовалъ въ „Transactions“ шекспировскаго общества комедію „Timon“ анонимнаго автора, относящуюся къ 1600 г., съ которою Шекспиръ могъ ознакомиться. Сходство названнаго произведенія и трагедіи Шекспира объясняется весьма просто: обѣ пьесы трактуютъ одну и ту же тему и по однимъ и тѣмъ же источникамъ, но въ одной сценѣ замѣчается болѣе тѣсное соотношеніе, а именно въ 6-й сц. III-го акта, въ которой изображено изобличеніе во время пира лживыхъ друзей. Въ драмѣ, изданной Дейсомъ, изображенъ Тимонъ, берущій изъ миски раскрашенные камни и бросающій ихъ въ гостей. У Шекспира, судя по указаніямъ автора режиссеру, миски должны быть наполнены горячей водой, которою Тимонъ обрызгиваетъ лица приглашенныхъ, однако одинъ изъ гостей произноситъ слѣдующія слова:

Сегодня онъ даетъ намъ брильянты,
завтра камни.

Правда „камни“ могутъ быть въ данномъ случаѣ поняты въ фигуральномъ смыслѣ, но возможно допустить предположеніе Деліуса и другихъ, что здѣсь оставленъ въ пьесѣ Шекспира безъ измѣненія стихъ, заимствованный изъ другого произведенія.

Итакъ, мы указали на составъ пьесы, на ея достоинства и недостатки, на дѣйствительные и возможные источники ея и можемъ въ заключеніе сказать, что окончательное сужденіе о пьесѣ и ея авторѣ при нынѣшнемъ состояніи историко-литературныхъ свѣдѣній произнесено быть не можетъ; одно намъ кажется несомнѣннымъ, а именно, что нѣкоторыя части пьесы, а также и самая мысль трактовать Тимона какъ сюжетъ для трагедіи, а не для комедіи — принадлежатъ Шекспиру.

V.

Своеобразная прелесть „Тимона“, пробивающаяся сквозь всѣ его недостатки, вызвала цѣлый рядъ попытокъ постановки этой пьесы на сценѣ, причемъ пьесу передѣлывали, иногда довольно безцеремонно, оправдывая такимъ путемъ мнѣніе Лаубе, что „Тимона“ шекспировскаго на сценѣ поставить нельзя. Шиллеръ, какъ извѣстно, считалъ дѣломъ чрезвычайной важности пріобрѣтеніе „Тимона“ для нѣмецкой сцены. Можно, однако, смѣло утверждать, что передѣлки „Тимона“ еще менѣе удовлетворительны, чѣмъ самый оригиналъ, при чемъ нѣкоторыя передѣлки допускаютъ такія измѣненія, которыя совершенно нарушаютъ цѣльность характера Тимона. О всѣхъ сколько-нибудь достойныхъ вниманія передѣлкахъ далъ отчетъ А Фрезеніусъ (въ Shak.-Jahrb., 31 т., стр. 83—125). Самъ онъ тоже испыталъ свои силы на этомъ поприщѣ и не безъ нѣкотораго успѣха.

Первая англійская передѣлка принадлежитъ Ѳомѣ Шедвелю (Shadwele), сопернику Дрейдена. Его произведеніе появилось въ 1678 году и озаглавлено: „The History of Timon of Athens, the Man-Hater, as

[1]) Полное ея заглавіе: Of the strange and beastly nature of Timon of Athens, enemy to mankind wit his death, burial and epitaph.

it is aeted at the Dukes Theatre made into a play". Эта передѣлка имѣетъ мало общаго съ драмою Шекспира. Тимонъ изображенъ влюбленнымъ въ двухъ дѣвицъ: Эвандру и Мелиссу, изъ нихъ ему болѣе нравится Мелисса, но Эвандра успѣваетъ привлечь его на свою сторону. Эвандра слѣдуетъ за Тимономъ въ лѣсъ и раздѣляетъ съ нимъ всѣ невзгоды, а также и находку клада. Тимонъ умираетъ на рукахъ Эвандры, которая себя убиваетъ. Въ передѣлкѣ Шедвеля богатый матеріалъ для комедіи, и совершенно напрасно онъ постарался придать трагическій конецъ своему сочиненію.

Въ 1771-омъ году въ Друри-Лэнскомъ театрѣ была представлена передѣлка Кёмберлэнда. Кёмберлэндъ приписалъ Тимону дочь, въ которую влюбленъ Алкивіадъ и за которой ухаживаетъ Луцій въ разсчетѣ на богатства Тимона. Дочь слѣдуетъ въ лѣсъ за разореннымъ отцомъ, который незадолго до смерти благословляетъ ея бракъ съ Алкивіадомъ. Авторъ передѣлки ближе держался текста Шекспира, чѣмъ Шедвель, но отчаяніе Тимона, пользующагося поддержкою дочери, становится не совсѣмъ понятнымъ.

Третья передѣлка принадлежитъ перу Ламба; она появилась въ 1806 г. Въ 1723 году нѣкто Луи Франсуа де ла Древетьеръ де Лиль издалъ „Timon le Misanthrope comédie en trois actes, précédée d'un prologue". Онъ является предшественникомъ Оффенбаха, ибо пользовался классическими авторами для изображенія въ комическомъ видѣ героевъ древности. Его оперетка имѣла успѣхъ, ибо была переведена на нѣмецкій и англійскій языки. Съ Шекспировскимъ „Тимономъ" она ничего общаго не имѣетъ.

Нѣмцы, вѣроятно вслѣдствіе вышеприведеннаго сужденія Шиллера, чаще брались за приспособленіе „Тимона" къ сценѣ. Киліанъ (въ S.-J. XXV) даетъ указанія на двѣ старѣйшія передѣлки. Въ 1671 году въ городѣ Торнѣ давали пьесу „Timon oder des Missbrauch des Reichthums", имѣющую, впрочемъ, больше сходства съ Лукіановскимъ діалогомъ, чѣмъ съ пьесой Шекспира.

Вторая нѣмецкая передѣлка принадлежитъ Фишеру, который приспособилъ пьесу „Timon von Athen. ein Schauspiel in 3 Aufzügen" къ постановкѣ на пражской сценѣ. Главной заботой Фишера было сокращеніе длинноты: онъ выпустилъ нѣсколько второстепенныхъ ролей и значительно сократилъ діалоги.

Въ концѣ 18-го столѣтія Дальбергъ передѣлалъ „Тимона" для постановки пьесы въ Мангеймѣ. Эта передѣлка издана въ 1890 г. по бумагамъ мангеймскаго театральнаго архива. Успѣха пьеса не имѣла, главнымъ образомъ вслѣдствіе дурного исполненія.

А. Линднеръ передѣлалъ пьесу для постановки на берлинской сценѣ, гдѣ она дѣйствительно и шла дважды въ 1871 году, но безъ успѣха; пьеса не издана. Линднеръ передѣлалъ конецъ шекспировскаго Тимона. „Тимонъ" примиряется съ человѣчествомъ благодаря заботамъ честнаго управляющаго, но всеже кончаетъ самоубійствомъ. Линднеръ замѣнилъ латинскія имена дѣйствующихъ лицъ соотвѣтственными греческими. Значительную роль въ пьесѣ играетъ Аспазія, любовница Алкивіада.

Въ 1862 г. появилась передѣлка Ѳедора Веля въ журналѣ „Deutsche Schaubühne". На сценѣ эта передѣлка представлена не была, она довольно близко держится шекспировскаго текста. Къ новѣйшему времени относятся двѣ передѣлки—Бультгаупта и Фрезеніуса. О первой далъ подробный отчетъ Конрадъ въ Shakespeare-Jahrbuch, XXIX т., о второй реферировалъ самъ авторъ ея въ XXI томѣ того же изданія. Передѣлка Бультгаупта впервые поставлена съ успѣхомъ въ 1892 г.; она давалась и на многихъ нѣмецкихъ сценахъ.

Изъ статистическихъ данныхъ, приведенныхъ Сиднеемъ Ли, видно, что „Тимона" въ Германіи давали въ 1896—97 г. семь разъ. Въ Англіи его даютъ весьма рѣдко. Извѣстный директоръ театра Самуилъ Фельпсъ (1844—1862), ставившій всѣ пьесы Шекспира за исключеніемъ шести, трудился также и надъ постановкой „Тимона".

Э. Радловъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Тимонъ, знатный аѳинянинъ.
Люцій, Лукуллъ, Семроній } его льстецы.
Вентидій, одинъ изъ ложныхъ друзей Тимона.
Апемантъ, грубый философъ.
Алкивіадъ, аѳинскій военачальникъ.
Флавій, управитель Тимона.
Фламиній, Люцилій, Сервиліи } слуги Тимона.
Кафисъ, Филотъ, Титъ, Люцій, Гортензіи } слуги его кредиторовъ.
Слуги Варрона, Вентидія и Исидора.
Купидонъ и другія маски.
Три чужестранца.
Поэтъ, живописецъ, ювелиръ и купецъ.
Старикъ-аѳинянинъ.
Пажъ.
Шутъ.
Фрина, Тимандра } любовницы Алкивіада.
Сенаторы, вельможи, офицеры, воины, разбойники, свита.

Дѣйствіе въ Аѳинахъ и въ сосѣднемъ лѣсу

Стилизованная въ греческомъ вкусѣ рамка изъ. художника, проф. Рейхгольда (Reichhold).

ТИМОНЪ И ПРОСИТЕЛИ.
Рисунокъ Гильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА 1.

Аѳины. Зала въ домѣ Тимона.

Входятъ съ разныя двери ПОЭТЪ, ЖИВОПИСЕЦЪ, ЮВЕЛИРЪ, КУПЕЦЪ *и другіе.*

Поэтъ.

Здорово.

Живописецъ.

Радъ я васъ здоровымъ видѣть.

Поэтъ.

Давно ужъ васъ я не встрѣчалъ. Что, какъ
Нашъ міръ идетъ?

Живописецъ.

По мѣрѣ какъ растетъ онъ
Ветшаетъ все.

Поэтъ.

Ну, это ужъ давно
Извѣстно всѣмъ. Чего-нибудь такого

Не знаете ль чудеснаго, о чемъ
Сто тысячъ разъ ужъ всѣ не повторяли?
Смотрите-ка! О, колдовство богатства!
Ты силою могучею своей
Служить тебѣ созвало этихъ духовъ.
Вотъ тотъ купецъ знакомъ мнѣ.

Живописецъ.

Знаю я
Обоихъ ихъ; вонъ тотъ другой—брилльянтщикъ.

Купецъ.

О, онъ вполнѣ достойный человѣкъ!

Ювелиръ.

Да, въ этомъ нѣтъ сомнѣнья.

Купецъ.

Несравненный
Онъ человѣкъ: весь дышитъ, такъ сказать,
Прекрасною и вѣчной добротою.
Да—господинъ, какихъ немного...

Ювелиръ.

Вотъ
Со мной брилльянтъ.

Купецъ.

Ахъ, покажите мнѣ,
Пожалуйста... Навѣрно, для Тимона?

Ювелиръ.

Да, если онъ не скажетъ, что прошу
Я дорого. Но въ этомъ отношеньи...

Поэтъ (*декламируя*).

„Хваля порокъ изъ-за награды, мы
Кидаемъ тѣнь на блескъ стиховъ счастливыхъ,
Назначенныхъ превозносить добро".

Купецъ.

Брилльянтъ красивъ.

Ювелиръ.

Да, и къ тому жъ роскошенъ:
Смотрите-ка, какой воды онъ.

Живописецъ.

Вы заняты, какъ видно, сочиненьемъ
Какимъ-нибудь? привѣтственнымъ стихомъ
Великому хозяину?

Поэтъ.

Да, это
Вдругъ вырвалось невольно у меня.
Стихи изъ насъ струятся, какъ сочится
Камедь съ ствола, вскормившаго ее.
Въ кремнѣ огонь тогда лишь засверкаетъ,
Когда по немъ ударишь. Нашъ огонь
Прекраснѣйшій родится самъ собой
И, какъ потокъ, несется, разрушая
Преграды всѣ. А это что у васъ?

Живописецъ.

Рисунокъ мой. Когда же ваша книга
Появится?

Поэтъ.

Какъ только поднесу.
Позвольте мнѣ взглянуть на вашъ рисунокъ.

Живописецъ (*показывая картину*).

Онъ не дуренъ.

Поэтъ.

Отлично, превосходно!

Живописецъ.

Такъ, ничего.

Поэтъ.

Нѣтъ, чудно-хорошо!
Какъ эта вся фигура граціозна!
Какъ силою разумною горитъ
Вотъ этотъ глазъ! Могучая какая
Фантазія дрожитъ на тѣхъ губахъ!
Движенія хоть нѣмы, но не трудно
Вполнѣ понять ихъ смыслъ.

Живописецъ.

Да, я съумѣлъ
Жизнь передать недурно. Посмотрите
На этотъ штрихъ—хорошъ?

Поэтъ.

Я вамъ скажу,
Что онъ урокъ даетъ самой природѣ.
Искусства духъ, присутствующій здѣсь
Во всѣхъ чертахъ, живѣе самой жизни

Черезъ сцену проходятъ нѣсколько СЕНАТОРОВЪ.

Живописецъ.

Какъ окруженъ друзьями нашъ патронъ!

Поэтъ.

Аѳинскіе сенаторы! Счастливцы!

Живописецъ.

Вотъ, вотъ еще!

Поэтъ.

Вы видите потокъ
Громаднѣйшій, толпу гостей Тимона?
Въ своихъ стихахъ, не конченныхъ еще,
Представилъ я такого человѣка,
Котораго нашъ міръ земной даритъ
Объятьями и роемъ наслажденій.

На вольный духъ мой не кладутъ оковъ
Отдѣльныя подробности: по морю
Поэзіи свободно мчится онъ;
Въ своемъ пути не отравляетъ злобой
Онъ ни одной малѣйшей запятой.
Но, какъ орелъ, летитъ впередъ отважно,
И путь его безслѣденъ.

Живописецъ.

Что сказать
Хотите вы?

Поэтъ.

Сейчасъ вамъ объясню я.
Вы видите, какъ люди классовъ всѣхъ
И всѣхъ умовъ—и самые пустые,
И самые серьезные—спѣшатъ
Съ услугами покорными къ Тимону.
Громадныя богатства, и при нихъ
Привѣтливость и доброта большая
Къ нему влекутъ всѣ души, отъ льстеца
Съ лоснящимся лицомъ до Апеманта,
Которому ничто не любо такъ,
Какъ ненависть къ себѣ же; предъ Тимономъ
Склоняется и этотъ человѣкъ,
И отъ него домой уходитъ съ миромъ,
Улыбкою его обогащенный.

Живописецъ.

Я видѣлъ, какъ бесѣду межъ собой
Они вели.

Поэтъ.

Итакъ, изобразилъ
Фортуну я: сидитъ она на тронѣ,
На высотѣ прелестнаго холма;
Внизу его стоятъ рядами люди
Достоинствъ всѣхъ и всевозможныхъ свойствъ,
Стоятъ всѣ тѣ, которые хлопочутъ
Здѣсь, на землѣ, себя обогатить.
Средь той толпы, прикованной глазами
Къ царицѣ, я поставилъ одного,
Похожаго чертами на Тимона.
Движеніемъ руки зоветъ его
Къ себѣ на холмъ Фортуна—и такая
Внезапная любезность быстро всѣхъ
Противниковъ Тимона превращаетъ
Въ его рабовъ и слугъ.

Живописецъ.

Какая мысль
Прекрасная! Все это—тронъ, Фортуна
И этотъ холмъ, и этотъ человѣкъ,
Отъ всѣхъ, внизу стоящихъ, отличенный,
Идущій вверхъ съ склоненной головой
По крутизнѣ холма на встрѣчу счастью—
Мнѣ кажется, могло бы послужить
И нашему искусству славной темой.

Поэтъ.

Но слушайте, что будетъ дальше. Всѣ,
Стоявшіе съ нимъ наравнѣ, и даже
Всѣ, старшіе по званію, теперь
Бѣгутъ за нимъ, стоятъ въ его передникъ,
Льютъ въ слухъ его благоговѣйный шепотъ,
Боготворятъ все, даже стремена
Его коня, и имъ однимъ лишь дышатъ.

Живописецъ.

Ну, что жъ потомъ?

Поэтъ.

Когда Фортуна вдругъ,
По прихоти своей обыкновенной,
Кидаетъ внизъ любимца своего—
Приверженцы, которые недавно
Колѣнями и на рукахъ за нимъ
Ползли наверхъ—даютъ ему скатиться,
И ни одинъ не слѣдуетъ за нимъ
Въ паденіи.

Живописецъ.

Да, такъ всегда бываетъ.
Я указать на тысячу картинъ
Могу такихъ, гдѣ эти повороты
Внезапные представлены живѣй,
Чѣмъ на словахъ. Но все-таки отлично
Вы сдѣлали, Тимону показавъ,
Что мелкіе не разъ уже видали
Паденіе великихъ.

Трубы. Входятъ Тимонъ *со свитою; с ним говоритъ* слуга Вентидія; Люцилій *и другіе слуги слѣдуютъ за ними.*

Тимонъ.

Онъ въ тюрьмѣ,
Ты говоришь?

Слуга Вентидія.

Такъ точно; пять талантовъ—
Весь долгъ его; но средства у него
Истощены, а кредиторы строги.
Онъ проситъ васъ покорно написать
Къ тѣмъ, кто его въ тюрьму упряталъ.
Если жъ
Откажете—спокойствіе его
Разрушено.

Тимонъ.

Вентидій благородный!
Ну, хорошо. Не такъ я сотворенъ,
Чтобъ покидать пріятеля въ то время,
Какъ онъ во мнѣ нуждается. Вполнѣ
Онъ помощи достоинъ, и получитъ

Ее сейчасъ. Плачу я за него
И дамъ ему свободу.

Слуга Вентидія.

Онъ навѣки
Обязанъ вамъ.

Тимонъ.

Снеси ему поклонъ
Мой дружескій, — а деньги я сейчасъ же
Пошлю туда,—и попроси его,
Чуть только онъ освободится, въ гости
Прійти ко мнѣ. Заслуга, вѣдь, не въ томъ,
Чтобъ слабому помочь, но чтобъ и послѣ
Поддерживать несчастнаго. Прощай!

Слуга Вентидія.

Желаю вамъ благополучій всякихъ.

(*Уходитъ*).

Входитъ старикъ-аѳинянинъ.

Старикъ-аѳинянинъ.

Тимонъ, дозволь съ тобою говорить.

Тимонъ.

Охотно, мой почтенный старецъ.

Старикъ-аѳинянинъ.

Въ домѣ
Твоемъ живетъ слуга Люцилій.

Тимонъ.

Да!
Что жъ изъ того?

Старикъ-аѳинянинъ.

Высокоблагородный
Тимонъ, вели его позвать сюда.

Тимонъ (*оглядываясь*).

Онъ здѣсь иль нѣтъ? Люцилій!

Люцилій.

Что угодно
Вамъ приказать?

Старикъ-аѳинянинъ.

Вотъ этотъ человѣкъ,
Твой рабъ, въ мой домъ ночной порою ходитъ.
Я—человѣкъ, всегда для барышей
Работавшій, и капиталъ мой, право,
Наслѣдника достоинъ поважнѣй,
Чѣмъ человѣкъ, тарелки подающій.

Тимонъ.

Ну, хорошо. Что жъ дальше?

Старикъ-аѳинянинъ.

У меня
Есть дочь одна. Нигдѣ я не имѣю
Другихъ родныхъ, и ей одной отдамъ,
Что пріобрѣлъ. Она весьма красива
И въ тѣхъ лѣтахъ, чтобъ выйти замужъ. Ей
Отличное я далъ образованье
И на него истратилъ, сколько могъ.
Теперь вотъ онъ, слуга твой, дерзко ищетъ
Ея любви. Прошу тебя, Тимонъ,
Скажи ему, чтобъ къ ней ходить не смѣлъ онъ:
Мои слова напрасны.

Тимонъ.

Человѣкъ
Примѣрный онъ и честный.

Старикъ-аѳинянинъ.

Такъ пускай же
Онъ честнымъ здѣсь окажется, Тимонъ.
Вѣдь, честность та должна найти награду
Въ самой себѣ—и не зачѣмъ еще
Ей дочь мою въ придачу брать.

Тимонъ.

А любитъ
Она его?

Старикъ-аѳинянинъ.

Ея такіе годы,
Что полюбить недолго; знаемъ мы,
По собственнымъ прошедшимъ взрывамъ страсти,
Какъ молодость легко воспламенить.

Тимонъ (*Люцилію*).

Ты любишь ли ту дѣвушку?

Люцилій.

Да, добрый
Мой господинъ, и ею я любимъ.

Старикъ-аѳинянинъ.

Когда она, безъ моего согласья,
Возьметъ его—въ свидѣтели зову
Я всѣхъ боговъ, что ей не дамъ ни гроша
И выберу въ наслѣдники себѣ
Послѣдняго простого попрошайку.

Тимонъ.

А сколько ты приданаго ей дашь,
Когда она приличнаго супруга
Найдетъ себѣ?

Старикъ-аѳинянинъ.

Я три таланта дамъ
Сейчасъ и все, что я имѣю —послѣ.

Тимонъ.

Люцилій мнѣ давно ужъ служитъ; я
Употреблю усилье небольшое,
Чтобъ счастіе его составить: тѣмъ
Исполню я долгъ человѣка только.
Отдай ему дитя свое: а то,
Что отъ меня получитъ онъ, сравнится
Количествомъ съ приданымъ, здѣсь тобой
Назначеннымъ, и, значитъ, равновѣсье
Возстановитъ межъ ними.

Старикъ-аѳинянинъ.

Обяжись
Мнѣ честью въ томъ, достойнѣйшій вельможа
И дочь моя ему принадлежитъ!

Тимонъ (*протягивая ему руку*).

Моя рука и честь тебѣ порукой.

Люцилій.

Благодарю глубоко. Съ этихъ поръ,
Что бъ только я ни пріобрѣлъ на свѣтѣ,
Всѣмъ буду я обязанъ вамъ однимъ.

(*Уходитъ со старикомъ-аѳинянином*).

Поэтъ.

Мой слабый трудъ съ желаньемъ долгой жизни
Позвольте вамъ представить, славный мужъ.

Тимонъ.

Благодарю. Не уходите: скоро
Услышите вы обо мнѣ. А вы
Что принесли, пріятель?

Живописецъ.

Мой рисунокъ.
Его принять я умоляю васъ.

Тимонъ.

Картинѣ я душевно радъ. Картина
Почти, вѣдь, то, что человѣкъ живой:
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ начало безчестье
Душой людскою нагло торговать,
Сталъ человѣкъ созданьемъ чисто-внѣшнимъ.
Тѣ образы, что производитъ кисть,
Съ дѣйствительностью очень схожи. Ваша
Мнѣ нравится картина—это вамъ
Я докажу. Останьтесь здѣсь и скоро
Услышите вы также обо мнѣ.

Живописецъ.

Да сохранятъ васъ боги!

Тимонъ.

До свиданья,
Мои друзья. Сегодня съ вами мы
Обѣдаемъ.

(*Ювелиру*). А вашъ брилльянтъ немало
Помучился въ рукахъ у знатоковъ!

Ювелиръ.

Какъ, неужель онъ найденъ нехорошимъ?

Тимонъ.

Нѣтъ—похвалы замучили его.
Дай за него я то, во сколько цѣнитъ
Его восторгъ, пришлось бы мнѣ совсѣмъ
Истратиться и разориться.

Ювелиръ.

Онъ
Такъ оцѣненъ, какъ можетъ покупатель
Мнѣ заплатить; но, вѣдь, извѣстно вамъ,
Что вещь одна и та же стоитъ больше
Иль менѣе, смотря по человѣку,
Владѣющему ею. Вѣрьте мнѣ:
У васъ въ рукахъ въ цѣнѣ поднялся бъ сильно
Любой брилльянтъ.

Тимонъ.

Хороша насмѣшка!

Купецъ.

Нѣтъ, господинъ: онъ говоритъ лишь то,
Что говорятъ и всѣ другіе люди.

Тимонъ.

Смотрите, кто идетъ сюда! Иль вы
Хотите быть обруганными?

Входитъ Апемантъ.

Ювелиръ.

Съ вами
Мы эту брань раздѣлимъ наравнѣ.

Купецъ.

Онъ никого не пощадитъ.

Тимонъ.

Здорово,
Привѣтъ тебѣ, мой милый Апемантъ!

Апемантъ.

Побереги привѣтъ, пока я стану
И вправду милъ; а этого тогда
Дождетесь вы, когда ты превратишься
Въ пса своего, а эти подлецы—
Въ честныхъ людей.

Тимонъ.

За что же подлецами
Ты ихъ назвалъ? Вѣдь, ты не знаешь ихъ.

Апемантъ. Развѣ они не аѳиняне?

Тимонъ. Да, аѳиняне.

Апемантъ. Ну, такъ я не раскаиваюсь въ своихъ словахъ.

Ювелиръ. Ты знаешь меня, Апемантъ?

Апемантъ. Ты знаешь, что я тебя знаю: я назвалъ тебя твоимъ настоящимъ именемъ.

Тимонъ. Ты гордецъ, Апемантъ.

Апемантъ. И не горжусь ничѣмъ такъ, какъ тѣмъ, что я не похожъ на Тимона.

Тимонъ. Куда ты теперь идешь?

Апемантъ. Размозжить голову одному честному аѳинянину.

Тимонъ. Да, вѣдь, за это ты поплатишься жизнью.

Апемантъ. Дѣйствительно, если законъ наказываетъ смертью того, кто не сдѣлалъ ничего.

Тимонъ. Апемантъ, какъ тебѣ нравится эта картина?

Апемантъ. Нравится больше всего потому, что она безвредна.

Тимонъ. Правда, что человѣкъ, нарисовавшій ее, очень искусенъ?

Апемантъ. Да, искуснѣе того, кто сдѣлалъ самъ живописца; а между тѣмъ и его работа—грязная работа.

Живописецъ. Ты песъ.

Апемантъ. Твоя мать изъ моей породы; такъ кто же она, если я песъ?

Тимонъ. Ты отобѣдаешь сегодня у меня, Апемантъ.

Апемантъ. Нѣтъ, я не ѣмъ вельможъ.

Тимонъ. Коли бъ ты дѣлалъ это, наши женщины сердились бы на тебя.

Апемантъ. О, онѣ сами ѣдятъ ихъ! Оттого то у нихъ и животы полнѣютъ.

Тимонъ. Какое неприличное замѣчаніе!

Апемантъ. Коли оно кажется тебѣ неприличнымъ, возьми себѣ за трудъ.

Тимонъ. Какъ тебѣ нравится этотъ брилльянтъ?

Апемантъ. Нравится не такъ, какъ чистосердечіе, а между тѣмъ оно не стоитъ человѣку ни копѣйки.

Тимонъ. Какъ ты думаешь, сколько онъ стоитъ?

Апемантъ. Не стоитъ того, чтобъ я думалъ о немъ. Ну, что скажешь, поэтъ?

Поэтъ. Что скажешь, философъ?

Апемантъ. Ты лжешь.

Поэтъ. Да развѣ ты не философъ?

Апемантъ. Философъ.

Поэтъ. Ну, такъ я не лгу.

Апемантъ. А ты развѣ не поэтъ?

Поэтъ. Поэтъ.

Апемантъ. Ну, такъ ты лжешь. Припомни свое послѣднее сочиненіе, гдѣ твоя выдумка представила его (*указывая на Тимона*) достойнымъ человѣкомъ.

Поэтъ. Это не выдумка: онъ дѣйствительно достойный человѣкъ.

Апемантъ. Да, достойный тебя и достойный платить за твои труды. Тотъ, кто любитъ лесть, достоинъ своего льстеца. О, боги, если бъ я былъ вельможа!

Тимонъ. Что жъ бы ты сталъ дѣлать тогда?

Апемантъ. То самое, что теперь дѣлаетъ Апемантъ: ненавидѣлъ бы вельможу отъ всей души.

Тимонъ. Какъ, ты ненавидѣлъ бы самого себя?

Апемантъ. Да.

Тимонъ. За что же?

Апемантъ. За то, что я имѣлъ глупость пожелать сдѣлаться вельможей. Послушай, ты, кажется, купецъ?

Купецъ. Да, Апемантъ.

Апемантъ. Пусть торговля разоритъ тебя, если боги не позаботятся о томъ.

Купецъ. Коли торговля разоритъ меня, такъ это сдѣлаютъ боги.

Апемантъ. Твой богъ—торговля: пусть же твой богъ и разоритъ тебя.

Трубы. Входитъ слуга.

Тимонъ.

О чемъ трубятъ?

Слуга.

Алкивіадъ, и съ нимъ
Десятка два товарищей.

Тимонъ.

Скорѣе
Принять ихъ всѣхъ и провести сюда.

(Нѣкоторые слуги уходятъ; Тимонъ же обращается къ поэту и живописцу).

Вы у меня обѣдаете нынче.
Я васъ прошу не уходить, пока
Не заявлю вамъ благодарность. Послѣ
Покажете работу вашу мнѣ.
Я очень радъ васъ видѣть здѣсь.

Алкивіадъ *входитъ съ товарищами.*

Тимонъ.

Здорово,
Отъ всей души! *(Кланяются другъ другу).*

Апемантъ (*глядя на нихъ*).

Такъ, такъ! Пускай совсѣмъ
Искривятся, изсохнутъ ваши ноги,
Столь гибкія! Вѣдь, на волосъ любви
Не чувствуютъ другъ къ другу эти плуты
Сладчайшіе, а какъ одинъ съ другимъ
Привѣтливы! Порода человѣчья
Вся перешла въ породу обезьянъ.

ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКІЙ ПИРЪ.

Картина знаменитаго нѣмец. художника Ансельма Фейербаха (Anselm v. Feuerbach, 1829—1880) «Пиръ у Платона».

Алкивіадъ.

Я голодалъ по васъ, и насыщаюсь
Теперь вполнѣ.

Тимонъ.

Я вамъ душевно радъ.
Пока вы здѣсь, мы въ разныхъ наслаж-
деньяхъ
День проведемъ. Пожалуйте за мной.
(*Уходятъ всѣ, кромѣ Апемантa*).

Входятъ два вельможъ.

Первый. Который часъ, Апемантъ?

Апемантъ. Часъ быть честнымъ.

Первый. Этотъ часъ всегда.

Апемантъ. Тѣмъ болѣе долженъ быть проклятъ ты, никогда не знающій его.

Второй. Ты идешь на обѣдъ къ Тимону?

Апемантъ. Да, иду посмотрѣть, какъ яства упитываютъ плутовъ, а вина разгорячаютъ дураковъ.

Второй. Прощай, прощай!

Апемантъ. Ты дуракъ тѣмъ, что говоришь „прощай“ два раза.

Второй. Отчего же такъ, Апемантъ?

Апемантъ. Тебѣ слѣдовало бы одно „прощай“ удержать для себя, потому что отъ меня не получишь ни одного.

Первый. Провались ты!

Апемантъ. Нѣтъ, я ничего не сдѣлаю по твоей просьбѣ: обращайся съ этими просьбами къ твоему другу.

Второй. Убирайся вонъ, сварливая собака, или я выгоню тебя отсюда.

Апемантъ. Я, какъ собака, убѣгу отъ копытъ осла. (*Уходитъ*).

Первый.

Онъ врагъ людей. Ну, что жъ, войдемъ и
щедрость
Тимонову тамъ вкусимъ? Ею онъ,
Вѣдь, превзошелъ само благотворенье.

Второй.

Да, онъ ее рѣкою просто льетъ.
Самъ Плутусъ, богъ богатства, только ключ-
никъ
У нашего Тимона. Окажи
Ему одну услугу—онъ отплатитъ
Семь разъ; ему подарокъ принеси—
Отвѣтитъ онъ тебѣ такимъ подаркомъ,
Какому нѣтъ подобнаго.

Первый.

Да, въ немъ
Живетъ душа, какой еще на свѣтѣ
И не было.

Второй.

Пусть долго онъ живетъ
И счастливо! Ну что жъ, войдемъ?

Первый.

За вами
Я слѣдую. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Парадная зала въ домѣ Тимона.

Гобои. Накрытый большой столъ. Флавій и другіе слуги распоряжаются. Входятъ Тимонъ, Алкивіадъ, Люцій, Лукуллъ, Семпроній *и другіе афинскіе* сенаторы; *за ними* Вентидій *и другіе. Послѣдній идетъ съ сердитымъ видомъ* Апемантъ.

Вентидій.

Мой славный другъ, богамъ угодно было
Сообразить года, моимъ отцомъ
Прожитые, и къ вѣчному покою
Позвать его. Счастливо отошелъ
Онъ въ міръ другой, оставивъ мнѣ богатство.
Въ меня своимъ великодушьемъ вы
Глубокую вселили благодарность—
И я пришелъ теперь вдвойнѣ вамъ возвратить
Таланты тѣ, которыми вы дали
Свободу мнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ принесть
Моей любви и преданности чувства.

Тимонъ.

О, перестань, Вентидій честный мой!
Мою любовь ты дурно цѣнишь. Деньги
Тебѣ я далъ въ подарокъ. Человѣкъ,
Дающій съ тѣмъ, чтобъ получить обратно,
Себя назвать не можетъ давшимъ. Пусть.
Кто выше насъ, такъ поступаетъ; намъ же
Имъ подражать нельзя; у богачей
И самыя ошибки—не ошибки.

Вентидій.

Высокій духъ!

Тимонъ (*гостямъ, которые не садятся*).

Друзья, лишь для того
Придуманы законы этикета,
Чтобъ лоскъ бросать на лживыя дѣла
И глубоко-притворное радушье,
Которое, еще не проявясь,
Ужъ сердится, что надо проявиться.
Но въ искренней пріязни этикетъ—
Вещь лишняя. Я васъ прошу садиться.
Дороже вы богатству моему,
Чѣмъ мнѣ мое богатство. (*Всѣ садятся*).

Первый гость.

Всѣ мы въ этомъ
Уже давно сознались.

Апемантъ.

О-го-го!
Сознались вы! такъ можно васъ повѣсить?

Тимонъ.

А, Апемантъ! Я очень радъ тебѣ.

Апемантъ.

Нѣтъ, радовать тебя я не желаю:
Я съ тѣмъ пришелъ, чтобъ выгналъ ты меня.

Тимонъ.

Фи, какъ ты грубъ! Совсѣмъ не человѣчій
Нравъ у тебя—и похвалить его
Никакъ нельзя. У насъ есть поговорка:
Ira furor brevis est.
Но Апемантъ всегда сердитъ и золъ—
Такъ пусть ему накроютъ столъ особо:
Онъ общества не любитъ, да и самъ
Для общества рѣшительно не созданъ.

Апемантъ.

Пожалуй, я останусь здѣсь, Тимонъ,
На твой же страхъ: но только знай заранѣ,
Я для того пришелъ, чтобъ наблюдать.

Тимонъ. Это для меня рѣшительно все равно; ты—аѳинянинъ, и потому милости просимъ. Я не хочу являться здѣсь облеченнымъ властью, только, пожалуйста, пусть хоть мой обѣдъ закроетъ тебѣ ротъ.

Апемантъ.

На твой обѣдъ плюю я: подавиться
Я имъ могу, затѣмъ что никогда
Твоимъ льстецомъ не буду я. О, боги!
Толпа людей Тимона жретъ, а онъ
Не видитъ ихъ! Вѣдь, просто злость беретъ,
Что множество такому пищей служитъ
Кровь одного, и—что глупѣй всего—
Онъ самъ къ тому всѣхъ этихъ подстрекаетъ.
Дивлюся я, что люди могутъ жить
Въ довѣріи взаимномъ. За обѣдомъ
Имъ подавать не слѣдуетъ ножей:
И экономнѣй было бъ, и вѣрнѣй.
Примѣры есть: вонъ тотъ, сидящій рядомъ
Съ хозяиномъ, ломающій съ нимъ хлѣбъ
И пьющій съ нимъ, скорѣе всѣхъ рѣшится
Его убить; ужъ это все давно
Доказано. Будь я вельможа, право,
Боялся бы я на обѣдахъ пить:
Все было бъ страшно мнѣ, что у меня изъ глотки
Вдругъ могутъ вылетѣть опаснѣйшія нотки.
Нѣтъ, если знатные хотятъ безстрашно пить,
На глоткѣ панцырь всѣ должны они носить.

Тимонъ

(*первому гостю въ отвѣтъ на тостъ*).
Отъ всей души—и пусть вашъ тостъ обходитъ
Вокругъ стола.

Второй гость.

Направьте къ намъ его,
Почтеннѣйшій хозяинъ!

Апемантъ.

Къ намъ направить!
Вотъ молодецъ! Онъ мастеръ направлять.
Не поздоровится отъ этихъ тостовъ
Тебѣ, Тимонъ, и твоему богатству.
Вотъ у меня напитокъ. Слишкомъ слабъ
Онъ для того, чтобъ быть преступнымъ, честной
Водой еще никто не брошенъ въ грязь.
Нѣтъ разницы межъ ней и тѣмъ, чѣмъ я питаюсь!
Къ богамъ смиренно я съ мольбою обращаюсь!

ВОЗЗВАНІЕ АПЕМАНТА КЪ БОГАМЪ:

Безсмертные, богатства не прошу я!
Изъ всѣхъ людей лишь за себя молю я:
Не дайте сдѣлаться мнѣ дуракомъ такимъ,
Чтобъ вѣрилъ клятвамъ я и подписямъ людскимъ,
Развратницамъ, когда въ слезахъ онѣ,
Собакѣ, будто бы забывшейся во снѣ,
Тюремщику моей свободы,
Друзьямъ въ минуты злой невзгоды!
Аминь. Пусть богачи свершаютъ преступленья,
А я—я буду ѣсть мои коренья.

Желаю добраго здоровья твоему доброму сердцу, Апемантъ! (*Ѣстъ и пьетъ*).

Тимонъ. Алкивіадъ, ваше сердце теперь на полѣ сраженія.

Алкивіадъ. Мое сердце всегда къ вашимъ услугамъ, Тимонъ.

Тимонъ. Вамъ было бы пріятнѣе быть на завтракѣ у враговъ, чѣмъ на обѣдѣ у друзей.

Алкивіадъ. Когда изъ враговъ сочится кровь, тогда ни одно кушанье въ свѣтѣ не можетъ сравниться съ нимъ, и такого угощенья я желаю своему лучшему другу.

Апемантъ. Хотѣлось бы мнѣ, чтобъ всѣ эти льстецы были твоими врагами: тогда ты убилъ бы ихъ и пригласилъ бы меня откушать.

Первый гость. Тимонъ, мы сочли бы

себя навѣки осчастливленными, если бы вы хоть разъ испытали наши сердца и дали намъ случай доказать вамъ хоть часть нашей преданности.

Тимонъ. О, не сомнѣвайтесь, добрые друзья мои! Сами боги позаботились о томъ, чтобы вы когда-нибудь помогли мнѣ, иначе, развѣ вы были бы моими друзьями? Не будь вы самою близкою принадлежностью моего сердца, развѣ изъ тысячи другихъ людей вамъ досталось бы это прекрасное названіе—друзей? Я говорилъ самому себѣ о васъ гораздо больше, чѣмъ ваша скромность позволяетъ сказать вамъ, и увѣренность моя въ васъ велика. О, боги!— думалъ я—къ чему бы намъ друзья, если бы намъ никогда не приходилось нуждаться въ нихъ? Они были бы самыми безполезными существами, если бы намъ никогда не случалось прибѣгать къ ихъ помощи—и въ этомъ случаѣ походили бы на тѣ мелодическіе инструменты, которые висятъ на стѣнкѣ въ своихъ футлярахъ и хранятъ свои звуки для самихъ себя. Часто я даже желалъ немного обѣднѣть, чтобы болѣе сблизиться съ вами. Мы рождены для благотворенія: а что мы можемъ назвать своею полною собственностью, если не имущество нашихъ друзей? О, какое драгоцѣнное утѣшеніе заключается въ мысли, что такое множество людей можетъ, подобно братьямъ, располагать состояніемъ другъ друга! *(Плачетъ).* О, радость, умирающая еще до своего рожденія! Мои глаза не могутъ удержать свою воду. Чтобы заставить забыть ихъ проступокъ, я пью за ваше здоровье!

Апемантъ.

Ты слезы льешь, чтобъ ихъ заставить пить.

Второй гость.

У насъ въ глазахъ такое жъ совершилось
Зачатіе отрады — и она
Является, какъ плачущій младенецъ!

Апемантъ *(хохочетъ).*

Побочный сынъ, должно быть! Просто смѣхъ!

Третій гость *(Тимону).*

Повѣрьте мнѣ, что я растроганъ сильно.

Апемантъ. Сильно!

Трубы. Входитъ слуга.

Тимонъ.

Что значитъ этотъ звукъ? Что тамъ такое?

Слуга. Осмѣлюсь доложить вамъ, господинъ, что нѣсколько женщинъ убѣдительно просятъ васъ принять ихъ.

ТИМОНЪ, РАЗДАЮЩІЙ ГОСТЯМЪ ПОДАРКИ.

Картина англ. художника Говарда (H. Howard. 1769–1847). (Малая Бойделевская Галлерея).

Тимонъ. Женщинъ? Чего же онѣ желаютъ?

Слуга. Съ ними явился гонецъ, которому поручено передать вамъ ихъ желанья.

Тимонъ. Ну, проси ихъ сюда.

Входитъ Купидонъ.

Купидонъ.

Привѣтъ тебѣ, достойный мужъ, и всѣмъ.
Вкушающимъ твои благодѣянья!
Узнай: пять чувствъ, признавъ тебя своимъ
Властителемъ, пришли сюда съ привѣтомъ
Твоей душѣ великодушной. Слухъ
И вкусъ, и два другія чувства встали
Иза-за стола въ восторгѣ здѣсь; теперь
Мои сопутницы лишь для того явились,
Чтобы твои глаза ихъ видомъ насладились.

Тимонъ.

Я радъ имъ всѣмъ. Привѣтливый пріемъ
Найдутъ онѣ. Пусть музыка ихъ встрѣтитъ.

(Купидонъ уходитъ).

Первый гость.

Вотъ видите, какъ всюду любятъ васъ!

Музыка. Купидонъ возвращается: за нимъ слѣдуютъ замаскированныя женщины, одѣтыя амазонками, съ лютнями въ рукахъ; онѣ играютъ и танцуютъ.

Апемантъ.

Фу, суеты количество какое!
Вонъ пляшутъ какъ! Помѣшаны онѣ?
Безуміе — вся слава этой жизни,
Какъ этотъ блескъ, въ сравненіи съ моей
Трапезою изъ масла и кореньевъ.
Мы дѣлаемъ безумцами себя
Лишь для того, чтобъ веселиться; щедро
Кидаетъ лесть, чтобъ только опивать
Другихъ людей, и выпитое нами
Имъ отдаемъ на старости ихъ лѣтъ
Презрѣніемъ и злобой ядовитой.
Гдѣ человѣкъ, который хоть бы разъ
Не развратилъ иль не былъ развращенъ?
Кто въ гробъ сошелъ безъ славнаго толчка
Руки друзей! Какъ знать, плясуньи эти
Когда-нибудь, быть можетъ, и меня
Начнутъ топтать. Да, въ свѣтѣ такъ бываетъ:
Съ закатомъ солнечнымъ всякъ двери закрываетъ.

(Гости встаютъ изъ-за стола и съ благоговѣніемъ окружаютъ Тимона. Чтобы заявить ему свою любовь, каждый изъ нихъ выбираетъ амазонку, послѣ чего пары танцуютъ нѣкоторое время подъ звуки гобоевъ).

Тимонъ.

Красавицы, вы скрасили нашъ пиръ;
Придали вы ему большую прелесть,
Въ немъ красоту удвоили, къ нему
Прибавили достоинства и блескъ,
И чудно такъ исполнили мой планъ,
Что отъ души я всѣмъ вамъ благодаренъ.

Первая женщина.

Вы слишкомъ насъ балуете, Тимонъ.

Апемантъ. Да, потому что худшая изъ васъ—грязь, и врядъ ли вы могли бы перенесть другое обращеніе.

Тимонъ.

Въ этой комнатѣ васъ угощенье ждетъ;
Я васъ прошу самихъ распорядиться.

Всѣ женщины.

Чувствительно мы благодарны вамъ.

(Уходятъ съ Купидономъ).

Тимонъ.

Эй, Флавій!

Флавій.

Здѣсь.

Тимонъ.

Подай мою шкатулку.

Флавій.

Сейчасъ.
(Въ сторону). Опять брилльянты. И никакъ
Ему нельзя перечить, а иначе
Сказалъ бы я... Да, слѣдуетъ сказать!
Когда ужъ лопнетъ все, тогда вздохнетъ онъ только,
Что здѣсь никто ему не возражалъ нисколько.
Жаль, что у щедрости нѣтъ сзади глазъ; тогда
Губить бы не могло насъ сердце никогда.
(Уходитъ и возвращается со шкатулкой).

Первый гость.

Гдѣ слуги наши?

Слуга.

Здѣсь. Что вамъ угодно?

Второй гость.

Мы ѣдемъ — лошадей!

Тимонъ.

Друзья мои,
Я долженъ вамъ сказать еще два слова.
(Первому гостю).
Мой добрый другъ, прошу мнѣ сдѣлать честь
Почтить своимъ вниманьемъ этотъ камень.
Прошу принять и на себѣ носить,
Мой добрый другъ!

Первый гость *(принимая брилльянтъ).*

И безъ того я многимъ
Обязанъ вамъ.

Всѣ.

Не менѣе всѣхъ насъ.

Входитъ слуга.

Слуга. Нѣсколько сенаторовъ только-что сошли съ лошадей и идутъ сюда.

Тимонъ.

Душевно радъ.

Флавій.

Позвольте, умоляю,
Мнѣ вамъ сказать два слова: васъ они
Касаются, и очень близко.

Тимонъ.

Близко?
Такъ ты потомъ ихъ скажешь, а теперь,
Пожалуйста, распорядись пріемомъ
Пріѣхавшихъ.

Флавій *(въ сторону).*

Не знаю, какъ и быть.

Входитъ второй слуга.

Второй слуга.

Осмѣлюсь я вамъ доложить, что Люцій,
Какъ знакъ любви, прислалъ въ подарокъ вамъ
Двухъ лошадей въ серебряной упряжкѣ
И бѣлизны молочной.

Тимонъ.

Отъ души
Я ихъ приму. Смотрите, чтобъ достойно
Даритель былъ вознагражденъ.

Входитъ третій слуга.

Тимонъ.

Ты что?

Третій слуга. Благородный гражданинъ Люцилій проситъ васъ поѣхать съ нимъ завтра на охоту и посылаетъ вамъ двѣ своры гончихъ.

Тимонъ.

Я очень радъ — и буду; а подарокъ
Примите тамъ и щедро отдарите
Люцилія.

Флавій (*въ сторону*).

Что выйдетъ, наконецъ,
Изъ этого? Онъ намъ повелѣваетъ
Всѣхъ угощать, подарки раздавать—
И это все съ пустыми сундуками.
Не хочетъ знать онъ, сколько въ кошелькѣ
Его лежитъ, и мнѣ не позволяетъ
Никакъ раскрыть предъ нимъ всю нищету
Его души, возможности лишенной
То исполнять, чего желаетъ онъ.
Что онъ сулитъ—такъ сильно превосходитъ
Его казну, что всѣ его слова
Долги на немъ скопляютъ: съ каждымъ словомъ
Онъ входитъ въ долгъ. Въ немъ столько доброты,
Что за нее платить теперь проценты
Обязанъ онъ; имѣнія его
Заложены. Желалъ бы я, чтобъ мирно
Отставили отъ должности меня,
Пока къ тому не принужденъ я силой.
Ахъ, лучше не давать пріятелямъ пировъ,
Чѣмъ угощать друзей ужаснѣе враговъ.
Моя душа терзается жестоко
Изъ-за него. (*Уходитъ*).

Тимонъ (*продолжая разговоръ съ гостями*).

Несправедливы вы
Къ самимъ себѣ, такъ сильно унижая
Достоинство свое.
(*Одному изъ гостей*). Прошу принять,
Какъ знакъ моей любви, бездѣлку эту!

Второй гость.

Беру ее, свидѣтельствуя вамъ
Не пошлую, простую благодарность.

Третій гость.

О, онъ самъ духъ высокой доброты!

Тимонъ (*второму гостю*).

Да! вспомнилъ я: мою гнѣдую лошадь
Хвалили вы недавно. Вамъ она
Понравилась—и потому возьмите
Ее себѣ.

Второй гость.

О, этого никакъ
Я не хочу; пожалуйста, оставьте!

Тимонъ.

Вы можете меня на словѣ взять:
Извѣстно мнѣ, что по заслугамъ хвалимъ
Мы только то, что намъ пріятно: я жъ
Моихъ друзей желанья уважаю
Не менѣе своихъ. Въ томъ честью вамъ
Ручаюся. Я къ вамъ пріѣду въ гости.

Всѣ.

Пріятнѣй всѣхъ намъ будетъ гость такой.

Тимонъ.

Повѣрьте мнѣ, всѣ ваши посѣщенья
Такъ дороги душѣ моей, что я
Мои дары ничтожными считаю.
Мнѣ кажется, я могъ бы раздавать
Безъ устали обширнѣйшія царства
Моимъ друзьямъ. Алкивіадъ, ты—воинъ
И потому съ богатствомъ не знакомъ.

(*Даря ему вещь*).

Дарить тебѣ считаю добрымъ дѣломъ.
Вѣдь, ты живешь лишь мертвыми, твои
Помѣстья всѣ—поля сраженья.

Алкивіадъ.

Правда,
Безплодныя помѣстья.

Первый гость.

Всѣ мы вамъ
Обязаны душевно.

Тимонъ.

Я не меньше
Обязанъ вамъ.

Второй гость.

И преданы навѣкъ.

Тимонъ.

Я вашъ всегда... Свѣчей, свѣчей побольше!

Первый гость.

Пусть счастіе чистѣйшее и честь,
И золото не разстаются съ вами!

Тимонъ.

Всегда готовъ служить своимъ друзьямъ!
(Алкивіадъ и гости уходятъ).

Апемантъ.

Вотъ суета! Собранье спинъ согнутыхъ
И рабскихъ лицъ! Ужель колѣни ихъ
Тѣхъ стоятъ суммъ, что здѣсь за нихъ даются?
Вотъ дружба-то, вся полная дрожжей!
Мнѣ кажется, что людямъ, съ лживымъ сердцемъ,
Солидныхъ ногъ не слѣдуетъ имѣть.
Да, этакъ-то глупецъ наивно-честный
Теряетъ все изъ-за согнутыхъ спинъ.

Тимонъ.

Ахъ, Апемантъ, будь ты немного мягче,
Я дѣлалъ бы и для тебя добро.

Апемантъ.

Нѣтъ, ничего не надо мнѣ. Когда бы
И я себя позволилъ подкупить,
Такъ никого бъ на свѣтѣ не осталось
Бранить тебя—и сталъ бы ты грѣшить
Еще сильнѣй. Ты такъ ужасно тратишь
Свое добро, что скоро—я боюсь—
И самъ себя отдашь по документу.
Къ чему, скажи, всѣ празднества твои
И роскошь вся, и этотъ блескъ тщеславный?

Тимонъ.

Ну, если ты желаешь сыпать брань
На общество, такъ не хочу и слушать
Я словъ твоихъ. Прощай и приходи,
Когда твой тонъ исправится. *(Уходитъ).*

Апемантъ.

Не хочешь
И слушать ты; ну, хорошо, такъ я
И говорить не буду и закрою
Входъ въ небеса навѣки для тебя.
О, люди, отчего къ совѣтамъ справедливымъ
Вы глухи болѣе, чѣмъ къ увѣреньямъ льстивымъ?

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ домѣ одного изъ сенаторовъ.

Входитъ сенаторъ, *съ бумагами въ рукѣ.*

Сенаторъ.

Еще на-дняхъ пять тысячъ у Варрона,
У Исидора девять тысячъ взялъ;
А съ тѣмъ, что мнѣ онъ долженъ—двадцать тысячъ
Онъ задолжалъ. И это мотовство
Безумное не хочетъ прекратиться.
Нѣтъ, долго онъ не выдержитъ... Когда
Я въ золотѣ нуждаюсь—только стоитъ
У нищаго украсть собаку мнѣ
И подарить ее Тимону: тутъ же
Чеканитъ мнѣ монету этотъ песъ.
Когда продать я пожелаю лошадь
Съ тѣмъ, чтобы купить хоть двадцать лошадей
Цѣннѣй ея—мнѣ стоитъ лишь Тимону
Ее отдать, и хоть бы ничего
Я не просилъ—она сію минуту
Доставитъ мнѣ отличныхъ лошадей.
Нѣтъ на крыльцѣ Тимона никакого
Привратника: тамъ только человѣкъ,
Съ улыбкою зовущій всѣхъ прохожихъ
Къ хозяину. Да, долго такъ дѣламъ
Нельзя итти. Тимона положенье
Надежнымъ счесть не можетъ здравый смыслъ.
Эй, Кафисъ, эй! Гдѣ Кафисъ?

Входитъ Кафисъ.

Кафисъ.

Что угодно
Вамъ приказать?

Сенаторъ.

Надѣнь скорѣе плащъ,
Бѣги сейчасъ къ Тимону и потребуй,
Чтобъ деньги онъ мнѣ отдалъ; никакой
Увертkою не будь доволенъ. Если
Отвѣтитъ онъ: „поклонъ мой твоему
Хозяину“—и станетъ этакъ шляпой
Вертѣть въ рукѣ—не вздумай ты молчать:
Скажи ему, что я и самъ нуждаюсь
До крайности и тронуть принужденъ
Свой капиталъ; что срокъ его росписокъ
Давно прошелъ; что собственный кредитъ
Я подорвалъ увѣренностью полной
Въ его словахъ. Тимона я люблю

Внутренній видъ дома богатаго грека V—IV вѣковъ. (Реставрація).

И чту его, но не могу же шею
Свернуть себѣ изъ-за его мизинца.
Я въ крайности—и не отвѣтъ пустой,
Уклончивый, а лишь одна уплата
Скорѣйшая меня освободитъ.
Бѣги жъ къ нему: прими видъ самый строгій,
Настойчивый. Боюсь я, чтобъ Тимонъ,
Пока еще блестящій, словно фениксъ,
Не сталъ похожъ на голаго дрозда,
Чуть изъ него повыщипаютъ перья
И отдадутъ хозяевамъ. Ступай!

КАФИСЪ.

Сейчасъ иду.

СЕНАТОРЪ.

Сейчасъ иди! Скорѣе!
Да захвати росписки всѣ съ собой
И обрати вниманія на числа.

КАФИСЪ

Исполню все.

СЕНАТОРЪ.

Ну, хорошо ступай. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

[illegible] домъ Тимона.

Входитъ ФЛАВІЙ *съ нѣсколько смущеннымъ видомъ*.

ФЛАВІЙ.

Ни удержу, ни смысла—такъ безуменъ
Въ расходахъ онъ, что нѣтъ желанья въ немъ
Ни думать, какъ вести расходы эти,
Ни прекратитъ такое мотовство.
Не хочетъ онъ и знать, куда уходитъ
Его добро, не думаетъ совсѣмъ,
Чѣмъ это все окончится. На свѣтѣ
Нѣтъ никого, кто былъ бы такъ, какъ онъ,
Душою добръ и разума лишенъ.
Какъ быть? Вѣдь, онъ тогда лишь станетъ слушать,
Когда ужъ самъ почувствуетъ... Нѣтъ, все
Ему скажу, какъ только возвратится
Съ охоты онъ. Увы! увы! увы!

Входятъ КАФИСЪ *и слуги* ИСИДОРА *и* ВАРРОНА.

КАФИСЪ.

Здорово, другъ. Ты по какому дѣлу?
За деньгами?

Слуги Варрона.

И ты за тѣмъ же?

Кафисъ.

Да.
А Исидоръ, должно быть, тоже?

Слуги Исидора.

Тоже.

Кафисъ.

Ахъ, если бы намъ заплатили всѣмъ!

Слуги Варрона.

Не думаю.

Кафисъ.

А вотъ и самъ хозяинъ!

Входятъ Тимонъ, Алкивіадъ, вельможи *и прочіе.*

Тимонъ (*Алкивіаду*).

Любезный другъ, какъ только встанемъ мы
Изъ-за стола, поѣдемъ снова въ поле.
(*Кафисъ подходитъ къ нему*).
Ко мнѣ? Чего ты хочешь?

Кафисъ.

Господинъ,
Здѣсь счетъ долговъ.

Тимонъ.

Долговъ? Да ты откуда?

Кафисъ.

Я изъ Аѳинъ.

Тимонъ.

За этимъ обратись
Ты къ Флавію.

Кафисъ.

Позвольте, цѣлый мѣсяцъ
Со дня на день откладываетъ онъ.
Мой господинъ нуждается ужасно
И принужденъ покорно васъ просить,
Согласно съ вашимъ благородствомъ, нынче
Отдать ему, что слѣдуетъ.

Тимонъ.

Мой другъ,
Пожалуйста, приди ты завтра утромъ.

Кафисъ.

Я не могу.

Тимонъ.

Сдержи себя, мой другъ.

Слуга Варрона.

Позвольте мнѣ, служителю Варрона...

Слуга Исидора.

Мнѣ Исидоръ велѣлъ у васъ просить
Покорнѣйше немедленной уплаты.

Кафисъ.

Ахъ, если бы вы знали, какъ теперь
Мой господинъ нуждается!

Слуга Варрона.

Осмѣлюсь
Вамъ доложить, что цѣлыхъ шесть недѣль
Просрочено.

Слуга Исидора.

Меня вашъ управитель
Ужъ сколько разъ съ отказомъ отсылалъ.
Теперь я къ вамъ нарочно присланъ.

Тимонъ.

Дайте
Мнѣ хоть вздохнуть.
(*Гостямъ*). Друзья мои, прошу
Итти впередъ—я слѣдую за вами.
(*Алкивіадъ и вельможи уходятъ*).

Тимонъ (*Флавію*).

Поди сюда. Пожалуйста, скажи,
Какъ это такъ устроилось, что, чести
Моей въ ущербъ, я осаждаюсь вдругъ
Крикливыми желаньями уплаты
Такихъ долговъ, которые давно
Просрочены?

Флавій (*слугамъ*).

Объ этомъ дѣлѣ, право,
Теперь совсѣмъ не время толковать.
Уймитесь-ка хоть до послѣ-обѣда;
А я пока успѣю объяснить
Хозяину причину неуплаты
Его долговъ.

Тимонъ.

Да, поступите такъ,
Друзья мои. (*Флавію*). Распорядись получше
Ихъ угостить. (*Уходитъ*).

Флавій.

Пожалуйте за мной. (*Уходитъ*).

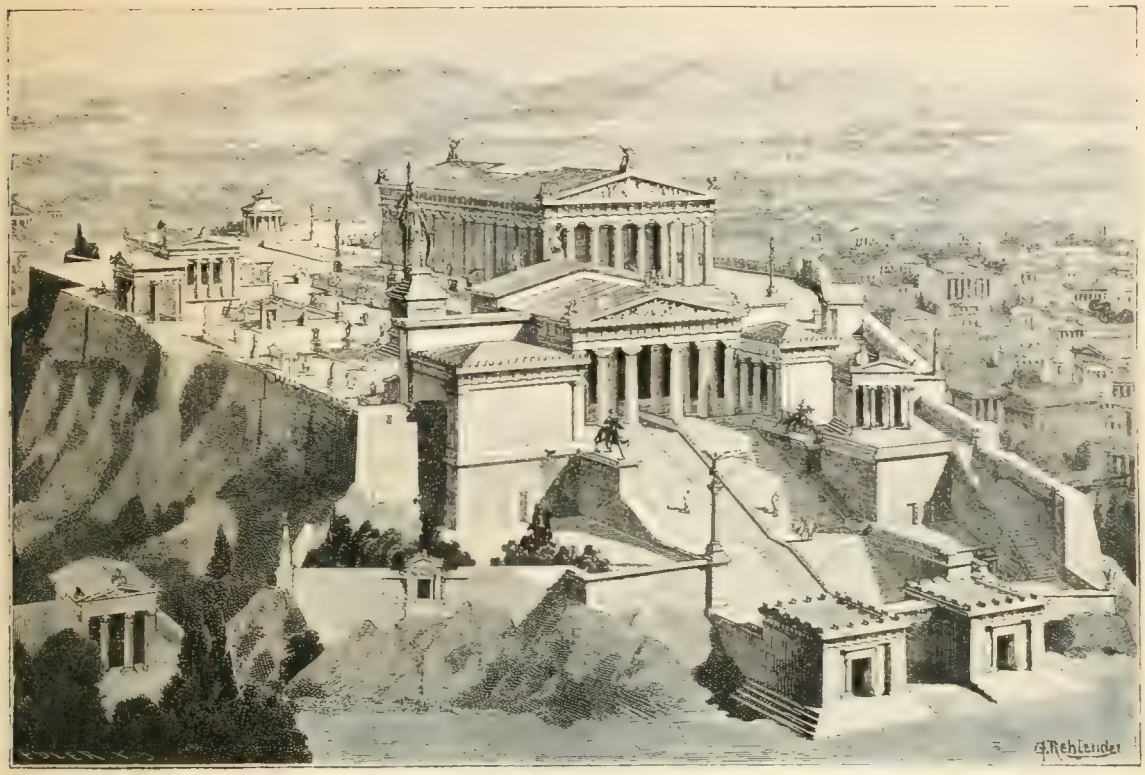
Входятъ Апемантъ *и* шутъ.

Кафисъ (*другимъ слугамъ*). Погодите, погодите: вотъ идетъ шутъ съ Апемантомъ! Позабавимся-ка немного съ ними.

Слуга Варрона. На вѣсилицу его: онъ обругаетъ насъ.

Слуга Исидора. Задави его чума, собаку!

Слуга Варрона. Какъ поживаешь, шутъ?



АѲИНСКІЙ АКРОПОЛЬ.

Реставрація нѣмецкаго архитектора проф. Реленгера (Rehlender, рис. 1875).

1 Пропилеи. 2 Эрехтейонъ. 3 Парѳенонъ. 4 Храмъ побѣды. 5

Апемантъ. Ты это со своею тѣнью разговариваешь?

Слуга Варрона. Я не съ тобою говорю.

Апемантъ. Нѣтъ, ты говоришь съ самимъ собою. (*Шуту*). Пойдемъ отсюда.

Слуга Исидора (*слугѣ Варрона*). Вонъ ужъ шутъ виситъ у тебя на шеѣ.

Апемантъ. Нѣтъ, ты стоишь на ногахъ, ты не висишь на немъ.

Кафисъ. Да кто тутъ шутъ?

Апемантъ. Тотъ, кто сдѣлалъ этотъ вопросъ: бѣдные негодяи, лакеи ростовщиковъ, сводники золота съ нуждою.

Всѣ слуги. Кто мы такіе, Апемантъ?

Апемантъ. Ослы.

Всѣ слуги. Почему?

Апемантъ. Потому что вы меня спрашиваете, кто вы такіе, а не знаете самихъ себя. Шутъ, поговори-ка съ ними.

Шутъ. Какъ поживаете, господа?

Всѣ слуги. Покорно благодаримъ, добрый шутъ! Какъ здоровье твоей госпожи?

Шутъ. Она теперь кипятитъ воду, чтобы обваривать такихъ цыплятъ, какъ вы. Очень мнѣ хотѣлось бы видѣть васъ въ Коринѳѣ!

Апемантъ. Отлично! Очень благодаренъ!

Входитъ пажъ.

Шутъ. Смотрите: вотъ пришелъ пажъ моей повелительницы.

Пажъ (*шуту*). Что новаго, полководецъ? Что ты дѣлаешь въ этой мудрой компаніи? Какъ поживаешь, Апемантъ?

Апемантъ. Хотѣлось бы мнѣ держать во рту палку, чтобы дать тебѣ полезный отвѣтъ.

Пажъ. Пожалуйста, Апемантъ, прочитай мнѣ адресы этихъ писемъ: я не знаю, кому какое будетъ.

Апемантъ. Ты развѣ не умѣешь читать?

Пажъ. Не умѣю.

Апемантъ. Ну, такъ въ тотъ день, когда тебя повѣсятъ, умретъ не особенно большая ученость. Вотъ это письмо къ Тимону, это— къ Алкивіаду. Эхъ, братъ! родился ты незаконнорожденнымъ, а умрешь сводникомъ.

Пажъ. А тобой ощенилась сука, и ты издохнешь отъ голода смертью собаки. Не отвѣчай мнѣ, потому что я ужъ ушелъ.

(Уходитъ).

Апемантъ. Точно такъ же быстро ты уходишь отъ благодати. Шутъ, я пойду съ тобою къ Тимону.

Шутъ. И оставишь меня тамъ?

Апемантъ. Если Тимонъ дома... Вы трое служите тремъ ростовщикамъ.

Всѣ слуги. Лучше бы они служили намъ?

Апемантъ. Да, и я хотѣлъ бы этого—хотѣлъ бы, чтобъ они служили вамъ такъ, какъ палачъ служитъ вору.

Шутъ. Скажите, вы всѣ трое слуги ростовщиковъ?

Всѣ слуги. Да, шутъ.

Шутъ. Я полагаю, что нѣтъ ни одного ростовщика, который не имѣлъ бы въ услуженіи шута. Моя хозяйка — тоже ростовщица, и я—ея шутъ. Когда люди идутъ занимать у вашихъ господъ, они приходятъ грустные, а уходятъ веселые; но въ домъ моей хозяйки они входятъ веселые, а уходятъ оттуда печальные. Знаете причину?

Слуга Варрона. Я могъ бы сказать ее.

Апемантъ. Такъ скажи, чтобы мы могли объявить тебя прелюбодѣемъ и негодяемъ, что, однако, не уменьшитъ уваженія къ тебѣ.

Слуга Варрона. Что такое прелюбодѣй, шутъ?

Шутъ. Шутъ, хорошо одѣтый и отчасти похожій на тебя. Онъ духъ, иногда являющійся въ видѣ вельможи, иногда—юриста, иногда—философа. По временамъ онъ бываетъ и воиномъ — словомъ, бродитъ по свѣту во всѣхъ видахъ, которые человѣкъ принимаетъ на себя отъ тринадцати до восьмидесяти лѣтъ.

Слуга Варрона. Ты не совсѣмъ дуракъ.

Шутъ. Точно такъ же, какъ ты не совсѣмъ мудрецъ. Сколько у меня глупости, столько у тебя не достаетъ мудрости.

Апемантъ. Этотъ отвѣтъ достоинъ Апеманта.

Всѣ слуги. Посторонитесь, посторонитесь! идетъ Тимонъ.

Тимонъ *и* Флавій *возвращаются.*

Апемантъ. Пойдемъ, шутъ, пойдемъ.

Шутъ. Я не всегда слѣдую за любовникомъ, старшимъ братомъ и женщиной, но иногда иду за философомъ. *(Уходитъ съ Апемантомъ).*

Флавій *(слугамъ).*

Пожалуйста, побудьте въ сторонѣ:
Поговорю я скоро съ вами.

(Слуги уходятъ).

Тимонъ.

Сильно
Я изумленъ. Но отчего же мнѣ
До этихъ поръ ты не сказалъ всей правды?
Тогда бъ я могъ расходы уменьшить,
Сообразивъ ихъ съ средствами моими.

Флавій.

Ахъ, сколько разъ ни предлагалъ я вамъ
Поговорить со мной—вы не хотѣли.

Тимонъ.

Вотъ пустяки! Ты, вѣрно, приходилъ
Не во-время, когда не могъ я слушать,
Не въ духѣ былъ—и это ты теперь
Берешь себѣ какъ средство къ оправданью.

Флавій.

О, господинъ мой добрый! сколько разъ
Я приносилъ вамъ счеты, передъ вами
Ихъ клалъ на столъ, а вы кидали ихъ
И лишь одно мнѣ отвѣчали: „счеты
Написаны на честности твоей".
Когда, взамѣнъ ничтожнаго подарка,
Вы много мнѣ велѣли отдавать,
Я головой качалъ и только плакалъ.
Я нарушалъ нерѣдко службы долгъ
И васъ просилъ не такъ широко руку
Всѣмъ раскрывать; не разъ я получалъ
Отъ васъ за то нелегкіе упреки,
Что представлять пытался вамъ отливъ
Того, чѣмъ вы владѣете, и вмѣстѣ
Приливъ долговъ. Любезный господинъ,
Вы, наконецъ—хотя ужъ слишкомъ поздно—
Должны узнать, что все, чѣмъ только вы
Владѣете, и половины долга
Покрыть никакъ не можетъ.

Тимонъ.

Прикажи
Продать мои всѣ земли.

Флавій.

Эти земли
Заложены, и часть изъ-нихъ давно
Потеряна. Что остается—хватитъ
Едва на то, чтобъ ротъ заткнуть долгамъ
Предъявленнымъ, другіе также скоро
Заговорятъ. Чѣмъ будемъ, между тѣмъ,
Мы домъ держать? Какъ, наконецъ, мы счеты
Свои сведемъ?

Тимонъ.

Помѣстія мои,
Вѣдь, далеко до Спарты простирались.

Флавій.

О, господинъ любезный мой, весь міръ—
Лишь звукъ одинъ! Когда бъ въ одномъ дыханьи
Его могли отдать вы, скоро бъ съ нимъ
Разстались вы.

Тимонъ.

Ты правъ.

Флавій.

Коль недовѣрье
Имѣете вы къ честности моей,
Къ веденью дѣлъ, строжайшихъ изберите
Посредниковъ и поручите имъ
Судить меня. Беру боговъ безсмертныхъ
Въ свидѣтели того, что, между тѣмъ
Какъ весь нашъ домъ стоналъ отъ паразитовъ
Распутнѣйшихъ, и наши погреба
Всѣ плакали отъ винныхъ изліяній,
И залы всѣ, залитыя огнемъ,
Торжественно оркестромъ оглашались—
Я уходилъ въ пустынный уголокъ
И волю тамъ давалъ слезамъ.

Тимонъ.

Довольно.
Прошу тебя.

Флавій.

О, небо—говорилъ
Я каждый разъ —какъ онъ великодушенъ!
Какъ много здѣсь добра истреблено
За ночь одну невѣждами, рабами!
И кто изъ нихъ Тимону не слуга?
Кто не отдастъ меча, и силъ, и сердца,
И головы Тимону—да, ему,
Великому, достойному Тимону?
Ахъ, стоитъ лишь изсякнуть средствамъ тѣмъ,
Что эту лесть такъ быстро покупаютъ,
И въ мигъ она разсѣется, какъ дымъ.
Что на пиру добыто—послѣ пира
Потеряно. Чуть тучка налетитъ
Морозная—мрутъ разомъ эти мухи.

Тимонъ.

Ну, перестань мнѣ проповѣдь читать.
И согласись, что доброты постыдной
Моя душа не знала никогда.
Я раздавалъ безумно, но не подло.
Скажи, о чемъ ты плачешь? До того ль
Ты потерялъ въ людскую совѣсть вѣру,
Что думаешь—друзей я не найду?
Нѣтъ, будь вполнѣ спокоенъ. Если бъ только
Я захотѣлъ въ сосудѣ дружбы кранъ
Открыть себѣ и испытать займами
Всю преданность сердецъ моихъ друзей—
Людьми и ихъ имуществомъ я могъ бы
Располагать такъ точно, какъ тебѣ
Могу велѣть заговорить.

Флавій.

Пусть опытъ
Благословитъ такія мысли.

Тимонъ.

Я
Отчасти радъ нуждѣ своей и вижу
Въ ней даръ небесъ: она мнѣ средство дастъ
Увѣриться въ друзьяхъ моихъ. Увидишь,
Что ты насчетъ богатства моего
Ошибся: я богатъ—богатъ друзьями.
Эй, кто тамъ есть? Фламиній, поскорѣй!
Сервилій!

Входятъ Фламиній, Сервилій *и другіе слуги*

Слуги.

Здѣсь! Что будетъ вамъ угодно?

Тимонъ.

Я разошлю поодиночкѣ васъ.
Ты къ Люцію ступай, а ты къ Лукуллу:
Сегодня былъ я на охотѣ съ нимъ.
Ты побѣги къ Семпронію. Скажите,
Что дружбѣ ихъ себя я поручить
Хочу теперь, и тѣмъ горжусь, что случай
Позволилъ мнѣ прибѣгнуть съ просьбой къ нимъ
О денежномъ пособіи; скажите,
Что пятьдесятъ талантовъ я прошу.

Фламиній.

Исполнимъ все, какъ вы сказали.

Флавій (*въ сторону*).

Люцій!
Лукуллъ! Гм!

Тимонъ (*къ другому слугѣ*).

Ты къ сенаторамъ ступай:
Услугами, оказанными мною
Отечеству, я право пріобрѣлъ
Разсчитывать на ихъ вниманье. Просьбу
Имъ передай: немедленно прислать
Мнѣ тысячу талантовъ.

Флавій.

Эту смѣлость
Я самъ себѣ позволилъ, такъ какъ зналъ,
Что это путь весьма обыкновенный:
Я предложилъ имъ подпись вашу взять,
Но головой въ отвѣтъ мнѣ покачали

Сенаторы—и съ тѣмъ же я ушелъ.
Съ чѣмъ и пришелъ.

Тимонъ.

Возможно ли? И правду
Ты говоришь?

Флавій.

Единогласно всѣ
Отвѣтили, что въ крайности и сами
Они теперь; что денегъ нѣтъ у нихъ;
Что исполнять они того не могутъ,
Чего хотятъ. „Прискорбно очень намъ...
Онъ человѣкъ почтенный... Мы, однако,
Желали бы... Не знаемъ, право, какъ...
И онъ порой ошибки дѣлалъ... Можетъ
И лучшій духъ свихнуться иногда.
Желаемъ мы ему уладить дѣло...
Намъ очень жаль!" И, подъ предлогомъ дѣлъ
Серьезнѣе, къ нимъ перешли; ихъ взгляды
Недобрые, отрывистая рѣчь,
Какіе-то полупоклоны, злсе,
Холодное качанье головой
Мои слова морозомъ оковали—
И я молчалъ.

Тимонъ.

О, наградите ихъ,
Безсмертные! Ну, перестань крушиться,
Прошу тебя. У этихъ стариковъ
Наслѣдственный порокъ—неблагодарность.
Ихъ кровь—кусокъ холодный и сухой:
Едва-едва она струится. Если
Такъ злы они, то это оттого,
Что теплоты живительной лишились.
Когда идетъ къ могилѣ человѣкъ,
Становится онъ грубымъ и тяжелымъ.
(Одному слугѣ).
Ступай къ Вентидію. (*Флавію*). Прошу тебя,
Развеселись. Ты вѣренъ мнѣ и честенъ;
Я говорю отъ сердца—упрекнуть
Тебя ни въ чемъ я не могу *(Слугѣ)*. Вентидій
Еще на-дняхъ отца похоронилъ
И получилъ огромное наслѣдство.
Когда онъ былъ и бѣденъ, и въ тюрьмѣ,
И безъ друзей, то пять моихъ талантовъ
Спасли его. Поди, ему поклонъ
Мой передай и объясни, что крайность
Заставила меня теперь ему
О деньгахъ тѣхъ напомнить.
(Слуга уходитъ. Флавію). Чуть ты только
Получишь ихъ, сейчасъ же заплати
Тѣмъ должникамъ, что требуютъ уплаты.
Ни думать про себя, ни говорить не смѣй,
Что можетъ пасть Тимонъ среди своихъ
друзей.

Флавій.

Разстаться радъ бы я съ сомнѣньями моими:
Хорошій человѣкъ считаетъ всѣхъ такими.
(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ домѣ Лукулла.

Фламиній *ждетъ*. *Входитъ* слуга.

Слуга. Я доложилъ о тебѣ моему господину: онъ сейчасъ сойдетъ сюда.

Фламиній. Спасибо.

Входитъ Лукуллъ.

Слуга. Вотъ мой господинъ.

Лукуллъ (*въ сторону*). Слуга Тимона! Держу пари, что съ подаркомъ. Это очень кстати. Мнѣ еще сегодня снились серебряный тазъ и серебряный рукомойникъ. Здорово, Фламиній, честный Фламиній! Душевно радъ видѣть тебя. (*Своему слугѣ*). Принеси-ка намъ вина. (*Слуга уходитъ*). Ну, какъ здоровье этого почтеннаго, всесовершеннаго, великодушнаго аѳинскаго гражданина, твоего добрѣйшаго господина и повелителя?

Фламиній. Онъ здоровъ.

Лукуллъ. Крайне радуюсь тому, что онъ здоровъ. А что это у тебя подъ плащомъ, драгоцѣнный Фламиній?

Фламиній. Да просто пустая шкатулка, которую, по порученію моего господина, я умоляю васъ наполнить. Онъ крайне нуждается въ пятидесяти талантахъ и покорнѣйше проситъ васъ одолжить ему эту сумму, совершенно увѣренный въ вашей готовности служить ему.

Лукуллъ. Та-та-та! Ты говоришь: „онъ совершенно увѣренъ". Ахъ, какой это добрый, благородный человѣкъ! — если бъ только онъ не жилъ на такую большую ногу. Не разъ я обѣдалъ у него и говорилъ ему объ этомъ; я даже ужинать къ нему приходилъ нарочно для того, чтобъ

убѣдить его уменьшить расходы, но онъ не обращалъ никакого вниманія на мои совѣты и мои частыя посѣщенія. У каждаго человѣка есть свои недостатки, а его недостатки—щедрость: это я ему говорилъ не разъ, но никакъ не могъ исправить.

Слуга *возвращается съ виномъ.*

Слуга. Извольте вино.

Лукуллъ. Фламиній, я всегда считалъ тебя умнымъ человѣкомъ. За твое здоровье!

Фламиній. Вамъ угодно?

Лукуллъ. Я всегда — говорю это по долгу справедливости—замѣчалъ въ тебѣ гибкій и быстрый умъ, понимающій, гдѣ какъ должно дѣйствовать; я замѣчалъ, что ты умѣешь пользоваться случаемъ тамъ, гдѣ случай къ твоимъ услугамъ—въ этомъ твое достоинство. (*Своему слугѣ*). Выйди отсюда. (*Слуга уходитъ*). Подойди ближе, честный Фламиній. Твой господинъ—великодушный человѣкъ, но ты человѣкъ умный: хотя ты и пришелъ ко мнѣ, но очень хорошо знаешь, что теперь совсѣмъ не время давать взаймы деньги, особенно подъ дружбу, безъ всякаго другого обезпеченія. Вотъ тебѣ три солидара. Закрой глаза, мой любезнѣйшій, и скажи Тимону, что ты не засталъ меня. Прощай.

Фламиній.

Возможно ли, чтобъ измѣнился такъ
Нашъ міръ, а мы остались тѣмъ, чѣмъ
были?

(*Бросаетъ деньги на полъ*).

Проклятое ничтожество, ступай
Къ тому, кто чтитъ тебя благоговѣйно!

Лукуллъ. Вотъ какъ! Ну, теперь я вижу, что ты дуракъ и вполнѣ достоинъ твоего господина. (*Уходитъ*).

Фламиній

(*показывая на монеты, лежащія на полу*).

Пускай онѣ составятъ часть того,
На чемъ горѣть ты будешь послѣ смерти!
Пускай металлъ растопленный тебя
Варитъ въ аду! Ты только язва друга,
Но ты не другъ. О, дружба, неужели
Въ твоей груди все молоко такъ сильно
Испорчено, что меньше, чѣмъ въ два дня,
Оно совсѣмъ свернуться можетъ? Боги,
Тимона гнѣвъ я чувствую въ себѣ!
У этого бездѣльника въ желудкѣ
Еще лежитъ обѣдъ Тимона: какъ
Онъ послужить ему на пользу можетъ
И пищей стать питательной, когда
Самъ человѣкъ въ отраву превратился?
О, пусть тебѣ та пища принесетъ
Одну болѣзнь! Пусть на одрѣ смертельномъ
Всѣ силы тѣ, которыя тебѣ
Мой господинъ давалъ, болѣзнь не побѣждаютъ.
Но только смертныя мученья продолжаютъ.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Площадь.

Входятъ Люцій *и* три чужестранца.

Люцій. Кто? Тимонъ? Онъ мой лучшій другъ и почтенный человѣкъ.

1-ый чужестранецъ. Мы сами это знаемъ, хотя незнакомы съ нимъ. Но я могу сообщить вамъ кое-что, о чемъ теперь всѣ говорятъ: золотые дни Тимона прошли, и его богатство уходитъ отъ него.

Люцій. Какіе пустяки! Не вѣрьте этому! Тимонъ никакимъ образомъ не можетъ нуждаться въ деньгахъ.

2-ой чужестранецъ. А все-таки повѣрьте мнѣ, что еще недавно одинъ изъ его слугъ ходилъ къ Лукуллу съ просьбою объ одолженіи нѣсколькихъ талантовъ, при чемъ убѣдительно просилъ исполнить эту просьбу, объяснивъ затруднительное положеніе своего господина; но, несмотря на это, получилъ отказъ.

Люцій. Какъ?

2-ой чужестранецъ. Да, я вамъ говорю—отказъ.

Люцій. Какъ это странно! Клянусь богами, мнѣ стыдно и слышать объ этомъ. Отказать этому почтенному человѣку! Такой поступокъ дѣлаетъ ему мало чести. Что касается меня, то я долженъ сознаться, что хотя получалъ отъ него неважные подарки, какъ деньги, посуду, драгоцѣнные камни и тому подобныя бездѣлки, ничтожныя въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ давалъ Лукуллу, но обратись онъ, вмѣсто Лукулла, ко мнѣ, я бы ни за что не отказалъ ему въ нѣсколькихъ талантахъ.

Входитъ Сервилій.

Сервилій. Ну, счастливъ я, что нашелъ васъ; просто вспотѣлъ на поискахъ. Почтеннѣйшій господинъ...

Люцій. Сервилій, очень радъ, что вижу тебя; а затѣмъ—прощай. Поклонись отъ меня твоему почтенному и добродѣтельному господину, а моему драгоцѣннѣйшему другу.

Сервилій. Осмѣлюсь доложить вашей чести, что мой господинъ посылаетъ вамъ...

Люцій. А! что же онъ посылаетъ? Я ужъ столькимъ обязанъ ему: онъ такъ охотно посылаетъ. Чѣмъ я могу отблагодарить его? Что же онъ прислалъ теперь?

Сервилій. Теперь онъ прислалъ вамъ только убѣдительную просьбу: одолжить ему немедленно нѣсколько талантовъ.

Люцій.

Увѣренъ я, что шутитъ онъ со мною:
И тысячъ пять легко ему достать.

Сервилій.

Покамѣстъ онъ въ гораздо меньшей суммѣ
Нуждается. Не будь онъ такъ стѣсненъ,
Просилъ бы васъ я вдвое холоднѣе.

Люцій. Сервилій, ты въ самомъ дѣлѣ говоришь серьезно?

Сервилій. Клянусь душою, что говорю сущую правду.

Люцій. Какое же я проклятое животное, что истратилъ свои деньги какъ-разъ въ то счастливое время, когда могъ выказать себя почтеннымъ человѣкомъ! Вѣдь, надо же случиться такому несчастью, что именно вчера я сдѣлалъ небольшую покупку и чрезъ это лишаюсь теперь большой чести! Клянусь богами, Сервилій, что я не могу исполнить желаніе Тимона. Животное я, скажу еще разъ. Вотъ эти люди свидѣтели, что я самъ хотѣлъ послать къ Тимону просить пособія; но теперь я не сдѣлаю этого за всѣ сокровища Аѳинъ. Передай мой искренній поклонъ твоему доброму господину. Я полагаю, что онъ не перестанетъ любить меня изъ-за того, что я не въ состояніи одолжить его. Скажи ему отъ меня, что невозможность сдѣлать удовольствіе такому почтенному человѣку составляетъ одно изъ моихъ сильнѣйшихъ огорченій. Пожалуйста, добрый Сервилій, окажи мнѣ дружескую услугу—передай ему именно эти слова.

Сервилій. Я передамъ.

Люцій. Этимъ ты очень обяжешь меня, Сервилій. (*Сервилій уходитъ*).
Вы правы: падаетъ дѣйствительно Тимонъ.
Разъ получивъ отказъ, едва ли встанетъ онъ.

(*Уходитъ*).

1-ый чужестранецъ.

Замѣтилъ ты, Гостилій?

2-ой чужестранецъ.

Да, и очень.

1-ый чужестранецъ.

Вотъ свѣтъ каковъ! И души всѣхъ льстецовъ
Изъ этого жъ матеріала сшиты.
Вотъ называй пріятелемъ того,
Кто ѣстъ съ тобой съ одной и той же ложки!
Для Люція, я знаю, былъ Тимонъ
Вторымъ отцомъ: онъ деньгами своими
Его кредитъ поддерживалъ, давалъ
Всѣ средства жить; онъ жалованье даже
Платилъ его прислугѣ. Каждый разъ,
Какъ Люцій пьетъ—касается губами
Онъ серебра Тимона. И что же?
Теперь... О, какъ въ неблагодарномъ видѣ
Чудовищно-ужасенъ человѣкъ!...
Теперь того онъ не даетъ Тимону,
Что нищему хорошій человѣкъ
Всегда подастъ.

3-ій чужестранецъ.

Отъ этого страдаетъ Религія.

1-ый чужестранецъ.

Я о себѣ скажу:
Тимономъ я ни разу не былъ взысканъ,
Онъ никогда не осыпалъ меня
Щедротами, съ намѣреніемъ друга
Во мнѣ найти, но—прямо говорю—
Такъ сильно чту я духъ его высокій
И доблести, и дѣйствія его
Почтенныя, что обратись онъ только
Въ такой нуждѣ за помощью ко мнѣ—
Изъ своего имѣнья половину
Цѣннѣйшую я отдалъ бы ему:
Такъ сильно я люблю его! Но вижу,
Что жалости теперь не надо людямъ знать,
Затѣмъ, что эгоизмъ сталъ совѣсть побѣждать.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ Семпронія.

Входятъ Семпроній *и* слуга Тимона.

Семпроній.

Гм! Отчего же именно ко мнѣ
Онъ пристаетъ? Вѣдь, могъ бы онъ къ Лукуллу,
Иль къ Люцію прибѣгнуть; или вотъ
Вентидій сталъ богатымъ человѣкомъ,
А вѣдь его онъ вывелъ изъ тюрьмы.
Вѣдь всѣ они богатствами своими
Одолжены Тимону.

ГРЕЧЕСКІЙ ВОИНЪ.

Античная статуя (IV вѣка) Менелая во Флоренціи.

Слуга Тимона.

Всѣ они
Испытаны уже и оказались
Фальшивою монетой: всѣ они
Ему отказъ прислали.

Семпроній.

Отказали?
Не можетъ быть! Вентидій и Лукуллъ...
И онъ ко мнѣ прислалъ тебя? Всѣ трое...
Гм! Значитъ, я послѣднимъ долженъ быть
Прибѣжищемъ. Три друга отказались,
Какъ доктора, лѣчить его—и я
Взять на себя лѣченье это долженъ?
О, онъ меня глубоко огорчилъ,
Не оцѣнивъ, какъ должно: не могу я
Совсѣмъ понять, зачѣмъ въ своей нуждѣ
Онъ прежде всѣхъ ко мнѣ не обратился?
Вѣдь, говоря по правдѣ, отъ него
Я получать подарки началъ первый.
И что жъ? Теперь такъ низко обо мнѣ
Онъ думаетъ, что вздумалъ обратиться
Ужъ послѣ всѣхъ? Нѣтъ, если я ему
Не откажу, то дамъ на посмѣянье
Себя другимъ—и дуракомъ меня
Всѣ назовутъ. Я далъ бы втрое больше,

Чѣмъ проситъ онъ, когда бъ ко мнѣ прислалъ
Онъ къ первому—такъ сильно я всегда
Хотѣлъ ему полезнымъ быть. Теперь же
Ступай домой и къ жесткому отказу
Троихъ друзей прибавь такой отвѣтъ:
Повѣрь, кто честь мою презрительно обидитъ,
Тотъ денегъ отъ меня, конечно, не увидитъ.
(*Уходитъ*).

Слуга. Превосходно! Ваша милость—очень милый негодяй. Дьяволъ не зналъ, что дѣлалъ, въ то время, какъ онъ дѣлалъ человѣка лицемѣромъ. Онъ этимъ возвысилъ себя, и я убѣжденъ, что, наконецъ, гнусности людей дойдутъ до того, что дьяволъ въ сравненіи съ людьми покажется невиннымъ созданіемъ. Какъ восхитительно этотъ господинъ старался выказать себя мерзавцемъ! Онъ принимаетъ добродѣтельный видъ, чтобы дѣлать зло. подобно тѣмъ людямъ, которые, подъ личиною пламеннаго рвенія, готовы жечь цѣлыя царства. Его дипломатическая любовь такого же сорта.

А на него сильнѣе, чѣмъ на прочихъ,
Мой господинъ надѣялся; теперь
Бѣжали всѣ—остались только боги.
Теперь друзья всѣ умерли, и дверь,
Ужъ столько лѣтъ не знавшая затворовъ,
Должна навѣкъ закрыться, чтобъ служить
Убѣжищемъ надежнымъ господину.
Вотъ такъ жизнь щедрая кончается—и тотъ,
Кто настежъ жить привыкъ, пусть подъ замкомъ живетъ.
(*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Зала въ домѣ Тимона.

Входятъ двое слугъ *Варрона и* слуга *Люція; они встрѣчаютъ* Тита, Гортензія *и слугъ другихъ кредиторовъ Тимона, ожидающихъ его выхода.*

1-ый слуга Варрона.
Здорово, Титъ. Гортензій, здравствуй.

Титъ.
Здравствуй
И ты, Варронъ добрѣйшій.

Гортензій.
Люцій, ты?
Какъ это мы сошлись?

Слуга Люція.
Я полагаю,
Что насъ одно и то же привело:
За деньгами я присланъ.

Титъ.
Точно также
И мы, и всѣ.

Входитъ Филотъ.

Слуга Люція.
Навѣрно, и Филотъ
За тѣмъ же здѣсь.

Филотъ.
Здорово.

Слуга Люція.
Здравствуй, добрый
Пріятель. Какъ ты думаешь, теперь
Который часъ?

Филотъ.
Да скоро будетъ девять.

Слуга Люція.
Уже!

Филотъ.
Тимонъ еще не выходилъ?

Слуга Люція.
Нѣтъ.

Филотъ.
Странно! Онъ съ семи обыкновенно
Уже блеститъ.

Слуга Люція.
Ты правъ; но день его
Короче сталъ. Замѣть себѣ—жизнь мота,
Какъ солнца ходъ; но только ужъ она,
Разъ закатясь, взойти не можетъ снова.
Сдается мнѣ, что страшная зима
Теперь сошла на кошелекъ Тимона.
Хочу сказать, что какъ ни запускай
Въ него руки, а вытащишь немного.

Филотъ.
Да, я и самъ такъ думаю.

Титъ.
Замѣть,
Вещь странная какая!
(*Гортензію*). Ты, вѣдь, присланъ
За деньгами?

Гортензій.
Такъ точно.

Титъ.
А межъ тѣмъ

ГРЕЧЕСКІЙ ПОЛКОВОДЕЦЪ (АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ).
Античная статуя въ Неаполитанскомъ Museo Nazionale.

Брилльянты тѣ, что господинъ твой носитъ —
Тимона даръ, и денегъ я теперь
За нихъ же жду.

Гортензій.

Я крайне неохотно
Пошелъ сюда.

Слуга Люція.

Да, странно это все!
Тимонъ теперь гораздо больше платитъ,
Чѣмъ долженъ онъ. Вѣдь, это все равно,
Какъ если бы твой баринъ за брилльянты.
Что носитъ онъ, къ Тимону приставалъ
За деньгами.

Гортензій.

Ахъ, я беру боговъ
Въ свидѣтели, что это порученье
Противно мнѣ! На счетъ Тимона жилъ
Мой господинъ и, забывая это,
Онъ дѣйствуетъ преступнѣе, чѣмъ воръ.

1-ый слуга Варрона.

Намъ долженъ онъ три тысячи; а сколько
Приходится на вашу долю?

Слуга Люція.

Пять.

1-ый слуга Варрона.

Огромный долгъ! Судя по этой суммѣ,
Мой господинъ Тимону довѣрялъ
Не такъ, какъ твой; иначе безъ сомнѣнья
Претензіи ихъ были бы равны.

Входитъ Фламиній.

Титъ. Вотъ одинъ изъ слугъ Тимона.

Слуга Люція. Фламиній, на одно слово; скажи, пожалуйста, твой господинъ скоро выйдетъ?

Фламиній. Нѣтъ, совсѣмъ не скоро.

Титъ. Мы дожидаемся его; доложи ему о насъ, пожалуйста.

Фламиній. Мнѣ незачѣмъ докладывать: онъ и самъ знаетъ, что вы себя ждать не заставите.

Входитъ Флавій, *закрывъ лицо плащомъ.*

Слуга Люція.

Смотрите-ка: вѣдь, это управитель
Закутался. Онъ въ облакѣ отъ насъ
Уносится. Зовите-ка, зовите!

Титъ.

Эй, слушайте!

2-ой слуга Варрона.

Позвольте!

ФЛАВІЙ.

Что, друзья,
Угодно вамъ?

ТИТЪ.

Мы ждемъ извѣстныхъ денегъ.

ФЛАВІЙ.

Ахъ, будь мы въ нихъ увѣрены, какъ въ томъ.
Что ждете вы, мы были бы спокойны!
Зачѣмъ же вы не предъявили намъ
Своихъ долговъ въ то время, какъ сидѣли
За моего хозяина столомъ
Хозяева фальшивѣйшіе ваши?
Тогда они могли смѣяться съ нимъ,
И про долги не помнить, и проценты
Желудками прожорливыми брать!
Но вы ко мнѣ напрасно пристаете;
Пожалуйста, позвольте мнѣ пройти.
Мой господинъ и я все порѣшили—знайте:
Мнѣ нечего считать, ему—давать. Прощайте.

СЛУГА ЛЮЦІЯ.

Но вашъ отвѣтъ не можетъ намъ служить.

ФЛАВІЙ.

Онъ, значитъ, васъ честнѣе, потому что
Вы можете мошенникамъ служить.
(*Уходитъ*).

1-ый СЛУГА ВАРРОНА. Что это тамъ бормочетъ этотъ отставленный господинъ?

2-ой СЛУГА ВАРРОНА. Все равно, что бы онъ ни бормоталъ: онъ бѣденъ—и это одно уже достаточное наказаніе. Можетъ ли кто-нибудь говорить свободнѣе того, кто не имѣетъ, гдѣ приклонить голову? Такіе люди пусть себѣ ругаютъ большія зданія.

Входитъ СЕРВИЛІЙ.

ТИТЪ. А, вотъ и Сервилій! Наконецъ, мы получимъ какой-нибудь отвѣтъ.

СЕРВИЛІЙ.

Друзья мои, я умоляю васъ
Притти сюда въ другое время—этимъ
Глубоко вы обяжете меня.
Клянусь душой, мой господинъ ужасно
Теперь сердитъ; оставило его
Обычное спокойствіе; серьезно
Онъ заболѣлъ, не можетъ выходить
Изъ комнаты.

СЛУГА ЛЮЦІЯ.

Не мало и здоровыхъ
Изъ комнаты не могутъ выходить.
А если онъ такъ боленъ, тѣмъ скорѣе,
Мнѣ кажется, онъ долженъ бы отдать
Свои долги, чтобъ тѣмъ себѣ на небо
Свободную дорогу проложить.

СЕРВИЛІЙ.

О, боги!

ТИТЪ.

Намъ такой отвѣтъ не можетъ
Отвѣтомъ быть.

ФЛАМИНІЙ (*за сценой*).

Сервилій, помоги!

ТИМОНЪ *вбѣгаетъ въ приподнятомъ бѣшенствѣ; за нимъ слѣдуетъ* ФЛАМИНІЙ.

ТИМОНЪ.

Какъ? дверь моя меня не пропускаетъ?
Я былъ всегда свободенъ—и теперь
Мой домъ тюрьмой и вражеской преградой
Сталъ для меня! Въ томъ мѣстѣ, гдѣ пиры
Я задавалъ, я вижу то же сердце
Желѣзное, какъ и у всѣхъ людей!

СЛУГА ЛЮЦІЯ. Ну, теперь подойди къ нему, Титъ.

ТИТЪ. Вотъ мой счетъ, господинъ.

СЛУГА ЛЮЦІЯ. А вотъ мой.

ГОРТЕНЗІЙ. Вотъ мой.

СЛУГА ВАРРОНА. Вотъ и наши.

ФИЛОТЪ. Всѣ наши счеты.

ТИМОНЪ. Ну, убейте меня ими, разрубите меня до пояса.

СЛУГА ЛЮЦІЯ. Увы, добрый господинъ...

ТИМОНЪ. Вычеканьте изъ моего сердца деньги.

ТИТЪ. Мнѣ слѣдуетъ пятьдесятъ талантовъ.

ТИМОНЪ. Возьмите мою кровь!

СЛУГА ЛЮЦІЯ. Мнѣ пять тысячъ кронъ...

ТИМОНЪ. За нихъ заплатятъ пять тысячъ капель крови. Ну, а тебѣ сколько? А тебѣ?

1-ый СЛУГА ВАРРОНА. Господинъ...

2-ой СЛУГА ВАРРОНА. Господинъ...

ТИМОНЪ. Разорвите меня на части, возьмите меня—и убей васъ боги! (*Уходитъ*).

ГОРТЕНЗІЙ. Ну, теперь я вижу, что наши господа могутъ раскланяться съ своими деньгами. Эти долги можно очень вѣрно назвать отчаянными, потому что платить ихъ приходится бѣшеному человѣку. (*Уходитъ*).

ТИМОНЪ *возвращается съ* ФЛАВІЕМЪ.

ТИМОНЪ.

Бездѣльники! Я чуть не задохнулся!
Заимодавцы! Черти!

ФЛАВІЙ.

Господинъ

Любезный мой...

Тимонъ (*подумавъ*).

А что, не попытаться ль?

Флавій.

Мой господинъ...

Тимонъ.

Да, нужно. Флавій!

Флавій.

Здѣсь!

Тимонъ.

Такъ скоро здѣсь! Поди, зови Лукулла,
Семпронія и Люція — и всѣхъ
Моихъ друзей на пиръ; мерзавцевъ этихъ
Еще хоть разъ хочу я угостить.

Флавій.

О, господинъ, душевное разстройство
Одно виной такихъ рѣчей. У насъ
Провизіи не хватитъ и на самый
Простой обѣдъ.

Тимонъ.

Объ этомъ не заботься!
Ступай — тебѣ приказываю я —
Всѣхъ пригласить; пусть разъ еще ворвется
Сюда потокъ бездѣльниковъ — и имъ
Устрою пиръ я съ поваромъ моимъ. (*Уходитъ*).

СЦЕНА V.

Зала Сената.

Сенаторы *сидятъ на своихъ мѣстахъ*.

1-ый сенаторъ.

И я вполнѣ согласенъ съ вами: это —
Кровавое злодѣйство. Умереть
Обязанъ онъ. Ничто такой отваги
Не придаетъ грѣху, какъ состраданье.

2-ой сенаторъ.

Вы правы. Да, не можетъ пощадить
Его законъ.

Входитъ Алкивіадъ *со свитой*.

Алкивіадъ.

Сенату мой привѣтъ,
Съ желаніемъ и чести, и здоровья,
И жалости.

1-ый сенаторъ.

Чего, Алкивіадъ,
Хотите вы?

Алкивіадъ.

Къ сердцамъ высокимъ вашимъ
Просителемъ смиреннымъ я пришелъ:
Вѣдь, жалость есть закона добродѣтель,
И дѣйствуетъ безъ жалости въ судѣ
Лишь злой тиранъ. Судьба и время тяжко
На одного изъ близкихъ мнѣ людей
Обрушились; въ минуту раздраженья
Переступилъ предѣлъ закона онъ —
Той пропасти, въ которой погибаетъ
Стремящійся безъ разума въ нее.
Пріятель мой, за исключеньемъ этой
Его вины, отличный человѣкъ,
Исполненный достоинствъ. Преступленья
Не запятналъ онъ подлостью, и тѣмъ
Свою вину онъ съ честью искупаетъ.
Онъ на врага возсталъ лишь потому
Съ горячностью и гнѣвомъ благороднымъ,
Что честь его была на смерть врагомъ
Оскорблена: онъ до конца такъ твердо
И такъ свой гнѣвъ въ груди умѣренно держалъ,
Какъ-будто доводы разсудка отражалъ.

1-ый сенаторъ.

Вы парадоксъ ужъ черезчуръ отважный
Намъ привели, въ стараніи придать
Прекрасный видъ постыднѣйшему дѣлу.
Вы тратите слова какъ-будто съ тѣмъ,
Чтобъ гнусное убійство возвеличить
И съ доблестью высокою сравнить
Драчливый нравъ; а онъ — не что иное,
Какъ доблести побочное дитя,
И родился въ ту самую минуту,
Какъ партіи и секты родились.
Нѣтъ, только въ томъ дѣйствительная доблесть,
Кто съ мудростью умѣетъ выносить
Все худшее, что только могутъ люди
Произнести; кому обиды всѣ —
Одежда лишь, въ которой равнодушно
Гуляетъ онъ; кто сердца своего
Не отдаетъ на жертву оскорбленьямъ,
Губить его не позволяя имъ.
Обида — зло, влекущее къ убійству!
А если это такъ, то какъ безуменъ тотъ,
Кто жизнію своей въ угоду злу рискнетъ!

Алкивіадъ.

Позвольте...

1-ый сенаторъ.

Не придать вамъ блеска преступленью:
Долгъ доблести терпѣть, не предаваться
мщенью.

Алкивіадъ.

Ну, если такъ, почтенные отцы,

Простите мнѣ за мой языкъ солдатскій.
Скажите мнѣ, зачѣмъ же человѣкъ
Безумно такъ бросается въ сраженье
И всѣхъ угрозъ не сноситъ? Почему
Спокойно онъ не подставляетъ горла
Своимъ врагамъ? Когда заслуга въ томъ,
Чтобъ все терпѣть—къ чему на поле битвы
Стремимся мы? Когда вся доблесть въ томъ,
Чтобъ все сносить, то жёны наши, сидя
Въ своихъ домахъ, вѣдь, доблестнѣе насъ,
И левъ ослу въ отвагѣ уступаетъ.
Когда страдать умѣетъ лишь мудрецъ,
То воръ въ цѣпяхъ мудрѣй, чѣмъ наши судьи.
Почтенные отцы, могучи вы, сильны,
Такъ будьте жъ доброты и жалости полны!
Того, кто холодно насиліе свершаетъ,
Конечно, никогда никто не оправдаетъ.
Убійство, сознаюсь, есть самый тяжкій грѣхъ,
Но защищать себя долгъ справедливый всѣхъ.
Гнѣвъ раздражительный есть, правда, пре-
ступленье,
Но кто не приходилъ въ такое раздраженье?
Его вину хоть этимъ взвѣсьте здѣсь.

2-ой СЕНАТОРЪ.

Напрасно вы хлопочете.

АЛКИВІАДЪ.

Напрасно?
А между тѣмъ, все, сдѣланное имъ
Въ войнѣ Аѳинъ со Спартой, Византіей,
Могло бъ легко ходатаемъ служить
За жизнь его.

1-ый СЕНАТОРЪ.

Что вы сказать хотите?

АЛКИВІАДЪ.

Хочу сказать, что родинѣ своей
Онъ оказалъ блестящія услуги
И отнялъ жизнь у множества враговъ
Въ сраженіяхъ. Еще въ послѣдней битвѣ
Какъ дрался онъ и сколько тяжкихъ ранъ
Нанесъ врагу!

2-ой СЕНАТОРЪ.

И сколько въ то же время
Унесъ съ собой добычи! У него,
Заклятаго развратника, порокъ
Огромный есть, который часто топитъ
Весь умъ его—и мужество его
Уводитъ въ плѣнъ. И не имѣй онъ даже
Другихъ враговъ, то это ужъ одно
Могло бъ надъ нимъ одерживать побѣду.
Вѣдь, въ бѣшенствѣ животномъ, онъ не разъ
Свершалъ дѣла постыдныя и ссоры
Кровавыя съ другими затѣвалъ.
Извѣстно это намъ, и мы вполнѣ согласны,
Что жизнь его гнусна, а оргіи опасны.

1-ый СЕНАТОРЪ.

Да, онъ умретъ!

АЛКИВІАДЪ.

Жестокая судьба!
Онъ могъ бы смерть найти на полѣ битвы...
Ну, если такъ, отцы мои, когда
Вамъ дѣла нѣтъ до всѣхъ его достоинствъ—
Хоть правою рукою онъ бы могъ
Свою вину очистить совершенно—
То, чтобъ себя къ тому расположить,
Возьмите вы мои заслуги также
И взвѣсьте ихъ съ заслугами его.
Я знаю: вашъ почтенный возрастъ любитъ
Ручательства—и потому мои
Побѣды всѣ и воинскую славу
Даю въ залогъ того, что онъ свой долгъ
Заплатитъ вамъ. Когда за это дѣло
Преступное закону жизнь отдать
Обязанъ онъ, то лучше пусть въ сраженьи
Заплатитъ этотъ долгъ своею кровью онъ:
Вѣдь, и война строга не меньше, чѣмъ законъ.

1-ый СЕНАТОРЪ.

Мы—за законъ. Оставьте ваши просьбы.
Чтобъ насъ не разсердить. Будь другъ иль
братъ, но тотъ
Пятнаетъ кровь свою, кто кровь чужую льетъ.

АЛКИВІАДЪ.

Такъ быть по-вашему? Нѣтъ, невозможно.
Сенаторы, я умоляю васъ
Признать меня...

2-ой СЕНАТОРЪ.

Какъ это?

АЛКИВІАДЪ.

Не забудьте,
Кто я такой.

3-ій СЕНАТОРЪ.

Что это значитъ?

АЛКИВІАДЪ.

Вы
Отъ старости, конечно, позабыли
Меня уже совсѣмъ; иначе, со стыдомъ.
Я тщетно бъ не просилъ о дѣлѣ столь пустомъ.
Отказомъ вы мои раскрыли раны.

1-ый СЕНАТОРЪ.

И смѣешь ты такъ дерзко говорить?
Такъ знай: нашъ гнѣвъ хотя словами бѣденъ,
Но дѣйствіемъ весьма богатъ. Тебя
Отнынѣ мы навѣки изгоняемъ.

АЛКИВІАДЪ.

Изгнать меня! Нѣтъ, изгоните вы

Вашъ умъ тупой и ваше лихоимство,
Что страшно такъ позорятъ весь сенатъ.

1-ый СЕНАТОРЪ.

Коль изъ Аѳинъ чрезъ два восхода солнца
Не выйдешь ты, то жди отъ насъ суда
Суроваго. А чтобъ не раздражаться
Намъ долѣе — твой другъ сейчасъ умретъ.

(*Сенаторы уходятъ*).

АЛКИВІАДЪ.

Пусть боги васъ живыми сохраняютъ
До той поры, пока не превратятъ
Въ скелетовъ всѣхъ, для взора ненавистныхъ!
Неистовствомъ душа моя полна...
Какъ! между тѣмъ, какъ вы считали деньги
И съ должниковъ огромнѣйшій процентъ
Тянули здѣсь, я съ вашими врагами
Дрался за васъ и наживалъ себѣ
Не золото, а тяжкія лишь раны—
И вотъ теперь награда мнѣ за то!
И вотъ бальзамъ, что ростовщикъ-сенатъ
Пролилъ теперь на раны полководца!
Изгнаніе! Ну, что жъ, оно пришлось
Мнѣ по душѣ. Изгнанье мнѣ пріятно:
Въ немъ я найду для гнѣва моего
И ярости достойную причину
Нанесть ударъ Аѳинамъ. Возбужу
Всѣхъ воиновъ моихъ я недовольныхъ,
И ихъ склоню на сторону свою.
Почетно сильныхъ бить; какъ боги, мы. солдаты,
Обиду оставлять не можемъ безъ отплаты.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА VI.

Столовая въ домѣ Тимона.

Музыка. Накрытые столы; вокругъ нихъ слуги. Въ разныя двери входятъ гости.

1-ый гость. Желаю вамъ добраго здоровья.

2-ой гость. И вамъ того же желаю. Какъ мнѣ кажется, нашъ достойный амфитріонъ хотѣлъ только испытать насъ надняхъ.

1-ый гость. Именно объ этомъ я думалъ, когда мы съ вами встрѣтились. Надѣюсь, что ему совсѣмъ не такъ плохо, какъ онъ говорилъ, когда вздумалъ испытать своихъ друзей.

2-ой гость. Конечно, нѣтъ, судя по этому новому пиру.

1-ый гость. Да, и я такъ полагаю. Онъ прислалъ мнѣ настоятельное приглашеніе, отъ котораго я было отказался, потому что былъ занятъ очень спѣшными дѣлами; но онъ такъ умолялъ меня оставить все въ сторонѣ, что я поневолѣ долженъ былъ согласиться.

2-ой гость. Точно также и я былъ занятъ очень важнымъ дѣломъ; но онъ не хотѣлъ и слушать моихъ оправданій. Мнѣ крайне досадно, что, когда онъ пришелъ ко мнѣ за деньгами, у меня не было ни гроша.

1-ый гость. Да и я страдаю теперь той же досадой, когда вижу, какъ идутъ его дѣла.

2-ой гость. Полагаю, что и всѣ здѣшніе гости чувствуютъ то же самое. Сколько онъ просилъ у васъ взаймы?

1-ый гость. Тысячу золотыхъ.

2-ой гость. Тысячу!

1-ый гость. А у васъ?

2-ой гость. Ко мнѣ онъ присылалъ... Но вотъ и онъ самъ.

Входитъ Тимонъ *со свитою.*

Тимонъ. Привѣтствую васъ отъ всего сердца! Какъ поживаете?

1-ый гость. Мы всегда совершенно здоровы, когда слышимъ, что и ваше здоровье хорошо.

2-ой гость. Ласточка не такъ охотно слѣдуетъ за лѣтомъ, какъ мы за вами.

Тимонъ (*въ сторону*). И не такъ охотно бѣжитъ отъ зимы. Вотъ какія перелетныя птицы — люди! (*Всѣмъ*). Друзья мои, мой обѣдъ не вознаградитъ васъ за ваше долгое ожиданіе. Покамѣстъ насыщайте вашъ слухъ музыкой, если звуки трубъ не составляютъ для васъ слишкомъ тяжелаго кушанья. Мы скоро сядемъ за столъ.

1-ый гость. Я надѣюсь, что вы не сердитесь на меня за то, что я отпустилъ вашего посланца съ пустыми руками.

Тимонъ. О, пожалуйста, не безпокойтесь объ этомъ!

2-ой гость. Благородный Тимонъ.

Тимонъ. О, мой добрый другъ! Что жъ сбѣдъ?

2-ой гость. Высокоуважаемый Тимонъ, я просто боленъ отъ стыда, что въ ту минуту, когда вы прислали ко мнѣ, я былъ такимъ несчастнымъ нищимъ.

Тимонъ. Полноте, стоитъ ли думать объ этомъ.

2-ой гость. Если бы вы прислали двумя часами раньше...

Тимонъ. Не омрачайте себя этимъ воспоминаніемъ. (*Подаютъ кушанье*). Эй, подавайте всѣ кушанья вмѣстѣ!

1-ый гость. Все закрытыя блюда!

2-ой гость. Ручаюсь вамъ, что въ нихъ царское кушанье.

3-ій гость. Да, ужъ не сомнѣвайтесь, что тутъ есть все, что только можно добыть за деньги и въ это время года.

1-ый гость. Ну, каково, вы поживаете? Что новаго?

3-ій гость. Алкивіадъ изгнанъ — слышали вы?

1-ый и 2-ой гость. Алкивіадъ изгнанъ!

3-ій гость. Да, это вѣрно.

1-ый гость. Да какъ же это? какъ же это?

2-ой гость. За что же? скажите, пожалуйста.

Тимонъ. Достойные друзья мои, прошу пожаловать.

3-ій гость. Послѣ я вамъ все разскажу. Вотъ роскошный столъ!

2-ой гость. Тимонъ все тотъ же, что былъ.

3-ій гость. Да долго ли выдержитъ? долго ли выдержитъ?

2-ой гость. Покамѣстъ выдерживаетъ. Но придетъ время — и тогда...

3-ій гость. Понимаю.

Тимонъ. Прошу каждаго итти на свое мѣсто съ такою поспѣшностью, съ какою онъ устремился бы къ губамъ своей возлюбленной Кушанья у всѣхъ васъ будутъ одинаковы. Не дѣлайте изъ вашего обѣда церемоніальнаго банкета, на которомъ блюда совсѣмъ простываютъ, пока гости согласятся, кому занять первое мѣсто. Садитесь, садитесь. Теперь воздадимъ благодареніе богамъ:

„О, вы, великіе благодѣтели, посѣйте въ нашемъ обществѣ чувство благодарности! заставляйте чтить себя за то, что вы раздаете, но всегда оставляйте себѣ запасъ, чтобъ не отдавать вашей божественности на жертву презрѣнія! Давайте каждому человѣку столько, чтобъ онъ не имѣлъ надобности занимать у другого, потому что, приведись вамъ, о боги, занимать у людей—люди отступились бы отъ боговъ! Сдѣлайте такъ, чтобъ люди любили пиршество больше, чѣмъ того, кто даетъ его! чтобъ въ обществѣ изъ двадцати человѣкъ было всегда достаточное количество негодяевъ! чтобъ изъ двѣнадцати женщинъ, сидящихъ за однимъ столомъ, дюжина была тѣмъ — что онѣ на самомъ дѣлѣ; остальныхъ же подданныхъ вашихъ, о боги, вмѣстѣ съ аѳинскими сенаторами и презрѣнною чернью, сдѣлайте годными къ разрушенію! Что же касается моихъ друзей, сидящихъ здѣсь, то такъ какъ они для меня— ничто, не благословляйте ничѣмъ и обратите въ ничто!“

Теперь, собаки, снимайте крышки и лакайте!

(Гости снимаютъ крышки съ сосудовъ: всѣ оніоказываются наполненными горячею водою).

Нѣсколько голосовъ. Что онъ хочетъ этимъ сказать?

Другіе. Не знаемъ.

Тимонъ.

Пусть никогда, пріятели обжорства,
Вамъ лучшаго обѣда не видать!
Паръ и вода горячая — вотъ ваше
Достоинство. Покончилъ все Тимонъ:
Онъ, красившій такъ долго ваши щеки
Привѣтами, теперь смываетъ ихъ
И вамъ въ лицо бросаетъ вашу гнусность
Кипящую!

(Брызжетъ въ нихъ горячею водою).

Желаю долго жить
Подъ бременемъ людского отвращенья
Вамъ, вѣжливымъ убійцамъ, вамъ, волкамъ
Смиреннѣйшимъ, вамъ, гадкимъ паразитамъ,
Съ ласкательной улыбкой на губахъ,
Вамъ, ласковымъ медвѣдямъ, вамъ, обжорамъ,
Шутамъ судьбы, толпѣ паскудныхъ мухъ,
Рабамъ колѣнъ и шапки, слою пара,
Вертящимся по вѣтру флюгерамъ!
Пускай васъ всѣхъ коростою покроютъ
Болѣзни всѣ животныхъ и людей!
Какъ? ты идешь? Такъ захвати жъ лѣкарство
Свое съ собой! и ты! и ты! и ты!

(Бросаетъ въ нихъ блюда и выгоняетъ).

Постой — тебѣ взаймы я дать желаю,
А не занять! Какъ? разбѣжались всѣ!
Отнынѣ не должно быть пиршества такого
Гдѣ бъ не былъ принятъ плутъ за гостя дорогого!
Гори, гори, мой домъ! разрушься, городъ мой!
Тимону съ этихъ поръ противенъ родъ людской!

(Уходитъ).

Нѣкоторые гости *возвращаются.*

1-ый гость. Ну, что вы скажете на это?

2-ой гость. Чѣмъ объясните вы это бѣшенство Тимона?

3-ій гость. Чортъ побери! Не видали ли вы моей шапки?

4-ый гость. Я потерялъ свой плащъ.

1-ый гость. Онъ, просто, помѣшанный и дѣйствуетъ не иначе, какъ по капризу. Надняхъ онъ подарилъ мнѣ брилльянтъ, а сегодня сбилъ его съ моей шапки. Не видали ли вы моего брилльянта?

3-ій гость. Не видали ли вы моей шапки?

2-ой гость. Вотъ она.
4-ый гость. Вотъ мой плащъ.
1-ый гость. Уйдемъ-ка поскорѣе!

2-ой гость.

Онъ бѣшеный.

3-ій гость.

Моя спина про это знаетъ.

4-ый гость.

То золото даритъ, то камнями бросаетъ.

(Уходятъ).

ГРЕЧЕСКІЙ ВОИНЪ ВЪ ПОЛНОМЪ ВООРУЖЕНІИ.

Античный барельефъ въ Аѳинскомъ національномъ музеѣ.

ТИМОНЪ ПРОКЛИНАЮЩІЙ АѲИНЫ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Передъ стѣнами Аѳинъ.

Входитъ Тимонъ.

Тимонъ.

Дай на тебя послѣдній разъ взглянуть,
Стѣна, волкамъ служащая оградой!
О, провались ты въ землю, и Аѳинъ
Не защищай! Матроны—развратитесь!
Дитя, забудь родителей своихъ!
Рабы, шуты, низвергните на землю
Морщинистыхъ сенаторовъ-господъ,
И вмѣсто нихъ правителями станьте!
Ты, дѣвственность цвѣтущая, ступай
Немедленно въ пристанища разврата
И на глазахъ отцовъ и матерей
Распутничай; банкроты, стойте твердо,
Когда придетъ за долгомъ кредиторъ
И, вынувъ ножъ, ему порите горло!
Служители, воруйте у господъ,
Какъ господа воруютъ по закону
И грабятъ всѣхъ широкою рукой!
Ложись въ постель хозяина, служанка:
Его жена ушла въ публичный домъ.
Ты, отрокъ-сынъ, костыль насильно вырви
У дряхлаго, увѣчнаго отца
И размозжи имъ голову сѣдую!
Любовь къ богамъ и набожность, и страхъ,
И истина, и миръ, и справедливость,
Семейственность, сосѣдей добрый ладъ,
Ночной покой, приличье, просвѣщенье,
Религія, почтеніе къ лѣтамъ,
Промышленность, обычаи, законы—
Низвергнитесь въ то, что противно вамъ,
И пусть живетъ на свѣтѣ дикій хаосъ!
Ты, бичъ людей, зараза, ниспошли
На городъ мой, созрѣвшій для паденья,
Весь страшный ядъ твоихъ болѣзней! Вы,
Мученія подагры, изувѣчьте
Сенаторовъ, чтобъ стали члены ихъ

Какъ нравственность, хромать и спотыкаться!
Нагой развратъ, проникни въ сердце, умъ
И мозгъ костей аѳинской молодежи,
Дай ей поплыть наперекоръ добру
И въ бѣшеномъ распутствѣ утопиться!
Вы, сѣмена нарывовъ, чирьевъ злыхъ,
Во всѣхъ грудяхъ аѳинскихъ распуститесь
И сдѣлайте ихъ жатвою чуму
Всеобщую! Пускай одно дыханье
Вливаетъ ядъ въ другое, чтобъ ихъ жизнь,
Какъ дружба ихъ, была одна отрава!
Я уношу съ собою отъ тебя
Лишь нищету, о городъ ненавистный!
Возьми жъ и ты ее себѣ въ удѣлъ,
Возьми ее съ проклятьями моими!
Тимонъ уйдетъ въ лѣса: у самыхъ злыхъ звѣрей
Онъ больше доброты найдетъ, чѣмъ у людей.
Внемлите, боги, мнѣ: на жертву разрушенья
Отдайте городъ весь и всѣ его селенья —
И пусть во мнѣ растетъ все выше и сильнѣй
Съ годами ненависть къ породѣ всѣхъ людей!
Да будетъ такъ! (*Уходитъ*).

ТИМОНЪ ПРОКЛИНАЕТЪ АѲИНЫ.

Картина англ. художн. Говарда (Henry Howard. 1769—1847 г.). (Малая Бойделевская Галлерея).

СЦЕНА II.

Аѳины. Комната въ домѣ Тимона.

Входятъ ФЛАВІЙ *и нѣсколько* СЛУГЪ.

1-ый СЛУГА.

Послушайте, скажите жъ, наконецъ,
Гдѣ баринъ нашъ? Мы провалились, что ли?
Оставлены? совсѣмъ разорены?

ФЛАВІЙ.

Увы, друзья, что вамъ сказать могу я?
Повѣрьте мнѣ, я не богаче васъ—
Клянуся въ томъ правдивыми богами!

1-й СЛУГА.

Легко сказать: такой богатый домъ
Совсѣмъ пропалъ! Такой хозяинъ славный—
И разоренъ, и нѣтъ ни одного
Пріятеля, который бы рѣшился
Взять за руку судьбу его и съ нимъ
Пойти впередъ!

2-ой СЛУГА.

Такъ точно, какъ спиною
Становимся мы къ брошенному въ гробъ
Товарищу—пріятели Тимона
Прочь отошли, чуть только схоронилъ
Богатство онъ, и клятвами пустыми
Отдѣлались, какъ кошелькомъ пустымъ.
А онъ, бѣднякъ, какъ нищій безъ пріюта,
Наединѣ съ своею нищетой,
Покинутый, подобно посрамленью,
Влачитъ свой вѣкъ... Сюда идутъ еще
Товарищи.

Входятъ другіе СЛУГИ.

ФЛАВІЙ.

Изломанная утварь
Разрушеннаго дома!

3-й СЛУГА.

Но у насъ
Написано на лицахъ, что ливрею
Тимонову не сняли мы съ сердецъ.
Мы все еще товарищи—и скорби
Мы служимъ всѣ. Нашъ челнъ водой залитъ,
А мы стоимъ, какъ бѣдные матросы
На палубѣ, клонящейся ко дну,
Угрозамъ волнъ внимая: въ морѣ жизни
Намъ суждено разстаться.

ФЛАВІЙ.

О, друзья

Любезные, межъ вами раздѣлю я
Послѣднее имущество мое!
Гдѣ бъ снова мы ни встрѣтились, сойдемся,
Изъ памяти къ Тимону, какъ друзья,
И, покачавъ печально головами,
Произнесемъ, какъ похоронный звонъ,
Умершему богатству господина
Слова: „у насъ бывали лучше дни".

(*Раздаетъ имъ деньги*).

Тутъ каждому придется. Протяните жъ
Всѣ руки мнѣ. Ни слова больше. Мы
Разстанемся, богатые печалью
И бѣдные имуществомъ.
(*Слуги цѣлуются и расходятся*). О, какъ
Ужасны тѣ страданія, что слава
Приноситъ намъ! Кому охота жить
Среди богатствъ, когда богатства эти
Къ презрѣнію и бѣдности влекутъ?
Въ комъ можетъ быть желаніе величья
Насмѣшливо-коварнаго? Кого
Прельщаетъ жизнь, въ которой дружба—греза,
Не болѣе? Кому пріятенъ блескъ,
Когда онъ весь покрытъ фальшивой краской,
Какъ ложные, коварные друзья?
О, бѣдный мой, мой честный господинъ!
Ты ввергнутъ въ нищету, своею же душою
И щедростью убитъ. О, странно какъ судьбою
Устроено, что мы сильнѣй всего грѣшимъ,
Когда другимъ добро чрезмѣрное творимъ!
Мой господинъ любезнѣйшій, ты былъ,
Благословенъ судьбою, чтобъ сильнѣе
Почувствовать проклятіе ея;
Ты былъ богатъ лишь для того, чтобъ послѣ
Впасть въ нищету; въ огромнѣйшихъ своихъ
Богатствахъ ты нашелъ свое несчастье.
Ахъ, господинъ добрѣйшій! Онъ бѣжалъ,
Какъ бѣшеный, изъ этого жилища
Бездушнаго чудовищныхъ друзей,
И ничего для поддержанья жизни
Нѣтъ у него. Пойду его искать.
Останусь съ нимъ навѣкъ, какъ преданный служитель:
Пока я съ деньгами—все буду управитель.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Лѣсъ и пещера около моря.

Тимонъ *выходитъ изъ пещеры*.

Тимонъ.

О, солнце—ты, зиждитель благодатный!
Изъ нѣдръ земли наружу извлеки
Сырую гниль и зарази весь воздухъ
Здѣсь, подъ путемъ твоей сестры — луны.
Два близнеца, рожденные одною
Утробою, почти не могутъ быть
Различены по своему зачатью,
Развитію, рожденію; но чуть
Судьба имъ дастъ различные удѣлы—
Счастливѣйшій начнетъ пренебрегать
Несчастнѣйшимъ. Природа человѣка,
Тѣснимая напоромъ всякихъ бѣдъ,
Такъ создана, что счастія большого
Переносить не можетъ безъ того,
Чтобъ не питать презрѣнія къ природѣ.
Попробуйте вы нищаго поднять,
А знатнаго унизить—и сенаторъ
Наслѣдственнымъ презрѣніемъ тотчасъ
Покроется, а нищій—уваженьемъ.
Бока скота тучнѣютъ отъ травы
И сохнутъ лишь отъ недостатка пищи.
Кто жъ изъ людей осмѣлится возстать,
Чтобъ въ чистотѣ души своей воскликнуть:
„Вотъ это льстецъ!" Коль одного льстецомъ
Назвали вы—зовите всѣхъ льстецами:
Предъ каждою изъ высшихъ ступеней
Нижайшая стоитъ благоговѣйно,
И голова ученаго всегда
Склоняется предъ золотымъ болваномъ.
Все вкривь идетъ; прямого ничего
Нѣтъ въ проклятой натурѣ человѣка,
И подлость лишь прямая въ ней пряма.
Поэтому—проклятіе всѣмъ сходкамъ,
Всѣмъ обществамъ, всѣмъ празднествамъ людей!
Тимонъ теперь на свѣтъ, себѣ подобныхъ
И на себя съ презрѣніемъ глядитъ.
Пусть гибнетъ все живущее на свѣтѣ!

(*Копаетъ землю*).

Земля, дай мнѣ кореньевъ, а тому,
Кто лучшее въ тебѣ найти желаетъ,
Вкусъ услади своимъ сильнѣйшимъ ядомъ!
Что вижу я? Какъ! золото? металлъ
Сверкающій, красивый, драгоцѣнный?
Нѣтъ, боги! нѣтъ, я искренно молилъ:
Кореньевъ мнѣ, безоблачное небо!
Тутъ золота довольно для того,
Чтобъ сдѣлать все чернѣйшее бѣлѣйшимъ,
Все гнусное—прекраснымъ, всякій грѣхъ—
Правдивостью, все низкое—высокимъ,
Трусливаго—отважнымъ храбрецомъ,
Все старое—и молодымъ, и свѣжимъ!
Къ чему же мнѣ, о боги, это все?
Безсмертные, къ чему—скажите? Это
Отъ алтарей отгонитъ вашихъ слугъ,
Изъ-подъ головъ больныхъ подушки вырветъ.

Да, этотъ плутъ сверкающій начнетъ
И связывать, и расторгать обѣты,
Благословлять проклятое, людей
Ницъ повергать предъ застарѣлой язвой,
Разбойниковъ почетомъ окружать,
Отличьями, колѣнопреклоненьемъ,
Сажая ихъ высоко, на скамьи
Сенаторовъ. Вдовѣ, давно отжившей,
Дастъ жениховъ; раздушитъ, расцвѣтитъ,
Какъ майскій день, ту жертву язвъ поганыхъ,
Которую и самый госпиталь
Изъ стѣнъ своихъ прочь гонитъ съ отвращеньемъ!
Ступай назадъ, проклятая земля,
Наложница всесвѣтная, причина
Вражды и войнъ народовъ—я тебя
Вновь положу въ твоемъ законномъ мѣстѣ.
(*Слышны звуки военной музыки*).
А, барабанъ! Живуча ты, но я
Похороню тебя... Постой, однако,
Возьму себѣ на всякій случай часть.
(*Оставляетъ у себя нѣсколько горстей золота*).

Входитъ Алкивіадъ *въ вооруженіи, при звукахъ барабановъ и трубъ; за нимъ* Фрина *и* Тимандра.

Алкивіадъ.

Кто ты таковъ?

Тимонъ.

Животное такое жъ,
Какъ ты. Пусть ракъ съѣстъ внутренность твою
За то, что ты вновь лица человѣчьи
Мнѣ кажешь.

Алкивіадъ.

Какъ зовутъ тебя? Вѣдь, ты
Самъ человѣкъ—и можешь человѣка
Такъ не терпѣть.

Тимонъ.

Зовусь я—мизантропъ
И родъ людской глубоко ненавижу.
Что до тебя, хотѣлъ бы я, чтобъ ты
Былъ псомъ: тогда я могъ бы хоть немного
Любить тебя.

Алкивіадъ.

Я знаю хорошо,
Кто ты такой; но что съ тобой случилось—
Невѣдомо и странно для меня.

Тимонъ.

И я тебя отлично знаю также—
И больше знать, чѣмъ это, не хочу.

ЗНАМЕНИТЫЙ АНГЛІЙСКІЙ АКТЕРЪ КЕМБЛЬ ВЪ РОЛИ ТИМОНА. (John Kemble, 1757–1823).
Рисунокъ Рамберга (Henry Ramberg, 1765—1840).

Ступай ты вслѣдъ за звукомъ барабановъ
И кровію людскою землю всю
Раскрашивай краснѣе и краснѣе!
Законъ людской и божескій жестокъ;
Такъ чѣмъ же быть должна война? А эта
Тварь подлая, пришедшая съ тобой—
Хоть взоръ ея и чисто-херувимскій—
Разитъ людей сильнѣе, чѣмъ твой мечъ.

Фрина.

Чтобъ сгнить твоимъ губамъ за эти рѣчи!

Тимонъ.

Вѣдь, я тебя не стану цѣловать—
Такъ, значитъ не все гніенье остается
У губъ твоихъ.

Алкивіадъ.

Какъ доблестный Тимонъ
Могъ снизойти до этого?

Тимонъ.

Какъ мѣсяцъ,
Утратившій способность освѣщать.
Но такъ, какъ онъ, не могъ я возродиться,
Не могъ затѣмъ, что солнца не нашелъ.

Гдѣ бъ свѣтъ занять.

Алкивіадъ.

Тимонъ мой благородный,
Чѣмъ я могу тебѣ мою пріязнь
Здѣсь доказать?

Тимонъ.

Ничѣмъ инымъ, какъ только
Мой взглядъ на міръ сильнѣе укрѣпивъ.

Алкивіадъ.

Какой же взглядъ?

Тимонъ.

Дай слово быть мнѣ другомъ—
И обмани. Не дашь—пускай тебя
Безсмертные накажутъ, потому что
Ты человѣкъ, а сдержишь—пусть тебя
Безсмертные погубятъ, потому что
Ты человѣкъ.

Алкивіадъ.

О бѣдствіяхъ твоихъ
Я кое-что ужъ слышалъ.

Тимонъ.

Ты ихъ видѣлъ,
Когда я жилъ богато.

Алкивіадъ.

Нѣтъ, теперь
Я вижу ихъ; то время было время
Блаженное.

Тимонъ.

Какъ ты теперь блаженъ,
Ведя съ собой на сворѣ потаскушекъ.

Тимандра.

Такъ это вотъ краса и честь Аѳинъ,
Предметъ любви и поклоненья міра?

Тимонъ.

Тебя зовутъ Тимандрой?

Тимандра.

Да.

Тимонъ.

Такъ будь
Блудницею до смерти. Нелюбима
Ты ни однимъ любовникомъ своимъ.
Они тебѣ даютъ въ подарокъ похоть—
Ты имъ дари болѣзни; извлекай
Изъ всѣхъ часовъ распутничества пользу;
Препровождай бездѣльниковъ своихъ
Въ госпитали и бани; на дізту
Всю молодежь цвѣтущую сажай.

Тимандра.

Чудовище, ты висѣлицы стоишь!

Алкивіадъ.

Прости ему, Тимандра, милый другъ:
Несчастія сгубили, потопили
Разсудокъ въ немъ. Любезнѣйшій Тимонъ,
Остался я почти совсѣмъ безъ денегъ,
И оттого бунтуютъ каждый день
Мои, всего лишенные солдаты.
Я съ горестью услышалъ, что тебя
Проклятыя Аѳины позабыли,
Забыли всѣ дѣянія твои
Въ тѣ времена, когда ихъ раздавили бъ
Сосѣди ихъ, не помоги ты имъ
Своимъ мечемъ и деньгами своими.

Тимонъ.

Пожалуйста, ударь ты въ барабанъ
И отъ меня проваливай подальше.

Алкивіадъ.

Я другъ тебѣ, любезнѣйшій Тимонъ,
И о тебѣ жалѣю.

Тимонъ.

Ты жалѣешь
Того, кому покоя не даешь?
Мнѣ хочется наединѣ остаться.

Алкивіадъ.

Ну, такъ прощай. Немного вотъ при мнѣ
Есть золота—возьми его.

Тимонъ.

Не надо,—
Вѣдь ѣсть его я не могу.

Алкивіадъ.

Когда
Я обращу надменныя Аѳины
Въ развалины...

Тимонъ.

Такъ на Аѳины ты
Идешь войной?

Алкивіадъ.

Да, другъ, и основанье
Хорошее имѣю.

Тимонъ.

Пусть ихъ всѣхъ
Безсмертные убьютъ твоей побѣдой!
А вслѣдъ затѣмъ, когда ты побѣдишь,
Такъ и тебя.

Алкивіадъ.

Меня, Тимонъ, за что же?

Тимонъ.

За то, что ты рожденъ на этотъ свѣтъ,
Чтобъ побѣдить страну мою убійствомъ
Бездѣльниковъ. Спрячь золото свое.
Ступай себѣ. Вотъ золото—ступай же!
Будь, какъ чума планетная—чума,
Что носится надъ городомъ преступнымъ,
Когда Зевесъ наполнитъ воздухъ весь
Отравою; пусть мечъ твой не минуетъ
Ни одного. Пощады не давай
Ты старикамъ, столь чтимымъ за сѣдыя
Ихъ бороды: они ростовщики.
Руби на смерть лукавую матрону:
Въ ней честны лишь одежды, а она—
Развратница. Предъ дѣвственницъ щеками
Не опускай разящаго меча:
Знай, груди ихъ молочныя, коварно
Манящія къ себѣ глаза мужчинъ
Изъ-за своихъ рѣшетчатыхъ окошекъ,
Не вписаны въ страницы доброты
И жалости—отмѣть ихъ, какъ ужасныхъ
Измѣнниковъ. Бей и грудныхъ дѣтей,
Смягчающихъ улыбкою веселой
Гнѣвъ дураковъ; кроши ихъ на куски
Безъ жалости; воображай, что каждый
Изъ тѣхъ дѣтей—тотъ незаконный сынъ,
Котораго двусмысленный оракулъ
Избралъ затѣмъ, чтобъ глотку у тебя
Перерубить. Отъ жалости навѣки
Ты отрекись, на уши и глаза
Надѣнь такой неодолимый панцырь,
Чтобъ не могли проникнуть сквозь него
Крикъ матери и дѣвы, и младенца,
И видъ жреца, лежащаго въ крови
Передъ тобой, въ священномъ облаченьи!
Вотъ золото для воиновъ твоихъ!
Все истреби и, бѣшенство насытивъ,
Погибни самъ! Ни слова—и ступай!

Алкивіадъ.

Ты золото имѣешь? Я согласенъ
Его принять, но твой совѣтъ—никакъ.

Тимонъ.

Возьмешь иль нѣтъ, будь проклятъ небесами!

Фрина *и* Тимандра.

И намъ, Тимонъ добрѣйшій, тоже дай
Часть золота: вѣдь у тебя осталось?

Тимонъ.

Достаточно осталось для того,
Чтобъ побудить развратницу отречься
Отъ ремесла, а сводню—перестать
Плодить блудницъ. Ну, твари, подымите
Передники! Съ васъ клятвы брать нельзя,
Хоть знаю я, готовы вы поклясться—
Поклясться такъ, что боги, внемля вамъ,
Начнутъ дрожать въ небесной лихорадкѣ.
Не нужно клятвъ: и безъ того вашъ нравъ
Мнѣ хорошо извѣстенъ. Оставайтесь
Развратными навѣки. Если кто
Задумаетъ благочестивой рѣчью
Исправить васъ—усильте свой развратъ,
Совѣтника зажгите, распалите
И дымъ его втяните въ свой огонь.
За этотъ трудъ труды совсѣмъ иные
Пусть будутъ вамъ шесть мѣсяцевъ въ году
Возмездіемъ. Усердно прикрывайте
Облѣзшія и жалкія макушки
Остатками умершихъ, будь они
Хоть съ висѣлицъ, и ихъ по гробъ носите,
Чтобъ надувать; распутничая вѣчно,
Раскрашивайте лица до того,
Чтобъ лошади въ нихъ вязнули—и къ чорту
Морщины всѣ!

Тимандра *и* Фрина.

Ну, ладно, Подавай
Намъ золота побольше. Что же дальше?
За деньги мы все сдѣлаемъ—повѣрь.

Тимонъ.

Въ костяхъ мужчинъ вы сѣйте истощенье,
Параличемъ сводите ноги ихъ,
Энергію и живость разслабляйте;
Ломайте адвокатамъ голоса,
Чтобъ не могли они давать защиту
Кривымъ дѣламъ и ябеды гнусить;
Слугъ алтаря, кричащихъ противъ плоти
И собственнымъ невѣрящихъ словамъ,
Заразою дарите; продолжайте
Проваливать и разрушать совсѣмъ,
Вплоть до костей, носы у тѣхъ, кто, слыша
Своимъ чутьемъ свой личный интересъ,
Лишенъ чутья къ общественному благу;
Плѣшивьте всѣхъ мерзавцевъ завитыхъ;
Какимъ-нибудь страданьемъ надѣляйте
Тѣхъ храбрецовъ хвастливыхъ, что войной
Пощажены; все въ мірѣ заражайте
И заглушать старайтесь и сушить
Источники людского плодородья!
Вотъ золото. Губите вы другихъ,
А это пусть и васъ самихъ погубитъ:
Пусть грязный ровъ могилой будетъ вамъ!

Тимандра *и* Фрина.

Давай, давай побольше и совѣтовъ,
И золота, великодушный мужъ!

Тимонъ.

Нѣтъ, пусть сперва увижу я побольше
Распутства, зла: задатокъ далъ я вамъ.

Алкивіадъ.

Бей барабанъ—и прямо на Аѳины!

Прощай, Тимонъ. Удастся мнѣ походъ—
Такъ я опять увижусь здѣсь съ тобою.

Тимонъ.

Коль сбудется желаніе мое,
То никогда тебя я не увижу.

Алкивіадъ.

Я никогда тебѣ не дѣлалъ зла.

Тимонъ.

Нѣтъ, дѣлалъ: ты хвалилъ меня.

Алкивіадъ.

И это
Ты зломъ зовешь?

Тимонъ.

Да, это каждый день
Мы узнаемъ изъ опыта. Однако,
Проваливай, да захвати съ собой
Своихъ собакъ.

Алкивіадъ.

Ему мы только въ тягость.
Бей барабанъ!

(*Раздается бой барабановъ. Алкивіадъ, Фрина и Тимандра уходятъ*).

Тимонъ.

Возможно ли, чтобъ мучилась природа
Отъ голода, когда и безъ того
Она больна измѣной человѣка! (*Копаетъ*).
О, мать всего, рождающая все
Утробою бездонною своею,
Дающая неизмѣримой грудью
Питаніе живущему всему—
Ты, чье одно и то же вещество
Родитъ на свѣтъ твоихъ дѣтей надменныхъ,
Исполненныхъ тщеславія людей,
И черныхъ жабъ, и ящерицъ блестящихъ,
И синихъ змѣй, и злыхъ, слѣпыхъ червей,
И все, что есть мерзѣйшаго подъ небомъ,
Гдѣ ярко такъ горитъ Гиперіонъ—
Даруй тому, кто ненавидитъ сильно
Весь родъ людской, даруй изъ нѣдръ твоихъ
Щедрѣйшихъ нѣдръ, одинъ ничтожный ко-
рень!
Стань навсегда безплодною, земля,
И перестань людей неблагодарныхъ
Рожать на свѣтъ; беременѣй, земля,
Лишь тиграми, драконами, волками,
Медвѣдями; чудовищамъ такимъ
Ты жизнь давай, какихъ еще не видѣлъ
Сводъ мраморный небесный на твоей
Поверхности! А, корень! Благодаренъ
Отъ всей души. Засухою покрой
Луга, поля, изодранныя плугомъ,
И тѣ мѣста, гдѣ виноградъ растетъ—
Мѣста, въ которыхъ ненасытный смертный
Находитъ тѣ напитки, яства тѣ
Вкуснѣйшія, что грязью покрываютъ
Въ немъ чистый умъ и дѣлаютъ его
Созданіемъ безъ сердца и разсудка!

Входитъ Апемантъ.

Тимонъ.

Вновь человѣкъ! Чума, чума!

Апемантъ.

Сюда
Направленъ я другими. Мнѣ сказали,
Что началъ ты по-моему и жить,
И дѣйствовать.

Тимонъ.

Я, вѣрно, поступаю
Такъ потому, что у тебя нѣтъ пса,
Который мнѣ служить бы могъ примѣромъ.
Будь проклятъ ты!

Апемантъ.

Натяжка это все,
Позорное и жалкое унынье,
Превратностью судьбы твоей въ тебѣ
Рожденное. Къ чему вотъ этотъ заступъ?
Убѣжище такое? мрачный видъ
И рабская одежда? Продолжаютъ
Твои льстецы ходить еще въ шелку
И пить вино, и спать на мягкихъ ложахъ,
И никогда имъ не приходитъ въ умъ,
Что жилъ Тимонъ на свѣтѣ. Посрамляешь
Ты этотъ лѣсъ, разыгрывая роль
Хулителя суроваго. Стань лучше
Ты самъ льстецомъ, старайся преуспѣть
Тѣмъ, что тебя навѣки погубило.
Колѣни гни; пусть каждый вздохъ того,
Кому служить ты будешь, сброситъ шапку
Твою долой; пороки всѣ его
Гнуснѣйшіе превозноси—зови ихъ
Отличными достоинствами. Такъ,
Вѣдь, и тебѣ, бывало, говорили,
И слушалъ ты и, какъ трактирщикъ, всѣхъ
Бездѣльниковъ просилъ радушно въ гости.
Поэтому и самъ ты долженъ стать
Мошенникомъ; разбогатѣешь снова—
Такъ снова все мошенникамъ отдашь
Не хлопочи быть на меня похожимъ.

Тимонъ.

О, походи я только на тебя,
Я самъ себя отвергнулъ бы.

Апемантъ.

Отвергнулъ
Ты самъ себя, когда еще былъ схожъ
Съ самимъ собой. Такъ долго сумасшедшій,
Теперь—дуракъ, не думаешь ли ты,

ТИМОНЪ ДАЕТЪ ЗОЛОТО ФРИНѢ И ТИМАНДРѢ.
Картина извѣстнаго англійскаго живописца Опи (John Opie, R. A., 1761—1807).
(Большая Бойделевская Галлерея).

Что станетъ грѣть твою рубашку вѣтеръ,
Твой ледяной и бѣшеный слуга?
Что этимъ мхомъ покрытыя деревья
Способныя орла переживать,
Вслѣдъ тебѣ пажами будутъ бѣгать
И дѣлать все по знаку твоему?
Что ты найдешь въ покрытомъ льдомъ потокѣ
Цѣлебное питье, чтобъ по утрамъ
Уничтожать ночное истощенье?
Нѣтъ, созови къ себѣ всѣ существа,
Что въ наготѣ стоятъ, сопротивляясь
Грозѣ небесъ, и крова лишены,
Борьбу стихій выносятъ, оставаясь
Всегда вѣрны природѣ; созови
И прикажи имъ льстить тебѣ—увидишь...

Тимонъ.

Что ты дуракъ. Ступай отсюда!

Апемантъ.

Я
Теперь тебя люблю сильнѣй, чѣмъ прежде.

Тимонъ.

А я тебя сильнѣе не терплю.

Апемантъ.

За что?

Тимонъ.

За то, что льстишь ты нищетѣ.

Апемантъ.

Нѣтъ, я не льщу; я говорю: ты нищій.

Тимонъ.

Зачѣмъ меня ты отыскалъ?

Апемантъ.

Затѣмъ.
Чтобъ побѣсить.

Тимонъ.

Занятье негодяя
И дурака. И наслажденье въ немъ
Ты находить способенъ?

Апемантъ.

Да.

Тимонъ.

Такъ, значитъ,
Ты негодяй?

Апемантъ.

Когда бы въ эту жизнь
Холодную, суровую вошелъ ты
Лишь для того, чтобъ гордый нравъ смирить,
Ты бъ поступилъ отлично; но, вѣдь, это
Ты дѣлаешь насильно. Не живи
Ты въ нищетѣ—ты снова сталъ бы мотомъ.
Та нищета, гдѣ принужденья нѣтъ,
Непрочный блескъ всегда переживаетъ,
И ей вѣнецъ дается прежде; онъ
Всегда беретъ и никогда не полонъ;
Она всегда довольна тѣмъ, что есть.
Полнѣйшее богатство безъ довольства
Мучительнѣй и хуже во сто разъ,
Чѣмъ нищета, довольная собою.
Ты жалокъ такъ, что долженъ бы желать.
Чтобъ смерть пришла.

Тимонъ.

Не потому, что это
Тотъ говоритъ, кто больше жалокъ. Ты
Ничтожный рабъ; тебя не обнимала
Съ любовію Фортуна никогда;
Ты родился собакой. Если бъ съ дѣтства
Ты такъ, какъ мы, прошелъ сквозь цѣлый рядъ
Тѣхъ радостей, что эта жизнь земная
Даетъ тому, кто право получилъ
Ея вполнѣ послушными сосцами
Располагать по волѣ. ты бы сталъ
Развратничать безъ мѣры, истощалъ бы
Ты молодость не на одномъ одрѣ
Постыднаго распутства; никогда бы
Не изучилъ ты правилъ ледяныхъ,
Внушаемыхъ разсудкомъ, и гонялся бъ
Безъ устали за лакомымъ кускомъ.
Но для меня вселенная служила
Кондитерской: такъ много устъ, сердецъ
И языковъ, и глазъ людскихъ толпилось
Вокругъ меня, что я ужъ и не зналъ,
Гдѣ находить для нихъ работу. Ими
Я былъ покрытъ, какъ дубъ своей листвой;
Но листья тѣ, при первомъ зимнемъ вѣтрѣ,
Отпали всѣ и, обнаживъ меня,
Оставили на жертву всякимъ бурямъ.
Мнѣ, знавшему на свѣтѣ только то,
Что хорошо, такая перемѣна
Не такъ легка: но ты и началъ жить
Въ страданіяхъ, и въ нихъ окрѣпъ съ годами.
За что людей ты ненавидишь такъ?
Они тебѣ, вѣдь, никогда не льстили.
Что далъ ты имъ? Коль хочешь проклинать.
Такъ разразись проклятьемъ надъ несчастнымъ
Оборвышемъ, отцомъ твоимъ, за то,
Что въ скверный часъ съ какой-то попрошайкой
Сошелся онъ и съ ней соорудилъ
Тебя, голышъ по роду. Вонъ отсюда!
Прочь! Не родись ты худшимъ изъ людей,
Ты сдѣлался бъ льстецомъ и негодяемъ.

Апемантъ.

И до сихъ поръ ты такъ гордишься?

Тимонъ.

Да;
Я тѣмъ горжусь, что я—не ты.

Апемантъ.

А я
Горжуся тѣмъ, что въ жизни не былъ мотомъ.

Тимонъ.

А я—что имъ остался и теперь.
Лежи въ тебѣ хоть все мое богатство.
Я и тогда позволилъ бы тебѣ
Повѣситься. Ступай отсюда!
(Беретъ корень). Если бъ
Вся жизнь Аѳинъ была заключена
Вотъ въ этомъ, я ее бы точно такъ же
Сожралъ. *(Ѣстъ).*

Апемантъ *(подавая ему корень).*

Возьми: поправить твой обѣдъ
Мнѣ хочется.

Тимонъ.

Ты общество сначала
Мое поправь уходомъ отъ меня.

Апемантъ.

Нѣтъ, этимъ я свое поправлю только.

Тимонъ.

Поправишь? Нѣтъ, испортишь. Если жъ нѣтъ,
Желаю я, чтобъ это было.

Апемантъ.

Что же
Желаешь ты Аѳинамъ?

Тимонъ.

Чтобы въ нихъ,
Какъ бурный вихрь, ты перенесся. Хочешь —
Скажи ты имъ, что я теперь богатъ!
Вотъ золото!

ТИМОНЪ И АПЕМАНТЪ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Апемантъ.

Здѣсь ни къ чему не можетъ
Оно служить.

Тимонъ.

Тѣмъ лучше и вѣрнѣй:
Здѣсь спитъ оно и злу совсѣмъ не служитъ.

Апемантъ.

Скажи, Тимонъ, гдѣ спишь ты по ночамъ?

Тимонъ.

Я сплю подъ тѣмъ, что надо мной. Скажи мнѣ,
Гдѣ днемъ себя ты кормишь, Апемантъ?

Апемантъ. Тамъ, гдѣ мой желудокъ находитъ себѣ пищу, или, вѣрнѣе, тамъ, гдѣ я ѣмъ ее.

Тимонъ. Хотѣлось бы мнѣ, чтобъ ядъ слушался меня и понималъ мои желанія.

Апемантъ. Куда жъ бы ты послалъ его?

Тимонъ. Приправить твои кушанья.

Апемантъ. Ты никогда не зналъ середины въ жизни, а зналъ только противоположныя крайности. Когда ты жилъ среди золота и благоуханій, люди насмѣхались надъ твоею чрезмѣрною утонченностью; теперь, подъ рубищемъ, ты совсѣмъ потерялъ ее—и тебя осмѣиваютъ за противоположное. Вотъ тебѣ кизиль—ѣшь его.

Тимонъ. Что я ненавижу, того не ѣмъ.

Апемантъ. Такъ ты ненавидишь кизиль?

Тимонъ. Да, хоть онъ и походитъ на тебя.

Апемантъ. Ненавидь ты прежде похожихъ на кизиль пронырь, ты теперь любилъ бы себя побольше. Слыхалъ ли ты когда-нибудь, чтобъ расточителя любили послѣ того, какъ онъ потерялъ состояніе?

Тимонъ. А ты слыхалъ ли, чтобъ человѣка любили и тогда, когда у него нѣтъ состоянія, о которомъ ты говоришь?

Апемантъ. Я такой человѣкъ.

Тимонъ. Я понимаю тебя: ты былъ на столько богатъ, что могъ держать собаку.

Апемантъ. Какое созданіе въ мірѣ, по-твоему, больше другихъ походитъ на твоихъ льстецовъ?

Тимонъ. Больше всѣхъ—женщины; но мужчины, мужчины—сама лесть. Скажи, Апемантъ, что ты сдѣлалъ бы съ міромъ, если бъ онъ былъ въ твсей власти?

Апемантъ. Я отдалъ бы его звѣрямъ, чтобы освободиться отъ людей.

Тимонъ. И ты хотѣлъ бы самъ уничтожиться вмѣстѣ со всѣми людьми и остаться звѣремъ среди звѣрей?

Апемантъ. Да, Тимонъ.

Тимонъ. Животное честолюбіе—и пусть боги помогутъ тебѣ осуществить его! Будь ты левъ, лисица надула бы тебя; будь ты ягненокъ, лисица съѣла бы тебя; будь ты лисица, левъ заподозрилъ бы тебя, если бы даже случилось такъ, что обвинителемъ твоимъ явился бы оселъ; будь ты оселъ, твоя тупость мучила бы тебя, и ты жилъ бы для того только, чтобъ служить завтракомъ волку; будь ты волкъ, твоя прожорливость не давала бы тебѣ покоя, и ты нерѣдко рисковалъ бы жизнью изъ-за того, чтобы добыть себѣ обѣдъ; будь ты единорогъ, тебя погубили бы гордость и бѣшенство, и ты сдѣлался бы жертвою своей собственной злости; будь ты медвѣдь, тебя убила бы лошадь; будь ты лошадь, попался бы ты въ когти леопарда; будь ты леопардъ, ты сдѣлался бы родственникомъ льва, и пятна твоего родства составили бы заговоръ противъ твоей жизни, и все твое спасеніе заключалось бы въ бѣгствѣ, а вся защита—въ отсутствіи. Будь какимъ хочешь животнымъ, ты не обойдешься безъ того, чтобъ не подчиниться власти другого животнаго. Да и какое животное ты уже теперь, когда не предвидишь, что тебя ожидаетъ въ этомъ превращеніи!

Апемантъ. Если бъ твой разговоръ могъ мнѣ нравиться, то это было бы именно теперь; аѳинская республика превратилась въ лѣсъ, наполненный звѣрями.

Тимонъ. Значитъ, оселъ съумѣлъ проломать стѣну, коли ты теперь за городомъ?

Апемантъ. Сюда идутъ поэтъ и живописецъ. Пусть чума ихъ сообщества обрушится на тебя! Я боюсь заразиться и потому ухожу. Когда мнѣ нечего будетъ дѣлать, я опять приду къ тебѣ.

Тимонъ. Когда изъ всего живущаго на свѣтѣ останешься только ты, милости просимъ! Я желалъ бы лучше быть собакой нищаго, чѣмъ Апемантомъ.

Апемантъ.

Изъ всѣхъ глупцовъ, какіе есть на свѣтѣ,
Главнѣйшій—ты.

Тимонъ.

Будь ты хоть столько чистъ,
Чтобъ на тебя возможно было плюнуть!

Апемантъ.

Ты гадокъ такъ, что даже проклинать
Тебя нельзя. Чтобъ ты пропалъ отъ язвы!

Тимонъ.

Всѣ подлецы, въ сравненіи съ тобой,
Чистѣйшія созданія.

Апемантъ.

Проказа
Лежитъ во всемъ, что говоришь ты.

Тимонъ.

Да.—
Когда твое произношу я имя.
Охотно бъ я побилъ тебя, когда бъ
Рукъ заразить не побоялся.

Апемантъ.

Радъ бы
Я загноить ихъ языкомъ моимъ.

Тимонъ.

Иди же прочь, отродье псовъ паршивыхъ!
До бѣшенства смертельнаго меня

Доводитъ мысль, что ты живешь—и видѣть
Безъ дурноты тебя я не могу.

АПЕМАНТЪ.

Чтобъ лопнулъ ты!

ТИМОНЪ.

Вонъ, негодяй несносный!

(Бросаетъ въ него камень).

Мнѣ даже жаль и камня, что въ тебя
Пускаю я.

АПЕМАНТЪ.

Животное!

ТИМОНЪ.

Рабъ.

АПЕМАНТЪ.

Жаба!

ТИМОНЪ.

Подлецъ! подлецъ! подлецъ!
(Апемантъ отходитъ). Весь лживый міръ
Противенъ мнѣ, и ничего отнынѣ
Я въ немъ любить не буду, развѣ то,
Что для меня совсѣмъ необходимо.
Итакъ, Тимонъ, могилу ты теперь
Готовь себѣ; улягся тамъ, гдѣ въ камень
Надгробный твой бить будетъ каждый день
Непрочная морская пѣна; надпись
Надгробную составь себѣ, и пусть
Въ ней смерть твоя надъ жизнью всѣхъ смѣется.

(Смотритъ на золото).

О, милый мой цареубійца! ты,
Орудіе любезное раздора
Отцовъ съ дѣтьми; ты осквернитель свѣтлый
Чистѣйшихъ ложъ супружескихъ; ты, Марсъ
Отважнѣйшій; ты, вѣчно юный, свѣжій
И взысканный любовію женихъ,
Чей яркій блескъ съ колѣнъ Діаны гонитъ
Священный снѣгъ; ты, видимый намъ богъ,
Сближающій несродные предметы,
Велящій имъ лобзаться, говорящій
Для цѣлей всѣхъ на каждомъ языкѣ;
Ты, оселокъ сердецъ, представь, что люди
Твои рабы, вдругъ взбунтовались всѣ,
И силою своею между ними
Кровавые раздоры посели,
Чтобъ сдѣлались царями міра звѣри.

АПЕМАНТЪ.

Да будетъ такъ, но только ужъ тогда,
Какъ я умру. Я разскажу въ Аѳинахъ,
Что ты богатъ—и всѣ тотчасъ толпой
Придутъ къ тебѣ.

ТИМОНЪ.

Придутъ ко мнѣ толпою?

АПЕМАНТЪ.

Да.

ТИМОНЪ.

Уходи, пожалуйста, скорѣй!

АПЕМАНТЪ.

Живи, Тимонъ, ты съ нищетой своею.
Люби ее.

ТИМОНЪ.

И ты живи съ своей
Подолѣе, и такъ умри. Мы квиты.

(Апемантъ уходитъ).

Опять идутъ подобія людей!
Ѣшь, ѣшь, Тимонъ, и посылай проклятья.

Входятъ РАЗБОЙНИКИ.

1-ый РАЗБОЙНИКЪ. Откуда быть у него золоту? Это, вѣрно, какая-нибудь малость, какія-нибудь крохи отъ прежняго богатства. Оттого-то онъ и груститъ такъ, что денегъ нѣтъ, а друзья отвернулись.

2-ой РАЗБОЙНИКЪ. Однако слыхать, что у него сокровищъ видимо-невидимо.

3-ій РАЗБОЙНИКЪ. Попытаемся узнать. Коли онъ не дорожитъ деньгами, такъ безъ спору отдастъ ихъ; а вотъ какъ ихъ получишь, если онъ скряжничать станетъ?

1-ый РАЗБОЙНИКЪ. Правда; вѣдь, онъ не носитъ ихъ съ собою, а прячетъ гдѣ-нибудь.

2-ой РАЗБОЙНИКЪ. Не это ли онъ?

Всѣ. Гдѣ?

1-ый РАЗБОЙНИКЪ. Наружность—его.

2-ой РАЗБОЙНИКЪ. Это онъ; я его знаю.

Всѣ. Здорово, Тимонъ.

ТИМОНЪ. Чего вамъ, воры?

Всѣ. Не воры, а солдаты.

ТИМОНЪ. И воры, и солдаты, да вдобавокъ еще сыновья женщинъ.

Всѣ.

Не воры мы, а люди въ самой крайней
Нуждѣ.

ТИМОНЪ.

У васъ главнѣйшая нужда—
Питаніе: зачѣмъ же вамъ нуждаться?
Смотрите, вотъ въ землѣ коренья есть;
Тутъ сто ключей на небольшомъ пространствѣ;
Тамъ, на кустахъ, пурпурные плоды;
Здѣсь рядъ дубовъ, покрытыхъ желудями.
На всѣхъ кустахъ природа сытный столъ,

Какъ щедрая хозяйка, предлагаетъ.
И вы въ нуждѣ? Въ какой такой нуждѣ?

1-ый разбойникъ.

Не можемъ мы, какъ птицы, звѣри, рыбы,
Травою жить, плодами и водой.

Тимонъ.

Не можете вы даже жить звѣрями
И птицами, и рыбами: должны
Вы ѣсть людей. Но все же благодаренъ
Я вамъ за то, что хоть открыто вы
Воруете, не прикрывая дѣйствій
Почтенною личиной: вѣдь, у насъ
Сильнѣй всего воруется въ занятьяхъ,
Дозволенныхъ законами. Ну, вотъ
Вамъ золото, мошенники и воры!
Ступайте же, сосите кровь лозы
До той поры, пока горячка вспѣнитъ
И вашу кровь, и тѣмъ избавитъ васъ
Отъ висѣлицъ. Врачамъ не довѣряйте:
Лѣкарства ихъ—отрава; чаще, чѣмъ
Вы грабите, они въ могилу сводятъ.
Лишайте всѣхъ и жизни, и богатствъ,
Всѣ гнусности свершайте: это ваше
Призваніе и ремесло. Вездѣ
Я вамъ найду грабительства примѣры:
Такъ солнце—воръ, который океанъ
Обкрадываетъ силой притяженья;
И мѣсяцъ—воръ нахальный: крадетъ онъ
Свой блѣдный свѣтъ у солнца; океанъ—
Воръ: жидкостью своей онъ разрѣшаетъ
Луну въ потокъ соленыхъ слезъ; земля —
Такой же воръ: она родитъ, питаетъ
Навозомъ тѣмъ, что крадетъ для себя
Изъ всѣхъ людскихъ и скотскихъ испражненій.
Все въ мірѣ—воръ. Законъ—узда и бичъ
Подобныхъ вамъ—безъ наказанья грабитъ
Въ могуществѣ насильственномъ своемъ.
Самихъ себя вы не любите; грабьте
Другъ друга. Вотъ вамъ золота еще.
Пилите глотки: всѣ, кого вы только
Встрѣчаете—грабители. Теперь
Направьте путь въ Аѳины, разбивайте
Всѣ лавки тамъ: что ни украли бъ вы—
Украдете у вора. Не воруйте
Умѣреннѣй лишь оттого, что я
Вамъ это далъ. И пусть во всякомъ разѣ
Погубитъ васъ то золото. Аминь.

(Уходитъ въ пещеру).

2-ой разбойникъ. Онъ почти отбилъ у меня охоту заниматься моимъ ремесломъ, подстрекая меня на это.

1-ый разбойникъ. Да, вѣдь, онъ давалъ намъ такіе совѣты не изъ желанія намъ успѣха, а изъ ненависти къ человѣчеству.

2-ой разбойникъ. Я повѣрю ему, какъ повѣрилъ бы врагу—и откажусь отъ своего ремесла.

1-ый разбойникъ. Пусть прежде въ Аѳинахъ настанетъ миръ. Нѣтъ такого славнаго времени, когда человѣкъ не можетъ сдѣлаться честнымъ. (*Уходятъ*).

Входитъ Флавій.

Флавій.

О, боги правосудные, ужели
Тотъ человѣкъ оборванный и жалкій—
Мой господинъ? Какъ страшно онъ упалъ!
О, памятникъ чудесный дѣлъ прекрасныхъ,
Направленныхъ такъ дурно! Какъ весь блескъ
Разрушенъ здѣсь ужасной нищетою!
Что можетъ быть гнуснѣе на землѣ
Пріятелей, способныхъ умъ высокій
До крайняго позора довести?
Да, странно! въ наши дни свѣтъ сдѣлался таковъ,
Что мы должны желать любить своихъ враговъ!
Я радъ скорѣй любить тѣхъ, кто мнѣ зла желаетъ,
Чѣмъ тѣхъ, кто ложною любовью награждаетъ.
Тимонъ меня замѣтилъ: заявлю
Ему печаль глубокую и стану
Всю жизнь ему служить, какъ моему
Властителю.

Тимонъ *возвращается изъ пещеры.*

Флавій.

Мой господинъ любезный!

Тимонъ.

Прочь! кто ты?

Флавій.

Какъ! забыли вы меня?

Тимонъ.

Такой вопросъ къ чему ты предлагаешь?
Я всѣхъ людей забылъ; ты человѣкъ—
Такъ я тебя и позабылъ.

Флавій.

Я бѣдный
И честный вашъ служитель.

Тимонъ.

Такъ тебя
Не знаю я. Людей съ душою честной
Я никогда не видѣлъ близъ себя.

Вокругъ меня все были негодяи,
Служившіе мерзавцамъ за столомъ.

Флавій.

Пусть будутъ мнѣ свидѣтелями боги,
Что никогда служитель бѣдный такъ
Не горевалъ душевно о несчастьи
Хозяина, какъ я скорблю о васъ.

Тимонъ.

Какъ! плачешь ты? Ну, если такъ, приближься:
Я полюбилъ тебя за то, что ты
Сталъ женщиной, отрекшись отъ мужчины
Кремнистаго, что можетъ слезы лить
Отъ хохота и сладострастья только.
Въ нихъ состраданье спитъ. Вотъ странный свѣтъ какой:
Для смѣха слезы есть, для горя—ни одной.

Флавій.

Я васъ молю, мой господинъ любезный.
Признать меня, не отвергать печаль
Моей души, позволить мнѣ, какъ прежде,
У васъ служить, пока не истощенъ
Мой капиталъ убогій.

Тимонъ.

Неужели
Былъ у меня слуга съ такой душой
Правдивою и честной, и готовой
Такъ утѣшать? Совсѣмъ ты съ толку сбилъ
Мой жесткій нравъ. Дай пристальнѣй вглядѣться
Въ твое лицо. Безспорно, онъ рожденъ
Отъ женщины. Молю васъ, боги, вѣчно
Правдивые—простите мнѣ мое
Широкое и злое увлеченье!
Я сознаюсь: есть честный человѣкъ;
Но—слушайте внимательнѣе—только
И есть одинъ—не болѣе; прошу
Понять меня: и это—управитель!
О! какъ хотѣлъ я ненавидѣть всѣхъ
Живыхъ людей—и вотъ ты выкупаешь
Себя. Пусть такъ: за то всѣхъ остальныхъ
Я проклинать во вѣкъ не перестану.
Мнѣ кажется, однако же, что ты
Не такъ уменъ, какъ честенъ: надувая,
Губя меня, конечно, ты бы могъ
Скорѣй найти себѣ другую службу.
Вѣдь, многіе въѣзжаютъ такъ въ дома
Вторыхъ господъ на шеѣ первыхъ. Впрочемъ,
Скажи-ка мнѣ по-совѣсти—и въ томъ,
Что ясно такъ, я все же сомнѣваюсь—
Не хитрости ль и алчности полна
Твоя любовь? она не лихоимство ль?
Ты дѣйствуешь, быть можетъ, какъ богачъ,
Лишь для того подарокъ приносящій,
Чтобъ двадцать взять въ замѣну одного?

Флавій.

Нѣтъ, господинъ достойный: слишкомъ поздно,
Къ несчастію, пробрались въ вашу грудь
Сомнѣнія и подозрѣнья. Вамъ бы
Ихъ слѣдовало знать въ счастливѣйшіе дни.
Когда погибло все—являются они.
Нѣтъ, боги мнѣ свидѣтели, что это
Я дѣлаю изъ истинной любви,
Изъ ревностной привязанности къ вашей
Прекраснѣйшей натурѣ, изъ того,
Что я хочу вамъ доставлять и пищу,
И средства жить. И вѣрьте, господинъ
Почтеннѣйшій, все счастіе, какое
Иль ждетъ меня, иль можетъ быть теперь,
Я съ радостью отдамъ за исполненье
Желанія, чтобъ вы могли меня
Вознаградить своимъ обогащеньмъ.

Тимонъ.

Смотри жъ и будь доволенъ. Человѣкъ
Единственно-правдивый—вотъ все это
Возьми себѣ. Изъ нищеты моей
Сокровище тебѣ послали боги.
Ступай, живи богато, хорошо,
Но лишь съ однимъ условіемъ: подальше
Будь отъ людей; ихъ всѣхъ и ненавидь,
И проклинай; не вѣдай состраданья
Ни къ одному—и прежде чѣмъ помочь
Ты нищему задумаешь, пусть голодъ
Съ его костей сорветъ все мясо; псамъ
То отдавай, въ чемъ будешь человѣку
Отказывать. Пусть тюрьмы жрутъ людей,
Пускай долги въ ничто ихъ превращаютъ!
Пусть жизнь ихъ будетъ лѣсъ, весь вымерзшій отъ вьюгъ,
И кровь ихъ лживую пусть высосетъ недугъ!
Затѣмъ, прощай, будь счастливъ.

Флавій.

О, позвольте
Остаться здѣсь, мой добрый господинъ,
Васъ утѣшать...

Тимонъ.

Коли ты ненавидишь
Проклятія—не оставайся здѣсь.
Бѣги, пока ты счастливъ и свободенъ.
Пусть никогда впередъ не видишь ты людей,
И пусть и я съ тобой не свижусь въ жизни сей!

(Уходятъ въ разныя стороны).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Лѣсъ передъ пещерой Тимона.

Входятъ поэтъ *и* живописецъ; Тимонъ *наблюдаетъ за ними изъ пещеры.*

Живописецъ. Если мнѣ хорошо описали мѣстность, то жилище его должно быть недалеко отсюда.

Поэтъ. Не знаю, что и думать о немъ. Вѣрить ли слухамъ, что у него такое множество золота?

Живописецъ. Конечно — вѣрить: это разсказывалъ Алкивіадъ. Фрина и Тимандра получили отъ него золото; точно также онъ обогатилъ бѣдныхъ бродягъ — солдатъ. Говорятъ также, что онъ подарилъ большую сумму своему управителю.

Поэтъ. Ну, такъ его разореніе было только придумано для испытанія его друзей.

Живописецъ. Конечно. Увидите, что онъ опять явится въ Аѳинахъ, какъ пальма, и расцвѣтетъ роскошнѣе знатнѣйшихъ вельможъ. Поэтому мы поступимъ не дурно, если, несмотря на его мнимое несчастье, завѣримъ его въ нашей преданности. Въ этомъ онъ увидитъ доказательство нашей честности, и, вѣроятно, наши кошельки наполнятся тѣмъ, чего они добиваются, если слухи объ его богатствѣ справедливы.

Поэтъ. Что жъ вы поднесете ему теперь?

Живописецъ. Покамѣстъ ничего, кромѣ моего посѣщенья; но пообѣщаю ему отличную картину.

Поэтъ. Я услужу ему тѣмъ же и скажу, что пишу для него сочиненіе.

Живописецъ. Отлично! Обѣщанія — въ духѣ нынѣшняго времени: они открываютъ глаза у ожиданія. Исполненіе — дѣло гораздо болѣе глупое, и въ настоящую пору оно въ употребленіи только у простыхъ и ограниченныхъ людей. Обѣщаніе — дѣло самаго хорошаго тона; исполненіе — нѣчто въ родѣ духовнаго завѣщанія, доказывающаго сильную умственную болѣзнь того, кто дѣлаетъ его.

Тимонъ *выходитъ изъ пещеры.*

Тимонъ (*въ сторону*). Превосходный художникъ! Ты не въ состояніи нарисовать человѣка гаже себя.

Поэтъ. Я все придумываю, какое пообѣщать ему сочиненіе. Оно должно быть олицетвореніемъ его самого, сатирою на изнѣженность благосостоянія, обличеніемъ безконечной лести, преслѣдующей молодость и богатство.

Тимонъ (*въ сторону*). Такъ ты хочешь явиться негодяемъ въ своемъ собственномъ произведеніи? хочешь бичевать въ другихъ людяхъ свои собственные пороки? Что жъ, дѣлай это: у меня есть золото для тебя.

Поэтъ.

Отправимся жъ искать его скорѣй.
Когда изъ рукъ своихъ барышъ мы упускаемъ,
То противъ своего же счастья погрѣшаемъ.

Живописецъ.

Что желаешь ты — ищи при блескѣ свѣта,
Пока еще земля въ мракъ ночи не одѣта.

Тимонъ (*въ сторону*).

Я встрѣчу васъ. О, золото, какой
Ты сильный богъ, когда въ жилищахъ, гаже
Чѣмъ хлѣвъ свиной, мы чествуемъ тебя!
Ты корабли оснащиваешь, пашешь
Ты океанъ, къ презрѣнному рабу
Внушаешь уваженіе. Такъ будь же
Ты окруженъ куреньями, а тотъ,
Кто лишь тебѣ послушенъ, пусть чумою
Увѣнчанъ будетъ! Пойду на встрѣчу.

(*Подходитъ*).

Поэтъ.

Привѣтъ тебѣ, Тимонъ достойный!

Живописецъ.

Ты,
Недавній нашъ и славный покровитель!

Тимонъ.

Ужель пришлось дожить мнѣ до того,
Чтобъ увидать двухъ честныхъ?

Поэтъ.

Мы, такъ часто
Вкушавшіе всю вашу доброту
Безмѣрную, узнавъ, что удалились
Отъ свѣта вы, что измѣнили вамъ
Пріятели — народъ неблагодарный...
О, гнусныя созданья! Всѣ бичи
Небесные для васъ еще не кара!

ТИМОНЪ ВЪ СВОЕЙ ПЕЩЕРѢ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Какъ! кинуть васъ, чье благородство имъ,
Какъ звѣздный свѣтъ, давало и вліянье,
И даже жизнь! Я этимъ возмущенъ
И словъ найти не въ силахъ, чтобы эту
Чудовищную гнусность въ нихъ облечь.

Тимонъ.

Ну, пусть она нагая ходитъ: люди
Тѣмъ явственнѣй ее увидятъ. Вы,
Правдивыя созданья, оставаясь
Тѣмъ, что вы есть, характеры другихъ
Покажете яснѣй.

Живописецъ.

Тимонъ, мы оба
Житейскій путь свершали подъ дождемъ
Твоихъ даровъ—и чувствуемъ благое
Вліянье ихъ.

Тимонъ.

Да, оба честны вы.

Живописецъ.

Мы съ тѣмъ пришли, чтобъ всѣ услуги наши
Вамъ предложить.

Тимонъ.

Честнѣйшіе! Но чѣмъ
Васъ наградить могу я? Не ѣдите,
Конечно, вы кореньевъ и воды
Холодной пить не станете.

Оба.

Что можемъ,
То сдѣлаемъ, чтобъ вамъ полезнымъ быть.

Тимонъ.

Вы честные. До васъ дошло извѣстье,
Что я богатъ—навѣрное, дошло.
Сознайтесь же: вѣдь, честны вы.

Живописецъ.

Да, это
Мы слышали, достойнѣйшій Тимонъ,
Но не за тѣмъ пришли сюда мы оба.

Тимонъ.

О, добрые и честные!

(*Живописцу*). Изъ всѣхъ

Аѳинянъ ты первѣйшій живописецъ.
Да, право такъ! естественнѣе всѣхъ
Рисуешь ты.

Живописецъ.

Да, такъ-себѣ, недурно.

Тимонъ.

Нѣтъ, именно, всѣхъ лучше. (*Поэту*). У тебя
Такъ гладокъ стихъ, такъ нѣженъ и изящен,
Что и въ своемъ искусствѣ ты всегда
Естественъ. Но, несмотря на это,
Честнѣйшіе друзья мои, сказать
Я долженъ вамъ, что есть у васъ обоихъ
Одинъ порокъ, конечно, небольшой.
Онъ далеко не страшенъ, и нисколько
Я не хочу, чтобы трудились вы
Исправиться.

Оба.

Покорнѣйше васъ просимъ
Сказать, какой?

Тимонъ.

Пожалуй, вы еще
Разсердитесь.

Оба.

Мы будемъ благодарны
Отъ всей души.

Тимонъ.

Серьезно?

Оба.

Честью вамъ
Ручаемся.

Тимонъ.

Порокъ вашъ вотъ въ чемъ: оба
Вы вѣрите бездѣльнику, что васъ
Безсовѣстно проводитъ.

Оба

Неужели?

Тимонъ.

И ложь его все слушаете вы,
И видите притворные поступки,
И грубыя продѣлки всѣ его
Вы знаете—и, несмотря на это,
Все любите, все кормите его
И носите въ душѣ своей. Но вѣрьте—
Онъ негодяй отъявленный.

Живописецъ.

Совсѣмъ
Не знаю я такого.

Поэтъ.

Точно также
И я.

Тимонъ.

Друзья, я, право, васъ люблю,
И золота вамъ дамъ, пожалуй; только
Избавьтесь вы отъ этихъ подлецовъ.
Повѣсьте ихъ, зарѣжьте, утопите
Въ грязи канавъ, иль чѣмъ-нибудь другимъ
Убейте ихъ и послѣ приходите
Сюда ко мнѣ: я золота вамъ дамъ
Достаточно.

Оба.

Но кто они? Скажите
Намъ имя ихъ.

Тимонъ.

Ступай ты вотъ сюда,
А ты туда — и все-таки вы вмѣстѣ
Останетесь — и каждому изъ васъ,
Хотя бы онъ стоялъ и одиноко,
Придется все въ сообществѣ имѣть
Ужаснаго мерзавца.

(*Указывая поэту на живописца*).

Если хочешь,
Чтобъ тамъ, гдѣ ты, два плута не сошлись,
Не подходи къ нему.

(*Указывая живописцу на поэта*).

Ты, если хочешь,
Чтобъ тамъ, гдѣ ты, одинъ мерзавецъ былъ,
Оставь его. Вонъ! (*Бьетъ ихъ*).
Вотъ вамъ, негодяи,
И золото: вѣдь, вы за нимъ пришли.
Вы для меня работали — вотъ плата.
Алхимикъ ты — такъ деньги извлечешь
Изъ этого. Вонъ, подлыя собаки!
(*Прогоняетъ ихъ и уходитъ въ пещеру*).

Входятъ Флавій *и* два сенатора.

Флавій.

Напрасно вы съ Тимономъ говорить
Желаете: онъ занятъ такъ глубоко
Однимъ собой, что лишь его лицо,
Изъ всѣхъ людскихъ наружностей, пріятно
Его глазамъ.

1-ый сенаторъ.

Къ его пещерѣ насъ
Ты проводи: мы дали обѣщанье
Аѳинянамъ съ Тимононъ говорить.

2-ой сенаторъ.

Вѣдь, не всегда однимъ и тѣмъ же можетъ
Быть человѣкъ. Тимонъ преображенъ,
И временемъ, и горемъ; то же время

Вновь давъ ему изъ щедрыхъ рукъ своихъ
Богатство дней прошедшихъ, можетъ снова
И прежній видъ Тимону возвратить.
Веди жъ къ нему: пусть будетъ тамъ, что будетъ.

ФЛАВІЙ.

Вотъ здѣсь его пещера. Тихій миръ
Да будетъ въ ней! Тимонъ, Тимонъ, подите
Поговорить съ пріятелями. Васъ,
Въ лицѣ двоихъ сенаторовъ почтенныхъ,
Привѣтствуютъ Аѳины. Выдьте къ нимъ,
Мой господинъ! поговорите съ ними.

ТИМОНЪ *выходитъ изъ пещеры.*

ТИМОНЪ.

О, солнце, ты, въ чьемъ блескѣ благодать,
Сожги ихъ всѣхъ! Ну, что же, говорите—
И чтобъ пропасть на висѣлицѣ вамъ!
Пусть вашъ языкъ нарывы покрываютъ
За каждый звукъ правдивый, а за ложь
Малѣйшую пусть онъ сгніетъ до корня
И пропадетъ, чуть скажете ее!

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

Достойный мужъ!

ТИМОНЪ.

Достойный вамъ подобныхъ,
Какъ вы — меня.

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

Сенаторы Аѳинъ
Тебѣ, Тимонъ, привѣтъ свой посылаютъ.

ТИМОНЪ.

Благодарю. За это имъ чуму
Послалъ бы я, когда бъ мнѣ было можно
Поймать ее для нихъ.

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

О, позабудь,
Что насъ самихъ такъ сильно огорчаетъ!
Сенаторы единодушно всѣ,
Любя тебя, вернуться умоляютъ
Въ Аѳины: тамъ высокихъ званій рядъ
Лежитъ, никѣмъ не занятъ, ожидая,
Чтобъ ими ты облекъ себя.

2-ОЙ СЕНАТОРЪ.

Они
Всѣ сознаютъ, что слишкомъ грубо было
Забвеніе твоихъ заслугъ. Народъ,
Не любящій мѣнять свое рѣшенье —
Весь чувствуетъ, какъ въ помощи твоей
Нуждается республика, и знаетъ,
Что самъ себя погубитъ, коль Тимонъ
Въ немъ помощи не встрѣтитъ; онъ отправилъ
Насъ съ тѣмъ сюда, чтобъ заявить тебѣ
Свою печаль и предложить награду
Значительнѣй, чѣмъ оскорбленье ихъ —
Такой запасъ любви ихъ и богатства,
Какой сотретъ въ душѣ твоей навѣкъ
Обиды ихъ и въ немъ напишетъ только
Слова любви аѳинянъ, чтобъ всегда
Ты ихъ читалъ.

ТИМОНЪ.

Я, просто, околдованъ;
Я изумленъ такъ сильно, что готовъ
Почти рыдать. Такъ дайте же мнѣ сердце
Безмозглаго и женщины глаза —
И я сейчасъ отъ радости заплачу,
Почтенные сенаторы.

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

Итакъ,
Будь милостивъ и возвратись въ Аѳины,
Отечество и наше, и твое —
И тамъ прими начальство. Будешь встрѣченъ
Глубокою признательностью ты
И облеченъ самодержавной властью,
И будетъ снова имя жить твое
Во всѣхъ устахъ. Тогда Алкивіада
Свирѣпаго мы скоро отразимъ —
Его, что миръ отчизны вырываетъ,
Какъ дикій вепрь, съ корнями.

2-ОЙ СЕНАТОРЪ.

И грозитъ
Стѣнамъ Аѳинъ мечомъ своимъ ужаснымъ.

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

Итакъ, Тимонъ...

ТИМОНЪ.

Извольте, я готовъ.
Согласенъ я. Итакъ, когда случится,
Что земляковъ моихъ Алкивіадъ
Начнетъ душить — сказать Алкивіаду
Отъ имени Тимона я прошу,
Что дѣла нѣтъ до этого Тимону;
Когда же онъ начнетъ опустошать
Прекрасныя Аѳины, нашихъ старцевъ
Почтеннѣйшихъ за бороды таскать
И нашихъ дѣвъ священныхъ поруганью
Войны, какъ звѣрь безумный, отдавать:
Тогда ему вы громко передайте
Мои слова, что, всей душой скорбя
О старости и юности аѳинянъ,
Я не могу не высказать ему,
Что дѣла нѣтъ до этого Тимону.
Пусть сердится, какъ хочетъ. О ножахъ
Вамъ нечего заботиться, покамѣстъ
У васъ для нихъ довольно глотокъ есть.
Что до меня, то въ лагерѣ мятежномъ

Нѣтъ ножичка, который не цѣнилъ бы
Дороже я почтеннѣйшаго горла
Аѳинскаго. Затѣмъ, вручаю васъ
Защитѣ всѣхъ боговъ благотворящихъ,
Какъ бы вручилъ тюремщикамъ воровъ.

ФЛАВІЙ.

Ступайте — все напрасно.

ТИМОНЪ.

Передъ вашимъ
Приходомъ я надгробные стихи
Себѣ писалъ. Вы ихъ прочтете завтра.
Столь долгое страданье моего
Здоровія и жизни начинаетъ
Итти къ концу: ничтожество мое
Мнѣ все даетъ. Ступайте и живите!
Пусть будетъ вамъ чумой Алкивіадъ,
А вы — ему, и долго, очень долго!

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

Мы говоримъ напрасно,

ТИМОНЪ.

Но люблю
Я все-таки страну свою и, право,
Не радуюсь — какъ обо мнѣ вездѣ
Трубитъ молва — всеобщему крушенью.

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

Вотъ это рѣчь прекрасная!

ТИМОНЪ.

Прошу
Поклонъ снести всѣмъ землякамъ любезнымъ.

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

Твои слова украсили уста,
Куда прошли они.

2-ОЙ СЕНАТОРЪ.

И въ наши уши
Вошли они, какъ входитъ въ ворота
Украшенный тріумфомъ побѣдитель.

ТИМОНЪ.

Поклонъ имъ всѣмъ. Скажите имъ, что я,
Желая ихъ освободить отъ горя,
Отъ ужаса предъ силою врага,
Отъ всѣхъ потерь, отъ злой любви мученій
И отъ другихъ случайныхъ бѣдъ, какимъ
Непрочный челнъ природы такъ подверженъ
На жизненномъ причудливомъ пути —
Хочу теперь услугу небольшую
Имъ оказать: хочу ихъ научить,
Какъ отвратить Алкивіада злобу
Свирѣпую.

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

Отлично! Хочетъ онъ
Вернуться къ намъ.

ТИМОНЪ.

Тутъ, близъ моей пещеры,
Есть дерево. Я долженъ для себя
Его срубить и сдѣлать это скоро.
Скажите всѣмъ друзьямъ моимъ и всѣмъ
Аѳинянамъ, всѣхъ званій и сословій,
Отъ высшаго до низшаго, что тотъ,
Кто хочетъ всѣ страданія покончить,
Пускай скорѣй является сюда,
Пока еще топоръ не уничтожилъ
То дерево — и пусть спѣшитъ на немъ
Повѣситься. Прошу васъ, передайте
Совѣтъ мой имъ.

ФЛАВІЙ.

Довольно вамъ ему
Надоѣдать: онъ будетъ все такой же.

ТИМОНЪ.

Вамъ не зачѣмъ вновь приходить ко мнѣ:
Но, возвратясь въ Аѳины, разскажите,
Что вѣчный домъ возвелъ себѣ Тимонъ
На берегу, куда, шумя и пѣнясь,
Однажды въ день стремится океанъ
И кроетъ все соленою волною.
Туда притти вы можете—и пусть
Мой памятникъ оракуломъ вамъ будетъ.
Все горькое, уста, скажите поскорѣй,
И смолкните навѣкъ; пусть злымъ дѣламъ людей
Зараза и чума послужатъ исправленьемъ!
Пусть будутъ гробы лишь людей произведеньемъ,
А смерть наградой имъ. О, солнце, спрячь свой свѣтъ:
Свершилось—царствія Тимона больше нѣтъ!
(Уходитъ въ пещеру).

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

Въ немъ ненависть срослась съ душой.

2-ОЙ СЕНАТОРЪ.

Всѣ наши
Надежды съ нимъ погибли. Что жъ, пойдемъ
И средствъ другихъ поищемъ отвратить
Великую опасность нашу.

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

Медлить
Никакъ нельзя. Идемъ же поскорѣй.
(Уходятъ).

ТИМОНЪ, ЖИВОПИСЕЦЪ И ПОЭТЪ.
Рисунокъ англійскаго художника Ролстона (J. M. L. Ralston).

СЦЕНА II.

Передъ стѣнами Аѳинъ.

Входятъ ДВА СЕНАТОРА *и* ГОНЕЦЪ.

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

Ты хорошо ль узналъ, и столько ль въ войскѣ
Его людей, какъ объявилъ ты намъ?

ГОНЕЦЪ.

Я уменьшилъ еще вамъ эту цифру:
Къ тому жъ, судя по быстротѣ его,
Немедленно онъ явится.

2-ОЙ СЕНАТОРЪ.

Придется
Намъ пострадать ужасно, коль они
Не убѣдятъ Тимона возвратиться.

ГОНЕЦЪ.

Мнѣ встрѣтился гонецъ, мой старый другъ,
И хоть мы съ нимъ стоимъ въ рядахъ враждебныхъ,
Старинная привязанность взяла
Свои права—и мы разговорились
Пріятельски. Къ Тимону въ лѣсъ скакалъ
Пріятель мой съ письмомъ Алкивіада,
Въ которомъ тотъ Тимона умолялъ
Итти войной съ нимъ вмѣстѣ на Аѳины.
Затѣмъ что та война изъ-за него
Затѣяна отчасти.

Входятъ СЕНАТОРЫ, *ѣдущіе къ Тимону.*

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

Вотъ и наши
Товарищи!

3-ІЙ СЕНАТОРЪ.

Ни слова о Тимонѣ:
Пропала вся надежда на него.
Ужъ слышится стукъ вражьихъ барабановъ,
И страшное движеніе его
Наполнило и душитъ воздухъ пылью.
Скорѣй пойдемъ и все начнемъ приготовлять:
Ахъ, пасть намъ суждено, врагу жъ—торжествовать! (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Лесъ. Пещера Тимона, и передъ нею надгробный камень.

Входитъ СОЛДАТЪ, *ищущій Тимона.*

СОЛДАТЪ.

Должно быть, здѣсь, судя по описанью.
Эй, кто тутъ есть? Откликнись! Никого.
Отвѣта нѣтъ. А это что? Тимонъ
Окончилъ жизнь. Должно быть, эту штуку
Построилъ звѣрь: здѣсь нѣтъ живой души.
Да, умеръ онъ—и вотъ его могила:
Здѣсь надпись есть, но прочитать ее
Я не могу. Сниму-ка оттискъ воскомъ.
Начальникъ нашъ умѣетъ разбирать
Всѣ письмена. Не старъ, а знаетъ много.
Теперь ужъ, вѣрно, онъ у стѣнъ надменныхъ тѣхъ.
Чья гибель для него предметъ стремленій всѣхъ.

СЦЕНА IV.

Передъ стѣнами Аѳинъ.

Трубы. Входитъ АЛКИВІАДЪ *съ войскомъ.*

АЛКИВІАДЪ.

Трубите нашъ губительный приходъ
Республикѣ трусливой и развратной.

(*Въ Аѳинахъ трубятъ на переговоры*).

На стѣны выходятъ СЕНАТОРЫ.

АЛКИВІАДЪ.

До этихъ поръ вы время все свое
На произволъ безмѣрный посвящали
И дѣлали изъ вашей воли вы
Законъ для всѣхъ; до этихъ поръ и я,
И всѣ, кто спалъ подъ тѣнью вашей власти,
Бродили здѣсь, скрестивши руки, и
Мученія напрасно изливали
Въ стенаніяхъ. Теперь пришла пора:
Въ носильщикѣ энергія проснулась,
И онъ кричитъ: „довольно съ васъ!“ Теперь
Усталое страданіе удобно
Разсядется и станетъ отдыхать
На дорогихъ и мягкихъ креслахъ вашихъ;
Надменность же съ набитымъ кошелькомъ
Отъ ужаса и бѣгства задохнется.

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

О, молодой и благородный вождь!
Когда твой гнѣвъ еще былъ только мыслью,
Когда еще ты силы не имѣлъ,
А мы—причинъ бояться, посылали
Мы съ тѣмъ къ тебѣ, чтобъ въ бѣшенство твое
Пролить бальзамъ. Неблагодарность нашу
Старались мы вознаградить тогда
Щедрѣйшею любовью.

2-ОЙ СЕНАТОРЪ.

Точно также
Старались мы Тимона примирить
Съ Аѳинами: къ нему мы посылали
Покорнѣйшихъ просителей, ему
Богатыя давая обѣщанья.
Не всѣ изъ насъ преступники; не всѣ
Достойны быть поражены войною.

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

Не тѣхъ рукой, кто оскорбилъ тебя,
Воздвигнуты родныя наши стѣны;
Притомъ же, ихъ обида и не такъ
Значительна, чтобъ эти башни наши,
Трофеи всѣ и школы пали въ прахъ
Изъ-за вины немногихъ.

2-ОЙ СЕНАТОРЪ.

Тѣ, что были
Виновники изгнанья твоего—
Ужъ умерли; стыдъ ихъ ошибки сердце
У нихъ разбилъ. Войди же, славный вождь,
Развѣявши знамена, въ наши стѣны,
И если ужъ такъ жаждетъ месть твоя
Насытиться той пищей, что природѣ
Противна такъ—по жребію казни:
Кто вынетъ кость, намѣченную чернымъ,
Пусть тотъ умретъ.

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

Не всѣ виновны здѣсь!
За мертвыхъ мстить живымъ несправедливо!
Переходить въ наслѣдство не должны
Проступки такъ, какъ земли! Потому-то,
Соотчичъ нашъ любезнѣйшій, введи
Свои войска, но гнѣвъ пусть за стѣнами
Останется; не обрекай на смерть
Аѳинъ, тебѣ служившихъ колыбелью,
И близкихъ всѣхъ, которыхъ ты, въ пылу
Неистовства, погубишь вмѣстѣ съ тѣми,
Кто виноватъ. Какъ пастырь, подойди
Къ своимъ стадамъ: животныхъ зараженныхъ
Прочь отгони, но всѣхъ не убивай.

2-ОЙ СЕНАТОРЪ.

Что хочешь ты—добудешь все скорѣе
Улыбкою, чѣмъ вырубишь мечомъ.

1-ЫЙ СЕНАТОРЪ.

Коснись ногой воротъ замкнутыхъ нашихъ—
И всѣ они раскроются, когда

Впередъ пошлешь свое благое сердце
Сказать, что ты идешь, какъ добрый другъ.

2-ой СЕНАТОРЪ.

Брось намъ свою перчатку, иль, пожалуй,
Другую вещь въ залогъ того, что ты
Войною съ тѣмъ воспользоваться хочешь,
Чтобъ получить возмездье, но не съ тѣмъ,
Чтобъ насъ сгубить—и пусть твои солдаты
Стоятъ у насъ постоями, пока
Не выполнимъ мы всѣхъ твоихъ желаній.

АЛКИВІАДЪ.

Быть такъ—и вотъ перчатка вамъ моя.
Сойдите внизъ, откройте мнѣ ворота.
Изъ всѣхъ враговъ Тимона и моихъ
Падутъ лишь тѣ, кого для наказанья
Назначите вы сами. А чтобъ въ васъ
И не было сомнѣнья въ благородствѣ
Моей души, то ни одинъ солдатъ
Не кинетъ поста, не взмутитъ потока
Законности въ Аѳинахъ безъ того,
Чтобъ не подпасть отвѣтственности страшной
Предъ вашими законами.

ОБА СЕНАТОРА.

Слова
Прекрасныя!

АЛКИВІАДЪ.

Сойдите и сдержите,
Что сказано.

(Сенаторы сходятъ со стѣны и отворяютъ ворота).

Входитъ СОЛДАТЪ.

СОЛДАТЪ.

Мой славный вождь,—Тимонъ
Окончилъ жизнь. Онъ схороненъ у моря
На берегу. На камнѣ у него
Увидѣлъ я вотъ эту надпись; воскомъ
Оттиснулъ я ее—и этотъ воскъ
Невѣжество мое пусть переводитъ.

АЛКИВІАДЪ (*читаетъ*).

„Здѣсь покоится жалкое тѣло,
„Разлученное съ жалкой душой!
„Не старайтесь узнать мое имя.
„Пусть задавитъ всѣхъ плутовъ чумой!
„Здѣсь лежу я, Тимонъ, что при жизни
„Ненавидѣлъ живущихъ людей.
„Проклинай, сколько хочешь, прохожій,
„Только мимо иди поскорѣй!“

Да, выразилъ ты этимъ хорошо
Послѣднія свои всѣ ощущенья.
На скорбь людей съ презрѣньемъ ты смотрѣлъ,
Пренебрегалъ ты всякимъ изліяньемъ
Людскихъ мозговъ и каплями тѣхъ слезъ,
Что скупо льетъ природа человѣка.
Но научилъ тебя твой мощный умъ,
Какъ побудить громаднаго Нептуна,
Чтобъ вѣчно онъ на гробѣ у тебя
Оплакивалъ прощенные проступки.
Скончался ты, нашъ доблестный Тимонъ—
И помянуть тебя мы не забудемъ.
Ведите же меня въ вашъ городъ: я
Хочу свой мечъ соединить съ оливой.
Пускай война родитъ намъ миръ, а миръ—
Смиритъ войну: я вмѣстѣ ихъ поставлю
И врачевать другъ друга ихъ заставлю!
Бей въ барабанъ!

(Всѣ уходятъ).

П. Вейнбергъ.

Примѣчанія къ III-му тому.

Въ составленіи примѣчаній къ настоящему тому принимали участіе: **Зин. Венгерова, С. А. Венгеровъ, А. Г. Горнфельдъ и М. Н. Розановъ.**

КАКЪ ВАМЪ ЭТО ПОНРАВИТСЯ.

(As you like it).

Стр. 9. Оливеръ: *Такъ ты хочешь поднять на меня руку, негодяй!*

Орландо: *Я не негодяй.* Въ подлинникѣ villain, что значитъ и негодяй, и человѣкъ низкаго происхожденія (какъ «подлый» въ старомъ русскомъ языкѣ). Орландо имѣетъ въ виду второе значеніе.

Стр. 10. Карлъ: *Говорятъ, что онъ уже въ Арденнскомъ лѣсу.* Упоминаніе объ Арденнскомъ лѣсѣ—лѣсистомъ плоскогорьи на сѣверо-востокѣ Франціи и въ нынѣшней Бельгіи — Шекспиръ нашелъ у Лоджа (см. стр. 3—4). О веселомъ разбойникѣ *Робинѣ Гудѣ* — героѣ ряда англійскихъ балладъ, объединенныхъ въ XV в. въ одну эпопею, мы находимъ много упоминаній у современниковъ Шекспира, и у самого Шекспира.

Стр. 11. Оселокъ: *Нѣтъ, клянусь честью.* Насмѣшка надъ модной во времена Шекспира придворной манерой кстати и некстати употреблять выраженіе «клянусь честью».

Стр. 11. Целія: *Любовь моего отца достаточна для того, чтобы этого человѣка уважали.* Въ текстѣ говорится о Фридрихѣ, а это имя носитъ отецъ Целіи; однако въ изд. folio эти слова приписаны Розалиндѣ, и вѣроятнѣе, что рѣчь идетъ объ ея отцѣ.

Стр. 11. *На этихъ дняхъ тебя высѣкутъ.* Шутовъ сѣкли за дерзости; ср. «Лиръ» (д. I, сцена 4).

Стр. 12. Ле-Бо: *Какъ прикажете мнѣ отвѣчать на это?* Онъ понятно не можетъ ничего отвѣтить на столь мудреный вопросъ, какъ предложенный Целіей: какого цвѣта увеселеніе.

Стр. 12. Целія: *Фраза точно изъ камня высѣчена.* Въ подлинникѣ: that was laid on with a trowel—точно наложено лопаткой. Целія говоритъ о напыщенности, съ которой шутъ хочетъ превзойти слова Розалинды.

Стр. 12. Розалинда: *Слышать въ своихъ ребрахъ эту музыку переламыванія.* Въ подлинникѣ игра словъ, такъ какъ broken musik значитъ струнная музыка и музыка переламыванія.

Стр. 14. Розалинда: *Молю небо, чтобы я ошиблась относительно васъ,* — оцѣнивая столь низко его силу.

Стр. 15. Орландо:

А то, что здѣсь нетронутымъ осталось,
Безжизненный обрубокъ.

Въ подлинникѣ quintain — мета, призовый столбъ на скачкахъ, который дѣлали изъ дерева, оставляя его на корню и спиливая вершину. Къ нему прикрѣплялась подвижная человѣческая фигура, въ которую побѣдитель долженъ былъ попасть копьемъ.

Стр. 16. Целія: *Нѣтъ, твои слова слишкомъ драгоцѣнны для того, чтобы ихъ бросать собакамъ.* Розалинда употребляетъ пословицу «ни слова собакѣ», а Целія принимаетъ ея слова буквально.

Стр. 16. Розалинда: *Нѣтъ, кое что изъ-за дитяти моего отца.* Болѣе употребительное чтеніе (Деліусъ, и др.): «изъ-за отца моего дитяти», то есть изъ-за человѣка, котораго люблю, который будетъ отцомъ моего ребенка.

Стр. 18. Целія: *И сажею запачкаю лицо.*

Въ подлинникѣ *umber* — умбра, коричневая краска. Ср. дѣйствіе IV, сц. 1, стр. 44, гдѣ Целія говоритъ: *У него есть другая Розалинда, лучшаго сорта, чѣмъ ты.* Въ подлинникѣ of a better leer than you, то есть «съ лучшимъ цвѣтомъ лица, чѣмъ ты».

Стр. 19. Герцогъ:

Здѣсь кару лишь одну Адамову мы чувствуемъ.

Нѣкоторые предлагали читать not вмѣсто but, то есть: «здѣсь мы *не* чувствуемъ Адамовой кары».

Стр. 19. Герцогъ: *Какъ мерзостный и ядовитый змѣй, оно хранитъ неоцѣнимый камень подъ черепомъ.* Въ подлинникѣ toad — черепаха. Объ этомъ баснословномъ камнѣ въ Tenton's Secrete Wonders of Nature (1569) разсказывается: «Въ головахъ старыхъ и большихъ черепахъ находится камень, называемый Porax или Stelon; онъ имѣетъ силу противъ ядовъ и есть лучшее лѣкарство отъ каменной болѣзни».

Стр. 19. Аміенъ:

Да, я смѣнить жизнь эту на другую
Не захотѣлъ-бы.

Нѣкоторые — едва-ли основательно — переносятъ эту фразу въ заключеніе рѣчи герцога.

Стр. 20. Герцогъ:

Колючими стрѣлами настигаетъ.

Въ подлинникѣ forked heads, стрѣлы, наконечники которыхъ имѣютъ зазубрины, заостренныя въ обратную сторону, чтобы держаться въ ранѣ.

Стр. 20. 1-й вельможа:

Оленя оставили лохматые друзья.

Въ подлинникѣ velvet friends, бархатные друзья—намекъ на мягкую шерсть другихъ оленей или съ ироніей на бархатную одежду высокомѣрныхъ друзей, покинувшихъ обѣднѣвшаго пріятеля.

Стр. 20. 2-й вельможа:

И съ ними исчезъ и шутъ.

Въ подлинникѣ грубѣе: the roynish clown — паршивый шутъ.

Стр. 21. Оселокъ: *Эй, паяцъ!*

Въ подлинникѣ clown, что можетъ также означать «мужикъ». Но Розалинда принимаетъ другой смыслъ — «дуракъ, шутъ» и потому говоритъ:

Тебѣ родня онъ, что-ли?

Стр. 25. Жакъ:

Ну, дальше, слѣдующій стансъ. Вѣдь вы ихъ называете стансами?

Жакъ издѣвается надъ манерой употреблять иностранныя слова.

Стр. 25. Жакъ: Ducdame, ducdame, ducdame!

Вѣроятно — безсмысленный припѣвъ, какіе есть во всякой народной поэзіи. Однако нѣкоторые объясняли эти слова, какъ латинское duc ad me — приведи ко мнѣ, что, дѣйствительно, подходитъ къ заклинанію; нѣкоторые видѣли здѣсь duck и dame — слова изъ одной старой пѣсни.

Стр. 26. Жакъ: *Ругательства на всѣхъ перворожденныхъ Египта.* Вошедшія въ поговорку слова Ветхаго Завѣта (2 кн. Моис. XII, 29): Господь поразилъ всѣхъ первенцовъ въ землѣ Египетской. Въ поговоркѣ эти слова приняли значеніе высокородныхъ.

Стр. 26. Сцена VII. *Лѣсъ.* У Деліуса: «Другая часть лѣса». Нѣкоторые издатели дѣлаютъ мѣстомъ дѣйствія сценъ IV—VII одну и ту же часть лѣса. Это соотвѣтствуетъ театральному устройству эпохи Шекспира, но на новѣйшемъ театрѣ пятая и седьмая сцена происходятъ на одномъ мѣстѣ, шестая — на другомъ.

Стр. 26. Жакъ: *Онъ отвѣчалъ: «не называйте вы меня шутомъ, пока богатства небо мнѣ не пошлетъ».* Намекъ на пословицу fortuna favet fatuis — дуракамъ счастье.

Стр. 27. Жакъ:

Попробуйте напялить на меня
Костюмъ шута, позвольте мнѣ свободно
Все говорить..

Здѣсь мы чувствуемъ настроеніе самого Шекспира. Голосъ этотъ принадлежитъ ему. Эти слова слишкомъ велики для Жака, служащаго здѣсь лишь рупоромъ творцу (Брандесъ).

Стр. 28. Жакъ: *Міръ-театръ.*

Totus mundus agit histrionem — весь міръ комедіантъ: это изреченіе Петронія красовалось на «Глобусѣ», театрѣ Шекспира. Ср. также въ «Венеціанскомъ купцѣ» (ст. I, стр. 434): Антоніо:

Я этотъ міръ считаю... подмостками

Стр. 29. *Семь дѣйствій* (въ подлинникѣ: *дѣйствія — возрасты*, his acts being seven ages) пьесы жизни, о которой говоритъ Жакъ соотвѣтствуютъ Гиппократову дѣленію человѣческой жизни на *семь* возрастовъ — по аналогіи съ *семью* планетами.

Стр. 29. Жакъ:

Обросшій бородой, какъ леопардъ.

Растрепанная борода воина намѣренно противоположена остриженной красиво бородѣ судьи. *Въ шестомъ изъ этихъ дѣйствій является онъ тощимъ паяномъ.* Въ подлинникѣ pantaloon, итальянскій Панталоне, постоянный типъ народной комедіи,—ревнивый и безтолковый старикъ. Послѣдній стихъ этого монолога Sans teeth, sans eyes, sans taste, sans every thing — подражаніе одному мѣсту въ *Генріадѣ* французскаго поэта Гарнье, которую Шекспиръ читалъ въ подлинникѣ.

Стр. 29. Адамъ: *И хорошо вы дѣлаете.*

Къ этой сценѣ относится преданіе, по которому поэтъ самъ исполнялъ въ этой пьесѣ роль Адама въ своемъ театрѣ.

Стр. 30. Орландо:

А ты, въ тройномъ вѣнцѣ, царица тихой ночи.

Тройной вѣнецъ — тройного божества: Діаны-Прозерпины-Луны.

Стр. 30. Оселокъ: *Это совершенно натуральная философія.* Въ подлинникѣ natural philosopher, что можетъ значить и натуръ-философъ (философъ природы) и безыскусственный, первобытный философъ.

Стр. 32. Оселокъ: *А если ты никогда не видѣлъ хорошихъ манеръ, то твои манеры должны быть дурны.* Здѣсь каламбуръ: manners по англійски значитъ не только манеры, но и нравы, даже нравственность.

Стр. 32. Коринъ: *А руки придворныхъ надушены цибетомъ* — мускусомъ, не «испражненіемъ тибетской кошки», какъ говоритъ Оселокъ, но веществомъ, добываемымъ изъ нѣкоторыхъ органовъ азіатскаго животнаго — кабарги (moschus moschiferus).

Стр. 32. Оселокъ: *Эти стихи точь въ точь рысь торговки масломъ, когда она спѣшитъ на рынокъ.* Правильнѣе — «какъ торговки масломъ, когда онѣ гуськомъ спѣшатъ на рынокъ»: Оселокъ смѣется надъ однообразной риѳмой стихотворенія.—Ниже онъ сравниваетъ свои стихи съ «фальшивымъ галопомъ» — когда лошадь начинаетъ галопъ не съ надлежащей ноги.

Стихи, посвященные Розалиндѣ, и пародія Оселка построены на риѳмованіи цѣлаго ряда словъ съ именемъ Rosalind:

From the east to western Ind
No jewel is like Rosalind
Her worth, beeing mounted on the wind
Through all the world bears Rosalind
All the pictures faires t lined
Are but blackto Rosalind.
Let no face be kept in mind
But the fair of Rosalind и т. д.

По русски нѣтъ, конечно, никакой возможности передать это созвучіе.

Стр. 32. Розалинда: *Я привью къ нему сначала тебя, а потомъ кизиллъ.* Каламбуръ: medlar значитъ кизиллъ, а meddler — человѣкъ, который мѣшается не въ свое дѣло.

Стр. 33. Целія: *Весь Аталанты блескъ ума.*

Въ подлинникѣ Atalanta's better part (лучшую часть Аталанты), и комментаторы спорятъ, должно ли это означать физическія прелести или духовныя достоинства Аталанты, ея дѣвственную чистоту или ея быстроту въ бѣгѣ. Аталанта — въ греч. миѳологіи — прекрасная охотница, участница въ походѣ Аргонавтовъ или другая, предлагавшая себя въ жены лишь тому, кого она не догонитъ на состязаніи.

Стр. 33. Розалинда: *О, милосердый Юпитеръ*

Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ pulpiter — проповѣдникъ.

Стр. 33. Розалинда:

Семь дней изъ девяти было проведено мною.

Чудо по пословицѣ исполняется на девятый день по предсказаніи.

Стр. 33. Розалинда: *Меня же воспѣвали такъ сильно со временъ Пиѳагора, когда я была ирландской мышью.* Въ Ирландіи изгоняли мышей риѳмованными заговорами. Намеки на ученіе Пиѳагора о переселеніи душъ часты у Шекспира («Двѣнадцатая ночь», д. IV, сц. 2; «Шейлокъ», д. IV, сц. 1).

Стр. 34. Целія: *Добудь мнѣ прежде ротъ Гаргантуа.* Гаргантуа — баснословный великанъ знаменитаго французскаго сатирика Раблэ (1483—1553), съѣвшій нечаянно шесть паломниковъ, попавшихъ въ его миску съ салатомъ. Быть можетъ Шекспиръ зналъ о немъ не только изъ народной книжки The history of Gargantua (1594), но и изъ самого произведенія Раблэ.

Стр. 35. Жакъ: *Не были ли вы знакомы съ женами золотыхъ дѣлъ мастеровъ.* Такія изреченія вырѣзывались на кольцахъ и Жакъ съ насмѣшкой спрашиваетъ Орландо, не позанимствовалъ ли онъ ихъ съ колецъ.

Стр. 35. Орландо: *Нѣтъ, но я отвѣчаю вамъ, какъ ть фигуры на обояхъ, у которыхъ вы позаимствовали ваши вопросы.* На обояхъ часто изображались человѣческія фигуры, отъ устъ которыхъ или (въ видѣ лентъ) изреченія въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ.

Стр. 35. Жакъ: *Я полагаю, что онъ сотканъ изъ пятокъ Аталанты*—быстроногой беотійки въ греч. миѳологіи. Ср. выше прим. къ стихотворенію, которое читаетъ Целія.

Стр. 37. Жакъ: *Если бы Юпитеръ очутился подъ соломенной крышей.* Намекъ на сказаніе о томъ, какъ Юпитеръ былъ гостемъ въ хижинѣ благочестивыхъ супруговъ, старичковъ Филемона и Бавкиды.

Стр. 39. Целія: *Они немного темнье, чѣмъ у Іуды.* На англійской сценѣ этого времени Іуда и другіе предатели и измѣнники были всегда рыжіе.

Стр. 39. Целія: *Онъ купилъ пару губъ у Діаны.* Въ подлинникѣ — «пару *подержанныхъ* губъ Діаны». *Монахини принадлежащая къ братству зимы.* Это братство – созданіе фантазіи Шекспира.

Стр. 41. Фебэ:

Теперь, пастухъ умершій,
Я поняла всю силу словъ твоихъ:
«Тотъ не любилъ, кто не влюбился сразу».

Стихъ изъ популярной тогда поэмы умершаго уже Марло «Геро и Леандръ».

Стр. 41. Сильвій: *У стараго крестьянина.*

Въ подлинникѣ слово Carlot (мужикъ), которое нѣкоторые принимаютъ за собственное имя.

Стр. 43. Розалинда: *Иначе я съ трудомъ повѣрю, что вы плавали въ гондолахъ.* То есть, что вы были въ Венеціи.

Стр. 43. Розалинда: *Этотъ женихъ - улитка, приходитъ уже вооруженный своей судьбою.* То есть рогами.

Стр. 47. Целія:

Другая Розалинда, лучшаго сорта, чѣмъ ты.

Въ подлинникѣ of a better leer—съ лучшимъ цвѣтомъ лица, чѣмъ ты: намекъ на то, что Розалинда выкрасила лицо въ темный цвѣтъ (дѣйствіе I, сцена 3).

Стр. 44. Розалинда: *Иначе я бы сочла мою изобрѣтательность сильнье моего ума.*

Далѣе пропущено:

Орландо: *Если бы я запутался въ моемъ сватовствѣ?*

Розалинда: *Да, не въ вашей одеждѣ, а въ вашемъ сватовствѣ.*

Каламбуръ, такъ какъ suit значитъ и одежда, и сватовство.

Стр. 45. Розалинда: *Я буду плакать изъ-за мальйшихъ пустяковъ, какъ Діана у фонтана.*

Въ эпоху Шекспира были часты статуи у фонтана: здѣсь онъ имѣетъ въ виду изваяніе Діаны, изъ глазъ которой льется въ бассейнъ вода.

Стр. 45. Орландо:

«*Умъ, куда ты льзешь?*»

Пословица, употребительная, когда кто нибудь сказалъ глупость.

Стр. 51. Орландо: *И ты настаиваешь на желаніи обладать ею?* Одинъ изъ комментаторовъ основательно указываетъ на то, что, влагая эти вопросы въ уста Орландо, Шекспиръ какъ бы самъ отмѣчаетъ малую вѣроятность внезапной страсти Оливера къ Целіи.

Стр. 51. Оливеръ: *И васъ, прелестная сестра.* Называя мнимаго Ганимеда—Розалинду - своей сестрой, Оливеръ какъ бы принимаетъ участіе въ ея шутливомъ договорѣ съ Орландо.

Стр. 52. Розалинда: *Да, клянусь жизнью, которую очень люблю, хотя, какъ я объяснилъ вамъ, я волшебникъ.* Называя себя волшебникомъ, Розалинда въ эту эпоху жестокаго преслѣдованія колдуновъ—рискуетъ жизнью.

Стр. 52. Розалинда: *Я, я, я ни по комъ.* Въ подлинникѣ гораздо лукавѣе: and I for no woman, т. е. «А я ни по одной женщинѣ». И ниже вмѣсто *Я ни передъ кѣмъ* она въ подлинникѣ тоже говоритъ «ни передъ какой женщиной».

Стр. 53. 2-й пажъ: *Садитесь посреди.*

Намекъ на пословицу: «Hey diddle diddle, fool in the middle». (Эй, дидль, дидль, дуракъ въ середину).

Стр. 54. Оселокъ: *И тутъ, обсудивъ дѣло, мы нашли, что наша ссора остановилась предъ седьмымъ пунктомъ обиды.* Это насмѣшка надъ книгою Винченціо Савіоло о дѣлахъ чести - «Of Honor and honorable Quarrels» (1595). Мѣсто, которое Оселокъ имѣетъ въ виду здѣсь и ниже (стр. 55- 56) въ словахъ «въ *если* большая сила», гласитъ: «Условная ложь это та, которая дается условно: такъ напримѣръ если бы человѣкъ произнесъ или написалъ такія слова: если ты сказалъ, что я поносилъ Господа, ты лжешь; или если ты впредь такъ скажешь, ты солжешь» и т. п.

Стр. 56. Оселокъ: *Есть такія книги для людей съ хорошими манерами.* Такихъ руководствъ къ хорошему тону было въ это время много, напр. Родса «The Book of Nurture, or School of Good Manners, for Men, Servants, and Children» (1577).

Стр. 56. Герцогъ: *Его шутовство служитъ ему только ширмой.* Въ подлинникѣ stalking-horse: настоящая или нарисованная на холстѣ лошадь, за которой прятался охотникъ, подкрадываясь къ дичи.

Стр. 58. Розалинда: *Будь я женщина.*

Надо припомнить, что во времена Шекспира женскія роли исполнялись мужчинами.

ГАМЛЕТЪ, ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

(Hamlet, Prince of Danmark).

Стр. 79. Эльсиноръ, Датскій городъ Helsingör, къ которому Шекспиръ пріурочиваетъ мѣсто дѣйствія Гамлета, находится на островѣ Зеландіи. Здѣсь королемъ Фридрихомъ II былъ построенъ укрѣпленный замокъ Кронборгъ (1574 — 1583), въ которомъ и разыгрывается, по Шекспиру, трагедія Гамлета. Мѣстность эта сохраняетъ до сихъ поръ поразительное сходство съ шекспировскимъ сценаріемъ. Но всей вѣроятности, Шекспиръ имѣлъ объ ней точныя свѣдѣнія отъ двухъ труппъ англійскихъ актеровъ, игравшихъ въ Гельзингерѣ въ 1585 и 1586 г. Куно Фишеръ высказываетъ предположеніе, что Шекспиръ самъ посѣтилъ Гельзингеръ съ одною изъ этихъ группъ. Однако, въ спискѣ актеровъ его имени не имѣется.

Стр. 80. Франциско: *Самъ отвѣчай мнѣ—кто идетъ?* Франциско на часахъ, и потому спрашиваетъ, кто идетъ,—его право

Стр. 80. Бернардо: *Горацію съ тобой.* Горацію: *Отчасти.* Шутливый отвѣтъ, характерный для

Гораціо. Сюда онъ явился не по обязанности службы: офицеры позвали его, какъ друга Гамлета и какъ человѣка образованнаго, который съумѣетъ говорить съ духомъ; поэтому ниже (стр. 81) Марцелло говоритъ: *Гораціо, ты ученъ: поговори съ нимъ.*

Стр. 81. Гораціо: *Когда съ норвежцемъ гордымъ онъ сразился:* съ королемъ Норвегіи.

Стр. 81. Марцелло: *Гдѣ нѣтъ имъ праздника.* Спѣша съ постройкой военныхъ кораблей заставляютъ рабочихъ работать по праздникамъ.

Стр. 81. Гораціо: *На этой бренной половинѣ міра.* Въ подлинникѣ вмѣсто *бренной* половины: «эта половина извѣстнаго намъ міра», т. е. Старый свѣтъ въ противоположность новому. *Гербомъ и подписью бойцовъ скрѣпленный.* Въ подлинникѣ law and heraldry — правомъ общимъ и уставами поединка.

Стр. 82. Марцелло: *Да, слышалъ я, и вѣрится отчасти...* Опечатка. Отсюда до конца реплики рѣчь принадлежитъ не Марцелло, а Гораціо.

Стр. 83. Король: *Въ пустыхъ мечтахъ какихъ то мнимыхъ выгодъ.* Точнѣе: Сопутствуемый мечтою о благопріятности (этого момента) для требованій.

Стр. 83. Гамлетъ: *Поближе сына, но подальше друга.* Въ подлинникѣ на обращеніе короля «my cousin Hamlet, and my son» Гамлетъ отвѣчаетъ словами: «A little more than Kin, and less than Kind». Въ этомъ отвѣтѣ Шекспиръ употребляетъ игру созвучныхъ словъ Kin и Kind, не поддающуюся близкому переводу. Кромѣ того, слово Kind можетъ быть принято здѣсь и за существительное, и за прилагательное. Въ первомъ случаѣ оно означаетъ: родъ, природа, порода и т. п., а во второмъ: любезный, милый, расположенный, добрый и т. п. Затѣмъ, не ясно, къ кому относитъ Гамлетъ эти слова: къ королю или къ самому себѣ. Перваго мнѣнія придерживается Стивенсъ, Зингеръ, Колльеръ и нѣкоторые другіе комментаторы: за второе стоятъ Джонсонъ, Мэлонъ, Найтъ и Эльце. Колльеръ придаетъ такое толкованіе отвѣту Гамлета: «Мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ (т. е. король) былъ подальше отъ меня по родству и ближе по сердечности». Съ другой стороны, Мэлонъ предлагаетъ такое объясненіе: «Я довожусь тебѣ немного болѣе, чѣмъ родственникъ (ибо я твой пасынокъ), а чувство къ тебѣ считаю меньшее, чѣмъ расположеніе (ибо я ненавижу тебя за преступную женитьбу на моей матери)». Эльце объясняетъ, что слово Kin обозначаетъ родство внѣ предѣловъ семейства, т. е. свойство. Всѣ русскіе переводчики примыкаютъ къ тѣмъ комментаторамъ, которые утверждаютъ (и вполнѣ основательно), что слова Гамлета относятся къ нему самому. Придерживаясь, очевидно, Мэлона, Кетчеръ переводитъ: «не много бо́льшій, чѣмъ родня, и менѣе всего родитель». К. Р. слѣдуетъ за Джонсономъ, и переводитъ: «Поменѣе, чѣмъ сынъ, поболѣ, чѣмъ племянникъ». Соколовскій принимаетъ объясненіе Эльце и, стремясь передать игру созвучными словамъ, переводитъ: «родъ точно твой, да не твоя порода». Переводъ Кронеберга нельзя считать точнымъ.

Стр. 84. Гамлетъ: *Гиперіонъ въ сравненьи съ тѣмъ Сатиромъ.* Гиперіонъ въ греч. миѳологіи богъ солнца: часто у Шекспира въ этомъ смыслѣ.

Стр. 84. Гамлетъ. *Ничтожность, женщина, твое названье.* Въ подлинникѣ: Frailty, thy name is woman! Слово «frailty» обозначаетъ, собственно, не «ничтожность», а непрочность, слабость въ физическомъ или нравственномъ отношеніи. Къ такому значенію слова всего ближе переводъ Кетчера «Слабость твое имя, женщина!». Другіе переводчики передаютъ менѣе точно: «О, женщины! — *ничтожество* вамъ имя!» (Полевой). «Суетность — вотъ имя вамъ, женщины!» (Соколовскій). «Измѣнчивость твое названіе, женщина!» (К. Р.)

Стр. 85. Гамлетъ: *Мой добрый другъ, перемѣни названье.* То есть называй себя не слугою моимъ, а другомъ.

Стр. 87. *Судьба опять свела насъ на прощанье.* Лаэртъ уже прощался съ отцомъ.

Стр. 89. Полоній: *Съ тобою дѣлитъ онъ уединенье.* Точнѣе: «Отдаетъ тебѣ свое свободное время» (private time).

Стр. 89. Гамлетъ: *И съ нашимъ именемъ соединяютъ прозванье черное.* Въ эпоху Шекспира датчане слыли пьяницами. Ср. также «Отелло», д. II, сц. 3.

Стр. 90. *Другая часть террассы.* Трудно сказать, соотвѣтствуетъ ли эта ремарка, прибавленная позднѣйшими издателями, намѣреніямъ поэта. Судя по долгому времени, какое друзья употребляютъ на розыски принца, трудно думать, чтобы разговоръ съ тѣнью отца происходилъ на той же террассѣ. Въ текстѣ Шекспира нѣтъ ни намека на мѣсто дѣйствія, да устройство его сцены дѣлало это и ненужнымъ.

Стр. 92. Гамлетъ: *Гдѣ мой бумажникъ?*

Въ оригиналѣ My tables — дощечки для размѣтки, употребительныя въ эпоху Шекспира для записыванія цитатъ, событій и т. п. Въ изданіи фоліо Гамлетъ повторяетъ эти слова два раза, нарушая стихъ, что хорошо оттѣняетъ его страшное состояніе.

Стр. 92. Марцелло: *Эй, гдѣ вы, принцъ.*

Въ подлинникѣ: «Ho, ho, ho»: обычный окликъ соколиныхъ охотниковъ: тѣмъ же окликомъ отвѣчаетъ Гамлетъ, прибавляя «сюда, моя птица» (въ переводѣ *мой соколъ*).

Стр. 93. Гамлетъ:

А! ты здѣсь, товарищъ вѣрный?

Въ подлинникѣ true-penny: на языкѣ рудокоповъ знакъ рудной жилы. Позже молодецъ, пріятель.

Hic et ubique — здѣсь и вездѣ.

Эти латинскія слова обращены *въ видѣ вопроса* къ духу: поэтому вмѣсто двоеточія послѣ нихъ долженъ быть знакъ вопросительный.

Стр. 93. Гамлетъ:

Пала связь временъ
Зачѣмъ же я связать ее рожденъ?

Въ подлинникѣ: «Время вышло изъ колеи. О, проклятье судьбы, родившей меня на то, чтобы поставить его на надлежащую дорогу».

Стр. 95. Полоній:

Тогда поссорился за карточнымъ столомъ.

Въ подлинникѣ: at tennis — при игрѣ въ шары.

Стр. 95. *Самъ наблюдай его поступки.*

Въ подлинникѣ: «Observe his inclination in yourself» — наблюдай его склонности, судя по себѣ.

Стр. 95. *Да музыку чтобъ онъ не покидалъ.*

Это дословно: но выраженіе let him play his music можетъ означать и: пусть дѣлаетъ что угодно.

Стр. 96. Королева:

Намъ времени немного посвятить.

За этими словами слѣдуетъ For the supply

and profit of our hope – для поддержки и пользы того, что мы ждемъ (отъ Гамлета).

Стр. 98. Полоній:

Въ моихъ словахъ нисколько нѣтъ искусства.

Королева говоритъ объ искусственности высокопарной рѣчи Полонія, а онъ говоритъ о правдивости своихъ словъ:

Стр. 98. *Сего эффекта – правильный: дефекта.*

Шекспиръ любитъ это сопоставленіе («Сонъ въ лѣтнюю ночь», д. I, сц. I. Венеціанскій купецъ, д. I, сц. 2).

Стр. 98. *Прелестнѣйшей Офеліи.*

Въ подлинникѣ beautified, собственно украшенной, но въ изысканномъ модномъ стилѣ, характеризующемъ письмо Гамлета, прекрасной: поэтому Полоній называетъ выраженіе дурнымъ.

Стр. 98. *Ея малой снѣжной груди.*

Это продолженіе адреса: къ груди письмо обращено потому, что дамы въ эпоху Шекспира носили на груди сумочку для писемъ. Ср. въ «Двухъ веронцахъ» (д. III, сц. I): «Пускай онѣ на грудь тебѣ надутъ».

Стр. 98. *А онъ отверженный* и т. д.

Полоній намѣчаетъ слѣдующія стадіи душевнаго разстройства Гамлета: 1) тоска, 2) отсутствіе аппетита, 3) безсонница, 4) общая слабость, физическая и умственная, 5) разсѣянность, 6) безуміе.

Стр. 99. Полоній:

Хоть будь она сокрыта въ самомъ центрѣ.

Въ центрѣ земли, какъ часто у Шекспира.

Стр. 98. *Вы знаете онъ въ этой галлереѣ.*

Въ подлинникѣ lobby коридоръ или переходъ, увѣшенный коврами, нѣсколько отстоящими отъ стѣны, такъ что за ними можно спрятаться.

Стр. 99. *Часа четыре*: вмѣсто нѣсколько: часто въ языкѣ этого времени.

Стр. 99. Гамлетъ:

Совершенно. Ты – рыбакъ.

Гамлетъ часто употребляетъ слова въ смыслѣ непонятномъ его собесѣднику, но понятномъ для зрителей шекспировскаго театра. Есть основаніе полагать, что fishmonger значило на ихъ языкѣ не только рыбакъ, но и распутникъ.

Стр. 99. *Этотъ мерзавецъ сатирикъ унизилъ.*

Быть можетъ, Ювеналъ, въ десятой сатирѣ котораго находимъ сходное изображеніе старости.

Стр. 100. Гамлетъ:

Ваша скромность не довольно хитро ею скрываетъ.

Ваша скромность это шутливое обращеніе вродѣ «ваша свѣтлость». Modesty здѣсь не столько скромность, сколько правдивость, невинность.

Стр. 101. Гамлетъ:

Весельчакъ спокойно оттянетъ рѣчь свою.

Humourous man – комикъ, исполнитель ролей съ серьезнымъ юморомъ («Какъ въ Какъ вамъ это понравится». Меркуціо въ «Ромео и Юліи») въ противоположность дураку, буффу (clown) съ его нелѣпымъ комизмомъ, который не только «разсмѣшитъ смѣшливыхъ», какъ въ переводѣ, но и больныхъ легкими, какъ въ подлинникѣ.

Дальнѣйшій діалогъ Гамлета съ Розенкранцомъ представляетъ рядъ намековъ на театральныя дѣла эпохи созданія трагедіи. *Гнѣздо актеровъ*, о которомъ здѣсь говорится, это такъ называемыя дѣти капеллы (Children of the chapel) – дворцовый хоръ изъ мальчиковъ и юношей, получившій разрѣшеніе выступать на общественныхъ театрахъ и вошедшій въ моду. Эти дѣтскіе театры нашли поддержку якобы утонченной критики и драматурговъ—*гусиныхъ перьевъ* въ репликѣ Розенкранца—и размножились, такъ что ко времени Шекспира актерами были еще the Children of St. Paul's, of Westminster, of Windsor и of the Revels. Ихъ пьесы были полны намековъ на другіе театры и произведенія—и это нравилось публикѣ; поэтому Розенкранцъ и говоритъ, что *нѣсколько времени нельзя было выручить ни копѣйки за пьесу, если авторъ и актеры не бранились въ ней съ своими противниками.* На вопросъ Гамлета: *И дѣти побѣдили?* Розенкранцъ отвѣчаетъ: *И самого Геркулеса;* это намекъ на театръ «Глобусъ», на фронтонѣ котораго былъ изображенъ Геркулесъ, несущій земной шаръ.

Стр. 101. Гамлетъ:

Если же вытеръ съ носа, я еще могу отличить сокола отъ цапли.

Шутка: не нужно большого разсудка, чтобы отличить сокола отъ цапли.

И каждый ѣхалъ на ослѣ.

Вѣроятно, отрывокъ изъ пѣсни.

Стр. 101. Полоній: *Для неразрывнаго дѣйствія и безграничныхъ полемъ.* То есть для пьесъ, подчиненныхъ закону единства дѣйствія, и для не ограниченныхъ этимъ закономъ.

Стр. 101. Гамлетъ:

О, Іевфай, судья Израиля и т. д.

Это—рядъ стиховъ изъ баллады «Пѣснь дочери Іевфая». Ниже онъ называетъ ее не *святочной*, какъ въ переводѣ, но благочестивой (pious) пѣснью.

Стр. 102. Гамлетъ: *А, красавица моя.*

Это обращено не къ женщинѣ—ихъ нѣтъ въ трупѣ – но къ исполнителю женскихъ ролей.

Стр. 102. *Это былъ апельсинъ для извѣстнаго рода животныхъ.* Въ подлинникѣ: Это была икра для тощихъ. (Икра—icary, caveary – сдѣлалась извѣстной въ Англіи около этого времени, судя по книгѣ Флетчера о Россіи 1591 г.). Комментаторы полагаютъ, что въ этомъ монологѣ намеки на пьесу Шекспира, не понравившуюся публикѣ, но одобренную знатоками.

Стр. 102. *Суровый Пирръ, какъ африканскій левъ.* Въ подлинникѣ гирканскій звѣрь. Въ соотвѣтственномъ мѣстѣ «Энеиды» (и въ «Макбетѣ», д. III, сц. 4) «гирканскій тигръ».

Стр. 102. *Когда лежалъ онъ въ чревѣ бѣдой грозившаго коня.*

Пирръ былъ среди грековъ, вошедшихъ въ осажденную Трою въ чревѣ деревяннаго коня.

Стр. 103. Гамлетъ:

Царицу въ скорбномъ одѣяньи?

Принцъ произноситъ эти слова съ недоумѣніемъ, такъ какъ выраженіе the mobled queen необычно и безвкусно. Поэтому оно находитъ одобреніе Полонія.

Стр. 104. Гильденштернъ:

Но въ обращеньи былъ онъ очень связанъ.

Это ограничиваетъ предыдущую реплику Розенкранца. Принцъ принялъ ихъ вполнѣ какъ джентельменъ, но это стоило ему большого усилія надъ собой.

Стр. 105. Полоній:

Этимъ ты прикроешь уединеніе.

Чтеніе удалитъ отъ Гамлета подозрѣніе, будто Офелія ждетъ его.

Стр. 105. *Святымъ лицомъ и маскою смиренной*
И чорта проведемъ.

Точнѣе: подсахаримъ чорта, сдѣлаемъ *его* привлекательнѣе. Это толкованіе объясняетъ реплику короля.

Стр. 105.

Такъ всѣхъ насъ совѣсть обращаетъ въ трусовъ,
Такъ блекнетъ въ насъ румянецъ сильной воли.
Когда начнемъ мы размышлять, слабѣетъ
Живой полетъ отважныхъ пропріятій
И робкій путь склоняетъ прочь отъ цѣли.

На эти стихи обыкновенно ссылаются всѣ критики, которые, подобно Шлегелю, причину нерѣшительности Гамлета видятъ въ его рефлексіи. Но такой переводъ, можетъ быть, не вполнѣ соотвѣтствуетъ англійскому тексту. Все дѣло въ томъ, какъ понять слово «Conscience», которое означаетъ и совѣсть и сознаніе. Всѣ нѣмецкіе и русскіе переводчики переводятъ совѣсть (по нѣм. Gewissen). Но не слѣдуетъ забывать, что у Шекспира этими словами Гамлетъ заключаетъ свои размышленія о смерти и говоритъ рѣчь исключительно о томъ вліяніи, которое страхъ чего-то послѣ смерти производитъ на людей. Вотъ почему можно признать болѣе близкимъ къ мысли автора переводъ Соколовскаго:

Всѣхъ трусами насъ сдѣлать этотъ страхъ!
Рѣшимости готовый цвѣтъ блѣднѣетъ
Подъ тѣнью размышленья! Наши всѣ
Сердечнѣйшіе замыслы, встрѣчаясь
Съ ужасной этой мыслью, отступаютъ,
Теряя имя дѣлъ.»

Офелія, о нимфа, помяни
Мои грѣхи въ твоей святой молитвѣ.

Гамлетъ принимаетъ книжку Офеліи за молитвенникъ.

Стр. 106. Гамлетъ *Я любилъ когда то.* Пропущено: *васъ.*

Стр. 107. Гамлетъ: *Пожалуйста, произноси эту рѣчь* и т. д. Въ первой половинѣ этого обращенія принцъ говоритъ о монологѣ, который онъ сочинилъ и вставилъ въ драму объ убійствѣ Гонзаго. Дальнѣйшія разсужденія опять отражаютъ театральную жизнь эпохи Шекспира. *Молодежь разрываетъ страсть въ клочки*: passion значитъ здѣсь не страсть, а страстная сцена. *Въ ушахъ райка*—собственно партера groundlings: но это было самое дешевое мѣсто, по составу публики, подобное нашему раешку. *Не слышитъ ничего кромѣ невыразимой вьюги пантомимы.* Такія пантомимы въ дошекспировскомъ театрѣ (у Шекспира въ Периклѣ) вставлялись между дѣйствіями пьесы для ея объясненія, хотя подчасъ и сами не могли похвалиться ясностью, поэтому Шекспиръ и называетъ ихъ «невыразимыми». *Выспренняго крика и натяжку*: въ подлинникѣ: за то, что онъ превосходитъ Термаганта и перепродиваетъ Ирода (out-herods Herod). Термагантъ—въ старо-англійскихъ романсахъ—свирѣпое сарацинское божество; Иродъ царь іудейскій постоянный типъ злодѣя въ англійскомъ мистеріи. *Цѣль театра была, есть и будетъ* и т. д. Это важное мѣсто передано не вполнѣ точно. Дословно: цѣль театра всегда была, есть и будетъ: держать зеркало предъ природою, въ особенности же показывать, какъ добродѣтели (virtue) такъ и сатирѣ ихъ собственныя черты, а вѣку и совокупности времени (body of the time) ихъ образъ и отпечатокъ (his form and pressure). Послѣднія слова извѣстны у насъ по неправильной цитатѣ Тургенева (the body and pressure of time) въ предисловіи къ собранію его романовъ 1880 г. *Ни на христіанъ, ни на женовъ.* Въ подлинникѣ: ни на христіанъ, ни на язычниковъ.

Стр. 108. Гамлетъ: *Да и шуты пусть не говорятъ того, чего не написано въ роли.* Протестъ противъ импровизаціи шутовъ—обычая старой англійской сцены, не согласовавшагося съ новой драматургіей. *Черные брови сулкановой.* Въ подлинникѣ: наковальни. *Я долженъ праздными быть*: я не долженъ казаться дѣятельнымъ; Гамлетъ снова одѣваетъ маску безумія.

Стр. 108. Гамлетъ: *Вы играли когда-то въ университетѣ, говорили вы?* Въ англійскихъ университетахъ долго сохранялся обычай давать драматическія представленія. Въ 1582 г. представлена была въ Оксфордѣ пьеса «Смерть Юлія Цезаря».

Стр. 108. *Датскій маршъ* и т. д. Въ началѣ фоліо король окруженъ тѣлохранителями, несущими факелы. Эти факелы освѣщаютъ затѣмъ «театръ на театрѣ», расположенный въ глубинѣ сцены.

Стр. 108. Въ діалогѣ Гамлета съ королемъ и Полоніемъ, а равно далѣе съ Офеліей—рядъ непереводимыхъ (подчасъ крайне непристойныхъ) каламбуровъ. Въ томъ, что онъ садится у ногъ Офеліи не было—для Шекспира и его зрителей—ничего исключительнаго: сидѣть у ногъ дамы во время представленія было признакомъ хорошаго тона.

Стр. 110. *Начинается пантомима.* Отказавшись отъ обычая предпосылать драмамъ объяснительную пантомиму, Шекспиръ здѣсь ввелъ ее для того, чтобы оттѣнить старый стиль пьесы: этотъ устарѣлый стиль, рѣзко разнящійся отъ стиля самого Шекспира, ясно замѣтенъ также въ языкѣ и стихѣ пьесы. *Отравитель возвращается съ двумя или тремя немыми.* Точнѣе: съ статистами.

Ст. 110. Гамлетъ: *Что-жъ это: прологъ или надпись кольца?* Прологъ краткій, какъ маленькое риѳмованное изреченіе, какія принято было вырѣзывать на кольцахъ.

Стр. 112. Гамлетъ: *Гонзаго имя герцога.* Въ итальянской новеллѣ, изъ которой переработана драма, дѣло дѣйствительно идетъ о герцогѣ Гонзаго. Гамлетъ передѣлалъ его въ короля, чтобы сдѣлать ближе къ дядѣ.

Стр. 112. Офелія: *Вы берете на себя обязанность хора, принца.* Хоръ въ шекспировскомъ театрѣ—лицо, сообщающее въ началѣ или въ антрактѣ о событіяхъ, не вошедшихъ въ дѣйствіе.

Стр. 112. Гамлетъ: *Да, вамъ пришлось бы постонать, пока притупится моя острота.* Гамлетъ дѣлаетъ изъ ясныхъ словъ Офеліи непристойную двусмысленность.

Стр. 112. Гораціо: *Вы могли бы поставить риѳму.* Риѳмой къ *престолъ* былъ бы, конечно, не *попугай*, а *оселъ*.

Стр. 113. Гамлетъ: *Клянусь этой парой воровскихъ крючковъ.* Характерно, что Гамлетъ клянется въ своемъ расположеніи къ Розенкранцу не чѣмъ либо святымъ и возвышеннымъ, а воровскими крючками—т. е. руками. *Опять-же «покуда трава подрастетъ»...* Конецъ этой пословицы: «...*глупая лошадь изголодаетъ*».

Стр. 115. Король:

Будь кровью брата
Насквозь проникнута моя рука,

Точнѣе: «если бы кровь покрыла мою руку корою, болѣе толстой, чѣмъ сама рука».

Душа въ борьбѣ за свѣтлую свободу
Еще тѣсной закована въ цѣпяхъ.

Король сравниваетъ свою душу съ птичкой, которая, приставъ къ клейкой ловушкѣ, чѣмъ больше бьется, тѣмъ больше вязнетъ въ клеѣ.

Стр. 116. Полоній: *Прошу васъ, не щадите.* Послѣ этихъ словъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ изъ-за сцены слышенъ голосъ Гамлета: *Мать, мать, мать!*

Стр. 117. Гамлетъ: *Взгляни сюда: вотъ два изображенья.* Судя по рисунку на заглавномъ листѣ перваго изданія Гамлета, принадлежащаго Rowe (1709), портреты обоихъ братьевъ-королей висятъ на стѣнѣ въ комнатѣ, гдѣ происходитъ эта сцена: это указываетъ, какъ неосновательно мнѣніе, будто Гамлетъ видитъ предъ собою въ этотъ моментъ два призрака. *Кудри Аполлона.* Въ текстѣ: *Гиперіона*, что впрочемъ не составляетъ разницы.

Онъ, какъ сожженный колосъ,
Похитилъ жизнь у брата своего.

Сожженный не огнемъ, а болѣзнью, которая заразительна для сосѣднихъ колосьевъ. *Король изъ трянокъ и лоскутьевъ.* Таковъ былъ костюмъ балаганнаго шута, съ которымъ Гамлетъ только что сравнивалъ короля.

Стр. 118. Гамлетъ: *О, не глядя.* Начиная съ этихъ словъ, реплика принца обращена не къ матери, а къ тѣни.

Стр. 119. Гамлетъ:

Я былъ жестокъ, но это отъ любви.
Зло сдѣлано, но худшее насъ ждетъ.

По указанію Деліуса, эти слова принцъ произноситъ въ сторону. *Открой силокъ... какъ обезьяна въ баснѣ.* Басня, на которую намекаетъ Гамлетъ, заключается въ томъ, что обезьяна, открывъ изъ любопытства западню, стоявшую на крышѣ, выпустила изъ нея птицъ, а сама влѣзла въ середину и полетѣла съ крыши.

Стр. 121. Король: *И ранитъ лишь неразительный воздухъ.* Въ подлинникѣ: неуязвимый.

Стр. 122. Гамлетъ: *Или ничто. Пойдемъ къ нему.* Въ подлинникѣ Гамлетъ прибавляетъ: Спрячься, лиса, а за нею всѣ — возгласъ изъ игры въ прятки. *Пошлите справиться; если же вашъ посланный не найдетъ его тамъ* — то есть на небесахъ, куда короля не пустятъ. — *ищите его сами въ другомъ мѣстѣ:* то есть въ аду. *Я вижу херувима, который видитъ насъ:* тѣнь отца.

Стр. 122. Гамлетъ: *Только не онъ кушаетъ, а его кушаютъ* и т. д. Эти слова Гамлета сближаютъ съ подобными же выраженіями Монтэня въ его «Опытахъ». Такъ Монтэнь говоритъ: Сердце и жизнь великаго и побѣдоноснаго императора, это завтракъ для маленькаго червячка. Вліяніе Монтэня сказывается и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ «Гамлета».

Стр. 124. Гамлетъ: *Великъ тотъ истинно, кто* и т. д. Въ подлинникѣ: «великъ *не* тотъ, кто»...

Стр. 125. *Горацію возвращается съ Офеліей.* Въ первомъ изданіи (quarto 1603 г.) прибавлено: «Офелія съ распущенными волосами поетъ, играя на лютнѣ».

Стр. 125. Офелія: *Говорятъ, сова была дочь хлѣбника.* По старинной легендѣ дочь одного хлѣбника была превращена въ сову за то, что изъ-за скупости отказала въ должномъ гостепріимствѣ Спасителю.

Стр. 125. Офелія:

Занялась уже денница,
Валентинова день насталъ и т. д.

Съ очень отдаленныхъ временъ день св. Валентина, 14-ое февраля, считается въ Англіи праздникомъ влюбленныхъ, когда имъ предоставляется большая свобода, чѣмъ въ обыкновенные дни. Наканунѣ этого дня молодые люди выбирали себѣ «дамъ сердца», бросая въ урну билетики съ именами знакомыхъ дѣвушекъ. На цѣлый годъ каждый такой «Валентинъ» становился кавалеромъ выпавшей на его долю «Валентины», причемъ его отношенія къ ней напоминали отношенія средневѣковаго рыцаря къ дамѣ. До сихъ поръ Валентиновъ день считается въ Англіи преимущественнымъ днемъ для любовныхъ признаній.

Стр. 125. Офелія:

Гдѣ же милый твой, дѣвица?
Онъ пошелъ къ святымъ мѣстамъ и т. д.

Въ подлинникѣ: «Какъ могли отличать отъ другихъ вѣрнаго возлюбленнаго? По шляпѣ съ раковиной, посоху и сандаліямъ». Любимый человѣкъ представляется Офеліи въ одеждѣ пилигрима, такъ какъ во времена Шекспира влюбленные нерѣдко являлись на свиданіе въ костюмѣ паломника по святымъ мѣстамъ. Перламутровая раковина нашивалась на шляпу.

Стр. 127. Лаэртъ. *Оба міра зову на бой:* здѣшній и иной. *Какъ пеликанъ, я ихъ своею кровью готовъ питать.* По старому повѣрью, пеликанъ кормитъ дѣтенышей своею кровью.

Стр. 127. *Входитъ Офелія, странно убранная травами и цвѣтами.* Въ первыхъ изданіяхъ этого указанія нѣтъ: очевидно, Офелія раздаетъ присутствующимъ воображаемые цвѣты.

Стр. 128. Лаэртъ:

Неужли умъ дѣвицы молодой
Не крѣпче жизни старика съдого?

Жизни Полонія, увлекшей при своей гибели также разумъ Офеліи.

Стр. 128. Офелія: *Вѣдь это управитель соблазнилъ дочь господина?* Намекъ на одну балладу.

Стр. 128. Лаэртъ: *Отсутствіе меча съ гербомъ на гробѣ:* почесть, на которую имѣлъ право Полоній.

Стр. 133. 1-й могильщикъ. *Вѣрно, это случилось se offendendo.* Въ практикѣ англійскихъ судовъ употребляется терминъ «se defendendo» (защищая себя) въ примѣненіи къ такому преступленію, которое было совершено въ цѣляхъ самозащиты. Могильщикъ искажаетъ этотъ терминъ, передѣлывая его въ se offendendo.

Стр. 135. *Вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ я здѣсь могильщикомъ.* Сопоставляя эти слова съ предыдущимъ заявленіемъ могильщика, что онъ поступилъ въ эту должность въ тотъ самый день, когда родился Гамлетъ, приходимъ къ заключенію, что Гамлетъ выведенъ Шекспиромъ въ возрастѣ 30 лѣтъ. Съ этимъ согласуется и послѣдующее замѣчаніе, что черезъ Іорика, котораго зналъ Гамлетъ въ дѣтствѣ, пролежалъ въ землѣ 23 года. О возрастѣ Гамлета писано очень много. Нѣкоторые представляютъ его себѣ юношей не старше 20 лѣтъ, но это прямо противорѣчитъ тексту трагедіи. Въ первой редакціи (1603 г.) Гамлетъ, дѣйствительно, былъ выведенъ еще очень молодымъ, но во второй редакціи (1604 г.) самъ Шекспиръ умышленно сдѣлалъ его старше (см. вступительную статью къ пьесѣ).

Стр. 137. Гамлетъ: *Постить? терзать себя? пить острый ядъ?* Послѣднему выраженію соотвѣтствуетъ въ подлинникѣ стихъ: Wou't drink

up Esill? eat a crocodile? Слово Esill вызываетъ разнообразныя толкованія: долго принимали его за eyessel въ старо-англійск. уксусъ, но этотъ образъ мало соотвѣтствуетъ гигантскимъ гиперболамъ, его окружающимъ; принимаютъ его за Nile Нилъ, что подходило бы къ слѣдующему «ѣсть крокодиловъ»; читаютъ также vessel сосудъ; Esill считаютъ названіемъ рѣки, быть можетъ Yssel.

Стр. 137. Королева: *Какъ голубица, родивъ на свѣтъ дѣтей золотоперыхъ.* Птенчики, вышедшіе только что изъ яица, покрыты золотистымъ пушкомъ.

Стр. 138. Гамлетъ:

Пусть силу грозную являетъ намъ Алкидъ,
А котъ мяукаетъ и песъ себѣ ворчитъ.

Это значитъ: какъ ни велика сила Геркулеса, ему не измѣнить естественнаго хода вещей даже въ такихъ ничтожныхъ мелочахъ, какъ мяуканье кота и ворчаніе собаки.

Стр. 138. Гамлетъ:

Когда то я, какъ знатные вельможи,
Считалъ стыдомъ имѣть хорошій почеркъ.

Намеки на эту модную аффектацію, съ которой государственные люди этой эпохи считали несовмѣстимымъ съ своимъ достоинствомъ имѣть хорошій почеркъ, встрѣчаются нерѣдко въ произведеніяхъ шекспировской эпохи.

Стр. 139. Гамлетъ:

Кто ловко втерся
Между избраннымъ и моей надеждой.

Гамлетъ надѣется, что послѣ смерти отца на престолъ будетъ избранъ онъ. *Въ жребіи его я вижу мой.* Лаэрту такъ же суждено мстить за отца, какъ и Гамлету.

Стр. 139. Озрикъ: *Я знаю, вы несвѣдуши.* Пропущено *не.*

Стр. 140. Гораціо: *Улетѣла птичка съ скорлупой яичка.* Эта пословица примѣнялась къ самонадѣяннымъ молокососамъ: съ скорлупой улетаютъ едва вылупившіеся птенцы пиголицы.

Стр. 142. Королева: *Онъ потенъ и усталъ.* Въ подлинникѣ сказано: He's fat and scant of breath, т. е. онъ толстъ и подверженъ одышкѣ.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

(*Julius Ceasar*).

Отдѣльнаго изданія эта трагедія при жизни Шекспира не имѣла и вошла лишь въ полное собраніе всѣхъ драмъ (folio 1623 г.), гдѣ она раздѣлена лишь на дѣйствія. Время ея созданія въ точности неизвѣстно, но опредѣляется изъ сопоставленія нѣкоторыхъ данныхъ. Въ стихотвореніи Уивера «Зеркало мучениковъ», напечатанномъ въ 1601 году, между прочимъ говорится: «Многоголовая толпа была увлечена рѣчью Брута о томъ, что Цезарь былъ честолюбивъ, но когда краснорѣчивый Маркъ Антоній выставилъ на видъ его добродѣтели, кто же тогда былъ порочень, какъ не Брутъ». Есть не мало англійскихъ драмъ о Юліѣ Цезарѣ до Шекспировской, но ни къ одной не подходятъ слова стихотворенія. Въ поэмѣ Драйтона, переизданной въ 1603 г. подъ заглавіемъ «Война бароновъ», къ герою ея Мортимеру авторъ примѣняетъ характеристику Брута, данную Антоніемъ въ концѣ пьесы (стр. 210) съ знаменитымъ изреченіемъ «это былъ человѣкъ». Съ другой стороны, едва ли пьеса, столь близкая по настроенію къ «Гамлету», была написана до него, въ годы, заполненные другой работой.

Списокъ дѣйствующихъ лицъ появился лишь въ изданіи Rowe 1709 г. Едва-ли было основаніе прибавлять къ ихъ именамъ обозначенія (вродѣ «тріумвиры» и «заговорщики»), которыя они пріобрѣтаютъ въ теченіе пьесы. Почти всѣ они взяты у Плутарха, изъ котораго поэтъ въ этой пьесѣ заимствовалъ не только общую фабулу, но и почти всѣ подробности. Ни въ одной изъ своихъ пьесъ Шекспиръ не слѣдовалъ въ такой степени за источникомъ, какъ въ «Юліѣ Цезарѣ». Въ дальнѣйшихъ примѣчаніяхъ мы, поэтому, приводимъ изъ Плутарха только то, что дополняетъ Шекспира.

Стр. 160. Флавій: *Срывая украшенья и трофеи.* Въ подлинникѣ images — выставленныя въ публичныхъ мѣстахъ изваянія Цезаря, въ честь этого дня украшенныя вѣнками и гирляндами, которые и предлагаетъ срывать Флавій. Плутархъ разсказываетъ объ этомъ: «Въ это время замѣтили нѣсколько статуй Цезаря съ царскими діадемами на головахъ. Два народные трибуна, Флавій и Маруллъ, пришли и сорвали ихъ, затѣмъ пошли къ тѣмъ, кто первыми привѣтствовали Цезаря царемъ, и потащили ихъ въ тюрьму».

Стр. 160. Маруллъ:

Сегодня... праздникъ Луперкалій.

Луперкаліи — празднество въ честь оплодотворяющаго божества, фавна Луперка, ежегодно справлявшееся въ Римѣ 15 февраля съ чрезвычайнымъ неистовствомъ. Шекспиръ читалъ у Плутарха, что въ этотъ день знатные молодые люди бѣгали нагишомъ по городу, стегая ремнемъ всѣхъ встрѣчныхъ. Безплодныя и беременныя женщины становились на ихъ пути, ибо ихъ ударъ давалъ плодовитость и легкіе роды. Цезарь, возсѣдая на золотомъ креслѣ, смотрѣлъ на этотъ священный бѣгъ, въ которомъ принималъ участіе Антоній, бывшій въ тотъ годъ консуломъ.

Стр. 161. Предсказатель:

Тебѣ грозятъ бѣдою иды марта: 15 марта.

Стр. 163. Кассій: *Онъ, какъ колоссъ... а мы, созданья жалкія, снуемъ межъ ногъ его.* Кассій имѣетъ въ виду громадную статую Феба, стоявшую на двухъ берегахъ входа въ Родосскій портъ, такъ что корабли проходили между его ногъ. Ср. также «Троилъ и Крессида» (д. V, сц. 5) и «Генрихъ IV», I ч. (д. V, сц. 1). *Могилъ безславныхъ ищемъ:* въ сознаніи своего ничтожества, ищемъ мѣсто, гдѣ могли бы найти вѣчный покой безъ всякой славы.

Стр. 163. Цезарь:

Вокругъ себя желаю я имѣть
Людей лишь тучныхъ, съ гладкою прической.

Плутархъ: «Когда друзья Цезаря предостерегали его отъ Антонія и Долабеллы, онъ отвѣчалъ, что не боится этихъ полныхъ людей съ приглаженными волосами; но его страшатъ люди блѣдные и худые, чѣмъ онъ намекалъ на Брута и Кассія.

Стр. 163. Каска: *Мои честные сосѣди.*

Ироническое названіе римскихъ обывателей, употребляемое также Менеціемъ въ «Коріоланѣ» (д. I, сц. 1). Разсказъ Каски о поднесеніи короны построенъ по Плутарху, гдѣ однако нѣтъ комическихъ подробностей, прибавленныхъ ядовитымъ патриціемъ.

Стр. 167. Кассій: *Тѣхъ странныхъ прорицаній,*
Что дѣлаютъ безумцы, старики
И даже дѣти.

Кассій видитъ признакъ ненормальнаго хода вещей въ томъ, что размышленіямъ предаются даже тѣ, кто обыкновенно этимъ не занимается. Если въ подлинникѣ устранить запятыя (Why old men fools and children calculate), то его можно понять: «когда старики впадаютъ въ безуміе, а дѣти начинаютъ размышлять». Нѣкоторые принимаютъ это толкованіе.

На положеніе ужасное страны. Такъ понималъ monstrous state подлинника и Шлегель. Вѣрнѣе state означаетъ не страну или государства, а просто, какъ часто у Шекспира, состояніе, положеніе.

Но я вооруженъ.

Намекъ или на внутреннюю силу Кассія, или на оружіе, которымъ онъ не задумается лишить себя жизни.

Стр. 170. Брутъ: *Не завтра ли настанутъ иды марта?* Въ первомъ изданіи было *первое марта*; издатели затѣмъ произвольно измѣнили это на пятнадцатое (иды). Деліусъ полагаетъ, что если бы Брутъ не ошибался, то онъ и не спросилъ бы мальчика.

Стр. 170. Луцій: *Четырнадцать окей марта ужъ прошло.* Также исправлено позднѣйшими издателями. Въ подлинникѣ пятнадцать, что, конечно, не подходитъ.

Стр. 170. Брутъ:

Въ то время духъ и смертныя орудья
Между собою держатъ совѣщанье.

Физіологія эпохи Шекспира предполагала во главѣ организма нѣкоторое нематеріальное существо (въ подлинникѣ genius), которому подчинены органы, тѣлесные и духовные: съ ними оно и совѣщается, чтобы вооружать ихъ своею волею или удержать ихъ отъ вреда.

Стр. 170. Юній:

Тебя желаетъ видѣть братъ твой Кассій.

Кассій былъ женатъ на Юніи, сестрѣ Брута.

Стр. 172. Брутъ:... *Пусть сердце наше*

Послѣдуетъ примѣру господина
Что съ хитростью къ убійству простирается
Служителей своихъ, затѣмъ для вида
На нихъ же негодуетъ.

Какъ нерѣдко у Шекспира, здѣсь образъ изъ сравненія переносится въ то, что надо пояснить. Господинъ негодуетъ для вида, сердце-же двойственно и, ставъ подстрекателемъ, будетъ послѣ злодѣянія, негодовать въ самомъ дѣлѣ.

Стр. 173. Децій: *Носорога обманываютъ деревомъ... слона посредствомъ ямы, зеркаломъ медвѣдя.* По разсказамъ тогдашнихъ путешественниковъ, охотники, доведя носорога до бѣшенства, прятался за деревомъ: разъяренный звѣрь съ размаху такъ сильно втыкалъ свой рогъ въ стволъ, что не могъ вырваться и попадалъ въ руки охотника. Слоновъ ловили въ прикрытую травою яму, медвѣдей заманивали въ ловушку зеркаломъ.

Стр. 173. Брутъ:

Къ восьми часамъ
Собраться мы должны.

Не въ Капитоліѣ, а у Цезаря.

Стр. 174. Порція:

Ты голову свою руками стиснулъ.

Въ подлинникѣ: почесалъ голову.

Въ предчувствіяхъ ли расположенья Брута
Вличаться я должна?

Обитатели предмѣстья (ближе къ подлиннику: пригорода) были менѣе полноправны, чѣмъ граждане города.

Стр. 178. Цезарь:

Пусть слуги приготовятъ все, что надо.

Цезарь былъ въ домашнемъ костюмѣ и собирается переодѣться къ выходу.

Стр. 179. *Входитъ предсказатель.*

Нѣкоторые издатели рѣшили, что слова, вложенныя въ этой сценѣ въ уста предсказателю, болѣе подходили бы къ Артемидору, знакомому съ заговоромъ. Но этого едва ли достаточно для того, чтобы поправлять текстъ Шекспира.

Стр. 180. Мѣсто дѣйствія этой сцены указано позднѣйшими издателями и подробности ея исполненія представляютъ при современныхъ условіяхъ извѣстныя трудности. Первая часть сцены происходитъ на самой улицѣ, ведущей въ Капитолій: слѣдующее за словами Кассія *Отправься въ Капитолій* имѣетъ мѣстомъ дѣйствія уже самый Капитолій. На Шекспировской сценѣ, лишенной всякихъ декорацій, авансцена изображала здѣсь улицу, а затѣмъ все превращалось фантазіей зрителя въ залъ засѣданія, по мнѣнію Шекспира, отовсюду открытый.

Стр. 182. Цезарь: *И ты, о Брутъ?*

Въ подлинникѣ по-латыни: *et tu Brute?* Неизвѣстно, откуда Шекспиръ почерпнулъ это восклицаніе, котораго нѣтъ ни у Плутарха, ни у какого иного древняго автора, такъ что нѣтъ основанія считать его историческимъ. Плутархъ въ этомъ мѣстѣ говоритъ: Каска, стоявшій за Цезаремъ, первый схватилъ кинжалъ и ударилъ Цезаря въ плечо, но нанесъ ему ничтожную рану. Цезарь схватилъ его за руку и воскликнулъ: «Злодѣй Каска, что ты дѣлаешь!» Каска закричалъ по-гречески брату, чтобы тотъ помогъ ему. Тогда многіе бросились на Цезаря со всѣхъ сторонъ; онъ озирался, чтобы бѣжать, но, увидѣвъ и Брута съ обнаженнымъ мечомъ, онъ выпустилъ руку Каски, перекрылъ голову тогой и предалъ тѣло ударамъ». Изъ другой пьесы Шекспира (1-я редакція III ч. «Генриха VI») видно, что латинская фраза *Et tu Brute* была извѣстна его публикѣ, какъ предсмертное восклицаніе Цезаря.

Стр. 182. Кассій: *Кто похитилъ у жизни двадцать лѣтъ.* По первому изданію слова эти произноситъ Каска.

Стр. 182. Брутъ:

. . . . . *По локти*
Въ его крови свои омоемъ руки.

У Плутарха есть указаніе, что послѣ убійства заговорщики вышли съ окровавленными руками, но едва ли Брутъ могъ сдѣлать ужасное предложеніе: онъ самъ былъ раненъ соучастниками въ свалкѣ.

Стр. 186. Брутъ:

Мы объяснимъ народу
Причину смерти Цезаря.

Въ подлинникѣ public reasons побужденія общественнаго блага, государственныя соображенія.

Стр. 187. 2-й гражданинъ:

Мы памятникъ должны возвеличить Бруту
И съ почестями его поставимъ тамъ.

Плутархъ говоритъ: «Предкомъ Марка Брута былъ Юній Брутъ, которому древніе римляне поставили въ Капитоліи, между статуями царей, мѣдную статую съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ, въ знакъ того, что онъ нанесъ смертельный ударъ владычеству Тарквиніевъ. Предокъ Брута, какъ закаленный въ холодной водѣ мечъ, былъ суровая натура. На его характеръ не оказало

смягчающаго вліянія образованіе, поэтому его ненависть къ царямъ довела его до дѣтоубійства».

Стр. 187. Антоній: *Но Брутъ зоветъ его властолюбивымъ.* Комментаторамъ кажется, что Шекспиръ не обратилъ вниманія, что Брутъ говорилъ о властолюбіи Цезаря въ отсутствіи Антонія; быть можетъ, однако, клевреты Антонія успѣли ему разсказать рѣчь Брута.

Стр. 191. Антоній: *Такъ вотъ—оно за Цезаря печатью* и т. д.

Завѣщаніе приведено почти дословно изъ Плутарха, который однако не говоритъ, что Антоній читалъ его надъ трупомъ Цезаря. Цезарь, дѣйствительно, завѣщалъ по 75 драхмъ каждому римскому гражданину и оставилъ свои сады народу. Благодаря этому въ сердцахъ гражданъ вспыхнуло чувство замѣчательной любви къ усопшему и сожалѣніе о немъ».

Стр. 192. Цинна: *Я Цинна-поэтъ, я Цинна поэтъ.*

Плутархъ разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ: «Нѣкій Цинна, поэтъ, не только не участвовавшій въ заговорѣ, а даже другъ Цезаря, увидѣлъ сонъ, будто Цезарь приглашалъ его къ обѣду, но онъ отказывался. Цезарь умолялъ его... Въ ночь, въ которую Циннѣ приснился этотъ сонъ, у него открылась лихорадка. Утромъ, во время выноса тѣла, онъ вышелъ на форумъ,—ему было стыдно не участвовать на похоронахъ—когда народъ былъ уже разъяренъ. При его появленіи его приняли за того Цинну, который недавно ругалъ Цезаря въ народномъ собраніи, хотя онъ былъ другой, и разорвали... .

Стр. 193. У Плутарха эта сцена происходитъ не въ домѣ Антонія въ Римѣ, а на одномъ островѣ.

Стр. 193. Лепидъ: *Я согласенъ.*

Съ условіемъ, чтобъ Публію не жить,
Который сынъ твоей сестры

Здѣсь Шекспиръ ошибся: Плутархъ говоритъ о дядѣ Антонія, Луціѣ Цезарѣ.

Стр. 195. *Палатка Брута.* Этого указанія на новое мѣсто дѣйствія нѣтъ въ первомъ изданіи. На Шекспировской сценѣ Брутъ и Кассій не уходили, чтобы появиться вновь: ихъ оставляли однихъ и зритель представлялъ себѣ, что дѣйствіе перенесено въ палатку.

Стр. 198. Поэтъ: *Лишь смерть одна меня теперь удержитъ.*

У Плутарха это не поэтъ, а философъ: во время ссоры Брута и Кассія, когда къ нимъ никого не впускали, нѣкто Маркъ Фавоній, поклонникъ Катона, занимавшійся философіей, но не разумно, а скорѣе подъ вліяніемъ какой-то бѣшеной, бурной страсти, направился къ дверямъ, хотя рабы удерживали его. Но было трудно остановить Фавонія, если онъ желалъ добиться чего либо,—онъ былъ горячъ во всемъ и энергиченъ. Свое званіе римскаго сенатора онъ ставилъ ни во что, по своей циническою рѣзкостью въ разговорахъ часто успокаивалъ раздраженіе лицъ, не считавшихъ его неумѣстныхъ выходокъ насмѣшкой надъ ними. Онъ вломился тогда въ двери, протискавшись сквозь удерживавшихъ его, вошелъ и важно произнесъ стихъ, который Несторъ говоритъ у Гомера:

Но покоритесь, могучіе, оба меня вы моложе!

Онъ продолжалъ декламировать. Кассій захохоталъ при этомъ: но Брутъ выгналъ Фавонія, обозвавъ его настоящей собакой и плохимъ киникомъ.

Стр. 198. Кассій: *Законамъ философіи твоей не вѣренъ ты.*

Брутъ былъ приверженцемъ стоицизма, который учитъ быть выше невзгодъ; Кассій по крайней мѣрѣ въ теоріи—эпикуреецъ: Ср. его слова на стр. 201.

Стр. 198. Кассій: *И пощадилъ меня въ своемъ ты гнѣвѣ?*

Узнавъ, какое безмѣрное горе носитъ въ себѣ Брутъ, Кассій пораженъ, какъ могъ онъ не убить его въ гнѣвѣ.

Стр. 201. *Является духъ Цезаря.*

Плутархъ въ «Жизни Цезаря» разсказываетъ: «Призракъ Цезаря, явившійся Бруту, доказалъ всего лучше, что его смерть не была пріятной богамъ. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Брутъ хотѣлъ переправить изъ Абида войско на противоположный берегъ. Ночью ему послышался шумъ у входа въ палатку. Онъ взглянулъ въ ту сторону и, при свѣтѣ гаснувшей уже лампы, увидалъ призракъ мужчину необыкновенно высокаго роста и мрачнаго на видъ. Брутъ сперва испугался, но, когда увидѣлъ, что призракъ ничего не дѣлалъ и не говорилъ, а только стоялъ молча у его кровати, спросилъ, кто онъ.—«Твой злой геній, Брутъ», отвѣчалъ ему призракъ, «ты увидишь меня при Филиппахъ». «Что-жъ, увидимся», твердымъ голосомъ вскричалъ тогда Брутъ, и призракъ разомъ исчезъ».

Стр. 190. Антоній: *Гдѣ находился онъ, разбивъ неврійцевъ.*

Опечатка: нервійцевъ. Nervii воинственно-галльское племя, разбитое Цезаремъ въ 57 г. до Р. Хр. Въ рѣшающей битвѣ онъ бросился первый на нихъ и былъ на краю гибели, когда его спасли его легіонеры.

Стр. 203. Октавій:

Отмщу за раны Цезаря; а ихъ
Всѣхъ было тридцать три.

По Плутарху—двадцать три.

Тогда другого Цезаря сразитъ
Измѣнника кинжалъ.

Октавій говоритъ о себѣ, онъ тоже Цезарь.

Стр. 201. Брутъ: *Такъ, Люцилій.*

Брутъ заканчиваетъ этими словами разговоръ, который велъ въ сторонѣ съ Люциліемъ.

Стр. 201. Брутъ:

Я вѣренъ философіи останусь,
Которая Катона осуждаетъ.

Здѣсь Шекспиръ отступаетъ отъ своего источника. Плутархъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ говоритъ: «Когда я былъ молодъ, Кассій, и неопытенъ, сказалъ Брутъ, я, не знаю какъ, произнесъ длинную рѣчь философскаго характера,—я обвинялъ Катона въ самоубійствѣ. По моему мнѣнію, было несправедливо и неприлично мужчинѣ ослушаться воли боговъ, не встрѣчать смѣло ударовъ судьбы, избѣгать ихъ. Теперь, въ другомъ положеніи, я сталъ другимъ человѣкомъ. Если богамъ не угодно дать намъ побѣду . . . я съумѣю избавиться отъ несчастія и стану хвалить свою судьбу».

Стр. 201. Кассій:

Какъ нѣкогда Помпей, ему ввѣряя
Свои права.

Объ этомъ разговорѣ между Кассіемъ и плодовитымъ писателемъ Мессалой (Marcus Valerius Messala Corvinus) Плутархъ разсказываетъ: «Кассій обѣдалъ въ кружкѣ немногихъ друзей и былъ задумчивъ и молчаливъ, не по своей на-

турѣ. Когда кончился обѣдъ, онъ взялъ Мессалу за руку, крѣпко пожалъ ее, какъ это онъ дѣлалъ обыкновенно для выраженія своего расположенія, и затѣмъ сказалъ по-гречески: Будь свидѣтелемъ, Мессала, что и меня, какъ и Помпея Магна, заставляютъ рѣшать судьбу отечества однимъ сраженіемъ. Но я спокоенъ,—я вѣрю въ счастье, въ которое было бы несправедливо не вѣрить, если бъ даже наши планы были неосновательны».

Стр. 205. Кассій: *Ты, Пиндаръ, взлѣзъ на самый верхъ холма.*

На Шекспировской сценѣ Пиндаръ входилъ на балконъ тутъ-же на сценѣ. Поэтому дальнѣйшія ремарки *Пиндаръ уходитъ* и *возвращается* не значили и не значатъ,—что онъ удаляется со сцены.

Стр. 207. Катонъ: *Межъ нами трусовъ нѣтъ.*

Въ подлинникѣ: межъ нами нѣтъ незаконнорожденныхъ. Катонъ хочетъ сказать, что онъ достоинъ своего мужественнаго отца.

Стр. 208. Клитъ: *Стратилій факелъ взялъ.*

Почему Стратилій (а не Стратилій) взялъ факелъ, можно понять только изъ Плутарха: «Стратилій вызвался пробраться сквозь непріятелей, сдѣлать это иначе было нельзя,—посмотрѣть, что съ лагеремъ, поднять факелъ, если найдетъ тамъ все въ порядкѣ, и затѣмъ вернуться на старое мѣсто. Когда Стратилій дошелъ до лагеря, онъ поднялъ факелъ, но долго не возвращался. «Если Стратилій живъ», сказалъ Брутъ, «онъ явится». Но Стратилій на обратномъ пути попался непріятелямъ и былъ убитъ».

МѢРА ЗА МѢРУ.

(Measure for Measure).

Стр. 223. . . . *Я люблю народъ мой,*
Но не хочу являться передъ нимъ.

Въ этомъ видятъ намекъ на характеръ Якова I, вступившаго на англійскій престолъ въ 1603 г.

Стр. 224. 1-й дворянинъ: *Слова о мирѣ въ пресвѣтленной молитвѣ.*

Эта латинская молитва, введенная въ 1564 г. по распоряженію королевы Елизаветы, гласитъ: Сохрани Господи церковь, спаси короля (или королеву), правь его совѣтниками, оберегай весь народъ и даруй намъ непарушимый миръ».

Что-жъ она въ стихахъ. Въ подлинникѣ metre -размѣръ, на что и намекаетъ отвѣтъ Луцію. Такъ полагалъ, что по англійскому metre можетъ произноситься mitre митра, а подъ послѣднимъ названіемъ былъ извѣстенъ одинъ аристократическій кабачокъ.

Стр. 224. 1-й дворянинъ: *Ну, ладно, мы съ тобой одной стрижки.*

Собственно—мы изъ одного куска, который ножницы разрѣзали пополамъ: пословица. Въ дальнѣйшемъ рядѣ намековъ на сифилисъ *французскія* ножницы, *французскія* кроны, потому что сифилисъ назывался и въ тогдашней Англіи французской болѣзнью. Французской кроной (короной) называлась плѣшь отъ сифилиса. На заразительность болѣзни намекаетъ Луцію въ словахъ: *Я забуду пить послѣ тебя.*

Стр. 224. Луцію: *Смотрите, сюда идетъ наша целомудренница.*

Въ подлинникѣ Madame Mitigation госпожа Успокоеніе: она успокаиваетъ муки неудовлетворенной любви.

Стр. 224. Переспѣла: *То война, то болѣзнь.*

Въ подлинникѣ «то потъ: потогонное лѣченіе сифилиса было очень употребительно.

Стр. 225. Шутъ: *Хорошіе адвокаты не нужаются въ клиентахъ.*

Пословица вродѣ нашей: было бы корыто, свиньи будутъ.

Стр. 226. Клавдіо.

Такъ грозная голубиная Власть
Караетъ насъ по собственнымъ вѣсамъ.

Собственно «заставляетъ насъ платить за наши прегрѣшенія полнымъ вѣсомъ».

Слова судьбы—въ подлинникѣ «слова неба»: Клавдіо имѣетъ въ виду ст. 15 гл. IX Посл. къ Римлянамъ: Ибо Онъ говоритъ Моисею: кого миловать, помилую, кого жалѣть, пожалѣю (Исх., 33, 19).

Недоставало только формальнаго обряда.

Въ Шекспировской Англіи сожительство не считалось незаконнымъ если, въ ожиданіи церковныхъ формальностей, обрученіе было оглашено.

Стр. 227. Луцію: *Если ты проиграешь ее въ глупую игру.*

Въ подлинникѣ трикъ-тракъ: ходячее выраженіе «играть въ трикъ-тракъ» имѣетъ непристойный смыслъ.

Стр. 228. Луцію:

Правда, что это мой природный недостатокъ
Съ дѣвицами шутить.

Въ подлинникѣ: «мой недостатокъ, что я съ дѣвушками играю кулика». На повадку этой птицы кричать въ отдаленіи отъ своего гнѣзда и такимъ образомъ отвлекать отъ него вниманіе часты намеки у Шекспира и его современниковъ.

Стр. 231. Эскалъ: . . . . *Одинъ проходитъ безъ забвенія по хрупкимъ, тонкимъ льдамъ.*

Издатели колеблются между словами iceледъ и vice—порокъ; послѣднее чтеніе принимаетъ Соколовскій, переведя: «Инымъ сойдетъ грѣховнѣйшая шалость».

Стр. 231. Локоть: *Я констэбль бѣднаго герцога.*

То есть бѣдный герцогскій констэбль. Весь дальнѣйшій діалогъ переполненъ нелѣпостями безтолковаго Локтя; онъ говоритъ: *Въ нихъ нѣтъ ни капли нечестія* -вмѣсто благочестія; *моя жена, которую я презираю* вмѣсто почитаю; *будь она женщина податливая* вмѣсто похотливая: *докажи это предъ лицомъ нечестивѣ, ты, честный человѣкъ* – вмѣсто безчестный человѣкъ и т. п.

Стр. 232. Шутъ: *У насъ во всемъ домѣ были только двѣ черносливинки.*

Современники Шекспира нерѣдко упоминаютъ о вареномъ черносливѣ, какъ о цѣлебномъ средствѣ, характерномъ для дома, гдѣ служитъ шутъ.

Это было въ комнатѣ, называемой виноградной кистью.

Комнаты въ корчмахъ и трактирахъ обозначались не нумерами, а названіями и соотвѣтственными обозначеніями. Ср. «Генрихъ IV».

Стр. 234. Эскалъ: *Ну, кто же разсудительнѣе правый или виноватый?*

Въ подлинникѣ онъ называетъ Justice и Iniquity—двѣ аллегорическія фигуры изъ старо-англійскои мистеріи, символизующія справедливость и порокъ.

Локоть: *Ахъ ты, людоѣдственный Аннибалъ.*

Въ подлинникѣ просто Аннибалъ вмѣсто каннибалъ.

Шутъ: *Девятый былъ послѣдній.*

Въ подлинникѣ онъ говоритъ Overdone by the last, то есть: Послѣдній звался Overdone или «послѣдній обработалъ ее».

Стр. 235. Эскалъ: *Въ томъ смыслѣ ты выгладишь Помпей Великій.*

Намекъ на модные штаны шута, набитые сзади конскимъ волосомъ или чѣмъ нибудь инымъ: мода эта преслѣдовалась судомъ и Грекъ разсказываетъ нѣсколько забавныхъ случаевъ изъ судебной практики этого времени.

Стр. 236. Эскалъ: *Въ противномъ случаѣ, Помпей, я буду преслѣдовать тебя по самымъ шатрамъ твоимъ и насолю тебѣ хуже Цезаря.*

Шекспиръ читалъ у Плутарха, какъ солдаты Цезаря прогнали войско Помпея въ лагерь.

Стр. 238. Анджело: . . . . . *И какъ пророкъ, глядятъ онѣ въ зеркало грядущаго.*

Предсказатели пользовались волшебнымъ зеркаломъ, въ которомъ видѣли будущее.

Стр. 240. Герцогъ:

Такъ стало быть и преступленье вамъ
Совершено совмѣстно?

Въ подлинникѣ mutually по взаимному согласію.

Стр. 242. Анджело: . . . . . *Уничтожить жизнь правильно сложившуюся такъ же легко, какъ влить въ металлъ такую подпись.*

Убить законное дитя такое-же преступленіе, какъ создать незаконное. Изабелла возражаетъ:

Такъ судятъ въ небесахъ, не на землѣ.

То есть: предъ абсолютной справедливостью, можетъ быть, это такъ, но на землѣ принято къ грѣху плотскому относиться менѣе сурово, чѣмъ къ убійству.

Анджело:

Такъ изъ-подъ черной маски въ оспѣ рябъ
Красавица намъ кажется прелестной.

Въ шекспировское время дамы изъ общества вид. дома, на улицѣ и въ театрѣ, часто носили черныя полумаски и этотъ намекъ могъ быть обращенъ къ зрительницамъ.

Стр. 244. Изабелла: *О, жалкая ко чести при такой правдѣ.*

Въ подлинникѣ: малая честь въ сравненіи съ большой вѣрой, которой она требуетъ».

Не то предъ цѣлымъ свѣтомъ объявлю.

Въ подлинникѣ несравненно болѣе сильное и смѣлое выраженіе: «выверну крикомъ горло».

Стр. 244. Герцогъ: *Ты игрушка смерти.*

Въ подлинникѣ «дуракъ смерти»—быть можетъ, въ связи съ изображеніями «Пляски смерти», гдѣ фигурируютъ рядомъ дуракъ и смерть.

Страшишься ты раздвоеннаго жала.

По тогдашнему представленію, змѣя ранитъ раздвоеннымъ языкомъ.

Стр. 246. Профосъ: *Къ вамъ сестра пришла, синьоръ.*

Слово «синьоръ» нѣсколько разъ встрѣчается въ этой пьесѣ, изъ чего можно заключить, что авторъ предполагалъ дѣйствіе происходящимъ въ Италіи, а между тѣмъ въ титулѣ пьесы прямое указаніе, что оно происходитъ въ Вѣнѣ. Вѣроятно, это одинъ изъ мелочныхъ недосмотровъ Шекспира. Можно однако замѣтить, что какъ по общему тону всей пьесы, такъ равно и по характерамъ лицъ мѣсто дѣйствія подходило бы къ Италіи больше. На это намекаютъ и имена лицъ, имѣющія итальянскія окончанія: Клавдіо, Анджело, Луціо и пр.

Стр. 246. Клавдіо:

Иль думаешь, что мужество берешь
Изъ нѣжности женской?

Дословно. Клавдіо хочетъ сказать, что черпаетъ мужество въ себѣ, а не въ нѣжныхъ уговорахъ своей сестры.

Какъ, набожный Анджело?

Въ подлинникѣ безсмыслица: The prenzie Angelo? Изъ многихъ попытокъ замѣнить непонятное слово подходящимъ наиболѣе удачнымъ считается предложеніе Warburton'a читать вмѣсто prenzie—priestly священническій.

Стр. 247. Клавдіо: *Но умереть, идти—куда не знаешь.*

Дальнѣйшее описаніе загробной жизни носитъ явные слѣды средневѣковыхъ католическихъ, или, вѣрнѣе, монашескихъ представленій объ адѣ, еще запечатлѣнныхъ греко-римской миѳологіей.

Стр. 250. Локоть: *Придется пить только пѣнный и бѣдный бастардъ.*

Игра словъ: бастардъ—незаконнорожденный и крѣпкое сладкое испанское вино изъ вяленаго винограда.

Стр. 250. Шутъ: *Двое изъ самыхъ веселыхъ ростовщиковъ.*

Въ подлинникѣ шутъ говоритъ two usuries, имѣя въ виду ростовщичество и сводничество.

Лисій мѣхъ, подбитый овчиной, то есть овчинную шубу, снаружи окаймленную лисьимъ мѣхомъ,—носили богатые горожане.

Стр. 250. Луціо: *Ты, какъ твои пигмаліоновскія куколки, твои свѣженріютовленныя женщины.*

Какъ древне-греческій скульпторъ Пигмаліонъ обратилъ въ женщину статую, такъ ты обращаешь дѣвушекъ въ женщинъ.

Которыхъ можно добыть, опустивъ руку
въ карманъ.

Точнѣе: «у которыхъ можно было добыть денегъ, запустивъ имъ руку въ карманъ».

Стр. 250. Шутъ: *Нѣтъ, синьоръ, она истратила все свое мясо—и теперь сама попалась въ кастрюлю.*

Точнѣе, въ бочку,—въ которой принимали потогонное лѣченіе больные сифилисомъ.

Стр. 251. Луціо: *Ступай въ свою собачью конуру, Помпей.*

Помпей—употребительная собачья кличка.

Стр. 253. Луціо: *Его уполномоченный камышникъ.*

Въ подлинникѣ ungenitur'd—неспособный къ дѣторожденію.

Стр. 255. Пѣсня *Прочь уста, что такъ коварно* принадлежитъ не Шекспиру: авторъ ея неизвѣстенъ: съ незначительными измѣненіями и съ присовокупленіемъ второй строфы она включена въ драму Флетчера «The bloody brother».

Стр. 257. Шутъ: *Конечно, если платье и галстукъ будутъ для вора нѣсколько тѣсненьки* и т. д.

Не давая Мерзилѣ продолжать свою аргументацію, шутъ прерываетъ его, доказывая по своему, что платье честнаго человѣка всегда пригодится вору. Въ подлинникѣ нѣтъ слова «конечно»—и нѣкоторые издатели полагаютъ, что все это разсужденіе высказано не шутомъ, а Мерзилой.

Ему (палачу) *чаще приходится приносить покаяніе.* Предъ совершеніемъ казни палачъ проситъ прощенія у казнимаго преступника.

Стр. 258. Герцогъ: *Ну, такъ придетъ.*

Онъ имѣетъ въ виду Изабеллу, которая должна явиться въ сопровожденіи посланнаго Анджело съ помилованіемъ Клавдіо.

Стр. 260. Шутъ: *Я здѣсь такъ освоился—точно дома.* Въ подлинникѣ онъ говоритъ: точно въ домѣ нашего промысла»—т. е. въ публичномъ домѣ.

Грузъ сѣрой бумаги.

У современниковъ Шекспира часты намеки на обычай ростовщиковъ давать лишь часть ссуды наличными деньгами, а часть всегда ничего не стоющими товарами, которые приходилось продавать тутъ же самому кредитору за безцѣнокъ (*всю ли сто девяносто семь фунтовъ, за которые онъ выручилъ всего пять марокъ*). Особенно часто предлагалась сѣрая (оберточная) бумага, отчего ростовщики назывались продавцами оберточной бумаги.

А старухи всѣ перемерли.

Точнѣе «ибо старухи—обычныя потребительницы инбиря—всѣ перемерли».

И вотъ на нихъ то сошло теперь божье попущеніе. Въ подлинникѣ are now for the Lords' sake: теперь они предоставлены милосердію прохожихъ, къ которымъ они протягиваютъ изъ за тюремныхъ рѣшетокъ руку съ жалобнымъ возгласомъ for the Lord's sake—Бога ради

Стр. 267. Герцогъ: *Какъ вашъ разсказъ правдоподобенъ.* Такъ какъ герцогъ еще притворяется, что не вѣритъ Изабеллѣ, то онъ произноситъ эти слова съ дѣланной ироніей.

Стр. 269. Луціо: *Cucullus non facit monachum.* Клобукъ не дѣлаетъ монаха.

Стр. 270. Герцогъ: *Какъ вывѣска на лавкахъ брадобрѣевъ.* Въ цирюльняхъ, служившихъ въ Англіи, какъ въ древнемъ Римѣ и теперь на востокѣ—излюбленнымъ мѣстомъ сборищъ вывѣшивались разныя, въ большинствѣ случаевъ изложенныя въ стихахъ, правила о соблюденіи порядка и т. п., которые не исполнялись, несмотря на то, что грозили штрафами.

Стр 272. Герцогъ: *Взываетъ къ намъ преступника устами.*

То есть по собственному признанію Анджело.

Такъ равнымъ я воздамъ и лицемѣру,
Какъ подобаетъ мѣрою за мѣру.

Старый обычай—вкладывать въ уста одному изъ дѣйствующихъ лицъ *заглавіе* пьесы съ цѣлью подчеркнуть и пояснить его.

ОТЕЛЛО.

(Othello).

Первое печатное изданіе пьесы подъ заглавіемъ «Трагедія объ Отелло, венеціанскомъ маврѣ», вышло въ 1622 году, черезъ пять лѣтъ послѣ смерти автора. Въ подзаглавіи указано, что пьеса исполнялась труппой Шекспира попеременно въ театрахъ Глобусъ и Блэкфрейорсъ. Въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ, приложенномъ въ концѣ пьесы (въ полн. собр. 1623 г.) Кассіо названъ an Honourable Lieutenant, Яго—a Villaine (негодяй), Родриго—a gull'dgentleman (простакъ).

Стр. 289. Яго: . . . *Великій ариѳметикъ, флорентинецъ, какой-то Кассіо.*

Флоренція удалена отъ моря, и потому ея уроженецъ кажется моряку Яго непригоднымъ для военнаго дѣла. Равнымъ образомъ кажется ему рѣшающимъ недостаткомъ то, что Кассіо собирается жениться на куртизанкѣ Бьянкѣ, на что онъ намекаетъ въ слѣдующей фразѣ:

Съ одной красоткой
Уже себя связавшій по рукамъ.

Въ предисловіи къ трагедіи (стр. 281—282) указаны разнообразныя толкованія этого темнаго мѣста. Также различны объясненія названія *ариѳметикъ*, которое Яго презрительно примѣняетъ къ Кассіо. Говорятъ, что это указываетъ на книжный, чисто теоретическій характеръ знаній Кассіо, другіе видятъ въ этомъ намекъ на то, что флорентинцы были извѣстными счетоводами и т. п.

Стр. 290.

Имѣю-ль я одинъ хоть поводъ быть
Расположеннымъ къ мавру?

Яго употребляетъ здѣсь насмѣшливо-почтительное выраженіе his Moorship—приблизительно Его арапство .

Стр. 290. Родриго:

. . . *Ну, если*
И здѣсь еще одержитъ верхъ губанъ.

Одно изъ мѣстъ, на которыя опираются доказывающіе, что Отелло—негръ. Разборъ этого воззрѣнія см. выше (стр. 283—284).

Стр. 291. Брабанціо:

. . . *Вѣдь, городъ здѣсь, а домъ мой*
Не ферма отдаленная.

Въ подлинникѣ grange—расположенныя въ сторонѣ отъ дома хозяйственныя строенія, у Шекспира и его современниковъ обычный образъ заброшенности и беззащитности.

Стр. 291. Яго: *Вѣрно, вамъ хочется, чтобъ ваша дочь сошлась съ варварійскимъ жеребцомъ.*

Намекъ на происхожденіе Отелло. Барбарія, Берберія, Варварійскій берегъ—сѣверозападная часть Африки (нынѣ Алжиръ, Тунисъ, Триполи).

Стр. 291. Яго:—*Въ эту минуту ваша дочь и мавръ изображаютъ собою звѣря о двухъ спинахъ.*

Сравненіе, повидимому, заимствованное Шекспиромъ у Рабле, котораго онъ читалъ въ переводѣ.

Стр. 291. Брабанціо: *Все это такъ со сномъ моимъ похоже...*

Разбуженному Брабанціо, очевидно, только что снилось нѣчто подобное тому, что онъ теперь слышитъ.

Стр. 292. Яго:—*Брабанціо, къ «Стрѣлку» теперь направьтесь.*

«Стрѣлокъ», по объясненію Найта, часть венеціанскаго арсенала, гдѣ жили генералы и адмиралы. Надъ входомъ было высѣчено изъ камня изображеніе стрѣлка. Другіе полагаютъ, что это названіе гостиницы, гдѣ жилъ Отелло.

Стр. 292. Брабанціо: *Призовите чиновниковъ дозорныхъ*

Переводчикъ, какъ и многіе другіе издатели, принимаетъ чтеніе officers of night (чиновники ночи). Но Деліусъ отстаиваетъ текстъ первыхъ изданій — officers of might (чиновники власти) — что значило бы «высшихъ должностныхъ лицъ».

Стр. 292. Яго:

Разъ девять или десять
Готовился я въ бокъ его нырнуть.

Яго говоритъ о Родриго.

Стр. 292. Яго:

Нашъ маньифико любимъ здѣсь всѣми
И въ этомъ случаѣ его, вѣдь, голосъ
Вдвойнѣ сильнѣй, чѣмъ самый голосъ дожа.

Маньифико—обычный титулъ венеціанскаго се-

натора. Англійскій текстъ даетъ возможность нѣкоторымъ комментаторамъ утверждать, что Брабанціо имѣетъ при голосованіи два голоса: это, конечно, ничѣмъ не доказано.

Стр. 293. Яго: *Нѣтъ, Яиусомъ клянусь.*

Клятва языческими божествами была во времена Шекспира манерой хорошаго тона.

Стр. 292. Яго: *Онъ ночью взялъ къ себѣ на абордажъ галеру превосходную.*

Точнѣе: Въ эту ночь онъ захватилъ *на землѣ* богато нагруженный корабль.

Стр. 293. *И если*
Признается законнымъ призъ его,
Онъ навсегда свое составилъ счастье.

Призомъ называется въ морскомъ правѣ захватъ воюющими на морѣ частнаго имущества, корабля, груза и т. п. При соблюденіи извѣстныхъ условій, обсуждаемыхъ особыми призовыми судами, захватъ признается законнымъ.

Стр. 294. Брабанціо: *Обманщика мірского.*

Въ подлинникѣ abuser of the world обманщикъ міра.

Стр. 298. Отелло: *Мнѣ встрѣчать случалось во время странствій.*

Подлинникъ употребляетъ выраженіе my traveller's history — какъ бы сопоставляя разсказы Отелло съ тѣми многочисленными и фантастическими «Путешествіями», которыя жадно пожирала публика того времени. Въ нихъ именно встрѣчаются всѣ чудовищныя явленія, о которыхъ повѣствуетъ Отелло.

Стр. 299. Брабанціо: *Поди сюда, любезное дитя.*

Въ подлинникѣ gentle mistress — милостивая государыня. Брабанціо говоритъ съ непокорной дочерью, какъ съ чуждой ему дамой.

Стр. 300. *Турки, могущественно вооруженные, плывутъ къ Кипру.*

Внезапный переходъ отъ стиховъ къ прозѣ соотвѣтствуетъ переходу отъ книжной морали къ практическому дѣлу; поэтому въ первомъ изданіи проза начинается съ послѣднихъ словъ Брабанціо:

Теперь я васъ покорнѣйше прошу и т. д.

Стр. 300. Дездемона: *Въ его лицѣ мнѣ духъ его являлся.*

Точнѣе: «я видѣла то лицо, которое запечатлѣно въ душѣ Отелло».

Стр. 302. Дездемона: *Когда я здѣсь останусь молью міра.*

Моль—тутъ образъ незначительности, маленькое насѣкомое, живущее въ мирѣ.

Стр. 302. Яго: . . . *рѣшился бы утопиться изъ любви къ какой-нибудь цесаркѣ.*

Цесарка—вѣроятно изъ-за ея пестрыхъ перьевъ—обычный у современниковъ Шекспира образъ женщины, легкомысленной, иногда распутной.

Стр. 305. 2-ой офицеръ:

Чтобы запасить блестящихъ сторожей
У полюса, недвижнаго отъ вѣка.

То есть звѣзды Малой Медвѣдицы, къ которой принадлежитъ неподвижная Полярная звѣзда.

Стр 306. 3-ій офицеръ: *Это Веронское судно.*

Выраженіе подлинника Veronessa возбуждаетъ сомнѣнія. Оспариваютъ, будто рѣчь идетъ о веронскомъ суднѣ, такъ какъ Верона не приморскій городъ. Но извѣстно также, что географическія несообразности — обычнѣйшая черта у Шекспира.

Стр. 308. Яго: *Что башку трески на семи хвостъ никакъ не промѣняетъ.*

Хвостъ семги считался лакомымъ блюдомъ, голова трески—отбросомъ хорошей кухни. Нѣкоторые видятъ тутъ цинничный каламбуръ.

Стр. 308. Яго: *Ни то, чтобъ выкармливать глупцовъ и записывать, сколько вышло тебя въ домъ.*

Яго сразу переходитъ къ прозѣ и тѣмъ оттѣняетъ неожиданное заключеніе своего стихотворнаго панегирика.

Стр. 308. Яго: *Что это, опять пальцы къ губамъ?*

Кассіо цѣлуетъ свои пальцы, послѣ того какъ ихъ коснулась рука Дездемоны. У Шекспира не разъ идетъ рѣчь объ этомъ придворномъ обычаѣ.

Стр. 309. Отелло: *О, милая моя воительница.*

Намекъ на безстрашіе Дездемоны, отправившейся съ нимъ на войну.

Стр. 311. Герольдъ: *Всѣ комнаты дворца открыты, и въ нихъ каждый имѣетъ право пировать.*

Въ подлинникѣ offices — не парадныя помѣщенія, а буфетныя, столовыя.

Стр. 312. Яго: *Король Стефанъ вельможа славный былъ.*

Старинная баллада, изъ которой Яго поетъ измѣненную предпослѣднюю строфу.

Стр. 316. Отелло: *Пусть отведутъ его домой.*

Пропущена ремарка: *Монтано уводятъ.*

Стр. 319. Кассіо:

Играйте здѣсь. За трудъ васъ награжу я.
Да что нибудь веселенное, а тамъ
Ура провозгласите генералу.

Это утренняя серенада, которою Кассіо привѣтствуетъ Отелло. По англійскому обычаю, музыканты должны сыграть небольшую пьесу, а затѣмъ воскликнуть «Доброе утро, генералъ» (не «ура», какъ въ переводѣ).

Стр. 319. Шутъ: *Что это, господа, не были ли ваши инструменты въ Неаполѣ? Что-то они ужъ сильно говорятъ въ носъ...*

Сифилисъ былъ очень распространенъ въ Неаполѣ и иногда назывался неаполитанской болѣзнью.

Стр. 320. Кассіо: *Я не встрѣчалъ еще изъ флорентинцевъ ни одного добрѣе и честнѣй.*

Кассіо хочетъ сказать, что даже среди своихъ земляковъ флорентинцевъ онъ не встрѣчалъ ни въ комъ большей честности и привѣтливости, чѣмъ въ венеціанцѣ Яго.

Стр. 320. *Передъ замкомъ.*

Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ: *Садъ замка.*

Стр. 323. Отелло: *Честенъ?*

Вопросительный знакъ поставленъ по ошибкѣ; Отелло подтверждаетъ свой вопросъ, но уже въ утвердительномъ тонѣ; въ подлинникѣ: «Честенъ! Да, честенъ».

Стр. 325. Яго: *Она—чудовище съ зелеными глазами.*

Сравненіе, вѣроятно, исходитъ изъ того, что ревнивецъ видитъ все въ нездоровомъ, зеленоватомъ свѣтѣ.

Стр.. 327 Отелло: *Да, тутъ болитъ.* (*Показываетъ на лобъ*).

Нѣкоторые видятъ въ этомъ намекъ не на дѣйствительную головную боль, но на рога.

Стр. 328. Яго:

. . . *Ни макъ, ни мандрагора,*
Ни зелья всѣ, какія есть на свѣтѣ

Напитокъ изъ мандрагоры считался сноторнымъ; къ слову зелья въ подлинникѣ присовокуплено «снотворныя».

Стр. 328. Отелло: . . . *Пусть бы каждый солдатъ владѣлъ ея прекраснымъ тѣломъ.*

Въ подлинникѣ pioners—саперы, низшій разрядъ солдатъ, въ большинствѣ случаевъ изъ штрафованныхъ

Пернатыя войска.

Съ перьями на шлянахъ, какъ носили еще при Шекспирѣ.

(*Схватываетъ его за горло*).

Эта ремарка прибавлена позднѣйшими издателями, безъ достаточныхъ основаній.

Стр. 330. Яго: *На дыбѣ ихъ застать вамъ невозможно.*

Въ подлинникѣ Яго прибавляетъ: «хотя бы они были похотливы, какъ козлы, горячи, какъ обезьяны, страстны, какъ волки во время течки, и нелѣпы, какъ когда либо были пьяные». Эти слова Отелло впослѣдствіи вспоминаетъ опять (стр. 340: *Козлы и обезьяны*)

Стр. 330. Отелло:

Взымайся грудь моя бременемъ отравы
Отъ языковъ змѣиныхъ.

Какъ грудь вспухаетъ отъ змѣинаго укуса, такъ подымается она подъ бременемъ тоски.

О, крови, Яго, крови.

Не рѣшено, въ какомъ падежѣ здѣсь слово blood (въ нѣкоторыхъ изданіяхъ O blood, blood, blood), — и есть переводчики, которые передаютъ восклицаніе Отелло: «О, кровь, кровь, кровь», полагая, что здѣсь Отелло не требуетъ чужой крови, но говоритъ о своей неукротимой крови, еле сдерживаемой крови поверхностно цивилизованнаго дикаря, которая при первой возможности вскипаетъ съ первобытной силой и овладѣваетъ имъ. Надо отмѣтить, что онъ и раньше, по гораздо менѣе важному поводу, говоритъ (стр. 315): *я чувствую, что кровь ужъ начала осиливать мой разумъ.*

Стр. 331. Отелло: *Какъ волны ледяныя Понтійскаго моря... Несутся въ Пропонтиду и Геллеспонтъ.*

О томъ, что въ проливахъ есть теченіе изъ Чернаго моря въ Средиземное. Шекспиръ читалъ у Плинія (англ. пер. 1601 г.).

Клянусь теперь моимъ этимъ чистымъ небомъ.

Въ подлинникѣ «мраморнымъ», какъ Шекспиръ часто называетъ небосводъ, — быть можетъ, имѣя въ виду его непоколебимую устойчивость.

Стр. 331. Шутъ: *Не знаю, гдѣ онъ квартируетъ.*

Пропущено нѣсколько переполненныхъ непереводимыми каламбурами фразъ, которыми обмѣниваются въ подлинникѣ шутъ и Дездемона.

Стр. 332. Отелло: *Это признакъ и щедрости души и плодородья.*

Въ подлинникѣ fruitfulness по мнѣнію Дэліуса, здѣсь не плодородіе, но щедрость.

По нынѣшней геральдикѣ дается
Одна рука, не сердце.

Намекъ на употребленіе въ гербахъ того времени изображенія руки: король Іаковъ учредилъ баронскій титулъ, который онъ пускалъ въ продажу и обладатели котораго получали право носить въ гербѣ красную руку на серебряномъ полѣ.

И этотъ шелкъ окрашенъ влагой вялой,
Изъ девственныхъ сердецъ прекрасныхъ мумій.

Соку мумій приписывали во время Шекспира чудесную силу, особенно противъ падучей болѣзни. Здѣсь говорится о сокѣ, добытомъ умѣлыми людьми (skilful) изъ сердецъ дѣвушекъ.

Дездемонѣ непонятна эта туманная рѣчь и потому она отвѣчаетъ:

. . . . *Не умью*
Поддерживать я этотъ разговоръ.

Стр. 334. *Вижу я теперь, что подкупила свидѣтелей.*

То есть, свою душу.

Стр. 331. Бьянка:

Не приходить семь ночей и семь ночей.
Сто шестьдесятъ часовъ

Въ подлинникѣ точнѣе: «восемь разъ двадцать и восемь часовъ» (семь сутокъ—168 часовъ).

Стр. 336. Отелло: *Словно надъ домомъ зачумленнымъ воронъ злой.*

Распространенное во времена Шекспира повѣрье связывало ворона съ домомъ, гдѣ есть зараза, и съ предвѣстіемъ близкой смерти.

Стр. 336. Отелло: *Природа не облекается въ такую обманчивую страсть безъ какого-нибудь предчувствія....*

Дэліусъ иначе толкуетъ эту фразу. Отелло, по его мнѣнію, понимаетъ подъ shadowing passion свое смутное, близкое къ наступающему обмороку состояніе и думаетъ, что природа посылая ему таковое, дѣлаетъ это въ видѣ нѣкотораго указанія; такимъ образомъ даже его бѣшенство служитъ для него доказательствомъ виновности Дездемоны.

О, носы, уши, губы.

Эти слова вырывающіяся у Отелло въ полубезсознательномъ состояніи,—вызываютъ разныя толкованія. Одни думаютъ, что здѣсь Отелло терзаютъ представленія о физической близости Дездемоны и Кассіо, другіе, что онъ здѣсь въ ярости уже думаетъ, какъ отомстить имъ, отрѣзавъ имъ носы, губы и уши и т. п. Въ связи съ предыдущею и слѣдующей фразами Дэліусу кажется болѣе подходящимъ первое толкованіе.

Стр. 336. Отелло: *Смѣешься ты надо мной?*

Въ вопросѣ Яго *Не ракили-ль вы голову?*— Отелло видитъ насмѣшку надъ своими рогами.

Стр. 338. Яго: *Вотъ если-бъ то зависѣло отъ Бьянки.*

Вмѣсто Bianca's power (во власти Бьянки) правильнѣе читать Bianca's dower: «если бы это было въ приданномъ Бьянки». Яго подготовляетъ свой прямой вопросъ, женится-ли Кассіо на Бьянкѣ.

Стр. 338. Отелло: *Ты торжествуешь, римлянинъ, ты торжествуешь.*

Это странное названіе, которое Отелло даетъ здѣсь Кассіо, принято объяснять тѣмъ, что онъ здѣсь сравниваетъ его торжество съ тріумфомъ римскаго побѣдителя. *Ты торжествуешь* въ англійскомъ текстѣ: «do you triumph».

Стр. 338. Кассіо: *Эта женщина точно хорекъ.*

Хорекъ считается однимъ изъ самыхъ сладострастныхъ животныхъ.

Стр. 339. Лодовико: *Привѣтъ мой вамъ, храбрѣйшій генералъ.*

Дословно Лодовико говоритъ: «Да спасетъ васъ Богъ, достойный генералъ», на что Отелло, подъ гнетомъ своихъ страданій, отвѣчаетъ «Отъ всего сердца сэръ» («желаю я того же»—должно дополнить, по мнѣнію Дэліуса).

Стр. 340. Отелло: *Козлы и обезьяны.*

Отелло вспоминаетъ слова Яго о похотливыхъ козлахъ и обезьянахъ. (См. выше примѣч. къ стр. 330).

Стр. 340. Отелло: *Какъ будто бы за вѣеромъ, за маской...*

Дамы временъ Шекспира часто одѣвали внѣ дома черныя шелковыя маски.

Стр. 342. Отелло (Эмиліи): *А ты ступай къ занятіямъ своимъ.*

Отелло имѣетъ въ виду сводничество.

Такъ осуди сама себя вдвойнѣ.
Клянись, что ты вѣрна мнѣ.

Лживая клятва будетъ вторымъ преступленіемъ развратной Дездемоны: поэтому Отелло называетъ ее «дважды осужденной».

Стр. 344. Дездемона: *Постели мнѣ брачныя сегодня простыни.*

Это считалось средствомъ вернуть любовь разлюбившаго супруга.

Стр. 346. *Другая комната въ замкѣ.*

Дездемона дѣлаетъ ночной туалетъ въ той самой комнатѣ, въ которой она и Отелло только что прощались съ венеціанскими послами. Это соотвѣтствуетъ простотѣ шекспировской сцены.

Стр. 347. Дездемона: *Нѣтъ, это что то не такъ.*

Разстроенная и разсѣянная Дездемона въ самомъ дѣлѣ путаетъ слова старинной пѣсни.

Стр. 348. Эмилія: . . . *я бы не сдѣлала этого изъ-за пустого перстенька*

Изъ за двойного кольца говоритъ Эмилія въ подлинникѣ: такіе перстни, цѣльные и въ то же время разнимающіеся на два кольца, были употребительны въ это время.

Стр. 351. Родриго: (*умираетъ*).

Это ошибочное указаніе введено по недоразумѣнію позднѣйшими изданіями. Родриго не умираетъ, а только кажется убитымъ, о чемъ въ послѣдней сценѣ (стр. 362) говоритъ Кассіо.

Стр. 353. *Входитъ Отелло.*

Старыя изданія прибавляютъ: *Со свѣчею въ рукѣ.*

Стр. 353. Отелло: *Вотъ, вотъ причина.*

Эти темныя слова вызываютъ многочисленныя толкованія. «Джонсонъ полагалъ, будто Отелло хочетъ сказать, что не убійство его смущаетъ, но причина которою оно вызвано. Стивенсъ предполагаетъ у Отелло еще болѣе сложную мысль, заставляя его сравнить предположенное имъ убійство съ судебнымъ процессомъ (cause), въ которомъ онъ является исполнителемъ (приговора правды). Было также мнѣніе, будто Отелло перебираетъ въ головѣ причины, которыя могли подвигнуть Дездемону ему измѣнить и, остановившись на мысли, что вѣроятно черный цвѣтъ его кожи игралъ въ этомъ главную роль, входитъ въ комнату съ заключительными словами этого вывода: «вотъ причина». Къ этимъ мнѣніямъ Соколовскій прибавляетъ свое: по его мнѣнію, слова Отелло значатъ: «Измѣна есть достаточная причина, чтобы убить ее. Убійство будетъ основательно».

Стр. 355. Отелло: *Вотъ такъ, вотъ такъ!*

Нѣкоторые видятъ въ этихъ словахъ доказательство, что Отелло, не задушивъ Дездемону, закалываетъ ее. За это говоритъ также то, что Дездемона произноситъ далѣе еще нѣсколько словъ; это было бы невозможно, если бы она умерла отъ удушенія. Но Отелло въ началѣ сцены самъ говоритъ:

Но не хочу пролить я эту кровь,
Я не хочу царапать эту кожу.

Остается предположить, что Шекспиръ не зналъ, что удушенные не могутъ придти въ себя передъ смертью, сказать нѣсколько словъ и потомъ все таки умереть отъ удушенія.

Стр. 355. Отелло: *А крику было много.*

Въ подлинникѣ: «Шумъ былъ силенъ»: шумъ, производимый Эмиліей за дверью.

Стр. 357. Эмилія:

Она ужъ слишкомъ горячо
Любила свой несчастный, скверный выборъ.

Дословно: «свою грязную покупку». Эмилія хочетъ сказать, что Дездемона слишкомъ любила своего избранника, чтобы измѣнить ему.

Не страшенъ мнѣ твой мечъ.

Очевидно, въ этотъ моментъ Отелло грозитъ Эмиліи.

Стр. 358. Эмилія: *Я и тогда такъ думала.*

Она вспоминаетъ о томъ, какъ Яго отнялъ у нея платокъ Дездемоны.

Стр. 358. Отелло:

То былъ платокъ, который мой отецъ
Далъ матери моей.

Шекспиръ забылъ, что по первому разсказу Отелло (стр. 332), этотъ платокъ получила его мать отъ волшебницы—цыганки.

Стр. 360. Отелло: *О, дорогой мерзавецъ.*

Это странное выраженіе Шекспиръ употребляетъ также въ «Цимбелинѣ» (д. III, сц. 5 и д. IV, сц. II). Одно изъ первыхъ изданій даетъ pernicious (опасный) вмѣсто precious (дорогой). Соколовскій переводитъ «О, кровопійца гнусный». Боденштедтъ: «рѣдкій злодѣй» (ausgesuchter Bösewicht).

Стр. 361. Отелло: *Я на ноги смотрю его.*

По распространенному повѣрью чертъ сохраняетъ лошадиное копыто при всѣхъ своихъ превращеніяхъ.

Стр. 362. Отелло: . . . *какъ глупецъ-индіецъ, я отбросилъ жемчужину.*

Въ одномъ изъ первыхъ изданій вмѣсто base Indian читается base Judean низкій еврей, въ чемъ видятъ намекъ на царя Іудейскаго Ирода, отвергшаго такую жемчужину, какъ супруга его Маріамна.

Что разъ одинъ въ Алеппо.

Алеппо—малоазіатскій городъ—выбранъ, можетъ быть, намѣренно, чтобы показать всю силу мужества Отелло, который не побоялся зарѣзать турка въ средоточіи турецкаго могущества.

Стр. 362. Лодовико: *Спартанскій песъ.*

Спартанскія собаки считались особенно злобными и употреблялись для медвѣжьей травли.

КОРОЛЬ ЛИРЪ.

(*King Lear*).

Стр. 375. Лиръ: *Предметъ любви и спора двухъ владыкъ могучихъ.*

Въ подлинникѣ: «ты, юной любви которой добиваются вина Франціи и молоко Бургундіи»: богатства обѣихъ странъ, какъ символы ихъ государей.

Стр. 376. Лиръ: *Прочь съ глазъ моихъ!*

Это восклицаніе обращено еще къ Кенту, слѣдующее—къ Корделіи.

Стр. 376. Лиръ: *Чтожъ! Кто идетъ?*

Въ подлинникѣ who stirs?—кто шевелится?—по толкованію Деліуса: «ни звука!»

Стр. 376. Лиръ: *Вотъ корона вамъ моя.* (*Отдаетъ корону*).

Деліусъ обращаетъ вниманіе на то, что въ текстѣ говорится не о королевской коронѣ (crown),

которую вмѣстѣ съ титуломъ Лиръ оставляетъ себѣ, а о малой, герцогской коронѣ (coronet); раздѣлившіе ее зятья его продолжаютъ оставаться герцогами.

Стр. 381. Эдмундъ: *А вотъ и онъ, какъ развязка въ старой комедіи.*

Насмѣшка надъ дошекспировской драмой, въ которой развязка наступала неожиданно, безъ всякой художественной мотивировки.

Стр. 381. Эдмундъ: *Съума шедшій Томъ изъ Бедлама.*

Это было нарицательное названіе юродивыхъ и попрошаекъ. Бедламъ — домъ умалишенныхъ въ Лондонѣ (устроенъ въ 1247 г.).

Стр. 382. Кентъ: .... *А рыбы не ѣмъ никогда.*

Рыбу ѣли въ посты католики, которые въ шекспировскія времена считались дурными гражданами. Поэтъ не задумался перенести этотъ намекъ въ эпоху Лира.

Стр. 383. Кентъ: *Могу .... разсказать забавную сказку.*

Въ подлинникѣ наоборотъ: «могу испортить замысловатую сказку». Кентъ приводитъ это въ доказательство своей простоты и честности.

Стр. 383. Лиръ: *Ты смѣешь глядѣть мнѣ въ глаза, бездѣльникъ.*

Въ подлинникѣ: «ты смѣешь отбрасывать мнѣ мой взглядъ»: подобно мячу въ игрѣ въ футболъ, изъ которой заимствовано это выраженіе. Изъ ея терминологіи взято и дальнѣйшее восклицаніе Кента, который такъ и называетъ дворецкаго «foot-ball player».

Стр. 384. Шутъ: *Вотъ одинъ у меня. Выпроси-ка другой у своихъ дочекъ.*

Шутъ хочетъ сказать, что Лиру полагается два дурацкихъ колпака, такъ какъ его обошли двѣ дочери. Одинъ колпакъ онъ получитъ отъ шута, другой пусть попроситъ у дочерей.

Стр. 384. Шутъ: *Правда-то всегда, что дворовая собака: бей ее хлыстомъ сколько хочешь.*

Шутъ прибавляетъ еще: «а борзая въ это время можетъ лежать у огня и вонять».—«Горькое угощеніе для меня»,—замѣчаетъ Лиръ.

Стр. 384. Шутъ: *И удачу найдешь.*

Въ подлинникѣ послѣ пѣсенки Кентъ говоритъ: «Это — ничто, дуракъ». Шутъ отвѣчаетъ: «Какъ дыханіе неоплаченнаго авдоката. Вы вѣдь мнѣ ничего не дали» и затѣмъ уже обращается къ Лиру: «Можешь ты изъ ничего сдѣлать что нибудь, куманекъ?

Стр. 384. Лиръ: *Горькая шутка.*

Въ подлинникѣ: «Злой (горькій) дуракъ». На это шутъ отвѣчаетъ: «А ты знаешь разницу между горькимъ дуракомъ и сладкимъ?»—«Нѣтъ, научи». На это шутъ отвѣчаетъ стихотвореніемъ, которое Дружининъ передалъ въ прозѣ: *Тотъ съ тобой сыгралъ горькую шутку* и т. д.

Стр. 384. Шутъ: .... *Лорды и великіе люди не уступятъ мнѣ даже глупости. Имѣй я на нее монополію, они захотѣли бы взять свою долю.*

Намекъ на удручавшую при Шекспирѣ страну систему монополій, которыми пользовались по преимуществу придворные.

Стр. 384. Шутъ: *Всѣ умники дурачиться пустились.*

Въ подлинникѣ прибавлено еще одно двустишіе: «Не зная, что дѣлать со своимъ умомъ, они усвоили себѣ обезьяньи ухватки».

Стр. 385. Гонерилья: *Пора бы вамъ, сэръ, ... оставить ваши причуды.*

Эта и слѣдующая реплика (Лира) — стихи. Послѣ этихъ словъ шутъ вставляетъ: «Даже оселъ замѣтитъ, что телѣга тащитъ коня. Гопъ, другъ, я люблю тебя». Первая фраза значитъ, что когда на свѣтѣ все идетъ наоборотъ, то и оселъ это замѣтитъ. Вторая—весьма мало понятная—считается припѣвомъ изъ какой то старой пѣсни.

Стр. 385. Лиръ: *Пусть мнѣ скажутъ, кто я такой. Тѣнь Лира?*

Въ изданіи folio послѣднія слова произноситъ не Лиръ, а шутъ.

Я чувствую, я понимаю, я вижу—не вижу только того, что у меня есть дочери.

Точнѣе: «знаки моего достоинства, мои знанія и разумъ должны были бы меня убѣдить, что у меня есть дочери».

Стр. 386. Шутъ:

Съ дочкою такой;
Какъ съ кумой-лисой.

Въ англійскомъ народномъ представленіи лиса—образъ неблагодарности.

Послѣ этой пѣсенки шутъ уходитъ.

Стр. 386. Лиръ: *Скачи съ этимъ письмомъ скорѣе къ Глостеру.*

Необходимо имѣть въ виду, что здѣсь говорится не о графѣ, а о городѣ Глостерѣ, мѣстопребываніи герцога Корнвалійскаго; по сосѣдству отъ него въ полуднѣ пути расположенъ замокъ графа Глостера.

Стр. 387. Лиръ: *Я ее обидѣлъ.*

Лиръ говоритъ о Корделіи.

Стр. 387. Шутъ: *Чтобы прятать туда свою голову.*

Шутъ прибавляетъ: *А когда надо, рожки высунуть.*

Стр. 387. Шутъ: *А почему, когда на небѣ сидитъ семь звѣздъ—ихъ только семь счетомъ?*

Точнѣе: «Почему въ Семизвѣздьи — семь звѣздъ». Семизвѣздьемъ называлось созвѣздіе Плеядъ.

Можно бы тебя назвать за это добрымъ дуракомъ.

Точнѣе: «Изъ тебя вышелъ бы хорошій дуракъ».

Стр. 387. *Всѣ уходятъ.*

Въ переводѣ опущены стихи произносимые шутомъ предъ уходомъ въ заключеніе сцены. Это риѳмованное обращеніе къ женской части публики, вѣроятно, принадлежитъ не Шекспиру, но по обычаю, который онъ такъ порицаетъ въ Гамлетѣ, съимпровизировано кѣмъ нибудь изъ актеровъ и затѣмъ внесено въ рукописи и изданія пьесы. Дословный переводъ его: «Та дѣвушка, которая сегодня смѣется надъ моимъ уходомъ, не долго останется дѣвушкой, если не приключится чего нибудь поскорѣе».

Стр. 390. Регана:

Какъ! Крестникъ моего отца?

Одинъ изъ обычныхъ анахронизмовъ Шекспира: крестникъ въ языческую эпоху.

Стр. 390. Эдмундъ: *Онъ былъ при свитѣ.*

Такъ какъ во всей трагедіи нѣтъ указаній на то, что Эдгаръ былъ въ числѣ рыцарей свиты Лира, то есть предположеніе, что это — ложь Эдмунда, имѣющая цѣль бросить нѣкоторую тѣнь на Эдгара.

Стр. 390. Дворецкій: *Здорово, пріятель.*

Въ подлинникѣ: «Хорошаго разсвѣта тебѣ, другъ». На сценѣ ночь и оттого Освальдъ не узнаетъ Кента.

Стр. 390. Кентъ: *Попадешься ты мнѣ въ руки.*

Въ подлинникѣ: «Если бы мы были въ Лин-

сборінскомъ загонѣ. Неизвѣстно, что Кентъ имѣетъ въ виду. Предполагаютъ, что это какое-то мѣсто для кулачнаго боя.

Ты бездѣльникъ, подлецъ и т. д.

Въ подлинникѣ Кентъ употребляетъ сложныя и въ значительной степени непонятныя ругательства вродѣ: стофунтовый лоботрясъ, шерстяно-чулочный, получившій одинъ сундукъ рабъ и т. п.

Ахъ ты, бездѣльникъ, ахъ ты, жалкое отродье.

Въ подлинникѣ: «Ахъ, ты Z, ненужная буква»: буква Z употребляется такъ рѣдко, что ее считаютъ ненужной и не принадлежащей къ англійской азбукѣ.

Эхъ, гуси, гуси, погналъ бы я васъ.

Въ подлинникѣ: «Если бы я былъ на Сарумской равнинѣ, я прогналъ бы васъ назадъ въ Камелотъ».

Сарумская равнина (въ Соммерсетширѣ), гдѣ стоялъ замокъ короля Артура Камелотъ, была извѣстна гусями.

Стр. 393. Эдгаръ: *Приму я видъ презрѣннаго бродяги, одѣнусь жалкимъ нищимъ, словно скотъ.*

Образъ, принятый на себя Эдгаромъ, не выдумка Шекспира, но основанъ на современной ему дѣйствительности. До насъ дошли описанія подобныхъ юродивыхъ бродягъ, напр. въ «Bellman of London» Деккера, гдѣ не только описана ихъ внѣшность, совершенно совпадающая съ образомъ Эдгара-Тома, но даже приведенъ ихъ возгласъ: «Бѣдному Тому холодно».

Что значитъ *Терлигудъ*, не удалось установить съ точностью. Одни полагаютъ, что это названіе произошло отъ исковерканнаго thoroughly-good (совсѣмъ хорошій), другіе видятъ въ немъ исковерканное turlupin, какъ назывались во Франціи мистики-фанатики, во многомъ сходные съ «бѣдными Томами».

Стр. 393. Лиръ:

Мнѣ странно, какъ уѣхали они
И моего гонца не отослали

Необходимо имѣть въ виду, что Лиръ говоритъ о городѣ Глостерѣ, резиденціи герцога Корнвалійскаго. Сюда онъ послалъ Кента, и не найдя ни Реганы съ мужемъ, ни своего гонца, отправился къ замку графа Глостера, гдѣ застаетъ его эта сцена.

Стр. 394. Лиръ: *О, какъ тоскуетъ сердце! Какъ кручина восходитъ выше все.*

Въ подлинникѣ Лиръ называетъ свою болѣзнь hysterica passio—терминъ, найденный Шекспиромъ въ Разоблаченіи папскихъ обмановъ Гарснета (1603), книгѣ, которою Шекспиръ, какъ видно будетъ ниже, вообще пользовался для Лира.

Стр. 395. Лиръ:

. . . . *Я прикажу*
Бить въ барабанъ, пока они не выйдутъ.

Въ подлинникѣ Till it cry «Sleep to death» — по толкованію Деліуса: «пока не раздастся крикъ «Спите до смерти!»

Какъ просить прощенья?

Въ подлинникѣ прибавлено: «Какъ это будетъ соотвѣтствовать достоинству дома!»

Стр. 396. Лиръ: *Нѣтъ, моя Регана.*

Пропущено указаніе, что здѣсь Лиръ поднимается съ колѣнъ.

Стр. 402. Шутъ: *Что, куманекъ, подъ кровлей-то сидѣть получше?*

Точнѣе: «Что, дядюшка, придворная священная вода въ сухомъ домѣ лучше, чѣмъ дождь на дворѣ?»

Придворная священная вода — какъ французское eau benite de la cour — хорошее образное названіе подобострастныхъ рѣчей.

Стр. 402. Шутъ: *Не было еще красавицы, которая не гримасничала бы передъ зеркаломъ.*

Пѣсню шутъ поетъ передъ этой фразой.

Стр. 403. Шутъ: *Вельможи поучать начнутъ своихъ портныхъ.*

Уарбэртонъ поясняетъ: «когда вельможи начнутъ выдумывать моды для своихъ портныхъ». Деліусъ предлагаетъ другое объясненіе: «когда вельможи начнутъ заботиться (are tutors) о своихъ портныхъ» — то есть перестанутъ ихъ разорять.

Ростовщики начнутъ любить бары и ямы.

Въ подлинникѣ: «Когда ростовщики станутъ считать свои деньги открыто».

Это предскажетъ Мерлинъ—древній англійскій волшебникъ; съ насмѣшкою названъ пророкомъ также въ Генрихѣ IV. ч. I (д. III, сц. I).

Стр. 403. Лиръ: *Ты хочешь сердце мнѣ разорвать?*

Нѣкоторые предлагаютъ другое толкованіе: «Сердце, ты хочешь разорваться?» За первое пониманіе говоритъ дальнѣйшая фраза Лира: *Меня же буря отъ тяжкихъ размышленій отвлекаетъ.* Во всякомъ случаѣ въ этомъ смыслѣ принимаетъ ее Кентъ, какъ обращеніе къ нему, что явствуетъ изъ его отвѣта.

Стр. 404. Голосъ Эдгара: *Сажень, сажень съ половиной.*

Эдгаръ подражаетъ лоцману, который мѣряетъ шестомъ глубину воды.

Стр. 404. Эдгаръ: *Прочь, за мной бѣжитъ діаволъ! Холодный вѣтеръ дуетъ сквозь колючій терновникъ.*

Отрывокъ изъ потерянной баллады.

Стр. 404. Эдгаръ: *Дайте что-нибудь бѣдному Тому.*

Все это время Эдгаръ, притворяющійся сумасшедшимъ, съ намѣреніемъ несетъ околесную, весьма туго поддающуюся переводу. Почти всѣ подробности поведенія человѣка, одержимаго духомъ, вплоть до его возгласовъ, взяты изъ вышеупомянутой книги Гарснета, гдѣ разсказано о томъ, какъ іезуиты, подъ предлогомъ изгнанія злыхъ духовъ, совращали въ свою вѣру двухъ слугъ и трехъ служанокъ нѣкоего Пекгема. Въ книгѣ переданъ процессъ, гдѣ судились эти паписты-совратители.

Злой духъ гналъ его по огню и пламени, по бродамъ и пучинамъ, по болоту и ямамъ, клалъ ему ножи вмѣсто подушки, кормилъ мышьякомъ.

Таковы были судебныя признанія жертвъ навожденія, изложенныя у Гарснета. Въ подлинникѣ трагедіи прибавлено, что бѣсъ продѣлывалъ все это даже въ церкви и заставлялъ несчастнаго Тома «скакать по мостику шириною въ четыре дюйма въ погоню за своей тѣнью».

Стр. 404. Лиръ: *Они на свѣтъ родили чудовищъ дочерей.*

Въ подлинникѣ «дочерей-пеликановъ» — намекъ на то, что, по повѣрью, пеликанъ кормитъ дѣтей своими внутренностями.

Стр. 405. Эдгаръ: *Пилликокъ.*

Старинное непристойное слово.

Волокитой, гордымъ сердцемъ и умомъ, который завивалъ волосы, носилъ перчатки на шляпѣ, служилъ похоти сердца своей любовницы.

Завитые волосы — по Гарснету — признакъ того, что человѣкъ одержимъ бѣсомъ гордости:

перчатку, полученную отъ дамы, носили на шляпѣ рицари въ знакъ поклоненія ей.

Что касается любви къ женщинамъ, то въ этомъ отношеніи могъ заткнуть за поясъ любого турка.

Въ подлинникѣ the Turk -турецкаго султана.

Стр. 406. Эдгаръ: . . . . *онъ говоритъ: мумъ, мумъ*.

Это безсмысленный припѣвъ, часто встрѣчающійся въ любовныхъ пѣсняхъ шекспировскаго времени -также въ одной пѣсенкѣ Офеліи.

Мальчикъ, оставь меня . . . . Пусть его проходитъ . . . .

Отрывокъ изъ баллады, гдѣ французскій король удерживаетъ своего сына (въ подлинникѣ дофинъ, постой) отъ турнира съ разными соперниками.

Стр. 406. Лиръ: . . . . *ни немъ нынѣ ни кожи отъ звѣря, ни шерсти отъ овцы, ни шелку отъ червя.*

Въ подлинникѣ прибавлено: «ни аромата отъ кошки», т. е. мускуса, который употреблялся въ парфюмеріи этого времени.

Стр. 406. Эдгаръ: *Это злой духъ Флиберти-жибетъ, что до первыхъ пѣтуховъ бродитъ.*

Названіе бѣса взято у Гарснета.

И трижды три раза встрѣчался съ злою марой.

Святой Витольдъ считался избавителемъ отъ ночныхъ кошмаровъ (мары).

Теперь же то крыса, то мышь на обѣдъ.

Стихи изъ старой баллады, описывающей семилѣтнее заточеніе одного богатыря.

Стр. 406. Лиръ:

. . . . *Скажу я слово*
Вотъ съ этимъ овсянымъ мудрецомъ.

Какъ раньше философомъ и позже аѳинянином. Лиръ называетъ здѣсь безумнаго Эдгара овсянникомъ, въ связи съ его разсужденіями.

Стр. 407. Эдгаръ: *Фу-фу фу, пахнетъ британскою кровью.*

Стихъ изъ старинной британской баллады; въ подлинникѣ три стиха, а не одинъ. Дословный переводъ: «Рыцарь Рол: идь вошелъ въ темную башню, и слово его было: фуй, фуй, здѣсь пахнетъ кровью британца».

Стр. 407. Эдгаръ: *Хотятъ удить рыбу въ черномъ озерѣ.*

Въ подлинникѣ: «Фратеретто (одинъ изъ дьяволовъ) зоветъ меня и говоритъ, что Неронъ удитъ рыбу въ озерѣ тьмы . Въ Гаргантюа Рабле, англійскій переводъ котораго былъ извѣстенъ Шекспиру, разсказывается, что въ аду Траянъ удитъ рыбу, а Неронъ играетъ на скрипкѣ.

Стр. 408. Эдгаръ: *Смотрите, какъ онъ стоитъ и взглядами сверкаетъ.*

Эта фраза относится къ Лиру: слѣдующая

Иль мало глазъ вамъ на судѣ? -

къ предполагаемымъ подсудимымъ Регани и Гонерильѣ (въ подлинникѣ прибавлено Madam): это упрекъ въ кокетствѣ: неужто и на судѣ вамъ нужно привлекать взгляды?

Бѣгси, что-жъ ты не плывешь?

Эдгаръ поетъ начало пѣсенки, которую продолжаетъ шутъ.

Стр. 408. Шутъ: *Очень виноватъ предъ вами: я принялъ васъ за скамейку.*

Это пословица: ея смыслъ: вы не похожи на человѣка.

Стр. 408. Эдгаръ: *Тому нѣтъ нечего.*

Дословно: Рогъ бѣднаго Тома сухъ : Обри, которому мы обязаны первыми біографическими свѣдѣніями о Шекспирѣ, сообщаетъ, что бѣдные Томы» ходили по домамъ съ большимъ рогомъ, прося пить.

Передъ этимъ пропущена фраза: «Валяй на ярмарки и рынки».

Стр. 408. Шутъ: *А я завалюсь спать въ полдень*

Это послѣднія слова шута въ пьесѣ: больше онъ не появляется и о немъ никто не вспоминаетъ. Боденштедтъ толкуетъ эту фразу: «я пойду и умру; все это для меня выше шутки».

Стр. 410. Корнвалль:

Мы его казнить не можемъ безъ суда;
Но мы съумѣемъ сослать наше зло
По своему.

Точнѣе: «Мы должны подчинить нашу силу нашему гнѣву, оказавъ ему честь, которую люди смогутъ порицать, но не отвратить».

Стр. 410. Глостеръ:

Къ столбу привязанъ я—грызитесь смѣло

Образъ изъ медвѣжьей травли, гдѣ собаки нападали на звѣря, привязаннаго къ столбу.

Стр. 411. Корнвалль:

Твои глаза я прежде ногами растопчу.

Ремарки нѣтъ, но очевидно здѣсь Корнвалль вырываетъ у старика одинъ глазъ. Однако осторожные комментаторы считаютъ рискованнымъ какое либо указаніе, такъ какъ мы не знаемъ, какъ исполнялся этотъ моментъ на Шекспировскомъ театрѣ -- быть можетъ такъ, что зрители этого не видѣли.

Стр. 412. Корнвалль: *На навозъ его вы бросьте.*

Это относится не къ Глостеру, а къ убитому Реганой слугѣ.

Стр. 413. Эдгаръ: *Пятеро сидятъ въ бѣдномъ Томѣ: Обидикутъ распутникъ, Гобидидансъ* и т. д.

Всѣ названія взяты изъ Гарснета, съ познаваніемъ котораго особенно связано упоминаніе о бѣсѣ, «что мучитъ служанокъ» (см. выше). Дѣйствительное происшествіе, на которое намекаютъ эти слова, было извѣстно публикѣ Шекспира.

Стр. 414. Гонерилья: . . . . *Кроткій мой супругъ.*

Альбани сдѣлалъ еще въ началѣ (стр. 386) слабую попытку не одобрить отношенія Гонерильи къ отцу.

Стр. 414. Гонерилья (*даетъ ему ленту*).

Въ подлинникѣ: «даетъ ему знакъ вниманія» (a favour). Деліусъ полагаетъ, что это можетъ быть цѣпь.

Стр. 414. Гонерилья: *А, наконецъ, идетъ онъ.*

Точнѣе: «Когда то я стонла свистка». Это намекъ на пословицу: «жалка собака, которая не стоитъ свистка».

Стр. 414. Альбани:

. . . . *какъ вѣтка,*
Отъ дерева отпавшая родного,
Зачахнетъ, высохнетъ и въ печкѣ пламень
Лишь будетъ годенъ.

Альбани говоритъ о колдовскомъ огнѣ, для котораго вѣдьмы и колдуны употребляли мертвыя, высохшія вѣтви.

Стр. 415. Гонерилья: *Трусъ несчастный.*

Дословно: «человѣкъ съ бѣлой печенью».

А ты, глупецъ правдивый.

Точнѣе: «Глупый моралистъ».

Стр. 419. Глостеръ: *Когда же мы на верхъ горы взберемся?*

Приморскій утесъ, о которомъ здѣсь говорится, изображенъ на стр. 364. Должно однако помнить, что на самомъ дѣлѣ Глостеръ и Эдгаръ на него *не* взбираются.

Стр. 419. Эдгаръ: *И рветъ укропъ — ужасное занятье.*

Опаснымъ собираніемъ травъ по крутизнамъ приморскихъ утесовъ занимались при Шекспирѣ многіе жители англійскаго побережья.

Стр. 421. Лиръ: *Вотъ твои деньги за вербовку.*

Лиръ воображаетъ, что онъ набираетъ войско и во главѣ его идетъ на дочерей.

Дайте мнѣ аршинъ ткача.

Повидимому Лиръ требуетъ, чтобы стрѣлокъ натянулъ тетиву на аршинъ отъ лука.

Стр. 422. Лиръ: *Король! Король отъ головы до ногъ.*

Дословный переводъ этой знаменитой фразы: Да, каждый дюймъ—король!

Ни хорекъ, ни выпущенный конь.

Хорекъ считается особенно похотливымъ животнымъ; конь, выпущенный впервые весною изъ конюшни на лугъ, также полонъ половой страсти.

Онѣ центавры внизъ отъ поясницы.

Собственно, центавры — полулюди, полукони — онѣ въ цѣломъ: люди выше поясницы и животныя ниже поясницы.

Стр. 423. Лиръ: *Какъ! Эта шляпа хороша?*

Въ подлинникѣ безъ знака вопроса. По объясненію Стивенса, Лиръ, какъ всѣ тогдашніе проповѣдники, держитъ шляпу въ рукахъ. Взглядъ на нее наводитъ его на мысль употребить ея войлокъ - обмотать имъ (а не соломой, какъ въ переводѣ) копыта лошадей, чтобы изподтишка напасть на враговъ.

Мнѣ тяжко— солоно отъ слезъ.

Въ подлинникѣ: «это можетъ изъ человѣка сдѣлать человѣка изъ соли».

Стр. 425. *Лиръ спитъ въ постели.*

По другому тексту Лира при поднятіи занавѣса нѣтъ на сценѣ. Его вносятъ слуги потомъ, передъ словами Джентельмена (по Деліусу — Врача): *Да, государыня; во время сна его переодѣли* (стр. 426).

Стр. 427. Лиръ:

Дай мнѣ коснуться глазъ твоихъ. То — слезы
Онѣ мокры.

Лиръ все не вѣритъ себѣ, что онъ не во снѣ и удивляется всякому осязательному ощущенію — прежде уколу булавки, теперь мокрымъ слезамъ.

Стр. 431. Регана: *Сестра, я нездорова.*

Регана уже здѣсь чувствуетъ первое дѣйствіе даннаго ей сестрой яда.

Стр. 431. Альбани: *Постой еще, мой незаконный братецъ.*

Въ подлинникѣ «полукровный», такъ какъ Эдмундъ лишь по отцу дворянинъ.

Стр. 433. Альбани: *Пощада павшему.*

Переводомъ приданъ оттѣнокъ не соотвѣтствующій смыслу подлинника. Альбани говоритъ «Спасите его» — по общему мнѣнію комментаторовъ — для того, чтобы злодѣй могъ быть еще наказанъ судомъ за свои преступленія.

Стр. 434. Альбани:

Довольно горькихъ словъ. Нѣтъ силы больше
О прежнихъ слышать.

На это Эдгаръ въ подлинникѣ отвѣчаетъ, что то, что онъ разсказалъ теперь, кажется предѣломъ тѣмъ, кто не любитъ горя: но тотъ, кто не боится страданій, увеличилъ-бы «много», чтобы еще усилить «слишкомъ много» и превзойти— въ разсказѣ о горестяхъ—все прежнее.

Стр. 434. Эдгаръ: . . . . . *Тутъ раздались трубы—и я его оставилъ.*

Третій звукъ трубы, призывавшей его къ поединку съ Эдмундомъ.

Стр. 435. Кентъ: *Насталъ послѣдній день для міра.*

Эдгаръ: *Страшно! Страшно! Смерть, гдѣ ты?*

Въ подлинникѣ:

Кентъ: «Вотъ это обѣщанный конецъ?

Эдгаръ: «Или образъ этого ужаса?»

Альбани: «Этого паденія и конца?»—

Стр. 436. Кентъ: *Я—Кентъ, слуга вашъ вѣрный. Гдѣ Кайусъ, что служилъ вамъ?*

Очевидно, Кайусъ было имя, подъ которымъ Кентъ служилъ Лиру въ изгнаніи.

Стр. 438. Альбани: *Смиримся же предъ тяжкою годиною.*

Изданіе folio съ большимъ основаніемъ влагаетъ эти заключительныя слова въ уста Эдгару, который какъ бы отвѣчаетъ ими на предложеніе герцога, отклоненное Кентомъ.

МАКБЕТЪ.

(Macbeth).

Стр. 459. *Поле близъ Фореса.*

Форесъ, резиденція короля Дункана, лежитъ между Файфомъ, гдѣ происходитъ битва, и Инвернессомъ, мѣстопребываніемъ Макбета.

Стр. 459. Солдатъ: *Воинственные кэрны подоспѣли.*

Въ подлинникѣ прибавлены еще Галлошасы — два рода ирландскихъ войскъ, легко вооруженные и тяжело вооруженные, и тѣ и другіе дурно дисциплинированные и падкіе къ грабежу воины.

Стр. 459. Россе: *Свенонъ, примкнувъ къ измѣннику Кавдору.*

Свено — король Норвежскій.

Беллоны другъ, облитый крѣпкой сталью.

Беллона — древне-римская богиня войны; въ другѣ Беллоны комментаторы долго видѣли Марса, но это, конечно, Макбетъ.

Стр. 460. Россе:

. . . . *онъ заплатилъ*
Двѣнадцать тысячъ долларовъ въ Сенъ-Кольмѣ.

Сенъ-Кольмъ—островъ у шотландскаго побережья, неподалеку отъ Файфа, гдѣ происходитъ битва, названъ такъ по монастырю имени св. Колумбана. По Голиншеду на островѣ происходила не уплата, но погребеніе павшихъ.

Стр. 460. Дунканъ: *А Макбета поздравь Кавдорскимъ таномъ.*

Шотландскій танъ соотвѣтствуетъ англійскому барону.

Стр. 460. Первая вѣдьма: *Въ рѣшетѣ за нимъ пущуся.*

О томъ, что вѣдьмы плаваютъ по морю въ рѣшетѣ, Шекспиръ зналъ по процессамъ вѣдьмъ.

Стр. 460. Первая вѣдьма:

Шкипера мизинецъ.
Онъ спѣшилъ обнять жену
И, дойдя, пошелъ ко дну.

Большой палецъ (о немъ, а не о мизинцѣ говорится и въ подлинникѣ), принадлежавшій моряку, погибшему на возвратномъ пути, входитъ въ число колдовскихъ средствъ.

Стр. 461. Банко:

. . . . *Не обуялъ ли*
Насъ запахъ травъ, лишающихъ разсудка?

Такія травы были извѣстны Шекспиру по одной книгѣ, гдѣ приводятся названія одной изъ нихъ: Henbane, Jusana, Mirilidium.

Стр. 462. Макбетъ:

Сбылись два изреченія: разыранъ
Прологъ и драма царская растетъ.

«Прологъ» это званія двухъ тановъ, полученныя Макбетомъ. «царская драма» — драма его борьбы за королевскую власть.

Стр. 463. Дункавъ: *А тамъ мы, Макбетъ, въ Инвернесъ съ тобою.*

Послѣ этихъ словъ король прибавляетъ: «чтобы тамъ (своею службой) ты еще болѣе обязалъ насъ». Макбетъ отвѣчаетъ: «Бездѣлье есть всякій трудъ, не посвященный вамъ».

Стр. 463. (*Уходятъ*).

При этомъ трубятъ трубы.

Стр. 463. Лэди Макбетъ (читаетъ): *Онъ встрѣтились со мною въ день побѣды.*

При поднятіи занавѣса лэди Макбетъ прочла уже первую часть письма, посвященную битвѣ и описанію вѣдьмъ.

Стр. 464. (Слышно карканье ворона). Лэди Макбетъ: *И воронъ охрипъ, закаркавъ на пріѣздъ Дункана.*

Не во всѣхъ изданіяхъ есть указаніе на карканье ворона, нѣтъ его и въ подлинникѣ: по мнѣнію Деліуса лэди Макбетъ называетъ ворономъ вѣстника, охрипшаго отъ усталости — и въ его хрипѣ видитъ дурное предсказаніе—для Дункана.

Къ грудямъ моимъ и желчью замѣните ихъ молоко.

Переведено сообразно съ толкованіемъ Джонсона. Деліусъ объясняетъ это мѣсто иначе: «Питайтесь моимъ молокомъ, которое стало желчью, ибо я потеряла мою женственность».

Пусть онъ не видитъ раны.

Пусть будетъ такъ темно, чтобы даже ножъ не видѣлъ раны, которую дѣлаетъ.

Стр. 464. *Музыка.*

Въ подлинникѣ «Гобои и факелы».

Стр. 465. *Кравчій.*

На шекспировской сценѣ отличался повязанной на рукѣ салфеткой.

Потомъ входитъ Макбетъ.

Между уходомъ Кравчаго и появленіемъ Макбета—значительная пауза, въ теченіи которой начинается и продолжается торжественный обѣдъ.

Стр. 466. Лэди Макбетъ: *Сказать «Хочу» и вельможъ за тьмой— не смѣю?*

Въ подлинникѣ она прибавляетъ «какъ кошка въ пословицѣ». Эта старая англійская пословица: «любитъ кошка рыбу, да лапы мочить боится».

Стр. 466. *Банко и Флинсъ; передъ ними слуга съ факеломъ.*

По первымъ изданіямъ факелъ несетъ Флинсъ: о слугѣ не упоминается.

Стр. 468. Банко: *Подай мнѣ мечъ.*

Банко сперва снялъ мечъ, но, услышавъ чьи то шаги, изъ предосторожности беретъ его опять.

Стр. 468. Макбетъ: *Мой глазъ безумствуетъ, или онъ скорѣе всѣхъ прочихъ чувствъ.*

Деліусъ объясняетъ: «Если кинжалъ, который привидѣлся Макбету, не настоящій, то глаза его безумны и обмануты другими чувствами. Если же кинжалъ настоящій, то глаза, его замѣтившіе, дороже всѣхъ остальныхъ чувствъ, для которыхъ онъ не существуетъ».

Нѣтъ, это призракъ.

Макбетъ произноситъ это, очевидно, когда кинжалъ исчезаетъ.

Шагами осквернителя Таркиніи.

Дословно «выдолбленными шагами Таркиніи»—вѣрнѣе, Секста, сына римскаго царя Таркиніи Гордаго, обезчестившаго Лукрецію, жену Л. Т. Коллатина.

Стр. 468. Лэди Макбетъ:

Вино лишило ихъ ума и силы
А мнѣ дало и смѣлость и огонь.

Она не пила вина: смѣлость придала ей удача. Напитокъ, которымъ она усыпила прислужниковъ, не вино: она, какъ говорится ниже насыпала снотворное средство въ питье, которое называлось posset и состояло изъ молока, яицъ и т. д. Его пили передъ сномъ.

Стр. 468. Макбетъ (*за сценой*):

Кто зоветъ? А Кто?

Эти слова Макбетъ въ театрѣ Шекспира произноситъ не за сценой, но, появляясь на мгновеніе на балконѣ, въ глубинѣ сцены, который—предполагалось—ведетъ въ спальню Дункана.

Стр. 470. Макбетъ (оглядывая свои руки):

Взяли мой другъ какой печальный видъ.

Ремарка прибавлена позднѣйшими издателями и полагаютъ, что эти слова Макбетъ относитъ не къ своимъ рукамъ, но къ убитому Дункану.

Стр. 470. Лэди Макбетъ: *Но я стыжусь что сердце у меня такъ бѣло.*

Точнѣе: «но во мнѣ вызываетъ презрѣніе то, что у меня сердце не такъ бѣло, какъ у тебя», то есть: мнѣ стыдно, что ты такъ малодушенъ.

Стр. 471. Привратникъ: *А, почтенный фермеръ! Ждалъ, ждалъ урожая, да и повѣсился.*

Рѣчь, повидимому, о хлѣбномъ спекулянтѣ, который скупалъ хлѣбъ въ разсчетѣ на недородъ, но, узнавъ объ урожаѣ, повѣсился.

Портной—англичанинъ имѣетъ честь быть впущенъ сюда за умѣнье украсть лоскутъ матеріи отъ французскихъ штановъ.

Штаны по французскому фасону были очень широки и потому портной легко могъ тутъ красть матерію.

Стр. 472. Макдуфъ:

. . . О, сердцу не постичь
Словомъ не выразить.

Въ подлинникѣ этому предшествуетъ: «О, ужасъ, ужасъ, ужасъ!».

Тамъ Горю новая васъ ослѣпитъ.

Какъ одинъ видъ Горгоны превращалъ объятаго ужасомъ зрителя въ камень, такъ видъ убитаго короля, лишаетъ его зрѣнія.

Стр. 474. Старикъ: *Мнѣ восемьдесятъ лѣтъ.*

Въ подлинникѣ семьдесятъ.

Стр. 475. Макдуфъ;

Онъ избранъ и уже пошелъ въ Сконъ
Короноваться

Старинный шотландскій городъ Сконъ, гдѣ происходило коронованіе, находился вблизи нынѣшняго Перта.

Его отправили на Кольмескилль.

Дословно — келья св. Колумбана—одинъ изъ Гебридскихъ острововъ, гдѣ погребали шотландскихъ королей.

Нѣтъ, въ Файфъ

То есть къ себѣ домой.

Стр. 477 Макбетъ: *Мой духъ подавленъ имъ, какъ былъ Антоній подавленъ Цезаремъ.*

Въ «Жизни Антонія» Плутарха Шекспиръ читалъ о предсказаніи одного египтянина, который совѣтовалъ Антонію бояться Октавіана Цезаря; этотъ эпизодъ разработанъ въ «Антоніи и Клеопатрѣ» (д. II, сц. II).

Стр. 479. *Входятъ Банко и Флинсъ. Передъ ними идетъ слуга съ факеломъ.*

По первому изданію и здѣсь слуги вѣтъ. Факелъ несетъ Флинсъ.

Стр. 480. *Банко. Флинсъ и слуги бѣгутъ.*

Флинсъ бѣжалъ въ Уэльсъ, гдѣ женился на дочери князя: отъ этого брака произошелъ Вальтеръ, бывшій впослѣдствіи верховнымъ судьей Шотландіи и получившій прозвище Стюартъ по этому званію (High—Steward). Потомкомъ его былъ король Іаковъ и этому обстоятельству надо, быть можетъ, приписать то, что Шекспиръ, рѣдко отступая отъ Голиншеда (ср. вступленіе стр. 445) сдѣлалъ Банко совершенно непричастнымъ убійству короля Дункана.

Стр. 480. Макбетъ: *А червь ушелъ и будетъ ядовитъ.*

Въ подлинникѣ worm, что значитъ также змѣеныш.

Стр. 481. Леноксъ: *Да вотъ хоть здѣсь.*

Въ подлинникѣ: «Вотъ ваше мѣсто, государь». Леноксъ не могъ сказать «хоть здѣсь», потому что кромѣ мѣста не занятаго Макбетомъ—гдѣ теперь сидитъ Банко—свободныхъ мѣстъ нѣтъ.

Стр. 482. Макбетъ: *Разъяреннымъ львомъ, гирканскимъ тигромъ, свирѣпымъ медвѣдемъ.*

Въ подлинникѣ: «Косматымъ русскимъ медвѣдемъ, вооруженнымъ носорогомъ или гирканскимъ тигромъ». О свирѣпости русскаго медвѣдя Шекспиръ говоритъ также въ «Генрихѣ V» (д. III, сц. VII).

Стр. 484. (Голосъ поетъ за сценой). *Лети сюда: я жду тебя.*

Въ изданіяхъ указано лишь начало этого популярнаго въ то время заклинанія, но актеры пѣли его и дальше. Дальнѣйшіе стихи сохранились въ драмѣ Мидльтона (The Witch).

Стр. 485. Три вѣдьмы (поютъ): *Кипи, котелъ! Шипи, бурли!* и т. д.

Въ переводѣ перечислены не всѣ тайныя средства, варящіяся въ котлѣ. Вѣдьмы перечисляютъ еще: глазъ ящерицы, лапу лягушки, чешую дракона, кожу вѣдьмы, пасть акулы, печень еврея, желчь козла, носъ турка и т. д.

Стр. 485. *Является Геката и трое другихъ вѣдьмъ.*

По мнѣнію нѣкоторыхъ, other здѣсь не «другія», а «остальныя»: это не новыя вѣдьмы, а тѣ-же три, вышедшія на встрѣчу Гекатѣ и съ нею возвращающіяся. Дѣйствительно въ дальнѣйшемъ рѣчь по прежнему идетъ о трехъ вѣдьмахъ.

Стр. 486. Геката: *Духи воздуха, огней, духи суши и морей.*

Это заклинаніе также взято Шекспиромъ у народнаго суевѣрія, также лишь обозначено и сохранилось цѣликомъ въ драмѣ Мидльтона. Переводъ Кронеберга свободенъ. Дословно: «Черные духи и бѣлые, Красные духи и сѣрые. Мѣшайте мѣшайте, мѣшайте, всякій, кто можетъ мѣшать! Титти, Тиффгенъ, сгустите варево! Файръ-Дрэкъ и Пуки, готовьте его» и т. д.

Стр. 488. Макбетъ: *Коронъ и лицъ со скипетрами двойными. Съ тройной державою.*

Такія сложныя регаліи—*двойныя* державы и *тройные* скипетры (въ переводѣ наоборотъ)—носили царственные потомки Банко съ тѣхъ поръ какъ по смерти Елизаветы на тронъ Англіи и Ирландіи вступилъ король Іаковъ шотландскій.

Стр. 490. Малькольмъ: . . . . *вѣдь ангелы всѣ свѣтлы, хотя свѣтлѣйшіе изъ нихъ и пали.*

Хотя паденіе свѣтозарнѣйшаго изъ ангеловъ (Люцифера) и показываетъ, что внѣшній блескъ не есть доказательство внутренняго достоинства, однако остальные ангелы вынуждены оставаться свѣтлыми и тѣмъ быть сходными съ Люциферомъ. Такъ и Макдуффъ долженъ мириться съ тѣмъ, что другіе принимаютъ добродѣтельный видъ съ меньшимъ правомъ, чѣмъ онъ и тѣмъ подвергаться подозрѣнію, возбуждаемому не имъ, а другимъ.

Стр. 492. Макдуффъ: . . . *Царица, тебя родившая, гораздо чаще молилась, чѣмъ блистала на престолѣ.*

Дословно: «чаще склоняла колѣни, чѣмъ стояла, и умирала каждый день, который жила», т. е. умерщвляла свою плоть, такъ что жила больше духомъ, чѣмъ тѣломъ.

Стр. 493. Малькольмъ:

Ее зовутъ здѣсь немочь
И добрый царь творитъ надъ нею чудо.

Собственно «королевская немочь»; такъ назывался зобъ, который, по повѣрью, уничтожало прикосновеніе королевской руки. О томъ, какъ король Эдуардъ исцѣлялъ отъ этой болѣзни разсказываетъ хроника Голиншеда.

На шею налагая имъ монету.

Въ подлинникѣ говорится о золотой монетѣ того времени съ изображеніемъ ангела, употреблявшейся для симпатическаго леченія.

Землякъ, но кто—не знаю.

Малькольмъ по костюму узнаетъ шотландца, но лица разглядѣть еще не можетъ.

Стр. 493. Россе: *И люди мрутъ, съ болѣзнью не знакомясь, Какъ вянетъ сорванный цвѣтокъ.*

Въ подлинникѣ: «прежде чѣмъ вянутъ цвѣты на ихъ шапкахъ»: шотландскій беретъ украшали свѣжими цвѣтами.

Стр. 494. Макдуффъ: *Макбетъ бездѣтенъ.*

Въ подлинникѣ «онъ бездѣтенъ»—и эта знаменитая фраза вызываетъ много разнорѣчивыхъ толкованій. Спорятъ даже о томъ, относится ли она къ Макбету; спорно также, что хочетъ ею сказать Макдуффъ: то-ли, что онъ лишенъ возможности выместить на дѣтяхъ Макбета убійство своего ребенка, или то, что, если бы у Макбета были свои дѣти, онъ не могъ бы дойти до такого звѣрства, и убивать чужихъ.

Стр. 496. Макбетъ: *Впередъ съ докладами не приходить.*

Макбетъ имѣетъ въ виду доклады о томъ, что таны отпадаютъ отъ него одинъ за другимъ и переходятъ на сторону Малькольма.

Ст. 496. Макбетъ: *Глядитъ, какъ гусь.*

Гусь, какъ символъ трусости, примѣняется и въ «Коріоланѣ» (д. I. сц. IV).

Стр. 499. Вѣстникъ:

Взглянулъ съ горы я на Бирнамскій лѣсъ:
Гляжу—и вдругъ мнѣ показалось, будто
Онъ движется.

Шекспиръ измѣнилъ для своихъ цѣлей разстояніе между замкомъ Дунзинаномъ и Бирнамскимъ лѣсомъ. Въ дѣйствительности, оно слишкомъ велико (12 миль), чтобы лѣсъ былъ виденъ изъ замка.

Стр. 500. Макдуффъ: *Я не могу рубить наемныхъ кериовъ.*

Очевидно, шотландцы оставили Макбета и онъ вынужденъ прибѣгнуть къ наемникамъ.

Стр. 501. *Они уходятъ, сражаясь. Отступленіе.*

По первому изданію «Макбетъ падаетъ»—стало быть Макдуффъ убиваетъ его не за сценой. Быть можетъ, это было сдѣлано по желанію публики, желавшей видѣть гибель злодѣя.

Вмѣсто *Отступленіе* слѣдуетъ: «Отбой».

Стр. 502. *Вноситъ Макдуффъ съ головою Макбета на копьѣ.*

У Шекспира говорится только о томъ, что Макдуффъ вноситъ голову Макбета: копье прибавлено издателями, которые тутъ слѣдовали хроникѣ Голлиншеда.

ТИМОНЪ АѲИНСКІЙ.

(Timon of Athens).

Стр. 516.

Живописецъ: *Когда же ваша книга появится?*

Поэтъ: *Какъ только подпишу.*

Поэтъ напечатаетъ свою книгу на средства, полученныя отъ Тимона. Въ шекспировской Англіи большинство поэтическихъ произведеній посвящалось меценатамъ за деньги.

Стр. 517. Поэтъ: *По морю поэзіи свободно мчится онъ.*

Въ подлинникѣ «по восковому морю»; напыщенное краснорѣчіе поэта имѣетъ здѣсь въ виду тѣ покрытыя воскомъ дощечки, на которыхъ писали въ древней Греціи.

Стр. 520. Апемантъ: *Нравится не такъ, какъ чистосердечіе, а между тѣмъ оно не стоитъ человѣку ни копѣйки.*

Въ подлинникѣ plain-dealing—собственно не «чистосердечіе», а «честность»; отвѣтъ Апеманта — намекъ на англійскую пословицу: «честность не драгоцѣнность, но кто ее носитъ, умираетъ нищимъ».

Стр. 521. Тимонъ (гостямъ, которые не садятся):

Друзья, лишь для того
Придуманы законы этикета,
Чтобъ лоскъ бросать на лживыя сердца.

Размѣщеніе за столомъ сообразно положенію было предметомъ мелочныхъ препирательствъ и условностей старо-англійскаго этикета.

Стр. 522. Апемантъ: *Сознались вы — такъ можно васъ повѣсить.*

Апемантъ употребляетъ фразу, которою англійскій судья встрѣчалъ преступника: «Сознайся и будь повѣшенъ».

Стр. 522. Тимонъ: *Ira furor brevis est.*

То есть: гнѣвъ есть кратковременное безуміе.

Стр. 522. Апемантъ: *За обѣдомъ имъ подавать не слѣдуетъ ножей.*

Въ подлинникѣ: ихъ надо приглашать безъ ножей — въ эпоху Шекспира приглашенные являлись со своими столовыми ножами: вилокъ не было.

Водой еще никто не брошенъ въ грязь
Нѣтъ разницы между ней и тѣмъ, чѣмъ я
питаюсь.

т. е. вода не дѣлаетъ человѣка грѣшникомъ, подобно горячительнымъ напиткамъ: между водой и простою ѣдой Апеманта нѣтъ противорѣчія, какое было бы между виномъ и кореньями, которые онъ ѣстъ.

Стр. 527. Сенаторъ: *И обрати вниманіе на числа.*

Точнѣе: «Внеси въ счетъ просроченные дни».

Стр. 529. Шутъ: *Очень мнѣ хотѣлось бы видѣть васъ въ Коринѳѣ.*

Коринѳъ, знаменитый своими легкими нравами, сдѣлался нарицательнымъ названіемъ веселыхъ домовъ.

Стр. 530. Пажъ: *Ты издохнешь отъ голода смертью собаки.*

Апемантъ принадлежитъ къ ц(к)иникамъ, которые названіе получили отъ греч. слова kyon—собака.

Стр. 530. Шутъ:

Онъ духъ, иногда являющійся въ видѣ вельможи, иногда—юриста, иногда—философа.

Въ подлинникѣ грубо прибавлено: «съ двумя камнями кромѣ его философскаго камня».

Стр. 532. Лукуллъ: *Та-та-та!*

Въ подлинникѣ la, la, la, la — восклицаніе, выражающее замѣшательство человѣка, не знающаго, что отвѣтить. Точнѣе было бы перевести «да, да, да».

Стр. 533. Лукуллъ: *Вотъ тебѣ три солидара.*

Шекспиръ выдумалъ это названіе несуществующей аѳинской монеты—вѣроятно по сходству съ римскимъ солидомъ. Ср. также стр. 511–512.

Стр. 536. Слуга: *Подобно тѣмъ людямъ, которые, подъ личиною пламеннаго рвенія, готовы жечь цѣлыя царства.*

Предполагаютъ здѣсь намекъ на тогдашнихъ пуританъ. Пагубный результатъ такого показного благочестія сравнивается съ гнусными слѣдствіями ложной дружбы Семпронія.

Стр. 536. Гортензій: *Люцій, ты?*

На сценѣ не самъ Люцій, а его слуга: слуги назывались часто по имени господъ.

Стр. 538. Филотъ: *Всѣ наши счеты.*

Тимонъ: *Ну, убейте меня ими, разрубите меня до пояса.*

Игра словъ: bill по англійски значитъ и счетъ, и топоръ.

Стр. 539. 1-ый сенаторъ:

. . . . *Это кровавое злодѣйство,*
Умереть обязанъ онъ.

Какъ можно догадаться изъ послѣдующаго, преступленіе друга Алкивіада заключалось въ томъ, что онъ, защищая свою честь, убилъ въ поединкѣ противника.

Стр. 542. Тимонъ: *Кушанья у всѣхъ васъ будутъ одинаковы.*

Въ шекспировскія времена менѣе почетнымъ гостямъ, сидѣвшимъ въ концѣ стола, подавали худшія кушанья.

Вертящимся по вѣтру флюгерамъ.

Въ подлинникѣ minute-jacks: Часовыми Джеками назывались автоматы, отбивавшіе часы на башенныхъ часахъ. Сравнивая своихъ ничтожныхъ гостей съ этими автоматами Тимонъ образуетъ для нихъ презрительное названіе «минутные Джеки».

Стр. 543. 1-ый гость: *То золото дарить, то камнями бросаетъ.*

Вопросъ о томъ, откуда явились камни, о которыхъ до сихъ поръ не было рѣчи, занимаетъ шекспировскихъ комментаторовъ. Такъ какъ въ другомъ *Тимонѣ* (см. предисловіе) герой драмы бросаетъ въ своихъ гостей камнями, раскрашенными на подобіе артишоковъ, то неожиданные камни Шекспира считали описк., вызванной воспоминаніемъ объ этой драмѣ. Быть можетъ, рѣчь идетъ о каменныхъ блюдахъ; быть можетъ, въ нихъ былъ не только кипятокъ, но и камни.

Стр. 544. Тимонъ:

Дай на тебя въ послѣдній разъ взглянуть.
Стѣна, волкамъ служащая оградой!
О, провались ты въ землю.

Деліусъ предлагаетъ сохранять разстановку знаковъ изданія folio:

Дай на тебя въ послѣдній разъ взглянуть.

(это обращено не къ стѣнѣ, а къ Аѳинамъ)

Стѣна, волкамъ служащая оградой.

О, провались ты въ землю.

Стр. 546. Флавій: (*Разсвлъ имъ деньги*).

Изъ послѣдующаго видно, что нѣкоторые слуги колеблются принять деньги.

Стр. 546. Тимонъ: *Изъ-подъ головъ больныхъ подушки вырветъ.*

Намекъ на старый обычай вырывать у умирающихъ подушки, чтобы сократить ихъ предсмертныя мученія. Корыстолюбіе готово продѣлать это и съ менѣе безнадежными.

Стр. 547. Тимонъ:

. . . я тебя

Вновь положу въ твоемъ законномъ мѣстѣ.

Въ подлинникѣ: «сдѣлаю сообразно твоей природѣ», т. е. земля, творящая благодаря золоту, ею приносимому, такъ много зла и раздоровъ, должна сдѣлать сообразное своей природѣ, вновь скрывъ золото: Тимонъ зарываетъ его, хотя оно живуче.

Зовусь я мизантропъ.

Шекспиръ нашелъ въ Плутарховомъ жизнеописаніи Антонія примѣчаніе: Антоній слѣдовалъ жизни и примѣру Тимона мизантропа аѳинянина.

Стр. 551. Апемантъ: *Ненависть ты прежде положилъ на кизиль проныръ.*

Игра словъ, употребляемая Шекспиромъ не разъ: въ англійскомъ произношеніи medlar кизиль и meddler—сводникъ—звучатъ одинаково.

Стр. 554. Тимонъ: *Будь ты единорогъ, тебя погубили бы горность и бѣшенство, и ты сталался бы жертвою своей собственной злости.*

Въ Юліѣ Цезарѣ (д. II, сц. I) мы видѣли уже намеки на повѣрье, что носороговъ ловятъ, доводя ихъ до такого бѣшенства, что разъяренный звѣрь втыкаетъ свой рогъ въ дерево, за которымъ спрятался охотникъ, и ужъ не можетъ освободиться.

Будь ты леопардъ, ты сталался бы родственникомъ льва, и пятна твоего родства составили бы заговоръ противъ твоей жизни

т. е. пятна на шкурѣ леопарда заставили бы его подозрѣвать въ кровномъ родствѣ со львомъ и осудили бы его умереть.

Стр. 556. Тимонъ:

. . . . океанъ—

Воръ: жидкостью своей онъ разрѣшаетъ

Луну въ потокъ соленыхъ слезъ.

Предполагалось, что воздѣйствіе моря на луну вызываетъ на ней соленую росу, которая падаетъ въ море и тѣмъ увеличиваетъ его.

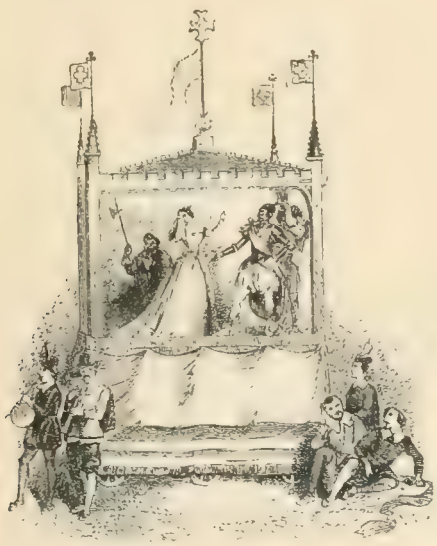
Стр. 564. Солдатъ. . . . . *Должно быть эту штуку построилъ звѣрь.*

Такъ понимаютъ это спорное и изуродованное въ печати мѣсто подлинника одна часть комментаторовъ: сообразно съ другимъ чтеніемъ одинъ изъ нѣмецкихъ переводчиковъ, Гейзе, переводитъ: Пусть это читаетъ звѣрь». Надо сознаться, что всѣ способы установить безспорный текстъ представляются мало удовлетворительными.

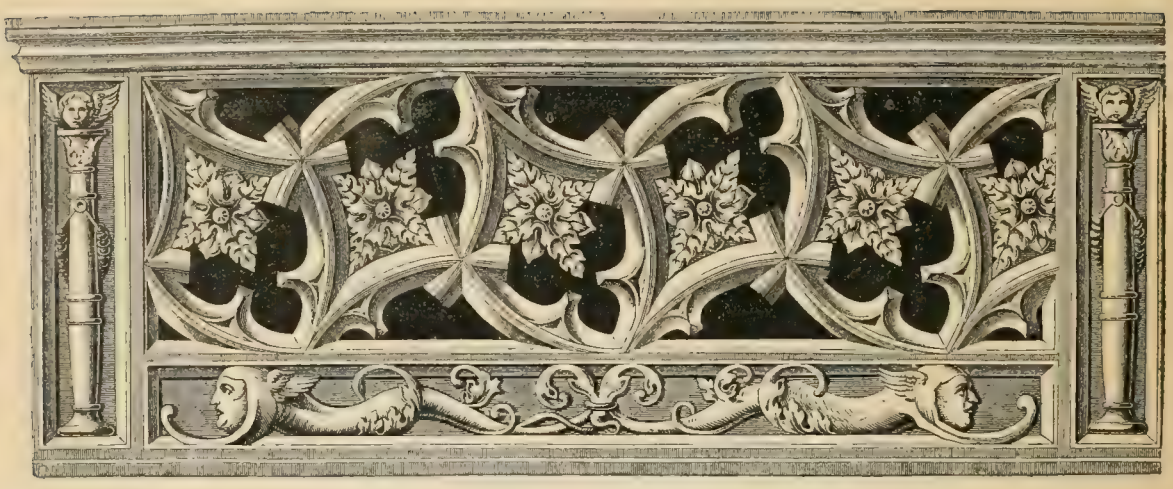
Стр. 565.

Алкивіадъ (читаетъ): *Зовусь покоится жалкое тѣло* и т. д.

Эпитафія взята дословно у Плутарха: точный переводъ ея см. въ введеніи къ «Тимону» (стр. 511).



Передвижная (на колесахъ) сцена временъ Шекспира для уличныхъ представленій.
(Изъ изданія Найта)



Готическій орнаментъ (Нюренбергскій Соборъ).

РИСУНКИ.

I.

Рисунки въ текстѣ.

(стр.

390. Заглавная виньетка къ «Какъ вамъ это понравится». Книжная рамка эпохи Возрожденія. (Работа знаменитаго нѣмецкаго художника *Альбрехта Дюрера* (Albrecht Dürer) Нюрнбергъ, 1523). Русскую подпись стилизовалъ *В. А. Табуринъ*. 1

391. Французскій герцогъ XV вѣка. (Старинный портретъ герцога *Луи де Бурбонъ*, † 1410; Версальская историческая галлерея). 2

392. Французскіе рыцари и герцоги XIV—XV вѣковъ. (Портреты въ версальской исторической галлереѣ: а) слѣва—*Баяра*, 1524; кисти извѣстнаго *Фрагонара*, Fragonard, 1780—1850; б) посрединѣ—маршала *Бурико*, † 1421, кисти извѣстнаго художника *Пико*, F. E. Picot, 1786—1868; в) маршала *Бовоара* † 1453, кисти *Анри Шеффера*—1798—1862). 7

393. Французскій замокъ XIV—XV вѣковъ. (Старинный рисунокъ, воспроизведенный въ «Allgemeine Kunstgeschichte» Куна). 8

394. Орландо готовится къ борьбѣ съ Карломъ. Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Мэклайза* (Daniel Maclise, 1811—1870). 13

395. Орландо побѣждаетъ Карла. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert). 15

396. Розалинда отдаетъ Орландо цѣпь со своей шеи. Картина нѣмецкаго художника *Шверера* (Friedrich Schwörer, 1833—1891) . 17

397. Розалинда отдаетъ Орландо цѣпь со своей шеи. Картина англійскаго живописца конца XVIII в. *Джона Доунмэна* (John Downman). Большая Бойделевская галлерея 19

398. Жакъ наблюдаетъ за раненымъ оленемъ. (Дѣйствіе II, сц. 1). Картина извѣстнаго англійскаго пейзажиста *Вильяма Годжеса*. (W. Hodges, 1744—1797). Большая Бойделевская галлерея 21

399. Орландо: Бодрѣе, добрый Адамъ. (Дѣйствіе II, сц. 6). Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Роб. Смирка* (Rob. Smirke, R. A., 1752—1845). Малая Бойделевская галлерея. 26

400. Семь возрастовъ. (Дѣйствіе II, сц. 7). Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Мэлреди* (The seven Ages, by W. Mulready, R. A., 1786—1863) 31

401. Орландо вѣшаетъ на дерево стихи въ честь Розалинды. Рисунокъ *Джильберта*. 33

402. Оселокъ бесѣдуетъ съ Коринномъ (Дѣйствіе III, сц. 2). Рисунокъ *Джильберта*. 37

403. Оселокъ, Одри и слѣдящій за ними Жакъ. (Дѣйствіе III, сц. 3). Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 41

404. Оселокъ и Одри. Картина англійскаго художника *Джона Петти* (John Pettie, A. R. A., 1839—1893) 43

405. Извѣстная англійская актриса XVIII вѣка Аббингтонъ въ роли Розалинды (M-rs Abbington in Rosalind) 47

406. Розалинда падаетъ въ обморокъ. (Дѣйствіе IV, сц. 3). Картина *Роберта Смирка* (Rob. Smirke, R. A). Малая Бойделевская галлерея 49

407. Оселокъ и Вильямъ. (Дѣйствіе V, сц. I). Рисунокъ извѣстнаго современнаго англійскаго иллюстратора *Бейэма Шоу* (Byam Shaw) 51

408. Пастушка Одри. Картина англійскаго живописца *Филиппа Ричарда Морриса*. (Philipp Richard Morris, R. A., p. 1838) . . 55

РИС.

409. Розалинда (Орландо): Я отдаюсь вамъ, потому что я ваша. (Дѣйствіе V, заключит. сцена). Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Вильяма Гамильтона*. (William Hamilton. 1751—1801). 57

410. Заглавная виньетка къ Гамлету: Книжный орнаментъ эпохи Ренесанса (издательская марка, работы мастерской братьевъ *Бернардини* въ Венеціи. 1498 (Fratelli Bernardini detti gli Albanesotti. Venezia. 1498). Русскія буквы стилизованы 59

411. Замокъ въ Эльсинорѣ (Кронборгъ) . . 60

412. Такъ называемая «Могила Гамлета» въ окрестностяхъ Эльсинора. . . . 79

413. Гамлетъ и Тѣнь. (Дѣйствіе I, сц. 4). Картина знаменитаго англо-швейцарскаго художника *Фюсли* (Johann Heinrich Füssli Fuseli 1742—1825). (Большая Бойделевская галлерея 89

414. Гамлетъ и Тѣнь. Изъ серіи литографій къ «Гамлету» знаменитаго французскаго живописца *Еженя Делакруа* (Eugene Delacroix. 1798—1863). 93

415. Гамлетъ. Картина извѣстнаго французскаго художника *Шарля Лемана* (Charles Ernest Rodolphe Lehman. 1814—1882) . 97

416. Офелія. Статуя извѣстнаго французскаго скульптора *Фальгіера* (Jean Alexandre-Joseph Falguière, 1831—1900). . . 105

417. Знаменитый нѣмецкій актеръ Барнай (Barnay) р. 1842) въ роли Гамлета . 107

418. Знаменитый англійскій актеръ Ирвингъ (Sir Henry Irving p. 1838) въ роли Гамлета (Дѣйствіе II, сц. 2). Съ картины англійскаго художника *Эрмитажа* (Armytage) . 109

419. Создатель роли Гамлета въ Германіи знаменитый актеръ *Брокманъ* (Brockmann. 1745—1812) въ сценѣ представленія. Гравюра знаменитаго нѣмецкаго гравера *Ходовецкаго* (Chodowetzky. 1725—1801) 111

420. Сцена представленія. Картина современнаго англійскаго художника *Эбби* (Abbey). 113

421. Гамлетъ и мать (Дѣйствіе III, сц. 4) Изъ литографій *Еженя Делакруа* . . . 115

422. Гамлетъ: Какъ, мышь! (Дѣйствіе III, сц. 4) Знаменитый англійскій актеръ *Кембль* (Kemble. 1757—1823), въ роли Гамлета. 117

423. Появленіе Тѣни во время разговора Гамлета съ матерью (Дѣйствіе III, сц. 4) Картина *Ричарда Вестоля* (Richard Westall, 1765—1836) Малая Бойделевская галлерея. 118

424. Гамлетъ: Ты жалкій суетливый шутъ, прощай! (Дѣйствіе III, сц. 4). Изъ литографій *Еженя Делакруа* (Eugène Delacroix) . . 119

425. Безумная Офелія предъ королемъ и королевой. Картина извѣстнаго англійскаго художника *Бенджамина Уэста* (Benjamin West, R. A., 1738—1820). Малая Бойделевская галлерея. 121

426. Безумная Офелія предъ королемъ и королевой. Картина знаменитаго нѣмецкаго художника *Ганса Макарта* (Hans Mackart. 1840—1884). 123

427. Офелія предъ королемъ и королевой. Изъ извѣстныхъ въ 1840-хъ г.г. рисунковъ очерками нѣмецкаго художника *Реча* (Moritz Retch. 1779—1857). 125

428. Офелія. Картина извѣстнаго французскаго художника *Шарля Лемана* (Charles Lehmann) 127

РИС.

429. Офелія. Картина извѣстнаго современнаго англійскаго художника *Марка Стона* (Marcus Stone, род. 1840) 129

430. Офелія у рѣки. Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Артура Юза* (Arthur Hughes, род. 1832) 131

431. Офелія у рѣки. Картина *Ричарда Вестоля* (Richard Westall). Малая Бойделевская галлерея 135

432. Извѣстный англійскій актеръ *Чарльзъ Кинъ* (Charles Keane) въ роли Гамлета. 137

433. Бѣдный Іорикъ. Картина извѣстнаго нѣмецкаго художника *Шехта* (Fr. Pecht, род. 1814) 141

434. У могилы Офеліи. Очерки перомъ *М. Ретча* (Moritz Retch) 141

435. Заглавная виньетка къ «Юлію Цезарю». Юлій Цезарь. Колоссальная античная статуя Юлія Цезаря въ Неаполитанскомъ музеѣ. 145

436. Богиня города Рима—Рома (Roma). Античная статуя (Лувръ). . . . 146

437. Концовка. (Стилизована въ античномъ стилѣ) 157

438. Развалины Римскаго форума. Съ фотографіи 158

439. Юлій Цезарь. Античный бюстъ въ Лондонскомъ Британскомъ музеѣ . . . 159

440. Маркъ Юній Брутъ. Античная статуя въ Капитолійскомъ музеѣ. 161

441. Маркъ Туллій Цицеронъ. Античная статуя въ Мадридскомъ музеѣ. . . 165

442. Монеты съ изображеніемъ Цезаря въ Римѣ. 167

443. Римскіе ликторы 168

444. Видъ на древній Римъ со стороны Тибра. Гравюра *Сарджента* (Sargent) 1840. 169

445. Брутъ. Статуя *Микель Анджело* (1475—1564). Національный музей во Флоренціи. 171

446. Порція. Картина знаменитаго англійскаго живописца *Альмы Тадемы* (Alma Tadema, род. 1836) 173

447. Внутренность дома знатнаго римлянина (Реставрація *Поля Бенара*). 177

448. Римская матрона эпохи конца республики. Античная статуя въ Дрезденскомъ Альбертинумѣ 179

449. Римскій гражданинъ эпохи конца республики. Античная статуя въ Лондонскомъ Британскомъ музеѣ 181

450. Маркъ Антоній. Античная статуя въ Ватиканскомъ музеѣ 183

451. Антоній у трупа Цезаря. Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Ричарда Вестоля* (Rich. Westall, R. A., 1765—1836). Малая Бойделевская галлерея 185

452. Римскій форумъ въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Х. Реставрація нѣмецкаго архитектора *Релендера* (Georg Rehlender, род. 1845) . . . 189

453. Знаменитый нѣмецкій актеръ *Барнай* въ роли Антонія. (Рѣчь къ народу). Картина знаменитаго англійскаго живописца *Альмы Тадемы* (Alma Tadema, род. 1836) 191

454. Предполагаемые бюсты Порціи и ея отца—Катона Утическаго. (Надгробный памятникъ конца 1 вѣка до Р. Х.) 193

455. Молодой Октавій. Античная статуя въ Мюнхенской Глиптотекѣ 195

456. Маркъ Эмилій Лепидъ. Античный бюстъ въ Капитолійскомъ музеѣ 197

стр.

457. Динарій съ изображеніемъ Брута. Чеканенъ въ Азіи. На оборотѣ два кинжала и шапка свободы: надпись: Eid. Mar. т. е. Иды Марта. 199

458. Брутъ и тѣнь Цезаря. Картина *Р. Вестоля* (R. Westall. R. A.) Малая Бойделевская галлерея 201

459. Динарій съ изображеніемъ Антонія и Октавія 202

460. Римскіе воины. (Но Racinet, Le costume historique) 203

461. Римскій легіонеръ. (Реконструкція Линденшмидта въ римско-германскомъ музеѣ въ Майнцѣ) 205

462. Отборная часть Римскаго войска (Преторіанцы) Античный барельефъ (Лувръ). 207

463. Брутъ бросается на свой мечъ. Картина *Р. Вестоля* (R. Westall. R. A.). Малая Бойделевская галлерея. 209

464. Концовка. (Стилизована въ античномъ вкусѣ). 210

465. Заглавная виньетка къ «Мѣра за мѣру». Южно-нѣмецкій герцогъ-законодатель XVI вѣка. (Заглавный листъ Баварскаго Земскаго Уложенія, изданнаго въ 1553 г.: приписывается *Гансу Милиху* (Hans Mielich, 1516—1573) 211

466. Старинная Вѣна. Съ гравюры XVII вѣка. 212

467. Нѣмецкій солдатъ (ландскнехтъ) XVI вѣка (по гравюрѣ того времени) . . . 220

468. Книжная рамка эпохи нѣмецкаго Ренессанса. Работы знаменитаго нѣмецкаго художника *Альбрехта Дюрера* (Albrecht Dürer, 1471—1528) 221

469. Луціо и два дворянина. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 222

470. Нѣмецкій шутъ XVI вѣка. Придворный шутъ императора Максимиліана I; гравюра извѣстнаго нѣмецкаго гравера *Даніила Гопфера* (Daniel Hopfer, † 1536) 225

471. Изабелла и Франциска. Рис. *Джильберта* (Gilbert) 227

472. Нѣмецкая монахиня XV—XVI вѣковъ. Картина знаменитаго нѣмецко-нидерландскаго художника *Ганса Мемлинга* (Hans Memling, 1430—1494) 229

473. Австрійскій правитель XV—XVI вѣка. Изъ «Weisskunig'a» собранія гравюръ знаменитаго нѣмецкаго художника *Ганса Буркмайера* (Hans Burgkmair. 1473—1531), иллюстрирующихъ жизнь императора Максимиліана I. 231

474. Шутъ, Шинка и Локоть передъ Эскаломъ. Картина извѣстнаго англійскаго жанриста *Роберта Смирка* (Rob. Smirke, R. A.. 1752—1845). Большая Бойделевская галлерея. 233

475. Локоть, шутъ и Шинка передъ Эскаломъ. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert). . 235

476. Анджело и Изабелла. Картина *Роберта Смирка* (Rob. Smirke, R. A.) Малая Бойделевская галлерея. 241

477. Анджело: Ложь моя твою осплитъ правду. (Дѣйствіе II, сц. 4). Рисунокъ современнаго англійскаго иллюстратора *Бэйэма Шоу* (Byam Shaw) 243

478. Нѣмецкій юноша XV—XVI вѣковъ. Картина знаменитаго нѣмецкаго художника *Ганса Мемлинга* (Hans Memling. 1430—1491). 245

стр.

479. Южно-нѣмецкія (Базельскія) женскія одежды XVI вѣка. Рисунокъ знаменитаго нѣмецкаго художника *Ганса Гольбейна* младшаго (Hans Holbein. 1497—1543). 248

480. Южно-нѣмецкія (Базельскія) женскія одежды XVI вѣка. Рисунокъ *Ганса Гольбейна* младшаго (Hans Holbein) . . . 249

481. Изабелла. Картина современнаго англійскаго художника *Тифэма* (E. W. Tepham) 251

482. Нѣмецкій солдатъ (ландскнехтъ) XVI вѣка. По гравюрѣ того времени. 254

483. Маріанна. Рисунокъ современнаго англійскаго иллюстратора *Бэйэма Шоу* (Byam Shaw) 255

484. Мерзило, шутъ и профосъ (Дѣйствіе IV, сц. 2). Картина *Роберта Смирка* (Rob. Smirke. R. A.). Малая Бойделевская галлерея. 257

485. Смертная казнь въ Австріи XV—XVI вѣковъ. Изъ «Weisskunig'a» собранія гравюръ знаменитаго нѣмецкаго художника *Ганса Буркмайера* (Hans Burgkmair. 1473—1531) иллюстрирующихъ жизнь императора Максимиліана I. 261

486. Нѣмецкій солдатъ XV—XVI вѣковъ. (По гравюрѣ того времени). . . . 264

487. У городскихъ воротъ старой Вѣны. Изъ изданія Наита 265

488. Въ монахѣ Людовикѣ всѣ узнаютъ герцога. (Дѣйствіе V, сц. I). Картина англійскаго живописца *Т. Кирка* (Thomas Kirk. † 1797). Большая Бойделевская галлерея . 271

489. Знаменитая англійская актриса *Сиддонсъ* (Siddons, 1775—1831) въ роли Изабеллы. Рисунокъ *Рамберга* (Henry Ramberg, 1763 1840) 273

490. Заглавная виньетка къ «Отелло» современной англ. художницы *Энниъ Бель* (Anning Bell) 000

491. Венеціанскій генералъ. (Изъ Cesare Vecellio. Habiti Antichi e Moderni. Венеція. 1589.) 275

492. Итальянскій солдатъ XVI вѣка въ полномъ вооруженіи. Венеціанскій сенаторъ. Итальянскій гарнизонный солдатъ XVI вѣка. (Изъ книги Cesare Vecellio Habiti Antichi e moderni. Венеція. 1598). 288

493. Дворецъ дожей въ Венеціи. (Фасадъ со стороны Пьяцетты) 289

494. Старая Венеція (Старый мостъ Піальто). Картина извѣстнаго венеціанскаго живописца начала XV столѣтія *Витторе Карпаччіо* (Vittore Carpaccio); изъ его цикла «Чудеса Святаго креста» 295

495. Знатный венеціанецъ. Картина Тиціана (Ticiano Vecellio, 1477—1576) 297

496. Венеціанскій дожъ. Портретъ дожа *Андрея Гритти*, 1523—1538; кисти *Тиціана* (Ticiano Vecellio). 299

497. Отелло защищаетъ себя отъ обвиненій Брабанціо. Картина извѣстнаго нѣмецкаго живописца, президента Берлинской академіи, *Карла Бекера* (Karl Becker, род. 1820) 301

498. Отелло разсказываетъ о своихъ приключеніяхъ Дездемонѣ и ея отцу. Картина извѣстнаго англійскаго художника *Копа* (Cope) 304

499. Монтано и офицеры на пристани. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 305

Рис.

500. Встрѣча Дездемоны и Отелло въ Кипрѣ. Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Стотгарда* (Stothard 1755—1834). Большая Бойделевская галлерея 309

501. Венеціанка, по типу подходящая къ Дездемонѣ. Картина знаменитаго художника венеціанской школы *Пальмы* старшаго (Palma Vecchio, 1480(?)—1528) 313

502. Знаменитый американскій трагикъ 1850-хъ гг. негръ *Ира Олдриджъ* (Ira Aldridge) въ роли Отелло. 317

503. Главный городъ Кипра—Фамагуста (Изъ изданія Найта). 318

504. Видъ на Кипръ. Гравюра *Сарджента* 1810-хъ гг. (Sargent) 319

505. Знаменитый американскій актеръ *Эдвинъ Бутсъ* (Edwin Booth 1833—1893) въ роли Яго 321

506. Знаменитый англійскій актеръ *Макреди* (Macready 1793—1873) въ роли Яго . 329

507. Заставка извѣстнаго современнаго иллюстратора *Бэйлза Шоу* (Bayam Shaw) къ IV д. Отелло 335

508. Отелло и Дездемона. (Дѣйствіе IV, сц. 2). Картина извѣстнаго живописца *Роберта Кера Портера* (Robert Kere Porter, 1777—1842). Малая Бойделевская галлерея . 337

509. Дездемона. Картина знаменитаго живописца, *лорда Фредерика Лейтона* Lord Frederick Leighton, P. R. A., 1830—1896) . 343

510. Дездемона на молитвѣ. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 348

511. Отелло передъ убійствомъ. Картина *Дж. Бойделя* (Josiah Boydell, 1750—1817). Большая Бойделевская галлерея. 349

512. Отелло передъ убійствомъ Дездемоны. Картина извѣстнаго нѣмецкаго художника проф. *Генриха Гофмана* (Heinrich Hofmann, род. 1824) 353

513. Отелло передъ убійствомъ. Картина англійскаго художника *Джосіи Бойделя* (Josiah Boydell, 1750—1817). Малая Бойделевская галлерея 357

514. Отелло передъ убійствомъ Дездемоны. Картина извѣстнаго нѣмецкаго художника *Фердинанда Пилоти* (Ferdinand Piloty, 1828—1895) 359

515. Король Лиръ. Заглавная виньетка къ «Королю Лиру» извѣстнаго англійскаго иллюстратора сэра *Джона Джильберта* (sir John Gilbert, род. 1817) 363

516. Такъ называемая теперь «Шекспировская скала» (Shakespeare's Cliff) въ Дувр. (Король Лиръ, Дѣйствіе IV, сц. 6) . . . 364

517. Древне-британскіе (англо-саксонскіе) воины. Рисунокъ XI вѣка 372

518. Древне-англійское оружіе. (Виньетка изъ изданія Найта) 373

519. Лиръ отрекается отъ Корделіи. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 374

520. Лиръ отрекается отъ Корделіи. Картина *Іоганна Генриха Фюсели* (Johann Heinrich Füssli—Fuseli, R. A., 1742—1825). Большая Бойделевская галлерея 377

521. Корделія разстается съ сестрами. Картина *Роберта Смирка* (Rob. Smirk, R. A. 1752—1845). Малая Бойделевская галлерея 381

522. Знаменитый англійскій актеръ сэръ *Генри Ирвингъ* (sir Henry Irving, род. 1838) въ роли Лира 389

523. Регана: Да и повторить мои слова готова. (Дѣйствіе II, сц. IV). Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 397

524. Знаменитый [illegible] *Барнэй* (Barnay, род. 1842) въ роли Лира 409

525. Кентъ и джентльменъ. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) . . . . . 40[illegible]

526. Лиръ:
Гроза, бушуй
Все потрясающій, разбей природу всю.
Расплюсни разомъ толстый шаръ земли
И разбросай по вѣтру сѣмена.
Родящія людей неблагодарныхъ.
Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 401

527. Лиръ и его спутники у шалаша Эдгара. Картина *Роберта Смирка* (Robert Smirke, R. A. 1752—1845). Малая Бойделевская галлерея 404

528. Эдгаръ: Вотъ я его, вотъ я его, еще разъ, и еще разъ, и еще разъ! Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 405

529. Лиръ и его спутники въ степи. (Дѣйствіе III, сц. 4). Картина президента Англ. Академіи Художествъ *Бенжамина Уеста* (Benjamin West, P. R. A., 1738—1820). Большая Бойделевская галлерея 409

530. Лиръ въ шалашѣ Эдгара. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 411

531. Эдгаръ. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 413

532. Знаменитый нѣмецкій актеръ [illegible]*Ифланъ* (Iffland, 1759—1814) въ роли Лира. 415

533. Лиръ въ безуміи. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 417

534. Лиръ въ безуміи. Картина *Константина Маковскаго* (Konstantin Makowsky, род. 1839) 419

535. Корделія. Картина англійскаго художника *Іемса* (W. F. Yems, род. 1835) . . 421

536. Корделія. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 423

537. Корделія у постели Лира. Картина англійскаго художника *Марка Стоуна* (Marcus Stone, род. 1840). 425

538. Лиръ узнаетъ Корделію. Картина *Роберта Смирка* (Robert Smirke, R. A.) Малая Бойделевская галлерея. 427

539. Эдмундъ во главѣ войска Реганы. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 428

540. Знаменитый итальянскій трагикъ *Эрнесто Росси* (Ernesto Rossi, 1829—1896) въ роли Лира 433

541. Лиръ съ трупомъ Корделіи. Картина англо-ирландскаго живописца *Барри* (J. Barry, R. A. 1741—1816). Большая Бойделевская галлерея 436

542. Лиръ надъ трупомъ Корделіи. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 437

543. Изъ незаконченныхъ этюдовъ къ «Лиру» *Каульбаха* (Wilhelm v. Kaulbach, 1805—1874) 438

544. Заглавная виньетка къ Шиллеровскому переводу «Макбета» мюнхенскаго проф. *Рудольфа Зейтца* (Rudolph Seitz, род. 1842) 439

545. Оставшійся незаконченнымъ эскизъ *Каульбаха* (Wilhelm von Kaulbach, 1805—1874) [illegible] . . . . . [illegible]

546. [illegible] 456

стр.

547. Шотландскіе воины. (Постановка «Макбета» на Лондонскомъ театрѣ Lyceum» труппою знаменитаго трагика сэра *Генри Ирвинга* въ 1888 г.) 457

548. Макбетъ, Банко и вѣдьмы. Картина знаменитаго англо-швейцарскаго живописца *Фюсли* (Henry Fuseli, 1742—1825). Большая Бойделевская галлерея 458

549. Пляска вѣдьмъ. (Дѣйствіе I, сц. III). Картина извѣстнаго англійскаго художника *Ричарда Вестоля* (Richard Westall, 1765—1836). Малая Бойделевская галлерея . . 461

550. Леди Макбетъ получаетъ письмо отъ мужа. (Дѣйствіе I, сц. 5). Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Ричарда Вестоля* (Richard Westall, 1765—1836) . . . 465

551. *Генри Ирвингъ* (Sir Henry Irving) въ роли Макбета 467

552. Знаменитый англійскій актеръ *Гаррикъ* (David Garrick, 1716—1779) въ роли Макбета 469

553. Знаменитый англійскій трагикъ *Кинъ* (Edmund Kean, 1787—1833) въ роли Макбета 471

554. Знаменитый англійскій актеръ *Макклинъ* (Maclin 1690—1797) въ роли Макбета. 473

555. Концовка *Джильберта* (Gilbert) къ II дѣйствію «Макбета» 475

556. Шотландскій танецъ. (Постановка Макбета» *Ирвингомъ* въ 1888 г.) . . . 476

557. Знаменитый англійскій актеръ *Макреди* (Macredy, 1793—1873) въ роли Макбота 477

558. Тѣнь Банко является Макбету. Картина *Ричарда Вестоля* (Richard Westall. R. A. 1765—1836). Малая Бойделевская галлерея 481

559. Геката и три вѣдьмы. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 483

560. Макбетъ въ пещерѣ вѣдьмъ. Картина знаменитаго англійскаго художника *Рейнольдса* (Sir Joshua Reynolds, P. R. A., 1723—1792). Большая Бойделевская галлерея 287

561. Знаменитая итальянская актриса *Аделаида Ристори* (Ristori, 1822—1902) въ роли леди Макбетъ 191

562. Леди Макбетъ, въ состояніи сомнабулизма, старается смыть кровавыя пятна съ руки. Картина *Ричарда Вестоля* (Richard Westall, R. A.). Малая Бойделевская галлерея 195

563. Знаменитая англійская актриса *Сиддонсъ* (Siddons, 1755—1831) въ роли леди Макбетъ. (Дѣйствіе 5, сц. 1) 197

564. Донзинанъ и Бирманскій лѣсъ. Рисунокъ *Сарожента* (Sargent) 499

565. Провозглашеніе Малькольма королемъ (Постановка «Макбета» труппою Ирвинга въ 1888 г.) 501

566. Голова Макбета въ рукахъ Макдуффа. Концовка *Джильберта* (Gilbert) . 502

567. Тимонъ Аѳинскій. Заглавная виньетка къ Тимону Аѳинскому сэра *Джона Джильберта* (sir John Gilbert) 503

568. Развалины Парѳенона. (Храмъ Аѳины въ Аѳинскомъ Акрополѣ) 504

569. Стилизованная въ греческомъ вкусѣ рамка нѣмецкаго художника, проф. *Рейхгольда* (Reichhold) 513

570. Тимонъ и просители. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 515

стр.

571. Тимонъ раздающій гостямъ подарки. Картина англійскаго художника *Говарда* (H. Howard, 1769—1847). Малая Бойделевская галлерея 523

572. Внутренній видъ дома богатаго грека V—IV вѣковъ (Реставрація) 527

573. Аѳинскій Акрополь. Реставрація нѣмецкаго архитектора проф. Релендера (Rehlender, род. въ 1845). 1. Парѳенонъ. 2. Эрехтеонъ. 3. Пропилеи. 4. Храмъ побѣды (*Ники*). 529

574. Греческій воинъ. Античная статуя (IV вѣка) Менелая во Флоренціи . . . 535

575. Греческій полководецъ. (Александръ Великій). Античная статуя въ Неаполитанскомъ Museo Nazionale 537

576. Греческій воинъ въ полномъ вооруженіи. Античный барельефъ въ Аѳинскомъ національномъ музеѣ 543

577. Тимонъ, проклинающій Аѳины. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 514

578. Тимонъ проклинаетъ Аѳины. Картина извѣстнаго англійскаго художника *Говарда* (Henry Howard, 1769—1847). Малая Бойделевская галлерея 545

579. Знаменитый англійскій актеръ *Кембль* въ роли Тимона (John Kemble, 1757—1823). Рисунокъ *Рамберга* (Henry Ramberg, 1765—1840) 547

580. Тимонъ даетъ золото Фринѣ и Тимандрѣ. Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Опи* (John Opie, R. A., 1761—1807). Большая Бойделевская галлерея 551

581. Тимонъ и Апемантъ. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 553

582. Тимонъ въ своей пещерѣ. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 559

583. Тимонъ, живописецъ и поэтъ. Рисунокъ англійскаго художника *Рольстона* (I. M. L. Ralston) 560

584. Передвижная сцена временъ Шекспира 589

585. Заставка Готическій орнаментъ (Нюренбергскій соборъ) 590

586. Книжная рамка эпохи Ренесанса . . 596

II.

Автотипіи на отдѣльныхъ листахъ.

21. Семь возрастовъ («Какъ вамъ это понравится») *Робертъ Смирке* (Seven ages). («As you like it». Robert Smirke R. A.).

22. Знаменитые актеры новѣйшаго времени въ роли Гамлета. *Мунэ-Сюлли* (Mounet Sully p. 1841). *Эрнесто Росси* (Ernesto Rossi, 1829—1896). *Сара Бернаръ* (Sarah Bernhardt, p. 1844).

23. Сцена представленія. («Гамлетъ», Дѣйствіе III, сц. 2). Картина извѣстнаго англійскаго художника *Мэклайза* (Maclise, 1811—1870).

24. Офелія. Картина проф. *Константина Маковскаго* (Konstantin Makowsky, p. 1839).

25. Офелія. Картина извѣстнаго нѣмецкаго художника *Виктора Мюллера* (Victor Müller, 1829—1871).

26. Офелія. Картина *А. Д. Литовченки*, (1835—1890).

27. Знаменитыя актрисы новѣйшаго времени въ роли Офеліи. *Эллэнъ Терри* (Ellen Terry) и *Модржевская* (Modjeska).

28. Знаменитый англ. актеръ *Кемблъ* (John Kemble, 1757—1823) въ роли Гамлета. Портретъ кисти знаменитаго англійскаго художника сера *Томаса Лауренса* (Sir Thomas Lawrence, 1769—1830).

29. Гамлетъ и могильщики. Картина знаменитаго французскаго художника *Делакруа* (Eugène Delacroix, 1798—1863).

30. Смерть Юлія Цезаря. Картина знаменитаго нѣмецкаго художника *Вильгельма фонъ-Каульбаха* (Wilhelm v. Kaulbach, 1805—1874).

31. Рѣчь Антонія у трупа Цезаря. Картина нѣмецкаго художника *Цика* (Alexander Zick, p. 1845).

32. Макбетъ передъ послѣднимъ боемъ. Картина *Вильгельма фонъ-Каульбаха* (Wilhelm von Kaulbach).

33. Леди Макбетъ. (Дѣйствіе V, сц. 1). Рисунокъ *Вильгельма фонъ-Каульбаха* (Wilhelm von Kaulbach, 1805—1874).

34. Пиръ у древнихъ грековъ. Картина знаменитаго нѣмецкаго художника *Анзельма Фейербаха* (Anselm V. Feuerbach, 1829—1880).

III.

Геліогравюры, фотогравюры и хромолитографіи.

20. Знаменитый актеръ В. А. Каратыгинъ (1802—1853) въ роли Гамлета. (Изъ коллекціи Юр. Ал. Вѣляева).

21. Офелія. Картина извѣстнаго англійскаго художника *Редгрева* (Redgrave).

22. Офелія. Картина извѣстнаго нѣмецкаго художника *Фердинанда Пилоти* (Ferdinand Piloty, 1828—1895).

23. Офелія. Картина знаменитаго англійскаго художника-прерафаэлита *Миллэ* (Sir John Everett Millais, 1829—1896).

24. Бѣдный Горикъ. Картина извѣстнаго французскаго художника *Даньяна-Бувре* (Dagnan Bouveret, p. 1852).

25. Смерть Юлія Цезаря. Картина знаменитаго французскаго художника *Жерома* (J. L. Gerôme, p. 1824).

26. Клавдіо и Изабелла (Мѣра за мѣру). Картина извѣстнаго художника-прерафаэлита *Гольмана Гента* (Holman Hunt, p. 1827).

27. Отелло разсказываетъ Дездемонѣ и ея отцу о своихъ приключеніяхъ. Картина извѣстнаго нѣмецкаго художника, президента берлинской академіи художествъ *Карла Беккера* (Karl Becker, p. 1820).

28. Лиръ отрекается отъ Корделіи. Картина знаменитаго англійскаго художника *Мадокса Брауна* (Ford Madox Browne, 1821—1893).

29. Король Лиръ. (Король, король отъ головы до пятокъ...). Картина знаменитаго русскаго художника проф. И. Е. Рѣпина (р. 1844).

30. Макбетъ, Банко и Вѣдьмы. Рисунокъ знаменитаго нѣмецкаго художника *Вильгельма фонъ-Каульбаха* (Wilhelm v. Kaulbach, 1805—1874).

Отъ редакціи.

По ошибкѣ, въ заглавной виньеткѣ, а также въ оглавленіи II тома переводъ „Двѣнадцатой ночи“ приписанъ П. И. Вейнбергу. Въ дѣйствительности, переводъ принадлежитъ А. И. Кронебергу.

Начиная съ 21-го листа II-го тома, въ работахъ по иллюстрированію настоящаго изданія Шекспира принимаетъ участіе художникъ Л. С. Бакстъ.

Оглавленіе III тома.

I. *Какъ Вамъ это понравится* перев. **П. Вейнберга**, съ предисл. прив. доц. **Е. В. Аничкова** 1

II. *Гамлетъ* перев. **А. Кронеберга**, съ предисл. прив. доц. **М. И. Розанова** 59

III. *Юлій Цезарь* перев. **П. Козлова**, съ предисл. **Л. И. Шестова** и проф. **Ѳ. Ф. Зелинскаго** 145

IV. *Мѣра за мѣру* перев. **Ѳ. Миллера** съ предисл. **Юрія Веселовскаго** . 211

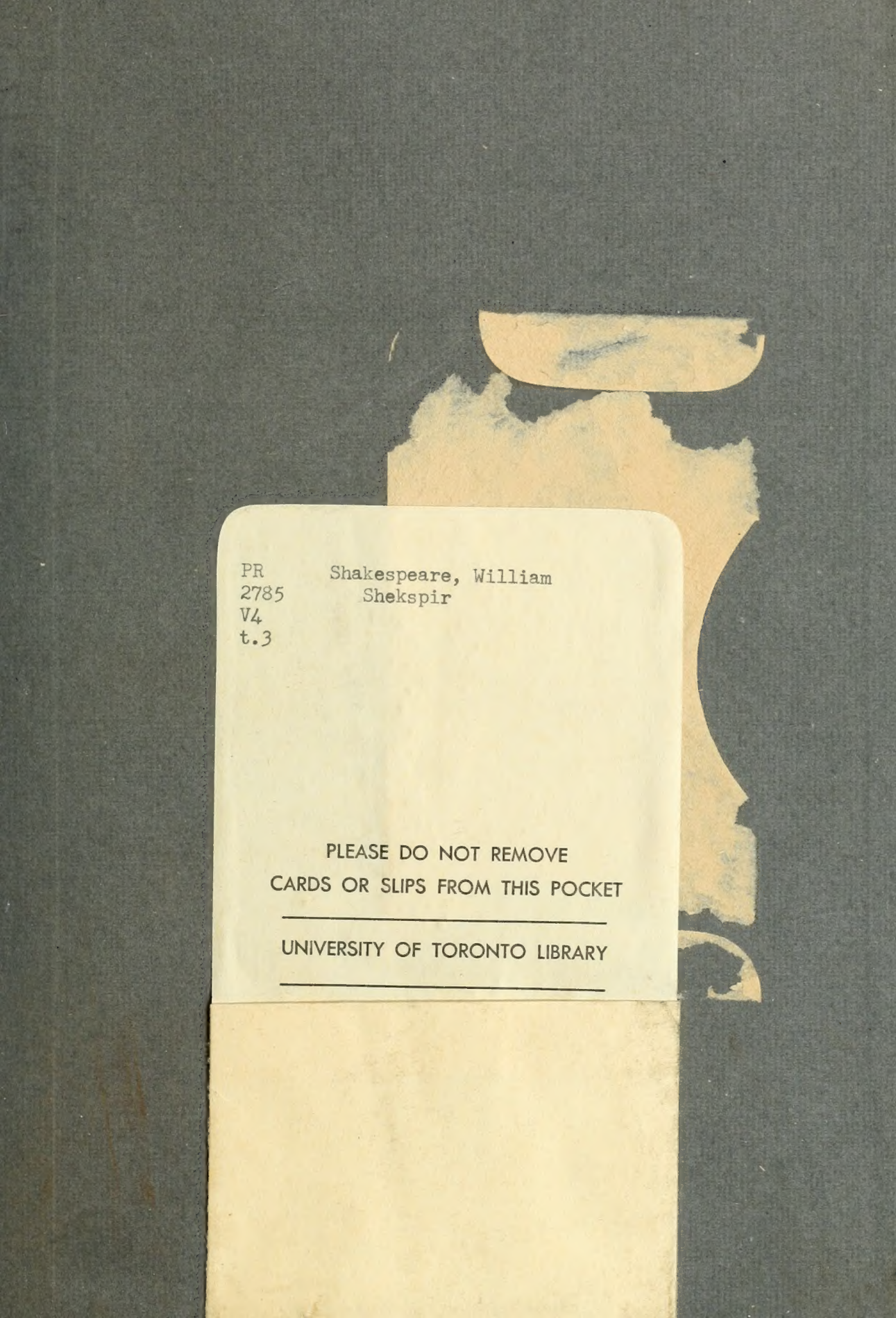
V. *Отелло* перев. **П. Вейнберга**, съ предисл. **Л. А. Полонскаго** 275

VI. *Король Лиръ* перев. **А. Дружинина** съ прим. проф. **И. И. Стороженки** 363

VII. *Макбетъ* перев. **А. Кронеберга**, съ прим. проф. **А. И. Кирпичникова** 439

VIII. *Тимонъ Аѳинскій* перев. **П. Вейнберга**, съ предисл. **Э. Л. Радлова** . 503

IX. *Примѣчанія къ III тому* **Зин. Венгеровой**, **С. А. Венгерова**, **А. Г. Горнфельда** и **М. И. Розанова**. 566


PR
2785
V4
t.3

Shakespeare, William
Shekspir

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY